

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2018. 48(2)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия
Соучредитель – Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

Подписано в печать 01.06.2018 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 13,1.
Заказ № 53.

E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY (FORETIME). 2018. 48(2)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic
Co-publisher – Sochi State University, Russian Federation

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the journal site:
www.en.bg.sutr.ru
Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Approved for printing 1.06.2018

Ych. Izd. l. 22. Ysl. pech. l. 13,1.
Order № 53.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum L.A. Bobrov, A.K. Kushkumbayev, A.V. Salnikov	443
Results of Interdisciplinary Research of Hillfort «Toyanov Gorodok» E.V. Vodyasov, O.V. Zaitceva	456
The Highland's Socio-Cultural Heritage in the Context Of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society's Political Development. Part 2 P.A. Merkulov, E.A. Turin, E.N. Savinova, N.G. Akatova	465
To the Scientific Organizations Funding History in Russia: Academic Privilege for Calendars Issue (1728–1865) A.Y. Skrydlov	474
Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century S.V. Lyubichankovskiy, K.G. Akanov	484
Geographical Factors of Formation of Agriculture in the Baikal Region in the XVII–XIX centuries M.V. Ragulina, N.V. Rogovskaya, M.A. Grigorieva, N.A. Ippolitova	496
The Historical and Ethno-Demographic Situation Of Kyrgyz Nation in Kazakhstan M.T. Raimbekova, G.S. Bedelova	505
Novo-Nakhichevan Magistrate: Origin, Structure, Functions L.V. Batiev, S.S. Kazarov	518
Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822) N.D. Borshchik, E.V. Latysheva, D.A. Prohorov	528
Eastern Georgia and the Protectorate of the Russian Empire (1783-1801): Terms, Features and Outcomes of Political Interaction A.T. Urushadze, A.A. Cherkasov, A. Valleau	538
A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries A.I. Kashirin, A.S. Semenov, V.V. Strenalyuk	549
The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, N.V. Svechnikova, J. Gut	558
Letters as a Source of Propaganda during the Kakheti Uprising of 1812 G. Rajović, D.O. Ezhevski, A.G. Vazerova, M. Trailovic	570
The Development of School Education in the Turgay Region in the second half of the nineteenth century G.U. Karpykova, B.M. Utegenova, S.O. Ospanov	576
From the Russian Pre-revolutionary Historiography of the Great Silk Road O.H. Mukhatova, N.N. Kurmanalina, I.S. Dulatova	588
The Imperial Russian Technical Society Activities, Aimed at the National Industry Development (the second half of XIX – beginning of XX centuries) A.F. Smyk, E.I. Makarenko	598

Features of Migration Processes and their Influence on the Formation of the Working Class in Russia in the second half of XIX – early XX centuries O.V. Ustinova, V.E. Dudin	610
Formation and Development of the Social Control System in the Steppe Krai in the second half of the XIX – early XX century I.V. Anisimova	618
Seamen in the Gasp-Tekinskoy Expedition Y.F. Katorin, A.P. Nyrkov, V.B. Karataev	628
The Problem of Nihilism on the Pages of the Regional Church Periodicals (based on the Materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870–1890s) A.E. Kotov, V.V. Kalinovsky	639
Imperial, Soviet, and Post-Soviet Modernization B.N. Mironov	647
Migration of Russian Peasants to the East Regions of Kazakhstan at the late XIX – beginning of the XX century (the Historic Significance) G.M. Karasayev, K.A. Yensenov, A.M. Auanasova, K.J. Nurbai	677
The Role of the Merchant Class in the Development of the Provincial City of Akmolinsk (the second half of the XIX – the beginning of the XX th centuries) G.A. Alpyspaeva, S.N. Sayahimova	688
Siberian Mayors and Heads: Legal Status, Structure and their Contribution to Development of the Region (1870–1917) A.B. Khramtsov	699
Changes in Cultural Strategy and Cultural Policies in Slovakia in the 20th Century and at the Beginning of the 21st Century: Museums and Other Memorial Institutions in a Socio-Political Context P. Tišliar, J. Dolák, E. Kačírek	709
Migration Problems in Survey of Liberal Press the second half of XIX – early XX centuries V.N. Cherepanova, I.A. Filippova, V.S. Molchanova	719
The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century L.J. Anisimova, B.E. Andusev, E.A. Akhtamov	728
The Role of Church Intellectuals in Preserving the National Memory in the Arkhangelsk Governorate in the 19th and early 20th centuries I. F. Vereshchagin, A.M. Tamitskiy, N.M. Terebikhin	736
Formation of Ideas about the Siberian Region Pedagogical Press of the late XIX – early XX centuries (on the example of the journal "Russian School") I.V. Pivovarova, Y.V. Putilina, Y.V. Zubareva, A.M. Mamadaliev	750
The Discussion between Central and Regional Authorities on the Topic of the Affiliation of Muslim Schools in Turkestan (the late half of the 19th – the beginning of the 20th centuries) Y.A. Lysenko	759
Historical Experience of Organization and Activity of Tomsk Agricultural Colony for Minors T.A. Kattsina, N.V. Pashina	768
Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX – early XX centuries (on the example of Printed Publications) G.K. Mukanova	776

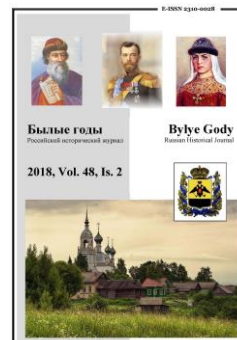
The Opinion of M.N. Muravyov and V.N. Lamzdorf on the Cultural and Historical Tasks of Russia in the Far East V.V. Suvorov	786
Opinions about the First 1897 General Population Census in the Russian Empire Expressed in Regional Periodicals and Records Management Documents E.A. Brukhanova, N.V. Nezhentseva	794
M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University S.F. Fominykh, A.O. Stepnov	804
Settlers from Belarus early in the Yenisei Province: the Imperial Strategy and the Siberian Reality of the twentieth century A.P. Dvoretzkaya, M.D. Severyanov, L.N. Slavina, S.V. Kukhta	817
The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province) A.S. Kovalev, N. Novosel'tsev, O.I. Savin	828
The Black Sea Province in the First World War: A Historiographical Review L. G. Polyakova, L.L. Balanyuk	839
The Don Branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna N. Rylova, V. Lobova	850
Merchant Tyumen during the First World War: based on the Materials of the Time Edition "Siberian Trade Newspaper" I.V. Stavetskaya	861
The Bessarabian Question in 1917–1918: the Relations of Romania, Bessarabia and Ukraine S.I. Degtyarev, V.M. Zavhorodnia	872

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 443-455. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.443
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum

Leonid A. Bobrov ^{a, *}, Aibolat K. Kushkumbayev ^b, Alexey V. Salnikov ^c

^a Novosibirsk State University, Russian Federation

^b L.N.Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

^c Armavir Socio-Psychological Institute, Russian Federation

Abstract

The article provides a detailed analysis of a riveted iron helmet (GIN 148), stored in the Akmola Regional History Museum (ARHM), Kokshetau city, Republic of Kazakhstan. Initially the helmet was determined as "Russian" by Kazakh researchers and later it was re-classified as a "Kazakh helmet". The typological analysis conducted by us has provided the date and the attribution of the helmet more precisely.

The helmet belongs to the class of iron helms by its material, to the riveted class by the design of the crown and to the spheroconical type by shape of the dome. Total height is 24.5 cm., the diameter is 21.0 cm.

The crown of the helmet is riveted from four plate-sectors, splices of which are covered with narrow overlays with a flat edge and a stiffener (the width of overlays is approximately 1 cm). The helmet is encircled by two narrow iron hoops at a certain distance from each other. A kind of "skeleton" of the helmet is formed from the upper hoop together with the vertical overlays covering the splices of the crown plates. The latter strengthen the construction of the helmet and protects its most vulnerable places – the docking seams of the crown plates. So-called "box" visor (width – 1.5 cm) is riveted to the head part of the helmet. It consists of a narrow horizontal plate - "shelf" and a vertical one – "flap". Top of the helmet is made of two parts – a cylindrical base ("base") and a figured tube-sleeve for plumes. The base is forged in the form of a thimble. The tube-sleeve has the form of a miniature "pot" or "vase" with a wide low neck. There are holes punched to hold the fixers of the chain mesh through the bottom edge of the helmet's crown. The latter are made in the form of A-shaped flat plaques. Analysis of the plaques revealed that they were produced at the same time with other elements of the helmet, i.e. they are not added later.

It was proved that the helmet GIN 148 belongs to a special group of helmets of the Oirat-Kazakh borderland from the late Middle Ages or from the early Modern times. Currently 18 similar helmets are known by the researchers that originate from the territory of Kazakhstan, Mongolia, Russia (Volga region, Southern Siberia) and North-Western China. A distinctive feature of helmets of this series is a riveted four-plate crown supplemented by "skeleton" consisting of narrow overlays with a flat edge and a narrow hoop (or two hoops) placed much higher than the bottom edge of the helmet.

Analysis of A-shaped chain mesh fixers showed that they can be attributed to the image of the Sanskrit syllables "ma" (executed by the letter of Lancha), traditionally included into many Buddhist mantras. Images of Sanskrit signs "ma", "om", etc. are repeatedly found on protective weapons of Oirat production (helmets,

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), aibolat7@mail.ru (A.K. Kushkumbayev), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

shells, etc.) dated the XVII – mid-XVIII centuries and stored in Russian and foreign museum and private collections.

Specific features of the helmet from ARHM as well as Buddhist symbols in its design indicate that this head protection was made by Oirat (Jungar or Kalmyk) gunsmiths in the XVII – mid-XVIII centuries. It is very likely that later the helmet could fall into the hands of Kazakh nomads and could be used as head protection up to the mid-XIX century.

Keywords: Kazakhstan, Oirats, dzhungars, Kalmyks, Oirat armor, Oirat helmet.

1. Введение

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII вв., не случайно именуется в научной литературе «эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». Это было время последнего масштабного всплеска военно-политической активности монголоязычных кочевников Центральной Азии. В первой половине – середине XVII в. ареал военной активности ойратов включал огромные пространства внутренней Евразии: от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. В конце XVII в. войска Галдана Бошокту-хана оккупировали большую часть Монголии и вышли к Великой Китайской стене. В первой половине XVIII в. джунгарские *хунтайджи* контролировали значительную часть Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана, практически весь Восточный Туркестан и Горный Алтай. В свою очередь западные ойраты (волжские калмыки) стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Правобережной и Левобережной Украины, в причерноморских степях, на Кубани и в степях Западного Казахстана. Под ударами калмыков пала Большая Ногайская орда. Весьма значительный вклад внесли калмыки и в победы российской армии над войсками Крымского ханства и его союзников в военных конфликтах первой половины – середины XVIII в. Таким образом, ойраты сыграли важную роль в исторической судьбе многих народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии (Чимитдоржиев, 1979: 6-65; Златкин, 1983: 178-209; Цюрюмов, Батыров, 2006: 12-78; Тепкеев, 2012: 11-84, 112-172, 212-215, 318-341; Бобров, Рюмшин, 2015: 357-367). В настоящее время тысячи предметов ойратского вооружения хранятся в музейных и частных собраниях России, Казахстана, Монголии, Китая, Узбекистана, а также США, Великобритании и других стран. Введение их в научный оборот является актуальной научной задачей (Бобров, 2011: 3, 4, 17-20, 29, 30).

В Акмолинском областном историко-краеведческом музее (АОИКМ, г. Кокшетау, Республика Казахстан) хранится клепаный железный шлем (ГИН 148), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, археологов и военных историков (рис. 1).

Согласно акту приемки-сдачи № 148 (Приложение № 149) от 20 марта 1951 г. рассматриваемый образец защитного вооружения был первоначально атрибутирован как «Шлем (головной убор древнерусского воина)». В акте также сообщалось, что наголовье имеет плохую сохранность и покрыто ржавчиной.

Рис. 1. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК (фото Ж. Укева)

По данным сотрудников музея, шлем относится к числу случайных находок. Он был обнаружен местными жителями на территории Северного Казахстана (нынешняя Северо-Казахстанская, по другим данным, Акмолинская область Республики Казахстан). К сожалению, иные обстоятельства поступления шлема в музейное собрание установить не удалось. Однако известно, что уже в 1951 г. он был помещен в один из стендов музейной экспозиции. Существенные реставрационные работы с ним не проводились. В настоящее время наголовье продолжает экспонироваться в АОИКМ вместе с другими предметами вооружения, датированными периодами позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Информация о шлеме была впервые введена в научный оборот Л.А. Бобровым и А.К. Кушкумбаевым в 2010 г. (Бобров, Кушкумбаев, 2010: 34, 36, 37). Авторы данной публикации дали краткое описание конструкции и системы оформления шлема, а также предположили, что он был изготовлен ойратскими (джунгарскими, калмыцкими) мастерами (Бобров, Кушкумбаев, 2010: 37). В 2015 г. К.С. Ахметжан отнес данное боевое наголовье к числу «казахских шлемов» (Ахметжан, 2015: 51, рис. 18, 11; с. 53, рис. 19, 6).

Целью настоящей работы является подробное описание конструкции и системы оформления шлема ГИН 148 из АОИКМ, а также уточнение его датировки и атрибуции.¹

2. Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению комплекса защитного вооружения (в том числе боевых наголовий) народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени являются принципы историзма, объективности, а также системный подход,

¹ Авторы выражают благодарность заместителю директора по науке АОИКМ Кунанбаевой Алме Сунгатовне, с.н.с. отдела учета и хранения фондов АОИКМ Жакуповой Дамеле Тайгаровне, н.с. отдела учета и хранения фондов Укееву Жасулан Каримулы за помощь и возможность детально ознакомиться со шлемом.

состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения изучаются как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смещение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных и изобразительных источников.

3. Обсуждение и результаты

По материалу изготовления шлем ГИН 148 из собрания АОИКМ относится к классу железных, по конструкции тульи – к отряду клепанных, по форме купола – к типу сфероконических. Общая высота наголовья – 24,5 см, диаметр – 21,0 см (рис. 2).

Рис. 2. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид спереди (фото Ж. Укеева)

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, стыки которых прикрыты узкими накладками с ровным краем и продольным ребром жесткости (ширина накладок – около 1 см.). Все четыре пластины тульи имеют механические повреждения в виде пробоин, проломов и вмятин. Некоторые повреждения могут быть атрибутированы как следы рубящих и дробящих ударов. Не исключено, что данные повреждения могли быть нанесены еще в период эксплуатации наголовья.

Верхняя часть тульи деформирована, в результате чего концы накладок не примыкают к подвершию шлема встык, а нависают над пластинами тульи (рис. 1–3).

Рис. 3. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид справа (фото Ж. Укеева)

Элементы тульи соединены между собой с помощью металлических заклепок. Головки заклепок на внешней стороне шлема (на поверхности пластин и накладок) более или менее тщательно зашлифованы. Часть заклепок, соединяющих пластины тульи между собой, снабжены подпрямоугольными железными подложками на внутренней стороне купола шлема (рис. 4).

Рис. 4. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид слева (фото Ж. Укеева)

Пластины тульи незначительно перекрывают друг друга, благодаря чему стыковочные швы имеют три слоя защиты (два листа пластин тульи, поверх которых располагается вертикальная накладка с ребром жесткости). Накладка на тыльной стороне шлема удалена, из-за чего швы тульи частично разошлись (рис. 5).

Рис. 5. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид сзади (фото Ж. Укеева)

Дополнительным фиксатором пластин тульи являются два узких железных обруча, опоясывающих шлем на некотором расстоянии друг от друга (рис. 3). По своему оформлению как нижний («височный»), так и верхний («лобно-затылочный») обручи весьма напоминают вертикальные накладки, прикрывающие стыки пластин тульи шлема. Так, в частности, они имеют ровный край и продольное ребро жесткости, а также схожую толщину и ширину (рис. 1–3). Оба обруча являются составными. К сожалению, с левой стороны шлема фрагменты обручей удалены (рис. 4; 5), однако сохранившиеся элементы позволяют предположить, что верхний («лобно-затылочный») обруч состоял из трех, а нижний («височный») – из четырех частей.

Так как нижний конец вертикальных накладок не перекрывает обручи, а крепится встык, стыковочный шов пластин тульи, между верхним и нижним обручем, остается не прикрытым. Для его защиты мастер использовал дополнительные короткие железные накладки с ребром жесткости. Из четырех коротких накладок до нашего времени дошла только одна – на правой стороне наголовья (рис. 3). Однако на наличие аналогичных конструктивных элементов на других сторонах шлема свидетельствуют одинарные сквозные отверстия на налобной, затылочной и левой боковой частях наголовья (рис. 2; 4; 5).

Узкий обруч вместе с вертикальными накладками, прикрывающими стыки пластин тульи, образует своеобразный «каркас» шлема. Последний не только фиксирует элементы купола между собой, но и выполняет функцию ребер жесткости (то есть усиливает конструкцию наголовья), защищая, в том числе, самые уязвимые места тульи – стыковочные швы.

К налобной части шлема прилепан так называемый «коробчатый» козырек (ширина – 1,5 см), состоящий из узкой горизонтальной пластины – «полки» и вертикального «щитка» (рис. 1–4). Удлиненно-овальная «полка» козырька имеет гладкую поверхность. «Щиток» украшен по своему верхнему и нижнему краю продольными линиями. В его боковые лопасти (отделенные от основного поля «щитка» вертикальными желобками) вбиты заклепки, соединяющие козырек с куполом шлема (рис. 1–3). Вертикальное ребро жесткости по центру «щитка» выражено крайне слабо и визуально почти не фиксируется (рис. 6).

Рис. 6. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид сверху (фото Ж. Укеева)

Венчает шлем двухчастное навершие, состоящее из цилиндрического подвешия (пластины-основания) и фигурной трубки-втулки для плюмажа (рис. 1–5). Подвешие шлема выковано в виде «наперстка», нижний край которого оформлен остроугольными фестонами. Центральная часть цилиндра украшена горизонтальными полосами, выполненными в технике гравировки. Трубка-втулка (высота – 5,5 см) изготовлена в виде миниатюрного «горшка» или «вазы» с широким низким горлышком (рис. 1–5). Навершие крепится к тулье с помощью специального штифта и бляхи на внутренней стороне купола шлема (рис. 7).

Вдоль нижнего края тульи шлема пробиты сквозные отверстия, в которые вставлены фигурные фиксаторы бармицы наголовья (рис. 1–5; 7). Последние выполнены в виде плоских бляшек характерной А-образной формы. В отверстия на бляшках, вероятно, продевался металлический прут, к которому подвешивалась бармица. В противном случае через указанные отверстия в пластинках могли пропускаться тонкие ремешки или завязки бармицы, с помощью которых она крепилась к наголовью. Анализ бляшек показал, что они были выполнены одновременно с другими элементами шлема и не являются позднейшим добавлением (рис. 1–5; 7).

Система крепления защиты шеи позволяет предположить, что в своей первоначальной комплектации шлем мог быть снабжен кольчатой, пластинчато-нашивной или стеганой бармицей различных видов покроя. Дошедшие до нашего времени подлинные образцы центральноазиатского защитного вооружения свидетельствуют, что в ходе эксплуатации шлема оригинальные бармицы (в случае необходимости) могли снабжаться новыми конструктивными элементами, усиливаться, реконструироваться, неоднократно ремонтироваться и даже заменяться на принципиально иные виды защитных элементов (Бобров, 2009: 251-254; Бобров, Худяков, 2011: 43-52).

Наголовье ГИН 148 из собрания АОИКМ может быть датировано и атрибутировано на основании особенностей конструкции и системы оформления тульи и шлемовых элементов.

Клепаные железные шлемы с четырехчастной тульей, узкими ребристыми накладками с ровным краем, узким выпуклым обручем, цилиндрическим подвешием с трубкой-втулкой для плюмажа являются популярной разновидностью боевых наголовий кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Для более ранних исторических периодов подобные шлемы, в целом, не характерны (Горелик, 1983: 262; Бобров, Худяков, 2008: 426, 432; Ахметжан, 2015: 51, 53).

Рис. 7. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид снизу (фото Ж. Укеева)

Наряду с тульей важным датирующим признаком шлема является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки» и «щитка». Козырек данной конструкции является традиционным элементом оформления боевых и парадных наголовий монгольских и тюркских кочевников Центральной Азии XV–XVIII вв. (LaRocca, 2006: 73–75, 77–79, 91, 99; Бобров, Худяков, 2008: 418, 426, 432, 440–444, 446, 447, 450–452; Анисимова, 2013: 276, 277; Ахметжан, 2015: 51, 53).

Металлические, деревянные и костяные трубки-втулки для плюмажа, выполненные в форме миниатюрного «горшка» или «вазы», наиболее часто встречаются на боевых наголовьях кочевников Казахстана и сопредельных территорий XVII–XVIII вв. (Бобров, Кушкумбаев, 2010: 35; Ахметжан, 2015: 21, рис. 21, 1, 6, 7, 9, с. 61, рис. 23, 4, 5; Бобров, Худяков, 2008: 446–447).¹ Однако держатели плюмажа подобной конструкции применялись и в других регионах Центральной Азии. Так, например, в Музее искусств Метрополитен хранится шлем, принадлежавший бутанскому панцирнику XVIII в. (№ 36.25.25). Наголове снабжено позолоченной «горшкообразной» железной втулкой, форма которой весьма близка трубке шлема из АОИКМ (LaRocca, 2006: 134–136). При этом сложный прорезной и гравированный узор (включающий элементы буддийской символики) на втулке шлема из Метрополитен свидетельствует, что он не является импортом с территории Казахстана, а был изготовлен бутанскими, тибетскими, ойратскими или монгольскими мастерами.

По совокупности признаков наголове из АОИКМ может быть отнесено к особой группе шлемов, которая в настоящее время насчитывает 18 экз., хранящихся в музейных и частных коллекциях России, Казахстана, Монголии, Китая, Узбекистана и др. стран. Отличительной особенностью данных наголовий является цилиндроконическая, полусферическая или сфероконическая тулья, склепанная из четырех пластин-секторов. Стыки пластин тульи прикрыты узкими выпуклыми или гранеными накладками с ровным краем, которые крепятся встык с выпуклым (граненым) горизонтальным пояском (обручем), охватывающим шлем значительно выше нижней кромки купола.² Вертикальные накладки и горизонтальный пояс (узкий обруч) образуют декоративный «каркас», который является характерным элементом оформления шлемов данной

¹ Их генезис, вероятно, связан с эволюцией традиционных цилиндрических втулок центральноазиатских номадов с шаровидным «яблоком» в центральной части трубки (Бобров, Худяков, 2008: 418, 423, 444).

² В некоторых случаях (как и на шлеме из АОИКМ) тулья шлема перехвачена не одним, а двумя узкими обручами.

группы. Большинство наголовий серии увенчаны навершиями, состоящими из цилиндрического подвершия и трубки-втулки для плюмажа.¹

Шлемы данной группы на основании особенностей конструкции и системы оформления («коробчатые» козырьки, форма навершия, накладок и т.д.) датируются эпохой позднего Средневековья и раннего Нового времени (Бобров, Худяков, 2008: 422-423, 432, рис. 163.; Ахметжан, 2015: 51, рис. 18, 8-11, 13, с. 53, рис.19, 6-10). Значительно сложнее определить этническую принадлежность мастеров, изготовлявших подобные наголовья. Так, например, К.С. Ахметжан, проанализировавший данную серию шлемов, отнес их к комплексу вооружения казахских воинов (Ахметжан, 2015: 51, рис. 18, 8-11, 13, с. 53, рис.19, 6-10). Действительно, происхождение 8 из 18 шлемов серии связано с территорией Казахстана. Однако другие 10 наголовий были обнаружены в Поволжье (1 экз.), Южной Сибири (2 экз.), Узбекистане (2 экз.), Северо-Западном Китае (2 экз.) и Монголии (3 экз.), то есть на землях, которые на протяжении указанного исторического периода не являлись местом постоянного проживания казахских кочевников. Также следует учитывать, что в XVII – первой половине XVIII вв. обширные районы нынешнего Казахстана находились под контролем Джунгарии – государства, основанного ойратскими кочевниками. Некоторые предметы вооружения, найденные на территории Казахстана (в том числе шлемы), имеют не казахское, а ойратское происхождение (Бобров, Худяков, 2008: 445, 460, рис. 190). Ареал военной активности ойратов (джунгар, волжских и «чакарских» калмыков) включал территорию Монголии, Казахстана, Южной Сибири, Восточного Туркестана, Северного Прикаспия и Поволжья (Бобров, Худяков, 2008: 465-466; Тепкеев: 2012), что соответствует географии находок шлемов серии. В пользу ойратского происхождения свидетельствуют и некоторые особенности конструкции и оформления ряда шлемов серии, в частности цилиндрические подвершия, форма накладок и козырька, орнамент, включающий буддийскую символику (свастика, надписи и знаки на санскрите) и т.д.

В данной связи особо важную роль в атрибуции шлема из АОИКМ начинают играть упомянутые выше фиксаторы бармицы, имеющие сложную вырезную А-образную форму (рис. 1–5, 7, 8, 1). Дополнительное изучение фиксаторов показало, что объяснить применение подобных конструктивных элементов исключительно их функциональными свойствами не представляется возможным (значительно более простые в изготовлении железные петли или шлемовые «болты» удерживали бы бармицу не менее надежно). Поиск аналогов дал весьма интересные результаты. Так, в частности, установлено, что пластинки А-образной формы, а также изображения подобных и схожих по внешнему виду символов являются характерным элементом оформления ойратских панцирей и шлемов XVII – середины XVIII вв.

Так, например, десятки аналогичных пластинок использованы при оформлении джунгарского пластинчато-нашивного доспеха из собрания МАЭС ТГУ (Бобров, Ожередов, 2010: 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42-45, фото 1, 2, 5-10). Близкие по форме и стилистике символы изображены на тулье ойратского сфероцилиндрического шлема из собрания ТГИАМЗ (Бобров, Худяков, 2008: 440, 441, 460, рис. 190, 2), подвершии ойратского узкопластинчатого шлема из Музея искусств Метрополитен (2005.146), налобной части ойратского или монгольского цилиндрикоконического шлема из собрания Государственного Эрмитажа (ГЭ 1550) и др. (рис. 8).

Согласно данным научного сотрудника отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН В.П. Зайцева, указанные знаки могут быть атрибутированы как изображения, выполненные письмом «ланьча» санскритских слогов «та» (на шлеме из АОИКМ и на панцире из МАЭС ТГУ), «а», «ом», и др., традиционно входивших в состав многих буддийских мантр (Bobrov et al., 2017: 1153-1155).²

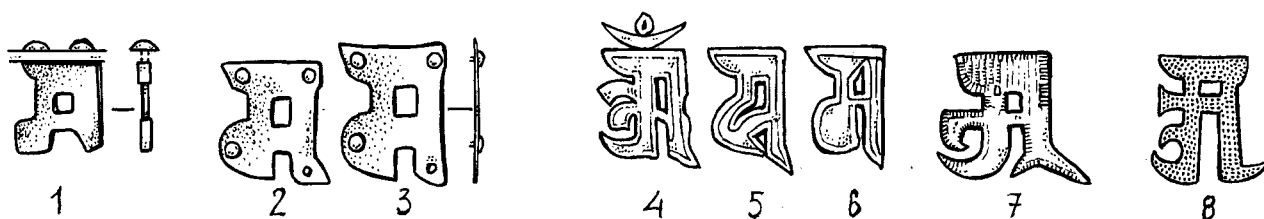

Рис. 8. Буддийская символика на ойратском и монгольском защитном вооружении: 1. Фиксаторы бармицы шлема, ГИН 148, АОИКМ; 2,3. Накладки пластин джунгарского панциря, МАЭС ТГУ; 4–6. Монгольский шлем, 1999.120, Музей искусств Метрополитен; 7. Ойратский или монгольский шлем, ГЭ 1550; Ойратский сфероцилиндрический шлем, ТГИАМЗ.

¹ Трубки-втулки сохранились не у всех шлемов серии, однако на их наличие указывают отверстия на верхней плоскости подвершия наголовий.

² Авторы выражают благодарность В.П. Зайцеву за содействие в атрибуции буддийской символики на шлеме из АОИКМ.

Таким образом, конструкция наголовья, а также наличие в его оформлении буддийской символики свидетельствуют в пользу того, что шлем ГИН 148 из собрания АОИМК был выкован ойратскими (джунгарскими или калмыцкими) оружейниками. Возможная нижняя граница изготовления шлема локализуется временем распространения ламаизма среди ойратов, т.е. 10-ми гг. XVII в., а верхняя – серединой XVIII в. Именно в этот период Джунгария подверглась масштабному разгрому со стороны цинских, кокандских и казахских войск, при этом основные оружейные производственные центры «последней Кочевой империи» были разрушены. Примерно в тот же период наблюдается и ухудшение снабжения доспехами волжских калмыков, большая часть которых в 1771 г. покинула берега Волги и откочевала в Центральную Азию.

В то же время факт изготовления рассматриваемого шлема ойратскими мастерами не исключает возможности использования его в дальнейшем казахскими воинами. Известно, что в середине XVIII в. (после разгрома Джунгарии и «Пыльного похода» 1771 г.) отдельные группы ойратов влились в состав казахского народа. Ойратские пленные, мигранты и их потомки составили основу дружин толентутов таких казахских правителей, как Абылай (1711–1780) и Кенесары (1802–1847) (*Национально-освободительная борьба...*, 1996: 399). Ойратские формирования входили в состав армий среднеазиатских народов. Так, например, в XVIII в. гвардия из ойратов была создана в Бухарском ханстве (*Чимитдоржиев*, 1979: 25). Ойратские воинские подразделения имелись также в Кокандском ханстве и на службе у уйгурских правителей. Естественно, что ойраты переходили к соседям вместе со своим вооружением, которое могло изыматься и использоваться их новыми покровителями или сохраняться у ойратских воинов, которые теперь входили в состав войск тюркских народов. В пользу возможности использования казахскими воинами ойратского шлема ГИН 148 из АОИМК свидетельствует «вазообразная» трубка-втулка, которая достаточно часто встречается на боевых наголовьях номадов Казахстана.

4. Заключение

Проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема ГИН 148 из АОИМК. Особенности конструкции наголовья и наличие в его оформлении буддийской символики дают основание полагать, что шлем был изготовлен ойратскими (калмыцкими или джунгарскими) оружейниками XVII – середины XVIII вв. Впоследствии он мог попасть в руки казахских кочевников и применяться в качестве боевого наголовья вплоть до середины XIX в. включительно.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Список сокращений

АОИМК – Акмолинский областной историко-краеведческий музей

ГЭ – Государственный Эрмитаж

МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

РК – Республика Казахстан

ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Литература

Анисимова, 2013 – *Анисимова М. А.* Оружие Востока XV– первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.

Ахметжан, 2015 – *Ахметжан К.С.* Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана, 2015. 102 с.

Бобров, 2009 – *Бобров Л.А.* «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2009. № 4. С. 251-254.

Бобров, 2011 – *Бобров Л.А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров, *Кушкумбаев*, 2010 – *Бобров Л.А., Кушкумбаев А.К.* Боевые шлемы из музейной коллекции Акмолинского областного историко-краеведческого музея // *Акмолинскому областному историко-краеведческому музею 90 лет*. Кокшетау, 2010. С. 33-38.

Бобров, *Ожередов*, 2010 – *Бобров Л.А., Ожередов Ю.И.* Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // *Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии*. Томск: Томский государственный университет, 2010. Т. III, вып. 1. С. 7-64.

Бобров, Рюмшин, 2015 – Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация, 2015, № 8. С. 357-378.

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Бобров, Худяков, 2011 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Шлемы сибирских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-краеведческого музея-заповедника) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2011. № 3. С. 43-52.

Горелик, 1983 – Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244-269.

Златкин, 1983 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983. 332 с.

Национально-освободительная борьба, 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). Алматы: Гылым, 1996. 512 с.

Тепкеев, 2012 – Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2012. 376 с.

Цюрюмов, Батыров, 2006 – Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АО «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

Чимитдоржиев, 1979 – Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979. 86 с.

Bobrov et al., 2017 – Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V. The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin // *Bylye Gody*. 2017. Т. 46. № 4. pp. 1140–1173.

LaRocca, 2006 – LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: Yale University Press, 2006. 307 p.

References

Anisimova, 2013 – Anisimova M.A. (2013). Oruzhie Vostoka XV – pervaya polovina XX veka: iz sobraniya Voenno-Istoricheskogo gosudarstvennogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi [Weapons of the East 15 – the first half of the 19th century from the collection of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. Sankt-Peterburg, Atlant Publ. 527 p. [in Russian]

Bobrov, 2009 – Bobrov L.A. (2009). «Tatarskij» shlem s kombinirovannoj barmicej iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arhitekturnogo muzeya-zapovednika ["Tatar" helmet with Aventail combination of the Tobolsk state historical and architectural Museum-reserve]. *Bulletin of the NSU. Ser.: History, Philology*. 4. pp. 251-254. [in Russian]

Bobrov, 2011 – Bobrov L.A. (2011). Osnovnye napravleniya ehvoljucii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Central'noj, Srednej i kontinental'noj Vostochnoj Azii vtoroj poloviny XIV-XIX vv. [The main directions of the evolution of protective weaponry complexes of the peoples of Central, Middle, and continental East Asia in the second half of the XIV-XIX centuries]. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of the doctor of historical Sciences. Barnaul, 2011. 54 p. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2011 – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. (2011). Shlemy sibirskih voinov (iz sobraniya Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya-zapovednika) [Hats Siberian soldiers (from the collections of the Tobolsk state historical Museum-reserve)]. *Medieval Turkic-Tatar States*. No. 3. pp. 43-52. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2008 – Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentralnoi Asii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekovya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIIIvv.) [Weapons and military tactics of the nomads from Central Asia and Southern Siberia of the late Middle Ages and Modern Age (15th century – the first half of the 18th century)]. Sankt-Peterburg, Izdatelstvo fakulteta filologii i iskusstv Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Department of Philology and Arts of the Sankt-Petersburg State University Publ. 770 p. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2011 – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. (2011). Shlemy sibirskih voinov (iz sobraniya Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya-zapovednika) [Hats Siberian soldiers (from the collections of the Tobolsk state historical Museum-reserve)]. *Medieval Turkic-Tatar States*. No. 3. pp. 43-52. [in Russian]

Natsionalno-svoboditelnaya borba..., 1996 – Natsionalno-svoboditelnaya borba kazakhskogo naroda pod predvoditelstvom Kenesary Kasymova (Sbornik dokumentov) [The national liberation struggle of the Kazakh people led Kenesary Kasymov (Collection of documents)]. Almaty, Gylym Publ., 1996, 512 p. [in Russian]

Chimitdorzhiev, 1979 – *Chimitdorzhiev Sh.B.* (1979). *Vzaimootnosheniya Mongolii i Srednei Azii v XVII–XVIII vekah* [Relationships Mongolia and Central Asiain XVII-XVIII centuries]. Moskau, Nauka Publ. 86 p. [in Russian]

Tepkeev, 2012 – *Tepkeev V.T.* (2012). *Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka* [The Kalmyks in the northern Caspian Sea region at the second third of the 17th century]. Elista, ZAO NPP Dzhangar Publ. 376 p. [in Russian]

Churyumov, Batyrov, 2006 – *Churyumov A.V., Batyrov V.V.* (2006). *Kalmyckoe hanstvo v rossijsko-krymskih otnosheniyah (XVIII v.)*. [Kalmyk khanate in the Russian-Crimean relations (XVIII)]. Elista: ZAO NPP Dzhangar. 95 p. [in Russian]

Chimitdorzhiev, 1979 – *Chimitdorzhiev S.B.* (1979). *Vzaimootnosheniya Mongolii i Srednej Azii v XVII–XVIII vv.* [The Relationship of Mongolia and Central Asia in the XVII–XVIII centuries]. Moscow: Nauka. 86 p. [in Russian]

Bobrov et al., 2017 – *Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V.* (2017). *Pozdnij chzhurchzhehn'skij (rannij man'chzhurskij) shlem vtoroj poloviny 10-h–serediny 30-h gg. XVII v. iz sobraniya Oruzhejnoj palaty Moskovskogo Kremlya* [The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin]. *Bylye Gody*. Т. 46. № 4. pp. 1140–1173.

LaRocca, 2006 – *LaRocca D.* (2006). *Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet*. New York: Yale University Press. 307 p.

Ойратский шлем XVII – середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Айболат Кайрслямович Кушкumbaев ^b, Алексей Викторович Сальников ^c

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

^c Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается клепаный железный шлем (ГИН 148), хранящийся в Акмолинском областном историко-краеведческого музее (АОИКМ), г. Кокшетау, Республика Казахстан. Первоначально шлем был атрибутирован казахстанскими исследователями как «русский», а впоследствии как «казахский». Проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию наголовья.

По материалу изготовления шлем ГИН 148 из собрания АОИКМ относится к классу железных, по конструкции тульи к отделу клепаных, по форме купола – к типу сфероконических. Общая высота наголовья – 24,5 см, диаметр – 21,0 см.

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, стыки которых прикрыты узкими накладками с ровным краем и продольным ребром жесткости (ширина накладок – около 1 см). Дополнительным фиксатором пластин тульи являются два узких железных обруча, опоясывающих шлем на некотором расстоянии друг от друга. Вертикальные накладки и обручи образуют своеобразный «каркас» шлема. Последний не только фиксирует элементы купола между собой, но и усиливает конструкцию наголовья, защищая самые уязвимые места тульи – стыковочные швы. К наlobной части шлема приклепан «коробчатый» козырек (ширина – 1,5 см.), состоящий из узкой горизонтальной пластины – «полки» – и вертикального «щитка». Навершие шлема изготовлено из двух частей – цилиндрического основания («подвершия») и фигурной трубки-втулки для плюмажа. Вдоль нижнего края тульи шлема пробиты сквозные отверстия, в которые вставлены фиксаторы бармицы наголовья. Последние выполнены в виде плоских бляшек А-образной формы. Анализ бляшек показал, что они были изготовлены одновременно с другими элементами шлема и не являются позднейшим добавлением.

Установлено, что шлем ГИН 148 относится к особой группе шлемов ойрато-казахского пограничья периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. В настоящее время авторам известно о 18 подобных шлемах, которые происходят с территории Казахстана, Монголии, России (Поволжье, Южная Сибирь) и Северо-Западного Китая. Отличительной особенностью конструкции шлемов серии является клепаная четырехчастная тулья, дополненная «каркасом», состоящим из узких накладок с ровным краем и узкого обруча (или двух обручей), расположенного значительно выше нижней кромки шлема.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsmil@mail.ru (Л.А. Бобров), aibolat7@mail.ru (А.К. Кушкumbaев), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

Анализ А-образных фиксаторов бармицы показал, что они могут быть атрибутированы, как изображение санскритских слогов «та» (выполненных письмом ланьча), традиционно входивших в состав многих буддийских мантр. Изображения санскритских знаков «та», «ом» и др. неоднократно встречаются на предметах защитного вооружения ойратского производства XVII – середины XVIII вв. (шлемах, панцирях и т.д.) хранящихся в российских и иностранных музейных и частных собраниях.

Особенности конструкции шлема из АОИКМ, а также наличие в его оформлении буддийской символики свидетельствуют в пользу того, что данное наголовье было изготовлено ойратскими (джунгарскими или калмыцкими) оружейниками XVII – середины XVIII вв. Весьма вероятно, что впоследствии шлем мог попасть в руки казахских кочевников и применяться в качестве боевого наголовья вплоть до середины XIX в. включительно.

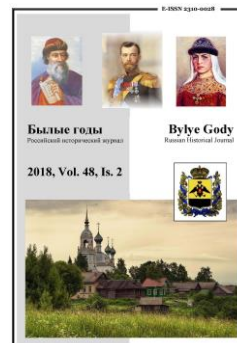
Ключевые слова: Казахстан, ойраты, джунгары, калмыки, ойратские доспехи, ойратский шлем.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 456-464. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.456
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Results of Interdisciplinary Research of Hillfort «Toyanov Gorodok»

Evgeny V. Vodyasov ^{a, b, *}, Olga V. Zaitceva ^a

^a Tomsk State University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

«Toyanov Gorodok» was a winter settlement of the Eushtin Knyaz Toyan and was an important political center in the XV-XVII centuries. Due to the diplomacy of Knyaz Toyan, a new Russian city Tomsk was founded in 1604 in front of Toyan's Town, on the right bank of the river Tom. The article is devoted to the results of archaeological field and laboratory studies of this important site. The discovery of the cannonball correlates with written data on the use of artillery by the Tatars. The presence of muskets in the «Toyanov Gorodok» in the first half of the 17th century greatly strengthened the defense of the princely stakes and markedly distinguished these Tatars with the muskets against the background of the traditional armament of the local Siberian peoples. On the basis of archaeozoological studies, the economic type of the population of «Toyanov Gorodok» was defined as a cattle breeding (with a predominance of the horse in the herd). The absence of Russian pottery on the site testifies to the fact that the replacement of local ceramic traditions with Russian ceramics happened after the Toyan's Town was abandoned. Radiocarbon dating together with numismatic material and archaeological finds allow us to date the main cultural layer by XV-XVII centuries. The conducted studies disproved the long-held opinion about the complete destruction of the site and outlined the prospect of further study.

Keywords: «Toyanov Gorodok», Knyaz Toyan, Eushtin Tatars, Tomsk Ob Region, the Era of the Late Middle Ages, Age of the New Time.

1. Введение

Зимняя ставка эуштинского князя Тояна, известная в археологии как городище «Тоянов городок», является ключевым памятником для изучения истории основания города Томска. Именно князь Тоян в 1603 г. отправился в Москву с челобитной, в результате чего земли эуштинских татар вошли в состав Русского государства, а на правом берегу Томи в 1604 г. возник город Томск. Важнейшие события истории Тоянова городка, восстанавливаемые по письменным источникам, уже рассмотрены нами в отдельной публикации (Водясов, Зайцева, 2016). Наши исследования позволили также соотнести известный по историческим источникам «Тоянов городок» и конкретный археологический памятник – городище, расположенное на мысу левого берега Томи на территории современного поселка Тимирязево (Зайцева, Водясов, 2016). До этого, несмотря на сохранявшееся вплоть до середины XX века за конкретным городищем название «Тоянов городок», некоторые исследователи сомневались в возможности однозначной локализации зимней ставки Тояна и относились с некоторым подозрением к историческим преданиям (Дульзон, 1956: 117).

В Томском областном краеведческом музее и в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета хранится несколько коллекций, связываемых с «Тояновым городком» (Барсуков, Борова, 2016; Гребнева, 2017: 422). Большинство из этих материалов представляет собой случайные сборы с поверхности городища. Вопрос о том, проводились ли стационарные раскопки на этом памятнике в XIX–XX вв., остается открытым, но даже если они и проводились, то документация

* Corresponding author

E-mail addresses: vodyasov_ev@mail.ru (E.V. Vodyasov)

по ним, скорее всего, безвозвратно утеряна. В это время археологов больше интересовал расположенный рядом с городищем одноименный курганный могильник (Яковлев, 2009: 10).

На рубеже XIX–XX вв. на левом берегу Томи напротив Томска начинают появляться дачи зажиточных горожан. Первой постройкой, расположенной непосредственно на территории «Тоянова городка», вероятно, стала дача купца Смирнова, позже в ней расположился санаторий. Наибольший урон сохранности городища принесло строительство Областной туберкулезной больницы, начатое в 1932 г.

Долгое время «Тоянов городок» считался полностью разрушенным при строительстве больницы. Не удивительно, что в ходе социологического опроса, проведенного нами в Томске в 2013 г., на вопрос «Какие Вы знаете археологические комплексы в окрестностях Томска и Томской области?» всего 4 участника (из 183 опрошенных) назвали «Тоянов городок» (Водясов, 2015: рис. 3). «Местом памяти» для жителей города Томска «Тоянов городок» не стал.

Визуально ни оборонительные сооружения городища, ни жилищные западины на поверхности в настоящее время не прослеживаются. При возведении корпусов больницы поверхность мыса равнялась и засыпалась строительным мусором. Однако скрупулезный анализ архивных и картографических материалов, изучение последовательности и обстоятельств застройки мыса, на котором располагалось городище, позволили нам сделать предположение о том, что часть культурного слоя все же могла уцелеть.

2. Материалы и методы

Для соотнесения архивных свидетельств и современной топографической ситуации проведена крупномасштабная аэрофотосъемка с помощью беспилотного летательного аппарата БЛА ZALA 421-22Ф, на который установлен цифровой фотоаппарат Sony RX1. Съемка проводилась с высоты 130 м с максимальным разрешением 2,2 см. На основе фотограмметрического метода созданы детальный ортофотоплан и трехмерная модель рельефа территории городища (рис. 1).

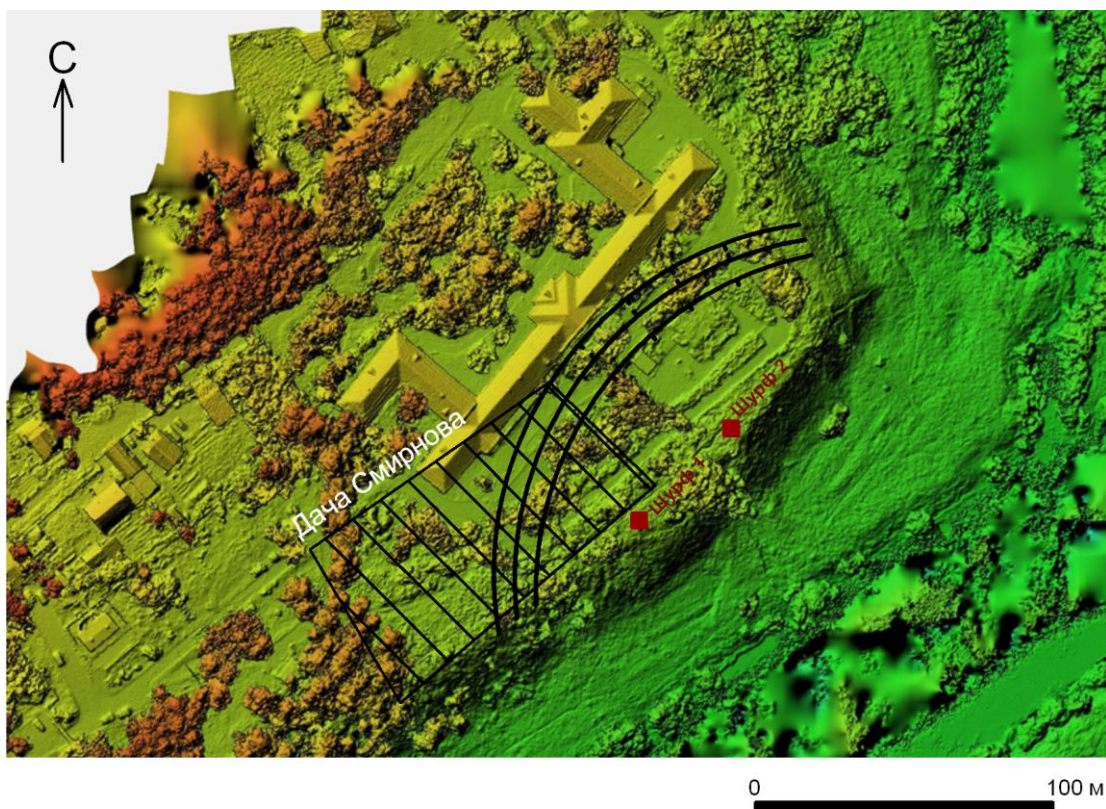

Рис. 1. Трехмерная модель рельефа археологического комплекса «Тоянов городок» с реконструированным месторасположением оборонительной линии

Основным источником для реконструкции конфигурации оборонительных сооружений стал план городища и одноименного могильника «Тоянов городок», составленный М.П. Грязновым в 1924 г. (Барсуков, Боброва, 2016). Также использовался чертеж, составленный А.В. Адриановым в 1887 г. и обнаруженный нами в архиве Института истории материальной культуры в г. Санкт-Петербурге (Зайцева, Водясов, 2016).

В ходе полевых исследований на городище обнаружено 627 находок, которые исследовались в лабораторных условиях различными естественнонаучными методами. Проведены археозоологические исследования, радиоуглеродное датирование полученных образцов угля, спектральный анализ пушечного ядра и рентгенофлуоресцентный анализ металлургических шлаков.

3. Результаты

Археологические исследования «Тоянова городка» в 2015 г.

С целью обнаружения сохранившихся культурных напластований заложены три археологических шурфа вдоль юго-восточного края мыса. В каждом из них обнаружен археологический материал. Два шурфа располагались в границах реконструированной площадки городища, один – за пределами линии обороны. Помимо этого, на территории Томской областной туберкулезной больницы в 10 местах найден подъемный археологический материал – керамические фрагменты посуды.

Больше всего находок (612 ед.) найдено в шурфе 1, из них: фрагменты керамических сосудов (90 ед.) – 14,7 %; кости животных (516 ед.) – 84,3 %. Мощность культурного слоя в первом шурфе – до 1 м.

Во втором шурфе обнаружено только 11 находок, культурный слой был срезан при выравнивании площадки под строительство, однако и здесь обнаружены нетронутые культурные напластования мощностью до 0,7 м, перекрытые современным строительным мусором.

Третий «контрольный» шурф располагался вне реконструируемой площадки городища. В нем найдены пастовая голубая бусина, два фрагмента лепной керамики и венчик гончарной посуды XIX–XX вв.

Массовый археологический материал представлен фрагментами керамических сосудов и костями животных. Реконструируются круглодонные сосуды горшковидной формы с выраженной шейкой (рис. 2, 5-10).

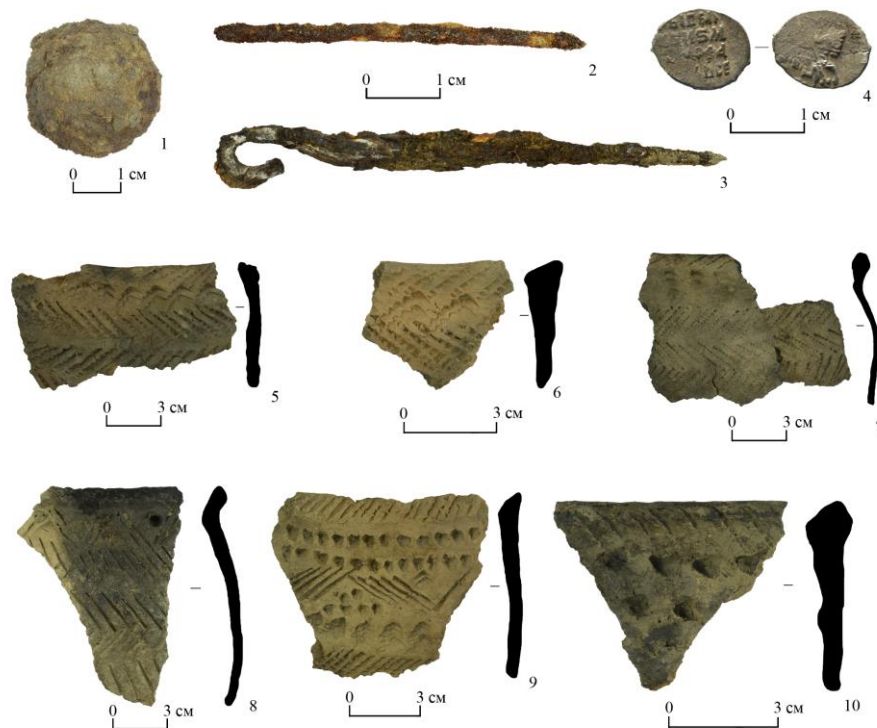

Рис. 2. Находки с «Тоянова городка». Раскопки 2015 г. Шурф 1.
1-3 – железо; 4 – серебро; 5-10 – керамика

Венчики в основном отогнуты наружу, намного реже прямые. У всех сосудов срез венчика орнаментирован, чаще всего оттисками гребенчатого или гладкого штампа, поставленными в основном по косой относительно края. В нескольких случаях зафиксировано нанесение орнамента на внутреннюю сторону венчика (насечки, оттиски гребенки). По шейкам сосудов нанесен орнамент в виде ямок, отпечатков уголков гребенки, косых насечек. Тулово орнаментировано оттисками гладкого или гребенчатого штампа, рядами ямок, пальцевыми вдавлениями, резными линиями. Сосуды покрывались орнаментом полностью или на две трети. Такая посуда характерна для всех известных

позднесредневековых памятников Томского Приобья (Плетнева, 1990: 98-101; Мец, 1990, 1993; Яковлев, Мец, 1993: 142-143; Зайцева и др., 2010). Аналогичная керамика известна и на севере Новосибирского Приобья (Сяткин и др., 2005: 466-469; Новиков и др., 2003: 56). Данная керамическая традиция пока еще не становилась предметом специального изучения. Не было предпринято попыток статистико-типологического анализа по отдельным памятникам и их сравнения. Радиоуглеродные даты «Тоянова городка», взятые из слоев залегания анализируемой керамики, указывают на ее бытование в пределах сер. XV – сер. XVII вв. Образец Le-11113 – 1440-1650 CalAD (вероятность 95,4 %); Образец Le-11114 – 1460-1660 CalAD (вероятность 95,4 %); Образец Le-11116 – 1410-1640 CalAD (вероятность 95,4 %). Новосибирские археологи датируют подобную керамику первыми веками II тыс. н.э. (Новиков и др., 2003: 56), второй четвертью II тыс. н.э. (Сяткин и др., 2005: 466-469), и связывают ее появление в Новосибирском Приобье с чатскими татарами. В Томском Приобье для такой керамики традиционной является значительно более поздняя датировка: XVI – XVII вв. (Плетнева, 1990: 98-101; Мец, 1990; Яковлев, Мец, 1993). Часть исследователей связывают появление такой посуды с «возрождением» забытых в развитом средневековье раннесредневековых традиций (Плетнева, 1990: 98-101), а другие – даже с непосредственными миграциями самих носителей этих «традиций» – селькупов на юг Томского Приобья (Мец, 1990; Мец, 1993; Яковлев, Мец, 1993). Недавно также высказано мнение о существовании керамического комплекса, «являющегося маркером культурного единства Сибирского ханства». При этом на основании сходства керамики «Тоянова городка» с другими позднесредневековыми городищами и поселениями Приобья, Барабы, Притоболья и Прииртышья «Тоянов городок» включен в круг памятников Сибирского ханства (Матвеев, Татауров, 2013b: 81). Все эти разногласия в датировке, происхождении и культурной атрибуции рассматриваемого керамического «комплекса» закономерны, поскольку пока строятся исключительно на визуальном сходстве керамики с разных памятников без какого-либо серьезного анализа.

В случае с «Тояновым городком», как бы это ни было заманчиво, мы не можем связать обнаруженную здесь керамику исключительно с татарами-эуштинцами. Представители эуштинских, чатских, калмакских (телеутских) и других родов постоянно вступали друг с другом в брачные связи (Малиновский, Томилов, 1999: 522-525; Леявина, 2016: 28-32) и имели общие места проживания. В Томск и его окрестности в XVII веке и позже переселялись выходцы из Поволжья, Средней Азии, таежного Причулымья, Барабинской лесостепи. Даже киргизский князец Кандычко со своей семьей в 1670-х гг. жил вместе с чатскими мурзами в 5 верстах от Томска (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995: 174).

Необходимо также отметить, что «Тоянов городок» является разновременным памятником. В 2015 г. в шурфе 2 нами обнаружен один фрагмент керамики эпохи раннего железа, относящейся к саровскому этапу кулайской археологической культуры. Единичные фрагменты керамики эпохи раннего железа и развитого средневековья имеются в неопубликованных сборах с «Тоянова городка», хранящихся в музеях г. Томска. Радиоуглеродное датирование двух образцов угля из шурфов 1 и 2 подтвердило обитание здесь людей не только в позднем, но в развитом Средневековье: образец Le-11115 (шурф 1) – 1020-1290 CalAD (вероятность 95,4 %); образец Le-11112 (шурф 2) – 970-1170 CalAD (вероятность 95,4 %).

Показательно, что ни в шурфах, ни в обнажениях на территории городища не обнаружено русской гончарной керамики. Этот факт говорит о том, что «Тоянов городок» был заброшен до того, как произошло вытеснение местных керамических традиций русской посудой.

Для реконструкции основных сфер хозяйства населения «Тоянова городка» проведены археозоологические исследования. Всего в наших шурфах на «Тояновом городке» обнаружено 524 кости различных животных. Определения проводил А.В. Шпанский, кандидат геолого-минералогических наук, доцент Томского государственного университета. Видовую принадлежность удалось определить для 293 костей, из них: 252 ед. (86 %) – *Equus* (лошадь); 30 ед. (10,2 %) – *Bos* (корова); 5 ед. (1,7 %) – *Vulpes vulpes* (лисица); 2 ед. (0,7 %) – *Ursus arctos* (бурый медведь); 2 ед. (0,7 %) – позвонки рыб; 1 ед. (0,3 %) – *Castor fiber* (бобер); 1 ед. (0,3 %) – *Rangifer tarandus* (северный олень).

Очевидно, что коневодство занимало ведущее место в хозяйстве. Интересно также отметить, что кости диких животных (лисица, бурый медведь, бобер) обнаружены на самом древнем горизонте обитания, в более поздних слоях они вовсе не встречены.

Нахождение в культурном слое городища фракций железистого шлака говорят о существовании черной металлургии. Обнаружены как плавильные, так и кузнечные шлаки. Рядом с «Тояновым городком», в южных окрестностях Томска, известно месторождение железной руды, которую добывал еще в начале XVII века первый томский рудознатец Федор Еремеев (Пугачев, 1961). Скорее всего, эти выходы сидеритовой руды были известны и проживавшим здесь еще до русских местным кузнецам-плавильщикам.

Индивидуальные находки представлены железным ядром от пищали (рис. 2, 1), железной иглой (рис. 2, 2), железным язычком от пряжки (рис. 2, 3), серебряной монетой времен Михаила Федоровича Романова (рис. 2, 4) и железной скобой.

Монета представляет собой серебряную копейку (чешуйку), отчеканенную в 1631–1639 гг. во времена правления Михаила Федоровича Романова (Мельникова, 1989: табл. 8.1; 8.2). Не менее

интересной и ценной находкой является железное ядро калибра около 1/6 гривенки. Вес ядра – 61,5 г, диаметр – 25 мм. Ядро найдено в том же слое, что и вышеописанная монета. Ядро предназначалось для малокалиберных орудий, вероятнее всего, полковых (ручных) пищалей, которые использовали в бою служилые люди. Калибр ядра соответствует 1/6 гривенки и известен по описи 1582 г. В начале XVII в. малокалиберные пищали стали вытесняться орудиями более крупных калибров (Колосов, 1962: 260). В описной книге пушек и пищалей к 1647 г. (Кирпичников, 1959) самый мелкий калибр составлял уже 1/2 гривенки, то есть практически в три раза тяжелее ядра с «Тоянова городка». Вероятная датировка находки – конец XVI–XVII вв. Похожие ядра найдены на городке Монкысь урий в Сургутском Приобье и относятся к первой трети XVII в. (Кардаш, Визгалов, 2015: рис. 2.4.6).

Обратимся к конкретным историческим материалам касательно вооружения томских служилых татар. Известно, что в 1626 г. в Томском городе сделана первая железная пищаль и к ней 155 железных ядер весом «фунт без чети» (Адрианов, 1912: 7). Учитывая, что эштинские татары несли службу вместе с русскими с момента основания Томска, у них имелись пищали для обороны томских земель и своего городка. Русские также не раз помогали эштинским татарам оборонять их городки от неприятеля. Так, в 1630 г. телеуты пошли войной на «Тоянов городок» и на Томск, но передумали нападать на ставку князя Тояна, узнав от разведчиков, что русские служилые люди (по всей видимости, вместе со своей артиллерией) находятся в «Тояновом городке» и помогают эштинцам обороняться (Миллер, 2000: 429-430).

В 1626–1629 гг. томские кузнецы-оружейники неоднократно изготавливали полковые пищали и чинили старые. Хотя производство и ремонт орудий не всегда был стабильным. Так, в 1635 г. город испытывал острую нехватку артиллерийского вооружения. В челобитной от 1635 г. прямо указывалось, что в Томске всего три пушкаря и многие пищали испорчены. Проблему усугубляло то, что чинить их было некому, потому что все кузнецы, ремонтировавшие раньше орудия, уехали в Тобольск (Томск в XVII веке..., 1911: 159). Тем не менее через год проблема разрешилась. В 1636 г. в Томском городе из порченных стволов сделано 73 пищали, часть из них роздана томским служилым людям, часть – отправлена в Кузнецк (Сергеев, 1973: 128).

В 1639 г. воевода Я.О. Тухачевский писал царю о том, что многие томские служивые татары не имеют пищалей и вооружены только железными копьями, которые очень дороги в Сибири (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995: 91). Вскоре, в том же 1639 г., из Москвы в Томск передано 100 немецких ручных пищалей, которые раздали русским и татарским служилым людям для похода против киргизов (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995: 94). Этот поход возглавил Я.О. Тухачевский в 1641 г. В ходе большого сражения в устье р. Уйбат погибло около 70 человек со стороны киргизов и 17 человек со стороны русских и татар, 130 киргизских людей взято в плен (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995: 103).

Из челобитной от 1643 г. мы узнаем имена татарских мурз и князьков, участвовавших в этом походе в 1641 г. и правивших «Тояновым городком» и подгородными служилыми татарами. Ими являлись Арык Кызланов, Байгаш Мосдарак, Кутетей Пердеев и Торланко Костенов (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995: 116-117). По всей видимости, эштинский князь Тоян, являвшийся хозяином томских земель до прихода русского населения, скончался до 1641 г., и власть над «Тояновым городком» перешла не к эштинским татарам, а к чатским мурзам, которые несли военную службу вместе с русскими и эштинскими людьми. Например, Арык Кызланов, стоящий первым в списке мурз «Тоянова городка», являлся потомком чатской аристократической династии Кызлановых (Волков, 2010: 132). В 1663 г. в Томске насчитывалось как минимум 40 стрельцов и пеших казаков с ружьями (Дополнения к актам..., 1851: 325). В 1664 г. в наказе тобольскому воеводе Алексею Голицыну говорилось, чтобы он присылал ручные пищали и снаряды в Томск по первому требованию томских служилых людей (Дополнения к актам..., 1851: 351).

В качестве аналога ядру, найденному на «Тояновом городке», приведем упоминание о снаряде для затинной пищали, использовавшейся в походе против киргизов в 1680 г. Ядро весило 12 золотников (около 51 г) и предназначалось для пищали весом в один пуд (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995: 144). Таким образом, подобные ядра использовались русскими и татарскими служилыми людьми в XVII в. Наличие у татар «Тоянова городка» собственной артиллерии в первой половине XVII в. значительно усиливало оборону княжеской ставки и заметно выделяло служилых татар с ручными пищалами на фоне традиционного вооружения местных сибирских народов.

Проведены спектральные анализы обнаруженного пушечного ядра (Таблица 1). Содержание углерода составляет 1,1 % (определение выполнено на Экспресс-анализаторе на углерод АН-7529М в Томском политехническом университете). Установлено, что ядро является железным, а не чугуном. В XVII в. огнестрельное оружие попадало к сибирским служилым людям двумя главными путями: из Европейской России (Москвы, Казани) в Тобольск и дальше расходилось по Сибирским городам и из местных кузнечных оружейных центров Тобольска, Тюмени, Томска, где чинились старые испорченные стволы пищалей, мушкетов и другого оружия (Дополнения к историческим актам..., 1859: 350-351).

4. Заключение

Проведенные в 2015 г. исследования подтвердили нашу гипотезу о существовании участков сохранившегося культурного слоя городища «Тоянов городок». Реконструированная на основе

архивных картографических данных площадь городища «Тоянов городок» составила около 7100 кв. м, протяженность оборонительных сооружений более 170 м (рис. 1). Такие внушительные параметры свидетельствуют о том, что «Тоянов городок» являлся мощным политическим и военным центром в период XV – сер. XVII вв. Одним из самых дискуссионных и интересных является вопрос о возможности вхождения «Тоянова городка» в состав Сибирского ханства. Еще в середине XX в. к материалам «Тоянова городка» обращалась В.П. Левашева. По ее мнению, владения князя Тояна входили в состав Сибирского юрта (Левашева, 1950: 348). С нею согласны А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров, также называя «Тоянов городок» и земли эуштинских татар восточными рубежами Сибирского ханства (Матвеев, Татауров, 2013а; 2013б). Свои сомнения на этот счет мы уже высказывали в другой публикации (Водясов, Зайцева, 2016). Пока единственным аргументом является схожесть керамического комплекса «Тоянова городка» и городищ, входящих в состав Сибирского ханства. Необходимы комплексные исследования с привлечением и выявлением письменных источников. Стационарные археологические исследования сохранившегося культурного слоя городища «Тоянов городок» также могут помочь ответить на этот вопрос.

5. Благодарности

Авторы благодарят сотрудников Томского государственного университета А.А. Пушкарева и М.В. Вавулина за помощь в проведении аэрофотосъемки, а также кандидата геолого-минералогических наук А.В. Шпанского за археозоологические определения.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, номер проекта 33.8292.2017/П220.

Литература

Адрианов, 1912 – Адрианов А.В. Томская старина. Томск: Типо-лит. Сибирского Т-ва Печатного дела, 1912. 83 с.

Барсуков, Боброва, 2016 – Барсуков Е.В., Боброва А.И. Городище «Тоянов Городок»: страницы истории // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2016. № 3. С. 85-93.

Бутанаев, Абдыкалыков, 1995 – Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – нач. XVIII вв. Абакан, 1995. 258 с.

Водясов, 2015 – Водясов Е.В. Археологическое наследие в современном общественном сознании жителей Томска // *Сибирские исторические исследования*. 2015. № 2. С. 66-73.

Водясов, Зайцева, 2016 – Водясов Е.В., Зайцева О.В. Хронограф «Тоянова городка»: к истории эуштинских татар в XVII–XVIII вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 2 (40). С. 93-100.

Волков, 2010 – Волков В.Г. Мурзы чатских татар XVII – начала XVIII в. Опыт генеалогической реконструкции династий // *Татарские мурзы и дворяне: история и современность*. Казань, 2010. Вып. 1. С. 130-132.

Гребнева, 2017 – Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2017. 554 с.

Дополнения, 1851 – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. 4. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. 452 с.

Дополнения, 1859 – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. 7. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 400 с.

Дульзон, 1956 – Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // *Труды Томского областного краеведческого музея*. Томск, 1956. Т. 5. С. 89-316.

Зайцева и др., 2010 – Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Пушкарев А.А. Культурно-хронологическая характеристика материалов городища Шайтан III // *Труды Томского государственного университета*. Серия общенаучная. Том 273. Вып. 1. С. 62-64.

Зайцева, Водясов, 2016 – Зайцева О.В., Водясов Е.В. Локализация зимней ставки князя Тояна // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 3 (41). С. 94-99.

Кардаш, Визгалов, 2015 – Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования). Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2015. Том I. Археологические исследования. 448 с.

Кирпичников, 1959 – Кирпичников А.Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии // *Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея*. Вып. 4. Л.: Артиллерийский исторический музей, 1959. С. 265-289.

Колосов, 1962 – Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII в. // *Исторические записки*. Т. 71. М., 1962. С. 259-269.

Левашова, 1950 – Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // *Советская археология*. Т. 13. 1950. С. 341-350.

Леявина, 2016 – Леявина Е.В. Этнокультурные трансформации семейной обрядности томских татар в XIX – начале XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2016. 258 с.

- Малиновский, Томилов, 1999** – Малиновский В.Г., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура (по материалам Первой подушной переписи населения России 1720 года). Новосибирск: Наук. Сиб. предприятие РАН, 1999. 536 с.
- Матвеев, Татауров, 2013a** – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Восточные границы Сибирского ханства // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского*. Томск: Томский государственный университет, 2013. Вып. 3. С. 467-473.
- Матвеев, Татауров, 2013b** – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 4 (24). С. 78-82.
- Мельникова, 1989** – Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 годы). М.: «Финансы и статистика», 1989. 316 с.
- Мец, 1990** – Мец Ф.И. К вопросу о выделении этнопоказательных признаков (по материалам керамического комплекса II тыс. н.э. поселения Шеломок-I) // *Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: Тез. докладов*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 177-179.
- Мец, 1993** – Мец Ф.И. О селькупских чертах позднесредневековой керамики Томского Приобья // *Проблемы этнической истории самодийских народов: Сборник докладов научной конференции*. Омск, 1993. С. 78-83.
- Миллер, 2000** – Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.
- Новиков и др., 2003** – Новиков А.В., Майничева А.Ю., Кравцов В.М., Грес М.В. Прошлое Болотнинской земли. Новосибирск: АртИнфоДата, 2003. 136 с.
- Плетнева, 1990** – Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Издательство Томского университета, 1990. 134 с.
- Пугачев, 1961** – Пугачев А. Кузнец-рудознатец Федор Еремеев. Томск: Томское книжное издательство, 1961. 59 с.
- Сергеев, 1973** – Сергеев В.И. Железодельное производство Томска и Кузнецка в первой трети XVII в. // *Русское население Поморья и Сибири (период феодализма)*. Москва, 1973. С. 125-129.
- Сяткин и др., 2005** – Сяткин В.П., Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследование средневекового поселения Пятый Кордон-1 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XI. Часть I. Новосибирск, 2005. С. 466-469.
- Томск в XVII веке, 1911** – Томск в XVII веке: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. СПб.: В.А. Горохов: Русская скоропечатня, 1911. 169 с.
- Яковлев, 2009** – Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм). Томск – Сургут: Издательство Томского университета, 2009. 348 с.
- Яковлев, Мец, 1993** – Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая Горка (к постановке проблемы об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н.э.) // *Археологические исследования в Среднем Приобье*. Томск: Издательство Томского университета, 1993. С. 129-151.

References

- Adrianov, 1912** – Adrianov A.V. (1912). Tomskaya starina [Tomsk antiquity]. Tomsk: Tipo-lit. Siberian T-va of the Press, 83 p. [in Russian]
- Barsukov, Bobrova, 2016** – Barsukov E.V., Bobrova A.I. (2016). Gorodishche «Toyanov Gorodok»: stranitsy istorii [Toyanov Town: the pages of history]. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, Nr 3, pp. 85-93 [in Russian]
- Butanaev, Abdykalykov, 1995** – Butanaev V.Ya., Abdykalykov A. (1995). Materialy po istorii Khakasii XVII – nach. XVIII vv. [Materials on the history of Khakassia in XVII - beg. XVIII centuries]. Abakan, 258 p. [in Russian]
- Dopolneniya, 1851** – Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei [Additions to historical acts, collected and published by the Archeographic Commission]. Т. 4. SPb.: Printing House Edward Pratz, 1851, 452 p. [in Russian]
- Dopolneniya, 1959** – Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei [Additions to historical acts, collected and published by the Archeographic Commission]. Т. 7. SPb.: Printing House Edward Pratz, 1859, 400 p. [in Russian]
- Dulzon, 1956** – Dulzon A.P. (1956). Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoi oblasti [Archaeological Sites in Tomsk Region]. Proceedings of the Tomsk Regional Museum, Tomsk, Nr 5, pp. 89– 316. [in Russian]
- Grebneva, 2017** – Grebneva G.I. (2017). Katalog arkheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Catalog of archaeological assemblage of Tomsk Local History Museum]. Tomsk: Publishing house of Tomsk State University. 554 p. [in Russian]
- Kardash, Vizgalov, 2015** – Kardash O.V., Vizgalov G.P. (2015). Gorodok Monkys' urii: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekakh (po rezul'tatam kompleksnogo arkheologicheskogo

issledovaniya) [Gorodok Monks Uriy: to the history of the population of the Great Yugan River in the XVI-XVII centuries (based on the results of a complex archaeological study)]. Ekaterinburg: Karavan Publishing Group. Vol. I. Archaeological research. 448 p. [in Russian]

[Kirpichnikov, 1959](#) – *Kirpichnikov A.N.* (1959). Opisnaya kniga pushek i pishchalei kak istochnik po istorii srednevekovoi russkoi artillerii [A detailed book of guns and bells and whistles as a source on the history of medieval Russian artillery]. *Collection of Studies and Materials of the Artillery Historical Museum*. Issue. 4. L.: Artillery Historical Museum, pp. 265-289 [in Russian]

[Kolosov, 1962](#) – *Kolosov E.E.* (1962). Razvitiie artilleriiskogo vooruzheniya v Rossii vo vtoroi polovine XVII v. [The development of artillery weapons in Russia in the second half of the XVII century]. *Historical notes*. T. 71. M., pp. 259-269 [in Russian]

[Lelyavina, 2016](#) – *Lelyavina E.V.* (2016). Etnokul'turnye transformatsii semeinoi obryadnosti tomskikh tatar v XIX-nachale XXI vv. [Ethno-cultural transformations of the family ritual of the Tomsk Tatars in the XIX-beginning of the XXI centuries]. Diss. ... cand. hist. science. Tomsk, 258 p. [in Russian].

[Levashova, 1950](#) – *Levashova V.P.* (1950). O gorodishchakh Sibirskogo yurta [About the hillforts of the Siberian Yurt]. *Soviet archeology*, T. 13, pp. 341-350 [in Russian]

[Malinovskii, Tomilov, 1999](#) – *Malinovskii V.G., Tomilov N.A.* (1999). Tomskie tatary i chulymskie tyurki v pervoi chetverti XVIII veka: khozyaistvo i kul'tura (po materialam Pervoi podushnoi perepisi naseleniya Rossii 1720 goda) [Tomsk Tatars and Chulym Turks in the first quarter of the XVIII century: economy and culture (based on the First Census of the Population of Russia in 1720)]. Novosibirsk: Nauk. Sib. Enterprise of the Russian Academy of Sciences, 536 p. [in Russian]

[Matveev, Tataurov, 2013a](#) – *Matveev A.V., Tataurov S.F.* (2013). Vostochnye granitsy Sibirskogo khanstva [Eastern borders of the Siberian Khanate]. *Cultures and peoples of North and Central Asia in the context of interdisciplinary study: a collection of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia named after A.Sh. V.M. Florinsky*. Tomsk: Tomsk State University, Issue 3, pp. 467-473 [in Russian]

[Matveev, Tataurov, 2013b](#) – *Matveev A.V., Tataurov S.F.* (2013). K voprosu o vostochnykh granitsakh Sibirskogo khanstva [To the question about the eastern borders of the Siberian Khanate]. *Bulletin of Tomsk State University. History*, Nr 4 (24), pp. 78-82 [in Russian]

[Mel'nikova, 1989](#) – *Mel'nikova A.S.* (1989). Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo (istoriya russkoi denezhnoi sistemy s 1533 po 1682 god) [Russian coins from Ivan the Formidable to Peter the Great (the history of the Russian monetary system from 1533 to 1682)]. M.: "Finances and Statistics", 316 p. [in Russian]

[Mets, 1990](#) – *Mets F.I.* (1990). K voprosu o vydelenii etnopokazatel'nykh priznakov (po materialam keramicheskogo kompleksa II tys. n.e. poseleniya Shelomok-I) [To the question about the allocation of ethno-indicative features (based on the materials of the ceramic complex of the 2nd millennium AD of the Shelomok-I settlement)]. *Problems of the historical interpretation of archaeological and ethnographic sources of Western Siberia: Abstracts*. Tomsk: Publishing House TSU, pp. 177-179 [in Russian]

[Mets, 1993](#) – *Mets F.I.* (1993). O sel'kupskih chertah pozdnesrednevekovoj keramiki Tomskogo Priob'ya [On the Selkup features of the late medieval ceramics of the Tomsk Ob region]. *Problems of the ethnic history of the Samoyed peoples*, Omsk, pp. 78-83. [in Russian]

[Miller, 2000](#) – *Miller G.F.* (2000). Istoriya Sibiri. Izd-ie 2-e, dopolnennoe [History of Siberia. Issue 2nd, supplemented]. T. 2. M.: Publishing firm «Eastern Literature» RAS, 796 p. [in Russian]

[Novikov et al., 2003](#) – *Novikov A.V., Majnischeva A.Ju., Kravcov V.M., Gres M.V.* (2003). Proshloe Bolotninskoy zemli [The past of the Bolotnan land]. Novosibirsk: ArtInfoData, 136 p.

[Pletneva, 1990](#) – *Pletneva L.M.* (1990). Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam) [Tomsk Ob River Region in the late Middle Ages (on the archaeological sources)]. Tomsk: Publishing House TSU, 134 p. [in Russian]

[Pugachev, 1961](#) – *Pugachev A.* (1961). Kuznets-rudoznatets Fedor Eremeev [Blacksmith-Ore Smelter Fedor Eremeev]. Tomsk: Tomsk Publishing House, 59 p. [in Russian]

[Sergeev, 1973](#) – *Sergeev V.I.* (1973). Zhelezodelatel'noe proizvodstvo Tomska i Kuznetska v pervoi treti XVII v. [Iron-making production of Tomsk and Kuznetsk in the first third of the XVII century] / *Russian population of Pomorze and Siberia (feudal period)*. Moscow, pp. 125-129 [in Russian]

[Syatkin i dr., 2005](#) – *Syatkin V.P., Durakov I.A., Mzhel'skaja T.V.* (2005). Issledovanie srednevekovogo poseleniya [Research of medieval settlement Pyaty Kordon-1]. *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*, Nr XI. Part I, Novosibirsk, pp. 466-469. [in Russian]

[Tomsk v XVII veke, 1911](#) – Tomsk v XVII veke: materialy dlya istorii goroda so vstupitel'noi i zaklyuchitel'noi stat'yami priv.-dots. P.M. Golovacheva i kartoi okrestnostei Tomska kontsa XVII v. [Tomsk in the XVII century: materials for the history of the city with the introductory and final articles of the pref. P.M. Golovachev and a map of the vicinity of Tomsk at the end of the 17th century]. St. Petersburg: V.A. Gorokhov: Russian First Printing, 1911, 169 p. [in Russian]

[Vodyasov, 2015](#) – *Vodyasov E.V.* (2015). Arkheologicheskoe nasledie v sovremennom obshchestvennom soznanii zhitelei Tomska [Archaeological heritage in contemporary social consciousness of inhabitants of Tomsk]. *Siberian historical research*, Nr 2, pp. 66-73 [in Russian]

Vodyasov, Zaitceva, 2016 – Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. (2016). Khronograf «Toyanova gorodka»: k istorii eushtinskikh tatar v XVII-XVIII vv. [Chronicles of Toyan's Town: On the History of Eushta Tatars in the 17th–18th Centuries]. *Bulletin of Tomsk State University. History*, Nr 2 (40), pp. 93-100 [in Russian]

Volkov, 2010 – Volkov V.G. (2010). Murzy chatskikh tatar XVII-nachala XVIII v. Opyt genealogicheskoi rekonstruktsii dinastii [Murzes of the Chata Tatars of the XVII-early XVIII century. Experience of genealogical reconstruction of dynasties]. *Tatar murzes and noblemen: history and modernity*. Kazan, Is. 1, pp. 130-132 [in Russian]

Yakovlev, 2009 – Yakovlev Ya.A. (2009). Mogil'nik Toyanov Gorodok: Katalog kolleksii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm) [Burial Site Toyanov Gorodok: Catalog of the collection of F.R. Martin 1891 from the collections of the State Historical Museum (Stockholm)]. Tomsk-Surgut: Publishing House TSU, 348 p. [in Russian]

Yakovlev, Mets, 1993 – Yakovlev Ya.A., Mets F.I. (1993). Selishche Zolotaya Gorka (k postanovke problemy ob etnicheskoi situatsii v Tomskom Priob'e II tys. n.e.) [Settlement Zolotaya Gorka (to the formulation of the problem of the ethnic situation in Tomsk Ob Region in II millennium AD)] / *Archaeological research in the Middle Ob River Region*. Tomsk: Publishing House TSU, pp. 129-151 [in Russian]

Zaitceva i dr., 2010 – Zaitceva O.V., Barsukov E.V., Pushkarev A.A. (2010). Kul'turno-hronologicheskaja karakteristika materialov gorodishha Shajtan III [Cultural-chronological characteristics of materials of the ancient settlement Shaitan III]. *Proceedings of Tomsk State University. A series of general scientific*, Nr 273, pp. 62-64. [in Russian]

Zaitceva, Vodyasov, 2016 – Zaitceva O.V., Vodyasov E.V. (2016). Lokalizatsiya zimnei stavki knyazya Toyana [Locating the Winter Stavka of Knyaz Toyan]. *Bulletin of Tomsk State University. History*, Nr 3 (41), pp. 94-99 [in Russian]

Итоги комплексного исследования городища «Тоянов городок»

Евгений Вячеславович Водясов ^{a, b*}, Ольга Викторовна Зайцева ^a

^a Томский государственный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. «Тоянов городок» являлся зимней ставкой эуштинского князя Тояна и представлял собой важный политический центр в XV–XVII вв. Благодаря дипломатии князя Тояна, напротив его городка, в правобережье р. Томь, в 1604 г. появился новый русский форпост – Томск. Статья посвящена итогам археологических полевых и лабораторных исследований этого знакового городища. Находка пушечного ядра соотносится с письменными данными об использовании служилыми татарами собственной артиллерии. Наличие у татар «Тоянова городка» ручных пищалей в первой половине XVII в. значительно усиливало оборону княжеской ставки и заметно выделяло служилых татар с пищалями на фоне традиционного вооружения местных сибирских народов. На основе археозоологических исследований определен хозяйственно-культурный тип населения «Тоянова городка» как скотоводческий (с преобладанием в стаде лошади). Отсутствие на городище русской гончарной посуды свидетельствует о том, что вытеснение местных традиций русской керамикой случилось после того, как «Тоянов городок» был заброшен. Радиоуглеродное датирование вкупе с нумизматическим материалом и археологическими находками позволяют отнести основной культурный слой к сер. XV – сер. XVII вв. Проведенные исследования опровергли долго бытовавшее мнение о полном уничтожении памятника и наметили перспективу дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Тоянов городок, князь Тоян, эуштинские татары, Томское Приобье, эпоха позднего Средневековья, Новое время.

* Корреспондирующий автор

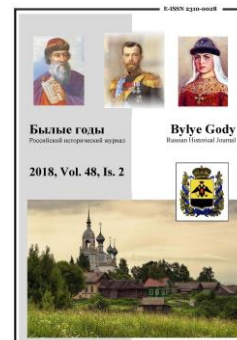
Адреса электронной почты: vodiasov_ev@mail.ru (Е.В. Водясов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 465-473. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.465
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Highland's Socio-Cultural Heritage in the Context Of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society's Political Development. Part 2

Pavel A. Merkulov^{a,*}, Evgeniy A. Turin^a, Elena N. Savinova^a, Natalia G. Akatova^a

^a Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The article examines the historical imperatives of the Scottish identity in the context of scientific understanding of the civilizational and sociocultural foundations of the political development of the Scottish society. Trying to understand the reasons for the emergence of separatist tendencies in the UK, the authors touch upon a number of issues related to the role of Scotland in the formation of the British Empire, separately focusing on the problem of the transformation of the Scottish identity at the end of the XVIII – XIX centuries.

The article focuses on the views of the Scottish authors of the imperial and modern periods on the socio-cultural heritage of the Highland in the context of the scientific interpretation of the historical imperatives of the political development of Scotland. The article substantiates the idea that the socio-cultural heritage of the Highlanders did not remain static, but, on the contrary, was marked with dynamism, because Highland was introduced into the English-speaking consciousness in times of difficult conditions of imperial expansion, clash of cultures, time periods and space. This led to ambiguous characteristics of the Scottish identity. This issue, from the authors' point of view, continues to be rather controversial from the end of the XVIII century up to the present time, due to Scotland's contradictory character. The latter circumstance is explained by the historically determined involvement of the Scots in the political, economic and cultural expansion of the British Empire. Therefore, taking into account various concepts describing the current state of the Scottish society, the authors of the article consider that it is very important to understand the ambivalence of views on the Scottish identity, whose socio-cultural heritage of Highland was like a "litmus test" in the XVIII-XIX centuries.

Keywords: Scotland, Highland, Lowland, Scottish identity, British identity, colonialism, British Empire.

Продолжение

Желание Общества Хайленд произвести ряд реформ, влиться в так называемый национальный «прогресс» говорит о стремлении сохранить шотландские традиции. Это также следует рассматривать в контексте про-союзных шотландских концепций и необходимости самосовершенствования для дальнейшего сотрудничества полноправных партнеров – Шотландии и Англии в рамках Союза. Призыв к реформам говорит и о некоей обеспокоенности шотландцев относительно «примитивности» их положения относительно южного соседа (Craig, 1996). Таким образом, реформирование Хайленда стало результатом прошлых попыток шотландцев модернизировать не только инфраструктуру и экономику, но и национальный характер. Шотландцы всегда пытались очистить свой язык от «примесей», чтобы создать новый вид идентичности, которая не мешала бы пользоваться экономическими возможностями Союза (Duncan, 1998). Синклер, в свою очередь, также писал о своих исследованиях, его книга «Наблюдения за развитием шотландского

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), turin.of.foveran@yandex.ru (E.A. Turin), savinovae.n@yandex.ru (E.N. Savinova), ngofficial@yandex.ru (N.G. Akatova)

диалекта» вышла в Лондоне в 1784 году, в которой он утверждает, что «необходимо обрести новые манеры и создать собственный язык» для того, чтобы шотландцы смогли получить полный доступ к новым возможностям Союза (Crawford, 1992: 24).

Шотландцы, такие, как Синклер, рассматривали реформы в Хайленде как неотъемлемую часть проекта по консолидации Империи, в которой процветала бы и сама Шотландия. Синклер всегда связывал развитие с общим ростом благосостояния, впоследствии его сын писал, что последние слова Синклера выражали «теплую привязанность» к жителям Хайленда, чье благополучие, к его сожалению, было «весьма несовершенным» (Sinclair, 1837: 389). Идеология развития является нечто большим, чем просто инструмент англо-ориентированного колониализма, и отражает досадное отношение к собственной идентичности англоговорящих шотландцев. Синклер пишет: «С одной стороны, они ревностно стремятся сохранить или восстановить ту часть себя, которую они считают утраченной навсегда, а с другой стороны, они навязчиво стремятся реформировать ту же самую часть, которая представляет для них остатки шотландской дикости» (Sinclair, 1837: 389).

Таким образом, Хайленд (точнее, его культурное наследие) стал предметом многочисленных научных исследований и непрекращающихся дискуссий. Малколм Чепмен пишет: «Совершенно случайно интеллектуальный мир столь крупного общества заинтересовался именно примитивным Хайлендом, а не скажем, Лотианским крестьянством или проблематикой Южных Островов» (Chapman, 1992: 20). Именно близкое расположение лежит в основе отношения англицизированных шотландцев Лоуленда к Хайленду, поскольку жители последнего – «примитивный» народ, занимающий пространственную и культурную позицию, которая пока не доступна для лоулендеров. Эта «пропасть» между «их идентичностью, самосознанием» и окружающим миром отражена в самой географии Шотландии – Нагорье (Хайленд) / Низины (Лоуленд). Жители Лоуленда и Хайленда, безусловно, взаимодействовали: путешествовали, занимались торговлей, заключали браки и т.д. Таким образом, эти два мира прошли разные этапы развития, но в то же время тесно соприкасались.

В этой связи уместно прибегнуть к мнению Бенедикта Андерсона, являющегося автором теории национального общества, которое, по его словам, «движется через однородное, пустое время» (Anderson, 1983). По его мнению, нация организована как серия культурных столкновений, аналогичных, но не сводимых к одновременным встречам в имперских пространствах в других местах.

Непрекращающиеся дискуссии об идентичности и различиях лоулендеров и горцев Хайленда представляют собой форму колониальной амбивалентности, которую постколониальные критики определяли в колониальном дискурсе. Так, Хоми К. Бхабха утверждал, что колониальный дискурс представляет собой колониальный субъект, который «одновременно является чем-то чуждым» и в то же время «полностью узнаваемым и видимым», он отражает стремление к «реформам и изменениям» (Bhabha, 1984: 125-135). Бхабха видит амбивалентность, которая подрывает уверенность в колониальном дискурсе. В шотландских работах о Хайленде «примитивность» становится составной частью нации. Поэтому Хайленд параллелен динамике амбивалентности колониального дискурса, который описывает Бхабха. Тем не менее Хайленд выступает как нечто «националистическое» и одновременно «имперское». Применяя условия Бхабхи к культурным особенностям Хайленда, можно утверждать, что дискурс последнего отражает стремление сформировать свою собственную национальную идентичность (Bhabha, 1984: 235).

Многочисленные научные работы, посвященные Хайленду, написанные во времена существования империи, в частности в контексте реакции шотландцев на консолидацию британского союза после 1707 года, стали предметом острой критики и дискуссий, одним из участников которых стал, например, Мюррей Г.Х. Питток, скрупулезно прослеживавший в своих работах традиции Хайленда. Впоследствии Вальтер Скотт неразрывно связывал политическую идеологию якобитов с культурой Хайленда, о чем свидетельствуют многие его письма и художественные произведения. Колин Кидд подтверждает убедительную связь, описанную В. Скоттом, между укладом жизни Хайленда и шотландской культурой, адаптируя историографию английских вигов (Kidd, 1993: 247-268). Кидд предполагает, что, хотя В. Скотт был буквально очарован Хайлендом, идеологическим толчком, стоящим за всеми его работами, стал отказ от прошлого и принятие прогрессивных возможностей англо-шотландского союза. Романы В. Скотта, так же, как и деятельность Общества Хайленд, были направлены на формирование национальной идеи, чувства общей исторической традиции и общего прошлого. Взгляды же К. Кидда и М. Питтока (Pittock, 2001) бесценны для осмысления и определения роли Хайленда в консолидации национального государства, теория которого была предложена Б. Андерсоном (Anderson, 1983: 6-7).

В дополнение к анализу Питтока и Кидда, в которых основное внимание уделяется роли Хайленда в формировании шотландской нации и государственности, существует и альтернативный анализ, где Хайленд рассматривается как находящийся в процессе «внутреннего колониализма» британской «кельтской модели», представленной Шотландией, Ирландией и Уэльсом. Поскольку различные регионы мира попали под гегемонистское господство глобального капитализма в «мировой системе», они интегрировались в иерархические отношения, в которых столичный «центр» превращает «периферию» в место производства и потребления сырья. Как пишет Майкл Хечтер,

центр в подавляющем большинстве доминирует как на экономическом, так и на культурном фронте, а периферия не имеет силы сопротивляться неумолимому натиску центра (Hechter, 1975). В Империи Хайленд считался периферийным регионом, поскольку был подчинен англизирующим силам Шотландии и имперского Лондона. В этой связи Питер Уомак суммировал гегемонистский эффект внутреннего колониализма: «Хайленд подчинен системе метрополии не на том основании, что она имеет превосходство, а на том основании, что она неизбежна. Совсем необязательно отдавать ей свое предпочтение, так как в любом случае эта система принудительна» (Womack, 1989: 167).

Однако «кельтская модель» британского империализма серьезно критикуется Линдой Колли и Робертом Кроуфордом, которые утверждают, что британская культура не была «просто навязана» англичанами кельтским землям (Colley, 1992; Crawford, 1992). Колли в своем анализе формирования британской идентичности в контексте длительных военных действий против Франции предлагает более динамичный анализ взаимодействия между разрозненными культурами народов Великобритании. Она утверждает, что чувство общей британской идентичности возникло «прежде всего, в ответ на конфликт с другими культурами», и, хотя она возникла после шотландской, валлийской и ирландской, британская идентичность не вытеснила и не уничтожила их (Colley, 1992). Кроуфорд критиковал «кельтскую модель» еще более яростно, указывая на то, каким образом шотландская «периферия» принимала активное участие в формировании британской литературы и культуры. В работе, которая описывает «переданный», а не «тоталитарный» англоцентристский подход в британской литературе, Кроуфорд отмечает, что на протяжении веков границы центра подвергались изменениям и многократно оспаривались» (Crawford, 1992: 7). Кроуфорд, как и Колли, представляет динамичную, мультикультурную модель Британии, которая подчеркивает двойное влияние центра и периферийных культур, позволяя внутренним меньшинствам эффективно противостоять указанному влиянию и формировать свою национальную культуру. Однако, если обе работы позволяют нам полностью переосмыслить кельтскую культуру, ни одна из них не рассматривает отношения различных культур в самой Великобритании. Если правомерно утверждать, что культура Британии берет свое начало не из центра, следует отметить, что не все члены различных этнических групп играли равнозначную роль в ее формировании.

Постколониальные исследователи, такие, как Иан Бауком, Симон Гиканди и Найджел Лиск, описывают роль внешнего колониализма в формировании Британии и британской идентичности (Baucom, 1999; Gikandi, 1996; Leask, 1992). Например, в своем анализе имперских «волнений» Лиск рассматривает решающую роль британской экспансии в формировании британской идентичности: «Нельзя просто говорить об империализме в период исторического кризиса гражданской идеологии предконституционного национального государства. Не похоже, что «исходный» гражданский дискурс, разработанный в сплоченном столичном обществе, впоследствии был поставлен под удар в колониальном или имперском контексте. Скорее даже... национальная культура была продуктом имперской экспансии, поскольку империализм был «выражением» этой культуры» (Leask, 1992: 86).

Исследование Лиска заслуживает отдельного внимания, поскольку он отмечает, что идеи формирования нации и империи взаимозаменяемые. Более того, его понимание культурного превосходства Великобритании позволяет переосмыслить двоякую модель колониального дискурса. Лиск пишет, что британский империализм производит триадную структуру, в которой кельтская периферия связана с имперским центром и поэтому занимает промежуточное звено. Эта триадная структура позволила шотландцам, обеспокоенным культурной маргинализацией, определить свое место в историческом процессе.

«Теория переселения» Лиска учитывает сложные связи между внутренними и внешними маргинализованными культурами. Однако анализ Лиска, как и других постколониальных критиков, не охватывает культурные различия внутри самой Шотландии, тем самым упрощая связь между внутренним и внешним колониализмом, сводя его к простой хронологии, в которой первое предшествует последнему и служит своего рода имперской «разминкой», когда «перифериизация» устанавливает колониальные институты и создает рамки, которые будут обозначены в мировом сообществе. Бауком, например, в своей работе «Вне места» отслеживает тонкие сдвиги в формировании и развитии «британскости» посредством анализа изменений парламентских определений «британское», «британский» и т.п. Тем не менее он мало упоминает о националистическом давлении, исходящим из Шотландии, Ирландии и Уэльса, которое могло бы внести свой вклад в эти сдвиги и продолжать играть роль в официальных толкованиях «британскости» (Baucom, 1999).

Де факто экономические преобразования, происходившие в имперский период на периферии Британии, отражали состояние культур, подверженных динамике как внешнего, так и внутреннего колониализма. Амбивалентность, которую описывают исследователи Хайленда, отражает пересекающиеся временные рамки британского империализма в эпоху романтизма, она происходит на разных уровнях и локациях в самой нации и не только. Для шотландского общества эти процессы имели больший смысл, чем просто теории переселения, к которым оно выражало свое противоречивое и неоднозначное отношение, поскольку участие Шотландии в имперском проекте имело весьма неоднозначный и дискуссионный характер.

Колли, суммируя важность имперской идеи в определении британской идентичности, указывает, что, «хотя англичане и иностранцы называют Великобританию «Англия», они никогда не называли ее «Империя» (Colley, 1992: 130). Если идея империи имеет центральное значение для формирования британского национального чувства, то также стоит упомянуть, что империя сформировала отличительные национальные особенности шотландского общества. Для образованных шотландцев империализм был выдающимся элементом в принятии Союза с момента его создания после Унии 1707 года. Неудавшаяся колонизация Дарьена привела шотландцев к тому, что сотрудничество с Англией обеспечивало единственный путь к имперскому успеху¹. Впрочем, еще до фактического создания Союза идея империи определила условия участия Шотландии в консолидации британской государственности, поскольку многие шотландцы приняли потерю политической автономии в обмен на то, что еще больше обеспечит выгоду для нации в долгосрочной перспективе: доступ к новым зарубежным рынкам и богатство империи. Более того, поскольку имперская идея оказалась полем игры, на котором шотландцы и англичане были равны, развитие имперской государственности подразумевало партнерские отношения Шотландии и Англии. Таким образом, имперская идея стала единственным способом утверждения Шотландии в составе Великобритании. В XIX столетии Т. Дивайн писал: «Создание империи было представлено как нечто исключительно шотландское, как исполнение национальной судьбы. Шотландские таланты были показаны на мировой арене благодаря вкладу нации в развитие величайшей территориальной империи на земле. Британская империя ни в коем случае не преуменьшала чувства шотландской идентичности, а усиливала ее, как и чувство национального уважения, демонстрируя, что шотландцы были равными партнерами с англичанами в великой имперской миссии (Devine, 2006: 289-290).

Несмотря на то, что шотландцы и англичане служили в Вооруженных силах в непропорциональном количестве, нельзя утверждать, что Шотландия представляла военную мощь Англии. К середине XVIII века шотландцы создали торговые точки в колониальном мире Азии, Восточной Индии и Северной Америке. Кроме того, к середине века шотландцы получили доступ к империи через министерские назначения и систему патронажа, что открывало путь к имперским административным должностям, где они могли бы играть более активную роль в разработке и реализации имперской политики.

Величайший из шотландских имперских фигур конца XVIII века – Генри Дандас, президент Совета по контролю Ост-Индской компании (EIC) с 1793 по 1801 годы (и член лондонского Общества Хайленд) – увеличил численность шотландцев в администрации. Усилия Дандаса вызвали много критики (Fry, 1992: 111). Несмотря на это, он не только обеспечил средства к существованию шотландцев в Индии, но и активно продвигал имперскую экспансию. Его биограф Майкл Фрай предполагает, что роль Дандаса в формировании британской имперской политики носила «шотландский характер», поскольку его деятельность осуществлялась под влиянием историографических, антропологических и социологических теорий Шотландского Просвещения. Таким образом, пишет Фрай: «Дандас мог универсализировать свои концепции и корректно применить их ... к новым условиям» (Fry, 1992: 115).

Министр Правительства, престиж которого зависел от действий, направленных на укрепление Союза, видел своей задачей не отказ от интересов англичан, а «формирование Союза» на шотландских условиях (Fry, 1992: 128).

Поскольку Шотландия сыграла центральную роль в формировании британской культуры, зажиточные слои населения империи оказали глубокое влияние на шотландскую жизнь: роскошные дома в Глазго, финансируемые огромной прибылью от торговли табаком, проектирование домов шотландских набобов, чье новообретенное богатство из Индии преобразило шотландский ландшафт. Как указывает Дивайн, значительная часть средств, выделенных на улучшение жизни как в Лоуленде, так и Хайленде, выделялась из средств Империи. Признавая влияние Дандаса в преобразовании индийской и шотландской культур, граф Роузбери писал: «Он сделал Индию более шотландской, а Шотландию – восточной» (Fry, 1992: 111).

Центральная роль Шотландии в формировании Британской империи все больше становится предметом научного интереса. Впрочем, большинство исследователей отмечает, что в Шотландии во время подъема Империи общество находилось в аномальном социально-политическом положении, т.к. шотландцы оказались тогда чуть ли не единственной европейской нацией, которая, несмотря на ее беспрецедентную промышленную и имперскую экспансию, продолжала оставаться «в ежовых рукавицах». Между 1820-м годом и Первой мировой войной из страны эмигрировало около 2 млн шотландцев, в результате чего Шотландия находилась в той же ситуации, что и Ирландия по уровню эмиграции на душу населения (Devine, 2006: 468). В период существования Британской империи

¹ Шотландская колонизация бухты Дарьен, известная под названием Проект «Дарьен» или Дарьенский проект, англ. The Darién scheme – попытка Королевства Шотландия начать собственную имперскую политику путем основания шотландской колонии в Центральной Америке в заливе Дарьен (ныне территория Панамы) в конце 1690-х гг. Проект окончился неудачей и стал одной из причин финансового краха Шотландии, что стало одним из факторов, приведших к шотландско-британской унии в 1707 г.

шотландское общество отличалось глубоким динамизмом. Жизнь многих шотландцев (как внешне, так и внутренне) определяли переселение и миграция, что весьма негативно оценивал Вальтер Скотт. Так, он призывал своего сына, служившего в 18-м гусарском полку в Ирландии, по поводу возможного перевода в Индию вовсе отказаться от службы. Великий шотландец писал своему отпрыску: «Вы не получите ни опыта в своей профессии, ни богатства, ни чего-либо другого, кроме никчемной смерти при штурме форта какого-нибудь раджи с непроносимым именем... или, если вы выживете, это вернетесь через 20 лет лейтенантом или капитаном с желтым лицом и большой печенью, а не с рупией в кармане, чтобы ею оплатить утраченное здоровье» (Scott, 1932-37: 435). По сути, Скотт, применительно к Шотландии, критиковал то, о чем писал Дэвид Ллойд, давая социокультурные характеристики Ирландии имперско-колониального периода: «...Ее (Ирландии – авт.) население в прямом и переносном смысле рассредоточено по многочисленным локациям мирового сообщества» (Lloyd, 1993).

Действительно, большая часть иммиграции, возникшей в шотландском Хайленде, отражает социальные и экономические потрясения, которые, по-видимому, обусловлены динамикой внутренней колонизации. Однако хронология эмиграции Хайленда усложняет идею о том, что колонизация началась сначала в кельтских поселениях, а потом постепенно перешла на иные этнокультурные регионы. Историки считают, что в конце XVIII – начале XIX веков эмиграция Хайленда усилилась. Эрик Ричардс пишет, что в период с 1770 по 1815 годы более десяти тысяч человек уехали в Северную Америку (Richards, 2000: 64). Подобное массовое переселение является только первым этапом. Еще более резкие темпы миграции произошли в течение XIX века – в 1820-х, 1840-х и 1850-х годах, прекратившиеся только в конце 1880-х годов после принятия «Закона арендаторов», который обеспечил жителей Хайленда землей. Факт непрерывной эмиграции и переселений на протяжении всей эпохи «внешнего колониализма» указывает на активное протекание процессов становления Империи. Тот же упоминавшийся Дандас всегда старался укрепить британские имперские интересы, не забывая также и о Хайленде. Например, обеспокоенный ростом темпов эмиграции среди хайлендеров, Дандас, будучи директором Британского рыбохозяйственного общества, способствовал развитию рыбной промышленности Нагорья.

Схожие схемы развития отдельных колоний и Хайленда иллюстрируют сложную динамику империализма в XVIII – начале XIX веков, свидетельствуют о том, что простая оппозиция между внутренним и внешним колониализмом не может объяснять все вопросы, касающиеся британской имперской парадигмы. Синхронность имперской экспансии на ранних этапах, происходящих внутри страны и за ее пределами, породила многочисленные имперские «веяния», переходящие из одного региона в другой, что привело к некоторым противоречиям. Например, Шотландское Общество распространения христианских знаний (SSPCK) было основано в 1709 году с целью «распространения христианских знаний, в частности в Хайленде и на Британских Островах, где царил порок, идолопоклонство, суеверие и атеизм» (Withers, 1992: 120). Тем не менее уже в 1730-х годах SSPCK расширило сферу своей миссии, активизировавшись в Северной Америке и работая над перевоспитанием коренных американцев. Миссионерская работа в Хайленде не просто предшествовала работе в британских колониях Америки, а дополняла ее. Методы работы SSPCK по обе стороны Атлантики часто пересекались и влияли друг на друга. Опыт управления в Хайленде и Северной Америке помог сформировать общее отношение SSPCK к культурам коренных народов, с которыми оно работало. Дональд Мик отмечает, что SSPCK все более терпимо относилось к определенным аспектам родной культуры, особенно к родному языку, в стремлении достичь своих целей (Meek, 1989: 378-396). В то же время тесные контакты и взаимодействие между коренными американцами и вновь прибывшими переселенцами из Хайленда позволили миссионерам наблюдать их совместную деятельность, что давало возможность проводить параллели между двумя «примитивными» культурами (Meek, 1989: 387).

Транспериферический поток империализма способствовал приближению шотландской культуры (благодаря миссионерам Лоуланда и иммигрантам Хайленда) к культуре коренных американцев, что вызвало многочисленные дискуссии и сравнения кельтов и коренных американцев, отразившиеся в работах теоретиков Шотландского Просвещения. Правда, сказанное вовсе не означает, что имперское отношение к жителям Хайленда и к коренным американцам было совершенно одинаковым. Социокультурный обмен предполагает, что даже если ключевой чертой имперской культуры является ее способность проявлять себя в различных локациях, то и сама она претерпевает некоторые изменения, соприкасаясь с другими культурами.

Критики, такие, как Кэти Трумпенер и Джанет Соренсен, подчеркивают синхронность внутреннего и внешнего колониализма и важность транспериферических и транснациональных каналов культурного обмена. Трумпенер в своем исследовании описывает подъем на кельтской периферии в эпоху Романтизма «бардического национализма». Это стало цивилизационным ответом британских кельтов на растущее политическое и культурное господство Англии, т.к. в традиции кельтских народов барды играли ключевую роль в формировании национальной идентичности (Trumpener, 1997: 67-127). Антиимпериалистический национализм бардов впоследствии был несколько видоизменен (в частности В. Скоттом), что обеспечило консолидацию возрожденной

имперской британской идентичности, способной оказать сопротивление девициям империализма. В свою очередь Соренсен исследовала модели внутреннего колониализма, который, по ее мнению, не соответствует транснациональному характеру британской культуры XVIII века. Она проанализировала, как империализм устанавливает связь центра и периферии между регионами, а также внутри самих регионов, созданных по классовым и гендерным различиям (Sorensen, 2000). Хотя Трумпенер и Соренсен посвящают большую часть исследований анализу Шотландии, они также описывают взаимодействие и иных периферийных культур с доминирующей английской культурой.

В определенной степени данная статья является продолжением взглядов, которые транслировали в своих работах Трумпенер и Соренсен, и мы абсолютно согласны с тем, что невозможно отследить формирование национального и имперского сознания в Великобритании как отдельные явления. Тем не менее мы фокусируем анализ на шотландских исследованиях Хайленда, поскольку колониальная амбивалентность данных работ подчеркивает уникальные исторические условия Шотландии, позволившие создать профессиональную элиту, которая играла центральную роль в формировании британских имперских взглядов в условиях растущего господства английского политического и культурного влияния.

6. Заключение

Завершая, отметим, что вопрос социокультурного наследия Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития шотландского общества продолжает оставаться дискуссионным с конца XVIII века вплоть до настоящего времени.

Ян Дункан и Джанет Соренсен отмечали, что Шотландия в цивилизационном плане является противоречивым местом не сама по себе, а всегда как часть более широкой политической, экономической и культурной экспансии, охватывавшей мировой горизонт имперских территорий Британии (Duncan, 2002: 81-102; Sorensen, 2000). Касательно формирования британской национальной идентичности трудно не согласиться также с мнением Дэвиса, который описывает ее формирование как процесс диалога: «Идеи нации/империи формулируются через споры и переговоры о конкурирующих и часто раздробленных культурах» (Davis, 1998).

Тем не менее работы Макферсона и Скотта раскрывают нестабильность национальной идентичности шотландцев, поскольку подобные подходы недостаточны для представления нации.

Нам хотелось бы надеяться, что представленный в данной статье анализ делает очевидной колоссальную роль разнообразных трудов о Хайленде в процессе формирования понимания Шотландии в целом. Шотландцы представили свое понимание идентичности «себя» и «других» народов, что обусловлено своеобразной напряженностью и требованиями быстро менявшейся в XVIII–XIX веках национальной культуры. Социокультурное наследие Хайленда не является статическим, напротив – это символ неумолимого динамизма, поскольку его представители считают себя одновременно и жертвами, и агентами «англизации». Хайленд был введен в англоязычное сознание во времена сложных условий имперской экспансии, столкновения культур, временных рамок и пространства. Поэтому, на наш взгляд, сталкиваясь с растущим множеством концепций, описывающих современное состояние шотландского общества, очень важно понимать способы преодоления социокультурных проблем, которые возникали в Шотландии не только после крушения Британской империи, но и с момента ее возникновения (Тюрин, 2017: 178-182).

Тогда амбивалентность взглядов о шотландских социокультурных проявлениях отражала тяжелое положение этнического меньшинства, стремящегося выжить в условиях имперской парадигмы (Merkulov et al., 2017: 765-775). Последняя делила британское общество на разные культуры по классовой и гендерной принадлежности (Cheape, 1991: 23). Отношение британских властей к проблеме «примитивных» народов, к которым в XVIII – начале XIX века относили и шотландских горцев, заставляет нас сегодня обращать внимание на социокультурное наследие Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития современного шотландского общества и особенностей «национализма» шотландцев (Меркулов и др., 2017: 153-159).

Литература

Меркулов и др., 2017 – Меркулов П.А., Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Эволюция ШНП в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского «национализма» // *Власть*. 2017. № 6. С. 153-159.

Тюрин, 2017 – Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // *Власть*. 2017. № 7. С. 178-182.

Anderson, 1983 – Anderson B. *Imagined Communities*. London: Verso, 1983.

Vaicom, 1999 – Vaicom I. *Out of Place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

Bhabha, 1984 – Bhabha H.K. “Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse” October 28, 1984.

Chapman, 1992 – Chapman M. *The Celts: the Construction of a Myth*. New York: St Martin's, 1992.

- [Cheape, 1991](#) – *Cheape H.* Tartan: The Highland Habit Edinburgh: National Museums of Scotland, 1991.
- [Colley, 1992](#) – *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707-1837 revised edition, New Haven and London, 1992.
- [Craig, 1996](#) – *Craig C.* Out of History: Narrative Paradigms in Scottish and English Culture. Edinburgh: Polygon, 1996.
- [Crawford, 1992](#) – *Crawford R.* Devolving English Literature. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- [Davis, 1998](#) – *Davis L.* Acts of Union: Scotland and the Literary Negotiation of the British Nation 1707-1830. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998.
- [Devine, 2006](#) – *Devine T.M.* The Scottish Nation 1700-2007 reissued edition. London and New York, 2006.
- [Duncan, 1998](#) – *Duncan I.* “Adam Smith, Samuel Johnson and the Institutions of English”, in *The Scottish Invention of English Literature*, ed. Robert Crawford. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- [Duncan, 1998](#) – *Duncan I.* Primitive Inventions: Rob Roy, Nation, and World System. *Eighteenth-Century Fiction* 15, no. 1. October, 2002.
- [Fry, 1992](#) – *Fry M.* The Dundas Despotism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992.
- [Gikandi, 1996](#) – *Gikandi S.* Maps of Englishness. New York: Columbia University Press, 1996.
- [Hechter, 1975](#) – *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975.
- [Kidd, 1993](#) – *Kidd C.* Subverting Scotland’s Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689-1830. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- [Leask, 1992](#) – *Leask N.* British Romantic Writers on the East: Anxieties of Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- [Lloyd, 1993](#) – *Lloyd D.* Anomalous States: Irish Writers and the Post-Colonial Moment. Dublin: Lilliput, 1993.
- [Meek, 1989](#) – *Meek D.E.* “Scottish Highlanders, North American Indians, and the SSPCK: Some Cultural Perspectives.” *Scottish Church History Society* 23, 1989.
- [Merkulov et al., 2017](#) – *Merkulov P., Turin E., Savinova E.* Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775.
- [Nairn, 2001](#) – *Nairn T.* Farewell Britannia: Break-Up or New Union? // *New Left Review*, 7, 2001. pp. 55-74.
- [Pittock, 2001](#) – *Pittock M.* Scottish Nationality. Hampshire, 2001.
- [Richards, 2000](#) – *Richards E.* The Highland Clearances. Edinburgh: Birlinn, 2000.
- [Scott, 1932-37](#) – *Scott W.* Letters of Sir Walter Scott. Edited by H. J. C. Grierson. 12 vols. London: Constable, 1932-37.
- [Sinclair, 1837](#) – *Sinclair, Sir John.* Memoirs of the Life and Works of the Late Right Honourable Sir John Sinclair, Bart. Edited by Rev. John Sinclair. 2 vols. Edinburgh: W. Blackwood and Sons, 1837.
- [Sorensen, 2000](#) – *Sorensen J.* The Grammar of Empire in Eighteenth Century British Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- [Trumpener, 1993](#) – *Trumpener K.* Bardic Nationalism. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- [Withers, 1992](#) – *Withers C.W.J.* “The Historical Creation of the Scottish Highlands” in *The Manufacture of Scottish History*, edited by Ian Donnachie and Christopher Whatley. Edinburgh: Polygon, 1992.
- [Womack, 1989](#) – *Womack P.* Constructing the Myth of the Highlands. London, 1989.

References

- [Anderson, 1983](#) – *Anderson B.* (1983). Imagined Communities. London: Verso.
- [Baucom, 1999](#) – *Baucom I.* (1999). Out of Place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- [Bhabha, 1984](#) – *Bhabha H.K.* (1984). “Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse” October 28.
- [Chapman, 1992](#) – *Chapman M.* (1992). The Celts: the Construction of a Myth. New York: St Martin’s.
- [Cheape, 1991](#) – *Cheape H.* (1991). Tartan: The Highland Habit Edinburgh: National Museums of Scotland.
- [Colley, 1992](#) – *Colley L.* (1992). Britons: Forging the Nation 1707-1837 revised edition, New Haven and London.
- [Craig, 1996](#) – *Craig C.* (1996). Out of History: Narrative Paradigms in Scottish and English Culture. Edinburgh: Polygon.
- [Crawford, 1992](#) – *Crawford R.* (1992). Devolving English Literature. Oxford: Oxford University Press.
- [Davis, 1998](#) – *Davis L.* (1998). Acts of Union: Scotland and the Literary Negotiation of the British Nation 1707-1830. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Devine, 2006 – Devine T.M. (2006). The Scottish Nation 1700-2007 reissued edition. London and New York.
- Duncan, 1998 – Duncan I. (1998). “Adam Smith, Samuel Johnson and the Institutions of English”, in *The Scottish Invention of English Literature*, ed. Robert Crawford. Cambridge: Cambridge University Press.
- Duncan, 1998 – Duncan I. (2002). Primitive Inventions: Rob Roy, Nation, and World System. *Eighteenth-Century Fiction* 15, no. 1. October.
- Fry, 1992 – Fry M. (1992). The Dundas Despotism. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Gikandi, 1996 – Gikandi S. (1996). Maps of Englishness. New York: Columbia University Press.
- Hechter, 1975 – Hechter M. (1975). Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Kidd, 1993 – Kidd C. (1993). Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689-1830. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leask, 1992 – Leask N. (1992). British Romantic Writers on the East: Anxieties of Empire. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lloyd, 1993 – Lloyd D. (1993). Anomalous States: Irish Writers and the Post-Colonial Moment. Dublin: Lilliput.
- Meek, 1989 – Meek D.E. (1989). “Scottish Highlanders, North American Indians, and the SSPCK: Some Cultural Perspectives.” *Scottish Church History Society* 23.
- Merkulov i dr., 2017 – Merkulov P., Turin E., Savinova E. (2017). Evolyutsiya ShNP v borbe za natsionalnoe samoopredelenie Shotlandii: k voprosu ob osobennostyah shotlandskogo «natsionalizma» [Evolution of SNP in the fight for national self-determination of Scotland: To the question of features of scottish nationalism]. *Vlast*. No. 6. pp. 153-159. [in Russian]
- Merkulov et al., 2017 – Merkulov P., Turin E., Savinova E. (2017). Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775. [in Russian]
- Nairn, 2001 – Nairn T. (2001). Farewell Britannia: Break-Up or New Union? *New Left Review*, 7. pp. 55-74.
- Pittock, 2001 – Pittock M. (2001). Scottish Nationality. Hampshire.
- Richards, 2000 – Richards E. (2000). The Highland Clearances. Edinburgh: Birlinn.
- Scott, 1932-37 – Scott W. (1932-37). Letters of Sir Walter Scott. Edited by H. J. C. Grierson. 12 vols. London: Constable.
- Sinclair, 1837 – Sinclair, Sir John. (1837). Memoirs of the Life and Works of the Late Right Honourable Sir John Sinclair, Bart. Edited by Rev. John Sinclair. 2 vols. Edinburgh: W. Blackwood and Sons.
- Sorensen, 2000 – Sorensen J. (2000). The Grammar of Empire in Eighteenth Century British Writing. Cambridge: Cambridge University Press.
- Trumpener, 1993 – Trumpener K. (1997). Bardic Nationalism. Princeton: Princeton University Press.
- Turin, 2017 – Turin E.A. (2017). Vliyaniye britanskoy imperskoy gosudarstvennosti na shotlandskuyu natsionalnyuyu identichnost: k voprosu o nezavisimosti Shotlandii [Influence of the British Imperial statehood on the scottish national identity: to the question of independence of Scotland]. *Vlast*. No. 7. pp. 178-182. [in Russian]
- Withers, 1992 – Withers C.W.J. (1992). “The Historical Creation of the Scottish Highlands” in *The Manufacture of Scottish History*, edited by Ian Donnachie and Christopher Whatley. Edinburgh: Polygon.
- Womack, 1989 – Womack P. (1989). Constructing the Myth of the Highlands. London.

Социокультурное наследие Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития шотландского общества. Часть 2.

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Евгений Анатольевич Тюрин ^a, Елена Николаевна Савинова ^a, Наталия Геннадьевна Акатова ^a

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются исторические императивы идентичности шотландцев в контексте научного осмысления цивилизационных и социокультурных оснований политического развития шотландского общества. Пытаясь осмыслить причины возникновения сепаратистских тенденций в Великобритании, авторы затрагивают ряд вопросов, связанных с ролью Шотландии в формировании Британской империи, отдельно останавливаясь на проблеме трансформации шотландской идентичности в конце XVIII–XIX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), turin.of.foveran@yandex.ru (Е.А. Тюрин), savinovae.n@yandex.ru (Е.Н. Савинова), ngofficial@yandex.ru (N.G. Akatova)

Основное внимание в статье уделяется взглядам шотландских авторов имперского и современного периодов о социокультурном наследии Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития Шотландии. В статье обосновывается мысль о том, что социокультурное наследие горцев не оставалось статичным, но, напротив, отличалось динамизмом, т.к. Хайленд был введен в англоязычное сознание во времена сложных условий имперской экспансии, столкновения культур, временных рамок и пространства. Это приводило к неоднозначности характеристик шотландской идентичности. Данный вопрос, по мнению авторов статьи, продолжает оставаться дискуссионным с конца XVIII века вплоть до настоящего времени, т.к. Шотландия в цивилизационном плане противоречива. Последнее обстоятельство объясняется исторически обусловленной вовлеченностью шотландцев в процессы политической, экономической и культурной экспансии Британской империи. Поэтому, считают авторы статьи, осмысливая различные концепции, описывающие современное состояние шотландского общества, очень важно понимать амбивалентность взглядов, касающихся шотландской идентичности, «лакмусовой бумажкой» которой в XVIII–XIX веках было социокультурное наследие Хайленда.

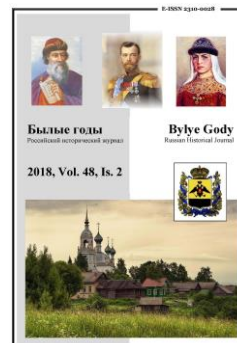
Ключевые слова: Шотландия, Хайленд, Лоуленд, шотландская идентичность, британская идентичность, колониализм, Британская империя.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 474-483. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.474
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

To the Scientific Organizations Funding History in Russia: Academic Privilege for Calendars Issue (1728–1865)

Andrey Yu. Skrydlov ^{a,*}

^a St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article provides the first comprehensive study of St. Petersburg Academy of Sciences privilege for the calendars and menologies publication. The income from that benefited an important place in the Academic budget for a century and a half. Circumstances of the imperial order obtaining to publish the first calendar is studied using a wide range of both published and manuscript sources. The imperial decision might be caused by the Academic Printing House creation in 1727. The Academic monopoly to publish calendars was fixed in laws and the Academic Charters, and calendars became an important channel for popularizing scientific knowledge as well as a permanent funding source for the Academy unforeseen expenses. The article examines the different calendars types evolution. Particular attention has been paid to address-calendars which became an important element of the official hierarchy system in the Russian Empire. Academic discussions concerning the goals and forms of using the calendar privilege showed the desire of the Academy to strike a balance between the need to generate additional revenues and its main task to spread knowledge and education. Changes in the calendars preparing publication procedure, which were made by academicians in the 1850s, could not prevent the calendar privilege abolition taking place in 1865. The main reason for that could be an objective process of press laws liberalization during the Emperor Alexander II's reign.

Keywords: St. Petersburg Academy of Sciences, Scientific organizations funding history, calendars and menologies, address-calendars, The Academic Calendar Committee.

1. Введение

Одним из важнейших направлений реформирования современной науки стало изменение системы финансирования государственных научных учреждений. Отказ от полного бюджетного субсидирования стимулирует научные организации к активному поиску источников внебюджетных средств для реализации исследовательских программ. Между тем стремление к диверсификации источников финансирования науки, ставшее глобальной тенденцией сегодня, характерно и для раннего этапа развития отечественной науки. Так, первое научное учреждение страны – Санкт-Петербургская Академия наук – с момента ее основания в 1725 г. финансировалась, главным образом, за счет ассигнований из государственного бюджета. Однако, наряду с государственным финансированием, нормативные документы, регулировавшие деятельность Академии, предусматривали наличие так называемой «экономической суммы», которая складывалась из внебюджетных источников: процентов с капиталов, денег, получаемых с подписки на газеты, доходов от издательской деятельности (**Регламент, 1803**). Среди них важное место занимали доходы от продажи календарей и месяцесловов, монопольное право на издание и распространение которых длительное время было закреплено за Академией наук. Изучение истории календарной привилегии Академии позволяет на конкретном историческом материале проследить, как научное сообщество,

* Corresponding author

E-mail addresses: askrydlov@gmail.com (A.Yu. Skrydlov)

поставленное в непростые экономические условия, искало баланс между необходимостью получения дополнительных доходов и своей основной задачей – распространением научных знаний и просвещения.

2. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили традиционные для отечественной историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовались следующие общеоисторические методы: проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные факты из истории календарной привилегии в их временной последовательности; историко-генетический, с помощью которого удалось проследить историю возникновения монопольного права Академии наук на издание календарей и месяцесловов, а также выделить основные этапы его эволюции; историко-сравнительный, позволивший сопоставить цели, характер и результаты существования календарной монополии с зарубежными аналогами.

Исследование опирается на широкую базу письменных источников различных видов. Среди них важное место занимают нормативные документы, регламентировавшие деятельность Академии наук в XVIII – первой половине XIX вв. Многочисленные делопроизводственные материалы дают представление об истории подготовки и издания календарей и месяцесловов и позволяют оценить значение этого источника дохода для бюджета Академии. Анализ содержания календарей и месяцесловов, которые можно отнести к периодическим изданиям справочного характера, позволяет выявить специфику публиковавшихся в них материалов. Помимо опубликованных источников, в статье использованы архивные материалы, некоторые из них впервые введены в научный оборот. Документы, выявленные в фондах Санкт-Петербургского филиала архива РАН (Ф. 1. – Конференция Императорской АН.; Ф. 3. – Канцелярия АН.; Ф. 11 – Комиссия по изданию адрес-календарей и месяцесловов), дают возможность для более детальной реконструкции процесса подготовки и издания календарей, а также дискуссий в академическом сообществе о судьбе календарной монополии.

3. Обсуждение

Календарная привилегия Академии наук до настоящего времени не становилась предметом специального исторического исследования. Вместе с тем усилиями дореволюционных историков был накоплен ценный фактический материал по истории Академии наук, в том числе связанный с изданием календарей и месяцесловов. П.П. Пекарский в отдельных статьях (Пекарский, 1867) и классическом труде «История Императорской Академии наук в Петербурге» (Пекарский, 1770) обращался к истории первого адрес-календаря, изучив обстоятельства начала его издания на основе доступных ему архивных источников. Сотруднику Императорской публичной библиотеки Н.П. Собко удалось собрать и систематизировать сведения о календарях, изданных с 1725 по 1825 гг., и составить их библиографические описания (Собко, 1880: 6, 53).

В советский период академические календари и месяцесловы изучались, главным образом, в контексте издательской деятельности Академии наук. В 1928 г., к 200-летию создания Академической типографии, вышла монография Д.В. Юферова и Г.Н. Соколовского (Юферов, Соколовский, 1928). В числе прочих академических изданий, вышедших в Академии, авторы рассмотрели календари и месяцесловы, отметив их роль в распространении научных знаний в России. В фундаментальном труде «История Академии наук в СССР», подготовленном советскими историками науки в конце 1950-х гг., в разделах, посвященных деятельности Академической типографии, были изложены лишь общие сведения о начале издания календарей в России (История Академии наук, 1958: 135-136). Однако в 1960-е гг. при подготовке «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» из Архива Академии наук удалось извлечь новые ценные сведения о календарях и месяцесловах, изданных с 1726 по 1796 гг. Прделанная авторами работа имеет высокую источниковедческую ценность: для многих выпусков календарей были уточнены время выхода из печати и имена составителей (Сводный каталог, 1966: 212-261).

Современные исследователи продолжают историографическую традицию источниковедческого анализа академических календарей. Наиболее подробно в этом отношении изучен адрес-календарь, который является важным источником для изучения истории государственного управления Российской империи (Румянцева, 1998: 399-407). Другие разновидности календарей и месяцесловов рассматриваются, главным образом, на страницах научно-популярных изданий, которые популяризируют уже известные науке сведения (Алексеев, 1984; Миронова, 2008; Шустов, 2011). Таким образом, можно констатировать, что усилиями отечественных ученых был накоплен ценный фактический материал по истории календарей, однако обобщающего исследования, раскрывающего особенности использования календарной монополии Академией наук, до настоящего времени не было создано.

4. Результаты

Практика предоставления научным организациям исключительных прав в издательском деле возникла в Европе на рубеже XVII–XVIII вв. Выдающийся ученый В.Г. Лейбниц считал важным

обеспечить научное сообщество собственными источниками дохода, подчеркнув тем самым его самостоятельность. Как известно, Берлинское научное общество, созданное по инициативе Лейбница в 1700 г., не имело государственного финансирования, однако получило от бранденбургского курфюрста «Календарь-патент», закрепляющий исключительное право на получение доходов от продажи календарей (Копелевич, 1974: 138-139). Идея Лейбница закрепить за главным научным учреждением привилегию на издание и продажу календарей, очевидно, нашла поддержку в России при создании Санкт-Петербургской Академии наук.

В «Исторической записке о календарной привилегии», сохранившейся в фонде Календарной комиссии Академии наук с 1850-х гг., по вопросу о времени появления календарной монополии в России анонимный автор пространно отметил: «Императорской Академии наук вскоре по ее основании, в 20-х еще гг. XVIII в. дарована была привилегия на исключительное издание официальных русских и иностранных календарей» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). Приобретение Академией наук контроля над календарным делом в России неразрывно связано с созданием Академической типографии. Так, согласно указу Сената от 30 ноября 1727 г. из находящейся в Петербурге «под синодальным ведомством типографии» в ведение Академии наук передавалась часть станок, литер и типографских служащих. В этом же документе определялось: «И по указу Е.И.В. Высокий Сенат приказали о сочинении оногo календаря послать в Академию указ» (Юферов, 1933: 30). Упомянутый указ Сената был издан 2 декабря 1727 г., в нем содержалось официальное поручение Академии составить и издать календарь на 1728 г. (Сводный каталог, 1966: 227).

Процесс издания календарей находился в ведении особой Календарной комиссии, в состав которой входил непрменный секретарь Академии и члены ее Канцелярии, а с 1803 г. – Комитета Правления. Однако регламент работы этой комиссии и круг полномочий долгое время не были четко определены, ее деятельность носила эпизодический характер, и на практике вопросы издания и редактуры календарей решались в текущем порядке членами административно-хозяйственного управления. Ежегодно здесь заводилось дело «о напечатании календаря», состоявшее из документов финансовой отчетности: рапортов из типографии, записок о выдачи вознаграждения (Арутюнян, 2007: 14). Составление первых календарей было поручено академикам и адъюнктам от астрономии – Н.Х. Винсгейму, Ф.Х. Майеру, Ж.Н. Делилю, Г.В. Крафту и др. (Сводный каталог, 1966: 227). В соответствии с Регламентом Императорской Академии наук и художеств, утвержденным в 1747 г., штат Академии предусматривал должность калькулятора для сочинения календарей, который состоял при академике по классу астрономии (Регламент, 1747: 108).

Главными разделами содержания первых календарей были сведения, указывающие на «затмения солнечные, месячные рождения <...> также время солнечного и лунного восхождения и захождения, долгоденствие и долгоночие, и течение луны в зодиаках на всякий день» (Сводный каталог, 1966: 227). При этом первоначально, наряду с астрономическими наблюдениями, размещались астрологические предсказания, однако в 1828 г., после полной передачи календарей в ведение Академии наук, была сделана первая попытка сократить публикации астрологических прогнозов, а в последующие годы их публикация сопровождалась критическими научными примечаниями.

Стремление Академии наук использовать календари для распространения научных знаний проявилось также в том, что с 1729 г. в приложениях к ним стали публиковаться статьи научно-популярного характера различного содержания – астрономические, исторические, географические. Собственно календарная часть издания включала в себя повторяющиеся из года в год разделы: «Изъяснение календарных знаков», «Хронология вещей достопамятных», «О затмениях», «О четырех временах года», «О здравии и болезнях», «Краткое родословное показание <...> владеющих в Европе высоких государей и княжеских фамилий» и другие справочные сведения. С 1733 г. в календарь начали помечать сведения о почтах, с 1775 г. он был дополнен «Реестром губерниям, провинциям и городам, в Российской империи находящимся», с 1779 – «Росписанием городов с показанием расстояний, губернских городов от столиц, а прочих от столиц и губернских городов» (Сводный каталог, 1966: 228).

Распространение просвещения в России стимулировало постепенный рост спроса на академические справочные издания. Это способствовало увеличению тиража календарей, который вырос с 1250 экземпляров в 1726 г. до 4200 экземпляров в 1735 г. и 10000 экземпляров в 1753 г. В 1760-е гг. XVIII в. одновременно с выпуском Ординарного календаря Академия наук начала печатать тематические календари. С 1762 г. Дополненные сведения о почтовых станциях было решено печатать в специальных дорожных календарях (Дорожный календарь, 1762). В них, помимо обычных календарных материалов, содержались сведения о станциях «всех почтовых дорог для путешествующих в государстве», данные об отправлении почт, выдержки из указов «О ямской гоньбе» и «О проезжающих».

В 1767 г. по инициативе конференц-секретаря Академии наук Я.Я. Штелина началось издание ряда новых тематических календарей: географического, исторического, экономического и календаря с наставлениями. Каждый из них был призван популяризировать научные знания в соответствующей области. Так, в первом выпуске географического календаря на 1768 г. среди прочих была помещена

статья Л.И. Бакмейстера «Краткая география Российской империи», с приложением к ней двух карт под заглавием «Генеральная карта Российской империи» и «Расстояния знатных городов Российской империи в верстах» ([Календарь или месяцеслов географический, 1768: 49-72](#)). «Календарь или месяцеслов экономический», также впервые вышедший на 1768 г., включал в себя статьи, связанные с рациональным ведением домашнего хозяйства. Так, в одной из статей первого издания описывалась «машина, с помощью которой всякое белье с меньшим трудом мыть и при мытье лучше сберечь можно» ([Календарь или месяцеслов экономический, 1767: 31-34](#)), а в календаре на 1775 – новый способ «к сушению всяких състных трав и к сохранению оных для всегдашнего употребления» ([Календарь или месяцеслов экономический, 1774: 29-57](#)). На страницах исторических календарей размещались статьи известных историков А.Л. Шлецера, И.Э. Фишера, Г.Ф. Миллера ([Календарь или месяцеслов исторический, 1767](#)). «Месяцеслов с наставлениями» не имел строгой предметной направленности и представлял собой сборник научно-популярных статей, оформленных в виде практических советов обывателям. Среди прочих материалов интерес вызывают многочисленные публикации известного ученого-энциклопедиста П.С. Палласа, который делился с читателями «новым способом очищать в короткое время место от зараженного воздуха», «описанием способа делать морскую воду в дальних путешествиях к питью годною» и другими советами ([Месяцеслов с наставлениями, 1774](#)).

В 1775 г. издание тематических календарей перешло в ведение академика С.Я. Румовского, который осуществлял их общую редакцию. По предложению директора Академии наук С.Г. Домашнева в 1777 г. было принято решение сократить число тематических календарей и объединить «Географический календарь» с «Историческим», а «Экономический» с «Месяцесловом с наставлениями». Наиболее интересные материалы, ранее напечатанные в тематических календарях, начиная с 1785 г., повторно публиковались в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы». За 1785–1793 гг. было издано 10 томов, редактором издания был академик Н.Я. Озерецковский ([Смагина, 2000: 635-644](#)).

В 1763 г. перечень академических календарей пополнился еще одним изданием – адрес-календарем. Этот официальный справочник, включавший в себя список центральных и местных органов власти с указанием их личного состава, со временем стал важным элементом управленческой иерархии в Российской империи. По данным П.П. Пекарского, в октябре 1763 г. Екатерина II «изустно» повелела Канцелярии Академии наук запросить из присутственных мест сведения о штатах российского чиновничества для издания адрес-календаря ([Пекарский, 1870: 663-664](#)). Во исполнение императорского поручения 18 ноября 1764 г. из Герольдмейстерской конторы в Канцелярию Академии наук был направлен список «Высокоучрежденным господам сенаторам, генерал- и обер-прокурорам, президентам, вице-президентам и членам, генерал-губернаторам, губернаторам, воеводам и их товарищам, также прокурорам и секретарям, которые в приеме дежурном или дневальном» ([Румянцева, 1998: 403](#)). Этот документ лег в основу первого адрес-календаря, проект которого был составлен И.И. Таубертом и 31 декабря 1764 г. представлен на согласование императрице.

Получив высочайшее распоряжение издать календарь за казенный счет, Академическая типография в срочном порядке, «чрезвычайным набором», «в шабашные часы, так и в праздничное время» приступила к печати календаря. 15 марта 1765 г. из типографии в Канцелярию Академии наук поступил рапорт об окончании работ. Первый выпуск, озаглавленный как «Адрес-календарь российский на лето от рождества Христова 1765, показывающий всех чинов и присутственных мест в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит» имел объем 152 страницы и содержал информацию о придворных чинах, командирах гвардейских полков, членах Правительствующего Сената, Святейшего Синода и коллегий. Помимо центральных учреждений, в справочнике перечислялись должностные лица столицы и губерний. Перечень «знатнейших в государстве чинов и присутственных мест» дополнялся полезной обывателю информацией о государственных и церковных праздниках, расписанием почтовых отправок и т.д. На последних страницах первого выпуска составители календаря признавали, что, «краткость времени не дозволила отовсюду собрать верные справки», поэтому в календаре «найдутся некоторые неисправности в именах и титулах» ([Адрес-календарь, 1765: 130](#)). Обо всех найденных в календаре неточностях читателям предлагалось сообщить в Академию наук до декабря 1765 г.

Первый адрес-календарь на 1765 г. был издан огромным по тем временам тиражом – 4300 экземпляров. Вероятно, Канцелярия Академии наук рассчитывала на высокий спрос со стороны чиновничества, однако эти ожидания не оправдались. В следующем 1766 г. тираж был сокращен почти в 4 раза до 1200 экземпляров, в дальнейшем постепенно вырос до 2660 экземпляров к 1796 г. ([Шилов, 2011: 91](#)). Содержание календаря на протяжении XVIII в. практически не менялось, изменения касались лишь полноты материалов за различные годы. В годы правления Павла I, с 1797 по 1801 г., адрес-календарь не издавался «за недоставлением потребных для него материалов» ([Сводный каталог, 1966: 212](#)). Нестабильность структуры государственного аппарата, непрерывные кадровые перестановки и назначения, которые проводил император, вероятно, сделали крайне затруднительным сбор актуальных сведений о штатах российского чиновничества. Возобновление

издания адрес-календарей произошло после распоряжения императора Александра I, на основании сенатского указа от 14 июня 1801 г. (Арутюнян, 2007: 17).

19 сентября 1804 г. академик А.К. Шторх представил Конференции Академии наук подробную записку о внесении изменений в адрес-календарь (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 15. 1804 г. Л. 118-118 об.). Ученый предложил изменить структуру издания адрес-календаря таким образом, чтобы она в точности воспроизводила новую систему государственного управления России. (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 21. Д. 65. Л. 44-61об.). Предложение А.К. Шторха было одобрено, а президент Академии наук Н.Н. Новосильцов взял составление обновленного адрес-календаря под личный контроль. Обновленный адрес-календарь на 1805 г. получил новое наименование – «Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи» и, как было сказано в предуведомлении, «более систематический порядок» (Месяцеслов, 1805: XXVII). С 1806 г. издание было решено разделить на две части и выпускать отдельные тома для центральных и местных учреждений. В дальнейшем на протяжении первой половины XIX в. его структура принципиально не менялась, а содержание отражало текущие перемены в государственном управлении.

Общий тираж различных видов календарей, выпускаемых Академией наук, непрерывно увеличивался на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. Так, если вначале 1780-х гг. он составлял чуть более 12 тыс. экземпляров, то к 1793 г. вырос до 28 тыс. экземпляров. Более чем двукратный рост тиража был обеспечен усилиями княгини Е.Р. Дашковой, которая создала условия для «более раннего выхода календарей и для своевременной рассылки их в отдаленные губернии» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). К середине XIX в. тираж одного только Ординарного календаря составлял около 25 тыс. экземпляров, а общий тираж превысил 50 тыс. Большая часть тиража поступала в свободную продажу, которая осуществлялась через книжные лавки частных продавцов.

Академия наук дорожила своим монопольным правом на издание календарей и ревностно оберегала его от посягательств со стороны частных издателей. Так, в 1738 г. по распоряжению Анны Иоановны был введен запрет на ввоз в Россию календарей, изданных в Польше, в связи с тем, что в этих календарях были обнаружены «некоторые зловымышленные и непристойные пассажи, чем нерассудительный народ может прийти в какой соблазн и сомнение», императрица приказала «все те календари в Киеве сжечь <...> и впредь оных в границы наши пропускать не велеть» (ПСЗ-1. Т. X. № 7715). В 1780 г. исключительное право Академии наук на издание календарей было подтверждено Екатериной II. Указ был издан в связи с жалобой директора Академии наук С.Г. Домашнева на содержателя типографии Артиллерийского и инженерного корпуса Х.Ф. Клезна, который без разрешения Академии напечатал месяцеслов на 1780 г. Соглашаясь с тем, что это «сочинение особо Академии с начала ее учреждения принадлежащее, да и всякое перепечатывание <...> делает Академии убыток и расстройку», императрица запретила продавать изданные на частные средства календари, а уже напечатанные экземпляры повелела передать в Академию (ПСЗ-1. Т. XX. № 14985). Календарная привилегия была официально закреплена в параграфе № 115 Регламента Академии наук 1803 г. (Регламент, 1803: 138) и подтверждена Уставом 1836 г. (Устав, 1836: 152). В 1819 г. президент Академии наук С.С. Уваров попытался оспорить право Остзейских губерний печатать собственные месяцесловы, заявив, что это входит в противоречие с академической привилегией. Требования С.С. Уварова, однако, были оставлены без удовлетворения Главным правлением училищ с заключением о том, что «право печатания употребительных в Остзейских губерниях календарей предоставлено оным многими весьма древними привилегиями, подтвержденными неоднократно» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 5. Л. 6). В 1850-е гг. серьезную конкуренцию академическим календарям составили губернские памятные книжки, в которых публиковалась схожая информация о церковном летоисчислении, астрономическом годе и праздниках. 12 сентября 1857 г. С.С. Уваров высказал протест против включения в памятную книжку Казанской губернии «некоторых предметов, входящих в состав календарей» (Румянцева, 1998: 401).

Энергичные меры со стороны Академии наук в защиту привилегии были вызваны тем, что издание календарей было прибыльным предприятием. Так, в последнее десятилетие существования календарной монополии, т.е. в 1840-1850-е гг., привилегия приносила в академический бюджет от 9500 до 12500 руб. серебром и служила «удобным источником для покрытия разных неотложных и неизбежных в столь обширном ученом учреждении издержек, для которых в штате 1839 г. особых сумм не ассигновалось вовсе» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. Л. 106-2). Вместе с тем оборотной стороной роста доходов Академии наук от продажи календарей были высокие цены на эти издания, которые были недоступны широкой аудитории читателей. Использование привилегии для получения выгоды вызывало неоднозначную реакцию внутри академического сообщества. С критикой такого подхода выступил академик П.И. Кеппен, который 21 августа 1845 г. направил в Комитет Правления докладную записку «Об удешевлении стоимости календарей с целью сделать их более доступными для народа» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12. Л. 2-3). Ученый обращал внимание членов Комитета на то, что «календарь – есть книга, посредством которой можно распространять в народе множество общепользных познаний», и что именно «в этих-то видах издание календарей было предоставлено Императорской Академии наук» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-106.). Продолжая мысль о том, что главной задачей издания календарей должно быть распространение просвещения, П.И. Кеппен заявлял, что «смотреть на издание календарей как на простой источник дохода было бы недостойно

имени великого основателя Академии и несовместимо со званием академика» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12. Л. 1). Академии наук, по его мнению, дозволяется «пользоваться некоторой выгодой» от поручения издавать календари, однако «право на извлечение дохода из этого источника во всяком случае может быть только условное, ограниченное», «доколе тем не затрудняется приобретение календарей людьми более или менее недостаточными» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12. Л. 1).

Из статистических данных, собранных П.А. Кеппеным, следует, что прибыль от продажи одного только Ординарного календаря, после вычета издержек на его подготовку и издание, составляла 185%, а самым прибыльным из всех был Стенной русский календарь, который вначале 1840-х гг. приносил 364% чистого дохода (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12. Л. 2-3). Столь большую наценку к себестоимости издания календаря П.И. Кеппен считал несправедливой и предлагал Комитету Правления «отныне стремиться к понижению цены на календари как на такие издания, которые составляют потребность целого народа» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12. Л. 50б.). Снизить цену, по мнению академика, можно было как путем сокращения наценки, так и с помощью снижения издательских расходов. Судьба докладной записки П.И. Кеппена неизвестна, в 1840–1850-е гг. его предложения так не были реализованы.

Вопрос о соотношении просветительских и коммерческих целей при использовании календарной привилегии вновь был актуализирован в 1857 г., когда к президенту Академии наук Д.Н. Блудову обратился известный издатель А.Ф. Смирдин с предложением «по примеру отдачи в арендное содержание частному лицу С.Петербургских Ведомостей от Императорской Академии наук» отдать ему «на десятилетнее арендное содержание Месяцеслова, во всех его видах, <...> за ежегодную плату, равную среднему годовичному доходу, выведенному из сложности доходов за последние десять лет» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 1). Для рассмотрения предложения А.Ф. Смирдина была сформирована комиссия, в которую вошли представители всех трех отделений Академии наук. Комиссия должна была представить Общему собранию Академии мнение относительно перспектив передачи календаря «на откуп» частным лицам, а также высказаться о других возможных способах оптимизации использования календарной привилегии. В своем отчете, зачитанном на Общем собрании Академии 13 января 1858 г., члены комиссии, среди которых были академики Э.Х. Ленц, Д.М. Перевощиков, А.К. Куник, высказались «против отдачи в аренду академических календарей», аргументируя свой отказ тем, что «Академия подвергается опасности вовсе лишиться своей привилегии относительно к изданию календаря, если будет рассматривать его единственно как источник доходов» из-за того, что «откупщик календаря при издании его будет иметь в виду только извлекать из него возможно большую материальную выгоду, не обращая при том особенного внимания на репутацию Академии и на основательность календаря» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 2).

Помимо «отдачи календаря на откуп», комиссия изучила другие возможные варианты использования календарной монополии. Одним из них была продажа так называемого календарного штемпеля, т.е. права «всякому обнародовать календари в любом виде <...>, внося только известную плату» в пользу Академии. Однако «плата за штемпель», т.е. своеобразный акциз, который Академия наук предполагала взимать с частных издателей, по подсчетам членов комиссии, могла принести «едва ли половину того дохода, что она [Академия наук] получает ныне» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 20б.). Таким образом, идея введения штемпеля была отвергнута. Еще одной альтернативой календарной монополии могла быть «уступка со стороны Академии календарной ее привилегии Правительству, взамен ежегодного вознаграждения» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 3). Члены комиссии критически отнеслись к перспективе предоставления Академии денежной компенсации, поскольку рассчитывали на рост доходов от продажи календаря в будущем: «По мере постепенного усовершенствования календаря и распространяющегося по всей империи образования сбыт календаря может со временем возвыситься до выгоднейшей степени» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 2). Между тем фиксированная денежная компенсация от государства, по мнению академиков, была бы «весьма ненадежным источником дохода» ввиду возраставшей инфляции. Единственно правильным решением, по мнению комиссии, было сохранение календарной привилегии за Академией наук «на прежнем основании», но с повышением ее эффективности.

Дискуссия о будущем академического календаря продолжилась на Общем собрании Академии наук 7 февраля 1858 г. Академик К.С. Веселовский представил свои предложения о новом порядке надзора за процессом его издания. По утверждению ученого, Календарная комиссия, в ведении которой должен был находиться издательский процесс, существовала «лишь на бумаге и в течение многих лет не обнаружила ничем своего существования» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 6). Персональный состав Комиссии, в которую входили преимущественно члены административно-хозяйственного управления Академии, по мнению академика, не соответствовал цели ее учреждения, т.к. «назначение членов в Комитет Правления определяется соображениями совершенно иного рода, чем какие необходимо иметь в виду при назначении лиц, которые, по своим специальным занятиям и знаниям, могут принимать участие в направлении издания календаря». К.С. Веселовский предложил закрепить за Конференцией Академии наук обязанность контролировать подготовку и издание календарей, а также формировать Календарную комиссию, состоящую не из членов административно-хозяйственного управления, а из академиков, а также избирать редактора. Предложения К.С. Веселовского были утверждены Общим собранием Академии, членами новой

Календарной комиссии были избраны академики А.А. Куник, Д.М. Перевощиков, О.Н. Бетлинг (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 7). 9 месяцев спустя, 14 ноября 1858 г., новый состав Календарной комиссии представил Общему собранию проект «Правил об издании и сбыте календарей, печатаемых Императорской Академией наук». Документ регламентировал процедуру подготовки и издания календарей, четко распределяя обязанности между Календарной комиссией, редакторами и Комитетом Правления, а также вопросы финансовой отчетности и был утвержден академиками «в виде опыта» (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 7).

Изменения в процессе подготовки календарей, принятые Академией наук, не смогли предотвратить постепенную отмену академической привилегии. Первые ограничения календарной монополии начали появляться еще в 1840-е гг., когда отдельные учреждения, расположенные на окраинах империи, получили право издавать местные календари. В результате календарные типографии возникли в Одессе, Тифлисе, Вильне, Ревеле, Риге и царстве Польском, при этом они печатали календари как на национальных языках, так и русском (СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). Окончательная отмена исключительного права Академии становилась неизбежной. Общая тенденция либерализации законодательства в сфере печати в годы правления императора Александра II не обошла стороной календарную монополию. Логическим продолжением закона 6 апреля 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» стал указ от 27 сентября 1865 г., согласно которому все желающие частные издатели получили возможность печатать календари «с соблюдением существующих по делам печати узаконений» (ПСЗ-2. Т. LXV. № 42496). В последующие три года академические календари пытались на равных конкурировать с изданиями частных торговцев, при этом прибыль Академии от года к году сокращалась, пока в 1869 г. его издание не стало убыточным. В 1870 г. решением Конференции издание календарей в Академии наук было прекращено.

5. Заключение

Таким образом, на протяжении полутора столетий календарная привилегия являлась важным источником, благодаря которому Академия наук получала средства для покрытия дополнительных расходов, возникавших в ходе научной работы. Вместе с тем важно подчеркнуть, что календари рассматривались академическим сообществом не только как средство извлечения прибыли, но и как важный канал популяризации научных достижений. Сочетание этих функций дает возможность заключить, что календарная привилегия играла важную роль в развитии Академии наук в имперский период, позволяя ей реализовывать свои основные цели – «расширять пределы всякого рода полезных человечеству знаний» и иметь «попечение о распространении просвещения» (Устав, 1936: 147).

Литература

- Адрес-календарь, 1765** – Адрес-календарь российский на лето от рождества Христова 1765, показывающий всех чинов и присутственных мест в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., 1765.
- Алексеев, 1984** – Алексеев В.В. Из истории русских календарей // *Альманах библиофила*. Вып. 16. М., 1984. С. 124-148.
- Арутюнян, 2007** – Арутюнян В.Г. Из истории адрес-календаря (1801–1825) // *Румянцевские чтения*. М., 2007. С. 13-19.
- Дорожный календарь, 1762** – Дорожный календарь на 1762 год, с описанием почтовых станов в Российском государстве. СПб., 1762.
- История Академии наук, 1958** – История Академии наук СССР. Т. 1. М.–Л., 1958.
- Календарь или месяцеслов экономический, 1767** – Календарь или месяцеслов экономический на 1768 год. СПб., 1767.
- Календарь или месяцеслов географический, 1768** – Календарь или месяцеслов географический на 1768 год. СПб., 1768.
- Календарь или месяцеслов экономический, 1774** – Календарь или месяцеслов экономический на 1775 год. СПб., 1774.
- Копелевич, 1974** – Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Л., 1974. 267 с.
- Месяцеслов с наставлениями, 1774** – Месяцеслов с наставлениями на 1777 год. СПб., 1776.
- Месяцеслов, 1805** – Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1805. СПб., 1805.
- Миронова, 2008** – Миронова А.А. «Все врут календари». Из истории календарей в России // *Русская речь*. 2008. № 6. С. 101-105.
- Пекарский, 1867** – Пекарский П.П. Библиографическая заметка об Адрес-календаре 1765 года / Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1867. С. XXXVI-XXXVIII.
- Пекарский, 1870** – Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. В 2 т. Т. 1. СПб., 1870. 774 с.
- ПСЗ-1** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

[ПСЗ-2](#) – Полное собрание законов Российской империи Собрание второе.

[Регламент, 1803](#) – Регламент Императорской Академии наук 1803 г. / Соболев В.С. Во главе первого ученого общества империи: нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН. 1725–1917. СПб., 2015. С. 113–145.

[Регламент, 1747](#) – Императорской Академии наук и художеств 1747 г. / Соболев В.С. Во главе первого ученого общества империи: нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН. 1725–1917. СПб., 2015. С. 90–112.

[Румянцева, 1998](#) – *Румянцева М. Ф.* Справочные издания / Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 1998. С. 399–407.

[Сводный каталог, 1966](#) – Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. IV. Периодические и продолжающиеся издания. М., 1966. 287 с.

[Смагина, 2000](#) – *Смагина Г.И.* Академия наук и развитие образования в России в XVIII в. // *Вестник Российской Академии наук.* 2000. № 7. С. 635–644.

[Собко, 1880](#) – *Собко Н. [П.]*. Русские и славянские календари и месяцесловы за 100 лет (1725–1825). Берлин, 1880. 56 с.

[СПбФ АРАН](#) – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук.

[Устав, 1836](#) – Устав Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1836 г. / Соболев В.С. Во главе первого ученого общества империи: нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН. 1725–1917. СПб., 2015. С. 148–178.

[Шилов, 2011](#) – *Шилов Д.Н.* Основные документы и справочники о гражданских чиновниках в России (конец XVIII – начало XX века): краткий обзор // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств.* 2011. № 1. С. 90–95.

[Шустов, 2011](#) – *Шустов А.Н.* «Гляди-ка в адрес-календарь» // *Русская речь.* 2011. № 5. С. 78–81.

[Юферов, Соколовский, 1928](#) – *Юферов Д.В., Соколовский Г.Н.* Академическая типография. 1728–1928. Л., 1929. 108 с.

[Юферов, 1933](#) – *Юферов Д.В.* Ранняя деятельность Академической типографии // *Вестник Академии наук СССР.* 1933. № 2. С. 29–31.

References

[Adres-kalendar', 1765](#) – Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot rozhdestva Khristova 1765, pokazyvayushchii vsekh chinov i prisutstvennykh mest v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvani i ili v kakoi dolzhnosti sostoit. [Russian address-calendar for 1765, which shows all the ranks and offices in the state, who at the beginning of this year in what rank is]. St. Petersburg, 1765. [in Russian]

[Aleksseev, 1984](#) – *Aleksseev V.V.* (1984). Iz istorii russkikh kalendarei [To the history of Russian calendars]. Bibliophile Almanac. Vol. 16. Moscow. pp. 124–148. [in Russian]

[Arutyunyan, 2007](#) – *Arutyunyan V.G.* (2007). Iz istorii adres-kalendar'ya (1801–1825) [To the history of the address-calendar (1801–1825)]. *Rumyantsev Readings.* Moscow. pp. 13–19. [in Russian]

[Dorozhnyi kalendar', 1762](#) – Dorozhnyi kalendar' na 1762 god, s opisaniem pochtovykh stanov v Rossiiskom gosudarstve. [Road calendar for 1762 describing the postal camps in Russia] St. Petersburg, 1762. [in Russian]

[Istoriya Akademii nauk, 1958](#) – Istoriya Akademii nauk SSSR. [History of the USSR Academy of Sciences]. T. 1. Moscow-Leningrad. 1958. [in Russian]

[Kalendar' ili mesyatseslov geograficheskii, 1768](#) – Kalendar' ili mesyatseslov geograficheskii na 1768 god. [Geographical calendar for 1768]. St. Petersburg, 1768. [in Russian]

[Kalendar' ili mesyatseslov istoricheskii, 1767](#) – Kalendar' ili mesyatseslov istoricheskii na 1768 god. [Historical calendar for 1768]. St. Petersburg, 1767. [in Russian]

[Kalendar' ili mesyatseslov ekonomicheskii, 1774](#) – Kalendar' ili mesyatseslov ekonomicheskii na 1775 god. [Economic calendar for 1775]. St. Petersburg., 1774. [in Russian]

[Kopelevich, 1974](#) – *Kopelevich Yu.Kh.* (1974). Vozniknovenie nauchnykh akademii. [The emergence of scientific academies] Leningrad. 267 p. [in Russian]

[Mesyatseslov s nastavleniyami, 1774](#) – Mesyatseslov s nastavleniyami na 1777 god. [Menology with instructions for 1777]. St. Petersburg., 1776. [in Russian]

[Mesyatseslov, 1805](#) – Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob, ili Obshchii shtat Rossiiskoi imperii, na leto ot Rozhdestva Khristova 1805. [Menology with a list of officials, or General Staff of the Russian Empire for 1805] St. Petersburg., 1805. [in Russian]

[Mironova, 2008](#) – *Mironova A.A.* (2008). «Vse vrut kalendari». Iz istorii kalendarei v Rossii. ["Calendars lie about everything." To the history of calendars in Russia]. *Russian speech.* №6. pp. 101–105. [in Russian]

[Pekarskii, 1867](#) – *Pekarskii P.P.* (1867). Bibliograficheskaya zametka ob Adres-kalendare 1765 goda [Bibliographic note on the Address Calendar 1765]. Collection of articles read at the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. T. I. St. Petersburg. pp. XXXVI–XXXVIII. [in Russian]

[Pekarskii, 1770](#) – *Pekarskii P.P.* (1770). Istoriya Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge. [History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg] V 2 t. T 1. St. Petersburg. 774 p. [in Russian]

- PSZ-1** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe [Complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection]
- PSZ-2** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Vtoroe [Complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection]
- Reglament, 1803** – Reglament Imperatorskoi Akademii nauk 1803 g. [Regulations of the Imperial Academy of Sciences in 1803] / Sobolev V.S. At the head of the first imperial scientific society: legislation on the activities of presidents of the Russian Academy of Sciences. 1725-1917. St. Petersburg. 2015. pp. 113-145. [in Russian]
- Reglament, 1747** – Reglament Imperatorskoi Akademii nauk i khudozhestv 1747 g. [Regulations of the Imperial Academy of Sciences and Arts in 1747] / Sobolev V.S. At the head of the first imperial scientific society: legislation on the activities of presidents of the Russian Academy of Sciences. 1725-1917. St. Petersburg., 2015. pp. 90-112 [in Russian]
- Rumyantseva, 1998** – *Rumyantseva M.F.* (1998). Spravochnye izdaniya [Reference publications] Source: Theory. History. Method. Moscow. pp. 399-407. [in Russian]
- Svodnyi katalog, 1966** – Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka. 1725–1800. [Consolidated Catalog of the Russian Civil Book of the 18th Century] Vol. IV. Moscow., 1966. 287 p. [in Russian]
- Smagina, 2000** – *Smagina G.I.* (2000). Akademiya nauk i razvitie obrazovaniya v Rossii v XVIII v. [Academy of Sciences and the development of education in Russia in the XVIII century] // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. №7. pp. 635-644. [in Russian]
- Sobko, 1880** – *Sobko N. [P.]*. (1880). Russkie i slavyanskije kalendari i mesyatseslovy za 100 let (1725–1825). [Russian and Slavic calendars and menologies in 100 years] Berlin. 56 p. [in Russian]
- SPbF ARAN** – Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi Akademii nauk. [The Archive of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Branch]
- Ustav, 1836** – Ustav Imperatorskoi Sankt-Peterburgskoi Akademii nauk 1836 g. [Statute of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences in 1836]. Sobolev V.S. At the head of the first imperial scientific society: legislation on the activities of presidents of the Russian Academy of Sciences. 1725-1917. St. Petersburg., 2015. pp. 148-178 [in Russian]
- Shilov, 2011** – *Shilov D.N.* (2011). Osnovnye dokumenty i spravochniki o grazhdanskikh chinovnikakh v Rossii (konets XVIII-nachalo XX veka): kratkii obzor [Basic documents and directories on civil servants in Russia (late XVIII-early XX century): a brief review]. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. №1. pp. 90-95. [in Russian]
- Shustov, 2011** – *Shustov A.N.* (2011). «Glyadi-ka v adres-kalendar'». ["Look at the address-calendar "]. *Russian speech*. № 5. pp. 78-81. [in Russian]
- Yuferov, Sokolovskii, 1928** – *Yuferov D.V., Sokolovskii G.N.* (1928). Akademicheskaya tipografiya. 1728-1928. [Academic printing house. 1728-1928] Leningrad. 108 p. [in Russian]
- Yuferov, 1933** – *Yuferov D.V.* (1933). Rannaya deyatelnost' Akademicheskoi tipografii [Early activities of the Academic Printing Office]. *Herald of the USSR Academy of Sciences*. №2. pp. 29-31. [in Russian]

Из истории финансирования научных учреждений в России: академическая привилегия на издание календарей и месяцесловов (1728–1865 гг.)

Андрей Юрьевич Скрыдлов ^{а,*}

^а Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена комплексному изучению привилегии Санкт-Петербургской Академии наук на издание календарей и месяцеслов, доходы от которой на протяжении полутора столетий занимали важное место в бюджете первого научного учреждения России. На основе широкого круга опубликованных и архивных источников изучены обстоятельства, при которых Академия наук получила императорское поручение издать первый календарь, что непосредственно связано с созданием в 1727 г. Академической типографии. Последующее закрепление монопольного права Академии наук на издание календарей и месяцесловов в законодательных актах и Академических уставах сделало календари важным каналом популяризации научных знаний, а также стабильным источником финансирования непредусмотренных штатом расходов Академии. В статье рассмотрена эволюция различных видов календарей, издаваемых Академией на протяжении XVIII – первой половины XIX вв., отмечены типовые особенности их содержания. Особое внимание уделено истории издания адрес-календаря, ставшего важным звеном системы служебной иерархии в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: askrydlov@gmail.com (А.Ю. Скрыдлов)

Российской империи. Анализ дискуссий внутри академического сообщества о целях и формах использования календарной привилегии ярко иллюстрирует стремление Академии найти баланс между необходимостью получения дополнительных доходов и своей основной задачей – распространением научных знаний и просвещения. Изменения в процедуре подготовки календарей к изданию, которые были предприняты академиками в 1850-е гг., не смогли предотвратить отмену календарной привилегии, которая состоялась в 1865 г. Главной причиной отмены календарной монополии представляется объективный процесс либерализации законодательства в сфере печати, происходивший в годы правления императора Александра II.

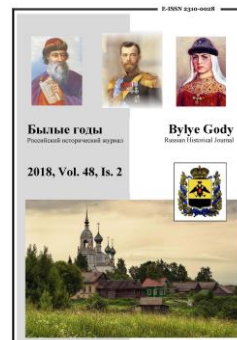
Ключевые слова: Санкт-Петербургская Академия наук, история финансирования науки, календари и месяцесловы, адрес-календари, Календарная комиссия Академии наук.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 484-495. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.484
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century

Sergey V. Lyubichankovskiy^{a,*}, Kuanysh G. Akanov^b

^aOrenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

^bL.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abstract

The debatable questions of the integration process of Kazakh Steppe into the Russian Imperia through the prism of the role of Orenburg city in this process are considered in the article. The systematization and generalization of historiographic approaches by the most debatable direction is represented – the authorship of aim about foundation of Orenburg city in the mouth of the Or river, where its initial construction were planned and began. Besides that, the motives and ambitions of personalities who stand at the origins of this process are signficated. The extensive range of historiographic materials, of documental and archival sources was involved in the process of research, the positions and opinions of scientists-historians were analyzed.

It was found that in the foundation process of Orenburg city the major role was played by the reciprocal actions and intentions of Kazakh khan Abulkhair, and so Russian state agents A.I. Tevkelev and I.K. Kirillov. Notably each part had their interests and expectations connected with the building of walled city. And if the khan of Junior Zhus aimed for reinforcement of his power and authority among Kazakhs, so the Russian civil servants relied on expansion of commercial relations, way out through the Kazakh steppe to Middle Asia states, and consolidation of positions of Empire in region.

The works of scientists who worked in Orenburg in different period of their official career (P.I. Rychkov, I.I. Kraft, A.I. Levshin, I. Kazantzev, A.E. Alektorov, A.I. Dobrosmyslov and others) promoted to study of the steppe spaces of Kazakhstan, mental and cultural heritage of the Kazakh people, to development of oriental study knowledge about Asian people in whole. Besides, the set up educational institutions in Orenburg (Neplyuev military academy, gymnasium, schools for teachers) favored to conformation of the Kazakh intelligentsia. Afterwards the many of its representatives played an outstanding role in history of Kazakhstan, developing of education, formation of autonomist movement Alash, creation of national newspaper and Alash autonomy. So, the Orenburg city played an important role not only in the process of consolidation of Kazakh Russian commercial relations, but also left a mark in history as a center of study of the Kazakh steppe, the place of formation of national Kazakh intelligentsia and activation of its autonomist ambitions.

Keywords: Orenburg, Kazakh Steppe, Russian Empire, Russian-Kazakh relations, integration, oriental studies, national intelligentsia.

1. Введение

Стремление Петра Великого к налаживанию торгового маршрута на Восток вплоть до Индии активизировало интерес России к проникновению на территорию кочевания казахских жузов. Важным шагом стало направление в Среднюю Азию – в Хиву – экспедиции князя А. Бековича-Черкасского (Левшин, 1996: 455). Поход окончился гибелью отряда вместе с князем (Пистоленко, 1939: 14). Параллельно по реке Иртыш направлялась экспедиция И.Д. Бухгольца, которая была остановлена джунгарскими войсками у Ямышевского озера в 1715 г. Несмотря на основание в 1716 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: svlubich@yandex.ru (S. Lyubichankovskiy)

Омской крепости, экспедиция также была признана неудачной, так как ее основная цель – продвижение в Среднюю Азию – не была достигнута (Масанов, 2006: 62–63). Стало понятным, что без планомерного проникновения Российской империи на Южный Урал никакое дальнейшее продвижение в Центральную Азию не будет возможным. Поэтому следующей большой экспедицией явилась Оренбургская, деятельность которой в 1734–1743 гг. стала основой для формирования новой административной единицы империи – Оренбургской губернии (с 1744 г.).

Юбилей города Оренбурга (275 лет со дня основания) активизировал внимание научного сообщества к истории Оренбургского края как форпосту империи на юго-восточных рубежах, начиная с середины XVIII в. (Девятые..., 2018). Важнейшим аспектом этой проблемы является изучение роли Оренбурга в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи, ведь в ведение Оренбургской губернии со времени ее основания вошли земли Уфимской и Исетской провинций, крепости по рекам Яик, Сакмара и Самара, территория кочевания Младшего жуза (Иванов, 2016: 24; Васильев, 2018: 151–165). Целью этой статьи являются систематизация и обобщение историографических данных по наиболее дискуссионному аспекту названной темы – определению авторства замысла первоначального местоположения города Оренбурга в устье реки Орь. Кроме того, в статье анализируется роль Оренбурга как центра изучения Казахской степи и места формирования казахской интеллигенции.

2. Материалы и методы исследования

Помимо обширной историографии вопроса, основными источниками для написания статьи послужили материалы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) и опубликованные сборники архивных и законодательных документов (Отчеты..., 2016; ПСЗ, 1830).

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности, предполагающие непредвзятый подход к анализу рассматриваемой проблемы.

При написании статьи применялся ретроспективный подход и использовались проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы исторического исследования, которые позволили проанализировать рассматриваемые дискуссионные вопросы, связанные с процессом интеграции Казахской степи в состав Российской империи сквозь призму роли Оренбурга.

3. Обсуждение

Историография (как и источниковая база) исследуемой проблемы начинает формироваться уже со второй половины XVIII в. самими участниками процесса основания Оренбургского края. Одними из первых являются труды П.И. Рычкова – «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым» в 2 частях (Рычков, 1762) и его же «История Оренбургская (1730–1750)» (Рычков, 1896). Исследования участника Оренбургской экспедиции, первого члена-корреспондента Российской академии наук, рассматривали вопросы локализации Оренбурга, его истории и содержали материал об исторических личностях, связанных со строительством крепости. С учетом научного подхода автора его труды следует рассматривать как элемент и источниковой базы, и историографии проблемы.

Нельзя не отметить журналы и дневниковые записи другого видного деятеля Оренбургской экспедиции А.И. Тевкелева, опубликованные в советское время в сборнике документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» (Казахско..., 1961), а также в современный период – «Журналы и служебные записи дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.)» с историографическим очерком и комментариями И.В. Ерофеевой (Журналы, 2005). Автор раскрыл в своих записях роль в основании Оренбурга выдающихся исторических деятелей как с казахской, так и с российской стороны. Кроме того, он выразил собственную позицию относительно строительства крепости на Яике.

Отдельные сведения по истории Оренбурга как центра «казахско-ориентированного востоковедения» содержатся в трудах авторов дореволюционного периода – Ф.А. Полунина (Полунин, 1773), А.И. Левшина (Левшин, 1996), И.И. Крафта (Крафт, 1897, 1898, 1900, 1901), В.Н. Витевского (Витевский, 1897). Так, этнографический труд А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких степей» содержит документальные сведения об основании Оренбурга, отраженные в публикациях писем, инструкций и грамот, не дошедших до наших дней. Наиболее ценный материал с этой точки зрения содержат работы И.И. Крафта, раскрывающего тему основания Оренбурга и формирования здесь казахской интеллектуальной элиты. В целом, авторы досоветского периода шли по пути накопления источникового материала не столько аналитического, сколько описательного характера.

Из работ об основании Оренбурга советского периода отметим следующие: статьи А.Ф. Рязанова (Рязанов, 1928) в № 4 журнала «Вестник просвещенца» за 1928 год и С.А. Попова (Попов, 1968) в сборнике статей «Орденосное Оренбуржье»; справочник «Весь Оренбург» (Весь..., 1937); книги В. Пистоленко (Пистоленко, 1939) и В.Г. Альтова (Альтов, 1974); путеводитель-справочник А. Большакова (Справочник-путеводитель..., 1924), который был выпущен во время пребывания Оренбурга в статусе столицы Казахстана. Заметим, что в вышеназванных работах

сведения об истории строительства города также в основном носят описательный характер. Исследуется мотивационная составляющая процесса строительства крепости как форпоста на пути продвижения интересов Империи и развития торгового пути на Восток. При этом все большее внимание исследователей уделяется фигуре императора Петра I, а также его сподвижникам и последователям, непосредственно участвовавшим в строительстве Оренбурга: А.И. Тевкелеву, И.К. Кириллову, В.Н. Татищеву, И.И. Неплюеву. Роль Оренбурга как центра изучения Казахской степи и развития востоковедения подробно исследуется в статье Ю.С. Зобова, опубликованной в библиографическом указателе «Исследователи Оренбургского края» (Зобов, 1980: 3-9).

В современной историографии, характеризующейся методологическим плюрализмом и актуализацией этноконфессиональной тематики (Дорофеев, 1993; Футорянский, 2003; Сафонов, 2003; Смирнов, 2003; Храмов, 2008; Иванов, 2016; Васильев, 2016; Моисеев, 2016; Асауляк, 2018; Ерофеева, 1999; Масанов, 2006; Темиргалиев, 2013; Избасарова, 2016; Мартин, 2005; Morrison, 2008; Мориссон, 2016), ученые все чаще поднимают вопросы как об авторах идеи образования города-крепости на реке Орь, так и о самом предназначении Оренбурга, его имперской миссии в контексте интеграции населения Казахской степи в российское общество.

4. Результаты

Анализ современной историографии показал, что исследователи дискутируют в связи с необходимостью определения авторства и мотивов принятия решения об основании города. В статье, посвященной 260-летию Оренбурга, Л.И. Футорянский отмечает, что идея образования города на юго-востоке Российской империи принадлежала русскому царю Петру I. По замыслу правителя данный опорный пункт должен был занять важное место в торговле России со Средней Азией и Индией и стать для нее «воротами в Азию» (Футорянский, 2003: 17). Аналогичное мнение встречалось и ранее, у советского историка А.Ф. Рязанова, который полагал, что Оренбург планировался как «центр политики на Востоке и центр меновой торговли с среднеазиатскими странами» (Рязанов, 1928: 1). Однако с данной позицией категорически не согласен Д.А. Сафонов, который в работе «Начало Оренбургской истории» высказал мнение о том, что так называемые «восточные» намерения царя Петра I «есть прежде всего суждения самих авторов» (Сафонов, 2003: 11). Ученый указывает, что слова о «киргиз-кайсацкой орде как о ключе и вратах к востоку» были заимствованы из воспоминаний А.И. Тевкелева, именовавшего себя «продолжателем курса великого императора» (Сафонов, 2003: 11-12). Аналогичным образом высказывается и Ю.Н. Смирнов, говоря, что фразу «казахская орда является ключом, открывающим двери в Азию» в своих мемуарах в уста императора Петра I вложил А. Тевкелев (Смирнов, 2003: 25).

Современные казахстанские ученые в своих работах указывают, что фраза о необходимости построения города-крепости в устье реки Орь была размещена в письмах-прошениях хана Младшего жуза Абулхаира. Например, по мнению И.В. Ерофеевой, причинами формирования Оренбургской экспедиции, руководившей процессом строительства Оренбурга, были два обстоятельства: принятие ханами Младшего и Среднего жузов Российского подданства в 1731–1732 гг. и настойчивые прошения хана Абулхаира построить крепость на реке Орь. Ученый обращает внимание на пункт прошения, в котором хан выражает надежду на то, что построенный город станет оплотом его «политического влияния в Волго-Уральском регионе» и «основным центром меновой торговли казахов с русскими и среднеазиатскими купцами» (Ерофеева, 1999: 210). Большую роль Абулхаира в основании Оренбурга отмечает и казахстанский исследователь Р.Д. Темиргалиев, который указывает, что «новый город на границе с Казахской степью» было решено построить именно в связи с прошением Абулхаир-хана. Это обстоятельство подчеркивалось в послании самой императрицы (Темиргалиев, 2013: 39). Подобные утверждения имелись и в дореволюционной российской историографии. Еще в работе А. Алекторова хан Абулхаир называется «главным виновником построения укрепления» (Алекторов, 1883: 17). Данное мнение поддерживается и российским исследователем Б.А. Моисеевым, утверждающим, что место для предполагавшегося строительства Оренбурга было первоначально «указано ханом Малой киргиз-кайсацкой орды Абулхаиром» (Моисеев, 2016: 7).

Среди последних научных работ отметим исследование Г.Б. Избасаровой, которая, проанализировав труды русских ученых П.И. Рычкова, А.И. Левшина, И.И. Крафта, М.А. Терентьева, А.Е. Алекторов, П.П. Семенова, Л. Мейера, А.И. Добросмылова, пришла к выводу, что идея строительства города на реке Орь сформировалась у казахского хана Абулхаира под влиянием государственных деятелей Российской империи. Д.В. Васильев также отмечал, что «предложение о необходимости строительства крепости в устье реки Орь» выдвинул А.И. Тевкелев в своих беседах с ханом Младшего жуза Абулхаиром. Направленный в казахские владения с целью приведения местного населения в подданство Российской империи, А.И. Тевкелев был хорошо знаком с менталитетом кочевников и смог натолкнуть хана на мысль о ходатайстве перед императрицей о возведении крепости (Васильев, 2016: 78-79).

В.В. Дорофеев добавляет к пониманию данной ситуации важный нюанс, указывая, что замысел использовать присоединение Младшего жуза в целях развития торговых связей и продвижения интересов России на юго-восток принадлежала обер-секретарю Сената И.К. Кириллову, который, в свою очередь, через А.И. Тевкелева натолкнул хана Абулхаира на мысль об основании города

(Дорофеев, 1993). Аналогичного мнения придерживается И.В. Храмов, в работе которого делается вывод о важной роли И.К. Кириллова как в воздействии на Абулхаира, так и в разработке самого проекта «строительства русского города на юго-восточных рубежах Российской империи» (Храмов, 2008: 10). Согласен с этим мнением и казахстанский исследователь Э.А. Масанов, отмечая, что в планы И.К. Кириллова входило использование пожелания хана Абулхаира для превращения задуманного города в опорный пункт Империи с целью расширения «политического и экономического господства на Востоке» (Масанов, 2006: 73-74).

Однако наличие данной дискуссии ни в коей мере не опровергает общепризнанного в науке тезиса о том, что строительство Оренбурга было в российских национальных интересах. Это артикулировано в современной историографии (в том числе и казахстанской). Например, Ю.Н. Мищеряков указывает, что Оренбург возводился в качестве пограничной крепости, под защитой которой должна была проводиться торговля с киргиз-кайсаками, как тогда именовались казахи. Город «являлся оплотом Российской империи», претендовавшим на «военное, экономическое и культурное влияние России на Среднюю Азию» (Мищеряков, 2003: 13). В. Симагин отмечает, что город Оренбург и Орская крепость были главными опорными пунктами российских властей «относительно движения в глубь Средней Азии» (Симагин, 2007: 261). Русским форпостом в Казахских степях называют Оренбург исследователи И.В. Ерофеева (Ерофеева, 1999), Ю.Н. Смирнов (Смирнов, 2003), Н.А. Иванов (Иванов, 2016), Д.В. Васильев (Васильев, 2016) и др. Важным является и замечание А. Мориссона о том, что руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов именовал открытые отрядом степные земли «Новой Россией». Основание крепости и города Оренбурга стало начальной точкой продвижения России в Среднюю Азию (Morisson, 2008).

Обобщая историографические достижения последних лет и привлекая дополнительный источниковый материал, предлагаем следующую «историческую реконструкцию» процесса оформления идеи строительства Оренбурга. Сообщения о наличии просьб хана Абулхаира к императрице издать указ о строительстве крепости в устье реки Орь при впадении в реку Яик в записях А.И. Тевкелева начинаются с декабря 1731 года. В своих обращениях хан неоднократно просил о постройке города, где он мог бы зимовать и иметь удобные покои. В доказательство своей верности он предлагал поочередно отправлять своих сыновей и детей своих султанов в качестве аманатов к императорскому двору в Петербург, платить ясак и охранять торговые караваны, направляющиеся отсюда в Хиву и Бухару. В свою очередь и российские чиновники в лице А.И. Тевкелева в 1732–1733 гг. писали о предназначении будущего города быть главным торговым пунктом на пути в важные в торговом отношении регионы – Бухару, Хиву, Ташкент, Ходжент, Балх и Туркестан. В подтверждение приводились доводы о наличии удобных дорог и мест, богатых водой, фуражом и дровами, т.е. указывалось преимущество дороги из планируемого города-крепости перед путем из Астрахани (Казахско..., 1961: 62-101). Однако, как указывает исследователь Н.А. Иванов, предложение о строительстве крепости вначале не вызвало одобрения в Петербурге (Иванов, 2016: 20). Тогда в январе 1734 г. делегация во главе с сыном хана Эрали (Ералы) и несколькими казахскими старшинами прибыла в Уфу, откуда направилась в Петербург, где нашла поддержку обер-секретаря тайного советника И.К. Кириллова. Именно И.К. Кириллов смог добиться от императрицы Анны Иоанновны подписания 7 июня 1734 года для Оренбурга особой Привилегии, причем которая была дана еще не построенному городу. Текст документа отмечал особые заслуги хана Абулхаира, первым из ханов казахских жузов перешедшим в российское подданство. Привилегия указывала функции города-крепости, заключавшиеся в полезной и безопасной торговле с Хивой, Бухарой, Ташкентом и другими среднеазиатскими государствами того времени, а также в содержании подданных под своей защитой и покровительством. Из числа особых преимуществ и выгод, дарованных Привилегией жителям города и вселяющимся сюда переселенцам, выделим следующие:

- первые 3 года прибывающие в город переселенцы поддерживались из казны как деньгами, так и природными ресурсами: строительным камнем и лесом. Причем денежные средства выдавались с рассрочкой на 10 лет без выплаты процентов;

- устанавливался особый суд – магистрат, в котором предписывалось иметь представителя от каждой проживающей народности и судить, учитывая их права и обычаи, невзирая на социальные различия;

- всем азиатским народам гарантировалось право на свободное вероисповедание и «строение их духовных учреждений»;

- предполагалось строительство особых домов для содержания приезжих, в том числе из Казахской степи (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-8).

10 июня 1734 г. хану Абулхаиру была послана специальная «Грамота императрицы Анны о согласии на его просьбу о постройке города в устье реки Орь». В документе говорилось об указе на строительство города в устье реки Орь в ответ на соответствующее прошение Абулхаира. Задачи строительства города и снабжения поручались статскому советнику И.К. Кириллову и полковнику А.И. Тевкелеву. В источнике также сообщалось, что еще 18 мая 1734 г. императрица Анна Иоанновна подписала специальную инструкцию начальнику Оренбургской экспедиции о строительстве города на реке Орь (Казахско..., 1961: 116-117). В Грамоте выражалась благодарность хану Абулхаиру за «приведение в подданство» казахов Младшего и Среднего жуза. В тексте документа указывалось, что

планируемый город на реке Орь должен быть местом пребывания (резиденции) как самого хана, так и его сына Ералы (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 146-149).

15 июня 1734 г. экспедиция И.К. Кириллова вышла из Санкт-Петербурга и уже 10 ноября оказалась в Уфе. Устья реки Орь экспедиция достигла 6 августа 1735 г., а 31 августа заложила и сам город. В 1737 г. И.К. Кириллов умирает и на смену ему назначается В.Н. Татищев, предложивший перенести место строительства Оренбурга вниз по течению реки Яик, в район урочища Красная гора. В 1738 г. по согласованию с Абулхаир-ханом был послан первый торговый караван в страны Средней Азии. В 1739 г. В.Н. Татищев был заменен В.А. Урусовым, которого после смерти в 1741 г. сменил И.И. Неплюев. Последний и предложил перенести город на его современное место, на правый берег Яика и неподалеку от устья реки Сакмара. В апреле 1743 г. состоялась торжественная закладка города, ставшего в 1744 г. центром Оренбургской губернии, названной исследователями «евразийским форпостом России на пути торговли с Востоком» (Иванов, 2016: 21-23).

Оренбург, будучи местом соприкосновения разных народов (русских, казахов, калмыков, мещеряков, татар, чувашей, башкир и многих других), занимал особое место в азиатской политике Российской империи. С самого начала своего образования Оренбург стал своеобразным пунктом связи между представителями кочевых сообществ и различных слоев русского населения (Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017: 1195-1202). Уже в середине XVIII в. в Оренбургской крепости был устроен ориентированный на трансграничную торговлю «Меновой двор» (Белялова, 2009: 109). Из Оренбурга, Троицка, Петропавловска и Семипалатинска через Казахскую степь шла караванная торговля империи со среднеазиатскими государствами: Хивой, Бухарой и Кокандом (Бекмаханов, 1992: 65). Важное торговое значение Оренбурга отмечал и А. Мориссон, исследуя поставки импорта через Оренбургскую таможню в области животноводства и хлопка-сырца (Мориссон, 2016: 97-102).

Именно в Оренбурге, а также в месте его старого расположения – в Орской крепости – принимались присяги казахских ханов Абулхаира, Абулмамбета и Абылая (в качестве султана). Также 10 июля 1749 г. недалеко от Оренбурга состоялась церемония конфирмации хана Младшего жуза Нуралы с получением патента на ханское достоинство и вручением подарков: сабли, парчовой шубы и шапки из меха черно-бурой лисицы (Темиргалиев, 2013: 49).

Из-за большого влияния Оренбурга казахов Младшего жуза со временем даже стали называть «оренбургскими киргизами» (Мартин, 2005: 383). В ведение Оренбургского ведомства входили казахи, кочевавшие по рекам Тургай и Тобол (Бекмаханов, 1992: 64). Созданная в 1730–1740 гг. Оренбургская линия стала одной из первых систем оборонительных сооружений на юго-восточной границе Российской империи (Ковальская, 2018: 89)

В научном отношении Оренбург быстро стал центром изучения культурных традиций и истории окружающих азиатских народов, географии и геологии степных пространств. Еще руководители Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов и В.Н. Татищев начинали картографические работы и разведку полезных ископаемых. В 1768–1774 гг. были организованы «оренбургские» экспедиции П.С. Палласа, И.И. Лепехина, И.П. Фалька. В 1820–1821 гг. в Бухару из Оренбурга была направлена посольская миссия А. Негри, в 1825–1826 гг. – экспедиция Ф.Ф. Берга, изучившая берега Каспийского моря. В 1848 г. из Оренбурга и Орска к Аральскому морю выступила экспедиция А.И. Бутакова, составившая карты и описание Арала (в ее составе был и Т.Г. Шевченко). В 1850–1851 гг. экспедиция П.И. Небольсина исследовала данные по торговле России со Средней Азией. В 1850-х гг. в Оренбурге работали представители русского востоковедения: В.В. Вельяминов-Зернов и В.В. Григорьев (Зобов, 1980: 4-7). В 1868 г. был учрежден Оренбургский отдел Императорского Русского географического общества. Отделом были записаны и зафиксированы обычаи казахов, произведения фольклора, получены сведения о запасах и методах добычи илецкой соли. Были проведены демографические исследования, выявлены места расселения и перекочевков казахов, их зимовок и летовок, произведены раскопки ряда «киргизских» археологических памятников. Другой важнейший научный центр региона – Оренбургская ученая архивная комиссия – также большое внимание уделяла истории населявших край азиатских народов: по подсчетам Т.И. Тугай, в период с 1890-х гг. по 1917 г. Комиссия посвятила не менее 22% исследований вопросам изучения истории Казахской степи и Башкирии (Тугай, 2012: 176-178). Среди организаторов Оренбургского отдела Русского географического общества исследователи называют имена И. Алтынсарина, А.А. Тилло, В.Н. Игнатьева, П.Н. Оводова, А.О. Пальчевского, Л.Н. и В.Н. Плотниковых (Масанов, 2006: 281-282). Большой вклад в исследование истории казахских степных пространств внесли русские ученые, работавшие в Оренбурге в разное время своей служебной деятельности: П.И. Рычков, И.И. Крафт, А.И. Добросмыслов, И. Казанцев и др. Мы уже говорили о том, что первым научным трудом по истории и топографии края и его населения, одной из составных частей которого были казахи Младшего жуза, являлась работа П.И. Рычкова «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым». Существенно расширили научные данные о казахах XVIII–XIX вв. И. Крафт и А. Добросмыслов, которые ввели в научный оборот архивные материалы Тургайского областного управления и акты Полного собрания законов Российской империи. Ценные сведения о многих казахских ханах и султанах собрал И. Казанцев (Избасарова, 2016: 122-126).

В Оренбурге выходили многие печатные труды по истории и этнографии казахского народа. Среди них наибольшую известность получили работы видного русского ученого И.И. Крафта «Принятие киргизами русского подданства» в «Известиях Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества» (Крафт, 1897) и вышедшее отдельной книгой исследование «Из киргизской старины» (Крафт, 1900). Труды русских ученых способствовали изучению Казахской степи, духовного и материально-культурного наследия казахского народа, расширению востоковедческого знания об азиатских народах.

Оренбург являлся одним из первых центров получения казахами образования. Этому способствовало открытие Неплюевского военного училища (1825 г.), основной задачей которого было «способствовать сближению азиатцев с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству и доставлять отдаленному краю просвещенных чиновников по разным частям военной и гражданской службы» (Оренбургский..., 1999: 153). Было решено принимать в училище детей казахов наравне с детьми русских офицеров. Помимо общих дисциплин, в училище преподавались и восточные языки: арабский, персидский и др. В Оренбурге получили образование многие известные представители казахского народа. Например, выдающийся педагог-просветитель И. Алтынсарин был выпускником школы для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии. В 1868–1900 гг. в Оренбургской гимназии обучался будущий депутат Государственной Думы А. Беремжанов, а Оренбургскую учительскую школу окончил видный казахский ученый-лингвист, просветитель и один из лидеров движения «Алаш» А. Байтурсинов (Султангалиева, 2005: 10-14).

Важную роль как в развитии казахско-русских отношений, так и в истории Казахской степи в целом Оренбург продолжил играть и в первой четверти XX в. В это время город становится центром формирования казахского автономизма. В 1913 г. именно в Оренбургской губернии появляется первая национальная газета «Қазак», ставшая главным выразителем идей казахской интеллигенции. В 1917 г. в Оренбурге проходят Первый и Второй Всеказахские съезды, во время которых были приняты решения о создании национальной партии «Алаш» и образовании национально-территориальной автономии (Аманжолова, 2009).

Огромное значение Оренбургу как центру «советской государственной модели» и движения советской власти на Восток придавали победившие в Гражданской войне большевики, стремившиеся сделать город центром Казахской автономии (Косач, 2016: 88-89). В 1919 г. именно Оренбург становится местом дислокации Киргизского военного революционного комитета, исполнявшего военные и гражданские функции по управлению автономией. 4 октября 1920 г. в Оренбурге состоялся Первый Учредительный съезд Советов Киргизской АССР, принявший Декларацию о создании Киргизской (Казахской) Автономной Социалистической Советской Республики в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) (ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 18-А. Л. 1-2). Учитывая все вышеизложенное, закономерно, что город Оренбург в период с 1920–1925 гг. был первой столицей объявленной на съезде Казахской автономной республики (Аканов, 2017).

5. Заключение

Подводя итоги, сделаем вывод, что в истории основания Оренбурга большую роль сыграли взаимные действия как казахского хана Абулхаира, так и российских государственных деятелей (А.И. Тевкелева, И.К. Кириллова и др.), «подсказавших» руководителю Младшего жуза идею строительства русской крепости на Яике, которая отвечала бы как интересам Казахской степи, так и государственным интересам Российской империи. У каждой стороны были свои причины строительства города. И если хан Абулхаир стремился укрепить свою власть и обезопасить подданных, то российские государственные деятели обоснованно надеялись сделать город-крепость ключевым форпостом продвижения России в страны Центральной Азии и даже Индию. В итоге возникший на Яике (Урале) город сыграл видную роль в деле развития казахско-русских отношений и оставил заметный след в истории Казахской степи. Оренбург стал местом воплощения казахских и русских стремлений к торговому и культурному взаимодействию. Два века он был центром научного изучения Казахской степи и казахского народа. В Оренбурге получили образование многие видные казахские общественные и государственные деятели, сформировался первый слой казахской национальной интеллигенции, что закономерно повлекло за собой следующий шаг: в начале XX в. Оренбург стал политическим центром осуществления идей казахского автономизма и первой столицей Казахской автономной республики в составе России. Таким образом, Оренбург сыграл важную роль не только в деле укрепления российско-казахских экономических связей, но и в качестве научного центра изучения Казахской степи, места формирования национальной казахской интеллигенции и активизации ее автономистских стремлений.

Литература

Аканов, 2017 – Аканов К.Г. Оренбург как столица автономного Казахстана (1920–1925): причины выбора и попытки поиска альтернатив // Самарский научный вестник. Научный журнал. 2017. Том 6, № 4 (21). С. 160-165.

Алекторов, 1883 – Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, Типография Б. Бреслина, 1883.

- Альтов, 1974** – *Альтов В.Г.* Города Оренбургской области. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1974. 254 с.
- Аманжолова, 2009** – *Аманжолова Д.А.* На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2009. 412 с.
- Асауляк, 2018** – *Асауляк В.В.* Вклад В.Н. Татищева в создание и развитие Оренбургского края // Девяты́е Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. 412 с.
- Бекмаханов, 1992** – *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата: «Қазақ университеті», 1992. 400 с.
- Белялова, 2009** – *Белялова Д.К.* Факторы развития ярмарочной торговли в степном крае (XIX – начало XX вв.) // Валихановские чтения-14: Сбор. мат. Междунар. научно-практ. конф. Кокшетау, 2009. 302 с.
- Васильев, 2016** – *Васильев Д.В.* Столица Степного края: Оренбург в казахском дискурсе Российской империи // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 78–83.
- Васильев, 2018** – *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории.* 2018. № 3. С. 151–165.
- Весь..., 1937** – *Весь Оренбург: справочник по городу Оренбургу на 1937 год: 1-й год издания.* Оренбург: Оренб. коммуна, 1937. 242 с.
- Витевский, 1897** – *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Том первый. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, Большая Проломная соб., 1897. 707 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Девяты́е..., 2018** – Девяты́е Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. 412 с
- Дорофеев, 1993** – *Дорофеев В.В.* Врата в Азию // *Оренбург* / Сост. и науч. ред. Л.И. Футорянский. Челябинск, Южно-Уральское книжное изд-во, 1993. С. 3–24.
- Ерофеева, 1999** – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Научное издание. Алматы, «Санат», 1999. 336 с.
- Журналы, 2005** – *Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.)* / Составление, транскрипция скорописи XVIII в., историографический очерк и комментарии И.В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
- Зобов, 1980** – *Зобов Ю.С.* Научное изучение Оренбургского края в дореволюционное время (1773–1917 гг.) // *Исследователи Оренбургского края (Указатель литературы)* / Сост. Г.П. Березина. Оренбург, 1980 г. С. 3–9.
- Иванов, 2016** – *Иванов Н.А.* Евразийский форпост в степях оренбургских (1735–2015 гг.) / Науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург, 2016. 156 с.
- Избасарова, 2016** – *Избасарова Г.Б.* Историография проблемы инкорпорации Младшего жуза казахов в состав Российской империи (дореволюционный период) // *Самарский научный вестник.* 2016. № 4 (17). С. 122–126.
- Казахско..., 1961** – *Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: (сборник документов и материалов)* / Сост. Ф.Н. Киреев, А.К. Алейникова, Г.И. Семенюк, Т.Ж. Шоинбаев. Издательство Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1961. 746 с.
- Ковальская, 2018** – *Ковальская С.И.* Военная повседневность – новое исследовательское направление в истории Казахстана // Девяты́е Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. С. 85–88.
- Косач, 2016** – *Косач Г.Г.* Оренбург и Башкирская автономия: «государственный» город в начале советской эпохи // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 88–93.
- Крафт, 1897** – *Крафт И.И.* Принятие киргизами русского подданства // *Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества.* Выпуск 12-й. Типо-литография И.Н. Жаринова, 1897. 59 с.
- Крафт, 1898** – *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, Типо-литография И.Н. Жаринова, 1898. 59 с.
- Крафт, 1900** – *Крафт И.И.* Из киргизской старины. Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. 157 с.
- Крафт, 1901** – *Крафт И.И.* Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1832 г., относящихся к управлению киргизами. СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1901. 141 с.

- Левшин, 1996** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). Алматы, «Санат», 1996. 656 с.
- Любичанковский, 2017** – *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2017. № 50. С. 31-37.
- Мартин, 2005** – *Мартин В.* Барымта: обычай в глазах кочевников – преступление в глазах империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 360-390.
- Масанов, 2006** – *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. (Библиотека казахской этнографии, том 36). Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. 551 с.
- Мищеряков, 2003** – *Мищеряков Ю.Н.* Оренбург вчера, сегодня, завтра // *Оренбург вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт. Материалы и тезисы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 260-летию г. Оренбурга.* Оренбург: Печатный дом «Димур», 2003. С. 7-17.
- Моисеев, 2016** – *Моисеев Б.А.* Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание / Б.А. Моисеев. [послел. Е.Н. Бекасовой]. Оренбург: «Оренбургская книга», 2016. 416 с.
- Мориссон, 2016** – *Мориссон А.* Товарооборот России со Средней Азией в середине XIX века по записям Оренбургской таможни // *Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. С.В. Любичанковский.* Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 97-102.
- Оренбургский..., 1999** – *Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский.* Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 336 с.
- Отчеты..., 2016** – *Отчеты губернаторов Оренбургской губернии. Сборник документов / Под. ред. В.А. Ильиной, Е.Н. Новокрещеновой, К.Г. Ерофеева.* Оренбург, 2016. 612 с.
- Пистоленко, 1939** – *Пистоленко В.* Из прошлого Оренбургского края. Чкалов: Типография изд-ва «Чкаловская коммуна», 1939 г. 152 с.
- Полунин, 1773** – *Полунин Ф.* Географический лексикон Российского государства или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города. Собр. Ф. Полуниным. М., 1773. 479 с.
- Попов, 1968** – *Попов С.А.* Основание Оренбурга // *Орденосное Оренбуржье (сб. статей).* Челябинск. Южно-Уральское кн. изд., 1968. 392 с.
- П.С.З., 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825): т. IX (1733–1736): Законы (6294-7142). № 6571, 1734 г. С. 309-317. С. 309 // *Электронная библиотека Российской национальной библиотеки.* URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Дата обращения: 12.01.2018)
- Рычков, 1762** – *Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч.1, 2. Санкт-Петербург: при Императорской Академии наук, 1762. 593 с.
- Рычков, 1896** – *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730–1750). Издание Оренбургского губернского статистического комитета. Под редакцией и с примечаниями Н.М. Гутьяра, секретаря комитета. Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Ефимовского-Мирозицкого, 1896. 95 с.
- Рязанов, 1928** – *Рязанов А.Ф.* Исторический Оренбург // *Оттиск из журнала «Вестник Просвещенца» № 4 за 1928 г.* 12 с.
- Сафонов, 2003** – *Сафонов Д.А.* Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). Оренбург: Оренбургская губерния, 2003. 92 с.
- Симагин, 2007** – *Симагин В.* Мятёжный султан Кинисара Касымов и его преследователи // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях Казахской степи (XIX–XX вв.) / Сост. С.Ф. Мажитов.* Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Том IX. С. 261-269.
- Смирнов, 2003** – *Смирнов Ю.Н.* «Индийский» фактор в замысле Оренбургской экспедиции // *Материалы и тезисы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 260-летию г. Оренбурга.* Оренбург: Печатный дом «Димур», 2003. С. 24-28.
- Справочник-путеводитель..., 1924** – *Справочник-путеводитель Советский Оренбург / Сост.: журналист-инвалид Большаков.* Оренбург: [Киргизск. гос. изд-во], 1924. 160 с.
- Султангалиева, 2005** – *Султангалиева Г.С.* Роль Оренбурга в формировании казахской интеллигенции (XIX – начало XX вв.) // *Казахи Оренбуржья: история и современность / Материалы Межрегиональной науч.-практ. конф. Серия «Многонациональный мир Оренбуржья».* Вып. 16. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2005. С. 10-14.
- Темиргалиев, 2013** – *Темиргалиев Р.Д.* Казахи и Россия. М.: Международные отношения, 2013. 352 с.
- Тугай, 2012** – *Тугай Т.И.* Представители Оренбургской губернской администрации и краеведческих обществ в изучении Казахстана и Средней Азии (втор. пол. XIX – нач. XX в.) // *Вестник Оренбургского государственного университета.* 2012. № 5 (141). С. 176-182.

Футорянский, 2003 – *Футорянский Л.И.* Путь Оренбурга в 260 лет // Материалы и тезисы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 260-летию г. Оренбурга. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2003. С. 17-24.

Храмов, 2008 – *Храмов И.В.* Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство», 2008. 240 с.

Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017 – *Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S.* Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4. pp. 1194-1206.

Morisson, 2008 – *Morisson A.* What is 'Colonisation'? An Alternative View of Taming the Wild Field // Forum for Anthropology and Culture. St. Petersburg, 2008. № 4. pp. 402–415.

References

Akanov, 2017 – *Akanov K.G.* (2017). Orenburg kak stolitsa avtonomnogo Kazakhstana (1920-1925): prichiny vybora i popytki poiska al'ternativ. [Orenburg as the capital of autonomous Kazakhstan (1920-1925): the reasons of choice and attempts of search for alternatives]. *Samarskii nauchnyi vestnik. Nauchnyi zhurnal*. Tom 6, №4 (21). pp. 160-165 [in Russian]

Alektorov, 1883 – *Alektorov A.A.* (1883). Istoriya Orenburgskoi gubernii. [History of Orenburg province]. Orenburg, Tipografiya B. Breslina. 128 p. [in Russian]

Al'tov, 1974 – *Al'tov V.G.* (1974). Goroda Orenburgskoi oblasti. [Cities of Orenburg Region]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe kn. Izd-vo. 254 p. [in Russian]

Amanzholova, 2009 – *Amanzholova D.A.* (2009). Na izlome. Alash v etnopoliticheskoi istorii Kazakhstana. [Under fracture. Alash in ethnopolitic history of Kazakhstan]. Almaty: Publishing house: «Taimas». 412 p. [in Russian]

Asaulyak, 2018 – *Asaulyak V.V.* (2018). Vklad V.N. Tatisheva v sozдание i razvitie Orenburgskogo kraja. [Contribution of V.N. Tatischev in the creation and development of the Orenburg region] // *Devyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; nauch.red. S.V. Lyubichankovskii.* Orenburg: Izd-vo OGPU. 412 p. [in Russian]

Bekmakhanov, 1992 – *Bekmakhanov E.* (1992). Kazakhstan v 20-40-e gody XIX veka. [Kazakhstan in 20-40 years of the 19th century] Uchebnik. Alma-Ata: «Kazak universiteti». 400 p. [in Russian]

Belyalova, 2009 – *Belyalova D.K.* (2009). Faktory razvitiya yarmorochnoi trgovli v Stepnom krae (XIX – nachalo XX vv.). [Factors of development of yoke trade in the Steppe region (19 – the beginning of the 20th centuries)]. // *Valikhanovskie chteniya-14: Sbor. mat. Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Kokshetau.* 302 p., V. 1. p. 109 [in Russian].

Devyatye..., 2018 – *Devyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; nauch. red. S.V. Lyubichankovskii.* Orenburg: Izd-vo OGPU, 2018. 412 p.: pp. 292–295. [in Russian].

Vasil'ev, 2016 – *Vasil'ev D.V.* (2016). Stolitsa Stepnogo kraja: Orenburg v kazakhskom diskurse Rossiiskoi imperii. [Capital of the Steppe region: Orenburg in the Kazakh discourse of the Russian Empire] // *Vos'mye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / nauch. red. S.V. Lyubichankovskii.* Orenburg: Izd-vo OGPU. pp. 78-83 [in Russian].

Vasil'ev, 2018 – *Vasil'ev D.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2018). Kazakhi i russkie: bytovaia akkul'turatsiia v XIX v. [Kazakh and Russian common acculturation in 19th century]. *Voprosy istorii.* №3. pp. 151-165 [in Russian].

Ves'..., 1937 – *Ves' Orenburg: spravochnik po gorodu Orenburgu na 1937 god: 1-i god izdaniya.* [All Orenburg: a guide to the Orenburg-city for 1937: the 1st year of edition]. Orenburg: Orenb. kommuna, 1937. 242 p. [in Russian]

Vitevskii, 1897 – *Vitevskii V.N.* (1897). I.I. Neplyuev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758. [I.I. Neplyuev and the Orenburg region in its former structure till 1758]. Volume 1. Kazan': Tipolitografiya V.M. Klyuchnikova, Bol'shaya Prolomnaya sob. 707 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi Arkhiv Orenburgskoi oblasti. [The State Archive of the Orenburg region]

Dorofeev, 1993 – *Dorofeev V.V.* (1993). Vrata v Aziyu [Gateway to Asia] / Orenburg. / Sost. i nauch. red. L.I. Futoryanskii. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 270 p. [in Russian]

Erofeeva, 1999 – *Erofeeva I.V.* (1999). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik. [Khan Abulkhair: warlord, ruler and politician] Nauchnoe izdanie. Almaty, «Sanat». 336 p. [in Russian]

Zhurnaly, 2005 – *Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731-1759).* [Journals and official notes of diplomat A.I. Tevkeleva on history and ethnography of Kazakhstan (1731-1759)]. / Sostavlenie, transkriptsiya skoropisi XVIII v., istoriograficheskii ocherk i kommentarii I.V. Erofeeva. Almaty: Daik-Press, 2005. 484 p. [in Russian]

Zobov, 1980 – *Zobov Yu.S.* (1980). Nauchnoe izuchenie Orenburgskogo kraja v dorevolutsionnoe vremya (1773-1917) [Scientific study of Orenburg region in pre-revolutionary time] // *Issledovateli Orenburgskogo kraja (Ukazatel' literatury).* Sostavitel' G. P. Berezina. Orenburg. pp. 3-9. [in Russian]

Ivanov, 2016 – *Ivanov N.A.* (2016). Evraziiskii forpost v stepyakh orenburgskikh (1735-2015). [The Eurasian forward stronghold in the Steppes of Orenburg (1735-2015)]. / nauchn. red. S.V. Lyubichankovskii. Orenburg. 156 p. [in Russian]

Izbasarova, 2016 – *Izbasarova G.B.* (2016). Istoriografiya problemy inkorporatsii Mladshego zhuza kazakhov v sostav Rossiiskoi imperii (Dorevolyutsionnyi period). [Historiography of the problem of the incorporation of the Young Zhuz of Kazakhs into the Russian Empire (Pre-revolutionary period)]. *Samarskii nauchnyi vestnik*. № 4 (17). pp. 122-126. [in Russian]

Kazakhsko..., 1961 – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vekakh: (sbornik dokumentov i materialov). [Kazakh-Russian relations in 16-18th centuries: (collection of documents and materials)]. / sost. F.N. Kireev, A.K. Aleinikova, G.I. Semenyuk, T.Zh. Shoinbaev. Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Alma-Ata, 1961. 746 p. [in Russian]

Kraft, 1897 – *Kraft I.I.* (1897). Prinyatie kirgizami russkogo poddanstva [Acceptance of Russian citizenship by Kirghiz]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Is. 12. Tipolitografiya I.N. Zharinova. 59 p. [in Russian]

Kraft, 1898 – *Kraft I.I.* (1898). Sbornik uzakonenii o kirgizakh stepnykh oblastei. [Collection of legalization about Kirghiz steppe regions]. Orenburg, Tipolitografiya I.N. Zharinova. 59 p. [in Russian]

Kraft, 1900 – *Kraft I.I.* (1900). Iz kirgizskoi stariny. [From the Kyrgyz antiquity]. Orenburg: Tipolitografiya F.B. Sachkova. 157 p. [in Russian]

Kraft, 1901 – *Kraft I.I.* (1901). Turgaiskii oblastnoi arkhiv. Opisanie arkhivnykh dokumentov s 1731 g. po 1832 g. otnosyashchikhsya k upravleniyu kirgizami. [Turgai regional archive. Description of archival documents, relating to administration on Kirghiz from 1731 to 1832]. S.-Peterburg. Tipografiya A.P. Lopukhina. Telezhnaya ul., d. №5. 141 p. [in Russian]

Koval'skaya, 2018 – *Koval'skaya S.I.* (2018). Voennaya povsednevnost' – novoe issledovatel'skoe napravlenie v istorii Kazakhstana. [Military daily life is a new research trend in the history of Kazakhstan]. // *Devyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*; nauch. red. S.V. Lyubichankovskii. Orenburg: Izd-vo OGPU. 412 p.: pp. 85-88. [in Russian]

Kosach, 2016 – *Kosach G.G.* (2016). Orenburg i Bashkirskaya avtonomiya: «gosudarstvennyi» gorod v nachale sovetskoi epokhi. [Orenburg and Bashkir autonomy: "state" city at the beginning of the Soviet epoch]. // *Vos'mye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* / nauch. red. S.V. Lyubichankovskii. Orenburg: Izd-vo OGPU. 376 p.: pp. 88-93 [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei (pod obshchei redaktsiei akademika M.K. Kozybaeva). [Description of Kirghiz-Cossack, Kyrgyz-Kaisak, hordes and steppes. (Under the general editorship of Academician M.K. Kozybaev)]. Almaty, «Sanat». 656 p. [in Russian]

Lyubichankovskiy, 2017 – *Lyubichankovskiy S.V.* (2017). Politika akkul'turatsii v usloviyakh razrusheniya imperii: kazus volostnogo zemstva. [The policy of acculturation in the conditions of the destruction of the empire: the incident of zemstvo of volost]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. №50. pp. 31-37. [in Russian]

Martin, 2005 – *Martin V.* (2005). Barymta: obychai v glazakh kochevnikov – prestuplenie v glazakh imperii. [Martin V. Barymta: Nomadic Custom, Imperial Crime]. / *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. Sost. P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller. M.: Novoe izdatel'stvo. 696 p. pp. 360-390. [in Russian]

Masanov, 2006 – *Masanov E.A.* (2006). Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo naroda v SSSR. [Essay on the history of ethnographic research of Kazakh people in the USSR]. (Biblioteka kazakhskoi etnografii, tom 36). Pavlodar: NPF «EKO». 551 p. [in Russian]

Mishcheryakov, 2003 – *Mishcheryakov Yu.N.* (2003). Orenburg vchera, segodnya, zavtra. [Orenburg yesterday, today, tomorrow]. / *Orenburg vchera, segodnya, zavtra: istoricheskii i sotsiokul'turnyi opyt. Materialy i tezisy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 260-letiyu g. Orenburga*. Orenburg. Pechatnyi dom «Dimur». 184 p. pp. 7-17. [in Russian]

Moiseev, 2016 – *Moiseev B.A.* (2016). Toponimicheskie ocherki Orenburzh'ya. [Toponimical essay of Orenburg region]. *Nauchno-populyarnoe izdanie / [poslesl. E.N. Bekasovoi]*. Orenburg: «Orenburgskaya kniga». 416 p. [in Russian]

Morisson, 2016 – *Morisson A.* (2016). Tovaroorobot Rossii so Srednei Aziei v seredine XIX veka po zapisyam Orenburgskoi tamozhni [Trade turnover of Russia with Middle Asia in the middle of 19th century by appointment of Orenburg custom] / *Vos'mye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* / nauch. red. S.V. Lyubichankovskii. Orenburg: Izd-vo OGPU. pp. 97-102 [in Russian].

Orenburgskii..., 1999 – Orenburgskii gubernator Vasiliy Alekseevich Perovskii. [Orenburg Governor Vasily Alekseevich Perovskiy]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1999. 336 p. [in Russian]

Otchety..., 2016 – Otchety gubernatorov Orenburgskoi gubernii. [Reports of the Governors of Orenburg Province]. Collection of documents / Under edition of V.A. Il'ina, E.N. Novokreshchenova, K.G. Erofeev.- Orenburg, 2016. 612 p. [in Russian].

- Pistolenko, 1939** – *Pistolenko V.* (1939). Iz proshlogo Orenburgskogo kraja. [From past of Orenburg region]. Chkalov: Tipografiya izd-va «Chkalovskaya kommuna». 152 p. [in Russian]
- Polunin, 1773** – *Polunin F.* (1773). Geograficheskiy leksikon Rossiiskogo gosudarstva ili slovar', opisuyushchii po azbuchnomu poryadku reki, ozera, morya, gory, goroda. [Geographical lexicon of the Russian state or a dictionary which describes the elementary order of rivers, lakes, seas, mountains, cities]. Sobr. F. Poluninym. M. 479 p. [in Russian]
- Popov, 1968** – *Popov S.A.* (1968). Osnovanie Orenburga. [Foundation of Orenburg] / Ordenonosnoe Orenburzh'e. (sb. statei). Chelyabinsk. Yuzhno-Ural'skoe kn. izd. 392 p. [in Russian]
- PSZ, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie (1649–1825). [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1649–1825)]: Volume IX (1733-1736): Laws (6294-7142). № 6571, 1734. P. 309–317. Elektronnyaya biblioteka Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. URL: http://www.nlr.ru/res/law_r/search.php (Accessed data: 12.01.2018) [in Russian]
- Rychkov, 1762** – *Rychkov P.I.* (1762). Topografiya Orenburgskaya, to est' obstoyatel'noe opisaniye Orenburgskoi gubernii, sochinennoye Kollezhskim Sovetnikom i Imperatorskoi Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym. [Topography of Orenburg, that is, a detailed description of the Orenburg province, compiled by the Collegiate Counselor and the correspondent of Imperial Academy of Sciences Peter Rychkov]. Part 1, 2. Sankt-Petersburg: pri Imperatorskoi Akademii Nauk. 593 p. [in Russian]
- Rychkov, 1896** – *Rychkov P.I.* (1896). Istoriya Orenburgskaya (1730-1750). [History of Orenburg (1730-1750)]. Edition of the Orenburg Provincial Statistical Committee. Under the Editors and notes of Secretary of the Committee N.M. Gutyar. Orenburg: Tipo-litografiya Iv.Iv. Efimovskogo-Mirozitskogo. 95 p. [in Russian]
- Ryazanov, 1928** – *Ryazanov A.F.* (1928). Istoricheskiy Orenburg. [Historical Orenburg]. *Ottisk iz zhurnala «Vestnik Prosveshchentsa»*. № 4. 12 p. [in Russian]
- Safonov, 2003** – *Safonov D.* (2003). Nachalo Orenburgskoi istorii (Sozdanie Orenburgskoi gubernii v seredine XVIII v.) [The Beginning of the Orenburg History. The creation of the Orenburg province in the middle of the 18th century]. Orenburg: Orenburgskaya guberniya. 92 p. [in Russian]
- Simagin, 2007** – *Simagin V.* (2007). Myatezhnyi sultan Kinisara Kasymov i ego presledovateli. [The rebellious Sultan Kinisar Kasymov and his persecutors]. / The History of Kazakhstan in the Russian sources 16-20th centuries. Folk legends about historical events and outstanding people of the Kazakh steppe (19-20th centuries). Sost. S.F. Mazhitov. Almaty: Daik-Press. Vol. IX. pp. 261-269 [in Russian]
- Smirnov, 2003** – *Smirnov Yu.N.* (2003). «Indiiskii» faktor v zamysle Orenburgskoi ekspeditsii. [The "Indian" factor in idea of the Orenburg expedition]. // Materialy i tezisy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 260-letiyu g. Orenburga. Orenburg: pechatnyi dom «Dimur». pp. 24-28 [in Russian]
- Spravochnik-putevoditel'..., 1924** – Spravochnik-putevoditel' Sovetskii Orenburg [Guide book the Soviet Orenburg] / sost.: zhurnalists- invalid Bol'shakov. Orenburg: [Kirgizsk. gos. izd-vo], 1924. 160 p. [in Russian]
- Sultangalieva, 2005** – *Sultangalieva G.S.* (2005). Rol' Orenburga v formirovanii kazakhskoi intelligentsii (XIX – nachalo XX vv.). [The role of Orenburg in the formation of the Kazakh intelligentsia (19 - the beginning of the 20th century)]. // Kazakhi Orenburzh'ya: istoriya i sovremennost': materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Seriya «Mnogonatsional'nyi mir Orenburzh'ya». Vyp. 16. Orenburg: izdatel'skii tsentr OGAU. 204 p. pp. 10-14. [in Russian]
- Temirgaliev, 2013** – *Temirgaliev R.D.* (2013). Kazakhi i Rossiya. [Kazakh and Russia]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 352 p. [in Russian]
- Tugai, 2012** – *Tugai T.I.* (2012). Predstaviteli Orenburgskoi gubernskoi administratsii i kraevedcheskikh obshchestv v izuchenii Kazakhstana i Srednei Azii (vtor. pol. XIX – nach. XX v.). [Representatives of the Orenburg provincial administration and regional societies in study of Kazakhstan and Central Asia (the second half of the 19 – the beginning of 20th century)]. *Vestnik OGU*. №5 (141). pp. 176-182. [in Russian]
- Futoryanskii, 2003** – *Futoryanskii L.I.* (2003). Put' Orenburga v 260 let. [Way of Orenburg in 260 years] // Materialy i tezisy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 260-letiyu g. Orenburga. Orenburg: pechatnyi dom «Dimur». 384 p. pp. 17-24 [in Russian]
- Khramov, 2008** – *Khramov I.V.* (2008). Orenburg [Orenburg], OOO «Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo». 240 p. [in Russian]

**Оренбург в истории интеграции Казахской степи
в состав Российской империи XVIII – начало XX вв.**

Сергей Валентинович Любичанковский ^{a, *}, Куаныш Газизович Аканов ^b

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы процесса интеграции Казахской степи в состав Российской империи сквозь призму роли Оренбурга в этом процессе. Представлена систематизация и обобщение историографических подходов по наиболее дискуссионному направлению – авторству замысла основания города Оренбурга в устье реки Ор, где планировалось и начиналось его первоначальное строительство. Кроме того, выявляются мотивы и стремления личностей, стоявших у истоков данного процесса. В ходе исследования был задействован обширный круг историографических материалов, документальных и архивных источников, проанализированы позиции и мнения ученых-историков.

Было выяснено, что в деле основания города Оренбурга главную роль сыграли взаимные действия и намерения казахского хана Абулхаира и российских государственных деятелей в лице А.И. Тевкелева и И.К. Кириллова. Причем у каждой стороны были свои интересы и ожидания, связанные с постройкой города-крепости. И если хан Младшего жуза стремился к укреплению своей власти среди казахов, то русские чиновники надеялись на расширение торговых связей, выход через Казахские степи на страны Средней Азии и закрепление позиции Империи в регионе.

Труды ученых, работавших в Оренбурге в разные периоды своей служебной карьеры (П.И. Рычкова, И.И. Крафта, А.И. Левшина, И. Казанцева А.Е. Алекторова, А.И. Добросмыслова и др.), способствовали изучению Казахской степи, духовного и культурного наследия казахского народа, развитию востоковедческого знания об азиатских народах в целом. Кроме того, открывавшиеся в Оренбурге учебные заведения (Неплюевское военное училище, гимназии, учительские школы для детей казахов) благоприятствовали формированию казахской интеллигенции. Впоследствии многие ее представители сыграли видную роль в истории Казахстана, развитии образования, появлении автономистского движения «Алаш», создании национальной газеты и самой автономии. Таким образом, Оренбург сыграл важную роль не только в деле укрепления казахско-русских торговых связей, но и оставил след в истории как научный центр изучения Казахской степи, место формирования национальной казахской интеллигенции и активизации ее автономистских стремлений.

Ключевые слова: Оренбург, Казахская степь, Российская империя, русско-казахские отношения, интеграция, востоковедение, национальная интеллигенция.

* Корреспондирующий автор

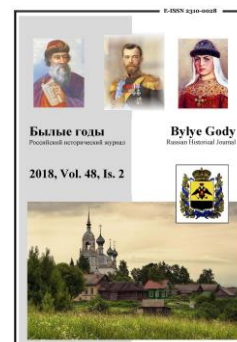
Адреса электронной почты: svlubich@yandex.ru (С. Любичанковский)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 496-504. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.496
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Geographical Factors of Formation of Agriculture in the Baikal Region in the XVII–XIX centuries

Milana V. Ragulina ^{a, b, *}, Natalya V. Rogovskaya ^{a, b}, Marina A. Grigorieva ^a, Nina A. Ippolitova ^{a, b}

^a V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Russian Federation

^b Pedagogical Institute of Irkutsk State University, Russian Federation

Abstract

Baikal region is important for the study of Siberian agriculture. In this region, natural landscapes include mountains, taiga, forest-steppe and steppe. The region is characterized by a harsh climate, a variety of vegetation and soils. This area is also inhabited by nomadic peoples – Evenks in the taiga and Buryats in the steppe. Various natural conditions of the region and social and cultural environment have formed special traditions in the agriculture of Siberian peasants. These traditions were well adapted to the dynamics of the environment. The choice of places for arable land, the structure of crops, the technology of land cultivation had a wide range of regional and local options and differed from those in European Russia. The article discusses the two major historical landscape of the area agricultural development of the region, Ilim-Lena in the forest, and Irkutsk-Balagansk in the forest steppe. These areas consistently occupied the main place in agriculture of the Baikal region. Agricultural systems depended on geographical and social factors. They also took into account cyclical fluctuations in the productivity of biological resources and instability of agro-climatic factors. Buryat and Evenky local communities perceived agriculture under the influence of Russian peasants. Agriculture was a more productive way of economic activity and contributed to the acculturation of indigenous peoples. Agriculture Western Buryats depended on natural landscapes; it was a successful and effective way of life support. Agriculture of the Evenks combined with cattle breeding, hunting, gathering and reindeer herding. The analysis has led to the conclusion that the Siberian agricultural systems in the pre-Soviet period are of great scientific importance for the study of traditional knowledge and experience. This knowledge has potential practical significance for planning agro-economic development of Siberian regions.

Keywords: Baikal region, Siberia, agriculture, natural factors, adaptation, Siberian peasants, Buryats, Evenks.

1. Введение

Земледелие в Прибайкалье оказало значительное влияние на традиции и образ жизни пришлого крестьянского населения, культуру жизнеобеспечения аборигенных этносов, природные ландшафты территории. Освоение огромных, ранее неизведанных пространств было «испытанием на прочность» для российского крестьянства. Природно-географические условия Прибайкалья потребовали приспособления населения к среде обитания, выработки новых моделей поведения, хозяйственных технологий и модификации традиционного земледельческого опыта, что обуславливает актуальность темы исследования. Она также заключается в выяснении воздействия географических особенностей территории на формирование вариативности хозяйственных стратегий. На примере земледельческого освоения Прибайкалья и перехода к земледелию кочевников степей и тайги прослеживается зависимость аграрных систем от природных, этнокультурных и социально-экономических факторов.

* Corresponding author

E-mail addresses: milanara@yandex.ru (M.V. Ragulina)

Прибайкалье в границах современной Иркутской области обладает крайней неоднородностью земельных ресурсов: от относительно благоприятных до полностью непригодных к распашке. Суровые климатические условия, пересеченный и контрастный рельеф с большими перепадами высот, типы растительности и почв обусловили необходимость адаптации навыков земледелия к местной природной среде.

В задачи работы входит изучение влияния географических факторов на земледелие региона. Осмысление последствий земледельческой колонизации как катализатора аккультурационного влияния российского крестьянства велось и ранее, однако комплексное рассмотрение его взаимодействия с природной средой, социумом, культурами кочевников тайги, горной тайги и скотоводов степей, динамикой этнических ландшафтов является новым ракурсом исследования. Сопоставление особенностей климата и сибирских ландшафтов, почвенного покрова, растительности и рельефа с технологиями земледелия, принесенными переселенцами из иной ландшафтной среды Европейской России, позволило определить основные особенности земледельческого хозяйственного комплекса Прибайкалья. При этом основное внимание уделяется историко-географическим тенденциям формирования адаптивно-ландшафтных стратегий хозяйственной деятельности.

2. Материалы и методы

2.1. Источники, положенные в основу работы, представлены современными и дореволюционными публикациями по теме земледельческого освоения Сибири: статистическими описаниями и обследованиями, аналитическими работами. Привлечены современные исследования по проблеме хозяйственной адаптации традиционных обществ, этноэкологии, исторической географии. Используются физико-географические работы, рассматривающие специфику природной среды Прибайкалья, историко-экономические и этногеографические публикации, а также материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО).

2.2. Методы исследования. Элементы системного подхода позволили рассмотреть климатические и ландшафтные особенности, характер почв, специфику формирования расселения и природопользования в рамках целостных территориально-хозяйственных образований. Помимо этого, сравнительно-исторический метод обеспечил возможность выявления основных этапов формирования земледельческих центров в регионе, а сравнительно-географический подход позволил установить локальные особенности природно-хозяйственных отношений аборигенного и пришлого населения территории. Исследование базируется на историко-географическом подходе.

3. Обсуждение

Первые сведения о природной среде Прибайкалья в контексте человеческой деятельности имеются в трудах академических экспедиций (Элерт, 1990). Более подробно описание природы и хозяйства Прибайкалья выполнено в фундаментальной работе Ю.А. Гагемейстера (Гагемейстер, 1854), а также статистико-экономических трудах Д.Д. Ларионова (Ларионов, 1870). К концу XIX в. с развитием переселенческого движения обобщается и публикуется богатейший фактический материал о почвах, растительности, земельных ресурсах территории, практике и технике земледелия, поземельному устройству и картографической привязке его ареалов (Материалы, 1890), формировании расселения и хозяйства коренных народов (Патканов, 1906). Детально рассмотрены социально-экономические проблемы земледелия (Асалханов, 1963; Кожухов, 1967; Крестьянство, 1982; Крестьянство, 1983). В региональном плане значительный массив архивных источников, касающихся Илимно-Ленского земледельческого ареала, был введен в научный оборот и глубоко проанализирован в уникальном исследовании В.Н. Шерстобоева (Шерстобоев, 1949; Шерстобоев, 1957), который уделил большое внимание природным, социально-экономическим и административным факторам. Сибирское земледелие изучалось как комплексный феномен, роль географической среды прослеживалась в проблеме «опыта» – выбора места под пашню и первичной оценки пригодности угодий, а также климатических ограничений земледельческих ареалов (Шунков, 1956).

На рубеже 1990-х гг. формируется эколого-хозяйственное направление историко-географических исследований (Мамсик, 1989; Липинская, 1998), сконцентрированное на проблеме приспособления крестьянского хозяйства к природным условиям. Этнокультурную специфику природно-хозяйственной адаптации придает включение народного опыта (Миненко, 1991) и культурно-ценностных доминант (Лурье, 1998). Данное направление нашло отражение в изучении земледелия у эвенков (Туголуков, 1985; Рагулина, 2009) и бурят (Зандараев, 2014; Бураева, 2012). Исследования, сфокусированные на природных условиях региона (Беркин и др., 1993; Бояркин, 1973), влиянии на общество климата и экстремальных природных явлений (Борисенков, 1978; Мыглан, 2015) освещают естественно-научные грани проблемы.

Таким образом, воздействие природных и социально-географических условий на специфику становления сибирского земледелия отражено в значительном количестве научных публикаций. Вместе с тем вопросы комплексного взаимодействия земледельческого (в том числе аборигенного) населения Прибайкалья и географической среды, выразившиеся в формировании адаптивных систем

природопользования, изучены в меньшей мере, поэтому настоящая работа призвана восполнить существующий пробел.

4. Результаты

Первопоселенцы, прибывавшие в Прибайкалье, происходили в основном из северно-русских регионов: Вологодчины, Архангельска, Устюга, Пинеги, Соли Вычегодской (Серебренников, 1915). Прибыв в Сибирь, они столкнулись с резко-континентальным климатом, сильными ветрами, мерзлотой, разнообразием форм рельефа, типов растительности и почв. Прибайкалье считается зоной рискованного земледелия: если обычные колебания средних климатических параметров могут вызвать изменение урожайности зерновых на 10–20 %, то влияние экстремальных климатических условий превышает эту цифру в 2–3 раза и достигает 30–50 (Борисенков, 1982: 82).

Бассейны р. Лены и р. Илим, наиболее доступные в транспортном отношении и защищенные от набегов степных кочевников, стали центром первого очага земледельческой колонизации края. Илимско-Ленский ареал приурочен к Лено-Ангарскому плато и поднятию Илимской равнины. Его климат отличался континентальностью, низкими (от -3,6 до -4,3 °С) среднегодовыми температурами воздуха, когда устойчивые морозы со снегом держатся 160–190 дней, средняя продолжительность безморозного периода составляет 90–98 дней, а высота снежного покрова 36–73 см. Для территории характерны перепады рельефа и климатические контрасты, разнообразие растительности. Здесь произрастают таежные леса из лиственницы сибирской, пихты, сосны, кедра. Речные долины заняты лугами, в поймах преобладают заросли кустарников с осоками и мхами, распространены болота, заболоченные леса и луга (Беркин, Филиппова, 1993: 90, 97; Бояркин, 1973: 134, 136).

Илимский острог стал в XVII в. центром, вокруг которого по речным долинам расположилась сеть мелких деревень. Сетевая структура расселения обусловлена природными особенностями территории – отсутствием пахотных угодий сплошного характера. Связь ресурсных возможностей территории и форм расселения оказала влияние на формирование менталитета и культурных особенностей сибиряков Илимско-Ленского края. Суровые природные условия сдерживали увеличение численности населения, и все же «неудобный район» менее чем за полвека превратился в устойчивый и продуктивный ареал производства зерновых. «Илимское воеводство выполняло при этом как бы роль обширной опытной сельскохозяйственной станции, где шло испытание земледельческих приемов в своеобразном приречном горно-таежном регионе» (Шерстобоев, 1949: 4). Границы Илимско-Ленского земледельческого района на юге обуславливались соседством воинственных бурятских племен, на севере – суровыми климатическими условиями. Опытный сев в сибирском земледелии был обязательным этапом первоначального освоения, так как расчистка леса под пашню требовала огромных усилий (Шунков, 1952: 233).

Поиск мест для пашни в основном фокусировался на долинах рек, где залегали плодородные, обогащенные илом почвы, а река своим обогревающим влиянием могла защитить всходы от холода. Предпочтение отдавалось южным склонам: они лучше прогревались солнцем, имели более мощные почвенные горизонты. Распахивались места, заросшие кустарником и травами, которые возникают обычно на месте гарей или вырубок – елани.

Относительно микроареальной сети расселения В.Н. Шерстобоев отмечал, что «средний размер селения – строго закономерная величина для конкретной эпохи и местности..., громадная и сравнительно густая сеть мелких русских селений сделала всю занятую местность непроницаемой для любого иноземного народа, позволила в ячейках между узлами сети осуществлять в дальнейшем размещение новых колонизационных отрядов крестьян. Эта форма не была указана сверху, а была найдена в процессе освоения Сибири пашенными крестьянами и представляла как бы внешние контуры и каркас всего расселенческого дела» (Шерстобоев, 1949: 37). Такой каркас включал три типа функциональных ареалов, приуроченных к деревне из одного или нескольких дворов: пашню на еланиях, южных склонах или в речной долине, которая могла быть фрагментарной и удаленной от жилья, выгон в поймах рек и ручьев поблизости от селения, покосы, занимавшие все прилежащие к селению луговины и речные долины.

Укрепление военно-политического положения русских переселенцев на юге территории было достигнуто лишь ко второй половине XVIII в. К этому времени на свободные земли вокруг Иркутского и Балаганского острогов прибывали новые потоки переселенцев. На рубеже XVIII–XIX вв. сместился к югу основной центр земледельческого производства: Московский тракт создал перспективные рынки сбыта и способствовал освоению новых земель. Территории, прилежащие к тракту, осваивались наиболее интенсивно: распахивались непосредственно притрактовые участки, наделы в бассейнах Средней и Верхней Ангары. Природные условия нового земледельческого района, тяготеющего к городам Иркутску и Балаганску, в большей мере способствовали земледелию. Лесостепи и степи имели более пологий рельеф, почвы были значительно плодороднее таежных, продолжительность безморозного периода составляла 100 дней, среднегодовые температуры воздуха – от -2,1 до -2,6 °С (Беркин, Филиппова, 1993: 221). В регионе наиболее четко прослеживалась зависимость рисунка расселения от транспортной сети: район сближения водного пути – р. Ангары и сухопутной артерии – Московского тракта характеризовался наибольшей освоенностью, имея самую

высокую плотность деревень. На северо-западе две названные транспортные артерии расходились на значительное расстояние друг от друга, и в Нижнеудинском округе земледельческий ареал приобретал вид двух полос, прилегающих к транспортным магистралям. Эти полосы были разделены неосвоенными землями и кочевьями бурят-скотоводов. Более благоприятные природные условия в совокупности с концентрацией земледельческого населения и относительно недавний, по сравнению с северными территориями, срок эксплуатации пашни обусловили высокие показатели урожайности и производства зерновых. К XIX в. здесь складывается гармоничная социальная среда, часть аборигенов перенимает земледельческий образ жизни. За тридцать лет с момента постройки Московского тракта, с 1760 до 1790 г., был сформирован крупный земледельческий очаг на юге Прибайкалья, где 71,2 % валовых сборов зерновых и 57,3 % посевов приходилось на Иркутский и Нижнеудинский уезды Иркутской губернии (Крестьянство, 1982: 224).

Районы нового освоения, приуроченные к степным и лесостепным ландшафтам, в отличие от таежных, имели более высокое потенциальное плодородие почв и требовали меньше трудозатрат.

Успешность земледельческого хозяйства характеризует урожайность. Мерой урожайности до революции традиционно считался сам – соотношение объема собранного урожая к объему высеянных семян. К концу XVIII в. урожайность ржи и пшеницы на новых землях в лесостепных ареалах была сам – 8, ячменя сам – 4, старопахотные таежные истощенные почвы давали вдвое меньше. В 1802 г. урожайность озимого и ярового хлеба по Иркутской губернии составила в среднем сам – 4,1 (Зябловский, 1808: 292). Для сравнения, земледельческие районы Центральной России и Нечерноземья на рубеже XVIII–XIX вв. имели средние урожаи, не превышающие для ржи и пшеницы 3–4, ячменя – 4,5 сам (Ковальченко, 1967: 76, 77). Приведенные данные показывают зависимость урожайности от ландшафтных условий и подтверждают успешность земледелия в Прибайкалье.

Таежные сибирские ландшафты определяли техники хлебопашества и тип земледелия. Расчистка земли под пашню в виду трудоемкости и бедности почв не могла дать обширных площадей, и поэтому в лесной зоне применялась двупольная система пар-зерновые. Она заключалась в том, что вся пашня делилась на два поля, и попеременно их засевали, а другое «отдыхало», восстанавливая плодородие. Чередование участков позволяло замедлить истощение плодородия почв.

Если пашня требовала более длительного периода для восстановления, то применялся перелог, который состоял в более длительном, до 20 лет и выше, отдыхе бывшей пашни. Участок «пара» переходил в «залежь», зарастая травами и кустарниками, поэтому разработать его заново было намного труднее. Земледелие в таежных условиях требовало значительных усилий: «труды, сопряженные с расчисткой новых земель не только для пашен, но и для лугов, недостаток выгонов по дремучим лесам причиной, что крестьяне вообще в лесных местах беднее, чем даже в самых бесплодных степях» (Гагемейстер, 1854: 352). Поэтому количество залежных земель в тайге было невелико, оно напрямую зависело от обеспеченности хозяйств рабочей силой и лошадьми. Осветленные участки тайги и речные долины к XIX в. были освоены полностью, поэтому приращение площади пашни шло за счет расчистки лесов.

В условиях степей и лесостепей поначалу также господствовало двуполье, но земельный простор и более низкие трудозатраты позволяли намного шире применять чередование полей и переводить участки в «залежь». В лесостепных ландшафтах сформировалась залежно-паровая система. Она варьировала в зависимости от местных географических условий и микроклимата посредством различных пропорций пара и залежи, изменения сроков их эксплуатации. В результате успешной адаптации к середине XIX в. закрепилась наметившаяся в его начале тенденция, когда «волости, расположенные по Ангарскому бассейну, не только уже не нуждаются в хлебе, но даже уже находится у них часть и для продажи» (Ларионов, 1890: 18).

Типы почв определяли возможности развития земледелия. Объективные исследования земледельческих ресурсов территории стали возможны лишь в конце XIX в. Попытки применения «черниговского метода» обследования пашни предусматривали совмещение данных об урожайности, технологиях обработки земель с характеристиками почвенных разрезов. В Прибайкалье данный подход в полной мере реализовать не удалось, поскольку технически не было возможности охватить обследованиями фрагментарные и мозаично расположенные пахотные угодья (Материалы, 1890: 278). Отсутствие достоверного учета урожая и размеров пашни привело к тому, что объективные методы уступили опросам местных жителей.

Красная почва считалась крестьянами одной из лучших пашен и использовалась до 60 лет, черные крепкие почвы могли использоваться без истощения до 100 лет. Как и красноземы, черные крепкие почвы после непрерывного многолетнего использования теряют структуру и делаются, по словам крестьян, «подобны пеплу». Высоким первоначальным плодородием обладали легкие почвы с народными названиями «бузуны» и «пыхуны». Плодородие зависело от погодных условий: в сухие годы хорошие урожаи давали красноземы и суглинки, во влажные – легкие почвы (Материалы, 1890: 279). Песчаные и супесчаные почвы распахивали в низинах и долинах рек, но галька и щебень затрудняли обработку, и поэтому такие участки использовались при недостатке угодий или слабости домохозяйств. Песчаные и иловатые почвы эксплуатировались от 4 до 15–16 лет, глины 10–20 лет,

болотные не более 2 лет ([Материалы, 1890: 283](#)). Опытным путем определялись сроки использования пашни: в некоторых случаях ее можно было пахать несколько десятилетий, в течение жизни целого поколения. Далее обязательно следовала залежь, и только после замещения травянистой растительности кустарниками и подростом деревьев она могла быть разработана вновь.

Мнение о том, что «нагрузка на слабые почвы Иркутской губернии была интенсивнее, чем в Енисейской губернии» ([Липинская, 1998: 199](#)), не учитывает локального разнообразия ландшафтных и агроклиматических условий региона, их контрастности, которые обусловили формирование разных режимов эксплуатации пашен, так что «усреднение» показателей огромной территории вряд ли целесообразно.

Структура посевов во многом определялась особенностями природных условий. Осимая рожь возделывалась с начала освоения края во всех районах. Яровая рожь появилась, когда техника ведения хозяйства уже приспособилась к местным условиям и распространилась в южных ареалах. Вместе с пшеницей она теснила позиции озимой ржи повсеместно, что особенно проявлялось в районах с небольшой мощностью снежного покрова и сильными ветрами, где озимая рожь часто гибла от заморозков. Яровая пшеница, овес и рожь присутствовали на всей территории земледельческого Прибайкалья. Хотя яровая рожь требовала больших трудозатрат и количества посевного материала, крестьяне предпочитали яровые посевы. Объяснение такой ситуации дают особенности природных условий. Осимая рожь возделывается в регионах с высоким и устойчивым снежным покровом и плодородными почвами, поэтому в масштабах губернии она преобладала лишь на юге Прибайкалья. Доля озими в северных районах, несмотря на высоту снежного покрова и его устойчивость, была наименьшей из-за малопродуктивных каменистых почв. При кажущейся выгоде озимых хлебов расширению посевов препятствовал невысокий снежный покров в степи и лесостепи, где сильные ветры выдувают из почвы семена. К социальным причинам малой доли озимых хлебов относится отток рабочих рук в июле, в период подготовки полей, для исполнения натуральных повинностей, «на которые употребляется ежегодно почти четверть рабочего населения» ([Ларионов, 1879: 66, 67](#)).

Комплексный характер структуры посевов прослеживается на всей территории. В 1868 г. на 100 десятин яровых приходилось озимых в округах: Киренском – 24, в Нижнеудинском – 192, в Верхотенском – 80, в Балаганском – 31 и в Иркутском – 34 десятины ([Ларионов, 1870: 63](#)). Так, в Киренском округе, гористом и покрытом таежной растительностью, с глубоким снежным покровом, который хорошо удерживается зимой и долго не тает весной, казалось бы, должна доминировать озимь, но этого не происходит, поскольку основные пашни расположены на склонах с каменистыми почвами, которые больше подходят для яровых хлебов, и особенно ячменя. Осимь в округе представлена небольшими участками в речных долинах. Напротив, в Нижнеудинском округе, где предгорья Саян создают благоприятный микроклимат, посевы озимых в два раза превышают посевы яровых. Таким образом, структура посевов была максимально адаптирована к местным условиям.

Процесс заимствования элементов земледельческого хозяйства коренными народами завершился переходом ряда бурятских и эвенкийских этнолокальных групп к земледелию как основе жизнеобеспечения. В первой половине XVIII в. о западно-бурятском земледелии имеется мало сведений, поскольку пашни бурят не подлежали учету ([Зандараев, 2014: 4](#)). Рассмотрим влияние преобладающих типов ландшафта на земледелие бурят. Из четырех инородческих ведомств в 1820 г. наибольшая доля земледельческого населения присутствовала среди бурят в аларском ведомстве с лесостепными ландшафтами и плодородными почвами: 71 % ревизских душ занимался только земледелием, 4,5 % – земледелием и скотоводством, 3,8 % – земледелием, скотоводством и охотой. В итоге все бурятское население данного ведомства было земледельческим, а 20,8 % охотников и скотоводов были представлены эвенками. Для сравнения, в лесостепном и степном Кудинском ведомстве с плодородными почвами неземледельческое население составило 19,6 % (свыше 60 % из них – эвенки), в таежном Китойском с малыми запасами пашен оно возросло до 37,7 % (все – буряты), в горно-таежном и степном Тункинском ведомстве составило 36,2 % (около трети – эвенки) ревизских душ ([ГАИО. Ф. 2698. Оп. 1. Д. 1. Л. 221-226](#)). Таким образом, природные факторы играют определяющую роль и в бурятском земледелии. Ю.А. Гагемейстер, признавая, что производство излишков зерновых в Иркутском округе – это следствие перехода бурят к земледелию, ставит их в пример русским за трудолюбие ([Гагемейстер, 1854: 354](#)).

К концу XIX в. в трех земледельческих округах Иркутской губернии среднее количество пашни на одно русское и бурятское хозяйство составило соответственно в Иркутском – 10,2 и 7,9, в Балаганском – 13,4 и 14,0, в Нижнеудинском – 13,0 и 10,3 десятин. При этом в Балаганском округе не имели пашни 19,2 % хозяйств в волостях и лишь 3,3 % – в инородческих бурятских ведомствах ([Материалы, 1890: 187](#)). Эти данные подтверждают вывод о том, что бурятское население лесостепных ландшафтов Иркутской губернии настолько успешно перешло на земледельческую хозяйственную модель, что опередило русское крестьянство, став основным производителем зерновых. В то же время перевод бурят на оседлость был официальным, насаждаемым курсом, и если в лесостепных прибайкальских районах такой переход носил плавный и естественный характер, то в Забайкалье с устойчивой ориентацией на скотоводство земельная конкуренция с русскими крестьянами обостряла социальную обстановку ([Клеменц, 1908: 52](#)).

Переход части эвенков к земледелию способствовал формированию локальных вариантов систем жизнеобеспечения (Рагулина, 2009: 115). «Главные перемены в очертаниях области тунгусов Иркутской губернии сводятся не столько к изменениям внешних границ, сколько к вытеснению их от берегов крупных рек русскими и якутами» (Патканов, 1906: 18). Перед эвенками стоял выбор: мигрировать в глубину тайги, сохраняя кочевой образ жизни, либо, находясь на своих родовых территориях, наладить отношения с новопоселенцами. Оставшиеся эвенки встретились с хозяйственной конкуренцией со стороны земледельческого населения, в результате размер осваиваемых ареалов значительно сузился.

На переход эвенкийского населения к земледелию повлиял рост значимости пушнины. Начиная с XVIII в., в структуре охотничьего промысла преобладала белка, и с этого же времени в эвенкийскую экономику прочно внедрился торговый капитал. Табель существующих цен в Восточной Сибири Киренского округа по Нижнеилимской инородной управе в 1830 г. делит товары, проданные эвенкам, на 5 категорий: жизненные потребности, домашние потребности, потребление на одежду, работа, предметы роскоши (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 63). К первой группе жизненных потребностей относятся такие продукты, как четверть ржи (6,30–9 руб.), пуд ржаной муки (0,80–0,95 руб.), пуд пшеничной муки (0,850–1,10 руб.), пуд гороху (0,70–1,0 руб.), пуд мяса говяжьего (2,5–3,0 руб.), пуд мяса свиного (3,0–4,0 руб.), пуд масла коровьего (16,0–20,0 руб.). В категории «домашние потребности» присутствовали товары: пуд железа (12–20 руб.), топор (2–3 руб.) ружье- винтовка (13–15 руб.); предметы роскоши – чай (до 6 руб. фунт), сахар (1,25–2,50 руб.), черкесский табак и табак «самосатка» (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 64). Цены на пушнину, муку и порох колебались в значительных пределах, на них влияла как местная ситуация, так и рыночная конъюнктура, складывающаяся на Нижегородской и Ирбитской ярмарках (Кларк, 1863: 93). Если в 1830 г. за 1 пуд муки нужно было уплатить 4–5 белок, в 1835 – 10, то в 1865 г. цены поднялись в три раза, и требовалось уже 12–15 шкурок (ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 7. Л. 7–8). Эвенки, на первый взгляд, должны были стремиться увеличить продуктивность промысла, но этого не происходит, документы инородных управ показывают стабильно небольшие объемы добываемой продукции. Потеря оленей приводила к сокращению кочевания и увеличению времени оседлости, что вело к необходимости поиска иных источников жизнеобеспечения.

Зачастую шансом выживания для общины в голодный период был выход к русским деревням. Ссуда эвенкам продовольствия и боеприпасов под залог будущего промысла облегчала задачу популяризации земледелия среди аборигенов тайги. Так, магазины казенных припасов обязывались выдавать тунгусам ссуды, поскольку при потере оленей «тунгусы неминуемо должны переносить значительные стеснения в продовольствии себя и потери в промысловых своих занятиях..., чтоб на производство сих ссуд было обращено особенное внимание заведывающего краем чиновника..., задолжение припасов производить в количествах, соразмерных с испытанною потребностью каждого тунгуса» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 21. Л. 27). При переходе к земледелию решающее воздействие оказывал фактор соседства с крестьянским населением и его социальные последствия: малоземелье, потеря возможности кочевать и большая доходность сельского хозяйства по сравнению с охотой в условиях оскудения угодий. Эвенки-земледельцы, населявшие долину Ангары, к началу XX в. сменили этническую идентификацию на бурятскую и русскую (Туголуков, 1985: 18), сходные процессы отмечены в бассейнах рек Лены, Илима, южной части бассейна Нижней Тунгуски. Расширение земледельческо-промысловой хозяйственной ориентации на север лимитировалось суровыми природными условиями, которые больше соответствовали охотничье-оленоводческому типу хозяйства.

5. Заключение

Становление земледелия в Прибайкалье происходило в тесном взаимном влиянии природных условий на жизнеобеспечение русских крестьян и аборигенного населения. Земледелие изменило облик затронутых им природных ландшафтов, сформировало специфичные технологии и приемы под влиянием контрастной географической среды региона. К основным особенностям земледельческого хозяйственного комплекса Прибайкалья относится его приспособленность к циклическим колебаниям природных процессов, а также изменениям социокультурной среды.

Илимо-Ленский ареал прибайкальского земледелия сформировался в XVII в. в зоне тайги при отсутствии сплошных массивов, пригодных для освоения пахотных угодий, в сложных орографических условиях. Именно здесь, в преодолении климатической суровости и ландшафтных ограничений деятельности, складывались основные принципы полеводческих систем, которые далее были адаптированы во втором крупном земледельческом районе – Иркутско-Балаганском, где преобладали лесостепи и степи. Земледельческое население Прибайкалья оптимально использовало контрастность природной среды, учитывало естественные колебания биологических ресурсов.

В итоге сформировались территориальные варианты земледельческих систем, отличающиеся спецификой почв, привязанных к определенным типам местностей и зависимых от микроклиматических характеристик совокупностью структурных и технологических особенностей, что позволяет считать их проявлением адаптивных стратегий хозяйственной деятельности. Особенности природных ландшафтов и климата Прибайкалья были интуитивно осмыслены

русскими, бурятскими и эвенкийскими крестьянами задолго до систематической научной рефлексии. Сибирский земледелец на собственном опыте, за который приходилось платить дорогой ценой балансирования на грани выживания в экстремальные годы, знал, что стандартные подходы, работающие в одной местности, могут подвести на другом участке. Он сформировал устойчивую, простую и эффективную на данном уровне развития производительных сил хозяйственную систему, которая позволила освоить огромные пространства, выдержать испытание «на прочность», развить богатую культуру жизнеобеспечения.

Литература

- Асалханов, 1963** – Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. 494 с.
- Борисенков, 1982** – Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. М.: Наука, 1982. 138 с.
- Бояркин, 1973** – Бояркин В.М. География Иркутской области. Вып. 3: Физико-географическое районирование Иркутской области. Иркутск: ИГУ, 1973. 328 с.
- Бураева, 2012** – Бураева О.В. Русско-бурятское этнокультурное взаимодействие в XVII–XIX вв. // *Идеи и идеалы*. 2012. Т. 1. № 4. С. 145–158.
- Беркин, Филиппова, 1993 – Беркин Н.С., Филиппова С.А. Иркутская область (природные условия административных районов). Иркутск: ИГУ, 1993. 304 с.
- Гагемейстер, 1854** – Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 1-2. СПб., 1854. 697 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- Зандараев, 2014** – Зандараев Б.Б. Развитие земледельческого хозяйства у бурят в XVIII в. // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 7 (1). С. 3-7.
- Зябловский, 1808** – Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи. СПб, 1808. Т. II. Ч. IV. 292 с.
- Кларк, 1863** – Кларк П. Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе // *Записки ВСОРГО*. 1863. Кн. VI. С. 87-96.
- Клеменц, 1908** – Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // *Сибирские вопросы*. 1908. № 49-52. С. 7-57.
- Ковальченко, 1967** – Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: МГУ, 1967. 400 с.
- Кожухов, 1967** – Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800–1861 гг.) // *Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. 1967. Т. 356. 283 с.
- Крестьянство, 1982** – Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1982. 504 с.
- Крестьянство, 1983** – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1983. 399 с.
- Ларионов, 1870** – Ларионов Д.Д. Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Статистика сельскохозяйственная. Иркутск: Типография Н.Н. Сеницына. 1870. 380 с.
- Липинская, 1998** – Липинская В.А. Традиционное сельское хозяйство русских крестьян в Сибири и на Дальнем Востоке / Традиционный опыт природопользования в России. М.: Наука, 1998. С. 184-225.
- Лурье, 1997** – Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
- Мамсик, 1989** – Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск: Наука, 1989. 238 с.
- Материалы, 1890** – Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Вып. 5. М, 1890. 466 с.
- Миненко, 1991** – Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. 208 с.
- Мыглан, 2010** – Мыглан В.С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. Красноярск: СФУ, 2010. 230 с.
- Патканов, 1906** – Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. 1. Вып. 1-2. // *Записки Императорского русского географического общества*. 1906. Т. 31. Вып. 1-2. 206 с.
- Рагулина, 2009** – Рагулина М.В. Традиционные способы жизнеобеспечения эвенков Прибайкалья // *География и природные ресурсы*. 2009. № 2. С. 109-116.
- Серебренников, 1915** – Серебренников, И.И. Первоначальное заселение Иркутской губернии // *Известия ВСОРГО*. 2015. Т. 44. С. 197-224.
- Туголуков, 1985** – Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 283 с.
- Шерстобоев, 1949** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1949. 596 с.
- Шерстобоев, 1957** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1957. 674 с.

[Шунков, 1952](#) – *Шунков В.И.* «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири. XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М. 1952. С. 233-236.

[Шунков, 1956](#) – *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: АН СССР. 1956. 432 с.

[Элерт, 1990](#) – *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 246 с.

References

[Asalhanov, 1963](#) – *Asalhanov I. A.* (1963). Social'no-jekonomicheskoe razvitie Jugo-Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX v. [Socio-economic development of South-Eastern Siberia in the second half of the XIX c.]. Ulan-Udje: Burjatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 494 p. [in Russian].

[Borisenkov, 1982](#) – *Borisenkov E.P.* (1982). Klimat i dejatel'nost' cheloveka. [Climate and human activities]. М.: Nauka. 138 p. [in Russian].

[Bojarkin, 1973](#) – *Bojarkin V.M.* (1973). Geografija Irkutskoj oblasti. Vyp. 3: Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Irkutskoj oblasti. [Geography of Irkutsk region: physical and geographical zoning]. Irkutsk: IGU. 328 p. [in Russian].

[Buraeva, 2012](#) – *Buraeva O.V.* (2012). Russko-burjatskoe jetnokul'turnoe vzaimodejstvie v XVII-XIX vv. [Russian-Buryat ethno-cultural interaction in the XVII-XIX cc.]. *Idei i idealy*. Vol. 1. №. 4. pp. 145-158. [in Russian].

[Berkin, Filippova, 1993](#) – *Berkin N.S., Filippova S.A.* (1993). Irkutskaja oblast' (prirodnye uslovija administrativnyh rajonov). [Irkutsk region (natural conditions of administrative districts)]. Irkutsk: IGU. 304 p. [in Russian].

[Gagemejster, 1854](#) – *Gagemejster, Ju.A.* (1854). Statisticheskoe obozrenie Sibiri. [Statistical review of Siberia]. Ch. 1-2. SPb. 697 p. [in Russian].

[GAIO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [The State Archive of Irkutsk region].

[Zandaraev, 2014](#) – *Zandaraev B.B.* (2014). Razvitie zemlepushennogo hozjajstva u burjat v XVIII v. [Development of agriculture of Buryats in XVIII c.]. // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 7(1). pp. 3–7. [in Russian].

[Zjablovskij, 1808](#) – *Zjablovskij E.* (1808). Statisticheskoe opisanie Rossijskoj Imperii. [Statistical description of the Russian Empire]. SPb. Vol. II. Part IV. 292 p. [in Russian].

[Klark, 1863](#) – *Klark P.* (1863). Ocheul'skie i tuturskie tungusy v Verholenskom okruge [Ocheul and Tutura Tungus in Verkholensk district]. // *Zapiski VSORGO*. Vyp. VI. pp. 87–96. [in Russian].

[Klemenc, 1908](#) – *Klemenc D.* (1908). Zametki o kochevom byte [Notes on nomadic life.]. *Sibirskie voprosy*. №. 49-52. pp. 7 – 57. [in Russian].

[Koval'chenko, 1967](#) – *Koval'chenko I.D.* (1967). Russkoe krepostnoe krest'janstvo v pervoj polovine XIX v. [Russian serf peasantry in the first half of the XIX c.]. М.:MGU. 400 p. [in Russian].

[Kozhuhov, 1967](#) – *Kozhuhov Ju.V.* (1967). Russkie krest'jane Vostochnoj Sibiri v pervoj polovine XIX v. [Russian peasants of Eastern Siberia in the first half of the XIX c.]. *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gercena*. Vol. 356. 283 p. [in Russian].

[Krest'janstvo, 1982](#) – *Krest'janstvo Sibiri v jepohu feodalizma.* (1982). [The peasants of Siberia in the era of feudalism]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie. 504 p. [in Russian].

[Krest'janstvo, 1983](#) – *Krest'janstvo Sibiri v jepohu kapitalizma.* (1983). [The peasants of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie. 399 p. [in Russian].

[Larionov, 1870](#) – *Larionov D.D.* (1870). Oчерк jekonomicheskoi statistiki Irkutskoj gubernii. Statistika sel'skohozjajstvennaja. [Essay on economic statistics of the Irkutsk region. Agricultural statistics]. Irkutsk: Tipografija N.N. Sinicyna. 380 p. [in Russian].

[Lipinskaja, 1998](#) – *Lipinskaja V.A.* (1998). Tradicionnoe sel'skoe hozjajstvo russkih krest'jan v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. [Traditional agriculture of Russian peasants in Siberia and the Far East]. / *Tradicionnyj opyt prirodopol'zovanija v Rossii*. М.: Nauka. pp. 184-225. [in Russian].

[Lur'e, 1997](#) – *Lur'e S.V.* (1997). Istoricheskaja jetnologija. [Historical Ethnology.]. М.: Aspekt Press. 448 p. [in Russian].

[Mamsik, 1989](#) – *Mamsik T.S.* (1989). Hozjajstvennoe osvoenie Juzhnoj Sibiri: mehanizmy formirovanija i funkcionirovanija agropromyslovoj struktury. [Economic development of Southern Siberia: mechanisms of formation and functioning of the agricultural structure]. Novosibirsk: Nauka. 238 p. [in Russian].

[Materialy, 1890](#) – *Materialy po issledovaniju zemlepol'zovanija i hozjajstvennogo byta sel'skogo naselenija Irkutskoj i Enisejskoj gubernij.* Irkutskaja gubernija. (1890). [Materials on research of land use and economic life of rural population of Irkutsk and Yenisei provinces. Irkutsk province]. Vyp. 5. М. 466 p. [in Russian].

[Minenko, 1991](#) – *Minenko N.A.* (1991). Jekologicheskie znaniya i opyt prirodopol'zovanija russkih krest'jan Sibiri v XVIII – pervoj polovine XIX v. [Ecological knowledge and experience of natural resource use of the Russian peasants of Siberia in the XVIII – first half the XIX c.]. Novosibirsk: Nauka. 208 p. [in Russian].

- Myglan, 2010** – *Myglan V.S.* (2010). Klimat i socium Sibiri v malyj lednikovyj period. [The climate and society of Siberia in the small ice age.]. Krasnojarsk: SFU. 230 p. [in Russian].
- Patkanov, 1906** – *Patkanov S.K.* (1906). Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri. [The experience of the geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. Vol. 31. Vyp. 1-2. 206 p. [in Russian].
- Ragulina, 2009** – *Ragulina M. V.* (2009). Tradicionnye sposoby zhizneobespechenija jevenkov Pribajkal'ja [Traditional ways of life-support of the Evenks of the Baikal region]. *Geografija i prirodnye resursy*. № 2. pp. 109-116. [in Russian].
- Serebrennikov, 1915** – *Serebrennikov, I. I.* (1915). Pervonachal'noe zaselenie Irkutskoj gubernii. [The initial settlement of the Irkutsk province]. *Izvestija VSORGO*. Vol. 44. pp. 197–224. [in Russian].
- Tugolukov, 1985** – *Tugolukov V.A.* (1985). Tungusy (jevenki i jeveny) Srednej i Zapadnoj Sibiri. [Tunguses (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. M.: Nauka. 283 p. [in Russian].
- Sherstoboev, 1949** – *Sherstoboev V.N.* (1949). Ilimskaja pashnja. T. 1. Pashnja Ilimskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka. [Ilim arable land. Vol. 1. Arable land Ilim province of the XVII and beginning of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 596 p. [in Russian].
- Sherstoboev, 1957** – *Sherstoboev V.N.* (1957). Ilimskaja pashnja. T. 2. Ilimskij kraj vo II–IV chetvertjah XVIII veka. [Ilim arable land. Vol. 2. Ilimsk region in the II – IV quarters of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 674 p.
- Shunkov, 1952** – *Shunkov V.I.* (1952). «Opyt» v sel'skom hozjajstve Sibiri. XVII v. ["Experience" in agriculture in Siberia. XVII c.]. /*Materialy po istorii zemledelija SSSR*. M.: AN SSSR. pp. 233-236. [in Russian].
- Shunkov, 1956** – *Shunkov V.I.* (1956). Ocherki po istorii zemledelija Sibiri (XVII vek). [Essays on the history of agriculture of Siberia (XVII century)]. M.: AN SSSR. 432 p. [in Russian].
- Jelert, 1990** – *Jelert A.H.* (1990). Jekspedicionnye materialy G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri. [Field materials of G. F. Miller as a source on the history of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 246 p. [in Russian].

Географические факторы формирования земледелия в Прибайкалье (XVII–XIX вв.)

Милана Владимировна Рагулина ^{a, b, *}, Наталья Владимировна Роговская ^{a, b},
Марина Александровна Григорьева ^a, Нина Александровна Ипполитова ^{a, b}

^a Институт географии им В.Б. Сочавы СО РАН, Российская Федерация

^b Педагогический институт Иркутского государственного университета, Российская Федерация

Аннотация. Прибайкалье занимает особое место в становлении сибирского земледелия. Оно характеризуется контрастностью природных ландшафтов, сочетающих горы, тайгу, лесостепи и степи, суровостью климата, разнообразием растительности и почв, наличием аборигенных культур кочевников тайги и степей. Разнообразие природных и социально-культурных условий региона способствовали формированию адаптированных к природной и социальной среде сельскохозяйственных традиций. Выбор мест под пашню, структура посевов, сроки и технология обработки земель имели широкий спектр региональных и локальных вариантов и отличались от таковых в Европейской России. В статье рассмотрены два основных историко-ландшафтных ареала земледельческого освоения края: таежный Илимско-Ленский, а также степной и лесостепной Иркутско-Балаганский – последовательно игравшие роль житницы региона. Показано, как под влиянием различия природно-географических условий и социальных факторов происходило формирование земледельческих систем, учитывающих естественные колебания продуктивности биологических ресурсов и нестабильность агроклиматических факторов. Переход к земледелию бурят и эвенков происходил под влиянием аккультурационных процессов и экономической необходимости заимствования более эффективных стратегий жизнеобеспечения. Рассмотрена специфика хозяйственной адаптации бурят-земледельцев и эвенков, ее зависимость от природных ландшафтов, а также разнообразие эвенкийских систем жизнеобеспечения, включающих земледелие наряду со скотоводством и таежными промыслами. Проведенный анализ позволил прийти к выводу, что сибирские земледельческие системы в досоветский период имеют ценность в аспекте накопления традиционных знаний и опыта, который нуждается в тщательном научном анализе и обладает потенциальной практической применимостью в планировании агроэкономического развития сибирских регионов.

Ключевые слова: Прибайкалье, Сибирь, земледелие, природные факторы, адаптация, сибирские крестьяне, буряты, эвенки.

* Корреспондирующий автор

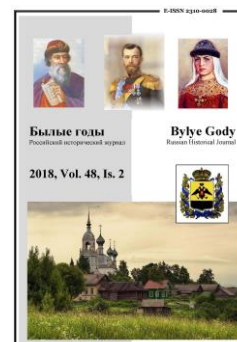
Адреса электронной почты: milanara@yandex.ru (М.В. Рагулина)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 505-517 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.505
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Historical and Ethno-Demographic Situation Of Kyrgyz Nation in Kazakhstan

Maira T. Raimbekova ^{a,*}, Gulzhan S. Bedelova ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

In the article, the key point is to determine the question of how the representatives of the Kyrgyz ethnos settled in Kazakhstan, along with the formation their participation in the process of ethnic development and contribution to traditional culture. Relevance of this study is explained by commonality of the unity of historical destinies of related Turkic nations inhabiting this territory. The sources available for us indicate that Kazakhstan's kyrgyzs studied by us initially compactly appeared in Kazakhstan several centuries ago, historical and political circumstances, natural, peaceful and non-peaceful, voluntary and violent migrations contributed to this. Thus, some scattered groups of Kyrgyz nation came here before the formation of Kazakh Khanate, others - during the invasion of Dzhungar invaders, fleeing from their persecution, the third – as a result of Kazakh sultans' and khans' invasion to Kyrgyzstan territory during 18th-19th centuries, the fourth – after suppression of anti-cokand and anti-russian speeches in 19th and early 20th centuries. Several centuries passed, and these nations, who together survived many shocks, mixed up against their wills, remained true to principles of good-neighborliness, continuing to support each other in any situation and at the same time retaining their ethnic uniqueness. There is a need to mention that during the process self-development of each nationality in the context of current society is impossible without the absence of their close relationship, partnership, change of values of civilizations, avoiding the isolation and consolidating the mutual benefits. Tendencies toward uniting is increasing the solutions of general world problems of society. These tendencies connected with each other, thus the diversity of civilizations cannot lead to their isolation, and the combining of nations does not mean disappearing their differences from each other.

Keywords: ethnodemography, Kyrgyz, ethnic history, ethnos, Central Asia, migration, cooperation.

1. Введение

Казахстан – полиэтническое государство, в котором проживают представители более 130 этносов. С точки зрения культуры, языка, религии есть схожие группы, но рядом, бок о бок живут и этносы с совершенно другими языками, исповедующие разные религии. Объединяет все эти этносы единственная система – это общее государство, общие законы, общий образ жизни.

В статье ключевым является определение вопроса о том, как постепенно на территории Казахстана обосновались представители кыргызского этноса, формировалось их участие в процессе этнического развития и вклад в традиционную культуру. Актуальность данного исследования объясняется общностью единства исторических судеб родственных тюркских народов, населяющих эту территорию.

В рассматриваемый период основной массив исследуемых нами кыргызов проживал на территории Северного, Центрального и Западного Казахстана, менее – в Южном Казахстане и Жетысу. При этом, несмотря на многовековую историю пребывания в Казахстане и инкорпорацию

* Corresponding author

E-mail addresses: raymbekova.maira@gmail.com (M.T. Raimbekova),
gulzhanbedelova@gmail.com (G.S. Bedelova)

в состав различных родоплеменных групп казахского этноса, они не забывали свою этническую историю и идентифицировали себя как кыргызы.

2. Материалы и методы

При воссоздании целостной картины исследования мы опирались на архивные (ЦГА РК), статистические, полевые этнографические материалы: «Материалы по киргизскому землепользованию» (МКЗ), собранные и обработанные известными российскими статистами Ф.А. Щербиной, П.П. Румянцевым и др.; «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1859–1875 гг.» (Бабков, 1912), «Сборник узаконений о киргизах степных областей» (Крафт, 1898), «Тобольские губернские ведомости» (Абрамов, 1861), «Новые ежемесячные сочинения» (Андреев, 1795–1796), «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков» (Гавердовский, 2007; Жанаев, 2006), «Документы архива Хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков» (Брегель, 1967), этнографические материалы, собранные у представителей кыргызского народа. К ним относятся беседы, наблюдения, рассказы, собранные авторами в разных регионах республики Казахстан в 2014–2015 гг. (Материалы, 2014–2015).

В основу исследования положены современные методологические подходы, принципы и концептуальные установки, направленные на осмысление исторических и современных процессов. Общенаучные методы исследования включают такие принципы исторического познания, как историзм, объективность и другие научные принципы, а также теоретические выводы и положения ведущих ученых, сформулировавших основополагающие принципы исторического исследования. Для определения вопросов, как постепенно на территории Казахстана обосновались представители кыргызского этноса, каким было их участие в процессе этнического развития, мы использовали сравнительно-исторический метод, методы анализа и синтеза, опираясь на архивные, статистические материалы, пытались охарактеризовать этнодемографические изменения, а также изменения социального уровня населения республики.

3. Обсуждение

Для проведения этнодемографических исследований вообще, нашего в частности, не обойтись без опоры на историко-этнографические работы о кыргызах и других этносах, изданных в дореволюционное и советское времена.

Так, в вопрос изучения этнической истории переселившегося в Казахстан кыргызского этноса большой вклад внесли русские ученые дореволюционного периода. Характеризуя этнодемографическую ситуацию в Казахстане в конце XVIII – начале XX веков, первые исследования тем не менее носили информативный и частный характер. Статьи и заметки того периода в основном были посвящены общей характеристике народов, проживающих на территории Казахстана, переселению в Семиречье и другие регионы, данные о занятиях населения. Примером могут служить труды И.Г. Андреева (Андреев, 1795–1796), С.Б. Броневского (Броневский, 2005), Я.К. Гавердовского (Гавердовский, 2007), Н.А. Абрамова (Абрамов, 1861), Ч.Ч. Валиханова (Валиханов, 1984). В дальнейшем исследования стали охватывать, наряду с описательной стороной, оценку этнических и демографических процессов, проходивших в Казахстане (Аристов, 2001; Букейханов, 1995; Lysenko, 2018).

Если основной заслугой дореволюционных авторов был сбор и систематизация материала, то разработка теории вопроса приходится на советский период. В советской исторической науке обозначилась необходимость серьезного перелома в демографических исследованиях, что было обусловлено накопленным значительным фактическим материалом, освещающим различные аспекты социальной и этнической истории населения Казахстана в изучаемый период. Так, знаменитый русский путешественник, исследователь истории и этнографии народов Средней и Центральной Азии Г.Е. Грумм-Гржимайло в 1903 году участвовал в Монгольской и Урянхайской (Тува) научной экспедиции, а в 1926 году выпустил трехтомную монографию. В третьем томе своего труда он приводит сведения о гибели четырех князей енисейских кыргызов во время джунгарского нашествия и об их вынужденном переселении через Иртыш в Таласскую долину (Грум Гржимайло, 1926).

Демографический аспект изучаемой нами проблемы исследовала Н.Е. Бекмаханова. Анализируя архивные данные, итоги дореволюционных переписей, статистические материалы и специальную литературу, она описала динамику роста, этнический состав, расселение жителей Казахстана и Северного Кыргызстана в последней четверти XVIII в. – в 60-х годах XIX в. Следует также отметить ценное демографическое исследование этого автора, охватывающее период с 1860-х гг. по 1917 год (Бекмаханова, 1986).

В современной историографии в книге видного казахского этнографа М.С. Муканова наряду с летописью казахов Среднего жуза, с различными аспектами материальной культуры и ремесел, приведены статистические данные по кыргызам Кокшетауского уезда Акмолинской области конца XIX в. (Муканов, 1994). Этнограф Р.А. Бекназаров вносит вклад в изучение алим-кыргызов в составе алимуды, проживающих в Западном Казахстане и северном Приарале. Ценность этой статьи состоит в том, что в ней вместе с архивными, историческими сведениями и полевыми исследованиями дана

этническая история кыргызов, причины их переселения в данный регион, история расселения (Бекназаров, 2011). Также следует отметить книгу Б.Ж. Курманбекова (Курманбеков, 2013: 18), А.Б. Калыша и М. Раймбековой (Калыш, Раймбекова, 2016), в которых говорится об обосновании данного этноса на протяжении столетий в разных регионах нашей страны, о выдающихся выходцах из этого народа и об его летописи. В трудах зарубежных исследователей тоже прослеживается данная тема, так, S. Jacquesson (Jacquesson, 2006) пишет о социальной структуре кыргызов, другие авторы (Yunusbayev et al., 2015; Findley, 2004; Golden, 2011) – о расселении по всей Евразии и генетическом единстве тюркских народов, в том числе и кыргызов.

Перечисленные исследования представляют большую ценность, так как вопросы в них рассматриваются на базе анализа широкой первоисточниковой исторической базы, а также исследований историков. Тем не менее комплексных работ, посвященных историческому и этнодемографическому положению кыргызов в Казахстане, на сегодняшний день не представлено.

4. Результаты

Кыргызы Северного Казахстана. Этнические кыргызы, населяющие территорию современной Акмолинской области, граничащей на западе с Костанайской областью, на юге – с Карагандинской, на севере – с Северо-Казахстанской, а на востоке – с Павлодарской, попали сюда еще при хане Абылае (Материалы, 2014-2015). Ч.Ч. Валиханов в своем исследовании «Киргизское родословие», написанном во второй половине 50-х годов XIX века, отмечал, что «Абылай-хан в одном из своих чапу на киргизов (для отделения от киргиз-кайсаков русские применяют к этому народу прилагательные „дикокаменный, черный“, а китайцы называют „бурут“) вывез в свою орду несколько сот джесырей (пленников); эти буруты, кочуя вместе с атыгаевским родом Средней орды от племени аргын, постепенно сливались и теперь составляют отделение этого рода под именем яна-киргиз и бай-киргиз и, для получения генеалогического права братства родов, производят себя от одного из 12 сыновей Даута (родоначальника атыгаев)» (Валиханов, 1985: 153).

В другой публикации Ч.Ч. Валиханов еще раз уточняет, что среди казахов «есть поколение, называемое „киргиз“. У киргиз в Майлибалтинской волости Кокчетавского округа есть два рода, называемые яна и бай-киргиз. Они образовались из военнопленных „есырей“, захваченных Абылай-ханом и переселенных в степь. Эти киргизы теперь составляют подрод Атыгаевского рода, а в отношении родовых прав считаются наравне с 12 сыновьями (поколениями) родоначальника Атыгая (главного рода)» (Валиханов, 1985: 153).

На это же указывают и сами кыргызы, что они сюда попали в 70-е годы XVIII века в качестве пленных, захваченных ханом Абылаем. Здесь они инкорпорировались в состав атыгай не только в качестве жана-кыргыз, байыргы (бай)-кыргыз, но и сары-кыргыз. Часть из них знает свое шежире вплоть до 7 и 8 поколений. Они же на протяжении многих десятилетий, и даже столетий, используют фамилию Атыгаевых (Материалы, 2014–2015).

В отличие от хана Абылая в 1754–1755 и в 1764 гг. войны батыров Жаугаша, Кокжал Барака и Шынокжы на берегах р. Аксу, Коксу и Шу терпели поражение от кыргызов. В ответ Абылай во главе значительного войска нанес поражение кыргызам, очистив от них междуречье Иле и Шу. Ему удалось установить сохранившуюся до настоящего времени границу между казахами и кыргызами от Нарынкола до Кордая.

По свидетельству исследователя, набеги хана Абылая на кыргызские улусы в разные годы сохранились и в их народных преданиях. Так, Абылай разгромил «род солты и саяков в Сарыбеле, в урочище Карабалта-Сукулук, где и убил знаменитого батыра, родоначальника солты Джайла с двумя сыновьями, Усен и Теке. Особенно славится поход Абылая 1770 года, когда решалась судьба дикокаменных киргизов. В этой битве, которая называется Джайлыны кыргыны – Джайлово побоище (а место битвы получило название Туйскен) были все киргизы: он (правое крыло) и сол (левое крыло). Дикокаменные киргизы понесли значительный урон: из рода чон-багыш остались только два аула, а из отделения чонтолкан – только 40 человек (Валиханов, 1985: 77-78).

Они и впоследствии терпели от него множество других поражений, которые нашли отражение в «Песне об Абылае» (Валиханов, 1984: 265-272).

На наш взгляд, такие печальные события между двумя близкими народами стали результатом следующих обстоятельств: а) из-за раздоров и соперничества казахских и кыргызских феодалов по поводу посредничества и легкого обогащения, получаемых от торгово-экономических привилегий в Восточном Туркестане и Ташкенте, которые славились развитой торговлей, разнообразным ремеслом и промыслом; б) из-за разгрома в 1758 г. Джунгарского ханства Цинской империей, приведшей к тому, что границы владений казахских жузов, особенно Среднего, стали тесно соприкасаться с кыргызскими кочевьями, которые нередко приводили в пограничных районах к мелким стычкам на почве барымты.

В Среднем жузе в XVIII в. наряду с преобладающим казахским населением, вновь прибывающими русскими и украинцами из числа стихийных переселенцев и казачества, встречались ташкентцы, бухарцы, хивинцы, каракалпаки, кыргызы (Findley, 2004). Политика хана Абылая была направлена на то, чтобы инкорпорировать в состав местных казахов близкое им по этнокультурным и профессиональным показателям инонациональное население, чтобы последующие поколения

вынужденных пришельцев пополняли численность коренного казахского населения, которое в борьбе с джунгарскими захватчиками потеряло до 1/3 своего состава. Для этого хан Абылай и его единомышленники поощряли их браки с казахскими женщинами. Так, по свидетельству капитана И.Г. Андреева, обязанностью их мужей было «оставаться у них навсегда...», а при желании вернуться обратно «жен и детей ни под каким видом не выдают, почему и принужденными находятся оставаться вечно» (Андреев, 1795-1796: 79-86).

Позднее, согласно «Уставу о Сибирских киргизах» 1822 г., рассматриваемый нами регион после ликвидации царским самодержавием ханской власти вошел в состав Западной Сибири в качестве области Сибирских киргизов. Область состояла из семи внешних и четырех внутренних округов и восьми дистанций. В четырех внутренних округах Омской области, или в восточной части региона (в Омске, Петропавловске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске), в 1830-х годах проживали 629 561 человек. Большинство населения составляли казахи, кроме них здесь проживали 23 780 русских, а также поляки, татары, башкиры, узбеки, кыргызы и представители других народов (Бекмаханова, 1986: 157).

Если по письменным источникам достоверно известно, что первая волна кыргызов прибыла в этот край в середине XVIII века, то вторая волна попала сюда в 40–50-е годы XIX в. при Кенесары хане и после его смерти, так как кыргызские манапы, убившие его, боясь мести казахов, вынуждены были заплатить казахским султанам штраф – кун. Наряду с другими подарками в состав куна в качестве рабов также вошли 100 джигитов из семей состоятельных манапов. Они были расселены в различных аулах и волостях Кокшетауского и Акмолинского уездов и растворились в среде местных казахов. В этом регионе Казахстана в середине XIX в. среди чала-казахов, проживавших в казахской степи в течение 10 лет, зачисленных в состав Сибирского казачьего войска, и слободах, состоящих при окружных приказах, занимавшихся торговлей и ремеслом, встречались как казахские, так и кыргызские аулы. Аналогичные данные этого периода отмечены и в публикации генерал-майора С.Б. Броневского по казахам Средней Орды (Броневский, 2005: 34).

Из 17 волостей Акмолинского уезда исследуемые нами кыргызы населяли пять из них: Акмолинскую, Атасуйскую, Ишимскую, Нуринскую и Черубай-Нуринскую.

Так, в Нуринской волости их зимовки располагались около озер Карасу-жалтык, Карасу-адыр и около р. Нура (МКЗ, 1909: 11-14).

В Акмолинской волости в административном ауле № 6 встречались кыргызы из подрода Хангелды, Бостан, Азна, Мерген, большинство из которых обосновались по их сведениям около 200 лет назад, т.е. в начале XVIII в., прикочевав сюда с гор Алатау (Сырдарьинской области). Однако мы считаем более реалистичным время – 70-е годы XVIII в., т.е. к временам хана Абылая, что вполне коррелируется с расселением рядом с ними и в других аулах потомков этого хана и его братьев – султанов. Зимовки их располагались вдоль рек Нура, Шолак-Карасу.

В Черубай-Нуринской волости кыргызы жили совместно с потомками султанов, а также с их дружинниками-прислужниками – толенгутами, а также среди различных отделений аргынов – шубартпалы, таракты, караул, а также с торе, кожа и сартами. Часть кыргызов прибыла сюда в 40-е годы XIX в. вместе с потомками первого старшего султана Коныркулжы Кудаймендинова и его толенгутами. Позже, в 1880-х годах, после страшного джута, в эту волость вынуждены были переселиться три отделения кыргызов Атасуйской волости, пробыв до этого несколько неудачных лет на заработках в г. Акмолинск (МКЗ, 1909: 80).

Такие же тенденции отмечены нами и среди кыргызов Атасуйской волости. Здесь они в конце XVIII – начале XIX в. уходили на летовки далеко на север: в степи Омского уезда, на озера Селеты-Тениз, Теке, Улькен-Карой. В холодные зимы им случалось кочевать на юг за р. Сарысу (МКЗ, 1909: 125, 146).

Компактные группы кыргызов были зафиксированы статистами Переселенческого управления и в Кокчетавском уезде Акмолинской области. Так, из восьми волостей кыргызы проживали в четырех: Жыландинской (на юго-западе на границе с Атбасарским уездом), Зерендинской (на юге), Кокчетавской (на северо-западе) и Котыркольской.

Здесь они расселялись в соседстве с такими племенами Среднего жуза, как аргыны (атыгай, караул), керей, кыпчак и уак (МКЗ, 1898: 14-19). В административном ауле № 4 Кокчетавской волости их соседями были хозяйства султанов Адила Аблаева и Жакежана Валиханова. Другой административный аул № 9 Котыркольской волости полностью состоял из кыргызов.

Третьим уездом Акмолинской области, где встречались кыргызы, но в меньшем количестве, является Атбасарский (МКЗ, 1902: 26-29, 242-245). Здешние кыргызы относились к подроду чиген. Их летовки располагались далеко – в районе р. Чу. Они, в отличие от других своих соплеменников, утвердились здесь сравнительно поздно, в пределах 50–60 лет, переместившись сюда из других уездов Акмолинской области.

В меньшем количестве кыргызы встречались в соседнем Павлодарском уезде (МКЗ, 1902: 222-229), Теренгульская волость которого граничила с указанными выше волостями Атабасарского уезда.

Среди казахов и кыргызов Северного и Центрального Казахстана известностью пользовался Шоже Каржаубайулы (1808–1895) – акын, мастер айтысов, фольклорист, композитор, испытывавший трудности бедноты и слепоты. Он родился на территории бывшего Кызылтуского района

Кокшетауской области, похоронен рядом с бывшим совхозом Кыргыз Каркаралинского района Карагандинской области. Шоже является потомком кыргызов из племени саруу (названия племен, в основном живших в окрестностях Таласа) или сарыбагыс (названия племен, живущих в основном в районе г. Токмак, к востоку от Бишкека), которые в 70-х годах XVIII в. были уведены в плен ханом Абылаем ([Мырзахметұлы, 2006: 48-55](#)). В настоящее время в Северном Казахстане большинство кыргызов проживают на территории бывшей Кокшетауской области в составе отделения аргынов – атыгайцев. Так, кусшы-кыргызы и сары-кыргызы живут поблизости от Щучинска, а также в местности Таубай рядом с аулом Айнаколь (бывший Красноводск) Буландынского (до 1997 г. Макинского) района, который находится недалеко от Щучинского района, а также в местностях Котырколь и Бурабай.

В отношении живущих здесь урынкай-кыргызов известно предание о том, что одному из их предков местные казахи из подрода атыгай за авторитет и заслуги выдали свою дочь, выделили в отдельное хозяйство с предоставлением соответствующего земельного надела рядом с озером не только для проживания, но и для выпаса скота и кочевания. Этого джигита звали Урынкай, а озеро стали называть его именем и от него пошел упомянутый выше род ([Оспанов, 2008: 5-8](#)).

Аналогичной известностью пользуются кыргызы, являющиеся жителями пос. Кызылжар Целиноградского района Акмолинской области, в котором насчитывается порядка 62 семей, считающих себя потомками рода сарыбагыш ([Материалы, 2014-2015](#)).

Кыргызы Центрального Казахстана. В Центральном Казахстане кыргызы издавна населяют подножье горы Темирши Каракаралинского района и в местности Бегазы, Кызыларай, Аксоран Актогайского района Карагандинской области рядом с подродом аргынов – каракесеками. Они же проживают вдоль реки Атасу в Шетском и Жанааркыновском районах и реки Нуры Нуринаевского района, вдоль горы Бугылы Шетского района, а также в предгорьях Шынгыстау – восточной части Сарыарки. Здесь в состав аргынов вошли следующие ответвления кыргызов: шерик (черик), тейт (теит), кусшы (кушчу), жунды кыргыз ([Букейханов, 1995: 49](#)).

В 1899 г. из 21 волости уезда были исследованы лишь 14 (Кызылтауская, Нуринаевская, Берикаринаевская, Аксаринаевская, Кентская, Токрауновская, Темирчинаевская, Абралинаевская, Борлинаевская, Дегеленская, Акботинаевская, Эдрейская, Кувская и Сарытауская), частично Чубартауская. Интересующих нас кыргызов можно было встретить в трех волостях – Аксаринаевской, Кентской и Темирчинаевской.

В Абралинаевской волости кыргызы, населяющие административный аул № 14 в урочище Шорабай и Карасай, были представлены лишь двумя хозяйственными аулами, прибыв туда в 1860–1870-е годы.

В Аксаринаевской волости они проживали вместе с потомками хана Букея, туленгутами и аргынами из подрода куандык. В Кентской волости – кыргызы из подрода Алдаберды и Ханкелды. Здесь административный аул № 9 полностью состоял из них. В другом соседнем административном ауле № 11 подавляющее большинство жителей также было кыргызами. В административном ауле № 4 кыргызы были в прошлом толенгутами хана Букея и его сына Алеке. Они были выходцами из рода кыпчак-кыргызов (топей → мая → кулболды, алдаберды, канкелды и тлеуберды), а также топей → тӧлес → жунды → малеке и есенкул, попавшими сюда вместе с ханом Абылаем ([МКЗ, 1905: 122](#)).

В Темирчинаевскую волость (урочища Шокабай, Шокпар-тас, Каракия, Карагаш, Карашоки, р. Сарыолен) они прибыли позднее, указав 40–100 лет, т.е. конец XVIII – середину XIX в. Здесь же были кыргызы из рода саяк (кусшы → кагазды, карлыкты, аман и карымсак). Административные аулы № 1, 6, 12 были представлены кыргызами из подродов камбар, шора, данчи и меркит. Как известно, последний подрод встречался и среди абак-кереев, населявших также Восточный Казахстан ([Потанин, 2005: 10](#)).

В 1902 г. в двух административных аулах Чубартауской волости, которая также входила в Каркаралинский уезд, в составе кыргызов из рода саяк подрода кусшы насчитывалось 400 хозяйств, или примерно 2000 населения ([Букейханов, 1995: 122](#)).

В публикации Н.Я. Коншина за 1902 г. по казахским родам и султанам этого уезда приведены статистические данные по кыргызам Мойнтинской волости, в которой было зафиксировано 50 кибиток, относящихся к ним, в которых должны были насчитываться около 200 жителей ([Коншин, 2005: 159](#)).

В отличие от кыргызов Кокшетауской и Акмолинской областей, населяющих их еще со времен хана Абылая, то в отношении их переселения в Центральный Казахстан нет единого мнения.

Так, А.Х. Маргулан считает, что они не те кыргызы, которые прибыли сюда с Абылаем, а более древние, растворившиеся в среде казахов. Анализируя поэму «Манас батыр», он утверждает, что Манас останавливался у подножья горы Бегазы, где в народной памяти сохранилась легенда об отметине на камне, оставленном тулпаром батыра Аккулом. В дополнение к этому он приводит данные о проживании в районе Актогая родов Манас и Танас, имеющих прямое отношение к батыру Манасу. Не обходит он стороной и один из древних памятников – кладбище «Тридцать семь батыров», расположенное в отрогах горы Корпетай Жидебайского сельского округа Актогайского района Карагандинской области. По мнению исследователя, правильным представляется

наименование «Тридцать семь шора». В приводимой им старинной казахской легенде упоминается прибытие в Сарыарку вместе с Манасом «сорока шора». В этой же легенде говорится о том, что из сорока его последователей выжили только трое. Не исключено, что кладбище 37 батыров в отрогах горы Корпетая является погребением приближенных Манаса, возможно и то, что население, которое относится к кыргызскому роду, является потомками выживших «трех шора» (Марғұлан, 1985). Имеется версия и о сибирском следе кыргызов (шерик, теит, кусшы, жунды) в составе аргынов, якобы они переселились сюда из Внутренней Сибири, переправившись через Иртыш. По одной из генеалогий от Шилика произошли трое братьев — Убай, Ногай, Орыс. В Сарыарку пришли Орыс и Убай, переплыв Иртыш на одной лошади. Задолго до них в эти края прибыл их дед Шерик, ставший бием Кыпшаковского хана. Он пришел сюда с ополчением во главе 40 шора. По словам актогайских и токыраунских казахов, тулпар Манаса Аккул пасся у подножия горы Бегазы, где также сохранился каменный след, включая каменный казан, откуда пил воду тулпар. По данным этнографа М.С. Муканова, знатока фольклора и шежиры уаков из Среднего жуза, известный из этого племени батыр Ер Кокше, персонаж одноименного казахского героического эпоса, представлен многими подвигами вплоть до своей смерти и в кыргызском эпосе «Манас» (Муканов, 1995: 46-51), что еще раз свидетельствует о былых братских взаимоотношениях казахских и кыргызских племен.

Кыргызы в Западном Казахстане и Северном Приаралье. Исходя из письменных и других источников, можно предположить, что кыргызы попали сюда, начиная с первой половины XVII в. в результате кровопролитных казахско-джунгарских войн, перемещения через этот регион в волжские степи калмыков. Они добровольно или по принуждению входили в состав толенгутов ханов и султанов. Для психологической, политической и хозяйственной адаптации «чужаков» в данном регионе требовалось определенное время. Возможно, вынужденная миграция сюда кыргызов происходила в те времена, когда по свидетельству Ч.Ч. Валиханова, среди башкир и ногайцев существовали волости, состоящие из кыргызских родов (Уэлиханов, 2010: 77). В полевых исследованиях известного отечественного этнолога Р.А. Бекназарова по алим-кыргызам, инкорпорированным в состав шекты и торткара (пос. Айшуак в северной части песков Улы Борсыккум) Шалкарского района Актюбинской области, показано, что свою этническую историю они связывают с тем, что являются потомками: а) остатков племен великого кыргызского каганата; б) прикочевали или насильно были переселены во времена хана Кенесары и Каратай султана в конце XVIII века; в) вынужденно покинули родину в связи с эпидемиями и болезнями на Тянь-Шане в конце XVIII века (Бекназаров, 2011: 169).

Знатоки местных казахских родов причисляют кыргызов к пришлым родовым подразделениям, называемым в казахской народной традиции в целом как «кiрме» (пришлые). Аналогичный статус имели местные каракалпаки, башкиры, которые рекрутировались следующим образом: 1. Пленники, добываемые во время военных походов и набегов на своих ближайших соседей, превращаемые затем в рабов. По свидетельству Я. Гавердовского, казахи «достают сих несчастных чрез хищничество от россиян, каракалпаков, калмыков, персиян, зюнгарцев и даже китайцев» (Гавердовский, 2007: 495). Впоследствии некоторые из них могли условно приобрести статус свободного человека и занять под покровителем свою социальную нишу, завести семью и заниматься хозяйством. 2. Массовые вкочевывания чужаков в состав тех или иных казахских родов на определенной договорной основе – откупа скотом, услугами предоставления войск в поход и т.д. взамен предоставляемой территории кочевания.

С середины XIX века и последующего времени мы располагаем стабильными данными об изучаемых нами кыргызах Младшего жуза. Так, в рапорте коллежского секретаря А.К. Субханкулова председателю Оренбургской пограничной комиссии М. Ладыженскому от 26 марта 1857 года с приложением алфавитного списка почетнейших и влиятельнейших ордынцев близ укрепления Аральское, в котором под № 8 дана характеристика на Бурангула Джангерова, «кыргызова рода, истекова отдаления, чаграева подотдаления» (Жанаев, 2006: 193-194).

В списке облагаемых налогом – закятном – в виде двадцатой части скота, который должны были уплачивать в пользу Хивинского хана, среди приграничных с ней родов Байулы, Жетыру и Алимуды за 1869–1872 гг. упоминаются и кыргызы (Брегель, 1967: 278, 283).

По мнению выдающегося тюрколога Н.А. Аристов, которое он высказал в 1893 г., ряд кыргызских племен, расселившихся «между кундровскими татарами, кочующими по Ахтубе, в низовьях Волги», бежавших после разгрома Джунгарии и примкнувших к волжским торгоутам, могли влиться в состав близких приграничных тюркских этносов, не только кундровских ногайцев, но и казахов (Аристов, 2001: 192).

В связи с этим мы присоединяемся к версии Р.А. Бекназарова о том, что некоторая часть кыргызов, бежавшая в западном направлении к Жайыку к кундровским ногайцам, расселилась по согласованию с казахами и в указанном регионе, мигрировав туда в первой половине XVIII века. Вполне вероятно, что это событие произошло еще в период правления на этой территории Абылкайыра – хана Младшего жуза, который, как и хан Абылай, для восполнения численности своих войск привлекал к себе не только казахов, но и представителей других этносов: туркмен, каракалпаков и кыргызов. И, что немаловажно, перекочевка их на территории расселения племенного объединения Алимуды произошла «мирным» путем, с их согласия, что стало основным

фактором их быстрого, безболезненного включения в культуру местных казахов (Бекназаров, 2011: 171-172).

В 1913 году руководитель статистической партии Тургайско-Уральского переселенческого района П.А. Хворостанский отмечает, что среди крупных родов Алимуды (шекты, шомекей, каракесек) в Чингильской волости Иргизского уезда «отдельными аулами вкраплены в разных местах немногочисленные представители каракиргызов (пришельцев с Алатау Семиреченской области)» (МКЗ, 1913: 4).

Именно к этому периоду относится свидетельство акына-импровизатора Сарышолокшайыра Боранбайулы (1858–1929), который в своем дастане, посвященном местным кыргызам, указывает на то, что на территории современного Шалкарского района Актыбинской области насчитывалось около 500 хозяйств казах-кыргызов (Курманбеков, 2013: 18).

В настоящее время в данном регионе исследуемые нами казах-кыргызы больше всего сосредоточены на территории Шалкарского и Мугалжарского районов Актыбинской области. По данным Б. Курманбекова, местные знатоки шежире связывают свою родословную с кыргызским родом Солты-Окшы и насчитывают примерно до 16 поколений и 8 крупных ответвлений.

Актыбинские кыргызы дали Казахстану таких известных личностей, как Монке Тлеуулы (1675–1756) – бия, крупного общественного деятеля своей эпохи, жырау. Он является сыном знаменитого батыра-полководца Тлеу Айтулы, героя войны с джунгарами, погибшего в освободительной войне с ними под Сайрамом в Южном Казахстане, женой которого была кыргызка Сулу, дочь местного батыра Аккысы Баракулы.

Кыргызы в Восточном Казахстане. «Казахи и киргизы, жившие у озера Зайсан (кроме юго-восточной части), в верховьях рек Бухтарма и Курчум, на левобережье р. Черный Иртыш, долинах рек Кеген и Нарын, остались в составе Российской империи» (Бабков, 1912: 353).

Вероятность вынужденного переселения кыргызов в район Бухтармы, Курчума, левобережья Черного Иртыша, которые, скорее всего, пришли из Восточного Туркестана в XVII – начале XVIII вв., подтверждается следующими высказываниями Ч.Ч. Валиханова: «В XVII веке енисейские кыргызы вели против русских Сибири отчаянную борьбу, которая кончилась совершенным уничтожением енисейских кыргызов: большая часть погибла в битвах, часть бежала на юго-запад в киргиз-кайсацкие степи, часть смешалась с другими племенами Енисейской губернии, утратив навсегда свою самостоятельность и даже свое имя» (Уэлиханов, 2010: 216). Возможно, этим обстоятельством объясняется и то, что не осталось «никаких следов в кыргызских преданиях» (Уэлиханов, 2010: 217-218). Такой же версии придерживался выдающийся русский историк-востоковед и этнограф Н.А. Аристов, считавший, что кыргызы среди казахов и других соседних тюркских этносов представляют «осколки» бывших енисейских кыргызов, находившихся в начале XVIII века в составе волости при Джунгарской урге, а после его разгрома в 1757 г. бежавших оттуда (Аристов, 2001: 190-92). Позже, по мнению кыргызского ученого А.А. Асанканова, «во время смут и войн, ознаменовавших разрушение Калмыцкого царства, были истреблены или разбились на мелкие части, которые разбрелись по всей восточной части киргиз-казахской степи и по западной Монголии, присоединяясь в составе немногих семей к тянь-шанским кыргызам, к киргиз-казахам, урянхайцам и, быть может, алтайцам» (Асанканов, 2009: 128-130).

Другая группа из числа кыргыз-калмыков попала сюда летом 1746 г., в частности, в район Усть-Каменогорска в составе 12 человек с женщинами и детьми. Они показали, что до этого времени проживали во владениях датчи Танбын батыра, расположенных «в Сибирском крае, между Томским и Енисейским городами, против города Краснояра в степи, называемой Белый Юс» (Уэлиханов, 2010: 181-182).

Ряд данных о нахождении кыргызов из подрода естемис в числе 147 кибиток среди найманов бывшего Сергиопольского округа Семипалатинской области приводит Н.А. Абрамов (1812–1870) – этнограф Сибири и Средней Азии (Абрамов, 1862: 33-35).

Из 18 волостей Семипалатинского уезда Семипалатинской области в начале XX в. кыргызы проживали в Айгыржальской (урочище Найман-жал, Котан-булак, Кайракты), Чаганской (урочище Чаган) и Энрекейской (урочище Каражан, Донен-жас, Ит-тумасын) и были представлены различными подродами найманов. В указанных выше волостях они находились в пределах 40–60 лет, переселившись сюда вместе с потомком хана Абылая – султаном Уатаем Шама.

Они же в начале XX в. встречались и в Зайсанском уезде (МКЗ, 1909: 122-125). Так, из имеющихся 16 волостей кыргызы встречались в двух – Манракской и Кокпектинской. В первой волости кыргызы были представлены известным родом Сарыбагыш, которые пришли сюда около 3–7 поколений назад. Населяемые ими аулы были сборными, наряду с племенами Среднего жуза (найман, тобыкты, кыпшак, керей, уак) можно было встретить также представителей Младшего жуза (табын, тама, алшын), кожа, калмыков, каракалпаков, туркмен, сартов, татар. Аналогичный состав был зарегистрирован и в Кокпектинской волости. Такое разнообразие родов и народов объяснялось тем, что они были бывшими толенгутами султана Алихана Уали, который ранее продолжительное время управлял населением Кокпектинской волости. Они селились здесь только по указу султана, которое привело впоследствии к такому разнообразию родов и народов.

Кыргызы в Жетысу. На протяжении многих столетий благодаря наличию общей границы в данной этноконтактной зоне соприкосновения двух тюркских этносов, происходило добровольное или вынужденное их перемещение в ту или иную сторону.

Г.Е. Грумм-Гржимайло сообщает, что в 1703 г. после разгрома войсками хунтайджи (также хунтайчи, контайша, контайчи – титул крупных феодалов в Монголии с XIV века. Этот титул носили потомки Чингисхана, которые владели территориальными доменами) Цэвана Рабдана существовавших с конца XVI века в долине Среднего Енисея четырех кыргызских улусов-княжеств – Езерского, Алтысарского, Алтырского и Тубинского – началось насильственное переселение 4000 семей енисейских кыргызов на юго-запад, включая Таласскую долину (Грум-Гржимайло, 1926: 188).

Считаем, что определенному перемещению кыргызов в Жетысу способствовали смерть хунтайджи Галдан Цэрэна в 1745 г. и последовавшие за ней вплоть до 1758–1759 гг. из-за интриг Цинской империи междоусобные раздоры среди джунгар. Именно в этот период захватившие долину реки Или с юга кыргызы и с севера казахи полностью вытеснили калмыков за пределы рек Чилик и Чарын. По подсчетам Ч.Ч. Валиханова, переезд сюда кыргызов начался в 1774 г.

О давних связях казахов с кыргызами, включая семейно-брачные, свидетельствует тот факт, что супругой знаменитого батыра из рода албан, активного участника казахско-джунгарских войн, наиболее отличившегося при Аягозе и Анракайском сражении, Хангелды Сырымбетулы (1688–1763) была кыргызка Ботагоз-сулу (Материалы, 2014–2015).

Опираясь на архивные материалы, считаем, что частичному перемещению исследуемого этноса в пределы территорий, населенных казахами, способствовали междоусобные столкновения между самими кыргызами – сарыбагышами и бугинцами, имевшие место в 1855–1856 гг., которые умело использовал казахский султан Тезек Торе, полковник Российской империи, старший султан Старшего жуза (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73. Л. 28).

В начале XX столетия в составе казахов Старшего жуза подродов племени шапрашты (суйындык, акымбек, кошек, ауез) были кыргызы, населявшие Восточно-Кастекскую волость Верненского уезда Семиреченской области. В источниках отмечено, что «группа кыргыз происходит от кара-кыргыза Толенды, женившегося на дочери одного из кашке и оставшегося жить среди этого рода» (МКЗ, 1913: 111). Их кыстау располагались в урочище Жирен-айгыр и Кастек, а жайляу – в урочище Котобе.

Они же встречались и среди других крупных племен Старшего жуза. Так, Н.А. Аристов отмечает, что между «джалаирами Большой орды, на реке Каратал, притоке Балхаша, также есть подразделение «кыргыздар» (Аристов, 2001: 192). О них же в районе р. Каратал упоминает Н.А. Абрамов (Абрамов, 1867: 269–278).

Знатоки шежире жалаирав относят последних к подроду андас, которые обосновались здесь в середине XVIII века. Считается, что в результате кровопролитных сражений одержавшие победу над кыргызскими манапами хан Абылай и казахские султаны захватили множество военнопленных. Как правило, мужчины из числа кыргызов пополняли разряд служилых толенгутов, а наиболее статные и красивые девушки и женщины были розданы в качестве военных трофеев отличившимся в боях батырам и сарбазам. Согласно легенде, на одной из таких красавиц по имени Карашаш женился будущий родоначальник Андас, от которых происходят акиык-кыргызы, актобе-кыргызы, аралтобе-кыргызы и кумыралы-кыргызы. В середине XIX века они населяли территорию Лепсинского и Капальского уездов, находясь во владениях султанов Старшего жуза Рустема и Суика Абылайхановых.

Впоследствии кыргызы из подрода андас населяли территорию бывшей Талды-Корганской, ныне Алматинской области. Так, акиык-кыргызы – населенный пункт Акиык, расположенный между г. Уштобе и аулом Байшегир Каратальского района, а также населенные пункты Бирлик, Бесагаш, Муқаншы, станцию Коксу Коксуского района. Актобе-кыргызы – отгонные участки Ақтобе-шурьк рядом с Сарыозеком Кербулакского района, Сарыбулақом Коксуского района; аралтобе-кыргызы – населенные пункты Кенарал, Малайсары, побережье р. Коксу. Часть кыргызов вынуждена была бежать в Жетысу и Восточный Туркестан и после подавления восстания в июле–сентябре 1916 г. – из территорий современной Иссык-Кульской, Нарынской и Чуйской областей Кыргызстана. В умирении восставших принимали участие экспедиционные отряды из Жаркента (160 человек и более 150 казаков), Верного (500 казаков), из Ташкента – с пушками и пулеметами. Полный контроль в регионе правительственные войска установили лишь к середине сентября 1916 г. Отметим, что в 1916 году аналогичное восстание происходило и в казахской части Жетысу, в частности в Каркаре, которое нашло поддержку со стороны кыргызского населения.

Вне сомнения, после подавления восстаний как против Коканда, так и Российской империи часть кыргызского народа искала спасения на территории современного Казахстана. Известно, что в XIX – начале XX вв. проживающих в ряде населенных пунктов Таласской долины жителей, рожденных от смешанных браков казашек с кыргызами, называли чала-казак. Такие же представители национально-смешанных семей с участием указанных этносов встречаются в казахско-кыргызском приграничье между современным районным центром Кордаем и столицей Кыргызстана г. Бишкек, а также г. Токмак.

Здесь, в приграничье, рассматриваемая ситуация облегчалась и тем, что простые казахи и кыргызы, отличавшиеся близостью языка, общностью хозяйственно-культурного типа, быта и образа жизни, были заинтересованы в мирном добрососедстве. Это же можно сказать о сходстве многих жанров в фольклоре: мудрый Жиренше (кырг. Жээрнече-чечен) и красавица Карашаш (кырг. Карачач), легендарный Асан Кайгы, находчивый Алдаркосе (кырг. Алдар-Косе), Ер Кокше – герой одноименного героического эпоса, являющегося также героем кыргызского эпоса «Манас» (Көкчө), календарно-обрядовых, религиозных празднеств и песен – Наурыз (кырг. Наураз), Ораза и Курбан айт (кырг. Ураза и Курбан-байрам), Жарапазан (кырг. Жарамазан) и пр. В этих многолюдных торжествах принимали участие представители разных контактирующих этносов – казахов, кыргызов, узбеков, русских и пр. (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 22).

Кыргызы в Южном Казахстане. Население данного региона в тот период входило в состав различных уездов Сыр-Дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73. Л. 4). Известно, что в 40-е годы XIX в. из-за распространившихся в степи слухов, что царская администрация будет привлекать казахов к воинской повинности, султаны Рустем и Мырзатай, сыновья султана Батыра из Каракаралынского уезда Семипалатинской области, «во главе нескольких кыргызских родов откочевали в Сырдарьинскую область, в горы Каратау» (МКЗ, 1905: 13-14). Через несколько лет, не адаптировавшись к местным трудностям, были вынуждены вернуться обратно в исходный уезд, при этом султаны поселились в горах Желтау, а кыргызы – в горах Кызылрай.

В начале XX в. в приграничье Чуйского и Аулиеатинского уездов Сырдарьинской области Туркестанского края по реке Чу (урочище Бескеле) располагался административный аул № 5/8 Джилыбулакской волости, который находился в зависимости от кокандцев. Здесь среди 45 хозяйств торе, потомков султана Ханкоджи, ведущего свою генеалогию от хана Абылая и их толенгутов, встречались и кыргызы (кара-кыргызы) (МКЗ, 1915: 13-14).

Среди рода Суттыбай, входящего в состав коньратов Жанакорганского района Кызылординской области и окрестностей г. Туркестана Южно-Казахстанской области, есть род кыргызалы, попавший туда в 40-е годы XIX века при хане Кенесары Касымове. По свидетельству Б. Курманбекова, они связаны с кыргызским родом солты, одним из ведущих в кыргызской генеалогии.

Аналогичный род кыргызалы имеется среди рода Шымыр, входящего в состав Старшего жуза, одного из четырех родов племени Дулат, населяющего территорию Южно-Казахстанской и Жамбылской областей. Так, в его старшей ветви Шымыра – Шынкожа, от которого происходит Марсымынан, можно встретить наряду с его ответвлениями Кыргызалы.

В рассматриваемый период в Казахстане было зафиксировано около 14 тыс. этнических кыргызов. Из них одна треть размещалась в Северном Казахстане, четверть – в Центральном Казахстане, в меньшей степени – в Западном и Восточном Казахстане, Жетысу и на юге Казахстана. Однако это только видимая часть их численности, фактически эту цифру можно удвоить и даже утроить, так как значительная часть числилась в составе толенгутов, а также в перечисленных нами казахских родоплеменных группах Старшего, Среднего и Младшего жузов.

5. Заключение

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники, свидетельствуют о том, что исследуемые нами казахстанские кыргызы впервые компактно появились на территории Казахстана несколько столетий назад, этому способствовали историко-политические обстоятельства, естественные, мирные и немирные, добровольные и насильственные миграции. Так, отдельные разрозненные группы кыргызов попали сюда еще до образования Казахского ханства, другие – в годы нашествия джунгарских захватчиков, спасаясь от их преследования, третьи – в результате набегов казахских султанов и ханов на территорию Кыргызстана на протяжении XVIII–XIX столетий, четвертые – после подавления антикокандских и антироссийских выступлений в XIX – начале XX веков. Прошло несколько столетий, и эти народы, вместе пережившие немало потрясений, смешавшись не по своей воле, остались верны принципам добрососедства, продолжая поддерживать друг друга в любой ситуации и в то же время сохраняя свою этническую уникальность. И необходимо отметить, что саморазвитие каждой нации в обстоятельствах нынешнего общества нереально в отсутствии их близкого взаимодействия, партнерства, обмена культурными ценностями, преодоления отчуждения, укрепления выгодных контактов. Тенденция к объединению усиливается с потребностью решения общих мировых проблем, которые стоят перед обществом. И эти тенденции связаны между собой, потому как разнообразие цивилизаций никак не приводит к их обособленности, а сплочение наций – к стиранию отличий меж ними.

Литература

Абрамов, 1867 – Абрамов Н.А. Река Каратал, с ее окрестностями // *Записки Русского географического общества по общей географии*. Т.1. СПб., 1867.

Абрамов, 1861 – Абрамов Н.А. Река Аягуз с ее окрестностями // *Тобольские губернские ведомости*, 1861. № 33-35.

- Андреев, 1795-1796** – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, а також и прилежащих к российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, с дополнениями // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1795–1796.
- Аристов, 2001** – *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или каракыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001.
- Асанканов, 2009** – *Асанканов А.А.* История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Учебник для вузов. Бишкек, 2009.
- Бабков, 1912** – *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1859–1875 гг. СПб., 1912.
- Валиханов, 1985** – *Валиханов Ч.* Киргизское родословие // Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алматы, 1985.
- Валиханов, 1984** – *Валиханов Ч.* Песня об Абылае // Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алматы, 1984.
- Бекмаханова, 1986** – *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX вв. М., 1986.
- Бекназаров, 2011** – *Бекназаров Р.А.* Историко-этнографическое исследование алым-кыргызов Северного Приаралья: на материалах ЗККЭАЭ // Материалы II Международной научной конференции «Арал-Каспийский регион в истории и культуре Евразии», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан (г. Актобе, 14–18 сентября 2011 г.). Алматы-Актобе, 2011.
- Брегель, 1967** – Документы архива Хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. Подбор документов, введение, пер., примеч., указатели Ю.Э. Брегеля. М., 1967.
- Броневский, 2005** – *Броневский С.Б.* О казахах Средней орды. Павлодар, 2005.
- Букейханов, 1995** – *Букейханов А.* Родовые схемы киргиз Каркаралинского уезда // Бөкейхан Ә. Тандамалы: казак және орыс тілдеріндегі ғылыми зерттеулер, еңбектер / Бас ред. Р. Нұрғалиев. Т.2. Алматы, 1995.
- Гавердовский, 2007** – *Гавердовский Я.П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007. Т.5.
- Грумм-Гржимайло, 1926** – *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Л., 1926.
- Жанаев, 2006** – Рапорт коллежского секретаря Абдул-Кадыра Субханкулова председателю Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженскому. 26 марта 1857 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. О почетнейших и влиятельных ордынцах: алфавитные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. 9 августа 1917 г. / Сост., предисл., коммент. и указат. Б.Т. Жанаева. Т.8. Ч. 2. Алматы, 2006.
- Кальш, Раймбекова, 2016** – *Кальш А.Б., Раймбекова М.Т.* Қазақстан кыргыздары. Астана, 2016.
- Коншин, 2005** – *Коншин Н.Я.* Заметка о казахских родах и султанах в Каркаралинском крае // Коншин Н.Я. Труды по казахской этнографии. Павлодар, 2005.
- Крафт, 1898** – *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.
- Курманбеков, 2013** – *Құрманбеков Б.Ж.* *Ұрпағы біліп жүрсін деп:* Шежіре. Ақтөбе, 2013.
- Марғұлан, 1985** – *Марғұлан Ә.Х.* Ежелгі жыр-аңыздар. Алматы, 1985.
- Материалы, 2014–2015** – *Материалы*, собранные авторами среди народа. Акмолинская область, Ерейментауский район, Бурабайский район, кент Кызылжар, Камал кажы Абдрахман 2014–2015 гг.
- МКЗ, 1909** – *Материалы по киргизскому землепользованию*, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 3. ч. 2. Акмолинская область, Акмолинский уезд. Чернигов, 1909.
- МКЗ, 1909** – МКЗ. Т. 3. ч. 1. Акмолинская область, Акмолинский уезд. Чернигов, 1909.
- МКЗ, 1898** – МКЗ. Под ред. Ф. Щербина. Акмолинская область. Кокчетавский уезд. Т. 1. Воронеж, 1898.
- МКЗ, 1902** – МКЗ. Т. 2. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902.
- МКЗ, 1905** – МКЗ. Т. 6. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. СПб., 1905.
- МКЗ, 1913** – МКЗ, собранные и разработанные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Иргизский уезд. Оренбург, 1913.
- МКЗ, 1909** – МКЗ в Семипалатинской области. Т. 8. Зайсанский уезд. Специальная часть (с нормами кыргызского землепользования) и общие статистические таблицы. СПб., 1909.
- МКЗ, 1913** – МКЗ в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева. Т. 4. Верненский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1913.
- МКЗ, 1905** – МКЗ, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. Т. 6. СПб., 1905.
- МКЗ, 1915** – МКЗ района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1915.
- Муканов, 1994** – *Мұқанов М.С.* Қазақ жерінің тарихы. Алматы, 1994.

Муканов, 1995 – Муканов М.С. Исторические вехи в жизни казахов на страницах героического эпоса // Эпос «Манас» как историко-этнографический источник. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса «Манас». Бишкек, 1995.

Мырзахметұлы, 2006 – Мырзахметұлы Е. Атанған жеті жаста Шөже акын // Жалын. 2006. № 1.

Оспанов, 2008 – Оспанов К. Ұрынқай қырғызы. Шежіре: Деректер мен естеліктер. Қарағанды, 2008.

Потанин, 2005 – Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Русского географического общества. Вып. 2 // Потанин Н.Г. Труды по этнографии и фольклору. Павлодар, 2005.

Уәлиханов, 2010 – Уәлиханов Ш. Қырғыздар туралы жазбалар // Уәлиханов Ш.Ш. Көп томдық шығармалар туралы жинағы. Т. 2. Алматы, 2010.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Findley, 2004 – Findley C.V. The Turks in world history. New York, 2004. 320 p.

Golden, 2011 – Golden P.B. Central Asia in World History. New York, 2011. 176 p.

Jacquesson, 2004 – Jacquesson S. The Kyrgyz Before Sovietization: social structure, herd-breeding and management of pastoral resources // Paper delivered at the seminar of the EHESS under the responsibility of Jean-François Gossiaux and. André Bourgeot (CNRS/LAIOS/LAS). Power and Territory: nomadic societies in transition, November 22. 2004.

Lysenko, 2018 – Lysenko Yu.A. Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries) // Bylye Gody. 2018. 47(1): 172-182.

Yunusbayev et al., 2015 – Yunusbayev B. et al. The genetic legacy of the expansion of Turkic-speaking nomads across Eurasia // PLoS genetics. 2015. T.11. N°4. C.e1005068

References

Abramov, 1867 – Abramov N.A. (1867). Reka Karatal, s ee okrestnostyami [The Karatal River, with its surroundings]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchei geografii*. T.1. SPb. [in Russian]

Abramov, 1861 – Abramov N.A. (1861). Reka Ayaguz s ee okrestnostyami [The Ayaguz River with its surroundings]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. № 33-35. [in Russian]

Andreev, 1795-1796 – Andreev I.G. (1795-1796). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov, s kasayushchimisya do sego naroda, a takozh i prilezhashchikh k rossiiskoi granitse, po chasti Kolyvanskoi i Tobol'skoi gubernii, krepotei, s dopolneniyami [Description of the Middle horde of Kirghiz-Kaisaks...] / *Novye ezheimesyachnye sochineniya*. SPb. [in Russian]

Aristov, 2001 – Aristov N.A. (2001). Usuni i kyrgyzy ili karakyrzyzy: Ocherki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan'-Shanya i issledovaniya po ego istoricheskoi geografii. [Usun and Kyrgyz or karakyrzyzy: Essays on the history and life of the population of the western Tien Shan and studies on its historical geography] Bishkek. [in Russian]

Asankanov, 2009 – Asankanov A.A. (2009). Istoriya Kyrgyzstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei. [History of Kyrgyzstan] Uchebnik dlya vuzov. Bishkek. [in Russian]

Babkov, 1912 – Babkov I.F. (1912). Vospominaniya o moei sluzhbe v Zapadnoi Sibiri 1859-1875 gg. [Memories of my service in Western Siberia 1859-1875] SPb. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – Valikhanov Ch. (1985). Kirgizskoe rodoslovie [Kyrgyz genealogy] / Valikhanov Ch. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh*. T. 2. Almaty. [in Russian]

Valikhanov, 1984 – Valikhanov Ch. (1984). Pesnya ob Abylae [The song about Abylai] / Valikhanov Ch. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh*. T. 1. Almaty. [in Russian]

Bekmakhanova, 1986 – Bekmakhanova N.E. (1986). Formirovanie mnogonatsional'nogo naseleniya Kazakhstana i Severnoi Kirgizii. Poslednyaya chetvert' XVIII – 60-e gody XIX vv. [Formation of the multinational population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan. The last quarter of the XVIII - 60th years of the XIX centuries] M. [in Russian]

Beknazarov, 2011 – Beknazarov R.A. (2011). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie alim-kyrgyzov Severnogo Priaral'ya: na materialakh ZKKEAE [Historical and Ethnographic Study of Alim-Kyrgyz of the Northern Aral Sea Basin] / *Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Aralo-Kaspiiskii region v istorii i kul'ture Evrazii»*, posvyashchennoi 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan (g. Aktobe, 14-18 sentyabrya 2011 g.). Almaty-Aktobe. [in Russian]

Bregel', 1967 – Bregel' Yu.E. (1967). Dokumenty arkhiva Khivinskikh khanov po istorii i etnografii karakalpakov. [Documents of the archive of the Khiva Khans on the history and ethnography of the Karakalpaks] Podbor dokumentov, vvedenie, per., primech., ukazateli Yu.E. Bregelya. M. [in Russian]

Bronevskii, 2005 – Bronevskii S.B. (2005). O kazakhakh Srednei ordy. [About the Kazakhs of the Middle Horde] Pavlodar. [in Russian]

Bukeikhanov, 1995 – Bukeikhanov A. (1995). Rodovye skhemy kirgiz Karkaralinskogo uezda [Generic schemes of Kirghiz of Karkaralinsky district] / Bokeikhan Ə. Tandamaly: kazak zhane orys tilderindegi gylymi zertteuler, enbektter. Bas red. R. Nurgaliev. T.2. Almaty. [in Russian]

Gaverdovskii, 2007 – *Gaverdovskii Ya.P.* (2007). Obozrenie Kirgiz-kaisatskoi stepi (chast' 2-ya) ili Opisanie strany i naroda kirgiz-kaisakskogo [Review of the Kirghiz-Kaysat steppe or Description of the country and people of the Kirghiz-Kaysak] // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX v. / sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty. T.5. [in Russian]

Grumm-Grzhimailo, 1926 – *Grumm-Grzhimailo G.E.* (1926). Mongoliya i Uryankhaiskii krai. [Mongolia and the Uryankhai Territory] T.3. L. [in Russian]

Zhanaev, 2006 – *Zhanaev B.T.* (2006). Raport kollezhskogo sekretarya Abdul-Kadyra Subkhankulova predsedatelyu Orenburgskoi pogranichnoi komissii M.V. Ladyzhenskomu. 26 marta 1857 g. [The report of the college secretary Abdul-Kadyr Subkhankulov to the chairman of the Orenburg border commission, M.V. Ladyzhensky] / Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XVII vekov. O pochetneishikh i vliyatel'nykh ordyntsakh: alfavitnye, formulyarnye i posluzhnyye spiski. 12 noyabrya 1827 g. 9 avgusta 1917 g. Sost., predisl., komment. i ukazat. B.T. Zhanaeva. T.8. Ch. 2. Almaty. [in Russian]

Kalysh, Raimbekova, 2016 – *Kalysh A.B., Raimbekova M.T.* (2016). Kazakhstan kyrgyzdary. [Kazakh Kyrgyz] Astana. [in Kazakh]

Konshin, 2005 – *Konshin N.Ya.* (2005). Zametka o kazakhskikh rodakh i sultanakh v Karkaralinskoy krae [A note on the Kazakh clans and sultans in the Karkaraly region] / Konshin N.Ya. Trudy po kazakhskoi etnografii. Pavlodar. [in Russian]

Kraft, 1898 – *Kraft I.I.* (1898). Sbornik uzakonenii o kirgizakh stepnykh oblastei. [Collection of legal acts on the Kirghiz of the steppe regions] Orenburg. [in Russian]

Kurmanbekov, 2013 – *Kurmanbekov B.Zh.* (2013). Urpagy bilip zhursin dep: Shezhire. [Let the descendants know] Aktobe. [in Kazakh]

Margulan, 1985 – *Margulan A.Kh.* (1985). Ezhelgi zhyr-anyzdar. [Ancient songs and legends] Almaty. [in Kazakh]

Materialy, 2014-2015 – *Materialy.* (2014-2015). Materialy, sobrannyye avtorami sredi naroda. [Materials collected by the authors among the people.] Akmolinskaya oblast', Ereimtauskii raion, Burabaiskii raion, kent Kyzylzhar, Kamal kazhy Abdrakhman 2014-2015 gg. [in Russian]

MKZ, 1909 – *MKZ* (1909). Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition to study the steppe areas] T.3. ch.2. Akmolinskaya oblast', Akmolinskii uezd. Chernigov. [in Russian]

MKZ, 1909 – *MKZ* (1909). T.3. ch.1. Akmolinskaya oblast', Akmolinskii uezd. [Akmola region, Akmola district] Chernigov. [in Russian]

MKZ, 1898 – *MKZ* (1898). Pod. red. F. Shcherbina. Akmolinskaya oblast'. Kokchetavskii uezd. [Akmola region. Kokchetav county] T.1. Voronezh. [in Russian]

MKZ, 1902 – *MKZ* (1902). T.2. Akmolinskaya oblast'. Atbasarskii uezd. [Akmola region. Atbasar county] Voronezh. [in Russian]

MKZ, 1905 – *MKZ* (1905). T.6. Semipalatinskaya oblast'. Karkaralinskii uezd. [The Semipalatinsk region. Karkaraly county] SPb. [in Russian]

MKZ, 1913 – *MKZ* (1913). sobrannyye i razrabotannyye Statisticheskoi Partiei Turgaisko-Ural'skogo pereselencheskogo raiona. Irgizskii uezd. [collected and developed by the Statistical Party of the Turgai-Uralsky resettlement area. Irgiz county] Orenburg. [in Russian]

MKZ, 1909 – *MKZ* (1909). v Semipalatinskoy oblasti. T.8. Zaisanskii uezd. Spetsial'naya chast' (s normami kyrgyzskogo zemlepol'zovaniya) i obshchie statisticheskie tablitsy. [The Semipalatinsk region. Zaisan district. A special part (with the norms of Kyrgyz land use) and general statistical tables.] SPb. [in Russian]

MKZ, 1913 – *MKZ* (1913). v Semirechenskoy oblasti, sobrannyye i razrabotannyye pod rukovodstvom P.P. Rummyantseva. [The Semirechensk region, assembled and developed under the direction of P.P. Rummyantsev] T.4. Vernenskii uezd. Kirgizskoe khozyaistvo. SPb. [in Russian]

MKZ, 1905 – *MKZ* (1905). sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. Semipalatinskaya oblast'. Karkaralinskii uezd. [collected and developed by the expedition to study the steppe regions. The Semipalatinsk region. Karkaraly county] T.6. SPb. [in Russian]

MKZ, 1915 – *MKZ* (1915). raiona reki Chu i nizov'ev reki Talasa Chernyaevskogo i Aulieatinskogo uezdov Syr-Dar'inskoy oblasti. [the Chu River area and the lower reaches of the Talas River in the Chernyaevsky and Aulieatinsky districts of the Syr-Darya region] Tashkent. [in Russian]

Mukanov, 1994 – *Mukanov M.S.* (1994). Kazak zherinin tarikhy. [History of Kazakh land] Almaty, 1994. [in Kazakh]

Mukanov, 1995 – *Mukanov M.S.* (1995). Istoricheskie vekhi v zhizni kazakhov na stranitsakh geroicheskogo eposa [Historical milestones in the life of the Kazakhs on the pages of the heroic epic] / Epos «Manas» kak istoriko-etnograficheskii istochnik. Tezisy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, posvyashchennogo 1000-letiyu eposa «Manas». Bishkek. [in Russian]

Myrzakhmetuly, 2006 – *Myrzakhmetuly E.* (2006). Atangan zheti zhasta Shozhe akyn [At the age of seven, Shozhe was named]. *Zhalyn*. № 1. [in Kazakh]

Ospanov, 2008 – *Ospanov K.* (2008). Urynhai kyrgyzy. [Kirghiz Urynhai] Shezhire: Derektekter men estelikter. Karagandy. [in Kazakh]

Potantin, 2005 – *Potantin G.N.* (2005). Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1876-1877 godakh po porucheniyu Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2 [Essays on North-West Mongolia. The results of the journey, performed in 1876-1877 on behalf of the Russian Geographical Society] / Potantin N.G. Trudy po etnografii i fol'kloru. Pavlodar. [in Russian]

Ualikhanov, 2010 – *Ualikhanov Sh.* (2010). Kyrgyzdar turaly zhazbalar [Notes on the Kirghiz] / Ualikhanov Sh.Sh. Kop tomdyk shygarmalar turaly zhinagy. T.2. Almaty. [in Kazakh]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan] [in Russian]

Findley, 2004 – *Findley C.V.* (2004). The Turks in world history. New York. 320 p.

Golden, 2011 – *Golden P.B.* (2011). Central Asia in World History. New York. 176 p.

Jacquesson, 2004 – *Jacquesson S.* (2004). *The Kyrgyz Before Sovietization: social structure, herding and management of pastoral resources.* Paper delivered at the seminar of the EHESS under the responsibility of Jean-François Gossiaux and André Bourgeot (CNRS/LAIOS/LAS). *Power and Territory: nomadic societies in transition, November 22.*

Lysenko, 2018 – *Lysenko Yu.A.* (2018). Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries). *Bylye Gody.* 47(1): 172-182.

Yunusbayev et al., 2015 – *Yunusbayev B. et al.* (2015). The genetic legacy of the expansion of Turkic-speaking nomads across Eurasia. *PLoS genetics.* T. 11. №4. С.е1005068

Историческое и этнодемографическое положение кыргызов в Казахстане

Майра Тасболатовна Раймбекова^{а, *}, Гульжан Сейдуалиевна Беделова^а

^а Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. В статье ключевым является определение вопроса о том, как постепенно на территории Казахстана обосновались представители кыргызского этноса, в чем заключалось их участие в процессе этнического развития и вклад в традиционную культуру. Актуальность данного исследования объясняется общностью исторических судеб родственных тюркских народов, населяющих эту территорию. Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о том, что исследуемые нами казахстанские кыргызы впервые компактно появились на территории Казахстана несколько столетий назад, этому способствовали историко-политические обстоятельства, естественные, мирные и немирные, добровольные и насильственные миграции. Так, отдельные разрозненные группы кыргызов попали сюда еще до образования Казахского ханства, другие – в годы нашествия джунгарских захватчиков, спасаясь от их преследования, третьи – в результате набегов казахских султанов и ханов на территорию Кыргызстана на протяжении XVIII–XIX столетий, четвертые – после подавления антикокандских и антироссийских выступлений в XIX – начале XX веков. Прошло несколько столетий, и эти народы, вместе пережившие немало потрясений, смешавшись не по своей воле, остались верны принципам добрососедства, продолжая поддерживать друг друга в любой ситуации и в то же время сохраняя свою этническую уникальность. И необходимо отметить, что саморазвитие каждой нации в обстоятельствах нынешнего общества нереально в отсутствии близкого взаимодействия, партнерства, обмена культурными ценностями, преодоления отчуждения, укрепления выгодных контактов. Тенденция к объединению усиливается с потребностью решения общих мировых проблем, которые стоят перед обществом. И эти тенденции связаны между собой, потому как разнообразие цивилизаций никак не приводит к их обособленности, а сплочение наций никак не стирает отличий меж ними.

Ключевые слова: этнодемография, кыргызы, этническая история, этнос, Центральная Азия, миграция, сотрудничество.

* Корреспондирующий автор

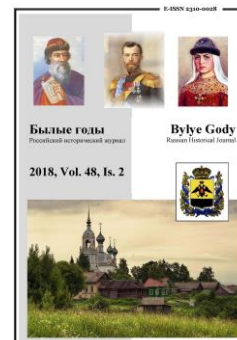
Адреса электронной почты: raymbekova.maira@gmail.com (М.Т. Раймбекова), gulzhanbedelova@gmail.com (Г.С. Беделова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 518-527. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.518
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Novo-Nakhichevan Magistrate: Origin, Structure, Functions

Levon V. Batiev^{a, *}, Sarkis S. Kazarov^b

^a Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b South Federal University, Russian Federation

Abstract

The Crimean Armenians in the XVIII century founded on the Don in Nakhchivan-on-Don and created their own special city authority Novo-Nakhichevan Magistrate. As the legal basis of its functioning, the Armenian judicial was used, brought by Archbishop Iosif Argutinsky from Astrakhan. The functions of the magistrate included the decision of judicial, police, economic issues and other issues related to urban management. The number of members of the magistrate was from five to six. The judicial power of the Armenian magistrate was divided into two parts – the Armenian and the Russian. The affairs of Armenians with Russians, as well as Russians, were subject to the jurisdiction of the Rostov Uyezd Court. The precept of the city to create a city дума up to 1870 actually remained unfulfilled. The post of mayor, which existed from the very foundation of the city, gained considerable weight. The court proceedings and reporting documents in the city were conducted in Armenian, which was somewhat of an anachronism and caused some inconvenience. Functions of the magistrate for 1780 – until the middle of the XIX century. have undergone a certain evolution. Since the beginning of the XIX century, the gradual reduction of the independence of the magistrate, connected with the curtailment of its functions, begins. Gradually, the Armenian magistrate seized judicial functions, and then police functions. All this was connected with the process of unification of legislation and public administration in the Russian Empire.

Keywords: Don Armenians, Nakhichevan-on-Don, city self-government, magistratus, city council. mayor.

1. Введение

Вопросы истории городского самоуправления в России всегда были в поле зрения отечественных историков. В этой связи определенный интерес представляет опыт создания и развития Ново-Нахичеванского магистрата, который был создан армянскими переселенцами из Крыма в 1780 г., сразу же после их переселения на Дон и основания нового моноэтнического города – Новой Нахичевани. Уникальность данного явления заключается в том, что в создании Ново-Нахичеванского магистрата воплотились как присущие армянам еще со времен их пребывания в Крыму черты общинного самоуправления, так и общие правила и положения, которые лежали в основе создания городских магистратов в других городах Российской империи.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные материалы. К опубликованным материалам относятся воспоминания И.М. Келле-Шагинова (Келле-Шагинов, 2015) и П.П. Филевского (Филевский, 1995). Первый являлся сыном члена Ново-Нахичеванского магистрата, а впоследствии – гласным Городской думы, второй – сыном секретаря того же магистрата. К неопубликованным источникам относятся материалы Национального архива Армении (НАА), которые отложились в фонде Ново-Нахичеванского

* Corresponding author

E-mail addresses: lbatiiev@yandex.ru (L.V. Batiev), ser-kazarov@yandex.ru (S.S. Kazarov)

магистрата (ф. 139). Они представляют собой финансовые и иные отчеты, деловую переписку, различные хозяйственные вопросы, отражают эволюцию органов городского самоуправления Новой Нахичевани. Многие материалы из НАА вводятся в научный оборот впервые. Исследование основано на принципах научности, историзма, объективности и междисциплинарности, ориентация на которые позволит исследователям изучить события прошлого в совокупности их многообразия и сложности, учитывая причинно-следственные связи и особенности определенной исторической обстановки. Принцип научности применялся при анализе источников (осмысление и интерпретация), в результате чего были обобщены различные идеи и мнения. Применение принципа историзма позволило исследовать деятельность магистрата с учетом особенностей той исторической эпохи, в которой она протекала. Принцип междисциплинарности дает возможность осмыслить исследуемую тему, используя аналитический язык нескольких дисциплин – истории и этнологии, юриспруденции и политологии.

3. Обсуждение

Образование, структура и деятельность Ново-Нахичеванского магистрата не стала предметом специальных исследований. Единственным исключением является работа Е.О. Шахазиза (Шахазиз, 1903), в которой были использованы отчеты магистрата. Написанная на армянском языке и изданная в начале прошлого века, на сегодняшний день она стала раритетом. Во всех остальных изданиях о Ново-Нахичеванском магистрате содержатся лишь краткие упоминания. В своей небольшой научно-популярной работе, посвященной переселению армян Крыма на Дон, А.М. Богданян дает краткое описание структуры магистрата, обязанностей его членов и особенностей судопроизводства в Новой Нахичевани в этот период (Богданян, 2006). В капитальной монографии В.Б. Бархударяна магистрат рассматривается как олицетворение автономии донских армян (Бархударян, 1996). Автор ограничивается лишь кратким описанием структуры магистрата и информацией о его полицейских функциях.

4. Результаты

Крымские армяне, переселенные на Дон в конце XVIII века, в числе льгот и привилегий, дарованных им Екатериной II, получили право создать магистрат, в котором можно было осуществлять суд в соответствии с армянскими законами и обычаями. Члены магистрата должны были избираться по жребию и могли получать жалование согласно *штату Азовской губернии. В городе же и в деревнях для защиты новообращенных подданных империи во всех необходимых случаях определялись коронные чиновники, которые не вмешивались в сам процесс судопроизводства* (ПСЗ, 20: 14942; 24, 18033).

Армянский магистрат был открыт в Нахичевани 14 января 1780 г. (Келле-Шагинов, 2015: 299; Шахазиз, 1903: 1). «На построение каменного здания деньги выделили из казны. При магистрате было пристроено помещение для арестованных, казарма для нижних чинов стражи, сарай и конюшня для пожарного обоза. ... В нем было две половины: присутствие и казначейство, а также канцелярия (Келле-Шагинов, 2015: 246). 11 мая 1780 г. Азовская губернская канцелярия определила: избранным из армянского населения председателю и четырем заседателям определить жалованье в размере: председателю – 120 рублей, заседателям – каждому по 100 рублей, секретарю – 150 рублей, канцеляристам – по 60 рублей, подканцеляристам – по 40 рублей, рассыльным – по 20 рублей, сторожам двум – по 15 рублей, на канцелярию – 100 рублей (Келле-Шагинов, 2015: 249).

Правовой основой магистрата стал Армянский судебник, привезенный около 1782 г. архиепископом Иосифом (Овсепом) Аргутинским из Астрахани. Сам судебник представлял книгу большого формата, написанную на толстой бумаге, и находился в здании магистрата, а затем, после его упразднения, – в местной Городской думе, наряду с другими официальными документами, пожалованными официальными властями донским армянам (Алексеев, 1870: 2). Армянский магистрат в Нахичевани «заведовал не только судебными делами, но и полицейскими, распорядительными, опекунскими и делами городского хозяйства, словом, чуть ли не всеми отраслями государственного управления» (Алексеев, 1870: 4). Для армян г. Нахичевани и пяти окрестных армянских сел, основанных переселенцами, в магистрате сосредоточилось все управление, полицейские дела и суд, который первоначально рассматривал не только гражданские, но и некоторые уголовные дела.

В 1781 г. членами магистрата были М. Бедросов, Е. Бабасинов, М. Иванов, А. Егияев (Егиазаров); в 1784 г. его присутствие составляли те же М. Бедросов, Е. Бабасинов, а также М. Висказиев (поручик Воскатов), А. Попов; в августе 1787 г. рапорт от магистрата подписали заседатели А. Егияев, М. Иванов, сотник С. Челехушев, К. Ованесов, К. Арутюнов, М. Асвадуров и секретарь Тимофей Любенков. Состав магистрата, как можно видеть, был довольно устойчивым (Келле-Шагинов, 2015: 246, 247, 249, 250). Секретарем магистрата с самого начала назначался русский, последним его секретарем был отец известного таганрогского историка Петр Филевский (Филевский, 1995: 168, 174). Членов магистрата вместе с председателем было пять человек. Однако в 1787 г. в качестве заседателей указаны шесть человек, возможно, в их числе был городской голова или представитель Совета попечителей (думы), возникшего в результате преобразований 1785 г.

Первая реформа самоуправления в Нахичевани связана с изданием «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. (ПСЗ, 22: 16187). Согласно ст. 157 предполагалось создание двухуровневой Городской думы. Городскую общую думу должны были составить городской голова и депутаты, избранные населением города от гильдии, цехов, иногородних, авторитетных граждан и посадского люда. Каждый депутат обладал правом одного голоса. Кроме думы, жители города каждые три года должны были избирать городского голову (ст. 31). В свою очередь, Городская дума из состава своих депутатов избирала так называемую шестигласную Городскую думу, в ее состав избирались представители городских обывателей, гильдейских, цеховых, иногородних и иностранных гостей, почетных граждан и посадских людей. Председательствовал в ней городской голова (ст. 164-165).

Однако в Нахичевани эта модель самоуправления не была применена в силу непривычности для населения. Разрешение этой коллизии описано в «Исторических зарисовках» Е. Шахазиза: духовный пастырь нахичеванских армян архиепископ Иосиф (Овсеп) Аргутинский после обращения к нему народа составляет «Дашнадругюн миабанутян» («Конвенция единства») – своего рода Устав города. На его основании создается Городская дума из двадцати четырех попечителей, которые 26-го мая 1795 года в присутствии архиепископа «поклонились на кресте и Библии свято хранить каждую статью этого устава и из поколения в поколение оставаться преданными его главным принципам» (Шахазиз, 1903: 14). Нахичеванский армянский магистрат сохранялся в прежнем виде. Его пять судей и двадцать четыре попечителя образовывали полный состав думы, который избирался из самых уважаемых членов общества и утверждался государственной властью сроком на три года.

«Помимо судей в магистрате служили секретарь (дьяк), переводчик, оринакох (копиист), староста, атенанет (секретарь судебного заседания, писарь), начальник тюрьмы» (Шахазиз, 1903: 2). Обязанности служителей магистрата, как и судей, достаточно подробно описаны в Армянском судебнике. Помимо постоянного состава магистрата, решавшего текущие вопросы в соответствии с Армянским судебником, в случае разногласий между судьями или несогласия сторон созывалась своего рода апелляционная инстанция – так называемый Суд 9-ти (ст. 32-33).

В конце XIX – начале XX вв. происходили изменения в административно-территориальном делении Новороссии, которые затрагивали и армянскую колонию на Нижнем Дону (ПСЗ, 22: 15910; 24: 17634; 27: 20449; Памятная книжка Таганрогского градоначальства на 1865 год, 1865: 171, 175). Однако весь этот период город Нахичевань и его сельская округа сохраняли автономию, подчиняясь в административном отношении то губернским властям, то таганрогскому градоначальству. В 1807 г. по предложению таганрогского градоначальника из-за неудобств, вызванных значительной отдаленностью Ростова, Нахичевани и Мариуполя от губернского центра в Екатеринославе, Александр I именным указом от 31 октября 1807 года, данным барону Б.Б. Кампенгаузену, повелел присоединить города Ростов, Нахичевань и Мариуполь к ведомству таганрогского градоначальства с осуществлением полицейского управления, а также контроля над торговлей и купеческими делами. По всем этим предметам управление должно состоять на тех же самых основаниях и обращаться в тех же пределах власти, которые установлены для управления Таганрогом. Казенная и судебная части, за исключением дел торговых, по которым предстояло обращаться в Коммерческие суды, как это было в самой Одессе и Таганроге, оставались в Ростове, Нахичевани и Мариуполе в существующей от губернского управления зависимости и отношениях (ПСЗ, 29: 22671). Годом позже, в ответ на прошение таганрогского градоначальника Б.Б. Кампенгаузена, последовал указ 12 июня 1808 года, которым все судебные места в названных городах были оставлены в «надлежащей связи с губернскими высшей инстанции местами, как в указе 1803 года генваря 27 предписано» (ПСЗ, 27: 20600, 20601), а градоначальнику предоставлено исключительное право надзора за присутственными местами «в соблюдении должного порядка по производству дел и в скорейшем оных отправлении». Кроме этого, градоначальнику решено было поручить также ревизию уголовных дел чиновников, относящихся к его ведомству, наделив его всеми полномочиями. Что же касалось уголовных дел жителей упомянутых выше городов, то они должны быть отсылаемы по-прежнему на рассмотрение и утверждение к гражданскому губернатору в Екатеринослав (ПСЗ, 30. № 23084; Памятная книжка Таганрогского градоначальства на 1865 год, 1865: 171).

Видимо, с этого времени начинается медленное, но неуклонное сокращение власти Нахичеванского магистрата. Прежде всего у армянского суда было отобрано право иметь кассационную инстанцию, состоящую из 9 человек, затем из-под его компетенции были выведены все долговые дела. Первое право имперские власти отнесли к юрисдикции областного суда, а второе – к кассационному суду города Таганрога (Шахазиз, 1903: 30-31). Известно и дело, послужившее поводом к вмешательству центральной власти: нахичеванцы Каялян и Бабикиан, недовольные решением армянского магистрата и суда девяти обратились с жалобой к властям губернии, которые использовали этот повод и, основываясь на пятой статье указа Екатерины II (ПСЗ, 20: 14942), приказали прекратить существование кассационной инстанции из девяти судей и любую жалобу на судебные решения отныне подавать в судебную инстанцию Екатеринослава. Нахичеванцы решили не обжаловать это решение у высших и губернских властей, и оно вступило в силу (Шахазиз, 1903: 30-31). Из дел Нахичеванского армянского магистрата видно, что город по исполнительной части находился под управлением и в распоряжении таганрогского градоначальника, по делам же по части

судебной и казенной – под ревизией, апелляцией и отчетами Екатеринославского губернского правления: казенных, уголовных и гражданских палат (Чалхушьян, 1999: 111).

Так, например, когда в связи с делом о фальшивомонетничестве в 1856 г. не были допущены к выборам председателя и заседателей магистрата ранее исполнявший обязанности председателя Е. Хатранов и заседатели А. Красильников и К. Маслинов, таганрогское градоначальство заставило магистрат под угрозой предания суду исправить незаконное решение по поводу названных лиц (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 104. Л. 61-62, 32-32 об., 36 об., 39-39 об.).

В 1843 г. особый статус Нахичевани, и в частности ее право судить по собственным законам, привлекли к себе пристальное внимание петербургских сановников в связи с ревизией таганрогского градоначальства. По частному поручению сенатора М.Н. Жемчужникова в 1848 г. Армянский судебник был переведен на русский язык переводчиком Нахичеванского магистрата М. Кушнаревым вместе с Ф. Хамдамовым. Верность судебника, поднесенного сенатору Шахматову с подписью, засвидетельствована председателем Нахичеванского армянского магистрата, двумя заседателями и письмоводителем армянских дел того же магистрата (Алексеев, 1870: 7). Судебник был изучен во втором отделении Собственной Его Величества канцелярии. Как стало ясно, II отделение выявило, что хотя он не полон и во многих случаях непонятен, но вместе с тем заключает в себе по некоторым отделам такие правила, которые не содержатся в Своде законов, но которые при ближайшем рассмотрении кажутся справедливыми и разумными, к тому же привычными для нахичеванских армян (Вечерняя газета, 1872). В итоге, несмотря на то, что судебник был составлен частными лицами, по всеподданнейшему докладу Главноуправляющим II Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии, статс-секретарем графом Блудовым, удостоенном Высочайшего утверждения 11 марта 1848 г., нахичеванским армянам было оставлено право решать гражданские дела на основании собственных законов и обычаев до издания нового для империи гражданского уложения (Вечерняя газета, 1872). Более того, как с явным неудовольствием позднее сообщала столичная пресса, «по домогательству их, в 1851 году, эти права все более были увеличиваемы распространением действия их Армянского судебника и на дела торговые» (Вечерняя газета, 1872).

Несмотря на подчинение таганрогскому градоначальству, в Нахичевани сохранялся свой суд. Дела, возникающие между одними только армянами, ведались по Армянскому судебнику, на неограниченную сумму (Келле-Шагинов, 2015: 297). Эта привилегия была предметом острой зависти соседнего Ростова. В 1857 г. в Министерстве юстиции рассматривался вопрос об учреждении в Ростове коммерческого суда с подчинением ему Нахичевани и Азова. Но, когда 20 июня 1858 г. Ростову предложили возложить на ростовские судебные места обязанность разбора коммерческих дел на основании коммерческих уставов с приглашением заседателей из местных купцов, которые с этой бы целью выбирались на непродолжительное время, от четырех до шести месяцев, дума отклонила это предложение.

Таким образом, к середине XIX в. Нахичевань сохраняла созданную еще в конце XVIII в. общую структуру органов самоуправления и, хотя и с ограничениями, административно-судебную автономию. Руководство Нахичевани на запрос из канцелярии таганрогского градоначальника об организации власти в городе и округе ответило, что в городе Нахичевани находится Армянский Магистрат, в составе которого Городская дума, городская и земская полиции Нахичеванского округа, Сиротский суд и городской голова, заведующий сбором городских доходов и добровольных взносов местного купечества и мещан, а также расходами. Членами магистрата являются его председатель и четыре заседателя, служащими канцелярии – секретарь и шестнадцать канцелярских чиновников на действительной службе (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20). На содержание магистрата с подведомственными ему полицейской и пожарной командами и др. служителями (врач, тюрьма и пр.), за исключением канцелярии городского головы, расходовалось 11 398 руб. серебром, в том числе – от казны 545 руб. и из городских – 10 853 руб. 35 коп. (НАА. Фонд 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20об.). В официальном издании «Городские поселения в Российской империи» в этот период указывается на присутствие магистрата, которое состоит из председателя, определяемого по назначению от правительства, четырех заседателей, городского головы и мещанского старосты по выбору. Помимо них в издании в числе городских органов власти называются также Сиротский суд и Городское депутатское собрание (Городские поселения, 1861: 205). Городской голова, председатель и заседатели избираются через каждые три года из городских купеческого мещанского и поселенского армянского общества и утверждаются таганрогским градоначальником, как и прочие чины (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20об.). К началу 1860-х годов магистрат находился в городском доме. По описанию современников, помещение было удобным, но ветхим, неопрятным и требовало больших переделок. В магистратском дворе была большая арестантская изба с 4-мя комнатами на 40 человек (Судебно-статистические сведения, 1866: 57).

По замыслу отца-основателя Городская дума или Совет попечителей должны были совместно с магистратом решать все вопросы жизни города и его сельского округа. В соответствии п. 9 Устава города попечители каждую субботу собирались в магистрате и заседали вместе с судьями под председательством городского головы с восьми часов утра и до двенадцати часов дня (Шахазиз, 1903: 18-19). Отсутствующие в городе по важным делам обязаны были сообщать об этом, а остальные должны были непременно присутствовать в думе, если только не болели и не имели других

уважительных причин. Попечители, не выполняющие свои обязанности и относящиеся к делам безответственно, после двух-трех предупреждений, согласно Уставу, могли быть исключены из состава думы (Шахазиз, 1903: 17-18). Однако на самом деле Городское депутатское собрание (Городская дума) существовало лишь условно, фактически сойдя к этому времени на нет.

Об отсутствии в Нахичевани в середине XIX в. думы писал И.М. Келле-Шагинов (Келле-Шагинов, 2015: 297). Но подробности этого процесса известны из сочинения Е. Шахазиза. С течением времени, отмечал историк Нахичевани, власть отнимает у Городской думы право требовать отчет у городского головы и у других чиновников хозяйственной части города, остается только право совета городского голове, и вообще вопрос отчетности этой части города подчиняется юрисдикции областного правительства. Городские головы же, пользуясь обстоятельством, старались выйти из-под контроля 24-х и стать совершенными автократами. Они становились своевольными во всех делах, действовали под собственную ответственность, не принимая во внимание мнение попечителей, даже не приглашая их на совет, а часто советуясь с ними лишь для формальности. С другой стороны, народ тоже своим достойным осуждения безразличием содействовал закрытию Городской думы. Изменения, произошедшие в армянских учреждениях, были настолько радикальны, что в последнее время никто больше не желал быть попечителем, судьей и даже избираться городским головой, хотя первоначально это было честью и уважением (Шахазиз, 1903: 32-34).

О Городской думе нахичеванцы и представители пяти армянских сел вспомнили через 60 лет после ее учреждения в связи с тем, что в Министерстве внутренних дел было принято решение центральных властей «о преобразовании городского управления в некоторых городах Новороссийского края и Бессарабской области» (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 4). В Общественном приговоре от 28 июня 1858 г. представители города и пяти армянских сел, ссылаясь на коренной порядок, основанный на существующих издревле обычаях, по которому при общих выборах членов магистрата в прежнее время избирали городского голову с назначением при том попечителей общества в количестве 24-х человек из почетнейших членов общества для совещания вместе с городским головой по вопросам городских нужд и для составления городского совета. Было решено предоставить магистрату совместно с городским головой ходатайства об оставлении установленного предками донских армян порядка, назначить из своей среды 24 опекуна для решения общественных дел и для оказания помощи городскому голове – четырех граждан, которые будут находиться в его непосредственном подчинении для исполнения различных поручений, относящихся к ведению городского хозяйства (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 33-34об.). Вновь с идеей создания Совета опекунов мы встречаемся в 1866 г. В письме нахичеванскому городскому голове 23 января 1866 года указывалось, что впредь до утверждения и введения в городе общественного управления на новых началах единственным средством к временному улучшению нынешнего управления общественными делами города Нахичевани может послужить назначение к городскому голове до двадцати четырех опекунов с правом совещательного голоса в делах городского хозяйства и до четырех граждан в помощь ему по заведованию городскими оброчными статьями, по сбору доходов и других дел (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 2).

В июне 1866 г. опекуны – уже действующий орган, члены которого заявляют, что их обязанностью является обсуждение только тех вопросов, которые относятся к городскому общественному хозяйству: изыскание средств увеличения городских доходов и устройство хозяйственной части (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 17, 20). В сентябре 1867 г. именно опекуны выносят постановление о расходах, произведенных членами магистрата (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 223. Л. 29-29). 14 августа 1869 г. Управление генерал-губернатора шлет депеши «господину Нахичеванскому городскому голове и опекунам при нем по городскому хозяйству» (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 249. Л. 16). Любопытно, что решение о возможности создания такого органа в соответствии «с желанием самого городского общества, выраженным приговором 28 июня 1857 г.», было утверждено генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии П.Е. Коцебу позднее – 28 декабря 1870 г. (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 2).

В отличие от думы должность городского головы, которая была создана вместе с думой, не только не исчезла, но и напротив, явно приобрела больший вес и значение. По общему порядку городской голова избирался на три года, но в середине XIX в. этот принцип был нарушен. В мае 1857 г. по запросу таганрогского градоначальника от 7 декабря 1857 г. (повторные предписания состоялись 21 января и 17 апреля 1858 г. (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 10, 12-12 об.)), в Нахичеванском армянском магистрате был составлен именной список городских голов, бывших в Нахичевани с начала образования в ней общества и до 1857 года (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 6-6 об., 14). Из него видно, что вплоть до 1842 г. четко соблюдался принцип сменяемости и трехлетний срок исполнения обязанностей городского главы. С 1832 по 1836 г. главой города был коллежский экзекутор Артем (Арутюн) Халибов, и он же уже в чине коллежского регистратора – в период с 1842 по 1854 гг. Очевидно, именно при нем городской голова приобрел наибольшее влияние. Проблемный характер управления А. Халибова описан в монографии В.Б. Бархударяна (Бархударян, 1996: 374-387).

В 1849 г. в канцелярии городского головы работали писмоводитель с жалованьем 108 руб. серебром, писарь с жалованьем 45 руб. и сторож – 48 руб. В 1850–1851 гг. писарь исчезает из штата, а в 1852 г. прибавляются помощник писмоводителя, копиист и рассыльный (его функции выполнял

обычно сторож, которого нет в списке на 1852 г.), в 1853 г. – конный служитель. Жалование работников также увеличилось: производитель дел получал уже 249 руб., сторож – 90 руб. Количество дел в канцелярии уменьшилось (за исключение 1850 г.). В 1852 г. резко снизились и расходы на покупку материалов «для магистрата, полицейского отделения и канцелярии городского головы» – почти на 20% на канцелярию (по сравнению с 1849 г.) и более чем в два раза по сравнению с 1850–1851 гг. – на отопление (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 10-16 об.). В ответе на запрос градоначальника Таганрога в 1854 г. Нахичеванский городской голова и магистрат указывают, что в канцелярии городского головы решаются вопросы, касающиеся только сбора и расхода городских доходов и расходов в интересах нахичеванских жителей. Все же прочие дела, относящиеся к компетенции Городской думы, рассматриваются в Нахичеванском армянском магистрате (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 16 об.). Но влияние головы на городские дела было несоизмеримо больше, чем просто дела по поводу сбора и расходования налогов и добровольных сборов, хотя ясно, что именно возможность непосредственно управлять денежными средствами давала городскому голове максимум власти.

Армянский магистрат продолжал осуществлять полицейскую и, в усеченном виде, судебную власть. Отделение полицейской власти от судебной в Мариуполе и Нахичевани было предусмотрено уже в 1859 г. Предполагалось судебную власть в городе отделить от власти полицейской, предоставив первую Мариупольскому греческому суду и Нахичеванскому армянскому магистрату. Городскую полицию в Мариуполе и Нахичевани и земскую в их округах планировалось реорганизовать на общем основании с назначением в города особых полицмейстеров или городничих (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 131). Помимо этого, магистрат и мещанский староста осуществляли еще целый ряд функций, характерных для органов юстиции. Так, из ответа на запрос из канцелярии таганрогского градоначальника нахичеванскому городскому голове и армянскому магистрату явствует, что в магистрате производилась продажа гербовой простой, крепостной бумаги и паспортных бланков для купцов, мещан и поселян армянского происхождения, проживающих в Нахичеванском округе и соответственно их выдача (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20 об.). Перечень разнообразных функций, реализуемых магистратами и ратушами в России, можно оценить по указу 13 апреля 1866, который упразднял указанные органы и определял последующую подведомственность соответствующих дел (ПСЗ, 41: 43183).

Судебная власть армянского магистрата разделялась на две части: армянскую и русскую. Дела армян с русскими, а также русских между собою подлежали ведению Ростовского уездного суда (Алексеев, 1870: 2). В армянской части первоначально рассматривались все дела, но с течением времени уголовные дела стали решаться на основании общих законов Империи, и таким образом остались действующими одни только гражданские и торговые постановления судебного (Алексеев, 1870: 5). Причина, по которой уголовные дела не рассматривались в армянской части, по мнению Е. Шахазиза, состояла в том, «что армянам не дано было право совершать суд крови, требуемый Армянским судебником» (Шахазиз, 1903: 1-2).

Суд осуществлялся тремя судьями, первый из них одновременно являлся председателем русской судебной части и всегда должен был находиться в суде, кроме болезни и других уважительных случаев, потому что без его присутствия ни в русской, ни в армянской части невозможно было составить суд. Второму судье были переданы дела по попечительству, которые требовали его постоянного присутствия во время составления списков разных предметов, их оценки и других подобных действий, а третий был обязан заменять председателя, если он отсутствовал, и судил предложенные устно дела. Именно этот суд и назывался «словесный суд» (Шахазиз, 1903: 2-3).

В соответствии с указаниями Армянского судебного и сам суд, и прием заявлений должны были происходить в магистрате, так как судьи по отдельности, вне суда, не имели власти и прав ни по отношению друг к другу, ни над судящимися. Судьи могли осуществлять судопроизводство только в здании суда, а не вне его, ибо в противном случае, замечает Судебник, «учреждение судебных мест было бы излишним»; по этой причине осуждение вне суда признавалось недействительным (ст. 11) (Алексеев, 73; Шахазиз, 1903: 3). Организация судебного присутствия оговорена в Армянском судебнике в пяти статьях главы IV «О присутствии и назначенных для служащих местах»: «посередине стоящего в суде деревянного стола сидит главный судья, с правой руки от него занимает место второй судья, а с левой – третий. ... Дьяки должны находиться за особым столом, «имея пред собою все нужные для прочтения пред судьями бумаги и книги, а в особенности настоящую книгу законов» (Алексеев, 1870: 75).

Армянский суд проводился на армянском языке. Для вынесения решения в делах Армянский судебник в главе 1. «О лицах в судебном месте» требовал не менее 3-х судей по причине того, что один или двое судей могли часто ошибаться. И хотя один из них назывался главным (председатель), тем не менее он при решении вопросов был равен остальным, которые ему вовсе не подчинены; председатель, по сути, являлся первым между равных (Алексеев, 1870: 72). Армянский судебник ограничивал срок судебного разбирательства тремя месяцами со времени поступления дела в суд (Алексеев, 1870: 73). Относительно эффективности работы суда и краткости разбирательства в источниках встречаются противоречивые указания. Так, Е. Шахазиз, ссылаясь на ежедневные журналы суда за 1803–1805 годы писал о том, что дела решались легко, без излишних документов и

формальностей и, что главное, за короткое время: самым долгим сроком рассмотрения дела судьями было три месяца, в том числе и дел сложных и трудноразрешимых. Очень мало из дел было отложено, а огромное большинство получило свое решение в тот же день (Шахазиз, 1903: 8). Но применительно к середине XIX в. К. Алексеев говорит о нарушении сроков рассмотрения дел, ссылаясь на указ Екатеринославского губернского правления Нахичеванскому магистрату от 22 ноября 1866 года, за № 11762, где отмечалось, между прочим, что в Нахичеванском магистрате в течение 2,5 лет не было решено ни одного уголовного дела (Алексеев, 1870: 73). Эта оценка, по сути, повторяет уже известные сведения другого источника о том, что в Армянском магистрате «уголовные дела решаются очень медленно: за 2,5 года не решено ни одно дело», а «за членами магистрата числится неоконченных следствий прежних годов 338, неоконченных дознаний – 141» (Судебно-статистические сведения, 1866: 56). Из ведомостей видно, что магистрат решает преимущественно гражданские сделки, а его члены равнодушны к преступлениям (Судебно-статистические сведения, 1866: 57). Вывод авторов издания был однозначным: необходимо переустройство суда и полиции в Нахичевани на общих началах: «новые учреждения разобьют кору невежества, в котором коснеют нахичеванцы и им же принесут пользу» (Судебно-статистические сведения, 1866: 58).

К середине XIX в. порядки в магистрате были далеки от тех строгих установок, которые были заложены Иосифом (Овсепом) Аргутинским и еще ранее закреплены в Армянском судебнике. Реальная практика управления и суда хорошо представлена в мемуарах И.М. Келле-Шагинова. Вот как он описывает будни магистрата в 1857–1860 гг.: обычно городской голова, председатель и заседатель магистрата собирались по два определенных дня в неделю по очереди у каждого из них. Обсуждение и решение текущих дел происходило, между прочим, за игрой в преферанс на дому у кого-то из них (это понятно, городского клуба тогда еще не было). Компанию им составлял секретарь магистрата – Василий Васильевич Волковицкий, хороший и веселый человек, по словам И.М. Келле-Шагинова. Обычно собирались к вечеру, часам к шести, и после чаепития садились за карты, расходясь по домам уже поздним вечером. Присутствовавший здесь же секретарь по очереди сообщал о том или ином вопросе, его обсуждали коллегиально и, всегда приходя к консенсусу, поручали секретарю оформить все это документально. Так за преферансом в непринужденной обстановке и решались важные все дела (Келле-Шагинов, 2015: 36).

Секретарь магистрата, функции которого описаны в семи статьях главы V Армянского судебного, должен был занимать заметное место в работе суда. Как указывал таганрогский историк П.П. Филевский, описывая 1860-е годы в Нахичевани, «это был единственный человек в городе, юридически сведущий, к тому же и вполне образованный и владевший пером» (Филевский, 1995: 168). Секретарь (дьяк) обязан был вести три книги: входящую дел и бумаг, исходящую (переводчик судебного называет их, вероятно, по не совсем твердому знанию русского языка приходящую и отходящую) и журнал, в котором записывалось вкратце содержание всех судебных определений. Но, помимо таких «технических» функций, он должен был читать судьям все указы, определения, прошения и, главным образом, наблюдать, чтобы все судебные приговоры были согласованы с законами; поэтому он должен был знать законы так, чтобы в нужный момент мог разрешать вопросы судей (Алексеев, 1870: 76). То есть это был род российского стряпчего дореформенного периода со всеми его недостатками. При наличии двойственного правового статуса (как секретарь он подчинялся судьям, но в то же время обязан был давать им указания и следить за законностью приговоров) секретарь фактически был в полном подчинении судей магистрата. На это указывали и авторы отчета о состоянии дел в судебно-полицейской сфере в середине XIX в.: стряпчий магистрата одновременно являлся и его секретарем. Однако в Нахичевани роль стряпчего была второстепенной из-за активной роли членов магистрата, «строго держащихся правила устранять всякое влияние начальства на их дела» (Судебно-статистические сведения, 1866: 57).

В Министерстве внутренних дел уже в 1854 г. рассматривался вопрос об учреждении Городской думы вместо магистрата. На местах в это же время в срочном порядке готовили необходимые справки и предложения. В Нахичевани Городской голова и магистрат по этому поводу подготовили ответ, в котором просили при решении вопроса отнести Нахичевань не к низшему, а ко второму разряду и соответственно штату этого разряда распределить отпускаемую на содержание канцелярии городского головы сумму 813 руб. 50 коп. с тем, чтобы 73 руб. 50 коп. назначить вдобавок к жалованью по предписанному в проектном штате секретарю, так как в Нахичевани секретарь, кроме русской словесности и законоведения, должен знать и армянскую словесность; при предполагаемом же по штату жалованьем 170 руб. серебром отыскание его будет затруднительно (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 17-17 об.). Городской голова, ссылаясь также на магистрат, выражал готовность не только на реформы, но и на дополнительные сборы с населения города на соответствующие расходы. По его словам, если городских доходов будет недостаточно, то местное армянское общество, будучи убеждено, что указания вышестоящих властей направлены на благо общества, всегда будет готово на дополнительные расходы (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 18). Черновик этого ответа сохранился в архиве. Однако дело явно затягивалось. В мае 1857 г. таганрогский градоначальник М.А. Лавров 1-й, согласно требованию министра внутренних дел, предписывает Городскому голове Аладжалову совместно с магистратом немедленно собрать городское общество и для правильного и точного ведения городского хозяйства принять к рассмотрению вопрос, не следует ли образовать в Нахичевани на

общих правах Городскую думу, и если это будет признано возможным и необходимым, то представить на дальнейшее соображение проект штата. О принятом решении градоначальник просит как можно скорее поставить его в известность (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 23-23 об.).

Вопрос об окончательном закрытии магистратов и ратуш был решен 13 апреля 1866 г., когда был издан соответствующий закон (ПСЗ, 41: 43183), и император повелел «осуществить упразднение магистратов и Судебных ратуш в течение нынешнего 1866 года» (ПСЗ, 40: 42587). Небольшая возможность для маневра оставалась в связи с тем, что «Правила об упразднении магистратов и Судебных Ратуш» давали право в тех городских поселениях, где эти магистраты заведовали и делами городского хозяйства, впредь до общего преобразования городского общественного управления предоставить решить Министру внутренних дел, учитывая местные обстоятельства, учредить или Городские думы на общем основании, или же некое «упрощенное общественное управление» (ПСЗ, 40: 42587). Мнение самих нахичеванцев было выражено 27 июня 1866 г.: Нахичеванское городское общество всех сословий (не менее двух третей наличных домохозяев), в своем собрании под председательством исполняющего должность городского головы Савелия Каялова, желая уяснить, насколько вводимое новое судопроизводство будет соответствовать традициям местного общества, постановило этот вопрос для первичного обсуждения передать на рассмотрение попечителей городского общественного Управления, пользующихся особым доверием общества. Заключение их по этому вопросу именитые жители города просили передать для дальнейшего распоряжения общества. Приговор городского общества был подписан на русском и армянском языках 108-ю его представителями (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 17-19; Шахазиз, 1903: 36). Через день, 29 июня, так называемые опекуны Нахичеванского городского хозяйственного управления, заслушав решение собрания Нахичеванского городского общества, состоявшегося 27 числа, определили: не находя себя вправе судить о предложенном предмете, они, однако, согласились выполнить пожелания общества, но при условии: когда по усмотрению городского головы будет назначен день собрания, их об этом оповестят (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 20-21; Шахазиз, 1903: 30-31). Соответствующее собрание с приглашением «и других опытных и почтеннейших граждан для общего участия в этом обсуждении» было назначено на 30 июня в доме Лазаревой (НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 21). Но все было бесполезно. Нахичеванцы смогли лишь отсрочить реформы. Упразднение Армянского магистрата Нахичевани происходило довольно сложно и заняло несколько лет. Но это уж предмет отдельного исследования.

5. Заключение

История Нахичеванского магистрата представляет собой оригинальный образец существования в рамках централизованной империи органа самоуправления и суда национально-территориального образования, в основании которого лежали «права и преимущества», дарованные верховной властью переселенцам из Крыма. Структура магистрата, порядок деятельности и полномочия, в том числе право суда по всем гражданским и торговым делам, армянский язык внутреннего делопроизводства и суда, правовая основа функционирования (Армянский судебник, написанный в Астрахани по сути частными лицами) – все это демонстрировало определенную степень автономии Нахичевани-на-Дону, давало ему определенные преимущества и не могло не раздражать соседей, не обладавших подобными привилегиями. Энергичное экономическое развитие региона после отмены крепостного права, этно-демографические изменения в составе населения, общие буржуазно-демократические реформы и стремление к унификации государственного механизма привели к неизбежной отмене дарованных привилегий и, вопреки возражениям нахичеванского общества, устройению управления и суда на общих началах.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ 16-01-00319 «Донские (крымские) армяне: интеграция в российское общество и сохранение национальной идентичности»

Литература

- Алексеев, 1870 – Алексеев К. Изложение законоположений в Армянском судебнике. М., 1870. 89 с.
- Бархударян, 1996 – Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. 1779–1917. Ереван, 1996. 528 с.
- Вечерняя газета, 1872 – Вечерняя газета, 22 февраля 1872, № 51.
- Городские поселения, 1961 – Городские поселения в Российской империи. Т. 2. СПб., 1861. 589 с.
- Келле-Шагинов, 2015 – Келле-Шагинов И.М. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов-на-Дону, 2015. 320 с.
- НАА – Национальный архив Армении.
- Памятная книжка, 1865 – Памятная книжка Таганрогского градоначальства. Таганрог, 1865. 263 с.
- ПСЗ, 20 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 20. СПб., 1830.
- ПСЗ, 22 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 22. СПб., 1830.

- ПСЗ, 24 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 24. СПб., 1830.
 ПСЗ, 27 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 27. СПб., 1830.
 ПСЗ, 29 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 29. СПб., 1830.
 ПСЗ, 40 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 40. СПб., 1865.
 ПСЗ, 41 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 41. СПб., 1866.
 Судебно-статистические, 1866 – Судебно-статистические сведения и соображения. Ч. I. СПб., 1866. 483 с.
 Филевский, 1995 – Филевский П.П. Нахичевань и нахичеванцы // *Донской временник*. Год 1996. С. 168-174.
 Шахазиз, 1903 – Шахазиз Е. Исторические зарисовки. Тифлис, 1903. 239 с. [на армянском].
 Чалхушьян, 1999 – Чалхушьян Г.Х. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону // *Донской временник*. Год 1999. С. 110-148.

References

- Alekseev, 1870 – Alekseev K. (1870). Izlozhenie zakonopolozhenij v Armjanskom sudebnike [Statement of provisions in the Armenian court]. М. 89 p. [in Russian]
 Barhudarjan, 1996 – Barhudarjan V.B. (1996). Istorija armjanskoj kolonii Novaja Nahicheven'. 1779-1917. [The history of the Armenian colony New Nakhichevan]. Erevan, 1996. 528 p. [in Russian]
 Vechernjaja gazeta, 1872 – Vechernjaja gazeta, 22 fevralja 1872, № 51.
 Gorodskie poselenija, 1861 – Gorodskie poselenija v Rossijskoj imperii [Urban settlements in the Russian Empire]. Т.2. СПб., 1861. 589 p. [in Russian]
 Kelle-Shaginov, 2015 – Kelle-Shaginov I.M. (2015). Moja edinstvennaja zhizn'. Dnevniki i vospominanija [My only life. Diaries and memories]. Rostov-na-Donu, 2015. 320 p. [in Russian]
 NAA – Nacional'nyj arhiv Armenii [National Archives of Armenia]
 Pamjatnaja knizhka, 1865 – Pamjatnaja knizhka Taganrogskogo gradonachal'stva [Memorable book of the Taganrog city government]. Taganrog. 263 p. [in Russian]
 PSZ, 20 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Т.20]. СПб., 1830 [in Russian]
 PSZ, 22 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Т.22]. СПб., 1830 [in Russian]
 PSZ, 24 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Т.24]. СПб., 1830 [in Russian]
 PSZ, 27 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Т.27]. СПб., 1830 [in Russian]
 PSZ, 29 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Т.29]. СПб., 1830 [in Russian]
 PSZ, 40 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Т.40]. СПб., 1865 [in Russian]
 PSZ, 41 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Т.41]. СПб., 1866 [in Russian]
 Судебно-статистические, 1866 – Судебно-статистические сведения и соображения. [Judicial and statistical information and considerations] Ch.I. СПб., 1866. 483 p. [in Russian]
 Филевский, 1995 – Филевский П.П. (1995). Nahichevan' i nahichevancy [Nakhchivan and Nakhichevan residents]. *Донской временник*. pp. 168-174 [in Russian]
 Shahaziz, 1903 – Shahaziz E. (1903). Istoricheskie zarisovki. [Historical sketches]. Tiflis. 239 p.
 Chalhush'jan, 1999 – Chalhush'jan G.H. (1999). Istoricheskaja zapiska o gorode Rostove-na-Donu [Historical note about the city of Rostov-on-Don]. *Донской временник*. pp. 110-148. [in Russian]

Ново-Нахичеванский магистрат: происхождение, структура, функции

Левон Владимирович Батиев ^{a,*}, Саркис Суренович Казаров ^b

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Переселенные в XVIII в. на Дон и основавшие там г. Нахичевань-на-Дону крымские армяне создали свой особый орган городского управления – Ново-Нахичеванский магистрат. В качестве правовой основы его организации и функционирования использовался Армянский судебник, привезенный архиепископом Иосифом Аргутинским из Астрахани в начале 1780-х гг. В функции магистрата входило решение вопросов судебных, полицейских, хозяйственных и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lbatiev@yandex.ru (Л.В. Батиев), ser-kazarov@yandex.ru (С.С. Казаров)

других, связанных с управлением. Членов магистрата насчитывалось пять человек. Судебная власть армянского магистрата разделялась на две части – армянскую и русскую. Дела армян с русскими, а также русских между собою находились в ведении Ростовского уездного суда. Судопроизводство и отчетная документация в городе велись на армянском языке, что являлось своего рода анахронизмом и вызывало определенные неудобства. Функции магистрата на протяжении с 1780 – до середины XIX в. претерпели определенную эволюцию. Должность городского головы, которая существовала с самого основания города, приобрела значительный вес. В Министерстве внутренних дел уже в 1854 г. рассматривался вопрос об учреждении Городской думы вместо магистрата, однако это предписание городу вплоть до 1870 г. оставалось невыполненным. С начала XIX века начинается постепенное сокращение самостоятельности магистрата, связанное с урезанием его функций: постепенно были изъяты судебные, а затем и полицейские функции. Все это было связано с процессом унификации законодательства и государственного управления в Российской империи.

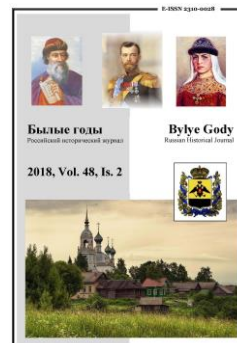
Ключевые слова: донские армяне, Нахичевань-на-Дону, городское самоуправление, магистрат, дума, городской голова.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 528-537. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.528
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822)

Natalia D. Borshchik ^{a,*}, Elena V. Latysheva ^a, Dmitriy A. Prohorov ^a

^a V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The study of various aspects of the history of customs business in Russia is among the priority tasks facing modern historical science: the search for new economic instruments logically leads to the restoration of the functions of the customs authorities as a regulator of international economic relations, stabilization of the financial system, etc. The events of "Russian spring" attach particular relevance to it, when in 2014 the Crimean Peninsula was returned to the Russian Federation, resulting in formation of Crimean customs in the structure of the Federal customs service of the Russian Federation. Complex integration processes, problems of adaptation of power structures at all levels and the Crimean society as a whole to the modern Russian realities force to turn to the historical experience of nation-building, the interaction of political and social institutions of society, the history of everyday life. On the eve of the 235th anniversary of the entry of Crimea into the Russian Empire it is appropriate to draw a certain historical parallel between the events of past two hundred years and the present time.

The main purpose of the research is to study the activities of the customs authorities of the Crimean Peninsula in 1783–1820, including the analysis of the legal basis of the Crimean customs and material, technical and financial support of the Crimean customs authorities. The first chronological date is connected with the entry of the Crimean Peninsula into the Russian Empire and fundamental changes in the customs sphere, which directly affected the Crimean Peninsula: customs institutions were reorganized or created anew, the regime of "Porto Franco" was introduced etc. The end date is connected with the beginning of activity of essentially new establishments – the border customs guard, introduced at the end of 1820s – and acceptance of the Customs tariff of 1822.

Direct sources were the documents stored in the Russian state historical archive and the State archive of the Republic of Crimea. Also the documents of the departments of local history and departments of rare books of the largest Crimean libraries were attracted – A. H. Steven scientific library "Taurica", I. Franko scientific library, scientific library of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

The use of a set of general scientific methods (typology, comparison, etc.) made it possible to ensure the reliability of the results on the problem studied. In this paper, we have used interdisciplinary and comprehensive approaches to the study of the topic, which allowed us to illustrate the actions of Russian authorities aimed at the integration and development of Crimea in the early years after the region's entry into the Russian State.

Keywords: Russian Empire, XVIII – XIX centuries, the Crimean Peninsula, the customs authorities.

1. Introduction

Modern customs bodies of the Republic of Crimea have begun their history since the end of the 18th century. In 1783, Crimea officially became the part of the Russian Empire, and the ruling circles used the current situation to develop new methods of management and regulation in all spheres of life in the acquired

* Corresponding author

E-mail addresses: arktur4@rambler.ru (N. Borshchik), elenakfu@yandex.ru (E.V. Latysheva), prohorovida@yandex.ru (D.A. Prohorov)

territories. Crimea, which for several centuries has played a key role in domestic and foreign trade in the Azov-Black Sea region, has to revive its positions in the modern Russian reality. The study of the historical experience of previous generations can indicate the origins of possible contemporary problems in integration processes and the possible ways of their solving.

2. Materials and methods

The basis of this study comprises published and unpublished sources, concentrated in the Crimean libraries and archives (State Archive of the Republic of Crimea (*Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Krym – GARK*), A. Steven's Scientific Library "Taurika", I. Franko Scientific Library, Scientific Library of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.) Some materials from the funds of the Russian State Historical Archive (*Rossiiskiy Gosudarstvennyi Istoricheskiy Arkhiv – RGIA*), St. Petersburg, are also attracted. In particular, the profile funds (hereinafter –f.) of the Crimean customs outposts, which began their activity in the 1780s – early 19th century, are informative in GARK (f. 221 "*Feodosiyskaya Portovaya Tamozhnya*" (Feodosia Port Customs), f. 369 "*Kozlovskaya (Gyozlevskaya)/ Yevpatoriyskaya portovaya tamozhnya Tavricheskoy oblastnoy kazennoy palaty*" (Kozlovskaya (Gyozlevskaya) / Eupatoria Port Customs of the Taurida Regional Official Chamber.) The most important for studying the history of creation of customs bodies in Taurida region, formed in 1784, were materials deposited in the f. 799 "*Tavricheskoye Oblastnoye pravlenie*" (Taurida Regional Board), f. 801 "*Yekaterinoslavskiy i Tavricheskiy general-gubernator P.A. Zubov*" (Ekaterinoslav and Taurida Governor General P.A. Zubov), f. 802 "*Komanduyushchiy sukhoputnymi voyskami, raspolozhennymi v Krymu i yuzhnykh guberniyakh i flotami v Chernom i Kaspiyskom moryakh O.A. Igelstrom*" (Commander of the ground forces located in Crimea and southern provinces and fleets in the Black and Caspian Seas O.A. Iglstrom), etc. For example, there are documents in the f. 799, reflecting the stages of setting up customs bodies of the Taurida region, data on the formation of official and service personnel of Crimean customs, information on the age, national, confessional composition of a customs house, as well as information on their functions and activities.

In the Russian State Historical Archive, in f. "*Pervyy departament Senata*" (The First Department of the Senate) (*RGIA, F. 1341*) documents has been preserved on the first steps of the central authorities in the area of creating and regulating the activities of the Crimean customs: "*O tamozhennykh knigakh*" (On Customs Books) of 1797, "*Ob uchrezhdenii na Tavricheskom poluostrove porto-franko*" (On the establishment of porto-franco on the Taurida Peninsula) of 1798, "*Ob uprazhnenii tamozhen v Krymu*" (On the abolition of customs in the Crimea) of 1799, etc. In the fund "*Kantselyariya nachalnika Peterburgskogo tamozhennogo okruga departamenta tamozhennykh sborov Ministerstva finansov*" (Office of the Chief of the St. Petersburg Customs District Department of Customs Fees of the Ministry of Finance) (*RGIA, F. 143*) there are decrees of the Senate, customs circulars (1892–1921), in the "Committee of Ministers (1802–1906)" (*RGIA, F. 1263*) – information on the strengthening of the customs guard, on the establishment of customs offices in the Taurida Gubernia (in particular, in the settlement of Yalta), about the opening of a commercial port in Kerch, the construction of the building of the Eupatoria Customs, etc.

The study has used a combination of scientific methods: multifactority and integration, periodization, typology, comparison, etc., which in unity ensure the reliability of the results on the problem under study. The study is of an interdisciplinary nature, based on the principle of comparativistics, which will allow to reveal various levels of informative source, as well as to compare the information of various sources on a particular problem under study. Interdisciplinary and complex approaches to the study of the topic have been applied in this work, which allowed illustrating the actions of Russian power structures, aimed at the integration and development of Crimea in the first decades after the region entered the Russian state.

3. Discussion

There is a certain imbalance in the study of the activities of the domestic customs authorities in the domestic historiography. Despite the large number of scientific papers devoted to individual aspects of the research, it is possible to state the presence of important but insufficiently explored subjects. This is partly due to the fact that different historiographic directions use a different technique, naturally coming to different results; in addition, entire groups and even source categories have not yet been introduced into scientific circulation. After joining of the Crimean Khanate to the peninsula, state construction was actively conducted according to the Russian model. The activities of the Russian customs authorities established in the Crimea received occasional coverage in the context of studying the development of foreign trade in the Azov-Black Sea region (*Pospelova, 2012*), possible ways of reforming customs (*Golovko, 2014*), the experience of state building (*Prokhorov, 1996*).

The largest group consists of monographs and small volumes of work, which highlight certain subjects of the activities of customs authorities, some aspects of customs policy, etc. Typical are the works of T.V. Pavlina (*Pavlina, 2004*), N.P. Stakhova (*Stakhova, 2006*), E.A. Solonchenko (*Solonchenko, 2007*), T.S. Minayeva (*Minaeva, 2009*), G.A. Tretyakova (*Tretyakova, 2011*), etc. There are some studies of source-researching nature (*Razdorsky, 2009; Cherkasov et al., 2017*).

Issues of customs regulation, development of foreign trade operations (*Anderson, 1958*), (*Hantala, 1963*), European market research (*Attman, 1973*) attracted the attention of foreign scientists (*Knoppers, 1976*). There are individual works in the regional historiography that cover the legal aspects of the activities

of Crimean customs institutions ([Radayde, 2012](#)), features of Feodosia ([Biryukov, 2015](#)) and Eupatoria ([Borshchik, 2017](#)) customs.

The history and activities of the Russian customs authorities are of obvious interest to the scientific community, as evidenced by the number of participants in the thematic International Conference "Trade, Merchant and Customs in Russia in the 16th – 19th Centuries", which has repeatedly received support from scientific foundations (RGNF, 2009, in Kursk, and RFFI, 2017 in N. Novgorod). However, until recently, a detailed study of the activities of the customs bodies of the Russian Empire in general and the Crimean peninsula in particular has not been undertaken.

4. Results

This study is an attempt to highlight the main functions and directions of work of Crimean customs institutions in the late 18th – early 19th centuries. The chronological framework is determined by the most important events in the organization of the Crimean customs service: in 1784, the Russian Empress Catherine II signed a decree, which became a guide to the formation of the first Crimean customs; in 1822, during the reign of Alexander I, a new Customs Tariff was adopted, which played a key role in Russia's foreign policy.

The second half of the 18th century, connected with the reign of Catherine II, is rightly considered to be the most important stage in the field of territorial acquisitions in Russia. In 1783, the Crimean Peninsula entered the state, as contemporaries of these events reported: "The bounties, promises, orders, everything was used so as to cleanse the way to Crimea without bloodshed... In this peace treaty, the Empress of All Russia became the possessor of such a country that in time will flourish" ([RGIA, F. 1285. Op. 2. D. 62.L. 3, 5 rev.](#)).

From this moment up to the present, the peninsula has always taken an important place in the trade and customs policy of the country due to its geographical location and extremely favorable natural and climatic conditions. Initially, the prospects for the development of these territories were outlined: "And since the Crimea is a part of the Russian Empire, various means have been used to revive its former glory and restore the great bargaining of the Genoese" ([RGIA, F. 1285. Op. 2. D. 62. L 7](#)).

In January 1784, the Manifesto "*O svobodnoy torgovle v gorodakh Khersoni, Sevastopole i Theodosii*" (On Free Trade in the Cities of Kherson, Sevastopol and Feodosia) was published, where Catherine II proclaimed that "our care of the spread of trade between our subjects and others with them through the Black and Mediterranean Seas has achieved the desired success", and therefore, "Our seaside cities of Sevastopol, known to the present under the name of Aht-Yar, endowed with an excellent sea landing, and Theodosia, which are named in the reasoning of their profitability, are commanded to open for all nations, living in friendship with the Empire of Ours, in favor of their trade with Our loyal subjects." Further, the document "solemnly" declared that "all the peoples mentioned, in their own or hired vessels under their flags can sail or move freely, safely and unhindered to and from those cities, load their ships, and from there sail away or depart at their own will, acting according to tariffs and customs regulations, as it concerns to the payment of the duty for imported and exported goods" ([Full Collection of Laws of Russian Empire, *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii* – PSZ RI, V. 22. No. 15935](#)). There is an opinion that it was this standard that became the guide for the formation of customs institutions in Crimea ([Pospelova, 2012](#)).

Pre-Soviet funds of the Crimean customs service have been preserved in the State Archive of the Republic of Crimea, its documents state that in 1784, Feodosia port customs ([GARK, F. 221](#)) and Gezlev (Kozlovskaya) (later Eupatorian) port customs were established ([GARK, F. 369](#)). According to the decree "*Ob ustroystve novykh ukrepleniye na granitsakh Yekaterinoslavskoy gubernii*" (On the Arrangement of New Fortifications on the Borders of the Ekaterinoslav Province) dated February 10, 1784, the city of Sevastopol was founded, "...where is now Akhtiyar and where should be the Admiralty, the shipyard for the first rank of ships, the port and the military settlement" ([PSZ RI, V. 22. No. 15929: 21–22](#)). Initially, Sevastopol was considered exclusively as a naval outpost of the Russian Empire on the southern borders of the country, then, "The government, seeing the invalidity of the bargains used to approve this trade and trying to bring it to some degree of power and strength without which it is impossible to resist, was decided to move The Board of Kherson Shipping to Akhtiyar, to provide extensive buildings along the bank of the river for trade" ([RGIA, F. 1285. Op. 2. D. 62. L. 5 rev. – 6](#)).

In addition to their main functions, other important state tasks were assigned to the customs agencies of the Crimean peninsula. Besides the collection of customs duties, control over the import and export of goods and the conduct of statistics, the movement of the population across the border was monitored and the external borders of the country were protected. In addition, employees of the Crimean customs, their families and relatives were mostly immigrants from different provinces of the Russian Empire. They took an active part in the settlement and economic development of the newly acquired region ([Golovko, 2005](#)).

Naturally, the government paid much attention to reformation of the domestic customs system, striving to make it unified and turn into an effective mechanism for implementing state policy in the sphere of foreign trade ([RGIA, F. 1285. Op. 2. D. 62](#)).

"*Polozheniye o tarife Krymskogo poluostrova, izdannogo Shagin-Gireyem i ordera Krymskogo poluostrova na peregon skota po tarifu*" (Regulations on the Tariff of the Crimean Peninsula, Issued by Shagin-Girey and the Order of the Crimean Peninsula for cattle haul according to the Tariff) were taken as

the basis for the activities of the customs institutions created in Crimea (GARK, F. 221. Op. 1. D. 1). This document, dated September 15, 1783, gave an idea of the amount of customs duties, which ranged from two to ten percent. In other words, according to this document, customs duties ranged from two to ten percent. Note that this provision was based on the earlier, in 1775, accepted tariff for customs agencies on the coast of the Black and Azov Seas.

On August 4, 1775, the report of Count B.K. Minich "*O pravilakh privoza i otvoza tovarov pri portakh Chernogo morya*" (On the rules of import and export of goods at ports of the Black Sea) was Supremely approved with the application "Tariff for these ports." In particular, it was noted, "for all the Turkish, Levant and Greek products brought to the Black Sea ports, and from there Russian goods exported back, duties are to be reduced fourfold against the current St. Petersburg duty of 1766, to encourage the bargaining in, leaving all European goods with the same tariff as before, as well as those goods that are being sold at a duty." The resolution stated, "To be therefore; and to communicate with the Governor-General Count Potemkin as to where to establish ports and customs outposts, following his definition" (PSZ RI, V. 20. No. 14355).

A similar standard "*O deystvii novogo Tarifa vo vnov uchrezhdennykh tamozhnyakh...*" (On the operation of the new Tariff in newly established customs...) was approved by the Senate decree of February 5, 1776 that was liberal enough; it declared a significant reduction in customs fees or their total cancellation for certain types of goods. That document mentions Kerch for the first time, which was chosen as the "customs that are appointed" (PSZ RI, V. 20. No. 14431).

In 1781, a treaty was concluded between Russia and the Ottoman Port, "concerning trade on the Black Sea". With joining of Crimea in 1783, "Russia's trade in the Black Sea expanded with the accession of the Crimean ports, and it began to concentrate mainly in them" (Lashkov, 1897: 26).

On September 5, 1782, a new tariff was signed "*O sbore poshlin s provozimyykh i vyvozimyykh iz Konstantinopolya rossiyiskimi kuptsami tovarov, postanovlennyi mezhdu Rossiyskoy Imperiyey i Portoy Ottomanskoy*" (On collection of duties from goods imported from Constantinople by Russian merchants, agreed upon between the Russian Empire and the Ottoman Port) (PSZ RI, V. 21. No. 15506). This standard was "often called the Black Sea" standard, because "it concerned the interests of Crimea most of all, and here, in Crimea, it was to get the most use" (Lashkov, 1897: 26). In the new tariffs, the purpose being to encourage trade on the shores of the Black and Azov Seas, it was provided to cut the duties by one-fourth compared to other regions of Russia: "For the advantage and benefit of both Empires, there is free and unhindered navigation for merchant ships belonging to the two contacting powers in all seas, washing their lands, and the Brilliant Port allows those precisely merchant Russian ships, what other states are bidding in its harbors and everywhere they use, free passage from the Black sea into the White Sea, and from the White Sea to the Black Sea... The Brilliant Port also allows its subjects to the Russian Empire to have commerce in the areas both on dry roads and on waters by ship-making..." (PSZ RI, V. 45. Tariff Book: General Supplement to Tariffs (1753–1825): 37).

The customs tariff of 1782 reduced on average to 2% the imposition of imported raw materials, as well as duty of 20% on luxury goods, and 30–40% on goods produced in Russia in sufficient quantities. Most of the imported goods were taxed at 10% (Minaeva, 2009: 73–74).

On August 10, 1785, Prince G.A. Potemkin's report addressed to Empress Catherine II proposed to take measures relating to the Crimean trade: "The duty on imported goods is so small on the peninsula that it hardly enough to keep the guards. If it would be pleasing to your Imperial Majesty, would you kindly remove it from the Taurida peninsula at all. The guards will be reduced and many people from abroad will be attracted"(GARK, F. 535. Op. 1. D. 1594. L. 3–4; Notes of the Odessa Society of History and Antiquities, *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey* – ZOOID, 1872: 212–213). This project was realized: at the same time, on August 13, 1785, a decree was issued, according to which "all piers on the peninsula" were exempted from payment of customs duties from January 1, 1786, for a period of five years, and the customs guard was transferred behind Perekop (Druzhinina, 1959: 145). In connection with the abolition of internal customs duties in Taurida region, trade received a serious impetus for development, and its revival in the southern regions of the empire was observed in the mid-1780s, when Russia concluded profitable trade agreements with Austria and France (Druzhinina, 1959: 143–145, 184).

On June 11, 1784, the authority of the ruler of Taurida region was officially transferred to the general-anshef and the actual state counselor V.V. Kakhovsky; after that the head of the "Crimean government" Count O.A. Iglestrom sent a circular warrant to the lower courts, which prescribed, that in those places of the peninsula, "where there are piers, he should be informed about ships getting to and from, goods exported and imported, people put in quarantine" (GARK, F. 799. Op. 1. D. 1. L. 3; GARK, F. 802. Op. 1. D. 3. L. 2–54). The director of the Crimean customs was appointed collegiate assessor K.I. Mavroeni, who since 1777 owned the repayment of Gezlev, Balaklava and Kefia customs (GARK, F. 801. Op. 1. D. 48. L. 1–3). With the opening of the attendance places at the Taurida Regional Treasury Chamber (the main administrative body, which was engaged in fiscal activities and subordinated directly to the governor of the region), among others, the Customs Expedition was created. Its structure initially looked like this: K.I. Mavroeni, who on December 25, 1785, was appointed to the Taurida Regional State Chamber as an advisor to customs affairs, was in charge of the customs of the Crimean peninsula. At the same time, the Provincial Secretary T. Kafteyev was appointed to the Customs Expedition; interpreter was appointed second lieutenant Stavrocyrull. Clerk V. Paskhalov was appointed to the post of secretary (GARK, F. 792. Op. 1. D. 5. L. 6 rev., 7, 9 rev.). In subsequent years, the

post of adviser of the Expedition of Customs Affairs at the Taurida Regional Treasury Chamber was occupied by the college assessor M.M. Karatsenov (in 1790–1793), Second-Major D. Baikov (formally in 1793) and the court counselor Ya.N. Sverbeev (in 1794–1796) (Makidonov, 2011). All customs offices of the peninsula were subordinate to the customs expedition. The staff of the latter was almost the same type (with the exception of Perekop and Kagalnitskaya customs, where the staff had fewer ranks than in all the rest).

In the reign of the Russian Emperor Paul I (1796–1801), the Taurida *Oblast* (Region) was abolished, and the Taurida *Guberniya* (Province) was formed. Domestic customs business underwent serious changes. The innovations in the customs sphere touched upon the Crimean Peninsula first of all. The growth of foreign trade and numerous abuses in customs institutions, corruption and bribery forced Paul I to abolish customs expeditions in the provincial government chambers in 1796 and to resume the activities of the Commerce Collegium with the reassignment of all customs institutions to it. The customs expedition in the Crimea was closed by decree of Paul I on November 9, 1796, and with it the customs of the peninsula were disbanded. Thus, customs institutions were gradually removed from the control of regional and local government.

Thus, in the years of 1796–1798, the Expedition of the state economy, guardianship of foreigners and rural home economics thoroughly investigated the "natural position" of Taurida. It was noted in the All-Humble Report of the Expedition that the separation of the "Taurida Peninsula from Novorossiysk can produce a great slowness in the reports and an imminent halt in civil and merchant affairs ... for the sake of warning of the inconveniences that are hampering the precise and speedy execution of Your Majesty's All-Humble intent, Taurida peninsula should be separated from the dependence of the Novorossiysk provincial authorities and should be in full control of the Expedition of the state economy of special public place", and "the entire free both domestic and foreign trade", was under the responsibility of the fellow Trustee (RGIA. F. 1341. Op. 1. D. 13. L. 37).

In 1798, the law "O ustanovlenii na poluostrove Tavrisheskom porto-franko srokom na 30 let i o darovanii raznykh vygod zhitelyam sego ostrova i priyeezhayushchim tuda inostrantsam" (On the establishment of porto-franco for 30 years on Taurida peninsula and on granting various benefits to the residents of this island and to foreigners coming there) was adopted (PSZ RI, V. 25, No. 18373: 64–68). The introduction of the porto-franco regime, i. e. duty-free trade on the peninsula, led to the reduction of customs institutions, as it was said, "As a result of this, we are ordering our Commerce Board, in our assumption, to encourage and distribute trades and crafts, to destroy all the existing border posts from seas and foreign lands, port outposts and customs, to close at all Balaklava, Sudak and other small wharfs that used to be before." All foreign trade operations were supposed to be conducted through the customs of Eupatoria and Feodosia, internal bargaining to be carried out through the northern Crimean customs in Perekop and at the Genichesk crossing. Privileges for residents and settlers were considered in the twelve articles of that decree, "granted to us by the Taurida Peninsula the right, liberty and freedom of commerce" (RGIA. F. 1341. Op. 1. D. 161. 134 l.) As a rule, the advantages of introducing the porto-franco led to a rapid growth of trade operations, which, in turn, contributed to a more dynamic economic development of the territories of several port cities compared to other regions of the country.

However, the experience of the introduction of port-franco on the territory of the Crimean peninsula, due to various reasons – economic, political, demographic – was unsuccessful. So, according to P.I. Sumarokov, "Kafa benefits from the use of the port-franco, the right for which also had Athenians in the remote ages. Tsaregrad and Anatolian merchants bring here wines, raisins, dates, wine berries, cinnamon, cloves, cotton paper and various fabrics. From here wheat, rawhide leather, sheep's wool, cow's butter and the like are taken", but "because of the emptiness of this region, the scarcity of the inhabitants, lack of offices in Kafa, and the small-scale import of goods from Russia... the trade in Kafa as throughout the Crimea, is not in a blooming state" (Feodosia Museum of Antiquities). It is not surprising that the porto-franco regime, announced for 30 years, did not last long and was abolished in 1799. In the future, the idea of establishing port-franco in Feodosia was thought more than once, but the matter did not move further than statements of offers. Nevertheless, the presence of a significant number of projects on the development of the Black Sea trade testifies to the awareness of existing problems in the industry and the desire of foreign and domestic statesmen, officials, entrepreneurs, etc. to outline the main ways of its development. For example, one of the projects submitted to Alexander I in 1803 by Colonel Lambro Cachioni again concerned the introduction of the porto-franco regime in Feodosia. According to the author of the project, "Crimean commerce practically did not exist", because "it was more profitable to carry and change coins in Crimea than goods"; there were no local insurance companies, which significantly slowed turnover: entrepreneurs were forced to insure their goods and vessels in other places (Golovko, 2014).

It is known that initially the border with the Crimean Khanate passed along the Azov Sea, where there were two customs – Perekopskaya and Arabatskaya; after the entry of Crimea into the Russian Empire, these customs institutions lost their international status and became internal, virtually without work. It was this circumstance that became the reason for the All-Humble Report of the President of the Commerce Collegium, Prince G.P. Gagarin "Shtaty tamozhnyam, zastavam i tamozhennomu prismotru na Tavrisheskom poluostrove" (Staff in customs, outposts and customs supervision on the Taurida Peninsula) and the subsequent decree of December 22, 1799 "O vosstanovlenii tamozhen i zastav na Tavrisheskom poluostrove" (On the restoration of customs and outposts on the Taurida Peninsula). In the Annex to the document "Staff in the civilian part (1715–1800)", staffing of customs, outposts and customs officials was

indicated: Kozlovskaya (Eupatoria), Akhtiyarsk (Sevastopol) and Kefia (Feodosiya) customs – 46 people each, Kerch and Enikalei outposts – 8 people each; other established posts were stipulated: customs supervision of supervisors – 3 people, checkers – 65 people, customs inspector – 1 person, and 1 secretary attached to him. Particular sums of money were supposed to be spent on the restoration of the customs institutions of the Taurida province: "as to Kozlovskaya, Akhtiyar and Kefia customs: it was required for office work and other needs – 250 rubles; for the maintenance and repair of boats – 920 rubles; for the repair of customs buildings – 400 rubles; total amount with salaries for each customs – 5702 rubles. As to the Kerch customs and Enikalskaya outpost: for office work and other needs – 100 rubles; for the maintenance and repair of boats – 340 rubles; for the repair of customs buildings – 100 rubles; total amount with salaries for each customs – 1,416 rubles. Total for the Taurida Peninsula – 26593 rubles." (PSZ RI, 44. Staff book: 572).

It should be noted that further on the reorganization of customs authorities was carried out repeatedly and was justified by the effective fulfillment by the customs authorities of the primary tasks of the domestic and foreign policies of the Russian state. One of these standards was the Manifesto "*Uchrezhdeniye Tamozhennogo upravleniya po Yevropeyskoy torgovle*" (Establishment of the Customs Office for European Trade) signed on June 24, 1811. It regulated the composition of the customs bodies of the Russian Empire, defined the rights and duties of the heads of customs districts and other customs officials, and provided for benefits in the service and measures of responsibility. According to the text of Ch. 1 "Establishment of customs districts", Feodosiyskiy customs district was formed on the territory of the Crimean peninsula, consisting of Feodosia and Eupatoria customs and Balaklava, Enikalskaya, Kerch and Buga outposts (PSZ RI, V. 31. No. 24684: 680–685).

Chapter IX "Composition and Objects of the Department of Foreign Trade" of the Manifesto "*Obshcheye uchrezhdeniye ministerstv*" (General Institution of Ministries), adopted on June 25, 1811, stated that this department consisted of two departments: external relations and customs, which was in charge of matters related to customs administration.

The customs department was entrusted with a wide range of duties: "information on the state of customs districts, customs and outposts throughout the state; urgent statements about incoming and outgoing ships, on imported and exported goods on them; collection of general and local maps of border and coastal places throughout the customs line, with the indication of large and small roads, both current and closed, border rivers and waterways, as well as sea shores, convenient for mooring ships and unloading goods; monitoring of serviceability and fidelity of duties; cases of confiscation and sale of goods and neutral trade; cases related to customs buildings concerning supplying them with everything necessary; the supply of customs and outposts with stamps and books; cases on the hiring and dismissal of officials, ministers and brokers, on the awards and their assignment; investigative cases on complaints and denunciations about the crime of office; management of printing house for printing price-lists, types of trade, etc." (Borshchik, 2017).

Naturally, the exceptional importance of the state duties, imposed on employees of Russian customs, implied certain requirements for them. The government tried very carefully to appoint customs officers; when determining the official at the customs house and presenting to the next rank, not only his track record was considered, but also "the actions of those officials when they were in the past with the previous posts and with what diligence they performed the tasks assigned to them." Nevertheless, the shortage of qualified personnel in the Crimean customs authorities was quite sharply felt. The authorities tried to solve this problem in a complex way: from inviting foreign specialists and increasing salaries to assigning these state functions to local governments (Radayde, 2012).

In 1822, a new customs tariff was adopted, which in the first half of the 19th century was repeatedly revised. There is an opinion that the 1822 tariff itself, and the activities of the customs authorities of this period in general, were closely related to foreign policy problems even in the interests of national industry and trade. Returning to the Kingdom of the Polish Customs Autonomy, preserving certain customs privileges for Prussia, etc., customs regulation measures became an effective lever in solving foreign policy issues, in particular, avoiding international isolation (Stakhova, 2006). For the Crimean customs authorities this standard was of no small importance – for the further development of the Black Sea trade, "import and release" trade through the Kerch port was allowed. The further development of customs institutions on the Crimean peninsula was characteristic for the first decades of the 19th century. In 1819, the Alushta customs transit point was opened (GARK, F. 245), in 1822 – the Kerch port customs of the Azov customs district (GARK, F. 368).

5. Conclusion

Presently, scientific and practical interest for studying the role and functions of customs bodies, their place in the state structure and management is increasing, which objectively requires a comprehensive study of the history, experience, traditions of Russian customs. The solution of modern state tasks is directly related to the national security of the country, namely: the creation of common economic space, the formation of common financial and commodity markets, integration into the world economy and the international trading system, etc., is impossible without an adequate state customs policy conducted by Russian customs organs. In this respect, the study of the historical experience of the creation and functioning of the customs institutions of the Russian Empire can positively affect not only the understanding of the role

and place of customs bodies in the public administration system, but also the development of innovative approaches to their activities.

The study of the historical experience of the organization of state institutions of the Russian Empire allows us to come to a number of important conclusions. It can be stated that the customs policy of the Russian Empire in the second half of the 18th – the first decades of the 19th century was subordinated to the interests of state construction, strengthening of international authority, ensuring national security, etc. Such ambitious tasks required considerable financial resources, and the customs authorities had to guarantee their regular supply.

Unification and liberalization of customs tariffs during that period were aimed at maximizing fiscal benefits and stimulating the volume of trade transactions. Nevertheless, in the regulation of the customs sphere, the ruling circles did not always have the necessary deliberation in decision-making: the creation / dismissal of customs offices and districts, the introduction / abolition of the regime of "porto-franco", etc.

These common features for the Russian customs policy became characteristic for customs institutions of the Crimean peninsula.

6. Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00480.

Литература

Бирюкова, 2015 – Бирюкова Н.Н. Деятельность Феодосийской таможни в составе Таврической губернии в конце XVIII – начале XX вв. // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 9–14.

Борщик, 2017 – Борщик Н.Д. Кадровый состав Евпаторийской портовой таможни Таврической губернии в 1860-е гг. // *Научный вестник Крыма*. 2017. № 5 (10). [Электронный ресурс] URL: <http://nvk-journal.ru> (дата обращения: 19.11.2017)

ГАРК – Государственный архив Республики Крым.

Головко, 2005 – Головко Ю.И. Записка о развитии внешней торговли и организация борьбы с контрабандой в Азовской губернии (1775–1776 гг.) // *Гуманитарная мысль Юга России*. 2005. № 1. С. 79–87.

Головко, 2014 – Головко Ю.И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII – начало XIX в.) // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2014. № 17. С. 83–107.

Дружинина, 1959 – Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.

ЗООИД, 1872 – Ее величеству доклады князя Потемкина // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1872. Т. 8. С. 209–221.

Лашков, 1897 – Лашков Ф.Ф. О пересмотре Черноморского тарифа 1782 г. // *Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии*. 1897. №1. С. 26–39.

Макидонов, 2011 – Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвіта, 2011.

Минаева, 2009 – Минаева Т.С. Россия и Швеция в XVIII веке: история таможенной политики и таможенной системы. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 2009.

Павлина, 2004 – Павлина Т.В. «Памятуя присяжную должность...» (Очерки по истории таможенной службы в Коми крае в XV – в первой половине XVIII века). Сыктывкар, 2004.

Поспелова, 2012 – Поспелова Ю.А. Азово-Черноморские таможни в конце XVIII века: инфраструктура, штат, эффективность работы // *Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета»*. 2012. № 2. С. 14–23. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/189> (дата обращения 19.09.2017 г.)

Прохоров, 1996 – Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // *МАИЭТ*. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 213–225.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.

Радайде, 2012 – Радайде Д.С. Развитие таможенных учреждений Таврической губернии с 1819 по 1914 г. // *Закон и жизнь*. 2012. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.legeasiviata.in.ua/archive/2013/10-2/54.pdf> (дата обращения 19.11.2017 г.)

Раздорский, 2009 – Раздорский А.И. Исследования и публикации таможенных и кабацких книг в 2002–2009 гг. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второй междунар. науч. конф.*, Курск, 2009 г. Курск, 2009. С. 9–21.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Солонченко, 2007 – Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007.

Стахова, 2006 – Стахова Н.П. Российский таможенный тариф 1822 г. // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2006. № 11. С. 15–22.

- Третьякова, 2011** – Третьякова Г.А. Таможенные органы в государственном механизме Российской империи XVIII в. // *Вопросы экономики и права*. 2011. № 33. С. 22–27.
- Феодосийский музей Древностей** – Феодосия: введение порто-франко// Феодосийский музей Древностей (краеведческий музей) [Электронный ресурс] URL: http://kimmeria.com/old_museum/town/town_history_006_04.htm (дата обращения: 10.11.2017).
- Anderson, 1958** – Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1533–1815. London, 1958
- Attman, 1973** – Attman A. Ryssland och Europa. En handelshistorisk oversikt. Gotoborg, 1973.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century. // *Annales Ser. hist. sociol.* 2017. 27 (4): 851–864.
- Hantala, 1963** – Hantala K. European and American tar in the English market during the eighteenth and early nineteenth centuries. Helsinki, 1963.
- Knoppers, 1976** – Knoppers J.V. Th. Dutch trade with Russia from the time of Peter I to Alexander I. Monreal, 1976.

References

- Biryukova, 2015** – Biryukova N.N. (2015). Deyatel'nost' Feodosijskoj tamozhni v sostave Tavricheskoj gubernii v konce XVIII – nachale XX vv. [The activities of Feodosia Customs in the Tauride province in the late XVIII – early XX centuries]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. Vol. 1 (67). Nr 2. pp. 9–14. [in Russian]
- Borshchik, 2017** – Borshchik N.D. (2017). Kadrovyy sostav Evpatorijskoj portovoj tamozhni Tavricheskoj gubernii v 1860-e gg. [The staff of the Evpatoria port customs of the Tauride province in the 1860s.] *Nauchnyj vestnik Kryma*. Nr 5 (10). [Elektronnyj resurs] URL: <http://nvk-journal.ru> (data obrashcheniya: 19.02.2018) [in Russian]
- GARK** – Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym [The State Archives of the Republic of Crimea].
- Golovko, 2005** – Golovko Yu.I. (2005) Zapiska o razvitii vneshnej torgovlii organizaciya bor'by s kontrabandoy v Azovskoj gubernii (1775–1776 gg.) [A note on the development of foreign trade and the organization of the fight against smuggling in the Azov province (1775–1776 gg.)] *Gumanitarnaya mysl' Yuga Rossii*. Nr 1. pp. 79–87. [in Russian]
- Golovko, 2014** – Golovko Yu.I. (2014) Proekty razvitiya chernomorskoj torgovli (poslednyaya chetvert' XVIII – nachalo XIX v.) [Projects for the development of the Black Sea trade (the last quarter of the XVIII – the beginning of the nineteenth century)] *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Nr 17. pp. 83–107. [in Russian]
- Druzhinina, 1959** – Druzhinina E.I. (1959). Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg. [Northern Black Sea Coast in 1775–1800] M. [in Russian]
- ZOOID, 1872** – Ee velichestvu doklady knyazya Potemkina [Her Majesty reports to Prince Potemkin] *Zapiski Odesskogo obschestva istorii drevnostej*. Odessa, 1872. Vol. 8. pp. 209–221. [in Russian]
- Lashkov, 1897** – Lashkov F.F. (1897). O peresmotre Chernomorskogo tarifa 1782 g. [On the revision of the Black Sea Tariff of 1782]. *Izvestiya Tavricheskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii*. № 1. pp. 26–39. [in Russian]
- Makidonov, 2011** – Makidonov A.V. (2011). Personal'nyj sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka [Personal composition of the administrative apparatus of Novorossia of the XVIII century]. Zaporozh'e: Prosvita, 2011. [in Russian]
- Minaeva, 2009** – Minaeva T.S. (2009). Rossiya i Shveciya v XVIII veke: istoriya tamozhennoj politiki i tamozhennoj sistemy [Russia and Sweden in the XVIII century: the history of customs policy and customs system]. Arhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta. [in Russian]
- Pavlina, 2004** – Pavlina T.V. (2004). «Pamyatuya prisyzhnuyu dolzhnost'...» (Ocherki po istorii tamozhennoj sluzhby v Komi krae v XV – v pervoj polovine XVIII veka) ["Mindful of the jury's post ..."] (Essays on the history of customs service in the Komi region in the XV – in the first half of the XVIII century). Syktyvkar, 2004. [in Russian]
- Pospelova, 2012** – Pospelova Yu.A. (2012). Azovo-Chernomorskie tamozhni v konce XVIII veka: infrastruktura, shtat, ehffektivnost' raboty [Azov-Black Sea customs at the end of the XVIII century: infrastructure, staff, work efficiency]. *Electronic Journal «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta»*. Nr 2. pp. 14–23.
- Prohorov, 1996** – Prohorov D.A. (1996). Organy upravleniya Tavricheskoj oblasti posle prisoedineniya Kryma k Rossii (1783–1787 gg.) [Governing bodies of the Tauride region after the annexation of the Crimea to Russia (1783–1787 gg.)] МАИЕHT. Simferopol'. pp. 213–225. [in Russian]
- PSZ RI** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1830.
- Radajde, 2012** – Radajde D.S. (2012). Razvitie tamozhennyh uchrezhdenij Tavricheskoj gubernii s 1819 po 1914 g. [Development of customs institutions of the Tauride province from 1819 to 1914]. *Zakon i zhizn'*. Nr 2. [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.legeasiviata.in.ua/archive/2013/10-2/54.pdf> (data obrashcheniya 19.02.2018 g.) [in Russian]

Razdorskij, 2009 – Razdorskij A.I. (2009). Issledovaniya i publikacii tamozhennyh i kabackih knig v 2002–2009 gg. [Studies and publications of customs and tavern books in 2002–2009]. Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: Sb. Materialov Vtoroj mezhdunar. nauch. konf., Kursk, pp. 9–21. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

Solonchenko, 2007 – Solonchenko E.A. (2007). Tamozhennaya politika na yugo-vostoke Rossii i ee realizaciya v Orenburgskom krae v 1752–1868 gg. [The customs policy in the south-east of Russia and its implementation in the Orenburg region in 1752–1868]. Orenburg: Izd-vo OGPU. [in Russian]

Stahova, 2006 – Stahova N.P. (2006). Rossijskij tamozhennyj tarif 1822 g. [Russian customs tariff of 1822]. *Volgogradskii gosudarstvennyi universitet-vestnik-seriya 4-istoriya regionovedenie mezhdunarodnye otnosheniya*. Nr 11. pp. 15–22. [in Russian]

Tret'yakova, 2011 – Tret'yakova G.A. (2011). Tamozhennye organy v gosudarstvennom mekhanizme Rossijskoj imperii XVIII v. [Customs authorities in the state mechanism of the Russian Empire of the XVIII century]. *Voprosy ehkonomiki i prava*. Nr 33. pp. 22–27. [in Russian]

Feodosijskij muzej Drevnostej – Feodosiya: vvedenieporto-franko [Theodosius: the introduction of the port-franco] Feodosijskij muzej Drevnostej (kraevedcheskij muzej) [Elektronnyj resurs] URL: http://kimmeria.com/old_museum/town/town_history_006_04.htm (data obrashcheniya: 10.03.2018).

Anderson, 1958 – Anderson M.S. (1958). Britain s Discovery of Russia. 1533 –1815. London, 1958.

Attman, 1973 – Attman A. (1973). Ryssland och Europa. En handelshistorisk oversikt. Gotoborg, 1973.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century. *Annales Ser. hist. sociol.* 27 (4): 851–864.

Hantala, 1963 – Hantala K. (1963). European and American tar in the English market during the eighteenth and early nineteenth centuries. Helsinki, 1963.

Knoppers, 1976 – Knoppers J.V. (1976). Th. Dutch trade with Russia from the time of Peter I to Alexander I. Montreal, 1976.

Организация и деятельность таможенных учреждений в Крыму на начальном этапе (1783–1822 гг.)

Наталья Дмитриевна Борщик ^{a, *}, Елена Владимировна Латышева ^a, Дмитрий Анатольевич Прохоров ^a

^a Крымский федеральный университет им. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. Изучение различных аспектов истории таможенного дела России принадлежит к числу приоритетных задач, стоящих перед современной исторической наукой: поиск новых экономических рычагов логично приводит к восстановлению функций таможенных органов как регулятора внешнеэкономических связей, стабилизации финансовой системы и пр. Особую актуальность придают события «русской весны» 2014 г., вернувшие Крымский полуостров в состав Российской Федерации, в результате чего в структуре Федеральной таможенной службы РФ была образована Крымская таможня. Сложные интеграционные процессы, проблемы адаптации к современным российским реалиям властных структур всех уровней и крымского социума в целом заставляют обращаться к историческому опыту государственного строительства, взаимодействию политических и социальных институтов общества, истории повседневности. В канун 235-летия вхождения Крыма в состав Российской империи уместно провести некую историческую параллель между событиями двухсотлетней давности и настоящим временем.

Основная цель исследования – изучение деятельности таможенных органов Крымского полуострова в 1783–1820-е гг., в том числе анализ нормативно-правовой базы деятельности крымских таможен и материально-техническое и финансовое обеспечение крымских таможенных органов. Первая хронологическая дата связана с вхождением Крымского полуострова в состав Российской империи и коренными изменениями в таможенной сфере, напрямую коснувшиеся Крымского полуострова: здесь были реорганизованы или созданы заново таможенные учреждения, введен режим «порто-франко» и пр. Конечная дата связана с принятием Таможенного тарифа 1822 г.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arktur4@rambler.ru (Н.Д. Борщик), elenakfu@yandex.ru (Е.В. Латышева), prohorovida@yandex.ru (Д.А. Прохоров)

Непосредственными источниками стали документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Республики Крым (ГАРК). Привлечены документы краеведческих отделов и отделов редкой книги крупнейших крымских библиотек – научной библиотеки им. А.Х. Стевена «Таврика», научной библиотеки им. И. Франко, научной библиотеки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Использование совокупности общенаучных методов (типологизации, сравнения и пр.) позволило обеспечить надежность результатов по изучаемой проблеме. В настоящей работе нашли применение междисциплинарный и комплексный подходы к изучению темы, что позволило проиллюстрировать действия российских властных структур, направленные на интеграцию и развитие Крыма в первые годы после вхождения региона в состав Российского государства.

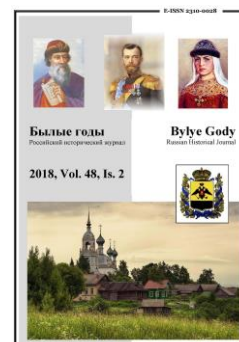
Ключевые слова. Российская Империя, XVIII–XIX вв., Крымский полуостров, таможенные органы.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 538-548. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.538
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Eastern Georgia and the Protectorate of the Russian Empire (1783-1801): Terms, Features and Outcomes of Political Interaction

Amiran T. Urushadze ^{a, *}, Aleksandr A. Cherkasov ^{b, c}, Annick Valleau ^d

^a South Federal University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

This article deals with a key period in the development of Russian-Georgian political relations stretching from the conclusion of the Treaty of Georgievsk (July 24, 1783) to the manifesto on the annexation of Georgia to Russia (September 12, 1801). Irakli II, the King of Kartli-Kakheti (Eastern Georgia), rejected the oppressive political tutelage of the Persian state in favor of a rapprochement with the Russian Empire. The purpose of this political maneuver was to protect the country from devastating external invasions. Its outcome was that the Romanov Empire acquired a reliable and wholly dependent ally, thus widening the range of its foreign policy opportunities to confront Muslim powers (Persia and Turkey) and extend its sphere of influence in the Caucasus.

The main questions raised in this article are: how did the Russian protectorate create the conditions needed for the annexation of Eastern Georgia? To which extent was the incorporation of the State of Irakli II and of his heirs unavoidable? Who in the Russian elite took the decision to liquidate the Bagrationi dynasty as a political center and how?

The empirical basis of this study comprises a significant body of published historical documents, supplemented by historical evidence from archives.

Keywords: Eastern Georgia, Russian Empire, Treaty of Georgievsk, Irakli II, Catherine II, G.A. Potemkin.

1. Введение

8 августа 1801 г. члены Непременного совета Российской империи обсуждали политическое будущее Восточной Грузии. Всеподданнейший рапорт генерала К.Ф. Кнорринга, составленный им на основе личных впечатлений от знакомства с военно-политическим положением и социально-экономическим состоянием Картли-Кахетии, не оставлял сомнений в необходимости присоединить Восточную Грузию. Во-первых, генерал указывал на неспособность грузин самостоятельно противостоять внешним угрозам. Во-вторых, К.Ф. Кнорринг утверждал, что большая часть восточногрузинского дворянства, как и все население Картли-Кахетии, «жаждет быть под законами Российской империи» (АКАК, 1: 429).

Но в совете было представлено и противоположное мнение. В докладе графов А.Р. Воронцова и В.П. Кочубея приводилось множество доводов в пользу сохранения прежней системы имперского покровительства единой Грузии, установленной Георгиевским трактатом 1783 г. Александра I пугали неизбежными финансовыми издержками, осложнениями в отношениях с Османской империей и Персией, но, главное, Воронцов и Кочубей писали, что проблема Восточной Грузии

* Corresponding author

E-mail addresses: aturushadze@sfedu.ru (A.T. Urushadze), sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), Annick.Valleau@unige.ch (A. Valleau)

отвлекает императора от гораздо более важных задач внутреннего преобразования и без того обширной империи ([Архив Государственного совета, 1878: 1200](#)).

Противники присоединения Восточной Грузии оказались в меньшинстве. Непременный совет большинством голосов высказался за установление в Картли-Кахетии российского суверенитета. В документах совета привлекает внимание такая парадоксальная характеристика: «Простая протекция, какую с 1783 г. давала Россия Грузии, вовлекла сию несчастную землю в бездну зол, которыми она приведена в совершенное изнеможение, и продолжение оной на тех же основаниях неминуемо ввергнет ее в совершенную погибель» ([Архив Государственного совета, 1878: 1179](#)). Протекторат Российской империи стал для Восточной Грузии не средством укрепления власти династии Багратионов, а, напротив, до крайности расшатал политическое положение царя Ираклия II и его наследников.

2. Материалы и методы

В работе в качестве материалов были привлечены документы архива Государственного совета, а также документы актов, собранных Кавказской археографической комиссией. Представлены также материалы личного происхождения, дневники и мемуары.

Методологическую основу в работе составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, используются методы – аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный. Вероятностно-статистический метод был применен при исследовании рисков как русской, так и грузинской сторон при осуществлении политики сближения.

3. Обсуждение

В историографии существует несколько различных вариантов осмысления парадокса российского протектората над Восточной Грузией. В начале XX в. З.Д. Авалов рассматривал неудачу имперской протекции как следствие регулярного нарушения условий Георгиевского трактата российской стороной. Последовательно опровергая тезис о взаимном нарушении военно-политического соглашения, историк отмечал, что «надо удивляться не тому, что порой являлась у грузин мысль о политической сделке с Персией или Турцией, а тому, как вера в Россию не иссякла окончательно» ([Авалов, 2009: 99](#)). М.Н. Покровский отмечал, что Екатерина II не стремилась к прочному утверждению российского суверенитета в Закавказье, в силу чего и неравный союз с Ираклием II не стал надежной защитой для Восточной Грузии ([Покровский, 1923: 179-180](#)). Недостаточная последовательность России в соблюдении Георгиевского трактата была отмечена как основная причина многочисленных бед, постигших царство Ираклия II, в фундаментальной работе Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева ([Киняпина и др., 1984: 66](#)).

Иначе акценты расставлены в монографии О.Р. Айрапетова, М.А. Волхонского, В.М. Муханова. Работая с большим фактическим материалом, авторы приходят к выводу, что неэффективность протектората была обусловлена военной слабостью Картли-Кахетии, оказавшейся плохим союзником, а также затруднительными для Российской империи политическими обстоятельствами, связанными с обострением русско-турецких отношений ([Айрапетов и др., 2016: 120-175](#)). Именно в сложности международной обстановки увидел причину половинчатости российского протектората и Д.Л. Ватейшвили ([Ватейшвили, 2006: 94-114](#)).

Н.К. Гвоздев подошел к анализу русско-грузинских отношений периода протектората с геополитических позиций. По его мнению, Восточная Грузия использовалась Российской империей как территория для дипломатического торга, выступая в качестве разменной монеты в большой игре за гегемонию в Причерноморье, которой руководил екатерининский фаворит Г.А. Потемкин ([Gvosdev, 2006: 65](#)).

Несколько экзотическую версию причин слабости российского протектората предложил британский литературовед и историк Д. Рейфилд, согласно которому Ираклий II пошел на подписание Георгиевского трактата перед лицом неминуемого российского завоевания Восточной Грузии, а не в расчете на военно-политическую поддержку ([Рейфилд, 2017: 315](#)). Такая интерпретация автоматически снимает проблему парадокса российского протектората.

Разнообразие интерпретаций позволяет говорить об актуальности исследования истории российского протектората над Восточной Грузией, причин его неэффективности и политических последствий, приведших Картли-Кахетию в состав российского государства.

4. Результаты

Спустя месяц после подписания Георгиевского трактата (24 июля 1783 г.), политический смысл которого заключался в гарантиях российской военной защиты картли-кахетинских пределов, царь Ираклий II устроил в своей столице масштабное празднество. Утром 20 августа 1783 г. в тбилисской церкви Успения Богородицы царь участвовал в торжественной литургии. После завершения церковного обряда Тбилиси и его окрестности огласил пушечный залп, а Ираклий II выехал во дворец в сопровождении кавалькады придворных и ликующей толпы. Весь город был нарядно украшен. Вечером столица Картли-Кахетии засверкала огнями, на улицах горели свечи, играла

музыка. На большом застолье грузинские аристократы произносили здравицы императрице Екатерине II и князю Г.А. Потемкину. По словам очевидца, «все вообще жители, и самые престарелые, беспрестанно при биении в бубны плескали руками, и кажется, что народ день ото дня представляет себе в новых видах свое благоденствие» (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 232*). Подписание Георгиевского трактата с единоверной и могущественной Российской империей, безусловно, стало главным эпизодом долгого и богатого на политические события царствования Ираклия II (1744–1798).

Казалось, грузинский монарх преуспел в том, чего безуспешно добивались его венценосные предшественники: кахетинский царь Александр II (1574–1605) и картлийский царь Вахтанг VI (1711–1714, 1716–1724): вступить в военный союз с российским государством. Путь к заключению договора с могущественной Российской империей был долог. Ираклий II пытался добиться российского покровительства еще в 1773 г., но его предложения были вежливо отвергнуты главой Коллегии иностранных дел графом Н.И. Паниным (*Сулаберидзе, 2017: 124*), который последовательно отстаивал идею «Северного аккорда» – союза России, Пруссии и Дании. В этой внешнеполитической доктрине Восточной Грузии не было места.

Раскрытие заговора в пользу цесаревича Павла Петровича осенью 1773 г. привело к большим переменам, в том числе и в российской внешней политике. Н.И. Панин был наставником наследника престола, и неудавшаяся дворцовая интрига сказалась на его положении в системе самодержавной власти. Екатерина II вводит в фавор генерал-майора Г.А. Потемкина, имевшего совершенно иные представления о целях и принципах внешней политики империи. Россия начинает политическое сближение со Священной Римской империей (*Елисеева, 2018: 19*). Обе державы стремились к разделу Османской империи. Поворот российских внешнеполитических устремлений в южном направлении многократно повысил актуальность поиска подходящих условий для альянса с Ираклием II как правителем единоверного грузинского государства.

Интересы двух сторон (России и Восточной Грузии) совпадали, что способствовало быстрым и успешным переговорам, которые предшествовали подписанию Георгиевского трактата. Российской империи был необходим сильный союзник на Кавказе, который мог бы стать точкой сборки геополитического «барьера» на границах с Турцией и Персией (*Айрапетов и др., 2016: 233*). Таким образом Г.А. Потемкин и статс-секретарь А.А. Безбородко планировали создавать непрямую, но постоянную угрозу границам мусульманских держав. Ираклий II рассчитывал, что дипломатический договор с Россией усилит его позиции как регионального политического лидера и позволит продолжить политику объединения грузинских земель.

Российская элита и Ираклий II двигались навстречу обоюдновыгодному союзу, но оставляли возможность для политического маневра. Петербург совершенно не вдохновляли амбиции восточногрузинского правителя, который, в свою очередь, продолжал параллельные контакты со Стамбулом (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 134-135*). Переговоры Ираклия II с турками не остались тайной для российской стороны. «...Имею многие причины сомнения на верность царя Ираклия», – писал 31 января 1783 г. в рапорте вице-президенту Военной коллегии, генерал-аншефу, светлейшему князю Г.А. Потемкину, его троюродный брат, командующий Кавказским корпусом генерал-поручик П.С. Потемкин (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 139*). Отметим, что обе стороны были далеки от безоглядного доверия и наивного благодушия. В Грузии прекрасно помнили, чем закончились поиски союза с Россией для Вахтанга VI, вынужденного эмигрировать после неожиданной перемены планов Петра I, отказавшегося от совместных военных операций с грузинским царем. Г.А. Потемкин, в свою очередь, подозревал Ираклия II в намерении использовать союз с Россией в собственных интересах, а затем при удобном случае отказаться от всяких обязательств.

Тем не менее перспективы, связанные с заключением договора, перевесили взаимное недоверие, и 24 июля 1783 г. он был подписан в Георгиевской крепости. Его текст и значение отдельных артикулов документа подробно анализировались в специальной исторической литературе (*Мачарадзе, 1983; Пайчадзе, 1983*). Для целей настоящей работы необходимо кратко остановиться на нескольких положениях Георгиевского трактата.

Ираклий II отказывался именовать себя вассалом кого-либо, кроме императрицы Екатерины II и ее преемников на российском престоле. Это автоматически означало конфронтацию с Турцией и Персией, которые традиционно рассматривали грузинские царства и княжества в качестве своей сферы влияния. И если Персию раздирали внутренние усобицы, то в Стамбуле готовы были ответить на такой неосторожный шаг царя Картли-Кахети. Правитель Восточной Грузии лишился возможности ведения самостоятельной внешней политики и теперь обязан был вступать в переговоры с «окрестными владетелями» только с ведома и согласия российских «пограничного начальника» и полномочного министра Екатерины II при грузинском дворе (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 192*). Это условие накладывало серьезные ограничения на действия Ираклия II и впоследствии станет одним из факторов расшатывания российско-грузинского военно-политического сотрудничества.

Взамен этих обязательств, принятых грузинской стороной, российская императрица обещала следующее. Во-первых, сохранить в «целости» владения Ираклия II, а также способствовать

закреплению за ним вновь приобретенных территорий. Во-вторых, Екатерина II должна была признавать неприятелей царя Восточной Грузии за своих неприятелей ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 192-193](#)).

Российские обязательства были конкретизированы в «сепаратных артикулах» трактата. Согласно второму артикулу, в Восточной Грузии должны были находиться и при необходимости сражаться совместно с войсками Ираклия II два батальона российской пехоты с четырьмя орудиями. Третий сепаратный артикул предусматривал дополнительную российскую военную поддержку со стороны Кавказской линии. При этом подчеркивалось, что неприятель, напавший на Картли-Кахетию, «за общего врага разумеется» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 195](#)). По четвертому сепаратному артикулу Екатерина II обещала Восточной Грузии помощь оружием в военное время.

Условия Георгиевского трактата, безусловно, были выгодны Ираклию II, приобретающему, казалось, надежное политическое покровительство и масштабную военную поддержку великой державы. Именно поэтому известие о заключении договора жители Тбилиси встретили с таким искренним ликованием.

В советской историографии был широко распространен тезис об исторически неизбежной потере независимости грузинских государств в XVIII – начале XIX вв. Известный историк академик АН Грузинской ССР Г.В. Хачапуридзе отмечал: «Потеря независимости и переход под политическую власть России для Грузии явились наименьшим злом по сравнению с угрозой быть поглощенной шахским Ираном или султанской Турцией» ([Хачапуридзе, 1950: 5](#)). Такая интерпретация отчасти остается актуальной и для современной историографии ([Гатагова, 2011: 43-56](#)). Однако нам представляется, что ставшее трюизмом представление о военной слабости государства Ираклия II несколько преувеличено.

Российский представитель при Ираклии II полковник С.Д. Бурнашев оставил обстоятельное описание картли-кахетинского войска ([Бурнашев, 1793: 11-14](#)). Ядром военной организации Восточной Грузии было «моригеджари» («дежурное войско»), численность которого, по сведениям С.Д. Бурнашева, достигала 4 тыс. воинов и набиралось ежегодно. Войско не случайно называлось «дежурным». В него призывали на один месяц, затем отслуживших сменяли другие ополченцы. Такая гибкая организация не отрывала мужское население от хозяйственных работ, экономила скромные ресурсы царской казны и позволяла Ираклию II всегда иметь в распоряжении небольшую, но вполне боеспособную армию. Последний раз «моригеджари» набор осуществлялся в 1791 г., но уже в это время разграбленные лезгинами земли Кахетии практически не смогли дать людей в дежурную армию ([Ter-Oganov, 2018: 55](#)). Кроме «дежурного войска», Картли-Кахетия могла выставить дворянскую конницу численностью 2 тыс. всадников, а также отряды горцев-наемников. Имелась у Ираклия II и собственная артиллерия, состоявшая, по данным С.Д. Бурнашева, из 12 орудий.

Слабым местом картли-кахетинской армии было снабжение. Воины могли рассчитывать только на собственные припасы и на добычу. Ведение продолжительных кампаний было делом совершенно невозможным. Тем не менее при довольно боеспособной армии и искусном ведении дипломатических игр Восточная Грузия Ираклия II не являлась легкой добычей ни для османского султана, ни для персидского шаха.

Подписав Георгиевский трактат, Ираклий II лишился возможности свободно и самостоятельно вести переговоры с горскими владетелями и турецкой администрацией. Очень скоро выяснилось, что, заключив договор с Российской империей, Картли-Кахетия оказалась в дипломатической изоляции, окруженная враждебными соседями.

Сулейман-паша, управлявший Ахалцихской провинцией Османской империи, еще до заключения Георгиевского трактата начал привлекать горцев Дагестана к набегам на Восточную Грузию. Он обещал горцам защиту, покровительство и богатую добычу. Его посулы оказались эффективны, набеги лезгин на грузинские селения с особенной силой начались еще в июне 1783 г. В письме к П.С. Потемкину от 22 июля 1783 г. С.Д. Бурнашев так описывал один из лезгинских набегов: «29 июня впали они сильной (так в тексте – Авт.) партией в Кахетию, разорили четыре деревни, убили и взяли в плен более 100 человек» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 188](#)).

Прибытие обещанных Ираклию II двух батальонов задерживалось. Летом 1783 г. российская сторона пыталась защитить грузинского союзника от горских набегов силой слова. На исходе июля П.С. Потемкин отправил Мухаммед-хану Казикумухскому прокламацию, в которой предостерегал от нападений на Ираклия II, «поелику всякое неприязненное действие противу него или покушение на области его Российскою империею не иначе почтено будет как покушением на собственные пределы, и дерзость таковая не останется без возмездия» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 215](#)). Но такие угрозы были малоэффективны, дагестанские предводители обычно отвечали, что их люди не участвуют в набегах, а контролировать каждого вольного горца невозможно.

Сулейман-паша оказывал на Ираклия II не только военное, но и политическое давление. В одном из писем ахалцихский правитель писал картли-кахетинскому царю, что небольшое число русских войск будет не в состоянии защитить Восточную Грузию, подчеркивая опрометчивость заключения союза с Российской империей ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 226-](#)

227). При этом Сулейман-паша отвергал все обвинения в организации набегов на Картли-Кахетию, которые продолжались и наносили невосполнимый урон хозяйству и военному потенциалу государства Ираклия II.

Неутешительное положение Восточной Грузии заставило Ираклия II просить П.С. Потемкина прислать помимо двух батальонов, ожидаемых с большим нетерпением, еще пять тысяч солдат для похода на Джаро-Белоканские общества, грабившие кахетинских крестьян (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 239*). В случае невозможности прислать дополнительные войска Ираклий II просил оказать финансовую помощь для организации наемного войска. «Если мы сего не сделаем и не истребим их, то они всегда станут нас беспокоить и тревожить», – писал грузинский царь (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 240*). Однако этой помощи Ираклий II не получил.

Белорусский и Горский егерские батальоны прибыли в Тифлис 2 ноября 1783 г. На следующий день союзников встречал Ираклий II, устроивший торжественный обед для российских офицеров.

Грузинский царь разработал масштабный план совместных военных действий. Он рассчитывал, что присланные ему войска – лишь авангард большой российской армии. В мае 1784 г. в письме к С.Д. Бурнашеву он предлагал овладеть Южным Азербайджаном, Гиляном и Мазандераном, принадлежавшими Персии, а также захватить Дербент и Баку. Для этого Ираклий II просил прислать 10-тысячный российский корпус, с которым ему удалось бы покорить Гянджу и Джар. Царь уверял эмиссара императрицы, что в случае победы над его старыми противниками на сторону российско-грузинского войска перейдут многие кавказские владетели и их подвластные, что избавит империю от необходимости пополнять свой военный контингент (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 313*). Ираклий II, очевидно, понимал, что два батальона не смогут надежно защитить Восточную Грузию, которая после заключения Георгиевского трактата оказалась во враждебном кольце. Поэтому царь рассчитывал на наступательную тактику и полагался на сепаратные артикулы договора с Россией, по которым Екатерина II признавала врагов Ираклия II за собственных неприятелей и обещала расширение военной и финансовой помощи в случае войны.

Введение в Грузию многочисленного российского корпуса означало для России почти неизбежный разрыв с Турцией, которого в Петербурге не желали. В самом начале 1784 г. султан Абдул-Хамид I передал российскому посланнику Я.И. Булгакову письменное согласие признать российский суверенитет над Крымом. Россия приобрела полуостров без вступления в войну, и вновь провоцировать Стамбул полномасштабным вводом войск в Закавказье было рискованно. Кроме того, крайне негативно известие о присоединении Крыма встретили при европейских дворах. Угроза начала войны была серьезной. «Теперь ожидаю с часу на час объявления войны по интригам французов и пруссаков» (*Елисеева, 2018: 196*), – писала 26 сентября 1784 г. Екатерина II Г.А. Потемкину. «Грузинские дела» неизбежно оказались на периферии внимания Петербурга, занятого еще и внутренними интригами. В это время вновь подняла голову прусская партия Павла Петровича, стремившаяся к низложению екатерининского фаворита и соправителя.

Командиры егерских батальонов, прибывших в Грузию, пытались противостоять набегам горцев. В апреле 1784 г. подполковник А.П. Квашнин-Самарин, который командовал Белорусским егерским батальоном, разбил у селения Сагареджо крупную партию лезгин, отбив захваченных в плен грузинских крестьян и скот. По случаю этой победы Ираклий II устроил в Тифлисе пушечную канонаду, а жители грузинской столицы праздновали до глубокой ночи (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 311*).

Подобные победы случались и в дальнейшем. Так, 18 апреля 1785 г. под Сурамской крепостью поражение турецко-лезгинскому отряду нанесли егеря Горского батальона под командой секунд-майора Ф. Сенненберга. В этом бою российским егерям и грузинскому ополчению удалось захватить несколько пленных, которые на допросе показали, что отправились грабить Картли-Кахетию по призыву Сулейман-паши. Ахалцихский паша, по словам пленников, приглашал горцев Дагестана служить ему за щедрое жалованье, но обещания не сдержал. После этого он усилил отряд горцев, насчитывающий около тысячи человек, пятью сотнями турецких воинов и отправил в поход на Восточную Грузию (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 402*). На письма П.С. Потемкина с требованиями прекратить набеги на Картли-Кахетию Сулейман-паша по традиции отвечал, что нисколько не способствует военным предприятиям горцев, но вместе с тем не может им и препятствовать, «ибо они нам единовольцы, по сему драться нам с ними нельзя» (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 391*).

Выступить против Сулеймана-паши российские егеря не могли, но и надежно прикрыть границы Картли-Кахетии им не удавалось. Еще летом 1784 г. С.Д. Бурнашев едва ли ни в отчаянии писал П.С. Потемкину, что «дороги все заражены в Грузии лезгинами» (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 350*). Не мог действовать и Ираклий II. По условиям георгиевского договора он не имел права ни вступать в самостоятельные переговоры, ни, тем более, открывать военных действий без ведома и согласия российской стороны, которая, как уже было отмечено, стремилась к сохранению мира с султаном. В письме к П.С. Потемкину от 26 марта 1785 г. Ираклий II отмечал, что мог бы «учинить ему (Сулейман-паше – Авт.) возмездие, но вам небезызвестно, что меня от того удерживает». Правитель Картли-Кахетии с горечью признавал, что российский протекторат

«скрытых нам соседей обратил в явные злодеи, а приятелей наших совершенно поколебал». Георгиевский трактат стал для грузинского царя политической ловушкой ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 394](#)).

Среди грузинской знати уже к лету 1785 г. сформировалась многочисленная группа недовольных политикой Ираклия II. Появление сильной аристократической фронды выделял в качестве причины фактического распада российско-грузинского военного союза классик турецкой историографии А.Н. Курат ([Курат, 2016: 56](#)). Некоторые грузинские князья переходили на службу к Сулейман-паше, как это сделали Э. Эривани и З. Абашидзе ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 433](#)).

Число противников Ираклия II постоянно увеличивалось, в то время как число российских войск оставалось прежним. В августе 1785 г. в поход на Восточную Грузию под предлогом защиты купцов, якобы ограбленных в Тбилиси ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 457](#)), отправился Умма-хан IV Аварский. Ираклий II отправлял российским сановникам письма с просьбами оказать немедленную помощь. Основным адресатом отчаянных посланий картли-кахетинского царя был П.С. Потемкин, командовавший Кавказским корпусом, который пересылал тревожные вести из Грузии Г.А. Потемкину, обращая внимание светлейшего князя на то, «...что Грузия подвержена опасности. Я, не имея повеления Вашей светлости, не могу дать помощи, царем требуемой» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 440](#)). Всесильный фаворит императрицы оказывать помощь союзнику не спешил, опасаясь масштабных внешнеполитических осложнений. Трижды Ираклий II писал генерал-поручику М.Н. Леонтьеву, замещавшему П.С. Потемкина с декабря 1784 г. до конца сентября 1785 г. ([Дегоев, 2013: 41](#)), с той же просьбой: прислать войска. И столь же безуспешно.

Еще в июле 1785 г. в Чечне был разбит отряд полковника Н.Ю. Пьери, на Северном Кавказе началось восстание Шейха-Мансура. В этих условиях снимать войска с Кавказской линии стало невозможно. П.С. Потемкин отговаривался перед Ираклием II испорченной дорогой, не желая признавать недостаток военных сил ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 447](#)).

Совместно со своим посланником при дворе Екатерины II Г.Р. Чавчавадзе царь Картли-Кахетии продумывал и другие дипломатические ходы, которые могли бы спасти Восточную Грузию от лезгинского разорения. Обсуждалась возможность передачи во владение Г.А. Потемкина части Картли-Кахетии. Светлейшему князю планировали «поднести» крепость Ананури и ее окрестности. Эта идея появилась не случайно. Среди иностранных дипломатов в Петербурге ходили слухи о желании Г.А. Потемкина получить отдельное, независимое владение и стать самостоятельным правителем ([Елисеева, 2018: 126](#)). По мысли Г.Р. Чавчавадзе передача Ананури во владение светлейшего князя подчеркнула бы стратегический характер российского протектората, а главное, заставила бы Екатерину II решительнее защищать своего союзника. Эти же цели преследовала и другая затея. Речь идет о браке светлейшего князя и дочери царя Ираклия II Анастасии, тайное обсуждение которого, вероятно, спровоцировал сам Г.А. Потемкин ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 472](#)). Тем самым всесильный вельможа пытался отвлечь грузин от составления докучливых просьб о предоставлении военной помощи. Все эти попытки упрочить российский протекторат результата не дали.

На фоне недостатка российской военной поддержки и непрекращающихся набегов горцев усиливалось политическое давление Турции на Ираклия II. В июле 1786 г. правитель Эрзурума Баттал Хусейн-паша призывал царя Картли-Кахетии отказаться от российского покровительства и вернуться под высокую руку османского султана ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 485](#)). В противном случае Эрзурумский паша угрожал начать военные действия против Восточной Грузии. Турецкие администраторы обещали «унять дагестанцев», если Ираклий II откажется от российского протектората и батальоны Екатерины II будут выведены из Грузии ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 487](#)).

Ираклий II вступил в переговоры с османами, но проводил их при подробном информировании российской стороны. Послания от Сулейман-паши и Баттал Хусейн-паши картли-кахетинский царь передавал С.Д. Бурнашеву, а далее они доходили до П.С. Потемкина, в письме к которому от 31 июля 1786 г. Ираклий II подчеркивал: «...Все мое помышление в том единственно состоит, дабы непоколебимо быть в сохранении высочайших благоволений, державнейшей рукой подписанных, кои гремят в пунктах трактата» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 492](#)). Екатерина II разрешила царю Картли-Кахетии вести переговоры с Сулейман-пашой. Переговоры начались в конце 1786 г. По предварительным условиям планируемого договора численность российских войск в Восточной Грузии не должна была превышать трех тысяч. В свою очередь Сулейман-паша обязывался не пропускать дагестанских горцев в Ахалцихе и запретить им торговлю грузинским пленниками ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 501](#)). В донесении Г.А. Потемкина Екатерине II от 10 декабря 1786 г. начало переговоров Ираклия II с турками описано кратко. Светлейший князь лишь указал на то, что царь, согласившись на ограничение числа российских войск, отошел от четкого следования инструкциям, но «как сие уважения не заслуживает, то и можно извинить его неосторожность, от торопливости произошедшую» ([Из истории российско-грузинских](#)

отношений, 2014: 501). Увеличивать российское военное присутствие в Восточной Грузии российские сопративители не планировали.

Ираклий II пытался как можно скорее заключить договор с ахалцихским пашой, опасаясь новых набегов дагестанских и азербайджанских владетелей, которые получали от Сулейман-паши дорогие подарки. Царь Картли-Кахетии согласился с требованием выдачи аманатов в качестве гарантии соблюдения условий договора. Такая «самостоятельность» Ираклия II вызвала негативную реакцию П.С. Потемкина, который обвинил царя в нарушении четвертого артикула Георгиевского трактата (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 509). В начале 1787 г. отношения между Ираклием II и российским военным командованием становятся напряженными. Переписка двух сторон в это время изобилует взаимными претензиями и требованиями.

Критическое положение Картли-Кахетии и явная недостаточность российской военной помощи позволяли Сулейман-паше выдвигать все новые условия заключения мира. Весной 1787 г. он уже требовал полного вывода российских войск, разрыва отношений Картли-Кахетии с Российской империей и уничтожения ананурской дороги, связывающей Восточную Грузию с империей Романовых (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 536). В ответном послании Ираклий II назвал требования Сулейман-паши невозможными. Царь Картли-Кахетии продолжал надеяться на российскую военную и финансовую помощь (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 554).

13 августа 1787 г. Османская империя объявила войну России. Екатерина II и Г.А. Потемкин решили вывести российские войска из Восточной Грузии. Очевидно, что с началом войны требовалось либо значительно увеличить российские военные силы в Грузии, либо полностью их вывести. В Петербурге выбрали менее рискованный второй вариант. Это решение объясняется тем, что российское командование понимало всю сложность организации надежного сообщения с Закавказьем. переброска дополнительных отрядов влекла за собой необходимость их регулярного снабжения и пополнения. Поэтому просьбы Ираклия II оставить российские батальоны хотя бы до весны 1788 г. услышаны не были. Уже 9 октября 1787 г. Белорусский и Горский егерские батальоны прибыли во Владикавказ, где «застряли» пушки, которые Г.А. Потемкин отправил Ираклию II еще год назад (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 569). Картли-Кахетия осталась наедине со своими противниками.

Ираклий II вернулся к хорошо знакомой ему политике балансирования между Турцией и Персией. Но теперь Картли-Кахетия значительно ослабла: тысячи жителей были убиты или уведены в плен, десятки селений оказались разорены. Социально-экономический кризис сказывался на военных силах картли-кахетинского государства. Пустая царская казна не позволяла привлечь на службу наемников, а собственных войск не хватало.

Положение Восточной Грузии немного улучшилось после завершения Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и заключения Ясского мира. Согласно пятой статье мирного трактата, «блестательная Порта обещает подтвердить вновь издаваемым фирманом данный прежде, чтоб ахалцихский губернатор, пограничные начальники и прочие отныне впредь ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей владеемых царем Карталинским, о чем и отправить к помянутому ахалцихскому губернатору, к пограничным начальникам и к прочим со строжайшим прещением и подтверждением указы» (Юзефович, 2005: 65). Ахалцихский паша действительно перестал быть главным неприятелем Картли-Кахетии, но вскоре над государством Ираклия II нависла несравненно более серьезная угроза.

После смерти Керим-хана в 1779 г. Персидское государство погрузилось в пучину затяжной междоусобицы, в которой активное участие принимала и Россия. Креатурой Екатерины II был Муртазу-Кули-хан, который укрепился в прикаспийских провинциях, столь важных для российской международной торговли. Однако его брат Ага-Мухаммад-хан оказался более удачливым полководцем и талантливым государственным деятелем. Он дважды разбил войска Муртазу-Кули-хана, который неизменно находил пристанище в России, где и умер в 1798 г. (История России, 2002: 64-65) Вполне понятная неприязнь Ага-Мухаммад-хана к Российской империи активно распространялась и на ее союзников.

Враждебные намерения персидского правителя в отношении Картли-Кахетии были хорошо известны. Еще осенью 1791 г. Ираклий II писал Г.А. Потемкину, что «Ага Мамат-хан приблизился с многочисленными персидскими силами своими к карталинским границам и покушается учинить нападение на Карталинию» (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 576). Царь Картли-Кахетии снова просил российской помощи «войсками или казною». Грузинские просьбы были повторены и в августе 1795 г. за месяц до персидского вторжения, но российские войска остались на прежних позициях. Вместо этого представители Ага-Мухаммад-хана в Кизляре – Аджид-Митраг и Ага Мурза-Махти – были предупреждены о нежелательности нападения на Восточную Грузию, находящуюся под российским покровительством (Боцвадзе, 1974: 86). Слова не убедили Ага-Мухаммад-хана.

Войска Ираклия II и Ага-Мухаммад-хана сошлись 10–11 сентября 1795 г. на Крцанисской равнине. Персы обладали большим численным перевесом: против менее чем пятидесяти тысяч грузинского отряда сражалась семидесятитысячная армия, что и определило исход двухдневной битвы (Взятие Тифлиса, 1895: 7-10). Захваченный Тбилиси Ага-Мухаммад-хан подверг тотальному

разорению: были уничтожены жилые кварталы, разрушены оружейные мастерские и артиллерийские склады (Взятие Тифлиса, 1895: 13). Так тбилисскую катастрофу описал автор «Карабаг наме» Мирза Адигезаль-бек: «Они (войска Ага-Мухаммед-шаха) ограбили и растащили все, что имелось ценного в церквах и в дворах. Они пробыли в городе семь дней и за (это) время предали огню насилия и разрушили высокие дворцы, снесли башни и стены города» (Мирза Адигезаль-бек, 1951: 81). После ухода персов Ираклий II распорядился о восстановлении столицы, но собственную резиденцию перенес в Телави.

Разорение, которому подверглась Восточная Грузия в ходе персидского нашествия 1795 г., стало определяющим фактором в дальнейшей судьбе государства Ираклия II. Способность Картли-Кахетии сопротивляться многочисленным угрозам, исходившим от Турции и Персии, а также от горцев Дагестана и азербайджанских владетелей, была подорвана. Наследник Ираклия II Георгий XII, не обладавший ни энергией, ни способностями отца, решил добиваться российского подданства как единственного способа спасти то, что еще оставалось от Картли-Кахетии.

5. Заключение

Российский протекторат над Восточной Грузией, условия которого были сформулированы в Георгиевском трактате 1783 г., стал главной причиной потери независимости Картли-Кахетинского государства. Его подготовка и подписание разрушили хрупкий военно-дипломатический баланс в Закавказье, который позволял Ираклию II не только сохранять пределы Восточной Грузии в относительной безопасности, но и расширять их при благоприятной конъюнктуре. В новых условиях картли-кахетинский царь лишился свободы политического маневра и был вынужден следовать в фарватере российской внешней политики. Этим он одновременно приобрел множество противников: правителей пограничных турецких провинций, горцев Дагестана, азербайджанских владетелей, а позднее и персидского шаха. При этом прямая военная помощь Российской империи была незначительной. Два егерских батальона, находившихся в Восточной Грузии в 1783–1787 гг., не смогли (да и не могли) обеспечить Картли-Кахетию надежную оборону. Многочисленные просьбы Ираклия II об увеличении российского контингента и финансовой помощи не находили отклика в Петербурге. Российская империя пыталась заменить солдат и пушки, которые ей были очень нужны на Северном Кавказе, на дипломатические угрозы и предупреждения противникам Ираклия II, но такое бумажное прикрытие оказалось бессильным.

Литература

- Авалов, 2009 – Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб.: «Звезда», 2009. 264 с.
- Айрапетов и др., 2016 – Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан: Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. 512 с.
- АКАК, 1 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. I. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского 1866. 827 с.
- Архив Государственного совета, 1878 – Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. 1280 с.
- Боцвадзе, 1974 – Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI – XVIII веков. Тбилиси: «Мецниереба», 1974. 108 с.
- Бурнашев, 1793 – Бурнашев С.Д. Картина Грузии, или Описание политического состояния Царств Карталинского и Кахетинского, сделанное пребывающим при Его Высочестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Темуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786: с указного дозволения. Курск: Тип. Курск. приказа обществ. призрения, 1793. 38 с.
- Ватейшвили, 2006 – Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны: очерки истории взаимоотношений. XIII–XIX вв. Т. 3. Грузия и Россия, XVIII–XIX вв. Кн. 1. М.: ИРИ РАН, 2006. 510 с.
- Взятие Тифлиса, 1895 – Взятие Тифлиса Ага-Магомед-ханом в 1795 году. Из записок царевича Теймураза. Тифлис: Изд. К.Н. Бегичева, 1895. 26 с.
- Гатагова, 2011 – Гатагова Л.С. Проблема присоединения Грузии к России в зеркале политики и истории // Россия–Грузия: альтернатива конфронтации – созидание (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX–XXI вв.) / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Институт российской истории РАН, 2011. С. 43–56.
- Мачарадзе, 1983 – Мачарадзе В. Георгиевский трактат. Исследование. Документы. Фотокопии / Сост. В. Мачарадзе. Тбилиси: Хеловнеба, 1983. 190 с.
- Дегоев, 2013 – Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Издатель Модест Колеров, 2013. 256 с.
- Елисева, 2018 – Елисева О.И. Граница России – Черное море. Геополитические проекты Григория Потемкина. М.: «Эксмо», 2018. 384 с.

[Из истории российско-грузинских отношений, 2014](#) – Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014. 768 с.

[История России, 2002](#) – История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. СПб.: Издательство «Лексикон», 2002. 736 с.

[Киняпина и др., 1984](#) – *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 328 с.

[Курат, 2016](#) – *Курат А.Н.* Собрание сочинений. Кн. 4. Турция и Россия: турецко-российские отношения с конца XVIII в. до войны за независимость Турции (1798–1919) / Отв. ред. Л.И. Шахин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 852 с.

[Мирза Адигезаль-бек, 1950](#) – *Мирза Адигезаль-бек.* Карабаг Наме. Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1950. 250 с.

[Пайчадзе, 1983](#) – *Пайчадзе Г.Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 247 с.

[Покровский, 1923](#) – *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: «Красная новь», 1923. 468 с.

[Рейфилд, 2017](#) – *Рейфилд Д.* Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 608 с.

[Сулаберидзе, 2017](#) – *Сулаберидзе З.* Феодалные отношения в Западной Грузии во второй половине XVIII в. (Имеретинской царство и Абхазское княжество) // *Новое прошлое.* 2017. № 2. С. 121-130.

[Хачапуридзе, 1950](#) – *Хачапуридзе Г.В.* К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси: «Заря Востока», 1950. 568 с.

[Юзефович, 2005](#) – *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М.: ГПИБ, 2005. 292 с.

[Gvosdev, 2000](#) – *Gvosdev N.* Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819. NewYork: Palgrave, 2000. 200 p.

[Ter-Oganov, 2018](#) – *Ter-Oganov N.* Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.) // *Bylye Gody.* 2018. 47(1). pp. 53-59.

References

[Avalov, 2009](#) – *Avalov Z.D.* (2009). Prisoedinenie Gruzii k Rossii [Georgia's accession to Russia]. SPb.: «Zvezda». 264 p. [in Russian]

[Ajrapetov i dr., 2016](#) – *Ajrapetov O.R., Volhonskij M.A., Muhanov V.M.* (2016). Doroga na Gyulistan: Iz istorii rossijskoj politiki na Kavkaze v XVIII–pervoj chetverti XIX v. [The road to Gulistan: from the history of Russian politics in the Caucasus in the XVIII-first quarter of the XIX century.] М.: Kuchkovo pole. 512 p. [in Russian]

[АКАК, 1](#) – Акты, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian archaeological Commission]. V 12 t. T. I. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo 1866. 827 p. [in Russian]

[Архив Gosudarstvennogo soveta, 1878](#) – Архив Gosudarstvennogo soveta [Archive of the State Council]. V 15 t. T. III. CH. 2. SPb.: [B.i.], 1878. 1280 p. [in Russian]

[Bocvadze, 1974](#) – *Bocvadze T.D.* (1974). Narody Severnogo Kavkaza v gruzinsko-russkikh politicheskikh vzaimootnosheniyah XVI–XVIII vekov [Peoples of the North Caucasus in Georgian-Russian political relations of XVI–XVIII centuries]. Tbilisi: «Mecniereba». 108 p. [in Russian]

[Burnashev, 1793](#) – *Burnashev S.D.* (1793). Kartina Gruzii, ili Opisanie politicheskogo sostoyaniya Carstv Kartalinskogo i Kahetinskogo, sdelanное prebyvayushchim pri Ego Vysochestve care Kartalinskom i Kahetinskom Iraklii Temurazoviche polkovnikom i kavalerom Burnashevym v Tiflise v 1786: s ukaznogo dozvoleniya [Picture of Georgia, or a Description of the political state of the kingdoms of Kartli and Kakheti]. Kursk: Tip. Kursk. prikaza obshchestv. prizreniya. 38 p. [in Russian]

[Vatejshvili, 2006](#) – *Vatejshvili D.L.* (2006). Gruzija i evropejskie strany: ocherki istorii vzaimootnoshenij [Georgia and European countries]. XIII–XIX vv. T. 3. Gruzija i Rossiya, XVIII–XIX vv. Kn. 1. М.: IRI RAN. 510 p. [in Russian]

[Vzyatie Tiflisa, 1895](#) – *Vzyatie Tiflisa Aga-Magomed-hanom v 1795 godu. Iz zapisok carevicha Tejmuraza* [The capture of Tiflis, Agha Mohammed Khan in 1795. From the notes of Prince Teimuraz]. Tiflis: Izd. K. N. Begicheva, 1895. 26 p. [in Russian]

[Gatagova, 2011](#) – *Gatagova L.S.* (2011). Problema prisoedineniya Gruzii k Rossii v zerkale politiki i istorii [The problem of Georgia's accession to Russia in the mirror of politics and history] / Rossiya–Gruzija: al'ternativa konfrontacii – sozidanie (Problemy rossijsko-gruzinskih otnoshenij. XIX–XXI vv.) / Sost. N.F. Bugaj. М.: Institut rossijskoj istorii RAN. pp. 43–56. [in Russian]

[Macharadze, 1983](#) – *Georgievskij traktat. Issledovanie. Dokumenty. Fotokopii* [George's treatise. Research. Documentation. Photocopies] / Sost. V. Macharadze. Tbilisi: Helovneba, 1983. 190 p. [in Russian]

- [Degoev, 2013](#) – *Degoev V.* (2013). *Nepostizhimaya Chechnya: Shejh-Mansur i ego vremya (XVIII vek)* [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and his time]. M.: Izdatel' Modest Kolerov. 256 p. [in Russian]
- [Eliseeva, 2018](#) – *Eliseeva O.I.* (2018). *Granica Rossii – Chernoe more. Geopoliticheskie proekty Grigoriya Potemkina* [Russia's border is the Black sea. Geopolitical projects of Grigory Potemkin]. M.: «Eksmo». 384 p. [in Russian]
- [Iz istorii rossijsko-gruzinskih otnoshenij, 2014](#) – *Iz istorii rossijsko-gruzinskih otnoshenij: K 230-letiyu zaklyucheniya Georgievskogo traktata. Sbornik dokumentov* [From the history of Russian-Georgian relations: to the 230th anniversary of the conclusion of the George treatise] / *Otv. red. A.N. Artizov.* M.: Drevlekhranilishche, 2014. 768 p. [in Russian]
- [Istoriya Rossii, 2002](#) – *Istoriya Rossii: Rossiya i Vostok* [Russian history: Russia and East] / *Sost. Yu.A. Sandulov.* SPb.: Izdatel'stvo «Leksikon», 2002. 736 p. [in Russian]
- [Kinyapina i dr., 1984](#) – *Kinyapina N.S., Bliev M.M., Degoev V.V.* (1984). *Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnej politike Rossii* [The Caucasus and Central Asia in Russia's foreign policy]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 328 p. [in Russian]
- [Kurat, 2016](#) – *Kurat A.N.* (2016). *Sobranie sochinenij. Kn. 4. Turciya i Rossiya: turecko-rossijskie otnosheniya s konca XVIII v. do vojny za nezavisimost' Turcii (1798–1919)* [Turkey and Russia: Turkish-Russian relations from the end of the XVIII century until the war of independence of Turkey (1798-1919)] / *Otv. red. L.I. Shahin.* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 852 p. [in Russian]
- [Mirza Adigezal'-bek, 1950](#) – *Mirza Adigezal'-bek.* (1950). *Karabag Name* [Karabag Name]. Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbajdzhanskoj SSR. 250 p. [in Russian]
- [Pajchadze, 1983](#) – *Pajchadze G.G.* (1983). *Georgievskij traktat* [The Treaty of Georgievsk]. Tbilisi: Mecniereba. 247 p. [in Russian]
- [Pokrovskij, 1923](#) – *Pokrovskij M.N.* (1923). *Diplomatiya i vojny carskoj Rossii v XIX stoletii* [Diplomacy and wars of tsarist Russia in the XIX century]. M.: «Krasnaya nov'». 468 p. [in Russian]
- [Rejfeld, 2017](#) – *Rejfeld D.* (2017). *Gruziya. Perekrestok imperij. Istoriya dlinoj v tri tysyachi let* [Georgia. Crossroads of empires. The story is three thousand years long]. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus. 608 p. [in Russian]
- [Sulaberidze, 2017](#) – *Sulaberidze Z.* (2017). *Feodal'nye otnoshenij v Zapadnoj Gruzii vo vtoroj polovine XVIII v. (Imeretinskoj carstvo i Abhazskoe knyazhestvo)* [Feudal relations in Western Georgia in the second half of the XVIII century.]. *The New Past.* № 2. pp. 121–130. [in Russian]
- [Hachapuridze, 1950](#) – *Hachapuridze G.V.* (1950). *K istorii Gruzii pervoj poloviny XIX veka* [To the history of Georgia in the first half of the XIX century]. Tbilisi: «Zarya Vostoka». 568 p. [in Russian]
- [Yuzefovich, 2005](#) – *Yuzefovich T.* (2005). *Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovyje* [Russia's treaties with the East. Political and trade.]. M.: GPIB. 292 p. [in Russian]
- [Gvosdev, 2000](#) – *Gvosdev N.* (2000). *Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819.* New York: Palgrave. 200 p.
- [Ter-Oganov, 2018](#) – *Ter-Oganov N.* (2018). *Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.).* *Bylye Gody.* 47(1). pp. 53-59.

Восточная Грузия и протекторат Российской империи (1783–1801 гг.): условия, особенности и последствия политического взаимодействия

Амиран Урушадзе ^{a, *}, Александр Черкасов ^{b, c}, Анник Валлоу ^d

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. Статья посвящена ключевому периоду в развитии российско-грузинских политических отношений: от заключения Георгиевского трактата (24 июля 1783 г.) до Манифеста о присоединении Грузии (12 сентября 1801 г.). Царь Картли-Кахетии (Восточной Грузии) Ираклий II отказался от тяжелой политической опеки Персидского государства в пользу сближения с Российской империей. Целью этого политического маневра было стремление обезопасить страну от разорительных внешних вторжений. Империя Романовых приобретала надежного и полностью зависимого союзника, что расширяло внешнеполитические возможности в противоборстве с мусульманскими державами (Персией и Турцией) за влияние на Кавказе.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aturushadze@sfedu.ru (А. Урушадзе), sochio03@rambler.ru (А. Черкасов), Annick.Valleau@unige.ch (А. Валлоу)

Основные вопросы статьи: каким образом российский политический протекторат создал условия для присоединения Восточной Грузии? Насколько инкорпорация государства Ираклия II и его наследников была неизбежна? Кто и как в российской элите принимал решение о ликвидации династии Багратионов как политического центра?

Эмпирическую основу исследования составляет значительный комплекс опубликованных исторических документов, дополненный свидетельствами из архивных фондов.

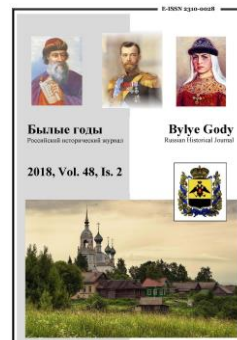
Ключевые слова: Восточная Грузия, Российская империя, Георгиевский трактат, Ираклий II, Екатерина II, Г.А. Потемкин.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 549-557. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.549
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries

Aleksandr I. Kashirin ^a, Aleksandr S. Semenov ^{a,*}, Vadim V. Strenalyuk ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The article discusses the history of the formation of the aeronautic reconnaissance using the tethered balloons in the XIX – early XX centuries. The article is paid attention to the first experience of introduction of innovative technologies of sensing the time – of-reconnaissance from balloons, and also focused on the psycho-physical state of aeronauts during operation at high altitudes. In addition, the article reflects the activities of military departments around the world to create the first aeronautical departments.

There were involved as materials the pre-revolutionary historiography devoted to the aeronautics and also reference and special literature. In solving research problems, the general scientific methods (analysis and synthesis, concretization, generalization) and traditional methods of historical analysis were used.

In conclusion, the authors showed that in the XVIII – early XX centuries the ballooning in balloons passed the dynamic development. At the end of the XVIII century, the balloons were used for reconnaissance, and in the 1860s the photographic reconnaissance from balloons was first used. They were used as an additional or main source of intelligence information in many military conflicts in Europe and America, their relevance remained during the First world war. In fact, this experience laid the foundations for remote sensing of the earth's surface.

Keywords: balloon, intelligence, photographic reconnaissance, the process of formation of the aeronautic department, the formation of unique technological competencies, innovations, XIX–XX centuries.

1. Введение

История знает множество примеров, когда техническое превосходство в вооружении или тактике становилось основой военных побед и даже общественных преобразований. В свою очередь, достижение технического превосходства опирается на формирование уникальных технологических компетенций, которые развиваются в соответствии с достигнутым на данный момент уровнем науки и техники. В данной работе показано, как достижения в воздухоплавании, объединяясь с достижениями в оптике, фотографии, связи, под действием инновационной активности и таланта изобретателей формируют новые уникальные технологические компетенции, профессии, направления.

Первые опыты воздухоплавания в России имели место еще в конце XVII века. Так, по данным литературы, в 1699 г. рязанский стрелец по фамилии Серов в Рязске смастерил большие крылья из перьев голубей. Во время опыта Серов поднялся на высоту около 5 метров, перекувыркнулся и упал на спину ([Воздухоплавание, 1911: 3](#)).

Интересно, что вторая зафиксированная попытка была также недалеко от Рязска в селе Ключи. Там местный кузнец Черпак в 1729 г. смастерил крылья из проволоки и перьев ястреба, также изготовил хвост на ноги и шапку на голову из мягких длинных перьев. Этот опыт был более успешным. Как отмечается, летал Черпак «мало дело ни высоко, ни низко, устал и спустился на кровлю церкви». Священник крылья Черпака сжег ([Воздухоплавание, 1911: 3-4](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: semyonov1980@mail.ru (A.S. Semenov)

Практически одновременно с этим начались опыты и с воздушными шарами. Так, в 1731 г. в Рязани находящийся при воеводе подьячий Нерехтец сделал большой шар, надул его дымом, от шара сделал петлю, сел в нее и был поднят выше дерева. Уцелел испытатель только благодаря тому, что зацепился за колокольню. В результате инцидента с колокольной Нерехтец был изгнан из города ([Воздухоплавание, 1911: 4](#)).

Однако первый удачный опыт, благодаря которому начало развиваться воздухоплавание, был произведен братьями Монгольфье во Франции в 1783 г. Они приняли во внимание, что дым легче воздуха, решили произвести опыт в больших размерах. Ими был сшит из холста большой шар 17 сажень¹ в обхвате, с отверстием внизу. Под отверстием была укреплена жаровня, в которой сжигали солому с шерстью для получения дыма. Когда шар наполнился дымом, его отпустили и, несмотря на то, что он весил около 240 кг, он взлетел вверх. Вскоре этот опыт был повторен в Париже в присутствии короля. При этом воздухоплатателями были петух и утка, привязанные к шару в клетке. Шар, пролетев некоторое расстояние, опустился, после того как дым остыл.

В ноябре того же 1783 г. поднялись в воздух на воздушном шаре первые люди. Это были Пилатр де Розье и маркиз де Арланд. Они пробыли в воздухе 25 минут, пролетев около 8 верст ([Большая энциклопедия, 1902: 332](#)).

2. Материалы и методы

В качестве материалов была привлечена дореволюционная историография, посвященная вопросам воздухоплавания, а также справочная и специальная литература.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. Изучая особенности создания воздухоплавательных отделений, мы обращались к различным общелогическим приемам исследования. Прежде всего, это анализ – разделение изучаемого объекта на части для лучшего осмысления того или иного явления, в ходе которого делается синтез имеющихся результатов. Так, например, анализируя историю воздухоплавания в XIX веке, мы обращали внимание на особенности применения воздушных шаров для визуальной разведки и фоторазведки, а также к психо-физическим проблемам, которые возникали у воздухоплатателей.

3. Обсуждение

Вопросы применения воздушных шаров начали активно обсуждаться еще в период XIX – начала XX вв. Как правило, это были публикации, посвященные разным аспектам военного воздухоплавания, как, например, труды офицеров русской армии, опубликованные в центральном издании военного ведомства Российской империи – журнале «Военный сборник» ([Грибоедов, 1900; К.В., 1912; Мильчевский, 1912; Шумков, 1912](#)). В 1911 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет работа под названием «Воздухоплавание» ([Воздухоплавание, 1911](#)).

Уже на закате дореволюционного периода исследование воздушных шаров было вытеснено динамичным развитием аэропланов. В значительной степени это и предопределило слабое изучение дореволюционного опыта применения воздушных шаров. В современной историографии данная тема нашла отражение в контексте юбилейных дат со дня рождения авиаконструкторов, а также юбилеев военно-воздушных сил. Так, например, в 2017 г. была опубликована статья, посвященная 140-летию конструктора Н.А. Рынина ([Герасютин, 2017](#)). В 2007 и 2012 гг. публиковались работы по становлению военно-воздушных сил России ([Герасимов, 2007; Лашков, 2012](#)).

4. Результаты

Уже спустя год после первого удачного полета на воздушном шаре французский генерал Мейснер разработал проект использования воздушных шаров, который и был представлен им в Парижскую академию наук. Тем не менее, несмотря на то, что проект был одобрен правительством, он не был введен в исполнение ввиду требовавшихся значительных финансовых ассигнований ([Грибоедов, 1900: 369](#)).

В 1794 г. была создана первая воздухоплавательная команда, которая находилась в осажденном Мобеже и почти ежедневно производила подъемы на привязном воздушном шаре до высоты 500 метров. Наблюдения передавались с шара при помощи условных знаков разноцветными флагами. Стрельба противника по шару не принесла ему вреда, и после осады шар действовал в сражении при Флерюсе и употреблялся для разведки в ряде других мест. В конечном итоге во время одной из разведок шар был захвачен противником.

Второй воздухоплавательный отряд, сформированный в 1795 г., произвел ряд смелых подъемов в районе Майнца и при Донауверте. Однако в 1798 г. Наполеон распустил обе воздухоплавательные команды, закрыл воздухоплавательную школу в Медоне, основанную в 1794 г., и распродал все ее имущество ([Грибоедов, 1900: 369-370](#)).

В 1814 г. Карнот произвел разведку при помощи привязного шара при Антверпене, то же было сделано накануне битвы при Сольферино. Применялись воздушные шары и в гражданской войне в

¹ 1 сажень = 2,1 метра.

США в 1861–1862 гг., причем американцы имели хорошо организованные воздухоплавательные отряды. Они не просто заявили о себе как о воздухоплателях, а первыми в мире начали фоторазведку. Так, в мае 1862 г. из армии унионистов, осаждавшей Ричмонд, был выпущен привязной шар и с него сделаны снимки окружающей местности как раз в то время, когда у неприятеля во всех родах войск шли приготовления к обороне. Этот снимок был отпечатан в двух экземплярах на бумаге с делениями; один из них был передан командующему армией, генералу Мак-Клейну, а другой – остался у офицера, поднимавшегося на шаре. Восемь дней спустя, накануне ожидавшегося решительного сражения, шар вновь был поднят на высоту в 350 метров. Сообщения о передвижениях неприятеля передавались офицером по квадратам сетки на снимке. Эти донесения дали командующему армией возможность отбрасывать неприятеля, своевременно выставляя резервы против него при каждой его попытке прорваться. Достигнутый успех доказал преимущества фотографических снимков местности перед изображением их на карте (Мильчевский, 1912: 116), что по сути заложило базу для формирования компетенций в области зондирования поверхности Земли.

Рис. 1. Подготовка к запуску воздушного шара

Однако после этого удачного опыта фоторазведка дальнейшего распространения не получила, несмотря на то, что фотографирование для военной истории и топографии широко применялось.

Заглянем в предысторию этого вопроса. Компетенции по данному направлению начали формироваться еще в XIX веке. Математические вычисления на основании данных, полученных фотографическим путем, были сделаны Араго еще в 1839 г. Его выводы об измерениях изображений на снимках послужили толчком для многочисленных опытов в этом направлении. В конечном итоге полевая фотография была применена в крепостной и позиционной войне. При соответствующем оборудовании и умелом применении фотографии с качественно обученным персоналом она являлась значительным дополнением к разведке. В отношении точности передачи фотография далеко превосходила набросок, сделанный на глаз; в отношении быстроты исполнения едва уступает ему, так как проявление снимка в полевой фотографической повозке занимало 20 минут. Фотографическая разведка служила главным образом для определения мест расположения тяжелых орудий противника, всевозможных укреплений и окопов, опорных пунктов, закрытых позиций, мест наведения мостов, путей движения колонн, мест вырубki леса и кустов, степени разрушения искусственных сооружений и, наконец, после начала боя, когда открыт артиллерийский огонь, для определения результатов действия собственных тяжелых орудий по укреплениям противника.

Важное внимание уделялось и защите воздушных шаров от артиллерийского огня противника. Для того, чтобы не попадать под артиллерийские выстрелы, привязной воздушный шар, если он должен был служить для продолжительного наблюдения, обязан был подниматься на расстояние не менее 7–8 км от орудий противника. Между тем дальность точного наблюдения с воздушного шара составляла не более 7 км. Таким образом, офицеру-воздухоплателю предстояло выбирать: вести съемку из наиболее крупного фотоаппарата на расстоянии, превышающем 7 км, или оставаться в пределах 7 км и подниматься на шаре лишь на короткое время, чтобы артиллерия противника не могла пристреляться (Рис. 2). Как правило, воздухоплатели останавливались на втором варианте, сочетая его с изменением высоты и места подъема шара. Важно отметить, что полное разрушение

шара артиллерийским огнем удавалось весьма редко. Если же осколки или шрапнельные пули и заставляли шар спуститься, то через полчаса вместо него поднимался другой шар, а поврежденный шар отправлялся в ремонт и спустя несколько часов мог вновь подниматься над позициями. Дальность действительного огня достигает примерно 5 км, а специальные орудия для стрельбы по шарам представляли собой большую редкость, к тому же офицер-воздухоплаватель быстро обнаруживает действующую артиллерию и тогда по телефонному сообщению по этим орудиям немедленно будет открыт заградительный огонь (Мильчевский, 1912: 119-120).

Рис. 2. Орудие, подготовленное для стрельбы по воздушным целям

Во время Парагвайской войны 1866 г. командующий бразильскими войсками производил успешные изучения местности с помощью привязного воздушного шара.

Война 1870–1871 гг. застала Францию, родину воздухоплавания, совершенно не подготовленной в этом отношении. Уже в течение самой войны французы пытались организовать воздухоплавательную службу в Меце и при Луарской армии; но опыт продемонстрировал, что невозможно добиться в этом деле положительных результатов, пользуясь импровизацией. Подобные же попытки были сделаны и немцами. Во время Парижской осады из города было выпущено 64 шара, поднявших 155 пассажиров и 2,5 млн писем (Грибоедов, 1900: 370).

Во время Тонкинской экспедиции в 1882 г. был отправлен воздухоплавательный парк с имуществом настолько легким, что можно было иметь в походе совершенно готовый к подъемам воздушный шар, несмотря на практически полное отсутствие путей сообщения. Шар несколько раз применялся для проведения разведки, но самое главное, что моральное воздействие на противника было очень велико (Грибоедов, 1900: 370).

Итальянские войска вполне удачно пользовались привязными воздушными шарами под Массовой и Саати; а английские войска – во время экспедиции в Судан, для которой был выработан особенно легкий тип стальных труб со сжатым водородом, так что их можно было перевозить на вьючных животных.

После Парижской осады во Франции и в ряде других европейских стран были созданы постоянные крепостные воздухоплавательные отделения. Таким образом, техника крепостной войны признала вполне удовлетворительными услуги, которые оказывал привязной воздушный шар при нормальных условиях; но для полевой войны тип воздухоплавательного имущества оставался еще слишком громоздким и малоподвижным.

Введение способа перевозки водорода в стальных трубах под давлением 130–200 атмосфер (Большая энциклопедия, 1902: 331) послужило сигналом к формированию в западноевропейских государствах полевых воздухоплавательных отделений, в основу которых была положена следующая система: отделение состояло из нескольких эшелонов, в первом помещался шар в сложенном виде и несколько водородных повозок с трубами для первоначальных потребностей в газе; в последнем эшелоне, располагавшемся на основной базе военного театра, имелись газодобывающие аппараты, химические материалы и нагнетательные насосы; между ними циркулировали эшелоны, состоящие из водородных повозок. Таким образом, отпадала необходимость иметь в походном движении тяжеловесные газодобывательные аппараты и большие запасы химических продуктов, из которых серная кислота представляла большие неудобства для транспортировки. Вместе с тем был обеспечен

большой выигрыш во времени подготовки шара к подъему, так как, перегоняя водород разом из нескольких повозок с трубами, можно было наполнить шар за 25–35 минут (Грибоедов, 1900: 372).

Наконец, полевой телефон дал простое и быстрое средство для сообщения между наблюдателем воздушного шара и военачальником, для которого работал шар. Важно отметить, что телефонный кабель обвертывался спиралью вокруг привязного каната (Грибоедов, 1900: 381). В результате этого улучшения в подвижности, простоте и скорости операций с шаром, а также обеспеченности сообщения наблюдателя с военачальником сделали привязной шар действительно вспомогательным средством для целей полевой войны.

В конце XIX – начале XX вв. воздушными шарами называли летательные приборы, которые, будучи легче воздуха, двигались в воздушном пространстве над земной поверхностью при помощи ветра. Шары летели только в ту сторону, в которую дул ветер. Воздушные шары были в большей степени круглой формы, хотя встречались и удлиненной формы – змейковые. Воздушный шар наполнялся водородом – газом, который в 14 раз легче воздуха, употреблялся для наполнения воздушных шаров и светильный газ, который был дешевле водорода.

Если шар служил для полетов одного человека, то емкость (объем) его должна была равняться примерно 300-м куб. метрам. Обычные размеры воздушных шаров составляли от 600 до 2 тыс. куб. метров. В Российской империи в военном ведомстве был установлен размер в 1,5 тыс. куб. метров (Воздухоплавание, 1911: 6).

Воздушные шары состояли из трех основных частей: 1) оболочки, наполненной газом; 2) веревочной сетки, в которой находилась оболочка и 3) корзины (Большая энциклопедия, 1902: 331).

Оболочка изготавливалась из шелка, пропитанного особым составом, чтобы она была непроницаемой, или из прорезиненного полотна. В верхней части шара устанавливался клапан, то есть род дверки, которая при дергании снизу за веревку открывалась и выпускала из шара газ, когда воздухоплаватель хотел опуститься на землю. Шар облегалась со всех сторон сетка, сужавшаяся книзу, она прикреплялась к обручу, к которому толстыми веревками привязывалась корзина. К обручу обычно прикреплялся длинный канат весом не менее 32 кг, носивший название гайдропа. Он придавал воздушному шару устойчивость во время полета и облегчал шару спуск на землю, так как постепенно ложился на землю и этим не допускал толчков при спуске.

Важной частью снаряжения для полета был балласт, то есть груз в виде мелкого песка, разложенного в небольшие, до 16 кг, мешки, которые прикреплялись с наружной стороны корзины и выбрасывались, если воздухоплаватель хотел подняться выше. В ветреную погоду в корзину брали, помимо прочего, якорь. Продолжительность полета в воздушных шарах зависела от разных причин, например, от состояния атмосферы: при одинаковой температуре полет бывал более продолжительным; зависела продолжительность полета и от объема взятого балласта, и особенно от опытности воздухоплавателя. Русские военные шары находились иногда по 20 и более часов в воздухе. Рекордным по времени считался полет швейцарского полковника Шека в 1908 г. на шаре «Гельвеция», который продолжался в воздухе 72 часа (Воздухоплавание, 1911: 8).

Уже в начале XX века воздушные шары благодаря силе ветра могли развивать скорость от 10 до 100 км в час. Однако в среднем скорость составляла от 30 до 40 км, а средняя дальность полета составляла от 300 до 800 км. Так, в сентябре 1910 г. полет от Финского залива до Азовского моря совершил подполковник С.И. Одинцов, он прошел расстояние в 1,5 тыс. км за 40 часов.

Несколько слов о высоте полета. Обычно воздушные шары поднимались на высоту от 1 тыс. до 3 тыс. метров. Но иногда поднимались и выше, до 8 тыс. метров, но подъем на такую высоту был опасным в связи с нехваткой кислорода. Выше всех поднимался в 1909 г. итальянский офицер Мон – 13 тыс. метров (Воздухоплавание, 1911: 8). Без человека на борту воздушные шары поднимались на 20 тыс. метров. Такие подъемы осуществлялись для сбора метеорологического данных при температуре в -70 градусов по Цельсию (Большая энциклопедия, 1902: 332).

С начала испытания воздушных шаров произошло значительное количество катастроф, которые были связаны с тем, что воздушные шары заносились неблагоприятным ветром в море и не имели возможности вернуться к земле в связи с отсутствием попутного ветра. Так, в 1906 г. 4 офицера русского учебного воздухоплавательного парка, поднявшиеся в воздух в Санкт-Петербурге, были отнесены ветром в Финский залив и погибли. В 1907 г. во Владивостоке русский офицер-воздухоплаватель был отнесен ветром в Амурский залив и погиб. Таким же образом погиб в 1897 г. известный шведский путешественник Соломон Андре, отправившийся в группе из 3-х человек на воздушном шаре к Северному полюсу (Трешников, Пасецкий, 1957).

Кроме этого, много проблем было и в связи с быстрой утечкой газа из оболочки. Причиной этому являлись неисправности в самой оболочке или в клапанах, служащих для выпуска газа при желании опуститься. Такие случаи, происходящие на большой высоте, были губительны для пассажиров. Так, например, произошло крушение воздушного шара, принадлежащего Императорскому Всероссийскому аэроклубу; воздушный шар упал с высоты более 400 метров вследствие выхода газа, при падении один воздухоплаватель погиб, а двое получили тяжелые ранения. Фиксировались также случаи гибели воздухоплавателей при спуске на землю: сильный ветер волочил по земле корзину, и, если поверхность земли была неровной, это могло привести к трагедии.

Рис. 3. Форма одежды личного состава русского воздухоплавательного парка в 1890-х гг. (Иллюстрированное описание, 1890: ил. 110)

Гибель угрожала также и тем воздухоплателям, которые поднимались слишком высоко над землей. Так, в 1875 г. во Франции трое ученых поднялись с научной целью на высоту 8 тыс. метров. Там они упали в обморок от нехватки кислорода, и при спуске на землю лишь один из них остался жив (Воздухоплавание, 1911: 58).

Изучение воздухоплавания привело к исследованию психо-физического состояния воздухоплателей. Практически сразу было установлено, что человек может нормально осуществлять свою деятельность только при привычных условиях окружающей среды: тепла и холода, влажности, атмосферного давления и дыхания при достаточном количестве кислорода. Деятельность на больших высотах, при низких температурах и недостаточности кислорода сильно влияет на работу воздухоплателя, расстраивает не только его физическое состояние, но и нервно-психическое. На большой высоте на человека действовали следующие факторы: уменьшение атмосферного давления, разрежение воздуха, уровень температуры и влажности, возможное электрическое напряжение, различные метеорологические явления: ветер, облака, дождь, электрические разряды и т.д. Все это в целом могло привести к горной болезни и переутомлениям. Горная болезнь, или болезнь высоты, начиналась на высоте от 3 тыс. метров. Она сопровождалась слабостью, головной болью, иногда повышенной возбужденностью, уменьшением чувствительности, ослаблением внешних органов чувств и т.д. вплоть до головокружения и обморока.

Переутомление обычно наступает после всякой более или менее продолжительной работы, но переутомление воздухоплателей начиналось гораздо быстрее, особенно на больших высотах. Оно сказывалось на работе сердца и дыхательных путей (Шумков, 1912: 75-76). С учетом этих психо-физических данных строилась деятельность военных воздухоплателей и испытателей.

Однако вернемся к привязным воздушным шарам. В начале XX века воздушные шары использовались для фотографической съемки территории и создания точного плана. В военном деле их применение было ограничено: так, использоваться могли только привязные к земле воздушные шары. Поднявшись на значительную высоту, наблюдатель легко может обнаружить численность войск неприятеля и расположение его. С воздушных шаров можно было эффективно корректировать артиллерийский огонь, а также вести передачу данных сигналами или по телефонной связи (К.В., 1912: 65). Нужно отметить, что такие воздушные шары применялись в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и в период Первой мировой войны. Свободные же воздушные шары (непривязанные) в военное время могли быть пригодны только для крепостей, чтобы иметь возможность связываться со своими, когда крепость находится в полном окружении противником.

В [таблице 1](#) представлена зона обзора с воздушного шара на разной высоте.

Таблица 1. Высота и предел видения наблюдателем территории

Высота шара, в метрах	50	100	200	500	700	1000
Предел видения, в км	25	35	50	80	93	113

Источник ([Грибоедов, 1900: 374](#))

На самом же деле руководствоваться этими цифрами было нельзя, так как при больших удалениях угол луча зрения с горизонтом так мал, что даже весьма незначительная волнистость местности, а также естественные и искусственные покрытия являлись для наблюдателя с шара непреодолимым препятствием. Вместе с тем на больших расстояниях правильная оценка расстояния была также невозможна. Таким образом, ясного полезного видения всегда в несколько раз было меньше теоретически исчисленного, и он достигал 25 км только при исключительных случаях, когда осуществлялась наиболее выгодная комбинация всех факторов, влияющих на дальность видения, например: прозрачность воздуха, характер местности, солнечное освещение и т. д.

Что же касается до распознавания рельефа местности, размеров растительности и характера почвы, то оно давалось довольно легко для ближайшей к шару зоны, но затруднялось по мере удаления от него, так что, например, неглубокие лощины и холмы удавалось исследовать обстоятельно только в случае удачного освещения, дающего резкое контрастное освещение; при рассеянном же дневном свете правильно обследовать их было крайне затруднительно.

В связи с этим вполне достаточной высотой для работы с воздушного шара считалась высота в 400–500 метров. При этом воздухоплавателями отмечалось, что на больших высотах значительную проблему представлял ветер. Он вредил наблюдениям с привязного шара: понижал шар и бросал его из стороны в сторону, причем подвешивание корзины с помощью трапеции только отчасти уменьшало эти толчки. В воздухоплавательных отделениях было мнение, что наблюдения с воздушного шара можно производить при ветре не более 6–7 метров в секунду. Тем не менее, если наблюдатель был подготовлен, не подвержен головокружению или приступам морской болезни, то мог вести наблюдения и при ветре в 7–8 метров в секунду даже при помощи бинокля. Так, например, 7 сентября 1898 г. шар Ивангородского крепостного воздухоплавательного отделения был назначен для наблюдения за стрельбой во время учений. На земле дул ветер со скоростью 7 метров в секунду, наверху же он достигал 9 метров. Тем не менее было произведено несколько подъемов, при которых и состоялись наблюдения ([Грибоедов, 1900: 377](#)). Все же данный случай относится к исключительным явлениям.

Что касается наблюдений за противником, то, помимо характера местности, метеорологических условий и освещения, значительную роль в распознавании войск на дальнем расстоянии играет то обстоятельство, находятся ли войска в движении или нет; движение войск не только выдает их присутствие, не позволяя смешать их с наземными предметами, но и облегчает распознавание родов оружия.

Быстрому распространению воздухоплавания в мире способствовало и пришедшее на начало XX века развитие нового вида летательных аппаратов – аэропланов. В разных государствах мира, в том числе и в России, для авиаторов начали проводиться недели воздухоплавания. Помимо этого, осуществлялись полеты на различные призовые фонды. Так, в 1910 г. общая стоимость призовых фондов составляла в перерасчете на русский рубль – 900 тыс.

Говоря о призах, нельзя не отметить созданный для авиаторов аэропланов приз «Кубок Мишлэна», который был установлен в 1908 г. на 8 лет, по 20 тыс. франков ежегодно тому воздухоплавателю, который в течение года делает наиболее продолжительный полет без спуска на землю ([Воздухоплавание, 1911: 65](#)). Все это в конечном итоге способствовало развитию более эффективной и мобильной разведки – разведки с аэропланов. Этот опыт особенно пригодился в период Первой мировой войны ([Karataev et al., 2016: 1372](#)).

Все это в целом способствовало развитию новых компетенций в области воздухоплавания и военной разведки. Так, в России еще в 1880 г. был создан журнал «Воздухоплаватель», который издавался до 1883 г. ([Санков, 1972: 14-15](#)), в начале XX века образовались во многих городах воздухоплавательные кружки. Были открыты две воздухоплавательные школы в Севастополе и Одессе, которые уже подготовили несколько офицеров-авиаторов. Появились заводы по строительству летательных аппаратов. При Санкт-Петербургском политехническом институте было открыто отделение воздухоплавания. Вследствие высокой эффективности уникальная компетенция начала масштабироваться, появились новые техническая профессия и область деятельности. Таким образом, государство своевременно реагировало на запросы времени, на решение новых задач и формирование новых кадров.

5. Заключение

Завершая, важно отметить, что в XVIII – начале XX вв. воздухоплавание на воздушных шарах прошло динамичное развитие. Уже в конце XVIII в. воздушные шары применялись для проведения разведки, а в 1860-х гг. впервые была применена фоторазведка с воздушных шаров, что заложило основы новой отрасли дистанционного зондирования земной поверхности. Воздушные шары в качестве дополнительного или основного источника разведывательной информации применялись во многих военных конфликтах на территории Европы и Америки, актуальность их сохранялась и в период Первой мировой войны.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта No.26.1146.2017/4.6 "Разработка математических методов прогнозирования эффективности применения космических услуг в народном хозяйстве".

Литература

- Большая энциклопедия, 1902** – Большая энциклопедия. Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 5. СПб., 1902.
- Воздухоплавание, 1911** – Воздухоплавание. Санкт-Петербург, 1911.
- Герасимов, 2007** – Герасимов В.Л. Отечественная морская авиация начиналась с аэроплана «Антуанетт» // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 10. С. 46-49.
- Герасютин, 2017** – Герасютин С.А. Николай Алексеевич Рынин (К 140-летию со дня рождения) // *Земля и Вселенная*. 2017. № 6. С. 49-60.
- Грибоедов, 1900** – Грибоедов. Полевые воздухоплавательные отделения, их деятельность и организация // *Военный сборник*. 1900. № 8. С. 369-382.
- Иллюстрированное описание, 1890** – Иллюстрированное описание перемен в обмундировании и снаряжении войск Императорской Российской армии за 1881–1900 гг.: в 3 т.: в 21 вып. Сост. в Техн. ком. Гл. интендантского упр. СПб., 1898–1903. Т. 1. Вып. 1–4. 1881–1884; Т. 2. Вып. 5–11. 1885–1891; Т. 3. Вып. 12–21. 1892–1900. С рис. за № 1–187.
- К.В., 1912** – К.В. Четвертый род войск // *Военный сборник*. 1912. № 2. С. 65-72.
- Лашков, 2012** – Лашков А.Ю. У истоков военно-воздушных сил России. К 100-летию отечественных военно-воздушных сил // *Военно-исторический журнал*. 2012. № 7. С. 12-18.
- Мильчевский, 1912** – Мильчевский. Фотография на войне // *Военный сборник*. 1912. № 2. С. 115-124.
- Санков, 1972** – Санков В. XIX век – журнал по воздухоплаванию // *Авиация и космонавтика*. 1972. № 7.
- Трешников, Пасецкий, 1957** – Трешников А.Ф., Пасецкий В.М. Соломон Андрэ. М., 1957.
- Шумков, 1912** – Шумков Г. Психо-физическое состояние воздухоплавателей во время полета // *Военный сборник*. 1912. № 3. С. 67-78.
- Karataev et al., 2016** – Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N. To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4. pp. 1368-1377.

References

- Bol'shaya entsiklopediya, 1902** – Bol'shaya entsiklopediya [The Big Encyclopedia]. Pod red. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 5. SPb., 1902. [in Russian]
- Vozdukhoplavanie, 1911** – Vozdukhoplavanie [Aeronautics]. Sankt-Peterburg, 1911. [in Russian]
- Gerasimov, 2007** – Gerasimov V.L. (2007). Otechestvennaya morskaya aviatsiya nachinalas' s aeroplana «Antuanett» [National naval aviation began with the airplane "Antoinette"]. *Voенno-istoricheskii zhurnal*. № 10. pp. 46-49. [in Russian]
- Gerasyutin, 2017** – Gerasyutin S.A. (2017). Nikolai Alekseevich Rynin (K 140-letiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolai Alekseyevich Rynin (To the 140th birthday anniversary)]. *Zemlya i Vselennaya*. № 6. pp. 49-60. [in Russian]
- Griboedov, 1900** – Griboedov (1900). Polevye vozdukhoplavatel'nye otdeleniya, ikh deyatel'nost' i organizatsiya [Field aeronautical offices, their activities and organization]. *Voенnyi sbornik*. № 8. pp. 369-382. [in Russian]
- Ilyustrirovannoe opisanie, 1890** – Ilyustrirovannoe opisanie peremen v obmundirovani i snaryazhenii voisk Imperatorskoi Rossiiskoi armii za 1881–1900 gg. [Illustrated description of changes in the uniforms and equipment of the Imperial Russian army for the years 1881-1900]: v 3 t.: v 21 vyp. Sost. v Tekhn. kom. Gl. intendantskogo upr. SPb., 1898–1903. T. 1. Vyp. 1–4. 1881–1884; T. 2. Vyp. 5–11. 1885–1891; T. 3. Vyp. 12–21. 1892–1900. S ris. za № 1–187. [in Russian]
- K.V., 1912** – K.V. (1912). Chetvertyi rod voisk [The fourth type of troops]. *Voенnyi sbornik*. № 2. pp. 65-72. [in Russian]
- Lashkov, 2012** – Lashkov A.Yu. (2012). U istokov voenno-vozdushnykh sil Rossii. K 100-letiyu otechestvennykh voenno-vozdushnykh sil [At the origins of the russian air force. To the 100th anniversary of the national air force]. *Voенno-istoricheskii zhurnal*. № 7. pp. 12-18. [in Russian]

- Mil'chevskii, 1912 – *Mil'chevskii* (1912). Fotografiya na voine [Photo in the war]. *Voennyi sbornik*. 1912. № 2. pp. 115-124. [in Russian]
- Sankov, 1972 – Sankov V. (1972). XIX vek – zhurnal po vozdukhoplavaniyu [XIX century – journal on aeronautics]. *Aviatsiya i kosmonavtika*. № 7. [in Russian]
- Treshnikov, Pasetskii, 1957 – *Treshnikov A.F., Pasetskii V.M.* (1957). Solomon Andre [Solomon Andre]. M. [in Russian]
- Shumkov, 1912 – *Shumkov G.* (1912). Psikho-fizicheskoe sostoyanie vozdukhoplavatelei vo vremya poleta [Psycho-physical state of aeronauts during the flight]. *Voennyi sbornik*. № 3. pp. 67-78. [in Russian]
- Karataev et al., 2016 – *Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N.* (2016). To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance. *Bylye Gody*, Vol. 42, Is. 4. pp. 1368-1377.

Исторический пример формирования уникальных технических компетенций в военном деле. Становление воздухоплавательной разведки в XIX – начале XX вв.

Александр И. Каширин ^a, Александр С. Семенов ^{a,*}, Вадим В. Стреналюк ^a

^a Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история становления воздухоплавательной разведки при помощи привязных воздушных шаров в XIX – начале XX вв. Уделено внимание первым опытам внедрения инновационной технологии зондирования земли того времени – фоторазведки с воздушных шаров, а также обращено внимание на психо-физическое состояние воздухоплавателей во время работы на больших высотах. Помимо этого, в статье отражена деятельность военных ведомств разных стран мира по созданию первых воздухоплавательных отделений.

В качестве материалов была привлечена дореволюционная историография, посвященная вопросам воздухоплавания, а также справочная и специальная литература. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа.

В заключении авторы показали, что в XVIII – начале XX вв. воздухоплавание на воздушных шарах прошло динамическое развитие. Уже в конце XVIII в. воздушные шары применялись для проведения разведки, а в 1860-х гг. впервые была применена фоторазведка с воздушных шаров. Воздушные шары в качестве дополнительного или основного источника разведывательной информации применялись во многих военных конфликтах на территории Европы и Америки, актуальность их сохранялась и в период Первой мировой войны. По сути, данный опыт заложил основы дистанционного зондирования земной поверхности.

Ключевые слова: воздушный шар, разведка, фоторазведка, становление, воздухоплавательные отделения, формирование уникальных технологических компетенций, инновации, XIX–XX вв.

* Корреспондирующий автор

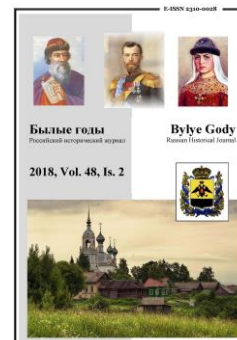
Адреса электронной почты: semyonov1980@mail.ru (А.С. Семенов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 48. Is. 2. pp. 558-569. 2018
 DOI: 10.13187/bg.2018.2.558
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II

Ivan A. Ermachkov^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva^c, Natalia V. Svechnikova^d, Jasmin Gut^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the plague epidemic in the Caucasus in the period of 1801–1815. The attention is paid to the reasons of spreading the plague, and the efforts of the Russian administration in the case of its overcoming.

There were used as materials the archival sources of the Central state historical archive of Georgia, the sources of personal origin of emissaries, scouts and travelers who lived in the Caucasus, as well as scientific and reference literature. "Acts collected by the Caucasian archaeological commission" are of great importance in the work.

In the course of the research the authors applied the general scientific traditional methods, namely the method of system analysis, specification and generalization. The particular importance in the study is given to the concretization of particular aspects, namely the concretization and detailing of historical events allowed the authors to model the integral picture of the events. So, for example, it allowed to reveal the reasons of weak efficiency of fight against plague in the Caucasus in the initial period of its spreading.

The authors stated in conclusion that since Georgia's accession to the Russian Empire, the Russian administration has pursued its policy in the Caucasus in extreme terms of the plague epidemic. The adopted measures managed to localize some foci, but soon new broke out. The reasons for this were the trade relations between the population of the Caucasus, as well as numerous of local traditions and rituals. In some places, the death rate from plague was very high. For example, the high mortality observed in Telavi and Gori districts in 1811, as well as in Imereti.

Keywords: epidemic, plague, 1801–1815, Caucasus, Georgia, Kabarda, Cherkessia, the rites of the population, tradition.

1. Введение

Чума на Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв. не была исключительным явлением в жизни кавказских народов. Согласно имеющимся данным, на Кавказе в XVIII веке были как минимум три эпидемии чумы: 1706, 1760 и 1790 гг., помимо этого фиксировались и отдельные очаги, например, в Моздоке в 1772 и 1798 гг. (Котенев и др., 2016: 613). Крупная вспышка была и в Черкесии в 1796 г. (Туренко, 1887: 41). Локализация чумы в годовых интервалах, представленная в работе Котенева и других, носит, на наш взгляд, спорный характер, так как чума не находилась постоянно в одной местности, а распространялась благодаря разносчикам дальше по территории Кавказа. В этой статье мы хотели бы рассмотреть историю чумы на Кавказе в начале XIX века. Данная статья является

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

второй частью исследования (Ermachkov et al., 2018: 120-129), и в ней рассматривается период 1810–1815 гг.

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), источники личного происхождения эмиссаров, разведчиков и путешественников, которые проживали на Кавказе, а также научная и справочная литература. Важное значение в работе имеют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК, 4; АКАК, 5).

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволяют смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, применимо ко второй части исследования нам удалось определить региональные особенности пиковых значений смертности от чумы, а также обнаружить наличие гендерного дисбаланса среди погибших от эпидемии.

3. Обсуждение

В российской и зарубежной историографии чума на территории Кавказа в самом начале XIX века не получила значительного освещения. Тем не менее эпизодические упоминания о ней имеются в значительном количестве работ. Так, например, в работе Н.Г. Волковой об этническом составе населения Северного Кавказа (Волкова, 1974: 20) имеются упоминания о чуме на Северном Кавказе в работах А.А. Черкасова и др. (Cherkasov et al., 2016). Эта тема рассмотрена Е.С. Котеневым с авторским коллективом в общем контексте истории эпидемий чумы на Кавказе (Котенев и др., 2016). Данному вопросу в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. уделил внимание Т.Ф. Хайдаров (Хайдаров, 2017). Чума проявлялась на Кавказе и в период царствования Петра I. Так, она была зафиксирована в районе крепости Св. Креста в начале 1720-х гг. (Gvarliani et al., 2017: 41). Эпизодическое внимание распространению чумы с территории Черкесии на русскую территорию уделил А.М. Туренко, который отмечал, что в 1796 г. черноморские казаки отправились к черкесам для обмена соли на хлеб и оттуда внесли на русскую территорию моровую язву. Язва распространилась среди жителей Екатеринодара, Тамани, многих страниц и держалась более 3 месяцев и стоила большого количества жизней (Туренко, 1887: 41). Вопросы распространения чумы в период русско-турецких и русско-персидских войн нашли свое отражение в трудах А.А. Черкасова с авторским коллективом (Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a).

4. Результаты

Осада Ахалциха в 1810 г. с военно-санитарной точки зрения представляет одну из величайших ошибок, чреватых своими губительными последствиями. В ахалцихском пашалыке чума была довольно сильна осенью 1809 г. и весной 1810 г., и об этом генерал Торماسов не мог не знать, так как по представлению правителя Грузии генерал-майора Ахвердова сам же ходатайствовал о разрешении учредить в Бамбакской провинции со стороны Турции и Персии один карантин и пять карантинных застав, и в начале 1810 года получил разрешение устроить карантинные заставы в виде временных заведений с заверением, что все издержки будут впоследствии возвращены министерством.

Тем не менее осенью 1810 г. после нанесения поражения в ночь с 5 на 6 сентября соединенным персидским и турецким войскам под начальством эриванского сардаря Гусейн-Кули-хана в 5 верстах от крепости Ахалкалаки Тормасов предпринял осаду Ахалциха и ввел в ноябре в зараженный турецкий пашалык большой отряд из 12 батальонов пехоты с кавалерией и артиллерией и более 3 тыс. человек из числа милиции (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 62). Как только русские войска осадили Ахалцихскую крепость, милиционеры начали грабить окрестные турецкие селенья и награбленное свозили в свой лагерь. На 6-й день блокады, а именно 21 ноября, у них заболело чумою несколько человек, из которых семеро – грузинский князь Цицианов, татарский чиновник Аллах-Верды и 5 милиционеров – в тот же день и умерли. Хотя сейчас же милиция было отделена от регулярных войск, а взятая ею в ахалцихском пашалыке добыча сожжена, 24 ноября, то есть через три дня, чума обнаружилась и в регулярных войсках. В Саратовском мушкетерском полку заболело трое, и в Тифлисском мушкетерском – двое, которые в тот же день умерли. Тогда же узнали от пленных турок, что от чумы сильно страдало турецкое войско и что чуму занесли в крепость жители селений ахалцихского пашалыка, взятые в качестве заложников при приближении русских (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 62об.).

Это заставило генерала Тормасова 26 ноября снять блокаду Ахалциха и отвести обратно в Грузию не только свою, уже явно зараженную чумой армию, но вместе с ней и немало семей жителей, которые выводились из ахалцихского пашалыка. Конечно, всю надежду не принести с собой чуму он возлагал на карантин, вера в которые была у него, очевидно, сильна. С этой целью по дороге в Карталинию были устроены 2 карантина: первый – в Думанисах, а второй – в Чалах. Войска выдержали трехнедельный карантин, батальоны же Саратовского и Тифлисского мушкетерских

полков, где были чумные, –шестинедельный. Вступив в Грузию, Тормасов на границе поставил двойной военный кордон, а все дороги загородил караулами. Но ничто не помогло, и десятидневная осада Ахалциха дала Закавказью чуму, которая по своей жестокости далеко превзошла эпидемию первого десятилетия XIX века.

Слуга князя Цицианова, погибшего от чумы в числе первых под Ахалцихом, уцелел пробрался в сел. Карели Горийского уезда и принес с собой платье и вещи своего умершего барина. 10 декабря 1810 г., вскоре после появления этого слуги, чума обнаружилась в семействе, где тот остановился. Сам он остался цел, но из членов приютившей его семьи умерло трое мужчин и одна женщина. Затем чума появилась в сел. Эргнети того же Горийского уезда, в доме князя Херхеулидзе. Сам хозяин дома стал жертвой чумы. Почти одновременно чумные заболевания обнаружили в сел. Амир-Хасан Борчалинской дистанции (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 63).

В Карталинию отправился инспектор Грузинской врачебной управы Ризенко, который признал болезнь чумой, но только в слабой степени, не способной к дальнейшему распространению. Тем не менее были приняты радикальные меры для уничтожения очагов заразы: имущество чумных, их дома и все вещи были сожжены, а зараженные селения Карели и Эргнети окружены войсками. Дальнейшего распространения в этих селениях чума не имела, но появилась в сел. Брети, тоже Горийского уезда. Туда ее занес житель, возвратившийся из ахалцихского пашалыка с шерстяной пряжей и другими мелкими вещами. Первой и пострадала семья этого жителя, потерявшая 4 человек (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 63).

В самом начале 1811 г. чума появилась в Тифлисе, куда, вероятнее всего, была принесена возвратившимися из-под Ахалциха войсками. Первые случаи обнаружили уже в январе в Тифлисском военном госпитале, находившемся в предместье города. Тотчас же всех чумных и сомнительных по чуме выделили в особое место, которое оцепили караулом, но в самом городе, очевидно, были уже чумные очаги, и чума весной довольно быстро охватила весь город. Жителей объял страх, и у них явилось неудержимое стремление бежать из зараженного города. Управляющий в то время Закавказьем маркиз Паулуччи разрешил жителям выйти из города в окрестные сады, где и собралось летом до 10 тыс. человек. Бани в Тифлисе были закрыты, а церкви обращены в склады товаров и домашнего имущества ушедших из города жителей, которые сваливались без всякого разбора.

Все лето провели жители в садах, и многие дошли до совершенной нищеты, так как большинство населения города принадлежало к ремесленному сословию, лишившемуся во время чумы заработка вследствие полной остановки работы. Наступили ночные холода, и приближалась уже зима. Волей-неволей приходилось населению перебираться в свои городские жилища. Опасаясь сильной вспышки чумы вместе с возвращением в город жителей, маркиз Паулуччи организовал в Тифлисе под непосредственным надзором правителя Грузии генерал-майора Сталя «Комитет о сохранении здоровья жителей» (АКАК, 5: 29), задача которого состояла в том, чтобы определить все нужные меры для возвращения жителей в город в должном порядке и произвести очистку всех домов и вещей, зараженных или сомнительных. Председательствовал в Комитете почетнейший из тифлисских жителей князь Дарчи Бебутов, который при грузинских царях управлял Тифлисом, знал почти всех граждан и пользовался их полным доверием. Членами в состав Комитета вошли тифлисский комендант подполковник Левенцов, инспектор Грузинской врачебной управы Ризенко, «изведанный в опытности по заразительной болезни» полковой лекарь 46-го егерского полка доктор Прибиль, тифлисский полицеймейстер (нацвал) и один почетный гражданин по выбору правителя Грузии. Функционировать комитет начал 13 октября 1811 г. (АКАК, 5: 29).

Для впуска жителей из садов в город определили трое городских ворот: «банная, авлабарская и цавкисская», и на дорогах к ним устроили временные карантинные с личным составом из комиссара, лекаря, переводчика и трех или четырех служителей (АКАК, 5: 29). Все возвращавшиеся из мест, в которых чумы не было более 6 недель, должны были выдержать карантин в течение 24 часов, а возвращавшиеся из мест, где чума была только 20 дней тому назад, –трехдневный. Ослушники подлежали военному суду.

Комитет не рассчитал, однако, что для пропуска через карантинные все 10 тыс. жителей, которые ютились по садам и окрестностям Тифлиса, при трехдневном карантинировании и пропускной способности карантинных не более 180 чел. в течение недели через каждый, а значит в месяц не более 2160 чел. через все три карантинные (АКАК, 5: 32), нужно около 5 месяцев (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 64). Следовательно, начав выпуск в середине октября, пришлось бы закончить его весной следующего года и оставить часть населения на всю зиму под открытым небом. Между тем в тот год холода наступили рано, оставаться в садах было невозможно, и по необходимости Комитет вынужден был разрешить гражданам войти в город без всяких карантинных. Правда, все-таки те, в чьих домах была чума или кто имел сообщение с чумными, должны были выдерживать карантин, но понятно, что регистрации таких лиц не велось, и у Комитета было мало данных для того, чтобы правильно отделить одних от других. Да и для чего понадобились карантинные? Город был заражен раньше. Основательно очистить и обеззаразить его в короткое время было невозможно, причем у Комитета не было достаточно средств для этого. Вначале решено было сжечь все малоценные вещи и зараженные сакли, но в таком случае пришлось бы истребить чуть ли не полгорода. Тогда обратились к окулированию и простой чистке, но что мог сделать один лекарь с 2 или 3 служителями, назначенный для производства дезинфекции в целой части города? Понятно, что и

тут все свелось к выполнению формальности. Словом, хотя Комитет и работал добросовестно, но ничего радикального для искоренения чумы из Тифлиса не сделал, да и не мог сделать.

В декабре открыли для богослужения церкви, в которых не было сложено имущество, но молящимся не позволяли входить в бурках и становиться тесно друг к другу, деньги же брали от них в кружки с уксусом. Наконец, нужно было возвратить хозяевам имущество и товары, сложенные в церквях, и освободить последние. Над этим долго не задумывались! Все, что было упаковано в тюки или уложено в сундуки, прямо выдали хозяевам; домашние вещи и одежду, не уложенные, проветривали неделю на растянутых в церквях веревках и затем возвращали по принадлежности; вещи из зараженных или сомнительных помещений подвергали карантинному очищению. После церквей открыли и бани, запретив лишь нижним чинам посещать их.

Боясь заноса чумы извне, как будто бы в городе ее не было, приняли меры относительно торговцев-сельчан, привозивших из окрестных местностей съестные припасы на продажу. На тех трех дорогах в город, где были карантинные, несколько в стороне построили две параллельных перегородки в двух сажнях одна от другой, а между ними поставили кувшины с уксусом для опускания туда денег. К одной из перегородок подходили продавцы с товаром, к другой покупатель. Продавший клал товар в пространство между перегородками без всяких оберток, а купивший опускал в кувшин с уксусом условленную за купленный товар цену. Затем товар брал покупатель, а деньги продавец. Все, что достигалось этой церемонией купли-продажи, состояло лишь в том, что продавец и покупатель друг с другом непосредственно не соприкасались.

Применив такую меру к торговцам съестными припасами, Комитет обнаружил непоследовательность, разрешив беспрепятственно впускать в город жителей деревень, отстоявших от Тифлиса не далее 10 верст, привезших на продажу дрова, уголь, сено и другое, тогда как возы с вином и водкой осматривались, а бурдюки с вином и посуда с водкой обмывались соленой водой.

С того времени, как в Тифлис возвратились жители, т.е. с 26 октября по 9 ноября 1811 г. в городе умерло от чумы 42 человека (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 65). Особенно упорно держалась эпидемия на Авлабаре, так что «Комитет о сохранении здоровья жителей» предположил даже вывести авлабарских жителей и чумной лазарет в пригородное селение Навтлуг, но селение это оказалось состоящим из развалин, среди которых уцелело только 3 дома. Потерпев в этом неудачу, Комитет все же настаивал на вынесении чумных лазаретов за пределы города и предлагал построить один лазарет за ортачальскими садами, а другой – за предместьем Гаретубани. С целью изоляции Авлабара жителям его запретили даже ходить за водой на Куру мимо церкви Сурп-Карапета. Посещение противоположной части города (на правом берегу Куры) им не разрешалось ни под каким видом, и ослушникам грозило жестокое телесное наказание. Кулачная расправа как мера воздействия была распространена. Одних били за то, что скрывали больных чумой, других – за то, что закапывали в землю зараженные вещи, но уследить за всеми, конечно, было нельзя.

Из близких к Тифлису селений чума была в ноябре 1811 г. в селениях Эртиси и Вашловани (близ сел. Коды). Вероятнее всего, что она была занесена туда из Тифлиса.

Зимой 1811–1812 гг. чумная эпидемия стихла, и маркиз Пауллуччи 5 апреля 1812 года объявил чуму прекратившейся во всей Грузии, не упустив при этом, конечно, приписать прекращение болезни деятельности «Комитета о сохранении здоровья жителей». Но он ошибался. Чумные очаги остались в Грузии, и в последующее время до 1816 года, то есть до назначения на Кавказе Ермолова, чума вспыхивала ежегодно, хотя вспышки не достигали интенсивности эпидемии 1811 г.

Приведем официальные цифры заболевших и умерших от чумы в эту последнюю эпидемию, но они не полны, так как, во-первых, во многих пунктах цифры начинаются лишь с мая месяца, то есть со времени сильного развития эпидемии, а во-вторых, не включают данных о нижних чинах.

Таблица 1. Сводные данные о заболевших и умерших от чумы в 1811 году (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 66)

В городах	заболело	умерло
В Тифлисе (май-декабрь)	759	528
Анануре (апрель-август)	272	57
Елисаветполе (июль-декабрь)	558	536
Гори (июнь-сентябрь)	113	113
Телаве (май-июль)	48	48
В уездах		
В Тифлисском (апрель-июль)	203	175
Ананурском (май-декабрь)	407	229
Елисаветпольском (июль-декабрь)	172	145
Горийском (декабрь 1810 г. – декабрь 1811 г.)	1609	1177
Телавском (май-декабрь)	950	774
Сигнахском (май-июль)	142	142
Борчалинской дистанции (май-декабрь)	359	331
Всего:	5592	4255

Таблица 2. Ведомость об умерших от заразной болезни в Грузии с показанием, сколько выздоровело (АКАК, 5: 36)

	Умерло от заразы			Выздоровело и по очищению выпущено			Находится в карантине по сомнению					
	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Больные			Здоровые		
	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Муж. пола	Жен. пола	Детей
В г. Тифлис												
В мае	8	7	3	-	-	-	4	3	2	9	11	12
В июне	39	30	15	-	-	-	13	10	7	19	20	13
В июле	62	51	43	-	-	-	14	15	6	32	30	10
В августе	59	41	28	-	-	-	17	21	13	30	32	12
В сентябре	33	13	19	-	-	-	13	16	6	31	37	11
В октябре	13	15	4	19	20	23	9	10	5	20	30	14
В ноябре	12	14	9	13	15	5	19	14	11	41	42	26
В декабре	4	3	3	40	46	23	8	14	5	6	8	11
Итого	230	174	124	72	81	51	97	103	55	188	210	109
В Тифлисском уезде												
В апреле	34	20	28	2	1	4	-	-	-	-	-	-
В мае	4	3	2	1	-	2	-	-	-	-	-	-
В июне	32	26	25	5	6	7	-	-	-	-	-	-
В июле	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	71	49	55	8	7	13	-	-	-	-	-	-
В г. Анануре												
В апреле	8	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В мае	6	15	10	2	4	5	-	-	-	-	-	-
В июне	5	-	3	7	11	8	-	-	-	-	-	-
В июле	-	-	-	23	19	14	-	-	-	-	-	-
В августе	-	-	-	62	32	28	-	-	-	-	-	-
Итого	19	20	18	94	66	55	-	-	-	-	-	-
В Ананурском уезде												
В мае	19	24	9	17	12	4	6	9	2	15	15	5
В июне	7	9	4	5	3	1	2	9	5	10	11	4
В июле	19	21	9	13	11	4	11	14	5	4	5	3
В августе	23	29	11	17	19	7	14	16	8	9	11	6
В сентябре	9	13	7	17	22	11	13	16	7	13	11	5
В октябре	3	3	1	4	5	2	1	2	1	-	3	2
В ноябре	2	3	1	1	1	-	1	2	1	2	1	-
В декабре	1	2	-	1	1	-	-	-	-	1	2	-
Итого	83	104	42	75	74	29	48	68	29	54	59	25
В г. Елисаветополе												
С 25 июля по 25 сентября	150	136	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
С 25 сентября по 30 октября	93	103	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
С 30 октября по 27 ноября	29	23	-	9	5	-	-	1	3	-	-	-
В декабре	2	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-	-
Итого	274	262	-	10	8	-	-	1	3	-	-	-
В Елисаветпольском уезде												
В июле	15	11	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-

В августе	32	29	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В сентябре	16	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В октябре и ноябре	12	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В декабре	6	3	-	10	4	1	6	4	2	5	2	-
Итого	81	53	11	10	4	1	6	4	2	5	2	-
В г. Гори												
В июне	6	7	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июле	30	14	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В августе	19	11	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В сентябре	3	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	58	36	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В Горийском уезде												
В декабре 1810 г.	2	2	-	10	6	-	-	-	-	-	-	-
В январе 1811 г.	11	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В феврале	13	23	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В марте	21	15	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В апреле	45	29	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В мае	68	57	29	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июне	64	59	39	27	22	-	-	-	-	-	-	-
В июле	100	72	40	54	47	-	-	-	-	-	-	-
В августе	44	34	18	21	20	-	-	-	-	-	-	-
В сентябре	45	39	22	23	31	-	-	-	-	-	-	-
В октябре	40	31	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В ноябре	34	24	21	92	79	-	-	-	-	-	-	-
В декабре	31	27	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	518	424	235	227	205	-	-	-	-	-	-	-
В г. Телаве												
В мае	15	7	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июне	8	6	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июле	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	24	15	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В Телавском уезде												
В мае	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июне	16	13	-	5	8	-	7	9	-	16	15	-
В июле	34	23	-	12	13	-	19	14	-	20	20	-
В августе	101	70	-	17	12	-	29	25	-	40	32	-
В сентябре	126	95	-	23	25	6	26	18	-	34	30	-
В октябре	106	83	-	9	13	-	20	16	-	16	21	-
В ноябре	33	21	-	4	8	-	10	14	-	12	17	-
В декабре	28	21	-	7	6	-	4	4	-	8	4	-
Итого	448	326	-	77	85	6	115	100	-	146	139	-
В Сигнахском уезде												
В мае	3	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июне	41	40	21	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июле	18	10	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	62	52	28	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В Борчалинской дистанции												
По август месяц	106	62	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В августе	22	25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В сентябре	34	41	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В ноябре	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В декабре	5	3	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Итого	174	131	26	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Всего по Грузии	2042	1646	567	574	531	155	266	276	89	393	410	31

Данные [Таблицы 2](#) показывают, что наибольшая смертность на территории Грузии была в июле и августе, однако в Телавском уезде наибольшей смертность была в августе – октябре, которая в эти месяцы составляла 171–221 человек. По количеству жертв наиболее пострадавшими районами были Телавский и Горийский уезды. Важно также отметить, что единственным районом, где женщин погибло больше, чем мужчин, был г. Ананур и его уезд (102 мужчины и 124 женщины). Иными словами, женщин погибло на 20 % больше, чем мужчин.

Чумную эпидемию 1811 г. можно отметить еще в том отношении, что во время нее в первый раз в Закавказье с дезинфекционной целью были введены в употребление гитоновские окуривания или газы Гитона-де-Морво,¹ ставшие общеизвестными еще в 1774 году. Действующим агентом этих окуриваний были пары хлористоводородной кислоты.

В начале лета 1812 г. чума снова появилась в Тифлисе, опять прежде всего в военном госпитале, а затем в предместье Гаретубани и среди нижних чинов рабочей команды, которая располагалась в балаганах близ арсенала. Больные и сомнительные тотчас же были изолированы. Первых оказалось 43, а вторых – 36. Умерло от чумы 30 человек, и в канун мая заболевания прекратились ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 66об.](#)).

Гораздо опаснее была вспышка чумы в 1813 г. В селениях Горийского и Ананурского уездов она появлялась там, где жители вынимали для употребления вещи чумных, скрытые ими в эпидемию 1811 г. С августа 1813 г. чумные заболевания появились в Тифлисе, и в сентябре чума заметно усилилась. Главноуправляющий Грузией генерал Ртищев приказал не вводить для прекращения заразы никаких других мер, кроме указанных методом генерал-штаб-доктора Крейтона, и образовал временную комиссию из воинских чиновников для борьбы с эпидемией. Она была организована так, что в каждой части города работал один обер-офицер с нужным числом нижних чинов, действовавший непосредственно по предписаниям губернатора, для наблюдения же за точным исполнением этих предписаний был назначен подполковник Тифлисского пехотного полка Токарев. Особенностью комиссии было полное отсутствие в ее составе лиц медицинской профессии. Но, не доверяя врачам, Ртищев не возлагал особенных больших надежд и на свою военную комиссию и как верующий христианин обратился к небесному заступничеству. По его просьбе для избавления Тифлиса от чумы было перенесено в город из Эчмиадзинского монастыря Св. Копье.² И на этот раз значительного развития эпидемия не достигла ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 66об.-67](#)).

Осенью того же 1813 года появились чумные заболевания в Баку. Первый случай был 21 октября. Болезнь не была признана, ее приняли за горячку, но после того, как в короткое время от нее в полном составе умерли четыре семьи, заразительность заболевания была доказана. Полагали, что чума занесена из Дагестана. Заболеваемость довольно быстро поднялась до больших размеров и распространилась на войсковые части, однако продолжалась недолго. С 10 ноября новых заболеваний уже не было. Из нижних чинов Бакинского гарнизона и батальона Севастопольского пехотного полка умерло от чумы 49 человек ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 67](#)). Для принятия мер к прекращению заразы из Тифлиса был командирован дивизионный доктор 20-й дивизии ([АКАК, 5: 349](#)).

Ровно через год после того, а именно в октябре 1814 г., чума появилась в казачьей команде³ на Ананурском казачьем посту. Три казака из этой команды пасли лошадей за рекой Арагвой и украли у расположившихся возле них на ночлег проезжих грузин войлок и простой ковер, которые и спрятали на посту. Спустя некоторое время войлок разрезали надвое и половину продали казаку, жившему с ними в одной землянке. Казак этот на другой же день заболел, а на четвертый – умер. После него заболел один из похитителей войлока и также умер через 4 дня. Одновременно с этим, т.е. в том же месяце, один казак с Ананурского поста ездил с штаб-лекарем Коралли в сел. Чартоли, где была чума, и оттуда привез с собой две овчины. Через 13 дней он заболел и на 6-й день болезни умер, а вслед за ним заболели и умерли офицер и еще один казак. После смерти первых двух казаков ананурский комендант майор Куликов вызвал батальонного фельдшера, который, осмотрев умерших и заболевшего офицера, не нашел явных признаков чумы, и только по предписанию генерал-майора Симоновича, которого не успокоило уверение фельдшера, из Гори в Ананур отправился штаб-лекарь Коралли, констатировавший несомненную чуму. Он нашел на посту трех больных чумой, от которой

¹ В 1773 году Guyton-de-Morveau, с целью обеззараживания, произвел опыт, который прославился на весь мир. Вследствие сильного холода множество трупов в ожидании погребения было помещено в склеп церкви Сент-Этьен в Дижоне. Когда температура повысилась, то эти трупы стали разлагаться и распространяли такой запах, что пришлось закрыть церковь. 6 марта 1773 года Guyton приказал налить в сосуд, поставленный в склеп церкви, два фунта серной кислоты на шесть фунтов морской соли; на другое утро, когда открыли склеп, не осталось и следа дурного запаха ([Лаверан, 1900: 355](#)).

² В конце 1814 г. чума появилась в Эриванском ханстве, и армянский патриарх Ефрем просил Ртищева возвратиться в Эчмиадзин Св. Копье, «дабы силою оно спаси погибающий род человеческий». В Тифлисе в то время чумных заболеваний не было уже несколько месяцев, поэтому Св. Копье было доставлено обратно в Эчмиадзин в сопровождении нацвала Сургунова, и по дороге этой святыне оказывались подобающие почести.

³ Донского казачьего Поздеева 8-го полка.

уже до того умерло 5 человек, включая в том числе и офицера. Здоровых в команде оставалось 18 человек (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 67об.).

В том же 1814 г. чума была также в Сигнахском уезде, но к концу года там оставались только две зараженных деревни – Вакири и Анага. В Бамбакской провинции в селениях Гумри, Беканте и Караклисе чумные заболевания наблюдались летом, осенью их было уже мало, а в декабре они совершенно прекратились. На медных заводах чумой болели греки, прибывшие из Турции. Наконец, были случаи чумы среди жителей города Дербента, но болезнь на гарнизон не распространялась. В этом же году из войсковых частей сильно пострадали от чумы два отдельных батальона Херсонского гренадерского полка, в которых в один месяц умерли 1 офицер и 139 нижних чинов (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 68).

В следующем, 1815 году, чума держалась только в Горийском уезде. В 9 верстах от гор. Гори в сел. Вариани в начале марта нашли умершую от чумы женщину, заражен чумой был и ее муж, и кроме того там же было 10 сомнительных по чуме больных.

В сел. Квемо-Никози жители открыли яму, в которой были зарыты вещи чумных, умерших в 1812 году. Вскоре за этим появилась там чума, от которой умерло 5 человек. Бежавшая из одного из зараженных семейств этого селения осетинка пришла в сел. Эредви, где в одной сакле пробыла несколько часов, а в другой переночевала и затем ушла в Осетию. На другой же день после ее ухода, а именно 21 марта, в обеих саклях появились чумные заболевания. Одна семья вымерла в полном составе, в количестве трех человек. Никто из жителей не соглашался хоронить их, и покойников сожгли вместе с саклей. Вскоре умерших от чумы в сел. Эредви было 12 (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 68).

В первых же числах марта чума появилась в сел. Зерти, где от нее умерло 10 человек. Из этого селения чуму занесли в гор. Гори, но там она ограничилась одним семейством, в котором первое заболевание случилось 4 апреля. Из Зерти же чума проникла в сел. Кирбали. Туда занес ее 12-летний мальчик-пастух, умерший 8 апреля.

Кроме того, следует отметить в числе мест, в которых были чумные случаи, селения Сасирети, Доэси, Квакрили, Цилкани, Мчадис-джвари, Ничбиси и Квемо-Хандаки. В них чума обнаружилась в середине марта (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 68об.).

Говоря о чумной эпидемии второго десятилетия XIX века, нельзя не сказать о чуме в Имеретии. Вскоре после присоединения последней к России, во время бунта, вспыхнувшего в Имеретии после побега из Тифлиса 10 мая 1810 года имеретинского царя Соломона (АКАК, 5: 944), летом и осенью того года очень много засеянных полей было потоптано и отравлено или самими восставшими, или же пришедшими им на помощь турецкими войсками. Ранние осенние морозы dokonчили то, что уцелело. Следующий 1811 год практически по всему Закавказью был крайне неурожайный. Не имевшее никаких запасов население Имеретии стало голодать, и вскоре голод достиг такой степени, что родители отдавали своих полумертвых от голода детей в рабство тому, кто брался прокормить их в течение нескольких месяцев. Жители разбрелись по лесам, где питались травами и кореньями. Весной уже среди голодавшего населения появился сыпной (голодный) тиф, называвшийся тогда прилипчивой горячкой, и население стало вымирать в значительных количествах. «С августа, – доносил Симанович Торماسову, – продолжается столь сильное поветрие прилипчивых горячек и лихорадок, что чрезвычайно много не только воинских чинов, но даже и обывателей оными болезнями страждут и немалое число оных умирает, при всех морах, которые особенно при полках к отвращению оных болезней принимаются» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 68об.-69).

В довершение этого появилась чума. Нужно полагать, что занос ее был и из Турции, и из Грузии. Пришедшие помогать восставшим имеретинцам турецкие войска принесли чумную заразу еще в 1810 г., и она осенью обнаружилась в сел. Ваке волости Сачино, но вследствие рано наступивших холодов дальнейшего распространения в том году не получила. В июне 1811 г. чуму занес из Грузии в местечко Сачхере дворянин Григорий Мачавариани, который на третий день по прибытии туда умер, а вслед за ним заболели и умерли его родственники из того дома, где он остановился. В короткое время эпидемия охватила весь Сачхерский округ и большую часть Рачинского, а также появилась в соседних с Имеретией Ваханской и Кепинис-хевской волостях Горийского уезда.

К концу 1811 г. чума была уже по всей Имеретии. В начале декабря она появилась в столице Имеретии – Кутаисе, который был защищен карантинном, устроенным при въезде в город со стороны Грузии. Может быть, этим обстоятельством следует объяснить то, что в Кутаисе чумные заболевания были единичны, и от чумы умерло только 4 нижних чина из квартировавших там двух рот 15-го егерского полка, 7 обывателей и 2 арестанта. Нужно отметить, что город в то время уже сильно пострадал от тифа, и в нем не было буквально ни одного дома, где не было бы тифозных больных.

Голод, тиф и чума сделали свое дело. Имеретия опустела, и в ней осталась едва одна треть населения (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 69-69об.). По состоянию на 1810 г. численность населения в Имеретии составляла 40 тыс. дворов или около 200 человек мужского пола (АКАК, 4: 953). С учетом известного гендерного дисбаланса в численности населения, ввиду того что на Кавказе практически не было территорий, где количество женщин имело равное или большее количество

мужчин, мы можем полагать численность женского населения примерно в 150 тыс. человек. Большинство пало жертвой голода или заразы, другие же ушли искать продовольствие в разные области Закавказья и главным образом в Грузию. Оставшиеся дворяне и простой народ, спасаясь от чумы, побросали свои жилища и ютились в местных ущельях и горах.

Какова была убыль населения в течение 1811 г., видно из [Таблицы 3](#), составленной по донесениям окружных начальников и показаниям людей.

Таблица 3. Демографические данные по Имеретии в 1811 году ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 690б.](#))

	Умерло от голода, тифа и чумы	Разбежалось по соседним областям
В гор. Кутаисе	280	140
В округе Кутаисском	9690	2500
В округе Вакинском	11100	2000
В округе Багдадском	1780	200
В округе Рачинском	3000	1520
В округе Сачхерском	1800	400
В округе Чхерском	5100	690
Всего:	32750	7450

Войскам, охранявшим Имеретию, приходилось также тяжело. От тифа и чумы защититься не удалось, о получении продовольствия от населения не могло быть и речи, а между тем войска должны были жить походной жизнью и постоянно быть наготове вследствие ожидавшихся нападений турок.

По тем же самым неблагоприятным условиям нельзя было вновь присоединенной Имеретинской области дать медицинскую организацию в той форме, в какой она была введена в Грузии, и заботу о народном здравоохранении поневоле пришлось возложить временно на окружных начальников.

На Кавказской линии временами возникали мелкие вспышки чумной эпидемии, в общем же линия была свободна от нее. Виновниками этих вспышек являлись казаки, несшие постовую службу. «При известной приверженности к добычам», как их характеризовал генерал-майор Дельпоц, казачьи войска были поставлены в довольно затруднительное материальное положение, так как в течение двух лет не получали фуража, и казаки должны были содержать и себя, и свою лошадь на одно жалованье, состоявшее из 12 рублей в год ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 70](#)). Волей-неволей приходилось жить за счет соседей-горцев, воруя у них все, что попадалось под руку и плохо лежало. В числе украденных вещей встречались и такие, которые принадлежали чумным больным, вследствие чего возникали эндемии чумы. Они, правда, быстро заканчивались и вообще были не особенно злокачественны. Из таких эндемий мы можем отметить следующие ([АКАК, 5: 352](#)): 20 октября 1812 г. в сел. Обильном Георгиевского уезда Кавказской губернии чума обнаружилась в одной семье, которая вся и вымерла. Вскоре появились чумные заболевания в семьях, состоявших в родстве с вымершей. В течение недели умерло 11 человек, и затем эндемия мало-помалу затихла. Несколько позднее чума оказалась в сел. Черноярском Моздокского уезда, куда она могла проникнуть из селения Обильного ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 70](#)).

Также в октябре, но тремя годами позже, следовательно в 1815 году, от чумы умер казак на Михайловском посту против Малой Абазии, а вслед за ним заболели поставой начальник сотник Ляхов и еще 4 казака. С 25 октября по 10 ноября там умерло от чумы 8 человек, и для пресечения заразы этот небольшой пост, состоявший из землянок и балаганов, со всем имуществом умерших был предан огню.

В ноябре чума обнаружилась на Баталпашинском посту – штаб-квартире Донского казачьего Сычева 3-го полка. Первый заболевший казак находился при полковом конном табуне, который пасты в недалеком расстоянии от поста. Затем на посту заболели чумой урядник и казак, после чего болезнь усилилась, и с 7 по 15 ноября, то есть в течение одной недели, там умерли от чумы два урядника и 14 казаков ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 700б.](#)).

Были основания полагать, что на Михайловском посту начальник его – сотник Ляхов, а на Баталпашинском – казак, бывший при полковом табуне, получили какие-либо азиатские вещи из-за кордона и, передавая их из рук в руки, сами заразились и заразили других.

В марте 1816 г. чума была в Ставрополе, а затем в сел. Николаевске и Александровской казачьей станице.

Следовательно, в течение многих лет чума не прекращалась на Кавказе. Защитой России против заносов ее служили карантинные заставы, из которых главными были Моздокская

карантинная застава и Лащуринский карантин близ Кизляра.¹ Каковы же были эти спасительные учреждения? Увы, не лучшего качества!

Лащуринский карантин был расположен на берегу речки Каргинки,² ширина которой даже в половодье такова, что полупудовые тяжести можно перебрасывать руками с одного берега на другой. А осенью, зимой и весной, когда был наиболее оживленный пропуск товаров через карантин, Каргинка во многих местах почти совсем пересыхала, так что становилась вполне доступной переходу через нее. Пассажирское помещение было одно общее для всех, поэтому все, выдерживавшие карантин, как сомнительные, так и вполне здоровые, свободно общались друг с другом, и притом некуда было выделить даже заведомо чумных, если бы таковые оказались. Пакгаузы для товаров, турлучной постройки, не ремонтировались и постепенно приходили в ветхость (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 71).

Моздокская карантинная застава³ на берегу реки Терека помещалась в весьма тесных и ветхих, «вовсе не способных к употреблению» мазанках, которые, кажется, никогда не чинились. Совершенно изолированного помещения для чумных больных не имелось. К переправлявшимся через Терек выходили из Моздока торговки, продавали им разные съестные припасы и принимали деньги.

У карантинного маркитанта на противоположном берегу Терека была харчевня. Торговавшие там приказчики и работники свободно переправлялись через реку, передавали хозяину вырученные в харчевне деньги, а иногда, вероятно, и вымененные вещи, и все это, конечно, делалось без всякого карантинного очищения. Кроме того, до первого редута по грузинской дороге от Моздока шла с проезжавшими конвойная команда, которая оставалась там по несколько дней и возвращалась обратно с другими пассажирами, ехавшими в Россию. Солдаты этой команды карантинному не подвергались. С сентября до половины мая на Тереке против карантина делались отмели, и потому переправа совершалась во всякое время дня и даже ночью. Между карантинными чиновниками был полный разлад, и не только врач и комиссар заставы считали себя независимыми друг от друга, но и комиссарский помощник со своей командой, находясь при переправе, составлял как бы отдельную часть (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 71об.).

Неудовлетворительность Моздокской карантинной заставы бросалась в глаза каждому, и уже в 1808 г. возник вопрос о необходимости учредить на границах Кавказа с внутренними губерниями новый карантин со всеми необходимыми приспособлениями. О более рациональном устройстве такого карантина доктор Штегеман представил должные указания, и кавказскому гражданскому губернатору Картвелину было поручено составить положение, планы и сметы.

5. Заключение

Таким образом, с момента присоединения Грузии к Российской империи русская администрация проводила свою политику на Кавказе в экстремальных условиях эпидемии чумы. Принятыми мерами удавалось локализовать одни очаги, но вскоре вспыхивали новые. Причинами этого были торговые связи между населением Кавказа, а также целый ряд местных традиций и обрядов. В ряде мест смертность от чумы была очень высока. Так, например, в 1811 г. высокая смертность наблюдалась в Телавском и Горийском уездах, а также в Имеретии.

Литература

- АКАК, 4 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 4. Тифлис, 1870.
 АКАК, 5 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873.
 Волкова, 1974 – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М., 1974.
 Котенев и др., 2016 – Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волькина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612-616.
 Лаверан, 1900 – Лаверан А. Военная гигиена. В 2 т. Т. II. СПб., 1900.
 Туренко, 1887 – Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском. Киев, 1887.
 Хайдаров, 2017 – Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*. 2017. № 10. С. 304-309.
 ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

¹ Все карантинные Кавказской линии состояли в военном ведомстве, исключая лишь Моздокский и Лащуринский, которые были в гражданском ведомстве, но и в них военные начальники принимали участие. Собственно таможи и таможенные заставы находились в ведении министерства финансов, карантинные же ведались министерством полиции. А так как карантинные и таможенные соединились в карантинно-таможенные учреждения, то в последних царил двоевластие.

² При урочище Лащуринском в 12 верстах от Кизляра.

³ Через нее проходило ежегодно более 20 тыс. человек.

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382-391.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826-1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. № 4.

[Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study // *Русин*. 2017. № 4.

[Gvarliani et al., 2017](#) – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

[Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47, Is. 1. pp. 120-129.

References

[AKAK, 4](#) – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 4. Tiflis, 1870. [in Russian]

[AKAK, 5](#) – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 5. Tiflis, 1873. [in Russian]

[Volkova, 1974](#) – Volkova N.G. (1974). Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX vv. [The ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – early XX centuries]. M. [in Russian]

[Kotenev i dr., 2016](#) – Kotenev E.S., DUBYANSKII V.M., Volynkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L. (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyyi epidemicheskii potentsial prirodnykh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Meditinskii vestnik Severnogo Kavkaza*. T. 11. № 4. pp. 612-616. [in Russian]

[Laveran, 1900](#) – Laveran A. (1900). Voennaya gigiena [Military hygiene]. V 2 t. T. II. SPb.

[Turenko, 1887](#) – Turenko A.M. (1887). Istoricheskie zapiski o voiske Chernomorskom [Historical notes on the army of the Black Sea]. Kiev, 1887. [in Russian]

[Khaidarov, 2017](#) – Khaidarov T.F. (2017). Epidemii chumy v Kaspiiskom regione vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv. [Plague epidemics in the Caspian region in the second half of XIV – early XV centuries]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. № 10. pp. 304-309. [in Russian]

[TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382-391.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study. *Bylye Gody*. № 4.

[Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study. *Rusin*. № 4. pp. 38-60.

[Gvarliani et al., 2017](#) – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

[Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I. *Bylye Gody*. Vol. 47, Is. 1. pp. 120-129.

Чума на Кавказе в период 1801–1815 гг.: часть II

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ясмин Гут ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svechnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)

Аннотация. В статье рассматривается эпидемия чумы на Кавказе в период 1801–1815 гг. Уделено внимание причинам распространения чумы, а также усилиям русской администрации в деле ее преодоления.

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии, источники личного происхождения эмиссаров, разведчиков и путешественников, которые проживали на Кавказе, а также научная и справочная литература.

В ходе исследования авторами были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволила авторам смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это позволило выявить причины слабой эффективности борьбы с чумой на Кавказе в начальный период ее распространения.

В заключении авторы отмечают, что с момента присоединения Грузии к Российской империи русская администрация проводила свою политику на Кавказе в экстремальных условиях эпидемии чумы. Принятыми мерами удавалось локализовать одни очаги, но вскоре вспыхивали новые. Причинами этого были торговые связи между населением Кавказа, а также целый ряд местных традиций и обрядов. В ряде мест смертность от чумы была очень высока. Так, например, в 1811 г. высокая смертность наблюдалась в Телавском и Горийском уездах, а также в Имеретии.

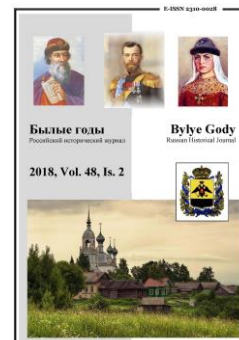
Ключевые слова: эпидемия, чума, 1801–1815 гг., Кавказ, Грузия, Кабарда, Черкесия, обряды населения, традиции.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 570-575. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.570
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Letters as a Source of Propaganda during the Kakheti Uprising of 1812

Goran Rajović ^{a, b, *}, Dmitry O. Ezhevski ^c, Alla G. Vazeroва ^d, Milica Trailovic ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article deals with the letters of the anti-russian coalition during the Kakhetian uprising of 1812 as a source of propaganda. The authors of these propaganda materials are identified and classified. The attention is paid to the methods of struggle of the russian administration against the rebels.

The documents collected by the Caucasian archaeological commission, as well as the documents of the Central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia) were used as materials.

In conclusion, the authors state that the genres of writing during the Kakhetian uprising can be divided into several groups: letters of appeal, letters of conviction, letters of promise. For example, the letters of appeal were intended to attract the population of a particular area under the banners of the rebels. The letters of persuasion were intended to encourage surrounded groups of russian troops to stop the resistance and surrender. In the letters of promise, the special attention was given to the benefits that will support the uprising in the foreseeable future. The common thing in all these letters was one – the massive use of disinformation.

Keywords: letters, propaganda, insurrection, Kakheti, Georgia, 1812.

1. Введение

На протяжении первой половины XIX века главным пропагандистским инструментом для населения Кавказа являлись письма. Авторами этих писем, как правило, были представители местной аристократии. Наиболее ярким примером такой аристократии был грузинский царевич Александр, который первые 12 лет после удаления из Грузии вел активную подрывную работу. Он рассылал многочисленные письма с призывами к сопротивлению, часто находясь на нелегальном положении, посещал разные районы бывшего Картли-Кахетинского царства. Известно о ста письмах царевича Александра за период 1800–1817 гг. (Маркова, 1951: 42). Число писем, не попавших в руки царской администрации, неизвестно. Переписка с грузинской аристократией велась постоянно. Агентура царевича Александра, занимавшаяся доставкой писем, была значительной. Помимо царевича Александра пропагандистские письма писали государственные сановники Османской и Персидской империй, а также командиры повстанческих отрядов.

В данной работе рассматриваются письма антирусской коалиции как источник пропаганды в период локального конфликта – восстания в Кахетии.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), Dimao404@mail.ru (D.O. Ezhevski), history@pguas.ru (A.G. Vazeroва)

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы документы, собранные Кавказской археографической комиссией, а также документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия).

Методологическую основу исследования составили традиционные принципы историзма, объективности и системности. В процессе работы применялись следующие общеисторические методы: проблемно-хронологический, который позволяет изучить отдельные факты Кахетинского восстания в их временной последовательности и во взаимосвязи с другими событиями; классификационный, который дает возможность классифицировать письма по жанру и выявить их специфику как источника пропаганды.

3. Обсуждение

Восстание в Кахетии 1812 г. привлекало внимание историков сложными взаимосвязями между Османской и Персидской империями, местной прорусской и антирусской аристократией, влиянием на восстание лезгин и многими другими факторами. Это и предопределило неоднократное обращение к Кахетинскому восстанию многочисленных исследователей. Так, еще в дореволюционный период данную тему затрагивали в своих исследованиях А.Г. Чавчавадзе (Чавчавадзе, 1902), Н. Дубровин (Дубровин, 1887–1888), Н.С. Аносов (Аносков, 1902), В. Потто (Потто, 1893), А. Зиссерман (Зиссерман, 1881), В.Н. Иваненко (Иваненко, 1901).

В советское время вопросы Кахетинского восстания нашли свое отражение в работе группы авторов – Н. Бердзенишвили и другие (Бердзенишвили и др., 1950), а также в труде О.П. Марковой (Маркова, 1951). В современной историографии интерес исследователей находится в изучении жизни некоторых участников восстания, которые были сосланы в Сибирь (Борникова, 1999; Бушаров, 2005).

4. Результаты

Письма можно разделить на несколько групп:

1. Письма грузинских царевичей Александра и Григория;
2. Письма грузинской аристократии, повстанческих командиров и третьих лиц.

4.1. Письма грузинского царевича Александра

Говоря о письмах царевича Александра, важно отметить, что эти письма начали рассылать задолго до начала Кахетинского восстания. Одно из первых писем на имя князя Чавчавадзе датируется 14 декабря 1802 г. В письме царевич Александр пишет о несправедливом преследовании детей грузинского царя (ЦГИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-6). Таким образом, задолго до восстания в Грузии готовилась почва для этого социального потрясения. В своих письмах царевич Александр часто давал обещания милостей от персидского шаха и от него как будущего царя Грузии, сообщались не соответствующие действительности сведения о победах персов, выражалась уверенность в поражении Российской империи, а также высказывались упреки за слабое содействие. Царевич Александр демонстративно преклонялся перед могуществом персидского шаха.

В своих обращениях к грузинам он постоянно говорил о расположении Персии к Грузии. Так, например, в письме «Ко всем мухранским владельцам» (1804 г.) царевич, призывая к восстанию против русской власти, писал: «Насчет нас ведайте, что, когда мы достигли праха ног милостивого государя нашего и изложили перед ним наши жалобы, государь, по своей несчетной милости тогда же отдал ко всему Ирану приказ и приступил к сборам для похода на Грузию» (АКАК, 2: 159-161).

В одном из писем к Ибрагимю, хану карабагскому, одному из наиболее влиятельных ханов Закавказья, многолетнему союзнику царя Ираклия II, царевич стыдит его за поддержку «низкой нации российской», призывает одуматься и поспешить к персидскому государю. Если бы хан не уклонился от Персии, то «дело русских божиею милостью было бы расстроено, и все было бы совершенно, и те владения, кои в руках их, отняли бы от них назад, и я завладел бы прежним моим хозяйством, да и они совсем были бы истреблены. А теперь на что вам их усилить? И дело легкое вы делаете трудным» (АКАК, 2: 168).

Тем не менее царевич Александр не отказывался от вассальных отношений к русскому царю, но при условии восстановления грузинского царства. В письме, например, к матери, царице Дареджан, Александр писал: «Если они (имеются в виду русские – Авт.) хотят, чтобы я приехал к ним, то пусть посадят одного кого-нибудь из дому нашего царем, и тогда мы приедем и будем служить государю» (АКАК, 2: 169). Важно отметить, что эти строки были написаны в 1805 г., уже в период русско-персидской войны 1804–1813 гг., когда царевич особенно активно действовал на стороне Персии.

В 1806 г. царевич Александр писал шамшадильскому моураву кн. Соломону Тархнишвили об отправке войск шах-заде, то есть наследника персидского престола в Кахетию, для наказания «врагов наших», войск в Картлию «для ограбления Карталинии и наказания противников» (АКАК, 2: 172). Об активной службе царевича Александра персам свидетельствует письмо его к осетинам Джавского ущелья. Грузинский царевич призывал сражаться на стороне Персии и спешил сообщить, что «государь (имеется в виду персидский – Авт.) отправил нас в Ахалцих с таким войском и казной, как нам хотелось, и мы сюда уже прибыли» (АКАК, 4: 126). Иными словами, грузинский царевич в борьбе

за восстановление трона действовал в качестве наемника Персии. Помимо этого царевич Александр обещал осетинам прибыть скоро и в Картлию. Он направился в Ахалцих на соединение с турецкими войсками. Как известно, в то время между Османской и Персидской империями шли переговоры о заключении военного союза при участии английских дипломатов.

О наличии таких связей с внешними силами свидетельствует письмо царевича Александра от 31 августа 1809 г. к князьям, дворянам, духовенству и народу Грузии. В этом послании царевич Александр особенно усердно объясняется в своей любви к ним, призывает выйти к нему навстречу, так как он имеет теперь с собой «силу и казну трех сильных и великих держав – всего Ирана, османов и англичан для нашего освобождения от рук чужих. Это есть минута вашего счастья, когда вы можете возобновить усердие ваших предков и принять честь, подобающую великим и малым» (АКАК, 4: 127). В послании этом население Грузии призывалось к восстанию.

В одном из писем к Хусейну, хану ереванскому, вассалу Персии, царевич Александр вслед за просьбой о деньгах уверяет хана: «Доколе в нас есть душа, мы будем проливать кровь за верность иранскому государю и шах-заде, ... не забывайте нас за то, что мы вам ничем еще не послужили: даем бога в поручители, что мой дом будет собственным домом вашего высочества» (АКАК, 5: 369). Царевич просил отправить его посланца к шах-заде, что будет им принято с благодарностью, «ибо вы как бы из своих рук наскоро пожелаете мне Грузию» (АКАК, 5: 369). Мы обнаруживаем то же самое в письме к Мирзе Бозоргу, к наиболее влиятельному министру Аббас Мирзы: «Бог свидетель, что пока во мне есть душа, я не отступлюсь от хлеба-соли иранского государя и шах-заде, и от верности им, будучи готов проливать кровь из усердия к ним, ... доколе я жив, не помирюсь с русскими и не похую хлеба-соли шах-заде» (АКАК, 5: 369).

Во время восстания в Кахетии, когда русская администрация пыталась потушить пламя разгорающегося конфликта на начальной стадии, русские войска были направлены в Телави. Однако в районе дер. Чумлаки их встретил повстанческий отряд под командованием царевича Григория. В отряде было около 4 тыс. человек, в том числе пшавы, хевсурсы и лезгины. 1 марта 1812 г. произошло крупное столкновение между восставшими и правительственными войсками. К вечеру оно прекратилось и противоборствующие силы расположились на ночлег. Желая увеличить численность своих сил, царевич Григорий обратился с воззванием к жителям соседних селений – Джимити и Уканамхари – с призывом поспешить к нему на помощь. Царевич описал сражение как свою большую победу и заявил: «А с наступлением ночи расположились русские на Капризском поле, мы с нашим войском кругом их стоим, и с рассветом будет опять большая драка, и бог нам на помощь! Пока хотя один кахетинец жив, Кахетия не отступит» (АКАК, 5: 44). Анализируя данный текст, нельзя не обратить внимания на явно пропагандистский характер данного воззвания: 1. Упоминание о том, что повстанцы «кругом стоят» вокруг русских, может свидетельствовать только о том, что русские окружены, то есть дело их практически проиграно. 2. Не может не вызывать удивление тезис «пока хотя один кахетинец жив»..., дело в том, что среди восставших была большая часть наемников-лезгин, которые воевали только за деньги.

О том, что русские не находились в окружении, свидетельствует тот факт, что ночью в русский лагерь пришли старшины из соседних грузинских сел с изъявлением покорности (Маркова, 1951: 76). Утром следующего дня повстанцы были разогнаны. Царевич Григорий сначала ушел в Дагестан, но оттуда русской администрацией был вызван в Телави. Уже 6 марта он был в Телави, а 17 марта из Тифлиса был отправлен в Санкт-Петербург. Оттуда его выслали в Вологду, но через год возвратили в Москву, и ему была назначена пенсия в 3 тыс. рублей в год.

В мае 1812 г. в Кахетии начали вновь распространяться письма-воззвания царевича Александра, а также фирманы Аббас Мирзы. В документах говорилось, о подготовке наступления на Закавказье Османской и Персидской империями. В письме к кахетинцам царевич Александр, восхваляя их храбрость и мужество и выражая им свою исключительную любовь, сообщал, что шах-заде Аббас Мирза прибыл на озеро Гочка с большим войском – 12 тыс. сарбазов (пехоты) и 30 тыс. другого войска – при орудиях и с казной, что вместе с ним он собирается идти в казахскую землю, что с турецкой стороны идет сераскир с артиллерией и 60 тыс. войска, половина которого уже в Ахалцихской земле, а из Персии следует через границу еще другой принц с 30 тыс. войска, что все эти войска войдут в Грузию получив соответствующий приказ. Помимо этого царевич Александр упоминал, что им отправлен в Тианети фирман шах-заде. Такое же письмо было отправлено царевичем Александром в Кизик, Душетский район и к лезгинским обществам – Джарскому и Анцухскому. Кроме того, царевич писал и отдельным кахетинским князьям (например Черкезишвили), живущим в сел. Манави, ко всем живущим в Сагареджском районе, а также к пшавам, хевсурам и в Тианети.

Реакция на письма у адресатов была разной: некоторые получатели передали письма русской администрации или оповестили об этом (АКАК, 5: 462-463; ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1282. Л. 1-3). Но были и такие, кто поддался уговорам и ушел в горы. Так, например, в июле 1812 г. к царевичу Александру ушли князья Иосиф, Осман и Гарсеван Челокашвили (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1286. Л. 1-3). Для принуждения к возвращению на постоянное место жительства русская администрация утвердила положение об изъятии имений у подавшихся в бега князей после пятнадцатидневной их отлучки (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1286. Л. 1-3). Часть князей была вынуждена вернуться, а часть лишилась своих

имений. Среди последних были князья Челокаевы, Амилахваровы, Аваловы и др. (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1288. Л. 1-75). Значительное количество рядовых участников восстания впоследствии были выселены в Сибирь (Бортникова, 1999: 26-27).

В то же время царевич Александр обратился с воззваниями к мтиулетинским старшинам и ко всем живущим по Арагве, призывая горцев-грузин к захвату Военно-грузинской дороги. «Вы должны перейти с войском в ущелье, о чем я писал гудомакарцам, хевсурцам и мохевцам, и испортить дорогу врагам нашего дома и вашим – русским, чтобы войска не могли проходить; а с находящимися в Грузии русскими, при помощи божией, мы сумеем управиться» (АКАК, 5: 357). В письме царевич Александр упоминал также о куске материи для церкви Святого Георгия в Ломиссе на Арагве, которую он передал в качестве пожертвования. Оказывая горцам такие знаки внимания, царевич полагал, что они могут побудить население к восстанию.

В июне 1812 г. царевич Александр отправил пшавам еще одно письмо на имя старшин Хаха Беридзе, Гиджуришвили Хадила Цариа и Лашкара. Царевич благодарил их за верность и сообщал о выступлении в Грузию: «Вот мы идем: шах-заде следует отсюда, а со стороны Карталинии – сераскир с большим турецким войском. Кто теперь в нашей верности порядком потрудится, тот, как солнце, просияет на земле...» (АКАК, 5: 358-359).

В письме князю Казибегу царевич Александр просит его действовать заодно с пшавами и хевсурами и дать распоряжение портить дороги. «Поверь, Гавриил, наша милость вечна, а русская мимолетна и, как ветер, преходяща». Царевич обещает пожаловать ему крестьян, вотчины и милость, какую он сам изберет. В письме тушинам царевич просил их примкнуть к пшавам (АКАК, 5: 360).

В это же время царевич шлет письмо к кахетинцам. Он упоминает о благополучном прибытии в Ереван их депутации: князей, дворян и простолюдинов – и обещает по прибытии Аббас Мирзы представить их ему (АКАК, 5: 359-360).

Важно отметить, что письма были серьезным орудием пропаганды, и русская администрация проводила широкий спектр мероприятий по пресечению такой пропаганды. Так, в апреле 1812 г. был лишен сана и отправлен в ссылку в Херсонскую губернию священник Шухашвили за чтение в церкви недопустимых писем (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1448). Принимались меры к поимке самого автора писем. В 1818 г. за поимку царевича Александра была назначена награда в 2 тыс. червоцев (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1289. Л. 1-7).

4.2. Письма грузинской аристократии, повстанческих командиров и третьих лиц.

Призывая духовенство и дворянство к решительным действиям против русских, антироссийски настроенная аристократия применяла разные способы для доказательства особого расположения Персии к Грузии. В этом отношении интересным представляется письмо кизикского моурава кн. Иосифа Андроникашвили из Персии к бодбийскому (в Кизике) митрополиту Иоанну. Так, князь пишет: «Знаем, что выслушаете весть об Иране, что и буду докладывать вам. Государь весьма разгневался и двинул такие войска, что они увлекают с собой горы и доли. Его державство говорит, что, дескать, мои славные войска должны идти до Кизляра и Моздока. Не слыхано и не видано такого колеблющего землю войска, уверяю вас клятвой. Я думаю, что всю грузинскую землю они взроют на 9 аршин. Теперь от вас зависит, какое мужество окажете. Для того я вам докладываю, что за Багратионов вы много мучений перенесли от русских, и теперь постарайтесь показать перед славным государем вашу верность, чтобы воспринять взаимно милость по мере трудов. Я ваш духовный сын, и вы ко мне милостивы, потому и докладываю. Постарайтесь и потрудитесь, чтобы искра Грузии не погасла. Клянусь богом, если все тамошние, приверженные русским и изменившие Багратионам, пойдут сюда навстречу, то ни в чем не должны сомневаться, напротив, получат большую милость. Насчет находящихся в вашей стороне царевичей не сомневайтесь. Шах своеручно опоясал Александра мечом, и перстень ему велел сделать, и Грузию ему же пожаловал. Поверьте этому, вы и народ, все это точно истинно» (АКАК, 2: 807). Таким образом, восстановление независимости Грузии означало установление вассальных отношений к Персии. К сведению, кн. Андроникашвили вскоре вернется в Грузию и будет прощен русской администрацией за присоединение к царевичу Александру.

В период Кахетинского восстания повстанческое командование направляло парламентаров с письмами, в которых призывали русские гарнизоны в осажденных крепостях прекратить сопротивление. Так, например, более месяца велась осада восставшими крепости Телави. Как минимум, трижды восставшими высылались парламентары (9, 13 и 18 февраля) с письмами на грузинском языке. Так, в первом письме на имя коменданта крепости и капитан-исправника повстанцы клятвенно заверяли, что в случае сдачи всем будет дана полная свобода, что русские и в Кахетии, и в Картлии или истреблены, или добровольно покорились. «Верьте, у вас помощи уже никакой нет, не умирайте!» (АКАК, 5: 81-82).

Во втором письме восставшие сообщали о смерти Паулуччи (главнокомандующий русских войск в Грузии) и истреблении русских войск не только в Кахетии, но и в Картлии, и в Бочало, и в других местах. Распространение этой информации восставшими преследовало цель психологического воздействия на осажденный гарнизон, который все это время находился в полном неведении, так как курьеры либо возвращались безрезультатно, либо вообще не возвращались. В своих письмах восставшие уверяли, что осажденным будет дана полная свобода, а «благородные» будут жить у них

как «благородные». В противном случае восставшие угрожали расправой. «Напрасно не умирайте, мы ведь не дураки, вам помощи более нет, и за что умираете? Впрочем, воля ваша» (АКАК, 5: 82).

Подрывную деятельность проводил и находившийся в Османской империи бывший царь Имеретии Соломон II. Он отправил в Кахетию письмо, в котором хвалил грузин за последнее выступление горцев и давал понять, что он уже прибыл с турецкими войсками. «Вот мы уже прибыли с несчетными войсками: с той стороны царевич Александр, с этой – мы» (АКАК, 5: 470). Важно отметить, что у Соломона II и у царевича Александра своих войск вообще не было, они шли в обозах османской и персидской армий.

Помимо писем грузинских князей были еще письма представителей закавказской знати или письма третьих лиц. К таким людям относился, например, ереванский хан Хусейн Кули. Как известно, вторжение персов и осман в Закавказье не произошло в конце весны 1812 г., так как антироссийская коалиция предъявила России ультиматум о готовности отказаться от вторжения, если России вернет Турции и Персии территорию Закавказья. В то время, пока шли переговоры, в Грузии начали распространяться слухи о проведении этих переговоров. Для их опровержения ереванский хан Хусейн Кули направил письмо, которое адресовалось всем кахетинским, кизикским и арагвским князьям, дворянам и народу. В нем он отмечал: «Если бы слух о мире был справедлив, то может ли быть столько набегов на деревни, отгона скота и увлечения в плен, сколько мы отсюда делаем?» (АКАК, 5: 356).

5. Заключение

По своим жанрам письма в период Кахетинского восстания можно разделить на несколько групп: письма-воззвания, письма-убеждения, письма-обещания. Так, например, письма-воззвания предназначались для привлечения населения того или иного района под знамена восставших. Письма-убеждения преследовали цель побудить окруженные группировки русских войск прекратить сопротивление и сдаться. В письмах-обещаниях особо акцентировалось внимание на тех благах, которые получают поддержавшие восстание в обозримом будущем. Общим во всех видах этих писем было одно – массивное применение дезинформации.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- АКАК, 2 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 2. Тифлис, 1868.
 АКАК, 4 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 4. Тифлис, 1870.
 АКАК, 5 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873.
 Аносов, 1902 – Аносов Н.С. Время Тормасова, Паулуччи и Ртищева, 1809–1817 гг. Тифлис, 1902.
 Бердзенишвили и др., 1950 – Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии. Ч. 1. Тбилиси, 1950.
 Бортникова, 1999 – Бортникова О.Н. Участники Кахетинского восстания в Сибири // Юрга. 1999. № 9. С. 26-27.
 Бушаров, 2005 – Бушаров Е.А. Сибирская ссылка участников Кахетинского восстания 1812 г. // Словцовские чтения – 2005 / Материалы XVII Всерос. науч.-практ. краеведческой конф. Отв. ред.: Т.М. Исламова. 2005. С. 70-71.
 Дубровин, 1887–1888 – Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 5-6. 1887–1888.
 Зиссерман, 1881 – Зиссерман А. История 80 пехотного кабардинского полка. Т. 1. СПб., 1881.
 Иваненко, 1901 – Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества в. кн. Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.
 Маркова, 1951 – Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. М., 1951.
 Потто, 1893 – Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах. Т. 1. Вып. 3. СПб., 1888.
 ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.
 Чавчавадзе, 1902 – Чавчавадзе А.Г. Краткий исторический очерк положения Грузии 1801–1831 гг. // Кавказский сборник. 1902. Т. 22.

References

- АКАК, 2 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 2. Tiflis, 1868. [in Russian]
 АКАК, 4 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 4. Tiflis, 1870. [in Russian]
 АКАК, 5 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 5. Tiflis, 1873. [in Russian]
 Anosov, 1902 – Anosov N.S. (1902). Vremya Tormasova, Pauluchchi i Rtishcheva, 1809–1817 gg. [Time of Tormasov, Paulucci and Rtishchev]. Tiflis. [in Russian]

- Berdzenishvili i dr., 1950** – *Berdzenishvili N., Dzhavakhishvili I., Dzhanashia S.* (1950). Istoriya Gruzii [History of Georgia]. Ch. 1. Tbilisi. [in Russian]
- Bortnikova, 1999** – *Bortnikova O.N.* (1999). Uchastniki Kakhetinskogo vosstaniya v Sibiri [Participants of the Kakheti uprising in Siberia]. *Yurga*. № 9. pp. 26-27. [in Russian]
- Busharov, 2005** – *Busharov E.A.* (2005). Sibirskaya ssylka uchastnikov Kakhetinskogo vosstaniya 1812 g. [Siberian reference of the participants of the Kakhetian uprising of 1812]. *Slotsovskie chteniya* – 2005. Materialy XVII Vseros. nauch.-prakt. kraevedcheskoi konf. Otvetstvennyi redaktor: T.M. Islamova. pp. 70-71. [in Russian]
- Chavchavadze, 1902** – *Chavchavadze A.G.* (1902). Kratkii istoricheskii ocherk polozheniya Gruzii 1801–1831 gg. [A brief historical sketch of the situation of Georgia in 1801-1831]. *Kavkazskii sbornik*. T. 22. [in Russian]
- Dubrovin, 1887–1888** – *Dubrovin N.* (1887–1888). Istoriya voyn i vladychestva russkikh na Kavkaze [History of wars and domination of russians in the Caucasus]. T. 5-6. [in Russian]
- Ivanenko, 1901** – *Ivanenko V.N.* (1901). Grazhdanskoe upravlenie Zakavkaz'em ot prisoedineniya Gruzii do namestnichestva v. kn. Mikhaila Nikolaevicha [Civil administration of the Transcaucasus from the accession of Georgia to the vicegerency in book of Mikhail Nikolaevicha]. Tiflis. [in Russian]
- Markova, 1951** – *Markova O.P.* (1951). Vosstanie v Kakhetii 1812 g. [The uprising in Kakheti in 1812]. M. [in Russian]
- Potto, 1893** – *Potto V.* (1893). Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh [The Caucasian war in selected essays, episodes, legends]. T. 1. Vyp. 3. SPb. [in Russian]
- TsGIAG** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia]
- Zisserman, 1881** – *Zisserman A.* (1881). Istoriya 80 pekhotnogo kabardinskogo polka [History of the 80th infantry kabardian regiment]. T. 1. SPb., 1881. [in Russian]

Письма как источник пропаганды в период Кахетинского восстания 1812 года

Горан Райович ^{a, b, *}, Дмитрий Олегович Ежевский ^c, Алла Геннадьевна Вазерова ^d, Милица Трайлович ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматриваются письма антирусской коалиции в период Кахетинского восстания 1812 г. как источник пропаганды. Выявлены и классифицированы авторы этих пропагандистских материалов. Уделено внимание методам борьбы русской администрации против восставших.

В качестве материалов были использованы документы, собранные Кавказской археографической комиссией, а также документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия).

В заключении авторы отмечают, что по своим жанрам письма в период Кахетинского восстания можно разделить на несколько групп: письма-воззвания, письма-убеждения, письма-обещания. Так, например, письма-воззвания предназначались для привлечения населения того или иного района под знамена восставших. Письма-убеждения преследовали цель побудить окруженные группировки русских войск прекратить сопротивление и сдаться. В письмах-обещаниях особо акцентировалось внимание на тех благах, которые получают поддержавшие восстание в обозримом будущем. Общим во всех видах этих писем было одно – массированное применение дезинформации.

Ключевые слова: письма, пропаганда, восстание, Кахетия, Грузия, 1812 г.

* Корреспондирующий автор

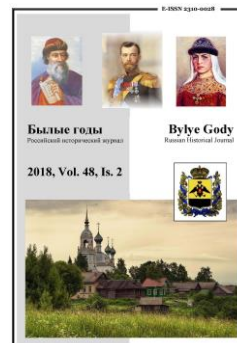
Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), Dima0404@mail.ru (Д.О. Ежевский), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 576-587. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.576
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Development of School Education in the Turgay Region in the second half of the nineteenth century

Galina U. Karpykova^{a,*}, Bibikul M. Utegenova^a, Serikbai O. Ospanov^a

^a Kostanai State Pedagogical university, Kazakhstan

Abstract

The article deals with process of the development of school education in the Turgai region in the second half of the XIX century. Considerable attention is paid to the opening of educational institutions of various types for Kazakh children.

The materials used are documents of the State Archives of the Orenburg Region and the National Archive of the Republic of Tatarstan. Of great importance are scientific publications on research topics published in the pre-revolutionary and modern periods, as well as materials of personal origin (memoirs, letters).

In conclusion, the authors note that the Turgai region was a kind of an illustrative example of the positive dynamics of the development of schools, as the imperial policy of reforming the national schools found support here in the person of the outstanding Kazakh educator Ibrai Altynsarin. The historical phenomenon of Altynsarin's personality was manifested in the fact that he, having progressive educational views for that time, saw in the opening of Russian-language schools for Kazakh children, among other things, the positive consequences of enlightening the people.

Keywords: Turgay region, education of foreigners, Russification, Ilminsky system, Russian-Kyrgyz school, aul school, Ibrai Altynsarin, women's education, technical education.

1. Введение

Во второй половине XIX века на территории современного Казахстана осуществлялась имперская школьная реформа, подразумевающая становление единой системы народного просвещения. Данная политика была обусловлена необходимостью усиления позиций Российской империи во вновь присоединенных казахских территориях через открытие русских школ и политику русификации инородцев, а также необходимостью вовлечения края в орбиту социально-экономических отношений путем обучения и формирования лояльного к колониальным властям подрастающего молодого поколения.

Местная казахская знать отчасти была заинтересована обучать своих детей в русских школах, так как наличие русскоязычного образования могло обеспечить успешный карьерный рост казахов по службе в колониальном государственно-административном аппарате.

Показательной в прослеживании динамики развития школьного образования в этот период является Тургайская область, вошедшая в 1868 г. в состав Оренбургского генерал-губернаторства. Внутри она состояла из 4 уездов: Актюбинского, Иргизского, Костанайского и Тургайского. В свою очередь, уезды по территориальному принципу подразделялись на волости, волости – на административные аулы.

Во второй половине XIX века Тургайская область представляла собой крупный экономический регион, находясь на пересечении выгодных торговых путей из России в Среднюю Азию.

* Corresponding author

E-mail addresses: galina_karp@inbox.ru (G.U. Karpykova), bibi1960@mail.ru (B.M. Utegenova), kmkz55@mail.ru (S.O. Ospanov)

Геополитическое положение региона обусловило мощную переселенческую волну русского населения в Тургайский край (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 84671. Л. 18). Данный фактор способствовал насаждению русскоязычного образования и русификации местного населения. Таким образом, в данной статье рассматривается процесс развития школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века в социально-историческом контексте и дается описание предпосылок, приведших к становлению русскоязычного образования и повышению грамотности казахов.

2. Материалы и методы

Данная статья построена на методологических принципах историзма и объективности, что позволяет рассмотреть развитие школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века через призму государственной политики реформирования национальных школ в Российской империи.

Использование авторами проблемно-хронологического и ретроспективного методов дает возможность всесторонне рассмотреть проблему развития школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века.

В качестве материалов были использованы документы Государственного архива Оренбургской области и Национального архива Республики Татарстан. Важное значение имеют научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды, а также материалы личного происхождения (воспоминания, письма).

3. Обсуждение

Проблема развития школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века находилась в центре изучения в дореволюционной историографии. Наиболее достоверную информацию предоставили первые идеологи и практики в продвижении школьного образования в степи – дипломаты и военные чины, служившие в приграничных округах (письма и записки вышестоящему начальству оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского, военных губернаторов Тургайской области Л.Ф. Баллюэка, А.К. Гейнса, А.П. Константиновича ([Веселовский, 1888](#); [Васильев, 1896а](#); [Катаринский, 1897](#); [Остроумов, 1899](#)). О внедрении в систему школьного обучения концепции просвещения инородцев Н.И. Ильминского писали дореволюционные исследователи ([Чудновский, 1888](#); [Васильев, 1896](#); [Ильминский, 1891](#); [Алекторов, 1900](#); [Воскресенский, 1906](#)). Вопросы практики обучения в русско-казахских школах нашли отражение в трудах А.А. Воскресенского ([Воскресенский, 1906](#)), М. Греховодова ([Греховодов, 1913](#)), Н. Андреева ([Андреев, 1915](#)). Видные российские ученые-ориенталисты В.В. Вельяминов-Зернов ([Вельяминов-Зернов, 1866](#)), В.В. Радлов ([Радлов, 1870](#)), В.В. Григорьев ([Григорьев, 1875](#)) исследовали общие вопросы развития русского языка и культуры в Казахстане во второй половине XIX века. Проблемам русификации жителей национальных окраин Российской империи посвящены современные исследования С.В. Сопленкова ([Сопленков, 2000](#)), Л.М. Дамешек, А.В. Ремнева ([Дамешек, Ремнев, 2007](#)), Н.Е. Бекмахановой и др. ([Бекмаханова и др., 2008](#)).

Отдельные аспекты развития образования в Казахстане, в том числе в Тургайской области, роли Ибрая Алтынсарина в просвещении казахского народа рассмотрены в научных трудах иностранных исследователей, таких, как А. Дениз Балгамиш, Томохико Уяма, Мустафа Туна, Йен Уайли Кэмпбелл ([Deniz Balgamis, 2000](#); [Tomohikou Yama, 2000](#); [Mustafa Özgür Tuna, 2002](#); [Ian Wylie Campbell, 2011](#)). Предметом их особого интереса стали вопросы образовательной политики России и продвижения русскоязычного образования в степь, поэтапного развития образования во второй половине XIX века, способствовавшего социально-культурному прогрессу казахского общества и становлению казахской интеллигенции, роли Ибрая Алтынсарина в открытии школ в Тургайской области для детей казахов, создании казахского алфавита и первых учебников.

О жизни, творческой и педагогической деятельности Ибрая Алтынсарина говорится в научных трудах современного казахского ученого-исраеоведа С.О. Оспанова ([Оспанов, 2016, 2017](#)).

4. Результаты

К середине XIX века Российская империя представляла собой огромный конгломерат, состоящий из собственно России и национальных окраин. В связи с расширением территории империи стояла актуальная государственная задача обеспечения единого административно-территориального и социального устройства. Задача включения инородцев в социальную и культурную сферу могла быть решена только путем развития народного просвещения, в первую очередь школьного обучения. Именно развитие школьного образования стало основой внутривосточного курса в национальных окраинах. Поэтому с целью предотвращения будущего распада империи по национальному признаку был выбран курс на русификацию инородцев через систему образования ([Ткаченко, 2002: 194](#)). Развивая систему школьного обучения, приобщая молодое поколение к русскому образованию и культуре, можно было воспитать новую генерацию национальных кадров, идейно близких к России.

Главным идеологом политики русификации выступил С.С. Уваров, президент РАН, попечитель Петербургского учебного округа, считавший единственным эффективным способом завоевания

национальных окраин развитие русского просвещения и культуры (Сопленков, 2000: 144). В унисон концепции С.С. Уварова звучали идеи профессора Казанского университета О.М. Ковалевского о высокой миссии России принести народам Азии истинное образование (Сопленков, 2000: 155).

Современные исследователи считают, что русифицированная система народного образования являлась стержнем прочной идеологической базы, необходимой для существования Российской империи как единого и стабильного многонационального государства (Бекмаханова и др., 2008: 172), способствовала возникновению во вновь присоединенных территориях локальных центров имперского влияния (Дамешек, Ремнев, 2007: 18-19). Русификация подразумевала ограничение культурной самобытности и активное распространение русского языка, замену местных органов управления на общеимперские, интенсивное распространение православия и русской культуры (Бекмаханова и др., 2008: 171). Эффективными путями русификации в Казахстане стали открытие русских школ, совместное обучение детей русских поселенцев и казахов, подготовка учителей из числа казахов для русско-казахских школ, создание письменности на основе русской графики, написание и издание учебников на казахском языке русским алфавитом.

26 марта 1870 г. были утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию народов», объявляющие конечной целью образование, обрусение инородцев и слияние их с русским народом. План развития просвещения предусматривал открытие в окраинах гимназий и народных школ, а также создание учительских семинарий. Доступ в средние учебные заведения объявлялся открытым как для русских детей, так и для представителей коренного населения. Большое значение придавалось совместному обучению детей, призванному способствовать обрусению инородцев (Остроумов, 1879: 67).

В осуществлении политики русификации правительство столкнулось с серьезными трудностями, которые были сопряжены с преодолением культурной отсталости народов, устранением противостояния на религиозной почве, недовольством местной знати, подавлением влияния национальной культуры (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 21290. Л. 120).

Кроме идейных противоречий, негативно сказывались на развитии школьного обучения отсутствие светских школ, специальных методик обучения, недостаток материальных средств и подготовленных учителей. Для успешного решения задач должны были сформироваться образовательные потребности казахского населения, оформиться стремление приобщиться к более прогрессивной русской культуре.

Основой государственной образовательной политики на востоке России стала концепция инородческого образования профессора-востоковеда Казанского университета Н.И. Ильминского. В ее основе лежала идея об использовании родного языка в просвещении инородцев. Резкий отпор концепции инородческого образования оказало мусульманское духовенство, видя в ней исключительно миссионерский характер и полагая ее опасным конкурентом во влиянии на молодежь. Но, несмотря на это, система Н.И. Ильминского, успешно апробированная в Казанском учебном округе, была положена в основу развертывания соответствующей сети школ в Казахстане, включая подготовку необходимой «инфраструктуры».

Необходимость развития просвещения в Казахстане раньше, чем столичные органы власти, осознали региональные центры управления степью. В конце 40-х годов XIX века канцелярия оренбургского генерал-губернатора вступила в переписку с петербургскими ведомствами, считая необходимым указать на важность подготовки в российских учебных заведениях фельдшеров и ветеринаров из числа казахов, так как скотоводство, являясь основным занятием казахов-кочевников, обеспечивало продуктами и сырьем ту же Россию. В 1850-е годы в Оренбурге стали говорить и о возможности технического образования казахских детей в Казанском университете, и вообще о возможности казахов поступать в российские университеты.

Первым учебным заведением, в которое был разрешен доступ детям казахов, стало Неплюевское военное училище (позже Неплюевский кадетский корпус), открытое в 1825 году в Оренбурге. Правительство, разрешая детям казахов учиться в данном учебном заведении, считало, что тесное общение инородцев с русскими будет иметь свои благоприятные последствия в отношении усвоения первыми русского языка и русского мировоззрения (Васильев, 1896b: 8). Самыми первыми учениками-стипендиатами стало 7 казахских мальчиков (Васильев, 1896a: 14). До середины 1840-х годов, вплоть до преобразования училища в кадетский корпус, численность учеников-казахов была незначительной из-за новизны проекта, а также трудностей в усвоении казахскими детьми учебных предметов, в том числе шести языков: русского, французского, немецкого, татарского, арабского и персидского (Васильев, 1896b: 4-5). Кроме языков, в учебную программу входили история (всемирная и российская), география (математическая, всеобщая и российская), основы естественной истории (ботаники, зоологии и минералогии) с приложением этих предметов к условиям края. Далее следовали арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия. Также изучались военные дисциплины – полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение планов, военная эскерция (Матвиевская, 2016: 13).

Неплюевское училище явилось первым военно-учебным заведением в России, где в обязательном порядке изучались восточные языки (Матвиевская, 2016: 13). Это была так называемая краевая специфика, обусловленная приграничным положением Оренбурга.

Училище должно было содержаться на местные средства. Основными источниками финансирования были проценты с накопленного основного капитала училища и так называемый билетный сбор с киргизов, как тогда называли казахов, который с 1817 года взимался за право найма их прилинейными жителями на работу. Сбор поступал в Оренбургскую пограничную комиссию и перечислялся в Неплюевское училище (Матвиевская, 2016: 12). Таким образом, несмотря на малочисленность обучающихся детей казахов, местное население участвовало в содержании училища.

В 1844 г. училище было преобразовано в кадетский корпус и для большего привлечения детей казахов в нем было открыто два отделения – для русских и азиатов по 100 учащихся-интернов в каждом (Васильев, 1896а: 16).

Из 100 мест 30 казеннокоштных мест предназначалось детям киргизских султанов, старшин и биев (Матвиевская, 2016: 60). Но и эти вакансии казахи не могли закрыть, так как не хотели отпускать сыновей учиться в «непонятный» кадетский корпус. В это же время среди казахов распространилась молва, что их сыновей хотят окрестить и отправить в солдаты (Васильев, 1896b: 6). Поэтому позже в отношении казахов было принято решение разрешить им посещать занятия в качестве вольнослушателей с обязательной сдачей экзамена на знание русского языка с оплатой 10 рублей в год. Надо признать, что и эта мера не решила кардинально проблему увеличения количества учеников-казахов, так как многие не смогли пройти приемные испытания. В 1866 г. корпус был преобразован в военную гимназию. Согласно Положению прием в гимназию отныне был закрыт для казахов по ряду причин. Во-первых, военное образование не отвечало насущным потребностям казахов-кочевников, а во-вторых, казахи не несли воинскую повинность, т.е. не призывались на военную службу (Васильев, 1896b: 11). Теперь дети казахов могли получать только гражданское образование. За все время существования корпуса количество обучавшихся в нем казахов неизвестно, но известно то, что полный курс обучения завершило 25 курсантов (Васильев, 1896а: 25-26). В историю данное учебное заведение вошло под названием «колыбель русского образования киргизов» (Васильев, 1896b: 1).

Альтернативой для получения казахами гражданского образования стала открытая в 1850 г. в Оренбурге 7-летняя общеобразовательная школа для казахских детей при пограничной комиссии. Положение об открытии было принято еще в 1844 году, но открытие запоздало на 6 лет из-за необходимости решения ряда вопросов об ее обустройстве (Васильев, 1896а: 35). Согласно Положению школа была призвана готовить знающих русский язык письмоводителей и гражданских чиновников для работы в низшем звене аппарата управления. В основу обучения была определена педагогическая система Н.И. Ильминского. Наряду с русским языком обучение в школе предполагало преподавание ислама и турки. В ней могли учиться дети привилегированных сословий казахского общества (в составе первых записанных в нее 30 детей 11 были сыновьями султанов, 5 – биев, остальные – старшин), но также был возможен доступ детям простых казахов, лояльных к царскому правительству. В Положении подробно регламентировались все вопросы жизнедеятельности школы: прием, подача заявления, начало занятий, обязательные предметы для обучения, требования к учителям, распорядок дня и многое другое (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 561/2).

В первый год на учебу из Оренбургского края было принято, как уже говорилось выше, 30 учеников в возрасте 11–14 лет. Среди них был будущий казахский педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин.

Администрация Оренбургского края, пытаясь сохранить обычаи и традиции учеников школы, приспособила учебный процесс к кочующему быту казахов. Ученики были обеспечены своеобразной формой по казахскому фасону (бешмет, нагрудник под бешмет, шаровары, кушак, кафтан, тюбетейка и башлык). Кроме этого, для нужд школы было приобретены 5 юрт, табун великолепных скакунов и дойных кобылиц - для обучения верховой езде и обеспечения детей кочевников кумысом. Администрация следила за тем, чтобы детей кормили национальными казахскими блюдами. В меню значились лапша с куртмом, бешбармак, поджаренная баранина, просяной суп, плов из баранины (Васильев, 1896а: 40-41).

В школе было 4 класса – нижний, средний, верхний и практический; первые три класса двухгодичные и последний – одногодичный. Полный курс обучения составлял 7 лет. Ученики изучали русский и татарский языки, чистописание, арифметику, мусульманское вероучение и делопроизводство на русском языке. Кроме прочего, детям преподавалась гимнастика (имеется в виду физическая культура). В инструкции для руководства школой говорилось о том, что уроки гимнастики необходимы для здоровья воспитанников, так как сидячий образ жизни вреден для развития детей, привыкших к кочевой жизни и к движению (Ильминский, 1891: 60).

К преподаванию в школе были привлечены секретарь колледжа Бекчурин – по татарскому языку, титулярный советник Костромитинов – по русскому языку и арифметике, ахун Оренбургской мечети Гусман Мусаулы – по законам ислама. Уроки в понедельник и во вторник шли с 9.00 до 16.00, в среду и четверг – с 9.00 до 11.00, в пятницу – священный день для мусульман – дети не учились. В воскресенье проходили уроки по исламу и татарскому языку. Из 20 уроков, проводимых в неделю, восемь велось на русском и шесть – на татарском языках. Ученики изучали арабский и персидский языки (ЦГАО. Ф. 9. Оп. 9. Д. 10).

Первым надзирателем школы в течение 6 лет был коллежский советник, в свое время преподаватель восточных языков в Неплюевском кадетском корпусе, татарин С. Кукляшев, и благодаря ему в школе установилась чисто татарская, мусульманская обстановка: прислуга была татарская, кушания татарские, ученики брили голову, совершали омовения, праздновали пятницу и ходили в мечеть (Ильминский, 1891: 15). После С. Кукляшева надзирателем школы был назначен Дыньков, прямо противоположный Кукляшеву. По описанию Н.И. Ильминского Дыньков был коренным русским, в свое время получил образование в Неплюевском училище, долгое время служил в Орской таможне, глубоко знал природу и нравы казахов. Он приложил немало усилий, чтобы придать школе светский характер. Стараясь не нагнетать обстановку, Дыньков предоставил выбор самим ученикам: брить или отпустить волосы, совершать омовения или ходить в баню, соблюдать мусульманский пост уразу или отказаться. Надо сказать, что воспитанники школы сразу поддержали нововведения Дынькова. Мулла, преподававший в школе азы ислама, высказал недовольство ими, но Дыньков, беседуя с ним, обосновал по-житейски (с точки зрения здоровья и гигиены учеников) необходимость этих новшеств (Ильминский, 1891: 15-18; Васильев, 1896а: 43-44).

В 1857 г. был произведен первый выпуск учеников школы. Из 30 поступивших 7 лет назад детей казахов окончили полный курс 20 юношей: 5 – с отличными достижениями, 5 – с весьма хорошими, 2 – с очень хорошими, 3 – с хорошими и 5 – с удовлетворительными. Среди отличников был и Ибрай Алтынсарин (Васильев, 1896а: 50-51).

В 1859 г. в учебный план школы были дополнительно введены русская история, математика, общая и русская география. Школьная библиотека была дополнена литературой с сочинениями русских классиков. Кроме обязательных предметов, казахские мальчики старших классов знакомились с нужными в степном быту ремеслами – слесарным, токарным, переплетным, а также стали получать понятия о земледелии, лесоводстве, ветеринарном искусстве и умении действовать ланцетом.

В том же году территориальная пограничная комиссия переименовывается в областное управление Оренбурга. В связи с большим количеством желающих поступить в школу областное начальство увеличило контингент учеников-казахов до 40 человек, а в 1863 году – до 50 (ЦГАО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7325а).

Модель школы, созданная под руководством Н.И. Ильминского, легла в основу школ, открытых в Тургайской области для распространения русскоязычного образования и борьбы против татарских мулл (Mustafa Özgür Tuna, 2002: 269). Именно в этих школах с середины XIX века некоторые казахи начали получать российское образование, и из этой группы появились первые казахские интеллектуалы. В их числе известный ученый Шокан Валиханов, известный педагог Ибрай (Ибрагим) Алтынсарин (Tomohikou Yama, 2000: 78).

Несмотря на успешность деятельности первой русско-казахской школы, в 1867 г. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский подготовил представление в Министерство народного просвещения о закрытии школы, мотивируя тем, что в городе открывается гражданская гимназия, где могут обучаться и дети казахов. На основе данного представления 2 декабря 1868 г. школа была закрыта, а ученики переведены в гражданскую гимназию (Васильев, 1896а: 53). Но теперь не стало возможности готовить переводчиков и делопроизводителей из казахов, так как гражданская гимназия давала лишь общее русское образование.

Важное место уделяли местные власти развитию медицинского образования, так как в степи не было квалифицированных медицинских кадров. Особо остро стояла проблема профилактики оспы. В 1841 г. было утверждено Положение о фельдшерской школе при Оренбургском военном госпитале. В ней предполагалось обучать 10 казахских мальчиков фельдшерскому делу и оспопрививанию. Из казны выделялось по 550 рублей в год, по 55 рублей на каждого ученика школы. Из Петербурга для практического обучения учащихся были высланы комплекты оспопрививательных игл и лимфа с краткими наставлениями, когда и как прививать от оспы детей и взрослых. Но данная инициатива правительства не встретила одобрения местного населения. В силу обычаев и религиозных предубеждений казахи не желали отправлять своих сыновей на учебу в фельдшерскую школу. Родители даже поступивших детей под разными предлогами затем забирали их из школы. В заявлениях они писали о том, что учеников водят на практику в госпиталь и там их учат перевязывать раны, держать тазы при кровопускании, ставить клизмы, делать надрезы для прививок от оспы, находиться и помогать при проведении операций, а к этому казахские дети имеют сильное отвращение. Дети, выросшие в степи, привыкшие к вольности и свежему воздуху, не могут перенести тяжелую атмосферу госпиталя. Поэтому за все время существования фельдшерской школы с 1844 по 1871 гг. полный курс со званием младших фельдшеров окончило всего 5 казахских юношей (Васильев, 1896а: 31-33).

Развитию широкого просвещения в Казахском крае способствовало открытие школ при степных укреплениях. В Представлении Оренбургскому генерал-губернатору председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев представил проект по введению первоначального обучения киргизских детей в русско-киргизских школах. Согласно проекту, в Уральском и Оренбургском укреплениях должны быть открыты школы с контингентом 25 учеников и с одним учителем; учитель одновременно должен исполнять обязанности смотрителя школы.

Для обучения надо принимать детей всех желающих казахов. Ученики будут изучать русскую и казахскую грамоту и чтение, грамматику и арифметику. В качестве приходящих учеников могут обучаться дети русских поселенцев (Ильминский, 1891: 96-102). Поскольку для реализации программы Григорьева не было государственных средств, Ибрай Алтынсарин, служивший переводчиком в Оренбургском укреплении, обратился к казахам с предложением собрать деньги для открытия школ. Подчеркивая большую важность обучения казахских детей в русско-казахских школах, он смог собрать необходимые средства для их открытия (Deniz Balgamis, 2000: 104).

Согласно вышеназванным Правилам, для школ должны быть построены здания из местного строительного материала. На содержание каждой школы ежегодно выделялись деньги из казны в размере 1803 рубля 50 копеек. В статье расходов 50 рублей шло на ремонт школьного дома; 75 рублей – на ремонт мебели, посуды, учебных принадлежностей; 360 рублей – на отопление и освещение; 687 рублей 50 копеек – на питание воспитанников; на обеспечение сирот и бедных одеждой, бельем и обувью – 150 рублей; на жалование учителю – 300 рублей; на жалование нанятым из казахов повару и прачке – 96 рублей. Если учитель по совместительству за плату исполнял обязанность переводчика при начальнике укрепления, то его жалование уменьшалось до 200 рублей и оставшиеся 100 рублей платили местному священнику за обучение детей русских поселенцев Закону Божьему (Ильминский, 1891: 107).

24 января 1864 г. в Областное правление оренбургскими киргизами был подан рапорт воинского начальника Оренбургского укрепления Тургай майора Яковлева о торжественном открытии 8 января 1864 г. казахской школы в Тургае. Открытие школы казахи встретили с радостью, и в тот же день было принято на обучение 14 мальчиков, преимущественно детей султанов, начальников дистанций и биев. Смотрителем школы был назначен зауряд-хорунжий Ибрай Алтынсарин. Для нужд школы по ведомости ему передали мебель, посуду, постельные принадлежности на сумму 222 рубля 68 копеек серебром (Ильминский, 1891: 118).

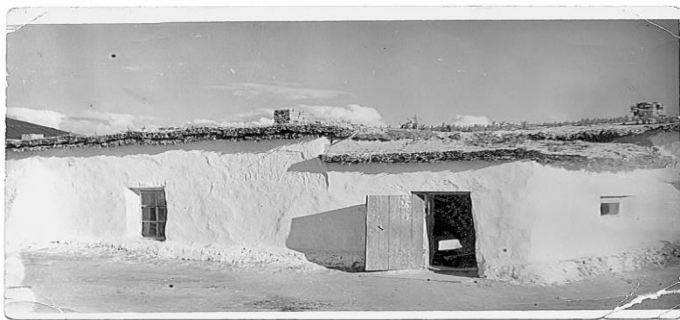

Рис. 1. Школа, открытая в 1864 году в Тургае

Об этом событии упоминается в одном из зарубежных исследований: в 1864 г. в Тургайской области открылась первая русско-казахская школа с помощью денег, которые собрал Алтынсарин, и его назвали первым учителем (Deniz Balgamis, 2000: 104).

В письме Ильминскому Алтынсарин писал, что в школу поступило 14 смысленных мальчиков, которые за 3 месяца выучились читать и даже писать по-русски и по-татарски (Ильминский, 1891: 221).

В 1876 г. в Оренбург с ревизией учебных заведений округа приехал министр Народного Просвещения граф Толстой. На совещании с участием министра местная администрация подняла вопрос об отсутствии в крае русских учителей, знающих казахский язык, или учителей из казахов, знающих русскую грамоту. Было решено открыть в одном из городов, близких к Тургайской и Уральской областям, учительскую семинарию. Для продвижения школьного образования в 1879 г. была учреждена должность инспектора школ в Тургайской области, на занятие которой был приглашен Ибрай Алтынсарин (Deniz Balgamis, 2000: 104). В этой должности он оставался до своей смерти в 1889 г. (Mustafa Özgür Tuna, 2002: 269). Необходимо признать, что, наблюдая и оценивая работу русско-казахских школ в северной степи, а также социально-правовые и экономические условия в более широком смысле, Алтынсарин сформировал свои собственные взгляды на колониальное управление, состояние казахов и роль образования в их будущем (Ian Wylie Campbell, 2011: 179).

В июне 1882 г. было получено Соизволение императора об открытии в Орске казахской учительской школы, с января по март 1883 г. проведены приемные экзамены по русскому языку и арифметике, и с 10 апреля того же года 20 казахских мальчиков приступили к учебе (Васильев, 1896а: 116-117). В первый год по итогам экзамена 15 учеников были переведены в следующий класс, 5 – остались на повторный курс. Первый выпуск состоялся в 1886 г., школу окончило 10 юношей из Тургайской области, которые после завершения учебы поступили на педагогическую службу (Васильев, 1896а: 121).

К сентябрю 1884 г. во всех уездных городах области были открыты двухклассные школы, в Тургае основана ремесленная школа. Одна из них – Кустанайское двухклассное русско-казахское училище.

Рис. 2. Ибрай Алтынсарин с учащимися и учителями Кустанайского двухклассного училища

На повестке стоял вопрос об открытии в области технического училища для обучения молодежи технологиям выделки кожи, изготовления валенок, пуховых платков, свечей, так как при традиционном хозяйстве казахов – скотоводстве – такие мастера очень были нужны для переработки сырья и производства необходимых товаров (Ильминский, 1891: 258-260).

Актуальной была и проблема развития женского образования. В 1887 г. в Иргизе было открыто женское училище для русских девочек, на содержание которого выделялось 1000 рублей в год: 226 рублей из казны и 724 рубля из городских средств. Через год при училище был открыт интернат для казахских девочек. Условия содержания пансионеров были хорошими. Девочкам выдавалось белье и «изысканная одежда». Важное место уделялось и подбору штата работников. Например, заведующая училищем Сахарова занималась с русскими девочками, а ее помощница Царегородцева, знавшая казахский язык и имевшая большой учительский опыт, – с казашками (Васильев, 1896а: 99-102).

Помимо основного учебного курса, девочек обучали ручному шитью, вязанию и другим практическим навыкам, необходимым в жизненной практике. В 1890 г. в интернате обучалось 15 русских и 20 казахских девочек (Алекторов, 1900: 94).

Меры, принимаемые по решению вопросов образования, способствовали увеличению числа учебных заведений. По состоянию на 1893 г. в Тургайской области насчитывалось 19 русско-казахских школ, включая одноклассные и двухклассные мужские и женские училища, вечерние школы для взрослых, ремесленные училища. Общее число обучающихся составило 358 человек (Обзор, 1894).

Для дальнейшего обучения выпускников учительской семинарии были учреждены стипендии в Красноуфимском реальном (позже промышленном) училище. Здесь они могли продолжить обучение по техническим специальностям, чтобы затем обучать разным ремеслам и технологиям детей. В 1886 г. первые 4 стипендиата начали обучение. В 1888 г. количество стипендий для казахских юношей увеличили до 10. Первые выпускники училища по прибытии домой не смогли применить свои знания на практике, так как в степи не было промышленных и сельскохозяйственных производств (Васильев, 1896а: 148).

1 октября 1893 г. вступило новое Положение об управлении степными областями. Один из пунктов этого документа гласил о том, что все земские потребности должны решаться за счет народа. Был введен налог с каждой кибитки (хозяйства) в размере 1,5 руб. За счет них должны были содержаться и аульные (передвижные) школы (Васильев, 1896: 151).

Аульные школы – это школы нового типа, дешевые, приспособленные к жизни и быту кочевников (т.е. передвижные), так как административное деление, хозяйственный уклад, разбросанность кочевий затрудняли упорядочение народного образования в степи и выбор типа школ для обучения детей казахов (Греховодов, 1913: 6, 8).

За счет земских средств к 1894 г. в Тургайской области было открыто 25 аульных школ. Несмотря на поддержку этой идеи казахами, количество учеников в них было незначительно, так как кочевья простирались далеко и особенно зимой, из-за погодных условий, дети не могли посещать занятия. Для решения материальных проблем аульных школ учреждалась должность почетного блюстителя из знатных состоятельных казахов. Приказом Тургайского военного губернатора от 8 сентября 1895 г. был утвержден список почетных блюстителей аульных школ, куда вошли наиболее достойные лица. Это была хорошая альтернатива попечительским советам в условиях передвижных школ (Васильев, 1896а: 157).

Еще одна проблема высветилась в организации аульных школ – проблема учителей. Нужны были грамотные люди, обученные учить и воспитывать детей кочевников. И. Алтынсарин в письме Н.И. Ильминскому писал: «Для народных школ учителя составляют все; с ними не могут сравниться ни прекраснейшие педагогические руководства, ни благотельнейшие правительственные распоряжения, ни тщательный инспекторский надзор...» (Ильминский, 1891: 247). Он сокрушался маленькими зарплатами, учрежденными властями для учителей. По его мнению, за такие деньги (200–300 рублей) не поедет более или менее способный человек в степь, чтобы жить совершенно по-казахски, т.е. зимовать и кочевать со школой и своими учениками круглый год. А если посылать в эти школы учителями клязников-казаков или спившихся чиновников, которым нет места по всей России, то народ совершенно охладет к русским школам (Ильминский, 1891: 241).

Например, говоря о положении учителей аульных школ, можно провести аналогию с положением учителей начальных школ Сибири. Там также основная масса учителей была выходцами из крестьян, большинство из них имели начальное образование, средний возраст составлял 25–30 лет, педагогический стаж до 6 лет. Тяжелые условия жизни, нищенская зарплата заставляли их покидать сельские школы и искать лучшей доли (Андреев, 2015: 134).

Для решения вопроса обеспечения аульных школ учителями в 1894 г. в Кустанае были созданы двухгодичные педагогические классы. А чуть ранее в 1893 г. были учреждены 3 стипендии для подготовки кадров в Казанской учительской семинарии, с 1896 г. – 6 стипендий (Васильев, 1896а: 158). Эти меры, отчасти в ближайшее время, должны были закрыть вопрос с учителями для аульных школ.

Поддержка правительством идеи аульных школ активизировала местные власти на расширение финансирования их открытия. К 1 января 1896 г. в Тургайской области уже насчитывалось 35 аульных школ, в которых обучалось 542 ученика: 16 из них в Кустанайском, 7 – в Актюбинском, 5 – в Тургайском и 7 – в Иргизском уездах (Васильев, 1896а: 161).

Как уже говорилось выше, по Ильминскому, «обучение инородцев должно происходить на их же родном языке, и притом на языке народном в противоположность книжному, т.е. арабскому. Для преподавания «народного» языка нужны были учебники на этом языке, напечатанные с применением основанных на русской графике алфавитов. Н.И. Ильминский так описывал проблему учебников: «Для открываемых при степных укреплениях маленьких киргизских школ областное начальство принуждено было приобретать книги, мало или вовсе не подходящие к начальному обучению киргизов. Вот образцовая ведомость книг для аульных школ: русская азбука, татарская азбука, русская грамматика, арифметика, русская хрестоматия, татарская книга для чтения, татарско-русский словарь. Всех этих книг назначено по 25, по экземпляру на каждого ученика» (Ильминский, 1891: 29). В.В. Григорьев, начальник Оренбургской пограничной комиссии, озабоченный составлением учебника русского языка для казахских школ, поручил Ильминскому составить учебник русского языка для казахских школ, по-русски и по-казахски (Ильминский, 1891: 30). Именно Ильминский составил первый «Самоучитель русской грамоты для киргизов».

К этому времени российская наука уже сделала успехи в изучении и кодификации казахского языка. В 1831 г. издательство Казанского университета выпустило первые книги на казахском языке с использованием арабо-персидской графики. В 1870 г. в Санкт-Петербурге были изданы «Образцы народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова, в 1897 г. в Оренбурге вышла в свет «Грамматика киргизского языка» В.В. Катаринского, в дальнейшем за ними последовали работы Н.Ф. Катанова и А.Е. Алекторова. Наконец в 1883, 1894 и 1900 гг. в Оренбурге и Ташкенте увидели свет первые русско-киргизские словари (Субханбердина, 1996: 52).

В 1870 г. Н.И. Ильминский написал письмо в Министерство народного просвещения: «Трехлетняя деятельность в Оренбурге меня сблизилась с казахами. Здесь меня удивило одно, что, несмотря на отдаленность от культуры, необразованный, кочующий народ очень красноречив. Мне очень понравился казахский язык. В этом языке сохранился быт древних тюрков. Но в Казахской степи распространяется татарская грамматика, что грозит уничтожением особенностей диалекта казахского языка. Я считаю, что главное решение сохранения казахского языка от татаризмов – введение русского алфавита. К этому меня подтолкнуло желание изучить Казахскую степь и любовь к казахскому национальному языку. Я на этот язык смотрю как на основной источник в исследовании лингвистики» (НАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8. Л. 72-73).

В письме Н.И. Ильминскому о его идее внесения русского алфавита в казахскую среду Алтынсарин говорил: «Это безоговорочно полезное мнение», однако констатировал и те факты, что трудно осуществить это одному человеку, к тому же появляются сомнения родителей, а книги, написанные русским алфавитом, медленно вливаются в казахскую среду. «С одной стороны, – добавлял он, – из-за фанатизма, с другой стороны, от непривычки к русскому писанию и от влияния татарского алфавита, распространившегося в нашей стране. Если учитывать все это, всеобщие книги для чтения не выходят из стен школы, оставаясь там» (Ильминский, 1891: 227).

Судя по отрывку письма, где Алтынсарин пишет: «Еще Вы попросили найти грамотного помощника для собрания учебного пособия», – видимо, Ильминский сам собирался составлять учебник для казахских детей с русской транскрипцией (Ильминский, 1891: 228) и хотел знать мнение Ибрая по этому вопросу.

О написании учебника для детей Алтынсарин задумался еще в 1873 г., так как в письме Ильминскому от 20 марта он пишет: «Причина, по которой пишу письмо и беспокою Вас – получение недавней вестки. Вестка о том, что по предложению министра по просвещению народа, для участия в собрании учебного пособия русским алфавитом в Казани для казахских детей наш военный губернатор отправляет меня в Казань». В письме Н.И. Ильминскому от 8 декабря 1876 г. Алтынсарин пишет: «Чтобы избавиться от учебников, написанных на татарском языке, я только вчера начал книгу для чтения на казахском языке. Ее я начал со стиха...», – и приводит весь стих: «Кел, балалар, оқылық». («Давайте, дети, учиться»). В оригинале это стихотворение начиналось со строки: «Бір құдайға сыйынып» (с казахского «Молясь одному богу») (Ильминский, 1891: 236). Но в советскую эпоху эта строка была убрана как в казахском, так и русском вариантах. Данное поэтическое произведение явилось одним из дидактических стихотворений в казахской литературе, призывавших детей к учебе и знаниям (Оспанов, 2016: 125).

Ибрай поделился с Ильминским идеей о том, каким образом он хочет построить учебник: «Для первой книжки думаю придерживаться того порядка, по которому составлена книга Паульсона, конечно с приспособлениями для киргизских мальчиков. Басен не желаю вносить, так как киргизская натура, развивающаяся посреди суровой жизни, требует вообще предметов посерьезнее. Для киргизских мальчиков, по мнению моему, более идут остроумные анекдоты, загадки, рассказы наставительного характера или о чем-нибудь таком, которое бы возбудило любопытство, например вроде превращения шелковичных червей, бабочек, устройства себе жилищ бобрами и т.п. Песни я буду брать, если можно будет, из киргизских. Во второй же книжке я бы желал поместить рассказы о явлениях и силе природы, исторические, географические, одним словом научные, но вместе с тем занимательные...» (Ильминский, 1891: 237-238). Подтверждением этого могут служить названия некоторых рассказов, включенных в учебное пособие: «Паук, муравей и ласточка», «Полезность любознательности», «Садовые деревья», «Клочок ваты», «Золотой орех», «Чистый родник», «Счастливей человек», «Справедливость» и т.д. (Алтынсарин, 1879: 1-8, 39-44).

В «Воспоминаниях об Алтынсарине» Ильминский пишет о том, что Алтынсарин составил учебную книгу для киргизских школ, предположив ее в двух частях: первая часть, которая и напечатана русскими буквами в 1879 г. под заглавием «Киргизская хрестоматия». В том же году он создал «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» (Ильминский, 1891: 36). «Киргизская хрестоматия» явилась первым учебником, написанным на казахском языке на основе русской графики.

Большая часть содержания казахского учебника состояла из песен казахского народа, стихов, пословиц и загадок, которые были собраны Алтынсариним в течение десятилетней административной службы в Тургайской области (Ian Wylie Campbell, 2011: 195).

И как этнограф, и как педагог Алтынсарин интересовался представлением, переупаковкой и компиляцией знаний в преобразующей манере, т.е. они были составлены с целью формирования мировосприятия детей в общем и в частности. В то же время он больше интересовался составлением широко известной информации, ее упрощением и распространением среди широкой публики (Ian Wylie Campbell, 2011: 170-171).

Продолжался курс на расширение сети волостных школ. Это была следующая ступень школы после аульной. Например, в 1895 г. в Кустанайском уезде насчитывалось уже 7 волостных школ (Васильев, 1896а: 171).

Уделялось внимание дальнейшему развитию школ для девочек. К 1892 г. существовало лишь 2 русско-казахских училища в Иргизе и Тургае. 10 марта 1893 г. было открыто Кустанайское женское училище и принято на учебу 50 девочек: 38 русских и 12 казашек вместо 20 планируемых. Но уже в следующем количестве желающих поступить учиться казашек превысило норму. Актюбинское женское училище открылось 26 сентября 1896 г. с контингентом воспитанниц: 50 русских и 20 казашек.

Благодаря принятым мерам, к 1 января 1896 г. в Тургайской области уже насчитывалось 5 русско-казахских женских училища (наиболее оборудованными из них были Иргизское и Кустанайское) и одна Кустанайская прогимназия (Васильев, 1896а: 174).

Двухклассные училища в уездных городах стали центрами русско-казахского образования. Из четырех уездных училищ самым благоустроенным считалось Кустанайское, находившееся в хорошем здании с интернатом, мастерскими, баней, столовой комнатой, складом для продуктов. Вокруг школы был разбит сад. Наименее благоустроенным было Иргизское училище, находившееся в ветхом помещении. Но в 1896 г. военный губернатор области, будучи по служебным делам в Петербурге, подал ходатайство, и вопрос со строительством типового здания для Иргизской школы был решен.

Кроме основных предметов, в данных школах преподавались уроки гимнастики и пения, направленные на развитие способностей детей. Но процесс введения этих дисциплин шел осторожно, чтобы родители детей из-за религиозных предрассудков не выступили против этих занятий. Через пару лет эти предметы стали обычными (Васильев, 1896а: 180).

Чтобы ограничить влияние татарских богословов в школах, уроки по мусульманскому вероучению должны были вести учителя из казахов, а учебник по основам ислама должен был быть

написан на казахском языке русским алфавитом. В 1884 г. в Казани было издано учебное пособие для русско-киргизских школ «Шариати ислам», в котором в доступной и объективной форме были даны основы мусульманской религии. Если первое издание книги было на арабском языке, то уже второе издание, выпущенное Оренбургским учебно-окружным управлением, было написано на казахском языке русским алфавитом (Васильев, 1896а: 180).

Новым направлением в развитии образования стали обучение взрослых и техническое образование. Для обучения неграмотных взрослых казахов, желающих учиться, в 1888 г. в Иргизе была открыта первая вечерняя школа. Число обучающихся не превышало 20 человек, да и те посещали занятия нерегулярно, так работали по найму и не были вольны в своих действиях (Васильев, 1896а: 180).

В 1890 г. в Тургае открылось ремесленное училище, позже названное Яковлевским. Вначале учеников обучали кузнечно-слесарному ремеслу, позже стали учить столярно-токарному делу. В 1893 г. встал вопрос о строительстве Кустанайского сельскохозяйственного училища.

В приграничных Актюбинском и Кустанайском уездах в связи с благоприятными условиями для земледелия прибыло много русских переселенцев. Надо было решать вопрос с обучением их детей. К началу 90-х гг. XIX века в области насчитывалось 4 русских учебных заведения: два одноклассных мужских, одно женское училище и вечерние курсы для взрослых (Васильев, 1896а: 182). Отсутствие русских школ было чревато ассимиляцией переселенцев с казахами, так как многие из них селились в казахских аулах, арендуя у них земли под земледелие или нанимаясь к богатым казахам пасти скот, работать по дому. Чтобы учить детей, они отдавали их в казахские аульные школы. В своем отчете за 1894 г. военный губернатор Акмолинской области отмечал, что русские переселенцы, окруженные инородцами, очень нуждаются в умножении числа церквей и школ. «Киргизы по своему невежеству и апатичному отношению к делам веры, активного вредного влияния на соседнее православное население не имеют, но последние, будучи удалены в большинстве случаев на 30, 40 и даже на 60 и на 100 верст от своих храмов, совершенно отвыкают от исполнения правил и предписаний православной церкви, нравственно грубеют и пассивно перенимают нравы и обычаи мусульман-инородцев» (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 45. Л. 120б.-13). Колониальные власти не могли допустить, чтобы русские были поглощены инородцами. Для сохранения национальной идентичности русских надо было развить сеть образовательных заведений для переселенцев.

Для продвижения политики образования русских в Тургайской области в апреле 1891 г. было создано Общество попечения о распространении начального русского образования в Кустанайском и Актюбинском уездах – районах с наибольшей концентрацией переселенцев. 9 октября 1893 г. открылось Кустанайское одноклассное училище с интернатом на 20 учеников. Одновременно местные власти ходатайствовали об учреждении в Кустанае двухклассного училища, чтобы дети русских чиновников и купцов могли получать достойное статусу их родителей образование. 1 июля 1895 г. было открыто Кустанайское двухклассное городское училище (Васильев, 1896а: 189).

Таким образом, за период 1878–1895 гг. в Тургайской области было открыто 59 учебных заведений. Это был значительный прорыв в культурном развитии народа, и большую роль в этом сыграл первый казахский педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин: «...как учитель, он взял на себя ответственность представлять казахов, степь, Российскую империю и более широкий мир другим казахам» (Ian Wylie Campbell, 2011: 171).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине XIX века наметилась позитивная тенденция к развитию школьного образования на территории современного Казахстана. С одной стороны, это было обусловлено государственной политикой реформирования национальных школ с целью русификации так называемых инородцев. С другой стороны, представители местного сообщества поддержали идею открытия школ для казахов, видя в образовании перспективу благополучного будущего для своих детей.

Наглядным примером значительных преобразований в области школьного обучения явилась Тургайская область, занимающая ключевое геополитическое положение на границе между собственно Россией и Казахской степью. Именно здесь открылись первые русско-казахские школы, в том числе и для девочек-казашек, технические и педагогические учебные заведения, создавались и апробировались первые учебники на казахском языке. Значительный вклад в развитие школьного образования в крае внес первый казахский педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин. Именно с его именем связаны достижения в развитии просвещения казахского народа во второй половине XIX века.

Литература

- Алекторов, 1900 – Алекторов А.Е. Очерк народного образования Тургайской области. Летопись 1744–1898 гг. 2 выпуск. Оренбург, 1900. 277 с.
 Алтынсарин, 1879 – Алтынсарин И. Киргизская хрестоматия. Казань, 1879. 100 с.
 Андреев, 1915 – Андреев Н. Начальные школы в Сибири // Русская школа. 1915. № 2. С. 123-145.

- Бекмаханова, 2008** – Бекмаханова Н.Е. и др. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. 454 с.
- Васильев, 1896a** – Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург. 1896. 226 с.
- Васильев, 1896b** – Васильев А.В. Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург. 1896. 14 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Греховодов, 1913** – Греховодов М. Народное образование среди киргизского населения Петропавловского уезда Акмолинской области. Казань, 1913. 34 с.
- Дамешек, Ремнев, 2007** – Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 370 с.
- Ильминский, 1891** – Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань, 1891. 396 с.
- Матвиевская, 2016** – Матвиевская Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории. М., 2016. 174 с.
- НА РТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Обзор, 1894** – Обзор Тургайской области за 1893 год. Ведомость № 12. «О числе учебных заведений и учащихся в Тургайской области за 1893 год». Оренбург, 1894.
- Оспанов, 2016** – Оспанов С.О. Неугасимое пламя. Костанай, 2016. 350 с.
- Оспанов, 2017** – Оспанов С.О. Мир Алтынсарина. Костанай. 2017. 392 с.
- Остроумов, 1899** – Остроумов Н.П. К.П. Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова. Ташкент, 1899. 147 с.
- Сопленков, 2000** – Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000. 214 с.
- Субханбердина, 1996** – Субханбердина У. Казак кітабының шежіресі 1807–1917. Алматы, 1996. 285 с.
- Ткаченко, 2002** – Ткаченко Д.С. Национальное просвещение в российской империи в XIX – начале XX века (на примере Ставрополя, Кубани и Дона). Ставрополь, 2002. 240 с.
- Чудновский, 1888** – Чудновский В. Наши учебные заведения: Школы в Сибири // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1888. С. 55-87.
- Deniz Balgamis, 2000** – A. Deniz Balgamis. The Origins and Development of Kazakh Intellectual Elites in the Pre-Revolutionary Period. Wisconsin-Madison, 2000. 259 с.
- Ian Wylie Campbell, 2011** – Ian Wylie Campbell. Knowledge and Power on the Kazakh Steppe, 1845-1917. Michigan, 2011. 471 p.
- Mustafa Özgür Tuna, 2002** – Mustafa Özgür Tuna. Gaspıralı V.İl'minskii: two identity projects for the Muslims of the Russian Empire // *Nationalities Papers*. Vol. 30. 2002. №2. pp. 265-289.
- Tomohikou Yama, 2000** – Tomohikou Yama. The geography of civilizations: a spatial analysis of the Kazakh intelligentsia's activities, from the mid-nineteenth to the early twentieth century In K.Matsuzato (ed.) *Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World*. Sapporo, 2000. pp. 70-99.

References

- Alektorov, 1900** – Alektorov A.E. (1900). Ocherk narodnogo obrazovaniya Turgaiskoi oblasti. Letopis' 1744–1898 gg. 2 vypusk. [Essay of public education of Turgay region. Chronicle of 1744–1898. 2 issue] Orenburg. 277 p. [in Russian]
- Altynsarin, 1879** – Altynsarin I. (1879). Kirgizskaya khrestomatiya. [Kirghizian chrestomathy] Kazan'. 100 p. [in Russian]
- Andreev, 1915** – Andreev N. (1915). Nachal'nye shkoly v Sibiri [Elementary schools in Siberia]. *Russkiye shkoly*, №2. pp. 123-145 [in Russian]
- Bekmakhanova, 2008** – Bekmakhanova N.E. i dr. (2008). Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia within the Russian Empire]. M. 454 p. [in Russian]
- Vasil'ev, 1896a** – Vasil'ev A.V. (1896). Istoricheskii ocherk russkogo obrazovaniya v Turgaiskoi oblasti i sovremennoe ego sostoyanie [A historical sketch of Russian education in the Turgai region and its current state]. Orenburg. [in Russian]
- Vasil'ev, 1896b** – Vasil'ev A.V. (1896). Neplyuevskii kadetskii korpus kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovaniya kirgizov [Neplyuevsky Cadet Corps as the first educational institution in the history of the Russian education of the Kirghiz]. Orenburg. 14 p. [in Russian]
- ГАОО** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archives of the Orenburg Region]
- Grekhovodov, 1913** – Grekhovodov M. (1913). Narodnoe obrazovanie sredi kirgizskogo naseleniya Petropavlovskogo uezda Akmolinskoi oblasti [Public education among the Kirghiz population of Petropavlovsk county of Akmolinsk region]. Kazan', 34 p. [in Russian]
- Dameshek, Remnev, 2007** – Dameshek L.M., Remnev A.V. (2007). Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia in the Russian Empire]. M. 370 p. [in Russian]
- Il'minskii, 1891** – Il'minskii N.I. (1891). Vospominaniya ob I.A. Altynsarine [Memories of I.A. Altynsarin]. Kazan', 396 p. [in Russian]

- [Matvievskaya, 2016](#) – *Matvievskaya G.P.* (2016). Orenburgskii Nepleyuevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii [The Orenburg Nepleyuevsky Cadet Corps. Essay on the history] M. 174 p. [in Russian]
- [NA RT](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan]
- [Obzor, 1894](#) – Obzor Turgaiskoi oblasti za 1893 god. Vedomost' №12. O chisle uchebnykh zavedenii i uchashchikhsya v Turgaiskoi oblasti za 1893 god [Review of the Turgai region for 1893. Statement №12. «On the number of educational institutions and students in the Turgai region for 1893»]. Orenburg, 1894 [in Russian]
- [Ospanov, 2016](#) – *Ospanov S.O.* (2016). Neugasimoe plama [Unquenchable flame]. Kostanai, 350 p. [in Russian]
- [Ospanov, 2017](#) – *Ospanov S.O.* (2017). Mir Altynsarina [The world of Altynsarin]. Kostanai, 392 p. [in Russian]
- [Ostroumov, 1899](#) – *Ostroumov N.P.* (1899). K.P. Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraia. Lichnye vospominaniya N.Ostroumova [K.P. Kaufman, organizer of the Turkestan region. Personal memoirs of N. Ostroumov]. Tashkent, 147 p. [in Russian]
- [Soplenkov, 2000](#) – *Soplenkov C.B.* (2000). Doroga v Arzrum: rossiiskaya obshchestvennaya mysl' o Vostoke (pervaya polovina XIX v.) [Road to Arzrum: Russian public thought about the East (first half of the 19th century)]. M. 214 p. [in Russian]
- [Subkhanberdina, 1996](#) – *Subkhanberdina U.* (1996). Kazak kitabynyn shezhiresi.1807-1917. [History of the Kazakh book] Almaty, 285 p. [in Kazakh]
- [Tkachenko, 2002](#) – *Tkachenko D.S.* (2002). Natsional'noe prosveshchenie v rossiiskoi imperii v XIX - nachale XX veka (na primere Stavropol'ya, Kubani i Dona) [National enlightenment in the Russian Empire in the XIX - early XX century (the example of Stavropol, Kuban and the Don)]. Stavropol', 240 p. [in Russian]
- [Chudnovskii, 1888](#) – *Chudnovskii V.* (1888). Nashi uchebnye zavedeniya: Shkoly v Sibiri [Our schools: Schools in Siberia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, p. 55-87 [in Russian]
- [Deniz Balgamis, 2000](#) – *Deniz Balgamis A.* (2000). The Origins and Development of Kazakh Intellectual Elites in the Pre-Revolutionary Period. *Wisconsin-Madison*, 259 p.
- [Ian Wylie Campbell, 2011](#) – *Ian Wylie Campbell.* (2011). Knowledge and Power on the Kazakh Steppe, 1845-1917, Michigan. 471 p.
- [Mustafa Özgür Tuna, 2002](#) – *Mustafa Özgür Tuna* (2002). Gaspirali V.II'minskii: two identity projects for the Muslims of the Russian Empire. *Nationalities Papers*. Vol. 30. №2, pp. 265-289.
- [Tomohikou Yama, 2000](#) – *Tomohikou Yama.* (2000). The geography of civilizations: a spatial analysis of the Kazakh intelligentsia's activities, from the mid-nineteenth to the early twentieth century In K. Matsuzato (ed.) *Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World*. Sapporo. pp. 70-99.

Развитие школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века

Г.У. Карпыкова^{a,*}, Б.М. Утегенова^a, С.О. Оспанов^a

^a Костанайский государственный педагогический университет, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века. Значительное внимание уделено открытию учебных заведений различного типа для детей казахов.

В качестве материалов использованы документы Государственного архива Оренбургской области и Национального архива Республики Татарстан. Важное значение имеют научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды, а также материалы личного происхождения (воспоминания, письма).

В заключении авторы отмечают, что Тургайская область явилась своего рода наглядным примером положительной динамики развития школ, так как имперская политика реформирования национальных школ нашла здесь поддержку в лице выдающегося казахского педагога-просветителя Ибрая Алтынсарина. Исторический феномен личности Алтынсарина проявился в том, что он, обладая прогрессивными просветительскими взглядами для того времени, видел в открытии русскоязычных школ для детей казахов, помимо прочего, положительные последствия просвещения народа.

Ключевые слова: Тургайская область, просвещение инородцев, русификация, система Ильминского, русско-киргизская школа, аульная школа, Ибрай Алтынсарин, женское образование, техническое образование, «Киргизская хрестоматия».

* Корреспондирующий автор

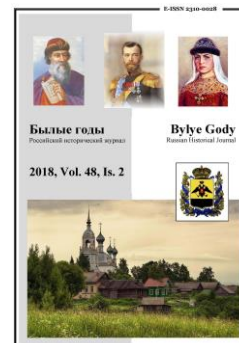
Адреса электронной почты: galina_karp@inbox.ru (Г.У. Карпыкова), bibi1960@mail.ru (Б.М. Утегенова), kmkz55@mail.ru (С.О. Оспанов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 588-597. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.588
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

From the Russian Pre-revolutionary Historiography of the Great Silk Road

Orazgul H. Mukhatova ^a, Nurgul N. Kurmanalina ^{b, *}, Indira S. Dulatova ^c

^aAl-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^bCh.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Kazakhstan

^cKazakh National Research Technical University after K.I. Satpaev, Kazakhstan

Abstract

This research work is dedicated to the Russian pre-revolutionary historiography of the ancient silk way, therefore in this article the authors mainly use the works of pre-revolutionary Russian researchers of different content level as a historiographic source.

The authors of the pre-revolutionary period studied various aspects of the Great Silk Road. In the historical aspect, the formation and development of the Great Silk Road was studied, in cartographic – the network and location of trade roads, in economic – the name and price of goods, and in international communication – the popularization and dissemination of material and spiritual values, etc. The development of urban culture along these lines has always been an integral part in the study of this phenomenon, that is, the Great Silk Road.

As a result, many scholars and local historians who studied Zhetysu during the Tsarist Russia period left a substantial material behind them. Descriptions of specialists of this period, their information on many monuments are relevant even now, and have not lost their value. Most of these monuments eventually lost their shape, got deteriorated, and some even disappeared. In this regard, the information left by researchers of that period is the only source base for acquaintance with those cultural objects. Their work became the basis in the description, registration, collection and enrichment of materials on the cities of Zhetysu, the period of prosperity of the Great Silk Road. The conclusions of prerevolutionary authors on the Great Silk Road issues have their place in science, and therefore they are used and appraised by scholars to this day.

Keywords: Great Silk Road, ancient cities, Zhetysu, historiography, pre-revolutionary russian scholars, conclusions.

1. Введение

Великий шелковый путь можно назвать своеобразным мировым феноменом, так как его значение на международном уровне с древнейших времен до сегодняшнего дня не утрачивает свою актуальность. Данная караванная дорога просуществовала долгое время, начиная со II века до н.э. до средневековья, и объединяла несколько стран и народов, играла огромную роль во взаимосвязи Востока и Запада, в диалоге мировых цивилизаций.

В связи с вышеизложенным историография изучения рассматриваемого перекрестка цивилизации всегда выступает одним из значимых объектов исследования для историков. И дореволюционная российская историография Великого шелкового пути не является исключением. У дореволюционных авторов были свои цели и задачи, методы изучения вопросов, касающихся древней караванной дороги. В этом процессе необходимо учитывать особенные взгляды, позиции ученых, а также обстоятельства, которые повлияли на их умозаключения.

* Corresponding author

E-mail addresses: orazgul7@rambler.ru (O.H. Mukhatova), nurgulca@mail.ru (N.N. Kurmanalina)

2. Материалы и методы

Научная работа посвящена российской дореволюционной историографии, поэтому в данной статье авторы в качестве историографического источника в основном опирались на труды дореволюционных российских исследователей разного содержательного уровня. С целью более детального раскрытия и всестороннего рассмотрения исследуемого вопроса дополнительно были включены в научный оборот значимые работы советских и постсоветских историков, касающиеся изучения выбранной проблематики.

В исследуемой историографической статье авторы придерживались принципа историзма, т.к. он дает возможность рассмотрения промежутка времени дореволюционной историографической эпохи во взаимной последовательности, применения исторического подхода в изучении исторической мысли былых времен.

В научном изыскании использовались такие методы исследования, как логический анализ, актуальность, а также хронологический, проблемно-хронологический, ретроспективный. Они служат ключом в освещении значимых аспектов дореволюционной российской историографии Великого шелкового пути.

3. Обсуждение

Авторы дореволюционного периода «по своей служебной деятельности освещали самые разные вопросы, касающиеся истории, культуры и быта народов, населявших обширную территорию, прилегавшую к границам царской России» (Tulebaev, 2016). Так, исследователи дореволюционного периода изучали разные аспекты Великого шелкового пути: в историческом – формирование и развитие великого шелкового пути, в картографическом – сеть и расположение торговых дорог, экономическом – вопросы товарооборота, международном коммуникационном – популяризацию и распространение материальных и духовных ценностей и т.д. Развитие городской культуры вдоль этих линий всегда было неотъемлемой частью в изучении развития Великого шелкового пути.

Вышеуказанные работы сегодня можно рассматривать в качестве бесценных исторических источников, в которых освещена история и развитие Великого шелкового пути.

Российская дореволюционная историография древнего Великого шелкового пути до настоящего времени специально не изучалась в этом формате, поэтому в данной работе рассмотрены и проанализированы выводы и заключения дореволюционных российских авторов, касающиеся изучения Великого шелкового пути и древних городов, расположенных вдоль популярной дорожной сети.

4. Результаты

Россия, колонизируя казахские земли и Среднюю Азию для установления торгово-экономических и политических связей с Ираном, Индией и Китаем, в связи с использованием старых дорог должна была исследовать их потенциал. Возможно, поэтому в ходе колонизации Казахстана и Средней Азии, особенно после того, как эти регионы были освоенными, появились статьи и работы разного уровня, в которых были исследованы древние дорожные сети, дано их описание. Некоторые из них собраны в общеизвестном «Туркестанском сборнике». Одной из них является объемная статья В. Григорьева под названием «Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии» (Григорьев, 1873). Для нас особо ценным фактом является то, что автор, опираясь на разные труды, в замечании описывает четыре сети дорог, которые в древности, начиная с берегов Амударьи и Сырдарьи, вели к Китаю и Тибету. Согласно сведениям исследователя, первая из дорог проходила по линии в Тараз, а дальше через Джунгарию в Карашар, или Верхнюю Барсаджару; вторая – через Фергану в Верхнюю Барсаджару; третья линия – через Тохирстан и Памир; а четвертая – через Памир и Вахан (Григорьев, 1873: 10).

Востоковед Ч.Ч. Валиханов побывал в Джетысу два раза – в 1856 и 1857 годах. В его трудах «Поездка на Иссык-Куль», «Записки о киргизах» отмечается, что он уделял большое внимание курганам, развалинам городов, ирригационным системам, которые были свидетелями древних культур и цивилизаций. Ученый при описании памятников связывает их формирование с региональной историей, делает сопоставительный анализ отдельных археологических объектов (Валиханов, 1958: 37-43). Одним из городов, указанных Ч.Ч. Валихановым, является городок у реки Чилик, на развалинах которого этнограф находил осколки фарфоровой посуды, единицы разного жемчуга, бусы.

Ч.Ч. Валиханов на верхнем побережье реки Талгар заметил памятник, который местное население называло «Рүстем обасы» (курган Рустема), что является одним из названий города Талгар – одного из первых и крупных городов, находящегося на казахстанской территории Великого шелкового пути (Валиханов, 1958: 60). Ученые Т.В. Савельева, К.М. Байпаков отмечают, что в средневековых источниках название города указывается как Талхиз, однако местное наименование города правильно будет указывать Талгаром (Байпаков и др., 2005: 45). Такие исследователи, как А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков просто относят город Талгар к небольшой крепости (Беленицкий и др., 1973). На самом деле площадь города охватывает 7–9 гектаров земли. А на сегодняшний день город Талгар – крупный исторический город, который находится у подножья

Илийского Алатау, там же проводятся большие раскопки. Здесь ежегодно проводила исследовательские работы Талгарская археологическая экспедиция.

Для историографического исследования особо значимыми являются статьи Н.А. Абрамова, которые были опубликованы в 60–70 годах XIX века. Автор в статьях «Алматы или укрепление Верное с его окрестностями» (Абрамов, 1867а), «Древнее укрепление при речке Чингильда» (Абрамов, 1867б), «Древние курганы и укрепления в Семипалатинской и Семиреченской областях» (Абрамов, 1873) дает описание ряда местных памятников, находящихся по линии Великого шелкового пути. Особую ценность до сегодняшнего дня не утратили описательные материалы исследователя по археологическим объектам Илийского Алатау и Джунгарского Алатау.

Статья 1876 года «Результаты экспедиции полковника Ю.А. Сосновского для исследования торгового пути в Китай» также свидетельствуют о том, что Царское правительство искало пути для развития торгово-экономических связей с восточными странами, вследствие чего изучались сети дорог Великого шелкового пути (Результаты, 1876). Здесь в основном описывались дороги, ведущие с Зайсана во внутренние районы Китая. Вместе с тем вкратце приведены данные по линии и ее двум ветвям, ведущим с Тянь-Шаня до Турфана, дальше к Кашгару и с его северной стороны через Тянь-Шань к Барколю.

Некоторые интересные факты и исследовательские выводы о древних торговых путях и его путниках периодически публиковались в газете «Туркестанские ведомости». Например, статья «Древний путь в Среднюю Азию» вышла в свет в 14-ом номере от 20 ноября 1870 года (Древний, 1870). В ней отмечается, что со времен Петра I русские обращали внимание на торговые пути Средней Азии, а европейцы с древних времен осуществляли торговые сделки, выезжая через морские и речные пути. Согласно заключению статьи, Великий шелковый путь существовал с древнейших времен, однако европейцы вели торговлю через Центральную Азию и Каспийское море и речные пути.

Серия значимых статей, посвященных Великому шелковому пути, была опубликована в трех номерах (№№ 38, 39 и 40) вышеназванной газеты в сентябре и октябре 1889 года. Большая статья называлась «Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника» (Аристов, 1889). Основная часть статьи состояла из шести подтем. Они по порядку звучали так: «Путь Сюань-Цзана по западному Туркестану, согласно его запискам и биографии», «Приурочение маршрута Сюань-Цзана к местностям настоящего времени», «Сведения о местностях, лежавших в стороне от пути Сюань-Цзана», «Общее описание Западного Туркестана», «Сведения о религии в Западном Туркестане» и «Сведения о тугьусцах». Под каждой частью был представлен краткий план. Среди них самыми объемными были первая, вторая и шестая подтемы. В конце статьи указывалась фамилия Н. Аристова как автора.

Представитель Императорской археологической комиссии, член Туркестанского кружка любителей археологии, востоковед Н.Н. Пантусов много труда вложил в исследование исторических реликвий Джетысу. Он, как ученый, особенно интересовался вопросами истории, нумизматики, археологии, этнологии и лингвистики. Работая на государственной службе, он увлекался разными сферами науки. Н.Н. Пантусов, опираясь на научные источники, дает сравнительный анализ укрепления Верного со средневековым городом Алматы. Ученый в своей статье под названием «Фергана по «Запискам султана Бабура», ссылаясь на заметки Бабура, одним из первых заключил, что история Верного (современный г. Алматы) берет начало со средневекового города Алматы (Пантусов, 1891). Н.Н. Пантусов называет Алмалыком средневековый город, находящийся по верхнему течению Или возле аула Кульджа (Пантусов, 1910). Данное утверждение автора поддержал и его коллега В.В. Бартольд (Бартольд, 1965). Также по инициативе Н.Н. Пантусова был принят ряд распоряжений по охране памятников Джетысу.

Статья Г.В. Фишера «Озеро Балхаш и течение р. Или от выселка Илийского до ее устьев», где описывается Или, была опубликована 1884 году. В работе встречаются некоторые данные о древней оседлой культуре и старых ирригационных системах Прибалхаша (Фишер, 1884). Позднее исследователь Л.С. Берг уточняет эти сведения Г.В. Фишера, а также доказательно пишет о том, что в древних ирригационных системах наблюдались осколки фарфоровой посуды и нынешняя высохшее русло реки Или ранее являлось большим культурным очагом (Берг, 1960).

В изучение средневековой истории и археологии регионов древних цивилизаций, как Джетысу и Южный Казахстан, внес свой особый вклад академик В.В. Бартольд.

Специалисты Центральной Азии до сегодняшнего дня пользуются не только трудом академика по истории Джетысу, но и его фундаментальной работой «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг.» (Бартольд, 1966). В ней отмечаются некоторые археологические находки, которые случайно были найдены в северо-восточной части Джетысу в начале XX века. Например, в отчете археологической комиссии 1901 года говорится о монетах, относящихся XIII веку, фарфоровой посуде с орнаментами, монетах чагатайского периода, которые были найдены в Верном (Байпаков, 1999).

Общепринято считать, что первый в Европе сборник письменных данных по истории Таласской долины и города Тараз был составлен известным французским востоковедом М. Каргмером в

1838 году. Сведения о памятниках археологии и изобразительного искусства долин Талас и Чу часто встречаются также в работах географов, востоковедов, натуралистов, путешественников и краеведов.

Со второй половины XIX века исследованием древних памятников Казахстана занималась Археологическая комиссия Императорского общества, одним из известных членов которой являлся художник Знаменский. Он в 1864 году сделал несколько эскизов крепости строения Акыртас (Байпаков, 1966; Байпаков, 1999). Данный объект сразу привлек внимание своим загадочным значением, своеобразным планированием – кладкой из больших каменных блоков. Позднее, в 1867 году, Акыртас посетил П.И. Лерх. Он, отмечая строение памятника, счел его буддийским храмом (Лерх, 1870: 24). Известно, что памятник был изучен и В.А. Каллауром в его статье «Акыр-Тас». В работе дано общее описание объекта. Внимание уделялось ирригационной системе. По мнению В.В. Бартольда, Акыртас является христианским комплексом. Ученый в статье «О христианстве в Туркестане в домонгольский период» (Бартольд, 1964) приводит легенды, памятник относит к христианскому сооружению – несторианскому монастырю. К такому заключению его привел факт, что на одном из каменных блоков был гравирован рисунок рыбы. Общеизвестно, что изображение рыбы был христианским символом. Знак креста под влиянием неохристианского учения распространился в регионе Центральной Азии в раннесредневековом периоде. Казахстанский историк Т. Омарбеков отмечал, что ряд казахских родов обозначил их в своих тамгах. Но со временем, начиная с X века, когда династия караханидов признала ислам государственной религией, число мусульман стало расти. Соответственно роды этих регионов стали отказываться от использования знака креста, однако не все (Омарбеков, 2018: 24-25). Следующий исследователь Д.Л. Иванов, посетивший Акыртас, в своих работах дал наиболее полное описание памятника, а также смог представить всеобщему обозрению разные изображения с каждого блока (Иванов, 1886).

В 1890 году востоковед Е.Ф. Каль проводил исследование в Аулиеатинском уезде. Он находил сведения о древних курганах и сторожевых башнях. В этот период исследователь ведет раскопки в могиле Жетытубе (в дословном переводе с казахского языка на русский «жеті төбе» означает «семь холмов»). Позже выявленные сведения были опубликованы, так он внес свой вклад в развитие Джетысуской археологии. В.В. Бартольд в 1893–1894 годах объездил край по маршруту Чимкент – Аулиеата – Пишпек (Бишкек) – Иссык-Куль – Верный. Попутно он собирал много научных сведений, которые были для него весьма значимыми. Ученый в вышеназванной отчетной статье смог подать материалы по средневековым городам Джетысу, в том числе археологическим и архитектурным памятникам города Тараз и долины Талас. Ряд коллег В.В. Бартольда, члены Туркестанского кружка любителей археологии, также вели результативные исследования в этих краях. Ведущие представители данного кружка – В.А. Каллаур, В.П. Лаврентьев, Н.П. Остроумов, А. Диваев и другие – изучали городскую культуру Джетысуского региона, а также вопросы, касающиеся региональной истории.

Особенно такие работы В.А. Каллаура, как «Древности в низовьях реки Талас» (Каллаур, 1899), «Археологическая поездка по Аулие-Атинскому уезду» (Каллаур, 1897), «К истории г. Аулие-Ата» (Каллаур, 1903), «Древние местности Аулие-Атинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулие-Ата» (Каллаур, 1904), «Поездка на Ахыр-Тас (Ахур-Таш, Таш-Акыр) и его окрестности» (Каллаур, 1905), «Находка клада древних монет в г. Аулие-Ата» и другие, можно считать своеобразным вкладом, внесенным в развитие археологической науки периода царской России (Каллаур, 1907). В этих трудах даются описания по определению местонахождения средневековых городов, разным населенным пунктам и старым кладбищам, каменным скульптурам. Если В.П. Лаврентьев составил реестр «бугорков» городищ возле Аулие-ата, то П.И. Лерх, Л.Д. Иванов – Тараза, а А.И. Добросмыслов обращал внимание на исследование архитектурных памятников и объектов изобразительного искусства вблизи города Аулие-Ата (Казахстан, 2002).

Материалы К.П. Фон-Кауфмана, касающиеся истории, этнографии, статистики, географии Туркестанского края, который находился в составе России, ведут к разностороннему ознакомлению читателей, а также заинтересованных ученых всего мира с малоизвестными и любопытными фактами данного региона. Они затрагивают вопрос исследования крупного средневекового города Отрар, а также древних памятников, расположенных вокруг него. В архиве хранится рукопись известного востоковеда Н.И. Веселовского под названием «Описание развалин древних городов по дороге из Казалы в Ташкент». В рукописи дано описание Жанкала, находящегося возле города Казалы, начиная с развалин древних городищ до реликвий Сайрама. На страницах рукописи описывается мавзолей Ходжа Ахмета Ясави, который находится в Туркестане, и другие памятники. Н.И. Веселовский за Туркестаном дает описание развалин Отрара: «После ознакомления с мечетью Азрет султана, здесь следующим значимым местом развалины считается Отрар, он популярен тем, что являлся местностью обретения смерти Темира. Руины этих городов расположены на дельте рек Арысь и Дария. Первая река течет в 6 верстах от городища, а вторая – в 3 верстах» (РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 243. Л. 27).

Первые российские ученые и краеведы, которые исследовали окрестности древнего Туркестана, в основном трудились во благо реализации политики царской власти. Признавая данный факт, известный востоковед В.В. Бартольд писал: «Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время... вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью было изучение

края в географическом, естественно-историческом и статистическом отношениях, но были приняты меры для изучения быта населения и его прошлого» (Акишев и др., 1972: 13; Бартольд, 1911: 228).

На заседании Императорского археологического общества 19 января 1862 г. затрагивался вопрос об исследовании Сырдарьинского региона в археологическом плане, начальным пунктом в этом деле стал труд «О древностях Сырдарьинского края», который был составлен по предложению купца из Казали Н. Деева. Актуализируется изучение древних городов, караван-сараев, курганов и дорожных линий.

В июльском-сентябрьском номерах 1896 г. журнала «Среднеазиатский вестник», который выпускался ежемесячно в Ташкенте, была опубликована статья о работе П. Лерха. В 1864 году П.И. Лерх как член Археологической комиссии, созданной в 1859 году, участвовал в работах экспедиции на территории Средней Азии и Казахстана. П. Лерх побывал в этих краях, начиная с нижнего течения Сырдарьи до окраин Джетысу. Сведения о городах Жанакент, Жент, расположенных на нижнем течении Сырдарьи, средневековых – Сауран, Туркестан, Сыганак стали особо значимым направлением в труде автора. Отчет П. Лерха «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867», составленный для Археологической комиссии получил соответствующую научную оценку его современников.

Из археологического отчета исследования П.И. Лерха видно, что ученый был знатоком истории Востока. Особо выделяется тот факт, что он, изучая структуру города Жанкент, обращал внимание и ирригационным системам, вынося собственные интересные заключения, некоторые из них связаны с причинами распада городов. Согласно одному из них разрушение древнего города было не из-за военного конфликта, а в связи с природными изменениями, эмиграцией народа в другие регионы, данную мысль он старался научно обосновать (Лыкошин, 1896). Ученый определил место расположения городов Сырдарьи, которые были разрушены войсками Чингисхана, его данные утверждения позже поддержали другие исследователи, а археологи даже смогли доказать научным путем. Например, о городах Отрар, Сауран, Сыганак и др. можно сказать то же самое. По трудам П.И. Лерха Миртюбе описывался как крепость, этот древний город исследовали археологи, в результате было доказано, что он был большим городом средневековья. П.И. Лерх обратил внимание на то, что города Сауран и Сыганак являются древними городами. Автор в своих путевых заметках особо обозначал типы и цвета археологических находок, цели их использования, внешний вид некоторых памятников представил с высокой точностью. Из трудов П.И. Лерха значимы не только путевые заметки по территориям Средней Азии, но и отчеты по регионам Чу-Талас, сведения о городе Аулие-Ата (древний Талас).

Послужило обстоятельством к получению новых выводов и заключений то, что на земли Туркестанского края стали приезжать географы, геодезисты, ученые. А.П. Федченко, изучая местность таких городов, как древний Шардара, Суткент, Баиркум, оставил много сведений по древним ирригационным системам Сырдарьи. В 1893–1894 годах в связи с приездом ученого В.В. Бартольда в Среднюю Азию было положено начало новым исследовательским направлениям (Байпаков, Кумек, 1976).

В 1893 г. на заседании Туркестанского отдела Императорского общества по природе, антропологии и этнографии Н.П. Остроумов и В.В. Бартольд выступили с вопросом о необходимости изучения ценных археологических памятников Туркестанского края, о мерах сохранения древних объектов. Также они озвучили идею о создании первого научного общества. В связи с этим в 1895 году был создан Туркестанский кружок любителей археологии, с первых дней членами которого стали более 100 специалистов разного профиля: чиновников, военных, преподавателей и др. Такие ученые, как Н.П. Остроумов, В.А. Каллаур, Н.Н. Пантусов, А.А. Семенов, А.А. Диваев и другие, обращая особое внимание археологии, фольклору, произведений искусства, сделали много открытий и сыграли свою роль в формировании научного воззрения (Дулатова, 2010: 24).

Член Туркестанского археологического общества, краевед В. Каллаур, много сил вложил в исследование памятников Туркестанского края. Его работы заслуживают особого внимания. Заметки ученого 1899 года, сделанные во время поездок в Сыганак, Ашнас и другие города, требуют сопоставления с выводами поздних исследовательских работ. В этих записях он ссылается на работы Н. Лыкошина и Е.Г. Смирнова. Среди городов среднего течения Сырдарьи многократно отмечался в арабских и персидских письменных источниках путешественников, историков и географов древний город Отрар. Члены Туркестанского археологического общества также опирались на данные письменных источников, уделяли особенное внимание городу Отрар. Одним из первых трудов является работа Н. Лыкошина 1899 года под названием «Догадка о прошлом Отрара». Он писал о том, что Отрар когда-то был большим культурным центром, крупным скоплением древних памятников. Н. Лыкошин, кроме Отрар тубе, говорил и об Алтын тубе, Пышакты тубе. Он, опираясь на устную историю местных жителей, эти тубе называет крепостями ювелиров, кожевников. Его данное умозаключение выглядит правдоподобным. Доказывает значимое место древнего города Отрар в истории поиск ученым старого названия города. Из его работ можно выяснить, что древнее название Фараб, встречавшееся в одном из населенных пунктов, расположенных на берегу Амударьи, привело к ошибочному мнению. Потому что Н. Лыкошин, отмечая древние города Средней Азии Бухару и Самарканд, также учитывая то, что данные города, сохраняя средневековой облик, были и крупными центрами, считал, что город Отрар был возведен жителями среднеазиатской Бухары. На ой вывод

Н. Лыкошина повлиял ряд ученых, чиновников царской России, которые считали, что казахские степи были местом обитания кочевников и диких народов. Такое понимание Н. Лыкошина препятствовало поиску генезиса названия Отрар.

Вследствие этого он в своем труде писал, что из-за наступательных войн, разгрома, поджога кочевников название города Отрар происходит от турецкого слова «От» («пламя»), то есть означает город, который превратился в прах. Согласно его доказательствам, которые подтверждены древними письменными источниками, место расположения города Отрар совпадает со средневековым городом Фараб. Он поддерживал заключение географа X века аль-Максиди, по мнению которого Фараб был крупным городом, охватывал две стороны реки Сырдарья. Зарождение у членов Туркестанского археологического кружка научных споров об Отраре и Отрарском оазисе, становление их одними из объектов изучения этих ученых привели к тому, что многие исследователи заново стали уделять внимание истории древних городов. В 1903 году согласно восточным и среднеазиатским исследованиям, в связи с обеспечением Русского комитета в Отраре начались проводиться первые работы по раскопкам. В том же году по заданию председателя Туркестанского кружка Н.П. Остроумова любители археологии А.А. Черкасов и инженер А.К. Кларе, работавший на железнодорожной станции, приехав к развалинам города Отрар, сделали чертеж древнего города.

В трудах К. Кларе, А. Черкасова значительное внимание уделяется вопросу определения местонахождения города Отрар. Они, ссылаясь на путевые заметки Пеголетти XIV века, исторический труд ибн Арабшаха и ряд других источников, доказывают, что местоположение Отрара соответствует руинам древнего города, расположенного вдоль реки Арысь, в части, впадающей в Сырдарью. Можно отметить, что сведения и фотографии, представленные в работах вышеназванных исследователей, заложили первую основу развития Отрарской археологии с пользой для ученых более позднего времени. И.А. Кастанье в книге «Древности Киргизской степи и Оренбургского края с рисунками», опубликованной на русском и французском языках в 1910 году, приводит доклад от 14 ноября 1904 года, посвященный раскопкам Отрара, авторами которого являлись А. Черкасов и А. Кларе (Кларе, Черкасов, 1904; Кастанье, 1910).

5. Заключение

Таким образом, многие ученые и краеведы, которые исследовали Джетысу в период царской России, оставили существенные материалы. Описание специалистами этой эпохи множества памятников до нынешнего времени является актуальным и не утратило своей ценности. Большинство из них не сохранило свой первоначальный вид вследствие антропогенного воздействия человека или природных катаклизмов. В связи с этим сведения, оставленные исследователями дореволюционной России, являются единственной источниковой базой для ознакомления с теми культурными объектами. Их работы стали основой в описании и учете, в сборе и обогащении материалов по городам Джетысу эпохи расцвета Великого шелкового пути.

Данные труды имеют свое место в историографии. Заключение дореволюционных авторов на современном этапе также используются и получают свою оценку со стороны исследователей. С этой позиции российские дореволюционные авторы не только внесли свой вклад в историографию Великого шелкового пути, но и обозначили проблемы, которые подлежали исследованию в перспективе.

Литература

- Абрамов, 1867a – Абрамов Н.А. Алматы или укрепление Верное с его окрестностями // *Записки РГО*. СПб.: 1867. Т. 1. С. 255-268.
- Абрамов, 1867b – Абрамов Н.А. Древнее укрепление при речке Чингильда // *Тобольские губернские ведомости*. 1867. № 50.
- Абрамов, 1873 – Абрамов Н.А. Древние курганы и укрепления при в Семипалатинской и Семиреченской областях // *Известия РГО*. 1873. Т. 8. Вып. 1. С. 59-63.
- Акишев и др., 1972 – Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзаков Л.Б. Древний Отрар (Топография, стратиграфия, перспективы). Алматы: Наука, 1972. 215 с.
- Аристов, 1889 – Аристов Н.А. Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника // *Туркестанские ведомости*. 1889. №№ 38-40.
- Байпаков и др., 2005 – Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы, 2005. 188 с.
- Байпаков, 1966 – Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения Семиречья // *Известия АН КазССР*. Серия общ. наук. 1966. № 2. С. 34-45.
- Байпаков, 1999 – Байпаков К.М. Тараз и средневековые города Таласской долины // *Проблемы древней и средневековой истории Казахстана / Материалы чтений по творчеству М.Х. Дулати*. Алматы: Дайк-Пресс, 1999. С. 22-37.
- Байпаков, Кумеков, 1976 – Байпаков К.М., Кумеков Б.Е. Бартольд как историк и археолог средневекового Казахстана // *Изв. АН Каз ССР*. Сер. общ. наук. 1976. № 6. С. 84-87.
- Бартольд, 1911 – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 295 с.

- Бартольд, 1964** – Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей) // Сочинения. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 265-302.
- Бартольд, 1965** – Бартольд В.В. Кульджа // Сочинения. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1965. Т. 3. С. 470-471.
- Бартольд, 1966** – Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Сочинения. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1966. Т. 4. С. 21-91.
- Беленицкий и др., 1973** – Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.
- Берг, 1960** – Берг Л.С. Предварительный отчет об исследовании озера Балхаш летом 1903 года // Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 68-70.
- Валиханов, 1958** – Валиханов Ч. Избранные произведения // Под редакцией академика Академии наук Казахской ССР А.Х. Маргулана. Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1958. 644 с.
- Григорьев, 1873** – Григорьев В. Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии // *Туркестанский сборник*. СПб.: 1873. Т. 53. С. 1-45.
- Древний, 1870** – Древний торговый путь в Среднюю Азию // *Туркестанские ведомости*. 1870. № 14. С. 81-82.
- Дулатова, 2010** – Дулатова И.С. Ұлы Жібек жолы мен оның бойындағы қалалардың казахстандық тарихнамасы. Тар. ғыл. канд. ... дис. Алматы, 2010. 152 б.
- Иванов, 1886** – Иванов Л.Д. По вопросу некоторых туркестанских древностей // *Известия РГО*. СПб., 1886. Т. 21. С. 71-89.
- Каллаур, 1897** – Каллаур В.А. Археологическая поездка по Аулие-Атинскому уезду // *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА)*. 1897, 2 прот. Ташкент, 1897.
- Каллаур, 1899** – Каллаур В.А. Древности в низовьях реки Талас // *ПТКЛА*. 4. прот. № 2 от 13 марта 1899 г. Ташкент, 1899.
- Каллаур, 1903** – Каллаур В.А. К истории г. Аулие-Ата // *ПТКЛА*. 8 прот. от 22.09.1903. Ташкент, 1903.
- Каллаур, 1904** – Каллаур В.А. Древние местности Аулие-Атинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулие-Ата // *ПТКЛА*. Прот. № 1 от 12.09.1904. Ташкент, 1904.
- Каллаур, 1905** – Каллаур В.А. Поездка на Ахыр-Тас (Ахур-Таш, Таш-Акыр) и его окрестности // *ПТКЛА*. 10 прот. № 2 от 23.12.1905. Ташкент, 1905.
- Каллаур, 1907** – Каллаур В.А. Находка клада древних монет в г. Аулие-Ата // *ПТКЛА*. 12 прот. № 1 от 27.02.1907 г. Ташкент, 1908.
- Кастанье, 1910** – Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края с рисунками // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXII. Оренбург: Типо-литография т-ва «Каримов, Хусаинов и К», 1910. 332 с.
- Кларе, Черкасов, 1904** – Кларе А.К., Черкасов А.А. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его // *ПТКЛА*. Год IX. Ташкент, 1904. С. 13-35.
- Қазақстан, 2002** – Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағы. Жамбыл облысы. Алматы: Аруна, 2002. Т. 2. 346 б.
- Лерх, 1870** – Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб.: 1870. 39 с.
- Лыкошин, 1896** – Лыкошин Н.С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // *Среднеазиатский вестник*. 1896. Июль. С. 1-33. 1896. Сентябрь. С. 1-26.
- Омарбеков, 2018** – Омарбеков Т. Акыртастағы таңба нені аңғартады? // Материалы международной научно-теоретической конференции «Всемирная история и международные отношения в Евразии в свете современной интеграции и модернизации». Алматы: Казак университеті, 2018. Б. 23-27.
- Пантусов, 1891** – Пантусов Н.Н. Фергана по «Запискам султана Бабура» // *Записки ИРГО*. 1891. № 2. С. 26-47.
- Пантусов, 1910** – Пантусов Н.Н. Город Алмалык и Мазар Туглук-Тимур-хана // Кауфманский сборник. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. КУШНЕРЕВЪ и К, 1910. С. 161-188.
- РГАЛИ** – Российский государственный архив литературы и искусства.
- Результаты, 1876** – Результаты экспедиции полковника Ю.А. Сосновского для исследования торгового пути в Китай // *Туркестанский сборник*. СПб.: 1876. Т. 151. С. 84-87.
- Фишер, 1884** – Фишер Г.В. Озеро Балхаш и течение р. Или от выселка Илийского до ее устьев // *Записки ЗСО РГО*. 1884. Т. 6. С. 3-21.
- Tulebaev et al., 2016** – Tulebaev T., Kurmanalina N., Seksenbaeva G., Baygunakov D. Kazakh-Dzhungarian relations in the works of the pre-revolutionary Russian scientists // *Bylye Gody*. Vol. 41. Is. 3. 2016. pp. 753-760.

References

- Abramov, 1867a** – Abramov N.A. (1867). Almaty ili ukreplenie s Vernoe s ego okrestnostyami [Almaty or Vernoe strengthening with its environs]. *Zapiski RGO*. SPb. T. 1. pp. 255-268. [in Russian]
- Abramov, 1867b** – Abramov N.A. (1867). Drevnee ukreplenie pri rechke Chingil'da [Ancient fortification at the Chingil river]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. №50. [in Russian]
- Abramov, 1873** – Abramov N.A. (1873). Drevnie kurgany i ukrepleniya pri v Semipalatinskoj i Semirechenskoy oblasti [Ancient burial mounds and fortifications in the Semipalatinsk and Semirechye regions]. *Izvestiya RGO*. T.8. Vyp. 1. pp. 59-63. [in Russian]
- Akishev i dr., 1972** – Akishev K.A., Bajpakov K.M., Erzakov L.B. (1972). Drevnij Otrar (Topografiya, stratigrafiya, perspektivy) [Ancient Otrar (Topography, stratigraphy, perspectives)]. Almaty: Nauka, 215 p. [in Russian]
- Aristov, 1889** – Aristov N.A. (1889). Zapadnyj Turkestan v YP stoletii, po opisaniyu kitajskogo puteshchestvennika [Western Turkestan in the VII century, according to the description of the chinese traveler]. *Turkestanskije vedomosti*. № 38-40. [in Russian]
- Bajpakov i dr., 2005** – Bajpakov K.M., Savel'eva T.V., Chang K. (2005). Srednevekovye goroda i poselenie Severo-Vostochnogo Zhetysu [Medieval cities and settlements of the North-Eastern Zhetysu]. Almaty, 188 p. [in Russian]
- Bajpakov, 1966** – Bajpakov K.M. (1966). Rannesrednevekovye goroda i poseleniya Semirech'ya [Early medieval cities and settlements of Semirechye]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya obshch. nauk*. № 2. pp. 34-45. [in Russian]
- Bajpakov, 1999** – Bajpakov K.M. (1999). Taraz i srednevekovye goroda Talasskoj doliny [Taraz and the medieval towns of the Talas valley. Problems of the ancient and medieval history of Kazakhstan]. Materialy chtenij po tvorchestvu M.H. Dulati. Almaty: Dajk-Press, pp. 22-37. [in Russian]
- Bajpakov, Kumekov, 1976** – Bajpakov K.M., Kumekov B.E. (1976). Bartol'd kak istorik i arheolog srednevekovogo Kazahstana [Barthold as a historian and archaeologist of medieval Kazakhstan]. *Izv. AN Kaz SSR. Ser. obshch. nauk*. № 6. pp. 84-87. [in Russian]
- Bartol'd, 1911** – Bartol'd V.V. (1911). Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii [History of the study of the East in Europe and Russia]. SPb. Tip. M.M. Stasyulevicha, 295 p. [in Russian]
- Bartol'd, 1964** – Bartol'd V.V. (1964). O hristianstve v Turkestane v domongol'skij period (po povodu semirechenskih nadpisej) [About christianity in Turkestan in the pre-mongol period (about the Semirechye inscriptions)]. Sochineniya. M.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, T. 2. Ch. 2. pp. 265-302. [in Russian]
- Bartol'd, 1965** – Bartol'd V.V. (1965). Kul'dzha [Kuldja]. Sochineniya. M.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, T.3. pp. 470-471. [in Russian]
- Bartol'd, 1966** – Bartol'd V.V. (1966). Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoj cel'yu 1893-1894 gg. [Report on the trip to Central Asia for the scientific purpose of 1893-1894]. Sochineniya. M.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, T. 4. pp. 21-91. [in Russian]
- Belenickij i dr., 1973** – Belenickij A.M., Bentovich I.B., Bol'shakov O.G. (1973). Srednevekovyj gorod Srednej Azii [Medieval city of Central Asia]. L.: Nauka, 390 p. [in Russian]
- Berg, 1960** – Berg L.S. (1960). Predvaritel'nyj otchet ob issledovanii ozera Balhash letom 1903 goda [Preliminary report on the study of lake Balhash in the summer of 1903]. *Izbrannye trudy*. M.: Izd-vo AN SSSR, T.3. pp. 68-70. [in Russian]
- Valihanov, 1958** – Valihanov Ch. (1958). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Pod redakciej akademika Akademii nauk Kazahskoj SSR A.H. Margulana. Alma-Ata: Kazahskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 644 p. [in Russian]
- Grigor'ev, 1873** – Grigor'ev V. (1873). Ob arabskom puteshchestvennike X veka, Abu-Dolef i stranstvovanii ego po Srednej Azii [About the arabian traveler of the X century Abu-Dolef and his wandering through Central Asia]. *Turkestanskij sbornik*. SPb. T.53. pp. 1-45. [in Russian]
- Drevnij, 1870** – Drevnij torgovyj put' v Srednyuyu Aziyu [Ancient trade route to Central Asia]. *Turkestanskije vedomosti*. 1870. №14. pp. 81-82 [in Russian]
- Dulatova, 2010** – Dulatova I.S. (2010). Uly Zhibek zholy men onyn bojyndagy qalalardyn Qazaqstandyq tarihnamasy. Tar. gyl. kand. ... dis. Almaty, 152 p. [in Kazakh]
- Ivanov, 1886** – Ivanov L.D. (1886). Po voprosu nekotoryh turkestanskikh drevnosti [On the issue of some Turkestan antiquities]. *Izvestiya RGO*. SPb., T. 21. pp. 71-89. [in Russian]
- Kallaur, 1897** – Kallaur V.A. (1897). Arheologicheskaya poezdka po Aulie-Atinskomu uezdu [Archaeological trip to Aulie-Ata county]. *PTKLA*. prot. Tashkent. [in Russian]
- Kallaur, 1899** – Kallaur V.A. (1899). Drevnosti v nizov'yah reki Talas [Antiquities in the lower reaches of the Talas river]. *PTKLA*. 4. prot. № 2 ot 13 marta 1899 g. Tashkent. [in Russian]
- Kallaur, 1903** – Kallaur V.A. (1903). K istorii g. Aulie-Ata [To the history of the Aulie-Ata city]. *PTKLA*. 8 prot. ot 22.09.1903. Tashkent. [in Russian]
- Kallaur, 1904** – Kallaur V.A. (1904). Drevnie mestnosti Aulie-atinskogo uezda na drevnem karavannom puti na zapad ot Aulie-Ata [Ancient areas of Aulie-Ata county on the ancient caravan route to the west from Aulie-Ata]. *PTKLA*. Prot. №1 ot 12.09.1904. Tashkent. [in Russian]

Kallaur, 1905 – *Kallaur V.A.* (1905). Poezdka na Ahyr-Tas (Ahur-Tash, Tash-Akyr) i ego okrestnosti [Trip to Akhyr-Tas (Ahur-Tash, Tash-Akyr) and its environs]. *PTKLA*. 10 prot. №2 ot 23.12.1905. Tashkent. [in Russian].

Kallaur, 1907 – *Kallaur V.A.* (1907). Nahodka klada drevnih monet v g. Aulie-Ata [Finding a treasure of ancient coins in Aulie-Ata]. *PTKLA*. 12 prot. №1 ot 27.02.1907 g. Tashkent. [in Russian]

Kastan'e, 1910 – *Kastan'e I.A.* (1910). Drevnosti Kirgizskoj stepi i Orenburgskogo kraja s risunkami [Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region with drawings]. *Trudy Orenburgskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii*. Vyp. XXII. Orenburg: Tipo-litografiya t-va «Karimov, Husainov i K», 332 p. [in Russian]

Klare, Cherkasov, 1904 – *Klare A.K., Cherkasov A.A.* (1904). Drevnij Otrar i raskopki, proizvedennye v razvalinah ego [Ancient Otrar and excavations made in the ruins of it]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelej arheologii (PTKLA)*. God IX. Tashkent, pp. 13-35. [in Russian]

Qazaqstan, 2002 – Qazaqstan Respublikasynyn tarihi zhane madeni eskertkisherinin zhinagy. ZHambyl oblysy. Almaty: Aruna, 2002. T.2. 346 p. [in Kazakh]

Lerh, 1870 – *Lerh P.I.* (1870). Arheologicheskaya poezdka v Turkestanskij kraj v 1867 g. [Archaeological trip to the Turkestan region in 1867]. SPb.: 39 p. [in Russian]

Lykoshin, 1896 – *Lykoshin N.S.* (1896). Ocherk arheologicheskikh izyskanij v Turkestanskom krae do uchrezhdeniya Turkestanskogo Kruzha lyubitelej arheologii [An outline of archaeological research in the Turkestan region before the establishment of the Turkestan circle of lovers of archeology]. *Sredneaziatskij Vestnik*. Iyul'. S. 1-33. 1896. Sentyabr'. pp. 1-26. [in Russian]

Omarbekov, 2018 – *Omarbekov T.* (2018). Aqyrtastagy tanba neni angartady? Materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferencii «Vsemirnaya istoriya I mezhdunarodnye otnosheniya v Evrazii v svete sovremennoi integracii I modernizacii». Almaty: Qazaq universiteti, pp. 23-27. [in Kazakh]

Pantusov, 1891 – *Pantusov N.N.* (1891). Fergana po «Zapiskam sultana Babura» [Ferghana on "Notes of sultan Babur"]. *Zapiski IRGO*. №2. pp. 26-47. [in Russian]

Pantusov, 1910 – *Pantusov N.N.* (1910). Gorod Almalyk i Mazar Tugluk-Timur-hana [Almalyk city and Mazar Tugluk-Timur-khana]. *Kaufmanskij sbornik*. M.: Tipo-litografiya T-va I.N. KUSHNEREV" i K, pp. 161-188. [in Russian]

RGALI – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [The Russian State archive of literature and arts].

Rezul'taty, 1876 – *Rezul'taty ehkspedicii polkovnika Yu.A. Sosnovskogo dlya issledovaniya torgovogo puti v Kitaj* [Results of the expedition of colonel Yu.A. Sosnovsky for the study of trade routes to China]. *Turkestanskij sbornik*. SPb. 1876. T. 151. pp. 84-87. [in Russian]

Fisher, 1884 – *Fisher G.V.* (1884). Ozero Balhash i techenie r. Ili ot vyselka Ilijskogo do ee ust'ev [Lake Balkhash and the flow of the Ili river from the Iliiskii settlement to its mouth]. *Zapiski ZSO RGO*. T.6. pp. 3-21. [in Russian]

Tulebaev et al., 2016 – *Tulebaev T., Kurmanalina N., Seksenbaeva G., Baygunakov D.* (2016). Kazakh-Dzhungarian relations in the works of the pre-revolutionary Russian scientists. *Bylye Gody*. Vol. 41. Is. 3. pp. 753-760.

Из российской дореволюционной историографии Великого шелкового пути

Оразгуль Хасеновна Мухатова ^a, Нургуль Нурсултановна Курманалина ^{b,*}, Индира Сабитовна Дулатова ^c

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^c Казахский национальный исследовательский технический университет им. К.И. Сатпаева, Республика Казахстан

Аннотация. Научная работа посвящена российской дореволюционной историографии древнего шелкового пути, поэтому в данной статье авторы в качестве историографического источника в основном опирались на труды дореволюционных российских исследователей разного содержательного уровня.

Авторы дореволюционного периода изучали разные аспекты Великого шелкового пути: в историческом – формирование и развитие великого шелкового пути, в картографическом – сеть и расположение торговых дорог, экономическом – наименование и цену товаров, международном коммуникационном – популяризацию и распространение материальных и духовных ценностей и т.д. Развитие городской культуры вдоль этих линий всегда было неотъемлемой частью в изучении данного феномена, то есть Великого шелкового пути.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: orazgul7@rambler.ru (О.Х. Мухатова), nurgulca@mail.ru (Н.Н. Курманалина)

В результате многие ученые и краеведы, которые исследовали Джетысу в период царской России, оставили существенные материалы. Описание специалистами этой эпохи множества памятников до нынешнего времени является актуальными и не утратило своей ценности. Большинство из них со временем потеряло форму, испортилось, некоторые даже исчезли. В связи с этим сведения, оставленные исследователями того периода, являются единственной источниковой базой для ознакомления с теми культурными объектами. Их работы стали основой в описании и учете, сборе и обогащении материалов по городам Джетысу эпохи расцвета Великого шелкового пути. Выводы и заключения дореволюционных авторов по вопросам Великого шелкового пути имеют свое место в науке и поэтому до сегодняшнего дня используются и получают свою оценку со стороны исследователей.

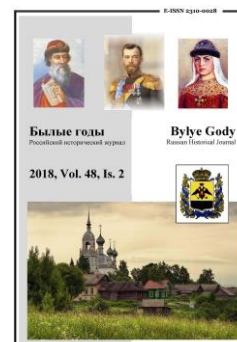
Ключевые слова: Великий шелковый путь, древние города, Джетысу, историография, дореволюционные российские ученые, заключения.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 598-609. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.598
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Imperial Russian Technical Society Activities, Aimed at the National Industry Development (the second half of XIX – beginning of XX centuries)

Alexandra F. Smyk^{a,*}, Ekaterina I. Makarenko^a

^a Moscow Automobile and Road Constructing State Technical University (MADI), Russian Federation

Abstract

The different aspects of the Russian state and the largest public organization - the Imperial Russian Technical Society (IRTS) interaction are considered. The main attention focused on interaction in the national technology and industry development, as well as the formation of its social base – the technical intelligentsia.

The conclusions of the authors on the topic are based on archived data, periodicals of IRTS and memoirs of famous scientists, statesmen and public figures of the second half of XIX – beginning of XX centuries. The significant role of IRTS in the development of both traditional and new branches of mechanical engineering: engine building, auto and aircraft construction, in the modernization of the military fleet by the forces of the national industry, is highlighted.

The contribution of differ figures (representatives of the scientific and pedagogical community also the large industrial capital) involved in the activities of IRTS is research. The authors concluded that the significant practical results at the national industry development was achieved among others because of a link between higher technical education and the high ideals of service to the homeland, which characterized the members of IRTS at the beginning of XX centuries.

The activity of IRTS on holding various All-Russian industry congresses and industrial exhibitions, support of leading scientists and professors, as well as steps towards consolidation of the whole scientific and technical community is investigated.

A special attention in the article is devoted to the study of the interaction of the government authorities, business circles and the emerging Russian technical intelligentsia.

Keywords: the Imperial Russian technical society, the development of the national industry, engineering industry, technical intelligentsia, All-Russian industry congresses, industrial exhibitions.

1. Введение

Переосмысление роли частных организаций в общественной жизни дореволюционной России началось сравнительно недавно, и в связи с этим вызывает интерес изучение вопросов взаимодействия государства и общественных организаций, инженерных ассоциаций, а также их возможностей для подъема экономики, производства, формирования и дальнейшей реализации промышленной политики. Наиболее крупной ассоциацией на протяжении последних пятидесяти лет существования Российской империи являлось Императорское русское техническое общество (ИРТО), основанное в 1866 г. в Санкт-Петербурге. Созданное по частной инициативе ученых и профессоров Санкт-Петербургских высших учебных заведений, инженеров и представителей государственного аппарата и промышленного капитала, общество участвовало в решении вопросов развития всех отраслей отечественной промышленности, транспорта, технического образования на всех уровнях – от начального для фабричных рабочих, воскресных и вечерних школ до специального и высшего технического. Очень скоро отделения ИРТО стали открываться по всей стране, а к началу XX в.

* Corresponding author

E-mail addresses: afsmky@mail.ru (A.F. Smyk), makarenko_madi@mail.ru (E.I. Makarenko)

имелось 40 местных отделений в промышленных городах и наиболее крупных административных центрах России, построенных по типу центрального.

Преследуя главную цель – содействие развитию техники и промышленности – ИРТО явилось проводником внутренней политики царского правительства, которое встало на путь реформирования после 1861 г. В российской истории деятельность столь масштабного общественного объединения, каким являлось Императорское Русское техническое общество на протяжении почти полувека, не имеет себе равных. К 1914 г. в России насчитывалось около ста общественных организаций инженерного и образовательно-технического характера, созданных по примеру ИРТО. Многогранная деятельность ИРТО и других возникших подобных общественных организаций свидетельствует о существовании в России инженерно-технического сообщества на рубеже XIX – XX вв., стремящегося участвовать в экономической, научной и культурной жизни своей страны.

2. Материалы и методы

Основную источниковую базу данного исследования составляют материалы фондов Российского Государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), в которых отложились документы, относящиеся к деятельности Императорского русского технического общества. Также изучались периодические издания ИРТО и мемуары известных ученых, государственных и общественных деятелей того времени. Значительный вклад в рассмотрение указанной проблемы внесли труды советских и современных российских историков, обществоведов.

В ходе исследования применялись как общие методы научного исследования: сравнительный, типологический, систематизации, так и специальные исторические методы: документальный анализ архивных источников, методом которого является сбор фактических данных. Использовался также метод исторической преемственности, который позволил оценить наследие прошлых достижений в развитии отечественной промышленности, становлении отечественной технической интеллигенции.

3. Обсуждения

История становления и развития инженерно-технического сообщества в России во второй половине XIX – начале XX вв., деятельность частных и общественных организаций, направленная на создание и укрепление отечественной промышленности, хотя и получила определенное развитие в научной литературе, но до сих пор представляет малоисследованную область отечественной историографии. Вопросам формирования в конце XIX в. отраслевых объединений в виде съездов промышленников добывающих и обрабатывающих отраслей, а также транспортников посвящены исследования как отечественных исследователей (Туманова, 2008; Бессолицын, 2016), так и зарубежных (Брэдли, 2016).

Изучению деятельности ИРТО посвящено немало работ, написанных в советский период, в которых рассмотрены различные аспекты: отраслевые съезды, созданные в период с 1870 по 1904 гг. (Филиппов, 1965); деятельность в области машиностроения (Костомаров, 1957); решение вопросов подготовки квалифицированных фабрично-заводских рабочих (Карелин, 1990). Признание большой роли ИРТО в мобилизации научных и инженерно-технических сил для развития экономики страны тем не менее не исключило господства в советской историографии идеологически ангажированной точки зрения «о классовой направленности деятельности общества», а о представителях промышленности – владельцах заводов, принимавших участие в деятельности ИРТО – как о «группе, которая требовала себе «место под солнцем» и оказывала сильное влияние на некоторых представителях высшей администрации» (Филиппов, 1965: 249).

Последние два десятилетия наблюдается возвращение интереса исследователей к изучению деятельности ИРТО: рассмотрена просветительская деятельность постоянной комиссии по техническому образованию (Рыжов, 2013); вопросы подготовки кадров для русской промышленности в решениях съезда русских деятелей по профессиональному и техническому образованию (Кузьмина, 2010); отношения власти и технических обществ России в начале XX в. (Туманова, 2002); ИРТО и развитие двигателестроения (Смык и др., 2016). Проблемы, связанные в той или иной степени с деятельностью ИРТО, затрагивались и на страницах российского исторического журнала «Былые годы». Исследовались вопросы, связанные с активностью общественных организаций, прослеживалась связь с влиянием общественных организаций на развитие инженерного дела, воспитанием патриотических чувств у представителей формирующейся отечественной интеллигенции, в том числе технической (Акојева et al., 2018). Интересные особенности становления социальной базы промышленности того времени затронуты А.Г. Даниловым (Danilov, 2016), Т.А. Катциной, Л.Е. Мариненко, Н.В. Пашиной, Е.А. Вакулиной (Kattsina et al., 2017). Факторы, механизмы и социально-экономические последствия модернизации России начала XX в. анализируются в работе «Военный фактор и мобилизационно-волновой механизм как главные характеристики модернизации России имперского периода» (Samokhin, Korolyova, 2017).

Все эти вопросы не потеряли своей актуальности и в условиях новой индустриализации России на современном научно-технологическом уровне. В связи с этим перед авторами стояла задача изучения деятельности ИРТО, направленной на развитие отечественной промышленности и ее социальной базы – технической интеллигенции. В этой деятельности заслуживает особого внимания

существовавшая связь между высшим техническим образованием и высокими идеалами служения родине, которая характеризовала представителей высших технических учебных заведений и класса промышленной буржуазии, объединившихся в ИРТО. В истории отечественного машиностроения заметную роль сыграли инженеры-иностранцы, приехавшие в Россию во второй половине XIX в. и развившие свой бизнес на благо российской экономики, ставшие лидерами российского машиностроения, которые участвовали в благотворительности и просветительской деятельности. Среди них активные члены ИРТО – братья Нобели, построившие свои заводы в Петербурге и Баку, Г.И. Лист – в Москве. Общество приняло участие в модернизации русского флота с помощью отечественной промышленности (1909 г.), в развитии новых отраслей промышленности – автомобиле- и авиастроения, двигателестроения, в созыве, организации и проведении важнейших съездов того времени («Съезд деятелей, занимающихся построением и применением двигателей внутреннего сгорания» (1910 г.); «Первого Всероссийского воздухоплавательного съезда» (1911 г.), подготовке несостоявшегося «Первого Всероссийского съезда инженеров» (1912 г.). Деятельность ИРТО официально поддерживалась правительством и во многом способствовала претворению в жизнь программы реформирования страны, ее модернизации на промышленной основе, значительно влияла на реализацию политики, проводимой министром финансов, затем председателем Совета министров России С.Ю. Витте, а позже сменившим его на этом посту П.А. Столыпиным.

4. Результаты

С самого начала образования ИРТО его деятельность была связана с решением проблем развития машиностроения в Российской империи. Представители технической интеллигенции и промышленной буржуазии были едины в точке зрения: прогрессивное развитие страны возможно только при создании мощной отечественной промышленности, которую характеризует прежде всего высокий уровень производства машин. В 1867 г., когда Совету ИРТО был представлен доклад специальной комиссии «О необходимых мерах для развития в России машиностроительного дела», русское машиностроение отставало не только от развитых капиталистических стран, прежде всего Англии, Франции и Германии, но и от других отраслей промышленности в самой России. В докладе писалось о том, что «ни одна отрасль промышленности не развивает настолько технику и технические знания в народе, как машиностроительное дело. Покупая машины за границей, мы становимся беднее и материально, и умственно. Материально, потому что платим иностранцам за труд, который могли сами произвести, умственно, потому что лишаем себя возможности применить свои знания к делу, парализуем свои способности в изобретательности и все более и более отстаем в этом отношении от иностранцев» (Львов, 1867: 2).

В 1830 г. в России насчитывалось всего 7 машиностроительных заводов, в том числе 4 мелких. К 1860 г. насчитывалось 99 механических заводов, в 1871 г. число заводов увеличилось до 165 (Костомаров, 1957: 4). Машины, которые использовались на этих предприятиях, были целиком иностранного производства. Поэтому главная цель, поставленная перед РТО (Императорским обществом стало называться с 1874 г.) его организаторами, заключалась в устранении разрыва между наукой и производством, их сближение, внедрение новейших достижений науки в промышленность, что должно было вести к общему подъему отечественной промышленности. При организации РТО были учреждены четыре отдела, II Отдел получил название «Механической технологии, механики и машиностроения, а также приборостроения, телеграфа и полиграфии».

Рассматривая деятельность РТО по созыву и проведению отраслевых съездов, советский историк Н.Г. Филиппов писал: «В решениях съездов находили отражения требования молодой русской буржуазии, выдававшей свои классовые интересы за интересы всего общества и стремившейся с помощью научно-технической общественности оказать влияние на направление экономической политики правительства» (Филиппов, 1965: 249). В более раннем исследовании другой историк сделал заключение: «...крупный капитал использовал Русское техническое общество для достижения своих классовых интересов» (Костомаров, 1957: 25). А в связи с поступившим предложением на съезде в 1875 г. об обязательном 8-часовом рабочем дне с обеденным перерывом 1,5 часа он написал: «Это предложение вызвало злобные, насыщенные презрением к русскому рабочему выступлению Нобеля» (Костомаров, 1957: 25). Кто же были эти представители крупного капитала, как современники характеризовали их деятельность и в чем она заключалась?

Заседание II Отдела РТО 21 ноября 1866 г. проходило под председательством профессора механики Петербургского технологического института, впоследствии министра финансов, И.А. Вышнеградского. На этом заседании сделал свой первый доклад «О машинной формовке при отливке чугуна» член ИРТО Людвиг Эммануилович Нобель, создавший в 1862 г. механический завод в Петербурге и ставший впоследствии крупным специалистом в области машиностроения и нефтяной промышленности. 18 марта 1867 г. в ходе своего сообщения в РТО «О котельном производстве» Л.Э. Нобелем были поставлены вопросы: «Можем ли мы по цене соперничать с иностранцами в постройке машин; надобно ли желать, чтобы машины строились у нас, в России; если надобно этого желать, то при каких условиях возможно у нас развитие механических заводов» (Механический..., 1912: 28). Поставленные Нобелем вопросы стали предметом всестороннего изучения РТО положения механических заводов в России и возможных мер к развитию машиностроения. Председателем

комиссии для исследования состояния отечественного машиностроения был назначен крупный русский ученый-механик и инженер, специалист в области моторостроения Д.И. Журавский, а членами были И.А. Вышнеградский, инженер-строитель, впоследствии ставший директором Института инженеров путей сообщения, М.Н. Герсеванов, крупный ученый в области кораблестроения, М.М. Окунев, владельцы машиностроительных заводов – Л.Э. Нобель, Н.И. Путилов, В.А. Полетика. Сделанные ими заключения стали предметом первого ходатайства общества перед правительством. В результате деятельности комиссии и выработанных предложений был установлен новый таможенный тариф, но он был неудовлетворительно низким и не мог защитить отечественные машиностроительные заводы. Иностраный капитал, экспортируя свои машины в Россию, подавлял русскую промышленность не столько качеством, сколько дешевизной своих изделий, которая достигалась широко развитой специализацией производства. В результате непрерывающейся деятельности РТО в поддержку отечественного машиностроения правительство встало на путь протекционизма и в 1891 г. был введен тариф, когда размер пошлин на импортные изделия составлял 33 % стоимости товара.

Инженерный талант и опыт Л.Э. Нобеля был востребован в работе многочисленных комиссий ИРТО, где он защищал самостоятельность русской промышленности. В 1874 г. Л.Э. Нобель сделал сообщение в ИРТО «О влиянии казенных заказов на развитие частной механической промышленности», после обсуждения которого было выдвинуто предложение созвать съезд деятелей по машиностроительной промышленности. Позже Нобель делает еще два сообщения «О причинах застоя в нашей механической промышленности» и «О необходимости принятия правильно организованных покровительственных мер для поднятия горнопромышленного дела». Правительство отреагировало на резолюцию съезда ИРТО, определило ряд мероприятий по развитию машиностроения, но Нобель предупреждал о губительности полумер: «лишь одни казенные заказы бывают достаточно велики, чтобы дать возможность работе специализироваться и тем вызвать дешевизну изделий и технический прогресс; с другой стороны, эти заказы развивают промышленность лишь по временам, в бурные эпохи войн и перевооружений и этим самым вносят в нее полный переполох. ...За тридцать лет своей деятельности я несколько раз был богат и был разорен, и так как я знаю, что значит быть разоренным, то подожду общих законодательных мероприятий, прежде чем предприму что-либо новое» (Механический..., 1912: 30). Нобель хотел от правительства «покровительство систематическое», а не исключительные льготы и поддержку «казенными заказами». В 1874 г. принято решение о созыве при РТО «Съезда главных по машиностроительной промышленности деятелей». Программа съезда была передана в Министерство финансов для утверждения, вскоре она получила утверждение и 6000 рублей из казначейства на его проведение. Съезд проходил в Петербурге с 22 апреля по 11 мая 1875 г. под председательством первого председателя ИРТО, инженера путей сообщения А.И. Дельвига. Докладчиком по основному вопросу – тарифам, которые бы позволили конкурировать отечественному машиностроению с иностранным, – был Л.Э. Нобель (табл. 1).

Таблица 1. Хронология выступлений Л.Э. Нобеля в ИРТО

Дата	Название доклада	Результат
1875	1. О том, возможно ли различать железо, бессемеровский металл и сталь, и о важности решения этого вопроса для промышленности. 2. О влиянии на развитие технических производств разных способов заготовления предметов для военного ведомства посредством торгов.	Установлен новый таможенный тариф (1881 г.) Решение о созыве Съезда главных по машиностроительной промышленности деятелей (1875 г.)
1876	1. О синдикате машиностроителей и горнозаводчиков для содействия выделке и распространению машин. 2. О своевременности введения метрических мер и весов в России.	Проект введения метрических мер и весов в России был разработан и представлен правительству.
1877	Взгляд на бакинскую нефтяную промышленность и ее будущее	План развития нефтяной промышленности России и образование «Акционерного товарищества нефтяного производства братьев Нобель»
1882	1. О нефтяной промышленности России. 2. Ламповый вопрос и употребление нефти как топлива	Применение нефтяных остатков для отопления паровых котлов. Изобретение Нобеля – форсунка для сжигания мазута – получила известность как «нобелевская горелка».

После смерти Л.Э. Нобеля на торжественном собрании в ИРТО, посвященном его памяти, он был назван «выдающимся практическим деятелем», «промышленным деятелем в самом широком смысле», а «его труды заслуживают должного внимания русского общества» (В память..., 1889). В 1889 г. «Товарищество Братя Нобель» обратилось в Совет ИРТО с предложением учредить золотую медаль имени Л.Э. Нобеля за «лучшее сочинение или исследование по металлургии или нефтепромышленности, или за какие-либо выдающиеся изобретения, или усовершенствования в технике этих производств, принимая во внимание наибольшее их практическое применение к развитию в России» (РГИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 321. Л. 2). И это была первая Нобелевская премия, задолго до учреждения Альфредом Нобелем премии, присуждаемой Шведской Королевской академией. Сыновья Л.Э. Нобеля продолжили вести дело «Товарищества Бр. Нобель», и их деятельность в ИРТО была связана с развитием двигателестроения. Приобретя патент на изготовление двигателей внутреннего сгорания (ДВС) системы Р. Дизеля, «Завод Людвиг Нобеля» приступил к производству этих двигателей, конкурируя с лучшими иностранными заводами. Заслуга Э.Л. Нобеля состояла в том, что он нашел оригинальное решение для работы двигателя Дизеля на сырой нефти, разработал двигатель, который стал называться «русским двигателем».

С 1890-х гг. ИРТО начинает организовывать отраслевые съезды, связанные с машиностроением, во многом благодаря программе Витте, предусматривавшей развитие национальных отраслей. О том, как развивалось отечественное машиностроение в последней четверти XIX века, пишет Максим Горький в своих газетных очерках, посвященных Всероссийской торгово-промышленной и художественной выставке 1896 г., организованной при участии ИРТО в Нижнем Новгороде. Горький пишет, что если на предыдущих выставках в 1870 и 1872 гг. эта отрасль была представлена в зачаточном состоянии, то в 1882 г. было представлено множество экспонатов, произведенных на заводах Бромлея, Поле, Листа и других, но при этом «двигателей газовых, керосиновых и других на выставке 1882 г. не было. Первоначальные попытки строить таковые были сделаны в 1888–1890 гг. Первый двигатель в России был построен инженером-механиком Е.Э. Бромлеем... В данное время двигатели работают в массах: Бромлей и Липгарт в Москве. Локомотивы строят Липгарт, Бромлей, Нобель в Петербурге, Рихард Поле – в Варшаве, и, несмотря на конкуренцию Запада, дело сильно развивается..., прогресс в сфере русского машиностроения есть» (Горький, 1896). На выставке 1896 г. был представлен первый русский автомобиль Е. Яковлева и П. Фрезе, пущен первый электрический трамвай. Председатель ИРТО М.И. Кази заведовал двумя отделами выставки: «Производства фабрично-заводские и фабрично-ремесленные», «Машинный и электротехнический».

В докладе ИРТО профессор Санкт-Петербургского технологического института Георгий Филиппович Дешп говорил о «двигателе Нобеля»: «Столь хорошие результаты, полученные при двигателях, построенных на одном из наших русских заводов, весьма замечательны..., безукоризненно исполненные русские нефтяные двигатели не уступают заграничным» (Механический..., 1912: 76). По заказам «Товарищества Бр. Нобель» в России впервые началось строительство нефтеналивных теплоходов с дизельными двигателями – на Сорновском заводе дизель-электроходы «Вандал» (1903 г.), «Сармат» (1904 г.). Свои патентные права на производство дизельных двигателей «Товарищество Бр. Нобель» вскоре переуступили Обществу Коломенского машиностроительного завода, Рижскому чугунолитейному и машиностроительному заводу, Николаевскому судостроительному заводу, что послужило быстрому развитию производства в России двигателей нового типа и вытеснению производства паровых машин. На заседаниях ИРТО слушались доклады о новых конструкциях дизель-моторов, о реверсивных ДВС, о применении их в городском и железнодорожном транспорте, на морских и речных судах, об автомобилестроении.

Одним из членов Московского отделения ИРТО, внесших значительный вклад в развитие отечественного машиностроения, являлся владелец двух крупных машиностроительных заводов в Москве Густав Иванович Лист. Родился он в Берлине, профессиональную подготовку получил в Америке, в совершенстве освоив токарное дело и литейное производство, а с 1856 г. начал трудиться в России в должности механика на заводе своего брата, строившего первые сахарные заводы на юге России. Известность и богатство пришли к Густаву Листу как изобретателю и производителю пожарного оборудования: пожарных насосов, огнетушителей, пожарных автомобилей и создателю первых в России пожарных команд. Для военно-морского ведомства завод Листа поставлял турбины, насосы, помпы, оборудование Густава Листа стояло на «Варяге», «Авроре», «Потемкине», «Ослябе», «Петропавловске» и других кораблях российского флота (Коршунов, 2016). Он являлся учредителем и почетным членом Комиссаровского технического училища. Создание этого училища в Москве относится к 1867 г., когда по инициативе московских промышленников была учреждена ремесленная школа с трехгодичным сроком обучения, преобразованная затем в техническое училище с пятилетним сроком обучения. Проявляя постоянный интерес к развитию техники, Лист также, как и братья Нобели, следил за ее современным состоянием, сам занимался изобретательской деятельностью. В РГИА хранится российская привилегия №14256 от 11 июля 1895 г., выданная саксонскому подданному Г. Листу (российским подданным он стал в 1896 г.), инженеру-механику В. Листу и крестьянину Я. Казакову (РГИА. Ф. 24. Оп. 4. Д. 875). Привилегия выдана на 10 лет на двухтактный керосиновый двигатель, технические параметры которого рассмотрены в работе

А.Ф. Смык (Смык и др., 2017). В доме Г. Листа в Москве неоднократно бывали братья Нобели, изобретатель П.Н. Яблочков. Г.И. Лист, сам приняв российское подданство, положил начало российской инженерной династии: его сын и внук окончили Императорское Московское техническое училище (ИМТУ), стали известными инженерами уже в советское время.

На машиностроительных заводах Г.И. Листа большое значение при приеме на работу имели образование и квалификация инженеров и техников, в дальнейшем для повышения квалификации они отправлялись на механические и литейные заводы Германии, Англии и Америки. Впервые в Москве при заводууправлении Листа было создано конструкторское бюро и при нем школа чертежников для учеников рабочих, также существовала уникальная техническая библиотека и архив. Конструкторский отдел и чертежное бюро длительное время возглавлял специалист высочайшей квалификации, инженер-механик, профессор Александр Александрович Гетье, выпускник ИМТУ 1887 г., в последствии с 1899 г. преподаватель машиностроения в ИМТУ, специалист по проектированию насосов и паровых машин, проектированию деталей машин и кранов (Коршунов, 2016). Г.И. Лист в 1894 г. вместе с другими представителями промышленного капитала, членами Московского отделения ИРТО, выкупили и передали в собственность отделения земельный участок размером около 4 га вблизи станции Б. Мытищи для проведения опытных работ по повышению огнестойкости жилых построек, для наглядного обучения крестьян противопожарному делу, и на свои средства Г.И. Лист оборудовал пожарный пункт. В июне 1912 г. его сын – А.Г. Лист, совладелец литейно-механического завода «Густав Лист» – стал председателем автомобильного отдела, организованного в Московском отделении ИРТО.

Большая научно-исследовательская работа велась в ИРТО по применению бензиновых и керосиновых двигателей для самолетов и автомобилей. В 1907 г. в Петербурге была устроена первая международная выставка автомобилей, на которой были представлены экспонаты крупнейших фирм мира, демонстрировалось описание двигателей автомобилей, их схемы и чертежи. В 1909 г. в ИРТО была создана постоянная автомобильно-авиационная комиссия под председательством профессора Н.С. Лаврова. Учитывая лидирующее положение России в мире по производству и совершенствованию двигателей Дизеля, ИРТО принимает решение о проведении с 6 по 15 мая 1910 г. в Санкт-Петербурге «Съезда деятелей, занимающихся построением и применением двигателей внутреннего сгорания», на который были приглашены многие видные зарубежные специалисты в области двигателей внутреннего сгорания, в том числе и изобретатель Р. Дизель (РГИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 293). Всего в работе съезда принимали участие около 200 человек. Это были известные русские специалисты, такие, как профессора Н.А. Быков, В.И. Гриневецкий, Г.Ф. Депп, Н.Р. Брилинг, Д.С. Зернов, В.П. Аршаулов и др., представители всех русских заводов, строивших двигатели, и многих организаций, связанных с эксплуатацией двигателей. Из числа иностранных специалистов, помимо Р. Дизеля, присутствовали также немецкий инженер и авиаконструктор, профессор Г. Юнкерс и инженер К. Винанда (немецкий завод нефтяных двигателей «Отто Дейтц»). Работа съезда проходила в семи секциях (двигатели стационарные; применение ДВС для нужд сельского хозяйства, кустарной промышленности и домашнего обихода; двигатели, применяемые для передвижения по воде; двигатели для передвижения по различным дорогам; двигатели для воздухоплавания; турбины внутреннего сгорания; различные сорта горючего, потребляемого ДВС) и была организована так, что первую половину дня участники посещали заводы – общества Лесснер, Людвиг Нобеля, первого Российского товарищества воздухоплавания, лаборатории тепловых двигателей Санкт-Петербургского политехнического института, электрическую станцию Санкт-Петербургского общества электрических сооружений, а затем слушали научные доклады (Труды..., 1910). Накануне съезда 24 апреля 1910 г. открылась первая в России Международная выставка двигателей внутреннего сгорания, которую посетило 16 тысяч человек. Впервые была создана экспертная комиссия по проведению испытаний работы двигателей внутреннего сгорания различных производителей, в которую вошли известные специалисты-теплотехники, среди них профессора Санкт-Петербургского технологического института Г.Ф. Депп и Н.А. Быков. В трудах экспертной комиссии отмечалось: «Выставка явилась первым опытом массового испытания однородных двигателей, так как все испытания произведены одними и теми же лицами и приборами, одними и теми же методами и приблизительно в одинаковых условиях, есть основание считать, что неизбежные при всяких испытаниях погрешности были одинаковыми для всех испытанных двигателей» (Труды экспертной..., 1910).

В этом же, 1910 году, с 1 июля по 25 сентября в Екатеринославле проходила «Южно-Русская областная промышленная, сельскохозяйственная и кустарная выставка». Почетным попечителем выставки стал П.А. Столыпин. На выставке демонстрировались достижения в сельском хозяйстве, сельхозмашиностроении, других отраслях промышленности и кустарных промыслах. Особый интерес у посетителей вызвали сельскохозяйственные машины, представленные в большом количестве, произведенные в основном российскими заводами (из Одессы, Елисаветграда, Николаева, Харькова, Сорново, Коломны, Прибалтики). Здесь же экспонировалась и зарубежная техника. Возможности многих новых машин демонстрировались непосредственно в деле, на близлежащих, отведенных для этого полях (самосбрасывающая жатка, паровые плуги, сеялки и др.). В альбоме, посвященном описываемой выставке, говорится: «Отметим особо еще акционерные общества Коломенского завода

и Мальцовских заводов, показавшие в своих собственных павильонах, что русское сельскохозяйственное машиностроение ничем не уступает заграничному производству» (Альбом..., 1911). В 1915 г. в своем технико-экономическом исследовании «Русское производство тепловых двигателей всех родов» крупный специалист-теплотехник, профессор и директор Императорского Московского технического училища В.И. Гриневецкий дал общую характеристику развития русского производства тепловых двигателей с 1900 по 1912 гг. Анализируя состояние русского производства по всем видам тепловых двигателей, он писал: «Производство двигателей внутреннего сгорания прогрессирует чрезвычайно быстро и составляет теперь решительно преобладающую и наиболее жизненную отрасль нашего производства тепловых двигателей» (Гриневецкий, 1915: 123).

В начале XX в. во всем мире начался бум в новой области машиностроения – авиастроения. В России эта отрасль получила развитие, и началом широкого строительства опытных летательных аппаратов стал 1909 г. В апреле 1911 г. в Петербурге прошел организованный ИРТО первый Всероссийский воздухоплавательный съезд под председательством Н.Е. Жуковского, к участию были привлечены члены правительства, морские офицеры (вопросам использования авиации в военно-морском флоте России было уделено много внимания). Был представлен как заслуживающий признания аэроплан инженера Я. Гаккеля, созданный первым в России авиастроительным заводом «Первое российское товарищество воздухоплавания «С.С. Шетинин». Промышленный подъем в России в 1890-е гг. и появление крупных заводов с их большими производственными и техническими возможностями, а также научный и инженерный талант Д.И. Менделеева (по его инициативе в 1880 г. в ИРТО был организован VII – воздухоплавательный – отдел (РГИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 809), Д.К. Чернова, К.Э. Циолковского, Н.Е. Жуковского, А.Ф. Можайского и других русских ученых позволили заложить основы отечественной авиации. В ИРТО на заседаниях воздухоплавательного отдела рассматривались уникальные изобретения летательных аппаратов русских инженеров – О.С. Костовича (1883 г.) (Записки..., 1883: 123-126), Е.С. Федорова (1888 г.) (Записки..., 1888), двухтактный ротативный авиационный двигатель А.Г. Уфимцева, аэростат К.Э. Циолковского (1890 г.).

О том, что мнение и компетентность членов ИРТО имели большое значение для правительственных кругов России, говорит просьба, с которой в 1909 г. в ИРТО обратился один из представителей императорской семьи: «Считал бы весьма своевременным, чтобы четвертый отдел выяснил средства отечественной промышленности на случай усиления флота, дабы обойтись без помощи иностранцев» (Об усилении..., 1909: 3). Под председательством военного моряка и гидрографа Н.Н. Беклемишева состоялось обсуждение вопроса об усилении отечественного флота в IV отделе ИРТО, и его материалы опубликованы для всей российской общественности в приложении к журналу-сборнику «Море». После поражения русского флота в Русско-японской войне 1905 г. членами ИРТО обсуждались меры по восстановлению отечественного флота, среди которых – «распределение казенных (государственных) заказов на постройку военных судов русским заводам, организация при Главном управлении торгового мореплавания специального бюро по разработке типовых конструктивных чертежей, для сосредоточения сведений по теоретическим и прикладным вопросам судостроения и для распространения их путем периодического справочного издания, ... желательно введение в курсы кораблестроения технических учебных заведений программы, отвечающей практическим требованиям жизни и дела» (Об усилении..., 1909: 7). В выступлениях члены ИРТО отстаивали точку зрения о строительстве флота силами русской промышленности: «все, что строится для флота, должно быть построено в России», иначе в случае войны «мы от заграницы ни полкорабля не получим» (Об усилении..., 1909: 44). Протокол заседания ИРТО содержал обращение к представителям промышленности содействовать предлагаемому усилению военного флота, он поступил во все отделения ИРТО, а также к председателю Совета министров П.А. Столышину. Здесь государственная политика, проводимая Столыпиным, последовательным и решительным сторонником укрепления военно-стратегической мощи России, продвигавшим идею строительства своего флота и укрепления его могущества, совпадала с мнением научно-технической интеллигенции и представителями промышленного капитала (Пожигайло, Шелохаев, 2005: 105, 173). О готовности немедленно приступить к выполнению заказов Морского министерства высказались заводы Общества франко-русских заводов, Общества судостроительных, механических и литейных заводов в Николаеве, Общество продажи изделий русских металлургических заводов, Рижский судостроительный завод «Ланге и сын», Петербургский металлургический завод (Об усилении..., 1909). Все они подтвердили готовность исполнять заказы, в своих письмах, направленных в ИРТО, писали о том, что для этого достаточно оборудования, металла и рабочей силы.

Укрепление военно-промышленного комплекса России стало одним из приоритетов государственной политики начала XX века. В условиях импортозамещения создавались новые отрасли промышленности, среди них двигателестроение, становление которого во многом связано с деятельностью ИРТО. Все эти достижения были бы невозможны, если бы в Российской империи не была бы проведена реформа среднего и высшего технического образования, создан соответствующий «образовательный потенциал», в котором инженеры представляли особую часть общества, элиту технических кадров, способствовавшую экономическому и техническому подъему России (Соловьев и

др., 2017). Во время правления Николая II целенаправленно осуществлялась государственная политика развития технического образования: массово открывались новые инженерные вузы по всей стране – в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Варшаве, Самаре, Екатеринославле, Томске и других крупных городах. Выпуски инженеров из этих институтов начались после 1904 г., а серьезные кадровые вливания русская промышленность получила в 1908–1909 гг. (Смык, 2014).

Роль научно-технической общественности в развитии русского машиностроения заключалась в публичном обсуждении и отстаивании поощрительной экономической политики для отечественных производителей, главными элементами которой были установление высоких таможенных тарифов, предоставление выгодных государственных заказов, установление льготных железнодорожных тарифов, государственных субсидий и кредита, выдача специальных премий за вывоз товаров отечественной промышленности.

Вместе с развитием промышленности и появлением новых отраслей – автомобилестроения, воздухоплавания – ИРТО стало расширять сферу своей деятельности, выступало от имени всего научно-технического сообщества, стремилось к консолидации профессиональных групп отечественных инженеров. Количественные оценки ключевых показателей развития системы инженерного образования показывают, что «Россия уже между 1904 и 1914 годами (вместе с США) стала мировым лидером в области технического образования, обойдя Германию» (Сапрыкин, 2009: 46). В 1912 г. в ИРТО была создана комиссия по разработке вопроса о созыве в ближайший год Всероссийского съезда инженеров. По мнению комиссии, к участию в предполагаемом съезде «желательно привлечь инженеров всех специальностей из числа русских подданных, имеющих диплом об окончании какой-либо (русской или иностранной) высшей технической школы» (РГИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 302. Л. 1). Идея о созыве съезда зародилась среди московских и петербургских инженеров и технологов, которые считали, что, помимо выяснения многих общих для инженеров разных специальностей вопросов, «съезд мог бы положить начало объединению русских техников на почве общей научно-технической работы».

Первоначально представление о том, что инженерно-технические объединения должны взять на себя важные функции экспертной оценки технических проектов, определения стандартов безопасности, эксплуатационной надежности, шло от различных немецких объединений инженеров и техников, критиковавших чрезмерно жесткую государственную регламентацию, которая могла превратиться в препятствие техническому прогрессу, и предлагавших делегировать регламентирующие функции инженерно-техническим союзам. Эти идеи сыграли большую роль и повлияли на самосознание российских инженеров того времени. Возрастание самосознания инженеров, укрепление их ведущего положения в современном обществе требовали широкого обсуждения.

В ИРТО была создана комиссия по подготовке Всероссийского съезда инженеров, которая вела большую работу по рассылке информации о программе съезда, составлению анкеты (она называлась опросным листком), по организации совещаний, на которых рассматривались материалы созываемого съезда. Примерная программа съезда содержала следующие вопросы для обсуждения: 1) научные, научно-технические и общественно-технические вопросы; 2) корпоративные и профессионально-правовые вопросы; 3) современная постановка технического образования; 4) издание общего технического журнала; 5) организация периодических съездов инженеров. Предполагалось обсудить не только проблемы, касающиеся роли инженеров в экономическом развитии страны, но и, что принципиально важно для развития промышленности, социальные вопросы, связанные со статусом инженера в обществе. В опросном листке была предпринята попытка социологически изучить мнение представителей технической интеллигенции о проблемах, которые и в настоящее время отражают процессы, происходящие в этом социальном слое (Макаренко, 2010; Макаренко и др., 2018).

В опросном листке содержалась 45 вопросов, которые можно разделить по блокам: профессиональный, образовательный, социальных гарантий, материального обеспечения, поддержки проводимой экономической и промышленной политики, научного сопровождения инженерного труда и др. Опросные листки рассылались по всем отделениям ИРТО, к концу 1913 г. предполагалось завершить их обработку и начать подготовку к проведению съезда. В протоколе совещания, которое состоялось 23 апреля 1913 г. в Петербурге в правлении ИРТО, записано: «Желательно созвать съезд инженеров в 1914 г., обсудив экономическое положение инженеров и их роль в экономическом развитии страны». Протокол подписали Д.С. Зернов – председатель общества технологов в Санкт-Петербурге, Е.Л. Зубашев – Южно-Русское общество технологов, И.И. Бобарыков – Общество сибирских инженеров, А. Корчагин – Московское политехническое общество (РГИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 302. Л. 4).

В связи с тем, что Россия вступила в Первую мировую войну, в ИРТО 16 августа 1914 г. поступил ответ из Министерства внутренних дел: «В виду переживаемых ныне событий Министерство признало несвоевременным созыв в Санкт-Петербурге с 26 декабря сего года по 5 января 1915 г. Первого Всероссийского съезда инженеров» (РГИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 302. Л. 8). Начавшаяся война подвела Российскую империю к революционному свержению существующего строя, открыв новый путь развития, в котором трансформировалась сама деятельность ИРТО. А планы ИРТО по созыву

Первого Всероссийского съезда инженеров и объединению инженерного сообщества России остались нереализованными. Съезд не состоялся, а вместе с ним были упущены возможности решения многочисленных проблем, связанных с решением научно-технических и общественно-политических вопросов деятельности инженеров.

Одна из основных проблем, которая остается нерешенной и сегодня, заключается в том, что российские инженеры были и сейчас остаются пионерами в области разработки многих технологий, но мировое признание получают не отечественные изобретатели, а те, кто сумел на практике применить свое изобретение или открытие. В области инноваций, когда идет процесс коммерциализации изобретений и создаются новые технологии, мы по-прежнему являемся слабым игроком. Так было в XVIII в. во времена изобретателя парового двигателя И.И. Ползунова, в XIX в. – изобретателя радио А. Попова и изобретателя лампы накаливания А. Лодыгина, в XX в. – создателя транзисторного радиоприемника О. Лосева. Этот список изобретений, где российские инженеры были первыми, можно продолжать. Одно из решений данной проблемы видится в создании условий, когда общество ценит и культивирует такие качества, как способность к изобретению и практичность, креативность, а экономическая система обеспечивает инвестиционные возможности.

5. Заключение

Императорское Русское техническое общество во второй половине XIX – начале XX вв. внесло существенный вклад в развитие отечественного машиностроения, отстаивая интересы отечественных производителей, развивая техническое образование всех уровней, поддерживая идеи консолидации инженерного сообщества. Необходимо отметить, что феномен исключительно высокой эффективности на протяжении нескольких десятилетий деятельности ИРТО во многом связан с патриотическими настроениями технической интеллигенции, которая собственными силами смогла реализовать масштабные научные и просветительские проекты, направленные на развитие отечественной промышленности и обеспечила ее переход на индустриальный путь.

Достойные представители ИРТО, выпускники высших технических учебных заведений Российской империи, обладали не только глубокими научными и практическими знаниями, но и лучшими нравственными и моральными качествами, свойственными российской интеллигенции в целом. Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. в России начала складываться новая социально-профессиональная общность: техническая интеллигенция. Это была элитарная, высокообразованная когорта кадров, способствовавшая экономическому и техническому подъему России, выходу страны на качественно новый уровень промышленного производства, развития науки и техники, расширения профессионального технического образования.

Анализ деятельности ИРТО показывает, что одним из главных социально-исторических уроков является необходимость консолидации усилий государства, общественных организаций, предпринимательских кругов вокруг решения задач развития промышленности и экономической независимости России.

Литература

- Альбом, 1911** – Альбом Южнорусской областной сельскохозяйственной, промышленной и кустарной выставки в Екатеринославе 1910 года. СПб.: Б.Н. Клебанов, 1911. 275 с.
- Бессолицын, 2016** – Бессолицын А.А. Государство и отраслевые съезды предпринимателей в России в конце XIX – начале XX в.: проблемы и механизмы взаимодействий. М., 2016. 75 с.
- Брэдди, 2012** – Брэдди Дж. Общественные организации царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
- В память..., 1889** – В память о Людвиге Эмануиловиче Нобеле. СПб.: Тип. «Арт. журн.», 1889. 16 с.
- Горький, 1896** – Горький М. Машинный отдел // *Нижегородский листок*. 1896. 17 авг. С. 3.
- Гриневецкий, 1915** – Гриневецкий В.И. Русское производство тепловых двигателей всех родов // *Вестник инженеров*. 1915. Т. 1. № 4. С. 123.
- Записки, 1883** – Записки И.Р.Т.О. СПб., 1883. Вып. 2. Отд. 11. С. 123-126.
- Записки, 1888** – Записки И.Р.Т.О. СПб., 1888. № 1. С. 48-98.
- Карелин, 1990** – Карелин В.А. Школы русского технического общества для рабочих и их детей // *Советская педагогика*. 1990. № 2. С. 114-120.
- Коршунов, 2016** – Коршунов С.В. Промышленники, купцы, инженеры Листы. В кн.: Русская система обучения ремеслам. Истоки и традиции. Т. II. М.: НОЦ «Контролинг и управленческие инновации» МГТУ им. Н.Э. Баумана; ООО «Высшая школа Инженерного бизнеса», 2016. С. 131-162.
- Костомаров, 1957** – Костомаров В.М. Из деятельности Русского технического общества в области машиностроения. М.: Машгиз, 1957. 178 с.
- Кузьмина, 2010** – Кузьмина О.В. К вопросу о подготовке квалифицированных кадров для русской промышленности на рубеже XIX–XX вв. (Съезд русских деятелей по профессиональному и техническому образованию) // *Научно-технический вестник Санкт-Петербургского*

государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2010. № 4 (68). С. 113-116.

[Львов, 1867](#) – Львов Ф.Н. О необходимых мерах для развития в России машиностроительного дела: Доклад Комиссии Совету РТО. СПб., 1867. 31 с.

[Макаренко, 2010](#) – Макаренко Е.И. Социальная база технической интеллигенции в условиях кризиса // *Социологические исследования*. 2010. № 10. С. 26-29.

[Механический завод, 1912](#) – Механический завод Людвиг Нобель: 1862–1912. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1912. 160 с.

[Об усилении, 1909](#) – Об усилении флота средствами отечественной промышленности. Беседа при IV отделе Императорского Русского технического общества. СПб., 1909. 72 с.

[Пожигаило, Шелохаев, 2005](#) – *Пожигаило П.А., Шелохаев В.В.* Петр Аркадьевич Столыпин: интеллект и воля. М.: РОССПЭН, 2005. 239 с.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Рыжов, 2013](#) – Рыжов С.Д. Просветительская деятельность постоянной комиссии по техническому образованию Русского технического общества // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2013. № 6 (60). С. 82-89.

[Сапрыкин, 2009](#) – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

[Смык, 2014](#) – Смык А.Ф. От Императорского инженерного училища к отраслевым транспортным институтам (1810–1930) // *Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)*. 2014. № 2 (37). С. 3-14.

[Смык и др., 2016](#) – Смык А.Ф., Спиридонова Л.В., Спиридонов А.А. Императорское Русское техническое общество и развитие двигателестроения в России // *Грузовик*. 2016. № 6. С. 33-41.

[Смык и др., 2017](#) – Смык А.Ф., Спиридонова Л.В., Спиридонов А.А. Густав Лист – изобретатель двигателя внутреннего сгорания // *Грузовик*. 2017. № 12. С. 40-44.

[Туманова, 2002](#) – Туманова А.С. Власть и технический прогресс: воздухоплавательные и автомобильные общества дореволюционной России под наблюдением департамента полиции // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2002. № 4. С. 787-794.

[Туманова, 2008](#) – Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.

[Труды съезда, 1875](#) – Труды Съезда главных по машиностроительной промышленности деятелей. Вып. 1: Доклады. СПб., 1875. 381 с.

[Труды Съезда, 1910](#) – Труды Съезда деятелей, занимающихся построением и применением двигателей внутреннего сгорания. СПб., 1910. 178 с.

[Труды экспертной, 1910](#) – Труды Экспертной комиссии Международной выставки двигателей внутреннего сгорания, устроенной Императорским Русским техническим обществом в 1910 г. в С.-Петербурге / Сост. Д.П. Титов; ред. Н.А. Быков. СПб., 1910. 152 с.

[Филиппов, 1965](#) – Филиппов Н.Г. Съезды, созванные Русским техническим обществом в 1870–1904 гг. // *Труды Московского государственного историко-архивного института*. 1965. Т. 19. С. 217-272.

[Akoyeva et al., 2018](#) – Akoyeva N.B., Denisov N.G., Karapetyan L.A. Pages of History of Imperial Russian Military and Historical Society // *Bylye Gody*. 2018. № 47 (1). pp. 402-410.

[Danilov, 2016](#) – Danilov A.G. Finishing touches to the portrait of Kuban intelligentsia at the turn of the XIX-XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. № 40 (2). pp. 479-488.

[Kattsina et al., 2017](#) – Kattsina T.A., Marinenko L.E., Pashina N.V., Vakulina E.A. Russian Societies of the Mutual Credit in the years of Economic Recovery (1909–1913) // *Bylye Gody*. 2017. № 43 (1). pp. 265-273.

[Makarenko et al., 2018](#) – Makarenko E.I., Petrova L.G., Solovyev A.N., Prikhodko V.M. Assessing the Needs of Technical Intelligentsia for Professional Development // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2018. Vol. 715. pp. 233-238. DOI: 10.1007/978-3-319-73210-7_28.

[Samokhin, Korolyova, 2017](#) – Samokhin K.V., Korolyova L.Yu. The Military Factor and the Mobilization Wave Mechanism as the Main Features of Modernization in Russia during the Imperial Period // *Bylye Gody*. 2017. № 46 (4). pp. 1219-1228.

[Solovyev et al., 2017](#) – Solovyev A.N., Petrova L.G., Prikhodko V.M., Makarenko E.I. Quality of Study Programmes or Quality of Education // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2017. Vol. 544. pp. 362-366. DOI 10.1007/978-3-319-50337-0_34.

References

[Al'bom, 1911](#) – Al'bom Juzhno-russkoj oblastnoj sel'skohozjajstvennoj, promyshlennoj i kustarnoj vystavki v Ekaterinoslave 1910 goda [Album of the Southern Russian regional agricultural, industrial and handicraft exhibition in Ekaterinoslav of 1910]. SPb., 1911. 275 p. [in Russian].

[Bessolicyn, 2016](#) – Bessolicyn A.A. (2016). Gosudarstvo i otraslevye s#ezdy predprinimatelej v Rossii v konce XIX – nachale XX v.: problemy i mehanizmy vzaimodejstvij [The state and branch congresses of businessmen in Russia at the end of XIX – the beginning of the 20th century: problems and mechanisms of interactions]. Moscow, 75 p. [in Russian].

- Brjedli, 2012** – *Brjedli Dzh.* (2012). Obshhestvennyye organizacii carskoj Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshhestvo [Voluntary associations in tsarist Russia: science, patriotism, and civil society]. Moscow, Novyj hronograf, 448 p. [in Russian].
- V pamjat', 1889** – V pamjat' o Ljudvige Jemanuiloviche Nobele [In memory of Ludwig Emanuilovich Nobel]. SPb., 1889. 16 p. [in Russian].
- Gor'kij, 1896** – *Gor'kij M.* (1896). Mashinnyj otdel [Machine department]. *Nizhegorodskij listok.* 17 avg. p. 3. [in Russian].
- Grineveckij, 1915** – *Grineveckij V.I.* (1915). Russkoe proizvodstvo teplovyh dvigatelej vseh rodov [Russian production of heat engines of all childbirth]. *Vestnik inzhenerov.* Vol. 1. № 4. P 123. [in Russian].
- Zapiski, 1883** – Zapiski I.R.T.O. [Notes of the Russian technical society]. SPb., 1883. Vyp. 2. Otd. 11. pp. 123-126. [in Russian].
- Zapiski, 1888** – Zapiski I.R.T.O. [Notes of the Russian technical society]. SPb., 1888. № 1. pp. 48-98. [in Russian].
- Karelin, 1990** – *Karelin V.A.* (1990). Shkoly russkogo tehničeskogo obshhestva dlja rabochih i ih detej [Schools of the Russian technical society for workers and their children]. *Sovetskaja pedagogika.* № 2. pp. 114-120. [in Russian].
- Kostomarov, 1957** – *Kostomarov V.M.* (1957). Iz dejatel'nosti Russkogo tehničeskogo obshhestva v oblasti mashinostroenija [From activity of the Russian technical society in the field of mechanical engineering]. Moscow. 178 p. [in Russian].
- Kuz'mina, 2010** – *Kuz'mina O.V.* (2010). K voprosu o podgotovke kvalificirovannyh kadrov dlja russkoj promyshlennosti na rubezhe XIX-XX vv. (Sezd russkih dejatelej po professional'nomu i tehničeskomu obrazovaniju) [To a question of training of qualified personnel for the Russian industry at a boundary of the 19-20th centuries. (A congress of the Russian figures on professional and technical education)]. *Nauchno-tehničeskij vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta informacionnyh tehnologij, mehaniki i optiki.* № 4 (68). pp. 113-116. [in Russian].
- L'vov, 1867** – *L'vov F.N.* (1867). O neobhodimyh merah dlja razvitija v Rossii mashinostroitel'nogo dela: Doklad Komissii Sovetu RTO [About necessary measures for development in Russia of machine-building business]. SPb. 31 p. [in Russian].
- Makarenko, 2010** – *Makarenko E.I.* (2010). Social'naja baza tehničeskij intelligencii v uslovijah krizisa [Social base of the technical intellectuals in the conditions of crisis]. *Sociologičeskie issledovanija.* № 10. pp. 26-29. [in Russian].
- Mehanicheskiy zavod, 1912** – *Mehanicheskiy zavod Ljudvig Nobel': 1862-1912* [Mechanical plant Ludwig Nobel: 1862-1912]. SPb, 1912. 160 p. [in Russian].
- Ob usilenii, 1909** – *Ob usilenii flota sredstvami otechestvennoj promyshlennosti.* Beseda pri IV otdel Imperatorskogo Russkogo tehničeskogo obshhestva [About strengthening of the fleet means of the domestic industry. A conversation at IV department of Imperial Russian technical society]. SPb., 1909. 72 p. [in Russian].
- Pozhigajlo, Shelohaev, 2005** – *Pozhigajlo P.A., Shelohaev V.V.* (2005). Petr Arkad'evich Stolypin: intellekt i volja [Pyotr Arkadyevich Stolypin: intelligence and will]. Moscow. 239 p. [in Russian].
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv [Russian state historical archive].
- Ryzhov, 2013** – *Ryzhov S.D.* (2013). Prosvetitel'skaja dejatel'nost' postojannoj komissii po tehničeskomu obrazovaniju Russkogo tehničeskogo obshhestva [Educational activity of the constant commission on technical education of the Russian technical society]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura.* № 6 (60). pp. 82-89. [in Russian].
- Saprykin, 2009** – *Saprykin D.L.* (2009). Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj Imperii [Educational capacity of the Russian Empire]. Moscow. 176 p. [in Russian].
- Smyk, 2014** – *Smyk A.F.* (2014). Ot Imperatorskogo inženernogo uchilishha k otraslevym transportnym institutam (1810-1930) [From the Imperial Engineering School to the transport industry institutions (1810-1930)]. *Vestnik Moskovskogo avtomobil'no-dorozhnogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (MADI).* № 2 (37). pp. 3-14. [in Russian].
- Smyk et al., 2016** – *Smyk A.F., Spiridonova L.V., Spiridonov A.A.* (2016). Imperatorskoe Russkoe tehničeskoe obshhestvo i razvitie dvigatelestroenija v Rossii [The Imperial Russian Technical Society and Engine Building Development in Russia]. *Gruzovik.* № 6. pp. 33-41. [in Russian].
- Smyk et al., 2017** – *Smyk A.F., Spiridonova L.V., Spiridonov A.A.* (2017). Gustav List-izobretatel' dvigatelja vnutrennego sgoranija [Gustav List - the Inventor of the Internal Combustion Engine]. *Gruzovik.* № 12. pp. 40-44.
- Tumanova, 2002** – *Tumanova A.S.* (2002). Vlast' i tehničeskij progress: vozduhoplavitel'nye i avtomobil'nye obshhestva dorevoljucionnoj Rossii pod nabljudeniem departamenta policii [Power and technical progress: aeronautic and automobile societies of pre-revolutionary Russia under observation of department of police]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki.* № 4. pp. 787-794.
- Tumanova, 2008** – *Tumanova A.S.* (2008). Obshhestvennyye organizacii i russkaja publika v nachale XX veka [Public organizations and the Russian public at the beginning of the XX century]. Moscow. 328 p.
- Trudy Sezda, 1875** – *Trudy Sezda glavnyh po mashinostroitel'noj promyshlennosti dejatelej.* Vyp. 1: Doklady [Congress of the figures, main on mechanical engineering industry. Issue 1: Reports]. SPb., 1875. 381 p.

Trudy Sezda, 1910 – Trudy Sezda dejatelej, zanimajushihhsja postroeniem i primeneniem dvigatelej vnutrennego sgoranija [Works of the Congress of the figures who are engaged in construction and use of internal combustion engines]. SPb., 1910. 178 p.

Trudy jekspertnoj, 1910 – Trudy Jekspertnoj komissii Mezhdunarodnoj vystavki dvigatelej vnutrennego sgoranija, ustroennoj Imperatorskim russkim tehničeskim obshhestvom v 1910 g. v S.-Peterburge [Works of Commission of experts of the International exhibition of internal combustion engines organized with Imperial Russian technical society in 1910 in St.-Petersburg]. SPb., 1910. 152 p.

Filippov, 1965 – *Filippov N.G.* (1965). Sezdy, sozvannye Russkim tehničeskim obshhestvom v 1870-1904 gg. [The congresses convened by the Russian technical society in 1870-1904]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arhivnogo instituta*. Vol. 19. pp. 217-272.

Akoyeva et al., 2018 – *Akoyeva N.B., Denisov N.G., Karapetyan L.A.* (2018). Pages of History of Imperial Russian Military and Historical Society. *Bylye Gody*. № 47 (1). pp. 402-410. [in Russian].

Danilov, 2016 – *Danilov A.G.* (2016). Finishing touches to the portrait of Kuban intelligentsia at the turn of the XIX-XX centuries. *Bylye Gody*. № 40 (2). pp. 479-488. [in Russian].

Kattsina et al., 2017 – *Kattsina T.A., Marinenko L.E., Pashina N.V., Vakulina E.A.* (2017). Russian Societies of the Mutual Credit in the years of Economic Recovery (1909–1913). *Bylye Gody*. № 43 (1). pp. 265-273. [in Russian].

Makarenko et al., 2018 – *Makarenko E.I., Petrova L.G., Solovyev A.N., Prikhodko V.M.* (2018). Assessing the Needs of Technical Intelligentsia for Professional Development. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 715. pp. 233-238. DOI: 10.1007/978-3-319-73210-7_28.

Samokhin, Korolyova, 2017 – *Samokhin K.V., Korolyova L.Yu.* (2017). The Military Factor and the Mobilization Wave Mechanism as the Main Features of Modernization in Russia during the Imperial Period // *Bylye Gody*. № 46 (4). pp. 1219-1228. [in Russian].

Solovyev et al., 2017 – *Solovyev A.N., Petrova L.G., Prikhodko V.M., Makarenko E.I.* (2017). Quality of Study Programmes or Quality of Education. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 544. pp. 362-366. DOI 10.1007/978-3-319-50337-0_34.

Деятельность Императорского русского технического общества, направленная на развитие отечественной промышленности (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Александра Федоровна Смык^{a, *}, Екатерина Игоревна Макаренко^a

^a Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы взаимодействия российского государства с крупнейшей общественной организацией – Императорским русским техническим обществом (ИРТО) – в области развития отечественной техники и промышленности, а также формирования ее социальной базы – технической интеллигенции.

На основе архивных данных, периодических изданий ИРТО и мемуаров известных ученых, государственных и общественных деятелей того времени показана значительная роль ИРТО в развитии как традиционных, так и новых отраслей машиностроения: двигателестроения, авто- и авиастроения, в модернизации военного флота силами отечественной промышленности.

Рассмотрен вклад отдельных деятелей – представителей научно-педагогического сообщества, крупного промышленного капитала, который позволяет сделать вывод о существенных практических результатах, достигнутых ИРТО по развитию отечественной промышленности и в целом способствовавших экономической независимости России. Авторы обращают внимание на существовавшую связь между высшим техническим образованием и высокими идеалами служения родине, которая характеризовала представителей высших технических учебных заведений и класса промышленной буржуазии, объединившихся в ИРТО.

Исследована деятельность ИРТО по проведению различных Всероссийских съездов деятелей, занимающихся вопросами машиностроения, промышленных выставок, поддержке ведущих ученых и профессоров, а также шаги по пути консолидации всего научно-технического сообщества.

Особое место в работе отводится изучению вопросов взаимодействия власти, предпринимательских кругов и формирующейся отечественной технической интеллигенции.

Ключевые слова: Императорское русское техническое общество, модернизация отечественной промышленности, машиностроение, техническая интеллигенция, Всероссийские отраслевые съезды, промышленные выставки.

* Корреспондирующий автор

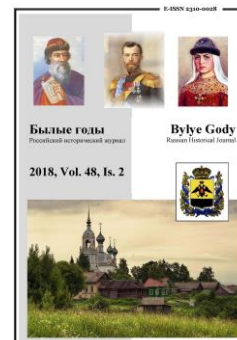
Адреса электронной почты: afsmysk@mail.ru (А.Ф. Смык), makarenko_madi@mail.ru (Е.И. Макаренко)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 610-617. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.610
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Features of Migration Processes and their Influence on the Formation of the Working Class in Russia in the second half of XIX – early XX centuries

Oksana V. Ustinova^{a, *}, Vladislav E. Dudin^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the role of migration processes in the formation of the working class in the second half of XIX - early XX centuries. Due to the high migration activity of the population during the study period, which led to an increase in the number of factories and private enterprises, the active development of new deposits of resources in the newly populated areas, Russia has strengthened its global position in economic development. It is shown that the working class, the number of which in the country for the period from 1860 to 1900 increased to 14 million people, was the most actively formed in the Central part of Russia, in contrast to the remote regions, where agriculture traditionally prevailed. However, in remote regions during this period gradually begin to master classes related to the processing, processing of raw materials, as well as different types of production in the industry.

It is established that migration activity was shown depending on the assumed territory of migration or resettlement and its reasons: long-range agricultural resettlement to the newly developed territories of Siberia, the Far East, the Volga region, the Caucasus; mass resettlement from the village to the city related to the search for permanent employment; seasonal waste disposal for work in industry and agriculture.

Keywords: Russian Empire, migration processes, migration, industrial revolution, working class, proletariat.

1. Введение

Особая роль в экономическом развитии Российской империи принадлежит индустриально-промышленной миграции в города во второй половине XIX – начале XX вв. В русле общемировых тенденций, промышленной революции (Новая..., 1984; Соловьева, 1990) осуществлялось внедрение новых технологий, создание промышленной индустрии. Отмена крепостного права в 1861 г., кардинально изменившая структуру занятости населения (Ustinova, Farakhutdinov, 2018), сформировала класс наемных рабочих, способных обеспечить собственное существование только за счет продажи своего труда.

К 1900 г. общая численность рабочих достигает 14 млн человек. Миграционные процессы становятся одним из факторов увеличения числа фабрик и частных предприятий, укрепляя общемировые позиции Российской империи в экономическом развитии. В 1913 г. Россия, благодаря освоению новых залежей ресурсов на вновь заселенных территориях, занимает пятое место в мире по экономическому развитию (Алхазашвили, 2012: 12).

2. Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили результаты Первой всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г., отражающие социально-экономическое положение населения Российской империи с точки зрения занятости населения, его распределения по видам занятий, численности занятых, месту проживания.

* Corresponding author

E-mail addresses: ustinovaov@tyuiu.ru (O.V. Ustinova), kryter@mail.ru (V.E. Dudin)

Решение исследовательских задач осуществлялось посредством использования научных методов, таких, как исторический анализ, который позволил провести научную обработку архивных данных первой переписи населения, характеризующих социально-экономические условия в исследуемый период по различным регионам; вторичный анализ результатов исследований, отображающих численность и половозрастной состав рабочих на фабриках, заводах Западной и Восточной части Российской империи, а также наиболее популярные виды занятости среди рабочего класса; статистико-корреляционный анализ, посредством которого выявлялась взаимозависимость миграционных процессов и развития промышленной индустрии в стране.

3. Обсуждение

Миграция населения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. явилась предметом научных интересов многих ученых, исследующих внутреннюю миграцию (Шатковская, 2016); внешнюю (Дукарт, Маренкова, Нехорошаев, 2013); расселение населения, обусловленное, помимо прочего, миграцией (Кабузан, 2004); государственную политику регулирования миграции (Толочко, 2003). Миграционные процессы в Российской империи активно обсуждались и зарубежными учеными современниками (Treadgold, 1957; Burds, 1998).

Особый научный интерес представляют работы, посвященные исследованию миграции и ее влияния на жизнедеятельность населения в отдельных регионах и губерниях страны в исследуемый период (Кауфман, 1905; Пронин, 1984; Томилов, 2015; Моисеенко, 2008).

Поскольку статья посвящена роли миграции в становлении рабочего класса в исследуемый период, также внимания заслуживают работы ученых, исследующих тенденции формирования и особенности жизнедеятельности рабочего класса в конце XIX – начале XX вв. (Гессен, 1927; Рашин, 1958; Соловьева, 1990; Миронов, 1999; Куприянова, 2000; Храмов, 2014).

Тем не менее работ, всецело посвященных выявлению и анализу роли миграционных процессов на формирование рабочего класса в Российской империи в исследуемый период, на сегодняшний день не представлено, что делает заявленную тему особенно актуальной.

4. Результаты

Подписание манифеста Александром II об «отмене крепостного права» положило начало формированию свободного рынка наемного труда людей, которые были лишены средств производства. Они, «разорвав связь с землей» и с собственным хозяйством, были вынуждены жить исключительно продажей своей рабочей силы, занимаясь производственным трудом на фабриках и заводах.

Отмена крепостного права спровоцировала рост миграции юридически свободного крестьянства, которую условно можно разделить на дальние земледельческие переселения на вновь осваиваемые территории Сибири, Дальнего Востока, Заволжья, Предкавказья; массовые переселения из села в город, связанные с поиском постоянной работы; сезонное отходничество для работы в промышленности и сельском хозяйстве.

В послереформенные годы численность рабочих увеличилась почти в 4 раза: в 1860 г. на крупных капиталистических предприятиях трудилось 720 тыс. чел., а к 1900 г. их число увеличилось до 2,81 млн чел. (Куприянова, 2000: 50). Основными причинами столь значительного роста стали: стремление населения к заработку и пропитанию собственных семей; бегство крестьян от помещиков и потеря земли; потеря прибыли от собственных промысловых занятий (выстоять напор фабричной продукции было невозможно); экономический кризис; строительство крупномасштабных промышленных и транспортных объектов (Транссибирская магистраль); неразвитое законодательство о регулировании рабочего найма (большая часть рабочих были женщины, подростки и дети).

Миграционная подвижность населения в годы промышленного переворота значительно усилилась, повлияв на становление рабочего класса в Российской империи. Л.В. Куприянова отмечает, что «система наемного труда стала основой развития народного хозяйства России. Быстрое развитие капитализма в пореформенный период умножало ряды наемных рабочих, превращало их в класс российского общества» (Куприянова, 2000: 52).

Российская промышленность за 20 лет, начиная с 1861 г., за счет притока мигрантов в индустриальные центры и увлечения рабочей силы смогла «выйти» и закрепиться на лидирующих позициях во многих отраслях: хлопчатобумажном производстве, горнодобывающей, текстильной, пищевой, металлообрабатывающей промышленности и т.д. (Куприянова, 2000).

В отдаленном от центра Сибирском регионе, где традиционно преобладающим было сельское хозяйство, постепенно начинают осваиваться занятия, связанные с обработкой, переработкой сырья, а также разных видов производства в промышленности: обработка волокнистых веществ; обработка животных продуктов; обработка дерева; обработка металлов; обработка минеральных веществ (керамические производства); производства химические и производства, связанные с ними; винокурение, пиво- и медоварение; производство прочих напитков и бродильных веществ; обработка растительных и животных питательных продуктов; полиграфические производства; производство инструментов физических, оптических, хирургических, музыкальных, часов, игрушек и проч.;

изготовление одежды; работы по устройству, ремонту и содержанию жилищ и строительные вообще; производство экипажей и постройка деревянных судов (Ustinova, Farakhutdinov, 2018: 373). Значительную долю среди рабочих составляло «пришное» население (табл. 1).

Таблица 1. Численность и процентное соотношение переселенцев, прибывших в Сибирь из различных районов страны (Кауфман, 1905: 198)

Из районов (наименования) / годы	Пришло в Сибирь душ: в среднем на каждый год периода и в процентах всего движения							
	1886 – 1890		1891 – 1895		1896 – 1900		1901 – 1903	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Северно-Черноземного	13049	60,9	32906	46,1	53840	36,5	14070	17,7
Среднего	2225	10,4	21327	30,2	31339	21,2	15738	19,8
Юго-Западного	-		85	0,1	4333	2,0	5630	7,1
Южно-Степного	-		467	0,7	8500	5,8	10973	13,8
Восточного и Юго-Восточного	786	3,8	7872	11,2	17430	11,8	3601	4,5
Промышленного	89	0,4	31	0,0	3039	2,4	1648	2,1
Западного	429	2	356	0,5	20296	13,8	22410	28,2
Северо-Восточного	3749	17,5	7519	10,7	5099	3,0	2950	3,7
Прибалтийского	-	-	53	0,0	1495	1,0	769	1,0
Точный район, откуда прибыли переселенцы, не установлен	1070	5,0	355	0,5	4249	2,5	1750	2,2
Итого	21397	100	71071	100	149620	100	79539	100

А.Г. Рашин отмечает, что в первые годы отмены крепостного права наемный труд не пользовался популярностью среди населения, так как в большинстве случаев на фабриках, мануфактурах и частных предприятиях раньше работали крепостные крестьяне (рабочие), которые при любой возможности сбегали от работодателей для работы на земле в собственных угодьях для обеспечения своего пропитания (Рашин, 1958). Но экономический кризис и неурожай в 1873, 1880 и 1883 гг. повлекли за собой голод, охвативший большую территорию Европейской части империи. Крестьяне, не имея возможности пропитаться, стремились в губернские центры и крупные города для поиска работы и возможности прокормить семью. В условиях государственной политики наращивания промышленного производства у крестьян не оставалось выбора, как «продать» свою рабочую силу заводам, рудникам, фабрикам, комбинатам.

Рост крупной машинной индустрии только ускорял формирование промышленного пролетариата России. Период с 1865 по 1879 гг. в европейской части страны стал показательным в части увеличения наемных рабочих: в обрабатывающей и горнозаводской промышленности численность рабочего класса увеличилась в 1,5 раза и составила более 1 млн человек. К концу XIX века численность железнодорожных рабочих достигла около 200 тыс. чел., текстильщиков – около 335 тыс., а хлопчатобумажных фабрик – около 165 тыс. или почти половину текстильных рабочих. Значительное число фабрично-заводских рабочих трудилось на пищевых предприятиях (более 126 тыс. человек), что в 1,7 раза больше числа занятых в отраслях тяжелой индустрии, где было сосредоточено более трети всех фабрично-заводских рабочих страны (Куприянова, 2000: 52). Кроме фабрично-заводского пролетариата, в состав наемных рабочих входили строительные, транспортные, лесопромышленные, ремесленные, сельскохозяйственные и прочие категории, численность которых в пореформенную эпоху интенсивно росла.

Миграционные процессы обуславливали развитие промышленности в стране путем увеличения экономических центров, в которых строились новые заводы и фабрики, развивались имеющиеся месторождения сырья (Куприянова, 2000). К 1879 г. удалось добиться развития сорока крупных промышленных городов, на предприятиях которых было занято свыше 35 % всех индустриальных рабочих. Верхние строчки списка промышленных городов занимали Петербург, Москва, Рига, Одесса, Харьков, Ростов-на-Дону, куда преимущественно направлялись крестьянские семьи (Куприянова, 2000: 54). Только за 1867–1879 гг. численность фабрично-заводского пролетариата Москвы достигла цифры более 81 тыс. человек, что составляло до 12 % всего числа промышленных рабочих России. Важно отметить, что, несмотря на быстро увеличивающееся число наемных рабочих в городах, в тяжелое промышленное производство были вовлечены женщины, молодежь и дети до 14 лет (Храмцов, 2014: 147-148). Согласно статистическим показателям обследований фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности только в Москве и в Санкт-Петербурге доля работающих

женщин составляла 15–17 % от общего количества рабочих, а доля детей до 14 лет – 33 % (Куприянова, 2000: 53).

Например, среди уральских рабочих в последней четверти XIX – начале XX в. каждый четвертый-пятый работник в горнодобывающей и обрабатывающей отрасли, фабрично-заводском и кустарном производстве был в возрасте 10–20 лет. Такое положение было характерно не только для данного региона, но и для России в целом (Перебейнос, 2000: 16).

Переселенческие движения «освобожденных» крепостных крестьян не ослаблялись вплоть до начала XX века.

Так, например, Тобольская губерния, которая занимала 7,1 % всей площади империи и растянувшая свои границы почти до нынешнего Дальнего Востока, увеличилась в численности с 1897 по 1913 гг. на миллион человек, где 674183 чел. были мигранты. Их тяга к наемному труду в промышленном производстве была незначительной из-за его слабой востребованности в этом регионе. Проживающее население было преимущественно сельским (около 90 %) и стремилось развивать именно сельскохозяйственное производство (рис. 1) (Томилов, 2015).

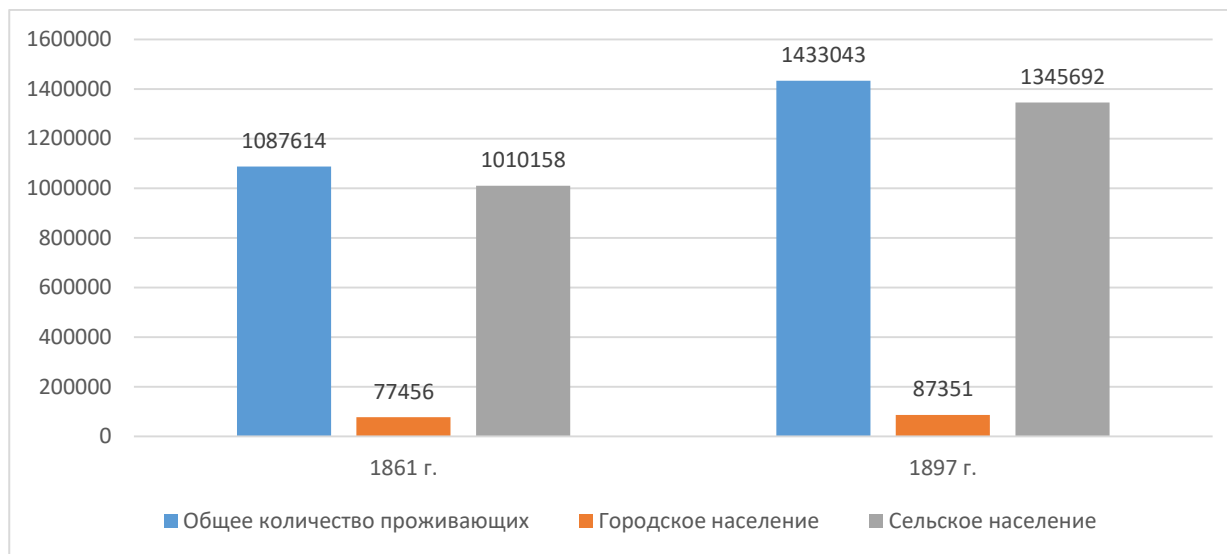

Рис. 1. Урбанизация в Тобольской губернии, 1861 и 1897 гг. (Томилов, 2015)

Переселенцы, которые ехали из центральной части империи, привозили с собой новые «технические достижения»: косилки, плуги и т.д., что «удерживало» привлекательность труда на селе (Бородулина, 1998). Тем не менее производство в Сибири существовало: лёгкая, горнодобывающая, лесообрабатывающая промышленность, обработка растительной и животных питательных продуктов, а также строительство железных дорог (Тройницкий, 1905). Среди наиболее популярных занятий рабочих были обработка металлов (0,7 %) и химическое производство (а также производство, связанное с ним) (0,8 %) (рис. 2).

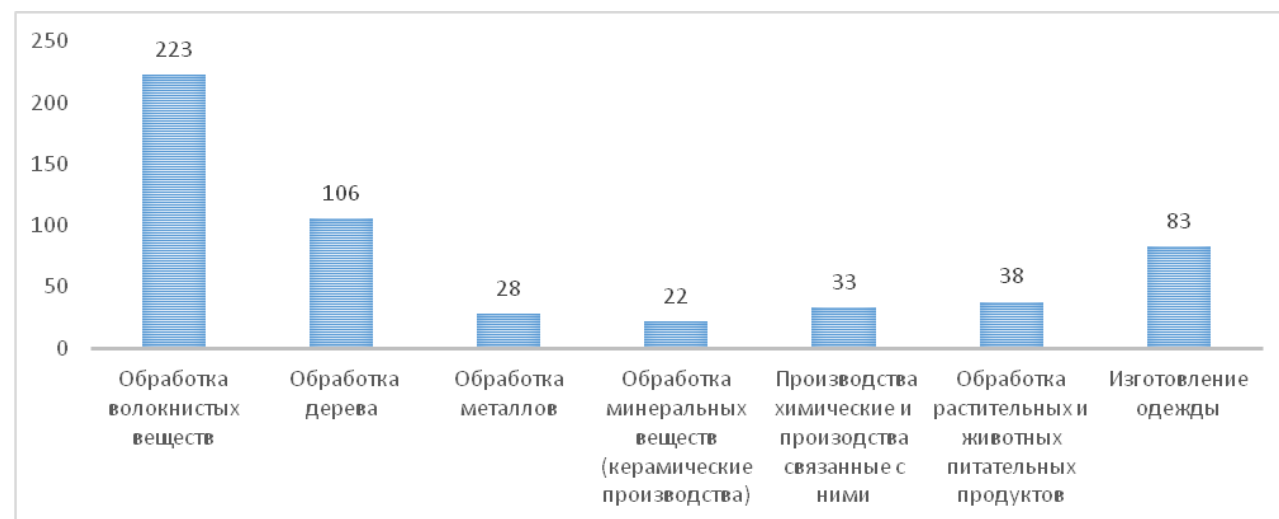

Рис. 2. Занятость населения Тобольской губернии в обработке, переработке сырья, а также на производстве, чел. (Ustinova, Farakhutdinov, 2018)

Одним из факторов переселения в Восточную часть России стала Транссибирская магистраль. Например, Тюмень с 1868 по 1897 гг. увеличила численность жителей более чем вдвое (на 15 236 чел.), в то время как Тобольск (находящийся в начале XIX века в «упадке» (Тюмень, 1890–1907) имел показатель всего в 373 человека (рис. 3). К началу XX в. почти половину горожан в Тобольске и Тюмени (свыше 47%) составляли выходцы из сельской местности.

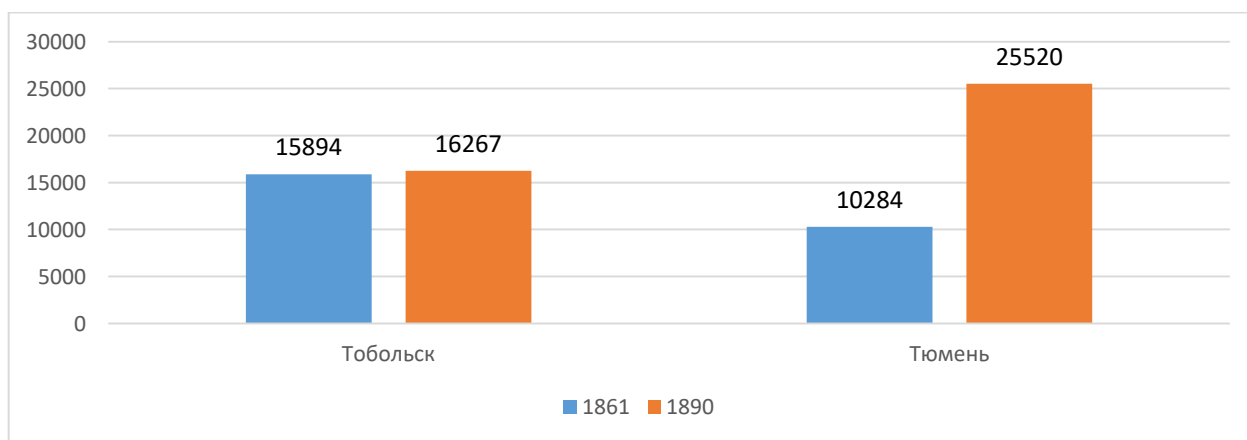

Рис. 3. Прирост населения в Тобольской губернии, чел. (Томилов, 2015)

К 1915 году в г. Тюмени было создано 120 предприятий. Основным «городским» производством по количеству предприятий являлось кожевенное (20 предприятий), но вот по количеству занятых лидирующую позицию занимало судостроительное производство с числом рабочих 1310 (табл. 2).

Таблица 2. Промышленное производство в г. Тюмени в 1915 г. (Тюмень, 1890–1907)

Производство	Число предприятий	Сумма производства, тыс. руб.	Число рабочих
Мукомольное	4	1785,3	252
Механическое	3	3910,2	60
Судостроительное	8	727	1310
Кожевенное	20	700	200
Спичечное	1	300	327
Лесопильное	7	240	311
Кирпичное	15	150	170
Прочие	62	547,8	553
Итого	120	8360,3	3183

Таким образом, миграционные процессы стали неотъемлемой составляющей создания «пролетариата» как класса, который за 40 лет увеличился до 14 млн человек (табл. 3). Причем, если за двадцатилетний период, с 1860 по 1880 гг., число рабочих увеличилось на 4150 тыс. чел, то за десятилетний период, с 1890 по 1900 гг., уже на 4 млн человек. Приведенные цифры убедительно свидетельствуют об ускоренных темпах формирования рабочего класса в стране.

Таблица 3. Численность рабочего класса России с 1860 по 1900 г., млн чел. (Рабочий..., 1989)

Категории рабочих	1860	1880	1890	1900
Рабочие крупных капиталистических предприятий	0,72	1,25	1,5	2,81
В том числе:				
• фабрично-заводские	0,49*	0,72	0,84	1,70
• горнозаводские и горные	0,17	0,28	0,34	0,51**
• транспортные (железнодорожники и судорабочие пароходств)	0,06	0,25	0,32	0,60
Строительные	0,35	0,70	1,00	1,40***
Рабочие мелкой, кустарно-ремесленной (городской и сельской) промышленности	0,80	1,50	2,00	2,75

Чернорабочие, поденщики, грузчики, возчики, землекопы, лесные рабочие и пр.	0,63	1,20	2,00	2,50
Сельскохозяйственные	0,70	2,70	3,50	4,54****
Итого:	3,20	7,35	10,00	14,00

* Включены и мануфактурные рабочие.

** Без учета вспомогательных рабочих

*** Данные за 1897 г.

**** Без учета рабочих Финляндии, общая численность которых в 1900 г. достигала 150 тыс. человек

5. Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие ключевые выводы:

- внутренняя миграция населения позволяла городам «превращаться» в промышленные центры и вывести Россию в мировые лидеры по промышленному производству;
- с 1860 по 1900 гг. число наемных рабочих увеличилось более чем в 4 раза;
- промышленная революция послужила толчком для новых внутренних миграций населения по всей территории Российской империи;
- существенную часть «рабочего класса» составляли женщины, молодежь и дети;
- население Европейского и Азиатского регионов Российской империи имело разное отношение к наемному труду из-за разницы возможностей и уровня технологического прогресса;
- миграция населения стала неотъемлемым условием создания пролетариата в России.

Таким образом, миграционные процессы сыграли особую роль в промышленном развитии Российской империи и создании «рабочего класса». Заслугу рабочих – мужчин, женщин, молодежи, которые на добровольной основе приезжали в города, годами работали на фабриках, заводах, железных дорогах, рудниках и т.д. в трудные времена своей жизни, чтобы прокормить себя и свою семью – можно признать одним из ключевых моментов развития рабочего класса в стране. Немало и тех, кто бежал, оставляя свои дома в поисках «лучшей жизни» на земли Сибири и Дальнего Востока, осваивая новые регионы, строя города, инфраструктуру.

Благодаря миграции населения России удалось не только пережить экономические и социальные кризисы в исследуемый период, но и достойно принять эпоху перемен, чтобы в дальнейшем развиваться как великая страна.

6. Благодарности

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Литература

- Алхазашвили, 2012 – Алхазашвили Д. Экономическое развитие России в начале XVIII века // История Российской империи. 2012.
- Бородулина, 1998 – Бородулина Е.В. Мелкая и кустарная промышленность Тобольской губернии в 1861–1917 годах / Научная библиотека диссертаций и авторефератов. 1998. С. 197.
- Гессен, 1927 – Гессен В.Ю. Труд детей и подростков в России. М.-Л., 1927. Т. 1. С. 57.
- Дукарт и др., 2013 – Дукарт С.А., Маренкова Е.В., Нехорошев Ю.С. Миграционные процессы в России и Германии // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 55-56.
- Кабузан, 2004 – Кабузан В.М. Движение населения в Российской империи Отечественные записки. 2004. № 4. С. 10.
- Кауфман, 1905 – Кауфман А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы: периодический сборник. 1905. № 1. С. 171-200.
- Куприянова, 2000 – Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2000.
- Миронов – Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 243-285.
- Моисеенко, 2008 – Моисеенко В.М. Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX – начале XX столетия. М.: ТЕИС, 2008. 272 с.
- Новая..., 1984 – Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 70-93.
- Перебийнос, 2000 – Перебийнос А.Е. Уральская молодежь в конце XIX – начале XX вв.: численность, облик, настроения. Челябинск, 2000.
- Пронин, 1984 – Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 88-102.
- Рабочий..., 1989 – Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 273.
- Рашин, 1958 – Рашин А.Г. Формирование рабочего класса. М., 1958. С. 623.
- Соловьева, 1990 – Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.

- Толочко, 2003** – Толочко А.П. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. 196 с.
- Томилов, 2015** – Томилов И.С. Демографические процессы в городах Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Электронный научно-практический журнал «Политика, государство и право»*. 2015. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2015/06/3199>.
- Тройницкий, 1905** – Тройницкий Н. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. 1–4. Санкт-Петербург, 1905.
- Тюмень, 1890–1907** – Тюмень // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб, 1890–1907.
- Храмцов, 2014** – Храмцов А.Б. Особенности повседневной жизни сибирского населения в конце XIX – начале XX века (по публикациям газет региона) // *Вестник Угрюмоведения*. 2014. № 2 (17). С. 147-152.
- Шатковская, 2016** – Шатковская Т.В. Внутренняя миграция как устойчивый фактор государственного образования Российской империи // *Философия права*. № 6. 2016. С. 21-25.
- Burds, 1998** – Burds J. Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and Russian Village. 1861-1905. Pittsburgh, 1998.
- Treadgold, 1957** – Treadgold D. Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton: Princeton University Press, 1957.
- Ustinova, Farakhutdinov, 2018** – Ustinova O.V., Farakhutdinov S.F. Structure and dynamics of employment of young people of the working class in the province of Tobolsk in the late XIX century // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 370-382.

References

- Alkhazashvili, 2012** – Alkhazashvili D. (2012). Ekonomicheskoe razvitiye Rossii v nachale XVIII veka. [Economic development of Russia in the early XVIII century]. / *Istoriya Rossiiskoi imperii*. [in Russian].
- Borodulina, 1998** – Borodulina E.V. (1998). Melkaya i kustarnaya promyshlennost' Tobol'skoi gubernii v 1861-1917 godakh. [Small-scale and artisanal industry in the Tobolsk province in 1861-1917]. / *Nauchnaya biblioteka dissertatsii i avtoreferatov*. p. 197. [in Russian].
- Gessen, 1927** – Gessen V.Yu. (1927). Trud detei i podrostkov v Rossii. [Work of children and adolescents in Russia]. M.-L. T.1. p. 57. [in Russian].
- Dukart i dr., 2013** – Dukart S.A., Marenkova E.V., Nekhoroshev Yu.S. (2013). Migratsionnye protsessy v Rossii i Germanii. [Migration processes in Russia and Germany]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. T.323. №6. pp. 55-56. [in Russian].
- Kabuzan, 2004** – Kabuzan V.M. (2004). Dvizhenie naseleniya v Rossiiskoi imperii Otechestvennye zapiski. [Population movement in the Russian Empire, notes of the Fatherland]. №4. p. 10. [in Russian].
- Kaufman, 1905** – Kaufman A. (1905). Kolonizatsiya Sibiri v ee nastoyashchem i budushchem. [Colonization of Siberia in its present and future]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. №1. p. 171-200. [in Russian].
- Kupriyanova, 2000** – Kupriyanova L.V. (2000). «Rabochii vopros» v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [“Working question” in Russia in the second half of XIX – early XX centuries]. p. 50. [in Russian].
- Mironov** – Mironov B.N. (1999). «Poslal Bog rabotu, da otnyal chert okhotu»: trudovaya etika rabochikh v poreformnoe vremya. [“God sent work, Yes took the devil hunt”: work ethic of workers in post-reform time]. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*. 1998/1999. M. pp. 243-285. [in Russian].
- Moiseenko, 2008** – Moiseenko V.M. (2008). Ocherki izucheniya migratsii naseleniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX stoletiya. [Essays on population migration in Russia in the second half of XIX – early XX century]. M.: TEIS. 272 p. [in Russian].
- Novaya..., 1984** – Novaya i noveishaya istoriya. [New and modern history]. 1984. №2. p. 70-93. [in Russian].
- Perebeinos, 2000** – Perebeinos A.E. (2000). Ural'skaya molodezh' v kontse XIX - nachale XX vv.: chislennost', oblik, nastroyeniya. [Ural youth in the late XIX-early XX centuries.: number, shape, mood]. Chelyabinsk. [in Russian].
- Pronin, 1984** – Pronin V.I. (1984). Gorodskoe i sel'skoe naselenie Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Urban and rural population of Siberia in the late XIX – early XX centuries]. / *Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskii period*. Novosibirsk. pp. 88-102. [in Russian].
- Rabochii..., 1989** – Rabochii klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v. [Working class of Russia from the beginning to the beginning of XX century]. M., 1989. p. 273. [in Russian].
- Rashin, 1958** – Rashin A.G. (1958). Formirovaniye rabocheho klassa. [Formation of the working class]. *Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury*. Moskva. [in Russian].
- Solov'eva, 1990** – Solov'eva A.M. (1990). Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii v XIX v. [The industrial revolution in Russia in the XIX century]. M. [in Russian].
- Tolochko, 2003** – Tolochko A.P. (2003). Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoi Sibiri v dorevolutsionnyi period: stanovlenie i razvitiye. [Urban self-government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Омск. 196 p. [in Russian].

Tomilov, 2015 – Tomilov I.S. (2015). Demograficheskie protsessy v gorodakh Tobol'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Demographic processes in the cities of Tobolsk province in the second half of XIX – early XX centuries]. *Elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal «Politika, gosudarstvo i pravo»*. №6. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://politika.snauka.ru/2015/06/3199>. [in Russian].

Troinitskii, 1905 – Troinitskii N. (1905). Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym territorial'nym raionam. [Distribution of the population by main occupation and age groups by separate territorial areas]. Т. 1-4. Sankt-Peterburg. [in Russian].

Tyumen', 1890-1907 – Tyumen'. [Tyumen]. / Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907. [in Russian].

Khrantsov, 2014 – Khrantsov A.B. (2014). Osobennosti povsednevnoi zhizni sibirskogo naseleniya v kontse XIX – nachale XX veka (po publikatsiyam gazet regiona). [Features of daily life of the Siberian population at the end of XIX – the beginning of XX century (on publications of Newspapers of the region)]. *Vestnik Ugrovedeniya*. №2(17). pp. 147-152. [in Russian].

Shatkovskaya, 2016 – Shatkovskaya T.V. (2016). Vnutrennyaya migratsiya kak ustoichivyi faktor gosudarstvennogo obrazovaniya Rossiiskoi imperii. [Internal migration as a stable factor of the state formation of the Russian Empire]. *Filosofiya prava*. №6. pp. 21-25. [in Russian].

Burds, 1998 – Burds J. (1998). Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and Russian Village. 1861-1905. Pittsburgh.

Treadgold, 1957 – Treadgold D. (1957). Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton: Princeton University Press.

Ustinova, Farakhutdinov, 2018 – Ustinova O.V., Farakhutdinov S.F. (2018). Structure and dynamics of employment of young people of the working class in the province of Tobolsk in the late XIX century. *Bylye Gody*. 47(1): 370-382. [in Russian].

Особенности миграционных процессов и их влияние на формирование рабочего класса в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Оксана Вячеславовна Устинова ^{a, *}, Владислав Евгеньевич Дудин ^a

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли миграционных процессов в становлении рабочего класса во второй половине XIX – начале XX вв. Благодаря высокой миграционной активности населения в исследуемый период, обусловившей увеличение числа фабрик и частных предприятий, активное освоение новых залежей ресурсов на вновь заселенных территориях, Россия укрепила общемировые позиции в экономическом развитии.

Показано, что рабочий класс, численность которого в стране за период с 1860 по 1900 гг. увеличилась до 14 млн человек, наиболее активно формировался в центральной части России, в отличие от удаленных регионов, где традиционно преобладало сельское хозяйство. Тем не менее в удаленных регионах в этот период постепенно начинают осваиваться занятия, связанные с обработкой, переработкой сырья, а также разные виды производства в промышленности.

Установлено, что миграционная активность проявлялась в зависимости от предполагаемой территории миграции или переселения и ее причин: дальние земледельческие переселения на вновь осваиваемые территории Сибири, Дальнего Востока, Заволжья, Предкавказья; массовые переселения из села в город, связанные с поиском постоянной работы; сезонное отходничество для работы в промышленности и сельском хозяйстве.

Ключевые слова: Российская империя, миграционные процессы, миграция, промышленная революция, рабочий класс, пролетариат.

* Корреспондирующий автор

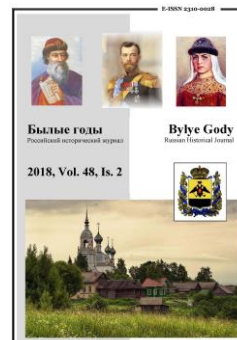
Адреса электронной почты: ustinoavov@tyuiu.ru (О.В. Устинова), kryter@mail.ru (В.Е. Дудин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 618-627. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.618
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Formation and Development of the Social Control System in the Steppe Krai in the second half of the XIX – early XX century

Inna V. Anisimova^{a, *}

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the development of the social control system in the Steppe Krai in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century on the basis of legislative sources and clerical documentation. The system of social control based on the main provisions of "neoinstitutionalism" we are considering as a "formal" institution, which is a way of coordinating social interaction. The system approach allows to identify the main elements of the researched system (prosecutor's office, police, prison) and analyze their functional effectiveness.

As a result of the study, it can be concluded that in the Steppe Krai during the period under review, the imperial authorities paid insufficient attention to the development of the social control system. The Institute of the Prosecutor's Office was transplanted into the judicial system of the Steppe Regions only in 1868. The prosecutor's supervision marked by the law number of the staff, expanded functional competencies in comparison with prosecutors of internal provinces and the scope of official powers. General imperial reforms of the police and prison system of the 1970's XIX century did not spread in the Steppe Krai. Regional authorities critically evaluated the work of the police. Police oversight functions were assigned to county governors who could not fully implement police supervision, performing direct administrative and management functions. The regional penitentiary system was in extremely difficult condition. Low financing, emergency conditions and overcrowding in prisons, and a small number of prison staff were the main problems of the system.

Analysis of the development of the prosecutor's office, the police and the penitentiary system reveals the functional inefficiency of the social control system of the Steppe Krai in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century and a clear need to its modernization and incorporation into the general imperial space, which was recognized by regional and central levels of government.

Keywords: Russian Empire, Steppe Governorate-General, judicial and legal system, social control, prosecutor's supervision, penitentiary system, police supervision functions.

1. Введение

Изучение судебно-правовой политики Российской империи представляется актуальным в силу интереса к «Российской имперской истории» как в отечественной, так и в зарубежной науке. Однако освещение проблем, связанных с данной темой, носит неравномерный характер. В большинстве своем исследования сосредоточены на проблемах реализации судебно-правовой и административной политики во внутренних губерниях Российской империи, общих тенденциях развития судебной системы и формирования системы социального контроля в государстве. В меньшей степени внимание ученых обращено на изучение эволюции системы социального контроля в центральноазиатских имперских окраинах.

Важно подчеркнуть, что этносоциальные и этнополитические особенности развития Степного края и Туркестанского генерал-губернаторства обусловили формирование здесь особого типа судебно-правовой системы, где наряду с общеимперскими элементами действовали традиционные

* Corresponding author

E-mail addresses: iva0410@mail.ru (I.V. Anisimova)

институты и нормы права, а судебная реформа 1864 г. не получила реализации (Деревскова, 2014; Anisimova, Gostyusheva, 2018). Эти факторы оказали определенное влияние и на развитие системы социального контроля в регионе, основными институтами которой выступали прокуратура, полиция и тюремная система. Трансплантация данных институтов в центральноазиатские окраины проходила сложно. К началу XX столетия функциональная малоэффективность системы социального контроля региона была очевидна и требовала модернизации. В связи с этим изучение особенностей развития институтов социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. представляется актуальным. Обращение к данной проблематике также будет способствовать пониманию вариативности имперских практик и моделей управления.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются документы и материалы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1291 – Земский отдел МВД, Ф. 1405 – Министерство юстиции) и Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора). Важное значение имеют законодательные источники, представленные основополагающими положениями, регламентирующими управление регионом. Отдельную группу источников представляют материалы ревизионных комиссий и отчетов генерал-губернатора Степного края и губернаторов степных областей. В совокупности используемые источники позволяют определить состояние и функциональную эффективность работы институтов социального контроля Степного края, выявить и проанализировать позицию региональных и центральных органов власти в отношении прокуратуры, полицейского надзора и пенитенциарной системы.

Методологической основой историко-правового исследования являются основные положения «неоинституционализма» (Захаров, 2010), позволяющие рассмотреть судебно-правовую систему и систему социального контроля как «формальный» институт, являющийся способом координации социального взаимодействия. В работе используются системно-структурные методы, способствующие выделению и анализу элементов исследуемой системы (прокуратура, полиция, тюрьма), а также установлению специфики их содержания. Компаративный подход позволяет определить общее и особенное в развитии системы социального контроля Степного края в сравнении с общеимперской системой. Проблемно-хронологический принцип позволяет выявить и охарактеризовать основные этапы развития институтов системы социального контроля региона во второй половине XIX в. – начале XX в.

3. Обсуждение

Формирование и особенности развития системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. практически не изучены. Хотя в целом обращение к истории отдельных институтов системы социального контроля в общеимперском пространстве является востребованной исследовательской темой. Отдельные аспекты проблемы были затронуты уже дореволюционной историографией. К концу XIX – началу XX вв. вышли основательные труды по истории полиции, имперской прокуратуры, пенитенциарной системы (Муравьев, 1889; Фукс, 1889; Познышев, 1915), которые чаще всего подходили к изучению проблемы с государственных позиций и не включали в исследование региональный компонент.

В советской историографии интерес к истории дореволюционной системы социального контроля был невысоким и носил описательный характер (Воробейкова, Дубровина, 1973), ряд вопросов затрагивался в рамках обобщающих работ по истории государственного управления и судебно-правовой системы Российской империи (Ерошкин, 1968; Виленский, 1969; Ефремова, 1983). В современной историографии достаточное освещение получила история становления и развития полицейского надзора и прокуратуры Российской империи (Ефремова, 2007; Галузо, 2008; Логачева, 2010; Волчек и др., 2015). Реформы российской прокуратуры, проходившие в совокупности с судебной реформой 1864 г., оцениваются неоднозначно, критику вызывает изъятие из компетенций прокуратуры надзорных функций. Однако согласимся с мнением В.М. Деревсковой, что изменения, произошедшие в организации и деятельности прокуратуры, настолько были существенны, что многие положения реформы 1864 г. используются до сих пор, а некоторые необходимо было бы реализовать в современных условиях (Деревскова, 2017). Значительное внимание уделяется становлению и развитию имперских полицейских органов пореформенного периода (Артамонова, Мухортов, 2012; Кудин, 2011; Кудин и др., 2016).

Отдельной темой исследования выступает история пенитенциарной системы Российской империи (Упоров, 2004; Сальников и др., 2017), которая во второй половине XIX в. стала важной частью государственной политики. Исследователи подчеркивают, что пенитенциарная политика Российской империи носила противоречивый характер. Проведение комплекса реформ в 60–70-х гг. XIX в. было направлено на гуманизацию условий отбывания арестантов, расширение и улучшение сети тюремных учреждений, принятие мер по ограничению использования труда арестантов для решения экономических задач и т.д. Но в итоге реформы не получили реализации в полной мере, что было вызвано «остаточным принципом финансирования пенитенциарных учреждений» (Упоров,

2004: 268). В управлении пенитенциарными органами и учреждениями отсутствовали система и централизация и, соответственно, эффективный контроль за их деятельностью (Казаченок, 2018). Переживала пенитенциарная система период нестабильности и в первые десятилетия XX в., что было вызвано сложной общественно-политической ситуацией в стране (Трофимова, 2017: 454). Зарубежная историография представлена обобщающими работами по истории судебно-правовой системы России, для которых характерна в целом положительная оценка имперских преобразований второй половины XIX в. (Тарановски, 1992). Однако история формирования институтов системы социального контроля затронута частично, прежде всего в работах, посвященных проблемам административной системы Российской империи (Raeff, 1979; Melancon, 2004).

В целом, при достаточном изучении общеимперских тенденций развития системы социального контроля за рамками исследовательского внимания остались центральноазиатские национальные окраины Российской империи. Можно выделить лишь несколько публикаций, которые затрагивают заявленную проблему с учетом региональной специфики (Тимошевская, 2014; Махмудова, 2016). Отсутствие специальных работ актуализирует данное исследование.

4. Результаты

В современной историографии подчеркивается модернизационная направленность политики Российской империи в центральноазиатских национальных окраинах (Лейзерович, 2001; Лысенко и др., 2014), в силу которой в регион были привнесены нормы и институты общеимперской судебно-правовой системы и системы социального контроля. Становление и развитие прокуратуры, полиции и пенитенциарной системы в Степном крае, безусловно, проходило в русле общеимперских тенденций, однако практически с момента трансплантации деятельность данных институтов приобрела структурные отличия, что в итоге обусловило их функциональную малоэффективность.

Особое место в системе социального контроля региона занимал институт прокуратуры, который был учрежден в степных областях сравнительно поздно, в 1868 г. Согласно Временному положению об управлении в степных областях областной прокурор был наделен правами и обязанностями губернского прокурорского надзора на общем основании (РГИА. Ф. 1405. Оп. 99. Д. 1986. Л. 4). Однако организация системы прокурорского надзора в Степном крае практически сразу приобрела специфические черты. Так, в степных областях в полной мере не получили распространения принятые 7 марта 1866 г. правила «О порядке действия прокурорских чинов в судебных установлениях губерний до окончательного введения в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года». Сами правила стали важным этапом преобразования прокурорского надзора в Российской империи. На основании Правил права и обязанности губернских прокуроров и стряпчих были аналогичны тем, которыми наделялись лица прокурорского надзора в судах. Также, начиная с 1866 г., судебная прокуратура наделялась полномочиями по надзору за содержанием арестантов и управлением тюрьмами, а в должностные компетенции прокуроров был включен надзор по административным делам и т.д. (Бриль, Корняков, 2008). Исключение же Степного края из сферы распространения Положения 1866 г. было обусловлено отсутствием в системе региональной власти должности уездного стряпчего, значительной удаленностью уездных городов от места нахождения областного прокурора и т.д.

Однако региональные власти, понимая малоэффективность прокурорского надзора в вверенном регионе, заявляли о необходимости применения в Степном крае общеимперских положений. Уже в 1873 г. генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущев обратился в МВД с представлением о необходимости распространить Правила 1866 г. на Акмолинское и Семипалатинское областные правления (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1873. Д. 27. Л. 1-2). После длительной переписки между чиновниками МВД, Министерства юстиции и военного ведомства было признано возможным удовлетворить ходатайство генерал-губернатора Западной Сибири, но введение в степных областях Правил затянулось (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1873. Д. 27. Л. 5-29).

Существенные недостатки в деятельности прокурорского надзора Степного края были связаны с малочисленностью штата. Показательным является записка акмолинского областного прокурора Кондратовича, который, отмечая широкий круг обязанностей, возложенных на прокурора, указывал на необходимость введения в его ведомстве дополнительной штатной единицы товарища прокурора. В 1885 г. военный губернатор Уральской области подчеркивал «затруднительное» положение областного прокурора в связи с объемом работы, возложенной на него. Так, кроме непосредственных функций осуществления прокурорского надзора, в обязанности уральского областного прокурора с 1877 г. входило рассмотрение и направление в суд с письменными заключениями формальных следствий по всем уголовным делам области, что во внутренних губерниях относилось к обязанностям товарищей губернских прокуроров. При этом канцелярия прокурора включала одну штатную единицу чиновника – письмоводителя, жалование которого составляло 250 руб. в год. Конечно, низкое финансирование, по мнению военного губернатора области, «исключает всякую возможность иметь при камере прокурора лицо, до известной степени способное помогать...» (РГИА. Библиотека. Приложение к всеподданнейшему рапорту военного губернатора Уральской области в 1885 г. Л. 30-31).

Действительно, круг обязанностей областных прокуроров Степного края был значительно шире по сравнению с компетенциями губернских прокуроров внутренних областей Российской империи. К ним относились назначение следствий по поступавшим делам, контроль за правильностью ведения следственных действий, целый комплекс функций прокуроры выполняли по делам Палаты уголовного и гражданского суда, в том числе рассмотрение следствий по уголовным делам и внесение их в Палату с заключением, обеспечение обвинения по уголовному делу, объявление протестов на судебные решения, ведение отчетности и т.д. В ведении областных прокуроров находились также уголовные и гражданские дела Мирowego съезда (РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 2-5). Выполняли прокуроры степных областей и ряд административных функций. Так, весной 1895 г. в Министерстве юстиции рассматривался вопрос о деятельности окружных судов и прокурорском надзоре в Тургайской волости. В докладе отмечалось, что в области «на прокуроров возложены такие, требующие непременно пребывания их в губернских и областных городах обязанности, которые не лежат на прокурорах областных судов и из коих главнейшими являются просмотр постановлений и журналов губернских присутственных мест, а равно наблюдение за правильным и безостановочным течением дел в сих установлениях..., но и эти обязанности имеют всецело административный характер и находятся вне всякой связи с возложенными на прокуратуру судебными обязанностями» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 230–234). В итоге расширенные функции прокурора препятствовали исполнению непосредственных служебных задач.

Второй составляющей системы социального контроля являлась реализация полицейско-надзорных функций, выполнение которых в степных областях было возложено по Временному положению 1868 г. на уездные управления. В большинстве уездов обязанности полиции выполнялись уездными начальниками, в Семипалатинске и Усть-Каменогорске – полицеймейстерами. На низовом уровне полицейские функции были возложены на волостных управителей. Охрану находящихся под следствием и надзором осуществляли особые надзиратели. Военный губернатор Семипалатинской области в 1893 г. подчеркивал, что «до 1892 г. особые надзиратели имелись во всех пунктах пребывания поднадзорных, но так как кредит на эту потребность уменьшен, то пришлось ограничиться наймом особых надзирателей только в тех пунктах, где по числу поднадзорных и в силу некоторых местных условий необходимо иметь за поднадзорными более усиленное наблюдение» (РГИА. Библиотека. Рапорт военного губернатора Семипалатинской области за 1892 г. Л. 5). В связи с чем в 1893 г. особые надзиратели находились на постоянной основе лишь в Усть-Каменогорске и Семипалатинске; в Каркаралинском городском поселении особый надзиратель нанимался лишь в летнее время, а в Павлодаре и Зайсанском посту эта должность отсутствовала.

По мнению военного губернатора Семипалатинской области Карпова, причины неудовлетворительной работы полицейско-надзорных органов заключались в малоэффективности уездного управления, служащих в которых крайне не хватало в регионе. Как правило, уездное управление состояло из уездного начальника и двух-трех чиновников. В своем отчете о состоянии области за 1898 г. Карпов писал, что «уездный начальник и его помощник – единственные лица, посещающие степь <...>. Но при огромных пространствах уездов и значительной канцелярской работе посещение степи не может быть частым». Из этого и проистекало, что производство дознания и другие поручения, возлагаемые на чиновников исполнительной полиции, исполнялись преимущественно казахскими волостными управителями, а иногда и переводчиками, «так как поручить такие дела некому, за неимением при уездных управлениях чиновников исполнительной полиции» (РГИА. Библиотека. Отчет военного губернатора Семипалатинской области за 1898 г. Л. 7).

Не изменилась ситуация и в начале XX в. Так, обзор состояния Семипалатинской области за 1905 г. выявил, что в одном из уездов «нет полицейских урядников, на все 22 волости имеется всего лишь три стражника, да и те исполняют посторонние обязанности. Двое писцов Уездного управления, один в качестве переводчика при Уездном начальнике», а волостные управители, будучи единственными органами полиции, выполняли свои функции крайне небрежно (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 91). Рассуждая о роли полицейских учреждений в 1910 г., Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит отводил полиции достаточно высокую социальную роль в обществе, подчеркивая, что «полиция представляется главным жизненным нервом административного управления; обслуживая население, она является тем звеном, которое соединяет разнородные классы населения и помогает правительству в его заботах о благе и преуспевании края». Но в степных областях, по мнению генерал-губернатора, «слово «полиция» представляется почти пустым звуком», так как по закону эти функции возложены на ограниченное количество полицейских чинов (Всеподданнейший отчет..., 1911: 2). В 1912 г. Е.О. Шмит в ежегодном отчете о состоянии и нуждах Степного края подчеркивал, что «в особенности в неудовлетворительном состоянии находится полиция. До минувшего года весь Степной край обслуживался 10 уездными начальниками и 10 помощниками уездных начальников с ничтожным количеством урядников и стражников. Города имеют свою городскую полицию, по численности далеко не соответствующую количеству населения». Е.О. Шмит сетовал, что «число священников, врачей, мировых судей, ветеринарных врачей, чинов полиции и других местных работников крайне недостаточно. Пространства, ими обслуживаемые громадны, а население ежегодно, благодаря переселению, быстро увеличивается. Напряженный темп работы правительственных учреждений и чинов едва успевает за быстрым ходом развивающейся в крае

жизни, каждую минуту рискуя отстать от него» (*Всепопданнейший отчет...*, 1913). Безусловно, при таком положении дел обеспечение порядка в Степном крае требовало серьезных усилий со стороны региональных властей.

Значительную роль в системе социального контроля занимали тюремные институты и учреждения. Преобразование тюремной системы в России во второй половине XIX в. являлось одной из главных задач имперских властей, усилия которых были направлены как на улучшение системы мест заключения, так и на рациональную организацию системы тюремного надзора и быта заключенных, создание единой системы управления местами лишения свободы, улучшение контроля над пенитенциарными учреждениями (*Казаченок, 2018: 13*). В 1877 г. начала работу Комиссия по тюремным преобразованиям, которая разработала основные направления реформы, начавшейся в 1879 г. и явившейся важным этапом модернизации уголовно-исполнительной системы в контексте либерализации российского государства. В итоге в Российской империи была создана единая структура пенитенциарных органов и учреждений, а сама система приобрела к началу XX в. качественно новые очертания (*Трофимова, 2017: 450*). Однако реформа не коснулась в полной мере тюремной системы Степного края, положение которой, по мнению региональных властей, было крайне удручающим. По состоянию на 1883 г. тюремные помещения находились в Степном крае в трех областных и шести уездных городах, в остальных уездных городах арестанты содержались на гауптвахтах. Заведывание тюрьмами было сосредоточено в областных попечительных о тюрьмах комитетах и их уездных отделениях. Теснота и несоответствие своему назначению помещений для арестантов в наемных домах, особенно в уездных центрах, неоднократно обращали на себя внимание региональных властей. Чиновники местной администрации говорили о необходимости увеличить финансирование институтов пенитенциарной системы, что позволило бы обеспечить регион необходимым количеством тюрем и увеличить штат тюремных служащих. Но преобразования шли крайне медленно. Например, власти Семиреченской области только в 1901 г. получили разрешение на строительство новых зданий для тюрем. Было выделено финансирование для строительства тюрем в Джаркенте и административного корпуса при Верненской тюрьме. Однако эти меры, по мнению военного губернатора области, лишь частично решали проблемы, по-прежнему в неудовлетворительном состоянии оставались помещения для тюрем в Копале, Лепсинске и Пржевальске (*Всепопданнейший отчет...*, 1901: 7).

Озабоченность руководства области вызывала и организация надзора в уездных тюрьмах за арестантами, который был сосредоточен в руках старшего надзирателя. В связи с чем перед Главным тюремным управлением было возбуждено ходатайство об учреждении в регионе должностей смотрителей тюрем. В итоге на протяжении первого десятилетия XX в. в пенитенциарной системе Степного края сохранялись основные проблемы: отсутствие финансирования, аварийное состояние тюрем, малочисленность штата тюремных служащих. Степной генерал-губернатор в 1912 г. оценивал состояние тюремной системы региона как неудовлетворительное. В своем отчете он писал: «Тюрьмы Акмолинской области поражали недостаточностью помещений для заключенных и крайней ветхостью зданий. В Атбасарском уезде совсем нет тюрем. Омская тюрьма, устроенная на 392 чел. вмещает от 450 до 600 человек. Петропавловская, рассчитанная на 67 заключенных, содержит обыкновенно 150–200 человек. Особенно печально состояние Кокчетавской тюрьмы, помещающейся в деревянном здании. Она устроена на 15 заключенных, а содержится в ней от 120 до 150 человек. Наружные стены здания настолько прогнили, что во время зимних морозов промерзают и покрываются внутри инеем. Крыша протекает, потолки сгнили и прогнулись, полы во многих местах провалились» (*Всепопданнейший отчет...*, 1913: 18–19). Одна из проблем пенитенциарной системы Степного края заключалась в недостаточности тюремных помещений, находящихся на государственном балансе. Так, в Семипалатинской области только в трех городах – Семипалатинске, Павлодаре, Усть-Каменогорске – тюрьмы находились в казенных зданиях. В то время как в Зайсане, Каркаралах и Усть-Каменогорске содержание арестантов осуществлялось в наемных помещениях, совершенно не приспособленных для размещения и охраны арестантов. Безусловно, при таком положении тюремных помещений и крайней малочисленности тюремных надзирателей невозможно установить для заключенных необходимый строгий тюремный режим, отсутствие которого подрывает в корне саму идею тюремного заключения как наказания.

В целом, во второй половине XIX – начале XX в. развитие институтов системы социального контроля в Степном крае проходило достаточно сложно. Необходимость модернизации пенитенциарной системы, увеличения штата полицейского и прокурорского надзора, приведение должностных компетенций прокурора в соответствие с общеимперскими позициями была очевидна на региональном и центральном уровнях власти.

5. Заключение

Таким образом, привлеченные в исследовании материалы и документы свидетельствуют о функциональной малоэффективности системы социального контроля в Степном крае на протяжении второй половины XIX – начале XX вв. «Импорт» общеимперских институтов прокуратуры, полиции и тюремной системы протекал медленно, с ограничениями, что обусловило общее состояние судебно-правовой системы региона. Характер институтов и их функциональная эффективность позволяют

говорить о реализации в Степном крае модели парциальной модернизации, возможности которой связывались с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слаборазвитые общества (Побережников, 2002). Важным является тезис о возникновении в процессе парциальной модернизации несоответствия между институтами, привнесенными в сообщество и самим сообществом, а также несоответствия внутри самих институтов, в итоге порождая «устойчивое фрагментарное развитие».

Действительно, институты были импортированы в регион без учета особенностей цивилизационного, этносоциального и этнополитического развития региона. Безусловно, проблемы низкого финансирования, неуккомплектованности штатов полицейского и прокурорского надзора, ветхости и переполненности тюремных учреждений носили системный характер, встречались они и во внутренних губерниях Российской империи. Однако в Степном крае эти проблемы усугублялись особым статусом региона в национальной имперской политике, что не позволяло распространять на степные области реформы, способствующие модернизации и повышению функциональной эффективности работы институтов социального контроля. В связи с этим вплоть до конца имперского периода прокуратура, полиция и пенитенциарная система Степного края сохраняли значительный комплекс проблем и нуждались в коренных преобразованиях.

Литература

Артамонова, Мухортов, 2012 – Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская империя XIX – начала XX века: некоторые особенности правового регулирования функционирования полиции // *Юридическая наука: история и современность*. 2012. № 11. С. 7-11.

Бриль, Корняков, 2008 – Бриль Г.Г., Корняков А.А. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX века) // *История государства и права*. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://regiment.ru/Lib/C/310.htm> (дата обращения: 05.05.2018)

Виленский, 1969 – Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. 400 с.

Волчек и др., 2015 – Волчек В.А., Гаврилов С.О., Серафимович А.Е. Прокуратура Западной Сибири и проблема общего надзора в 1850–1890-х гг. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 136-139.

Воробейкова, Дубровина, 1973 – Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. Киев, 1973. 68 с.

Всепопданнейший отчет..., 1911 – Всепопданнейший отчет Степного генерал-губернатора, генерала от кавалерии Шмита, о состоянии и нуждах Степного края за 1910 г. Омск, 1911. 34 с.

Всепопданнейший отчет..., 1913 – Всепопданнейший отчет Степного генерал-губернатора, генерала от кавалерии Шмита, о состоянии Степного края за 1912 г. Омск, 1913. 24 с.

Всепопданнейший отчет..., 1901 – Всепопданнейший отчет исправляющего должность военного губернатора Семиреченской области за 1901 г. Б.м., б.г.

Галузо, 2008 – Галузо В.Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование). М., 2008. 483 с.

Деревскова, 2014 – Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // *Сибирский юридический вестник*. 2014. № 4. С. 21-28.

Деревскова, 2017 – Деревскова В.М. Влияние судебной реформы 1864 г. на российскую прокуратуру: ретроспективный анализ и современные аспекты // *Сибирский юридический вестник*. 2017. № 4. С. 3-10.

Ерошкин, 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.

Ефремова, 1983 – Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг. Историко-правовое исследование. М., 1983. 149 с.

Ефремова, 2007 – Ефремова Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. (историко-правовое исследование). М., 2007. 267 с.

Захаров, 2010 – Захаров В.В. Неинституционализм в историко-правовых исследованиях: к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2010. № 3 (15). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf> (дата обращения: 30.10.2017).

Казаченок, 2018 – Казаченок В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2018. Т. 9. № 1. С. 12-17. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11103

Кудин, 2011 – Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2011. № 50. С. 4-11.

Кудин, Панфилец, 2016 – Кудин В.А., Панфилец А.В. Ретроспектива становления и развития полиции в Российском государстве (К 300-летию российской полиции) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2016. № 1 (69). С. 12-17.

Лейзерович, 2001 – Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001. 269 с.

Логачева, 2010 – Логачева Н.В. Деятельность прокурорского надзора в России во второй половине XIX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 5 (85). С. 57-62.

Лысенко и др., 2014 – Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.

Махмудова, 2016 – Махмудова Н.Б. Состояние пенитенциарной системы Туркестанского края в начале XX в. (по материалам отчета сенаторской ревизии графа К.К. Палена) // *Метаморфозы истории*. 2016. № 8. С. 201-210.

Муравьев, 1889 – Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. М., 1889. 568 с.

Побережников, 2002 – Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обзорение*. Вып. 8. М., 2002. С. 146-168. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm> (дата обращения: 06.05.2018)

Познышев, 1915 – Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915. 302 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сальников и др., 2017 – Сальников В.П., Захарцев С.П., Оганесян С.М., Сальников М.В. Российская империя и пенитенциарная политика во второй половине и конце XIX в. // *Юридическая наука: история и современность*. 2017. № 7. С. 53-60.

Тарановски, 1992 – Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 301-317.

Тимошевская, 2014 – Тимошевская А.Д. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX – начале XX вв. // *Труды Академии управления МВД России*. 2014. № 4 (32). С. 92-96.

Трофимова, 2017 – Трофимова Н.Н. Пенитенциарная система Российской империи в эпоху общественно-политического кризиса революционного периода (1905 – февраль 1917 гг.) // *Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов Междунар. науч. конф.* Воронеж, 2017. С. 450-454.

Упоров, 2004 – Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. 608 с.

Фукс, 1889 – Фукс В.Я. Суд и полиция. Ч. II. М., 1889. 232 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Anisimova, Gostyusheva, 2018 – Anisimova Inna V., Gostyusheva Evgenia M. The imperial judicial and legal system in the Steppe region in the second half of the XIX century: features of formation and functioning // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 271–279.

Melancon, 2004 – Melancon M. Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917) // *Russian History*. 2004. Vol. 31. Is. 4: 369–371.

Raeff, 1979 – Raeff M. The Bureaucratic Phenomen of Imperial Russia, 1700-1905 // *Americal Review*. 1979. Vol. 84. № 2 (April): 399–411.

References

Artamonova, Mukhortov, 2012 – Artamonova G.K., Mukhortov A.A. (2012). Rossiiskaia imperiia XIX – nachala XX veka: nekotorye osobennosti pravovogo regulirovaniia funktsionirovaniia politsii [Russian Empire of the XIX - beginning of the XX century: some features of the legal regulation of police operation]. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost*, № 11, pp. 7–11. [in Russian]

Bril, Korniaikov, 2008 – Bril G.G., Korniaikov A.A. (2008). Pravovoe regulirovanie prokurorskogo nadzora v poreformennoi Rossii (vtoraia polovina XIX veka) [Legal regulation of procuratorial supervision in post-reform Russia (second half of the XIX century)]. *Istoriia gosudarstva i prava*, № 2. [The electronic resource]. URL: <http://regiment.ru/Lib/C/310.htm> (reference date: 05.05.2018) [in Russian]

Vilensky, 1969 – Vilensky B.V. (1969). Sudebnaia reforma i kontrreforma v Rossii [Judicial reform and counter-reform in Russia]. Saratov, 400 p. [in Russian]

Volchek i dr., 2015 – Volchek V.A., Gavrilov S.O., Serafimovich A.E. (2015). Prokuratura Zapadnoi Sibiri i problema obshchego nadzora v 1850 – 1890-kh gg. [The public prosecutor's office of Western Siberia and the problem of general supervision in the 1850s and 1890s.]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 2 (62), vol. 2, pp. 136–139. [in Russian]

Vorobeikova, Dubrovina, 1973 – Vorobeikova T.U., Dubrovina A.B. (1973) Preobrazovanie administrativno-politseyskogo apparata, suda i tiuremnoi sistemy Rossii vo vtoroi polovine XIX v.

- [Transformation of the Russian administrative police apparatus, the Russian court and the Russian prison system in the second half of the 19th century]. Kiev, 68 p. [in Russian]
- Vsepoddaneishii otchet..., 1913** – Vsepoddanneishii otchet Stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoianii Stepnogo kraia za 1912 g. (1913) [The most devoted report of the Steppe Governor-General of the General from the Shmit cavalry about the state of the Steppe region for 1912]. Omsk, 24 p. [in Russian]
- Vsepoddaneishii otchet..., 1911** – Vsepoddanneishii otchet Stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoianii i nuzhdakh Stepnogo kraia za 1910 g. (1911) [The most devoted report of the Steppe Governor-General of the General from the Shmit cavalry about the state and needs of the Steppe region for 1910]. Omsk, 34 p. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet..., 1901** – Vsepoddanneishii otchet ispravliaiushchego dolzhnost' voennogo gubernatora Semirechenskoj oblasti za 1901 g. [The most devoted report of acting the military governor of the Semirechye region for 1901] B.m., b.g. [in Russian]
- Galuzo, 2008** – Galuzo V.N. (2008). Vlast' prokurora v Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie) [The power of the prosecutor in Russia (historical and legal analysis)]. M., 483 p. [in Russian]
- Derevskova, 2014** – Derevskova V.M. (2014). Prostranstvenno-vremennye problemy realizatsii sudebnoj reformy 1864 g. [Spatial-temporal problems of the implementation of judicial reform in 1864]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik*, № 4, pp. 21–28. [in Russian]
- Derevskova, 2017** – Derevskova V.M. (2017). Vliianie sudebnoj reformy 1864 g. na rossiiskuiu prokuraturu: retrospektivnyi analiz i sovremennye aspekty [The influence of the judicial reform of 1864 on the Russian prosecutor's office: a retrospective analysis and modern aspects]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik*, № 4, pp. 3–10. [in Russian]
- Eroshkin, 1968** – Eroshkin N.P. (1968). Istorija gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevoljucionnoj Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M., 368 p. [in Russian]
- Efremova, 1983** – Efremova N.N. (1983) Ministerstvo iustitsii Rossijskoj imperii, 1802 - 1917 gg. Istoriko-pravovoe issledovanie [Ministry of Justice of the Russian Empire, 1802-1917. Historical and legal research]. M., 149 p. [in Russian]
- Efremova, 2007** – Efremova N.N. (2007). Stanovlenie i razvitie sudebnogo prava v Rossii XVIII – nachala XX v. (Istoriko-pravovoe issledovanie) [Establishment and development of judicial law in Russia XVIII - early XX century. (historical and legal analysis)]. M., 267 p. [in Russian]
- Zakharov, 2010** – Zakharov V.V. (2010). Neoinstitutsionalizm v istoriko-pravovykh issledovaniiah: k probleme rasshirenija metodologicheskogo instrumentariia otechestvennoj istorii gosudarstva i prava [Neoinstitutionalism in historical and legal studies: to the problem of expanding the methodological tools of the national history of the state and law]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 3 (15). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf> (data obrashcheniia: 30.10.2017). [in Russian]
- Kazachenok, 2018** – Kazachenok V.V. (2018). Organizatsionno-pravovye osnovy deiatel'nosti penitentsiarnykh organov i uchrezhdenii v sisteme Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoj imperii [Organizational and legal foundations of the activity of penitentiary bodies and institutions in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, vol. 9, № 1, pp. 12–17. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11103 [in Russian]
- Kudin, Panfilets, 2016** – Kudin V.A., Panfilets A.V. (2016). Retrospektiva stanovleniia i razvitiia politsii v Rossiiskom gosudarstve (K 300-letiiu rossijskoj politsii) [A Retrospective of the Formation and Development of Police in the Russian State (To the 300th Anniversary of the Russian Police)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, № 1 (69), pp. 12–17. [in Russian]
- Kudin, 2011** – Kudin V.A. (2011). Ot politsii Rossijskoj imperii k politsii Rossijskoj Federatsii [From the police of the Russian Empire to the police of the Russian Federation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, № 50, pp. 4–11. [in Russian]
- Leizerovich, 2001** – Leizerovich E.E. (2001). Sotsial'nye i ekonomicheskie itogi rossijskoj kolonizatsii Turkestana [Social and economic results of the Russian colonization of Turkestan]. Tel'-Aviv, 269 p. [in Russian]
- Logacheva, 2010** – Logacheva N.V. (2010). Deiatel'nost' prokurorskogo nadzora v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [The activities of the prosecutor's supervision in Russia in the second half of the XIX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, № 5 (85), pp. 57–62. [in Russian]
- Lysenko i dr., 2014** – Lysenko Iu.A., Anisimova I.V., Tarasova E.V. i dr. (2014). Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossijskoj imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, 271 p. [in Russian]
- Makhmudova, 2016** – Makhmudova N.B. (2016). Sostoianie penitentsiarnoi sistemy Turkestanskogo kraia v nachale XX v. (po materialam otcheta senatorskoj revizii grafa K.K. Palena) [The status of the penitentiary system of Turkestan in the early XX century. (based on the report of the senator's revision of Count Palen K.K.)]. *Metamorfozy istorii*, № 8, pp. 201–210. [in Russian]

Muravyev, 1889 – *Muravyev N.V.* (1889) Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deiatelnosti: Prokuratura na Zapade i v Rossii. Posobie dlia prokurorskoj sluzhby [Prosecutor's supervision in its structure and activities: Prosecutor's Office in the West and in Russia. A guidebook for prosecution service]. Vol. 1, M., 568 p. [in Russian]

Poberezhnikov, 2002 – *Poberezhnikov I.V.* (2002). Modernizatsiia: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Modernization: theoretical and methodological approaches]. *Ekonomicheskaiia istoriia. Obozrenie*, vol. 8, pp. 146–168. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm> (data obrashcheniia: 06.05.2018) [in Russian]

Poznyshev, 1915 – *Poznyshev S.V.* (1915) Ocherki tiurmovedeniia [Analytical reviews on prison studies]. M., 302 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].

Salnikov i dr., 2017 – *Salnikov V.P., Zakhartsev S.P., Oganessian S.M., Salnikov M.V.* (2017). Rossiiskaia imperiia i penitentsiarnaia politika vo vtoroi polovine i kontse XIX v. [The Russian Empire and the penitentiary policy in the second half and the end of the XIX century]. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'*, № 7, pp. 53–60. [in Russian]

Taranovski, 1992 – *Taranovski T.* (1992). Sudebnaia reforma i razvitie politicheskoi kul'tury tsarskoi Rossii [Judicial reform and development of political culture of Czarist Russia]. Great reforms in Russia. 1856–1874: Collection / Ed. L.G. Zakharova, B.Ekloff, J. Bushnell. M. Pp. 301–317. [in Russian]

Timoshevskaiia, 2014 – *Timoshevskaiia A. D.* (2014). Sozdanie Turkestanskogo general-gubernatorstva i formirovanie ego politseiskoi sistemy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The creation of the Turkestan general-governorship and the formation of its police system in the second half of the XIX - early XX century]. *Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii*, № 4 (32), pp. 92–96. [in Russian]

Trofimova, 2017 – *Trofimova N.N.* (2017). Penitentsiarnaia sistema Rossiiskoi imperii v epokhu obshchestvenno-politicheskogo krizisa revoliutsionnogo perioda (1905 – fevral' 1917 gg.) [Penitentiary system of the Russian Empire in the epoch of the socio-political crisis of the revolutionary period (1905 - February 1917)]. *Pravo i vlast': osnovnye modeli vzaimodeistviia v mnogopoliarnom mire: Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Voronezh, pp. 450–454. [in Russian]

Uporov, 2004 – *Uporov I.V.* (2004). Penitentsiarnaia politika Rossii v XVIII-XX vv. Istoriko-pravovoi analiz tendentsii razvitiia [Penitentiary policy of Russia in the XVIII-XX centuries. Historical and legal analysis of development trends]. SPb., 608 p. [in Russian]

Fuks, 1889 – *Fuks V.I.* (1889) Sud i politsiia [The court and the police]. Vol. II, M., 232 p. [In Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Anisimova, Gostyusheva, 2018 – *Anisimova I.V., Gostyusheva E.M.* (2018). The imperial judicial and legal system in the Steppe region in the second half of the XIX century: features of formation and functioning. *Bylye Gody*, 47(1): 271–279.

Melancon, 2004 – *Melancon M.* (2004). Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917). *Russian History*, Vol. 31, Is. 4: 369–371.

Raeff, 1979 – *Raeff M.* (1979). The Bureaucratic Phenomen of Imperial Russia, 1700-1905. *Americal Review*, Vol. 84. № 2 (April): 399–411.

Формирование и развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв.

Инна Владимировна Анисимова ^{a, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе законодательных источников и делопроизводственной документации анализируется развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. Исходя из основных положений «неоинституционализма», система социального контроля рассматривается как «формальный» институт, являющийся способом координации социального взаимодействия. Системный подход позволил выделить основные элементы исследуемой системы (прокуратура, полиция, тюрьма) и провести анализ их функциональной эффективности.

В результате исследования можно сделать выводы, что в Степном крае на протяжении рассматриваемого периода развитию системы социального контроля имперскими властями уделялось недостаточное внимание. Институт прокуратуры отличался малочисленностью штата, существенным по сравнению с прокурорами внутренних губерний объемом должностных полномочий. Региональные власти с критикой подходили к оценке работы полицейских органов в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iva0410@mail.ru (И.В. Анисимова)

Степном крае. Полицейско-надзорные функции были возложены на уездных начальников, которые, выполняя непосредственные административно-управленческие функции, не могли в полной мере осуществлять полицейский надзор. В крайне сложном состоянии находилась пенитенциарная система региона, основные проблемы которой заключались в низком финансировании, аварийном состоянии и переполненности тюрем, малочисленности штата тюремных служащих. Анализ развития прокуратуры, полиции и пенитенциарной системы позволяет говорить о функциональной малоэффективности системы социального контроля Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. и отчетливой необходимости ее модернизации и инкорпорации в общеимперское пространство.

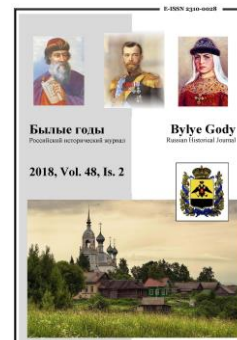
Ключевые слова: Российская империя, Степное генерал-губернаторство, судебно-правовая система, социальный контроль, прокурорский надзор, пенитенциарная система, полицейско-надзорные функции.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 628-638. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.628
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Seamen in the Gasp-Tekinsky Expedition

Yuri F. Katorin ^{a,*}, Anatolii P. Nyrkov ^a, Vladimir B. Karataev ^{b,c}

^a Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

This article deals with the little-known aspects of the conquest of Central Asia by the Russian Empire – participation in this Navy. It describes the siege and storming of the fortress of Geok-Tepe.

As materials there were used the documents of the Russian state archive of the Navy, memoirs of the expedition members, published reports, as well as materials of the periodical press of that time. An important place is occupied by pre-revolutionary and modern studies on the history of the accession of Central Asia to the Russian Empire. The methodological basis of the work was the fundamental methods of objectivity, consistency and dialectical interconnection of phenomena, methods of historicism, comparative analysis and synthesis, contributing to the critical-analytical understanding of the events and facts of the distant past, critical attitude to the sources, making judgments as a result of the analysis of the totality of facts, as well as the display of phenomena in the development and context of the historical situation.

The role of the flotilla in the material support of the expedition of the Russian army in Turkestan is highlighted, as well as the cases of direct participation of sailors in the fighting. The role of S.O. Makarov in the organization of supply of troops is analyzed.

Keywords: the conquest of Central Asia, M.D. Skobelev, S.O. Makarov, oasis Axal-Teke, fortress Geok-Tepe, the expedition of Russian army in to Akhaltekinskiy oasis, Caspian military flotilla.

1. Введение

Александр II вел последовательный курс на присоединение к Российской империи среднеазиатских ханств и эмиратов. Русским войскам ставилась задача прекратить дерзкие набеги местных племен на приграничные земли, покорить их силой оружия, защитить караванные пути и обеспечить развитие торговли с Персией, Афганистаном и Индией. Но действия в этом регионе имели специфику. Едва ли не большую трудность, чем сопротивление воинственных узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, представляли природные условия. Песчаные и каменистые пустыни, солончаки и безводные степи защищали среднеазиатские города и оазисы от нашествий извне. Русским войскам приходилось действовать небольшими отрядами с минимальным числом артиллерии и запасов. Тем не менее 15–17 июня 1865 г. генерал-майор Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) штурмом взял Ташкент, в мае–июне 1868 г. генерал-лейтенант Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) занял Самарканд и покорил Бухару, а в мае–июне 1873 г. завоевал Хиву, зимой 1876 г. генерал-майор Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) окончательно усмирил Кокандское ханство, преобразованное в Ферганскую область (Katorin et al., 2017: 52-54).

После этих трудных походов оставался последний, но зато самый опасный очаг воинственного разбоя – Ахал-Текинский оазис, в котором проживало до 90 тысяч человек. Собственно, он представлял цепь оазисов, расположенных у подножия горного хребта Копетдаг, по северным склонам которого от заснеженных горных вершин стекали небольшие речки. Благодаря им вдоль гор

* Corresponding author

E-mail addresses: katorin@mail.ru (Yu.F. Katorin)

на протяжении 250 верст шла неширокая прерывистая полоса плодородной земли. На ней раскинулись орошаемые пашни и 27 текинских кишлаков, наполненных персиковыми, абрикосовыми, ореховыми деревьями и виноградниками. Однако веками главным занятием текинцев было не земледелие, а разбойничьи набеги (аламаны) против соседей, особенно персов, совершавшиеся регулярно после завершения полевых работ, где они оттачивали владение холодным оружием, верховую езду и ночной бой. Этому кровавому промыслу способствовало удобное расположение оазиса между Хивой и Бухарой с одной стороны и восточным побережьем Каспия, Персией и Афганистаном – с другой. В прежнее время, до Хивинского похода 1873 года, текинцы выходили на аламаны шайками в тысячи человек и даже врвались в города и селения. По этой причине все поселения в Гератской области и в Хорасане были обнесены высокими каменными стенами, с тяжелыми воротами, заваливаемыми на ночь огромными камнями (Гродеков, 1883: 29).

О значении этой области военный министр Российской империи Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) писал: «Без занятия этой позиции Кавказ и Туркестан будут всегда разъединены, ибо оставшийся между ними промежуток уже и теперь является театром английских происков, в будущем может дать доступ английскому влиянию к берегам Каспийского моря» (Боевая летопись, 1948: 260).

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили документы Российского государственного архива Военно-морского флота, мемуары участников экспедиции, опубликованные отчеты, а также материалы периодической печати того времени. Важное место занимают дореволюционные и современные исследования по истории присоединения Средней Азии к Российской империи.

2.2. Методологической основой работы послужили основополагающие методы объективности, системности и диалектической взаимосвязи явлений, методы историзма, сравнительного анализа и синтеза, способствующие критически-аналитическому осмыслению событий и фактов далекого прошлого, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

Обоснованность и достоверность исследования базируется на основе анализа большого количества архивных материалов и литературных источников и обеспечивается научной методологией, комплексным характером исследования, системным подходом и подтверждается строгой логикой выводов в соответствии с поставленными целями и задачами.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе высших учебных заведений, а также в качестве справочно-аналитического материала специалистами.

3. Обсуждение и результаты

Роль военно-морского флота в Ахалтекинской экспедиции до сих пор остается одним из наименее изученных эпизодов присоединения Средней Азии к Российской империи, хотя, справедливости ради, следует упомянуть, что она рассматривалась в дореволюционных трудах целого ряда специалистов. Но надо отметить, что все они пишут об участии моряков, как правило, фрагментарно, поскольку они не являлись объектом их исследований, а служили лишь фоном для описания соответствующих исторических процессов.

Из недавних публикаций Ахалтекинская экспедиция освещалась на страницах журнала «Восточный архив» (Васильев, 2014; Кадырбаев, 2011). Внимание авторов, однако, было сконцентрировано более на описании этнографических деталей, военных действий сухопутных сил, ограничившись лишь отрывочными и не всегда точными упоминаниями о действиях моряков и о пребывании адмирала С.О. Макарова на Каспии. Имеющиеся мемуары моряков, участников похода, вышли ничтожным тиражом, никогда не переиздавались и практически неизвестны широкому читателю.

Совершенно не освещен этот вопрос и в зарубежной исторической литературе, хотя в экспедиции были иностранные журналисты и прусский военный атташе, но практически все внимание немца сосредоточено на сухопутной операции, а журналистов – на «зверствах солдат генерала Скобелева» (Ross, Skrine, 2004).

Таким образом, анализ историографических работ по изучаемой теме свидетельствует, что более или менее систематизированного историографического наследия по роли флота в присоединении Средней Азии к империи мы не находим. Вместе с тем недавно обнаруженные и пока мало известные исследователям документы Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) позволяют в какой-то степени восполнить данный пробел (РГА ВМФ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 39. Л. 139-144).

В набегах физически сильные, храбрые и жестокие текинцы не имели себе равных. Каждый взрослый мужчина являлся умелым воином, в совершенстве владевшим пашкой. «Кто взялся за рукоять сабли, тот не ищет предлога», – было любимой поговоркой текинцев. На своих конях знаменитой ахалтекинской породы они неожиданно налетали из степей и песков, безжалостно опустошали деревни и столь же стремительно исчезали, увозя с собой награбленное добро, увозя пленников, отгоняя захваченных верблюдов, баранов, лошадей, коров. Впрочем, кони этой породы

водятся лишь у богатых текинцев, а у большинства из них имеются так называемые туркменские лошади, они невелики ростом, выносливы и все – иноходцы. На имущество пограничных персов они смотрят как на главный источник своих доходов. А лучшим калымом, т.е. платою за жену, считались «один или два раба-перса». В случае удачи набега вся добыча делилась поровну между всеми участниками его, причем вождь, организовавший набег или приглашенный для руководства им, получал двойную, а иногда и большую долю; точно так же в увеличенном размере выдавалось вознаграждение семействам воинов, убитых в набеге (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 87).

Со стороны Каспийского моря оазис надежно защищали 300 верст песков и солончаков, от Персии отделяли горы Копет-Дага, а от Хивы и Бухары – более 500 верст Каракумской пустыни. Фактически Ахал-Теке являлся естественной крепостью, созданной самой природой, и все карательные экспедиции соседей против нее заканчивались неудачно (Присоединение, 1960: 268). Безнаказанность многочисленных аламанов, захвата тысяч пленных и нескрываемый страх, внушаемый текинцами населению Хивы, Бухары, Персии и Афганистана, дали им право считать себя храбрейшим в свете народом и развили в них чрезвычайную гордость. Несколько одержанных побед над многочисленными войсками хана Хивинского и шаха Персидского внушили мысль считать себя, кроме того, народом непобедимым. Не будучи фанатиками, текинцы, тем не менее, относились к смерти с полнейшим презрением и смело шли ей навстречу (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 90-91).

Так продолжалось многие годы, пока в регионе не появились русские войска. Последовательно продвигаясь на восток, они начали подбираться к владениям текинцев. 29 октября 1869 г. в Муравьевской бухте Красноводского залива высадился отряд полковника Николая Григорьевича Столетова (1831–1912), основавший укрепление Красноводск, а также пост в Михайловской бухте. Местные туркменские племена йомудов, жившие вдоль каспийского побережья, легко приняли российское подданство (Присоединение, 1960: 128). Появление русских взволновало текинцев. Уже 20 ноября они совершили набег на Михайловский пост, на что Столетов ответил экспедицией 30 ноября – 20 декабря 1869 г. против Кызыл-Арвата – первого аула при входе в оазис с западной стороны. Текинцы были разбиты, но необходимость выделить силы для покорения Хивы заставила ограничиться только этой рекогносцировкой. Следующие несколько лет русские войска лишь укреплялись на побережье, построили еще одну приморскую базу в Чекишляре и окончательно установили свое влияние среди йомудов (Терентьев, 1903: 98).

Наконец, в мае 1877 г. отряд войск генерал-майора Николая Павловича Ломакина (1830–1902) совершил новую экспедицию против оазиса, занял Кызыл-Арват и в упорном бою разбил текинцев. Но затем из-за отсутствия запасов отряд вернулся в Красноводск. Текинцы восприняли этот отход как поражение русских и еще больше уверились в своей непобедимости. В 1878 г., учтя этот урок, Ломакин с новым отрядом выступил из Чекишляра вверх по реке Атрек и на середине пути к оазису построил передовой пост в Чате. Но и в этот раз наладить надежное снабжение не удалось, и войска, сопровождаемые торжествующими текинцами, вернулись к побережью. Тогда, чтобы окончательно покорить оазис, 30 июля 1879 г. из Чекишляра через Чат двинулся сильный отряд (12 тыс. человек и 4230 лошадей) командира 1-го Кавказского армейского корпуса генерал-адъютанта Ивана Давидовича Лазарева (1820–1879). Однако генерал в самом начале похода, 14 августа 1879 года, скончался в с. Чат и начальство над экспедицией принял как старший, генерал-майор Ломакин. При погребении Лазарева колеса пушки, производившей салют, рассыпались, что было всеми истолковано как дурное предзнаменование (вследствие чрезмерной сухости воздуха подобного рода аварии деревянных лафетов и повозок случались в этих местах часто) (Терентьев, 1903: 116).

Со своей стороны, узнав о планах русских, текинцы решили поголовно собраться в малом оазисе Геок-Тепе и построить возле 14-метрового холма Денгиль-Тепе большую земляную крепость Янги-Шаар, внутри которой хаотично располагались примерно 15 тысяч юрт и кибиток. Текинцы вели кочевой образ жизни и капитальных жилищ почти не строили. 28 августа 1879 г. русские войска предприняли неудачный штурм крепости, названной в русских документах по месту ее расположения Денгиль-Тепе, а чаще Геок-Тепе. Хотя часть атакующих смогла ворваться внутрь крепости, штурм был отбит, а прорвавшиеся погибли в рукопашной схватке. Понеся серьезные потери (убиты 7 офицеров и 178 нижних чинов, ранены 20 офицеров и 248 нижних чинов; всего 453 человека) отряд, преследуемый ликующими текинцами, отступил через Чат к Чекишляру. Это поражение имело самые негативные последствия для российского влияния в регионе. Вера в непобедимость «белых рубах» оказалась подорвана, а и без того грозное в Азии племя текинцев окружалось ореолом непобедимости даже против русских. Их подвиги, преувеличенные молвой, передавались слушателям на всех базарах Азии (Присоединение, 1960: 626-627).

Текинцы совершили ряд опустошительных набегов. Мятельные настроения стали проявляться в соседних Хиве, Бухаре и Коканде. Все это происходило на фоне только что завершившейся Русско-турецкой войны. Покорение текинцев стало делом государственного престижа. Но даже прославленный кавказский генерал и талантливый организатор Арзас Артемьевич Тергукасов (1819–1881), назначенный начальником войск в Закаспийском крае, считал, что покорение Ахал-Теке займет четыре года и будет стоить 40 млн рублей (Куропаткин, 1899: 28).

В этой ситуации император 12 января 1880 г. назначил начальником будущей экспедиции героя Русско-турецкой войны генерал-адъютанта М.Д. Скобелева, хорошо знавшего специфику региона и

прославившегося ранее решительными и умелыми действиями против хивинцев и кокандцев. Возложив на Скобелева всю ответственность, император предоставил ему самые широкие полномочия (Куропаткин, 1899: 30).

Хотя Скобелев славился как отчаянный храбрец, сторонник стремительных маршей и быстрых действий, на этот раз генерал, к всеобщему удивлению, решил не торопиться: слишком высокой была цена неудачи. Сначала он планировал надежно занять вход в оазис, устроить в Бами передовую базу снабжения и обеспечить ее постоянное сообщение с Красноводском и Чекишляром. Для экспедиции оперативно заказывались все технические новинки: опреснители, рутеры, гелиографы, ракеты, ручные гранаты, консервы и пр. Из Туркестана и оренбургских степей пригонялись тысячи верблюдов. Предусматривалось даже строительство железной дороги. Среди прочих мер Скобелев планировал организовать доставку военных грузов из Чекишляра на баржах по реке Атрек. Для этого генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич (1827–1892) выделил четыре паровых катера Балтийского флота, вооруженных шестью 10,75-мм картечными Фарингтона и двумя 47-мм скорострельными пушками системы Энгстрема. Предполагая, что в большинстве случаев придется плавать по реке Атрек всем катерам совместно в кильватере, эти восемь орудий были распределены следующим образом: на передовом катере на носу – пушка Энгстрема, на корме – картечная, на двух следующих – картечные на носу и на корме, а на последнем катере – картечная на носу и пушка Энгстрема на корме (Katorin et al., 2017: 28; Завоевание, 1887: 34).

Картечная Фаррингтона внешне похожа на «Гатлинг» и тоже имеет четыре ствола, расположенные вокруг горизонтальной оси. Однако за внешним сходством скрывается принципиальное конструктивное отличие: стволы орудия Фаррингтона не вращаются при стрельбе, а огонь ведется только из одного. И лишь после его нагрева стрелок рычагом поворачивает блок, ставя на место раскаленного ствола холодный. Фактически митральеза Фаррингтона являлась одноствольной с быстросменными стволами. Так без каких-либо систем охлаждения решалась проблема перегрева оружия при стрельбе, темп, который при быстром вращении рукоятки мог достигать 400 выстрелов в минуту (Каторин, Кузнецов, 2014: 138).

Трудно даже представить, как Макаров, в то время уже капитан 2-го ранга, георгиевский кавалер и моряк, мог добровольно согласиться на участие в экспедиции, основным содержанием которой был труднейший переход по безводной и пустынной степи и штурм крепости, расположенной на расстоянии более 500 километров от моря (Семанов, 1972: 128).

Основная идея плана экспедиции заключалась в том, чтобы овладеть текинской крепостью Геок-Тепе (Денгиль-Тепе), с падением которой весь Ахал-Текинский оазис переходил к Российской империи. Занимаемая текинцами область имела большое стратегическое значение, поскольку она глубоко вклинивалась в российские владения между Кавказом и Туркестаном. Текинцы – народ рослый, сильный, отважный и здоровый, у которого с детства выработалась чрезвычайная способность к одиночному бою холодным оружием, а также любовь к ночному бою. По характеру они представляли редкое сочетание порыва с осторожностью, безумной отваги с холодным расчетом, отличались большой хитростью и жестокостью в боях (Завоевание, 1887: 148).

Скобелеву приходилось ранее служить в Туркестане, поэтому он прекрасно знал все трудности войны с текинцами. Знал он и то, что не меньшую трудность будет представлять и сам поход по пустыне на сотни верст под палящими лучами солнца. В этих условиях успех экспедиции всецело зависел от бесперебойного снабжения армии продовольствием, боеприпасами и всем необходимым. Весь отряд представлял боевую силу в 8 тыс. штыков и сабель, 59 орудий, 4 картечные, 4 мортиры, 11 ракетных станков. Из этого числа 6 тыс. было пехоты, а остальное количество войск – кавалерия и артиллерия. Со своей стороны, узнав о походе, текинцы решили переселиться в крепость Денгиль-Тепе (Геок-Тепе) и ограничиться отчаянной защитой только этого пункта, будучи уверенными, что гяуры не смогут ее долго осаждать и опять уйдут, когда кончатся запасы. В крепости собралось 45 тыс. человек, из них защитников 20–25 тыс.; они имели 5 тыс. ружей, множество пистолетов, 1 старое дульнозарядное орудие (Осада, 1882: 8).

После окончания русско-турецкой войны 1878–1879 годов Макаров по-прежнему командовал пароходом «Великий князь Константин», который перевозил войска с театра военных действий в Россию. В это время Степан Осипович и познакомился со Скобелевым. Знаменитый генерал сразу почувствовал в нем родственную душу. Ему очень понравились деловитая распорядительность Макарова, его энергия и умение быстро находить решения в затруднительных ситуациях (Семанов, 1972: 112).

Сразу после своего назначения командующим Ахал-Текинской экспедицией он предложил Макарову возглавить ее морскую часть. Тогда предполагали, что боевые действия против текинцев придется вести и на воде. Поэтому Макаров принял это предложение. Уже 13 апреля 1880 г. из Кронштадта выступил отряд моряков в 28 человек под командованием лейтенанта Николая Николаевича Шемана (1847–1912). Всех своих людей лейтенант Шеман выбирал в экспедицию лично, причем на одну вакансию претендовали по 50 добровольцев, так что состав команды действительно оказался отборным. Каждый моряк вооружался палашом и револьвером, а строевые нижние чины еще и винтовкой Бердана. На каждую пушку Энгстрема взяли по 304 снаряда, а на картечную по

10 тыс. патронов. Картечницы помимо морских станков имели десантные лафеты и передки с ящиками для патронов (Майер, 1886: 9).

Деятельность Макарова и возглавляемого им морского отряда стала ярким эпизодом в истории военной флотилии на Каспии. 15 апреля отряд с катерами выехал из Санкт-Петербурга по Николаевской железной дороге. Катера были поставлены на платформы, а котлы, механизмы, орудия и все артиллерийские принадлежности – погружены в два багажных вагона. 21 апреля моряки прибыли в Царицын. 2 мая из Царицына отряд парохомом перевезли на станцию Каспийской флотилии на острове Ашур-Адэ в Астрабадском заливе (Майер, 1886: 12).

Катера были сняты с броненосной батареи «Не тронь меня» (№ 58) и башенных броненосных фрегатов «Адмирал Грейг» (№ 59), «Адмирал Чичагов» (№ 60), «Адмирал Лазарев» (№ 75). Построенные в 1868 г. из дерева, они имели водоизмещение 4,5 т, длину 8,5 м (27 ф. и 10 д.), ширину 2,12 м (7 ф.), осадку носом 0,61 м (2 ф.), кормой (без груза) 0,76 м (2 ф. и 6 д.), машину мощностью в 5 н.л.с., скорость 7,5 узлов. Эту удачную конструкцию на базе французского проекта разработала фирма (буд. с 1882 г. «Крейтон и К»), имевшая верфь в финском городе Або (нынешний Турку) (РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 195. Л. 9). На них должны были установить на морских станках 6 картечниц Фаррингтона и 2 орудия Энгстрема. Отсюда два катера отправились в Чекишляр. По приходе на рейд 10 мая с катеров на берег свезли упакованные в ящики картечницы (Майер, 1886: 13).

Здесь сразу стало ясно, что воевать на воде не придется, и вооружать катера не имеет смысла. Тогда Макаров предложил сформировать морскую артиллерийскую батарею. С катеров сняли две скорострельные пушки и шесть картечниц, поставили их на колесные лафеты, и получилась батарея. Скобелев лично проинспектировал ее и остался очень доволен. Он пообещал держать батарею в передовых порядках своих войск, чтобы дать морякам возможность отличиться. «Имел случай видеть на деле, под Плевною, всю пользу, которую приносят картечницы при известных обстоятельствах», – объяснял позднее свое решение генерал. Собрав после смотра всех офицеров и матросов вокруг себя, Скобелев обратился к ним с речью: «Я хорошо знаю подвиги моряков по тем сражениям, в которых они участвовали... Я беру вас с собой, чтобы дать вам возможность отличиться, и потому буду держать вас всегда впереди. Ваши собратья перевозят по Каспийскому морю войска и провиант, чем много способствуют экспедиции, но это черная работа, а вам я хочу дать чистую работу – боевую. В степи много пыли, а потому берегите ваши орудия, окутывайте их с дула до казны материей и ухаживайте за ними, как за красными девушками». На слова Скобелева матросы весело отвечали: «Рады стараться, ваше превосходительство!» Макаров надеялся, что станет командиром батареи, но Скобелев категорически возражал, заявив, что для него есть гораздо более важное дело – морское обеспечение экспедиции (Завоевание, 1887: 12).

Так было принято решение о формировании команды моряков к двум пушкам Энгстрема и четырем картечницам Фаррингтона. Эти орудия составили морскую батарею, командиром которой 16 мая назначили лейтенанта Н.Н. Шемана, а его помощником – поступившего в отряд из Каспийской флотилии гардемарина (впоследствии генерал-майор флота) Александра Александровича Майера (1858 – не ранее 1916). Команда из 30 нижних чинов имела смешанный состав: 16 моряков балтийского отряда и 14 человек от Каспийской флотилии. Батарею передали 16 упряжных лошадей – по две к каждой картечнице и по четыре к пушкам. Если картечницы имели специальные легкие лафеты и передки, то к пушкам пришлось взять передки от полевых орудий. Из 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады в морскую батарею также назначили 12 солдат для исполнения обязанностей ездовых. Таким образом, строевой состав батареи состоял из двух офицеров и 42 нижних чинов (Майер, 1886: 15).

Батарею снабдили палаточным лагерем, а также 40 верблюдами при 7 персах-вожатых: 17 верблюдов предназначались для транспортировки патронов и снарядов, 6 для доставки 10-дневного запаса провианта, еще 6 для семидневной порции овса, 5 для палаточного лагеря, 2 для запасов воды, 4 под кухню и солдатские вещи. Перед выступлением в поход батарею выделили еще 5 запасных верблюдов при 1 персе-погонщике (Завоевание, 1887: 15).

11 июня, перевалив через горный хребет Копет-Даг, морская батарея пришла в Бами. «Копет-Даг можно вполне назвать мертвыми горами – до того бедна на нем флора и фауна. На возвышенностях нигде не видно ни малейшего признака зелени, всюду, куда глаз ни взглянет, виднеются лишь голые глыбы песка, извести, глины или камня. Лишь на дне горных ущелий, где протекают кое-где ручейки, встречается приземистый кустарник, бурьян и верблюжья колючка» (Макшеев, 1896: 124). Главные степи и пустыни остались позади, и далее отряду Скобелева предстояло пройти до Геок-Тепе 112 верст (119,5 км) уже по плодородной территории оазиса. Генерал предложил текинцам покориться, но вместо ответа они совершили налет на русские аванпосты. Тогда, укрепившись в Бами, Скобелев сосредоточил усилия на доставке с берегов Каспия припасов и создании в Бами мощной передовой базы снабжения. На всех основных этапных пунктах и колодцах с интервалами в 2–3 перехода построили укрепления (Военная энциклопедия, 1911).

К 20 декабря Скобелев сосредотачивает в укреплении Самурское (12 верст от Геок-Тепе) запасов на 8 тыс. человек до начала марта 1881 года. Не ограничившись этим, он посылает в Персию полковника Генерального штаба Николая Ивановича Гродекова (1843–1913), начальника штаба войск Закаспийской области, который заготавливает 146 тыс. пудов необходимых запасов на персидской

территории, всего в одном переходе от Геок-Тепе. Это должно было обеспечить довольством войска после взятия крепости (Артамонов, 1884: 8).

Батарея приняла в этих делах активное участие, но основная заслуга морского отряда – в обеспечении бесперебойного снабжения войск. Оставшихся после формирования батареи балтийских моряков дополнили матросами Каспийского экипажа и распределили по четырем паровым катерам. Два из них обслуживали неудобный Чекишлярский рейд, где из-за мелководья грузы приходилось за четыре версты от берега перегружать с приходящих морских судов на туркменские лодки и баржи. Еще один катер служил в Красноводске, а один с трудом доставили по реке Атрек в аул Дузлу-Олум (в 47 верстах выше Чага), причем часть пути его пришлось буквально нести на руках. Вскоре убедились, что Чекишляр как порт крайне неудобен из-за мелководного рейда и опасной близости к персидской границе (Артамонов, 1884: 10).

В связи с этим основную базу пришлось перенести в Красноводск. Отсюда вглубь территории решили строить железную дорогу. Ее строили военные. Работами руководил начальник военных сообщений Закаспийского края генерал-лейтенант Михаил Николаевич Анненков (1835–1899). Специально для строительства дороги был сформирован 1-й Закаспийский железнодорожный батальон. Огромное количество продовольствия, боеприпасов, вооружения, да к тому же еще подвижной состав и все необходимое для строительства железной дороги пришлось доставлять из Астрахани. Именно эти перевозки и было поручено организовать и обеспечить Макарову (Кончевский, 1881: 4).

Доставлять в Красноводск войска и грузы приходилось на небольших пароходах волжской компании «Кавказ и Меркурий». Они с этим явно не справлялись. Тогда Макаров нанял около ста грузовых парусных шхун. Их экипажи состояли из местных жителей с явными контрабандистскими наклонностями. Они понятия не имели о графике прибытия под погрузку и выхода в море, сроках стоянок и переходов, а главное, и не хотели этого понимать. Макарову пришлось много поработать, чтобы своевременно доставить войскам более 800 тыс. пудов груза. Сразу возник и целый ряд технических проблем. Например, нагруженные шпалами шхуны не выдерживали ударов волн. Были случаи, когда они просто разваливались даже при небольшом волнении моря. Тогда Макаров предложил новый способ погрузки, при котором шпалы укрепляли борта судов. Очень сложно было перевозить тяжелый железнодорожный подвижной состав на маленьких шхунах и пароходах. Но и здесь было найдено решение (РГВИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 7. Л. 134).

Затем Макаров обследовал Михайловский залив и установил пригодность его фарватера для проведения барж. Тут же в заливе началось строительство пристаней, что по сравнению с дорогой от Красноводска позволило сократить путь до действующей армии более чем на 120 верст. 24 августа от Михайловского укрепления повели железную дорогу к Кызыл-Арвату. До января 1881 г. удалось пройти около половины пути: на 83 версты (88,5 км) проложили паровозную железную дорогу почти до колодцев Айдин; от них еще 27 верст (28,8 км) шла конная железная дорога (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 232. Л. 477; Оп. 1. Д. 230. Л. 74).

Когда возникла идея использовать для перевозок реку Артек, то на обследование ее пошел тоже Макаров. Он взял паровой катер и две лодки. Эта река не впадала в море, а недалеко от него расходилась по многочисленным каналам на орошение полей. Плавание по ней было чрезвычайно трудным из-за крутых поворотов, мелей и горных теснин. Оно было и весьма опасным в связи с постоянной угрозой нападения текинцев. Около 300 верст прошел Макаров по этой реке и убедился в невозможности использования ее для перевозок. Катер Макарова по достижении Яглы-Олума (в основном волоком) был оставлен как опреснитель воды для гарнизона. Сил на обратную дорогу у экипажа просто не осталось (РГВИА. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2267. Л. 10-15).

Кроме балтийских катеров, в Ахалтекинской экспедиции принимали участие суда Каспийской флотилии. С начала экспедиции шхуна «Персиянин», пароход «Баку» и транспорт «Аист» содействовали исполнению всяких внезапных потребностей, которые неизбежно возникали при подобных военных экспедициях. Пароход «Наср-Эддин Шах» был переоборудован в госпитальное судно и возил раненых в Петровск и Баку, так что никогда не было переполнения госпиталей в Чекишляре и Красноводске. Речные пароходы «Чекишляр» и «Аракс» работали, перевозя грузы между Красноводском и Михайловским заливом, вместе с баржами «Нырок» и «Гагара» и баркасом «Проворный». В августе флигель-адъютантом Макаровым были приведены из Астрахани старые морские транспорты «Астрабад» и «Колпик», баржи № 30 и № 31 и две приобретенные на средства экспедиции баржи, служившие также для перевозки грузов. Кроме того, после штурма Геок-Тепе транспорты «Астрабад» и «Колпик» тоже были приспособлены для перевозки больных и раненых (РГВИА. Ф. 167. Оп. 1. Д. 39. Л. 139-144).

Среди всех этих дел и забот Макаров успевал следить за действиями своей батареи. А она действительно постоянно находилась на самых опасных участках в наступавших колоннах русских войск. Картечницы оказались очень эффективными при отражении атак текинской конницы. Часто, увидев в боевых порядках картечницу, текинцы не решались атаковать и отступали. «Блистательно действовали моряки в этом пробном для них горячем деле, – писал Скобелев С.О. Макарову. – Картечницы на моих глазах отразили лихой натиск текинской кавалерии». Во время осады крепости Геок-Тепе артиллерия пределала брешь в одной из ее стен. После этого гардемарин Майер с группой

матросов ночью подполз к стене, заложил там большой заряд пироксилина и подорвал его, в результате чего брешь была значительно расширена (Майер, Тагеев, 1998: 126).

Из рапорта Макарова управляющему Морским министерством об участии военно-морских частей в Ахал-Текинской экспедиции, № 252 от 5 августа 1880 г.: «14 июня я послал мое первое письмо на имя бывшего управляющего Морским министерством адмирала Степана Степановича Лесовского. Военные события последних дней заставляют меня, не откладывая, писать теперь же. План, который командующий войсками поставил себе задачей, заключался в том, чтобы ознакомиться с неприятелем. С этой целью неоднократно рассылались небольшие отряды от Баи в разные стороны, и, наконец, в начале прошлого месяца командующий войсками составил небольшой отряд в 800 человек при 6 орудиях и 4 картечных морской батареи и отправился на рекогносцировку до Геок-Тепе. Под Геок-Тепе небольшой отряд встречен был громадным числом текинцев, тем не менее удалось подойти на такое расстояние, что можно было снять рисунок укрепления, куда пущена сотня разрывных снарядов. Когда топографические работы были окончены, то отряд начал отступать, и тут на него напали текинцы, которых, по общим отзывам, было не менее 20 тыс., в официальном донесении сказано 10 тыс. Только благодаря той громадной опытности, которую приобрел командующий войсками в прежних своих азиатских походах и благодаря его военному таланту отряд мог остаться цел. Командующий войсками отзывается с большой похвалой о действии картечных морской батареи и о смелости и бравости как ее командира лейтенанта Шемана, так и всех нижних чинов. Текинцы несколько раз почти наскakивали на картечники, но сильный огонь последних останавливал натиск. Из прилагаемой копии с рапорта лейтенанта Шемана, Ваше превосходительство, увидите все подробности о действии картечных, о которых все отзываются с большой похвалой. Подлинный рапорт я представляю командиру Бакинского порта. Нижним чинам морской батареи пожаловано 5 Георгиевских крестов на 20 человек, бывших в деле. Лейтенант Шеман представлен к следующему чину, а гардемарин Майер – к знаку отличия военного ордена...» (ЦГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2267. Л. 10-15).

В этот раз Геок-Тепе было решено взять не штурмом, а правильной осадой – в лучших традициях маршала Вобана (Sébastien Le Prestre, marquis de Vauban; 1633–1707). Устройство текинской крепости было уже известно Скобелеву. Подробности сообщил канонир Петин, бежавший из плена в конце лета 1880 г. после двухлетнего там пребывания (1878–1880 гг.). Он вылепил из глины макет крепости, и довольно верно, что подтвердилось впоследствии. 23 декабря в 300 саженьях (порядка 600 м) от крепости была заложена первая параллель (линия окопов), в ночь с 27 на 28 декабря – вторая. Ночью направление работ определялось по минным фонарям на вехах или лентах белой марли – прием, сохранившийся вплоть до мировых войн XX века. Защитники крепости тоже не сидели без дела: внезапной ночной вылазкой 28 декабря 4–5 тыс. текинцев, преимущественно с холодным оружием, буквально изрубили часть саперов с прикрытием артиллеристов (всего погибло 5 офицеров и 91 солдат) и унесли с собой горное орудие. Возле орудия пал смертью храбрых подполковник князь Дмитрий Осипович Мамацев (Иосифович Мамацашвили; ?–1880), начальник артиллерии правого фланга. 30 декабря сделали вылазку 6 тыс. текинцев, сопровождаемых женщинами и детьми с мешками для добычи, т.к. настолько были уверены, что русские отступят. Им удалось захватить еще одно орудие и несколько ящиков со снарядами, перебив большую часть роты прикрытия (Артамонов, 1884: 29).

Так произошел самый удачный для текинцев бой в эту войну, в котором они понесли ничтожные потери. Дух их был поднят этим обстоятельством высоко. Они думали, что перебили половину русских и получили возможность стрелять из захваченных орудий, но они не постигли установки дистанционной трубки на разрыв: с утра в русский лагерь стали залетать снаряды, не приносившие вреда. Хотя им удалось захватить в плен бомбардира 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады Агафона Лазаревича Никитина (1848–1880), но он отказался стрелять из взятого орудия и был подвергнут за это жестокому мучению и казни. В 1882 г. по Высочайшему повелению была открыта всероссийская подписка на памятник Никитину, а его родные были щедро обеспечены. Этот монумент был воздвигнут в 1886 г. в Темир-Хан-Шуре (с 1922 г. – Буйнакск). Кроме того, А. Никитин стал вторым военным служащим России, посмертно занесенным навечно в списки своей части (Майер, Тагеев, 1998: 51-52).

Опасаясь, что, если осада затянется, к защитникам Геок-Тепе могут прибыть новые подкрепления, а его собственные отряды будут деморализованы и потеряют боевой дух, Скобелев принял решение рыть подкоп под стену, которую предстояло подорвать и таким образом разрушить оборону. Саперы работали в подкопе в условиях нехватки кислорода, теряли сознание, но подкоп постепенно продвигался вперед. Осажденные особо не препятствовали прокладке траншей к стенам крепости и минным работам, так как по незнанию думали, что враги пытаются прорыть обычный подземный ход в крепость. «Русские настолько глупы, что роют подземный ход, – говорили они, – когда они станут оттуда вылезать один за другим, мы их поодиночке и изрубим!» Поэтому за стеной, возле места предполагаемого окончания тоннеля, постоянно дежурило несколько сотен вооруженных бойцов. Естественно, когда мина сработала, они вместе со стеной взлетели на воздух (Осада, 1882: 24).

4 (17) января, пока наверху шел бой и перестрелка, саперы незаметно подобрались к стенам. Командир морской батареи, лейтенант Шеман 9 (22) января был ранен в левую руку пулей навывлет в

то время, когда он готовился заложить мину. Взрывчатка была доставлена по подкопу добровольцами и заложена точно под стены, всего заложили туда 72 пуда (около 1,2 т) пироксилина. Все было готово к штурму. 12 (25) января 1881 г. рано утром русские войска выстроились в три колонны, которыми командовали полковники Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925), Петр Андреянович Козелков (?–1888) и подполковник Наум Касьянович Гайдаров (1827–1901). Проезжая вдоль шеренг, Скобелев предупредил, что приказа на отступление не будет ни при каких условиях. По воспоминаниям участников день штурма был «солнечным и тихим, с ясного неба лились теплые солнечные лучи» (Куропаткин, 1899: 148).

В 11.30 была взорвана мина, подведенная под стену крепости. Взрыв невероятной силы создал в стене большой проход и ошеломил текинцев. В пролом немедленно бросилась колонна Куропаткина, а следом и другие русские подразделения, спешившие использовать эффект внезапности. Это позволило ворваться в крепость. Внутри началась рукопашная схватка. Текинцы оказывали яростное сопротивление русским войскам и отчаянно дрались, несмотря на то, что никаких надежд на победу у них уже не было. По воспоминаниям очевидцев, слышались хриплые крики, лязганье железа, треск выстрелов, пронзительные вопли тысяч женщин и детей, сбившихся в огромную толпу в середине крепости. Отряд моряков с картечью пробился на крепостную стену и огнем своего орудия расчищал путь солдатам. Во время штурма из состава батареи были ранены гардемарин Майер и три матроса (Майер, 1886: 35; Завоевание, 1887: 128–129).

Сражение длилось несколько часов. Скобелев наблюдал за его ходом с высокого холма, где расположился штаб. К вечеру защитники Геок-Тепе, бросив жен и детей, стали отступать двумя большими отрядами в сторону песков, и генерал лично принял участие в погоне. Во главе отряда казаков и драгун он преследовал их на протяжении 15 км до наступления темноты. Пехота двигалась позади и прошла 10 км, уничтожая отставших джигитов. Всего погибло около 8 тыс. текинцев, покинувших крепость, и 6,5 тыс. внутри крепости. В прессе были обвинения, что Скобелев устроил резню, но дело в том, что даже раненые текинцы никогда в плен не сдавались. Среди убитых были и женщины, оказавшие вооруженное сопротивление, так как некоторые текинцы имели оружие и стреляли не хуже мужчин. До 600 персиян-рабов были освобождены и отпущены на свободу. На свободе они немедленно занялись повальным грабежом, так что пришлось и против них применять меры воздействия (Завоевание, 1887: 132).

Собственные потери Скобелева при штурме и преследовании составили 268 убитых и 669 раненых, часть из которых впоследствии скончалась. Всего за 23 дня осады вышли из строя 1104 человека из 8000. Среди погибших оказались генерал, два полковника и одиннадцать офицеров, сорок офицеров были ранены. Из моряков умерли от ран: капитан-лейтенант Николай Николаевич Зубов (?–1881), присоединившийся к отряду в середине декабря, и командовавший одной из осадных батарей подполковник морской строительной части Алексей Николаевич Яблочков (1852–1881), принимавший деятельное участие в осадных работах. Патронов было выпущено 872 тыс., снарядов – 12,4 тыс. По словам уцелевших текинцев, наибольший ущерб им причиняли бомбы мортир (Куропаткин, 1899: 128).

«Сегодня после кровопролитного боя, все укрепленные позиции Геок-Тепе взяты штурмом; неприятельские полчища по всей линии обращены в бегство; их рубили на протяжении 15-ти верст. Победа полная; мы взяли массу оружия, орудия, снаряды, лагерь, довольствие. Потери неприятеля громадные. Войска дрались, безусловно, молодецки», – докладывал Скобелев о результатах этого штурма (Артамонов, 1884: 33).

19 февраля (3 марта) 1881 г. по указу императора Александра II была учреждена медаль для ношения на груди, на георгиевской ленте «За взятие штурмом Геок-Тепе». Она имела два основных варианта – серебряный и бронзовый. Серебряной медалью награждались все военные, строевые и нестроевые, ополченцы и волонтеры, медицинские работники и священники, участвовавшие в штурме крепости Геок-Тепе. Бронзовой награждались военные, ополченцы, волонтеры, вольнонаемные работники, чиновники, медицинские работники и священники, служившие на территории Закаспийской области в 1877–1880 годах. Было отчеканено 3 золотых, 11 301 серебряных и 18 923 бронзовых медалей. Так как 7 мая 1881 г. по указу Александра III золотыми медалями были награждены шах Персии Насреддин Каджар (1831–1896) и его военный министр Сапехсалар-Азам-Мирза-Хусейн-хан (1836–1881), а 17 августа 1881 г. был также награжден министр иностранных дел Персии Мирза Саид-хан (1816–1883) (Полное собрание, 1861: Т.55/1, 925–925).

Генерал М.Д. Скобелев, покидая Красноводск, издал следующий приказ: «Расформирование морской батареи и возвращение господ офицеров к своим частям по случаю окончания военных действий дает мне случай вновь высказать по долгу службы господам офицерам и молодцам матросам то искреннее уважение, которое внушили они боевым товарищам... В обстановке, для них совершенно чуждой, моряки еще раз доказали, как в незабвенные дни Севастополя и турецкой войны, что им по плечу все славное, доблестное, молодецкое. Участвуя во всех крупных делах экспедиции, морская батарея показала себя на высоте доблестных преданий нашего флота и кровью закрепила за собой свою заслуженную славу. От глубины всего сердца и убеждения благодарю флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Макарова, командира батареи лейтенанта Шемана,

мичманов Голикова и Майера. Молодцам матросам еще раз спасибо: они доблестно исполнили долг присяги и службы и гордо могут смотреть в глаза товарищам» (Врангель, 1911: 138).

4. Заключение

В день штурма было захвачено в плен более 6 тыс. женщин и детей, которые сразу были переведены в особый лагерь и взяты под охрану, пока шла «зачистка» крепости. На другой день им были отведены кибитки, отпускался провиант, возвращены многие вещи, взятые в крепости, вообще обращение с ними было самое гуманное. Когда текинкам было позволено забрать из кибиток необходимые вещи, но практически все выбирали самое плохое, будучи твердо уверены, что иначе русские это отберут. Действительно 3 дня солдатам разрешалось брать все, что «плохо лежит». Позднее Скобелев объяснял этот приказ тем, что менталитет кочевника таков – «если его, победив, не ограбили, то и поражения нет».

В марте явился к генералу Скобелеву с покорностью хан Тыкма-Сердарь (?–1882), который в течение всей экспедиции был душой сопротивления. Командующий войсками, в знак уважения его храбрости, возвратил ему саблю, которую он отдал в знак своей покорности. Ахал-Текинский оазис смирился, а его правители присягнули на верность России.

Литература

Артамонов, 1884 – *Артамонов Л.К.* Покорение туркмен-текинцев русскими войсками под начальством генерала Скобелева в 1880–1881 гг., С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. 34 с.

Боевая летопись, 1948 – Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г., М., Военное издательство министерства вооруженных сил СССР, 1948. 485 с.

Васильев, 2014 – *Васильев А.Д.* Участие морского ведомства в Ахалтекинской экспедиции // *Восточный архив*, 2014. № 1 (29), С. 15-19.

Военная энциклопедия, 1911 – Военная энциклопедия / Под ред. В.О. Новицкого, А.В. фон Шварца, В.А. Апушкина и Г.К. фон Шульца. 2-е изд., СПб. Товарищество И.Д. Сытина, 1911–1915 гг.

Врангель, 1911 – *Врангель Ф.Ф.* Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. В 2 ч. СПб., 1911–1913.

Гродеков, 1883 – *Гродеков Н.И.* Поездка ген. шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. V. СПб., 1883.

Завоевание, 1887 – Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева. СПб., 1887 г.

Кадырбаев, 2011 – *Кадырбаев А.Ш.* Андреевский флаг в центре Азии // *Восточный архив*. 2011. № 1 (23). С. 17-26.

Каторин, Кузнецов, 2014 – *Каторин Ю.Ф., Кузнецов Л.А.* Из истории Аральской флотилии // *Гангут*. 2014. № 82. С. 135-150.

Кончевский, 1881 – *Кончевский Н.* Воспоминания невоенного человека об Ахал-Текинской экспедиции // *Дело*. 1881. № 7.

Куропаткин, 1899 – *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб. Издал В. Березовский, 1899.

Майер, 1886 – *Майер А.А.* Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции (Из воспоминаний раненого). Кронштадт, тип. «Кронштадтский вестник», 1886.

Майер, Тагеев, 1998 – *Майер А.А., Тагеев Б.Л.* Полуденные экспедиции. Очерки, М., Воениздат, 1998. 351 с.

Макшеев, 1896 – *Макшеев А.* Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., Военная Типография, 1896.

Осада, 1882 – Осада и штурм текинской крепости Геок-Тепе. СПб., Типография брат. Пантелеевых. 1882. 50 с.

Полное собрание, 1861 – Полное собрание законов Российской империи, собрание II., СПб., 1861. Т. 55/1.

Присоединение, 1960 – Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов)». Ашхабад, изд-во АН ТССР, 1960. 823 с.

Семанов, 1972 – *Семанов С.Н.* Макаров. М., 1972. 288 с.

Терентьев, 1903 – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1–3. СПб., Типолитография В.В. Комарова, 1903.

Туган-Мирза-Барановский, 1881 – *Туган-Мирза-Барановский В.А.* Русские в Ахал-Теке. СПб., тип. В.В. Комарова, 1881. 176 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЦГАВМФ – Центральный государственный архив Военно-морского флота.

Katorin et al., 2017 – *Katorin Yu.F., Shadymov A.V., Glebanova A.Yu.* Participation of Aral military flotilla and the accession of Central Asia to the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2017. № 43 (1). pp. 48-58.

Ross, Skrine, 2004 – Ross E.D., Skrine F.H.B. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London: Methuen & co., 1899; London – New York: Routledge, 2004.

References

Artamonov, 1884 – Artamonov L.K. (1884). Pokorenie turkmen-tekintsev russkimi voiskami pod nachal'stvom generala Skobeleva v 1880–1881 gg. [Subjugation Turkmen-tekintsev by the Russian troops under the authorities of General Skobelev in 1880–1881]. S.-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. 34 p. [in Russian]

Boevaya letopis', 1948 – Boevaya letopis' russkogo flota. Khronika vazhneishikh sobytii voennoi istorii russkogo flota s IX v. po 1917 g. [The combat chronicle of Russian fleet. Chronicle item of the outstanding events of the military history of Russian fleet with IX v. on 1917]. M., Voennoe izdatel'stvo ministerstva vooruzhennykh sil SSSR, 1948. 485 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2014 – Vasil'ev A.D. (2014). Uchastie morskogo vedomstva v Akhaltekinskoi ekspeditsii [Participation of sea department in The akhaltekinskaya expedition]. *Vostochnyi arkhiv*, № 1 (29). pp. 15–19. [in Russian]

Voennaya entsiklopediya, 1911 – Voennaya entsiklopediya [Military encyclopedia]. / Pod red. V.O. Novitskogo, A.V. fon Shvartsa, V.A. Apushkina i G.K. fon Shul'tsa. 2-e izd., SPb. Tovarishchestvo I.D. Sytina, 1911–1915 g. [in Russian]

Vrangel', 1911 – Vrangel' F.F. (1911). Vitse-admiral Stepan Osipovich Makarov [Vice-admiral Stepan Osipovich Makarov]. V 2 ch. SPb. [in Russian]

Grodekov, 1883 – Grodekov N.I. (1883). Poezdka gen. sht. polkovnika Grodekova iz Samarkanda cherez Gerat v Afganistan (v 1878 godu) [Trip gen. pcs Colonel Grodekova from Samarkand through Herat to Afghanistan (in 1878)]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. Vyp. V. SPb. [in Russian]

Zavoevanie, 1887 – Zavoevanie Akhal-Teke. Ocherki iz poslednei ekspeditsii Skobeleva [Descriptions from the last expedition of Skobeleva]. SPb., 1887. [in Russian]

Kadyrbaev, 2011 – Kadyrbaev A.Sh. (2011). Andreevskii flag v tsentre Azii [Andreev's flag in the center of Asia]. *Vostochnyi arkhiv*. № 1 (23). pp. 17–26. [in Russian]

Katorin, Kuznetsov, 2014 – Katorin Yu.F., Kuznetsov L.A. (2014). Iz istorii Aral'skoi flotilii [From the history of Aral flotilla]. *Gangut*. № 82. pp. 135–150. [in Russian]

Konchevskii, 1881 – Konchevskii N. (1881). Vospominaniya nevoennogo cheloveka ob Akhal-Tekinskoj ekspeditsii [Recollections of nonmilitary person about the Gasp-turkoman expedition]. *Delo*. № 7. [in Russian]

Kuropatkin, 1899 – Kuropatkin A.N. (1899). Zavoevanie Turkmenii. (Pokhod v Akhal-Teke v 1880–1881 gg.). S ocherkom voennykh deistvii v Srednei Azii s 1839 po 1876 g. [Achievement of Turkmenia. (March in it gasped – Teke in 1880–1881 the yr.). With the description of military actions in Central Asia s 1839 at 1876 g.]. SPb., Izdal V. Berezovskii. [in Russian]

Maier, 1886 – Maier A.A. (1886). Nabroski i ocherki Akhal-Tekinskoj ekspeditsii. (Iz vospominanii ranenogo) [Sketches and descriptions it gasped-Tekinskoj expedition. (From the recollections of injured)]. Kronshtadt, tip. «Kronshtadtskii vestnik». [in Russian]

Maier, Tageev, 1998 – Maier A.A., Tageev B.L. (1998). Poludennye ekspeditsii. Ocherki [Midday expeditions. Descriptions]. M., Voenizdat. 351 p. [in Russian]

Maksheev, 1896 – Maksheev A. (1896). Puteshestviya po kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu [Journeys through the Kirghiz steppes and the Turkestan edge]. SPb., Voennaya Tipografiya. [in Russian]

Osada, 1882 – Osada i shturm tekinskoj kreposti Geok-Tepe [Siege and the assault of turkoman fortress Geop-Tepe]. SPb., Tipografiya brat. Panteleevykh. 1882. 50 p. [in Russian]

Polnoe sobranie, 1861 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete sobranie of zakonov of Rossiyskoy Imperii]. sobranie II., SPb., 1861. T. 55/1. [in Russian]

Prisoedinenie, 1960 – Prisoedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arkhivnykh dokumentov)» [The connection of Turkmenia to Russia (collection of archive documents)]. Ashkhabad, izd-vo AN TSSR, 1960. 823 p. [in Russian]

Semanov, 1972 – Semanov S.N. (1972). Makarov [Makarov]. M., «Molodaya gvardiya». 288 p. [in Russian]

Terent'ev, 1903 – Terent'ev M.A. (1903). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [History of the achievement of Central Asia]. T. 1–3. SPb., Tipolitografiya V.V. Komarova. [in Russian]

Tugan-Mirza-Baranovskii, 1881 – Tugan-Mirza-Baranovskii V.A. (1881). Russkie v Akhal-Teke [Russians in it Axal-Teke]. SPb., tip. V.V. Komarova. 176 p. [in Russian]

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

TsGAVMF – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Central State Archive of the Navy]

Katorin et al., 2017 – Katorin Yu.F., Shadymov A.V., Glebanova A.Yu. (2017). Participation of Aral military flotillaind the accession of Central Asia to the Russian Empire. *Bylye Gody*. № 43 (1). pp. 48–58.

Ross, Skrine, 2004 – Ross E.D., Skrine F.H.B. (2004). The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London: Methuen & co., 1899; London – New York: Routledge.

Моряки в Ахал-Текинской экспедиции

Юрий Федорович Каторин ^{a,*}, Анатолий Павлович Ныркoв ^a, Владимир Борисович Каратаев ^{b,c}

^a Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья знакомит с малоизвестными аспектами покорения Российской империей Средней Азии – участием в этом Военно-морского флота. Описаны осада и штурм крепости Геок-Тепе.

Материалами послужили документы Российского государственного архива Военно-морского флота, мемуары участников экспедиции, опубликованные отчеты, а также материалы периодической печати того времени. Важное место занимают дореволюционные и современные исследования по истории присоединения Средней Азии к Российской империи. Методологической основой работы послужили основополагающие методы объективности, системности и диалектической взаимосвязи явлений, методы историзма, сравнительного анализа и синтеза, способствующие критически-аналитическому осмыслению событий и фактов далекого прошлого, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

Освещена роль флотилии в материальном обеспечении экспедиции русской армии в Туркестане, а также приведены случаи непосредственного участия моряков в боевых действиях. Анализируется роль С.О. Макарова в организации снабжения войск.

Ключевые слова: Завоевание Средней Азии, М.Д. Скобелев, С.О. Макаров, оазис Ахал-Теке, крепость Геок-Тепе, экспедиция русской армии в Ахалтекинский оазис, Каспийская военная флотилия.

* Корреспондирующий автор

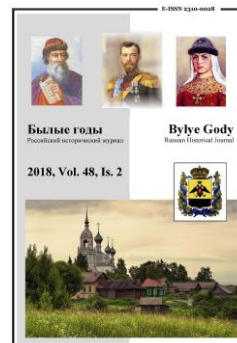
Адреса электронной почты: katorin@mail.ru (Ю.Ф. Каторин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 639-646. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.639
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Problem of Nihilism on the Pages of the Regional Church Periodicals (based on the Materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870–1890s)

Aleksandr E. Kotov ^{a, *}, Vladimir V. Kalinovsky ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The pro-government press for a long time considered revolutionary movement of the 1860's as a product of external forces - primarily "Polish intrigue." However, the first attempts on Alexander II showed that the latter was of an internal nature. Conservative publicists had to look for the roots of the revolution within Russian society itself. At the turn of the 1870's - 1880's, anti-nihilistic pamphlets N.A. Lyubimov, N.N. Golitsyn, P.P. Tsitovich, M.F. De-Poulet had a great resonance. The church press looked at the problem of nihilism and terrorism a little differently - its very status had it to look for deeper roots of what was happening. Very interesting is the content of the regional church press - first of all, the diocesan ecclesiastical records, which are important sources on the history of Russian Orthodoxy in the Synodal period. Most often the editorial board placed on its pages the speeches, words and sermons of the most prominent diocesan church orators and publicists. These texts, as a rule, dealt with the contradictions between political doctrines and norms of Christian morality. The materials of the diocesan magazine show how the problems of the state scale were reflected and interpreted in the regional spiritual environment.

Keywords: Conservatism, populism, terrorism, journalism, Crimea, Tavricheskie eparchialnie vedomosti.

1. Введение

Революционное движение 1860-х гг. долгое время рассматривалось проправительственной печатью как порождение внешних сил, прежде всего «польской интриги». В этой «конспирологии» имелось и рациональное зерно: М.Н. Катков и другие литературные защитники государственного единства стремились таким образом подчеркнуть внешний характер революционной угрозы. Впрочем, уже первые покушения на Александра II показали, что последняя имеет внутреннюю природу. К концу 1860-х годов тема «польской интриги» отходит в антинигилистическом дискурсе на второй план. Консервативные публицисты все чаще ищут истоки революции внутри самого русского общества: в невежестве и «полуобразованности» разночинной молодежи, в космополитизме аристократической и бюрократической элиты.

2. Материалы и методы

В источниковедческом плане акцент сделан на изучении малоисследованного провинциального издания – «Таврических епархиальных ведомостей». Анализ современной отечественной историографии по теме исследования подтверждает, что представленные в статье вопросы по-прежнему актуальны в научной литературе и нуждаются в дополнительном изучении.

В методологическом плане работа опирается на принципы историзма и объективности. При проведении исследования применялись традиционные для отечественной историографии методы: сравнительно-исторический и историко-типологический. Первый в особенности позволил проанализировать изучаемые процессы в их взаимосвязи и противоречивости. В исследовании также

* Corresponding author.

E-mail addresses: a.kotov@spbu.ru (A.E. Kotov), v.kalinovsky@spbu.ru (V.V. Kalinovsky)

применены историко-описательный и политико-описательный методы. Они обеспечивают сопоставление концепций дореволюционных авторов, писавших о проблематике нигилизма и терроризма – как светских консерваторов, так и церковных публицистов.

3. Обсуждение и результаты

На рубеже 1870–1880-х годов широкий резонанс получили антинигилистические и антиреволюционные памфлеты Н.А. Любимова, Н.Н. Голицына, П.П. Цитовича, М.Ф. Де-Пуле. Де-Пуле искал истоки нигилизма в системе образования (Де-Пуле, 1881: 27), Цитович – в крепостном праве (Цитович, 1879: 10-11). Любимов объяснял французскую революцию либеральными уступками правительства (Любимов, 1881: 649). Князь Н.Н. Голицын напоминал своим оппонентам о теории Дарвина: «За нами – Бог и Русь, за вами – коммуна и обезьяна» (Голицын, 1879: 12). С.С. Татищев в своем «Обзоре социально-революционного движения в России», напечатанном в 1880 г. «по распоряжению III Отделения», искал корни революционного движения на Западе, прежде всего во Франции, которая к XVIII в. «более других государств Европы пережила политических переворотов и пережила их в относительно короткий промежуток времени». В этих тяжелых условиях поиски французской мыслью «более устойчивых или, что то же, более истинных форм общественной и государственной жизни» не могли не сопровождаться спорами, «подтасовкой фактов и освещения их различными фактами по их усмотрению», а следовательно, «исторический метод естественно уступал место гипотетическому». Это и привело к популярности в стране различных социальных утопий (Татищев, 1880: 1-2).

Схожим был подход к революционному движению и другого знаменитого «катковца» – И.Ф. Циона. Этот профессор-физиолог отмечал теоретическую слабость народнических воззрений: «их группа [...] в течение 10–15 лет чуть не каждый месяц меняла свою систему, свою программу действия, свое название». Не видел И.Ф. Цион необходимости и в подробном анализе различных теоретических направлений революционно-демократической мысли: «Не все ли равно, под каким соусом нас съедят, когда все согласны между собою в том, что съест нас необходимо, что общественный и государственный строй России нужно разрушить до основания, что из всего здания, носящего еще название Русской империи, не следует оставлять камня на камне» (Цион, 1886: 9).

Несколько иначе смотрела на проблему нигилизма и терроризма церковная печать, в силу самого своего статуса вынужденная искать более глубокие корни происходящего. Ю.А. Сафронова в своем исследовании, посвященном реакции пореформенного общества на «убийственную силу динамита», указывает, что сам факт гибели богохранимого самодержца побуждал проповедников и духовных публицистов «объяснять не причины покушений, а причину Божьего “попущения” злоумышлениям на императора» (Сафронова, 2014: 73). Это, с одной стороны, исключало «возможность наказания таким образом самого Александра II» (Сафронова, 2014: 74), с другой, – настраивало аудиторию на необходимость поиска имманентных русскому обществу причин происходящего.

Впрочем, исследовательница дает обзор и анализ материалов, прежде всего, центральных духовных изданий. Между тем немалый интерес представляет содержание региональной церковной прессы, прежде всего епархиальных церковных ведомостей, являющихся одним из наиболее важных источников по истории русского православия в синодальный период. Поскольку епархиальные ведомости выходили в 63-х епархиях, с помощью материалов этих журналов можно максимально полно воссоздать насыщенную историю конфессиональной жизни России второй половины XIX – начала XX вв. Обращение к епархиальной периодике помогает восстановить картину настроений православного духовенства, реакцию духовного сословия на проявления религиозной и политической нетерпимости.

Официальный печатный орган Таврической епархии – «Таврические епархиальные ведомости» – начали издаваться в Симферополе 1 сентября 1869 г. (Об издании Таврических епархиальных ведомостей, 1869: 1-2). Инициатором их создания был выдающийся миссионер, богослов и администратор, епископ (с 1881 г. – архиепископ) Гурий (Карпов). Программа издания принципиально не отличалась от аналогичных газет, выходивших в других регионах. «Ведомости» состояли из двух частей. В официальном отделе публиковались императорские манифесты, постановления и распоряжения Синода и местного епархиального начальства, а также другие документы. В неофициальной части помещались речи, слова и проповеди, публицистические и богословские работы, материалы по истории и археологии. Именно неофициальный отдел епархиальных ведомостей следует считать тем зеркалом, в котором отразились основные идеи и переживания таврического духовенства, связанные с происходившими в России событиями.

Проповеди и речи, опубликованные в этой части журнала, зафиксировали периоды активизации и успокоения общественной жизни, составив, таким образом, не только летопись епархиальной и государственной жизни, но и региональную энциклопедию религиозной публицистики. Эти материалы, авторами которых были наиболее талантливые представители церковной среды, должны были помогать священникам на местах, давая им готовые и одобренные епархиальным начальством примеры обращений к пастве. Программа «Таврических епархиальных ведомостей» предполагала, что в неофициальном отделе будут публиковаться «статьи по поводу

современных вопросов, возбуждаемых в литературе и практике и имеющих отношение к Православной вере, церкви, духовенству, религиозно-нравственному состоянию народа и проч.» и «корреспонденции, выписки, указания на особенно замечательные события в церковно-религиозной жизни вообще, и в Таврической епархии в частности» ([Об издании Таврических епархиальных ведомостей..., 1870: 914-915](#)).

При анализе содержания публикаций «Таврических епархиальных ведомостей» важно учитывать несколько факторов, связанных с полиэтничностью и поликонфессиональностью Крыма. Традиционно полуостров населяли представители христианства, ислама и иудаизма, причем в рассматриваемый период (70–90-е годы XIX века) далеко не во всех уездах губернии православные составляли большинство населения. В таких случаях храмы выполняли функции своеобразных духовных посольств «политического русского»; тем едва ли не единственным местом, где население могло узнать новости «с большой земли», сопровождавшиеся оценками происходившего, которые давались священниками.

1870-е годы, судя по публикациям «Таврических епархиальных ведомостей», стали для Крыма временем относительного покоя и благополучия. Великие реформы императора Александра II начали давать ощутимые результаты, а сам регион постепенно адаптировался к социально-экономической модели, возникшей после Крымской войны. Единственным зафиксированным проявлением нетерпимости по отношению к духовенству стало нападение псаломщика Ивана Березова на епископа Таврического Гурия (Карпова), произошедшее 24 января 1870 года. Двадцатидвухлетний псаломщик, уволенный из духовного ведомства, встретил владыку в саду при архиерейском доме в Симферополе и нанес ему сильный удар по голове. Известие об этом быстро распространилось по губернскому городу. Иерарха посетили губернатор, предводитель дворянства и городской голова, а симферопольское духовенство направило своему руководителю адрес, в котором выразило свое отношение к пережитому епископом «неудобопереносимому оскорблению» ([Известие, 1870: 355](#)).

Представители клира желали преосвященному Гурию скорейшего выздоровления. Обращает на себя внимание следующая деталь: священнослужитель в адресе особо отметили, что «к большему облегчению скорби нашей мы узнали еще, что оскорбителем не уроженец нашей епархии, а недавний пришелец в ней» ([Известие, 1870: 354-355](#)). Таким образом, практически сразу же появляется мотив «чужого»; того, что беды и недоразумения привнесены извне, в данном случае – из другой епархии. И хотя публично духовенство заявляло о милосердии по отношению к напавшему на епископа «блудному сыну» Ивану Березову (сам владыка свидетельствовал, что не держит на него обиды), это не помешало проведению следствия и суда. Бывший псаломщик получил восемь месяцев тюремного заключения, после чего был отправлен в Бизюков монастырь Херсонской епархии.

Активизация публикаций, направленных против политического радикализма, приходится на начало 1880 г. В целом, издания епархии не выбивались из общего ряда газет и журналов, откликнувшихся на убийство государя. В номере «Таврических епархиальных ведомостей» от 1 марта 1880 года было помещено «Слово» от 19 февраля, посвященное годовщине царствования Александра II и обращенное к местным семинаристам. Его автором был ректор Таврической духовной семинарии архимандрит Арсений (в миру Александр Дмитриевич Брянцев), впоследствии ставший известным миссионером и духовным писателем и занимавший епископские кафедры в Риге, Казани и Харькове. Указывая свершения и величие дел императора, священнослужитель отметил, что находились и находятся люди, которые стараются запятнать правление императора преступными деяниями. В его речи вполне определенно назывались политические предпочтения этих людей, их происхождение и мировоззрение: «Не желалось бы в столь торжественный день упоминать об этих крамольниках, которые, не признавая религии, авторитета церкви, не веруя в Бога, в бессмертие души и в загробную жизнь и не признавая над собой никакой власти, стремятся ниспровергнуть в России существующий порядок и образ правления и, желая под личиной равенства произвести в России безначалие, и чрез то свергнуть ее в погибель...» ([Арсений, 1880: 225](#)).

Сказав «об этих вырождах, позорящих землю русскую», архимандрит Арсений обратил внимание семинаристов на то, что император пережил уже пять покушений. По мнению проповедника, этот факт «ясно показывает покровительство Божие над Россией и ее Государем и составляет величайшее благодеяние Божие для нас – сынов России» ([Арсений, 1880: 226](#)). Призвав воспитанников к молитве о здравии государя, ректор также просил их молиться о том, чтобы «Господь Бог помог нашему Государю и всем нам – сынам России – уничтожить гнездящихся в России внутренних врагов, отвергающих религию, авторитет церкви и всякую земную власть, проповедующих безначалие и мнимое равенство и посягающих на священную жизнь Государя, желая чрез все это подвергнуть бедствию дорогое наше Отечество и нас всех временной и вечной гибели» ([Арсений, 1880: 227](#)).

В схожем ключе выдержано и «Слово» в день Сретения Господня, произнесенное инспектором симферопольского епархиального женского училища священником Николаем Ильинским. В нем он давал характеристику современному ему обществу, в котором развились дух вольнодумства и различные вероучения. Это, по мнению служителя, способствовало распространению стремлений, посягающих на все священное для народа и отечества. Примечательно и трактовка Н. Ильинским политических событий в империи: «шайка преступных вольнодумцев пытается отнять жизнь у

неприкосновенного Помазанника Божия, видимого ангела хранителя общего нашего блага и благосостояния, лишит обширную русскую семью ее Венценосного Отца, чтобы положить конец монархической власти и, неразрывно с ней, – добру, правде, порядку, взаимному доверию и честности – и дать волю произволу, грабежу, насилию» (Ильинский, 1880: 244-245).

Прекрасный полемический прием был использован протоиереем Алексеем Назаревским в «Слове» по поводу пятого покушения на императора. В нем он последовательно обращался к представителям разных сословий, находя каждому из них подходящие эпитеты: доблестное дворянство, храброе христолюбивое воинство, честное царелюбивое купечество и многострадальное крестьянство. Не было забыто и духовенство. У представителей сословий священнослужитель спрашивал: «За что злодеи поднимают руку на помазанника Божия?» – и сам отвечал от их имени. Оказывалось, что каждому сословию было за что благодарить императора, а покушаться на жизнь самодержца мотивов не было. В частности, крестьянам было даровано освобождение от крепостной зависимости, а дворянство пользовалось постоянной поддержкой монарха.

«Получив» такие ответы, протоиерей обращался уже непосредственно к возмутителям общественного спокойствия: «А вот, может быть, ты, мнимый попечитель о благе общественном, не доволен настоящими порядками? Да ты, кажется, ничем настоящим недоволен, все ты порицаешь, все толкуешь о призвании, о подвигах, о жертвах, о всеобщем равенстве, о свободе совести, не найдешь ты по себе дела, всякое занятие тебе не по плечу, ниже твоих дарований и сил, перебегаешь ты от занятия к занятию, хочешь чего-то нового, чего-то лучшего и сам не зная чего хочешь; старое для тебя не существует, новое не выработано; прикрываясь знаменем истины и правды, свободы, совести и равенства, ты злостно смеешься над недостатками действительными, а чаще воображаемыми, над слабостями чужими, и даже своими; свои недостатки, свою леность, свое нежелание трудиться и неумение взяться за труд ты вечно сваливаешь на общество, на среду, которая будто бы тебя заела; тебе не к чему простираться вперед, нечего тебе жалеть и позади себя; у тебя нет под ногами родной почвы, над головой Бога, в сердце святыни; ты по свету рыщешь, себе дела ищешь» (Назаревский, 1880: 291-292).

Происхождение нигилистов, их идейные корни интересовали священника Федора Синицкого. В речи 13 февраля 1880 г. он замечал, что «тяжело и грустно становится» от осознания того факта, что покушавшиеся на императора «принадлежат к одной с нами великой Русской семье и имеют несчастье, к стыду нашему, именоваться русскими подданными» (Синицкий, 1880: 368). Священник задавался вопросом: откуда появилось это зло на русской почве? Ссылаясь на мнение одного из архиереев, он отмечал, что «все эти негодные плевелы <...> родились не на нашей русской почве, а занесены к нам из тех заграничных стран <...>. Там явилась зависть к нашему обширному и устроенному Государству; отсюда явились к нам враги с неверием и другими злобными орудиями» (Синицкий, 1880: 368).

Но часть вины должен был принять и русский народ: «Но что злодеи, посягающие на жизнь возлюбленного нашего Монарха, принадлежат к Русской семье – в этом виноваты уже мы сами, русские, и собственно те из нас, которые образовали и пустили в свет таких безбожников и, видя в своих питомцах дурные наклонности, не удерживали их от пагубных замыслов, но или сочувствовали им, или содействовали к тому так или иначе <...>. Не признавая ничего святого, эти люди проповедуют, что все должны быть равны между собой <...>, что богатые все воры только да грабители; что имущество богатых есть общее достояние, которое должно быть роздано и тем бродягам да бездельникам, которые не любят трудиться и работать, да и нужды в том не имеют, потому что свободно могут посягнуть на чужое добро, так как украсть и обмануть, поджечь или открыто взять чужое за свое – это не считается у них грехом» (Синицкий, 1880: 368-369). В качестве противодействия этим негативным явлениям священник несколько идеалистично предлагал изгонять преступивших закон из своей общины и передавать их в руки правосудия, а благочестивым христианам – находить спасение в образовании и добрых делах.

Убийство Александра II в марте 1881 г. потрясло русское общество. Мотив мученического подвига самодержца звучал в те дни во многих храмах, и Таврическая епархия не была исключением. В день погребения императора архимандрит Арсений (Брянцев) в кафедральном соборе Симферополя так описывал случившееся: «Русский Царь, Царь православный, Царь-Преобразователь, Благодетель человечества, Отец Отечества, любимый народом, убит самым варварским, бесчеловечным образом, в своей столице, неподалеку от дворца своего, среди белого дня, рукой своего подданного!» (Арсений, 1881: 334).

В этой ситуации архимандрит попытался найти причины случившегося и обозначить перспективы возвращения к спокойной жизни: «Этим событием, быть может, Господу угодно было отрезвить землю Русскую, чтобы она, пришедши в себя, осмотрелась, глубже вникла во внутрь себя, искала тех причин, которые породили крамолу в пределах ее, и уничтожила их. Уж не холодность ли веры нашей, несправедливое понимание свободы, ложное направление в воспитании юношества, ослабление нравственности и небрежение требованиями церкви породили зловредные плевелы на обширной ниве нашего отечества и навлекли на нас Гнев Божий?!...» (Арсений, 1881: 335-336).

К покорности и повинности начальству призывал 7 июня 1881 г. священник Федор Синицын. Он призывал паству задуматься о том, кто именно предлагает строить «дивный новый мир»:

«В настоящее горестное время некая часть нашей учащейся молодежи почему-то стремится освободиться от существующей власти. Для чего? Для того только, чтобы подчиниться власти новой, неизведанной; перейти из одних рук в другие, быть может более суровые, тягостные и невыносимые для всех видов семейного и общественного спокойствия. Разрушая старые рамки государственного управления, нужно наперед приготовить новые, но кто же готовит нам эти рамки? Люди, не докончившие школьного образования, не прикоснувшиеся перстом к суровым опытам жизни; люди, у которых по приличествующему их возрасту впереди все представляется в розовом цвете, как то: равенство прав, состояний, уничтожение бедности, нищеты и обязательств; словом, – ищут на земле полного нравственного совершенства» (Синицын, 1881: 717).

Спустя год после восшествия на престол Александра III архимандрит Арсений (Брянцев) в приуроченной к этому событию проповеди обрушился с резкой критикой на социализм, видя в нем основную причину несчастий, которые происходили в общественной жизни: «Что такое наш современный социализм, как не учение о безбожии и как не учение о безначалии?» (Арсений, 1882: 277-278).

По мере укрепления власти Александра III тема политического радикализма постепенно вытеснялась из информационной повестки. Ей на смену пришла тема борьбы с сектами. В это время понятия «русский» и «православный» стали восприниматься как тождественные. Это видно, например, из речи Таврического епархиального миссионера священника Павла Тихвинского, произнесенной 26 ноября 1893 г.: «И замечательно при этом, что слова “русский” и “православный” слились для нас в одно, так что русского Царя мы не можем представить без православия <...>. Поэтому долг всех верноподданных сынов – оберегать православие от угнетения и поругания. В нынешнее время народилось порядочно всяких вольнодумцев и еретиков, дерзко идущих против православия и открыто ругающих или осуждающих православную святыню. В иных случаях, впрочем, они вкрадчивы и льстивы, но от них веет “мерзостью запустения”» (Тихвинский, 1893: 1205).

Одной из форм борьбы с религиозным радикализмом в Российской империи была организация православных братств. В Таврической епархии существовало несколько таких объединений, крупнейшим из которых было действовавшее при симферопольском кафедральном соборе Александро-Невское братство. Оно было основано 23 ноября 1868 года. Первым покровителем братства стал Таврический гражданский губернатор Григорий Васильевич Жуковский (Открытие православного церковного братства..., 1870: 971-975). Объединив духовенство, чиновничество и интеллигенцию, организация поставила перед собой такие задачи, как «содействие к убеждению и вразумлению отпадающих и заблуждающихся членов Православной Церкви», а также планировала поддерживать благотворительные и просветительские инициативы (Устав православного церковного братства, 1870: 967).

За первое 25-летие своей деятельности братство успешно справлялось с задачей ограждения православного населения от сектантского влияния. С этой целью в местах распространения сект открывались школы, распространялась литература. На средства братства при Таврической духовной семинарии была создана особая кафедра по истории и обличению раскола. При содействии организации в 1890 году была учреждена должность епархиального миссионера (Соколов, 1893: 1306-1308).

Примечательно, что на страницах «Таврических епархиальных ведомостей» появлялись статьи публицистов государственного масштаба, посвященные вопросам политического и религиозного радикализма. Так, в 1893 году в журнале было помещено комментированное издание статьи известного миссионера В.М. Скворцова о новошундизме (впервые опубликованной в консервативных «Московских ведомостях»). Эта секта пропагандировала антиправославные идеи, что, по мнению автора, приравнивалось к антинациональным. Сообщалось, что в общинно-бытовой жизни шундисты-мистики (новошундисты) старались осуществить коммунистические начала, проповедовали общность «имущества, труда, пищи и питья, и даже единокормного жития» (Новошундизм, 1893: 568-585). Кроме того, сектанты вели разговоры о построении Царства Божьего на земле, от чего, как подчеркивалось в статье, веяло «специфическим духом социализма». В журнале Таврической епархии были опубликованы и программные тексты К.П. Победоносцева – «Болезнь нашего времени» (Победоносцев, 1896: 1309-1316) (именно под таким названием) и «Общество и религиозное чувство» (Победоносцев: 1898, 156-158).

4. Заключение

Таким образом, в журнале «Таврические епархиальные ведомости» на протяжении 1870–1890-х годов освещалась тематика противодействия политическому и религиозному радикализму. Чаще всего редакция помещала на своих страницах речи, «Слова» и проповеди наиболее ярких епархиальных церковных ораторов и публицистов, среди которых выделяются тексты ректора Таврической духовной семинарии архимандрита Арсения (Брянцева). В этих текстах, как правило, обличался нигилизм и социализм, разбирались противоречия между политическими учениями и нормами христианской морали. Наибольшее количество подобных материалов приходится на 1880–1881 годы – от покушения на императора Александра II в Зимнем дворце до убийства самодержца. По мере успокоения общественной и политической жизни в правление Александра III подобные

публикации исчезают из епархиального журнала. Во многом их место заняли статьи, посвященные противодействию сектантской пропаганде. Одним из способов сопротивления сектам была деятельность братств. Наиболее влиятельным из них в Таврической епархии было Александро-Невское, чья деятельность освещалась на страницах «Ведомостей». Материалы епархиального журнала демонстрируют, как именно проблемы государственного масштаба отражались и интерпретировались в региональной духовной среде.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2018 г.). Тема: «Российская консервативная печать 1860-х – 1890-х гг. в борьбе с революционным и национальным радикализмом». № гранта МД-5387.2018.6.

Литература

- Новоштурндизм, 1893** – Новоштурндизм // *Таврические епархиальные ведомости*. 1893. № 12. С. 568-585.
- Арсений, 1880** – *Арсений, архим.* Слово в день восшествия на всероссийский престол благочестивейшего государя нашего императора Александра Николаевича и в день двадцатипятилетнего его царствования (19 февраля 1880 года) // *Таврические епархиальные ведомости*. 1880. № 5. С. 225.
- Арсений, 1882** – *Арсений, архим.* Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича // *Таврические епархиальные ведомости*. 1882. № 6–7. С. 277-278.
- Арсений, 1881** – *Арсений, архим.* Слово в день погребения в Бозе почившего Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича // *Таврические епархиальные ведомости*. 1881. № 6–7. С. 334.
- Голицын, 1879** – *Голицын Н.Н.* По прочтении депеши. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 16 с.
- Де-Пуле, 1881** – *Де-Пуле М.Ф.* Нигилизм как патологическое явление русской жизни. М.: Унив. тип., 1881. 53 с.
- Известие, 1870** – Известие // *Таврические епархиальные ведомости*. 1870. № 11. С. 354-355.
- Ильинский, 1880** – *Ильинский Н., свящ.* Слово в день Сретения Господня // *Таврические епархиальные ведомости*. 1880. № 5. С. 244-245.
- Любимов, 1881** – *Любимов Н.А. (В. Кочнев).* Против течения // *Русский вестник*. 1881. № 10. С. 649-713.
- Назаревский, 1880** – *Назаревский А., прот.* Слово по поводу пятого покушения на жизнь Государя Императора Александра Николаевича, 5-го февраля 1880 года // *Таврические епархиальные ведомости*. 1880. № 6. С. 291-292.
- Об издании Таврических епархиальных ведомостей..., 1869** – Об издании Таврических епархиальных ведомостей // *Таврические епархиальные ведомости*. 1869. № 1. С. 1-2.
- Об издании Таврических епархиальных ведомостей, 1871** – Об издании Таврических епархиальных ведомостей в 1871 году // *Таврические епархиальные ведомости*. 1870. № 29. С. 914-915.
- Открытие православного церковного братства..., 1870** – Открытие православного церковного братства при Симферопольском кафедральном Александро-Невском соборе // *Таврические епархиальные ведомости*. 1870. № 30. С. 971-975.
- Победоносцев, 1896** – *Победоносцев К.П.* Болезнь нашего времени // *Таврические епархиальные ведомости*. 1896. № 49. С. 1309-1316.
- Победоносцев, 1898** – *Победоносцев К.П.* Общество и религиозное чувство // *Таврические епархиальные ведомости*. 1898. № 3. С. 156-158.
- Сафронова, 2014** – *Сафронова Ю.* Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 370 с.
- Синицкий, 1880** – *Синицкий Ф., свящ.* Речь, сказанная 13 февраля 1880 г. в Токмакской Успенской церкви по случаю чудесного спасения жизни Государя Александра Николаевича и всей царственной семьи 5 февраля того же года от опасности, угрожавшей взрывом от злоумышленников Зимнего Дворца в Петербурге // *Таврические епархиальные ведомости*. 1880. № 7–8. С. 368-369.
- Синицын, 1881** – *Синицын Ф., свящ.* Поучение в неделю всех святых // *Таврические епархиальные ведомости*. 1881. № 13–14. С. 717.
- Соколов, 1893** – *Соколов Г.* Краткая записка о деятельности Симферопольского Александро-Невского братства за истекшее 25-летие (1868–1893 г.) // *Таврические епархиальные ведомости*. 1893. № 47. С. 1306-1308.
- Татищев, 1880** – *Татищев С.С.* Обзор социально-революционного движения в России. СПб.: Типография В. Демакова, 1880. 326 с.
- Тихвинский, 1893** – *Тихвинский П., свящ.* [Речь] // *Таврические епархиальные ведомости*. 1893. № 48. С. 1205.

[Устав православного церковного братства..., 1870](#) – Устав православного церковного братства во имя святых благоверных князей Владимира Равноапостольного и Александра Невского при Симферопольском кафедральном соборе // *Таврические епархиальные ведомости*. 1870. № 30. С. 967.

[Цион, 1886](#) – *Цион И.Ф.* Нигилисты и нигилизм. М.: Унив. тип., 1886. 141 с.

[Цитович, 1879](#) – *Цитович П.П.* Ответ на письма к ученым людям. Одесса: тип. Г. Ульриха, 1879. 40 с.

References

[Novoshtundizm, 1893](#) – Novoshtundizm [Neoshundism] (1893). *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 12. pp. 568–585. [in Russian].

[Arsenij, 1880](#) – *Arsenij, arhim.* (1880). Slovo v den' vosshestviya na vserossijskij prestol blagochestivejshego gosudarya nashego imperatora Aleksandra Nikolaevicha i v den' dvadcatipyatiletnego ego carstvovaniya (19 fevralya 1880 goda) [The word on the day of the ascension to the All-Russian throne of the pious sovereign of our Emperor Alexander Nikolayevich and on the day of his twenty-five-year reign (February 19, 1880)]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 5. p. 225. [in Russian].

[Arsenij, 1882](#) – *Arsenij, arhim.* (1882). Slovo v den' vosshestviya na prestol Blagochestivejshego Gosudarya Imperatora Aleksandra Aleksandrovicha [The word on the day of the accession to the throne of the Most Pious Sovereign Emperor Alexander Alexandrovich]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. №6–7. pp. 277–278. [in Russian].

[Arsenij, 1881](#) – *Arsenij, arhim.* (1881). Slovo v den' pogrebeniya v Boze pochivshego Blagochestivejshego Gosudarya Imperatora Aleksandra Nikolaevicha [A word on the day of the burial of the Pious Sovereign Alexander Nikolayevich]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 6–7. p. 334. [in Russian].

[Golicyn, 1879](#) – *Golicyn N.N.* (1879). Po prochtenii depeshi [Upon reading the telegram]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha. 16 p. [in Russian].

[De-Pule, 1881](#) – *De-Pule M.F.* (1881). Nigilizm kak patologicheskoe yavlenie russkoj zhizni [Nihilism as a pathological phenomenon of Russian life]. М.: Univ. tip. 53 p. [in Russian].

[Izvestie, 1870](#) – *Izvestie* [News] (1870). *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 11. pp. 354–355. [in Russian].

[Il'inskij, 1880](#) – *Il'inskij N., svyashch.* (1880). Slovo v den' Sreteniya Gospodnya [The Word in the Day of the Meeting of the Lord]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 5. pp. 244–245. [in Russian].

[Lyubimov, 1881](#) – *Lyubimov N.A. (V.Kochnev).* (1881). Protiv techeniya [Against the stream]. *Russkij vestnik*. №10. pp. 649–713. [in Russian].

[Nazarevskij, 1880](#) – *Nazarevskij A., prot.* (1880). Slovo po povodu pyatogo pokusheniya na zhizn' Gosudarya Imperatora Aleksandra Nikolaevicha, 5-go fevralya 1880 goda [The word about the fifth attempt on the life of the Emperor Alexander Nikolayevich, February 5, 1880]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 6. pp. 291–292. [in Russian].

[Ob izdanii Tavrisheskih Eparhial'nyh Vedomostej..., 1869](#) – Ob izdanii Tavrisheskih Eparhial'nyh Vedomostej [On the publication of the Taurian Diocesan Gazette] (1869). *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 1. pp. 1–2.

[Ob izdanii Tavrisheskih Eparhial'nyh Vedomostej, 1871](#) – Ob izdanii Tavrisheskih eparhial'nyh vedomostej v 1871 godu [On the publication of the Taurian Diocesan Gazette in 1871] (1870). *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 29. pp. 914–915. [in Russian].

[Otkrytie pravoslavnogo cerkovnogo bratstva..., 1870](#) – Otkrytie pravoslavnogo cerkovnogo bratstva pri simferopol'skom kafedral'nom Aleksandro-Nevskom sobore [Opening of the Orthodox Church Brotherhood at the Simferopol Cathedral of the Alexander Nevsky Cathedral] (1870). *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 30. pp. 971–975. [in Russian].

[Pobedonoscev, 1896](#) – *Pobedonoscev K.P.* (1896). Bolezn' nashego vremeni [Disease of our time]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 49. pp. 1309–1316. [in Russian].

[Pobedonoscev, 1898](#) – *Pobedonoscev K.P.* (1898). Obshchestvo i religioznoe chuvstvo [Society and religious feeling]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. 1898. № 3. pp. 156–158. [in Russian].

[Safronova, 2014](#) – *Safronova Y.* (2014). Russkoe obshchestvo v zerkale revolyucionnogo terrora. 1879–1881 gody [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879–1881]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 370 p. [in Russian].

[Sinickij, 1880](#) – *Sinickij F., svyashch.* (1880). Rech', skazannaya 13 fevralya 1880 g. v Tokmakskoj Uspenskoj cerkvi po sluchayu chudesnogo spaseniya zhizni Gosudarya Aleksandra Nikolaevicha i vsej carstvennoj sem'i 5 fevralya togo zhe goda ot opasnosti, ugrozhavshej vzryvom ot zloumyshlennikov Zimnego Dvorca v Peterburge [Speech said on February 13, 1880 in the Tokmak Assumption Church on the occasion of the miraculous rescue of the life of the Sovereign Alexander Nikolaevich and the whole royal family on February 5 of the same year from the danger threatening the explosion from the intruders of the Winter Palace in St. Petersburg]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 7–8. pp. 368–369. [in Russian].

[Sinicyn, 1881](#) – *Sinicyn F., svyashch.* Pouchenie v nedelyu vsekh svyatyh [Lesson per week All Saints]. 1881. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 13–14. p. 717. [in Russian].

Sokolov, 1893 – *Sokolov G.* (1893). Kratkaya zapiska o deyatel'nosti Simferopol'skogo Aleksandro-Nevskogo bratstva za istekshee 25-letie (1868–1893 g.) [A brief note on the activities of the Simferopol Alexander Nevsky Brotherhood during the past 25 years (1868–1893)]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 47. pp. 1306–1308. [in Russian].

Tatishchev, 1880 – *Tatishchev S.S.* (1880). Obzor social'no-revolucionnogo dvizheniya v Rossii [Review of the Social-Revolutionary Movement in Russia]. SPb.: Tipografiya V.Demakova. 326 p. [in Russian].

Tihvinskij, 1893 – *Tihvinskij P., svyashch.* (1893). Rech' [Speech]. *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. 1893. № 48. p. 1205. [in Russian].

Ustav pravoslavnogo cerkovnogo bratstva..., 1870 – Ustav pravoslavnogo cerkovnogo bratstva vo imya svyatyh blagovernnyh knyazej Vladimira Ravnoapostol'nogo i Aleksandra Nevskogo pri Simferopol'skom kafedral'nom sobore [The Charter of the Orthodox Church Brotherhood in the name of the holy faithful princes Vladimir Ravnoapostol'nogo and Alexander Nevsky at the Simferopol Cathedral] (1870). *Tavrisheskie eparhial'nye vedomosti*. № 30. p. 967. [in Russian].

Cion, 1886 – *Cion I.F.* (1886). Nigilisty i nigilizm [Nihilists and nihilism]. M.: Univ. tip. 141 p. [in Russian].

Citovich, 1879 – *Citovich P.P.* (1879). Otvet na pis'ma k uchenym lyudyam [Answer on letters to scientists]. Odessa: tip. G. Ul'riha. 40 p. [in Russian].

Проблема нигилизма на страницах региональной церковной периодики (по материалам изданий Таврической епархии 1870–1890-х гг.)

Александр Эдуардович Котов ^{а, *}, Владимир Витальевич Калиновский ^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Революционное движение 1860-х гг. долгое время рассматривалось проправительственной печатью как порождение внешних сил, прежде всего «польской интриги». Впрочем, уже первые покушения на Александра II показали, что революционная угроза имеет внутреннюю природу. Консервативные публицисты все чаще ищут истоки революции внутри самого русского общества: в невежестве и «полуобразованности» разночинной молодежи, в космополитизме аристократической и бюрократической элиты. На рубеже 1870-х – 1880-х годов широкий резонанс получили антинигилистические памфлеты Н.А. Любимова, Н.Н. Голицына, П.П. Цитовича, М.Ф. Де-Пуле. Несколько иначе смотрела на проблему нигилизма и терроризма церковная печать, в силу самого своего статуса вынужденная искать более глубокие корни происходящего. Немалый интерес в этом отношении представляет содержание региональной церковной прессы, прежде всего епархиальных церковных ведомостей, являющихся одним из наиболее важных источников по истории русского православия в синодальный период. При анализе содержания публикаций «Таврических епархиальных ведомостей» важно учитывать несколько факторов, связанных с полиэтничностью и поликонфессиональностью Крыма. Чаще всего редакция помещала на своих страницах речи, «Слова» и проповеди наиболее ярких епархиальных церковных ораторов и публицистов, среди которых выделяются тексты ректора Таврической духовной семинарии архимандрита Арсения (Брянцева). В этих текстах, как правило, разбирались противоречия между политическими учениями и нормами христианской морали. Материалы епархиального журнала демонстрируют, как именно проблемы государственного масштаба отражались и интерпретировались в региональной духовной среде.

Ключевые слова: консерватизм, народничество, терроризм, публицистика, Крым, Таврические епархиальные ведомости.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.kotov@spbu.ru (А.Э. Котов), v.kalinovsky@spbu.ru (В.В. Калиновский)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 48. Is. 2. pp. 647-676. 2018
 DOI: 10.13187/bg.2018.2.647
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Imperial, Soviet, and Post-Soviet Modernization

Boris N. Mironov ^{a, *}

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

In Russia during the imperial and soviet periods society evolved from tradition to modernity. As a result, advanced industrial technologies emerged, along with the corresponding political, cultural, and social mechanisms that made possible the maintenance, use, and management of these technologies. Imperial modernization followed the classic European scenario. In its goals, means, and results Soviet modernization served as the continuation of this. While Soviet modernization was reminiscent of the classic Western model in some respects (the formation of the rational, educated, secular-minded individual; industrialization; urbanization; the democratization of the family; the emancipation of women and children), it differed from the model in others (the priority of the state over society, the supremacy of the collective over the individual, the restriction of the freedom of the individual, centralization, central planning). In sum, the formula of Soviet modernization amounted to technological and material progress on a foundation of traditional social institutions. Soviet modernization achieved a lower rate of development and came at a higher cost to society than imperial modernization. Nevertheless, were it not for the enormous and utterly unjustifiable human sacrifices, one could consider Soviet modernization successful even though, as had imperial modernization, it ended in crisis and revolution. Soviet modernization succeeded imperial modernization as a result of the armed revolution of 1917, while post-Soviet modernization replaced the Soviet version after the peaceful revolution of 1991–1993, but these facts do not mean that both modernizations never happened, or that they failed.

Imperial modernization encompassed mostly the educated levels of society, the upper strata, a significant share of the urban population, and the part of the peasantry that supported the Stolypin reforms. The population groups enumerated here overlapped to some extent, hence their proportion of the general population barely exceeded 30–35 percent. The lion's share of the population, living primarily in the countryside, experienced modernization only slightly. Moreover, a significant part of this group reacted to fundamental modernization processes either negatively (such as commercialization and social and material bourgeois differentiation) or with indifference. Soviet modernization involved the entire society, and its effects proved to be deeper and more all-encompassing. Judging by the results of both modernizations, one can consider them fairly successful projects on the whole, although they also did not meet all the challenges and expectations placed upon them.

Post-Soviet modernization also did not resolve all of the old problems and at the same time created many new ones. But it is far from complete and rendering a verdict on it is premature. Nevertheless, it is already possible to say that the political, cultural, and social rapprochement with the West over the last 20 years has been unprecedented in history. And this is natural: convergence had been the main trend in the development of Europe from the 18th to the 20th centuries, and in recent decades has transformed into worldwide globalization.

Keywords: imperial and Soviet modernization, modernization models and strategies, similarities and differences, critiques of modernization assessments, convergence of Russia and the West, Russian path.

* Corresponding author

E-mail addresses: mironov1942@yandex.ru (B.N. Mironov)

1. Introduction

In contemporary literature, the term “modernization” is used in four senses: as (1) the transition from traditional to contemporary society—this is the essence of the concept of modernization; (2) a process in the course of which the stragglers catch up to those who have gone ahead, that is, as a synonym of catch-up development; (3) a transformation undertaken by less developed countries with the goal of coming closer to the characteristics of the most developed; and (4) the development of society in a broad sense through reform and the introduction of innovations. In this article I have in mind the first meaning of the term—as a movement from tradition to modernity (which includes, in varying degrees, all the other interpretations as well). The transition of modernization leads to the emergence and development of advanced industrial technologies, and also the political, cultural, and social mechanisms corresponding to them, which enable the maintenance, use, and management of these technologies. Modernization can be understood as a combination of many processes: industrialization, urbanization, bureaucratization, professionalization, rationalization, social and political mobilization, democratization, the formation of modern motivational value systems, revolutions in education and communication, and the structural and functional differentiation of society. In other words, modernization is an array of concurrent changes in society, a comprehensive process of innovation that encompasses all spheres of social life and that affects all social institutions and all members of society. Modernization’s criterion of success is ultimately improvement of the quality of life for the majority of the population ([Poberezhnikov, 2006](#); [Tikhonova, 2007](#); [Ot agrarnogo obshestva, 1998](#); [Stearns, 2001](#); [Semenov, 2003](#)).

2. Materials and methods

The author analytically summarizes the existing literature on the question of Russian modernization using the comparative historical method, based on the principles of historicism, scientific objectivity, and a systematic approach, and draws conclusions about the characteristics of modernization in the imperial, Soviet, and post-Soviet periods of its history.

3. Discussion and results

3.1. Imperial Modernization

In Russia, the transition from traditional to modern society occurred in the period of the empire—indeed, this is what we call modernization. Imperial modernization can be divided into two stages: (1) the eighteenth to the first half of the nineteenth century, and (2) the second half of the nineteenth century to 1917. The beginning of the industrial revolution, which in all countries is associated with the transition from an agrarian to an industrial society, i.e., the beginning of modernization, in Russia dates from 1830 to 1850. At the center of the first stage, labeled preliminary or protomodernization, was the development of industry, cities, education, the bureaucratic apparatus, domestic and foreign trade, and infrastructure. This development occurred in the form of a transfer of Western European institutions and technical and cultural achievements. The successes were modest, but they established the preconditions for the beginning of real modernization in the second half of the nineteenth century. The Great Reforms of the 1860s and 1870s provided a powerful impetus for continuing modernization, which from this point became truly deep and multidimensional, despite the fierce resistance of tradition and the vacillation in government policy. In the second stage, the processes that achieved distinctive development included industrialization in the form of an industrial revolution, professionalization, secularization, individualization, the proliferation of means of mass communication, the growth of social and professional mobility, the demographic transition, the family revolution, nation building—and particularly important—the development of private property (privatization), constitutionalism, and civil society.

The development of the country in the Imperial period proceeded as if according to a scenario written specifically for Russia by theorists of modernization: (1) an industrial and market economy developed, based on competition and private property; (2) civil society emerged, including a large number of voluntary civic organizations; (3) a constitutional state took shape with a parliament, the rule of law, openness, transparency, and publicity; (4) an industrial and urban way of life evolved, based on the functional specialization of institutions and individuals (referring to the division of labor, professionalization, the bureaucratization of administration and so on); (5) the Russian nation developed into a body of people united by their own will, which identified itself with the whole and was conscious of its unity; (6) the family evolved in the direction of the small, democratic family with equality between the spouses, parents, and children; (7) the modern personality formed, which accepted change as the norm, civil and political rights as an attribute of man, a market economy and private property as necessary conditions to ensure the normal functioning of society on the foundation of reason of science; and (8) a secular system of values was affirmed, in which individualism was a second religion, based on social and individual success. Russian society from the eighteenth to the beginning of the twentieth century progressed from tradition to modernity, but by 1917, because of the incompleteness of modernization, not one of the criteria of contemporary society was fully met ([Mironov with Eklof, 2000a](#); [Mironov with Eklof, 2000b](#); [Mironov, 2018a](#); [Mironov, 2018b](#); [Mironov, 2018c](#)).

Three circumstances account for the similarity of the actual and theoretical development (that is, as they correspond to the theory of modernization) of scenarios for imperial Russia: the country’s natural,

spontaneous attraction to a European trajectory; the desire of the elite to follow a pan-European path; and the policy of the ruling class of consciously and persistently pursuing the goal of catching up with the most advanced European countries in all respects. It is important to keep in mind that quiet and unhurried Westernization began long before Peter I. It manifested itself in the borrowing of everyday objects from the “Germans,” in the strengthening of cultural, economic, and personal contacts between Russia and the Western countries, in the emergence in the seventeenth century of the so-called German Settlement in Moscow, and in the increase of the total number of immigrants from Western Europe (which reached approximately 2500 people in the 1690s) (Orlenko, 2004: 52; Kovrigina, 1998). The task of modernization set by the government was gradually realized. In this connection, the influence of Western countries was not one-sided. Russia also taught a few things to its teachers. Russian music, literature, art, and ballet enriched world culture, and Russian scholars enriched world science. A.A. Petsko attempted to systematize scientific information on the major Russian achievements from ancient times to the present day. He identified more than a thousand achievements of world-class significance, including 112 geographical discoveries, approximately 400 inventions, 176 firsts in aerospace, about 400 scientific achievements (including scientific discoveries, the establishment of theories, systems, and doctrines, and the discovery of laws), more than 200 firsts in the creation of breakthrough technologies and other areas. Among these are the decimal principle of cash accounting, D. I. Mendeleev’s periodic table of chemical elements, the caterpillar tractor, the alternating current generator, the low-tillage (*bezotval’nyi*) system of soil cultivation, Sputnik, and so on (Petsko, 2012). Russia was neither a submissive student desiring only to please her mentor, nor a monkey who did not know what to do with a pair of glasses, as some researchers think (Kingston-Mann, 1991).¹ The Russians adopted what was useful and necessary to them, but did not blindly copy Western models and did not lose their national identity, although they did remain within the framework of European culture. Russia’s civilizational uniqueness, in the sense of some cultural-national features that are not susceptible to the influence of time is, in my opinion, a myth. Russia constantly changed. Like it or not, “you cannot step into the same river twice,” as a wise man said two and a half thousand years ago.

In the second stage of imperial modernization a breakthrough in development occurred, as a result of which there was a real economic miracle. From 1861 to 1913, the pace of economic development was comparable with that of Europe. National income in this period increased 3.8-fold. And this occurred despite the enormous natural increase in the population of the empire, which grew by almost 2 million people annually. From the 1880s, the tempo of economic growth quickened: gross national income increased by 3.3 percent yearly. Industry demonstrated the greatest success. From 1881 to 1913, Russian’s share of world industrial production grew from 3 to 5 percent. However, agriculture progressed at a Central European pace. At the end of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries, Russia was one of the most dynamically developing nations in the world (Gregori, 2003: 61–62). But the chief miracle consisted of the fact that during this high rate of economic growth and growth of the population there was a significant increase in living standards. I will point out twelve of the most important features that demonstrate this process in the post-reform period (Mironov, 2009a; Mironov, 2012a: 213, 216, 337, 372–73, 429, 529–39, 547, 598–609, 629–30).

(1) The rise in the real daily wage of the agricultural worker by 3.8 times, and the industrial worker by 1.4 times, from the 1850s to 1911–1913.

(2) The increase in the production of consumer goods and the turnover of internal trade per capita in constant prices by 1.7 times from 1885 to 1913 (earlier information is not available).

(3) The increase in quantities of grain left for the peasants’ own consumption by 34 percent between the periods of 1886–1890 and 1911–1913.

(4) A decrease in the number of a peasant farmer’s working days per year, from 135 in the 1850s to 107 in 1902, and a reduction in the number of hours clocked by workers from 2953 in the 1850s to 2570 in 1913.

(5) Peasants’ large-scale purchase of land. From 1862 to 1910, peasants bought 24.5 million dessiatines of land, paying for this the huge sum of 971 million rubles, which is 28 times greater than all the arrears they had accumulated by 1910. Allotment land that had been deeded to its owner consisted of 6.8 percent in 1877, 14.5 percent in 1887 and 21.6 percent in 1910, and for all privately held land, corresponding figures of 6.2, 13.1, and 35 percent; moreover, almost half (46%) of land was purchased by peasant communes and associations.

(6) A rise in Russians’ deposits in the state savings bank—the most popular bank in Russia. In the fifty provinces of European Russia between the periods of 1865–1869 and 1909–1913, the number of depositors increased 159-fold; per thousand residents 82-fold; the amount per depositor 2.7-fold; taking inflation into account, 1.7-fold; increase in the holdings per inhabitant of the country, 228-fold; taking inflation into account, 145-fold. Bank depositors were divided into professional groups, among whom the “workers” stood out. To this last group belonged those employed in agriculture and industry, that is, they included a majority of peasants and workers. Their share among bank customers grew from 9 percent in 1865–1869 to 33 percent in 1909–1913, while their share of deposits grew from 11 to 33 percent in the same period. In 1913

¹ For example, in Kingston-Mann’s opinion, Russia generally adopted bad things from bad neighbors, as a consequence of which it followed the model of “forced modernization” from Peter to the Bolsheviks and further to Yeltsin, continually ignoring models of development that were more suitable and more humane.

their number reached 7.6 million, among whom women accounted from around 43% and men 57%. If we accept that men represented the entire family, then it turns out that around 4.3 million families, including 26 million people (given that the average family contained 6 people), kept money in savings banks, that is, 21 percent of the population of European Russia. Savings banks held only part of “workers” capital: many peasants kept money at home; and in addition to savings banks, there were also other credit institutions.

(7) A significant and systematic increase in the full height of men (that is, once they had reached physical maturity) by 7.7 cm (from 161.3 cm to 169 cm) between 1791 and 1915, and an increase in their weight of 7.4 kg (from 59.1 to 66.5) between 1811 and 1915, affirms that the peasant standard of living did indeed increase. The body mass index, which indicates the level of nutrition, complied with the norm throughout the period of 1811 to 1915, and at its end even rose slightly—from 21.8 to 23.3 (Mironov, 1995; Mironov, 1999; Mironov, 2007; Mironov, 2012b: 453–462).

(8) A decrease in the number of suicides (per 100,000) among the rural population between 1870–1874 and 1906–1910 by 10 percent. Among the urban population, suicide grew by 20 percent.

(9) Average life expectancy increased by 7 years (from 27 to 34) from 1851–1863 to 1904–1913.

(10) The average level of literacy for those ten years and older grew from 17 to 43 percent.

(11) The human development index increased 1.8-fold—from 0.171 to 0.208—which takes into account (a) life expectancy; (b) level of education (literacy and the share of those school-age children enrolled in school); and (c) GDP per capita.

(12) The widespread opinion that material inequality had grown enormously by 1917 is not confirmed empirically. In the early twentieth century the decile coefficient of inequality (the ratio of the average income of the richest 10 percent to the average income of the poorest 10 percent) amounted only to 6 and was significantly lower than in the most developed European countries of the time. For example, in England it was 50, and in the USA, 20. In contemporary Russia inequality is 2.5 times higher than it was 100 years ago. In the USSR in 1991 the decile coefficient was slightly lower than in tsarist Russia—4 to 5.

The given data (considering moderate property differentiation) clearly indicate that the prosperity of the people increased in the post-reform period. Due to the fact that the level of material inequality in Russia was a third of that of the US, the standard of living of the vast majority of country’s population did not differ as much as is sometimes thought.

Progress could be observed in all spheres of life. The social structure of society in the post-reform period underwent a radical, but peaceful transformation. Thanks to the reforms of the 1860s, the estates began to lose their particular privileges, they became more similar in legal position, and they gradually transformed into classes and professional groups. The landed nobility merged into a single social-professional group with private landowners, noble officials merged with non-noble officials, and other categories of personal and hereditary nobility merged with the professional intelligentsia. The clergy evolved from an estate in the direction of a professional group of pastors. The urban estates transformed into entrepreneurs and intelligentsia, and the workers and peasantry into farmers and workers. The legal and factual elimination of the privileges of the nobility, on the one hand, and the abolition of the legal inferiority of the taxed estates, on the other, was of decisive significance in the transformation of estates into classes and professional groups. With the abolition of serfdom in 1861, all categories of peasants and urban inhabitants became equal in rights, and the nobility lost its chief privilege—the exclusive right to possess serfs. After the introduction of the zemstvos in 1864, all estates had the right to form organs of local self-government at the district and provincial levels. The urban reform of 1870 changed self-government by the urban estate into all-estate self-government. As a result of the judicial reform in 1864, the estate courts were abolished, and all citizens came under the jurisdiction of a single court. The introduction of universal conscription in 1874 eliminated the principal difference between the privileged and the taxed estates: representatives of all classes, including the nobility, began to be enlisted in compulsory military service on the same basis. Other important reforms that took place in the last third of the nineteenth to the beginning of the twentieth century (the abolition of the poll tax and collective responsibility among village and city residents, the inclusion of the nobility among the taxpayers, the elimination of the passport regime, the cancellation of redemption payments for land, receiving the right to leave the commune in 1907, and finally, the introduction of representative institutions and the acquisition of civil rights for the entire population in 1905) led to the fact that by 1917 all estates had legally lost their specific estate privileges. Upward social mobility increased substantially, supporting the transformation from an estate-based social structure to one based on classes and professions.

The political development of the country after the great reforms should also be acknowledged as quite successful. The Russian state evolved from an autocracy to a constitutional monarchy and became such in 1905–1906. After 1905 a free press appeared, as did public opinion, political parties, and thousands of voluntary associations—all components of a civil society. Basically a mechanism formed that ensured the communication of public sentiments, desires, and demands from society to the power structures, and control over their implementation through legislative institutions, the press, public opinion, and voluntary associations. The latter of these were numbered at approximately 90,000 by the autumn of 1917. Bourgeois voluntary associations gained strength. Dozens of exchange societies, congresses of industrialists, societies of manufacturers and factory owners lobbied the state and the workers on behalf of regional and sector-specific entrepreneurial concerns (Mironov, 2008; Mironov, 2009b; Mironov, 2018c: 841–47).

To emphasize: in the post-reform period, from 1861 to 1914, the prosperity of Russian citizens increased, and not only in a narrow material sense. The entire population, including underprivileged social groups, acquired civil and political rights and access to education and other benefits of civilization. As is well-known, in modernization theory the improvement of living conditions is considered to be the main criterion of success (Tiryakian, 1985). Because imperial Russia modernized, and in so doing, the well-being of the population grew, modernization should be considered a success, despite the costs, the difficulties, and the periodic crises.

The overthrow of the monarchy is incorrectly seen as an indication of the failure of imperial modernization. First, revolution in the face of the unquestionable success of modernization is not nonsense, but a sociological law. The theory of modernization affirms: modernization contributes to the growth of social tensions and conflicts in society; the more quickly and successfully modernization proceeds, as a rule, the higher the level of conflict and social tension in society. In Russia, as in other countries at the second echelon of modernization, its accelerated, and in some cases even premature growth came at great cost and even required sacrifices—for example from landowners who had their land forcibly expropriated by the government, although with compensation. This led to hardship and trials for specific groups of Russians and did not immediately bring equal prosperity to everyone. The collateral negative consequences of modernization turned out to be great—an increase in social and interethnic tensions, conflicts, violence, deviance in all its manifestations—from suicide to social and political protest. The extraordinary growth of every kind of protest movement generated, first, disorientation, disorganization, and social tensions in society; second, an acquired freedom, the weakening of social controls and the growth of social mobility; and third, a discrepancy between people’s needs and the objective possibilities of the economy and society to satisfy them. Society has experienced the so-called *trauma of social change*, or the *anomie of success*. “In essence, progressive changes having positive results reveal their negative side precisely because they are changes that disrupt an established, stable order; they interrupt continuity, upset the equilibrium, they place in doubt or invalidate the meaning of former skills and habits” (Shtompka, 2005: 474, 491). *The conflict of tradition and modernity might be called a systemic crisis.* However, this crisis has nothing in common with the understanding of systemic crisis that dominated Soviet historiography and even now exists widely in contemporary literature—as a general and permanent crisis that transformed the Russian *socium* into an untenable and unsustainable system that was not able to develop and adapt to changing conditions of life and to provide for the welfare of its citizens. “The decline of the old, prompted by the growth of the new and young—this is the mark of health” (Ortega-i-Gasset, 2003: 123). *The crisis of Russian society was a case of growing pains, which testified to its development, but not to the approach of its end*, “imaging itself as mutation and transformation, rather than decline” (Le Goff 2005: 6).¹ The crisis did not lead inexorably to revolution, but only created the preconditions for it; the possibility only became reality due to particular circumstances—military defeats, the difficulties of wartime and the relentless and bitter struggles for power between the public opposition and the monarchy.

Second, the fruits of modernization: educated cadres, culture, libraries, schools, universities, industry, railways, and so on—were not lost, although they were substantially affected.

Third, Soviet modernization was based on the achievements of imperial modernization and implemented projects that it had not carried out, essentially continuing imperial modernization.

3.2. Soviet Modernization

Industrialization, the development of infrastructure, and the improvement of the population’s educational level were at the forefront of imperial modernization, and Soviet industrialization was a continuation of imperial modernization.

On the eve of the First World War, Russia entered a new phase of economic modernization. After long discussions, the government formulated a program of financial-economic reform, designed to carry out a “radical transformation” of the economy. Its author—A.V. Krivoshein (1857–1921), a colleague of P.A. Stolypin and a leader of his reform, was head of land management and agriculture. The program was called the “New Course,” and its actual implementation was entrusted to the new head of the Treasury Department, P. L. Bark. The aim of the course was to reorient the state budget from income from the sale of vodka (which contributed 26% of state income in 1913) to income from the development of natural resources and from accelerating the development of productive forces. The course envisioned an increase in investment in the national economy and a restoration of the balance between agriculture and industry. This was an attempt to find a compromise between the agrarians, who insisted on the priority of government support for the development of agriculture, and entrepreneurs, who sought the government’s preferential attention to the development of industry and trade (Diakin, 1988: 178–219; Kulikov, 2017: 25–32; Sysoeva, 2000: 215–45; Shepelev, 1987: 162–73).

P. L. Bark formulated the principles of the “New Course” in his speech before the deputies of the Fourth State Duma on April 22, 1914 (Gosudarstvennaya дума, 1914: 807–26).

¹ Le Goff put it thus in regard to the crisis of the West in the late Middle Ages.

(1) A gradual decrease in budget revenues from the liquor monopoly, compensating for the loss of income by the introduction of an income tax, an increase in estate taxes, a stamp duty and some other duties and fees, and an increase in the price of wine.

(2) An upgrade in the productive forces of the country by means of properly supplied and available credit. A number of measures were stipulated for its development—reform of the Petersburg exchange, the organization of an Agricultural Bank, the planned construction of a network of grain elevators, the revision of the charter of the State Bank in order to strengthen its independence, increasing the number of its local offices, and the expansion of credit cooperatives.

(3) The development and improvement of means of communication, primarily the railroads, which were to be built not only with public funds but also by private capital, and also roads and waterways.

(4) The “New Course” envisioned the implementation of major construction projects. In 1914 the government approved a widespread reclamation program over the course of five years, 1915–1922, involving the construction of irrigation facilities for cotton in the Golodnaia Steppe in Turkestan, in the Mugansk and Mil’sk steppes in the Caucasus, a system for irrigation in the Lower Volga basin, draining land in the Upper Volga, in the lower Dniester and Danube, in Tomsk and Tobolsk provinces and in the Far East, as well as field surveys in several areas. In European Russia they anticipated the draining of 200,000 dessiatines, as well as measures for the battle with sand and erosion. In order to encourage the work of land reclamation, the decision was taken to found a bank for short-term loans and to tie in the Noble and Peasant banks with the issuance of reclamation loans (Diakin, 1997: 321, 329–330, 337). The war interrupted the discussion of this draft in the State Duma.

A large-scale plan for the construction of railroads, networks of grain elevators, and large hydroelectric and electric power projects was prepared (Krivoshein, 2002: 176–177, 178–179, 179–180). Russian engineers developed several of these projects, among them the project for the construction of a hydroelectric plant on the river Volkhov, developed by G. O. Graftio. Preparatory work began in 1917, but it was suspended as a result of the revolution. I. A. Rozov, L. V. Iurievich, and B. A. Bakhmet’ev were responsible for the construction project Dneproges (the Dneiper Hydroelectric Station). In June 1914 the project was approved by the State Duma and submitted for approval to the State Council. The war interfered with its realization, as well as the construction of the Volga-Don and Belomor-Baltic canals, the famous Turksib—the chief construction project of the First Five-Year Plan—and others. A plan to construct a deep, Trans-Ural waterway that would connect the Volga River Basin via the Kama and Chusovaia rivers with the Ob-Yenisei Canal has still not been realized (Shakhovskoi, 1952: 28–35). Other projects, developed before the revolution but not carried out for various reasons, were often fulfilled in the Soviet period.

A. V. Krivoshein, the author of the “New Course,” hoped that 1914 would be “the beginning of a new surge of growth in the national economy,” because the “New Course” coincided with the implementation of a whole series of measures and the completion of a whole range of processes whose fruits would ripen in the near future and would automatically replace the current rapid rate of economic development with one that was even more intense (Krivoshein, 2002: 179). In particular, the “New Course” would assure the completion of the Stolypin reforms. We should note that even the war did not interfere with the beginning of the implementation of the “New Course.” The government discontinued trade in alcoholic products on July 19, 1914, and as planned, the losses to the budget were covered by the imposition of new fees and taxes and an increase in some existing ones, as well as by the introduction of an income tax on April 6, 1916. The Stolypin reform continued until the overthrow of the monarchy.

“Communism is Soviet power plus the electrification of the whole country” was repeated in all sorts of contexts during the Soviet years. It is forgotten that the ambitious project to electrify Russia, called GOELRO in 1920, began to be implemented in 1887 and continued at a very rapid tempo and right up to 1914, thanks to the phenomenal growth of investment in the “electrical” sector—on average 20 to 25 percent per year. The first major electric energy plants, justly called a great achievement of Soviet power, were designed before 1913, but the First World War and the revolution interrupted their realization, as a consequence of which they were put into effect much later than planned.

The development of infrastructure was the second important aspect of imperial modernization, and here Soviet authorities continued the work of the tsarist government. Over the course of forty-three years, from 1874 to 1917, the length of the railways increased from 18,100 kilometers (17,000 versts) to 70,300 kilometers (within the borders of the USSR as of 1960)—or by 52,200 kilometers. Over the course of another forty-three years, from 1918 to 1961, the USSR constructed approximately the same amount—56,800 kilometers (Statisticheskii vremennik, 1886: 230; Narodnoe khozyaistvo, 1962: 476). However, if we consider the type of investments made in the tsarist period and the number of people who worked in the construction of the railroad, then the laurels must be given to the empire.

Many believe that Soviet power was responsible for the educational revolution. In fact, May 3, 1908, when the State Duma passed a law on the gradual introduction of universal compulsory primary education, can be considered the date of its beginning. The war interfered with its implementation. I should note the realism and thoroughness of this project, spread out over ten years and with the support of state funding. And without the bustle and haste, without the sacrifices and emergencies that were so characteristic of the Soviet educational revolution, when the state set the task of teaching people to read and write at illiteracy liquidation centers in seven months. Having developed literacy in such a short time, people often quickly

forgot what they had learned, since it was not used in everyday life. A census of the population in 1926 found that literacy was not possessed by 100 percent of people older than nine years (as the Soviet educational revolution suggested)—but only 51 percent of the population, and this is after seven years of struggle against illiteracy. Millions of people, if indeed they learned to read and write, forgot how; the effort and money expended in vain. The fact that in the first post-revolutionary decade, 1917–1926, the literacy of the population of European Russia of both sexes aged ten and older grew by 8 percentage points (from 43 to 51%), which was exactly the same as in the last prerevolutionary decade (from 35 to 43%), when it grew naturally, also testifies to the low level of effectiveness of the campaign to battle illiteracy (Mironov, 1991; Mironov, 2018c: 482, 488). The compulsory introduction to education had modest results. Only those who actually need it at a given moment acquire literacy. The rest lose it. This is a clear example of the *ineffectiveness* of undertaking the most beneficial reform if it is carried out against people's will, either forcibly or because it does not respond to the current needs of the population.

In some of its aspects, Soviet modernization differed from the classical Western model (the priority of state over society, the primacy of the collective over the individual, the restriction on individual freedom, centralization, planning), but in others it resembled it (the formation of a rational, educated, secularly oriented individual; industrialization; urbanization; democratization of the family; emancipation of women and children). In short, the formula for Soviet modernization has been confined to technological and material progress based on traditional social institutions. Not forgetting that every generalization schematizes reality, we can say that for a time, the *entire country evolved into a large community that in the main acted on its principles*.

If we compare the fundamental principles on which communal life in the Russian countryside was constructed before 1917 and Soviet society in the Stalin period, then we can detect similarities between the two. To express the principles of communal life in Soviet terms: (1) collective ownership; (2) the right to work, which the commune guaranteed to every adult male, who received from it the temporary use of a plot of land; (3) the right to rest, not less than 123 days a year, including 52 Sundays, 30 church and state holidays, and 41 local holidays, when it was forbidden to work under fear of punishment; (4) the right to social assistance for the poor, elderly, friendless, and also those who had fallen on hard times as a result of fire, the loss of livestock, and other extraordinary circumstances; (5) democratic centralism, or the subordination of the minority to the majority; (6) collective responsibility: one for all and all for one; (7) the right to participate in public affairs: heads of families took part in assemblies, sat on the peasant court, held public office—importantly, through election, but incidentally, by turns; (8) equality, that is the absence of significant material and social differentiation; (9) the regulation of life, the right of the commune to intervene in the affairs of the peasants, including family affairs if they came into conflict with the interests of the community or with tradition and custom; (10) the approximation of rights and duties: the right to work, rest, participate in public affairs, and to assistance was at the same time a duty to work, rest, be occupied with public affairs, and to help the needy. As one can see, life in Soviet Russia, both in the village and in the city, was established on principles characteristic of the prerevolutionary Russian commune, as a result of which the social structure of Russian steelmaking communities were reproduced in many ways on an all-union scale (Mironov, 1985; Mironov, 2018c: 200–248).

In this case we have an example of historical camouflage, when the appearance does not reveal the essence, but hides it. The entire country turned into a large commune, but was called a socialist society. The historical continuity between the atheistic Soviet government, which outwardly broke with the past, and the Orthodox empire is apparent. Paradoxically, representation of the masses determined the structure of Soviet society, proving the point that the state lives “under the brutal power of the masses” (Ortega-i-Gasset, 2003: 48). It isn't that the state is a servant of the people, fully subordinate to them, but that the independence of the government has limits, which are defined by collective ideas. The convergence of the principles upon which socialist society was built with traditional principles of communal living that had been established for centuries provided for the relative success of socialist modernization.

The results of Soviet modernization turned out to be mixed. On the one hand, individualism, the bourgeoisie, private property, and the free market were understood negatively; they at first tried to “socialize” the family, then to “nationalize” it; various productive organizations such as the kolkhoz, sovkhoz, and state-owned enterprises revived communal forms of social life; at the same time the paternalistic state and its traditional hegemony were reconstructed and the regime was sacralized. On the other hand, significant progress was observed in many areas. The state essentially completed the industrialization of the economy. The domestic economy was separated from production, and the technical side of industry reached its current level. The secularization of the popular consciousness surpassed all Western standards. The motivation for behavior became rational, the system of values became fully secular and in some respects approached the Western model. The demographic transition was completed, freeing women from the heavy burden of bearing children who were doomed to die quickly. The contemporary type of small family, in which the spouses have equal rights and the children are freed of their servile status, developed further. Women achieved juridical equality with men and quickly realized this equality in fact. The social structure of society acquired a modern form, social mobility reached a high level, and classes became open. Society as a whole became more open to the influence of contemporary Western ideas, values, and norms of behavior. Urbanization accelerated. The country became predominantly urban; correspondingly, people reoriented

themselves en masse toward the values of urban consumer culture. In urban areas the commune was not restored, and as the proportion of the urban population increased steadily and reached 74 percent of the Russian Federation by 1990, the very process of urbanization automatically led to the fact that the population moved from communal to social forms of organization. However, even in the village communal relations were becoming obsolete. A developed social sphere was created, including pensions, health care, the protection of childhood and motherhood, and so on. The state established a modern system of primary, secondary, and higher education, thanks to which considerable successes were achieved in the intellectual spheres of science, literature, and the arts. The USSR changed legally into a confederation, and non-Russian peoples had greater opportunities for national development. The majority of Russian and foreign researchers agree with this assessment (Vishnevskii, 1998; Riazanov, 1997; Semenov, 1993; Kholms, 1994; Black, 1966: 92–123; Fitzpatrick, 1982; Russian and Western Civilization, 2003). In many, although not in all aspects, Soviet Russia began to belong to the space of contemporary culture rather than that of the developing countries. The weak point of Soviet modernization was in political relations. Political modernization greatly increased vertical social mobility, in which the mass of the population was engaged, and brought to power a new elite that was democratic in its origins. However, the constitution and the representative organs of power created by it were progressive in name only and mainly served a decorative function, human rights were limited, and political freedoms were permitted only “in the interests of socialism.” The state did not become truly based on law, and society did not become truly civil—social organizations were managed from above.

If it were not for its huge and unjustifiable human cost, Soviet modernization could be considered successful in its economic results, although as with imperial modernization, it ended in crisis and revolution—the reforms of the early 1990s may be considered a bourgeois revolution in Russia. However, all of the institutions, entities, and ideas at some point exhausted their possibilities and perished. This is a normal process and does not indicate the *fundamental* inadequacy of these institutions, entities, and ideas. Collective will, the concentration of forces and means, readiness to sacrifice personal for public interests bore fruit over the long term. *Successes continued until the resources of collectivism, communalism, centralization, planning, and national enthusiasm were exhausted.* At the same time, the implementation of the Soviet model of modernization created a new asymmetry between the individual, the family, society, and the state. In the end, the small democratic family developed rational, educated, demanding, and secular-oriented personalities who aligned poorly with collective property, total regulation, limits on initiative, a lack of civil and political freedoms, the communality of social institutions, and paternalistic government. During the mid-1980s the social, economic, and political crisis came to a head, which was resolved not by civil war, but by reforms that caused *change so deep it was the equivalent of a revolution.* The reforms were meant to restore harmony between the individual, the family, social institutions, property, and the state, that is, to readjust the social system. However, the balance has not been achieved, as the Russian experience of the 18th to the 20th centuries has shown, because systemic transformations demands two or three generations, that is, approximately 50 to 80 years. From a historical point of view this is a short time, but from the point of view of those who have fallen under the wheel of these changes, it is very long—the entirety of an individual life.

Convergence of Russia and the West

Imperial Russia evolved and changed more quickly than did its Western neighbors, so the gap between them narrowed in all respects. Due to a lack of data appropriate for making comparisons, it is difficult to assess the reduction of the lag in level of development between them. However, by all accounts Muscovite Rus’ in the 17th century differed from the contemporaneous West to a much greater degree than Russia at the beginning of the 20th century differed from the modern West.

The Soviet Union also developed more quickly than its Western neighbors, so that the gap or lag between the West and the USSR, in terms of material culture, decreased. A very *tentative* estimate of the lag based on two dates—1913 and 1989—demonstrates this convincingly. The following table shows the calculation of the lag in 1913 (see [table 1](#)).

Table 1. Lag in the level of development between Russia and the great powers according to 13 indicators from 1913

Indicator	European Russia in 1913	Year in which the level of 1913 Russia was reached*					Average lag, in years**
		Great Britain	USA	Germany	France		
1. Gross national product per capita	61	1750	1800	1850-	1800	113	
2. Life expectancy in years	33,5	1800-**	1800-	1800-	1800	113	

3. Education, lag in years****	-	1724	1724	1749	1774	170
4. Number of doctors per 10,000 persons	1,8	1850-	1850-	1850-	1850-	63
5. Number of children per 1,000 of population	59	1800-	1800-	1800-	1800-	113
6. Number of copies of newspapers per 1,000 of population	21	1840-	1840-	1840+	1840+	73
7. Length of railway per 1,000 km ² of territory	12,0	1841	1881	1853	1857	55
8. Number of postal shipments per capita	15,2	1860	1870	1860	1860	51
9. Urban population, %	15,3	1750-	1850	1800-	1800-	113
10. Literacy, %*****	29	1650	1700-	1700-	1750	213
11. Grain yield, in centners per hectare	7,4	1800-	1850-	1850-	1850-	76
12. Length of paved and unpaved roads per 1000 km ²	19	1800-	1800-	1800-	1800-	113
13. Population density in persons per km ²	24,4	1500	1970 +	1750-	1500	233
Lag in years						
Indicators 1–3	-	155	138	113	122	132
Indicators 4–8	-	75	65	72	72	71
Indicators 1–2, 4–12	-	118	91	95	94	100

Notes:

* The sign “–” after the year means that the level in Russia of 1913 was achieved earlier than this year, and “+”—later.

** Median lag between Russia and the four countries.

*** In 1913 US dollars.

**** Education includes literacy and number of students per 1,000 of population.

*****Age 9–15 and older

The method of assessing such a lag is to determine the year when the four most advanced of the great powers reached the level of Russia in 1913. The difference between 1913 and this date demonstrated the size of the lag. For example, in 1913 the Russian gross national product per capita was equal to 61 US dollars. In Great Britain this level was reached in approximately 1750—that is, 163 years earlier than Russia; in the USA and France around 1800—or 113 years earlier; and in Germany around 1850—or 63 years earlier. The average lag for the four countries in GNP was 113 years. It follows that in 1913, in level of GNP, Russia lagged behind the world’s four leading countries by approximately 113 years. We can measure the lag for each indicator and each country with this method, and then calculate the average gap between Russia and each individual country, and Russia and all four countries together. We obtain the following results: in 1913, in comparison with the world’s leading countries, the lag in development across 11 indicators was approximately 100 years. Since the lag between Western countries and the early Russian state was around 300 to 400 years at the dawn of Russian statehood, we can assume that over the course of 1,000 years it was substantially reduced. In terms of the three criteria included in the human development index (nos. 1–3), the difference amounted to 132 years, and according to five of the indicators (nos. 4–8), intensive development obtained from the second half of the 19th century, when the difference amounted to 71 years—indicating a growth in receptivity toward innovation. Comparisons between countries show that until 1913, according to 11 indicators, Great Britain was ahead of Russia by a maximum gap of 113 years, and the between the USA, Germany and France on the one hand, and Russia, on the other, the gap was approximately 89–96 years. The lag with other European countries was smaller or even completely absent.

Due to a lack of relevant data and difficulties in accounting, the calculation did not include such important indicators of the international rating of the countries as the level of development of market relations, democracy, and civil society; the quality of life, satisfaction with life, or level of happiness. The differences in these indicators were substantial. For example, an estate-based representative body appeared in England in 1265 (an elected parliament with advisory functions, mainly concerned with the authorization

of taxes by vote), in France in 1302 (as the Estates-General with similar roles), in the German principalities in the 13th century (as the Landtag with the same sort of functions), and in Russia in 1549 (as the Zemskii Sobor with consultative and legislative duties), respectively 284, 247, and 249 years later than the others (assuming 1300 as the approximate year of the appearance of estate-based representative institutions in the German principalities, a median of 260). It is apparent that by 1913 the institution of private property, a full-fledged market as the regulator of economic relations, a democratic mechanism for functioning, and the renewal of power and civil society had developed in Russia, although it was not yet fully formed.

In the Soviet period the gap between Russia and the great powers narrowed even more. By 1989 the lag in terms of 11 indicators (1–2, 4–12) was reduced from 100 years to 42 years (by 58 years); the lag in the four indicators belonging to the human development index (nos. 1–4) had decreased from 132 years to 24 years (by 108 years). In the five indicators that developed especially in the second half of the 19th and early 20th centuries (nos. 4–8), the gap lessened from 71 to 29 years (by 42 years). The lag in the level of education and number of doctors disappeared completely (table 2).

Table 2. Lag in the level of development between the USSR and the great powers according to 16 indicators from 1989

Indicator	European Russia in 1989	Year when the level of Russia in 1989 was reached*					Median lag, in years**
		Great Britain	USA	Germany	France		
1. Gross national product in 1989 US dollars per capita***	9226	1970	1940	1950	1950	37	
2. Life expectancy in years	69	1950	1950	1960	1950	37	
3. Education****	99.8	No lag					
4. Number of doctors per 10,000 of population	44	No lag					
5. Children of school age who are studying, %	99.9	No lag					
6. Number of copies of newspapers per 1,000 persons	705	1960	1920	1987+	1987	26	
7. Length of railway per 1,000 km ²	26	1847	1891	1866	1866	122	
8. Number of postal shipments per capita	220	1960	1929	1987	1975	26	
9. Urban population, %	66	1885	1950	1930	1965	57	
10. Literacy, %*****	98*****	1913	1959	1913	1959	23	
11. Grain yield, in centners per hectare	17.5	1913	1950	1925	1939	57	
12. Length of paved roads per 1,000 km ²	148	1910-	1930	1910-	1910-	74	
13. Population density, persons per square kilometer	37.9	1700	2005 +	1800-	1700	188	
14. Number of televisions per 1,000 people	311	1970	1960	1970	1980	19	
15. Number of students per 10,000 people	178	1987+	1960	1985	1987	9	
16. Electric-generating capacity per capita, in kilowatt-hours	5911	1987+	1960	1975	1985	12	
Lag, years							
Indicators 1–3	-	19	29	23	26	24	
Indicators 4–8	-	34	33	25	25	29	

Indicators 1–2, 4–12	-	51	41	40	34	42
Indicators 1–2, 4–12, 14–16	-	42	39	34	28	36
Indicators 14–16		8	29	12	5	14
Indicators 4–12, 14–16	-	44	38	34	26	35

* This sign “–” after the year signifies that Russia’s 1913 level was reached earlier than this, while the sign “+” means it was reached later.

** Median lag between Russia and the four countries.

*** In 1989 US dollars.

**** Education includes literacy and number of students per 1,000 of population.

***** Age 9–15 and older.

***** In 1959.

As we can see, tremendous progress was achieved in the Soviet period, thanks to which the Soviet Union drew closer to the advanced Western European countries in material-organizational relationships and in terms of human and cultural capital. But modernization had not been completed by the end of the Soviet period, primarily in terms of material-organizational and cultural spheres. Indeed, it could not have been completed: the aim of Soviet modernization was not to develop a market economy, civil society, the rule of law, and the creation of the individual personality. The continuation of modernization required a change in the model and the formulation of a course of development that would, on the one hand, preserve the major achievements of the modernization of the Soviet period, and on the other would develop social groups, social mechanisms and institutions that did not currently exist in the Soviet Union but that would be sufficient to make post-Soviet Russia a fully modern society.

However, the people as a whole were so changed, that it did not require a civil war for the Soviet political system to transform radically in the early 1990s.

It should be noted that from 1917 to the beginning of the 1990s the rapprochement between Russia and the West proceeded from both parties. Russia became an urban, industrial, secular, and educated society. The West, although also evolving in the direction of liberal democracy and a market economy, nevertheless absorbed the ideas of a regulated economy, the social state or welfare state, the practice of the ideological indoctrination of the population and of total control, and many other instances of Soviet know-how.

Some spheres of life have regressed in the post-Soviet period: from 1990 to 2000, according to the Human Development Index, Russia has fallen from 26th to 66th place out of 177 countries; the Index decreased from .920 to .662 due to reduced GDP and reduced life expectancy. In the 2000s the Index began to rise and by 2013 had reached .788, thanks to which Russia rose to 55th place out of 187 countries (but as of yet is still lower than the level of 1990 ([Indeks, 2014](#))).

However, in qualitative terms, the convergence of Russia and the West over the last 20 years has been unprecedented in history. The political culture of Russians changed radically in the 1990s and at the present time, in terms of its main indices (the attitude of the electorate toward political freedom, pluralism, the distribution of the electorate along the spectrum of “left” and “right,” a willingness to carry out protests in cases of violation of rights, the deteriorating economic situation, and so on), Russia has drawn closer to Western countries, although it has not become identical with them ([Rukavishnikov et al., 1995](#); [Politicheskie kul'tury, 1998](#); [Sravnitel'naya politologiya, 2002: 84–88](#); [Batalov, 1995](#); [Nazarov, 1998](#); [Pivovarov, 1994](#); [Shcherbinina, 1997](#)). And it is logical that this convergence, the main trend in the development of Europe in the 18th to 20th centuries, in recent decades has transformed into globalization on a worldwide scale. And despite this, a comparison of Russia and the West in 2013 will still find many differences between them. The serious researcher must be aware of the transient character of all ideal-typical constructions and regularly redesign them in accordance with ongoing changes. Otherwise the ideal types of “Russia” and “the West” turn into a set of false stereotypes.

3.4. Counterfactual Forecasting

The question cannot be avoided: what would Russia be at the present time if imperial modernization had continued? Would the results be greater or less? There are serious grounds for supposing that modernization on the late imperial model would have ensured greater progress.

First of all, it was namely the revolution of 1917 and the Civil War that it generated, and not the First World War, that ruined the economy.

Until 1916 (inclusive) the economy quite successfully adapted to the demands of wartime ([table 3](#)).

Table 3. The state of the economy and the standard of living in 1913–1920 (in the USSR's 1922 borders), 1913 = 100

Indicator	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
Gross Industrial Production	100	101	114	122	77	35	26	18
Number of Workers	100	103	102	113	116	96	78	114
Working Day, in Hours	10	–	–	9.9	8.9	8.5	8.3	8.6
Actual Working Days per Year	257	–	–	258	238	219	183	228
Gross Harvest of Major Crops	100*	91	104	81	61	48	46	26
Livestock	100	94	–	129	124	96	88	86
Tonnage Carried	100	97	123	148	83	27	11	11
Passengers Carried	100	98	105	127	125	–	–	62
Real Wages of Industrial Workers	100	105	109	108	85	42	33	33
Real Wages of Employees in Industry	100	99	91	78	38	4**	–	12***
Balance of Deposits in Savings Banks****	100	106	117	163	273	–	–	–
Number of Depositors in Savings Banks****	100	106	110	120	146	–	–	–

Source: (Mironov, 2017).

* 1909–1913 ** January–June 1918. ***1921 **** On January 1.

The volume of industrial production in the empire during the years 1914–1916, excluding Poland and Finland, grew 22 %, and productivity, 8 %. The agricultural harvest, as before the war, was strongly influenced by the weather. In 1914–1916 it decreased, and in 1916 decreased by 19 % compared with 1909–1913 because of a lower yield, but this was caused by weather, not war. During the 19 % decrease in the harvest, the domestic demand for bread was completely satisfied on a national scale, since in 1914 the state forbade the distillation and export of grain, which had consumed 24 % of the net grain harvest in 1909–1913. Between 1914 and 1916, livestock increased by 29 %. Rail transport satisfactorily coped with the increased loads. When compared with 1914, in 1916 the railway transported 52 % more cargo and 30 % more passengers; the commercial speed of freight trains along the whole network increased from 14 to 16 versts per hour.

The overthrow of the monarchy fundamentally changed the economic situation, and after the October Revolution it deteriorated rapidly and dramatically. The volume of industrial production in 1917 fell by 43 %, in 1918 by an additional 21 %, and in 1920 comprised only 21 % of the 1913 level. The gross harvest of major field crops in 1917 fell by 25 % compared to 1916, in 1918–1919 were 2.2 times less, and in 1920 it was a quarter of the prewar level. Livestock numbers also waned after 1917 and by the end of 1920 had decreased by a third in comparison with 1916. The transportation of goods by rail fell 1.8-fold just in 1917 alone, and the speed of trains decreased 1.2-fold. In 1920 freight turnover fell 9-fold in comparison with 1913.

Before 1917, the bulk of the population did not experience a fall in living standards. The real income of peasants had increased thanks to satisfactory harvests, decline (due to inflation) of the real tax burden, a lessening of spending on alcohol, the mass sale of horses for the needs of the army, and benefits received from the government by those mobilized (Prokopovich, 1952: 51). According to various estimates, real wages of industrial workers in 1916 were 8–9 % higher than the level of 1913 (Sbornik, 1924: 189–191, 243–244). Bank deposits during the war, until the Bolsheviks destroyed the banking system, increased nominally in all categories of the population to approximately the same degree. In and of itself, the fact of even nominal growth in the number of depositors and the value of savings indicates a growth in income for a significant part of the population. From January 1, 1913, to January 1, 1917, the number of savings banks under the Russian State Bank, in which the lion's share of the population kept their savings, increased 1.7-fold, bankbooks 1.5-fold, and the amount of deposits 2.7-fold. The number of depositors reached 12.7 million (Statisticheskii ezhegodnik, 1922: 130–132; Statisticheskii ezhegodnik, 1915: 92).

After February 1917, as a result of crop failures, the Provisional Government introduced a “bread monopoly” in April (the transfer of the entire volume of the grain produced to the state after the deduction of established norms of consumption for personal and farm uses), and peasant incomes began to decline. The real wages of workers went down under the influence of tremendous inflation and in 1920 fell to a third of the prewar level.

A number of economists (P. Gregory, S. Guriev et al., A. Markevich and M. Harrison, etc.) have come to the conclusion that *the revolution and the civil war it generated not only ruined the Russian economy, but also slowed economic growth in the future* (Gregori, 2003: 76, 82; Markevich, Harrison, 2013;

Cheremukhin et al., 2013; Cheremukhin et al., 2015; Maddison, 2010). “We have collected all the data currently available on the economic development of Russia and the Soviet Union and have used only recent methods of macroeconomic modeling of structural transformations. It is the combination of new data and new methods of research that allow us to collectively evaluate different scenarios of ‘alternative history’ and to compare them with that actually happened” (Cheremukhin et al., 2013). It is highly probable that without the revolution and the civil war, Russia’s GDP in 1913–1928 would have grown at least in accordance with the Russian prewar trend in the years 1883–1913 (3.3% per year). Then by 1929 we would not simply have reached the level of 1913, but would have surpassed it by 1.6 times, and in 1939, at the outbreak of the Second World War, by 2.3 times, at a time when it actually grew 1.6-fold (Gregori, 2003: 76). “Adopting an administrative-command system,” says P. Gregory, “the USSR sacrificed economic growth” (Gregori, 2003: 82).

Secondly. The revolution not only weakened the economy; it spawned a general crisis, social unrest, and civil war, and led the country to political and economic isolation. Before the war Russia was one of the most attractive countries in the world for foreign investment. In the period from 1880 to 1913 the share of foreign capital of the total amount of new investment in industry was about 50 percent. In 1915 foreign capital accounted for approximately 38% of Russian equity, with the majority of the profits derived from it reinvested (Ol’ 1922: 8; Heller, 1998: 55; McKay, 1970: 26–28). After the revolution and the seizure of power by the Bolsheviks, foreign capital moved out of Soviet Russia for the long term.

The revolution intensified antagonisms in society and created enormous social tensions, as evidenced by a change in the level of deviant behavior, which is usually taken as an indicator of social welfare. In 1914–1916 crime fell by almost 29%, suicide by almost half. In 1919–1921, the level of criminality was 2.4 times higher than in 1911–1913, and approximately 3.6 times greater than in 1914–1916 (Sbornik, 1924: 66–70). In 1914–1917 the suicide rate approximately halved when compared with 1913, and from 1918 began to grow; in 1922 it exceeded the prewar level (Tarnovskii, 1926: 192–193). The revolution stole Russia’s military victory. Without the revolution Russia would have undoubtedly been among the victors of the First World War. The allies achieved victory eight months after Soviet Russia’s conclusion of the separate and humiliating Brest peace treaty with Germany on March 3, 1918. With Russia’s participation, the defeat of Germany and her allies would have come sooner. The economic potential destroyed by the revolution and civil war would have been preserved, and the collapse of the empire would have at least been suspended, insofar as Poland, the Baltic states, Ukraine, and part of Belorussia and the Caucasus were seized from Russia by the Brest treaty.

Thirdly. The chief factor of modernization—*human capital*—would have been more powerful without the revolution and civil war of 1917 to 1920. The loss of population from 1917 to 1926 (as a result of revolution and civil war, famine and epidemics in 1921–22, and emigration) was colossal. It is estimated at 20 million people. The intellectual and artistic elite dominated the ranks of the emigrants. Entire steamships full of intellectuals, called “Philosopher’s Ships,” were dispatched abroad. The passengers of two ships sent from Russia to Germany in 1922 included 45 doctors, 41 professors and teachers, 30 economists, agronomists, and cooperative members, 22 writers, 16 lawyers, 12 engineers, 9 political figures, 2 religious figures, and 34 students, for a total of 225 people.

Fourthly. Soviet people dwelt under the strong, and at times total, control of the state. Private property, the free market, and personal success were negative concepts. Signs of the *enslavement* of labor could be seen in various productive organizations like kolkhozes, sovkhozes and state-owned enterprises—particularly in kolkhozes. Paternalistic statehood was restored, and state power was *sacralized*. As a result, Soviet modernization was incomplete, since *the people were not able to realize their creative possibilities and abilities*. Allow me to remind you about the widespread *misconception* that the forced labor of millions of prisoners allegedly brought society and the state huge dividends. In fact, the labor of prisoners was not cost effective. The same people in conditions of free labor would have brought incomparably more benefit to society.

3.5. A Comparative Analysis of Imperial, Soviet, and Post-Soviet Modernization

The strategies of imperial and Soviet modernization have much in common. They proceeded under the influence of the domestic needs of Russian society and had a primarily endogenous character. In this process, the state and the elite were the main actors; as a rule, they knew more, saw further, and in the majority of cases understood the needs of society and the national interests of the country better than the people. The state’s prominent role in the process of modernization compensated not only for the lack of initiative on the part of the population, which often did not understand the need for reforms and did not want to carry them out, but also for the shortage of capital, education, and culture. It is characteristic that until the middle of the 19th century, because of the paucity and weakness of the crown bureaucracy, the participation of the government in the everyday workings of the population was insignificant—the country was undergoverned and the pressure of taxation was relatively weak. This was comfortable for citizens, but the pace of social development was slow. When the tsarist bureaucracy strengthened quantitatively and qualitatively in the era of the Great Reforms the present dirigisme began and an increase in the tempo of economic growth to the maximum on a European scale occurred. The government’s role in conducting Soviet modernization increased even more. The level of dirigisme is reflected to a certain extent in the number of officials per thousand of population: in 1698 it was 0.36; in 1857, 1.66; in 1911–1914, 1.47; in 1928, 6.9; in

1950, 10.2; in 1985, 8.7; and in 2010, 7.0 (Mironov, 2018b: 431, 440). However, the directors of Soviet modernization had significant shortcomings—they overestimated the possibilities of the state and underestimated the significance of cultural and ethnoconfessional traditions and they did not take into account the costs and victims of change. In the first post-Soviet decade dirigisme weakened and the quality of governance declined, and this was one of the principal reasons for the economic and political crisis. In subsequent years the role of the government strengthened and at the same time the pace of development increased.

As a rule, the imperial government (with the exception of Peter the Great's reign) used a *strategy of gradual and progressive systemic reforms and coherent intermediate institutions*, which ensured management of the reform process and the society's gradual assimilation of the new institutions created by the reforms. The Great Reforms of the 1860s are a typical example. All the new institutions (in the sense of norms and standardized models of behavior and rules of interaction in decision-making) needed for the successful development of the reforms were created gradually, with a view to the West, but taking into account Russian specifics. To reduce the likelihood of institutional dysfunction, the government used the strategy of creating *sequential intermediate institutions*, gradually linking the beginning and ideal final design in several stages. For example, it began establishing the institution of the private ownership of land among the peasants with the preservation of existing communal property, which it then transformed into personal and then finally into private land. The transition of the peasantry from the norms of customary law, for example, from collective to individual responsibility, from interest-free loans to interest-bearing loans, and so on, proceeded in several stages. The democratization of society began with local governance, which was seen as a preliminary phase in the transition to parliamentarism. When selecting a new institution, the state carefully chose the country that would serve as a model. As a result of this strategy, it was only at the beginning of the twentieth century that liberal legislation on entrepreneurial activities developed that was suitable to Russian economic realities, and that the enduring institution of ownership, without which successful economic development is impossible, was established. At the beginning of the twentieth century, a constitution was adopted, which created a representative institution, thanks to which Russia turned into a dualistic constitutional monarchy. This strategy of *successive intermediate institutions* combined the advantages of the "cultivation" and "design" of new institutions, and made it possible to manage the pace of institution-building and prevent its rejection (Polterovich, 2008). Those who directed Soviet and post-Soviet modernization preferred a strategy of shock reforms, and did not leave off in the face of heavy casualties. A typical example is the Gaidar reforms of the early 1990s, carried out as a shock treatment, without careful preparation or foresight as to the consequences of the reform, and which spun out of control. The new institutions Gaidar introduced were incompatible with cultural traditions and with the existing institutional structure, because of which either their atrophy, rebirth, or rejection occurred as the result of the activation of alternative institutions, or institutional conflict or the paradox of transfer, when the donor benefits at the expense of the recipient during the transfer of more efficient technology. Consequently, the foundations of the modern market economy, which were laid down in 1992–1998, were not the result of comprehensive, integrated measures, rigorously carried out according to a plan outlined in advance. They were the result of opportunistic changes carried out in conditions of constant crisis, under time pressure and anticipated and unanticipated problems; only the striving to create a market economy conveyed the integrity of the reforms. Hence the incompleteness of the reforms, and a broad strata of the population's disappointment in democracy, trial by jury, parliament, and the market (Gudkov, 2011).

The strategy used to carry out the reforms affected their results. In the 1860s the GDP decreased by a very approximate estimate of 4 percent, in the 1870s by another 1 percent, solely as a result of a decrease in agricultural production per capita (Gregori, 2003: 22–23, 232–237). Transport, services, and the financial sector saw progress, and industry experienced a significant increase in production due to the ongoing industrial revolution (Liashchenko, 1956: 92–93, 101–104). In the 1860s, the real wages of agricultural workers grew by approximately 65 percent, although in industry (judging by St. Petersburg) it decreased by 13 percent (Mironov, 2012a: 512, 523; Mironov, 2012b: 300–328). The cost of shock therapy in post-Soviet Russia was much higher: according to data from Rosstat, Russia's real GDP decreased by 22 percent from 1990 to 1995, real per capita income in the 1990s dropped by more than half, and only returned to 1991 levels in 2006, and in 2009 exceeded them only by 19 percent. Rapid economic growth ensued ten years after the reforms, both in post-Reform and post-Soviet Russia. However, in the empire it continued for 56 years, until the First World War, or more exactly to the 1917 revolution, and in post-Soviet Russia for approximately ten years, after which the economy entered a state of recession or stagnation. However, the political, cultural, and social rapprochement between Russia and the West over the last twenty years is historically unprecedented. And this is natural—convergence has been the main trend in European development from the eighteenth to the twentieth centuries, and in recent decades it has transformed into worldwide globalization.

In my opinion, accusations that the imperial authorities delayed carrying out reforms are unfounded. The crown began reform only when it became absolutely necessary and carried it out in a therapeutic way. This strategy should be acknowledged as a reasonable one in a country where the demands of the small (if not to say microscopic) privileged stratum seriously and sometimes fundamentally diverged from those of the conservative popular masses who made up 95 percent of the population. For oppositionists, it is easy to

demand the most radical, cutting-edge reforms and shift responsibility for the consequences onto the government. However, it should be remembered that when the opponents of the monarchy came to power in February 1917 and carried out only part of the reforms they had proposed, it led the country to complete collapse and civil war. Now many researchers acknowledge that it was hardly worth it to hurry to overthrow of the monarchy in February 1917, and the same is true of the construction of a new socialist society that would be capable of satisfying everyone and making them happy in October of the same year.

The influence of archaic (traditional) structures and institutions. The constant balancing act between tradition and modernity was a peculiarity of both imperial and Soviet modernization. This was caused largely by the potent presence of archaic (traditional) structures and institutions in Soviet society. During the imperial period, these structures and institutions offered significant resistance to the modernization processes that took place along a trajectory representing the resulting force of two vectors—Russian tradition and Western modernism. The traditional vector was based on the experience of Muscovite Rus' and had numerous supporters, mainly in the village and in the lower strata of society. The pro-Western vector was based at first on the experience of Western European countries, and then also on Russia's own experience of Westernization and modernization, and had its social base mainly in the city and among the elites and the privileged segments of the population. Thanks to this, there were three possible options for development: traditional Russian, pro-Western, and a combination of the two (since these variations might be very diverse, the variants might in fact be more than three, but we are abstracting from this for simplicity's sake). At any given moment one was realized, and the two others went, as it were, underground. The vectors of development alternated, with the European option dominating. In this process, the main actor of modernization was the crown, which until 1905 was autocratic and exercised primarily traditional-charismatic rule, based on faith in the legitimacy, sanctity, and God-given character (“*bogoustanovlennost*”) of the existing order and power since ancient times and on the charisma of the emperor (on belief in his exceptional qualities and on personal loyalty to him by virtue of faith and an oath of allegiance). But laws issuing from the emperor also played an important role in governance, and therefore rule was also legal. Thus during the period of empire the crown was at once traditional, charismatic, and legal, but the ratio of elements changed after 1905 in favor of legality, and therefore rationality. And although the vector of the development of statehood in the period of empire consisted of strengthening legal rule (an important feature of political modernity), power and the rule undertaken by it contained significant archaic elements that affected the content and pace of modernization.

In the Soviet period, both vectors of modernization—the traditional and the modern—continued to exist. The dominance implemented by the Bolsheviks also retained a traditional-charismatic character in many ways, since the top leaders of the country were themselves charismatic leaders. The regime was sacralized. The people largely preserved the traditional collective ideas that even before the revolution might have acted as factors of serious sociocultural restraint on the process of modernization. But the Bolsheviks, relying particularly on the archaism of mass consciousness and using traditional-charismatic methods of rule understandable to the masses, directed the anti-modernist energy of the masses toward Soviet modernization—toward the realization of the utopian project of the construction of Communist society. This also assured both outstanding achievements of modernization and the incomplete realization of the ideal liberal project of European modernization. Many of the most important tasks of ideal European modernization were nonetheless completed by the end of the Soviet period, and archaism in family, social, and political relations had been largely overcome. Russia had risen to the level of modernity in the principal aspects of social life. The vast majority of the population wanted to live in modern society, even including those who had not yet reached the level of modernity in their individual development. Because of this society in the post-Soviet period was able to return to the liberal project without regressing and to complete modernization. The fact that in the post-Soviet period the majority of the population did not desire the restoration of the Soviet political system is evidence of this ([Predpochtitel'nye modeli, 2017](#)).¹ The percentage of those nostalgic for the Soviet past has fluctuated by year, from 24 percent in 2008 to 48 percent in 2003, with an average for 1992–2016 of 38 percent (46 percent in 2017).

It is impossible to ignore the fact that the presence of archaisms in mental, social, and economic structures gave rise to antimodernist sentiments, which from time to time enveloped Russian society. The revolution of 1917 is a characteristic example. It was not limited to the destruction of the remnants of the old regime, as occurred during the revolutions in Europe in 1789 to 1848; it also destroyed the structure of the new society that it had erected and it became anti-modernist in many ways. *The majority of peasants participated in the revolution in the name of the restoration of the traditional pillars of public life that had been violated by accelerated modernization.* Three factors contributed to the fact that the October Revolution became in some respects anti-modernist: world war, the retention of social institutions, laws, and mentalities of a traditional type among the majority of the Russian peasantry and workers, and the multi-ethnic character of the Russian empire. The revolution was accomplished by four slogans: land to the peasants, factories to the workers, peace to the peoples, and power to the toilers. The most important among

¹ According to surveys conducted by the Levada Center in 1992–2006 using a representative all-Russian sample of the urban and rural population. The statistical margin of error for this data does not exceed 3.4 percent.

them was the call for the general expropriation of property and its redistribution between workers of the city and the village who were joined in communes, artels, and other similar associations. The cessation of war and the overthrow of the existing authorities played an assisting role—it was necessary to remove these two obstacles, which impeded the expropriation of property. The main social slogans of the revolution are none other than a call to the “Black [General, or Universal—B.M.] Repartition.” The traditional peasant principle found expression in these slogans—“the land belongs to those who work it” was modified in the new conditions to “the property belongs to the toilers.” Participants in the revolution were indifferent to the fundamental principles of the bourgeois social order. And this is not accidental: the majority of people took part in the revolution in order to restore the traditional bases of public life that had been trampled by accelerated modernization. “The Russian Revolution is hostile to culture, it wants to return to the natural state of the people’s life, in which it sees immediate truth and goodness,” stated N. A. Berdiaev (Berdiaev, 1991: 283; Mousmier, 1970: 305–48).¹ The anti-modernist character of the October Revolution is clearly manifested in the fact that in 1917–1918 the people deliberately burned down hundreds of museums and thousands of landowners’ estates, and also books, notes, musical instruments, works of art, bed linen, tapestries, porcelain—everything that symbolized European culture and reminded them of the nobility. In both the villages and the cities these actions had a symbolic character: the destruction of the remains of the “accursed past,” the liberation of their environment from “alien elements.” A special term was invented to describe the process of destroying carved and fashioned images of tsars and generals of the past, imperial regalia and emblems, buildings and names—“deromanovizatsiia” (Staits, 1994: 373–374). The destruction of cultural assets during the revolution resembled the destruction of machines and sometimes even whole factories by the Luddites during the Industrial Revolution in England between 1760 and 1820; workers protested in this way against the onset of the industrial era and wanted to return to the past (Bailey, 1998). Anti-modernist sentiments were observed in the broad masses of the population both in the Soviet and the post-Soviet period.

The specifics of Russian modernization. As Russian and global experience shows, national specificity does in principle constrain modernization, but it does not invalidate general laws. On the whole, Russia modernized according to the general European model, but with important particularities conditioned by initial circumstances, the geopolitical situation, natural resources, general cultural opportunities for development and the presence of substantial elements of archaism in society (Nureev, Latov, 2007). However, in my opinion, the idea of a path of development for Russia that resembled no other greatly exaggerates our particularity and leads to a dead end—it denies the very possibility of modernization as a process alien to Russian traditions (Inozemtsev, 2008). A hypertrophied emphasis on Russian specificity perplexes not only many Russians, but also non-Russians (Pain, 2008) and in the end is fraught with an artificial separation of Russia from greater Europe and its self-isolation. On Kiev’s Maidan in the winter of 2014 I read a handwritten poster:

“Russia cannot be understood with the mind alone, No ordinary yardstick can span her greatness: She stands alone, unique—In Russia, one can only believe.” –Russian poet Tiutchev
 “Why is this such an enigma to me?”—An ordinary Ukrainian

In Soviet modernization the wager on the collective will, the concentration of forces and means, the willingness to sacrifice personal for the sake of public interests bore fruit in the long term. However, economic success continued until the resources of collectivism, communalism, centralism, planning, and popular enthusiasm were exhausted. As they became exhausted the pace of development slowed and ultimately stagnation and then crisis ensued.

Something similar can be observed in Japan. Until the 1990s the distinctiveness of Japanese culture did not create an insurmountable obstacle either to economic progress or to political progress. However, Japanese collectivism, which over the course of several decades was an important factor in the development of the Japanese economy, had turned by the beginning of the 20th century from an advantage into a disadvantage. This primarily concerns the institution of lifelong employment (an employee cannot be dismissed unless he commits a serious criminal offense), which, according to economists, has become an important factor in the long-term stagnation of the economy. The crisis of the famous Japanese auto company Nissan clearly demonstrates this. In the middle of the 1990s, it began to experience great difficulties as a result of which its controlling stake was sold to the French company Renault and the French top manager, Carlos Ghosn, was put in charge and given carte blanche. He did what none of his Japanese colleagues could have dreamed of doing—he closed several unprofitable factories and fired their staff. Two years later the company had become profitable again, and Ghosn became a national hero of Japan. His success has influenced the policies of other companies.

The Soviet leadership’s refusal to modernize politically and to some extent socially had negative consequences in the long-term—the enormous economic and political challenges that the country faced in the post-Soviet period were largely attributable to this refusal. Social scientist Karl Popper warned

¹ The peasant movement in France in the 17th century pursued the same goal—to return to a more ancient social order.

politicians: “Arresting political change is not the remedy; it cannot bring happiness. We can never return to the alleged innocence and beauty of the closed [collectivist—B.M.] society.¹ Our dream of heaven cannot be realized on earth. . . . The more we try to return to the heroic age of tribalism, the more surely do we arrive at the Inquisition, at the Secret Police, and at a romanticized gangsterism . . . there is only one way, the way into the open society. We must go on into the unknown, the uncertain and insecure, using what reason we may have to plan as well as we can for both security and freedom” (Popper, 1994: 189).

The question of the *particular features of imperial and Soviet modernization* is debatable and has an extensive historiography (Gavrov, 2010; Golubev, 2012; Opyt, 2000; Rodrigues et al., 2008; Rossiiskaya modernizatsiya, 2008; Seniavskii, 2013; Travin, Margariya, 2004). I will dwell only on some of the common assessments that I have doubts about or that appear to be inaccurate.

The *dating* of Russian modernization is uncertain largely because many works use the term “modernization” in several senses at once and without explanation. This devalues an important term and confuses the analysis. For example, K. V. Samokhin begins Russian modernization with Peter I, who because of the Northern War allegedly began to “transition the empire from an agrarian society to an industrial one.” The war, in his opinion, predetermined the formation of elements of a market economy; laid the foundations for processes of social mobility and the urbanization of Russian society; effected a change in values, primarily in the nobility; and created conditions for the formation of the rule of law and civil society. E. M. Skvortsova holds a similar position. In this case, the authors have in mind modernization in the sense of the advance of society through reforms, the introduction of innovations, and through overcoming underdevelopment, but calls this the transition from agrarian to industrial society and from traditional to modern society. However, as we know, the industrial revolution—an essential driver of modernization in Europe—began not in Russia, but in Great Britain, only in the last third of the eighteenth century. With reference to Russia in the 18th century, we can speak only of the establishment of the preconditions for the industrial revolution and for the transition from agrarian to industrial society (Samokhin, 2012; Skvortsova, 2014).

In the view of many researchers, *authoritarian, overbureaucratized government* inhibited or prevented modernization (Volkogonova, 2008; Krzhevov, 2008). Shevelev argues that “the system of authoritarianism, based on the ‘paternalistic model,’ the paramilitary structure of society and state power, and the mobilizational model of development constantly reproduced themselves on Russian soil. At the same time, alas, the values of freedom and human dignity have always remained in the background” (Shevelev, 2009). As my analysis has shown, the state was the leader of modernization, but for a long time during the imperial period *weak* (not strong!) administrative capability did not allow competent management of the process. It is wrong to think that dirigisme is always harmful—it is a question of its quality, of the power of civil society and the culture of the population. In the imperial and Soviet periods a strong state and skillful dirigisme often served as engines of modernization. The history of European countries in modern and contemporary times provides analogous examples of successful transformations precisely under strong authoritarian regimes that exercise competent management. For example, in France, Germany, and Austria-Hungary, the royal authorities carried out successful reforms, but periods of democracy appeared to be connected to catastrophic inflation and to the beginning of destructive processes in the economy (the era of the French Revolution; Germany after the First World War; Austria, Hungary, and Poland after the fall of the Habsburg monarchy). Events developed similarly in Spain, Portugal, and the countries of Latin America and Southeast Asia (Travin, Margariya, 2004). Perhaps the more important question is not who should govern society—the bureaucracy, the middle class, the proletariat, the aristocracy, the bourgeoisie, etc.—but what is the best method to ensure the common good?

The tradition of intense dirigisme weakens when the general and political culture of the population reaches a high level, and civil society grows strong. The extent and degree of state intervention in people’s lives is inversely proportional to the power of civil society. But the strength of the latter is not proportional to the number of the middle and upper classes; it depends decisively on their social and political activity. In 1905–1917, both classes together made up about 5–7 percent of the entire population of the empire, but they created an influential civil society, thanks to which the post-reform period was distinguished by a strengthening of the role of public organizations. In 1905, society achieved a constitution, a parliament, and legislative participation, and in February 1917 overthrew the monarchy and instituted a democratic republic. In contemporary Russia the share of the middle class in the population of the country (according to various estimates) is 3 to 4 times higher, however, conversely, its influence and activity is weaker than 100 years ago. The absence of social activity is replaced where necessary by the activities of agents of the state, and the power of society by the power of state structures. But a danger arises here, which few manage to avoid—any public or state organization, in the absence of comprehensive supervision by the citizenry, inexorably, in accordance with Robert Michels’s “iron law of oligarchy,” transforms into an unwieldy, corrupt machine that serves the interests of a narrow circle of people, and is oblivious to the people and their needs (Michels, 2006; Michels, 1999). The excessive power of the state ultimately becomes the cause of decline and decay

¹ “Magical, tribal or collectivist society will also be called the *closed society*, and the society in which individuals are confronted with personal decision, the *open society*... the transition from the closed to the open society can be described as one of the deepest revolutions through which mankind has passed” (Popper, 1994: 165, 167).

both of itself and of the society that it governs. “The state devours the living body of the nation,” and the people are transformed into fuel to feed the state machine. Stalinist authoritarianism serves as an example of this (Ortega-i-Gasset, 2003: 118).

In recent years, the thesis about the *mobilizational model of development* has gained popularity: almost since the emergence of the Russian state and to the end of the Soviet period, development ostensibly occurred through the over-concentration of the modest resources available to the state, the over-exploitation of the population, and the excess pressure of the state apparatus and all elements of society in its entirety. The mobilizing type of the development of society exerted influence on all spheres of life, including economic development and the formation of the elite (Gaman-Golutvina, 2006: 17–40; Mobilizatsionnaya model', 2012). In view of the small size of the bureaucracy and the underdevelopment of infrastructure, the mobilizing model seems to me inadequate to Russian reality in the Muscovite and imperial periods, although it is probably consistent with the nature of Russia's development in the 1920s–1950s. How could Peter I have compelled the population to work in a mobilization regime in the presence of 4,500 officials, with underdeveloped infrastructure, without a telephone or telegraph, and with a literacy rate of 2 percent in the village and 8–9 percent in the city!? (Mironov, 2018b: 423–490).

The popular idea of *the oscillating, inverse character of the process of Russian modernization* also raises serious doubt. Advocates of this point of view suggest that for 300 years now the country has alternated between short-term liberal thaws and long-term conservative frosts, and that reforms are always followed by so-called counter-reforms that effectively abolish the results of the reforms. Some scholars consider this kind of running in circles to be “recurrent modernization” (Naumova, 2004; Filatov, 2006). In fact, counter-reforms have not cancelled out reforms, but have either corrected or reduced the pace of the changes, or have delayed their implementation for a certain period of time. In my opinion, we should be talking about the cyclical rather than the recurring nature of reform. If Russia had developed according to the algorithm “forward—backward” or “reform—counter-reform” (Il'in et al., 1996; Pantin, 2006: 333–398; Rozov, 2006), then Russia would have been a backward autocracy, running in place. Meanwhile, the country was developing rapidly in every way. The change in the state's course from liberal to conservative did not mean the revival of that which was abolished by the reforms. Structural reforms carried out in the liberal periods of transformation were generally irreversible; the government rarely discarded them. The fact that progress occurred with zigzags and delays, and sometimes even with deviations, is normal for any European country, where counterrevolutions always followed revolution. The matter was complicated in Russia by the fact that the state moved ahead of society, carrying out reforms that outran society's ability to assimilate them, and overcoming the opposition of potent elements of archaism present in society and the government. This led to the fact that it was often necessary to stop or retreat to wait until society had adjusted to the reforms. But the process of reform always resumed with new strength from the point at which it halted. What should we call this progress—linear, parabolic, rhythmic, dualistic, inverse, cyclical? I prefer to talk about a normal and organic process. It is normal, because normal development consists namely of alternating phases of recovery and decline, flourishing and crisis. It is organic, because although the state ran ahead of society, it acted in accordance with its interests and emerging trends, which it noticed more quickly and sooner than society did.

In Western democratic countries, the alternation of liberal and conservative government policy with adjustment of the reforms of predecessors who had been in power was also the norm. For example, in Great Britain in the 18th and 19th centuries, the Tories, then the Whigs, alternately came to power, and in the course of two centuries a constant rivalry was maintained between them. An analogous battle between the Democratic and Republican parties in the United States occurred in the second half of the 19th and the 20th centuries (Sogrin et al., 1991: 182–207; Shlezinger, 1992: 41–77). However, it never even comes to mind to speak of reforms and counter-reforms or about recurrent modernization in relation to these countries. I would also note: in Western European countries the transition to modernity occurred with particular intensity from 1770 to 1870, moreover, up to 1848 an acute battle took place between the old and the new; only since 1870 has the process of modernization become irreversible and only in the course of the first half of the 20th century has it been completed, and then only in its broad outline, in the majority of countries of the contemporary European Union (Gillis, 1983: 9–16).

Many researchers emphasize the forcible and elitist nature of imperial modernization, in which the people are mute and submit to the reforms only from necessity and weakness (Seniavskii, 2013). The management of the process of modernization by the government does not mean that society was no more than the object of dirigisme. Quiet and massive resistance was able to block reforms when they did not have support among a sufficiently wide stratum of the population, as was active intervention, with weapons in their hands. This is evidenced by the failure of Petrine reforms to change the people's way of life according to a Western European model, due to a complete lack of response from them. In order for reforms that were unpopular with the people to enter into practice, they had to be based, if not on the majority, then at least on a significant part of the population. The Stolypin reform is an example of this—the state managed to initiate it because of the support of a third of the peasantry.

The liberal imperial modernization project was quite successfully implemented in the post-Reform period by the efforts of the state and the elite, despite the resistance of a majority of peasants and workers, but only as long as the state maintained control over its implementation. When the state lost control during

the revolution of 1917 and the dictatorship of the masses ensued, or as Ortega-i-Gasset puts it, “the triumph of hyperdemocracy, during which the mass acts directly, imposing its desires and tastes outside of the law and through brute pressure” (Ortega-i-Gasset, 2003: 47). First the monarchy, and then also the Provisional Government, having failed at democratic reforms, were swept away together with their liberal projects. The latter was replaced by a conservative socialist project because it harmonized both with the deep collective ideas of the people and a large part of the intelligentsia, and also with the attitudes and desires of the broad masses at that time. This made it possible to continue modernization in its Soviet variant. In turn, the Soviet project—after it exhausted itself!—was replaced by a new liberal project, particularly thanks to popular support.

Thus, in the period of revolutionary upsurge, the counter-elite supported, stimulated, and exploited the revolutionary enthusiasm of the people, but the people also used the counter-elite to achieve their goals. Even when the people were silent, they were not bit players, because they used the weapons of the weak—everyday resistance in the form of petty sabotage, theft, damage to property, spreading gossip and anecdotes about the authorities, and so on. A similar type of resistance to the powers that be is always present in authoritarian systems, when mass public protest is difficult or impossible due to fact that the discontented lack the resources necessary for an open struggle. Routine resistance is an effective form of struggle that deters the authorities from abuse and under favorable circumstances becomes the basis for collective mobilization (Scott, 1985; Scott, 1993). Well aware of the strength of the resistance of the silent masses, institutionalists consider frontal shock reform as unpromising, because the institutions rooted in society that are supported by the silent majority paralyze the reforms. To reduce institutional dysfunction, economists proposed a strategy of successive intermediate institutions in several stages connecting their initial and intended design.

I categorically disagree with the assertion that *imperial and Soviet modernization turned out to be disastrous*, because it ended in complete collapse and revolution. S. N. Gavrov tries to demonstrate that “our historical misfortune lies in the fact that Russian modernization facilitated not so much Russia’s entry into modernity as a strengthening of the feudal-imperial foundations of the cultural-civilizational system” (Gavrov, 2010). T. M. Bratchenko and A. S. Seniavskii suggest that “the imperial model failed historically, having been terminated by the outbreak of revolution” (Bratchenko, Seniavskii, 2009). “Both models led to the collapse of the existing systems (the imperial “from the bottom,” as a result of revolution; the Soviet from the top, as a result of the dismantling and of actualizing the conflictive potential of society)” (Seniavskii, 2013). The revolutionary termination of some kind of project is not proof of its failure. All institutions and structures are subject to moral attrition with time, but they cannot change voluntarily and spontaneously, since existing within them are inherent relationships that prevent the flexible adaptation of society to changing conditions—these are called *embedded constraints*. As a general rule, the effect of these constraints is overcome during the course of reforms “from above.” A society that has entered an epoch of transformation in the institutional system becomes socially unstable and enters a place of risk: a peaceful, evolutionary path is always long, painful, and contradictory. When it ends, society leaves the zone of risk. If it does not, then a revolution occurs, which forcibly destroys the embedded constraints that interfere with adaptation, and thus opens the way for the adoption of a new institutional system (Starodubrovskaiia, Mau, 2004: 27–50, 65–68, 417–446). In this way, social crisis can be a disorder of growth and testify to its development. This understanding of crisis specifically corresponds to the state of Russian society at the end of the 19th to the early 20th centuries, or Soviet society in the 1980s.

Even less convincing is the notion of the country’s fundamental inability to modernize in the classic European sense (Inozemstev, 2008: 164–165). In fact, the economy, society, and state progressively developed in the 18th through 20th centuries, although more than once war and social unrest interrupted the process. As a result, Russia organically entered the world political and economic system on equal terms, and we have every reason to argue for *a three-century hypercycle in the country’s development*.¹ But when speaking about the vitality of Russian modernization projects it is necessary to clearly realize that “the historical path is not the pavement on Nevskii Prospect; it travels entirely through the fields, those that are dusty, that are dirty, those that run through the swamps and through the thickets” (Chernyshevskii, 1950: 922–923). In Russia as everywhere else, the rapid pace and success of modernization created new contradictions, engendered unprecedented problems, and triggered temporary and local crises, which in unfavorable circumstances escalated into revolutions, but with prudence from the ruling class might have been successfully resolved. The revolutions of the twentieth century might be considered a byproduct of successful modernization.

A *contrast between imperial and Soviet modernization* is doubtful. For example, well-known researcher of modernization processes A. S. Seniavskii clearly holds this idea: The specificity of modernization allows us to speak of two qualitatively different models—the imperial (liberal-conservative) and the Soviet (ideological, partocratic, etatist, paternalist, mobilizing). The prerevolutionary model was Westernized and elitist (divorced from its socio-cultural bases) and reactive to long-simmering problems (it reacted very belatedly, under pressure from external threats); a majority of the population supported

¹ This thesis is thoroughly argued in my book *Rossiiskaia imperiia: Ot traditsii k moderny* [The Russian Empire: From tradition to modernity].

Soviet modernization, which employed a long-term strategy that outstripped others until the 1970s and wielded historic initiative across the globe. The Soviet model managed to be regenerated from mobilization and social consolidation in a conservative, inhibited development that provoked social tension” (Seniavskii, 2013).

Imperial modernization was also ideological (though non-Marxist), since all its actors openly supported a certain ideology; paternalistic (which I think requires no comment), and statist (built on dirigisme). It was also partocratic in its own way, in that partocracy means “a political system in which the supreme political state power (legislative, executive, and judicial) is in fact concentrated in the hands of the only party integrated into the state system, or more precisely—in the hands of the party bureaucracy” (Slovar’, 2013: 272). The crown bureaucracy (as the state apparatus of administration was called, which was subordinate to the monarch and bound to him through an oath of allegiance) approached the Communist party bureaucracy in its organization and style of management, to a large extent until 1905 and to some degree until 1917.

Imperial modernization was not elitist. It embraced the educated strata, the upper strata, a significant part of the urban population and the part of the peasantry that supported the Stolypin reform. The enumerated parts of the population partially intersected, so their percentage of the total population is unlikely to exceed 30 to 35 percent—which is, of course, more than the elite. But needless to say the impact of Soviet modernization turned out to be more profound and comprehensive—it reached the whole of society. At a time when imperial modernization barely touched the lion’s share of the population who lived mainly in the village, a significant part of the population encountered the principal processes of modernization either negatively (for example, commercialization, social and material bourgeois differentiation) or with indifference. Soviet modernization embraced all of society. However, at certain stages of Soviet modernization the authorities broke away from their social and cultural base, because the tasks and goals it set were not shared by a significant part of the population. And in its essence it was also reactive and “Westernizing,” because the slogan “Catch up and overtake the West” did not leave the agenda of socialist construction and remained relevant until the end of the Soviet regime. However, I agree with Seniavskii that both modernizations were similar in terms of goals, means, and the conditions of carrying them out.

4. Conclusion

Soviet modernization was a continuation of imperial modernization in terms of goals, means, results, and the circumstances in which they took place. But it probably provided a less rapid tempo of development and cost society more than late imperial modernization. The fact that Soviet modernization replaced imperial modernization after the wartime revolution of 1917, and post-Soviet modernization replaced its Soviet counterpart after the peaceful revolution of 1991–1993 does not mean that neither modernization succeed, nor does it mean that both suffered collapse. In terms of their economic results, imperial and Soviet modernization were on the whole quite successful projects, although they also did not tackle all the tasks and expectations assigned to them. A rapprochement between Russia and the West occurred thanks to modernization, as did a reduction in the level of cultural and economic development. Post-Soviet modernization also did not resolve all of the old problems and at the same time created many new ones. But it is far from complete and rendering a verdict on it is premature. Nevertheless, it is already possible to say that the political, cultural, and social rapprochement with the West over the last 20 years has been unprecedented in history. And this is natural: convergence had been the main trend in the development of Europe from the 18th to the 20th centuries, and in recent decades has transformed into worldwide globalization.

Authoritarian power (autocracy or Soviet authoritarianism) is compatible with progress, at least at a certain stage of the country’s development. It is not necessary to demonize the authoritarian style of governance, which in reality has certain advantages. In the contemporary management of all countries it is used along with two others—the democratic and liberal. Global experience shows that all of these have advantages and disadvantages; their effectiveness is conditioned by circumstances and the cultural-psychological profile of those who participate in governance.

The autocratic style of management, when power is concentrated in the hands of one person, ensures higher productivity but a lower level of job satisfaction than then democratic style. The authoritarian style is warranted in groups whose members have lower material and spiritual needs, who are satisfied with the minimum, who don’t want or do not like to work and who will avoid work whenever possible. It is also appropriate in situations that are similar to extreme or crisis situations. In the paternalistic version of the style, when the leader acts from the position of “I am the father,” the concentration of power in his hands is combined with care for subordinates and a feeling of responsibility for the conditions of their present and future existence.

The democratic style is focused on the person and allows subordinates to take part in the drafting of management decisions and to define their own goals in accordance with those that the leader formulates. This style relies on initiative and has the goal of increasing productivity by means of increasing job satisfaction. However, the democratic style does not lead to the growth of satisfaction and efficiency of labor in cases where ordinary workers do not have developed material and spiritual needs, and are basically satisfied with how their work is compensated. Employee participation in management has a positive effect on

the job satisfaction and effectiveness only of those who take part in that management. Ordinary workers, as a rule, are indifferent to this opportunity.

The liberal style offers workers full independence and the possibility of individual and collective creativity. This style is effective only in teams where the workers have a high level of knowledge, competence, and responsibility, where they have elevated demands, love creativity, and in addition are capable of self-control and self-discipline. Liberal leadership is fraught with unpredictable situations and conflicts in intra-team relations, as well as a state of uncertainty and lack of commitment among workers, and as a result of this, low labor productivity. At the current time this style of management is used almost exclusively in scientific, design, and creative organizations.

In 1917 in European Russia the proportion of literate people aged ten and older amounted to 43 percent, people with a secondary education 3.5 percent, and people with a higher education 0.5 percent. In 1939 those numbers were 88 percent, 1.2 percent, and 14.1 percent, respectively (Mironov, 1991; Mironov 2012a: 587). During the imperial period the needs of the peasants and proletariat were low and therefore served as a poor stimulus to high labor productivity. If we rely on Maslow's so-called hierarchy of needs, then they correspond to the first three levels. As a reminder, this hierarchical model divides human needs into five ascending levels: (1) physiological (hunger, thirst, sexual attraction, and so on); (2) security (comfort, stability of living conditions); (3) social (social ties, communication, attachment, care for others and attention to oneself); (4) prestige (self-respect, respect from others, recognition, achievement of success and high esteem, professional growth); (5) spiritual (cognition, aesthetics, self-actualization, self-expression, self-identification). It is believed that a person experiences needs of a high level after low-level needs have been at least partially met, and that needs depend on education, upbringing, and the outlook of the person (Makklelland, 2007: 55–92). A subsistence work ethic corresponds to a low level of needs. Its adherents did not consider it necessary to work to the full extent of their powers every day, but only in extraordinary circumstances, and even in moments of labor enthusiasm they would not work efficiently due to a lack of qualifications, knowledge, diligence, initiative, and basic discipline. The subsistence work ethic was a common European phenomenon in the preindustrial era, and the reason for this was not the climate, nor the natural environment, but the mentality inherent to man in traditional society (Mironov, 2001; Mironov, 2016).

A transformation of the subsistence work ethic into the Protestant, or bourgeois ethic began in post-Reform Russia as a result of the growth of needs, but the process was far from complete by 1917. In Soviet times, the growth of needs and the formation of a new labor morality continued. The socialist attitude toward labor, which in many of its aspects converged with the bourgeois ethic, was strongly instilled into three generations of Soviet people. A set of specific measures developed for stimulating labor (shock workers, socialist competition, cost accounting, self-enforcement, the Stakhanovite movement, and so on) (Mukhin, 2003: 296–330). The educational level among workers of all social groups increased significantly. As a result of this, by the end of the Soviet era the worker morale of Russian citizens had progressed in the direction of the bourgeois model (Zaslavskaja, Ryvkina, 1991: 148–181). A comparative study of the attitude toward labor of Russian and German workers at the beginning of the 1990s showed that an instrumental type of attitude toward work (as only a way to earn) was typical for 43 percent of Russian and 24 percent of German workers; a terminal attitude (as the meaning of life) corresponded to 24 and 44 percent, respectively, and a mixed attitude accounted for 31 and 35 percent. Further growth in instrumental attitudes toward labor occurred in the post-Soviet era. According to data from VTsIOM for the year 2000, 70 percent answered the question “what does work mean for a person” with the response: “work is first of all a source of livelihood” (Temnitskii, 2005).

It turns out that in the imperial and also in the early Soviet and Stalin period (in the latter two periods because of the mobilizing nature of modernization, among other things) the authoritarian style of management proved optimal to achieve maximum labor efficiency and to ensure the common good. This supposition is confirmed by the fact that during imperial and Soviet Russia the vast majority of the population preferred the authoritarian style in its paternalistic version.

In the late Soviet period, from the second half of the 1950s through the 1980s, as needs, culture, and education grew, the demand for an authoritarian style of government began to decrease. According to an all-Russian sociological poll of the Levada Center, carried out in February 1992, to the question of which economic system seemed to them more correct (one that is based on state planning and distribution or one that is based on private property and market relations), only 29 percent voted in favor of the planned system, and 48 percent in favor of the market system. Accordingly, around 30 percent of the respondents supported the Soviet political system. However, the reforms, which according to the opinion of the majority of the population were unsuccessful, led to a change of mindset. According to a Levada Center poll from February 2016, the majority again prefers the authoritarian style. To the same question (which economic system seems more correct to you?) 52 percent spoke out in favor of state planning and distribution (Sorok shest' protsentov, 2017).¹ According to another Levada Center survey conducted in January 2017, over the last sixteen years the percentage of Russians who sympathize with Stalin has reached a historic high, with

¹ According to surveys by the Levada Center conducted with a representative all-Russian sample of the urban and rural population. The statistical error of the data does not exceed 3.4 percent.

“admiration,” “respect,” and “sympathy” for Stalin applying to up to 46 percent of respondents (eleven years ago, in March 2006, this was 37 percent) ([Predpochtitel'nye modeli, 2017](#)).

Thus, paradoxically, if you follow the democratic principle, then in contemporary Russia the authorities should use a non-democratic, authoritarian style of governance. When a political system and style of governance that do not correspond to the traditions and the desires of the majority of the populace are imposed on the people, what happens is well known. I am not an adept of the authoritarian style of governance, but it is necessary to face facts and to reckon with them. The first wave of modernization, in the most developed countries, occurred spontaneously, as a process of self-organization and self-development, of which large socially complex societies are capable under the influence of changing conditions of life and geopolitical factors ([Markaryan, 1983: 158](#)). They had to invent, by trial and error, to search for new institutions and structures, new ways. Countries in the second wave of modernization had the opportunity to take advantage of the achievements of those that had led the first wave. However, they also needed the creativity of the followers. The modernization of each large country took place according to a particular scenario, because to actually borrow the structures and institutions of the advanced countries was ineffective or even destructive, since in every society there is a certain preliminary conditionality associated with its structure (institutions), according to which the actors of society select from a variety of institutions (cultures) that exist in the environment by means of trial and error, which is universal for all—“from the amoeba to Einstein” ([Popper, 2000](#)).

It is necessary to change that which society is largely ready for, and not with shock reforms, but by a therapeutic route. Sprinting ahead and a mania for modernization and reform revealed its ineffectiveness particularly noticeably after the Second World War in developing countries, causing devastating consequences. Here is one typical example. In the 1970s, soon after the end of the American Vietnam War, it was discovered that the mountain Khmer—a large tribe at the stage of Paleolithic culture who had lived in the lands of South Vietnam for thousands of years, had disappeared. It was suggested that the Americans had utterly destroyed them. However, an international scientific expedition, established to clarify the circumstances of their deaths, ascertained that the mountain Khmer destroyed themselves after American rifles fell into their hands. These primitive hunters, abandoning the bow and arrow, had within a few years destroyed the fauna and shot each other, and the survivors descended from the mountains and assimilated into an alien socio-cultural environment. An explosive mix of modern Western technology and ancient national traditions and customs led to the disappearance of this ethnic group. It is interesting that anthropologists who were part of the expedition and had observed similar episodes in Asia, Africa, America, and Australia helped to figure out this sad story. The Russian and world experience of modernization is convincing evidence of the correctness of those who propose a rational combination of universalism and particularism.

Does modernization make a person happier? Opinions differ. One camp (Emile Durkheim, Michel Foucault, Gilles Deleuze, Jean Baudrillard, and many other philosophers and sociologists) believe that it does not, since modernization does not automatically lead to the growth of overall happiness. Social and political evolution occur according to a pattern, from sovereign monarchy to disciplinary society, and from this to a society of total control, which effectively deprives a person of freedom and manipulates him by means of mass media. This makes people unhappy ([Foucault, 1999](#); [Foucault, 2005](#); [Deleuze, 2004: 215–33](#); [Baudrillard, 2000a](#); [Baudrillard, 2000b](#)). Others answer the question positively and as an argument refer to a list of happy countries according to the World Happiness index, compiled by the UN. In 2015, for the third year in a row, Switzerland was in the lead. It was followed by Iceland, Denmark, Norway, and Canada. Togo, Burundi, Benin, Rwanda and Syria closed the list of 158 countries, with Russia in the 64th place. Shkuratov writes: “I have no objections to the assertion that people in Switzerland feel more satisfied with life than people in Rwanda and Syria.” So, the author carefully asserts the idea that there is a link between the level of modernization and the level of satisfaction with life ([Shkuratov, 2016](#)). However, in my opinion, this argument is incorrect. One ought not to compare contemporary countries with one another, but one and the same country in various periods: it is not correct to compare Burundi or Togo in 2015 with Switzerland in 2015, but it is to compare them with Burundi or Togo in 1915, 1815, and 1715; Switzerland of 2015 with Switzerland of 1915, 1815, and 1715; Russia of 2015 with Russia of 1915, 1815, and 1715. Because Burundi in 2015 is nothing like what Switzerland was 100, 200, or 300 years ago, as the latent critic suggests. In this case the result will be different. I have little doubt that 200 to 300 years ago the tribes who lived on the lands of present-day Burundi or Togo were in their self-perception happier than those who are living now, precisely because at that time there was little modernization or it had simply not affected them. And now the peoples of these countries are unhappier than others namely because they are engulfed in a modernization that destroys their traditional way of life and does not sufficiently compensate for it.

The theory of modernization in relation to Russia is not outdated, as some colleagues think ([Buldakov, 2014](#)). First, they criticize the early concept of modernization of 1950–1960. Meanwhile, this concept has undergone a long course of development. Theorists of neomodernization revised such fundamental characteristics of the process of modernization as irreversibility, progressivity, duration, evolutionism, unilinearity, regularity, and randomness, which were postulated by the classicists. Thanks to this, the modernization concept makes it possible to examine and correspondingly to analyze society as a real, living,

heterogeneous, and multilayered agent of history, which responds variably to the challenges of the environment.

Secondly, Russia has not yet fully reached the level of modernity and to compare its development with that of other European countries is not very original. For the time being, no one has proven that the development of society can support movement in any other direction than from traditional agrarian society to urban, industrial, contemporary society while avoiding modernization. The presence of a trend to increase the freedom of the individual has also not been refuted. The theory still manages to explain the development of the country in the last three centuries quite well (Seniavskii, 2013). This does not mean, of course, that it will permanently be the height of scientific thought. There is a demand for new approaches, and they are being proposed, but they do not yet constitute serious competition for the theory of modernization. It is possible to speak about the moral obsolescence of the theory in relation to modern postindustrial (information) societies or contemporary underdeveloped countries because the first tackled the tasks of modernization and moved to a new level of development, and the second are not early versions of modern society, but are as if suspended in their development, preserving their national characteristics and structures. The theory of dependence or the theory of dependent development better characterizes their development. In the context of globalization and neocolonialism, underdeveloped states occupy a dependent position in the global economic system. Their economic backwardness and political instability is a consequence of their integration into the global economy and systematic pressure from developed powers that perpetuate their underdevelopment, blocking their attempts to free themselves from dependence and start on the path of true modernization, using various methods—monopolization of markets, economic influence (through finance, patents for technology and so on) and sanctions, as well as direct intervention, both political (in the media, education, culture, etc.) and military. As a result, developing countries of the “periphery” become poorer, their resources, capital, and educated workforce flowing into the rich countries of the “center,” and because of this they have little chance of truly modernizing. A few states have been able to escape this fate—Hong Kong, Singapore, Taiwan, and South Korea. The motive for the blocking strategy is obvious—underdeveloped countries provide developed countries with natural resources, cheap labor, and markets for distribution, without which the latter would not have been able to support the high standard of living of their populations (Semenov, 2003).

There are different scenarios for further development. Proponents of the civilizational paradigm predict that Russia, like all underdeveloped countries, may become a victim of globalization, since the liberal international strives to destroy the civilizational identity of Russia and subordinate it to the dictates of the United States and others like it (Panarin, 1999). Followers of the World-Systems paradigm predict the emergence of a new order. For example, Immanuel Wallerstein is convinced that the bourgeois world system is in crisis, on the threshold of a shift that might lead to the genesis of a completely new world order (Wallerstein, 2003). Advocates of the theory of modernization for the future of Russia see capitalism with a human face along Russia’s path (Brittan, 1998: 358–383). Those who support the idea of Russia’s unique development believe that the West is in a state of general crisis and therefore can no longer serve as a model for emulation. Russia should find its own path, based on its own traditions. Centrists propose structuring Russia on the basis of a combination of liberalism and “a Russian cultural-civilizational type of development” (Alekseeva et al., 1994; Erasov, 1995).

Institutionalists have proposed the concept of path dependence, or dependence on previous development, or the dependence of future development on the path already traversed. Each country has its own historical path and as a rule does not abandon it. Objective analysis shows that over the course of its thousand-year history Russia has undoubtedly developed as a European country. Global factors of the social evolution of society, at least after the adoption of Christianity, were shared by Russian and other Europeans. Russian national traditions and values fall within the framework of European traditions and values. All Russian public institutions, by which modern institutionalism means formal and informal rules and constraints structuring the interaction of persons and institutions, were in essence European. In Russia there was not a single institution that would not have been found in any European country. In the period of the empire, in Soviet and post-Soviet times, Russia and other European countries developed on particularly close trajectories. Westernization of the country often became state policy. The European vector of its movement and its convergence with the West were and still are evident. Based on the concept of path dependence and taking the European vector of Russian development as a proven fact, one can say with very high probability that Russia, as a European country, had a common future with the rest of Europe; its immediate future will be determined by the European trajectory of development, but this trajectory will also depend on Russia.

5. Acknowledgements

This research was supported by grant N 15-18-00119 from Russian Science Foundation.

References

Alekseeva et al., 1994 – Alekseeva A., Gorodetskii T., Guseinov A., Mezhuiev V., Tolstykh V. (1994). Tsentristskii proekt dlya Rossii [The centrist project for Russia]. *Svobodnaya mys'*. No. 4. pp. 8–13. [in Russian]

- Bailey, 1998** – *Bailey B. J.* (1998). *The Luddite Rebellion*. New York: New York University Press. 182 p.
- Batalov, 1995** – *Batalov E.Ya.* (1995). Sovetskaya politicheskaya kul'tura (k issledovaniyu raspadayushchey paradigmy) [Soviet political culture (the study of decaying paradigms)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. pp. 60–70. [in Russian]
- Berdyayev, 1991** – *Berdyayev N.A.* (1991). *Dukhi russkoi revolyutsii* [Spirits of the Russian revolution]. *Vekhi. iz glubiny*. Moscow: Pravda. 606 p. [in Russian]
- Black, 1966** – *Black C.E.* (1966). *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper & Row. 207 p.
- Bodriiyyar, 2000a** – *Bodriiyyar Zh.* (2000). *Amerika* [America]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'. 208 p. [in Russian]
- Bodriiyyar, 2000b** – *Bodriiyyar Zh.* (2000). *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majority, or the End of social]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. 95 p. [in Russian]
- Bratchenko, Senyavskii, 2009** – *Bratchenko T.M., Senyavskii A.S.* (2009). *Imperskaya i sovetskaya modeli ekonomicheskogo razvitiya: sravnitel'nyi analiz* [Imperial and Soviet model of economic development: a comparative analysis]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. Vol. 11. No.6. pp. 31–37. [in Russian]
- Brittan, 1998** – *Brittan S.* (1998). *Kapitalizm s chelovecheskim litsom* [Capitalism with a human face]. Saint-Petersburg: Ekon. shkola et al. 398 p. [in Russian]
- Buldakov, 2016** – *Buldakov V.P.* (2016). *Modernizatsiya v Rossii: giri na nogakh progressa* [Modernization in Russia: the weight on the legs of a progress]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»*. No. 4. pp. 76–96. [in Russian]
- Cheremukhin et al., 2013** – *Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A.* (2013). Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? / NBER Working Paper No. 19425. Issued in September 2013 // URL: <http://www.nber.org/papers/w19425> (date of access: 15.09.2017).
- Cheremukhin et al., 2015** – *Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A.* (2015). The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model / November 2015. URL: http://scholar.princeton.edu/sites/default/files/golosov/files/cggt_revision.pdf (date of access: 15.09.2017).
- Chernyshevskii, 1950** – *Chernyshevskii N.G.* (1950). *Poln. sobr. soch.* [Full. Coll. Op.]: in 15 vols. Vol. 7. Moscow: Goslitizdat. 1096 p. [in Russian]
- Delez, 2004** – *Delez Zh.* (2004). *Peregovory, 1972–1990* [Negotiations, 1972–1990]. Saint-Petersburg: Nauka. 234 p. [in Russian]
- Dyakin, 1988** – *Dyakin V.S.* (1988). *Burzhuzaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy* [The bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911 to 1914. Decomposition on the system of 3rd June]. Leningrad: Nauka. 229 p. [in Russian]
- Dyakin, 1997** – *Dyakin V.S.* (1997). *Den'gi dlya sel'skogo khozyaistva 1892–1914 gg. Agrarnyi kredit v ekonomicheskoi politike tsarizma* [Money for agriculture 1892 to 1914. Agricultural credit in the economic policy of tsarism]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbU. 356 p. [in Russian]
- Erasov, 1995** – *Erasov B.S.* (1995). *Odnomernaya logika rossiiskikh modernizatorov* [One-dimensional logic of Russia's modernizers]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2. pp. 68–78. [in Russian]
- Evolutsionnaya epistemologiya, 2000** – *Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of social Sciences: Karl Popper and his critics] / comp. by D.G. Lakhuti, V.N. Sadovskii, V.K. Finn. Moscow: Editorial URSS, 2000. 461 p. [in Russian]
- Evolutsiya, 2007** – *Evolutsiya kontseptsii modernizatsii vo vtoroi polovine XX veka* [The evolution of the concept of modernization in the second half of the twentieth century]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 2007. No. 25. pp. 22–47. [in Russian]
- Filatov, 2006** – *Filatov V. P.* (2006). *Osobennosti liberalizatsii i modernizatsii Rossii vo vtoroi polovine XIX–nachale XX v. v kontekste evropeiskogo razvitiya* [Features of the liberalization and modernization of Russia in the second half of XIX–early XX centuries in the context of European development]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 7. No. 2. pp. 57–76. [in Russian]
- Fitzpatrick, 1982** – *Fitzpatrick Sh.* (1982). *The Russian Revolution*. Oxford; New York: Oxford University Press. 181 p.
- Fuko, 1996** – *Fuko M.* (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Magisterium Izdatel'skii dom «Kastal'». 447 p. [in Russian]
- Fuko, 1999** – *Fuko M.* (1999). *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and punish: the birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem. 478 p. [in Russian]
- Fuko, 2005** – *Fuko M.* (2005). *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Need to protect society : a course of lectures delivered at the Collège de France in 1975-1976 academic year]. Saint-Petersburg: Nauka. 311 p. [in Russian]

- Gaman-Golutvina, 2006** – *Gaman-Golutvina O.V.* (2006). Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoi evolyutsii [The political elites of Russia: Milestones of the historical evolution]. Moscow: ROSSPEN. 446 p. [in Russian]
- Gavrov, 2010** – *Gavrov S.N.* (2010). Modernizatsiya Rossii: postimperskii transit [Modernization of Russia: the post-Imperial transit]. Moscow: MGUDT. 268 p. [in Russian]
- Gillis, 1983** – *Gillis J.R.* (1983). The Development of European Society, 1770–1870. Washington: University Press of America. 300 p.
- Golubev, 2012** – *Golubev A.V.* (2012). Rossiiskaya modernizatsiya: sovetskii etap [Russian modernization: the Soviet stage]. *Vekhi minuvshogo. Uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta*. Vol. 7. Lipetsk: LGPU, 2012. pp. 233–250. [in Russian]
- Gosudarstvennaya дума, 1914** – Gosudarstvennaya дума. Sozyv, 4-i. Sessiya, 2-ya. Stenograficheskie otchety. Ch. 3. Zasedaniya 53–75 (s 21 marta po 5 maya 1914 g.) [The State Duma. The convocation of the 4th. Session 2-I. Verbatim records. Part 3. Meeting 53-75 (from 21 March to 5 may 1914).]. Sankt-Peterburg: B.i., 1914. 2048 col. [in Russian]
- Gregori, 2003** – *Gregori P.* (2003). Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki [Economic growth of the Russian Empire (late XIX – early XX centuries): New calculations and evaluation]. Moscow: ROSSPEN. 256 p. [in Russian]
- Gudkov, 2011** – *Gudkov L.D.* (2011). Abortivnaya modernizatsiya [Abortive modernization]. Moscow: ROSSPEN. 629 p. [in Russian]
- Il'in et al., 1996** – *Il'in V.V., Panarin A.S., Akhiezer A.S.* (1996). Reformy i kontrreformy v Rossii: tsikly modernizatsionnogo protsessa [Reforms and counter-reforms in Russia: cycles of the modernization process] / ed. by V.V. Il'in. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 398 p. [in Russian]
- Indeks, 2014** – Indeks [Index] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%ED%E4%E5%EA%F1> (data obrashcheniya [date of access]: 25.08.2014). [in Russian]
- Inozemtsev, 2008** – *Inozemtsev V.* (2008). O nevozmozhnosti modernizatsii Rossii [On the impossibility of modernization of Russia] // Rossiiskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti [Russian modernization: thinking about identity] / ed. by E.A. Pain, O.D. Volkogonov. Moscow: Tri kvadrata, 2008. pp. 145–165. [in Russian]
- Kakaya politicheskaya Sistema, 2016** – Kakaya politicheskaya sistema kazhetsya vam luchshei: sovetskaya, nyneshnyaya sistema ili demokratiya po obraztsu zapadnykh stran? [What political system you think is best: Soviet, the current system or democracy modeled on Western countries] 17.02.2016 // URL: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/> (date of access: 17.06.2017) [in Russian]
- Khantington, 2005** – *Khantington S.* (2005). Universal'naya tsivilizatsiya? Modernizatsiya i vesternizatsiya [Universal civilization? Modernization and Westernization] // Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii [The clash of civilizations]. Moscow: AKT. pp. 74–114. [in Russian]
- Kheller, 1998** – *Kheller K.* (1998). Otechestvennoe i inostrannoe predprinimatel'stvo v Rossii XIX – nachala XX veka [Domestic and foreign entrepreneurship in Russia XIX – early XX century]. *OI [History]*. No. 4. pp. 55–65. [in Russian]
- Kholms, 1994** – *Kholms L.* (1994). Sotsial'naya istoriya Rossii: 1917–1941 [Social history of Russia: 1917–1941]. Rostov n/D: Logos. 140 p. [in Russian]
- Kingston-Mann, 1999** – *Kingston-Mann E.* (1999). In Search of the True West: Culture, Economics, and Problems of Russian Development. Princeton: Princeton University Press. 301 p.
- Kovrigina, 1998** – *Kovrigina V.A.* (1998). Nemetskaya sloboda Moskvy i ee zhiteli v kontse XVII–pervoi chetverti XVIII v. [The German quarter of Moscow and its inhabitants in the end of XVII–first quarter of XVIII century] Moscow: Arkheograf. tsentr. 434 p. [in Russian]
- Krivoshein, 2002** – *Krivoshein K.A.* (2002). A.V. Krivoshein (1857–1921). Ego znachenie v istorii Rossii nachala XX v. [A.V. Krivoshein (1857-1921). His importance in the history of Russia in the early XX century] / Sud'ba veka. Krivosheiny [The fate of the century. Krivosheina]. Saint-Petersburg: Izd-vo zhurn. «Zvezda». pp. 176–180. [in Russian]
- Krzhevov, 2008** – *Krzhevov V.* (2008). Tsikly rossiiskoi modernizatsii: vsevastie byurokratii kak prichina nezavershennosti reform [Cycles of Russian modernization: the omnipotence of the bureaucracy as the cause of incompleteness of the reforms] // Rossiiskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti [Russian modernization: thinking about identity] / ed. by E.A. Pain, O.D. Volkogonov. Moscow: Tri kvadrata. Pp. 60–88. [in Russian]
- Kulikov, 2017** – *Kulikov S.V.* (2017). «Nepotoplyaemyi Bark»: finansist i politik [«Unsinkable Bark»: the financier and politician] // Vospominaniya poslednego ministra finansov Rossiiskoi imperii. 1914–1917. [Memories of the last Minister of Finance of the Russian Empire. 1914-1917]: in 2 vols.] Moscow: Kuchkovo pole. pp. 5–78. [in Russian]
- Le Goff, 2005** – *Le Goff Zh.* (2005). Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada [The civilization of the medieval West]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. 558 p. [in Russian]
- Lyashchenko, 1956** – *Lyashchenko P.I.* (1956). Istoriya narodnogo khozyaistva SSSR [History of the national economy]: in 3 vls. 4th ed. Moscow: Goslitizdat. Vol. 2. 728 p. [in Russian]

- Maddison, 2010** – *Maddison A.* (2010). World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD. Groningen Growth and Development Centre, 2010. URL: <http://www.ggd.net/Maddison/> (date of access: 15.09.2017)
- Makkelland, 2007** – *Makkelland D.* (2007). Motivatsiya cheloveka [Human motivation]. Saint-Petersburg: Piter. 669 p. [in Russian]
- Markaryan, 1983** – *Markaryan E.S.* (1983). Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: (Logiko-metodol. analiz) [Theory of culture and modern science (Logical and methodological analysis)]. Moscow: Mysl'. 284 p. [in Russian]
- Markevich, Kharrison, 2013** – *Markevich A., Kharrison M.* (2013). Pervaya mirovaya voyna, grazhdanskaya voyna i vosstanovlenie: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg. [The First World War, the civil war, and recovery: national income of Russia in 1913-1928] Moscow: Shpei. 109 p. [in Russian]
- McKay, 1970** – *McKay J.* (1970). Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913. Chicago: The University of Chicago Press. 456 p.
- Michels, 1999** – *Michels R.* (1999). Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers. 379 p.
- Michels, 2006** – *Michels R.* (2006). Sotsiologiya politicheskikh partii v usloviyakh demokratii [Sociology of political parties in a democracy] // Vsyaya politika: khrestomatiya [The whole policy: a reader] / ed. by V. D. Nechaev, A. V. Filippov. Moscow: Evropa. pp. 158–167. [in Russian]
- Mironov, 1985** – *Mironov B.N.* (1985). The Russian Peasant Commune after the Reform of the 1860s. *Slavic Review*. Vol. 44. No. 3. pp. 438–467.
- Mironov, 1991** – *Mironov B.N.* (1991). The Development of Literacy in Russia and the USSR from the Tenth to the Twentieth Centuries”. *History of Education Quarterly*. Vol. 31. No. 2. pp. 229–252.
- Mironov, 1995** – *Mironov B.N.* (1995). Diet and Health of the Russian Population from the Mid–Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century / The Biological Standard of Living on Three Continents. Further Exploration in Anthropometric History, ed. J. Komlos. Boulder: Westview Press. pp. 59–80.
- Mironov, 1999** – *Mironov B.N.* (1999). New Approaches to Old Problems: The Well–Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature. *Slavic Review*. Vol. 58. No. 1. pp. 1–26.
- Mironov with Eklof, 2000a** – *Mironov B.N. with Eklof B.* (2000). The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: in 2 vols. Boulder: Westview Press. Vol. 1.
- Mironov with Eklof, 2000b** – *Mironov B.N. with Eklof B.* (2000). The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: in 2 vols. Boulder: Westview Press. Vol. 2.
- Mironov, 2001** – *Mironov B.N.* (2001). Vremya – den'gi ili prazdnik? [Time is money or the holiday black?]. *Rodina*. No. 10. pp. 62–66. [in Russian]
- Mironov, 2007** – *Mironov B.N.* (2007). Birth weight and physical stature in St. Petersburg: Living standards of women in Russia, 1980–2005. *Economics and Human Biology*. Vol. 5. No. 1. pp. 123–143.
- Mironov, 2008** – *Mironov B.N.* (2008). Dobrovol'nye associacii i grazhdanskoe obshchestvo v pozdneimperskoj Rossii [Voluntary associations and civil society in the late Imperial Russia]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. No. 3. pp. 164–176. [in Russian]
- Mironov, 2009a** – *Mironov B.N.* (2009). Modernizatsiya imperskoj Rossii i blagosostojanie naselenija [Modernization of Imperial Russia and the welfare of the population]. *Rossijskaja istorija*. No. 2. pp. 137–154. [in Russian]
- Mironov, 2009b** – *Mironov B.N.* (2009). Razvitie grazhdanskogo obshchestva v Rossii v XIX–nachale XX veka [The development of civil society in Russia in the XIX–early XX century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1. pp. 110–126.
- Mironov, 2012a** – *Mironov B.N.* (2012). Blagosostojanie naseleniya i revoliutsii v imperskoj Rossii: XVIII–nachalo XX veka [The welfare of the population and revolutions in imperial Russia: 18th to the beginning of the 20th century]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir. 848 p. [in Russian]
- Mironov, 2012b** – *Mironov B.N.* (2012). The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group. 668 p.
- Mironov, 2016** – *Mironov B.N.* (2016). Trudovaya etika rossiiskogo rabotnika: XIX–XX vv. [Labor ethics of the Russian worker: 19th to 20th centuries] // “Steny i mosty”–IV: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v istorii [“Walls and bridges”–IV: Interdisciplinary research in history], ed. G. G. Ershova et al. Moscow: Akademicheskii proekt. pp. 45–69. [in Russian].
- Mironov, 2017** – *Mironov B.N.* (2017). Dostizheniya i provaly rossiiskoi ekonomiki v gody Pervoi mirovoi voyny [Achievements and failures of the Russian economy during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. Vol. 62/3. pp. 463–480. [in Russian].
- Mironov, 2018a** – *Mironov B.N.* (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: in 3 vols. 2nd ed. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 896 p. [in Russian]
- Mironov, 2018b** – *Mironov B.N.* (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: in 3 vols. 2nd ed. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 2. 912 p. [in Russian]

- Mironov, 2018c** – *Mironov B.N.* (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. [Russian Empire: from tradition to modernity]: in 3 vols. 2nd ed. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3. 992 p. [in Russian]
- Mobilizatsionnaya model', 2012** – Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: [sb. materialov II Vseros. nauch. konf.] [The mobilization model of the economy: Russia's historical experience of the twentieth century: [proceedings of II all-Russia. scientific. Conf.]] / ed. by G.A. Goncharov, S.A. Bakanov. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2012. 662 p. [in Russian]
- Modernizatsionnyi, 2013** – Modernizatsionnyi podkhod v izuchenii rossiiskoi istorii [Modernization approach in the study of Russian history]. Moscow: IRI RAN. 2013. 381 p. [in Russian]
- Mousmier, 1970** – *Mousmier R.* (1970). Peasant Uprising in Seventeenth-Century France, Russia and China. New York; Evanston: Harper and Row. 384 p.
- Mukhin, 2003** – *Mukhin M.Yu.* (2003). «U sovetskikh sobstvennaya gordost'»: spetsificheskie metody trudovoi stimulyatsii v SSSR 30-kh gg. ["At Soviet own pride": the specific methods of labor stimulation of the USSR in 30-ies.] / *Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovaniy* [Yearbook of historical and anthropological research]. Moscow. pp. 296–330. [in Russian]
- Narodnoe khozyaistvo, 1962** – Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1961 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the USSR in 1961. Statistical Yearbook]. Moscow: Gosstatizdat, 1962. 835 p. [in Russian]
- Naumova, 2004** – *Naumova N.F.* (2004). Retsidiviruyushchaya modernizatsiya v Rossii: beda, vina ili resurs chelovechestva? [Recurrent modernization in Russia: trouble, fault or resource of mankind?] Moscow: Nauka. 245 p. [in Russian]
- Nazarov, 1998** – *Nazarov M.M.* (1998). Politicheskaya kul'tura rossiiskogo obshchestva 1991–1995 gg.: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Political culture of Russian society 1991-1995: the experience of sociological research]. Moscow: Editorial URSS. 172 p. [in Russian]
- Nureev, 2007** – *Nureev R.M., Latov Yu.V.* (2007). InstitutSIONal'nye ogranicheniya dogonyayushchego razvitiya imperatorskoi Rossii [Institutional constraints of catch-up development of Imperial Russia]. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 5. No. 2. pp. 80–99. [in Russian]
- Ol', 1922** – *Ol' P.V.* (1922). Inostrannye kapitaly v Rossii [Foreign capital in Russia]. Petrograd: In-t ekon. issled. 304 p. [in Russian]
- Oparina, 2007** – *Oparina T.A.* (2007). Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv.: Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii [Foreigners in Russia XVI–XVII centuries: Essays in historical biography and genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya. 384 p. [in Russian]
- Opyt, 2000** – Opyt rossiiskikh modernizatsii, XVIII–XX vv. [The experience of Russian modernization XVIII–XX centuries.] / ed. by V. V. Alekseev. Moscow: Nauka, 2000. 244 p. [in Russian]
- Orlenko, 2004** – *Orlenko S.P.* (2004). Vykhodtsy iz Zapadnoi Evropy v Rossii XVII veka (pravovoi status i real'noe polozhenie) [Immigrants from Western Europe to Russia of the XVIIth century (the legal status and actual position)]. Moscow: Drevlekhranilishche. 341 p. [in Russian]
- Ortega-i-Gasset, 2003** – *Ortega-i-Gasset Kh.* (2003). Vosstanie mass [The revolt of the masses]. Moscow: AST. 341 p. [in Russian]
- Ot agrarnogo obshchestva, 1998** – Ot agrarnogo obshchestva k gosudarstvu vseobshchego blagodenstviya: Modernizatsiya Zapadnoi Evropy s XV v. do 1980-kh gg. [From an agrarian society to the welfare state: the Modernization of Western Europe from the fifteenth century to the 1980s.] / ed. T.L. Moiseenko-Doorn (red.). Moscow: ROSSPEN, 1998. 432 p. [in Russian]
- Pain, 2008** – *Pain E.* (2008). Osobennosti rossiiskoi modernizatsii i ikh istoricheskaya priroda [The peculiarities of Russian modernization and their historical nature] // Rossiiskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti [Russian modernization: thinking about identity] / ed. By E.A. Pain, O.D. Volkogonov. Moscow: Tri kvadrata. pp. 15–45. [in Russian]
- Panarin, 1999** – *Panarin A.S.* (1999). Rossiya v tsiklakh mirovoi istorii [Russia in the cycles of world history]. Moscow: Izd-vo MGU. 287 p. [in Russian]
- Pantin, 2006** – *Pantin V.I., Lapkin V.V.* (2006). Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya: ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoi polovine XXI veka [Philosophy of historical forecasting: rhythms of history and perspectives of world development in first half of XXI century]. Dubna: Feniks+. 347 p. [in Russian]
- Petsko, 2012** – *Petsko A.A.* (2012). Velikie russkie dostizheniya: Mirovye priorityety russkogo naroda [The great Russian achievements: World priorities of the Russian people]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. 551 p. [in Russian]
- Pivovarov, 1994** – *Pivovarov Yu.S.* (1994). Politicheskaya kul'tura poreformennoi Rossii [The political culture of post-reform Russia]. Moscow: INION. 89 p. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2006** – *Poberezhnikov I.V.* (2006). Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii [The transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPEN. 237 p. [in Russian]

- Politicheskie kul'tury, 1998** – Politicheskie kul'tury i sotsial'nye izmeneniya: mezhdunarodnye sravneniya [Political culture and social change: an international comparison] / ed. by V. O. Rukavishnikov, L. Khalman, P. Ester, T. P. Rukavishnikova. Moscow: Sovpadenie, 1998. 366 p. [in Russian]
- Polterovich, 2008** – *Polterovich V.M.* (2008). Strategii modernizatsii, instituty i koalitsii [Strategies of modernization, institutions and coalitions]. *Voprosy ekonomiki*. No. 4. pp. 4–24. [in Russian]
- Popper, 1992** – *Popper K.* (1992). Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: Chary Platona [The open society and its enemies: the Spell of Plato]: in 2 vols. Moscow: Kul'turnaya initsiativa. Vol. 1. 448 p. [in Russian]
- Popper, 2000** – *Popper K.* (2000). Evolyutsionnaya epistemologiya [Evolutionary epistemology] / Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki [Evolutionary epistemology and logic of social Sciences: Karl Popper and his critics] / comp. by D.G. Lakhuti, V.N. Sadovskii, V.K. Finn. Moscow: Editorial URSS. pp. 58–146. [in Russian]
- Predpochtitel'nye modeli, 2016** – Predpochtitel'nye modeli ekonomicheskoi i politicheskoi system [The preferred model of economic and political systems] // URL: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/> (date of access: 17.06.2017). [in Russian]
- Prokopovich, 1952** – *Prokopovich S.N.* (1952). Narodnoe khozyaistvo SSSR [National economy of the USSR]: in 2 vols. New York: Izd. im. Chekhova. Vol. 1. 398 p. [in Russian]
- Rodrigues et al., 2008** – *Rodrigues A.M., Leonov S.V., Ponomarev M.V.* (2008). Istoriya XX veka: Rossiya – Zapad – Vostok [The history of the XX century: Russia – West – East]. Moscow: Drofa. 558 p. [in Russian]
- Rossiiskaya modernizatsiya, 2008** – Rossiiskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti [Russian modernization: thinking about identity] / ed. by E. A. Pain, O. D. Volkogonova. Moscow: Tri kvadrata, 2008. 414 p. [in Russian]
- Rozov, 2006** – *Rozov N.S.* (2006). Tsiklichnost' rossiiskoi politicheskoi istorii kak bolezn': vozmozhno li vyzdorovlenie? [The cyclical nature of Russian political history as a disease: is the recovery?]. *Polis*. No. 2. pp. 74–89. [in Russian]
- Rukavishnikov et al., 1995** – *Rukavishnikov V.O., Rukavishnikova T.P., Khalman L., Ester P.* (1995). Rossiya mezhdru proshlym i budushchim : Sravnenie pokazatelei politicheskoi kul'tury naseleniya 22-kh stran Evropy i Severnoi Ameriki [Russia between past and future: a Comparison of political culture of the population in 22 countries of Europe and North America]. *Sotsis*. No. 5. pp. 75–90. [in Russian]
- Russian and Western Civilization, 2003** – Russian and Western Civilization / Cultural and Historical Encounters / ed. by R. Bova. New York: M.E. Sharpe, 2003. 378 p.
- Ryazanov, 1997** – *Ryazanov V.T.* (1997). Uroki reformirovaniya v Rossii v kontekste mirovogo razvitiya [The lessons of reform in Russia in the context of world development]. *VSPbU. Ser. 5. Ekonomika*. Vol. 1. pp. 92–104. [in Russian]
- Samokhin, 2012** – *Samokhin K.V.* (2012). Protsessy modernizatsii v poslepetrovskoi Rossii XVIII veka [Processes of modernization in post-Petrine Russia XVIIIth century]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi zhurnal)*. no. 9 (17). 2012. URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Samoxin.pdf> (date of access: 1.08.2017). [in Russian]
- Sbornik, 1924** – Sbornik statisticheskikh svedenii po Soyuzu SSR. 1918–1923. Za pyat' let raboty TsSU [The collection of statistical information on the Soviet Union. 1918–1923. For five years of operation, CSB]. Moscow: Tip. MKKh, 1924. 481 p. [in Russian]
- Scott, 1985** – *Scott J.C.* (1985). Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press. 389 p.
- Scott, 1993** – *Scott J.C.* (1993). Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press. 251 p.
- Sel'skoe khozyaistvo, 1923** – Sel'skoe khozyaistvo Rossii v XX veke: Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedenii za 1901–1922 gg. [Russian agriculture in the twentieth century: a Collection of statistical and economic information for 1901–1922.] / ed. by N. P. Oganovskii, N. D. Kondrat'ev. Moscow: Novaya derevnya, 1923. 340 p. [in Russian]
- Semenov, 1993** – *Semenov Yu.I.* (1993). Rossiya: Chto s nei sluchilos' v dvadtsatom veke [Russia: What happened in the twentieth century] // Rossiiskii etnograf. Etnograficheskii al'manakh. Antropologiya. Kul'turologiya. Sotsiologiya [Russian ethnographer. Ethnographic almanac. Anthropology. Cultural studies. Sociology]. Vol. 5. Moscow: IEA RAN, 1993. pp. 5–105. [in Russian]
- Semenov, 2003** – *Semenov Yu.* (2003). Filosofiya istorii: (obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei) [Philosophy of history (General theory, the main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow: Sovremennye tetradi. 775 p. [in Russian]
- Senyavskii, 2013** – *Senyavskii A.S.* (2013). Modernizatsionnye kontseptsii i ikh potentsial v izuchenii rossiiskoi istorii [Modernization concepts and their potential in the study of Russian history]. *Istoriya Rossii: teoreticheskie problemy*. Vol. 2. Moscow: IRI RAN. pp. 7–63. [in Russian]
- Shakhovskoi, 1952** – *Shakhovskoi V.N.* (1952). Sic transit gloria mundi (Tak prokhorodit mirskaya slava) [Sic transit gloria mundi (Thus passes worldly glory)]. 1893–1917 gg. Paris: Impr. de Navarre. 300 p. [in Russian]

- Shcherbinina, 1997** – *Shcherbinina N.G.* (1997). Arkhaika v rossiiskoi politicheskoi kul'ture [Archaism in the Russian political culture]. *Polis*. No. 5. pp. 127–139. [in Russian]
- Shepelev, 1987** – *Shepelev L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. Problemy torgovo-promyshlennoi politiki [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914. the problem of the trade-industrial policy]. Leningrad: Nauka. 272 p. [in Russian]
- Shevelev, 2009** – *Shevelev V.N.* (2009). Vse moglo byt' inache: Al'ternativy v istorii Rossii [It could be otherwise: Alternatives in Russian history]. Rostov n/D: Feniks. 349 p. [in Russian]
- Shkuratov, 2016** – *Shkuratov V.A.* (2016). Historical Psychology in Boris Mironov's «Russian Empire». *Bylye Gody*. No. 41–1. pp. 973–981.
- Shlezinger, 1992** – *Shlezinger A.M.* (1992). Tsikly amerikanskoi istorii [The cycles of American history]. Moscow: Progress-Akademiya. 687 p. [in Russian]
- Shtompka, 2005** – *Shtompka P.* (2005). Sotsiologiya: Analiz sovremennogo obshchestva [Sociology: the Analysis of contemporary society]. Moscow: Logos. 664 p. [in Russian]
- Skvortsova, 2014** – *Skvortsova E.M.* (2014). Problemy modernizatsii Rossii: opyt istoriko-ekonomicheskogo analiza [Problems of modernization of Russia: experience of historical and economic analysis]. *Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 42–51. [in Russian]
- Slovar', 2013** – Slovar' terminov i ponyatii po obshchestvoznaniyu [Dictionary of terms and concepts in social studies] / comp. by A. M. Lopukhov. 7th ed. Moscow: Airis-press, 2013. 509 p. [in Russian]
- Sogrin et al., 1991** – *Sogrin V.V., Zvereva G.I., Repina L.P.* (1991). Sovremennaya istoriografiya Velikobritanii [Modern historiography of the UK]. Moscow: Nauka. 225 p. [in Russian]
- Sorok shest' protsentov, 2017** – Sorok shest' protsentov rossiyan simpatiziruyut Stalinu [Forty-six percent of Russians like Stalin] 17.02.2017 // URL: <http://www.vecherka.ee/788045/46-procentov-rossiyan-simpatiziruyut-stalinu> (date of access: 1.09.2017). [in Russian]
- Sravnitel'naya politologiya, 2002** – Sravnitel'naya politologiya segodnya: mirovoi obzor: ucheb. Posobie [Comparative politics today: a world survey: proc. allowance] / ed. by M. V. Il'in, A. Yu. Mel'vil'. Moscow: Aspekt press, 2002. 532 p. [in Russian]
- Staits, 1994** – *Staits R.* (1994). Russkaya revolyutsiya i kul'tura i ee mesto v istorii kul'turnykh revolyutsii [The Russian revolution and culture and its place in the history of the cultural revolution] / Anatomiya revolyutsii [Anatomy of a revolution] / V.Yu. Chernyaev (red.). Saint-Petersburg: Russko-Baltiiskii Informatsionnyi tsentr BLITs. pp. 373–374. [in Russian]
- Starodubrovskaya, Mau, 2004** – *Starodubrovskaya I.V., Mau V.A.* (2004). Velikie revolyutsii: Ot Kromvelya do Putina. [Great revolutions From Cromwell to Putin]. 2nd ed. Moscow: Vagrius. 510 p. [in Russian]
- Statisticheskii ezhegodnik, 1915** – Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1914 g. [Statistical Yearbook of Russia 1914] Petrograd: Tip. Shtaba Petrogradskogo voennogo okruga, 1915. Otd. XII. 119 p. [in Russian]
- Statisticheskii ezhegodnik, 1922** – Statisticheskii ezhegodnik 1918–1920 gg. [Statistical Yearbook 1918–1920]: in 2 vols. Moscow: 14-ya gos. tip., 1921, 1922. Vol. 2. Part XII. 347 p. [in Russian]
- Statisticheskii sbornik, 1922** – Statisticheskii sbornik za 1913–1917 gg. Trudy TsSU RSFSR. [Statistical compendium 1913–1917 Works TSSU RSFSR]. Vol. VII. Part 2. Moscow, 1922. 308 p. [in Russian]
- Statisticheskii vremennik, 1886** – Statisticheskii vremennik Rossiiskoi imperii. Ser. 3, Vol. 8: Sbornik svedenii po Rossii za 1883 god [Statistical annals of the Russian Empire. Ser. 3, vol. 8: Collection of information on Russia in 1883]. Saint-Petersburg: Tip. D.I. Shemetkina, 1886. 294 p. [in Russian]
- Stearns, 2001** – *Stearns P.N.* (2001). Modernization // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000: in 6 vols. / P. N. Stearns (ed.). New York: Charles Scribner's Sons. Vol. 2. pp. 3–12.
- Sysoeva, 2000** – *Sysoeva L.N.* (2000). Gosudarstvenno-politicheskaya deyatel'nost' A.V. Krivosheina, 1905–1915 gg. [Public and political activity of A. V. Krivoshein, 1905–1915]: dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh: Voronezh. gos. ped. un-t. 268 p. [in Russian]
- Tarnovskii, 1926** – *Tarnovskii E.N.* (1926). Svedeniya o samoubiistvakh v Zapadnoi Evrope i v RSFSR za poslednee desyatiletie [Data on suicides in Western Europe and the Russian Federation over the last decade] // Problemy prestupnosti [The problem of crime]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. Vol. 1. pp. 192–193. [in Russian]
- Temnitskii, 2005** – *Temnitskii A.L.* (2005). Otnoshenie k trudu rabochikh Rossii i Germanii: terminal'noe i instrumental'noe [The attitude of the workers of Russia and Germany: terminal and instrumental]. *Sotsis*. No. 9 (257). pp. 54–63. [in Russian]
- Tikhonova, 2007** – *Tikhonova N.E.* et al. (2007). Evolyutsiya kontseptsii modernizatsii vo vtoroi polovine XX veka [The evolution of the concept of modernization in the second half of the twentieth century]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. Moscow. No. 25. pp. 22–47. [in Russian]
- Tiryakian, 1985** – *Tiryakian E.* (1985). The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt / ed. by E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. Boulder: Westview. pp. 131–147.
- Travin, Margariya, 2004** – *Travin D., Margariya O.* (2004). Evropeiskaya modernizatsiya [European modernization]: in 2 vols.]. Saint-Petersburg; Moscow: AST Terra Fantastica. Vol. 1. 665 p. [in Russian]

Vallerstain, 2003 – Vallerstain I. (2003). Posle liberalizma [After liberalism]. Moscow: URSS Editorial. 253 p. [in Russian]

Vishnevskii, 1998 – Vishnevskii A.G. (1998). Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Sickle and rouble: Conservative modernisation in the USSR]. Moscow: OGI. 432 p. [in Russian]

Volkogonova, 2008 – Volkogonova O. (2008). Rossiiskaya modernizatsiya i opasnosti avtoritarizma [Russian modernization and the dangers of authoritarianism] // Rossiiskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti [Russian modernization: thinking about identity] / ed. by E.A. Pain, O.D. Volkogonov. Moscow: Tri kvadrata. pp. 46–59. [in Russian]

Zaslavskaya, Ryvkina, 1991 – Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. (1991). Sotsiologiya ekonomicheskoi zhizni: Ocherki teorii [Sociology of economic life: essays on the theory]. Moscow: Nauka. 442 p. [in Russian]

Имперская, советская и постсоветская модернизации

Борис Николаевич Миронов ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В России имперского и советского периодов общество развивалось от традиции к модерну, в результате возникли передовые индустриальные технологии, а также соответствующие им политические, культурные, социальные механизмы, позволяющие указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими. Имперская модернизация проходила по классическому европейскому сценарию. По целям, средствам и результатам советская модернизация явилась ее продолжением. Однако в одних аспектах (формирование рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация, урбанизация, демократизация семьи, эмансипация женщин и детей) советская модернизация напоминала, а в других – отличалась от классической западной модели (приоритет государства над обществом, примат коллектива над личностью, ограничение свободы индивидуума, централизация, планирование). В кратком виде формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов. Советская модернизация обеспечила менее высокие темпы развития и обошлась обществу более дорогой ценой, чем имперская. Однако, если бы не огромные и ничем не оправданные человеческие жертвы, советскую модернизацию можно было бы считать успешной, хотя она так же, как и имперская, закончилась кризисом и революцией. То, что советская модернизация сменила имперскую в результате военной революции 1917 г., а постсоветская сменила советскую после мирной революции 1991–1993 гг., не означает, что обе модернизации не состоялись и потерпели крах.

Имперская модернизация охватила в большей степени образованные слои, верхние страты, значительную долю городского населения и часть крестьянства, которая поддержала Столыпинскую реформу. Перечисленные группы населения частично пересекались, поэтому их процент в общей численности населения вряд ли превышал 30-35. Львиную долю населения, проживавшего преимущественно в деревне, модернизация затронула слабо, причем значительная ее часть встретила принципиальные модернизационные процессы либо негативно (например, коммерциализацию, социальную и имущественную буржуазную дифференциацию), либо индифферентно. Советская модернизация охватила весь социум, и ее воздействие оказалось более глубоким и всесторонним. По своим результатам обе модернизации можно считать в целом достаточно успешными проектами, хотя они и не решили всех возлагавшихся на них задач и надежд.

В постсоветский период общество смогло вернуться к либеральному проекту без возможности рецидива и завершить модернизацию. Постсоветская модернизация далека от завершения и выносить ей вердикт преждевременно. Однако уже можно сказать, что в политическом, общекультурном и социальном отношении сближение России и Запада за последние 20 лет было беспрецедентным за всю историю. И это закономерно: конвергенция – главная тенденция развития Европы XVIII-XX вв., в последние десятилетия трансформировалась в глобализацию мирового масштаба.

Ключевые слова: модернизация имперская и советская, модели и стратегия проведения, сходство и различия, критика оценок модернизации, конвергенция России и Запада, российская колея.

Translated by Marlyn Miller, Brandeis University

* Корреспондирующий автор

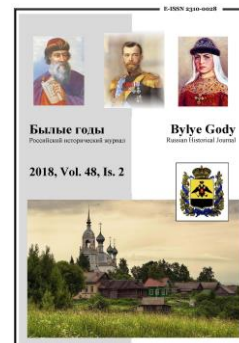
Адреса электронной почты: mironov1942@yandex.ru (Б.Н. Миронов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 677-687. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.677
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Migration of Russian Peasants to the East Regions of Kazakhstan at the late XIX – beginning of the XX century (the Historic Significance)

Ganiy M. Karasayev^{a,*}, Kanat A. Yensenov^a, Alima M. Auanasova^a, Kairbolat J. Nurbai^b

^a Institute of the History of the State of KN MON, Republic of Kazakhstan

^b Agrotechnical University. S. Seifullina, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the regional specific features of peasant migration to Kazakhstan, in particular to its north-eastern region. The problems of interethnic contacts and ties between nomadic Kazakhs and migrant peasants are considered in detail. In the course of the described events, apart from economic and business transformations, the article shows the process of breaking of the traditional views, fundamental changes in the consciousness and psychology of people, as well as mutual cultural enrichment between the local nomadic and the outlying settled agricultural population, which laid the foundation for a generally peaceful coexistence in the polar worlds, opposite ecosystems.

Based on the analysis of archival and other sources, the authors come to the conclusion that a scrupulous and comprehensive study of the problems of the regional peasant migration to Kazakhstan in the second half of the XIX - beginning of the XX century, the study of historical experience of the peculiarities and consequences of this process and coexistence of different ethno psychologies and ethno-cultures in conditions adapted to nomadic pastoral economy of the ecosystem will allow to avoid the excesses, miscalculations and mistakes in the further studies, which were made during the studying of the present period, consequences of which still affect Kazakhstan at present.

Keywords: Resettlement management, internal gubernias (province), Russian peasants, the Kazakh population, Steppe region, Altai region, Semipalatinsk region, Pavlodar uyezd, Omsk uyezd, the resettlement areas, the relationship of Kazakhs and Russians.

1. Введение

Последние десятилетия XIX – начала XX веков в истории России определяются несколькими направлениями государственной политики. Главные из них:

- укрепление лидирующего положения страны среди крупных держав Европы и Америки, межгосударственных связей с европейскими странами (Англия, Германия, Франция, Австро-Венгрия);

- укрепление экономических, политических отношений в Азиатском пространстве с Японией, Китаем (политические, экономические и др.).

В конце XIX века во внешней политике Российской империи основной упор делается на укрепление лидирующих позиций в Европе. Это было связано с тем, что «поражение царизма в Крымской войне изменило соотношение сил на мировой арене. Оказавшись в изоляции, экономически отставая от крупнейших стран, Россия утратила роль сильнейшей державы. Добиваться осуществления своих внешнеполитических целей она должна была в условиях активизации работы, борьбы за территориальный раздел мира и за гегемонию в Европе между Францией и Германией. В Закавказье, Средней Азии политика царизма сталкивалась с интересами английского империализма, на Балканах – с интересами Австро-Венгрии и Германии».

* Corresponding author

E-mail addresses: karasayev_gm@mail.ru (G.M. Karasayev)

В результате соперничества ведущих держав Европы с целью завладения новыми территориями и рынками сбыта к концу XIX века было образовано два военно-политических блока. Так, в октябре 1879 г. Австро-Венгрия и Германия заключили тайное соглашение о военном союзе, направленном против России и Франции. В 1882 г. к нему примкнула Италия, что завершило создание «Тройственного союза» – одного из империалистических блоков, развязавших впоследствии Первую мировую войну.

Появление военного союза способствовало сближению интересов России и Франции, что привело, в свою очередь, к разрыву отношений с Германией и Австро-Венгрией. Россия нуждалась в поддержке этих государств в связи с обострением русско-турецких и русско-английских отношений, ставших особенно напряженными в ходе завоевательной политики в Средней Азии.

В обстановке заигрывания Германии с Великобританией экономическое сближение между Россией и Францией явилось важной предпосылкой для заключения русско-французского союза, оформившегося в декабре 1893 года ратификацией военной конвенции между Россией и Францией. Союз России и Франции заложил основу военного союза под названием Антанты.

Закрепление своего лидирующего положения в области международной политики у Российской империи продолжалось и в начале XX века. В основном ее внешняя политика проводилась в соответствии с географическим положением, стратегическими, геополитическими и экономическими интересами.

Россия в начале XX века сохранила для себя традиционные внешнеполитические направления. Главным по-прежнему считалось ближневосточное. Российское государство представлялось для балканских народов союзником и покровителем. После подписания в 1904 году соглашения между Великобританией и Францией на фоне возрастающего германского милитаризма русское правительство присоединилось к англо-французскому союзу.

В начале XX столетия Российская империя активизировалась в дальневосточном внешнеполитическом направлении. Наряду с прочими странами, Россия стремилась стать обладательницей на Дальнем Востоке и своих зон влияния. В 1896 году она заключает оборонительный союз с Китаем против Японии. В Маньчжурию в 1900 году были введены русские войска. В 1903 году русско-японские переговоры о судьбе Кореи и Маньчжурии зашли в тупик. Это было связано со стремлением обеих сторон господствовать в Китае. При этом Англия оказывала Японии поддержку. В 1902 году был заключен англо-японский союз. А 1904 год стал годом начала русско-японской войны.

Во внутренней политике одним из приоритетных направлений обозначилось решение обострившегося после отмены крепостного права земельного вопроса. Решение этого вопроса поставило перед собой задачу – переселение крестьян из губерний центральных частей России в Западную и Восточную Сибирь, в том числе в восточные регионы Казахстана (Павлодарский, Усть-Каменогорский, Омский и Семипалатинский уезды). Переселением безземельных и малоземельных крестьян на новые, вновь присоединенные территории, государство хотело решить несколько первоочередных вопросов:

- удовлетворить спрос крестьян на сельскохозяйственные земли;
- заселить приграничные территории с Китаем, превратив их в сельскохозяйственные и промышленноосвоенные районы, преимущественно заселенные русскими крестьянами и казаками, укрепить эти территории военными сооружениями, пограничными линиями, крепостями и таким образом обезопасить их в случае нападения Китая.

Актуальность исследования определяется изучением цели, итогов, исторического значения переселения русских крестьян в восточные регионы Казахстана. В данном ракурсе научный интерес представляют предпосылки, региональные особенности и последствия переселения крестьян в указанные регионы. Исследование актуально и с позиций межгосударственных, межнациональных отношений (Казахстана и России) в исторической ретроспективе.

Научная новизна представленной к публикации рукописи заключается, во-первых, в обосновании выводов о том, что, несмотря на изученность вопросов крестьянского переселения в Казахстан, не исследованы региональные особенности этого поистине массового людского движения, приведшего к закладыванию основ многонационального государства (т.е. Казахстана).

Во-вторых, она заключается в том, что в результате массового крестьянского переселения произошло коренное преобразование многовековой системы и способа хозяйства в сторону оседлости и земледелия именно в северо-восточном регионе Казахстана.

В свою очередь это привело к коренной ломке сознания и психологии казахов-кочевников, постепенно переходивших к оседлости, что было не характерно именно для казахов исследуемого региона – это в-третьих.

В-четвертых, исследование проблемы межэтнических контактов и связей в результате крестьянского переселения в северо-восточные районы Казахстана, давшего толчок для дальнейших массовых переселений из России в Казахстан в последующий советский период, важно с точки зрения современных межэтнических отношений именно в данном регионе, так как в последние годы наметилась тенденция к усилению сепаратистских настроений славянской диаспоры северо-восточного Казахстана, пытающейся доказать, что эти территории исторически не принадлежат

казахам, что приводит к дестабилизации межэтнических отношений в данном регионе, к обострению казахско-русских отношений не только в этом регионе, но и в целом в рамках межгосударственных отношений Казахстана и России

В-пятых, скрупулезное исследование проблем крестьянского переселения в северо-восточный регион Казахстана с позиций сегодняшнего дня позволит в будущем избегать допущенных в исследуемый период второй половины XIX – начала XX века, а также и в последующие периоды ошибок и просчетов, перегибов тогдашней власти (имеются в виду массовая коллективизация конца 1920-х – начала 1930-х годов, массовое освоение целинных земель в исследуемом регионе Казахстана), приведших к искусственным экологическим бедствиям и огромным человеческим потерям, последствия которых сказываются в Казахстане по сей день.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили впервые введенные в научный оборот документальные материалы из архивов: РГИА (Ф. 1265. Оп. 3. Д. 66, 90, 104, 713, 822; Ф. 391. Оп. 3. Д. 86, 115, 274, 317, 445; Ф. 39. Оп. 43, Д. 87, 105) г. Санкт-Петербург; Государственного архив Омской области (Ф. 354. Оп. 1. Д. 3, 6; Ф. 391. Оп. 3. Д. 81; Ф. 366. Оп. 1. Д. 327; Ф. 1. Оп. 1. Д. 6, 66, 133, Оп. 2. Д. 12, 72, 116, 133; Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9) г. Омск; Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1606) г. Алматы.

Вместе с ними в подготовке научной статьи использованы материалы журнала «Вопросы колонизации», выходившего в начале XX века, в номерах которого опубликованы статьи, поднимавшие вопросы переселения крестьян на окраины Российской империи.

Получены материалы и документы из научных сборников, книг, выходивших в тот период в России. К ним относятся следующие издания: журнал «Совещание о землеустройстве киргиз». СПб., 1907; «К вопросу о землеустройстве на Алтае и земельной политике Кабинета его Величества». Барнаул, 1912; «План работы переселенческого управления на 1908 год». СПб., 1908; «Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге от Санкт-Петербурга до Владивостока, 1913». Под редакцией А.Н. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1913; «На Сибирском просторе». СПб., 1912; «Труды частного совещания, созванного 20 мая 1907 года Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края». Омск, 1908 и др.

Используемые методы исследования: комплексный подход и системный анализ, сравнительно-исторический, исторической реконструкции, статистический, историко-географический и др.

Авторы взяли за основу концепции и научные выводы ученых, занимающихся вопросами переселения крестьян и его исторического значения. В ходе подготовки работы было обращено внимание на историческую востребованность и научное значение статьи.

3. Обсуждение

Исследователи проделали определенную работу в освещении переселенческой политики Российской империи в период XIX – начала XX вв. Например, Карасаев Г.М. подготовил и выпустил две монографии («История Алтая с древнейших времен до начала XX века»; «Казахстан и Алтайский край в XVIII–XX веках») и более 20 научных статей. Статьи К.Ж. Нурбай «Из жизни русского населения Северо-Восточного Казахстана в XIX в.», «Из истории сельскохозяйственного освоения Северо-Восточного Казахстана русскими крестьянами в XVIII в.», «К вопросу о заселении Верхнего Прииртышья русским крестьянским населением в XVIII – первой половине XIX вв.» посвящены переселенческой политике России и разным периодам переселения и жизни крестьян в Казахстане.

4. Результаты

В конце XVII–XVIII веках происходили важные исторические события в Казахстане и в целом в Центральной Азии, в том числе первые вольные, а затем правительственные переселения крестьян из России в Казахстан, его восточные районы, предпосылками которых были как внутривосточные, так и внешнеполитические процессы.

Само заселение территории Северо-Восточного Казахстана в бассейне среднего течения реки Иртыш в начале XVIII века стало возможным в результате падения Сибирского ханства в самом конце XVI века и вхождения его в состав Московского государства (Кузембайулы, 2000: 145). Следует отметить тот факт, что в противостоянии Сибирского ханства Кучума с Московским государством казахские ханы были на стороне Москвы (История Казахстана в пяти томах. II том. 1997: 388). Одним из факторов, обусловивших гибель Сибирского ханства, очевидно, было «такое значительное событие» в самом конце XVI века, «...как смена Шейбанидской династии на Аштарханидскую» (Кинаятулы и др., 2007: 401).

Однако по утверждению известного исследователя С. Бахрушина еще до присоединения территории Сибирского ханства к Московскому государству одними из первых в Сибирь проникли крупные солепромышленники Строгановы при помощи наемных казаков во главе с Ермаком (по свидетельству путешественника Н. Витзена предком Строгановых был выходец из Золотой Орды, княжеского рода (Зиннер, 1968: 15), «первыми открывшие Сибирь» (Бахрушин, 1927: 147-148).

С гибелью Сибирского ханства большая часть казахских родов, проживавших на территории этого государства, откочевала на юг, в подданство казахских ханов, в результате чего огромные степные пространства по Иртышу и северо-востоку Казахстана оказались полупустующими, чем воспользовались западно-монгольские племена джунгар (ойратов), которые в союзе с потомками хана Кучума продолжали борьбу за сибирские земли против Москвы и в начале XVII века продвинулись далеко на запад и северо-запад по территории Северо-Восточного Казахстана, и их улусы появились на среднем Иртыше (Словцов, 1742: 8). Так, согласно исследованию И. Златкина, «...уже в 90-х годах XVI века некоторые ойратские владения оказались в верховьях Ишима и Оми, в непосредственной близости от основанного в 1594 году города Тары. Помимо Западной Монголии, – отмечал он далее, – кочевья ойратов охватили к этому времени обширные пространства левобережья Иртыша, от озера Зайсан до линии современной транссибирской железной дороги (между городами Петропавловском и Новосибирском), занимая в среднем течении Иртыша степи его правого и левого берегов...» (Златкин, 1983: 9). Особенно усилились джунгары после образования собственного государства и принятия «Степного уложения» в 1640 году. Несмотря на упорное сопротивление казахских ополченцев, начиная со второй половины 30-х годов XVII века джунгары неумолимо надвигались на казахские кочевья. Вторжение их в казахские земли в первой половине XVII века нарушило веками сложившиеся традиционные маршруты кочевий, единство хозяйственных районов.

Следует отметить, что Джунгария вела войну не только с Казахским ханством, а и с Цинской империей. Так, война с последней в 1690-х годах закончилась не в ее пользу, теснимые двумя империями, Россией и Китаем, всю свою мощь они обрушили на казахов, у которых были нужные им пастбища (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 327. Л. 45-46).

С приходом к власти в Казахском ханстве хана Тауке в 1680 годы происходило объединение казахских жузов, оказавшихся разрозненными в результате вторжения джунгар, однако угроза войны сохранялась и в конце XVII – начале XVIII веков, по-прежнему продолжались вторжения джунгарских войск через восточные территории Среднего жуза. Сложившаяся в этот период ситуация была для казахов чрезвычайно сложной, так как джунгары усиливали натиск на казахские кочевья (Басин, 1971: 103, 107). В этих условиях хан Тауке пытался установить дружественные отношения и военный союз с Россией против джунгар, однако они не дали ожидаемого результата (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках, 1961: 7).

Итак, вследствие падения Сибирского ханства у Москвы появилась возможность для продвижения на восток, в богатую Сибирь. Однако в течение всего XVII столетия стремлению русских продвинуться вверх по Иртышу, к югу от города Тары, не суждено было осуществиться, хотя такие попытки делались царским правительством неоднократно (Бахрушин, 1927: 156-157). Например, в 1626 году было дано указание тобольским воеводам разузнать о возможности строительства на Ямышевском озере острога. Но «разведка убедила Московское правительство, что в этой далекой степи нет условий для постоянной оседлости. Правительство указало не ставить остроги, а посылать ежегодно ратных людей и суда по соль. Но одновременно признавалось необходимым продвинуться южнее хотя бы до устья Оми, для «калмыцкого бережения», чтобы пресечь набеги под самую Тару» (Семипалатинский областной статистический комитет. Сб. 1897-1899: 145-146). Так, по утверждению С. Бахрушина, «... в южном направлении русское продвижение было сразу и надолго остановлено и тем самым было направлено к северу и востоку – вниз от устья Тобола по Иртышу и на Обь...». В течение всего XVII вплоть до первой четверти XVIII веков, когда были построены крепости Омская, Железинская, Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская и другие, крайним русским городом на Иртыше оставался город Тара (Бахрушин, 1927: 156-157). Как отмечал исследователь истории сибирского казачества Г.Е. Катанаев, «намеченное было еще при царе Михаиле Феодоровиче постепенное занятие русскими острожками и передовыми отрядами мест, лежащих по Иртышу южнее г. Тары при устьях реки Оми, пришлось отложить до более благоприятного времени, ограничившись лишь ежегодными соляными экспедициями вверх по Иртышу до нынешнего г. Павлодара...» (Катанаев, 1908: 14-17).

Известный исследователь-краевед Н. Коншин указывал на конкретные причины продвижения русских людей в Сибирь: «первой побудительной причиной к появлению русских на верхнем Иртыше послужила необходимая для Сибири добыча соли на Ямышевском озере» (Коншин, 1917: 7). Так, еще в начале XVII века передовым партиям казаков-землепроходцев удалось проведать о нахождении выше впадения реки Оми озер, богатых поваренной солью. В 1612 году последовало распоряжение о снаряжении экспедиции в Таре из казаков и служилых татар для «розыска соляных озер, не захваченных калмыками». Весной следующего, 1613 года, экспедиция ротмистра Барташа благополучно добралась до «славного соляного озера Ямиша, и поиск этот удался, соль, добытая на озере, оказалась доброкачественной и потому разработка озера Ямышевского началась с следующего же года» (Андриевич, 1889: 102, 172). Кроме того, с 1697 года на Ямышевском озере сосредоточилась меновая торговля ойратов, русских, бухарцев и ташкентцев, «а в 1691 году из Тобольска к Галдан-Бошокту, джунгарскому хану, ездил боярский сын Матвей Юдин для переговоров относительно пользования солью из Ямышевского озера...» (Андриевич, 1889: 46-47).

Несмотря на исходившую угрозу со стороны воинственного Джунгарского государства, улусы которых расположились по верхнему Иртышу, Тарбагатаю и южному Алтаю вплоть до Коряковского

форпоста, в первой четверти XVIII века казахи Среднего жуза занимали обширные пространства Северо-Восточного Казахстана, границы которых проходили на востоке по течению Иртыша до Ямышевского озера и соприкасались с русскими переселенческими селениями, станицами сибирских казаков и кочевьями барабинских татар. Южнее Ямышевской крепости, в верхнем Прииртышье казахские роды Среднего жуза вновь имели общую границу с Джунгарским государством (*История Казахстана в пяти томах. III том. 2000: 96*).

Начало крестьянской колонизации Верхнего Прииртышья относится к 40 годам XVIII века, что было связано с окончанием казахско-джунгарской войны 1739–1741 годов и принятием Средним жузом российского протектората. В 1743 году крестьяне Белоярской слободы и Бердского острога Кузнецкого ведомства продали для Ямышевской крепости значительное количество хлеба. По сведениям из Ялуторовской канцелярии из дистрикта переселилось 25 семей, в 1748–1755 годах все они поселились на землях заводского ведомства. В 1748 году вблизи Усть-Каменогорской крепости возникли лишь две крестьянские деревни – Убинская и Прапорщикова (*ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 156. Л. 59*).

Падение Джунгарского ханства в конце 1750 годов и принятие российского протектората Средним жузом создало предпосылки для дальнейшего планомерного крестьянского переселения в Прииртышье и его сельскохозяйственного освоения. Например, с 1759 года начинается вызов желающих на переселение в Усть-Каменогорскую крепость и из западно-сибирских уездов. В верхнем Прииртышье проводится разведка земель для расселения крестьян. Так, близ Семипалатинской крепости место для деревни определено на речке Березовке на 33 двора (*ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 178, 524; Д. 31. Л. 109*). В марте 1759 года изъявили желание переселиться из Омской крепости в Усть-Каменогорскую 24 семьи (*ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 75-82*). Правительство указом от 17 октября 1760 года разрешило поселить по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и другим притокам реки Иртыш до 2 тыс. «настоящих работников тамошних сибирских обывателей» (*ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 75-82*).

О необходимости заселения юго-западного Алтая русскими крестьянами сибирский губернатор Соймонов докладывал Правительствующему Сенату сразу после разгрома Джунгарского ханства Цинской империей, т.е. в 1758–1759 годах. В 1760 году был издан сенатский указ «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера; о построении там в удобных местах крепостей и заселении той стороны по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и прочим речкам, впадающим в оные и в Иртыш реку, русскими людьми до 2 тысяч человек».

Таким образом, переселяя крестьян в район верхнего Иртыша и Бухтармы, правительство с одной стороны укрепляло свои позиции в этом богатом пастбищами и плодородными землями регионе, на которые претендовала и Цинская империя, с другой стороны стремилось придать народной колонизации планомерный характер, направив ее в одностороннем порядке для решения своих интересов.

Для привлечения наибольшего количества желающих переселенцев освобождали на 3 года от податей. Кроме крестьян и разночинцев Тобольской и других сибирских провинций, на указанные места разрешалось переселяться на тех же условиях государственным крестьянам, например, Архангельской губернии, Устюжской и Вятской провинций, находящимся в Сибири на промыслах (*ПСЗ. Т.15. №14124*).

Известный исследователь истории колонизации верхнего Прииртышья Н.В. Алексеенко дает следующую характеристику правительственной крестьянской колонизации края: «1760 год можно считать началом правительственной крестьянской колонизации края. Но меры, предпринятые правительством по колонизации Рудного Алтая, не принесли ожидаемого результата. Вначале крестьяне довольно охотно подавали прошения о переселении их на новые места... Но, начиная с 1761 года, такие переселения носят единичный характер. Неудача правительственной крестьянской колонизации объясняется новой припиской крестьян к Колывано- Воскресенским заводам...» (*Алексеенко, 1965*).

Однако приток добровольных переселенцев не прекратился и продолжался и в последующие годы, что было связано с возможностью освоения новых плодородных и богатых земель восточного Казахстана, улучшения жизненных условий (*ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 76-83, 129, 133, 140, 178, 192, 353*). Многие крестьяне переселялись к своим родственникам, уехавшим раньше их в поисках лучшей жизни (*ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 217; Д. 155. Л. 103; Оп. 2. Д. 12. Л. 62*).

Неудавшаяся попытка заселить южный Алтай крестьянами-добровольцами заставила царское правительство предпринять другие меры. В августе 1760 года был издан указ, разрешавший помещикам за дерзостные поступки ссылать своих крестьян на поселение в Сибирь. По указу каждому семейству, отправляемому в Сибирь на поселение, отводилось 5 десятин под посев и 50 десятин под покос, безвозмездно выдавалось 54 пуда семенного хлеба и по 5 руб. на покупку лошади. Этот же указ предписывал для избежания обременительной и дорогой поставки провианта в пограничные крепости заселить по рекам Иртышу и Бухтарме ссыльных, «вдовых и холостых», и использовать их для транспортировки по этим рекам судов с хлебом (*Пейзен, 1859: 25*). Указом 1765 года помещикам предоставлялось право ссылать своих крепостных крестьян в Сибирь на каторгу с зачетом сосланных в рекруты. Сосланные таким образом крестьяне шли в основном на поселение в ведомство Усть-

Каменогорской крепости, к концу 1765 года таких поселенцев насчитывалось уже 1048 человек (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Кн. 96. Д. 133. Л. 215). Для пополнения количества земледельцев в Усть-Каменогорскую и другие крепости ссылались за различные преступления и сибирские крестьяне. Так, когда сибирской администрации стало известно, что крестьяне Ишимского дистрикта самовольно уходят за пограничную линию для промысла зверя, ловли рыбы и сбора хмеля, было приказано «таковых бездельников ловить и, когда пойманы будут, там чинить им наказания кнутами, поставя знаки на лбу и на щеках, отправлять прямо на поселение в Усть-Каменогорскую крепость» (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Кн. 96. Д. 133. Л. 216).

Правительство «решало задачу колонизации» за счет ссылки вывезенных из Польши русских раскольников. В 1762 году Правительствующим Сенатом на основании манифеста Екатерины II был издан указ, по которому русским раскольникам, бежавшим в разное время в Польшу от религиозных преследований, обещалось полное прощение и разрешалось возвратиться на Родину, причем в приложенном к указу реестре мест поселения указывались «... на состоящих в ведомстве Усть-Каменогорской крепости, по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и прочим впадающим речкам в оные и в Иртыш реку места...» (ПСЗ. Том. 16. №11725).

Используя самые различные способы заселения новых земель, правительство сумело к концу 60-х годов XVIII века создать довольно значительный контингент переселенческого населения на юго-западном Алтае и в верхнем Прииртышье. П.С. Паллас, посетивший указанный регион в 1770 году, дает интересные сведения о поселениях, возникших в 1760-х годах, в том числе и о поселениях так называемых «поляков» (Паллас, 1788: 217, 254).

В процессе заселения верхнего Прииртышья и юго-западного Алтая русские переселенцы вступали в контакт с коренным населением, в результате которого происходили взаимный обмен хозяйственным опытом, взаимовлияние духовной и материальной культур, торговый товарообмен (Гейнс, 1866: 324). Так, многие крестьяне и почти все казаки Иртышской линии вследствие частых сношений с казахами усвоили их язык, весьма часто употребляли в разговоре казахский язык и приняли от них некоторые обычаи. Русские крестьяне, не говоря уже о казаках, главным занятием которых было скотоводство, заимствовали у казахов методы ведения скотоводства, некоторые виды ремесел (например, ювелирное ремесло по серебру, ковроткачество, кожевенное, обувное и др.) (Ядринцев, 1886: 24). Прилинейные казахи занимались земледелием, подсобными промыслами, такими, как извозный, рыболовство, переняли у крестьян-переселенцев сенокосение, некоторые казахи, как зажиточные, так и простые, заготавливали сено и фураж на зиму (Усов, 1879: 263).

В источниках первой четверти XIX века имеются сведения о том, что казахи все более стали понимать выгоды оседлой жизни, начали заниматься хлебопашеством и сенокосением, устройством хлебов для мелкого скота. Например, большую заинтересованность в усовершенствовании своего хозяйства проявлял султан Абылай, о чем свидетельствует его переписка 1760-х годов с командирами Сибирской линии. Абылай располагал большим количеством рабочих рук, в его аулах насчитывалось до 5 тыс. хозяйств тюленгутов и большое количество пленных, превращенных в рабов. Но так как работавшие в хозяйстве Абылая тюленгуты и рабы не имели опыта в земледелии, весной 1765 года Абылай отправил группу своих людей на российскую линию для обучения их хлебопашеству, а также просил прислать русских крестьян на Ишим, чтобы обучить казахов земледелию. Просьба Абылая была удовлетворена, более того, на Ишим неоднократно посылались семена пшеницы и ячменя, сошники и железо на изготовление сошников, мотыг и топоров. Так, осенью 1775 года хану Абылаю было отпущено 2 пуда 8 фунтов железа для сошников, 18 фунтов для топоров и 2 фунта железа для кирок (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 58). Земледелие в хозяйствах феодальной знати на Ишима и в Прииртышье развивалось на призывочных участках и потому было связано с устройством оседлого жилья (деревянных домов, «хоромов») и хлебов для мелкого скота. Известно также, что султан Абылай, построив в 1765 году жилой дом на своей зимовке в районе Ишима, занимался земледелием, не расставаясь с кочеванием.

О намерениях казахских владельцев сочетать кочевое скотоводство с земледелием свидетельствует прошение влиятельных казахских старшин Казангапа Сатыбалдина и Байгожина от 1808 года, кочевавших в районе Ямышевской крепости. Не имея «постоянных жилищ в границах российских», перекочевывая только в зимнее время на внутреннюю сторону для пастбы скота, старшины с населением своих аулов хотели заниматься земледелием, они просили отвести им для того, а равно и для табунов их, лежащую при урочище Ключи землю на 10 верст квадратных, обязуясь сверх платимой ими за перезимовку пошлины внести в казну одновременно 200 руб.» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 997). При этом старшины требовали удаления с урочища Ключи находящихся здесь на «вечной кочевке» и начавших производить хлебопашество султана Тотена Урусова с братом и старшину Айдарата Матбакина. Старшины заявили, что они «не хотят навсегда остаться в пределах российских для прочного водворения, но предполагают по произволу своему переходить за границу, а потом... возвращаться на просимую ими землю» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 997-998). Однако сибирская администрация, считая невозможным отвести просителям 1041 дес. земли, не удовлетворила просьбу старшин по той причине, что они со своими аулами «не хотят сделать совершенного переселения» на внутреннюю сторону и осесть здесь, расставшись с кочеванием. Между тем царским указом от 23 мая 1808 года было предписано не допускать

временных переселений казахов за линию, а водворять их в казенные селения внутри линии и «нарезать им соразмерное для того количество земли из ближайших пустопорожных мест», т.е. допускать лишь пожизненное переселение на внутреннюю сторону (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 998-999). Таким образом, правительство стремилось предотвратить произвольное пользование пастбищами на внутренней стороне, превратить казахов в «сельских обывателей» (крестьян), включить их хозяйства в систему российской экономики. Посевы казахской знати в Омской области увеличивались в разные годы второй четверти XIX века. Так, о развитии хлебопашества среди казахских султанов, биев и старшин Омской области отмечалось, в частности, следующее: «Омский округ – Караульской волости старшина Беген Атабаев – хлебопашество начал производить с 1831 г., состоял на 10 десятинах...; в Каркаралинском округе – Тараклинской волости ст. Джандай Кудайбергенов, киргизы Чокай Байгельдин, Чаука Тулебаев, Борибай Кутюнев и Джанкул Дженкарин – начали производить хлебопашество с 1826 г. без пособия от казны собственным иждивением, посев хлебов состоял на 7 дес. земли, урожай был в прежние годы порядочный...» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 19-19 об.).

Некоторые зажиточные казахи просили наделить их пашенными и сенокосными угодьями вблизи линейных форпостов. Так как в этот период не было четкой организации в размежевании земель, военным начальникам линий нередко приходилось разрешать вопрос об отводе земли казахам по своему усмотрению. Так, в 1796 и 1800 годах без ведома гражданских властей отмежевал казахам землю на внутренней стороне генерал-майор Лавров, а взамен пашенные и сенокосные угодья по левой стороне укрепленной линии он раздавал линейным казакам. Сибирская администрация, недостаточно осведомленная о том, какие земли были уже отданы казахам, нередко отводила им уже заселенные земли, а сенокосные угодья, на которые претендовали казахи, без всякого разрешения присваивали линейные казахи. На этой почве возникали конфликты, обострявшие взаимоотношения казахов с линейным казачеством (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 954-955).

В XIX веке продолжалось крестьянское переселение в Казахстан, и в частности в восточные регионы, но оно не носило массового и планомерного характера, как, например, во второй половине XVIII века, что было связано, очевидно, с обострением политической ситуации в Среднем жузе вследствие национально-освободительного восстания султанов Саржана и Кенесары Касымулы в период 1825–1847 годов и другими социально-экономическими и политическими обстоятельствами.

После отмены крепостного права в России и административной реформы царского правительства 1867–1868 года в Казахстане началось масштабное, массовое переселение русских крестьян в казахские земли, продолжавшееся вплоть до свержения царской власти в 1917 году, особенно усилившееся и принявшее планомерный характер после издания в 1904 году закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев» (Коншин, 1917: 16).

О масштабности и даже политизации крестьянского переселенческого движения можно судить по тому факту, что на территории уездов, к примеру Семипалатинской области, создавались специальные административные единицы – крестьянские участки, во главе которых стояли заведующие крестьянскими участками, или иначе крестьянские начальники. Так, если в Павлодарском уезде Семипалатинской области первоначально было 5 крестьянских участков, то в 1913 году их было уже 6 (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1606. Л. 3). В состав крестьянских участков входили, помимо русских переселенческих селений, и казахские волости, т.е. крестьянские начальники управляли и казахскими волостями, иначе говоря, казахские волостные управители подчинялись и крестьянскому начальнику, и уездному начальнику, в то время как сами крестьянские начальники и находившиеся на территории уездов русские казачьи селения под управлением своих полковых командиров подчинялись непосредственно уездному начальнику (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1606. Л. 10-12).

Одной из главных задач переселенческого управления было определение площади и необходимых земельных участков для прибывающих переселенцев. С первых дней своей деятельности оно активно занималось этими и другими организационными мероприятиями. С начала XX века переселенческое управление, его областные комитеты активно занимались определением земельных участков, устройством переселенцев и другими вопросами. В состав этих органов были включены специалисты, чиновники, люди, знающие природные особенности этих мест. Они занимались уточнением конкретных участков, состоянием их природно-плодородного качества, освобождением этих мест от коренных жителей, финансово-хозяйственными вопросами. Получить плодородные земли хотели не только крестьяне, но и государственные чиновники, военные, помещики и другие слои российского общества.

Заручившись поддержкой со стороны государства, русские крестьяне в основном выбирали районы Западной Сибири, Степного края, в том числе и земли Павлодарского, Омского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов, плодородные районы юго-западного Алтая. Например, в письме заведующего Акмолинско-Семипалатинской временной партии по заготовлению переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги от 11 января 1905 года говорилось: «Согласно пункту 3 циркуляра от 12 сентября 1901 года за № 14 имею честь представить при этом списки проектированных Акмолинско-Семипалатинской и Омской партиями в 1904 году и принятых в том же году временной комиссией переселенческих участков в Павлодарском уезде Семипалатинской области и в Омском уезде Акмолинской области. В первом 14 участков общей

площадью 8833022 десятин на 4848 душ долей, во втором 35 участков общей площадью 11796350 десятин на 7188 душевых долей, а всего 49 участков общей площадью 20629372 десятин на 11966 душевых долей» (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 81. Л. 35).

Одной из главных задач временных партий по заготовке земельных участков было определение пригодных земель для вновь прибывающих переселенцев. Они занимались изъятием этих участков у местного населения. Например, «решением заседания Управления землеустройства для заготовления переселенческих и земельных участков Акмолинской области от 26 июня 1908 года были изъяты участки «Кусак» административных аулов № 2 Николаевский и № 5 Курганский Омского уезда Акмолинской области» (ГАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 6. Л. 4).

На заседании Омской временной комиссии от 9 и 10 ноября 1904 года по вопросу об образовании переселенческих участков в Курганской волости решением комиссии были образованы переселенческие участки «Елеуке» (с общей площадью 3497 десятин, в том числе удобной земли 3168 десятин на 202 душевой доли, по расчету 15 десятин на 1 душу мужского пола в Курганской волости Омского уезда Акмолинской области, вытеснив отсюда местных казахов) и «Киикбай» (с общей площадью 6912 десятин, в том числе удобной земли 6889 десятин, на 451 душ, по расчету 15 десятин на душу мужского пола, из площади общего киргизского пользования № 26, в районе 1-й Курганской волости, аулов 1-го и 5-го» (ГАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 3. Л. 276об., 277), такж вытеснив местных казахов из этих мест.

Следующим решением Акмолинской областной комиссии по образованию переселенческих участков от 23 июня 1904 года были образованы переселенческие участки на урочище «Муртук» естественно-исторического района киргизского землепользования административного аула Покровской волости Омского уезда Акмолинской области» (ГАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 3. Л. 136) с удалением местного казахского населения из этих земель.

На этих землях проживало местное казахское население, занимающееся преимущественно кочевым скотоводством, оно было выселено из этих участков на менее плодородные земли. Например, «заключением Временной комиссии Акмолинской землеустроительной партии Министерства земледелия госимуществ для заготовки новых переселенческих участков в Степном крае с зимовки «Чудобай» была снесена 21 зимовка местного населения... с выплатой им 1360 рублей» (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 274. Л. 14-16).

Государство уделяло постоянное внимание обеспечению сельскохозяйственными землями не только крестьян, но и чиновников, государственных служащих, военных, их вдов, помещиков и др., чтобы по возможности полностью заселить и в дальнейшем освоить эти земли. На заседании Главного управления землеустройства и земледелия Департамента государственных земельных имуществ 12 апреля 1906 года сообщалось: «Департамент государственных имуществ имеет честь препроводить при сем в переселенческое управление, по принадлежности, относящегося канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошения от 10 марта сего года, за № 17923, с двумя приложениями, по всеподданнейшему ходатайству отставного полковника Михайла Золотова об отводе ему участка казенной земли в Семипалатинской области на условиях выработанного проекта колонизации Сибири нижними чинами и офицерами действующей армии» (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 86. Л. 2-2об.).

Следующая телеграмма, направленная на имя Ее императорского Величества государыне Императрице Марии Федоровне со следующим содержанием: «Нижние чины Порт-Артурского гарнизона, участвовавшего в русско-японской войне, и крестьяне желают заселить земельный участок Кондаул Павлодарского уезда Семипалатинской области, 680 душ..., но господин переселенческий начальник не разрешает таковою, покorneyше просит Ваше Императорское Величество обеспечить нас вышеназванного участка» (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 86. Л. 11), – доказывает, что желающих получить земли было очень много.

Таким образом, в отличие от других регионов Казахстана переселение крестьян в его восточные земли было обусловлено как международным фактором, так и внутренними обстоятельствами, связанными с желанием безземельных крестьян Центральных губерний приобрести земельные участки, а также с природными особенностями Восточного Казахстана и Алтая, притягивающими своими богатствами разных людей.

5. Заключение

На основании проведенного анализа источников делается вывод о взаимовлиянии и взаимосвязи переселенческого крестьянского и коренного кочевого населения, получившего выражение в заимствовании обеими сторонами многих элементов материальной и духовной культуры, о котором писали еще дореволюционные исследователи Г. Потанин, Н. Коншин, Н. Ядринцев, Г. Катанаев, П. Паллас, А. Гейнс и др. Это свидетельствует об исторической преемственности традиций дружбы и сосуществования, об историческом опыте взаимодействия в различных сферах общественной жизни. Сохранение стабильных и дружественных межгосударственных (межнациональных) и межэтнических отношений в Казахстане, в особенности его северо-восточном регионе, граничащем с Россией, особенно актуально и важно в настоящее время в связи с периодически возникающими сепаратистскими устремлениями отдельной части славянской этнической диаспоры региона. Поэтому чрезвычайно важно изучение актуальных проблем

крестьянского переселения в Казахстан, приведшего не к противостоянию между пришлым земледельческим и местным кочевым населением или межэтническим конфликтам, а к закладыванию мирных и дружественных отношений между коренным казахским и пришлым русским населением, к мирному их сосуществованию. Даже в такой сложный и ответственный период истории Казахстана, каковым являлось время второй половины XIX – начала XX столетия, когда казахский народ боролся за свою национальную независимость, казахстанское общество сохранило свою внутреннюю сплоченность и единство, а принцип мирного сосуществования этносов являлся основополагающим для казахов-кочевников.

Вместе с тем неучитывание и недооценка царским правительством местных особенностей хозяйства, быта и традиций казахов-кочевников, массовое изъятие плодородных земель-пастбищ, веками использованных для кочевого скотоводства, и передача их крестьянам-переселенцам для занятия земледелием привели не только к кризису кочевого хозяйства и соответственно к социальному кризису в целом, но и к негативным экологическим последствиям в результате неэффективного и неграмотного использования крестьянами земли, повлекшим дальнейшее ухудшение экологического состояния почвы и окружающей среды в целом, о чем писали дореволюционные исследователи: В. Ключевский, В. Соловьев, Н. Ядринцев, из современных – Н. Масанов и др.

В целом, в результате тесных контактов казахов-кочевников с крестьянами-переселенцами происходило взаимообогащение как на бытовом и хозяйственном уровне, так и взаимообмен жизненным опытом, взаимообогащение культур, эволюция в сознании и психологии самих людей.

Литература

- [Алексеев, 1965](#) – *Алексеев Н.В.* Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. // *Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв.* Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 141–153.
- [Андреевич, 1889](#) – Составил *Андреевич В.К.* История Сибири. Ч. 1. СПб., 1889.
- [Басин, 1971](#) – *Басин В.Я.* Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. А., 1971.
- [Бахрушин, 1927](#) – *Бахрушин В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 147–148.
- [ГАОО](#) – Государственный архив Омской области.
- [Гейнс, 1866](#) – *Гейнс А.К.* Киргизские очерки // *Военный сборник.* 1866. № 5.
- [Зиннер, 1968](#) – *Зиннер Э.П.* Известия Николая Витзена о Сибири // *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в.* Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968.
- [Златкин, 1983](#) – *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983.
- [История Казахстана, 1997](#) – История Казахстана в пяти томах. II том. А.: «Атамұра», 1997.
- [История Казахстана, 2000](#) – История Казахстана в пяти томах. III том. А.: «Атамұра», 2000.
- [История казахской государственности, 2007](#) – История казахской государственности (древность и средневековье). А.: «Адамар», 2007.
- [Казахско-русские отношения, 1961](#) – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: (Сборник документов и материалов). А.: Изд. АН Каз. ССР, 1961.
- [Катанаев, 1908](#) – *Катанаев Г.Е.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. С. 14–17.
- [Коншин, 1917](#) – *Коншин Н.Я.* Краткий исторический очерк Семипалатинского края (до 1917 г.). Отд. оттиск из № 1(14) «Наше хозяйство». 1917.
- [Кузембайулы, 2000](#) – *Кузембайулы А., Абил Е.* История Республики Казахстан. Астана: «Фолиант», 2000.
- [Паллас, 1788](#) – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1788.
- [Пейзен, 1859](#) – *Пейзен Г.* Исторический очерк колонизации Сибири // *Современник.* СПб., Т. 77. 1859.
- [ПСЗРИ, 1995](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Наука, 1995. 694 с.
- [РГИА](#) – Российский Государственный исторический архив.
- [Словцов, 1742](#) – *Словцов В.* XVII–XIX вв. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. С 1585 по 1742. М., 1742.
- [Семипалатинский областной статистический комитет, 1899](#) – Семипалатинский областной статистический комитет. Сборник статей по Семипалатинской области (из памятных книжек на 1897–1899 гг.). С. 145–146.
- [Усов, 1879](#) – *Усов Ф.* Статистическое описание сибирского казачьего войска. СПб., 1879.
- [ЦГА РК](#) – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- [Ядринцев, 1886](#) – *Ядринцев Н.* Раскольничьи общины на границе Китая // *Сибирский сборник.* СПб., Кн.1. 1886.

References

- [Alekseenko, 1965](#) – *Alekseenko N.V.* (1965). Russkaya krest'yanskaya kolonizatsiya Rudnogo Altaya v XVIII–XIX vv. [Russian peasant colonization of the Rudnyi Altay in the XVIII–XIX centuries]. *Ekonomika, upravlenie i kul'tura Sibiri XVI–XIX vv.* Novosibirsk. Vol. 2. p. 141–153. [in Russian]

- [Andrievich, 1889](#) – *Andrievich V.K.* (1889). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia] Part 1, SPb. [in Russian]
- [Bakhrushin, 1927](#) – *Bakhrushin V.* (1927). *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv.* [Essays on the history of the colonization of Siberia in the XVI th and XVII th centuries]. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovoykh. [in Russian]
- [Basin, 1971](#) – *Basin V.Ya.* (1971). *Rossiya i Kazakhskie khanstva v 16 – 18 vv.* [Russia and the Kazakh Khanates in the 16th-18th centuries] A. [in Russian]
- [GAOO](#) – Gosudarstvenniy arkhiv Omskoi oblasti [State Archive of the Omsk Region]
- [Geines, 1866](#) – *Geines A.K.* (1866). *Kirgizskie ocherki* [Kirghiz essays]. *Voennyi Sbornik*. № 5. [in Russian]
- [Istoriya Kazakhstana, 2000](#) – *Istoriya Kazakhstana v pyati tomakh* [History of Kazakhstan in five volumes] III volume. A.: "Atamura", 2000. [in Russian]
- [Katanayev, 1908](#) – *Katanayev G.E.* (1908). *Kratkiy istoricheskiy obzor sluzhby Sibirskogo kazach'ego voiska s 1582 po 1908 god.* [A brief historical overview of the service of the Siberian Cossack Host from 1582 to 1908] SPb. [in Russian]
- [Kazakhsko-russkie otnosheniya, 1961](#) – *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vekakh: (Sbornik dokumentov i materialov)* [Kazakh-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: (Collection of documents and materials)] A.: ed. AN Kaz. SSR, 1961. [in Russian]
- [Konshin, 1917](#) – *Konshin N.Y.* (1917). *Kratkiy istoricheskiy ocherk Semipalatinskogo kraya (do 1917 g.)* [A short historical essay of the Semipalatinsk region (until 1917)] *Otdelnyi ottisk iz №1 (14) "Nashe khozyaistvo"*. [in Russian]
- [Kuzembayuly, 2000](#) – *Kuzembayuly A., Abil E.* (2000). *Istoriya Respubliki Kazakhstan* [History of the Republic of Kazakhstan] Astana: "Foliant" [in Russian].
- [Istoriya Kazakhstana, 1997](#) – *Istoriya Kazakhstana v pyati tomah* [History of Kazakhstan in five volumes] II volume. A.: "Atamura", 1997. [in Russian].
- [Istoriya Kazakhskoy gosudarstvennosti, 2007](#) – *Istoriya Kazakhskoy gosudarstvennosti (drevnost' i srednevekov'e)* [History of Kazakh statehood (antiquity and the middle ages)]. A.: "Adamar", 2007. [in Russian].
- [Peyzen, 1859](#) – *Peyzen G.* (1859). *Istoricheskiy ocherk kolonizatsii Sibiri* [Historical sketch of the colonization of Siberia]. *Sovremennik*. SPb, Vol.77. [in Russian].
- [PSZRI, 1995](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] SPb.: Nauka, 1995. [in Russian].
- [Pallas, 1788](#) – *Pallas, P.S.* (1788). *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Travel to different provinces of the Russian state] Part 2. Book 2. SPb. [in Russian].
- [RGIA](#) – Rossiyskiy Gosudarstvenniy Istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]
- [Semipalatinskiy Oblastnoi Statisticheskiy Komitet, 1899](#) – *Semipalatinskiy Oblastnoi Statisticheskiy Komitet* [Semipalatinsk Regional Statistical Committee]. *Cbornik statei Semipalatinskoi oblasti (iz pamyatnykh knizhek na 1897-1899)* p. 145-146. [in Russian]
- [Sloutsov, 1742](#) – *Sloutsov V.* (1742). *XVII-XIX vv. Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [XVII-XIX centuries. Historical review of Siberia] Book. 1. From 1585 to 1742. M. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvenniy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan]
- [Yadrintsev, 1886](#) – *Yadrintsev N.* (1886). *Raskol'nich'i obsh'iny na granitse Kitaya* [The Raskolniki Communities on the Chinese Border]. *Sibirskiy Sbornik*. SPb., Book 1. [in Russian].
- [Usov, 1879](#) – *Usov F.* (1879). *Statisticheskoe opisanie sibirskogo kazach'ego voiska* [Statistical description of the Siberian Cossack army] SPb. [in Russian].
- [Zinner, 1968](#) – *Zinner E.P.* (1968). *Izvestiya Nikolaya Vitzena o Sibiri. Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII v.* [Nikolay Vitsen's news about Siberia. Siberia in the news of West European travelers and scientists of the XVIII th century] *Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdanie*. [in Russian]
- [Zlatkin, 1983](#) – *Zlatkin I.Ya.* (1983). *Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635-1758)* [The history of the Dzhungar Khanate (1635-1758)]. M.: Nauka. [in Russian]

Миграция русских крестьян в восточные районы Казахстана в конце XIX – начале XX века (историческое значение)

Ганий М. Карасаев ^{a, *}, Канат А. Енсенев ^a, Алима М. Ауанасова ^a, Қайрболат Ж. Нурбай ^b

^a Институт истории государства КН МОН, Республика Казахстан

^b Агротехнический университет им. С. Сейфуллина, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются региональные особенности крестьянского переселения в Казахстан, в частности в его северо-восточный регион, проблемы межэтнических контактов и связей между казаками-кочевниками и крестьянами-переселенцами, в ходе которых происходили, помимо экономических, хозяйственных преобразований, ломка традиционных взглядов, коренные изменения в сознании и психологии людей, а также культурное взаимообогащение между местным кочевым и пришлым оседлым земледельческим населением, заложившие основы для мирного сосуществования в условиях полярных миров, противоположных экосистем.

На основе анализа архивных и иных источников авторы приходят к выводу, что скрупулезное и комплексное исследование проблем регионального крестьянского переселения в Казахстан во второй половине XIX – начале XX веков, изучение исторического опыта особенностей и последствий данного процесса и сосуществования разных этнопсихологий и этнокультур в условиях приспособленной к кочевому скотоводческому хозяйству экосистемы позволит в будущем избегать и не повторять допущенных в рассматриваемый период перегибов, просчетов и ошибок, последствия которых сказываются в Казахстане и в настоящее время.

Ключевые слова: Переселенческое управление, внутренние губернии, русские крестьяне, казахское население, Степной край, Алтайский край, Семипалатинская область, Павлодарский уезд, Омский уезд, переселенческие участки, взаимоотношение казахов и русских.

* Корреспондирующий автор

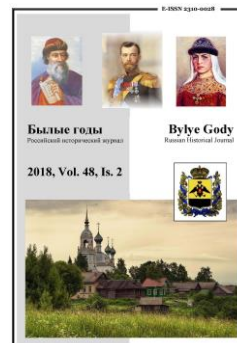
Адреса электронной почты: karasayev_gm@mail.ru (Г.М. Карасаев)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 688-698. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.688
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Role of the Merchant Class in the Development of the Provincial City of Akmolinsk (the second half of the XIX – the beginning of the XXth centuries)

Galya A. Alpyspaeva^{a,*}, Sholpan N. Sayahimova^a

^a Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Kazakhstan

Abstract

The creative role of the merchant class in the development of the pre-revolutionary provincial city of Akmolinsk is considered in the article. Having defined the rationale for the role of the merchant in the development of the city, the authors come to the conclusion that the formation of the merchant class as a social layer of a small city was due to the development of trade and local industry in the region in the second half of the 19th century. The influx of merchants into the city was due to the policy of the central authorities, aimed at stimulating the growth of commercial and industrial capital in the course of economic development of the outskirts of the empire.

Entrepreneurial activity of the merchant community had a significant impact on the formation of the city's economy and the structure of industrial production. In the second half of the XIX century, during the reform of local self-government, the merchant community made a great contribution to the development of the city government system, actively participating in the work of elected and executive management bodies. The social mobility of merchants, the traditions of charity and patronship had a positive impact on the formation of the socio-cultural space of the city. The merchant class played a significant role in the urban development of Akmola.

Keywords: Akmolinsk, a provincial city, merchants, entrepreneurship, trade, city administration, socio-cultural space.

1. Введение

Город Ақмолинск во второй половине XIX века относился к числу провинциальных городов, расположенных на окраинах Российской империи и граничащих с городами Сибири. Во второй половине XIX века, в период перехода от аграрного общества к индустриальному, значение таких городов в хозяйственном продвижении империи на востоке, в азиатском регионе существенно возрастает. Динамичный рост городов, развитие экономики, формирование архитектурной среды и социокультурного пространства городов обусловлены были проникновением в регион торгово-промышленного капитала и формированием прослойки купечества.

Изучение предпринимательской деятельности и деловой культуры купечества, оценка роли купцов в развитии городов обусловлены не только практическими интересами обобщения и возможного применения опыта предпринимательства в эпоху промышленной модернизации, но и желанием исследователей глубже изучить созидательную роль сословия в духовном и культурном развитии городского сообщества. Региональный аспект исследования позволяет охарактеризовать особенности развития городского предпринимательства на окраинах Российской империи в условиях территориальной удаленности от центра, слабо развитой транспортной инфраструктуры, малочисленности населения и ограниченности внутреннего рынка.

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva)

2. Материалы и методы

Исследование деятельности акмолинского купечества основывается на документальных источниках, выявленных в фондах Центрального Государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) в г. Алматы, бюджетного учреждения «Исторический архив Омской области» (БУ ИСА) в городе Омске Российской Федерации, Государственного архива города Астаны (ГАГА). В ЦГА РК использовались материалы Фонда 369 «Акмолинское областное управление (1815–1920 гг.)», в делах которого отложились статистические описания Акмолинска, отчеты городских общественных управлений. В Историческом архиве Омской области Российской Федерации в Фонде Г-1617 «Акмолинское областное управление» выявлен комплекс материалов о деятельности городского местного самоуправления во второй половине XIX – начале XX веков. Информативны и содержательны как источники журналы заседаний Акмолинской городской Думы, в которых выявлены пофамильные списки гласных Думы, решения и постановления Думы, так и отчеты городских общественных управлений.

В качестве источников использовались материалы обзоров Акмолинской области за 1911 и 1914 годы, в которых собраны сведения об экономической жизни края, развитии товарно-денежных отношений, торговле, общественном управлении, состоянии народного образования, научных и просветительских заведений. Обзоры областей Российской империи как приложения к губернаторским отчетам составлялись ежегодно по заданным формам, а в основу их ложились сведения текущей областной административной статистики.

Еще одна группа используемых источников – труды практических экономистов, статистиков второй половины XIX – начала XX веков: П.М. Головачева ([Головачев, 1914](#)), Н. Коншина ([Коншин, 1897](#)), М. Красовского ([Красовский, 1868](#)), в которых представлена характеристика экономического состояния городов Сибири, в том числе Акмолинска, а также содержатся сведения о внешнем облике, городском быте и благоустройстве Акмолинска.

В основу исследования положен принцип историзма, на основе которого исторические события и явления рассматриваются во взаимосвязи и с учетом конкретно-исторических условий. Принцип историзма позволяет проследить эволюцию купеческого сословия Акмолинска во второй половине XIX – начале XX веков в контексте экономических и социокультурных процессов в регионе, обосновать роль купечества в исторической динамике городского сообщества.

Выбор методов исследования определяется не только задачами научного познания, но и характером источниковой базы. В работе с документальными источниками использовались как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, обобщение, систематизация и др.), так и специальные исторические методы (фронтальное обследование архивных фондов, метод дискурсивного анализа архивных материалов, проблемно-хронологический метод).

3. Обсуждение

Научный интерес к истории купечества, разным сторонам его жизни и деятельности, роли купечества в социокультурной динамике городского сообщества в настоящее время достаточно высок, что обусловлено изменениями культурно-исторической парадигмы общественного развития. В исследовательском поле истории купечества можно обозначить несколько направлений научного изучения: социальные источники формирования купечества региона и их правовое положение; торгово-предпринимательская деятельность купечества и ее влияние на экономику региона; деятельность купечества в системе городского самоуправления; участие купечества в общественной жизни города; социальная активность купечества, благотворительность и меценатство.

К проблеме социальных источников формирования купечества, обоснованию роли купечества в развитии крупнейшего региона России – Сибири – обращается Е.В. Комлева. Благодаря купцам, по мнению автора, в значительной мере шло освоение Азиатской части России, развитие экономики региона и включение его в экономическое и культурное пространство страны ([Комлева, 2013: 54](#)). В работах В.В. Кузнецова ([Кузнецов, 2006](#)), А.В. Демкина ([Демкин, 1990](#)) представлено комплексное изучение купечества в региональном контексте, показана его роль в развитии малых городов.

Проблема деятельности купечества в системе городского самоуправления в региональном преломлении была предметом исследования целого ряда ученых. А.А. Исаева ([Исаева, 2009](#)) рассматривает проблему на источниковом материале Самарской и Симбирской губерний. Авторы Е.В. Метель и Е.В. Почеревин ([Метель, Почеревин, 2014](#)) анализируют участие Бийского купечества в работе органов местного самоуправления. К изучению проблемы участия столичного купечества в органах сословного самоуправления Петербурга обращается А.А. Журавлев ([Журавлев, 2013](#)).

Изучением вопросов общественной деятельности купечества занимались В.П. Зиновьев, В.И. Зиновьева ([Зиновьев, Зиновьева, 2016](#)). На материалах Томской губернии авторы убедительно показали, что именно купечество стало живой основой многообразия жизни городов.

Работы Д.О. Лосина посвящены изучению роли купечества в градостроительстве, в формировании архитектуры города ([Лосин, 2008](#)). По мнению автора, купеческая архитектура была архитектурной доминантой провинциальных городов, стала хранилищем культурной памяти города. Роль купечества в культурном развитии региона представлена работами Е.И. Герасимиди ([Герасимиди, 2010](#)).

Культурный облик русского купечества был объектом изучения А. Рибера, отмечавшего такие особенности торговой жизни русского купечества, как патриархальность, религиозный пиетет и неуверенность, обусловленные, по мнению автора, сохранением в обществе норм патриархальной культуры в условиях «насаждения» капитализма (Rieber, 1982: 24).

Социально-бытовые аспекты истории купечества на региональном материале получили освещение в исследованиях Л.Н. Галимовой (Галимова, 2010).

4. Результаты

Первые купцы обосновываются в Акмолинске в 40-е годы XIX века. Появление их в небольшом степном поселении связано было с активизацией торговых отношений в регионе, предпосылки к которым зародились в более раннюю эпоху, в XVIII – начале XIX веков. Уже тогда Акмолинское поселение среди кочевников-скотоводов и в «мусульманско-торговом мире было известно под именем «Кара-Уткуль» (БУ ИсА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 454. Л. 1). С открытием Акмолинского окружного приказа в 1832 г. власти стали официально регистрировать прохождение торговых караванов через Акмолинское поселение, где производили «карантинные досмотры» товаров (Гейнс, 1897: 290). Так постепенно формировалась экономика Акмолинского поселения, основу которой составлял торгово-ростовщический капитал.

Реализуя задачи хозяйственного освоения региона, российское правительство в 30–40-х гг. XIX века приняло целый ряд мер, направленных на продвижение торговли в казахскую степь и вовлечение местного населения в торговые отношения. В 1831 г. правительство отменило по всей Сибирской военной линии пошлины на скотоводческое сырье, привозимое из казахской степи (Смирнов, 1924: 51). Населению Акмолинского округа открывалась возможность обменивать продукцию скотоводства на фабрично-заводские изделия и с выгодой для себя перепродавать их по Сибирской линии. В 1835 г. правительство разрешило беспошлинный ввоз во внешние округа хлеба и земледельческих орудий труда (Коншин, 1897: 30). Это обстоятельство привело к увеличению потока торговцев в казахские степи, желающих выгодно продать хлебную продукцию.

Еще одним шагом в продвижении торговли в регионе стало «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами» 1838 года. Согласно параграфу 35 «Положения» при каждом открываемом в степи приказе устраивались казенные лавки и учреждались базары или торжки. Местное начальство обязано было поддерживать их «с употреблением на них издержек из сумм, остающихся от ежегодного ассигнования на каждый год» (БУ ИсА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2027. Л. 7). В Акмолинском поселении стали открываться мелочные и оптовые лавки, строились оптовые склады, начал функционировать базар. Русские купцы открывали здесь магазины и оставляли для постоянного проживания своих представителей – приказчиков, которые занимались обменом с местным населением. Одними из первых при Акмолинском укреплении начали торговлю купцы Г. Москалев из Владимирской губернии и Н. Ушаков из Екатеринославской губернии (Касымбаев, Агубаев, 1998: 42). Объемы товарооборота были еще небольшими, торговля не всегда была успешной вследствие неразвитости традиций меркантилизма в степи, однако начало было положено. Об активном поощрении торговли с казахским населением свидетельствует и факт устройства официальными властями в городских поселениях меновых дворов. Появился такой двор и в Акмолинске.

В середине XIX века Акмолинское поселение, расположенное на караванном пути Петропавловск–Ташкент–Кашгар, выполняло функцию перевалочного пункта в русско-среднеазиатской торговле; караваны из Средней Азии перегружались на телеги и следовали дальше в Петропавловск, а прибывшие из Петропавловска грузы перегружались на верблюдов для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию. Во время прохождения караванов оживлялась торговля.

Акмолинское поселение в расширяющейся торговле стало одним из важных пунктов, а акмолинская торговля была привлекательна для купечества. Российским купцам торговать хлебом в Акмолинске было прибыльно, так как цены на него были намного выше, чем в Петропавловске, конкурировавшем с Акмолинском. С другой стороны, в Акмолинске можно было значительно дешевле приобрести скот.

В первой половине 50-х гг. XIX века в Акмолинске были открыты две ярмарки: весенне-летняя под названием Константиновская и осенне-зимняя ярмарка, известная в источниках как Дмитриевская. Несмотря на сезонный характер проведения, ярмарки способствовали росту объемов торгово-промышленного капитала в регионе и привлекали купцов. Временной режим проведения Константиновской ярмарки был удобен для казахов-кочевников; в летнее время ничто не препятствовало кочевникам сгонять на ярмарку скот. Наплыв торговых караванов был самым активным именно летом. Возможно, поэтому торговый оборот Константиновской ярмарки уже в первый год открытия составил 46822 рубля (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2524. Л. 18). За первые пять лет, с 1852 по 1857 годы, обороты ее увеличились в 2,33 раза (ЦГА РК. Ф. 345. Оп.1. Д. 579. Л. 44). Пользовались спросом товары, привозимые российскими купцами из регионов Поволжья, Урала, Сибири: хлеб, овес, выделанная кожа, чугунная, фаянсовая и железная посуда, мелочный товар (ЦГА РК. Ф. 345. Оп.1. Д. 579. Л. 44-45). Русских купцов привлекала возможность с выгодой приобрести товары и продукцию казахской степи: скот, животноводческое сырье, мясные и молочные продукты

(ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 579. Л. 46-47). Ярмарки способствовали притоку купеческого капитала в регион.

Торгово-экономическое значение города еще более укрепилось во второй половине XIX века с ликвидацией в 1868 году Оренбургской и Сибирской таможенных линий. Обороты внутренней торговли Акмолинска в конце 1860-х годов по привозному товару составляли 2 239 000 руб., хлебной торговли – 200 тыс. руб., кумысной торговли – 6 тыс. рублей. Обороты внешней торговли скотом составляли 3 220 200 рублей, животноводческой продукции – 1 951 700 рублей. Годовые объемы Акмолинской торговли доходили до 9 млн рублей (ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 38. Л. 48).

Особенно прибыльной для купечества была торговля скотом. Торговлей скотом занимались купцы В.Г. Грибанов, Г.И. Казанцев, А.М. Козулин, В.А. Кучковский, Ф.С. Семенов. Животноводческим сырьем торговали купцы Ш. Абрасумов, Ш. Бурнашев, Х. Бегишев, А. Дивеев, Н. Забиров, А. Ишимбаев, А. Канцеров, М. Сабырбаев, М. Симаков, Х.Х. Танеев, М. Ушаков, Х. Урманов, Х. Хусаинов (Касымбаев, Агубаев, 1998: 91-92). Крупную торговлю в Акмолинске вело семейство купцов Кошегуловых. Глава династии Б. Кошегулов в 1911 году зарегистрировался как купец первой гильдии.

В 1861 г. генерал-губернатор Западной Сибири направил в Министерство внутренних дел ходатайство о возведении Акмолинского поселения на степень окружного города (Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв., 1964: 484). В октябре 1862 г. был издан Указ правительствующего Сената о преобразовании Акмолинского селения в город. С обретением городом статуса административного центра горожане, мещане и купцы, приписавшиеся к городу, получали льготы в сфере торговли и предпринимательства сроком на десять лет (Алпыспаева, 2008: 23). В 1872 г. после неоднократных обращений купечества с ходатайством о продлении налоговых льгот по платежу гильдейских пошлин и государственных повинностей просьба горожан была удовлетворена.

Объявленные налоговые льготы способствовали притоку в город торгового населения. На первых порах купцы и их представители оформлялись как временно проживающие. В 1864 г. в городе временно проживали 145 российских купцов, 38 из которых имели свою недвижимость, а также 1319 иностранных гостей, 56 из них имели недвижимое имущество (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 753. Л. 131). Официально к городу приписалось и постоянно проживало 6 купцов 2-й гильдии (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 753. Л. 166 об.). Но уже в 1870-ые годы на фоне общего роста численности населения города заметно увеличилась численность торгового сословия. К 1875 г. количество приписавшихся к городу купцов составило несколько десятков (82 мужчины и 93 женщины) и еще больше мещан (487 мужчин и 424 женщины). В этом году горожанам было выдано 125 торговых свидетельств (Экономическое состояние, 1882: 113). Купеческое сословие составило 19,2 % от общего числа акмолинцев (Экономическое состояние, 1882: 115).

С увеличением численности торгового населения наблюдался рост стационарной торговли в городе. В 1854 г. в поселении работали 4 лавки, а торговлю вели 10 постоянных торговцев. В 1863 г. в городе насчитывались 82 торговые лавки, торговлю вели 311 купцов (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 369. Л. 5-6). В 1914 г. в Акмолинске работали 284 торговых заведения с годовым оборотом 4,5 млн рублей (Красовский, 1868: 307). Всего же в городе числилось 1236 торговцев (Красовский, 1868: 322).

С ростом торгового капитала в городах Казахстана появились торговые дома. К 1914 г. их насчитывалось более 30 (Абилов, 2005: 63). Крупные торговые дома открылись и в Акмолинске. Торговый дом «Анриан Кубрин с сыновьями» имел свои торговые и пивные лавки в крупных селениях Атбасарского и Акмолинского уездов. Купеческая семья Кубриных была одной из самых известных в городе. Основатель династии Константин Кубрин и его сыновья Анриан и Матвей были купцами второй и первой гильдии. Вторая ветвь династии Кубриных берет начало от Матвея. К купеческому сословию Акмолинска он был причислен в 1873 г. Матвей и его старший сын Василий были купцами первой гильдии. М. Кубрин учредил торговый дом «Матвей Кубрин с сыновьями и Ко», который занимался продажей золота и серебра, мануфактуры, часов, металла, аптекарских и бакалейных товаров. Его торговые дома находились не только в Акмолинске, но и в Кокчетаве и Атбасаре, в Санкт-Петербурге.

Кроме Кубриных торговые дома имели купцы С.У. Халфин, П.Е. Путилов, К. Кошегулов, братья Беловы и др. Открытие торговых домов поощрялось и приветствовалось властями. Купцы обязаны были приобрести или построить за свои средства гостинные дворы, а также иметь свою производственную базу (заводы). Как отмечали исследователи, «разрешая и поощряя торговлю купцов ... без платежа гильдейских пошлин, ... правительство намеревалось сформировать "капитальное" купечество, вовлечь его в товарное производство» (Аполлова, 1976: 384).

Следствием такой политики стало формирование в конце XIX – начале XX веков на базе купеческого капитала промышленности города, в которой ведущее место занимали отрасли по переработке сельскохозяйственного сырья: мукомольная, маслобойная, салотопенная, мыловаренная, кожевенная. Экономист Головачев П.М., отмечая быстрый рост фабрично-заводских предприятий в Акмолинской области в начале XX века, подчеркивал, что «главный процент этого следует отнести за счет обработки растительных и животных продуктов» (Головачев, 1914: 106). В 1896 г. в Акмолинске действовали 6 салотопенных, 4 свечных, 2 овчинных, по одному мыловаренному, кожевенному,

шерстомойному и кишечному заводу (Антонова, 1990: 77). В начале XX века работали 3 кожевенных завода, принадлежавшие предпринимателям Фуколову и Лобачеву (ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 38. Л. 49).

Пищевая промышленность города была представлена предприятиями по производству муки, масла, меда, различных напитков и пр. Самым оснащенным и крупным по объемам производства был пивомедоваренный завод купца А. Кубрина, где работало от 8 до 18 человек, а производительность его составляла от 15 до 35 тысяч рублей (Касымбаев, Агубаев. 1998: 95). А. Кубрину принадлежал завод фруктовых вод. В 1910 г. он произвел продукцию на 1020 рублей (Обзор Акмолинской области за 1911 г., 1912) а в 1914 г. – на 2000 рублей (Обзор Акмолинской области за 1914 г., 1915). Семейству Коцегуловых принадлежала единственная в Акмолинске конфетно-пряничная фабрика (Антончев, 1998: 66). Развивалось маслодельное производство; в 1907 г. 4 маслобойни при 13 рабочих дали продукции на 1009 рублей, в 1910 г. – один завод с 4 рабочими выдал продукции на 1055 рублей (Обзор Акмолинской области за 1914 год, 1915: 125). Продукция заводов шла исключительно для местного потребления по причине небольших объемов производства.

Важную роль в структуре промышленности Акмолинска играло мельничное производство, развитие которого было связано с распространением хлебопашества как следствия активизации крестьянского переселения в край. По данным Головачева П., если в период с 1885 по 1892 гг. в Сибирь в среднем переселялось по 41 тыс. хозяйств, то с 1892 по 1902 гг. уже по 147,5 тыс. хозяйств. До 1893 г. в Акмолинскую область в среднем переселялось около 4-х тыс. душ обоего пола, что составляло всего 1 % к общему числу переселяющихся в Сибирь. Начиная с 1894 г., этот показатель составил 20 % – 150 тыс. душ обоего пола. Акмолинская область по количеству переселенцев уступала лишь Тобольской (Головачев, 1905: 201). Переселению в «Акмолинскую область как ближайшей в Европейской России и как местности степные и лесостепные, особенно любимые переселенцами» способствовало строительство Сибирской железной дороги, а также предпринятые правительством меры: установление с 1897 г. предварительной посылки ходоков для ознакомления с землями; введение льготного железнодорожного тарифа, более чем в три раза удешевляющего переезд; обеспечение переселенцев горячим питанием во время остановок; выдача ссуд в размере 100 рублей; организация землеустроительных работ (Головачев, 1905: 203).

После кратковременного спада мельничного производства в первой половине 1890-х гг. в связи с засухой и голодом уже со второй половины 1890-х гг. наметился его новый подъем. В 1880-е гг. в городе действовала одна водяная мельница, производительность которой с 1883 по 1888 гг. выросла в 25 раз. В 1893 г. появилась первая паровая мельница (ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 36. Л. 42). В начале XX века в городе работали две паровые, одна водяная и свыше пятидесяти ветряных мельниц с общим количеством рабочих более 208 человек. Все они располагались на «выгонах», где селились преимущественно богатые мещане, которые и содержали ветряные мельницы (ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 38. Л. 53). Крупнейшим владельцем мельничного производства в городе был купец П. Моисеев, один из самых состоятельных купцов Акмолинска.

С ростом экономики города увеличивался и городской бюджет. Динамика его по данным текущей статистики выглядела так: 1890 г. – 16000 руб., 1897 г. – 25541 руб., 1908 г. – 35595 руб., 1912 г. – 56242 руб., 1914 г. – 99807 руб. 27 коп. (ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 38. Л. 48).

Акмолинское купечество неоднократно поднимало вопрос о необходимости проведения в крае железной дороги, так как слабое развитие транспортной инфраструктуры сдерживало выход промышленного производства за пределы региона. Основу транспортной инфраструктуры региона в начале XX века составляли грунтовые дороги. Почтовый тракт шел из Петропавловска на юг, через Кокчетав и Атбасар, а затем к востоку на Акмолинск: Петропавловск–Кокчетав – 180 верст, Кокчетав–Атбасар – 176 верст, Атбасар–Акмолинск – 241 верста. От Кокчетав на Акмолинск вел еще один тракт протяженностью 300 верст через станцию Щучинскую, минуя Атбасар. В летнее время использовалась прямая караванная дорога из Петропавловска на Атбасар и Акмолинск, по которой путь сокращался на 70–80 верст (Акмолинская область, 1912: 17-18).

Вопрос о строительстве железной дороги обсуждался на съезде представителей Западной Сибири и Степного края в Петербурге в 1910 г., в работе которого принимали участие акмолинские купцы С.А. Кубрин и К.О. Курбатов. В 1917–1918 гг. центральные власти приступили к постройке железной дороги Орск–Акмолинск–Семипалатинск по варианту Южно-Сибирской железнодорожной линии, но работы были приостановлены в связи с начавшейся гражданской войной.

Во второй половине XIX века в Российской империи в рамках буржуазных преобразований проводилась реформа городского управления, в результате которой сословные органы управления были заменены выборными городскими Думами. Дума состояла из гласных (депутатов), избиравшихся на четыре года, работала под председательством городского головы. Количество гласных Думы зависело от численности населения города. Исполнительным органом Думы были городские управы.

В Акмолинске первые выборы в городскую Думу в соответствии с новым положением состоялись в ноябре 1873 г., признанные не состоявшимися по причине несвоевременного представления на утверждение списка гласных. В апреле 1874 г. по итогам повторных выборов городская Дума была сформирована. В первых выборах участвовало 85 горожан из 204, обладавших правом голоса. Среди 30 гласных, избранных в первый состав Думы, были представители разных

городских сословий, в том числе купцы Д.Л. Филатов, М.Т. Максутов, А.К. Кубрин, К.Б. Сутюшев, П.С. Марфутин (Касымбаев, Агубаев, 1998: 97). Первым городским главою был избран купец Д.Л. Филатов. В разное время эту должность занимали купцы С. Кубрин, С. Хлебников, Д. Толокнов.

Реформа городского управления укрепила позиции купечества в городском сообществе. Высокий имущественный избирательский ценз обеспечивал избрание в местный орган самоуправления представителей зажиточного сословия горожан, к коим относилось купечество. Так, в составе городской Думы Акмолинска в 1915 г. преобладали состоятельные купцы: С.А. Кубрин, А.М. Никитин, И.Е. Носов, П.Г. Моисеев, К.И. Сутюшев, П.Е. Путилов, К.Б. Кощегулов, И.А. Лобачев, П.И. Видяев и др. (ГАГА. Ф. 362. Оп. 4. Д. 44. Л. 90). Купцы Д.Л. Филатов и А.К. Кубрин, Ф.Г. Муканов и Г.В. Ильин активно участвовали в работе городской управы (ГАГА. Ф. 343. Оп. 1. Д. 1. Л. 43).

Анализ протоколов заседаний городской Думы Акмолинска за разные годы свидетельствует о том, что вопросы благоустройства и санитарного состояния города были самыми актуальными. Правила, издаваемые городской Думой в особом своде обязательных постановлений, были обязательны к руководству. На первом рабочем заседании Думы 25 мая 1874 г. были приняты правила, обязывающие горожан содержать в чистоте улицы и дворы, торговые лавки, регулярно чистить дымовые трубы и печи (Касымбаев, Агубаев, 1998: 97). Дума второго созыва в 1880 г. утвердила обязательные для горожан правила, которые конкретизировали требования санитарного режима и устанавливали ответственность за их нарушение. Горожанам запрещалось устраивать отхожие места на площадях и улицах, производить забой скота вне определенного для этого специального места, загрязнять берег Ишима, курить табак в общественных помещениях, на улицах и на базаре. Они обязаны были регулярно проветривать жилые помещения. Запрещалась стихийная реализация продуктов на улицах города, для продажи мяса, рыбы и овощей отводились отдельные места на базарной площади. Вводилось обязательное освидетельствование скота перед забоем ветеринарным врачом. В городе организовывались ночные караулы.

Вопросы санитарного состояния города были особенно актуальны в годы Первой мировой войны. В апреле 1915 г. Дума ужесточила санитарные требования для горожан, что должно было уберечь город от эпидемий. Были приняты дополнительные пункты к действующему положению: правила устройства помойных ям, отхожих мест, выделка кизяка, содержание торговых бань, постоянных дворов, горожан обязывали применять антисептические средства (известь, песок и пр.) и пр. (БУ Иса. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 148. Л. 72).

На особом контроле Думы были вопросы пожарной безопасности города. Пожары были настоящим бедствием, особенно в летний период, когда погода стояла ветреная и сухая, огонь быстро распространялся от дома к дому. Наиболее памятные пожары 1910 и 1916 годов, когда выгорела почти третья часть города. В конце XIX века была сооружена пожарная каланча, одна из самых высоких построек в городе. Нижнее помещение пожарной представляло собой просторное помещение кирпичной кладки, где находилась дежурная часть команды. Рядом под навесами стояли лошади в сбруе, наполненные водой деревянные бочки и прочий инвентарь. Над каменной частью поднималась вышка с двумя смотровыми площадками, где круглые сутки дежурил пожарный. По данным за 1912 год, пожарная команда Акмолинска состояла из 24 человек, 36 лошадей, 15 пароконных упряжек с бочками и 5 ручными насосами (ГАГА: Ф. 362. Оп. 5. Д. 51. Л. 23). Пожарный обоз должен был находиться в полной исправности. На случай пожара имелись особые резервуары, устроенные в разных частях города, а на реке Ишим был сооружен водочерпальный плот.

Городская Дума утвердила обязательные единые Правила организации трудовой недели, которым все работодатели обязаны были строго следовать. Вводились единые сроки обеденного времени, единый календарь праздничных дней. В первые два дня Пасхи и Рождества, в день Святой троицы, на Крещение, Благовещение, Покров, пресвятых Богородицы учреждения города должны быть закрыты. Строго нормировалась работа детей; малолетних служащих обязаны были освобождать для занятий и посещения школы на три часа ежедневно (БУ Иса. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 148. Л. 87).

Специальное постановление Думы определяло порядок открытия и содержания в городе заведений трактирного промысла: гостиниц, постоянных дворов, харчевен, столовых, буфетов при театрах и клубах, пивных лавок и кумысниц с продажей горячей пищи, ресторанов и пр. Постановление устанавливало единые правила содержания заведений, в том числе санитарные требования, режим работы заведений и продажи спиртных напитков. В заведениях, расположенных на центральных улицах города, запрещалась продажа крепких спиртных напитков. Обязательным условием работы заведений трактирного типа было наличие отдельной кухни, помещения для хозяина и кладовой. Содержатели заведений обязаны были установить при входе в помещение фонари и зажигать их в ночное время (БУ Иса. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 148. Л. 74). Решением городского головы от 1905 г. в городе было введено керосиновое освещение (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4644. Л. 75).

На заседаниях Думы рассматривался вопрос об «облагораживании города зелеными насаждениями» (ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 38. Л. 42). В 1880 г. в городе был разбит солдатский сад площадью 2,7 десятины, а позже, в 1893 г., на правом берегу Ишима заложен городской сад общей площадью 1,5 десятин. На левом берегу р. Ишим на участке в 7,5 десятин купцами были высажены

три сада. Земли эти купцы арендовали у городских властей. Один из них в народе называли «дача Кубрина», по имени владельца (ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 38. Л. 46).

Утверждаемые Думой правила подлежали исполнению в обязательном порядке. Контроль их исполнения возлагался на городскую управу, либо назначались специальные члены городского правления. В крайних случаях надзор осуществляла местная городская полиция. Таким образом, в процессе развития предпринимательской деятельности акмолинского купечества во второй половине XIX – начале XX вв. формировались нормы и правила честной конкуренции, вырабатывались кодексы и стандарты делового поведения.

Деятельность органов городского самоуправления, в которых большинство составляли купцы, способствовала дальнейшему градостроительству. Решением городской Думы в 1878 г. были собраны средства на проведение телеграфных линий Акмолинск–Петропавловск и Кокчетав–Атбасар–Акмолинск.

В 1874 г. Дума приняла решение о строительстве здания городского полицейского управления. В 1893 г. на средства городской Думы было возведено здание городской управы (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4566. Л. 54).

В 1890 г. решением городской Думы началось строительство Гостиного двора на центральной площади города. Это были два одноэтажных каменных магазина, занимавших по периметру фасада целый квартал и вместивших в себя 221 торговую лавку (ГАГА. Ф. 362. Оп. 4. Д. 44. Л. 112). Местные купцы и приезжие торговцы арендовали в нем помещения для временной или постоянной торговли. Для торговли скотоводческим сырьем в Акмолинске в 90-е годы XIX века был построен специальный кожевенный базар на окраине города, где останавливались караваны. Он представлял собой большой участок в виде четырехугольника, по периметру которого находились многочисленные амбары. Купцы арендовали юрты у местных жителей, выставляли их в круг, внутри которого шла торговля. Иногда временный городок объединял до 500 юрт (ГАГА. Ф. 362. Оп. 4. Д. 44. Л. 95).

Богатые купцы строили себе каменные и кирпичные дома, чтобы уберечься от пожаров. Красочным и оригинальным архитектурным сооружением был дом купца В. Кубрина, построенный в 1909 г. московским архитектором. Он представлял собой одноэтажное здание с высокой цокольной частью, с четырёхгранным куполом и балконом, фасад которого оформлен в стиле «модерн». В подобном стиле был выполнен торговый дом В. Кубрина. Расположенные по одной оси городских улиц, здания дополняли друг друга и создавали единый архитектурный ансамбль.

Одним из красивейших зданий города был двухэтажный кирпичный дом купца П.Г. Моисеева, архитектурный стиль которого представлял собой эклектику начала XX века. Фасад здания напоминает воспроизведение форм дворцовой архитектуры флорентийского раннего Ренессанса, стиль которого ярко выражен в оконных проемах и карнизах, оформленных фигурной кладкой из точечного кирпича. Интересное архитектурное решение представляли дома состоятельных акмолинских купцов И.С. Силина, Д.В. Егорова, демонстрирующие «кирпичный» стиль архитектуры конца XIX – начала XX веков. Прямоугольное в плане двухэтажное здание дома Силина имело подъезд с колоннами, на которые опирался балкон. Жилой дом Егорова представлял собой крестообразное в плане одноэтажное строение с цокольным этажом. Между оконными проемами первого и цокольного этажей располагались прямоугольные ниши.

Наряду с кирпичными, были и строения из дерева. Одноэтажный дом купца Казанцева, возведенный под контору, был сложен из бревен с высокой вальмовой крышей и с чердаком. Карниз и наличники окон украшены резьбой. Дом врача Ф.И. Благовещенского, представляющий собой деревянный сруб, обшитый тесом и устроенный на подклети с коридорной планировочной структурой, отражает стиль эклектики в архитектуре. Окна имеют наличники и ставни, украшенные геометрическим орнаментом.

В начале XX века в городе появилось еще несколько общественных зданий. На средства купеческой семьи Кощегуловых была построена школа для мусульманской молодежи – одноэтажное прямоугольное здание из обожженного кирпича, выполненное техникой узорчатой кладки. Под городскую гимназию было сооружено двухэтажное здание из красного кирпича с интересной и своеобразной архитектурой.

Известные купцы Д.В. Егоров и А.И. Скворцов в 1910 г. построили первый в Акмолинске кинематограф под названием «Метеор», в 1913 г. братья Егоровы возвели кинотеатр «Прогресс» (ГАГА. Ф. 362. Оп. 4. Д. 44. Л. 80). Товариществу купцов Егоровых принадлежал «Ренский погреб», в котором продавались дорогие виноградные вина, круглый год с прилавков не исчезали свежие фрукты.

С ростом градостроительства изменился внешний облик Акмолинска. Современник по этому поводу писал: «За последнее время город все-таки понемногу стал приобретать вид настоящего города. В нем выстроили большой каменный собор, каменные здания для городского управления, полиции и большие каменные торговые ряды, новую мечеть; кроме того, выстроено много частных каменных магазинов, домов. Все это, в общем, придает до известной степени Акмолинску некоторый вид города, ... деревянные дома стали строиться больше, лучше и, пожалуй, даже иногда архитектурнее, заменяя собою прежние форменные казачьи избы» (Шерстобитов, 1899).

Распространенной формой социальной активности купечества была благотворительность. Акмолинские купцы в этом смысле не были исключением. Представители купеческих династий успешно вели бизнес, занимались благотворительностью и просветительской деятельностью, чем заслужили уважение жителей города.

Храмозидание было одним из наиболее традиционных и характерных проявлений купеческой благотворительности (Кузнецов, 2004: 125-133). В 1891 г. на центральной площади города был заложен Александро-Невский православный собор в память о «чудесном событии 17 октября 1888 года» – спасении жизни Александра III во время крушения императорского поезда на Курско-Харьковской железной дороге. Пожертвования для строительства собора поступали от купцов. Купец Попов пожертвовал на строительство собора 100 тысяч штук кирпичей, купец Марфутин на свои средства изготовил ограды и отлил полный набор колоколов, самый тяжелый из которых весил 104 пуда (Дубицкий, 1957). В 1895 г. крупный татарский скотопромышленник и купец Н. Забиров построил в Акмолинске мусульманскую мечеть.

Купцы Кубрины не только занимались благотворительностью, но и состояли в различных временных общественных комиссиях. В 1895 г. С. Кубрин инициировал создание общественной библиотеки, а после открытия ежегодно на пополнение книжного фонда выделял сумму, в четыре раза превышавшую ее годовой бюджет. В 1898 г. в Акмолинске было образовано общество попечения о начальном образовании. В качестве попечителей школ выступали братья купцы Кубрины и И. Силин. Матвей Кубрин много лет был попечителем городского трехклассного училища и вкладывал крупные суммы в развитие городского образования.

В 1915 г. в Акмолинске появилось «Общество служащих товарищества на паях «Матвей Кубрин с сыновьями и Ко». Задача организации состояла в том, чтобы повысить культурный и образовательный уровень горожан. Члены общества проводили встречи, литературные вечера, выступали с лекциями и докладами. При обществе работала библиотека и касса взаимопомощи.

В среде городского населения Акмолинска социальный статус купечества, его влияние на общественную городскую жизнь были достаточно высокими. Сложности и неопределенности взаимоотношений купечества с дворянством, характерные для старых крупных городов империи, о которых писал американский исследователь Дж. Ракман (Ruckman, 1984), не были в силу того, что в молодых формирующихся городах империи, к каким относился Акмолинск, прослойка сословия дворянства была сравнительно малочисленной.

5. Заключение

Изучив роль купечества в развитии дореволюционного провинциального города Акмолинска, авторы пришли к выводу, что региональные особенности формирования купеческой прослойки в городском населении Акмолинска обусловлены были историческим процессом хозяйственного освоения степной части Казахстана в XIX веке. Удобное географическое положение Акмолинска привлекало торгово-промышленный капитал и купечество. Акмолинские купцы, нажившие состояние на выгодной торговле сельскохозяйственной продукцией с местным населением, впоследствии «капитализировали» свои накопления, вложив их в развитие агроперерабатывающей местной промышленности, построив заводы и фабрики по производству продукции, формируя, таким образом, структуру экономики города. Купеческий капитал играл важную роль в развитии местной промышленности.

Общественная жизнь акмолинского купечества концентрировалась вокруг городского самоуправления. Деятельное участие купцов в работе законодательных и исполнительных органов городского самоуправления существенно продвинуло развитие градостроительства, архитектурной и образовательной среды города, обеспечило улучшение городского благоустройства и санитарного состояния Акмолинска. Купеческая архитектура стала основой формирующегося культурного слоя провинциального города, его исторической частью.

Распространенной формой социальной активности акмолинского купечества были благотворительность и меценатство, благодаря чему в городе появились объекты духовной и светской культуры, получило развитие народное просвещение, существенно продвинулись благоустройство и озеленение города.

Литература

Абилов, 2005 – Абилов К.Ж. Торговые дома как форма организации предпринимательской деятельности в дореволюционном Казахстане. // *Вестник КазНУ. Серия история.* 2005. № 1 (36). С. 61-64.

Алпыспаева, 2008 – Алпыспаева Г.А. Астана в новое и новейшее время. Под редакцией Абжанова Х.М. Астана: АО «Астана полиграфия», 2008. 276 с.

Акмолинская область, 1912 – Акмолинская область. Сост. А. Митаревский. Третье (сокращенное) издание. Полтава: Типо-Литография И.Л. Фришберга, 1912. 35 с.

Антонова, 1990 – Антонова И.В. К вопросу о складывании структуры обрабатывающей промышленности в городе Акмолинске // Социально-политическая история Приишимья. Тезисы выступлений на конференции. Целиноград, 1990. С. 76-80.

- Антончев, 1998** – Антончев Н.В. Из истории акмолинского купечества / 75 лет Акмолинскому областному краеведческому музею: Сб. статей. Акмола, 1998. С. 61-70.
- Аполлова, 1976** – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в к. XVI – п.п. XIX вв. М.: Наука, 1976. 380 с.
- БУ ИСА** – Бюджетное учреждение «Исторический архив Омской области».
- Галимова, 2010** – Галимова Л.Н. Мир провинциального купечества. Купечество города Симбирска во второй половине XIX – начале XX в.: Социально-бытовой аспект. М.: Флинта : Наука, 2010. 224 с.
- Гейнс, 1897** – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 1. Санкт-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1897. 597 с.
- Герасимиди, 2010** – Герасимиди Е.И. Вклад астраханских купцов в развитие театрального дела в Астрахани в XIX веке // *Каспийский регион: политика, философия, культура*. 2010. № 1 (2). С. 84-90.
- Головачев, 1905** – Головачев П. Сибирь. Природа, люди, жизнь (со многими рисунками и двумя картами). М., 1905. 401 с.
- Головачев, 1914** – Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914. 183 с.
- ГАГА** – Государственный архив города Астаны.
- Демкин, 1990** – Демкин А.В. Русское купечество XVII – XVIII вв.: города Верхневолжья. М.: Наука, 1990. 94 с.
- Дубицкий, 1957** – Дубицкий А. Акмолинск – торговый город // *Акмолинская правда*. 4 июля 1957.
- Журавлев, 2012** – Журавлев А.А. Столичное купечество в органах сословного самоуправления Петербурга: XIX – начало XX вв. // *Экономика и менеджмент*. 2013. № 3. С. 127-138.
- Зиновьева, 2016** – Зиновьева В.И. Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 – феврале 1917 года // *Сибирские исторические исследования*. № 2, 2016. С. 9-20.
- Исаева, 2009** – Исаева А.А. Самарское купечество в органах местного самоуправления во второй пол. XIX – в нач. XX вв.: Источниковедческий обзор // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 11. № 6. 2009. С. 240-243.
- Казахско-русские отношения, 1964** – Казахско-русские отношения в XVIII – XIX вв. (1771–1867гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 484 с.
- Касымбаев, Агубаев, 1998** – Касымбаев Ж.К., Агубаев Н.Ж. История Акмолы: XIX – начало XX вв.; исследования, источники, комментарии. Алматы: Жеты-Жаргы, 1998. С. 176.
- Комлева, 2013** – Комлева Е.В. Роль купечества в социально-экономическом развитии Сибири (XVIII – начало XX вв.) // *Азиатская Россия и сопредельные государства*. Сборник научных трудов / Под ред. С. Папкова и К. Тэраяма. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 54-69.
- Коншин, 1897** – Коншин Н. Краткий статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской области за 1880–1894 гг. Омск, 1897. С. 30.
- Красовский, 1868** – Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область Сибирских киргизов. СПб.: Тип. Трапшеля, 1868. Ч. 2. 464 с.
- Кузнецов, 2006** – Кузнецов В.В. Торговая деятельность и промышленное предпринимательство дубовского купечества в первой половине XIX века // *Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова*. № 5. Вып. 3. Саратов, 2006. С. 86-88.
- Кузнецов, 2004** – Кузнецов В.В. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин // *Проблемы национальной безопасности России*. Межвузовский научный сборник. Саратов, 2004. С. 125-133.
- Лосин, 2008** – Лосин Д.О. Роль купеческого сословия в формировании архитектуры Саратова / Д.О. Лосин // *Проблемы сохранения историко-культурного наследия Саратовской области в современных условиях*. Сб. науч. тр. областной науч.-практ. конф. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2008. С. 70-75.
- Метель, Почеревин, 2014** – Метель Е.В., Почеревин Е.В. Участие Бийского купечества в работе органов местного самоуправления // *Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: Электронный сборник статей по материалам XXIV студенческой международной научно-практической конференции*. Новосибирск: Изд. «СибАК». 2014. № 8-9 (23). С. 15-20.
- Обзор Акмолинской области за 1911 год, 1912** – Обзор Акмолинской области за 1911г. Омск. 1912 г. Приложение. Ведомость о ремесленниках.
- Обзор Акмолинской области за 1914 год, 1914** – Обзор Акмолинской области за 1914г. Омск, 1915 г. Приложение. Ведомость о промышленности.
- Смирнов, 1924** – Смирнов А. Куяндинская ярмарка. Семипалатинск, 1924.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- Шерстобитов, 1889** – Шерстобитов А. Акмолинск. Очерк из заметок туриста // *Дорожник по Сибири и Азиатской России*, 1899. № 2. <http://rus-turk.livejournal.com> (дата обращения: 05.02.2018).
- Экономическое состояние, 1882** – Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Изд. хозяйственного департамента МВД. СПб., 1882.
- Rieber, 1982** – Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill (N.C.), 1982. p. 24.

Ruckman, 1984 – Ruckman J.A. The Moscow business elite: A social and cultural portrait of two generations, 1840-1905. North Illinois: Univ. Press, 1984. pp. 41-44.

References

- Abilov, 2005 – Abilov K.Zh. (2005). Torgovye doma kak forma organizatsii predprinimatel'skoj deyatelnosti v dorevolucionnom Kazahstane [Trading houses as a form of business organization in pre-revolutionary Kazakhstan]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*, № 1 (36), pp. 61-64 [in Russian]
- Alpyspaeva, 2008 – Alpyspaeva G.A. (2008). Astana v novoe i novejshee vremya [Astana in the new and modern times]. Pod redakciej Abzhanova H.M. Astana: AO «Astana poligrafija», 276 s. [in Russian]
- Akmolinskaya oblast', 1912 – *Akmolinskaya oblast'*. (1912). [Akmolinsk region]. Sost. A. Mitarevskii. Tret'e (sokrashchennoe) izdanie. Poltava: Tipo-Litografiya I.L. Frishberga, 35 p. [in Russian]
- Antonova, 1990 – Antonova I.V. (1990). K voprosu o skladyvanii struktury obrabatyvayushchej promyshlennosti v gorode Akmolinske [On the question of the structure folding of the manufacturing industry in Akmolinsk city]. *Social'no-politicheskaya istoriya Priishim'ya*. Tezisy vystuplenii na konferencii. Tselinograd, pp.76-80 [in Russian]
- Antonchev, 1998 – Antonchev N.V. (1998). Iz istorii akmolinskogo kupechestva [From the history of the Akmola merchant class]. *75 let Akmolinskomu oblastnomu kraevedcheskomu muzeju: Sb. statej*. Akmola, pp. 61-70 [in Russian]
- Apollova, 1976 – Apollova N.G. (1976). Hozyajstvennoe osvoenie Priirtysh'ya v k. XVI – p.p. XIX vekov [Economic development of Priirtyshye in the second half of the XIXth century]. M.: Nauka, 380 p. [in Russian]
- BU Isa – Byudzhethnoe uchrezhdenie «Istoricheskii arhiv Omskoj oblasti» [Budgetary Establishment «The Historical archive of the Omsk region»]
- Galimova, 2010 – Galimova L.N. (2010). Mir provincial'nogo kupechestva. Kupechestvo goroda Simbirsk vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: Social'no-bytovoj aspekt.: monografiya [The world of the provincial merchant class. Merchant of the city of Simbirsk in the second half of the XIX - early XX century.: Socio-household aspect: monograph]. M.: Flinta : Nauka. 224 p. [in Russian]
- Gejns, 1897 – Gejns A.K. (1897). Sobranie literaturnyh trudov [Collection of literary works]. T.1. Sankt-Peterburg: tipografiya M.M. Stasyulevicha. 597 p. [in Russian]
- Gerasimidi, 2010 – Gerasimidi E.I. (2010). Vklad astrahanskih kupcov v razvitie teatral'nogo dela v Astrahani v XIX v. [The contribution of the Astrakhan merchants to the development of the theatrical work in Astrakhan in the XIX century]. E.I. Gerasimidi. *Kaspiiskii region: politika, filosofiya, kul'tura*. №1 (2), pp. 84-90 [in Russian]
- Golovachev, 1905 – Golovachev P. (1905). Sibir'. Priroda, lyudi, zhizn' (so mnogimi risunkami i dvumya kartami). [Siberia. Nature, people, life (with many drawings and two maps)]. M. 401 p. [in Russian]
- Golovachev, 1914 – Golovachev P.M. (1914). E'konomicheskaya geografiya Sibiri [Economic geography of Siberia]. M., 183 p. [in Russian]
- GAGA – Gosudarstvennyi arhiv goroda Astany. [The State archive of the Astana city]
- Demkin, 1990 – Demkin A.V. (1990). Russkoe kupechestvo XVII – XVIII vv.: Goroda Verhnevolzh'ya [Russian merchants of the XVII - XVIII centuries: the cities of the Upper Volga Region]. M.: Nauka, 1990, 94 p. [in Russian]
- Dubickii, 1957 – Dubickii A. (1957). Akmolinsk – torgovyi gorod. [Akmolinsk is a trade city]. *Akmolinskaya Pravda*, 4 iyulya [in Russian]
- Zhuravlev, 2013 – Zhuravlev A.A. (2013). Stolichnoe kupechestvo v organah soslovnogo samoupravleniya Peterburga: XIX – nachalo XX vv. [Metropolitan merchants in St. Petersburg self-government bodies: XIX – early XX centuries]. *Ekonomika i menedzhment*. 3/2013, pp.127-138 [in Russian]
- Zinov'eva, 2016 – Zinov'eva V.I. (2016). Obshchestvennaya deyatelnost' kupechestva Tomskoj gubernii v 1880 – fevrale 1917 goda. [Public activity of the merchants of Tomsk province in 1880 – February 1917 years]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. № 2, pp. 9-20 [in Russian]
- Isaeva, 2009 – Isaeva A.A. (2009). Samarskoe kupechestvo v organah mestnogo samoupravleniya vo vtoroj pol 19 – v nach. 20 vv: Istochnikovedcheskii obzor. [Samara merchant class in local government in the second half of the XIXth - in the beginning XXth centuries: Sourcebook review]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoj akademii nauk*. T.11, №6, pp. 240-243 [in Russian]
- Kazahsko-russkie otnosheniya, 1964 – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVIII-XIX vv. (1771-1867 gg.). [Kazakh-Russian relations in the XVIII-XIX centuries. (1771-1867)]. Sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata: Nauka, 484 p. [in Russian]
- Kasymbaev, Agubaev, 1998 – Kasymbaev Zh.K., Agubaev N.Zh. (1998). Istoriya Akmoly: XIX – nachalo XX vv.; issledovaniya, istochniki, kommentarii. [The history of Akmola: XIX – the beginning of XX centuries; research, sources, comments]. Almaty: Zhety-Zhargy, 176 p. [in Russian]
- Komleva, 2013 – Komleva E.V. (2013). Rol' kupechestva v social'no-e'konomicheskom razvitii Sibiri (XVIII – nachalo XX v.). [The role of the merchant class in the formation of Saratov architecture]. *Aziatskaya Rossiya i sopredel'nye gosudarstva*. Sbornik nauchnyh trudov / Pod red. S. Papkova i K. Te'rayama. Novosibirsk: Parallel'. pp. 54–69. [in Russian]

Konshin, 1897 – *Konshin N.* (1897). *Kratkii statisticheskiy ocherk promyshlennosti i torgovli v Akmolinskoj oblasti za 1880-1894 gg.* [A brief statistical sketch of industry and trade in the Akmola region for the years 1880-1894]. Omsk, 30 p. [in Russian]

Krasovskii, 1868 – *Krasovskii M.* (1868). *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Oblast' Sibirskih kirgizov.* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Province of the Siberian Kirghiz]. SPb.: Tip. Trappelya, Ch. 2, 464 p. [in Russian]

Kuznecov, 2006 – *Kuznecov V.V.* (2006). *Torgovaya deyatelnost' i promyshlennoe predprinimatel'stvo dubovskogo kupechestva v pervoj polovine XIX veka.* [Trade activity and industrial entrepreneurship of the Dubov merchants in the first half of the XIX century]. *Vestnik Saratovskogo gosagrouniversiteta im. N. I. Vavilova.* № 5, Vyp. 3, Saratov, pp. 86-88. [in Russian]

Kuznecov, 2004 – *Kuznecov V.V.* (2004). *Vol'skii imenitiy grazhdanin Vasiliy Alekseevich Zlobin.* [Volsky prominent citizen Vasily Alekseyevich Zlobin]. *Problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii.* Mezhvuzovskii nauchnyi sbornik. Saratov, pp. 125-133. [in Russian]

Losin, 2008 – *Losin D.O.* (2008). *Rol' kupecheskogo sosloviya v formirovani arhitektury Saratova.* [The role of the merchant class in the formation of architecture of Saratov]. *Problemy sohraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya Saratovskoj oblasti v sovremennykh usloviyah.* Sb. nauch. tr. oblastnoj nauch.-prakt. konf. Saratov: Sarat. gos. tehn. un-t, pp. 70-75. [in Russian]

Metel', Pocherevin, 2014 – *Metel' E.V., Pocherevin E.V.* (2014). *Uchastie Biiskogo kupechestva v rabote organov mestnogo samoupravleniya.* [Participation of the Biysk Merchants in the work of local self-government bodies]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya.* Obshchestvennye nauki: E'lektronnyi sbornik statej po materialam XXIV studencheskoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novosibirsk: Izd. «SibAK», № 8-9 (23), pp. 15-20. [in Russian]

Obzor Akmolinskoj oblasti za 1911 god, 1912 – *Obzor Akmolinskoj oblasti za 1911g. (1912g.).* [Overview of the Akmola region for 1911year]. Omsk. Prilozhenie. *Vedomost' o remeslennikah* [in Russian]

Obzor Akmolinskoj oblasti za 1914 god, 1914 – *Obzor Akmolinskoj oblasti za 1914 g. (1915g.).* [Overview of the Akmola region for 1914year]. Omsk. Prilozhenie. *Vedomost' o promyshlennosti* [in Russian]

Smirnov, 1924 – *Smirnov A.* (1924). *Kuyandinskaya yarmarka.* [Kandinsky fair]. Semipalatinsk, 51 p. [in Russian]

TsGA RK – *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan.* [Central State archive of the Republik of Kazakhstan]

Sherstobitov, 1889 – *Sherstobitov A.* (1899). *Akmolinsk. Ocherk iz zametok turista.* [Akmolinsk. Essay from tourist notes]. *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii.* №2. <http://rus-turk.livejournal.com> (data obrashcheniya: 05.02.2018) [in Russian]

Ekonomicheskoe sostoyanie, 1882 – *Ekonomicheskoe sostoyanie gorodskih poselenii Sibiri.* (1882) [The economic condition of urban settlements in Siberia]. SPb.: Izd. hozyajstvennogo departamenta MVD. SPb. [in Russian]

Роль купечества в развитии провинциального города Ақмолинска (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Галья Айтпаевна Алпыспаева^{a, *}, Шолпан Назарбековна Саяхимова^a

^a Казахский агротехнический университет имени Сакена Сейфуллина, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается созидательная роль сословия купечества в развитии дореволюционного провинциального города Ақмолинска. Определив в качестве исследовательской задачи обоснование роли купечества в развитии города, авторы приходят к выводу о том, что формирование купечества как социальной прослойки небольшого города обусловлено было развитием в регионе торговли и местной промышленности во второй половине XIX века. Приток купечества в город происходил вследствие политики центральных властей, направленной на стимулирование роста торгово-промышленного капитала в ходе хозяйственного освоения окраин империи.

Предпринимательская деятельность купечества оказала существенное влияние на формирование экономики города и структуры промышленного производства. Во второй половине XIX века в ходе реформирования местного самоуправления купечество внесло большой вклад в становление системы городского управления, активно участвуя в работе выборных и исполнительных органов управления. Социальная мобильность купечества, традиции благотворительности и меценатства оказали позитивное влияние на формирование социокультурного пространства города. Купечество сыграло заметную роль и в вопросах развития градостроительства Ақмолы.

Ключевые слова: Ақмолинск, провинциальный город, купечество, предпринимательство, торговля, городское управление, социокультурное пространство.

* Корреспондирующий автор

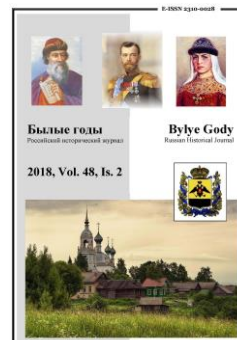
Адреса электронной почты: galypspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 699-708. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.699
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Siberian Mayors and Heads: Legal Status, Structure and their Contribution to Development of the Region (1870–1917)

Alexander B. Khramtsov ^{a,*}

^a Tyumen industrial university, Tyumen, Russian Federation

Abstract

In article social and status characteristics of the Siberian mayors (heads) and feature of their structure in comparison with the cities of the European part of the country are investigated. Legal status of the mayor was considerable and was caused by a difficult combination of the rights (powers), duties and standards of responsibility. The government in the person of governors gave a key role to assessment of a personnel of candidates, first of all their political reliability. It is established that in the large and average cities of the region in 1870-1917 to the top post is more often than others the merchants were elected. A number of merchants were repeatedly re-elected. Gold industry entrepreneurs, parokhodovladelets, millers, maslodela, grocers, rybotorgovets, etc. were heads of the cities. In towns positions of heads were held by petty bourgeois. At the beginning of the 20th century the merchants lose the dominating positions in city administration. Many wealthy heads of the cities refused a salary in favor of the city. Having powers of authority, disposing of the local budget, mayors also invested own means in development of infrastructure and improvement of the region. Thanks to a feasible contribution of "fathers of the cities", life of Siberians has considerably improved.

Keywords: mayors, heads, bodies of city self-government, city council, vowels, municipal economy.

1. Введение

По реформам 1870 и 1892 гг. особый статус в управлении местным хозяйством придавался руководителю администрации – «городскому голове». В комментариях к ст. 92 положения отмечалось: «городской голова есть главный представитель сего управления перед правительством» (*Положение, 1873: 87*). В малочисленных и безуездных городах допускалось единоличное исполнение главой города обязанностей местной управы (Березов, Каинск, Нарым, Кольвань и др.). С 1892 г. в малых городах с упрощенной формой управления был введен новый институт – «городской староста». От личных и деловых качеств градоначальника во многом зависела эффективность работы городских учреждений, характер взаимоотношений с центральным правительством, губернским управлением и жителями.

Цель данного исследования – установить социально-статусные характеристики городских голов (старост) в Сибири (1870–1917), их правовой статус, период службы, сословную принадлежность, вероисповедание, чины, звания, уровень образования, общественную и профессиональную занятость, раскрыть особенности состава глав городов, их вклад в развитие региона.

2. Материалы и методы

При подготовке данной работы основной упор сделан на архивные фонды Российского государственного исторического архива (РГИА) и региональных архивов (Новосибирской, Томской и Тюменской областей), где сохранились сведения о персоналиях глав городов Сибири. В данной работе многие архивные источники впервые вводятся в научный оборот.

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

Исследовать социальный состав городских голов (старост) позволяют формулярные (послужные) списки лиц, которые заполнялись при поступлении (переводе, награждении) на «государеву» службу, и другие источники по личному составу. Формуляры стали основной формой кадрового учета и документирования прохождения службы в имперской России. Общая форма списка от 16 июля 1849 г. практически не подвергалась изменениям до 1917 г. Сегодня списки сибирских глав городов изучены выборочно.

Послужной список состоял из XIV граф таблицы, куда вносились сведения как о прохождении службы, так и частной жизни служащего (личное дело): фамилия, имя, отчество, чин, звания, сословие, возраст, жалование, вероисповедание, наличие собственности, образование, перемены мест службы, отпуска, награждения, штрафы, нахождение под следствием и др. Служебный характер списков подтверждает высокую степень достоверности их сведений, что дает широкие возможности для изучения социальной истории страны.

При анализе формуляров как массовых источников используются разные методы, раскрывающие закономерные связи и зависимости между отдельными явлениями и процессами. Наилучший эффект дает метод контент-анализа содержания однотипных документов. К тому же такие свойства списков, как типовая структура, неизменность формы на протяжении всего периода их применения, позволяют проследить все изменения в составе руководителей городов региона по единой методике. Для выявления общего и особенного применялись методы группировки, аналогии и историко-сравнительного анализа (для сравнения с городами европейской России). Метод историко-системного анализа позволил определить общие черты, присущие руководству городов Тобольской и Томской губерний, создать целостный образ.

3. Обсуждения

Несмотря на многообразие работ, специальных исследований о составе сибирских городских голов (старост), их вкладе в развитие местного хозяйства крайне мало. Данные аспекты фрагментарно затрагивались в общих трудах по истории городов и городского самоуправления в Сибири ([Ермолаев, 2008](#)).

Монографию В.А. Нардовой, изданную в советское время, можно назвать, пожалуй, уникальной: работой с широкой источниковой базой в общероссийском масштабе, где 3-я глава представляет состав городских голов за 1870–1892 гг. ([Нардова, 1984](#)). Однако, помимо статистических выкладок, в работе отсутствуют персональные сведения о сибирских главах городов.

Сегодня интерес к роли личности в истории заметно активизировался в отдельных регионах. Из конкретных работ следует назвать обзорные статьи о градоначальниках в Западной Сибири, из анализа которых следует, что авторы рассматривают только города Томской губернии ([Лен, 2001](#); [Литягина, 2000](#)), а также статьи, посвященные одной персоне, либо всем руководителям одного города: изучается деятельность томского головы ([Король, 2009](#)) и ишимского головы ([Меньшиков, 2001](#)); анализируется состав городских голов в Новониколаевске ([Баяндин, 2007](#)) и Тюмени ([Храмцов, 2006](#)). Очевидна авторская избирательность, комплексных исследований пока нет.

В целом социально-статусный состав глав городов Сибири как высших должностных лиц, оценка их вклада в отечественной историографии представлены недостаточно. Сравнительный анализ состава сибирских голов с их коллегами из европейской России еще не проводился.

4. Результаты

Городовые положения 1870 и 1892 гг. определяли порядок избрания первых лиц органов местного самоуправления. Выборы производились путем тайного голосования из горожан, имевших право голоса на выборах, т.е. на ведущие посты полностью распространялись нормы избирательного права. После первичных выборов собрание городских представителей избирало городского голову и «заступающего его место», а в поселениях с упрощенным управлением – старосту, с одним или, в случае «признанной губернатором необходимости», двумя помощниками.

В целом, правовой статус городского головы (старосты) был внушительен: во-первых, с 1892 г. он состоял на государственной службе: в губернских городах – VI класс по чинопроизводству и VI по шитью на мундире; в прочих – VIII и VIII; городской староста – X и X соответственно ([Положение, 1912: 456](#)); во-вторых, председательствовал в Городском собрании (думе, собрании уполномоченных) и управе, а также в большинстве случаев, в сиротском суде, участвовал в большинстве думских комиссий, комитетов и присутствий. За частыми разъездами глав городов как по общественной службе, так и коммерческим делам, большая нагрузка приходилась на их заместителей, которые, по сути, становились «невъездными».

Среди полномочий городского головы (старосты) можно выделить «аппаратные» (регламент работы думы и управы), «кадровые» (подбор, расстановка, увольнение служащих), «представительские» (взаимодействие с правительством, губернским управлением, общественными объединениями, гражданами), «выборное производство» (организация проведения выборов в городское собрание) и «распорядительные» (издание нормативных актов). Глава города в целом нес ответственность за работу органов городского управления и подведомственных учреждений. Закон 1870 г. ему запрещал «входить в подряды и поставки по предметам городского хозяйства» (ст. 102).

Предоставляя главе города такие широкие полномочия, правительственная власть обстоятельно относилась к оценке выбранных кандидатов на этот пост, их политической благонадежности. Лица, избранные на эти должности в губернских городах, утверждались министром внутренних дел (гг. Тобольск и Томск; в 1894 г. к губернскому статусу приравнен г. Тюмень), в других – губернатором (ст. 83 закона). Случаи не утверждения правительством глав сибирских городов имели место: в г. Тюмени с 1873–1876 гг. должность головы занимали «временные» лица, которые либо отказывались от службы, либо не устраивали губернатора (Храмцов, 2006: 212). Фактом «административного давления» следует признать ситуацию в Томске (1910 г.), когда местная дума при избрании главы города на новый срок дважды забаллотировала прежнего главу И.М. Некрасова (1906–1914), предложенного губернатором. Последний настоял перед МВД применить ст. 119 закона 1892 г. и снова утвердить Некрасова (в обход решению думы). Гласные нашли такое назначение «без относительно личности» эпизодом «прискорбным и обидным в истории города Томска» (РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 15. Л. 25-26, 85).

Несмотря на этот конфликт, при руководстве И.М. Некрасова город открыл окружную психиатрическую лечебницу, родильный покой, венерическую больницу, акушерско-фельдшерскую школу. Был разработан и начал исполняться план перехода к всеобщему начальному обучению, открыта биржа труда и другие объекты. Он пожертвовал городу участок земли стоимостью 45 тыс. руб. и здание, где разместилась городская больница.

Обязательность процедуры утверждения городского руководства подчас приводила к застою и неразберихе в управлении. После 1892 г. участились случаи не утверждения первых лиц городов. Например, в Каинске в течение почти двух лет (1894–1896) губернатор «не мог» утвердить лиц, избранных на высшие посты (Литягина, 2000: 89-97). В Мариинске в 1895 г. выборы проводились трижды, все их губернатор признал недействительными. Лишь четвертые выборы в феврале 1896 г. он признал правильными и утвердил избранников (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2662. Л. 182-188; Д. 3307. Л. 106-107).

Любопытно, что в местных газетах можно обнаружить абсолютно разные сведения о кандидатах на должности городских голов, подчас субъективные оценки их предвыборных программ. В частности, заметка из Бийска: «Морозов намерен... устроить для города сплавной мост, завалить ров на площади, увеличить пособие при училище»; из Томска (о Цибульском): «Не потерпит кумовства, хлебосольства и самодурства»; из Каинска (о Волкове): «Силен сатана, раскопает старые грешки», «но не надо Сибирцева», т.к. «безгласен, никогда не бывал в думе» (Лен, 2001: 231); из Тобольска (о Жарникове) он «всегда стоял на высоте своего положения и делу городского благосостояния отдавался душой и телом» (СТГ, 1897: 2).

Помимо общих требований к избирателям, закон устанавливал ряд ограничений для замещения должности городского головы (старосты). Так, на нее не могли быть выбраны евреи, иудеи, лица духовного звания, представители судебного ведомства (кроме мировых судей), прокуроры и их товарищи, чиновники казначейства. Предотвратить вероятность избрания лица, не устраивавшего правительство, должен был детальный порядок его утверждения. Главе городской (уездной) полиции поручалось предоставить характеристики (отзыв) на выбранных претендентов.

Одновременно возглавляя и думу, и управу, глава города имел, по сути, неограниченную власть, что могло приводить к должностным злоупотреблениям. Жалобы на действия городских голов (старост), как и дела об их ответственности, рассматривались в МВД (для губернских центров) и губернских управлениях (для остальных городов), которые могли наложить взыскание, передать суду и отстранить их от должности (ст. 147, 149, 150 закона 1892 г.). Такие случаи в сибирских городах имели место: в Томске, Бийске, Тюкалинске, Ялуторовске, Мариинске, Каинске и др. В частности, Т.Т. Савельев (Мариинск) в июне 1884 г. попал под суд за применение фальшивых векселей и был вынужден покинуть пост. Решением Правительствующего Сената от 9 марта 1890 г. он был оправдан (Ермолаев, 2008: 623); Ялуторовская городская дума 11 августа 1886 г. обвинила главу города М.И. Ильиных в присвоении бюджетных средств и постановила отстранить его от должности (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 356. Л. 45-48).

Томский губернатор 7 января 1875 г. докладывал в Хозяйственный департамент МВД, что губернский голова Д.И. Тецков (1864–1871, 1871–1874) оказался совершенно неспособным к исполнению принятой на себя должности, отчасти по старости лет, а главное – по недостатку развития. За 4 года его руководства «городское хозяйство шло самым плачевным образом, городская касса растрочена, не производительна или, лучше сказать, разошлась по карманам разных строителей» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1436. Л. 44 об.). Его заместитель и будущий глава (Е.И. Королев) также не избежал судебного преследования. Решением томского губернского суда от 22 ноября 1888 г. он был приговорен к взысканию за нарушение правил торговли по ст. 1180 уложения о наказаниях (Король, 2009: 34). В 1912 г. в финансовых махинациях в период службы заподозрили И.Т. Савельева (Мариинск), вследствие чего он вышел в отставку, в 1915 г. умер от паралича сердца. По расследованию дела большая часть вины была возложена на его помощника (Ермолаев, 2008: 627).

В крупных и средних городах Сибири на высший пост чаще других избирались представители купеческого сословия (табл. 1, 2), что можно связать с интенсивным развитием торговли и

промышленности в регионе. Гласные из «торгового элемента», которые преобладали в думах, отдавали предпочтение кандидатам из своей среды. По подсчетам В.А. Нардовой, городские головы из купцов в Сибири составляли 72 %, в то время как в европейской части страны они не имели такого подавляющего перевеса: в столицах 90 % градоначальников были чиновниками (лица с гражданскими и военными чинами, дворяне); в Центрально-Черноземном районе соотношение было 46 % к 33 %, в Юго-Восточном районе – 33 % к 67 % (Нардова, 1984: 140-141).

Таблица 1. Сословный состав городских голов (старост) и их помощников на 1880, 1888 и 1896 гг.

Город	Купцы и почетные граждане			Мещане			Чиновники			Крестьяне		
	1880	1888	1896	1880	1888	1896	1880	1888	1896	1880	1888	1896
Тобольск	2	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Березов	1	2	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-
Ишим	2	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Курган	2	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
Сургут	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-
Тара	1	1	1	-	-	1	1	1	-	-	-	-
Туринск	-	-	-	1	1	1	1	1	1	-	-	-
Тюкалинск	2	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	1
Ялуторовск	2	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
Тюмень	1	2	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Томск	2	-	2	-	1	-	-	1	-	-	-	-
Барнаул	-	-	1	-	-	-	2	2	1	-	-	-
Бийск	2	1	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Каинск	2	1	-	-	1	1	-	-	1	-	-	-
Кольвань	2	2	1	-	-	1	-	-	1	-	-	-
Кузнецк	-	1	1	2	1	2	-	-	-	-	-	-
Мариинск	2	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	1
Нарым	2	2	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-
Всего	25	22	12	4	7	21	5	5	4	0	0	2

Составлено по: (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1399. Л. 255-264; Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3307. Л. 2-22, 97-111; ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 6-52).

Из таблицы 1 следует распределение глав городов и их помощников по сословиям: купцы – 55 %, мещане – 30 % и чиновники – 13 %. В начале XX в. купцы уступают свои позиции в городском управлении, на их место приходят мещане. Соотношение становится таким: купцы – 28 %; мещане – 61 % и чиновники – 7 % (табл. 2).

Таблица 2. Сословный состав городских голов (старост) и их помощников на 1904, 1910 и 1916 гг.

Город	Купцы и почетные граждане			Мещане			Чиновники			Крестьяне		
	1904	1910	1916	1904	1910	1916	1904	1910	1916	1904	1910	1916
Тобольск	1	2	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Березов	-	-	-	2	2	2	-	-	-	1	-	-
Ишим	1	-	-	1	1	1	-	-	-	-	1	1
Курган	1	1	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Сургут	-	-	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-
Тара	-	1	-	2	1	1	-	-	1	-	-	-
Туринск	-	-	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-
Тюкалинск	-	2	1	2	-	1	-	-	-	-	-	-
Ялуторовск	-	-	1	2	2	1	-	-	-	-	-	-
Тюмень	2	1	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-
Томск	-	1	1	1	-	-	1	1	1	-	-	-
Барнаул	1	1	-	-	-	1	1	1	1	-	-	-
Бийск	1	1	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Каинск	-	-	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-
Кольвань	1	-	-	1	2	2	-	-	-	-	-	-
Кузнецк	1	1	1	-	2	2	-	-	-	-	-	-
Мариинск	1	1	-	1	1	1	-	-	-	-	-	1
Нарым	-	-	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-

Новонико-лаевск	1	1	-	1	1	2	-	-	-	-	-	-
Всего	11	13	8	24	22	25	2	2	4	1	1	2

Составлено по: (Календарь, 1904: 8-10; ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 904. Л. 2-185; Д. 1280. Л. 2-66; Книжка, 1915: 60-62; ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 16 а. Л. 3-114; Д. 31. Л. 6-7; Д. 85. Л. 2-4).

Среди руководителей сибирских городов были золотопромышленники, пароходовладельцы, заводчики, мукомолы, маслоделы, чаеоторговцы, бакалейщики, рыбопромышленники, торговцы вином и мануфактурой, владельцы типографий, фотоателье и магазинов. Отметим двух монополистов в своих сферах: томский голова З.М. Цибульский (1879–1882), колыванский и томский купец 1-й гильдии, коммерции советник – крупнейший сибирский золотопромышленник. В 1882 г. владел 14 приисками с добычей золота в 21 пуд и прибыль до 100 тыс. руб. Пожертвовал 140 тыс. руб. на строительство Томского университета (открыт в 1888 г.). После его смерти вдова внесла 150 тыс. руб. на достройку Троицкого кафедрального собора. Другой – тобольский голова М.Д. Плотников (1880–1884), купец 1-й гильдии – крупный пароходовладелец и рыбопромышленник региона. Свое пароходство основал в 1864 г. Его дело достигло колоссальных размеров: в 1912 г. насчитывалось 12 пароходов, 1 теплоход, 25 барж, за навигацию перевозилось до 940 тыс. пудов грузов. В 1898 г. открыл фабрику для производства рыбных консервов. Капитал торгового дома Плотниковых в 1914 г. достигал 2,5 млн руб.

Причем многие главы городов владели целым рядом торговых объектов и предприятий, т.е. вели коммерческую деятельность в разных сферах. Скажем, И.Е. Щербаков (Тара, 1872–1876) владел кожевенным, салотопенным, свечным и винокурным заводами; И.П. Бокарев (Ишим, 1899–1906) торговал мануфактурой, галантереей, обувью, скотом, имел салотопенный и пивоваренный заводы; В.И. Фирстов (Тюкалинск, 1887–1892, 1907–1917) продавал одежду и мануфактуру, владел винным погребом и кирпичными заводами; Г.С. Клепиков (Сургут, 1896–1900) вел торговлю рыбой, пушниной, кожевенным товаром; К.С. Прянишников (Нарым, 1879–1882, 1886–1895) – рыбопромышленник, брал подряды на заготовку пароходных дров, торговал мукой, пушниной и кедровым орехом; В.Е. Хромов (Колывань, 1876–1884) торговал мукой, имел ренсковый погреб и питьевое заведение, поставлял хлеб в казенные магазины, занимался разработкой золотых приисков; И.П. Ерофеев (Каинск, 1876–1880) – золотопромышленник, также продавал чай, сахар, владел паровой мельницей, винокурным, пивоваренным, кожевенным заводами и молочным хозяйством; М.С. Сычев (Бийск, 1895–1903) торговал мануфактурой, галантереей, табаком, скобяным товаром и спиртом.

Все они по своим возможностям занимались благотворительностью, создавали объекты местной инфраструктуры. Последний построил здание для церковно-приходской школы; Р.С. Волков (Каинск, 1888–1894) выстроил для города сплавной мост и ночлежный дом для бедных; Д.Н. Сухов (Барнаул, 1881–1885), купец 1-й гильдии, считался крупнейшим предпринимателем города. Его сын, В.Д. Сухов (1894–1898), также избирался главой города. Последний пожертвовал 5 тыс. руб. на развитие начального образования в городе, а в неурожайный 1902 г. выделил городу 3 тыс. руб. на закупку зерна (в Челябинске было закуплено 25 тыс. пудов зерна). Суховы владели кирпичным, кожевенным, свечным заводами и электростанцией. Обороты их предприятий в 1892 г. составляли 217 тыс. руб. (что в 4 раза больше бюджета города), а недвижимость в Барнауле оценивалась в 51 тыс. руб. Суховы были заинтересованы в развитии городской инфраструктуры, в частности построили несколько новых магазинов в Барнауле, Бийске и Камне.

Городские головы (прежде всего из купечества) много внимания уделяли развитию социально-экономической жизни не только своего города, но и всего региона. В селах устраивали ярмарки, торжки и праздники, открывали школы и лечебницы. Например, среди тюменских градоначальников были такие купцы, как П.И. Подаруев (1870–1873, 1877–1885), А.К. Глазунов (1874), А.И. Иевлев (1875), П.И. Матягин (1885–1889) и А.И. Текутьев (1899–1909). Так, П.И. Подаруев в родном с. Перевалово более 25 лет служил церковным старостой, построил здание Алексеевского церковно-приходского училища и часовню. В Тюмени инициировал открытие ипподрома (1871), на свои средства содержал городскую богадельню, при его участии открылось Александровское реальное училище (1879). А.И. Текутьев в своем завещании оставил городу солидную сумму и недвижимость, в том числе здание театра, 35 тыс. руб. на постройку моста через реку, 25 тыс. руб. на достройку хирургического корпуса городской больницы (ГАТюМО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 12; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 734. Л. 3-33).

Причем ряд купцов неоднократно переизбирался, что свидетельствует о признании гласными дум их заслуг в организации общественной жизни и развитии местного хозяйства. Рекордсменами по перевыборам стали С.М. Трусов (Тобольск, срок службы: 1885–1892, 1902–1916); Ф.В. Шветов (Курган, 1897–1917); О.А. Еманаков (Ишим, 1877–1899); В.И. Фирстов (Тюкалинск, заместитель в 1879–1887, голова в 1887–1892, 1907–1917); С.Г. Попов (Кузнецк, 1885–1895, 1899–1911). Уникальный факт – г. Мариинск, где купеческая семья золотопромышленников Савельевых на долгие годы «захватила»

(с малыми паузами) кресло градоначальника: отец Трифон Тимофеевич (1875–1884) и его сыновья – Иван (1889–1896) и Иосиф (1904–1912).

В истории региона оставили след «династии» городских голов (старост) по мужской линии (отец и сыновья, родные братья): тобольские – Жарниковы; тюменские – Подаруевы; тарские – Щербаковы; курганские – Шветовы; березовские – Добровольские; сургутские – Кайдаловы и Кондаковы; мариинские – Савельевы, каинские – Ерофеевы. Другая ситуация сложилась в городах европейской части страны, где местная власть регулярно обновлялась, на высший пост могло быть несоотношение по сути равноценных претендентов, а победа того или иного кандидата уже зависела от соотношения сил между коалициями гласных в думе. Скажем, в Саратове и Симбирске «случаев повторного замещения этой должности не было» (Арапова, 2016: 154).

Считается, что в руководстве сибирских городов состояли исключительно самые богатые люди региона. Архивные документы свидетельствуют о другом. Скажем, в 1870–1892 гг. действовала трехразрядная избирательная система, т.е. избиратели делились на III разряда по сумме уплачиваемых налогов в бюджет города: с оценочного сбора и торговых документов. Так, в 1886–1888 гг. I разряд избирателей составлял 29 % городских голов, а их большинство входило во II (44 %), остальные в – III разряд; 55 % имели смешанный ценз и почти все обладали личным избирательным правом (99,9 %). А в городах европейской части соотношение иное: в I разряд входили 60 %, во II разряд – 30 % и III разряд – лишь 10% городских голов (Нардова, 1984: 150).

Конечно, среди глав крупных городов выделялась состоятельная верхушка, но в целом это были люди среднего достатка. При этом разряды глав городов и суммы сборов с них заметно отличались: К.В. Добровольский (Березов, 1888–1889, 1895–1899) принадлежал к I разряду избирателей, вносил сбор 5 руб.; А.Ф. Морозов (Бийск, 1881–1889) также I разряд, но платил – 70 руб. 75 коп.; К.С. Прянишников (Нарым, 1879–1882, 1886–1895) – I разряд, 8 руб. 30 коп.; Е.И. Королев (Томск, 1875–1879, 1887–1890) – II разряд, взнос 1227 руб. 50 коп.; А.П. Ерофеев (Каинск, 1881–1888) – II разряд, 36 руб. 75 коп.; А.А. Черкасов (Барнаул, 1885–1890) – II разряд, 10 руб.; И.А. Рудаков (Туринск, 1876–1888) – III разряд, сбор 2 руб. 25 коп.; А.А. Мальцев (Тюмень, 1889–1898) – III разряд, 3 руб. 50 коп. (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1399. Л. 255-264).

Конкуренцию купцам могли составлять чиновники, как в европейской России, но в Сибири их численность была не высока. Позиции чиновников были сильны лишь в губернских городах и Барнауле (центр горного округа). Так, первым барнаульским головой стал статский советник, дворянин Н.А. Давидович-Нащинский (1877–1881). При его участии в городе открылась первая приходская мужская школа (1877), женская прогимназия (1877), горное училище с 6-летним сроком обучения (1880). Для училища глава города на свои средства приобрел здание. Также он известен и как предприниматель: владел конным заводом, золотым прииском, вел добычу соли.

В малых поселениях с небольшой купеческой прослойкой старостами и их помощниками были мещане: Березов, Сургут, Нарым, Туринск, Кузнецк и др. И в целом, к концу XIX в. число мещан в городском руководстве заметно возросло: в 1896 г. в 5 раз по сравнению с 1880 г. (табл. 1).

Довольно редким являлся факт избрания на высший пост крестьян, например: Д.А. Гаврилов (Мариинск, 1896–1904, 1912–1916), из крестьян, был отставным фельдфебелем (воинский чин); С.И. Двойников (Ишим, 1907–1917) и Н.С. Попов (Тюкалинск, 1895–1898). На заре становления местного самоуправления в г. Новониколаевске около двух лет старостой был крестьянин З.Г. Крюков (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 5. Л. 168-169).

По большому счету, сословная принадлежность городских голов (старост) ничего не означала. Дворяне, мещане и крестьяне, наряду с купцами, могли заниматься торговлей, извозом, содержать трактиры и постоянные дворы, не покидая своего сословия. Вопрос был в небольших оборотах их предприятий (они вели «малый бизнес»), а также в желании направлять свои средства на благотворительность. Скажем, ишимский голова С.И. Двойников (крестьянин, имел собственную типографию!) направлял свое усилие на развитие народного образования в городе: в 1910 г. открылась мужская гимназия, в 1915 г. – женское высшее начальное училище (Меньшиков, 2001: 174-177).

Все сибирские городские головы (старосты) были русскими и православными. Что касается уровня образованности, то он был ниже среднего, преобладало так называемое «домашнее образование», лишь единицы имели высшее: Н.А. Давидович-Нащинский (Барнаул, 1877–1881, Петербургский горный институт, инженер); П.В. Орнатский (Барнаул, 1903–1907, Казанский учительский институт); Н.И. Никольский (Тюмень, 1911–1916, Казанский университет, врач). Иная ситуация отмечалась в городах центральной части страны: главами городов Поволжья (Самара, Саратов, Симбирск) становились лица с высшим педагогическим, юридическим образованием и степенью кандидата правоведа (Арапова, 2016: 155).

На выборах в Новониколаевске победу одержал купец В.И. Жернаков (1909–1914), выпускник юридического факультета Петербургского университета. Особое внимание он уделял развитию образования и благоустройству города. В период его службы открылось более десятка новых, хорошо оборудованных школьных зданий, выполнялась застройка центра города каменными домами, был возведен городской торговый корпус, который и сегодня украшает центральную часть Новосибирска (Баяндин, 2007: 216).

Средний возраст градоначальника составил 45–50 лет. Хотя исключения также были, скажем, М.И. Ильиных (Ялуторовск) стал главой города в 28 лет, О.А. Еманаков (Ишим), Н.Н. Машинский (Тара) и В.В. Жарников (Тобольск) – в 30 лет. С другой стороны, К.С. Прянишников (Нарым) и А.И. Текутьев (Тюмень) оставили службу в 70 лет; И.А. Рудаков (Туринск) – в 71 год, И.Е. Щербаков (Тара) – в 72 года, И.С. Кокушкин (Каинск) – в 73 года, а Д.А. Гаврилов (Мариинск) и М.С. Сычев (Бийск) – в 76 лет.

Эффективность административно-хозяйственной деятельности главы города зависела от различных факторов, в том числе его профессионализма, деловых качеств и авторитета. Скажем, чиновники зачастую проигрывали купцам в хозяйственной смекалке, дальновидности, бережливости и здравом расчете, чем можно и объяснить побудительные мотивы гласных дум при избрании купцов на высший пост. Ряд городских голов из чиновников также оставил след в истории региона. Например, барнаульский голова А.А. Лесневский (1913–1916), дворянин, межевой инженер. Он сосредоточился на развитии культурной жизни города, создал Общество любителей драматического искусства, являлся режиссером любительских спектаклей, сборы от которых перечислялись на нужды бедных студентов.

Отметим также тюменского голову П.И. Никольского (1911–1916), он же почетный гражданин, статский советник, врач. При его участии на средства города открылось несколько бесплатных столовых для бедняков, построено городское начальное училище, улучшилось медицинское обслуживание. На его долю выпало руководить городом в условиях Первой мировой войны. Ему удалось завершить сооружение городского водопровода (1915). Город получил не только воду, но и надежное средство для тушения частых пожаров. В годы войны были отведены помещения для расквартирования войск, открыт госпиталь, заводы переведены на военный режим, организовано снабжение жителей товарами первой необходимости. После прихода советской власти он продолжил служить тюменцам – с 1919 по 1922 гг. (до своей кончины) возглавлял первую городскую больницу (ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 730. Л. 1-19).

В некоторых городах высший пост успешно занимали вышедшие на пенсию чиновники. Скажем, Д.К. Фальков (Колывань, 1895–1899), надворный советник, состоял на «государевой» службе с 1854–1886 гг.; И.А. Рудаков (Туринск, 1876–1888), статский советник Тобольского губернского управления, помимо жалования главы города в 800 руб., получал пенсию от казны в размере 420 руб. Барнаульский голова А.А. Черкасов (1885–1890) за службу в Нерчинском и Алтайском горных округах был удостоен пенсии в 1200 руб.

Единообразия в размерах жалования городских голов (старост) и их заместителей (помощников) не наблюдалось. Содержание первым лицам определяла местная дума, оклад зависел от статуса города и его возможностей. В 1893–1895 гг. оклад в 2000–2400 руб. в год (в 1915 г. сумма достигла 5 тыс. руб.) назначался в крупных центрах: Томске, Тюмени, Тобольске, Кургане, Новониколаевске; в средних – 1000–1500 руб. и малых городах – 500–600 руб. (табл. 3). С другой стороны, в Березове, Сургуте и Нарыме в силу скудности их бюджетов жалование первым лицам вовсе не назначалось.

Таблица 3. Жалование глав сибирских городов и их помощников. 1893–1895 гг.

Должность	Тобольск	Тюмень	Курган	Ишим	Тара	Ялуторовск	Томск	Барнаул	Бийск	Каинск	Кузнецк	Колывань
городской голова (староста)	2000	2400	1800	1000	600	600	2400	1200	1200	1000	600	600
помощник головы (старосты)	800	800	600	500	300	500	1500	600	600	480	300	300

Составлено по: (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 6-52; ТГВ, 1893:15; 17; 20-21; 45-51).

Многие состоятельные главы городов отказывались от жалования в пользу города. Обладая экономической силой, властными полномочиями, распоряжаясь бюджетными средствами, городские головы также вкладывали свои деньги в развитие инфраструктуры и благоустройство городов региона, например: П.И. Подаруев и А.И. Текутьев (оба – Тюмень); З.М. Цибульский (Томск); Н.А. Давидович-Нащинский и Д.Н. Сухов (оба – Барнаул). Такими благородными жестами они оказывали ощутимую помощь местному хозяйству. В частности, И.Т. Савельев (Мариинск) оставил завещание городу, которым определил в пользу Мариинского Никольского собора – 5000 руб.; мужской гимназии – 5000 руб. и др.; С.Е. Попов (Кузнецк) жалование за 8 лет службы (4800 руб.) передал для принятия санитарных мер по городу; В.Д. Сухов – на постройку новой больницы;

А.А. Сыромятников (Тобольск, 1872–1876), также отказавшийся от жалования по должности, в 1870 г. на свои средства загрузил в с. Самарово и отправил в Тобольск две баржи с камнем для мощения городских улиц, выстроил ремесленную школу и содержал ее до своей смерти в 1883 г.

Правовой статус городского старосты закон 1892 г. «урезал» в части полномочий, а обязанности и ответственность, по сути, остались те же. Старосты и их помощники исполняли функции коллегиальной управы крупного или среднего города, вели текущие дела, принимали распоряжения, на них возлагалось ведение дел по мещанскому управлению (такие управы здесь упразднились), составляли особые списки евреев в тех поселениях, где им позволялось постоянно проживать ([Положение, 1912: 452](#)). Как видно, на первых лиц в малых городах нагрузка была внушительной. Найти людей опытных и свободных, которые согласились бы взять на себя обязанности старосты, было трудно. На выборах городского руководства возникала проблема дефицита кандидатов или безальтернативного выбора, что приводило к «текучке» кадров: многие лица отказывались от этой службы, скажем, в Ялуторовске, Сургуте и Туринске высшие посты в городском управлении регулярно оставались вакантными ([Книжка, 1913: 7-8](#)).

В 1911–1915 гг. пяти поселкам Томской губернии был присвоен городской статус (Боготол, Тайга, Татарск, Славгород и Камень) с введением упрощенной формы управления. В этой связи особый интерес вызывает вопрос о личностях первых старост, которым с нуля пришлось развивать местное хозяйство, вести земельное устройство, открывать школы, библиотеки и больницы. Например, первым таежным старостой был избран П.В. Абросимов (1912–1916), из крестьян, он не был богачом, его недвижимость оценивалась всего в 350 руб. Городское собрание назначило ему жалование 600 руб. в год ([ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 110. Л. 152, 156](#)). Отмечали его активность, гражданскую зрелость и мужество в решении местных проблем. Последним таежным старостой стал Ф.Н. Агапитов (1916–1917), 53 года, крестьянин Вятской губернии, по профессии плотник; его помощником – Г.Т. Смирных (1916–1917), 58 лет, барнаульский мещанин, пимокат, имел хлебопекарню. Губернатор, признав их «политически благонадежными», утвердил в должностях ([ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 241. Л. 113-117](#)).

За плодотворную службу городские головы (старосты) вознаграждались медалями, орденами и другими знаками отличия. Ряд сибирских голов был «титулован» разными наградами и званиями. Чаще всего им вручались медали с надписью «За усердие», присваивались звания «Почетный мировой судья» и «Почетный гражданин». В частности, за пользу местному обществу тюменский голова П.И. Подаруев был награжден двумя золотыми медалями, знаком Красного Креста, 5 орденами и императорским бриллиантовым перстнем с вензелем ([ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 719 е. Л. 3-36 а](#)); томский голова Е.И. Королев (1875–1879, 1887–1890), построивший на свои средства несколько церквей, каменное здание театра (1885), отрывший детский приют для мальчиков и богадельню, был удостоен звания «Почетный гражданин г. Томска» (1882), возведен в потомственное гражданство (1883), награжден орденами святой Анны III и II степеней, святого Станислава II степени, святого Владимира IV и III степеней и знаком Красного Креста ([ГАТомО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1429. Л. 1-9; Ф. 233. Оп. 2. Д. 59. Л. 1-27](#)).

Приведенные факты пожертвований свидетельствуют о том, что сибирские главы городов проявили деятельное участие в развитии социально-экономической жизни региона, в создании инфраструктурных объектов. Хотя далеко не все они были профессионалами, дальновидными, креативными и высококультурными людьми с широкими взглядами, на что, в частности, указывает их невысокий образовательный ценз. Управлению городом не обучали. Административно-хозяйственную работу «отцы городов» вели в соответствии с собственным пониманием текущих задач и перспектив развития местного хозяйства, стараясь оставить о себе добрую память.

5. Заключение

Правовой статус городского головы (старосты) – сложная комбинация прав (полномочий), обязанностей и норм ответственности, установленных положениями 1870 г. и 1892 гг. Социальный состав руководства сибирских городов представлял собой достаточно замкнутый круг лиц. Отдельным главам удавалось «узурпировать» власть на долгие годы. В крупных и средних городах на ведущие посты «выбирались» и «утверждались» прежде всего купцы, а в малых – мещане. Дворян, чиновников и крестьян в числе первых лиц было крайне мало. Ряд градоначальников – крупная бизнес-элита региона, для которых широкая благотворительность стала обязательной частью общественной службы, что отличало их от глав городов центральной России. В начале XX в. купечество начинает утрачивать господствующее положение в городском руководстве, его постепенно вытесняет мещанство. Благодаря процессам урбанизации и индустриализации и посильному вкладу глав городов, жизнь сибирского населения заметно улучшилась.

Литература

[Арапова, 2016](#) – Арапова Ю.В. Социальный портрет городского головы губернских городов Поволжья в конце XIX – начале XX в. // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовия*. 2016. № 4 (40). С. 150-157.

- Баяндин, 2007** – Баяндин В.И. Городские головы Новониколаевска (1909–1919 гг.) // *Личность в истории Сибири XVIII–XX вв. Сб. биограф. очерков.* Новосибирск, 2007. С. 216–225.
- ГА в г. Тобольске** – Государственный архив в городе Тобольске.
- ГАНО** – Государственный архив Новосибирской области.
- ГАТомО** – Государственный архив Томской области.
- ГАТюмО** – Государственный архив Тюменской области.
- Ермолаев, 2008** – Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. 743 с.
- Календарь, 1904** – Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 г. Тобольск, 1904.
- Книжка, 1913** – Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 г. Тобольск, 1913.
- Книжка, 1915** – Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск, 1915.
- Король, 2009** – Король Ж.В. Королев Евграф Иванович на муниципальной службе г. Томска (вторая половина XIX в.) // *История Сибири в биографиях: Сборник научных трудов.* Сургут, 2009. С. 32–43.
- Лен, 2001** – Лен К.В. Городские головы Западной Сибири (70–90-е гг. XIX в.) // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири: Сборник научных статей.* Вып. 3. Барнаул, 2001. С. 228–237.
- Литягина, 2000** – Литягина А. Городской голова, с особыми познаниями и подготовкой // *Муниципальная служба.* 2000. № 4. С. 89–97.
- Меньшиков, 2001** – Меньшиков В.Н. Владелец типографии и городской голова С.И. Двойников: вклад в развитие культуры и образования в Ишиме (1862–1917) // *Городская культура Сибири: динамика культурно-исторических процессов.* Омск, 2001. С. 174–177.
- Нардова, 1984** – Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984. 255 с.
- Положение, 1873** – Городовое положение с объяснениями. Изд. 2-е. СПб., 1873. 243 с.
- Положение, 1912** – Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнениями. СПб., 1912. 996 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- СТГ, 1897** – Сибирская торговая газета. 1897. 24 июля.
- ТГВ, 1893** – Томские губернские ведомости. 1893. № 15; № 17; № 20–21; № 45–51.
- Храмцов, 2006** – Храмцов А.Б. Городские головы Тюмени последней трети XIX – начала XX в.: особенности выборов, правового статуса и социального состава (обзор источников) // *Вестник Тюменского государственного университета.* 2006. № 2. С. 209–218.

References

- Arapova, 2016** – Arapova Yu.V. (2016). Sotsial'nyi portret gorodskogo golovy gubernskikh gorodov Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX v. [Social portrait of the mayor of the provincial cities of the Volga region at the end of XIX – the beginning of the 20th century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve respubliki Mordoviya.* № 4 (40). pp. 150–157 [in Russian]
- Bayandin, 2007** – Bayandin V.I. (2007). Gorodskie golovy Novonikolaevska (1909–1919 gg.) [Mayors of Novonikolaevsk (1909–1919)]. *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vv. Sb. biogr. ocherkov.* Novosibirsk. pp. 216–225. [in Russian]
- GA v g. Tobol'ske** – Gosudarstvennyi arkhiv v gorode Tobol'ske [The state archive in the city of Tobolsk]
- GAНО** – Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti [State archive of the Novosibirsk region]
- GAТомО** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region]
- GAТюмО** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [State archive of the Tyumen region]
- Ermolaev, 2008** – Ermolaev A.N. (2008). Uezdnyi Mariinsk. 1856–1917 gg. [District Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo. 743 p. [in Russian]
- Kalendar', 1904** – Adres-kalendar' Tobol'skoi gubernii na 1904 g. [The address calendar of the Tobolsk province for 1904]. Tobol'sk, 1904 [in Russian]
- Knizhka, 1913** – Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1913 g. Tobol'sk, 1913 [in Russian]
- Knizhka, 1915** – Pamyatnaya knizhka Tomskoi gubernii na 1915 g. Tomsk, 1915 [in Russian]
- Korol', 2009** – Korol' Zh.V. (2009). Korolev Evgraf Ivanovich na munitsipal'noi sluzhbe g. Tomska (vtoraya polovina XIX v.) [Korolev Evgraf Ivanovich on municipal service of Tomsk (the second half of the 19th century)] / *Istoriya Sibiri v biografiiakh: Sbornik nauchnykh trudov.* Surgut. pp. 32–43 [in Russian].
- Len, 2001** – Len K.V. (2001). Gorodskie golovy Zapadnoi Sibiri (70–90-e gg. XIX v.) [Mayors of Western Siberia (the 70–90th of the 19th century)]. *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri: Sbornik nauchnykh statei.* Вып. 3. Barnaul. pp. 228–237 [in Russian]
- Lityagina, 2000** – Lityagina A. (2000). Gorodskoi golova, s osobymi poznaniyami i podgotovkoi [The mayor, with special knowledge and preparation]. *Munitsipal'naya sluzhba.* № 4. pp. 89–97 [in Russian]
- Men'shikov, 2001** – Men'shikov V.N. (2001). Vladel'ts tipografii i gorodskoi golova S.I. Dvoynikov: vklad v razvitie kul'tury i obrazovaniya v Ishime (1862–1917) [Owner of printing house and mayor S.I. Dvoynikov: a contribution to cultural development and education in Ishim (1862–1917)] / *Gorodskaya kul'tura Sibiri: dinamika kul'turno-istoricheskikh protsessov.* Омск. pp. 174–177 [in Russian]

Nardova, 1984 – *Nardova V.A.* (1984). Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh – nachale 90-kh gg. XIX v. Pravitel'stvennaya politika [City self-government in Russia in the 60th – the beginning of the 90th of the 19th century. Government policy]. L. 255 p. [in Russian]

Polozhenie, 1873 – Gorodovoe polozhenie s ob"yasneniyami [Gorodovy situation with explanations]. Izd. 2-e. SPb., 1873. 243 p. [in Russian]

Polozhenie, 1912 – Gorodovoe polozhenie s zakonodatel'nymi motivami, raz"yasneniyami i dopolneniyami [Gorodovy situation with legislative motives, explanations and additions]. SPb., 1912. 996 p. [in Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]

STG, 1897 – Sibirskaya torgovaya gazeta. 1897. 24 iyulya.

TGV, 1893 – Tomskie gubernskie vedomosti. 1893. № 15; № 17; № 20-21; № 45-51.

Khramtsov, 2006 – *Khramtsov A.B.* (2006). Gorodskie golovy Tyumeni poslednei treti XIX – nachala XX v.: osobennosti vyborov, pravovogo statusa i sotsial'nogo sostava (obzor istochnikov) [Mayors of Tyumen of the last third of XIX – the beginning of the 20-th century: features of elections, legal status and social composition (review of sources)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 2. pp. 209-218 [in Russian].

Сибирские городские головы и старосты: правовой статус, состав и их вклад в развитие региона (1870–1917 гг.)

Александр Борисович Храмов ^{a, *}

^a Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследованы социально-статусные характеристики сибирских городских голов (старост) и особенности их состава в сравнении с городами европейской части страны. Правовой статус главы города был значителен и обуславливался сложной комбинацией прав (полномочий), обязанностей и норм ответственности. Правительство в лице губернаторов ключевую роль придавало оценке персоналий кандидатов, в первую очередь их политической благонадежности. Установлено, что в крупных и средних городах региона в 1870–1917 гг. на высший пост чаще других избиралось купечество. Ряд купцов неоднократно переизбирался. Главами городов были золотопромышленники, пароходовладельцы, мукомолы, маслоделы, бакалейщики, рыботорговцы и др. В небольших городах должности старост занимали мещане. В начале XX в. купечество утрачивает доминирующие позиции в городском руководстве. Многие состоятельные главы городов отказывались от жалования в пользу города. Обладая властными полномочиями, распоряжаясь местным бюджетом, городские головы также инвестировали собственные средства в развитие инфраструктуры и благоустройство региона. Благодаря посильному вкладу «отцов городов», жизнь сибиряков заметно улучшилась.

Ключевые слова: городские головы, городские старосты, органы городского самоуправления, городская дума, гласные, городское хозяйство.

* Корреспондирующий автор

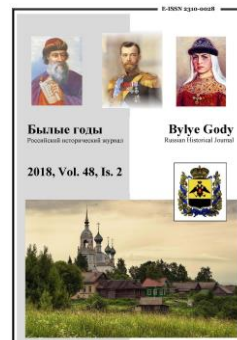
Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 709-718. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.709
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Changes in Cultural Strategy and Cultural Policies in Slovakia in the 20th Century and at the Beginning of the 21st Century: Museums and Other Memorial Institutions in a Socio-Political Context

Pavol Tišliar ^a, Jan Dolák ^b, Luboš Kačírek ^{b, *}

^a Masaryk University, Brno, Czech Republic

^b Comenius university in Bratislava, Slovakia

Abstract

This paper deals with cultural strategy and cultural policies in Slovakia in the 20th century and changes in these areas after the socio-political transformations in the 1990s. It describes cultural strategy and policies through different important stages – the period preceding the establishment of Czechoslovakia in 1918, the interwar period, the Slovak Republic (1939–1945), a brief period after the Second World War (1945–1948), the communist regime before “normalization” (the 1950s and 1960s), the communist regime during “normalization” right up to the fall of the Iron Curtain (1970–1989), and the transformative period from 1990 to the present day. This paper is focused on perceptions of museums and memorial institutions by the public. It explains the ways in which public policy affected museums, and how museums and museum associations could influence international, regional, and national policies concerning cultural institutions. This paper seeks to present the laws regarding museums that have formed the legal framework of institutionalization and the existence of museums and memorial institutions and that have established the basic rules for public authorities that manage museums and associated financial matters in Slovakia.

Keywords: Museum; memorial institutions; museology; heritage; Slovakia; history; cultural policies.

1. Introduction

Cultural policy is a set of goal-oriented measures creating the conditions for the further development and direction of culture. As a relatively young nation-state and a member of the European Union, Slovakia forms its cultural policy in line with European legislation. However, there are certain specifics in cultural strategies in Slovakia which from many perspectives are related to the historical development of culture as a central European phenomenon, and this is not an isolated matter. This is the result of the social development from which it emerged and which it reciprocally influences. Culture and the cultural environment engulf Slovak society; they have a significant impact on social regulations, the upbringing of new generations, successive consumers of culture, and disseminators and creators of cultural heritage. The social and political understanding of culture is an expression of the identity and uniqueness of the society within which it develops and is a demonstration of that society’s level of advancement. Therefore, there is an interest for any society to develop culture as well as an interest in its protection and the creation of conditions for its dissemination and (self-) presentation.

The foundations of cultural policy in Slovakia define culture as a complex collective unit including knowledge, belief, art, the law, morals, habits, and all other abilities and customs which society has acquired in the past. The basic processes of creation, conservation, and dissemination of cultural values are constituted in the preservation of cultural heritage, support for the arts, and the preservation and development of the media environment. These are the long-term aims and strategies of cultural policy in

* Corresponding author

E-mail addresses: tisliar@phil.muni.cz (P. Tišliar), jan.dolak@uniba.sk (J. Dolák), lubos.kacirek@uniba.sk (L. Kačírek)

Slovakia, which are specifically complemented by the support and preservation of the cultures of ethnic minorities in the country. When looking at the declared core principles of cultural policy in Slovakia, it is necessary to firstly mention the freedom of dissemination of cultural values; the freedom of expression, equality, and democracy; efforts to support training and education in the cultural and arts professions; and support for the development of cooperation between the public, non-profit, and private sectors in cultural areas ([Legislatívna, 2005: 4-7](#)).

2. Materials and methods

The core of the study comes out from the scientific literature, that deals with the partial problems of the cultural policy in Slovakia within 19 and 20 centuries. The solving of the research tasks was carried out by generally used methods, as the historical comparative method and the principle of historicism. Syntheses and analyses have an important position. We emphasize interpretation and overview single phenomena. In this environment, what place in Slovak cultural policy is there for memorial institutions, i.e., museums, galleries, libraries, and archives? Has their status and role in society changed over the last 100 years? How has the relationship between society (i.e., the public) and memorial cultural institutions developed in Slovakia? This paper will try to answer these questions.

3. Discussion and results

3.1 The character of Slovak museums and memorial institutions in the 19th century and at the turn of the 20th century

Until the end of the First World War, the territory of today's Slovakia was a part of the Kingdom of Hungary within the Austro-Hungarian Empire. There was a sense in Slovakia of belonging to the conglomeration of ethnicities which were suppressed in this Habsburg monarchy by the German and Hungarian linguistic and cultural environments, and this influenced the formation and direction of cultural policy in Slovakia for a considerable period.

In the Kingdom of Hungary, the beginnings of institutionalized museum management stretch back to 1802, when a group of leaders of the Hungarian reform movement centred around Ferenc Széchenyi established the National Museum in Budapest ([Waidacher, 1999: 64](#)). This museum was supposed to document the natural environment and the history of the Kingdom of Hungary. However, from the very beginning the museum had an exclusive focus on the documentation of the Hungarian-speaking population with the role of presenting the kingdom as a Hungarian nation-state.

Even though the idea of establishing a museum as an institution which would document the national development and status of the Slovak people was expressed for the first time at the end of the 18th century, such attempts were practically unsuccessful in Slovakia until the second half of the 19th century. Institutionalized museum management in Slovakia was formed on state, regional, and national levels ([Mruškovič et al., 2005: 32-39](#); [Zouhar, 2016](#)).

After the Austro-Hungarian Compromise of 1867 and the attempts of the Hungarian government to transform the Kingdom of Hungary into a Hungarian nation-state, there was a strengthening of efforts to develop these endeavours through cultural institutions. The Hungarian government supported the establishment of state museums as a tool to strengthen the identification of the population with the Kingdom of Hungary and Hungarian ethnic consciousness. In 1872 the Museum of Upper Hungary in Košice was established; its modern-day successor is the East Slovak Museum. The most numerous types of museums at this time were those focusing on cities and towns (e.g., Bratislava, Banská Bystrica, Kremnica, and Trnava) which documented the history of Slovakia's important royal free cities (see e.g. [Florek, Jurkovič, 1945](#)). Many museums were founded in regional administrative centres (i.e., counties) and documented the history and nature of the given region (e.g., the Gemer-Malohont Museum in Rimavská Sobota and the Spiš Museum in Levoča).

In the Kingdom of Hungary, Magyarization took on a conspicuous form particularly after the issuing of the Nationalities Law (1868); this process peaked at the beginning of the 20th century with the "Apponyi laws" (1907), which gave preference to Hungarian as the language of tuition at schools. In the cultural sphere, the Nationalities Law encouraged the formation of cultural institutions and directly supported them in the spreading of state Hungarian (i.e., "Greater Hungarian") culture ([Kačírek, 2011: 295-302](#)).

In the Slovak national movement, collection activity particularly focused on folk culture, intangible cultural heritage (legends, myths, fairy tales, lyrical and epic texts, and songs) and the collection of original arts and crafts. These collections were primarily built up by means of gifts and collection efforts in rural areas. The briefly-open Matica Museum and its collections, which were developed from 1863, when the Matica slovenská cultural institution in Martin was established, were halted by the state supervisory body in 1875. The museum's collections that were deemed to be "pan-Slavic" – here understood as promoting Slavic culture above Hungarian or "Greater Hungarian" culture – were confiscated. Further development in collection activity in the Slovak national movement took place at the end of the 1880s and early 1890s, and led to the establishment of the Slovak Museum Society in 1893 and particularly to the establishment of today's Slovak National Museum, which is based in Martin. As the Nationalities Law did not recognize the Slovak people as a separate national entity, but rather as a part of the Hungarian nation, this museum was a

regional museum focusing on the natural environment and the population of the Upper Hungary region (Maráky, 2012: 6-7; Podušelová, 2013).

In the Kingdom of Hungary, supervision of the activity of museums and libraries, which were mainly placed in university settings, was entrusted to a special inspector of museums and libraries. For archives, which came into being due to administrative work in the public sector and in self-governing regions, the role of methodological body was assumed by the National Archives of Hungary in Budapest (*Magyar országos levéltár*, established in 1723, now known in Hungarian as *Magyar nemzeti levéltár*). If an institution was working in the state interest, it could make a request for a subsidy to support its development and activities (Tišliar, 2013: 43-44).

By the end of the 19th century, many museums had been opened in Slovakia and primarily had a focus on national geography and history as well as on the regions where they were located. In addition to the museum in Košice, the county museums in Bardejov and Nitra became state institutions and were able to develop their activities to the greatest extent (Mruškovič et al., 2005: 63). By contrast, association museums, which were numerically dominant in Slovakia at the time, were reliant on uncertain subsidies and primarily on members' contributions. Therefore, they acted more like protected depositories and had a significantly lower level of activity and public access. Many scratched out a living from their very beginnings and had next to no contact with the public. The public started to recognize the first museums in Slovakia only in terms of active exhibition activity, which was mainly achieved by state and certain regional museums, which appealed to the inhabitants of the larger towns where they were located as well as to the surrounding area. The gradually developing activity of museums and other cultural institutions at the beginning of the 20th century was negatively affected by the First World War, which entirely suppressed their activity until the end of the conflict.

3.2 Slovak museums and memorial institutions in the interwar period

From a number of perspectives, the establishment of Czechoslovakia, which saw a number of separate parts of the former Austro-Hungarian Empire join together, saw a different situation emerge with respect to memorial institutions. Initially, there was a focus on building the core foundations of a functioning polity in the new state, and culture was not seen as an area of great importance. However, one important cultural agenda which did make its way to the highest level of national politics in the first days of the new republic was the protection of cultural heritage and ensuring that such material remained within Czechoslovak borders. Despite all efforts, this drive was not entirely successful. Some museums in Slovakia saw significant parts of their collections taken to Hungary, and not even the peace negotiations, which included a discussion on the division of the cultural heritage of the old monarchy, were able to meet their aims in this regard. Indeed, many artefacts and documents from Slovakia which relate to its history still remain in Hungarian memorial institutions (See e.g. Ciulisová, 1996; Orosová, 2013; Tišliar, 2013).

After the stabilization of internal conditions, a state cultural policy began to be formed. While this policy focused on a number of areas, for the present work it is important to note that in part the policy dealt with memorial institutions. The establishment of Czechoslovakia saw the end of Magyarization and the commencement of the free development of language and culture as a part of the Slovak people's own identity. However, the character of the new state, which included a significant share of ethnic minorities, was oriented towards the formation of an artificial "Czechoslovak" nation. This idea of "Czechoslovakism" established itself relatively quickly, even though it had many opponents, especially in Slovakia; it manifested itself, for instance, in the search for common themes between Czech and Slovaks, particularly concerning their common history and cultural intertwining. This understanding of a joint "Czechoslovak culture" also started to be reflected in the activity of memorial institutions. This is how the establishment of Czechoslovakia contributed to a new phase of forming Slovak museum management. Those museums which had been established on an association basis continued to function with varying levels of activity. The development of Slovak museum management in the ethnic understanding was hit by a duality which arose from the political situation; the struggle between the Czechoslovak government and Slovak national interests was expressed in the political sphere and penetrated into the cultural sphere as well. The Slovak Museum Society in Martin, which had been administering the Slovak National Museum, represented the national interests of Slovak museum management and was a symbol of Slovak national identity. However, it still functioned as an association and struggled with a lack of financial resources. A rival to the museum in Martin was presented by Bratislava, which was the newly formed capital of Slovakia and the location of its political bodies and educational and cultural institutions (Kačírek et al., 2013: 29-31). In 1924 the Society of Slovak National Geography and History Museums was formed in Bratislava, as was the government-supported Slovak National Geography and History Museum and the Agricultural Museum, which was a branch of the Agricultural Museum based in Prague; both of these museums competed with the Slovak National Museum in Martin in terms of their collection activity.

After Czechoslovakia was founded, two types of museum continued to operate in Slovakia: there were state museums – which from 1927 included the City (Mining) Museum in Banská Štiavnica – which were subsidized by the state, and there were association museums, whose economic situation in most cases did not change all that much after the establishment of Czechoslovakia. Membership dues and the small subsidies which these museums could apply for were inadequate to secure their development. This is why a lot of

museums remained inactive and their collections were expanded only through gifts and collection drives; only in exceptional circumstances were new collection items purchased. Some museums underwent no development at all and just became collection “warehouses”, which were often inadequately protected and inappropriately run. The inactivity and poverty of a lot of museums, which employed only volunteers as guides, custodians, and curators, often meant that they did not hold any exhibitions of their own, resulting in a practical lack of interest in these institutions among the wider public. Museum attendance, which often was possible only for groups who booked in advance, therefore rose very slowly in this period.

The largest museums which developed their activities were concentrated primarily in Bratislava, Martin, and Košice. In addition to the Bratislava City Museum, the 1920s saw the establishment of three other significant museums: the abovementioned Agricultural Museum, the National Geography and History Museum, and the Forestry Museum, which was rapidly incorporated into the Agricultural Museum. At the same time, all three institutions were based in the new building of the Agricultural Museum and unhurriedly moved towards affiliation and unification in 1940. The establishment of the Agricultural Museum in Bratislava was a political decision. It was part of a propaganda campaign by the Agrarian Party, which was one of the strongest political parties in interwar Czechoslovakia. The National Geography and History Museum in Bratislava was established as an institution bound to the newly-founded Comenius University and had the ambition to have a presence throughout Slovakia. The museum in Martin, which at the end of the 1920s was renamed the Slovak National Museum, declared that it had a presence throughout Slovakia and a national geography and history profile. This museum was run by the Slovak Museum Society, which, after the establishment of Czechoslovakia did not engage in any significant activity even though its ambitions reached towards having a managing and methodological role in museums throughout Slovakia. In terms of the organization and methodology of museum management, the 1920s saw the significant engagement of the Czechoslovak Union of National Geography and History Museums, which was linked to the central Czechoslovak government in Prague. Despite its efforts, it did not become the central managing and methodological body for Slovak museums. The union had a minimal influence in Slovakia and only a few Slovak museums became members. The exchange of experience between the western and eastern parts of Czechoslovak museum management took place for the most part at museum congresses, which were alternately held in the Czech and Slovak parts of the country (Mruškovič et al., 2005: 74). There is no doubt that the united methodological management of museums and their overall development were strongly slowed down by their association character and a lack of finances; this brought about a minimal level of professionalism in museums, which remained mostly reliant on volunteers. There was no regulating legislation which would determine the space and role of museums in culture, and so underdevelopment, stagnation, and, in most cases, the passivity of the museums meant that these institutions were not significant cultural actors. Instead, this role was primarily taken up in the interwar period by various theatrical, musical, and dance troupes, and the gradually expanding network of public libraries which had publications in the Slovak language, which at that time were not very common.

In contrast to museums, archives and libraries were under a form of supervision from 1919, at least in a formal sense, by inspectors who were allocated to different parts of Czechoslovakia by the Ministry of Education and National Enlightenment. However, given that these were state bodies which were only run by individuals, the effectiveness of their work was very low. Archives and libraries in Slovakia were not separately organized, and they lacked a logical structure and methodological management. The legislation concerning libraries from the 1920s required there be a local library established in every municipality, but these rules were not adhered to due to financial constraints. Libraries and archives lacked an executive institution which would systematically regulate their activity. Furthermore, archives were scattered, and, in addition to a lack of legislation in the interwar period, there was no successful attempt to establish an effective network of regional and supra-regional archives (Tišliar, 2013).

3.3 Changes in cultural policy under the 1938–1945 totalitarian regime

The constitutional changes which began with the Munich Agreement, signed in the autumn of 1938 and which led to the breakup of Czechoslovakia on the eve of the Second World War, also brought changes to cultural policy in Slovakia. Whereas memorial institutions had not been focused upon much by the state in the interwar period, there was a different approach in cultural policy during the existence of the Slovak Republic from 1939 to 1945 (Falathová, 2017: 61-62). A big role was played by the character of the state itself, which was a Nazi German satellite and to a certain degree copied developments in that country. Nationalist and, in many respects, extremist opinions found fertile ground among a lot of high-level state representatives; in cultural policy, there was a very rapid strengthening of an emphasis on Slovakia's own culture and own national identity, which was promoted to a significant extent at the expense of the cultural development of ethnic minorities. Even though the new constitution of the Slovak Republic of July 1939 declared the free and undisturbed cultural development of minorities, in reality there was a case-by-case approach to ethnic minorities and their culture. Whereas the state was compliant and patient with ethnic Germans, who strengthened their demands to cultural autonomy, ethnic Hungarians experienced strict reciprocity in relation to the situation faced by the Slovak minority in Hungary itself. Jewish culture faced great oppression, which culminated with the deportation of this part of the Slovak population to concentration camps outside Slovakia's borders (Tišliar, 2014: 121-127).

Museums, which documented, preserved, and provided access to Slovakia's cultural heritage, became more important institutions from the state's point of view than they had been beforehand. However, a disadvantage and obstacle to their further development was the continually unresolved financing of museums and the prevalence of their association character and activity being done on a voluntary basis. Museum exhibitions reacted to internal developments in the country to a considerable degree as well as to the circumstances of the Second World War. State propaganda found a place for itself in museums as a new element which had not been used in such institutions in previous periods except on exceptional occasions. The primary centre of cultural life remained in Bratislava, where in 1940 the Agricultural, National Geography and History, and Forestry Museums all merged into one institution which was officially known as the Slovak Museum (Machajdíkova, 2015: 18). Newly formed museums in Bratislava, such as the Museum of Hygiene, established in 1940, and the Military Museum, established in 1941, took on an ideological character. These museums were supposed to build a positive relationship among the population to the new state, cultural and civilizational development, and newly-formed military traditions. However, both of these museums ceased to exist at the end of the Second World War. In 1938 the East Slovak Museum in Košice became a part of Hungary, much like other museums which had been based in the south of Slovakia along the Slovak-Hungarian border (Karpáty, 2015: 30). During the Second World War, the Slovak National Museum in Martin was mostly stagnant and did little to engage in active development.

The newly-founded Union of Museums was an executive body which was supposed to influence multiple areas of museum activity in Slovakia. This organization replaced the formally operating Czechoslovak Union of National Geography and History Museums and took over control of the system of organizing nationwide (now Slovak) museum congresses (Palárik, 2011; Palárik, 2015). Museums were categorized according to their importance and status, which significantly corresponded with their activities and visitor numbers.

3.4 The post-war period

As the conflict zone passed through Slovakia before the end of the Second World War, many memorial institutions were affected. Damage was done to museum buildings as well as to the collections within them. The post-war period initially focused on war damage and a reorganizing of collections; a serious discussion also began on nationalizing museums and creating conditions for the development of libraries and archives (Takáčsová-Bányasová, Tišliar, 2017: 71-72; Prelovská, 2011: 94).

The post-war period witnessed a definite split between Czech and Slovak museum management, which partially resulted in the creation of separate Slovak public authorities and commissions, although these commissioners were factually subordinate to the relevant Czechoslovak minister and implemented the central ministry's business in Slovakia. The Union of Museums continued its activities as a professional institution bringing together the association and state museums under one umbrella and creating a space for methodological assistance. Museum congresses remained of great importance.

From 1945 to 1948 there was a considerable increase in the size of museum collections. This was due to the confiscation of property from the expelled ethnic Germans, some ethnic Hungarians, and later on from "class enemies". The protection of new collections was complicated by a continued lack of a suitable workforce.

In 1948 there was a socio-political change in Czechoslovakia which had a notable effect on culture for a long time. Political power was seized by the Communist Party, and gradually culture became subject to politics and exploited for propaganda and the ideologization of society. At the end of the 1940s, and particularly in the 1950s, there was a degree of destruction of Slovak cultural heritage. This was largely caused by the post-war nationalization of buildings and other areas which had previously belonged to the nobility and the church. There was destruction of the internal features of manor houses and monasteries as well as of historical libraries. Important heritage buildings also suffered from being used for things other than their original purpose. Often these buildings were used as grain storehouses and social, educational, and healthcare facilities of various types.

The congresses of the Communist Party of Czechoslovakia provided the stimuli for building new foundations for post-war cultural policy. Beginning with the ninth party congress, and alongside other decisions, there was attention paid to the "cultural revolution" and the need to train a new intelligentsia in Czechoslovakia which would work for the needs of the state and the state ideology (Tišliar, 2016: 75-76).

It is possible to evaluate the creation of the foundations of a strong system of memorial institutions in this period in a positive way. During the 1950s, there was a gradual nationalizing of association museums and the building up of a regional network of museums focusing on districts. Already at the end of 1948, the Slovak National Museum in Martin had been nationalized, as had the Slovak Museum in Bratislava; this significantly helped both institutions in the area of personnel and in terms of professionalization (Eliášová, 2011: 18). In 1948 the Slovak National Gallery was established in Bratislava, and in the same year the Slovak Technical Museum in Košice opened its exhibitions to the public in the east of Slovakia (Mruškovič et al., 2005: 80). The promising development of memorial institutions continued at the start of the 1950s, with the establishment of the Slovak Central (now National) Archive in Bratislava as the top-level national institution of its type. Additionally, archives operating on a regional and district level and with dedicated employees were also created (Fialová, Tvrdoňová, 2013: 58-59; Tišliar, 2016: 82-83). A national network of libraries

also started to be actively established at the beginning of the 1950s. However, there was a considerable change in this area with the passing of the Libraries Act in 1959 (Katuščák, 2000) with the National Library in Martin being the managing library and methodological centre. However, on an institutional as well as partially on a personnel level, these positive developments were countered by the negative aspects of the new role to be assumed by memorial institutions. From the beginning of the 1950s, this role was one of strong ideologization and pro-regime propaganda, which affected the activities of these institutions, which now had the Soviet Union as the desired model for their activities. There began to be an emphasis on cultural and educational activity, and on the raising of public awareness and reach by memorial and cultural institutions. Based on the Soviet model, memorial institutions in Slovakia, like elsewhere in Czechoslovakia, began to be perceived as a tool for spreading the new state ideology. Therefore, topics connected to the history of the workers' movement, the history of the Communist Party, the social history of class relations, and similar matters came to the foreground (Tišliar, 2016: 84). This affected museums, where exhibitions began to be created with themes dealing with these areas. In addition to this, archival documents were prepared and processed which dealt with the history of the workers' movement and the Communist Party of Czechoslovakia. Libraries faced a prescribed purchase of books where 15% of new literature had to have a political (i.e., a Marxist and communist) character. Understandably, the public reaction to this ideological direction was varied. After the political trials of the 1950s, which sought out and liquidated opponents of the new regime in Czechoslovakia, there was no emergence of serious resistance to the state's cultural policy, its raising of public awareness, or state propaganda (Tišliar, 2016: 77).

In addition to nationalizing them, the regime intervened in museums' activities in 1951 by having the activities of museum associations banned and the associations disbanded. This was a necessity arising from the Voluntary Organizations Act of 1951. This act created the legislative conditions for the formation of new voluntary organizations, known as "Associations of Friends of Museums", which were under state control and which were to function on a local and regional level. For a while, the Union of Museums avoided closure, but in 1960 it stopped its activities. According to the new regime, the structure of the network of museums was supposed to be aligned with the territorial structure of the state administration. For this reason, the 1950s witnessed the emergence of regional museums as a new phenomenon in Czech and Slovak museum management (Kačírek et al., 2013: 32; Prelovská, 2011: 125).

In addition to the Libraries Act, there was a new act on archives in 1954 and one on cultural monuments in 1958. However, it took a long time for an act to be prepared that would organize the work of museums and galleries. Over the 1950s, a separate network of galleries was gradually established in Slovakia (Adamčiaková, 2000: 94). State ideology also played a big role here; however, out of all the mentioned memorial and cultural institutions, galleries were probably the least affected by the state's efforts at educating the public.

3.5 Building socialism in the 1960s

For museum management in Slovakia, the end of the 1950s witnessed a finalization of the fundamental aspects of the Museums Act. This act was passed in 1961 (No. 109) and completed a long period of development in Slovak museum management (Kačírek et al., 2013: 33; Eliášová, 2011: 25-32). The structure and typology of museums was regulated and their activities, significance, and role in society were specifically determined. At this time, the network of museums was made up of (1) national geography and history museums and specialized museums with a scope of authority throughout Slovakia; (2) national geography and history museums and specialized museums which were administered by regional and district national committees, which had a scope of authority at the regional and district levels; (3) municipal museums with various thematic specializations; and (4) monuments and memorial rooms which were run as branches of specific museums. For the purposes of the current paper, it is important to remember that the relationship of museums with the public was perceived primarily through their cultural and educational role and through their informal means of educating society, of course, in accordance with the state ideology, which from 1960, with the passing of a new socialist constitution, sought to build and develop a socialist society. For more than twenty years, this law formed the legal basis for the establishment and development of museums and galleries in Slovakia. From the perspective of significant institutional changes, it is important to note the merger of the two largest and most important museums in Slovakia (the Slovak National Museum in Martin and the Slovak Museum in Bratislava) into one institution, which was named the Slovak National Museum in Bratislava. This institution had a scope of authority throughout Slovakia and was internally divided into several museums which began to specialize from the 1960s onwards (Mruškovič et al., 2005: 81; Lalkovič, 2005: 98-100).

Public attendance at museums had begun to increase after the end of the Second World War. This was a result of the increased activity of museums and an increase in their number, and was also due to the direct communication of museums with educational institutions. School groups became a significant part of visitor numbers. School excursions were organized as a result of joint efforts by the ministries of culture and education. This cultural strategy had the primary aim of acquainting children and youth with the history of class society in accordance with state ideology (Tišliar, 2016: 81-82).

The interconnection between museums and the public administration after the museums' nationalization at the beginning of the 1950s was ensured by the organization of national committees, which

functioned as offices connecting the state administration with regional authorities. In the regions, there were district national committees which initially gave the responsibility of cultural activity to cultural officers and later on to specific departments focusing on education and culture. Regional and local libraries were also subject to inspection by these offices. After administrative regions were formally established in Slovakia in 1949, the public administration was complemented by regional national committees which contained departments dealing with education and culture. Archives, which from the beginning of the 1950s had been established in districts, were now monitored by a department for internal affairs; regional archives fell under the jurisdiction of these offices in regional national committees. During the 1950s, the system of museums, libraries, and archives in Slovakia adapted to the administrative division of Slovakia. The executive body for museums, galleries, and libraries in Slovakia was the Commission for Culture, subsequently known as the Commission for Education and Culture, which was run by the central government ministries responsible for these areas. Archives were the responsibility of the Commission for the Interior until separate Slovak commissions within Czechoslovakia were abolished in 1960. After this time, their administration became the responsibility of central Czechoslovak ministries of the interior, education, and culture, which were all based in Prague (Tišliar, 2016: 76).

The second half of the 1960s witnessed a loosening up of the social atmosphere in Czechoslovakia. After Stalinism, the cult of personality, and the political trials that had taken place were condemned in the Soviet Bloc, this political liberalization had an impact on Czechoslovakia. However, this more liberal atmosphere only lasted for a short period. In 1968 it was stopped by the military occupation of Czechoslovakia by Warsaw Pact forces. The second half of the 1960s also saw memorial institutions become more active than previously. The relaxed atmosphere appeared to be most vividly reflected in the presentation of museums, which sought to present much more diverse themes for exhibitions than what had been previously allowed (Akčný program, 1968). In spite of this, museums were still seen by the public as being pro-regime institutions spouting propaganda which spread the state ideology. It is undoubtedly of interest to note that this opinion and public feeling in the late 1960s reappeared after the social changes that took place at the end of the 1980s. It is therefore clear that museums did not have an easy position in Czechoslovak society.

3.6 Normalization and the abatement of the totalitarian character of cultural policy in Slovakia (the 1970s and 1980s)

After the reestablishment of socio-political conditions at the end of the 1960s, there was a return to the more pronounced ideologization of the social status of museums; this was part of a “return to normal”, which was also reflected in the name (“normalization”) used to describe the period. Museums at this time focused more and more on cultural and educational activity; this was often at the expense of other important roles and purposes of museums, such as their work with collections. For political reasons, there were significant changes in museum personnel, particularly among those in positions of responsibility and leadership. Supervisory authorities undertook ideologically-charged inspections of museum exhibitions for ideological reasons (Mruškovič et al., 2005: 95).

One positive result of the end of the 1960s was the change in the Czechoslovak constitution, which brought about a federative arrangement in the republic and which saw the creation of an independent Ministry of Culture of the Slovak Socialist Republic. This new ministry started to directly manage the largest Slovak museums and provided methodological guidance to other museums in Slovakia, particularly those operating on a regional level. This period also saw a significant strengthening of the professionalization of museums. This trend, which had started unhurriedly in the 1960s, was connected to the promotional and educational activity of museums. There was a quantitative increase in the number of museum staff and a qualitative improvement with the increased employment of people with a university education. At this time, there was an increase in the number of collected items at museums, but this partially took place at the expense of their expert processing. In addition to the organization of various courses, the higher qualification structure of museum staff led to the opening of postgraduate studies in museology, which in Czechoslovakia was provided by the Department of Museology at the university in Brno (Mlynka, 2006, Dolák, 2016; Jagošová, Kirsch, 2017). This department trained museum workers from Slovakia, and the most prominent Slovak experts in the field lectured there. The increase in the quality of work in museums was also reflected in improved visitor numbers.

From the start of the 1980s, there was a greater emphasis on the documentation of contemporary and modern history (Dolák, 2014; Prelovská, 2016), which in practical terms meant the documentation of the socialist period. This impacted the work of other memorial institutions, archives, and libraries, which began to take into account documents from the socialist period when making their own acquisitions. From a museological perspective, this positive trend existed mainly for political and ideological reasons and led to a growth in collections, albeit sometimes in a rather spontaneous and unsystematic way, such as in the collection of items of factory manufacture. However, given that most of the national population did not identify with the socialist regime, the actual everyday life of people was not adequately documented. In the 1980s, the network of museums was fully developed and gradually the focus moved towards increasing their scholarly work.

4. Conclusion

4.1 The process of transformation after 1989 and visions for the future

There were fundamental changes in Slovak museum management after the events of 1989 which reflected changes in society as a whole. The liberalization of the political atmosphere had a positive effect on the activity of Slovak museums, which were no longer under ideological pressure. On the other hand, the transformational, economic, and social changes brought about a reduction in subsidies from the government as well as a rapid fall in visitor numbers and revenue. The lowering of public interest in museums and the fall in visitor numbers were the result of the public perception of museums as ideological institutions linked to the former regime and a significant drop in museums tours being ordered by travel agencies. Another negative development for museums was the passing of the Restitution Act, which obliged museums to return buildings (mainly church buildings) and collection items (also primarily church property) to those who had had this property confiscated from them under Communist Party rule (Dolák, 2010). A new era in cultural development was brought by the dissolution of Czechoslovakia and the establishment of Slovakia as an independent republic on 1 January 1993.

The Slovak government and the Slovak Ministry of Culture prepared several strategic documents to support the development of cultural policy. The main aims of cultural policy stemmed from relevant historical and social contexts, international and European standards, and multilateral and bilateral agreements which Slovakia had signed up to. This process accelerated after 1998, when Slovakia made a concerted effort to become a part of European structures. The most important transversal directions in national cultural policy are the presentation of Slovak culture and art abroad, support for the culture of Slovaks living abroad, and supporting culture for children and young people. Within the project of implementation of cultural policy, one of the priority areas is the protection of cultural heritage, which includes memorial assets and the historical environment, intangible cultural heritage, museums, galleries, and libraries (Strategies of State Cultural Policy). State archives in Slovakia have been practically managed by the Ministry of the Interior since the 1950s. However, their cultural value, cultural purpose, and significance for Slovak society has not been affected by this fact.

An initiative to support changes in cultural affairs came from those who worked in the area themselves. At the beginning of 1990, representatives of Slovak museums approved the Action Programme for Slovak Museums, which evaluated the negative and positive developments of Slovak museum management during socialism and which set out goals for the future. One of the more urgent tasks was determining the status of museums on a scholarly, cultural, and social basis, and their role in protecting and developing cultural and natural heritage. A positive development was the attempt of the cultural community to forge relationships with international institutions focusing on cultural heritage.

In May 1990, the Union of Museums in Slovakia was established as the professional interest group of museums in the country. Its aim is to represent museums; advocate, defend, and develop their common rights and interests; and support the running of museums. Its partner organizations include the Council of Slovak Galleries (established in 1990); the Slovak Museum Society, which renewed its existence in 1993 on the occasion of the 100th anniversary of its founding; and the Czech Association of Museums and Galleries (established in 1990).

After the establishment of Slovakia as an independent state in 1993, separate Slovak committees of international institutions were created. In 1994 the Slovak Committee of the International Council of Museums was formed (in 1946 Czechoslovakia had been one of the council's founders, and in 1991 the Czechoslovak committee of this council was formed); among other things, the committee represents and coordinates the interests of museums, galleries, and other collection institutions in Slovakia and their relationship to other countries. Slovak museum workers are present in various sub-units of the International Council of Museums, such as the Committee for Education and Cultural Action, and the International Movement for a New Museology. Since 1992 Slovakia has been a part of the European Heritage Days, which take place with the support of the Council of Europe and the European Union.

The new political climate led to the passing of new laws concerning memorial institutions and cultural heritage. The key laws are the Museums and Art Galleries Act (No. 115/1998, replaced by Act No. 206/2009), the Libraries Act (No. 183/2000, replaced by Act No. 126/2015), the Cultural Heritage Monuments Act (No. 49/2002, updated by Act No. 238/2014), and the Archives and Registries Act (No. 395/2002, updated by Act No. 266/2015). These laws stemmed from international documents which Slovakia had signed up to.

The 1990s were a time of searching for the role of museums within the state's cultural policy. In 1996 Slovakia was divided into eight higher territorial units, which saw a degree of decentralization in public administration and the creation of self-governing regions. In most cases, regional museums passed into the trusteeship of these higher territorial units. Already at the turn of the millennium, it was possible to notice a certain stabilization of museums and a gradual tendency in the improvement of their status.

After 1989 there was a more noteworthy expression of interest by the public towards local history, traditions, and figures. This resulted in the establishment of memorial rooms and museums. Small memorial rooms in rural areas were not covered by any legislation until the passing of Act No. 38/2014.

The socio-political changes brought about by November 1989 led to a certain turnaround in collection activity. The documentation of contemporary topics was reduced in favour of other topics which had been pushed into the background in previous periods. There were also significant changes in the way that

museums presented themselves. Immediately after the changes in 1989, museums began to hold temporary exhibitions and other exhibitions focusing on topics that had been previously considered taboo or had been incorrectly interpreted (Kačírek, Tišliar, 2015).

In the 2010s, there has been a lot of attention paid to the electronic processing of collections and the digitalization of collection items within the Digital Museum and Digital Gallery project. The Slovak government has also been paying special attention to the further development of museums in terms of their scholarship and research activity, the protection of collection items, and their presentation activities. Furthermore, exhibitions are obliged to make their facilities available to those with health issues, senior citizens, and socially disadvantaged groups as much as is possible (Development Strategy for Museums and Galleries in the Slovak Republic to 2018).

Since the stagnation of the 1990s, museums and galleries have managed to overturn negative trends in terms of visitor numbers. Museums have made efforts to form their own marketing strategies and museum identity. However, with the expansion of what they offer to the public, new museum programmes with a commercial content have been prepared which often do not correspond to the museums' purpose (e.g., note the criticized International Festival of Ghosts and Spirits at the Bojnice Castle Museum, which is part of the Slovak National Museum). Gradually Slovak museums have begun to accept suggestions from abroad in this area, and they have started to expand their activities in museum education in formal, non-formal, and informal (life-long) ways. Museum programmes are being developed in the Living History project, which builds upon local history and historical stories as well as art education mostly focusing on galleries, which looks at how exhibitions are interpreted by visitors. Attention is also being paid to individual age categories (students as a part of compulsory school excursions, parents and children, and senior citizens), professional groups, and the disabled (Kalužníková, 2013). Special attention has also been given to the cultural policy concerning ethnic minorities, which in the 1990s saw the institutionalization of several museums under the banner of the Slovak National Museum. Independent museums thus now exhibit the culture of Slovakia's ethnic Hungarians, Germans, Croats, Rusyns, Ukrainians, and Jews (see e.g. Darulová, Košťalová, 2010; Dolák, 2006; Krišková, 2016).

Similarly, Slovak libraries and archives underwent expansive transformational processes which have affected their main activities; they had their ideological basis removed and they opened up to the public as memorial and cultural institutions engaging in the spreading and development of Slovak culture. Currently, there is lively cooperation between these memorial institutions in Slovakia. This is particularly well developed at the regional level (museums, archives, and libraries), which are reacting to public stimuli and the public demand for the clarification and documentation of regional history (Ragačová, 2011).

References

- Adamčiaková, 2000 – Adamčiaková, Z. (2000). Galérie na Slovensku. *Almanach kultúrneho dedičstva* / P. Baxa Ed. Bratislava, pp. 94-95.
- Akčný program, 1968 – Akčný program pre oblasť múzejníctva na Slovensku. *Múzeum*, No. 4 (14), pp. 231-232.
- Ciulisová, 1996 – Ciulisová, I. (1996). Osudy pamiatok Slovenska 1919–1949. Bratislava.
- Darulová, Košťalová, 2010 – Darulová, J, Košťalová, K. (2010). Multikultúrnosť a multietnicita. Kontexty kultúry národnostných menšín na Slovensku. Banská Bystrica.
- Eliášová, 2011 – Eliášová, Silvia (2011). Premeny slovenského múzejníctva v rokoch 1945–1970. Nitra.
- Dolák, 2006 – Dolák, J. (2006). Muzejní dokumentace menšín doma i ve světě. Tezaurace a prezentace kulturního dědictví minorit ve sbírkových a výstavních programech muzeí a galerií = Thesaurization and presentation of the cultural heritage of minorities in the collections and exhibition programmes and exhibition programmes of museums and galleries / Ed. D. Veselská. Praha, pp. 21-35.
- Dolák, 2010 – Dolák, J. (2010). On the issues of deaccessioning and repatriation of museum collections. *Deaccession and return of cultural heritage : a new global ethics*. Shanghai, pp. 43-50.
- Dolák, 2014 – Dolák, J. (2014). Documentation of present and recent history. Methodology. Czech and foreign approaches. *Muzeum a změna*. 4. Praha, pp. 16-19.
- Dolák, 2016 – Dolák, J. (2016). Unesco Summer school of museology 1986 -1999. *Journal of the department of museology*, vol. 11 & 12 Calcutta, pp. 77-86.
- Falathová, 2017 – Falathová, Z. (2017). Múzejníctvo a výstavníctvo v Bratislave v období prvej Slovenskej republiky (1939 – 1945). *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No. 2 (5), pp.61-76.
- Fialová, Tvrdoňová, 2013 – Fialová, I., Tvrdoňová, D. (2013). Slovenský národný archív – vývoj právneho postavenia, funkcia a poslanie v našej spoločnosti. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No. 2 (1), pp. 57-75.
- Florek, Jurkovič, 1945 – Florek, P., Jurkovič, M. (1945). Slovenské múzeá. Ich vznik a prehľad zbierok. Martin.
- Jagošová, Kirsch, 2017 – Jagošová, L., Kirsch, O. (2017). Models of Professional Employment of the Graduates of Brno Museology in Cultural Institutions. *Museologica Brunensia*, No. 1 (6), pp. 21-33.
- Kačírek et al., 2013 – Kačírek, L, Ragač, R, Tišliar, P. (2013). Múzeum a historické vedy. Krakov.
- Kačírek, Tišliar, 2015 – Kačírek, L, Tišliar, P. (2015). Múzejné výstavníctvo na Slovensku v súčasnosti. *Museologica Brunensia*, No. 2 (4), s. 42-47.

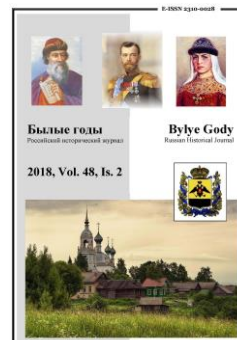
- Kačírek, 2011** – *Kačírek, L.* (2011). Modernizácia Uhorska v 19. storočí a slovenské národné hnutie. // *Idey a vývoj slovenského národnotvorného myslenia* / Ed. M. Martinkovič, Krakov, pp. 246-338.
- Kalužníková, 2013** – *Kalužníková, D.* Ed. (2013). Definovanie úlohy múzea v súčasnej spoločnosti. Bratislava.
- Karpáty, 2015** – *Karpáty, V.* (2015). Východoslovenské múzeum v časoch 2. svetovej vojny. Múzeá vo vojne. Druhá svetová vojna a jej dôsledky na činnosť múzeí a ich zbierky. Banská Bystrica, pp. 30-33.
- Katuščák, 2000** – *Katuščák, D.* (2000). Knižnice. *Almanach kultúrneho dedičstva* / Ed. P. Baxa. Bratislava, pp. 136-138.
- Krišková, 2016** – *Krišková, Z.* (2016). Pamäťová inštitúcia múzea ako prostriedok formovania vzťahu ku kultúrnemu dedičstvu. *Studia Historica Nitriensia*, No. 2 (20), pp. 482-489.
- Lalkovič, 2005** – *Lalkovič, M.* (2005). Typológia múzeí. Banská Bystrica.
- Legislatívna, 2005** – *Legislatívna, inštitucionálna a ekonomická analýza stavu kultúry na Slovensku po decentralizácii.* Bratislava.
- Machajdíkova, 2015** – *Machajdíkova, E.* (2015). Slovenské národné múzeum a jeho predchodcovia v Bratislave počas druhej svetovej vojny alebo Inter arma silent musaea. Múzeá vo vojne. Druhá svetová vojna a jej dôsledky na činnosť múzeí a ich zbierky. Banská Bystrica, pp. 15-29.
- Maráky, 2012** – *Maráky, P.* (2012). Múzeá s celoslovenskou pôsobnosťou..Kultúrne krásy Slovenska. Bratislava.
- Mlynka, 2006** – *Mlynka, L.* (2006). Muzeológia na Filozofickej fakulte UK Bratislava ako študijný odbor. *Muzeológia : Teória & prax.* Banská Štiavnica, pp. 66-71.
- Mruškovič et al., 2005** – *Mruškovič, Š., Darulová, J, Kollár, Š.* (2005). Múzejníctvo, muzeológia a kultúrne dedičstvo. Banská Bystrica.
- Orosová, 2013** – *Orosová, M.* (2013). Legislatívna ochrana kultúrneho dedičstva v Československej republike v rokoch 1918 – 1939. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No. 2 (1), pp. 19-36.
- Palárik, 2011** – *Palárik, M.* (2011). Zväz slovenských múzeí v období slovenského štátu (1939–1945). Nitra.
- Palárik, 2015** – *Palárik, M.* (2015). Sväz slovenských múzeí a jeho práca na vytvorení legislatívneho rámca ochrany pamiatkového fondu na pôde múzeí. Múzeá vo vojne. Druhá svetová vojna a jej dôsledky na činnosť múzeí a ich zbierky. Banská Bystrica, pp. 98-115.
- Podušelová, 2013** – *Podušelová, G.* Ed. (2013). Slovenské národné múzeum. Bratislava.
- Prelovská, 2011** – *Prelovská, D.* (2011). Zväz slovenských múzeí a kultúrna politika (1945–1959). Nitra.
- Prelovská, 2016** – *Prelovská, D.* (2016). Niekoľko poznámok ku kultúrno-výchovnej činnosti slovenských múzeí v prvej polovici 70. rokov 20. storočia. *Studia Historica Nitriensia*, No. 2 (20), pp. 545-553.
- Ragačová, 2011** – *Ragačová, J.* Ed. (2011). Archívy po roku 1989. Víťazstvá a prehry. Bratislava.
- Takáčsová Bányászová, Tišliar, 2017** – *Takáčsová Bányászová, K., Tišliar, P.* (2017). Vznik a formovanie Štátneho kultúrneho majetku v Betliari. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No. 1 (5), pp. 69-81.
- Tišliar, 2013** – *Tišliar, P.* (2013). Aktivity Štátneho inšpektorátu archívov a knižníc na Slovensku pri budovaní archívnej organizácie (1919 – 1951). *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No.2 (1), pp. 37-56.
- Tišliar, 2014** – *Tišliar, P.* (2014). Statistical Practice and Ethnic Policy of the Slovak Republic (1939 – 1945). // *Studies in the Population of Slovakia II.* / Ed. P. Tišliar. Kraków.
- Tišliar, 2016** – *Tišliar, P.* (2016). Inštitucionalizácia pamäťových a fondových zariadení v 50. a 60. rokoch 20. storočia v okrese Rožňava Príspevok k výskumu regionálnej kultúrnej politiky a kultúrnej stratégie. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No. 2 (4), pp. 75-85.
- Waidacher, 1999** – *Waidacher, F.* (1999). Príručka všeobecnej muzeológie. Bratislava.
- Zouhar, 2016** – *Zouhar, J.* (2016). Přehled benediktínského dějepisectví v českých zemích. *Konstantínove listy*, No. 2 (9), pp. 39–73.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 719-727. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.719
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Migration Problems in Survey of Liberal Press the second half of XIX – early XX centuries

Vera N. Cherepanova ^{a, *}, Irina A. Filippova ^b, Violetta S. Molchanova ^{c, d}

^a Tyumen State Medical University, Russian Federation

^b Tyumen Industrial University, Russian Federation

^c International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the materials of liberal journals, covering the issues of resettlement policy of the second half of the XIX – early XX centuries: "Bulletin of Europe", "Russian thought", "Siberian issues". It is revealed that on the pages of journals has been criticized implemented immigration policy; discussed the disadvantages taken by the authorities of arrangements for the movement of peasants, their arrangement of everyday life; addressed the problems of healthcare for migrants, lack of medicines, and the allocated subsidies, etc. In the articles, it was often stated that the support and assistance provided to IDPs is clearly inadequate. However, despite the general similarity of the questions raised, there were some differences in the emphasis placed by the authors, the manner of presentation and presentation of the material to the readership.

It is established that the authors of articles and reviews published in the "Bulletin of Europe", paid special attention to the analysis of the legal framework governing the "resettlement", the description of the specifics and conditions of travel arrangement of agricultural migrants in the new place. In the article "Russian thought" more active discussion has been the cause of agricultural displacement. There are many published results and of the program of the provincial surveys of immigrants, as well as reviews of the literature on resettlement issues. In the journal "Siberian questions" the focus of the disclosure of the resettlement of the subjects was given a critique is an ongoing government resettlement policy. Often, the authors' publications were accompanied by direct ridicule, sarcasm, irony and humor, ridiculing those or actions by central and local authorities.

Keywords: Siberia, the liberal press, the journal "Herald of Europe", "Russian thought", "Siberian questions", immigration policy, farmers, migrant, migratory.

1. Введение

Миграционные процессы в дореволюционной России оказали значительное влияние на все стороны жизни страны (Кабузан, 2004: 10). Заселение новых территорий позволило не только расширить и укрепить территориальные границы империи, но и решить ряд социальных и экономических проблем (Шатковская, 2016: 21-25).

В 1913 г. Российская империя занимала 5 место в мире по экономическому развитию, ее процент производительности увеличился, помимо прочего, благодаря заселению территорий и освоению на ней новых залежей ресурсов (Алхазашвили, 2012: 12).

Среди авторитетных и популярных периодических изданий либеральной направленности, освещающих переселенческую тематику во второй половине XIX – начала XX вв., можно выделить такие авторитетные журналы, как «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Сибирские вопросы».

* Corresponding author

E-mail addresses: veranikandrovna@mail.ru (V.N. Cherepanova), filippovaia@tyuiu.ru (I.A. Filippova), v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

Исследование содержания перечисленных журналов позволяет описать «либеральную модель» освещения вопросов о крестьянах-мигрантах, особенностях их образа жизни и быта, специфике реализуемой переселенческой политики, ее ключевых проблемах и перспективах развития.

2. Материалы и методы

Исследование проведено на базе анализа материалов о «переселенческом деле», опубликованных в журналах исследуемого периода: «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Сибирские вопросы».

В качестве методов научного исследования были использованы: метод контент-анализа, при помощи которого были изучены публицистические материалы журналов «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Сибирские вопросы»; исторический метод, с помощью которого предпринята попытка отобразить «либеральную модель» освещения авторами исследуемых периодических изданий вопросов о положении крестьян-мигрантов, особенностях их жизни и быта во второй половине XIX – начале XX вв., специфике реализации переселенческой политики.

3. Обсуждение

В качестве ключевых исторических источников использовались публикации, размещенные на страницах периодических изданий журналов «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Сибирские вопросы», посвященные «переселенческим вопросам». Среди них:

- библиографии, аналитические обзоры, внутренние обозрения, рецензии на книги и брошюры различных авторов о «переселенческом деле» ([Библиография..., 1911](#); [Внутреннее..., 1893](#); [Внутреннее..., 1895](#));

- очерки, путевые заметки и письма лиц, путешествовавших по «переселенческим» маршрутам либо иным образом наблюдавших жизнь и быт крестьян-мигрантов ([Астырев, 1890](#); [Из переселенческих..., 1911](#); [Исаев, 1891](#); [Пономарев, 1886](#); [Скалозубов, 1911](#); [Шелгунов, 1888](#));

- статьи публицистического цикла, авторы которых высказывали свое мнение относительно осуществляемой переселенческой политики, критиковали органы власти за те или иные действия (бездействие) в ходе реализации такой политики, выражали свою точку зрения относительно перспектив дальнейшего развития «переселенческого дела» ([Вокач, 1892](#); [Земско-переселенческий ..., 1908](#); [Капустин, 1883](#); [Никольский, 1880](#); [Новые..., 1908](#); [Шкапский, 1907](#); [Ядринцев, 1876](#)).

Помимо прочего, были проанализированы труды наших современников, исследовавших печатную прессу XIX – начала XX вв. ([Есин, 2007](#); [Периодическая..., 1991](#); [История..., 2004](#)). Изучены работы, посвященные анализу развития либеральных идей в Российской империи ([Шелухаев, 1994](#); [Харусь, 1996](#)), исследованию тенденций формирования рынка труда Сибири, обусловленного, помимо прочего, миграцией населения ([Ustinova, Farakhutdinov, 2018](#)), особенностям работы органов местного самоуправления, в том числе в сфере реализации мероприятий переселенческой политики на территории Сибири в дореволюционный период ([Толочко, 2003](#)).

Особый интерес представляют работы зарубежных ученых, исследующих особенности миграционных процессов в Российской империи в исследуемый период ([Treadgold, 1957](#); [Burds, 1998](#)).

В то же время, несмотря на наличие широкой теоретической базы, освещающей различные аспекты заявленной темы, научных трудов, посвященных анализу материалов, касающихся «переселенческих вопросов», опубликованных в либеральной прессе второй половины XIX – начале XX вв., на сегодняшний день не представлено.

4. Результаты

Одним из наиболее авторитетных и популярных печатных изданий, вышедших в свет во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи, являлся журнал либеральной направленности – «Вестник Европы» ([Блинов, 1995: 58](#)).

Анализ рекомендаций, опубликованных на страницах «Вестника Европы» и направленных на совершенствование организации мер, связанных с переселенческим делом, позволил выявить их содержательную схожесть с решениями, принятыми на совещаниях «знающих людей», а также ходатайствами членов земских собраний по переселенческим вопросам, проходивших в 1870–1880-е гг.

Следует заметить, что в 1880–1890-х гг. в указанном периодическом издании был напечатан целый цикл очерков, авторы которых повествовали о собственных впечатлениях от поездок по «переселенческим маршрутам» ([Исаев, 1891: 53-89](#); [Пономарев, 1886: 139-181](#)).

В данных работах обращалось повышенное внимание на тяжелые и плохо организованные условия передвижения переселенцев; анализировались причины миграции, а также первичные итоги государственной и общественной помощи мигрантам; изучалась потребность в расширении мер по поддержке переселенцев; исследовался этнический и имущественный состав самих мигрантов; анализировалась специфика их «переселенческого» поведения и многое другое.

При этом в путевых записках наблюдателей за миграционными процессами содержались важные сведения о воздействии переселения на психологию переселенцев. В них нередко встречались подробные описания повседневной жизни и быта крестьян-мигрантов.

Очевидна и социальная нацеленность данных материалов: кроме публичного освещения переселения как массового и во многом драматичного события пореформенной России, ключевой целью подобных публикаций явилось привлечение общественного и правительственного внимания к актуальным проблемам «переселенческого дела». Данной цели, в числе прочих материалов, были подчинены и размещенные в журнале специальные тематические обзоры под авторством Д.М. Головачева (Головачев, 1893: 96-111; Головачев, 1893: 357-397). В его трудах неоднократно подчеркивалась назревшая необходимость в увеличении субсидий на медицинскую и санитарную помощь мигрантам, а также на строительство удобных и пригодных для использования переселенцами бань, столовых и барачков (Головачев, 1894: 369-371).

К еще одному периодическому изданию либеральной направленности, пользующемуся большой популярностью и авторитетом среди читателей Российской империи, можно отнести журнал «Русская мысль».

Как и многие другие общественно-политические периодические издания пореформенной эпохи, редакция журнала большое внимание уделяла переселенческим вопросам. При схожести большинства позиций, транслируемых со страниц «Русской мысли» и «Вестника Европы», редакция и авторы которых активно выступали за всестороннее общественное и государственное содействие мигрантам, постоянно информировали органы власти и общественность о проблемах и ошибках в реализации переселенческой политики, нами были выявлены и некоторые различия в интерпретации переселенческих вопросов данными изданиями.

Установлено, что авторами материалов, публикуемых в «Вестнике Европы», ключевое внимание уделялось анализу правовой базы, регламентирующей «переселенческое дело», описанию специфики и путевых условий обустройства аграрных мигрантов на новом месте. В материалах же «Русской мысли» более активному обсуждению подвергались причины сельскохозяйственных переселений. Здесь же нередко публиковались результаты и программы земских обследований переселенцев, также как и рецензии на литературу по переселенческой тематике (Никольский, 1880: 59-243; Григорьев, 1884: 67-69).

Восприятие и трансляция образа региона как специфической, тем не менее неотъемлемой и органичной части Российской империи, породило ассоциативный образ сибирского края как зеркала российского государства. Информирование читателей о регионе являлось не только средством для привлечения внимания общественности к потребностям края, но также и способом противодействия насущным социальным проблемам, назревшим и актуализировавшимся в стране.

Освещение со страниц издания различных злоупотреблений со стороны органов сибирской администрации, а также «всяческих грабежей» и «страшных безобразий», совершаемых представителями местного кулачества, использовалось земскими либералами в качестве материала для доказывания общности проблем социокультурного и социально-экономического развития пореформенной Российской империи (История..., 2004: 162-167).

В этом плане примечательным представляется образ сибирского края, используемый в статье С.Я. Капустина, где, говоря о Сибири, он задается вопросом о том, не дочь ли она России, во всем похожая на свою мать, с той лишь разницей, что последняя, более взрослая, давно уже умеет скрывать многочисленные свои недостатки, а первая, молодая, еще не выучилась тому (Капустин, 1883: 28-29).

Возможно, именно с той целью, чтобы сибирский регион сумел избежать неправильных, с позиции авторов периодического издания, альтернатив своего дальнейшего развития, журнал последовательно и регулярно выступал против проекта введения в сибирском крае землевладения помещиков.

Как сообщалось автором одного из выпусков «Внутреннего обозрения», опубликованного в «Русской мысли», «сформировать обстановку, которая была бы благоприятной для успехов помещичьих хозяйств в сибирском крае путем затруднения переселений, по сути, означало бы пожертвовать насущными потребностями и интересами множества людей» (Внутреннее..., 1895: 143-145).

Усиление же активности взаимодействий между европейской Россией и сибирским регионом в результате проходящих миграций крестьян оценивалось авторами материалов, публикуемых в «Русской мысли», в качестве эффективного способа трансляции устоявшихся в России общинных традиций в их приложении «на почву сибирского края» (Шелгунов, 1888: 169-172).

Полагаем, что централистская тенденция редакции журнала отображалась и в позиции публицистов, выраженной в нередких дискуссиях о наличии некоего специфического социокультурного типа «сибиряков». В одном из номеров «Русской мысли» был опубликован очерк о быте населения Восточной Сибири под авторством Николая Михайловича Астырева (Астырев, 1890: 63-81). Очерк вызвал широкий резонанс, причем как в кругу общественности, так и среди авторов, публикующихся в других периодических изданиях.

В отличие от сугубо позитивных характеристик крестьян-переселенцев, поселившихся в Сибири, широко используемых на страницах многих либеральных и народнических периодических изданий, в публикациях Н.М. Астыревича сибиряк-переселенец представлялся перед читательской аудиторией по-иному, в частности как «плохой сын церкви», «законченный индивидуалист, неспособный к альтруизму», «человек, склонный к эксплуатации таких же, как он, находящихся в

бедственном положении людей». В качестве ключевого критерия для сопоставления Н.М. Астыревым использовался образ крестьянина европейской части России, представляющего собой более «цивилизованную и нравственную» личность (Астырев, 1890: 68-69).

В целом о степени популярности «переселенческих вопросов», в сравнении с другими блоками сибирской тематики, свидетельствуют и следующие данные, составленные нами на базе просмотра оглавлений всех выпусков журнала «Русская мысль», начиная с 1880 по 1904 год (табл. 1).

Таблица 1. Число материалов по «сибирским» темам в периодическом издании «Русская мысль», опубликованным с 1880 по 1904 годы

Тема	Рецензии на сборники и книги о сибирском крае	Обзоры сибирской печати и «Внутренние обозрения»	Художественные тексты и статьи публицистического цикла	Общее количество тематических публикаций
Переселенческие вопросы	11	23	8	42
Публикации об особенностях внешности, характера, жизни, быта, положении и проблемах «инородцев»	18	3	2	23
Статьи о промышленном развитии и железнодорожном строительстве в сибирском крае	7	10	4	21
Материалы о сибирской ссылке и каторге	9	5	6	20
Вопросы о состоянии, проблемах и путях развития сельского хозяйства, проблемах сельского самоуправления	5	10	4	19
Статьи о необходимости реализации земской и судебной реформы	3	14	2	19

По данным, представленным в табл. 1, можно сделать вывод, что среди популярных тематических направлений, освещаемых в журнале, «переселенческие вопросы» занимают лидирующую позицию.

Однако следует пояснить, что в данный список не вошли некоторые темы и рубрики (например, освещение культурной жизни края, вопросы о медицине и т.п.). Тем не менее в таблице приведены одни из наиболее часто освещаемых тематических направлений по «сибирским вопросам», публикуемых на страницах журнала «Русская мысль». Таким образом, полученные данные наглядно свидетельствуют о том, что раскрытию переселенческих вопросов в рамках публикаций на сибирскую тематику уделялось повышенное внимание.

Помимо перечисленных периодических изданий, большой популярностью среди читательской аудитории пользовался журнал «Сибирские вопросы». Данный журнал, в отличие от других либеральных изданий, почти полностью был посвящен сибирской тематике.

Интересной особенностью журнала является то, что доносящая до читателей критика реализуемой органами власти переселенческой политики в нем представлена в более резкой форме. Часто она сопровождалась откровенной иронией и сарказмом. Примером тому может служить следующая цитата, опубликованная в одном из номеров «Сибирских вопросов»:

«Переселенческое управление в Чите задалось целью привлечь в Забайкалье как можно больше переселенцев. Чтобы достигнуть этого, оно не постыжилось обрисовать забайкальский переселенческий район в таких красках, что всякий прочитавший книжку, невольно может воскликнуть: вот, благодатный-то край! Вот уж где не жизнь, а масленица!».

Далее автор говорит о том, как жестоко обманывали авторы такой «книжонки» своих читателей, пытаясь, по его мнению, «хитростью» заманить их далеко не в столь «благодатный и радужный край». Им же были перечислены и проблемы, с которыми сталкивались переселенцы и о которых целенаправленно, по мнению М. Колобова, умалчивала власть и административные органы (Колобов, 1911: 7-15).

При этом в ряде статей организация «переселенческого дела» подвергалась еще более острой критике, а реализуемые официальными органами власти меры даже сравнивались с преступлением. Так, например, в еще одной статье, опубликованной на страницах «Сибирских вопросов», встречается следующее высказывание:

«Осуществление аграрной политики современного правительства давно вышло за пределы допустимого и совершается уже в той области, где для этой политики нет иного названия, как государственное преступление. Отыскание во что бы то ни стало свободных участков земли для отвода на них переселенцев, из числа расплодившихся не в меру российских мужиков, нарушающих спокойствие 134 тыс. помещиков, привело к экспроприации у сибирских инородцев и кочевников-скотоводов лучших их земель» (Из переселенческих ..., 1911: 66-67).

Нередко в статьях журнала особый акцент делался и на отдельных проблемах организации «переселенческого дела». При этом одной из наиболее наболевших проблем, по мнению ряда авторов, было несовершенство организации медицинской помощи переселенцам. На этот счет в статье Н. Скалозубова встречаются следующие рассуждения: «Одним из сопутствующих явлений современных способов колонизации Сибири являются эпидемические болезни, развивающиеся среди переселенцев на почве недоедания и тяжелых условий жизни. Точно так же, как и обратные переселенцы, эти вспышки болезней и голодовок являются показателями качества переселенческого дела» (Скалозубов, 1911: 6-7).

Н. Скалозубов подчеркивал, что «к сожалению, эти явления недостаточно обращают на себя внимание переселенческого ведомства, которое вообще не склонно углубляться в изучение дела колонизации, и в частности в изучение его дефектов» (Скалозубов, 1911: 6-7).

При этом ряд публицистов акцентировал особое внимание на малую пригодность, по их мнению, природных ресурсов сибирского края для осуществления сельскохозяйственного дела крестьянами-мигрантами. Так, в одной из работ, опубликованных в «Сибирских вопросах», встречается следующее характерное высказывание на этот счет: «Почва представляет вековой лед, малоприспособленный к земледелию» (Библиография..., 1911: 75-76).

Автор цитируемого выше материала предполагал, что органы власти не ведали, что творят, направляя в непригодные районы обнадеженных крестьян. В этом отношении приведем следующую цитату из той же работы: «Пересылают людей на край империи, не справляясь о том, как отразится переселение на туземцах и на пришлых» (Библиография..., 1911: 75-76).

Помимо общей критики, адресованной к органам власти, задействованным в разработке и реализации переселенческой политики, особо часто в материалах журнала встречалась критика действий и бездействия чиновников местной администрации. Можно заметить, что, находясь далеко за пределами сибирского края, редакция и авторы «Сибирских вопросов», издаваемых в Петербурге, особенно эмоционально критиковали именно местную власть, которая, по их мнению, не умела грамотно организовать «переселенческое дело» на местах, а порой намерено не желала справедливо разрешать «переселенческие вопросы».

Примером такой критики может выступить следующая выдержка из статьи, размещенной в журнале: «Томское переселенческое управление полагает, что все эти места пустовали по свойственной человеку глупости, потому что он не знает, где искать свое счастье. Теперь они хотят преподнести это счастье российскому переселенцу, заманив его баснословными урожаями хлеба..., обилием рыбы и всякого рода плодов земных. Но управление встретилось с одним небольшим препятствием в виде непроходимых лесов, тянущихся на десятки верст» (Из переселенческих ..., 1911: 66-67).

Далее автор цитируемой статьи «ругает» предложенное местными органами власти решение проблемы, заключающееся в «повсеместном выжигании лесов». Считая это варварством, публицист настаивает на поиске более гуманных и экономически взвешенных методов для выхода из сложившейся ситуации (Из переселенческих ..., 1911: 67).

Однако не только критике, но также освещению статистических и иных данных по реализуемой переселенческой политике были посвящены некоторые публикации, размещаемые в «Сибирских вопросах». Так, например, в статье Александра Аркадьевича Кауфмана, известного в то время русского статиста, приводятся сведения о численности и процентном соотношении переселенцев, прибывших из различных районов страны (табл. 2).

Таблица 2. Численность и процентное соотношение переселенцев, прибывших в Сибирь из различных районов страны (Кауфман, 1905: 198).

Из районов (наименования) / годы	Пришло в Сибирь душ: в среднем на каждый год периода и в процентах всего движения							
	1886 - 1890		1891 - 1895		1896 - 1900		1901 - 1903	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Северно-Черноземного	13049	60,9	32906	46,1	53840	36,5	14070	17,7
Среднего	2225	10,4	21327	30,2	31339	21,2	15738	19,8
Юго-Западного	-		85	0,1	4333	2,0	5630	7,1
Южно-Степного	-		467	0,7	8500	5,8	10973	13,8
Восточного и Юго-	786	3,8	7872	11,2	17430	11,8	3601	4,5

Восточного								
Промышленного	89	0,4	31	0,0	3039	2,4	1648	2,1
Западного	429	2	356	0,5	20296	13,8	22410	28,2
Северо-Восточного	3749	17,5	7519	10,7	5099	3,0	2950	3,7
Прибалтийского	-	-	53	0,0	1495	1,0	769	1,0
Точный район, откуда прибыли переселенцы, не установлен	1070	5,0	355	0,5	4249	2,5	1750	2,2
Итого	21397	100	71071	100	149620	100	79539	100

Как видно из табл. 2, в период с 1886 по 1890 годы наибольшая доля переселенцев прибыла из Северо-Черноземного района. Однако к 1901–1903 гг. существенно увеличилась доля мигрантов, прибывших в Сибирь из Западного района.

Следует также заметить, что переселенческий и колонизационный вопрос А.А. Кауфман называл «разными сторонами одной медали». По его мнению, это один из коренных вопросов народного хозяйства, одновременно – коренной вопрос хозяйственного и общественного развития всей Сибири (Кауфман, 1905: 171-200).

А.А. Кауфман подчеркивал: «Можно как угодно относиться к массовому наплыву переселенцев в Сибирь ... Можно желать усиленного развития колонизации Сибири. ... Можно и наоборот – ... отрицать за переселением какое-либо существенное, творческое значение, ... выдвигать на первый план вредные последствия массового наплыва переселенцев, вроде стеснения в землепользовании, усугубления бремени натуральных повинностей. ... Но во всяком случае нельзя сомневаться в том, что вся будущность Сибири стоит в теснейшей зависимости от будущности ее колонизации» (Кауфман, 1905: 171).

5. Заключение

Основные подходы к интерпретации «переселенческих вопросов» в популярных и авторитетных в то время журналах «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Сибирские вопросы» показывают следующее: для журнала либерально-западнической ориентации – «Вестник Европы» – была характерна более умеренная и «рецензируемая» критика, порой сочетающаяся с сухой констатацией фактов, имеющих место при реализации переселенческой политики органами власти.

В журнале земско-либеральной направленности «Русская мысль» проблемы переселенцев рассматривались более драматично. Особенностью здесь являлся и более противоречивый образ крестьянина-переселенца, транслируемый со страниц издания. Авторы материалов, опубликованных в журнале, не всегда использовали в своих описаниях лишь позитивные характеристики переселенцев, в отличие от иных либеральных и народнических изданий, на страницах которых преобладала характеристика крестьянина-переселенца как «неутомимого труженика», «несправедливо угнетенного лица», «обиженного страдальца, заслуживающего безусловного сострадания». Авторами упоминались негативные характеристики переселенцев, которых они называли «нерадивыми сынами церкви», «ленивыми и пьющими мужиками» и т.п.

В журнале «Сибирские вопросы» критика реализуемой властью переселенческой политики была еще более резкой, нежели в предыдущих двух изданиях. Нередко публикации авторов сопровождалась прямыми насмешками, сарказмом, иронией и юмором, высмеивающими те или действия со стороны органов власти. При этом особо острой критике подвергались местные чиновники сибирского края.

Однако в этом журнале, в отличие от журнала «Русская мысль», образ переселенца практически всегда рассматривался в позитивном ключе. На его страницах часто встречаются слова сочувствия и поддержки, обращенные к крестьянам-мигрантам, попавшим в затруднительные ситуации из-за бездействия и «произвола» местных властей.

Подводя итог, можно констатировать, что в целом либеральная пресса исследуемого периода довольно критично относилась к способам и методам реализуемой переселенческой политики в стране. Однако авторы и редакция журналов признавали и некоторые ее позитивные моменты миграции, которые, тем не менее, были несовершенны и требовали, по их мнению, дальнейшего совершенствования.

Литература

Алхазашвили, 2012 – Алхазашвили Д. Экономическое развитие России в начале XVIII века // История Российской империи. 2012. С. 12.

Астырев, 1890 – Астырев Н.М. Очерки быта населения Восточной Сибири // Русская мысль. 1890. № 7. С. 63-81.

Библиография ..., 1911 – Библиография: Якут. К вопросу о переселении в Якутскую область. М., 1911. Издание М.В. Пихтина // Сибирские вопросы: периодический сборник. 1911. № 20-21. С. 75-76.

- Внутреннее ..., 1893 – Внутреннее обозрение // *Русская мысль*. 1893. № 4. С. 157-169.
- Внутреннее ..., 1895 – Внутреннее обозрение // *Русская мысль*. 1895. № 4. С. 143-145.
- Вокач, 1892 - Вокач Н. Переселенческое дело // *Русская мысль*. 1892. №8. С. 65–83.
- Головачев, 1893 – Головачев Д.М. Переселенцы в 1892 году // *Вестник Европы*. 1893. № 8. С. 96-111.
- Головачев, 1894 – Головачев Д.М. Переселенцы в 1893 году // *Вестник Европы*. 1894. № 5. С. 357-397.
- Григорьев, 1884 – Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии // *Русская мысль*. 1884. № 1. С. 67-69.
- Есин, 2007 – Есин Б.И. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики. М., 2007. 186 с.
- Земско-переселенческий ..., 1908 – Земско-переселенческий трест // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1908. № 41-42. С. 26-38.
- Из переселенческих ..., 1911 – Из переселенческих авантюр (Письмо из Томска) // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1911. № 20-21. С. 66-67.
- Исаев, 1891 – Исаев А.А. От Урала до Томска: Из путевых заметок // *Вестник Европы*. 1891. № 5. С. 53-89.
- История ..., 2004 – История сибирской печати XVIII – начала XX в. Иркутск, 2004.
- Кабузан, 2004 – Кабузан В.М. Движение населения в Российской империи Отечественные записки. 2004. № 4. С. 10.
- Капустин, 1883 – Капустин С. Зеркало России // *Русская мысль*. 1883. № 1. С. 27-39.
- Кауфман, 1905 – Кауфман А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1905. № 1. С. 171-200.
- Колобов, 1911 – Колобов М. Переселенческие Перельструзы // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1911. № 20-21. С. 7-15.
- Никольский, 1880 – Никольский А. Подробности аграрного вопроса в черноземной России // *Русская мысль*. 1880. № 12. С. 59-243.
- Новые..., 1908 – Новые мероприятия переселенческого управления // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1908. № 41-42. С. 52-58.
- Периодическая..., 1991 – Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 года): Указатель газет и журналов / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: изд-во Томского ун-та, 1991. 96 с.
- Пономарев, 1886 – Пономарев С.М. Лето среди переселенцев: пересказы и очерки // *Вестник Европы*. 1886. № 9. С. 139-181.
- Скалозубов, 1911 – Скалозубов Н. Красный Крест в переселенческих районах // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1911. № 20-21. С. 6-7.
- Толочко, 2003 – Толочко А.П. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. 196 с.
- Харусь, 1996 – Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск, 1996. 228 с.
- Шатковская, 2016 – Шатковская Т.В. Внутренняя миграция как устойчивый фактор государственного образования Российской империи. // *Философия права*. № 6. 2016. С. 21-25.
- Шелгунов, 1888 – Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни // *Русская мысль*. 1888. № 1. С. 169-172.
- Шкапский, 1907 – Шкапский О. Ссудная помощь переселенцам (по поводу нового законопроекта о ссудах) // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1907. № 13. С. 27-36.
- Ядринцев, 1876 – Ядринцев Н.М. Сперанский и его реформы в Сибири // *Вестник Европы*. 1876. № 5. С. 91-117.
- Burds, 1998 – Burds J. Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and Russian Village. 1861-1905. Pittsburgh, 1998.
- Treadgold, 1957 – Treadgold D. Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton: Princeton University Press, 1957.
- Ustinova, Farakhutdinov, 2018 - Ustinova O.V., Farakhutdinov S.F. Structure and dynamics of employment of young people of the working class in the province of Tobolsk in the late XIX century. // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 370-382.

References

- Alkhazashvili, 2012 – Alkhazashvili D. (2012). Ekonomicheskoe razvitie Rossii v nachale XVIII v. [The economic development of Russia in the early XVIII century]. *Istoriya Rossiiskoi imperii*. p. 12. [in Russian].
- Astyrev, 1890 – Astyrev N.M. (1890). Oчерки byta naseleniya Vostochnoi Sibiri. [Life essays of the population of Eastern Siberia]. *Russkaya mysl'*. №7. pp. 63-81. [in Russian].
- Bibliografiya..., 1911 – Bibliografiya: Yakut. K voprosu o pereselenii v Yakutskuyu oblast'. [Bibliography: Yakut. On the question of resettlement in Yakutsk oblast]. М., 1911. Izdanie M.V. Pikhtina. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. 1911. №20-21. pp.75-76. [in Russian].

- Vnutrennee..., 1893** – Vnutrennee obozrenie. [Internal review]. *Russkaya mysl'*. 1893. №4. pp. 157-169. [in Russian].
- Vnutrennee..., 1895** – Vnutrennee obozrenie. [Internal review]. *Russkaya mysl'*. 1895. №4. pp. 143-145. [in Russian].
- Vokach, 1892** – *Vokach N.* (1892). Pereselencheskoe delo. [Resettlement case]. *Russkaya mysl'*. №8. pp. 65-83. [in Russian].
- Golovachev, 1893** – *Golovachev D.M.* (1893). Pereselentsy v 1892 godu. [Settlers in 1892]. *Vestnik Evropy*. 1893. №8. pp. 96-111. [in Russian].
- Golovachev, 1894** – *Golovachev D.M.* (1894). Pereselentsy v 1893 godu. [Settlers in 1893]. *Vestnik Evropy*. №5. pp. 357-397. [in Russian].
- Grigor'ev, 1884** – *Grigor'ev V.N.* (1884). Pereselenie krest'yan Ryazanskoj gubernii. [The resettlement of peasants from the province of Ryazan]. *Russkaya mysl'*. №1. pp. 67-69. [in Russian].
- Esin, 2007** – *Esin B.I.* (2007). Osnovnye etapy 300-letnei istorii russkoj zhurnalistiki. [The main stages of the 300 – year history of Russian journalism]. / Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoj zhurnalistiki. M., 186 p. [in Russian].
- Zemsko-pereselencheskii..., 1908** – Zemsko-pereselencheskii trest. [Land-resettlement trust]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. 1908. №41-42. pp. 26-38. [in Russian].
- Iz pereselencheskikh..., 1911** – Iz pereselencheskikh avantyr (Pis'mo iz Tomsk). [Adventures of resettlement (Letter from Tomsk)]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. 1911. №20-21. pp. 66-67. [in Russian].
- Isaev, 1891** – *Isaev A.A.* (1891). Ot Urala do Tomsk: Iz putevykh zametok. [From Ural to Tomsk: From the travel notes]. *Vestnik Evropy*. №5. pp. 53-89. [in Russian].
- Istoriya..., 2004** – Istoriya sibirskoi pečati XVIII – nachala XX v. [The history of the Siberian press XVIII – early XX century.]. Irkutsk, 2004. [in Russian].
- Kabuzan, 2004** – *Kabuzan V.M.* (2004). Dvizhenie naseleniya v Rossijskoj imperii Otechestvennye zapiski. [Population movement in the Russian Empire, notes of the Fatherland]. №4. p. 10. [in Russian].
- Kapustin, 1883** – *Kapustin S.* (1883). Zerkalo Rossii. [The Mirror of Russia]. *Russkaya mysl'*. №1. pp. 27-39. [in Russian].
- Kaufman, 1905** – *Kaufman A.* (1905). Kolonizatsiya Sibiri v ee nastoyashchem i budushchem. [Colonization of Siberia in its present and future]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. №1. pp. 171-200. [in Russian].
- Kolobov, 1911** – *Kolobov M.* (1911). Pereselencheskie Perel'struzy. [Resettlement Perelistnut]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. №20-21. pp. 7-15. [in Russian].
- Nicol'skii, 1880** – *Nicol'skii A.* (1880). Podrobnosti agrarnogo voprosa v chernozemnoj Rossii. [Details of the agrarian question in the black earth of Russia]. *Russkii mysl'*. №12. pp. 59-243. [in Russian].
- Novye..., 1908** – Novye meropriyatiya pereselencheskogo upravleniya. [New measures of resettlement administration]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. 1908. №41-42. pp. 52-58. [in Russian].
- Periodicheskaya..., 1991** – Periodicheskaya pečat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka - fevral' 1917 goda): Ukazatel' gazet i zhurnalov. [Periodical press of Siberia (the second half of the XIX century-February 1917): Index of Newspapers and magazines]. / Pod red. E.I. Chernyak. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1991. 96 p. [in Russian].
- Ponomarev, 1886** – *Ponomarev S.M.* (1886). Leto sredi pereselentsev: pereskazy i ocherki. [Summer among immigrants: retelling and essays]. *Vestnik Evropy*. №9. pp. 139-181. [in Russian].
- Skalozubov, 1911** – *Skalozubov N.* (1911). Krasnyi krest v pereselencheskikh raionakh. [The red cross in the resettlement areas]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. №20-21. pp. 6-7. [in Russian].
- Tolochko, 2003** – *Tolochko A.P.* (2003). Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoj Sibiri v dorevoljucionnyj period: stanovlenie i razvitie. [Urban self-government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development.]. Omsk, 196 p. [in Russian].
- Kharus', 1996** – *Kharus' O.A.* (1996). Liberalizm v Sibiri nachala XX veka: ideologiya i politika. [Liberalism in Siberia in the early XX century: ideology and politics]. Tomsk, 228 p. [in Russian].
- Shatkovskaya, 2016** – *Shatkovskaya T.V.* (2016). Vnutrennyaya migratsiya kak ustojchivyy faktor gosudarstvennogo obrazovaniya Rossijskoj imperii. [Internal migration as a stable factor of the state formation of the Russian Empire]. *Filosofiya prava*. №6. pp. 21-25. [in Russian].
- Shelgunov, 1888** – *Shelgunov N.V.* (1888). Ocherki russkoj zhizni. [Sketches of Russian life]. *Russkaya mysl'*. №1. pp. 169-172. [in Russian].
- Shkapskii, 1907** – *Shkapskii O.* (1907). Ssudnaya pomoshch' pereselentsam (po povodu novogo zakonoproekta o ssudakh). [Loan assistance to immigrants (about the new draft law on loans)]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. №13. pp. 27-36. [in Russian].
- Yadrintsev, 1876** – *Yadrintsev N.M.* (1876). Speranskii i ego reformy v Sibiri. [Speransky and his reforms in Siberia]. *Vestnik Evropy*. №5. pp. 91-117. [in Russian].
- Burds, 1998** – *Burds J.* (1998). Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and Russian Village. 1861-1905. Pittsburgh.
- Treadgold, 1957** – *Treadgold D.* (1957). Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton: Princeton University Press.

Ustinova, Farakhutdinov, 2018 – Ustinova O.V., Farakhutdinov S.F. (2018). Structure and dynamics of employment of young people of the working class in the province of Tobolsk in the late XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 370-382.

Переселенческие вопросы в обозрении либеральной прессы второй половины XIX – начала XX вв.

Вера Никандровна Черепанова^{a,*}, Ирина Анатольевна Филиппова^b, Виолетта Сергеевна Молчанова^{c,d}

^a Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Российская Федерация

^b Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

^c Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются материалы журналов либеральной направленности, освещающие вопросы переселенческой политики второй половины XIX – начала XX вв.: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Сибирские вопросы».

Выявлено, что на страницах журналов подвергалась критике реализуемая переселенческая политика; обсуждались недостатки принимаемых органами власти мер по организации перемещения крестьян, обустройству их жизни и быта на местах; затрагивались проблемы медицинского обслуживания мигрантов, нехватки медикаментов, а также выделяемых им субсидий и др. В статьях часто указывалось на то, что помощь и содействие, оказываемые переселенцам, явно недостаточны.

Однако, несмотря на общую схожесть поднимаемых вопросов, были и некоторые отличия в расставляемых авторами акцентах, манере изложения и подачи материала читательской аудитории.

Установлено, что авторами статей и обзоров, публикуемых в «Вестнике Европы», повышенное внимание уделялось анализу правовой базы, регламентирующей «переселенческое дело», описанию специфики и путевых условий обустройства аграрных мигрантов на новом месте.

В материалах «Русской мысли» более активному обсуждению подвергались причины сельскохозяйственных переселений. Здесь нередко публиковались результаты и программы земских обследований переселенцев, также как и рецензии на литературу по переселенческой тематике.

В журнале «Сибирские вопросы» основное внимание при раскрытии переселенческой тематики уделялось критике реализуемой властью переселенческой политики. Нередко публикации авторов сопровождалась прямыми насмешками, сарказмом, иронией и юмором, высмеивающими те или действия со стороны центральных и местных органов власти.

Ключевые слова: Сибирь, либеральная пресса, журнал «Вестник Европы», «Русская мысль», «Сибирские вопросы», переселенческая политика, крестьяне-мигранты, переселенческое дело.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: veranikandrovna@mail.ru (В.Н. Черепанова), filippovaia@tyuiu.ru (И.А. Филиппова), v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 728-735. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.728
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century

Larisa J. Anisimova ^a, Boris E. Andusev ^a, Evgeny A. Akhtamov ^{a,*}

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article covers the problems of socialization of the convicts in Siberia by the example of Yenisey province in the XIX century. The article has been based on the materials of Krasnoyarsk regional archival agency, specifically, on the volost documents. The local materials have been helpful in understanding the peculiarities of convicts' life. At the same time, the facts, mentioned in the article, are the particular cases of the common processes in Siberia.

The relations between the Siberians and the convicts have been heavily emphasized in the article. It has been ascertained that the attitude of native inhabitants toward to the convicts was ambivalent. From the one hand, the native inhabitants aimed to do what they can to help to the convicts. From the other hand, the native inhabitants demonstrated deep distrust of the convicts. The distrust reasons have been shown in the article and they are the follows: disposition of the convicts towards thefts, fraud, vagrancy, not readiness for returning well for good. Nevertheless, there are evidences in the archival funds sustaining some convicts became respectable members of society. The article contains the examples of conflicting situations between pleasant old residents and the convicts. The authors have considered the mechanism of communal control towards to the convicts, as well as the types of value judgments of the pleasant concerning to the convicts.

The authors have come to the conclusion that the social relations between the native inhabitants and the convicts contributed to the successful adaptation of the convicts to the considerable extend.

Keywords: Siberia, socialization, judicial system, Siberian route, rural population, the convicts, morality, wrongdoer, adaptation.

1. Введение

Ссылка в Сибирь всегда занимала особое место в истории России. Изначально целью ссылки было удаление неугодных государю лиц в отдаленные регионы страны. Позже ссылка за нарушение законов Российской империи приняла постоянный, массовый характер. Только за XIX в. в Сибирь было сослано около одного миллиона человек. При этом исследователи, как правило, уделяли большее внимание политическим мотивам ссылки. Такие же аспекты, как изменение правового, социального, материального положения уголовных ссыльнопоселенцев, оставались без должного внимания. В этой связи особый интерес представляет процесс их социализации, изменения самосознания, превращения их из уголовных элементов в полноправных жителей Приенисейской Сибири. На эти и другие вопросы призвана ответить данная статья.

2. Материалы и методы

Основой для выполнения исследования стали источники, хранящиеся в Архивном агентстве администрации Красноярского края. В данных материалах содержатся сведения по переписи населения, отчеты и донесения, жалобы местного населения. В фондах губернского и волостных

* Corresponding author

E-mail addresses: severyanova@mail.ru (L.J. Anisimova),
andjusev@yandex.ru (B.E. Andusev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov)

делопроизводства имеются ценные факты по локализации и категориям ссыльных, водворенных в регион на пожизненное проживание, данные об их имущественном, семейном и социальном положении в «обществах» сибиряков.

Работа базируется на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Изучение особенностей социально-правового положения, хозяйствования, быта уголовных ссыльных на территории Енисейской губернии основано на исследовании данных явлений в составе единого целого положения и бытовой культуры населения губернии. Специфика исторического исследования потребовала анализа процессов развития, социально-правовых отношений и мировоззрения, традиций, бытового уклада уголовных ссыльных Енисейской губернии в динамике общероссийской и сибирской истории. Для выявления типичности информации, специфики положения категории ссыльных используется сравнительно-исторический метод, который позволяет сравнить хозяйственно-бытовой уклад, стереотипы поведения ссыльнопоселенцев с укладом жизни и традициями енисейских крестьян-старожилов в их эволюции. С данных позиций социальную историю Сибири, и Енисейской губернии в частности, следует рассматривать и как результат субъектного взаимодействия. При этом ссыльнопоселенцев следует рассматривать не только в качестве субъектов-участников событий, но и как носителей мировоззрения уголовной среды, социальных отношений внутри и вне своей консорции. Сообщество русских крестьян – старожилов Приенсейской Сибири, старожильская община – в контексте предмета нашего исследования являются инструментами правовой, нравственной, психологической социализации ссыльнопоселенцев.

3. Обсуждение

Исследователи XIX в. уделяли значительное внимание уголовной ссылке. Так, Н.М. Ядринцев (Ядринцев, 1882) рассмотрел в своих работах историю ссылки в России, представил количественную динамику ссыльных, прибывавших на поселение в Сибирь по годам. И.В. Щеглов (Щеглов, 1883), исследуя ключевые моменты в истории Сибири, определил ссылку как важнейший фактор ее развития. Подробные описания быта ссыльнопоселенцев, их взаимоотношений со старожильческим населением содержатся в работах С. Турбина (Турбин, 1871; Турбин, 1872), И.В. Щукина, Н.М. Ядринцева. Американский исследователь Дж. Кеннан (Кеннан, 1999) в своей поездке по Сибири собрал богатый фактический материал. Он описал тяжелую жизнь политических ссыльных, собрал сведения о количестве ссыльных по годам, права различных категорий ссыльных. Дж. Кеннан определил, что порядка 35 % от общего количество ссыльных шли в Сибирь добровольно за своими родственниками.

В целом, в этот период был накоплен значительный объем информации по сибирской ссылке, введен в научный оборот пласт источников, представлены всесторонние описательные аспекты жизни ссыльных в Сибири.

В послереволюционный период исследование ссылки продолжилось на научной основе. Крупным изданием по истории Сибири и в том числе по истории каторги и ссылки в Сибирь стала Сибирская советская энциклопедия. Трехтомное издание содержит сведения об условиях пребывания ссыльных, их вкладе в общественную жизнь региона. Особое внимание уделялось политической ссылке. Исследователь А.Д. Колесников (Колесников, 1973) в своих работах рассматривал ссылку как источник роста сибирского населения. Он отмечал, что большинство ссыльных смогли освоиться в Сибири и растворились в крестьянском сословии. Анализ деятельности органов власти рассмотрены в работах А.С. Кузнецова (Кузнецов, 1984).

В послесоветский период изучением численности ссыльных в Сибири занимался А.Д. Марголис (Марголис, 1995). В оценке роли ссыльного населения в процессах заселения Сибири они пришли к общему выводу, что ссылка не оказала ключевого влияния на заселение Сибири. А.Д. Марголис полагал, что меры правительства по упорядочению ссылки, организации принудительной колонизации Сибири не были достаточными.

Значительным вкладом в изучение ссылки в Сибирь явились работы С.В. Кодана (Кодан, 2012). Рост количества осужденных на ссылку и каторжные работы он связывал с ростом классовой борьбы в стране. При этом автор отметил, что ссылка оказала значительное влияние на освоение Восточной Сибири. Теория роли колоний политических ссыльных в эволюции их мировоззрения, в развитии культурной, общественной жизни поселения была разработана Л.П. Роцевской (Роцевская, 1998). Ею выделена и типология колоний ссыльных в зависимости от локальных особенностей поселенческой среды.

Значительным вкладом в изучение проблем ссылки в Сибирь стали работы Н.Н. Щербакова (Щербаков, 1993) и Л.М. Дамешека (Дамешек, 1990), А.В. Ремнева (Ремнев, 1995). В их работах получили развитие вопросы политической ссылки, была проанализирована политика центрального правительства по обустройству быта и условий труда ссыльных. В частности, Л.М. Дамешек и А.В. Ремнев определяют ссылку как особенность управления сибирским регионом.

Следует отметить, что и в современных работах зарубежных авторов преобладает негативная оценка ссылки как явления. С. Бэддук (Бэддук, 2016) характеризует ссылку как «обширную тюрьму без крыши» или «тюрьму без стен». К числу недавно изданных работ по различным аспектам ссылки

XIX в. следует отнести работы А.М. Хламовой (Хламова, 2009), И.Н. Никулиной (Никулина, 2004), С.Г. Пятковой (Пяткова, 2008). Неослабевающий интерес к ссылке в Сибири говорит о значимости этого явления для развития Сибири, а также о наличии неисследованных областей в нем. Однако исследуемая нами проблема адаптации ссыльных и их этико-правовой и психологической социализации в «сибирское общество» изучена крайне слабо.

4. Результаты

После присоединения Сибири ссылка стала значимым направлением государственной политики. Она позволяла через высылку людей, опасных для общества и государства, решать и задачу заселения осваиваемых территорий. Чтобы судить о масштабах ссылки, обратимся к данным из исследования Дж. Кеннана о количестве и составе ссыльных только за 1885 г. (Таблица 1).

Таблица 1. Состав ссыльных в Сибирь за 1885 г. (Северьянов, 2010)

№	Разряд	Мужчины	Женщины	Всего
1	Каторжники, осужденные окружными судами на работы в рудники	1440	111	1551
2	Осужденные окружными судами на поселение	2556	133	2689
	Бродяги	1646	73	1710
	Сосланные по судебным приговорам	172	10	182
	Высланные по приговорам земельных обществ и исключенные из них	3535	216	3751
	Административно-ссыльные	300	68	368
3	Добровольно следовавшие в ссылку за членами своих семей	2069	3468	5536
4	Итого	11 717	4079	15 796

Но с позиций старожильского населения Сибири серьезным вызовом было ежегодное прибытие значительного количества людей, имеющих уголовное прошлое и «ущербные» нравственные качества.

Стереотипы поведения людей, вступивших в противоречие с нормами морали и права, в установках и мотивации исходили из особых норм взаимоотношений как в среде «своих» (т.е. преступников), так и с представителями тех социальных групп, с которыми они контактировали. Данные социальные установки также выявлялись и в стереотипных проявлениях хозяйственной жизни, быта, повседневной культуры. Важно также понять, что не всегда нормы поведения и отношения к миру могли быть «вечными». Человек склонен к постоянной адаптации к окружающему миру. Поэтому, естественно, уголовные ссыльные в сибирских условиях не могли не меняться с течением времени нахождения в среде свободного населения.

Мы можем предположить, что процесс сохранения преступных качеств и устремлений будет более выражен в условиях больших компактных групп ссыльных или поселений с преимущественно ссыльнопоселенческим населением. В то же время, если ссыльные расселялись в старожильские селения небольшими группами или индивидуально, процесс «перевоспитания» уголовных наклонностей мог происходить значительно успешнее и быстрее. Немаловажным для психологической адаптации и позитивной социализации ссыльнопоселенцев было и отношение населения к бывшим преступникам.

Поэтому, во-первых, мы должны проанализировать общие характеристики положения ссыльных в различных условиях социального окружения и отношения к ним извне. Во-вторых, нам необходимо рассмотреть социально-экономические характеристики больших компактных групп осужденных уголовных преступников. Социализация и адаптация в среду местных старожилов были не только условиями выживания в Сибири, материального обеспечения, хозяйствования, но и факторами мотивации укоренения или стремления к побегу из ссылки и возвращения в Европейскую Россию.

Из всех осужденных на ссылку в Сибирь в большей степени с крестьянами-старожилами общались ссыльнопоселенцы. При этом отношение крестьян-старожилов к поселенцам было двойственным: с одной стороны, поселенцев старались понять, а с другой, – относились с глубоким недоверием (Шукин, 1869).

Нами изучено поведение ссыльнопоселенцев и их отношения с крестьянами в отдельных селениях Енисейской губернии на основе волостных документов. Многие архивные материалы подтверждают стремление поселенцев к продолжению «преступной» жизни в ссылке. Сохранились документальные свидетельства того, что крестьяне теряли имущество в результате разбойных действий ссыльных. Например, в 1804 г. колодники Иванов, Сандалов и Крывелев совершили побег

из Боготольского завода и напали на крестьянина из деревни Гуськовая (ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 50. Л. 130-131-об.). В том же году банда ссыльных напала на зажиточное крестьянское домохозяйство в селе Новоселово (ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 52. Л. 18-об.). Подобные случаи продолжались в течение всего XIX века. В 1872 г. было расследовано дело о мошеннических действиях поселенца Ивана Егорова, проживавшего в деревне Шадрино Подсосенской волости. Организовав группу из таких же поселенцев, он обманом обобрал крестьян нескольких селений на крупную сумму. Архивные документы доказывают, что ссыльнопоселенец и далее продолжал «заниматься хищениями и мошенничеством» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 450. Л. 1-7).

Не случайно в Сибири ссыльных называли «варнаками», вкладывая в это слово осуждение и неприятие их воровской и «лихой» психологии. В отношении к ссыльным варнак занимал самую негативную, презираемую позицию, так как не желал исправиться, не хотел стать честным человеком. «Варнак» одновременно означал и человека безнравственного и склонного преступности, и человека, которого невозможно исправить. По словам С.П. Турбина, для современников быть названным «варнаком» было крайне оскорбительным и обидным (Турбин, Старожил, 1872: 111).

В середине XIX века Н.В. Басаргин после отбытия наказания в Сибири за связи с декабристами рекомендовал селить ссыльнопоселенцев отдельно от крестьян-старожилов. Он говорил, что ссыльнопоселенцы своей безнравственностью могут испортить старожильческое общество (Басаргин, 1988: 101). Он видел пример поселения ссыльных компактно в составе целого селения – деревня Тарутино Ачинского уезда Енисейской губернии была полностью образована поселенцами. Однако их превращение в крестьян в таких деревнях оказалось делом очень долгим. Через полвека, будучи в этом селении, С.П. Турбин увидел, что к 1871 г. жители селения продолжали сохранять преступные привычки. Он пишет, что здесь постоянно нарушается закон, все пьянствуют, крадут, нередко убивают среди жителей: «Из собранных ссыльных вместе вышло безобразие» (Турбин, Старожил, 1872: 91).

Попытки передать самим ссыльным некоторые общественные функции в «своем» замкнутом мире были неоднозначны. Это можно проследить на основе документа, описывающего опыт создания ссыльнопоселенческих структур управления отдельно от старожильческих. Так, в 1862 г. в селе Седельниково Сухобузимской волости на своей «сходке» десятками были выбраны поселенцы Семен Кочегаров и Степан Михайлов. Но позже Семен Кочегаров был арестован на трое суток за пьяный дебош. Волостной старшина распорядился заново провести выборы десятских из числа людей, долгое время проживших на поселении и зарекомендовавших себя с положительной стороны (ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 364. Л. 5, 10).

Далее нами на источниках селений Сухобузимской волости Красноярского округа в 1860 – начале 1870-х годов прослежена взаимосвязь «преступного» поведения ссыльнопоселенцев и их количественного состава в среде крестьян. Так, в селе Сухобузимском поселенцев было на 22 человека больше, чем крестьян. В деревне Большебалчугской поселенцев было больше, чем крестьян на 164 человека. Всего, согласно записям, в волости проживало 5404 крестьянина (57,5 %) и 3987 поселенцев (42,5 %) (ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 547. Л. 2). Мы выявили, что именно ссыльнопоселенцы из этих деревень совершили большинство краж у крестьян. Свидетельство об этом содержат дела о грабежах, кражах и хищениях в волости, произошедших в 1849, 1865 и 1872 гг. (ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 33, 411, 547). В связи с тем, что ссыльные составляли большинство населения в этих деревнях и проживали компактно, не происходило их размывание и поглощение обществом крестьян-старожилов.

По документам села Сухобузимского нами установлено, что у поселенцев преобладали кражи у своих же, поскольку старожилы, в случае кражи их имущества, начинали розыск по всем селениям. В архивных источниках это объясняется «крепкой взаимовыручкой» крестьян-старожилов и тем, что с поселенцами тут же разбирались «по-своему» (ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 411. Л. 18). Например, когда у крестьянина М. Першина из деревни Большебалчугской Сухобузимской волости было украдено две уздечки, они были найдены той же ночью. Поселенец Д. Ларионов пытался продать уздечки, но был пойман и сурово наказан помещением «под стражу в чижовку на месяц» (ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 411. Л. 105, 106).

В сознании старожилов кража чужого имущества воспринималась не только как покушение на нажитое трудом добро, но и угроза своему миру, правилам «нравственной» жизни в общине.

Социализирующее воздействие крестьянского мира было направлено на соблюдение обычных правовых норм поведения, отношения к собственности и отсюда нравственного состояния поселенцев.

Наиболее распространенные проступки и способы их «пресечения и исправления» крестьянами описаны в «общественных» приговорах. Например, типичным является постановление Заледеевского волостного правления Красноярского округа от 2 февраля 1855 г. Оно гласит, что поселенца Михаила Павлова, «замеченного в воровстве, пьянстве и развратной жизни» и за нарушение тишины и спокойствия, наказать розгами 15 ударами с записью в штрафную книгу (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2979. Л. 9). Старшина села Балахтинского в марте 1894 г. наложил арест на 10 суток на поселенца В. Катаврасова за крики и ругань «скверноматерными словами» в нетрезвом состоянии (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 849. Л. 4).

По отношению к «чужим» установки неприятия ссыльнопоселенцев часто толкали крестьян на весьма жесткие действия. Так, волостные документы во множестве представляют жалобы ссыльных и «постоянные обиды» со стороны крестьян-старожилов.

Например, сохранилось двенадцатистраничное дело о том, как кандидат волостного старшины Павел Григорьев Качаев нанес обиду поселенцу Иосифу Барановскому. Добропорядочный, «поведения хорошего и смиренный» староста из числа старожилов Павел Григорьевич Качаев был избран на должность. Однако уже через полгода, 10 июня 1872 г., во время праздника в селе Погорельском произошел инцидент. Со слов поселенца Иосифа Барановского, кандидат Павел Григорьевич Качаев был пьян и без причины его избил. В жалобе есть интересное добавление, что «при этом случае были свидетели из старожилов, не принявшие мер к прекращению побоев». Через несколько месяцев, в январе 1873 г., долгое разбирательство закончилось ничем. Видим, что общее негативное отношение и давление крестьян заставило поселенца Иосифа Барановского отозвать свою жалобу (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 603. Л. 1-5).

Когда ссыльный У. Марков «скверноматерно» обозвал крестьянку деревни Дербиной Анну Черменову «коростой», то она тут же вызвала сына, который жестоко избил поселенца. Во время разбирательства старожилы характеризовали ее как положительную во всех отношениях женщину. Что же касалось жалобы поселенца, то крестьяне единогласно свидетельствовали о том, что им неизвестно, что же произошло на самом деле (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 188. Л. 23-23об.).

Конфликтная ситуация между крестьянами и поселенцами формировалась и теми, и другими, но в условиях старожильской общины разрешалась в пользу крестьян. Если вопрос стоял о нарушении юридических норм или традиций обычного права, то однозначно любой проступок не оставлялся без наказания. Таков был механизм общинного контроля и коррекции поведения ссыльных в старожильческих селениях. По данным источников XIX века, процесс полной социализации в общине для ссыльнопоселенцев был продолжительным. Для признания «своими» в общине им следовало прожить в местах водворения около 50 лет, вести себя положительно в течение этого времени, а также иметь внуков рабочего возраста (Материалы по исследованию..., 1893: 48).

Если говорить о завершении социализации и адаптации бывшего ссыльного к крестьянскому миру, то архивные документы обычно описывают человека, имеющего свое устойчивое хозяйство, семью, детей, пользующегося уважением окружающих, ведущего традиционный образ жизни. Одновременно социализация предполагает и психологическую комфортность «укорененности» на новой родине. Поэтому наличие семьи для осужденного на поселение должно было служить важным условием его социальной реабилитации.

Еще в пунктах «Устава о ссыльных» поселенцам, мужчинам и женщинам, запрещалось вступать в браки между собой, но позволялось жениться на крестьянках-непреступницах. Историк В.А. Зверев, видный исследователь семейно-брачных отношений в Сибири, также пишет о роли смешанных браков в превращении ссыльных в сибиряков (Зверев, 1991: 69). Этнограф В.А. Липинская выяснила, что в первой половине XIX века брачные связи представителей разных социальных групп, в том числе и переселенцев и крестьян, были нередки. Однако к концу XIX века смешанные браки стали заключаться все реже, а старожилы стали более закрытыми (Липинская, 1985: 69-72). Наши источники последней четверти XIX века также констатируют, что многие ссыльные не смогли создать семьи и обзавестись детьми и внуками. Это была одна из важных причин снижения уровня позитивной социализации поселенцев в данный период и скорой отмены уголовной ссылки в Сибирь.

Если говорить об отношении сибирских крестьян к ссыльным, то в сознании сибиряков видна динамика нескольких типов оценочных суждений.

В первой половине XIX века мы видим явную позитивную оценку со стороны сибиряков в термине «несчастные» («нещастные»). Это отношение описал Н.В. Басаргин: «Сибирь снисходительно принимала всех... Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, ...какое он сделал преступление..., «несчастный» ...звали сосланных. От него требовалось только» быть хорошим человеком. Тогда он мог заслужить уважение людей, стать материально обеспеченным человеком (Басаргин, 1988: 100). С.П. Турбин обращал внимание на то, что у сибиряков есть очень хорошее качество – не оглядываться на то, что плохого человек сделал раньше. Даже существовала поговорка: «Быль (т.е. прошлое, бывшее) молодцу не укор» (Турбин, 1871: 119).

Одним из проявлений милосердия сибиряков была практика «подаваний». Так, ссыльным во время их пешего пути в ссылку, выносили хлеб, молоко, другие продукты. Широко была распространена практика помощи нуждающимся. В старожильской среде было принято оставлять продукты для бедных на полочках у ворот (Турбин, Старожил, 1872: 181).

В последней трети XIX – начале XX веков старожильские общины уже не ставили перед собой задачу социализации поселенцев в «свой» мир, но при систематическом нарушении норм и «порочном поведении» решением сходов просто выселяли их из селений Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1348; ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 3984; ГАКК. Ф. Оп. 1. Д. 133).

Все же мы подтверждаем, что старожильская община была успешным инструментом социализации поселенцев. Большое количество ссыльных в старожильческих поселениях, постепенно адаптируясь к крестьянской жизни в Сибири, становилось добропорядочными членами общества. Крестьяне влияли на процесс социализации ссыльных личным примером, сложившимися

традициями, а также нормами «обычного права». Во многих документах нашли отражение положительные итоги социализации поселенцев в результате включения их в старожильческие общества. Показателен пример поселенца деревни Марьясово Балахтинской волости Николая Стрельникова. В 1870 г. он был причислен к «обществу». Через несколько лет крестьянский сход дал высокую оценку его поведению. Также община относилась и к детям ссыльных, смотря в первую очередь на то, как они себя проявляли. Успешная материальная, социальная и психологическая адаптация завершала переход ссыльнопоселенца в компонент «своих» членов сельской общины. Таким образом, нами подтверждается не только противостояние, но и взаимопомощь крестьян и тех ссыльных, которым удалось преодолеть порог отчуждения и социализации их в старожильческие «общества».

5. Заключение

Перевоспитание уголовных ссыльных в старожильческих поселениях проходило успешнее в тех поселениях, где доля ссыльнопоселенцев была меньше. И наоборот, высокая их доля приводила к тому, что ссыльные в течение долгого времени сохраняли установки, вызывавшие порицание у старожилов. При этом адаптация ссыльнопоселенцев во многом зависела от отношения к ним местного населения.

Ссылка в Сибирь с целью колонизации окраин Российской империи, была мерой искусственной и принудительной и не могла в полной мере способствовать естественному заселению пустующих земель. Во многом это было обусловлено отсутствием инфраструктуры в месте организуемых поселений, а также необходимых орудий труда и минимальных бытовых удобств.

Литература

- Андюсев, 2004** – *Андюсев Б.Е.* Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII в. – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции. Красноярск, 2004. 263 с.
- Басаргин, 1988** – *Басаргин Н.В.* Записки. Красноярск, 1988. 304 с.
- Басаргин, 1988** – *Басаргин Н.В.* Воспоминание, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. 543 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края
- Горюшкин, 1993** – *Горюшкин Л.М.* Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Новосибирск, 1993. 292 с.
- Дамешек, 1990** – *Дамешек Л.М.* Историография и источниковедение истории Сибири эпохи капитализма (1861–1917 гг.). Иркутск, 1990. 90 с.
- Зверев, 1991** – *Зверев В.А.* Природные факторы воспроизводства сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 63-80.
- Кеннан, 1999** – *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка: очерки из жизни политических ссыльных: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. 160 с. Т. 2. 169 с.
- Кодан, 2012** – *Кодан С.В.* Местное право национальных регионов в правовой системе Российской империи: вторая половина XVII – начало XX вв. Москва, 2012. 195 с.
- Колесников, 1973** – *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. 330 с.
- Кузнецов, 1984** – *Кузнецов А.С.* Царизм и политика «штрафной колонизации» Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. С. 86-97.
- Липинская, 1985** – *Липинская В.А.* Семейно-брачные связи у крестьян Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири: XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 69-72.
- Марголис, 1995** – *Марголис А. Д.* Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995. 207 с.
- Материалы по исследованию, 1893** – Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 1V. В. 1. Иркутск, 1893. С. 48.
- Никулина, 2004** – *Никулина И.Н.* Из истории польской ссылки второй половины XIX в. в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета.* Томск, 2004. № 4. С. 169-174.
- Пяткова, 2008** – *Пяткова С.Г.* Польская политическая ссылка в Западную Сибирь. Сургут, 2008. 161 с.
- Ремнев, 1995** – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. 237 с.
- Рощевская, 1998** – *Рощевская Л.П.* Тобольский север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург. 1998. 429 с.
- Северьянов, 2010** – *Северьянов М.Д.* Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.). Кызыл, 2010. 247 с.
- Семилужский (Н. Ядринцев)** – *Семилужский (Н. Ядринцев).* На чужой стороне // Литературный сборник. Издательство ред. «Восточного обозрения». С. 202-203.

- [Сибирский архив, 1913](#) – Сибирский архив. 1913 г. № 2. С. 71.
- [Турбин, 1872](#) – *Турбин С.* Страна изгнания и исчезнувшие люди: сибирские очерки Турбина С. и Старожила. Санкт-Петербург, 1872. 367 с.
- [Турбин, 1871](#) – *Турбин С.* Сибирь. Краткое землеописание. Санкт-Петербург, 1871. 142 с.
- [Хламова, 2009](#) – *Хламова А.М.* Уголовная ссылка в Сибирь в художественном дискурсе второй половины XVIII века // Омский научный вестник, Омск. 2009. № 5. С. 33-37.
- [Щеглов, 1883](#) – *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882. СПб, 1883. 778 с.
- [Щербаков, 1993](#) – *Щербаков Н.Н., Горюшкин Л.М., Дьяков В.Л. и др.* История Сибири. Первоисточники. Вып. 2: Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга (XIX в. – февр. 1917 г.). Новосибирск, 1993.
- [Шукин, 1869](#) – *Шукин Н.С.* Народные увеселения в Иркутской губернии // *Записки ИРГО*. Т. 2. 1869. С. 384.
- [Ядринцев, 1882](#) – *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб, 1882. 471 с.
- [Bedkuk, 2016](#) – *Bedkuk S.* A Prison Without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oksford, 2016. 356 p.

References

- [Andyusev, 2004](#) – *Andyusev B.E.* (2004). Traditsionnoe soznanie krest'yan-starozhilov Prieniseiskogo kraia 60-kh gg. XVIII v. – 90-kh gg. XIX vv.: opyt rekonstruktsii [Traditional consciousness of the peasant old residents in Yenisey region in the 60s of XVIII – 90s of XIX centuries]. Krasnoyarsk, 263 p. [in Russian]
- [Basargin, 1988](#) – *Basargin N.V.* (1988). Zapiski [Proceedings]. Krasnoyarsk, 304 p. [in Russian]
- [Basargin, 1988](#) – *Basargin N.V.* (1988). Vospominanie, rassказы, stat'i. [Memories, stories, articles] Irkutsk. 543 p. [in Russian]
- [ГАКК](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of Krasnoyarsk Territory]
- [Goryushkin, 1993](#) – *Goryushkin L.M.* (1993). Politicheskaya sсыlka v Sibiri. Nerchinskaya katorga. [Political exile in Siberia. Nerchinsk penal colony] Novosibirsk. 292 p. [in Russian]
- [Dameshek, 1990](#) – *Dameshek L.M.* (1990). Istoriografiya i istochnikovedenie istorii Sibiri epokhi kapitalizma (1861–1917 gg.). [The history and source study of History of Siberia of capitalism age (1861–1917)] Irkutsk. 90 p. [in Russian]
- [Zverev, 1991](#) – *Zverev V.A.* (1991). Prirodnye faktory vosproizvodstva sel'skogo naseleniya Sibiri vo vtoroi polovine XIX - nachale XX vv. [Natural factors of reproduction of population in Siberia in the second part of XIX – at the beginning of XX centuries] // *Vliyanie pereselenii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sibiri v epokhu kapitalizma* [Influence of emigration to social-economic development of Siberia in capitalism age]. Novosibirsk. pp. 63-80. [in Russian]
- [Kennan, 1999](#) – *Kennan Dzh.* (1999). Sibir' i sсыlka: ocherki iz zhizni politicheskikh sсыl'nykh [Exile and Siberia: the studies of life of political convicts]. SPb. T. 1. 160 p. T. 2. 169 p. [in Russian]
- [Kodan, 2012](#) – *Kodan S.V.* (2012). Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v pravovoi sisteme Rossiiskoi imperii: vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv. [The local legal base of national regions in legal system of the Russian Empire: the second part of XVII – the beginning of XX centuries]. Moscow, 195 p. [in Russian]
- [Kolesnikov, 1973](#) – *Kolesnikov A. D.* (1973). Russkoe naselenie Zapadnoi Sibiri v XVIII – nachale XIX v. [Russian population in the Western Siberia in XVIII – the beginning of XIX centuries] Omsk. 330 p. [in Russian]
- [Kuznetsov, 1984](#) – *Kuznetsov A.S.* (1984). Tsarizm i politika «shtrafnoi kolonizatsii» Sibiri v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [Tsarism and policy of “penal colonization” of Siberia at the end of XVIII – the first part of XX centuries] / *Ekonomicheskaya politika tsarizma v Sibiri v XIX – nachale XX v.* Irkutsk, pp. 86-97. [in Russian]
- [Lipinskaya, 1985](#) – *Lipinskaya V.A.* (1985). Semeino-brachnye svyazi u krest'yan Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Matrimonial relations of the peasants in the Western Siberia in XIX-the beginning of XX centuries] / *Kul'turno-bytovye protsessy u russkikh Sibiri: XVIII – nachalo XX v.* Novosibirsk, pp. 69-72. [in Russian]
- [Margolis, 1995](#) – *Margolis A.D.* (1995). Tyur'ma i sсыlka v imperatorskoi Rossii: issledovaniya i arkhivnye nakhodki. [Prison and exile in Imperial Russia] M. 207 p. [in Russian]
- [Materialy po issledovaniyu, 1893](#) – *Materialy po issledovaniyu zemlepol'zovaniya i khozyaistvennogo byta sel'skogo naseleniya Irkutskoi i Eniseiskoi gubernii.* [Materials on land tenure and economic of rural population in Irkutsk and Yenisey governments]. V.1. Irkutsk, 1893. p. 48. [In Russian]
- [Nikulina, 2004](#) – *Nikulina I.N.* (2004). Iz istorii pol'skoi sсыlki vtoroi poloviny XIX v. v Zapadnoi sibiri [From the history of political exile in the Western Siberia in the second part of XIX century]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.* Tomsk, Nr. 4. pp. 169-174. [in Russian]
- [Pyatkova, 2008](#) – *Pyatkova S.G.* (2008). Pol'skaya politicheskaya sсыlka v Zapadnuyu Sibir' [Political exile in the Western Siberia]. Surgut, 161 p. [in Russian]
- [Remnev, 1995](#) – *Remnev A.V.* (1995). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoi polovine XIX veka. [Autocracy in Siberia. Administrative policy in the first part of XIX century] Omsk, 237 p. [in Russian]

- Roshchevskaya, 1998 – *Roshchevskaya L.P.* (1998). Tobol'skii sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka [The Tobolsk North on the mind of political convicts]. Ekaterinburg, 429 p. [in Russian]
- Sever'yanov, 2010 – *Sever'yanov M.D.* (2010). Sibirskaya dokolkhoznaya derevnya: zemlepol'zovanie, zemleustroistvo i pereselenie (1861-1930 gg.). [Siberian pre collective farm village: land tenure, organisation of the use of land and emigration] Kyzyl. 247 p. [in Russian]
- Semiluzhskii (N. Yadrintsev) – *Semiluzhskii (N. Yadrintsev)*. Na chuzhoi storone [In foreign parts] / Literaturnyi sbornik [Analects]. Vostochnoe obozrenie. pp. 202-203. [in Russian]
- Sibirskii arkhiv, 1913 – *Sibirskii arkhiv [Siberian archives]*. 1913. Nr. 2. 71 p. [in Russian]
- Turbin, 1872 – *Turbin S.* (1872). Strana izgnaniya i ischeznuvshie lyudi: sibirskie ocherki Turbina S. i Starozhila. [Ehe Land of expulsion and disappeared people: Siberian essays of Turbin S. and Old resident]. Saint-Petersburg, 367 p. [in Russian]
- Turbin, 1871 – *Turbin S.* (1871). Sibir'. Kratkoe zemleopisanie. [Siberia. Brief land description] Saint-Petersburg, 142 p. [in Russian]
- Khlamova, 2009 – *Khlamova A.M.* (2009). Ugolovnaya ssylka v Sibir' v khudozhestvennom diskurse vtoroi poloviny XVIII veka [Criminal exile in Siberia in artistic discourse in the second part of XVIII century]. *Omskii nauchnyi vestnik*, Omsk. Nr. 5. pp. 33-37. [in Russian]
- Shcheglov, 1883 – *Shcheglov I.V.* (1883). Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannykh iz istorii Sibiri 1032-1882. [Chronological list of the most important data of Siberian history] SPb. 778 p. [in Russian]
- Shcherbakov i dr., 1993 – *Shcherbakov N.N., Goryushkin L.M., D'yakov V.L. i dr.* (1993). Istoriya Sibiri. Pervoistochniki [History of Siberia. Primary source]. Vyp. 2: Politicheskaya ssylka v Sibiri. Nerchinskaya katorga. Novosibirsk, [in Russian]
- Shchukin, 1869 – *Shchukin N.S.* (1869). Narodnye uveseleniya v Irkutskoi gubernii [Popular amusement in Irkutsk province]. *Zapiski IRGO*. T. 2. 18 p. [in Russian]
- Yadrintsev, 1882 – *Yadrintsev N.M.* (1882). Sibir' kak koloniya. [Siberia as a colony] SPb., 471 p. [in Russian]
- Bedkuk, 2016 – *Bedkuk S.* (2016). A Prison Without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oksford. 356 p.

Проблемы социализации ссыльнопоселенцев в старожильской общине Приенисейской Сибири XIX в.

Лариса Юльевна Анисимова ^a, Борис Ермолаевич Андюсев ^a, Евгений Александрович Ахтамов ^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы социализации и адаптации ссыльнопоселенцев к жизни в Сибири на примере Енисейской губернии XIX в. Статья основана на материалах Красноярского краевого архивного агентства, в частности волостных документах, что позволяет лучше понять местные особенности жизни ссыльнопоселенцев. Вместе с тем описанные факты во многом являются частными проявлениями процессов, происходивших в Сибири в целом.

Значительное внимание в статье уделено отношениям сибиряков и уголовных ссыльных. На основании широкого круга источников и литературы показано, что отношение старожилого населения во многом было двойственным: с одной стороны, оно часто стремилось оказать посильную помощь ссыльным, с другой, – зачастую демонстрировало глубокое недоверие к ним. Показаны причины такого недоверия: склонность ссыльнопоселенцев к хищениям, мошенничеству, бродяжничеству, неготовности отплатить добром за добро. В основе отношения к поселенцам лежит все же неприятие их образа жизни и поведения. С другой стороны, в архивных фондах были найдены свидетельства того, что многие ссыльнопоселенцы становились уважаемыми, добропорядочными членами общества. Статья содержит примеры конфликтных ситуаций, возникавших между крестьянами-старожилами и ссыльнопоселенцами, рассмотрен механизм общинного контроля за поведением ссыльных, а также типы оценочных суждений крестьян по отношению к ссыльным.

Авторы приходят к выводу о том, что успешность адаптации ссыльных во многом зависела от преобладающей старожильской среды водворения ссыльных, глубины и устойчивости социальных связей коренных жителей и ссыльнопоселенцев.

Ключевые слова: Сибирь, ссылка, социализация, судебная система, сибирский тракт, сельское население, старожильская община, ссыльнопоселенцы, нравственность, варнак, адаптация, социализация.

* Корреспондирующий автор

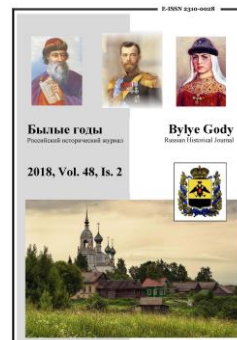
Адреса электронной почты: severyanova@mail.ru (Л.Ю. Анисимова), andjusev@yandex.ru (Б.Е. Андюсев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 736-749. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.736
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Role of Church Intellectuals in Preserving the National Memory in the Arkhangelsk Governorate in the 19th and early 20th centuries

Ilya F. Vereshchagin ^a, Alexandr M. Tamitskiy ^{a,*}, Nikolay M. Terebikhin ^a

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

Protection and extension of the remembrance culture are indispensable in the endeavor to preserve and augment the traditional spiritual and moral values underpinning the Russian society. *Intelligentsia* (a community of intellectual individuals), being purely Russian phenomenon and a specific sociocultural stratum formed in Russia in the 19th century, was tremendously aware of their paramount mission associated with protection and extension of the remembrance culture in the Russian society. This paper aims at revealing the role of the Orthodox Church intellectuals in the processes of actualization of historical memory as well as institutionalization of religious and cultural legacy of the Russian North. The research draws information from the materials found in the State Archive of the Arkhangelsk Region as well as in the eparchial church periodicals. Range of methodological tools used comprises methods of historical source studies employing the procedures of description, external and internal criticism as well as interpretation of written texts and artefacts. The paper provides analysis of contemporary historiographic situation as of the discussion of the research issue in question.

The research undertaken found that in the 19th and early 20th centuries provincial church *intelligentsia* from the Arkhangelsk Governorate played a significant role in protection and extension of the remembrance culture of the Russian North attempting to preserve its religious and cultural legacy. A repository of antiquities created by the Arkhangelsk Eparchy Ecclesiastical and Archeological Committee was of great importance for academic and educational reasons, while at the same time appearing as a genuine institute of memory destined to preserve, augment and immortalize the axiological legacy of the Russian North geocultural space.

Keywords: provincial church *intelligentsia*, memory culture, church-archaeological committee, archives, heritage, artifacts, the Russian North, church archaeology, patriotic upbringing, historical memory

1. Введение

Одной из наиболее важных задач многонационального государства в современном мире является достижение стабильности и гармонии в отношениях между населяющими его народами при сохранении целостности и суверенитета (Zaikov, Tamitskiy, 2016: 629). При этом сохранение и развитие культуры памяти является неотъемлемым условием сбережения и приумножения традиционных духовно-нравственных ценностей как основы российского общества (Теребихин, 2014). Подобная задача стоит не только перед государством, но и перед активной общественностью, играющей значимую роль в патриотическом образовании и воспитании молодежи, в привитии ей высоких идеалов служения Отечеству, любви к своей большой и малой Родине. В этом смысле интеллигенция является той социальной группой, которая более всего причастна к решению актуальных проблем сбережения и творческого освоения культурного наследия народов России.

* Corresponding author

E-mail addresses: i.vereschagin@narfu.ru (I. Vereshchagin), a.tamitskij@narfu.ru (A. Tamitskiy), terebihinn@mail.ru (N. Terebikhin)

Существенную роль в актуализации коллективной памяти и институционализации наследия играла провинциальная церковная интеллигенция, которая, по мнению выдающегося исследователя истории церкви на Русском Севере профессора А.В. Камкина, сформировалась в преддверии XX столетия в среде служителей церкви (Камкин, 1992: 18). Именно она и была призвана сохранять историческую память через изучение, музеефикацию и популяризацию церковно-археологических и фольклорно-этнографических древностей.

Известно, что такие отрасли исторического знания, как краеведение, археология, археография, палеография и другие, развивались в том числе и исследователями, относящимися к церковной интеллигенции. В конце XIX в. в России появляются краеведческие, географические, археологические общества и комиссии по сохранению и изучению историко-культурного наследия различных регионов Российской Империи. Рост интереса к истории родного края и его этнографической самобытности привел к развитию целой сети музеев, не последнее место в которой занимали церковные древлехранилища. Они точно так же, как светские публичные музеи, выполняли важные общественно-значимые функции. Музей является важным институтом формирования и сохранения исторической памяти общества (Божченко, 2012: 113). В этом смысле некоторые церковные древлехранилища, в том числе Архангельское, ничуть не уступали светским музеям.

Целью статьи является раскрытие роли православной церковной интеллигенции в актуализации исторической памяти и институционализации религиозно-культурного наследия Русского Севера.

2. Материалы и методы

2.1. Наиболее важными источниками изучения роли церковной интеллигенции в сохранении и развитии культуры памяти Русского Севера в XIX – начале XX вв. являются архивные документы и епархиальная пресса. Все сохранившиеся материалы, связанные с деятельностью Архангельского епархиального церковно-археологического комитета и Архангельского епархиального древлехранилища, собраны в Государственном архиве Архангельской области в отделном фонде (ГААО. Ф. 510). Оригинальные же письменные и вещественные памятники старины сегодня распределены по архангельским и Санкт-Петербургским музеям и архивам. Члены Комитета в силу ряда причин не имели возможности публиковать значительную часть своей научной продукции отдельными изданиями. Поэтому они регулярно печатали свои статьи и заметки на страницах «Архангельских епархиальных ведомостей», которые выходили в свет с 1888 по 1920 гг., т.е. практически одновременно с существованием Комитета и древлехранилища. Этот печатный орган имел стандартную для подобных церковных изданий структуру: делился на официальную часть (для опубликования официальных документов епархии) и неофициальную часть (в ней и размещались различные авторские материалы) (Vereshchagin, Zadorin, 2017: 1045). Местная церковная интеллигенция регулярно использовала Епархиальные ведомости для изложения идей и размышлений относительно церковно-исторических и фольклорно-этнографических древностей родного края.

2.2. При определении концептуально-методологических аспектов исследования авторы исходят из новейших разработок современного терминологического аппарата *memory studies*, представленных в монографии А.В. Святославского, по мнению которого наиболее общим понятием в данной области изучения является понятие культуры памяти (Святославский, 2013: 9). Методический инструментарий исследования образуют апробированные методы исторического источниковедения, предполагающие процедуры и приемы анализа, интерпретации источников, внутренней критики (анализа содержания) документов, материалов и артефактов, хранящихся в фондах провинциальных архивов и музеев, а также письменных источников (статьи и заметки), публиковавшихся в церковной периодической печати Архангельской губернии в XIX – начале XX века.

3. Обсуждение

Для современной отечественной и зарубежной историографии характерен растущий интерес к истории Русской православной церкви. Значительное внимание исследователи уделяют повседневной жизни дореволюционного провинциального духовенства и его составу (Бердинских, 1998; Леонтьева, 2002; Скутнев, 2009; Freeze, 1985; Plamper, 2000). Т.Г. Леонтьева поднимала вопрос о провинциальной церковной интеллигенции, отмечая, что священники порой становились краеведами исходя из своих обязанностей. Отечественный исследователь В.А. Бердинских также рассматривал сельского священника в качестве историка-любителя. При этом им выявлены такие предпосылки обращения духовенства во второй половине XIX века к истории и краеведению, как развитие культуры чтения, присутствие действующих губернских статистических комитетов, направленность краеведческой литературы на интеллектуального читателя.

Развитие получает изучение церковно-общественного бытия на Европейском Севере России (Туркина, 1998; Камкин, 1992). Профессор А.В. Камкин детально проанализировал различные сферы деятельности духовенства православной церкви на Русском Севере и зафиксировал образование в северных епархиях слоя провинциальной церковной интеллигенции в конце XIX века. Профессор

Н.К. Гуркина в своих исследованиях истории интеллигенции на Европейском Севере России уделила определенное внимание церковной интеллигенции как социальной группе.

В середине 90-х гг. XX века начинается возрождение традиций проведения церковно-археологических съездов. Первая Всероссийская научная конференция, посвященная проблемам церковной археологии, прошла на псковской земле, где зарождалось это научное направление (ЦА, 1995а; ЦА, 1995б; ЦА, 1995с). В отечественной историографии появляются исследования, посвященные анализу истоков церковной археологии в различных регионах Российской Империи (Алексеева, 2014; Биланчук, 2001; Колымагин, 2009; Косых, 2009; Лебедев, 2009; Полякова, 2012; Полякова, 2014; Сазонов, 2012; Чапланова, 2014). В них описывается подвижническая деятельность церковной интеллигенции по сохранению исторической памяти народа. История Архангельского епархиального церковно-археологического комитета и древлехранилища получила отражение в трудах архангельских исследователей (Бронникова, 2015; Кольцова, 2012; Петриченко, 2014). Однако в основном это были музейные работники, рассматривавшие данные епархиальные учреждения с позиции музеефикации церковных ценностей.

4. Результаты

4.1. Контекст

В пореформенный период государственная политика России в сфере народного просвещения, на протяжении XIX в. претерпевавшая трансформации, в итоге принесла свои плоды, подготовив массу грамотных и жаждущих получать знания граждан.

Во второй половине XIX в. в провинции (в том числе в Архангельской губернии) формировалась особая церковная интеллигенция, к которой можно причислить преподавателей духовных учебных заведений, священников-законоучителей в светских учебных заведениях и авторов местной церковной прессы. Священники вместе с мирянами основывали организации научного, просветительского, благотворительного вида. Профессор А.В. Камкин отмечал, что «провинциальная церковная интеллигенция начала выводить духовное сословие из состояния корпоративной замкнутости» (Камкин, 1992: 110).

Одним из важнейших дел провинциальной церковной интеллигенции была краеведческая работа, находившая отражение в публицистике. Краеведение и занятия историей способствовали появлению нового знания об «Отчем крае» (В.В. Варава), наполнению священнического или учительского служения высоким чувством любви к малой Родине, метафизика которой глубоко раскрыта великим русским богословом, философом и священником С.Н. Булгаковым (Булгаков, 2003).

Ряд священников становились историками-любителями. Проблематика их научных работ зачастую определялась тем, с чем пастыри имели дело в работе и жизни: исторические и этнографические описания уездных городов, приходов, сел, составление церковных летописей.

Исследователь О.Н. Болгова среди предпосылок, подтолкнувших священнослужителей осуществлять сбор фольклорно-этнографического материала, отметила следующее: первое – пастыри обладали хорошим гуманитарным образованием, которое позволяло им регистрировать и давать комментарии на многообразные стороны народного быта. Действительно, Архангельская духовная семинария давала достойное образование и обеспечивала епархию квалифицированными кадрами. Ряд священнослужителей имели академическое образование. Вторая предпосылка, по мнению автора, зиждилась на восприятии пастырями публикации в прессе как способе творческой самореализации. Все же нам представляется, что далеко не все священнослужители осознавали такую сторону периодического издания. К тому же относительно общего числа священнослужителей пастырей-публицистов насчитывалось незначительное количество. Третья предпосылка основывалась на желании «выйти из привычного круга занятий» (Болгова, 2010: 61). При оценке причин и предпосылок формирования провинциальной церковной интеллигенции из числа священнослужителей, увлеченных церковно-историческими и археолого-этнографическими изысканиями, связанными с памятниками старины и памятью предков, необходимо подчеркнуть, что Русская православная церковь по своей сути – это институт памяти, источник постоянного и вечного памятования, выработавший и особую мемориальную культуру. «Движение христианина во времени и пространстве отмечено непрерывной цепочкой памятных знаков-меток, нашедших яркое выражение и в важнейшей части православного культа – седмичном (недельном) и годичном кругах богослужения, и в соответствующей организации. Каждый день Церковь вспоминает определенные события и лица из Священного писания и истории Церкви (христианские праздники, дни именин)» (Святославский, 2013: 165).

Примечательно то, что формирование основных институтов памяти в Архангельской епархии (общества, комитеты, братства, периодическое издание) происходило примерно в одно и то же время при активном участии примерно одних и тех же лиц. Так, с именем епископа Нафанаила (Соборова), руководившего епархией в 1879–1882 гг. и в 1885–1890 гг., связано распространение миссионерства в отдаленные уголки Крайнего Севера, создание местного церковного периодического издания («Архангельских епархиальных ведомостей»), учреждение комиссии по собиранию и хранению памятников церковной древности. Конечно, следует оговориться, что не сам руководитель епархии

занимался повседневными заботами о создании и процветании органа печати или комиссии по древностям. Значительный труд выполняли как священники, так и преподаватели учебных заведений (духовных училищ и духовной семинарии). Наиболее авторитетным и заслуженным деятелем просвещения, безусловно, являлся Иустин Михайлович Сибирцев, долгое время руководивший и «Архангельскими епархиальными ведомостями», и епархиальным церковно-археологическим комитетом. Пожалуй, именно ему принадлежит основная заслуга в сохранении исторической памяти и оригинальных исследований в области церковных древностей в регионе.

Тем не менее от внимания или равнодушия преосвященнейшего владыки также многое зависело. Можно согласиться с В.Н. Лебедевым, что «частые перемещения епископов с одной кафедры на другую затрудняли их контроль за функционированием этих хранилищ. Поэтому неудивительно, что более половины архиереев считали создание древлехранилищ пустой тратой времени» (Лебедев, 2009: 347). Однако центральная церковная власть понимала значение памятников церковной старины для сохранения исторической памяти народа. Еще в 40-е гг. XIX в. государство в лице императора и Синода обратило внимание на нежелательность какого-либо обновления церковных памятников (Колымагин, 2009: 46). К тому же церковь имела опыт сохранения древностей: старинных священных текстов и жалованных грамот монастырям или различной церковной утвари. Вполне естественным было собирание подобных вещей, например, в ризницах монастырей, которые (если бы не их закрытость) могли бы послужить прообразом будущих церковных музеев. С 1869 г. регулярно проводились всероссийские археологические съезды, на которых, в частности, предлагались проекты образования церковно-археологических музеев при духовных академиях и епархиальных консисториях. После этого по всей стране, начиная с Киевской духовной академии в 1872 г., появляются различные церковные археологические учреждения. Одной из первых в этом отношении стала Архангельская епархия.

Вероятно, если бы не внимание епископа Нафанаила (Соборова) к проблеме сохранения церковных древностей, их остатки могли быть постепенно вывезены в хранилища столичных городов. Летом 1886 г. в ходе своей командировки по северным губерниям Беломорья посетил академик Академии художеств В.В. Суслов (Суслов, 1888). Он описывал и фотографировал памятники северной деревянной архитектуры и элементы декора. Отзыв академика был нелестным: «в Поморье царит страсть к новшеству и совершенное невнимание к остаткам нашего народного самобытного искусства» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 66). И это касалось не только архитектуры, но и других памятников древности. Внимание Академии художеств к Архангельскому Северу и позже не будет ослабевать. Столичные культурные учреждения ратовали за сохранение церковных древностей, но считали, что в Архангельске для этого нет подходящих условий.

Действительно, состояние церковных древностей и памятников было «до той степени плачевным, что позволяло говорить об утрате национальных ценностей» (Сазонов, 2012: 38). Но увлечение стариной начинает охватывать разные слои общества, в том числе купцов-старообрядцев, стремившихся собрать коллекции памятников дониконовской эпохи. Возникает потребность сохранить церковные древности от расхищения, и ее в первую очередь осознают церковные интеллигенты (Лебедев, 2009: 344; Сиволап, 2005: 407).

Местная архангельская интеллигенция (в том числе церковная) задумывалась о сохранении памятников древности. После письма В.В. Суслова епископ Нафанаил 30 ноября 1886 г. дает распоряжение духовной консистории о создании комиссии по сохранению памятников церковной письменности. Им был определен состав данной комиссии: священники Василий Александрович Смирнов, Илья Иванович Легатов, Николай Иванович Варфоломеев и преподаватель семинарии Иван Алексеевич Утретский. Параллельно с созданием комиссии независимо от консистории И.М. Сибирцев подготовил проект «Попечительства о сохранении церковных древностей в епархии» с древлехранилищем при архиерейском доме. Поступавшие от разных авторов идеи аккумулировались в общий проект. Правда, в какой-то момент владыка, соизмерив возможности епархии, сузил задачу будущей комиссии до сбора и хранения лишь письменных памятников древности.

В начале 1887 г. епархиальный съезд духовенства постановил: «в интересах науки вообще, и науки исторической в особенности депутаты признают весьма полезным и практичным учреждение в Архангельске хранилища древних письменных документов, хранящихся ныне в архивах церквей и монастырей без особенно тщательного присмотра за ними» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 68об.). Древлехранилище предполагалось разместить при архиерейском доме и на содержание комиссии выделять деньги из доходов епархии. На первом же заседании 25 января 1887 г. Комиссия для собирания, разбора и приведения в порядок церковных памятников древности Архангельской епархии решила распространить свою деятельность и на вещественные памятники древности (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3). Однако по неизвестной причине журнал этого первого собрания был утвержден владыкой 22 ноября 1888 г. Вероятно, это произошло ввиду того, что владыку не устраивало подобное решение Комиссии, либо так проявились бюрократические проволочки в Ведомстве православного вероисповедания. В то же время все эти полтора года комиссия исправно работала: например, собирала рапорты об имеющихся церковных древностях от настоятелей с мест.

В этом отношении Архангельская епархия опередила значительную часть страны. В 90-е гг. XIX в. археологические съезды вновь ходатайствуют перед Синодом о создании епархиальных музеев церковных древностей. Сам Синод предложил в каждой епархии постепенно формировать при духовных семинариях церковно-археологические комитеты, которые будут предназначены для наблюдения, регистрации и научного исследования вещественных и письменных памятников соответствующей территории. Церковь была заинтересована в сохранении и изучении памятников церковной старины (особенно тех, которыми уже не пользовались в повседневной службе) и в том, чтобы все желающие могли посещать места хранения древностей. А в 1914 г. при Синоде была создана своя Архивно-археологическая комиссия.

Таким образом, в Архангельской епархии одной из первых в стране была подготовлена база для создания действующего органа по сохранению исторической памяти.

4.2. Задачи церковного органа по сохранению памятников

Итак, первоначально созданная Комиссия должна была собирать письменные памятники, т.е. фактически служить архивом древних актов. Но сами церковные интеллигенты видели свои задачи шире. Так, в Правилах о «Церковном древлехранилище» в Архангельске (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1), составленных 1 сентября 1889 г., говорилось, что древлехранилище состоит из двух отделов: отдел письменных и печатных памятников и отдел предметов различной церковной утвари. Однако даже документы изымались высшей церковной властью и вывозились из Архангельска. В силу этого комиссия и древлехранилище в 1890–1891 гг. озаботились утверждением своего статуса, так как на тот момент они были лишь местной епархиальной инициативой. С этой целью епископ Нафанаил обратился в Святейший Синод. В апреле 1890 г. высшая церковная власть предварительно согласовала (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 9. Л. 40) учреждение древлехранилища при Михайло-Архангельском монастыре, но потребовала разработать четкие правила.

Председателем Комиссии В.А. Смирновым и его заместителем И.М. Сибирцевым оперативно был составлен документ, описывающий работу и древлехранилища, и самой Комиссии (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-6). Целями древлехранилища обозначались собрание и сохранение письменных и вещественных памятников церковной древности местного края, а также подготовка материалов для изучения Архангельской епархии в церковно-историческом отношении. Для формирования фондов древлехранилища необходимо было обладать полной информацией об имеющихся в епархии памятниках древности. Поэтому настоятели монастырей и причты приходских церквей обязывались предоставлять епископу рапорты об имеющихся в подчиненных им монастырях, церквях и часовнях (а также, если известно, у частных лиц) письменных и вещественных памятниках церковной древности, значимых в историческом и археологическом отношении предметов.

После рассмотрения рапортов члены Комиссии выбирали наиболее ценные материалы и запрашивали их в ведение древлехранилища. Принудительно ни документы, ни вещи у монастырей и церквей не забирались. Фонд формировался либо путем их покупки, либо пожертвования. Средства на приобретение и функционирование учреждения формировались из бюджета епархии, так как покровителем и условным руководителем древлехранилища считался сам Архангельский епископ. Поскольку у него было немало других забот, для управления учреждением создавался Церковно-археологический комитет.

Комитет состоял из председателя, его помощника, казначея, делопроизводителя и членов, состав определялся епископом из лиц духовного и светского звания, более или менее знакомых с местным краем в церковно-историческом и археологическом отношении. Комитет мог ходатайствовать перед епископом о назначении на должность членов-сотрудников лиц, участие которых в трудах Комитета было бы целесообразным. Председатель Комитета (В.А. Смирнов) осуществлял общее руководство работой учреждения. На помощника председателя (И.М. Сибирцев и И.И. Легатов) возлагалось непосредственное заведывание древлехранилищем, фиксация, каталогизация и хранение в порядке и целостности поступающих в древлехранилище предметов.

Церковно-археологический комитет должен был рассматривать поступающие к нему рапорты об имеющихся в церквях и монастырях епархии памятниках церковной древности и определять пригодность таковых для целей Комитета. Для этого он сам вел переговоры с соответствующими органами и лицами по вопросу приобретения памятников церковной древности. Помимо этого члены Комитета рассматривали и по возможности определяли древность поступающих в фонд документов и вещей, составляли их подробные описания. Членам следовало заботиться о полноте древлехранилища, надлежащем размещении и хранении поступающих предметов древности.

После того, как правила были утверждены, 4 февраля 1891 г. последовал Указ Синода (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 14. Л. 10) о разрешении учредить в Архангельске древлехранилище и перевести его из архиерейского дома в Михайло-Архангельский монастырь. В итоге древлехранилище признавалось первоочередным учреждением по сравнению с Церковно-археологическим комитетом. Важнее было хранение, а не изучение памятников древности. Значение этого, вновь учрежденного собрания описано анонимным автором в епархиальных ведомостях: «Для достижения высоко нравственных целей самым существенным средством является знакомство с письменными и вещественными памятниками древней церковно-исторической жизни наших предков, при том знакомство не книжное, не по описаниям, хотя бы то и самым полным и точным, а по непосредственному,

наглядному рассматриванию их, при котором всякий невольно уносится своими мыслями к доброму старому времени» (N.N., 1891: 162).

Однако сами представители церковной интеллигенции, активно включившиеся в работу по сохранению и изучению памятников старины, расширяли свои задачи. И постепенно именно исследовательская работа стала преобладать над просто собиранием и сохранением. Это повлекло за собой формальное одобрение. 10/22 августа 1905 г. Синодом (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 44. Л. 5) был утвержден новый устав Комитета. По этому документу учреждение имело целью собирание, сохранение и обследование местных памятников древности и историческое изучение религиозной и церковно-общественной жизни местного края. Комитет ставил перед собой ответственную задачу наблюдения за сохранностью вещественных памятников церковной древности в епархии и принятия мер против их потери и порчи. Помимо собирания и хранения в древлехранилище церковно-религиозных, бытовых и других памятников древности члены комитета должны были заниматься приведением в известность и описанием всякого рода памятников древности и архивов церквей и монастырей епархии, т.е. публиковать эти документы. Комитет, наконец, официально брал на себя и просветительские задачи: распространение церковно-исторических и археологических сведений, привлечение внимания и интереса к древностям, устройство публичных чтений и т.п. При этом члены Комитета интересовали материалы не только местной религиозной, но и общественной жизни.

Происходила и перестройка внутренней работы учреждения. Древлехранилище теперь было поставлено в подчинение Комитету, а также в качестве отдельного подразделения выделялась библиотека, где собирались научные труды и периодические издания. Звание члена Комитета было совмещено с требованием участвовать лично в трудах Комитета или делать пожертвования. Почетными членами становились лица, известные своими трудами, оказавшие особые услуги и помощь, сделавшие комитету значительные денежные или вещественные пожертвования (например, протоиерей Кронштадтского собора Иоанн Ильич Сергиев). Действительные члены – лично участвующие в деятельности Комитета, вносящие ежегодно не менее 3 рублей или одновременно не менее 50 рублей. Члены-сотрудники – непосредственно работающие в Комитете или вносящие ежегодно не менее 1 рубля. Если в течение 3 лет член Комитета не приносил пользу или не платил взносы, то считался исключенным из Комитета. Должностные лица Комитета (председатель, помощник председателя (он же заведующий древлехранилищем), помощник заведующего древлехранилищем, библиотекарь, казначей, секретарь) избирались на три года, что подразумевало ротацию кадров. Помимо очередных (как правило, ежемесячных) собраний были введены общие годовые отчетные собрания.

В Уставе Комитета, который был даже отпечатан отдельной брошюрой (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 89. Л. 1-5), более четко фиксировалось, что древлехранилище переставало быть просто архивом и фондом вещественных памятников, оно служило общественному просвещению и сохранению в народе памяти о его истории. В Уставе прописывалось, что для обозрения древлехранилища всеми желающими назначаются особые дни и часы. Экскурсию, как правило, ведет сам заведующий. Также отдельно оговаривалось, что предметы должны храниться в шкафах и витринах под стеклом, иконы – на стенах, а крупные предметы ограждены.

Древлехранилище обычно было открыто для обозрения посетителей по воскресным дням с 13.00 до 15.00, а для приезжих – и в другие дни. Среди посетителей древлехранилища, число которых, например, в начале XX в. составляло до 300 человек в год (Сибирцев, 1905: 189), было немало священников, чиновников, мещан, учащихся. Среди приезжих посетителей были выходцы, например, из Петербурга, Москвы, Житомира, Воронежа, Тифлиса и других городов и местностей.

Исполняя задачу просвещения, Комитет регулярно публиковал свои научные изыскания и сами письменные памятники старины. В «Архангельских епархиальных ведомостях», начиная с 1904 г., регулярно печатались подробные отчеты о составе, деятельности и средствах Архангельского епархиального церковно-археологического комитета (Смирнов, 1908).

Таким образом, в начале XX в. в Архангельской губернии развернулась всесторонняя работа церковной интеллигенции по сохранению, изучению и популяризации истории родного края.

4.3. Проблемы организации работы церковно-археологического комитета

Успешность выполнения задач Архангельского епархиального церковно-археологического комитета зависела от его состава. Первоначально, ещё на этапе создания Комиссии по собиранию и хранению памятников церковной древности, в нее вошли семь человек – священники и преподаватели местной духовной семинарии. Почти сразу были избраны почетные члены, которые, по сути, не вели никакой работы, но уже имели серьезный авторитет среди местных интеллектуалов: протоиерей Иоанн Кронштадтский (Сергиев) и отставной полковник, краевед, автор трудов по истории Поморья С.Ф. Огородников. Впоследствии состав стал расширяться, в 1912 г. членами Комитета числились уже 34 человека (ПКАГ, 1012: 162).

Профессиональный состав Комиссии, а затем и Комитета, был довольно разнообразен, но в основном ограничивался церковной интеллигенцией. Клер был представлен епископами, благочинными, протоиереями, священниками, диаконами, монахами. В состав сотрудников образовательных учреждений входили инспектора семинарии, епархиальные наблюдатели

церковных школ, инспектора классов, смотрители духовных училищ, преподаватели духовной семинарии, мужского и женского духовных училищ. Также включены были чиновники: члены и секретари духовной консистории, товарищ председателя окружного суда, мировой судья, губернский архитектор, казначей архангельского казначейства, член-секретарь губернского статистического комитета и городской голова Архангельска. Кроме почетных членов были еще сотрудники, жившие за пределами Архангельска: священник В.Д. Перовский (Холмогоры), иеромонах Никодим (смотритель Санкт-Петербургского духовного училища), В.М. Верюжский (помощник инспектора Санкт-Петербургской духовной семинарии).

За 33 года существования состав и руководство Комитета не были постоянными. До конца 1895 г. председателем был протоиерей В.А. Смирнов, затем его на более чем 10 лет сменил И.М. Сибирцев. В рамках положения Устава о ротации кадров в 1907–1909 гг. председателем снова был В.А. Смирнов. В 1909 г. Василий Александрович, а также Иван Алексеевич Утретский (бывший 22 года секретарем Комитета) попросили об отставке по «многосложности обязанностей» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 54. Л. 1), которые они имели и в других сферах. После этого вплоть до 1920 г. Комитетом опять руководил Иустин Михайлович. Должность заместителя председателя (а значит и заведующего древлехранилищем) попеременно занимали протоиерей А.В. Кириллов и губернский архитектор А.А. Каретников.

Спектр работ в Комитете и древлехранилище был довольно широк. Сотрудники разбирали рапорты, направляемые от настоятелей монастырей и церквей по указу епископа. Зачастую поступали подозрительные сведения об отсутствии ценных артефактов, что отмечалось в Комитете. Так, например, в рапорте причта Сурского прихода говорится о том, что церковных древностей «никаких не имеется». Но при этом сотрудник Комитета карандашом подчеркнул и приписал «Неправда!» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 14. Л. 25). В адрес комитета поступали письма не только от священников, но и от мирян об обнаружении икон и других памятников церковных древностей.

Члены Комитета часто выезжали с обследованиями в разные уголки Архангельской губернии. Оказавшись на местности, приходили в отчаяние от состояния памятников древности. По воспоминаниям И.М. Сибирцева, «во внутренних помещениях храмов тогда, действительно, трудно было найти какие-нибудь древности: все таковые обыкновенно сваливались в кладовые, на чердаки или в подвалы, где они покрывались пылью, портились, ломались, уничтожались или расхищались, иногда продавались как лом или ненужный хлам. Старинные храмы перестраивались, архитектура их изменялась, иконы исправлялись и подновлялись до того, что вместо одного святого или события являлись другие» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 700б-71).

С 1910 года Комитет получил дополнительную функцию. В случаях возбуждения причтами ходатайств о ремонте или перестройке старинных церковных зданий духовная консистория стала запрашивать по данному поводу мнение Комитета, принимавшего участие в деле сохранения памятников древнерусского церковного зодчества от искажений и даже уничтожения. Как правило, Комитет высказывался за сохранение и поддержку старины и указывал для этого возможные способы и средства. Составленные отзывы Комитета передавались на места причтам и часто имели благоприятные для сохранения истории результаты. В особых случаях дела направлялись для определения решения в Императорскую Археологическую комиссию.

Члены комитета сами не раз принимали участие во всероссийских археологических съездах. Высокий уровень профессионализма показывал И.М. Сибирцев, что в дальнейшем признавали, например, Я.Л. Барсков, Б.Д. Греков и А.А. Шахматов (Варфоломеев, 1996: 32). К нему за консультацией периодически обращались сотрудники Санкт-Петербургской Археографической комиссии и Московского археологического общества.

Даже учитывая рост количественного состава Комитета, возможности были его скромными. Территория губернии была слишком большой, а коммуникации в ней были ограничены. Поэтому Комитету в 1909 г. пришлось обратиться к местным благочинным, наблюдателям школ, семинаристам с просьбой активно заниматься на местах поисковой работой (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 54. Л. 3). Они могли стать добровольными помощниками в деле сохранения и развития культуры памяти Русского Севера.

Несмотря на незначительность своих сил и средств, Комитет последовательно старался сберечь в своем музее и изучить по мере возможности предметы старины и древности церковно-общественного характера, в которых нередко «под невзрачной внешностью таится глубокая религиозная мысль, бьется живое религиозное чувство, ощущается трепет народного сердца» (ОоСДиСАЕЦАК, 1909: 340).

Эта работа, в том числе со священнослужителями на местах, не прошла даром. Уже в 1914 г. все реже отмечались случаи небрежного отношения к предметам старины и передачи письменных, печатных, иконописных и других памятников в руки недобросовестных торговцев. Подобные примеры, действительно, были: приходские священники, часто вынужденные выживать и думать скорее о материальном, чем духовном, иногда продавали залежавшуюся старинную вещь или рукопись торговцу. Если такие случаи становились известными церковной власти, то обычно приводили к строгому, но справедливому взысканию со стороны епархиального церковного суда.

Фонды древлехранилища представляли разные уголки Архангельской губернии, наибольшее число артефактов происходило из Холмогорского, Шенкурского и Онежского уездов. В распоряжении членов Комитета оказались архивы Антониево-Сийского, Кийского Крестного, Важского Богословского, Николо-Корельского и других монастырей. К сожалению, часть экспонатов периодически приходилось направлять в центральные хранилища.

С момента создания в Архангельске древлехранилища его состояние было особой заботой для церковных интеллигентов. Фонды древлехранилища постоянно пополнялись, его функция просто хранилища уступала место функции архива и музея. В нем проводились не только экскурсии, учреждение было открыто и для научной работы, в частности в него для работы с материалами допускались и студенты. Однако размещение древлехранилища долгое время оставалось совершенно неприемлемым.

Изначально собрание хранилось в комнате архиерейского дома. Но сменивший владыку Нафанаила в 1890 г. епископ Александр (Закке-Заккис) потребовал освободить данную комнату под свою канцелярию (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 730б.). И документы (около 300 экземпляров) стали кочевать по ветхим помещениям и сараям. Последующие епископы были более внимательны к древлехранилищу и озаботились новым зданием для него. В 1895 г. из деревянного дома при Михайло-Архангельском монастыре древлехранилище перевели в полукаменный дом. Всего семь раз оно переезжало с одного места на другое.

Летом 1901 г. древлехранилище переведено в новое построенное здание, которое в 1903 г. было передано на содержание комитета. Помещение, занимавшее древлехранилище, было одноэтажным, состояло из 4-х комнат. В одной из них помещались вещественные памятники исторической старины, а в другой – письменные (Бугославский, 1902: 1). На тот момент оно было наполнено по преимуществу предметами церковного характера, а предметов светского характера в нем хранилось относительно немного.

Члены Комитета, и в первую очередь И.М. Сибирцев, приложили много усилий для распределения предметов в древлехранилище, учитывая его тесноту и другие неудобства. Большинство предметов (потиры, диски, звезды, дарохранильницы, дароносицы, копия, лжицы, кресты, антиминсы, евангелия, брачные венцы и т.п.) располагались в витринах под стеклом по видам и хронологии. Царские врата, иконы размещены по стенам (на одной из стен – наподобие старинного иконостаса). Деревянные резные аналои, деревянные и восковые расписные свечи, слюдяные фонари, деревянные подсвечники и т.п. размещались так, чтобы их можно было осмотреть со всех сторон.

Церковное древлехранилище было не единственным местом сохранения старины в Архангельской губернии. В начале XX в., помимо древлехранилища, существовало несколько самостоятельных музеев: Архангельский публичный городской музей, Рыбпромышленный музей Крайнего Севера, музей Архангельского общества изучения Русского Севера (Дианова, 2015: 56). Городская интеллигенция даже стала задумываться о коллаборации с ними. На торжественном заседании, посвященном 25-летию Комитета в 1912 г., его член, городской голова Я.И. Лейцингер заявил, что комиссией по устройству в Архангельске «Музея Русского Севера имени М.В. Ломоносова» предположено соединить все существующие в городе музеи в одном здании (ТСЕЦАК, 1912: 533), в том числе в этом объединенном музее можно было бы разместить фонды и епархиального древлехранилища. Но Архангельский епископ выразил на это согласие при условии полной обособленности древлехранилища от других музеев и отдельного заведывания им со стороны духовного ведомства. Тем не менее проект так и не осуществился.

Помимо того, что местная церковная интеллигенция занималась просвещением населения в рамках древлехранилища, она стремилась донести информацию о памятниках до широкой аудитории. Члены Комитета регулярно публиковали в «Архангельских епархиальных ведомостях» и «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» свои заметки исторического характера. Наиболее часто публиковались Г.К. Бугославский (Бугославский, 1903), А.В. Теремицкий (Теремицкий, 1907), Н.Д. Козмин (Козмин, 1904), И.М. Сибирцев (Сибирцев, 1905). Кроме того, были составлены описание приходов и церквей епархии и описание монастырей (КИОПиЦАЕ, 1894–1896; КИОМАЕ, 1902). За свои многочисленные исторические труды товарищ председателя окружного суда Г.К. Бугославский в 1904 г. стал почетным членом Комитета. Но это не означало его уход на покой – он продолжал работать с историческими памятниками и регулярно публиковаться.

Часть трудов сотрудников Комитета выходила отдельными брошюрами, хотя чаще всего это были приложения к епархиальным ведомостям, отпечатанные в той же типографии. Сам епархиальный печатный орган не всегда имел возможность размещать историческую информацию в должном объеме. Собственного периодического издания у Комитета так и не появилось из-за постоянного дефицита финансов. При этом стоит признать, что духовенство епархии не оставляло Комитет без средств и регулярно на своих епархиальных съездах подтверждало финансирование (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 14. Л. 1).

Таким образом, несмотря на определенные трудности, носящие как объективный, так и субъективный характер, архангельская церковная интеллигенция сумела создать одно из самых больших и развитых в научном и общественном планах церковных древлехранилищ России.

4.4. Судьба Комитета и древлехранилища

В период Первой мировой и Гражданской войн состояние всех епархиальных учреждений оказалось под угрозой. Деятельность Комитета в отношении сохранения памятников церковной архитектуры стала носить пассивный характер: он отвечал только на те запросы, с которыми обращалась к нему духовная консистория, для инициативы и активных действий в этом направлении он не имел ресурсов. После установления на короткий срок Советской власти в Архангельской губернии решено было перевести древлехранилище в мае 1918 г. в здание мужского духовного училища. В отчете о работе Комитета за 1918 г. И.М. Сибирцев негативно отзывался о большевиках и Советской власти: «Безграмотные совдепы, невежественные комиссары, всевозможные исполнительные комитеты» грабили, убивали и издевались над интеллигенцией (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 80. Л. 2). Пришедшие к власти в августе 1918 г. белые и интервенты также не привнесли покоя в церковно-общественную среду.

Однако в таких тяжелых условиях интеллигенция не переставала думать о сохранении исторической памяти. Архангельское общество изучения Русского Севера предложило Комитету рассмотреть проект устава будущего «Общества друзей Музея Северного края имени Ломоносова» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 80. Л. 13-22). Члены комитета согласились с пользой такого нового учреждения, но, обсудив положение дел, решили отложить рассмотрение по существу до лучших времен. Но с сентября 1919 г. при приближении к Архангельску Красной армии стал подниматься вопрос об эвакуации из города фондов древлехранилища. В октябре гражданская власть выступила за немедленную эвакуацию, но председатель Комитета И.М. Сибирцев обращал внимание, что упаковка и эвакуация документов и вещественных памятников истории – дело дорогое и опасное для музея и библиотеки (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 82. Л. 7-10). Он задавался вопросом: кто будет заботиться о содержании коллекции на Мурмане или еще где-то? Пока шли долгие приготовления к эвакуации, антибольшевистская власть на Севере рухнула. На последнем собрании Комитета в январе 1920 г. (за месяц до прихода большевиков) сотрудники еще обсуждали насущные вопросы: о помещении, финансировании, ограничении распродажи церковных предметов.

В феврале 1920 г. коллекция древлехранилища изъята в музейную комиссию Архангельского ГубОНО. 2 марта 1920 г. Комитет упразднен решением Губисполкома (Хорова, 2007: 53). В конце года наиболее ценная часть памятников древлехранилища была переведена в пакгаузы Гостиных дворов, где не было условий для их хранения. В 1922 г. оставшееся собрание перевели в Архангельский Дом книги, где теперь работал И.М. Сибирцев. В это время происходит объединение музейных коллекций в «Архгубмузей». Иустин Михайлович пытался сохранить свое собрание как «Музей древнерусского искусства», но у него не получилось. В 1926–1928 гг. остатки древлехранилища были переданы Северному краевому музею (Петриченко, 2013: 64–66).

Значительная часть собрания древлехранилища постепенно была вывезена за пределы Архангельского Севера и распределена между архивами и библиотеками страны. В отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге создан фонд «Архангельское древлехранилище», в котором содержатся рукописные книги. Часть церковных документов хранится в архиве Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН и Российском Государственном архиве древних актов. Многие предметы из драгоценных металлов в 30-е гг. были изъяты из коллекции Северного краевого музея и поступили в Госфонд, после чего их дальнейшая судьба неизвестна (Кольцова, 2012: 23).

Часть письменных памятников и на сегодняшний день хранится в Архангельске в Государственном архиве Архангельской области и Архангельской областной научной библиотеке. Часть вещественных памятников хранится в фондах Архангельского областного краеведческого музея и Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (Петриченко, 2014: 45). Наследие церковной истории Севера сегодня вновь доступно широкому кругу посетителей музеев.

5. Заключение

В результате проведенных исследований было установлено, что провинциальная церковная интеллигенция Архангельской губернии в XIX – начале XX вв. сыграла существенную роль в сохранении и развитии культуры памяти Русского Севера, в сбережении его религиозно-культурного наследия.

Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет собрал в своем древлехранилище свыше 700 вещественных памятников монастырского и церковно-приходского уклада Северной Руси, до 800 рукописных книг (начиная с XIV в.) и более 30 000 старинных актов и документов, раскрывающих различные аспекты истории Русской Православной церкви в пространстве исторической и культурной памяти Русского Севера (ТЗЦАКиОИРС, 1918).

Древлехранилище, созданное Архангельским епархиальным церковно-археологическим Комитетом, имело важное научно-образовательное и воспитательное значение, а также являло собой подлинный институт памяти, призванный сохранять, приумножать и увековечивать ценностно-смысловое наследие геокультурного пространства Русского Севера.

В начале XXI в. в Архангельской и Холмогорской епархии возрождается внимание церковной интеллигенции к памятникам истории. Например, в г. Новодвинск открыт музей православной культуры, при Антониево-Сийском мужском монастыре – церковно-археологический кабинет. Правда, поскольку большая часть церковно-археологических древностей Архангельской области была утрачена либо рассеяна по фондам музеев, библиотек и архивохранилищ, некоторые современные исследователи истории Русской православной церкви на Архангельском Севере обращают внимание и на памятники церковной жизни советского периода. Это позитивное начинание, так как именно благодаря профессиональным историкам, а также энтузиастам и любителям истории (в том числе церковной) своей малой Родины сохраняется и приумножается культура памяти Русского Севера как общепризнанного памятника отечественной и мировой культуры.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10205 «Ландшафт памяти и память ландшафта: мемориальная культура коренного населения Российской Арктики в условиях социокультурных трансформаций»).

Литература

- Алексеева, 2014** – Алексеева Л.С. Деятельность духовенства Томской епархии по сохранению исторического и культурного наследия в XIX – начале XX вв. (по материалам «Томских епархиальных ведомостей») // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 27-31.
- Бердинских, 1998** – Бердинских В.А. Приходское духовенство и развитие краеведения в XIX в. // *Вопросы истории*. 1998. № 10. С. 134-138.
- Биланчук, 2001** – Биланчук Р.П. Церковно-историческое и статистическое описание вологодской епархии 1850–1880-х годов и развитие историко-церковного краеведения // *Русская культура на пороге третьего тысячелетия. Христианство и культура*. Вологда, 2001. С. 82-89.
- Божченко, 2012** – Божченко О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 3. С. 112-116.
- Болгова, 2010** – Болгова О. Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах «Архангельских епархиальных ведомостей» (1885–1900) // *Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2010. № 3. С. 61-65.
- Бронникова, 2015** – Бронникова Е.П. Музеи города Архангельска в XIX – начале XX вв. // *Вопросы музеологии*. 2015. № 2 (12). С. 46-55.
- Бугославский, 1902** – Бугославский Г.К. Древнехранилище Архангельского епархиального церковно-археологического Комитета. М., 1902. 12 с.
- Бугославский, 1903** – Бугославский Г. Рукописные евангелия Древлехранилища Архангельского епархиального церковно-археологического Комитета // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1903. № 15. Неофициальная часть. С. 549-552; № 17. Неофициальная часть. С. 633-644.
- Булгаков, 2003** – Булгаков С.Н. Моя родина // С.Н. Булгаков: Pro et Contra. Т.1. СПб., 2003. С. 63-77.
- Варфоломеев, 1996** – Варфоломеев Л.А. Сибирцевы – семья архангельская. Архангельск, 1996. 150 с. ГААО – Государственный архив Архангельской области.
- Гуркина, 1998** – Гуркина Н.К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX вв. СПб., 1998. 218 с.
- Дианова, 2015** – Дианова Е.В. Краеведческие музеи и кооперация Европейского Севера: опыт сотрудничества (первая четверть XX в.) // *Вопросы музеологии*. 2015. № 1 (11). С. 55-64.
- Камкин, 1992** – Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992. 162 с.
- Козмин, 1904** – Козмин Н. Археологическая заметка // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1904. № 16. Неофициальная часть. С. 652-653.
- Кольцова, 2012** – Кольцова Т.М. Архангельское епархиальное древлехранилище // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. № 7–8. С. 22-25.
- Кольмагин, 2009** – Кольмагин Б.Ф. Дореволюционный опыт сохранения церковных памятников культуры // *Вопросы культурологии*. 2009. № 1. С. 46-47.
- Косых, 2009** – Косых В.И. Церковно-археологические общества русской православной церкви (конец XIX – начало XX вв.) // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение*. 2009. № 3. С. 121-126.
- КИОМЭ, 1902** – Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902. 592 с.
- КИОПиЦАЭ, 1894–1896** – Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1. 371 с.; 1895. Вып. 2. 406 с.; 1896. Вып. 3. 267 с.
- Лебедев, 2009** – Лебедев В.Н. Роль церковно-исторических музеев в духовном просвещении народов России // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2009. Т.184. С. 344-348.

- Леонтьева, 2002 – Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. 272 с.
- ОоСДиСАЕЦАК, 1909 – Отчет о составе, деятельности и средствах Архангельского епархиального церковно-археологического комитета за 1908 г. // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1909. № 11. Неофициальная часть. С. 340-345.
- ПКАГ, 1912 – Памятная книжка Архангельской губернии за 1912 г. Архангельск, 1912. 302 с.
- Петриченко, 2013 – Петриченко Ж. К вопросу о судьбе книжного собрания Архангельского епархиального древлехранилища // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Вып. 6: Сборник статей. Архангельск, 2013. С. 62-68.
- Петриченко, 2014 – Петриченко Ж. Архангельское древлехранилище // *Архангельская старина*. 2014. № 1. С. 38-45.
- Полякова, 2012 – Полякова Е.А. Научно-исследовательская деятельность как основная составляющая Тобольского церковного древлехранилища в начале XX в. // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 4 (35). С. 17-20.
- Полякова, 2014 – Полякова Е.А. Церковные музеи в культурно-образовательном пространстве духовных учебных заведений в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 2 (28). С. 68-73.
- Сазонов, 2012 – Сазонов Д.И. Костромское церковно-историческое общество: опыт соединения местного и универсального // *Костромской гуманитарный вестник*. 2012. № 3. С. 38-41.
- Святославский, 2013 – Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2013. 593 с.
- Сибирцев, 1905 – Сибирцев И. Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1905. № 5. Неофициальная часть. С.183-192.
- Сиволап, 2005 – Сиволап Т. Е. Роль церковно-археологических музеев в культурной жизни России (вторая половина XIX – начало XX века) // Триумф музея? СПб., 2005. С. 404-421.
- Скутнев, 2009 – Скутнев А.В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009. 234 с.
- Смирнов, 1908 – Смирнов В. Отчет о составе, деятельности и средствах Архангельского епархиального церковно-археологического комитета за 1907 год // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1908. № 4. Неофициальная часть. С. 115-125.
- Суслов, 1888 – Суслов В.В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб., 1888. 72 с.
- Теребихин, 2014 – Теребихин Н.М. Сакральная экология и традиционные знания народов Севера (к постановке проблемы) // *Экология человека*. 2014. № 8. С. 57-64.
- Теремицкий, 1907 – Теремицкий А. К описанию Архангельского епархиального древлехранилища // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1907. № 14. Неофициальная часть. С. 448-453; № 15. Неофициальная часть. С. 478-485.
- ТЗЦАКиОИРС, 1918 – Торжественное заседание церковно-археологического комитета и Общества изучения Русского Севера // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1918. № 11. С. 2-3.
- ТСЕЦАК, 1912 – Торжественное собрание епархиального церковно-археологического комитета // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1912. № 18. Неофициальная часть. С. 531-534.
- Хорова, 2007 – Хорова С.Б. Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет: (К 120-летию со дня образования) // Памятные даты Архангельской области, 2007 год. Архангельск, 2007. С. 48-54.
- ЦА, 1995а – Церковная археология: Материалы 1-й Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе (Сер. Археологические изыскания. Выпуск 26-1). Санкт-Петербург–Псков, 1995. 132 с.
- ЦА, 1995б – Церковная археология: Материалы 1-й Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Часть 2. Христианство и древнерусская культура (Сер. Археологические изыскания. Выпуск 26-2). Санкт-Петербург–Псков, 1995. 166 с.
- ЦА, 1995с – Церковная археология: Материалы 1-й Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Часть 3. Памятники церковной археологии России (Сер. Археологические изыскания. Выпуск 26-3). Санкт-Петербург–Псков, 1995. 122 с.
- Чапланова, 2014 – Чапланова М.А. Церковное древлехранилище как музей (на примере Симбирского древлехранилища) // *Поволожский педагогический поиск*. № 3 (9): 124-126.
- Vereshchagin, Zadorin, 2017 – Vereshchagin, I.F., Zadorin, M.Y. Ethnopolitical landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: The end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody*. 2017. (3), 45:1044-1062.
- Freeze, 1985 – Freeze, G.L. Handmaiden of the State? the Church in Imperial Russia Reconsidered. *The Journal of Ecclesiastical History*. 1985. 36(1): 82-102.
- Plamper, 2000 – Plamper, J. The Russian orthodox episcopate, 1721-1917: A prosopography. *Journal of Social History*. 2000. (1), 34: 1-34.
- N.N., 1891 – N.N. Учреждение «Церковного древлехранилища» в г. Архангельске // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1891. № 13. Неофициальная часть. С. 161-165.
- Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish factor in the history of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*. 2016. (3), 41: 629-641.

References

- Alekseeva, 2014** – *Alekseeva L.S.* (2014). Dejatel'nost' duhovenstva Tomskoj eparhii po sohraneniu istoricheskogo i kul'turnogo nasledija v XIX - nachale XX vv. (po materialam «Tomskih eparhial'nyh vedomostej») [Activities of Tomsk eparchy' clergy for preservation of historical and cultural heritage in the XIXth – beginning of the XXth centuries (adapted from «Tomsk diocesan bulletin»)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 2 (58). Vol.2. pp. 27–31. [in Russian]
- Berdinskih, 1998** – *Berdinskih V.A.* (1998). Prihodskoe duhovenstvo i razvitie kraevedenija v XIX v. [Parish clergy and development of local studies in XIX century]. *Voprosy istorii*. № 10. pp. 134–138. [in Russian]
- Bilanchuk, 2001** – *Bilanchuk R.P.* (2001). Cerkovno-istoricheskoe i statisticheskoe opisanie vologodskoj eparhii 1850-1880-h godov i razvitie istoriko-cerkovnogo kraevedenija [Church-historical and statistic description of Vologda eparchy in 1850–1880 and development of historical-church local studies]. *Russkaja kul'tura na poroge tret'ego tysjacheletija. Hristianstvo i kul'tura*. Vologda. pp. 82–89. [in Russian]
- Bozhchenko, 2012** – *Bozhchenko O.A.* (2012). Istoricheskaja pamjat' kak forma muzejnoj refleksii [Historical memorial as a form of museum reflection]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. №3. pp. 112–116. [in Russian]
- Bolgova, 2010** – *Bolgova O.N.* (2010). Fol'klorno-jetnograficheskie materialy na stranicah «Arhangel'skih eparhial'nyh vedomostej» (1885–1900) [Folklore-ethnographical materials within pages of «Arkhangelsk diocesan bulletin» (1885–1900)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki»*. № 3. pp. 61–65. [in Russian]
- Bronnikova, 2015** – *Bronnikova E.P.* (2015). Muzei goroda Arhangel'ska v XIX – nachale XX vv. [Arkangelsk' museums in the XIXth – ethe beginning of XXth centuries]. *Voprosy muzeologii*. №2 (12). pp. 46–55. [in Russian]
- Bugoslavskij, 1902** – *Bugoslavskij G.K.* (1902). Drevnehranilishhe Arhangel'skogo eparhial'nogo cerkovno-arheologicheskogo Komiteta. [The Archives of the Arkhangelsk diocesan church-archaeological Committee]. Moscow. 12 p. [in Russian]
- Bugoslavskij, 1903** – *Bugoslavskij G.* (1903). Rukopisnye evangelija Drevlehranilishha Arhangel'skogo eparhial'nogo cerkovno-arheologicheskogo Komiteta [Manuscript Gospels of the Arkhangelsk diocesan church-archaeological Committee' archives]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №15. Unofficial part. pp. 549-552; №17. Unofficial part. pp. 633–644. [in Russian]
- Bulgakov, 2003** – *Bulgakov S.N.* (2003). Moja rodina [My native land]. *S.N. Bulgakov: Pro et Contra*. Vol. 1. St. Petersburg. pp. 63–77. [in Russian]
- Varfolomeev, 1996** – *Varfolomeev L.A.* (1996). Sibircevy – sem'ja arhangel'skaja [Sibirtsev's family – Arkhangelsk memory]. *Arkhangelsk*. 150 p. [in Russian]
- GAAO** – Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region].
- Gurkina, 1998** – *Gurkina N.K.* (1998). Intelligencija Evropejskogo Severa Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Intellectuals of European Russian North in the end of XIXth – the beginning of XXth centuries]. St. Petersburg. 218 p. [in Russian]
- Dianova, 2015** – *Dianova E.V.* (2015). Kraevedcheskie muzei i kooperacija Evropejskogo Severa: opyt sotrudnichestva (pervaja chetvert' XX v.) [European North' museums of local lore and cooperation: experience of collaboration (the first quarter of XXth century)]. *Voprosy muzeologii*. №1 (11). pp. 55–64. [in Russian]
- Kamkin, 1992** – *Kamkin A.V.* (1992). Pravoslavnaja cerkov' na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 g. [Orthodox Church in the Russian North: essays on the history before 1917]. Vologda. 1992. 162 p. [in Russian]
- Kozmin, 1904** – *Kozmin N.* (1904). Arheologicheskaja zametka [Archaeological note]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №16. Unofficial part. pp. 652–653. [in Russian]
- Kol'cova, 2012** – *Kol'cova T.M.* (2012). Arhangel'skoe eparhial'noe drevlehranilishhe [Arkhangelsk diocesan archive]. *Sovremennaja nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija «Gumanitarnye nauki»*. №7–8. pp. 22–25. [in Russian]
- Kolymagin, 2009** – *Kolymagin B.F.* (2009). Dorevoljucionnyj opyt sohranenija cerkovnyh pamjatnikov kul'tury [Pre-revolutionary experience of preservation of church cultural heritage]. *Voprosy kul'turologii*. №1. pp. 46–47. [in Russian]
- Kosyh, 2009** – *Kosyh V.I.* (2009). Cerkovno-arheologicheskie obshhestva russkoj pravoslavnoj cerkvi (konec XIX - nachalo XX vv.) [Church-archaeological associations of the Russian Orthodox Church (the end of XIXth – the beginning of XXth centuries)]. *Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie*. №3. pp. 121–126. [in Russian]
- KIOMAE, 1902** – Kratkoe istoricheskoe opisanie monastyrej Arhangel'skoj eparhii [Brief historical description of monasteries of Arkhangelsk eparchy]. *Arkhangelsk*, 1902. 592 p. [in Russian]
- KIOPiCAE, 1894–1896** – Kratkoe istoricheskoe opisanie prihodov i cerkvej Arhangel'skoj eparhii [Brief historical description of parishes and churches of Arkhangelsk eparchy]. *Arkhangelsk*, 1894. Iss. 1. 371 p.; 1895. Iss. 2. 406 p.; 1896. Iss. 3. 267 p. [in Russian]
- Lebedev, 2009** – *Lebedev V.N.* (2009). Rol' cerkovno-istoricheskikh muzeev v duhovnom prosveshhenii narodov Rossii [The role of church-historical museums in spiritual education of the peoples of Russia]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Vol. 184. pp. 344–348. [in Russian]

- Leont'eva, 2002** – *Leont'eva T.G.* (2002). Vera i progress: Pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Faith and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the second half of XIXth – the beginning XXth centuries]. Moscow. 272 p. [in Russian]
- OoSDiSAECAK, 1909** – Otchet o sostave, dejatel'nosti i sredstvakh Arhangel'skogo Eparhial'nogo Cerkovno-arheologicheskogo komiteta za 1908 g. [Report on composition, activities and means of the Arkhangelsk diocesan church-archaeological committee over 1908]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. 1909. №11. Unofficial part. pp. 340–345. [in Russian]
- PKAG, 1912** – Pamjatnaja knizhka Arhangel'skoj gubernii za 1912 g. [Memorandum book of Arkhangelsk government over 1912]. Arkhangelsk, 1912. 302 p. [in Russian]
- Petrichenko, 2013** – *Petrichenko Zh.* (2013). K voprosu o sud'be knizhnogo sobranija Arhangel'skogo eparhial'nogo drevlehranilishha [Toward the issue on destiny of the book collection of the Arkhangelsk diocesan archives]. *Knizhnye sobranija Russkogo Severa: problemy izuchenija, obespechenija sohrannosti i dostupnosti. Vyp. 6: Sbornik statej*. Arkhangelsk. pp. 62–68. [in Russian]
- Petrichenko, 2014** – *Petrichenko Zh.* (2014). Arhangel'skoe drevlehranilishhe [The Arkhangelsk archives]. *Arhangel'skaja starina*. №1. pp. 38–45. [in Russian]
- Poljakova, 2012** – *Poljakova E.A.* (2012). Nauchno-issledovatel'skaja dejatel'nost' kak osnovnaja sostavljajushhaja Tobol'skogo cerkovnogo drevlehranilishha v nachale XX v. [Scientific activities as main component of the Tobolsk church archives in the beginning of XXth century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. №4(35). pp. 17–20. [in Russian]
- Poljakova, 2014** – *Poljakova E.A.* (2014). Cerkovnye muzei v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve duhovnyh uchebnyh zavedenij v konce XIX – nachale XX v. [Church museums in cultural-educational space of religious educational establishments in the end of XIXth – the beginning of XXth centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. № 2 (28). pp. 68–73. [in Russian]
- Sazonov, 2012** – *Sazonov D.I.* (2012). Kostromskoe cerkovno-istoricheskoe obshhestvo: opyt soedinenija mestnogo i universal'nogo [Kostroma church-historical association: experience of unity between local and universal]. *Kostromskoj gumanitarnyj vestnik*. №3. pp. 38–41. [in Russian]
- Svjatoslavskij, 2013** – *Svjatoslavskij A.V.* (2013). Istorija Rossii v zerkale pamjati. Mehanizmy formirovanija istoricheskikh obrazov [History of Russia in the mirror of memory. Mechanisms of formation of collective images]. Moscow. 593 p. [in Russian]
- Sibircev, 1905** – *Sibircev I.* (1905). Arhangel'skij eparhial'nyj cerkovno-arheologicheskij komitet [the Arkhangelsk diocesan church-archaeological committee]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №5. Unofficial part. pp. 183–192. [in Russian]
- Sivolap, 2005** – *Sivolap T.E.* (2005). Rol' cerkovno-arheologicheskikh muzeev v kul'turnoj zhizni Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [The role of church-archaeological museums in cultural life of Russia (the second half of XIXth – the beginning of XXth centuries)]. *Triumf muzeja?* St. Petersburg. pp. 404–421. [in Russian]
- Skutnev, 2009** – *Skutnev A.V.* (2009). Pravoslavnoe duhovenstvo na zakate imperii [Orthodox clergy on the decline of the Empire]. Kirov. 234 p. [in Russian]
- Smirnov, 1908** – *Smirnov V.* (1908). Otchet o sostave, dejatel'nosti i sredstvakh Arhangel'skogo eparhial'nogo cerkovno-arheologicheskogo komiteta za 1907 god [Report on composition, activities and means of the Arkhangelsk diocesan church-archaeological committee over 1907]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №4. Unofficial part. pp. 115–125. [in Russian]
- Suslov, 1888** – *Suslov V.V.* (1888). Putevyje zametki o Severe Rossii i Norvegii [Travel essays about the Russian North and Norway]. St. Petersburg. 72 p. [in Russian]
- Terebikhin, 2014** – *Terebikhin N.M.* (2014). Sakral'naja jekologija i tradicionnye znanija narodov Severa (k postanovke problemy) [Sacred ecology and traditional knowledge of peoples of the North (problem statement)]. *Jekologija cheloveka*. №8. pp. 57–64. [in Russian]
- Teremickij, 1907** – *Teremickij A.* (1907). K opisaniju Arhangel'skogo eparhial'nogo Drevlehranilishha [Toward description of the Arkhangelsk diocesan archives]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №14. Unofficial part. pp. 448–453; №15. Unofficial part. pp. 478–485. [in Russian]
- TZCAKiOIRS, 1918** – Torzhestvennoe zasedanie Cerkovno-Arheologicheskogo komiteta i Obshhestva izuchenija Russkogo Severa [Solemn assembly of the Church-archaeological committee and the Association of the Russian North studies]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №11. pp. 2–3. [in Russian]
- TSECAK, 1912** – Torzhestvennoe sobranie eparhial'nogo cerkovno-arheologicheskogo komiteta [Solemn assembly of the diocesan church-archaeological committee]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. 1912. №18. Unofficial part. pp. 531–534. [in Russian]
- Horova, 2007** – *Horova S.B.* (2007). Arhangel'skij eparhial'nyj cerkovno-arheologicheskij komitet: (K 120-letiju so dnja obrazovanija) [the Arkhangelsk diocesan church-archaeological committee: (toward 120th anniversary of the day of inintiaton)]. *Pamjatnye daty Arhangel'skoj oblasti, 2007 god*. Arkhangelsk. pp. 48–54. [in Russian]
- CA, 1995a** – Cerkovnaja arheologija: Materialy Pervoj Vserossijskoj konferencii (Pskov, 20-24 nojabrja 1995 g.). Chast' 1. Rasprostranenie hritsianstva v Vostochnoj Evrope [Church archaeology: Proceedings of the first all-Russian conference. Part 1. Expansion of Christianity in Western Europe]. St. Petersburg-Pskov. 1995. 132 p. [in Russian]

CA, 1995b – Cerkovnaja arheologija: Materialy Pervoj Vserossijskoj konferencii (Pskov, 20-24 nojabrja 1995 g.). Chast' 2. Hristianstvo i drevnerusskaja kul'tura (Ser. Arheologicheskie izyskanija. Vypusk 26-2) [Church archaeology: Proceedings of the first all-Russian conference. Part 2. Christianity and Old Russian culture]. St. Petersburg-Pskov. 1995. 166 p. [in Russian]

CA, 1995c – Cerkovnaja arheologija: Materialy Pervoj Vserossijskoj konferencii (Pskov, 20-24 nojabrja 1995 g.). Chast' 3. Pamjatniki cerkovnoj arheologii Rossii (Ser. Arheologicheskie izyskanija. Vypusk 26-3) [Church archaeology: Proceedings of the first all-Russian conference. Part 3. Artifacts of Russian church archeology]. St. Petersburg-Pskov. 1995. 122 p. [in Russian]

Chaplanova, 2014 – *Chaplanova M.A.* (2014). Cerkovnoe drevlehranilishhe kak muzej (na primere Simbirskogo Drevlehranilishha) [Church archives as a museum (by the example of the Simbirsk Archieves)]. *Povolozhskij pedagogicheskij poisk*. № 3(9). pp. 124–126. [in Russian]

Vereshchagin, Zadorin, 2017 – *Vereshchagin, I.F., Zadorin, M.Y.* (2017). Ethnopolitical landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: The end of XIX – The beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody*. (3), 45: 1044-1062. [in Russian]

Freeze, 1985 – *Freeze, G.L.* (1985). Handmaiden of the State? the Church in Imperial Russia Reconsidered. *The Journal of Ecclesiastical History*. 36(1): 82-102.

N.N., 1891 – *N.N.* (1891). Uchrezhdenie «Cerkovnogo Drevlehranilishha» v g. Arhangel'ske [Initiation of «The Church Archives» in Arkhangelsk]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №13. Unofficial part. pp. 161–165.

Plamper, 2000 – *Plamper, J.* (2000). The Russian orthodox episcopate, 1721-1917: A prosopography. *Journal of Social History*. (1), 34: 1-34.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – *Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2016). Finnish factor in the history of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*. (3), 41: 629-641.

Роль церковной интеллигенции в сохранении национальной памяти в Архангельской губернии в XIX – начале XX вв.

Илья Федорович Верещагин ^a, Александр Михайлович Тамицкий ^{a, *},
Николай Михайлович Терехин ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Сохранение и развитие культуры памяти является неотъемлемым условием сбережения и приумножения традиционных духовно-нравственных ценностей как основы российского общества. Интеллигенция как сугубо российское явление, как особый социокультурный слой, сформировавшийся в России в XIX веке, глубоко осознавала свою высокую миссию, связанную с сохранением и развитием культуры памяти российского общества. Целью статьи является раскрытие роли православной церковной интеллигенции в актуализации исторической памяти и институционализации религиозно-культурного наследия Русского Севера. Источниковую базу данных исследования составили материалы фондов Государственного архива Архангельской области и епархиальной церковной периодики. Методический инструментарий исследования образуют методы исторического источниковедения, предполагающие процедуры описания, внешней и внутренней критики и интерпретации письменных материалов и артефактов. В статье дан анализ современной историографической ситуации, сложившейся в процессе обсуждения темы исследования. В результате проведенных исследований было установлено, что провинциальная церковная интеллигенция Архангельской губернии в XIX – начале XX вв. играла существенную роль в сохранении и развитии культуры памяти Русского Севера, в сбережении его религиозно-культурного наследия. Древлехралище, созданное Архангельским епархиальным церковно-археологическим комитетом, имело важное научно-образовательное и воспитательное значение, а также являло собой подлинный институт памяти, призванный сохранять, приумножать и увековечивать ценностно-смысловое наследие геокультурного пространства Русского Севера.

Ключевые слова: провинциальная церковная интеллигенция, культура памяти, церковно-археологический комитет, древлехралище, наследие, памятники, Русский Север, церковная археология, патриотическое воспитание, историческая память.

* Корреспондирующий автор

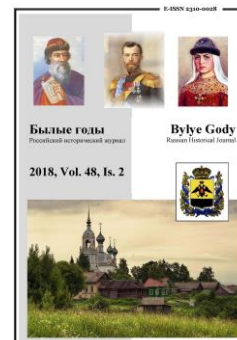
Адреса электронной почты: i.vereschagin@narfu.ru (И.Ф. Верещагин), a.tamitskij@narfu.ru (А.М. Тамицкий), terebihinn@mail.ru (Н.М. Терехин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 750-758. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.750
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Formation of Ideas about the Siberian Region Pedagogical Press of the late XIX – early XX centuries (on the example of the journal "Russian School")

Irina V. Pivovarova ^{a,*}, Yulia V. Putilina ^b, Yulia V. Zubareva ^c, Anvar M. Mamadaliev ^{d,e}

^a Tyumen Industrial University, Tyumen, Russian Federation

^b Tyumen regional Academy for professional development, Russian Federation

^c Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen, Russian Federation

^d International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^e Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article considers peculiarities of forming the image of the Siberian region of the pedagogical press of the late XIX – early XX centuries. Special attention is paid to the analysis of the journal "Russian school" that contains an abundant amount of references to Siberia.

It was revealed that in the framework of the "Siberian theme" in this pedagogical journal, special attention was paid to the disclosure of the peculiarities of the formation and development of educational institutions in the Siberian region; analysis of the structure and literacy level among the population of Siberia; specificity of the social pedagogical movement in specific Siberian provinces; study the level of professional training of teachers in the region; specificity of the didactic and educational potential of the artistic, reference and educational literature on Siberia. In addition to the general thematic blocks on Siberian education covered in pedagogical publications, some of the most controversial issues have been identified: the spread of literacy and basic knowledge among "aliens", "settlers", rural population of the Siberian region; on the functioning of the first Siberian university, as well as the low financial status of students studying; on the prospects of building the first teacher's institute in Siberia, and others.

Keywords: Siberia, the pedagogical press, the magazine "Russian school", women's, Sunday, evening, parish schools, private schools of reading and writing, teacher's institute, Tomsk University, problems of education, pedagogical chronicle.

1. Введение

Особое внимание к определению образа сибирского края в педагогических журналах, выходящих на рубеже XIX–XX вв., представляется не случайным. Как правило, их адресатами становились ключевые социальные институты, в которых и происходило формирование изначальных представлений о Сибири у населения страны, – школа и семья. Можно сказать, что читательская аудитория педагогических журналов была представлена людьми, непроизвольно либо осознанно закладывающими базовые образы Сибири, на которые в дальнейшем «надстраивались» разнообразные информационные пласты о сибирских губерниях России.

2. Материалы и методы

Исследование произведено на базе анализа периодических изданий педагогической направленности, выходящих на рубеже XIX–XX вв. и освещающих тем или иным образом вопросы, связанные со становлением и развитием образовательных процессов на территории сибирского края.

* Corresponding author

E-mail addresses: pivovarova_irina@mail.ru (I.V. Pivovarova), putilina-yulia@mail.ru (Yu.V. Putilina), j_zubareva@mail.ru (Yu.V. Zubareva), anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

В качестве исследовательских методов была применена их следующая совокупность: метод контент-анализа, позволивший изучить и проанализировать материалы педагогических журналов конца XIX – начала XX веков; исторический метод, с помощью которого удалось выявить специфику формирования образа сибирского края в образовательном пространстве Российской империи в исследуемый временной период; системный подход, при помощи которого была осуществлена систематизация установленных исторических фактов и событий; нарративный метод, позволивший выявленные и систематизированные факты изложить в определенной последовательности.

3. Обсуждение

При работе над статьей в качестве ключевых исторических источников были изучены материалы педагогических журналов, выходивших на рубеже XIX–XX вв. При этом особое внимание уделялось исследованию и анализу публикаций, размещенных в журнале «Русская школа», выходившем с 1890 по 1917 гг. в Петербурге. Именно в данном историческом источнике наиболее ярко и подробно авторами и редакцией были раскрыты проблемы и особенности развития образовательных процессов, происходящих в сибирском крае.

Тем не менее и другие периодические издания педагогической направленности затрагивали сибирскую тематику. В связи с этим в рамках данной статьи были изучены материалы, опубликованные в журнале «Вестник воспитания».

Помимо прочего, исследование было построено на анализе трудов историков, опубликованных в советское или постсоветское время. В этом плане особый интерес представляют научные работы, посвященные специфике развития журнальной и иной печатной прессы в Российской империи в исследуемый период (Есин, 2007; История..., 2004; Периодическая..., 1991; Русская..., 1959). Также были изучены работы, посвященные развитию образовательных процессов в России, в том числе Сибири в конце XIX – начале XX вв. (Зайченко, 1960; Иванов, 1991; Попов, 2006).

4. Результаты

Большое количество упоминаний о сибирском крае встречается на страницах журнала для семьи и школы «Русская школа». Данный общепедагогический журнал был основан еще в 1890 году Я.Г. Гуревичем – директором одной из гимназий, автором учебников по истории, выдающимся педагогом своего времени.

Программа журнала, предопределившая его структуру, включила в себя следующие разделы и рубрики: распоряжения органов власти по учебному ведомству; статьи, посвященные особенностям развития образования в Российской империи и Европе; библиография и критика; педагогическая хроника, обзорные события из жизни и профессиональной деятельности педагогов; обзорные материалы периодических изданий педагогической направленности; статьи смешанных жанров и тематических циклов, объединяющие в себе элементы двух либо нескольких из вышеперечисленных разделов.

Следует отметить, что сообщения, заметки и статьи, посвященные сибирской тематике, чаще всего размещались в критико-библиографическом и информационном разделах исследуемого периодического издания. По своему содержанию данные материалы условно можно распределить на следующие тематические группы: становление и развитие учебных заведений сибирского края; структура и уровень грамотности среди населения Сибири; общественно-педагогические движения в конкретных сибирских губерниях; уровень профессиональной подготовки и численный состав педагогических кадров региона; дидактический и воспитательный потенциал художественной, справочной и учебной литературы о Сибири.

В течение первых нескольких лет с момента выхода журнала «Русская школа» на его страницах постоянно размещались сведения об уровне грамотности населения в «малокультурной» и «далекой» Сибири. Кроме того, часто публиковались данные о состоянии школьного дела в сибирском крае.

Нередко со страниц исследуемого журнала Сибирь транслировалась в образе особенной территории, остро нуждающейся в развитии школ, общественной и государственной поддержке в распространении грамотности среди коренных жителей края и мигрантов. Информация данного типа нередко преподносилась в виде публикации специальных статистических сводок.

Частая публикация таких данных, в числе прочего, была обусловлена большой верой педагогического сообщества исследуемой временной эпохи в социально-мобилизирующую и убеждающую силу статистики.

Так, например, П.Д. Шестаковым, занимающим должность попечителя Казанского учебного округа, полагавшимся на сведения статистического обследования Нижнеудинского, Иркутского и Балаганского округов Иркутской губернии, был сделан вывод о «слабости по качеству» сибирской грамотности, которая, по его словам, пока была «ничтожной по числу представителей». Основываясь на том, что доля лиц, владеющих грамотой среди сельского населения, составляла около 5,6 %, он констатировал, что сибирская грамотность не имеет еще никакой общественной силы (Шестаков, 1892: 216-217).

Сообщая педагогическому сообществу о территориальной, этнической, половой и возрастной структуре населения, владеющего азами грамоты, либо, напротив, абсолютно неграмотного, проживающего в малоизвестном и «окраинном» регионе, периодическое издание уточняло

представления своих читателей о составе сибирского населения, его социокультурных характеристиках, специфике образа жизни и быта.

Утверждая, что широкое просвещение жителей региона является главным двигателем прогресса, а «невежество масс» – злом «государственного масштаба», лидеры общественно-педагогической мысли активно выступали за увеличение общего количества курсов грамотности, библиотек и школ (Шестаков, 1892: 221-222).

По мнению многих авторов, публикуемых в журнале материалов, сибирский край из-за своего окраинного расположения особенно остро нуждался в приобщении к русской культуре. Именно он рассматривался в качестве объекта «внутренней колонизации», которая требовала усиленной просветительской работы со стороны русской интеллигенции.

Среди факторов, воздействующих на уровень развития школьного дела и степень грамотности жителей региона, отмечались природно-климатические, географические условия, существенные расстояния между различными населенными пунктами, недостаточное внимание государственных органов власти к образовательным нуждам и проблемам сибирского края.

Среди ключевых причин «малой окультуренности» сибирского населения представители педагогического сообщества, публиковавшиеся на страницах «Русской школы», часто указывали отсутствие земских учреждений в зауральских губерниях. Как подчеркивал Я.В. Абрамов, пребывавший долгое время в роли сотрудника журнала, ведущего «Хронику народного образования», сибирский край до последнего времени представлявшийся «отсталой частью» Российской империи, таким «отсталым» и будет до той поры, пока на него не станут распространяться все блага, кои может дать местное земское самоуправление (Абрамов, 1899: 386-387).

В периодическом издании постоянно подчеркивалась взаимосвязь образовательных перспектив коренных и приезжих жителей сибирского края с формированием земств на территории Сибири. При этом авторы материалов «Русской школы» посредством демонстрации неудовлетворительного состояния и проблем, характерных для народного образования, аргументировали целесообразность либеральных преобразований в Сибири (Абрамов, 1899: 381-387; Шестаков, 1892: 215-224).

В связи с этим не случайным представляется и то, что развитие и продвижение школьного дела в сибирском регионе описывали при помощи таких словесных маркеров, как «отсталое», «печальное» и др.

Ключевым планом в существенной части опубликованных статей, посвященных вопросам, связанным со строительством школ в сибирском крае, звучала мысль о выраженном стремлении населения к знаниям, о потребностях региона в различных типах учебных заведений (Белоконский, 1891: 236-237).

В числе наиболее отчетливых проявлений потребностей жителей Сибири в получении знаний авторы исследуемого журнала, как правило, указывали на применение частных форм обучения грамоте, широко распространенных среди сельских жителей края.

С точки зрения И.М. Софийского (одного из корреспондентов журнала, одновременно являющегося директором учительской семинарии г. Красноярска), домашние школы грамоты представляли собой не что иное, как народный метод решения «экономически трудного, сложного, великого вопроса» о назревшей необходимости во всеобщей грамотности (Софийский, 1896: 231-232).

Как подчеркивал И.М. Софийский, только по самым неполным сведениям в сельских поселениях Енисейской губернии в 1894 г. функционировало 67 частных школ грамоты, открытых на деньги и по инициативе представителей крестьянства. В данных учебных заведениях преподавали бывшие учительницы, ссыльнопоселенцы, отставные солдаты и иные грамотные жители сел (Софийский, 1896: 233-234). Несмотря на то, что в большинстве случаев наблюдалось недостаточно высокое качество передаваемых знаний, равно как и уровень самого преподавания, тем не менее данные школы демонстрировали факт того, что сельское население сибирского края готово и желает обучаться.

Специфика освещения сибирской тематики в отраслевых периодических изданиях, помимо прочего, характеризовалась также обилием материалов, подробно описывающих образовательные потребности разных категорий сибирского населения, в том числе «инородцев», переселенцев и приисковых рабочих. Например, в рецензии на труд А. Колычева, посвященный вопросам просвещения лиц, задействованных на приисках сибирского края, обозреватель педагогического журнала «Вестник воспитания» обратил особое внимание на слабое, неудовлетворительное развитие внешкольных учебных заведений, плохо организованное устройство приисковых школ грамоты (Организация ..., 1904: 91-92).

В качестве противовеса некой пассивности центральных органов власти в вопросах просвещения населения Сибири на страницах журнала рассматривалась эффективная мера в виде общественного участия в деле распространения грамотности среди местного населения и мигрантов.

При этом авторам педагогических журналов региональные особенности сибирского края виделись, как правило, в особой роли общественных организаций из числа представителей местной интеллигенции, которые частично компенсировали отсутствие земских учреждений «самопомощи».

Как подчеркивал уже упоминаемый ранее Я.В. Абрамов, не следует умалять особой роли сибирской интеллигенции. Именно благодаря ее работе существенно может подняться общий уровень просвещения народных масс в Сибири (Абрамов, 1898: 289-290).

В числе прочего, следует заметить, что общественные движения в распространении и культивировании знаний среди жителей сибирского края представлялись отраслевыми периодическими изданиями в качестве позитивной поведенческой стратегии провинциальной интеллигенции. Полагая, что просвещение граждан является обязательным условием для прогресса в развитии сибирского края, педагогические издания всячески поддерживали и восхваляли общественную активность в становлении и развитии полноценного образовательного пространства Сибири. Во многих педагогических журналах регулярно размещались отчеты о работе сибирских обществ, осуществлявших попечение о начальном базовом образовании, происходила непрерывная популяризация и превознесение деятельности таковых (Абрамов, 1890: 125).

Повествуя о результатах и формах работы вышеотмеченных организаций, авторы материалов «Русской школы», как правило, выражали явную симпатию к данным формам «общественной самодеятельности», регулярно подчеркивая востребованность их деятельности. В числе ключевых заслуг общественных организаций просветительской направленности авторы публикаций чаще всего обращали внимание на деятельность учреждений воскресных и начальных школ для взрослых и детей, организацию книжных складов, читален, народных библиотек, проведение детских утренников, спектаклей и публичных чтений (Абрамов, 1890: 124-127; Абрамов, 1903: 37-41; О воскресной ..., 1903: 57-63; Попов, 2006: 137).

Редакция «Русской школы» постоянно пропагандировала и поддерживала самые разнообразные инициативы просветительских обществ Сибири, имеющие социально-ориентированный характер (Абрамов, 1903: 38-39).

При этом эффективная деятельность просветительского общества г. Томска позволила авторам журнала признать в 1903 году, что состояние школьного дела в столице Сибири приближено к реализации поставленных целей и идеалов о внедрении всеобщего обучения (Абрамов, 1903: 42). Как отмечали специалисты в сфере истории образования, вопросы о введении в Российской империи всеобщего начального образования были одними из наиболее важных с точки зрения участников общественно-педагогического движения, функционировавшего во второй половине XIX века (Блинов, 1995: 18-19; Зайченко, 1960: 37-41; Иванов, 1991: 112-114; Попов, 2006: 132-136).

Можно констатировать, что в общественном сознании населения пореформенной Российской империи на публикуемых материалах о функционировании и деятельности просветительских сообществ формировалась специфичная поведенческая модель-образ интеллигента – самоотверженного борца с безграмотностью и невежеством в окраинном и глухом провинциальном крае. Данный образ в отраслевой педагогической прессе преподносился в качестве достойного для всеобщего уважения и подражания (Девель, 1891: 213-219).

О понимании редакцией и авторами «Русской школы» воспитательного эффекта от трансляции примеров результативной деятельности граждан в деле «заботы о развитии и процветании образования», в числе прочего, свидетельствовали и многочисленные сообщения о признании сибиряками больших заслуг участников и организаторов общественно-педагогического движения (Абрамов, 1903: 37-41).

Еще один актуальный вопрос, волновавший педагогическую общественность во второй половине XIX – начале XX вв. и в некоторой степени отображающий представление населения Российской империи в этот период о социокультурных особенностях сибирского края, касается количества школ различных типов в разных районах сибирского региона. Также подвергались регулярному обсуждению объемы финансирования соответствующих учебных заведений, утвержденные программы преподавания, профессиональный уровень педагогов и др. (Tolmacheva, Ustinova, Zubareva, 2017).

Анализ содержательной компоненты журнала «Русская школа» позволяет констатировать, что авторы материалов периодического издания особенно высоко и перспективно оценивали образовательный потенциал земских школ, которые, однако, к этому времени отсутствовали в сибирском крае. Эти обстоятельства обусловили поиск такой модели базового начального образования, которая смогла бы стать оптимально эффективной в условиях Сибири. Авторы статей и заметок, посвященных развитию и распространению начального образования, акцентировали внимание на большом разнообразии типов учебных учреждений в зауральских губерниях, сравнивая с аналогичными показателями по европейской части Российской империи, сопоставляя историю их формирования со специфичным составом самого сибирского населения.

Например, в одном из номеров «Русской школы», вышедших в свет в 1895 году, подчеркивалось, что наряду с распространенными в центральной части страны учебными заведениями Министерства народного просвещения и церковноприходскими училищами, в сибирском крае также функционировали миссионерские, горные, казачьи школы и некоторые другие их типы (Первоначальное..., 1895: 243-246).

Однако большое количество нареканий у авторов материалов, опубликованных в педагогических журналах, вызывал уровень и качество преподавания знаний в церковноприходских

школах. Интерес к данным образовательным учреждениям увеличился в связи с проектом по передаче в ведение церкви начального образования в регионе.

Как и в общественных и политических журналах, придерживающихся умеренно оппозиционной идеологии, особой критике подвергался низкий уровень образования представителей сельского духовенства Сибири. Причем данная критика нередко сопровождалась серьезной аргументацией, с публикацией большого количества статистических выкладок. Указывая на «Сибирский вестник», авторы «Русской школы» сообщали о том, что в Барнаульском округе из священнослужителей, которые заведовали церковными школами этого округа, лишь 5 закончили курсы духовной семинарии (без учета городских священников), а многие не окончили и духовных училищ. При этом 15 священнослужителей епархиальная власть вообще не удостоила права «законоучительствовать» даже в учебных заведениях их же приходов (Сельские..., 1895: 224-225).

Наряду с обсуждениями задач и целей обучения «иностранческого» и сельского населения Сибири, педагогическими журналами также регулярно затрагивались вопросы о содержании и формах самого образовательного процесса.

Так, например, П. Суриным на базе анализа опыта функционирования школ, предназначенных для учебы в степных областях сибирского края, был сформулирован вывод о неудовлетворительной организации в местных интернатах начального образования для кочевых «иностранцев». Соответствующие интернаты не оправдали возлагаемых на них надежд в сфере распространения грамоты среди кочевых народов Сибири. Более того, по мнению вышеуказанного автора, они даже повлекли за собой негативные и вредные последствия, отрывая учащихся от привычной им среды, порождая тем самым лиц, которые «не пригодны к какому бы то ни было полезному делу». Оптимально же эффективными, с точки зрения П. Сурина, представлялись сельскохозяйственные школы, которые появились на территории Западной Сибири с конца 1880-х годов. Именно в этих учебных заведениях наравне с получением начального образования и изучением русского языка, воспитанники также знакомились с основами ремесленного производства, животноводства и земледелия (Сурин, 1895: 167-175).

Что касается вопросов доступности и целесообразности женского образования, то на рубеже XIX–XX веков они уже не были предметом для обсуждений авторами педагогических журналов. Ответы на данные вопросы к этому времени были уже очевидны для общественности, редакций и большинства читателей данных периодически изданий.

Однако перед заинтересованной аудиторией стояли другие вопросы в сфере обучения женщин и девочек. В частности, к этому периоду актуализировались вопросы о том, как сделать женское образование еще более интересным и качественным, каким именно должен стать набор изучаемых программ, предметов, дисциплин, определяющих содержание самого обучающего процесса, каким конкретно требованиям должны соответствовать учебники для женской аудитории. В обсуждении этого круга вопросов, в числе прочих лиц, активное участие принимали и педагоги сибирского края (Абрамов, 1899: 124-127; Из отчета..., 1903: 63-67; К открытию в Мариинске..., 1902: 112-114).

Опубликованные в этот период материалы, посвященные развитию в сибирском регионе женского образования, не зафиксировали явно выраженной региональной специфики. Исходя из этого, можно предположить, что в это время были выявлены лишь общероссийские тенденции развития указанных процессов, отображенные, в числе прочего, и в публикациях на сибирскую тематику.

Среди соответствующих тематических направлений можно выделить следующую их совокупность:

- рост популярности и востребованности женского образования в Сибири (в материалах данного тематического цикла, как правило, повествовалось об открывающихся или уже функционировавших женских школах, увеличении количества женских гимназий, вечерних и воскресных женских школ, росте количества их воспитанниц);

- демократизация состава учениц соответствующих учебных заведений;

- стремление к увеличению общего количества преподаваемых дисциплин и предметов;

- сообщения о вкладе частных благотворителей, меценатов, благотворительных организаций и попечительских сообществ в дело поддержки и развития женских учебных заведений.

В числе прочих публикаций, выделяются и такие, где авторы акцентируют особое внимание на социально-активной позиции педагогов сибирских женских воскресных школ, активно занимавшихся не только преподаванием каких-либо учебных предметов и дисциплин, но также по собственной инициативе участвовавших в исследовательской деятельности, деливших своими знаниями и опытом с коллегами-педагогами.

Провозглашая доступность образования для различных категорий граждан, педагогические отраслевые журналы постоянно поддерживали деятельность воскресных и вечерних образовательных курсов, рассчитанных на взрослую аудиторию, желающую в дальнейшем получить высшее образование (Вольфсон, 1903: 53-62; К открытию..., 1902: 98-101).

Базируясь на анализе публикаций в сибирских газетах, обозреватели «Русской школы» нередко сообщали своим читателям о сложностях и проблемах, которые неоднократно приходилось преодолевать педагогам и организаторам «вечерних классов», о случаях оказываемого им

противодействия со стороны местных полиции и представителей административных органов власти (Вольфсон, 1904: 59-67). Таким образом, в восприятии читательской аудитории Российской империи формировалось сочувственное и доброжелательное отношение к системе «вечернего образования» в Сибири.

Большое количество сообщений педагогических изданий, выходивших на рубеже XIX–XX веков, посвящалось также развитию в сибирском регионе системы высшего образования. Именно эти публикации зафиксировали новый маркер-образ сибирского края – «студенческая Сибирь». Все рассмотренные в рамках настоящей статьи материалы были опубликованы уже после того, как открылся первый университет Сибири. В связи этим фактом в анализируемой педагогической прессе уже прошел пик долгой и сложной борьбы, дискуссий и обсуждений, посвященных необходимости создания данного учебного заведения.

По этой же причине в большинстве статей и заметок, касающихся первого сибирского университета, к этому времени преимущественно затрагивались вопросы о финансировании данного образовательного учреждения, строительстве новых и дополнительном обустройстве уже функционирующих общежитий и учебных корпусов. Кроме того, большой информационный пласт материалов в данном тематическом направлении был посвящен характеристике демографического состава и материального положения обучающихся там студентов. Эти темы были весьма популярными для многих печатных изданий исследуемого периода (Rodina, Filippova, Sulkarnaeva, 2017; Ustinova, Kirilova, 2018). Несколько реже понимались вопросы о качестве преподавания, уровне профессиональной подготовки педагогов университета и их общественной деятельности (Студенты..., 1897: 283-287; Библиотека..., 1899: 453-459; В Томском..., 1900: 134-137; Томский..., 1903: 107-109).

Вопросы же, связанные с региональной спецификой университетского образования в сибирском крае, затрагивались чаще всего в двух ипостасях: с позиции обсуждения со страниц педагогической прессы низкого материального положения студентов вуза, а также социальных функций самого Томского университета, представляющего собой в то время центр высшего образования и науки Сибири.

Выявляя количество нуждающихся студентов вуза, авторы «Русской школы» на базе статистических данных пришли к выводу, что таковых в числе воспитанников Томского университета было подавляющее большинство (около 70 %). При этом авторы материалов журнала были солидарны со многими сибирскими газетами и также неоднократно обращалась к потенциальным благотворителям и меценатам с призывом оказать посильную помощь студенческой молодежи Томска (Томский ..., 1903: 109).

Еще одной темой, популяризируемой в «Русской школе», стало обсуждение перспектив первого учительского института на территории Сибири (Ходатайство..., 1901: 92-95; Томский..., 1902: 79-83; Хроника, 1903: 113-117). Устройство в Сибири будущего «рассадника школ и училищ в имперской окраине» побудило среди общественности дискуссию о функциях и задачах самого педагогического образования, содержания и качестве подготовки будущих педагогов.

Возлагая надежды на обустройство учительского института в Томске, авторы «Русской школы» все же не испытывали иллюзий о безграничных возможностях данного учебного заведения в деле обеспечения достаточными и квалифицированными педагогическими кадрами сибирского края. Как отмечалось в педагогической хронике исследуемого журнала, одного учительского института на огромное пространство сибирского региона явно будет не достаточно. Однако авторы также выражали надежду на то, что и последующий рост и распространение подобных образовательных заведений в Сибири не будет задерживаться (Хроника, 1903: 116-117).

5. Заключение

Исследование образа сибирского края в общественной мысли конца XIX – начала XX вв. посредством публикаций в отраслевых педагогических изданиях, выходивших в этот же период, позволяет сформулировать следующие выводы:

1) Представители педагогического сообщества, активно сотрудничавшие с журналом «Русская школа», хорошо понимали особый статус сибирского края в формирующемся и активно развивающемся образовательном пространстве Российской империи. Специфика данного положения Сибири им виделась в особых географических, природных и климатических условиях региона, в отсутствии в нем учреждений земского самоуправления, специфичном составе самого сибирского населения, в более выраженной, в сравнении с «внутренней» частью Российской империи, активности общественных организаций просветительской направленности.

2) В публикуемых материалах нередко образ Сибири и особенности ее образовательного пространства привлекались авторами статей для примеров, наглядно иллюстрирующих те или иные актуальные проблемы, волновавшие педагогическое сообщество и общественность.

3) В информационном поле отраслевых педагогических изданий сибирский регион чаще всего рассматривался путем обсуждения профессиональных педагогических проблем, касающихся развития и распространения грамотности в регионе.

4) Педагоги сибирского края постепенно, но все более активно, начали включаться в профессиональные сообщества педагогов Российской империи, размещая свои статьи, исследования,

полученные статистические сводки о состоянии образовательных процессов в регионе в популярных педагогических изданиях.

Литература

- Абрамов, 1890** – Абрамов Я.В. Частная инициатива в деле народного образования // *Русская школа*. 1890. № 8. С. 124-127.
- Абрамов, 1898** – Абрамов Я.В. Хроника народного образования // *Русская школа*. 1898. № 5-6. С. 281-292.
- Абрамов, 1899** – Абрамов Я.В. Хроника народного образования // *Русская школа*. 1899. № 5-6. С. 381-387.
- Абрамов, 1903** – Абрамов Я.В. Педагогическая хроника // *Русская школа*. 1903. № 2. С. 37-41.
- Белокопский, 1891** – Белокопский И.П. Народное образование в Сибири // *Русская школа*. 1891. № 5. С. 233-239.
- Блинов, 1995** – Блинов Н.В. К общественному движению в Сибири // *Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг.* Вып. 2. Томск: Томский государственный университет, 1995. С. 3-23.
- Вольфсон, 1903** – Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы (1881–1903) // *Русская школа*. 1903. № 9. С. 53-62.
- Вольфсон, 1904** – Вольфсон Д. Вечерние классы Томска // *Русская школа*. 1904. № 5-6. С. 59-67.
- Девель, 1891** – Девель В.В. Читальни, сельские и городские библиотеки для народа // *Русская школа*. 1891. № 7-8. С. 213-219.
- Есин, 2007** – Есин Б.И. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // *Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики*. М., 2007.
- Зайченко, 1960** – Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск: Изд-во Томского университета, 1960. 480 с.
- Иванов, 1991** – Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.
- Из отчета..., 1903** – Из отчета о деятельности Второй иркутской воскресной школы (1892–1902 годы) // *Русская школа*. 1903. № 4. С. 63-67.
- История..., 2004** – История сибирской печати XVIII – начала XX в. Иркутск, 2004.
- К открытию..., 1902** – К открытию общеобразовательных классов в Томске // *Русская школа*. 1902. № 9. С. 98-101.
- К открытию в Мариинске..., 1902** – К открытию в Мариинске прогимназии // *Русская школа*. 1902. № 9. С. 112-114.
- О воскресной..., 1903** – О воскресной школе в Томске // *Русская школа*. 1903. № 3. С. 57-63.
- Организация..., 1904** – Организация народного образования на приисках // *Вестник воспитания*. 1904. № 4. С. 89-93.
- Первоначальное..., 1895** – Первоначальное образование в сибирском крае // *Русская школа*. 1895. № 9. С. 243-246.
- Периодическая..., 1991** – Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 года): Указатель газет и журналов / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: изд-во Томского ун-та, 1991. 96 с.
- Попов, 2006** – Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.
- Русская..., 1959** – Русская школа // *Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник*. М., 1959.
- Сельские..., 1895** – Сельские школы и сельское духовенство в Сибири // *Русская школа*. 1895. № 11. С. 223-227.
- Софийский, 1896** – Софийский И. О частном обучении в Енисейской губернии // *Русская школа*. 1896. № 2. С. 231-234.
- Студенты..., 1897** – Студенты Томского университета // *Русская школа*. 1897. № 2. С. 283-287.
- Сури, 1895** – Сури П. Сельскохозяйственное образование в сибирском крае // *Русская школа*. 1895. № 5-6. С. 167-175.
- Томский..., 1902** – Томский учительский институт // *Русская школа*. 1902. № 3. С. 79-83.
- Томский..., 1903** – Томский университет // *Русская школа*. 1903. № 10-11. С. 107-109.
- Ходатайство..., 1901** – Ходатайство об открытии учительского института в Томске // *Русская школа*. 1901. № 2. С. 92-95.
- Хроника, 1903** – Хроника // *Вестник воспитания*. 1903. № 4. С. 113-117.
- Шестаков, 1892** – Шестаков П. Грамотность и школы в Иркутской губернии // *Русская школа*. 1892. № 7-8. С. 215-224.
- Rodina et al., 2017** – Rodina V.N., Filippova I.A., Sulkarnaeva G.A. The financial situation of students at the beginning of the twentieth century: in light of the Siberian press // *Bylye Gody*. 2017. 44(2): 608-615.

Tolmacheva et al., 2017 – Tolmacheva S.V., Ustinova O.V., Zubareva Y.V. Sports and Patriotic education of students the middle and lower schools of Siberia in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2017. 44(2): 560-567.

Ustinova, Kirilova, 2018 – Ustinova O.V., Kirilova O.V. Socio-demographic characteristics of Siberian students in the early twentieth century (on materials of the journal "Siberian student": 1914–1916) // *Bylye Gody*. 2018. 46 (4): 1563-1571.

References

Abramov, 1890 – Abramov Ya.V. (1890). Chastnaya initsiativa v dele narodnogo obrazovaniya. [Private initiative in public education]. *Russkaya shkola*. №8. p. 124-127. [in Russian].

Abramov, 1898 – Abramov Ya.V. (1898). Khronika narodnogo obrazovaniya. [Chronicle of public education]. *Russkaya shkola*. №5-6. pp. 281-292. [in Russian].

Abramov, 1899 – Abramov Ya.V. (1899). Khronika narodnogo obrazovaniya. [Chronicle of public education]. *Russkaya shkola*. №5-6. pp. 381-387.

Abramov, 1903 – Abramov Ya.V. (1903). Pedagogicheskaya khronika. [Pedagogical chronicle]. *Russkaya shkola*. №2. pp. 37-41. [in Russian].

Belokonskii, 1891 – Belokonskii I.P. (1891). Narodnoe obrazovanie v Sibiri. [Public education in Siberia]. *Russkaya shkola*. №5. pp. 233-239. [in Russian].

Blinov, 1995 – Blinov N.V. (1995). K obshchestvennomu dvizheniyu v Sibiri. [Materials to the chronicle of the social movement in Siberia in 1895-1917]. / Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg. Vyp. 2. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet. pp. 3-23. [in Russian].

Vol'fson, 1903 – Vol'fson D. (1903). Sibirskie voskresnye shkoly (1881-1903). [Siberian Sunday schools (1881-1903)]. *Russkaya shkola*. №9. pp. 53-62. [in Russian].

Vol'fson, 1904 – Vol'fson D. (1904). Vechernie klassy Tomska. [Tomsk evening classes]. *Russkaya shkola*. №5-6. pp. 59-67. [in Russian].

Devel', 1891 – Devel' V.V. (1891). Chital'ni, sel'skie i gorodskie biblioteki dlya naroda. [Reading rooms, rural and urban libraries for the people]. *Russkaya shkola*. №7-8. pp. 213-219. [in Russian].

Esin, 2007 – Esin B.I. (2007). Osnovnye etapy 300-letnei istorii russkoi zhurnalistiki. [The main stages of the 300 – year history of Russian journalism]. / Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoi zhurnalistiki. M. [in Russian].

Zaichenko, 1960 – Zaichenko P.A. (1960). Tomskii gosudarstvennyi universitet imeni V.V. Kuibysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880-1955). [Tomsk state University named after V. V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University in 75 years (1880-1955)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. 480 p. [in Russian].

Ivanov, 1991 – Ivanov A.E. (1991). Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX - nachale XX veka. [Higher school of Russia in the late XIX-early XX century]. M. [in Russian].

Iz otcheta..., 1903 – Iz otcheta o deyatel'nosti Vtoroi irkutskoi voskresnoi shkoly (1892-1902 gody). [From the report on activity of the second Irkutsk Sunday school (1892-1902)]. *Russkaya shkola*. 1903. №4. pp. 63-67. [in Russian].

Istoriya..., 2004 – Istoriya sibirskoi pechati XVIII – nachala XX v. [The history of the Siberian press XVIII – early XX century]. Irkutsk, 2004. [in Russian].

K otkrytiyu..., 1902 – K otkrytiyu obshcheobrazovatel'nykh klassov v Tomske. [To the opening of General classes in Tomsk]. *Russkaya shkola*. 1902. №9. pp. 98-101. [in Russian].

K otkrytiyu v Mariinske..., 1902 – K otkrytiyu v Mariinske progimnazii. [To be opened in Krasnoyarsk gymnasium]. *Russkaya shkola*. 1902. №9. p. 112-114. [in Russian].

O voskresnoi..., 1903 – O voskresnoi shkole v Tomske. [About Sunday school in Tomsk]. *Russkaya shkola*. 1903. №3. pp. 57-63. [in Russian].

Organizatsiya..., 1904 – Organizatsiya narodnogo obrazovaniya na priiskakh. [Organization of public education in the mines]. *Vestnik vospitaniya*. 1904. №4. pp. 89-93. [in Russian].

Pervonachal'noe..., 1895 – Pervonachal'noe obrazovanie v sibirskom krae. [Initial education in the Siberian region]. *Russkaya shkola*. 1895. №9. pp. 243-246. [in Russian].

Periodicheskaya..., 1991 – Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 goda): Ukazatel' gazet i zhurnalov. [Periodical press of Siberia (the second half of the XIX century-February 1917): Index of Newspapers and magazines]. / Pod red. E.I. Chernyak. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1991. 96 p. [in Russian].

Popov, 2006 – Popov D.I. (2006). Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX - nachale XX vv. [Cultural and educational society in Siberia in the late XIX - early XX centuries]. Omsk: Izd-vo OmGU. [in Russian].

Russkaya..., 1959 – Russkaya shkola. *Russkaya periodicheskaya pechat' (1702-1894): Spravochnik*. [Russian school]. M., 1959. [in Russian].

Sel'skie..., 1895 – Sel'skie shkoly i sel'skoe dukhovenstvo v Sibiri. [Rural schools and rural clergy in Siberia]. *Russkaya shkola*. 1895. №11. pp. 223-227.

- [Sofiiskii, 1896](#) – *Sofiiskii I.* (1896). O chastnom obuchenii v Eniseiskoi gubernii. [About private training in the Yenisei province]. *Russkaya shkola*. №2. pp. 231-234. [in Russian].
- [Studenty..., 1897](#) – Studenty Tomskogo universiteta. [The students of Tomsk University]. *Russkaya shkola*. 1897. №2. pp. 283-287. [in Russian].
- [Surin, 1895](#) – *Surin P.* (1895). Sel'skokhozyaistvennoe obrazovanie v sibirskom krae. [Agricultural education in the Siberian region]. *Russkaya shkola*. №5-6. pp. 167-175. [in Russian].
- [Tomskii..., 1902](#) – Tomskii uchitel'skii institute. [Tomsk teacher training Institute]. *Russkaya shkola*. 1902. №3. pp. 79-83. [in Russian].
- [Tomskii..., 1903](#) – Tomskii universitet. [Tomsk University]. *Russkaya shkola*. 1903. №10-11. pp. 107-109. [in Russian].
- [Khodataistvo..., 1901](#) – Khodataistvo ob otkrytii uchitel'skogo instituta v Tomske. [Application for opening a teacher training Institute in Tomsk]. *Russkaya shkola*. 1901. №2. pp. 92-95. [in Russian].
- [Khronika, 1903](#) – Khronika. [Chronicle]. *Vestnik vospitaniya*. 1903. №4. pp. 113-117. [in Russian].
- [Shestakov, 1892](#) – *Shestakov P.* (1892). Gramotnost' i shkoly v Irkutskoi gubernii. [Literacy and schools in Irkutsk province]. *Russkaya shkola*. №7-8. pp. 215-224. [in Russian].
- [Rodina et al., 2017](#) – *Rodina V.N., Filippova I.A., Sulkarnaeva G.A.* (2017). The financial situation of students at the beginning of the twentieth century: in light of the Siberian press. *Bylye Gody*. 44(2): 608-615. [in Russian].
- [Tolmacheva et al., 2017](#) – *Tolmacheva S.V., Ustinova O.V., Zubareva Y.V.* (2017). Sports and Patriotic education of students the middle and lower schools of Siberia in the late XIX - early XX centuries. *Bylye Gody*. 44(2): 560-567. [in Russian].
- [Ustinova, Kirilova, 2018](#) – *Ustinova O.V., Kirilova O.V.* (2018). Socio-demographic characteristics of Siberian students in the early twentieth century (on materials of the journal "Siberian student": 1914–1916). *Bylye Gody*. 46 (4): 1563-1571. [in Russian].

Формирование представлений о сибирском крае педагогической прессой конца XIX – начала XX веков (на примере журнала «Русская школа»)

Ирина Валерьевна Пивоварова ^{a, *}, Юлия Викторовна Путилина ^b, Юлия Валерьевна Зубарева ^c, Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{d, e}

^a Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

^b Тюменская региональная академия профессионального развития, Тюмень, Российская Федерация

^c Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Тюмень, Российская Федерация

^d Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^e Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования образа сибирского края педагогической прессой конца XIX – начала XX вв. Особое внимание уделяется анализу журнала «Русская школа», содержащему большое количество упоминаний о Сибири.

Выявлено, что в рамках «сибирской тематики» в данном педагогическом журнале особое внимание уделялось раскрытию особенностей становления и развития учебных заведений сибирского края; анализу структуры и уровня грамотности среди населения Сибири; специфике общественно-педагогического движения в конкретных сибирских губерниях; исследованию уровня профессиональной подготовки педагогических кадров региона; специфике дидактического и воспитательного потенциала художественной, справочной и учебной литературы о Сибири.

Помимо общих тематических блоков о сибирском образовании, освещаемых в педагогических изданиях, выявлены отдельные, наиболее дискуссионные вопросы: о распространении грамотности и базовых знаний среди «инородцев», «переселенцев», сельского населения сибирского края; о функционировании первого сибирского университета, а также низкого материального положения студентов; о перспективах строительства первого в Сибири учительского института и др.

Ключевые слова: Сибирь, педагогическая пресса, журнал «Русская школа», женские, воскресные, вечерние, церковноприходские школы, частные школы грамоты, учительский институт, Томский университет, проблемы образования, педагогическая хроника.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pivovarova_irina@mail.ru (И.В. Пивоварова), putilina-yulia@mail.ru (Ю.В. Путилина), j_zubareva@mail.ru (Ю.В. Зубарева), anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 759-767. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.759
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Discussion between Central and Regional Authorities on the Topic of the Affiliation of Muslim Schools in Turkestan (the late half of the 19th – the beginning of the 20th centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper contents the analyze of the discussion between Russian central and regional Authorities, which emerged at the turn of 19th – 20th centuries on the question of affiliation of the Muslim schools of Turkestan. Its cause was the growth of Islamophobia, which intensified amid the consolidation of Muslims of the Russian Empire. The Ministry of the interior, the Military Ministry and the administration of Turkestan were convinced of the need to take urgent measures aimed at tightening state control over the Muslim school. In the discussion, they stressed that the Ministry of public education was not able to provide quality supervision and counteract the increase in the number of mektebs and madrasahs. They proposed to withdraw the control of the Muslim school from the competence of the Ministry of public education and to transfer to the administration of Turkestan, subordinate to the Military Ministry. At the same time, the complication of the procedure of opening new educational institutions, tighter control over the process of teaching and the selection of personnel in them were projected. The Ministry of public education, in turn, considered the course he had chosen to be justified. According to the Ministry, non-interference in the internal life of the Muslim community allowed the Russian administration to successfully form a regional management system, while avoiding outbreaks of Muslim fanaticism. The debate over the departmental affiliation of the Muslim school of Turkestan, which lasted for about six years, ended with the victory of the Ministry of public education. The main reason was the desire of the ruling circles to prevent the strengthening of the positions of the Turkestan Governor-General, since at the same time during this period there was a reduction in a number of his official powers aimed at limiting power.

Keywords: Russia, Turkestan, Empire, Muslim school, Mekteb, madrasah, discussion.

1. Введение

В системе административно-территориального управления Туркестанским генерал-губернаторством «мусульманский вопрос» занимал одну из ключевых позиций. Необходимость создания нормативно-правовой базы функционирования мусульманской общины региона признавалась как центральными, так и региональными органами власти. Однако на протяжении 60–80 гг. XIX в. правительство в данном направлении не предпринимало каких-либо серьезных и целенаправленных действий. Объяснялось данное обстоятельство, как минимум, двумя факторами. Во-первых, в Туркестанском крае проживало 90,29 % всех мусульман России (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 603. Л. 1-7). Поэтому любые попытки вмешательства в жизнь мусульманской уммы региона пресекались из-за опасения спровоцировать вспышки религиозного фанатизма.

Во-вторых, позиция правительства по «мусульманскому вопросу» в Туркестане опиралась на взгляды его первого генерал-губернатора К.П. Кауфмана, имевшего огромный авторитет и влияние в политических кругах империи. Последний был убежден, что для закрепления российского влияния в

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

регионе необходимо следовать тактике игнорирования исламских институтов, в том числе мусульманской школы. Администратор предполагал, что последняя в условиях формирования российской образовательной системы на основе русско-туземной школы не выдержит конкуренции, придет к деградации и потере авторитета у коренного мусульманского населения (Остроумов, 1899).

Именно поэтому в Положениях по управлению Туркестанским генерал-губернаторством (1886 г.) и степным краем (1892 г.) уделялось минимальное внимание вопросам регулирования жизнедеятельности мусульманских институтов и фактически не затрагивались вопросы функционирования мусульманских начальных и высших учебных заведений. Их создание законодательным образом в Туркестане не ограничивалось. На основании ст. 98 Положения 1886 г. мусульманским обществам разрешалось свободно открывать мектебы, содержать школы и учителей-мулл за свой счет. Аналогичный порядок определялся ст. 99 Положения об управлении Семиреченской областью 1891 г. Никаких ограничительных норм в вопросе функционирования мусульманской школы не содержало и «Временное положение об управлении Закаспийской области» 1890 г.

С начала 90-х гг. XIX в. в правительственных кругах сформировалось убеждение о необходимости корректировки правительственного курса в отношении «мусульманского вопроса» в Туркестане в целом, и мусульманской школы в частности. В пореформенный период активизация политики интеграции национальных регионов в общеимперское пространство требовала создания унифицированной управленческой модели для всей территории страны. Поэтому в рамках образовательной реформы в 1874 г. под контроль Министерства народного просвещения была передана вся совокупность светских и конфессиональных образовательных учреждений империи. Таким образом, мусульманское духовенство лишалось права бесконтрольного заведования мектебами и медресе (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. L.: 164). Однако, как показала сложившаяся в Туркестане к концу 80-х гг. XIX в. ситуация, установить фактическое наблюдение и контроль со стороны Министерства народного просвещения за огромным числом мусульманских школ, разбросанных на значительной территории Туркестана, при наличии всего двух региональных инспекторов народных училищ оказалось невозможно (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 204-207об.). Поэтому большинство чиновников МВД и МНП признало «несвоевременным не только установление каких-либо определенных программ учебных курсов для мектебов и медресе, но даже и составление инструкций относительно порядка заведования мусульманскими школами» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 204-204об.).

Кроме этого, необходимость пересмотра политики государства в отношении мусульманских учебных заведений Туркестана диктовалась неизменным ростом их численности на протяжении последних десятилетий XIX – начала XX вв. По данным региональных органов власти, в конце XIX в. «на 119 русских учебных заведений разных наименований в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях приходилось 5246 мусульманских училищ» (Духовской, 1899: 14). Таким образом, некогда позитивные прогнозы туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана о постепенном падении авторитета и популярности мусульманской школы среди коренного населения на фоне усиления присутствия русского начала и русско-туземной школы не оправдали себя.

Принятие неотложных мер, направленных на усиление контроля за мусульманской школой Туркестана в «духе государственных интересов», диктовалось и ростом исламофобии у политической элиты Российской империи, которая во многом основывалась на фактах роста численности мусульманского населения империи, усиления процессов его этноконфессиональной интеграции. В региональном срезе подпиткой исламофобских настроений выступили события 1898 г. в Андижане, принявшие форму религиозного движения и ставшие полной неожиданностью для краевой власти (Бабаджанов, 2009).

В целом, к началу 90-х гг. XIX в. правильность курса К.П. Кауфмана, связанного с практикой «игнорирования ислама», была поставлена под сомнение и признана стратегически неверной. Последовавшая правительственная дискуссия разворачивалась под лозунгом «усиления контроля за мусульманской общиной Туркестана». Наряду с вопросами законодательного регулирования процесса открытия новых школ и мечетей, контроля за мусульманским духовенством и его вакуфным имуществом, важной составляющей данной дискуссии стал вопрос о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана.

2. Материалы и методы

Методологической основой статьи выступает теория локальных цивилизаций, в рамках которой развитие мусульманской школы Туркестана рассматривается как локальный исторический процесс, связанный с особенностями политического, экономического и культурного развития региона. Историко-генетический метод применялся при выявлении причин возникновения правительственной дискуссии, призванной определить ведомственную принадлежность мусульманских учебных заведений центральноазиатских окраин России; историко-сравнительный метод – для анализа аргументов и позиции министерств в данной дискуссии.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты и материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти Российской империи. В первую группу включены Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1967 и 1886 гг.,

Закаспийской областью 1890 г. и степным краем 1892 г., а также законопроекты по изменению системы управления конфессиональной школой региона, готовившиеся правительством на рубеже 90-х гг. XIX – начала XX в. Вторая группа источников представлена серией документов делопроизводственного характера: всеподданнейшими отчетами туркестанских генерал-губернаторов, межведомственной перепиской центральных органов власти – МВД, Военного министерства, Министерства народного просвещения с региональными органами власти Туркестана, протоколами совещаний, заключениями правительственных комиссий, проектами реорганизации системы управления мусульманской школой региона. Основной массив источников данной группы выявлен в РГИА (Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий, Ф. 1396 – Ревизия сенатора Палена Туркестанского края), а также в АВПРИ. Совокупность использованных документов и материалов позволяет проследить эволюцию подходов правительства к решению «мусульманского вопроса» в Туркестане, реконструировать правовые механизмы функционирования мусульманских учебных заведений, определить позиции министерств, содержание дискуссии и ее результаты по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы.

3. Обсуждение

В советской историографии история Российской империи рассматривалась вне контекста ее поликонфессиональности и полиэтничности. В рамках формационной теории господствующей тенденцией являлось изучение вопросов социально-экономического развития национальных окраин и доказательство тезиса «о союзе русского пролетариата с угнетенными народами империи для борьбы против самодержавия». Именно поэтому в советский период не появилось ни одного специального исследования, освещающего вопросы этнической и религиозной политики Российской империи в Туркестане, трансформации его социокультурного пространства, в том числе в отношении мусульманской школы. Исключение составляет незначительная по объему работа Н. Сабитова ([Сабитов, 1950](#)), в которой системе мусульманского образования региона дана крайне негативная оценка.

На современном этапе в рамках имперского дискурса сформировалось достаточно широкое предметное поле этноконфессионального аспекта истории Российской империи. Это позволило актуализировать изучение «мусульманского вопроса» – политики государства в отношении мусульманских институтов, в том числе в региональном измерении. Непосредственно вопросы координации деятельности мусульманской школы Туркестана исследовали российские ученые А.К. Тихонов, Т.В. Котюкова, А.Ю. Бахтурина, М.Е. Шушкова ([Тихонов, 2008](#); [Котюкова, 2010](#); [Бахтурина, 2004](#); [Шушкова, 2012](#)). В целом, они оценивают политику России в отношении мусульманского образования региона как взвешенную, отвечающую требованиям и вызовам эпохи. В исследованиях центральноазиатских ученых образовательная политика России и ее попытки реформирования мусульманской школы оцениваются как «духовная экспансия» ([Садвокасова, 2005](#)). Значительно дополнить представления по данной проблеме сможет сюжет, посвященный анализу правительственной дискуссии по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана, который до сих пор оставался за рамками внимания исследователей.

4. Результаты

Поводом для новой правительственной дискуссии о судьбе мусульманской школы Туркестана стали события анджанского восстания 1898 г., в ходе которых около двух тысяч вооруженных мусульман под руководством Дукчи-ишана атаковали казармы российских войск в Андижане. В итоге было убито 22 и ранено 18 солдат русской армии ([Бабаджанов, 2009](#)). Назначенный в этот период на должность туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовской по итогам расследования представил в 1899 г. императору Николаю II Всеподданнейший доклад «Ислам в Туркестане», ключевым выводом которого стал тезис о «не только нежелательности, но и невозможности дальнейшего игнорирования ислама» ([Императорская Россия..., 2006: 196-197](#)). Следствием доклада С.М. Духовского стала работа межведомственной комиссии, которая завершилась в сентябре 1899 г. разработкой трех проектов Положений: 1) об управлении духовными делами мусульман, 2) об управлении мусульманскими учебными заведениями и 3) об управлении вакуфами ([АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 2-7](#)).

Проект Положения об управлении мусульманскими учебными заведениями предполагал передачу мусульманских начальных и высших школ Туркестанского края (медресе и мектебов) из компетенции МНП «в общее ведение областной и уездной администрации», которая, как известно, по Положению об управлении 1886 г. подчинялась Военному министерству. При этом контроль за русскими классами, открывавшимися при медресе, сохранился за инспекторами народных училищ МНП. Ст. 10 и 11 проекта Положения регламентировали процесс закрытия и открытия новых мусульманских образовательных учреждений. Так, высшая школа – медресе – открывалась и закрывалась с разрешения генерал-губернатора, а начальная школа – мектеб – уездных начальников. С целью реализации закона 1870 г. об обязательном изучении русского языка в иноверческих и инородческих образовательных учреждениях проект Положения предполагал открытие новых

мусульманских школ в Туркестане только при условии «введения в них классов русского языка и обеспечения содержания последних» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 8-10).

В связи с тем, что в проекте Положения об управлении мусульманскими учебными заведениями, представленном Межведомственным совещанием, предполагалась передача контроля за ними административно-полицейским учреждениям края, круг деятельности последних должен был значительно расшириться. Поэтому Совещание настаивало на увеличении штата региональных органов власти «пропорционально требованиям каждой области». Так, для Ферганской области, занимавшей первое место в Туркестане «и по проявлению мусульманского фанатизма, и по количеству разных духовных учреждений и вакуфов», «увеличение штата как областного, так и уездных правлений должно быть наибольшим». За Ферганской областью должна следовать Самаркандская, а затем Сыр-Дарьинская. Проектировалось также увеличение штатов уездных управлений. Для занятия новых должностей рекомендовалось привлекать офицеров, окончивших курсы восточных языков (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 14-200б.).

Поддерживая редакцию проекта Положения об управлении мусульманскими учебными заведениями, туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской считал передачу в ведение администрации всех туземных мусульманских школ крайне рациональной мерой. Он также настаивал на «тщательной регистрации всех мусульманских духовных учреждений», «предоставлении генерал-губернатору права упразднения тех мусульманских учреждений, которые будут признаваться вредными в политическом отношении».

Военное министерство, поддерживая туркестанскую администрацию, предложило ужесточить некоторые статьи проекта Положения о мусульманской школе. В частности, оно настаивало на редакции ст. 10 и предлагало открытие и закрытие всех типов учебных мусульманских заведений – низших и высших – предоставлять компетенции исключительно военных губернаторов областей. В ст. 10 рекомендовалось обязать руководство уже действовавших к моменту утверждения Положения медресе ввести в образовательный процесс курс русского языка «в течение трехлетнего со времени обнародования Положения». Военное министерство также поддержало идею о невмешательстве региональной администрации в образовательный процесс (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 2-7).

Таким образом, представленный проект Положения об управлении мусульманскими учебными заведениями Туркестана предполагал перераспределение властных полномочий между Министерством народного просвещения, с одной стороны, Военным министерством и подчинявшимся ему туркестанским генерал-губернатором, с другой. На основании проекта предлагалось отменить в регионе действие Закона 1874 г. и передать мусульманские образовательные учреждения в ведение Военного министерства для «замены педагогического наблюдения внешним полицейским надзором» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 259-2590б.). Основанием для изъятия мусульманской школы из компетенции МНП стал тезис о его неспособности выполнять функции контроля за ней.

В МНП проектируемое Положение об управлении мусульманскими учебными заведениями Туркестана вызвало волну критики. Его руководство предложило провести экспертизу развития мусульманской школы в регионах компактного проживания мусульман и затребовало от попечителей Казанского, Одесского, Оренбургского и Кавказского учебных округов соответствующую информацию. На ее основании в октябре 1901 г. МНП представило министру внутренних дел Д.С. Сипягину письмо, в котором настаивало на правильности выбранного им курса в отношении мусульманской школы.

Его автор, товарищ министра народного просвещения, сенатор И.В. Мещанинов подчеркивал, что «учебное ведомство предполагало, не касаясь мусульманских учебных предметов, постепенно и последовательно приблизить мусульманские школы к типу школ общегосударственных, с обязательным изучением в них русского языка и преподаванием общеобразовательных предметов на русском языке». Он также отметил, что «действующие законы Российской империи предоставляют магометанам свободу веры. В задачи учебного ведомства не входило в чем-либо стеснять сию свободу. Но оно не без основания полагало, что при постепенном введении в мусульманских школах русского языка и преподавания общеобразовательных предметов на русском языке влияние мусульманских школ, как исключительно вероисповедных, будет ослаблено, так как школы эти будут лишены того узко-одностороннего направления, которое характеризует их в настоящее время». Именно данный курс, по мнению руководства МНП, создавал условия для «сближения мусульман с русским населением» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 259-262).

Министерство народного просвещения настаивало на дальнейшем следовании курсу «игнорирования мусульманских институтов и мусульманской школы» Туркестана. Его изменение МНП считало нецелесообразным по целому ряду причин. Во-первых, предоставленные самим себе мусульманские учебные заведения (без упорядочения модели обучения и методики преподавания) по-прежнему «обрекались на рутину и застой мусульманской науки», что создало надежный барьер для просвещения мусульманского населения, «усиления его как образованного поборника магометанства» и роста мусульманского фанатизма. Во-вторых, любое изменение либерального/веротерпимого курса религиозной политики, которому на протяжении десятилетий следовало государство в отношении иноверия, могло, по мнению Министерства народного

просвещения, спровоцировать рост недовольства со стороны мусульманского населения. Приведенные аргументы давали сенатору И.В. Мещанинову основание для вывода о нецелесообразности усиления правительственного контроля за мусульманской школой Туркестанского края и тем более изменения ее ведомственной принадлежности (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 259-262).

17 октября 1901 г. министр народного просвещения, генерал П.С. Ванновский, писал министру внутренних дел Д.С. Сипягину, что его ведомство выступает категорически против передачи «учебной части» в Туркестанском крае в ведение военного министра. П.С. Ванновский хотел сыграть на традиционных противоречиях между МВД и Военным министерством по вопросу об управлении территориями в Туркестанском генерал-губернаторстве. Однако он просчитался, так как Д.С. Сипягин неожиданно поддержал идею С.М. Духовского о переподчинении учебного ведомства краевой администрации (Котюкова, 2009).

Свою позицию Д.С. Сипягин выразил в выписке на имя военного министра А.Н. Куропаткина от 19 марта 1901 г., признав тот факт, что правительство «не имеет возможности молниеносного вовлечения» в систему российского светского образования коренного населения Туркестана. Поэтому он допускал возможность сохранения традиционной мусульманской школы, при условии постановки ее «в определенные нормы, вне школы государственной и как бы ниже ее» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 254-254об.). Конкретные предложения Д.С. Сипягина по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана нашли отражение в Своде предположений Министерства внутренних дел «Об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края» от 1901 г.

Согласно мнению МВД, все мусульманские учебные заведения региона – начальные магометанские училища, мектебы и медресе – должны подчиняться административной власти в лице уездных начальников. Организацию учебного процесса в них следовало допускать, по мнению МВД, только после получения письменного разрешения уездного начальника и ежегодной выплаты в казну «особого сбора в пользу местных государственных русско-туземных школ». Его размер предлагалось установить для медресе – до 10 руб., для мектебов – от 3 до 5 руб., в зависимости от области Туркестана и числа учеников. Сбор должен был вноситься в уездное казначейство в депозит генерал-губернатора не позднее 1 сентября каждого года, а квитанция представляться уездному начальнику для получения «разрешительного свидетельства» на право преподавания (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 255-256об.).

В рамках свода предложений содержатели и заведующие медресе и мектебов обязывались ежегодно к 1 октября представлять уездному начальнику ведомость о местонахождении и помещении училища, о лицах, преподающих в нем и о количестве учеников, с указанием их возраста и срока обучения. Содержать в мектебе учеников старше тринадцатилетнего возраста, а в медресе – восемнадцатилетнего, «без особого в каждом отдельном случае разрешения уездного начальника», МВД предлагало запретить. Ст. 10 свода предположений возлагала ответственность на содержателей медресе и мектебов за порядок в них, соблюдение санитарных норм, лояльность обучающихся государственной власти посредством внушения «им уважения к старшим и к властям, любви к Государю и к отечеству». Нарушившие данные условия распоряжением военного губернатора области лишались права на дальнейшее преподавание и содержание учеников, «и самое мектебе или медресе в случае обнаружения важных беспорядков» могло быть временно или совсем закрыто по распоряжению генерал-губернатора Туркестанского края (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 255-256об.).

Сменивший весной 1902 г. Д.С. Сипягина на посту министра внутренних дел В.К. Плеве заявил о преемственности курса в вопросе межведомственной принадлежности мусульманской школы. В декабре этого года товарищ министра внутренних дел, сенатор П.Н. Дурново, представил на имя управляющего Министерством народного просвещения Г.Э. Зенгера письмо, в котором подчеркнул, что МВД признает «проектируемую меру правильной» и «не находит препятствий к исходатайствованию утверждения таковой» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 318-319об.).

П.Н. Дурново также подчеркнул, что МВД и его новое руководство поддерживает подготовленный под руководством Д.С. Сипягина Свод предположений «Об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края» от 1901 г. При этом МВД считало, что внесение в разрабатываемый проект пункта об обязательном преподавании русского языка в мусульманских школах Туркестана нецелесообразно, поскольку его реализация на практике может встретить сопротивление «со стороны несочувствующего ему магометанского населения» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 318-319об.).

В начале 1903 г. правительственная дискуссия по вопросу о ведомственной принадлежности продолжилась. МНП лихорадочно пыталось переубедить МВД и доказать ошибочность его взглядов на проблему. В конце марта 1903 г. товарищ министра народного просвещения С.М. Лукьянов представил пространное отношение на имя министра внутренних дел В.К. Плеве, в котором представил новые аргументы МНП по данному вопросу.

Прежде всего С.М. Лукьянов отмечал, что в начале XX в. изменилась общественно-политическая ситуация и обозначились четкие интеграционные процессы мусульманского населения империи. Это выразилось в целом ряде факторов: росте численности мечетей, развитии издательской

деятельности на татарском языке, появлении в Казанской, Уфимской, Оренбургской губерниях и Туркестане новометодных школ. Отмечался и факт формирования российской мусульманской интеллигенции, выступающей за либерализацию ислама и школьного обучения. Это выразилось в «открытии женских школ для магометанок, учреждении приютов для детей мусульман, введении в мектебе и медресе звукового способа при обучении чтению по-татарски, распространении среди магометанской интеллигенции не разрешенных русскою цензурою сочинений, написанных в защиту и пропаганду ислама» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 322об.).

На основании данных фактов С.М. Лукьянов делал вывод о том, что мусульманская школа представляет собой «сложное явление», требующее «деятельного, компетентного и авторитетного надзора правительства». Предложение об изъятии этой школы из ведения Министерства народного просвещения и передаче в ведение общей администрации приведет к «замене деятельного школьного надзора надзором фиктивным, равносильным предоставлению школы самой себе, ... надзором, который не будет ни достаточно деятелен, ни компетентен, ни авторитетен». В МНП были убеждены, что чиновники туркестанской администрации не обладают достаточными профессиональными навыками, необходимыми для осуществления необходимого контроля за школой. «Они часто решительно, – подчеркивал в своем Отношении С.М. Лукьянов, – не в состоянии будут подмечать того, что заслуживало бы самого серьезного внимания. К этому необходимо присовокупить, что, обремененные массой своих прямых неотложных дел, они не будут иметь достаточного времени для того, чтобы вдумываться в факты и явления школьной жизни. Не будучи же подготовлены к своей роли наблюдателей школы и не обладая ни нужными знаниями, чтобы правильно судить о значении проявлений ее жизни, ни достаточным досугом, чтобы принимать решения после серьезного и предусмотрительного обсуждения дела, чины местной общей администрации не избегнут многих ошибок, которые будут подрывать их авторитет. ...Это по необходимости будет надзор бессильный, ибо на каждое серьезное действие чиновник должен будет спрашивать распоряжения высшей власти. Такие условия дела приведут к необходимости самого умеренного применения прав надзора или, другими словами, к его фактической упразднению или предоставлению мусульманской школы самой себе, как и хотела бы Туркестанская администрация» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 322).

В пользу сохранения за МНП функций по надзору мусульманской школы С.М. Лукьянов привел еще один немаловажный аргумент. Он отмечал, что попытки установить более жесткий контроль за мусульманской школой уже предпринимались в 70–80-х гг. XIX в., но неизменно встречали сопротивление со стороны мусульман империи. Поэтому он был убежден, что проектируемое Положение «может послужить поводом по возбуждению неудовольствия среди мусульман, которые усмотрят в правилах инструкции меры, направленные к стеснению мусульманской религии» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 324об. П325).

Аргументом в пользу сохранения за МНП надзора за мусульманской школой выступал и тот фактор, что «путем более или менее частых посещений школ органами учебного ведомства, она за 25 лет со дня введения закона 1874 г. о передаче конфессиональной школы под контроль МНП, приучила мусульманское население и мулл «к мысли о небесконтрольности сих школ и о подчиненности их учебному ведомству». Единогласные свидетельства губернских инспекций народных училищ свидетельствовали о том, что «умелая и благожелательная деятельность школьной инспекции вполне приучила мусульманское население к контролю Министерства народного просвещения; ...муллы уже привыкли видеть в лице инспекторов народных училищ своих прямых начальников, так как последние посещают эти школы, собирают о них сведения». В Туркестанском крае, по свидетельству бывшего инспектора народных училищ Н.П. Остроумова, медресе также «подчинились инспекторскому надзору и до сих пор не заявляли особо резких протестов» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 325об.).

На основании приведенных аргументов С.М. Лукьянов в своем Отношении подчеркивал, что «едва ли можно отрицать, что школьная инспекция народных училищ МНП, являющаяся в области мусульманской школы представительницей русского государственного начала, не только не встретила какой-либо систематической оппозиции мусульманского населения, но в известной мере даже сумела привлечь симпатии лучшей части мусульманского общества». Поэтому чиновник был убежден в том, что цель Закона 1874 г. «вполне достигнута» и изменять выбранный правительством курс в отношении мусульманской школы Туркестана было бы «политической ошибкой». В противном случае С.М. Лукьянов прогнозировал рост мусульманского недовольства и падение авторитета российской власти в регионе (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 330-332об.).

Правительственная дискуссия о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестанского края завершилась победой Министерства народного просвещения. В марте 1906 г. были утверждены Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, статья 32 которых определяла, что «общий надзор за частными инородческими училищами (магометанскими, ламаистскими и проч.) возлагается на инспекторов инородческих училищ» МНП. Частные инородческие вероисповедальные училища открывались «с разрешения инспектора инородческих училищ по представлении надлежащих удостоверений в том, что содержание училища обеспечено необходимыми для того средствами, что при нем будет состоять класс русского языка». К употреблению в вероисповедальных училищах, согласно ст. 35 Правил,

допускались только те учебные руководства и пособия, которые были изданы в России, «прочие же не иначе как с особого в каждом отдельном случае разрешения инспектора народных училищ» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 238-241об.).

Победа МНП в многолетней дискуссии о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана вряд ли можно объяснить слабостью аргументов Военного министерства и чиновников региональной администрации. Очевидно, что кардинальное решение «мусульманского вопроса» – ужесточение контроля со стороны государства – на фоне революционной общественно-политической ситуации в стране было крайне необходимо. Но прогнозируемый в случае принятия соответствующих мер рост мусульманского фанатизм в конечном итоге вынудил власти проявить осторожность и последовательность в данном вопросе и отказаться от решительных действий.

Представляется также, что на окончательное принятие решения о ведомственной принадлежности мусульманской школы повлиял еще один немаловажный фактор. Речь идет об институте туркестанского генерал-губернатора. В условиях «удаленности края от центра и отсутствия стабильных коммуникаций» требовалось создание эффективной модели оперативного управления Туркестаном. В результате к 80 гг. XIX в. должностной функционал генерал-губернаторов превратил их в полновластных администраторов края, позволял сконцентрировать в их руках гражданскую, военную, дипломатическую власть (Бахтурина, 2004: 283).

Неограниченные полномочия генерал-губернаторов превращали их в единоличных правителей, что не могло не вызывать опасений у центральных органов власти. Поэтому в конце 80-х гг. XIX в. правительство признало созданную административную модель управления Туркестаном неэффективной. Большинство министерств потребовало перераспределения функций генерал-губернатора. Следствием стали реформы, направленные на изменение системы управления регионом и поэтапное ограничение полномочий генерал-губернатора. В русле данных тенденций вряд ли возможно было положительное решение вопроса о передаче надзора за мусульманской школой из ведения Министерства народного просвещения в ведение Военного министерства и краевой администрации. Попытки последних получить административный надзор за мектебами и медресе можно рассматривать как определенную компенсацию утраченных функций и рычагов власти.

Правильность выбранного курса в отношении мусульманской школы Туркестана опосредованно была подтверждена результатами сенаторской ревизии графа К.К. Палена, состоявшейся в 1909 г. В заключении по «Учебной части» он отмечал, что на момент ревизии в Туркестане так и не была создана нормативно-правовая база функционирования мусульманской школы. Учебная администрация, подведомственная МНП, не имела реальной возможности решать вопросы состава преподавателей этих школ, содержания образовательных программ и методов преподавания в них, выбора учебников. Подчинение мусульманской школы Туркестана учебной администрации выражалось лишь «в праве посещать их, наблюдать за недопущением в них противогосударственной пропаганды и собирать о них статистические сведения» (Отчет по ревизии..., 1910: 92-107, 119-124).

Тем не менее сенатор К.К. Пален констатировал, что в Туркестанском крае «положение дела наблюдения за мусульманскими школами до сих пор находится в более благоприятных условиях, чем в других местностях с мусульманским населением». К числу «благоприятных условий» он относил отсутствие «противодействия со стороны мусульманского духовенства не только к посещению этих школ и наблюдению за ними, но и к осуществлению тех мер, какие она находила необходимыми». К.К. Пален отмечал, что в Туркестане «за все время русского владычества не возбуждалось никаких ходатайств об изъятии мусульманских школ из ведения русской администрации и передаче их в ведение мусульманских духовных управлений». Это позволяло ему сделать вывод о том, что предложенная в свое время генерал-губернатором К.П. Кауфманом тактика «игнорирования мусульманской школы» оказалась оправданной (Отчет по ревизии..., 1910: 145-147).

5. Заключение

На рубеже XIX–XX вв. в правительственных кругах Российской империи состоялась дискуссия по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана. Ее основной причиной стал рост исламофобских настроений, усиливавшийся на фоне процессов консолидации мусульман империи. В ходе дискуссии МВД, Военное министерство настаивали на изъятии из компетенции Министерства народного просвещения мусульманских учебных заведений и передаче их в ведение администрации Туркестана. При этом проектировалось усложнение процедуры открытия новых образовательных учреждений, ужесточение контроля за процессом преподавания и подбором кадров в них. В ходе дискуссии подчеркивалось, что Министерство народного просвещения оказалось не способным осуществлять качественный надзор за мусульманской школой и противодействовать росту численности мектебов и медресе в Туркестане. Тем не менее Министерству народного просвещения удалось отстоять свои позиции и доказать, что выбранный им курс на невмешательство во внутреннюю жизнь мусульманской общины позволил российской администрации успешно сформировать систему управления регионом, избежав при этом всплеск мусульманского фанатизма. Вплоть до 1917 г. мусульманская школа продолжала находиться в компетенции МНП.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бабаджанов, 2009 – *Бабаджанов Б.* Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонируемых») // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 155-200.

Духовской, 2006 – *Духовской С.М.* Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии Духовского: Ислам в Туркестане. Ташкент, 1899. 20 с.

Императорская Россия..., 2006 – Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) // Сборник материалов / Под ред. Д.Ю. Арапова. М. 2006. 480 с.

Котюкова, 2009 – *Котюкова Т.В.* Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан) // *Отечественные архивы*. 2009. № 1. С. 60-67.

Котюкова, 2010 – *Котюкова Т.В.* «Мусульманский вопрос в Туркестане» в начале XX века // *Вопросы истории*. 2010. № 9. С. 93-101.

Остроумов, 1899 – *Остроумов Н.П.* Константин Петрович Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1882 гг.) (К истории народного образования в Туркестанском крае). Ташкент, 1899. 287 с.

Отчет по ревизии..., 1910 – Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб., 1910. Ч. 16: Учебное дело. 177 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сабитов, 1950 – *Сабитов Н.* Мектебы и медресе у казахов. Алма-Ата, 1950. 44 с.

Садвокасова, 2005 – *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX в.) Алматы, 2005. 333 с.

Тихонов, 2008 – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в. СПб., 2008. 353 с.

Шушкова, 2012 – *Шушкова М.Е.* Реформа управления туркестанским краем в начале XX в: разногласия между Санкт-Петербургом и Ташкентом // *Новый исторический вестник*. 2012. № 2 (32). С. 6-20.

References

AVPRI – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii. [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. [in Russian]

Babadzhanov, 2009 – *Babadzhanov B.* (2009). Andizhanskoye vosstaniye 1898 goda i «musulmanskij vopros» v Turkestane (vzglyady «kolonizatorov» i «koloniziruyemykh»). [Andijan uprising of 1898 and the "Muslim question" in Turkestan (views of "colonizers" and "colonized")]. *Ab Imperio*, № 2, p. 155–200. [in Russian]

Dukhovskoy, 1899 – *Dukhovskoy S.M.* (1899). Vsepoddanneyshiy doklad Turkestanskogo general-gubernatora generala ot infanterii Dukhovskogo: Islam v Turkestane. [Report of the Turkestan Governor-General, General of infantry spirit: Islam in Turkestan]. Tashkent, 20 p. [in Russian]

Imperatorskaya Rossiya..., 2006 – *Imperatorskaya Rossiya i musulmanskij mir (konets XVIII – nachalo XX v.)*. [Imperial Russia and the Muslim world (end of XVIII – beginning of XX century)] // *Sbornik materialov*. Pod redaktsiyey D.Yu. Arapov, Moscow, 2006. 480 p. [in Russian]

Kotyukova, 2009 – *Kotyukova T.V.* (2009). Semia Kerenskikh v Turkestanskom kraye (po dokumentam TsGA Respubliki Uzbekistan). [Kerensky family in Turkestan (according to the documents of the CSA of the Republic of Uzbekistan)]. *Otechestvennyye arkhivy*, № 1, pp. 60–67. [in Russian]

Kotyukova, 2010 – *Kotyukova T.V.* (2010). «Musulmanskij vopros v Turkestane» v nachale XX veka. [“The Muslim question in Turkestan” in the early twentieth century]. *Voprosy istorii*, № 9, pp. 93–101. [in Russian]

Ostroumov, 1899 – *Ostroumov N.P.* (1899). Konstantin Petrovich Kaufman. ustroitel Turkestanskogo kraya. Lichnyye vospominaniya N. Ostroumova (1877–1882 gg.) (K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom kraye). [Konstantin Petrovich Kaufman. organizer of Turkestan region. Personal memories N. Ostroumova (1877-1882) (to the history of national education in the Turkestan region)]. Tashkent, 287 p. [in Russian]

Отчет по ревизии..., 1910 – Отчет по ревизии Туркестанского края. произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. [Audit report of Turkestan region. produced by the highest command of Senator Hoffmeister count K. K. Palen]. Saint-Petersburg, 1910, Ch. 16: Uchebnoye delo. 177 p. [in Russian]

PSZRI – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]

РГИА – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [The Russian state historical archive]. [in Russian]

Sabitov, 1950 – *Sabitov N.* (1950). Mekteby i medrese u kazakhov. [The mektebs and madrasahs of the Kazakhs]. Alma-Ata, 44 p. [in Russian]

Sadvokasova, 2005 – *Sadvokasova Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of XIX–beginning of XX centuries)]. Almaty, 345 p. [in Russian]

Tikhonov, 2008 – *Tikhonov A.K.* (2008). Katoliki, musulmane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX vv. [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. Saint-Petersburg, 353 p. [in Russian]

Shushkova, 2012 – *Shushkova M.E.* (2012). Reforma upravleniya turkestanskim krayem v nachale XX v.: raznoglasiya mezhdru Sankt-Peterburgom i Tashkentom. [Reform of the administration of the Turkestan region at the beginning of the twentieth century: the controversy between St. Petersburg and Tashkent] // *Novyy istoricheskiy vestnik*, № 2(32), pp. 6–20. [in Russian]

Дискуссия центральных и региональных органов власти по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана (конец XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется дискуссия российского правительства, возникшая на рубеже XIX–XX вв. по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана. Ее причиной стал рост исламофобии, усиливавшийся на фоне процессов консолидации мусульман Российской империи. Министерство внутренних дел, Военное министерство и администрация Туркестана были убеждены в необходимости принятия экстренных мер, направленных на ужесточение контроля со стороны государства за мусульманской школой. В дискуссии они подчеркивали, что Министерство народного просвещения оказалось не способным осуществлять качественный надзор за ней и противодействовать увеличению численности мектебов и медресе. Ими предлагалось изъять из компетенции Министерства народного просвещения и передать в ведение администрации Туркестана, подчинявшейся Военному министерству, контроль за мусульманской школой. При этом проектировалось усложнение процедуры открытия новых образовательных учреждений, ужесточение контроля за процессом преподавания и подбором кадров в них. Министерство народного просвещения, в свою очередь, считало оправданным выбранный им курс. Невмешательство во внутреннюю жизнь мусульманской общины, по мнению министерства, позволило российской администрации успешно сформировать систему управления регионом, избежав при этом всплеск мусульманского фанатизма. Длившаяся около шести лет дискуссия по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана завершилась победой Министерства народного просвещения. Главной причиной стало стремление правящих кругов не допустить усиления позиций туркестанского генерал-губернатора, поскольку параллельно в этот период происходило сокращение ряда его должностных полномочий, направленных на ограничение власти.

Ключевые слова: Россия, Туркестан, империя, мусульманская школа, мектеб, медресе, дискуссия.

* Корреспондирующий автор

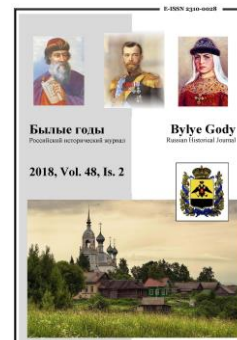
Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 768-775. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.768
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Historical Experience of Organization and Activity of Tomsk Agricultural Colony for Minors

Tatiana A. Kattsina ^{a, b, *}, Natalya V. Pashina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev, Russian Federation

Abstract

Special consideration was given to the history of the formation and activities of the Tomsk agricultural colony for minors in the late period of the Russian Empire. The sources of financing, the number of the Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters of Tomsk Province, which became the founder of the colony, were determined and analyzed. Innovative ideas and factors, significantly leveling the effectiveness of the charitable organization, are noted. Analysis of scientific and journalistic literature, archival documents allowed to conclude that, with the undisputed role of the financial component, the success of the shelter's work depended to a great extent on the personal ties of the founders, the skills and skills of the staff, the understanding of correctional education, and the proper organization of the pedagogical process. The obtained factual data contribute to the creation of a holistic view of the level of development of penitentiary institutions in prerevolutionary Russian society in general and the Siberian region in particular.

Keywords: minor offenders, corrective education, agricultural colonies, craft shelters.

1. Введение

В истории российского государства неоднократно менялся подход к решению проблемы детства, содержанию социальной и уголовной политики по отношению к подросткам, вступившим в конфликт с законом. Отмечается, что в развитии учения о воспитании несовершеннолетних большую роль сыграли международные пенитенциарные конгрессы 1840-х гг. (Беляева, 2012: 69), инициированные распространением в обществе новых взглядов на преступление и наказание, поиском альтернативы репрессивным методам воздействия на личность. Одновременно шло становление заведений для «нравственно-испорченных детей» (Дриль, 1905: 352), а в эпоху Великих реформ (1864–1870 гг.) они развивались в качестве самостоятельного института заменяющих наказаний. Эти процессы повлияли на законодательство, индуцируя его изменения сначала в сторону закрепления, а позже – упорядочения и регулирования деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних. К началу XX в. Российская империя вышла на небольшой (22) количественный уровень земледельческих колоний и ремесленных приютов (Kattsina, 2017: 535), где несовершеннолетние содержались изолированно от взрослых, а тюремный режим заменялся воспитательным. Весомый вклад внесли Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, которые получили развитие с 1869 г. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что «система учреждений, направленных на исправление и перевоспитание заключенных, была создана с установлением советской власти в 20-е гг. XX в.» (Технологии, 2009: 249).

«Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» 1909 г. отразило тенденцию сужения репрессивных мер воздействия на детей и подростков. Оно аккумулировало основные позитивные начала, выработанные отечественной практикой и закрепленные в законах (1866, 1892, 1893, 1897, 1903 гг.) об исправительных заведениях и уголовных

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катсина), che-tasha@yandex.ru (Н.В. Пашина)

наказаниях, применяемых к несовершеннолетним. Были расширены финансовые и налоговые льготы учреждениям, разрешен прием подследственных и подсудимых, а также подростков, ведущих беспризорный или безнадзорный образ жизни, имеющих такие типичные проявления деструктивного поведения, как бродяжничество и попрошайничество (ПСЗ, 1912). Таким образом, перед воспитательно-исправительными заведениями был поставлен широкий круг профилактических и реабилитационных задач, включающих нейтрализацию неблагоприятного социального воспитания, устранение прямого и косвенного аморального и криминального влияния на несовершеннолетнего осужденного, подследственного или подсудимого, формирование жизненных навыков. Несмотря на схожесть и однотипность решаемых задач, исправительные заведения для несовершеннолетних имели различия в организационном оформлении, в подходах и методах воспитательной работы. Ее результат зависел как от финансовых и материальных ресурсов, так и от правильной организации педагогического процесса, способности персонала работать со специфическим контингентом.

В статье ставится задача аналитической реконструкции опыта организации и деятельности Томской земледельческой колонии для несовершеннолетних. В имперский период это было единственное воспитательно-исправительное заведение на обширной территории Западной Сибири, куда принимали мальчиков в возрасте до 15 лет, осужденных судебными установлениями Томской, Тобольской, Енисейской (до 1914 г.) губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей, а также привлеченных к следствию и суду правоохранными органами г. Томска и Томского уезда. История отдельного учреждения, кажущаяся на первый взгляд незначительной, позволяет четче представить динамику его развития, выявить механизмы эффективности или ограниченности деятельности.

2. Материалы и методы

2.1. Для понимания основных направлений системы уголовных наказаний для несовершеннолетних, общего порядка функционирования воспитательно-исправительных заведений использовались официальные правовые документы, в хронологическом порядке включенные во второе (1825–1881 гг.) и третье (1881–1913 г.) «Полное собрание законов Российской империи». Источниками послужили делопроизводственные документы, депонированные в Государственном архиве Красноярского края (ф. 216 «Губернский комитет общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Енисейской губернии», ф. 595 «Енисейское губернское управление»). Анализируются отчеты Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1901–1916 гг., где печатались финансовые сметы, списки и характеристики воспитанников, распорядок внутренней жизни колонии, состояние системы воспитания и исправления, положение школьного дела.

2.2. Анализ источников и исследовательской литературы проведен с учетом основных принципов научного исторического познания: объективности (опыт колонии рассматривается в разнообразии и противоречивости, в совокупности положительных и негативных проявлений) и историзма (факты и события изучаются в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами, во взаимосвязи и взаимообусловленности). Решению исследовательской задачи способствовало сочетание общенаучных и конкретно-исторических методов. Сравнительный метод позволил выявить сходства и различия изучаемого объекта с аналогичными учреждениями в рамках одного исторического процесса, синхронный – рассмотреть практики социального контроля как организованного ответа на делинкветное поведение несовершеннолетних одновременно с другими явлениями общественной жизни, статистический – провести анализ количественных показателей источников финансирования земледельческой колонии.

3. Обсуждение

Переосмыслению фактов ювенальной юстиции имперской России, уже освоенных дореволюционной и советской историографией, посвящен ряд небольших по объему, но ценных по содержанию монографий (Беляева, 1995; Тебиев, Коркищенко, 2005 и др.), где дан анализ нормативных актов, на основании которых действовала система уголовных наказаний для несовершеннолетних, функционировали исправительные заведения. При оценке профилактики правонарушений несовершеннолетних в Российской империи во внимание принимается отсутствие (Mill, 2010: 214; Беляева, 2015: 173) единого подхода к организации работы, малое число воспитательных заведений, наличие в них некоторых элементов исправительных учреждений, недостаток материальных средств. Тенденцией XXI в. стали научные статьи, где различные аспекты деятельности отдельных воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних сопряжены с большим разнообразием в пространственном отношении (Лаврентьев, 2010; Синова 2012; Ковтуненко, 2014; и др.), в том числе Сибири (Михиенков, 2012; Kattsina, 2017; Kattsina et al., 2017). Тем не менее в сибиреведении эту тему нельзя отнести к числу досконально разработанных.

4. Результаты

Открытие Томской исправительной колонии для несовершеннолетних и малолетних преступников в источниках (Отчет, 1904: 2) датируется 20 ноября 1902 г. Этому событию предшествовала большая подготовительная работа Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, организованного в начале апреля 1895 г. Общество и провозглашало целью создание земледельческих колоний и ремесленных приютов для «содействия улучшению участи несовершеннолетних лиц обоего пола в возрасте от 10 до 17 лет, присужденных к отдаче в исправительные заведения» (Чирков, 1905: 56). Значительную роль в организации самого Общества сыграла личная инициатива высокопоставленных чиновников: томского губернского прокурора А.В. Витте и губернатора Г.А. Тобизена. Их стараниями уже в ноябре 1895 г. был разработан Устав Общества, а в феврале 1896 г. состоялось первое организационное собрание. В Общество вступил почти весь личный состав судебного и тюремного ведомств, некоторые чины администрации и члены городского самоуправления (Д., 1897: 232). Благодаря личным связям учредителей, идея организации земледельческой колонии нашла поддержку не только среди представителей местной судебнопенитенциарной системы, но и у прокурора Красноярского окружного суда, коллежского советника Д.В. Малинина. Он и еще шесть служащих по Министерству юстиции в Енисейской губернии записались в Общество (1898 г.) с уплатой вступительного взноса (ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1845. Л. 2-20б., 9-10). Для здания приюта император Николай II выделил из собственных средств 10 280 бревен на сумму 4 440 руб. (Д., 1897: 233).

Члены Общества градировались по величине денежного или трудового участия: почетные, действительные, соревнователи, непременные. В почетные члены зачислялись лица, единовременно пожертвовавшие в казну Общества не менее 500 руб. или обязавшиеся вносить ежегодно 100 руб. в течение десяти лет. Для действительных членов Общества ежегодный взнос был установлен в размере не менее 5 руб., членов-соревнователей – 20 руб. единовременно или 2 руб. ежегодно. От ежегодных членских взносов освобождались лица, содействующие Обществу личным трудом, например, по приисканию выпускникам приюта работы и жилья (Устав, 1896: 2-3; ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 16).

Текущими делами Общества управлял специально созданный Комитет из шести человек, избранных общим собранием из членской массы. «По должности» в его состав входили председатель томского окружного суда, губернский прокурор, тюремный инспектор, духовное лицо, назначенное епархиальным архиереем (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 18). Комитет устанавливал штат сотрудников колонии, заботился о привлечении средств на ее содержание через воззвания и статьи в местных газетах, рассылку писем и книжек для сбора пожертвований в различные инстанции, составлял таблицу расходования продовольствия, одежды, белья, обуви, утвари и других необходимых для воспитанников приюта вещей, назначал попечителя приюта, который возглавлял наблюдательную комиссию, ревизировавшую исправительное заведение и его финансовые документы. Деятельность колонии находилась под наблюдением правоохранительных и исполнительных органов государственной власти. Министр юстиции, начальник главного тюремного управления и губернатор лично или через командируемых лиц, как и губернский тюремный инспектор в любое время имели право прибыть в приют с проверкой и требовать устранения замеченных в нем недостатков или отменить распоряжения, принятые директором. Общественный контроль за деятельностью учреждения осуществлялся как уплатившими ежегодные взносы членами Общества, так и посторонними лицами по представлению попечителя.

Непосредственное управление колонией осуществлял директор, в обязанности которого вменялись организация и контроль за учебно-воспитательным процессом, заведование имуществом приюта, в том числе денежными средствами, выделяемыми Комитетом на текущие расходы, управление педагогическим и вспомогательным персоналом, ведение хозяйства, составление отчетности Комитету. Педагогический совет в составе священника, врача, учителей и воспитателей и одного представителя от Общества выполнял роль совещательного органа при директоре по вопросам воспитания и обучения. Решения на заседаниях совета принимались большинством голосов. При условии равного голосования окончательный вердикт выносился председателем. Также право решающего голоса предоставлялось попечителю и членам наблюдательной комиссии в случае их присутствия на заседании. Численный состав сотрудников колонии формировался по количеству воспитанников и в качественном выражении включал в себя директора, учителя, мастеров, воспитателей-надзирателей, дворовых работников, кухарки и прачки (Отчет, 1912: 4). Священник и врач, являясь членами-соревнователями Общества, оказывали свои услуги безвозмездно, в связи с чем освобождались от денежных взносов.

Контингент воспитанников колонии формировался из беспризорников, уличенных в попрошайничестве и бродяжничестве, и малолетних правонарушителей; реже правоохранительные органы направляли сюда подследственных. С 1903 г. решением Комитета в колонию стали зачислять «мальчиков неодобрительного поведения в возрасте от 10 до 15 лет» по заявлению их родителей и опекунов, не имевших возможности самостоятельно справиться с воспитанием своих детей. Месячная плата с родителей за содержание в школе их «нравственно-испорченных отпрысков» устанавливалась в размере 15 руб. за полное содержание и 12 руб. 50 коп. при собственном белье,

одежде и обуви. Зачисление в колонию производилось после оплаты родителями не менее двух месяцев проживания в исправительном учреждении и предоставления единовременного залога размером в 25 руб. на случай порчи общественного имущества. При наличии вакансий прием новых воспитанников осуществлялся в течение всего года. Ввиду трудового уклона деятельности колонии отказывалось в зачислении лиц с признаками психоневрологических, инфекционных заболеваний и слабоумия. Зачисленные в колонию воспитанники распределялись по отделениям (семьям), каждая из которых находилась в ведении отдельного воспитателя, проживавшего совместно со своими подопечными. Обучение и быт воспитанников разного пола в приюте организовывались раздельно. Отдельно содержались дети младшего возраста и подростки, наиболее трудные в воспитательном отношении, требующие особо тщательного и строгого надзора. Последние помещались в специальное отделение (семью), находящееся в заведовании более опытного воспитателя. Бытом воспитанниц и младшей семьи воспитанников заведовали воспитательницы. На время пребывания в приюте подростки не изолировались от внешнего мира. Вместе с персоналом колонии они посещали церковь, участвовали в праздничных городских гуляниях, а также самостоятельно выезжали в город по поручению администрации. Руководство исправительного учреждения не препятствовало встречам воспитанников с ближайшим окружением в выходные и праздничные дни.

При поступлении в приют и в дальнейшем фельдшер периодически проводил медицинское освидетельствование каждого воспитанника, измеряя его рост, вес и объем грудной клетки. Результаты обследований фиксировались в санитарных листках, куда также вносились сведения обо всех болезнях, перенесенных подростками во время пребывания в приюте. Кроме сведений о здоровье личные дела воспитанников также содержали информацию о семейном положении, материальных условиях его прежней жизни и причине направления в исправительное учреждение. К делу прилагалась и особая кондуитная тетрадь, где воспитатели делали записи о поведении каждого подопечного во время работы или занятий, вносили отметки о наградах и взысканиях, наложенных директором или педагогом.

Вне зависимости от пола и возраста подростки принимали участие во всех работах по дому, включая стирку, уборку помещения, помощь по кухне. Хотя согласно уставу будни в приюте не должны были серьезно отличаться от жизни среднего по достатку крестьянина; организация воспитательного процесса строилась таким образом, чтобы работа по хозяйству и занятия в мастерских не наносили ущерб образовательному процессу. Трудовое воспитание и обучение занимали в распорядке дня воспитанников колонии равное количество времени (около пяти часов каждое), два часа в день отводилось на отдых и игры. Излюбленным развлечением воспитанников в праздничные дни становилось посещение кинематографа, проигрывание граммофонных пластинок, организация совместных вечеров, с чтением стихов и театральными зарисовками, пением и танцами. Летом в свободное от занятий время подростки под присмотром воспитателей совершали прогулки в лес, купались в реке, играли в городки. Зимой во дворе колонии сооружалась снежная горка и заливался каток (Отчет, 1915: 22). Ремесленное обучение имело целью освоение воспитанниками наиболее востребованных кустарных ремесел и промыслов (столярное и портняжное дело, сапожное и кожевенное ремесло, обработка льна, плетение корзин). Для занятия ремеслом в колонии были оборудованы две мастерские – портняжная и столярная. Если первая обслуживала исключительно нужды самой колонии, то вторая принимала частные заказы на изготовление мебели и другие работы, коих только в 1914 г. было выполнено на сумму 375 руб. (Отчет, 1915: 32). Под руководством работников колонии все воспитанники на практике постигали основные виды сельскохозяйственных работ (огородничество, садоводство и пчеловодство, птицеводство и молочное животноводство). В 1909 г. подсобное хозяйство исправительного учреждения располагало пасекой, огородом, молочной фермой, лесными и сенокосными угодьями. В 1914 г. силами воспитанников были возделаны 1,75 десятины ржи, 4 десятины овса, 1 десятина пшеницы, осуществлялся уход за 5 лошадьми и 22 головами крупного и мелкого скота (Отчет, 1915: 32).

Продовольствие воспитанникам выдавалось по табели, выработанной Комитетом при участии врачей-экспертов, из ежедневного расчета – 20 коп. на одного подростка. В будни среднесуточный рацион включал в себя $\frac{3}{4}$ фунта мяса, 77 золотников пшеничной и 100 золотников ржаной муки, 60 золотников крупы, 2 фунта картофеля, 6 золотников масла или сала, 4 золотника сахара, $\frac{4}{5}$ золотника чая, 1 стакан молока, а также картофельную муку, солод, овощи, зелень и дикоросы. Эти продукты расходовались на приготовление каши или запеченного картофеля на завтрак, первого и второго блюда на обед и холодных закусок на ужин. Подросткам, нуждающимся в усиленном диетическом питании, а также в праздничные дни и по высокаторжественным случаям питание выдавалось по особой табели и расписанию. На Рождество все получали конфеты с пряниками и орехи (Отчет, 1915: 22; Отчет, 1912: 18).

Система наказаний и поощрений в приюте строилась на основе принципов ювенальной юстиции, отказавшейся от восприятия малолетних преступников как объекта репрессии и нацеленной на социализацию ребенка и его реабилитацию. В связи с чем наказания дифференцировались в зависимости от возраста воспитанника, тяжести проступка, обстоятельств и периодичности его совершения. К младшим нарушителям режима применялись такие меры педагогического воздействия, как выговор наедине или в присутствии семьи, работа отдельно от

товарищей и отлучение от совместных игр. Они не причиняли серьезного вреда психическому и физическому состоянию подростка, а потому налагались воспитателем, реже директором, непосредственно в момент нарушения дисциплины.

Решение о применении более строгих мер воздействия принимал директор. За грубое нарушение режима воспитанники подвергались публичному выговору, назначению на внеочередное дежурство, лишению порции белого хлеба и права участия в совместных развлечениях в праздничные дни (например, в прогулках), запрету на переписку и свидание с родственниками на срок до одного месяца, суточному пребыванию в карцере (в качестве которого использовалось светлое помещение с решетками и запорами). Только коллегиально по итогу заседания педагогического совета к завзятым нарушителям режима применялись такие меры взыскания, как ограничение права распоряжаться собственным заработком, лишение отличий и льгот, полученных за прилежание и успехи в труде, недельное пребывание в карцере, перевод в низший разряд по поведению и зачисление в семью «трудновоспитуемых», члены которой часть срока содержания в карцере могли проводить на хлебе и воде (Отчет, 1912: 10). Рост контингента воспитанников увеличивал нагрузку на надзирателей и вместе с тем повышал количество нарушений и степень их тяжести. Система поощрения также строилась на принципах ювенальной юстиции и включала поручение подросткам ответственных заданий внутри и за пределами приюта и оказание им иных видов доверия. Практиковалось и материальное поощрение вещами или деньгами (от 5 до 25 коп.), которые частично выдавались на руки, а частично вносились на хранение в сберегательный фонд на имя воспитанника. Несовершеннолетние воспитанники в виде поощрения могли получить трехдневный отпуск, без учета поверстного срока, для посещения родных, доказавших свою нравственную благонадежность руководству.

Срок пребывания в колонии определялся педагогическим советом, который не мог составлять менее одного года и продолжаться дольше наступления предельного возраста (18 лет), по достижению которого воспитанник отчислялся из приюта распоряжением директора. Освобождение из приюта несовершеннолетних производилось по представлению педагогического совета в Комитет сметы расходования денежных средств, необходимых для обустройства выпускника за пределами исправительного учреждения. При выпуске все воспитанники получали костюм, инструменты для занятия избранным ремеслом и денежное пособие из сберегательного фонда, созданного за счет отчислений от их доходов за весь период обучения. Несовершеннолетних воспитанников по окончании их пребывания в колонии Комитет мог определить для дальнейшего обучения ремеслу, на работу в промышленные предприятия или на сельскохозяйственные работы (Отчет, 1912: 10).

В течение трех лет после освобождения выпускники находились под покровительством исправительного заведения, при этом ответственность за их обустройство на свободе персонифицировалась, для чего за полгода до планируемого освобождения из колонии каждому из воспитанников Комитет назначал патрона из числа членов Общества или посторонних лиц, изъявивших на то желание. В обязанности последнего входило оказание помощи подопечным в трудоустройстве, поиске жилья и решении текущих бытовых вопросов, а также контроль за расходованием пособия, назначенного воспитаннику после освобождения из колонии (оно в определенной доле передавалось патрону при условии дальнейшей передачи его подопечному по частям). В течение трех лет патрон наблюдал за образом жизни подопечного, о чем отчитывался Комитету не реже двух раз в год. Несовершеннолетние воспитанники, вышедшие из приюта и вернувшиеся к прежнему антисоциальному образу жизни, решением Комитета вновь зачислялись в исправительное заведение. Возврат к аморальному поведению выпускников старше 18 лет, напротив, грозил им досрочным лишением покровительства Общества. Несмотря на общую проработку, в учредительных документах постинтернатное сопровождение выпускников оказалось наиболее уязвимым местом во всей организации перевоспитания. Со многими лицами, покинувшими колонию, связь быстро утрачивалась. Так, из находившихся в исправительном заведении в течение 1914 г. 28 воспитанников 20 подростков покинули его, из их числа судьба 11 осталась неизвестной (Отчет, 1915: 14).

Относительно безбедное существование колонии, особенно на начальном этапе ее деятельности, обеспечивалось преимущественно денежными взносами и единовременными пожертвованиями членов общества и сторонних благотворителей. Так, по завещанию бийского купца второй гильдии А.В. Соколова в пользу Общества поступило 10 тыс. руб. Уже в марте 1897 г. его капитал составил 21 204 руб. 31 коп. (Путеводитель, 1898: 56-57). Государственное финансирование колонии выражалось в ежегодных платежах попечительных комитетов о тюрьмах в размере 2 тыс. руб., направлявшихся на питание и обмундирование подростков (Отчет, 1904: 3), а также затратах казны на выделение земельного участка и постройку жилых помещений исправительного учреждения. Трудовая деятельность воспитанников также приносила доход. Продукты, получаемые от подсобного хозяйства (овощи, молоко, фураж), не только полностью покрывали потребности колонии, но и поставлялись на рынок (Д., 1897: 233). Но самоокупаемым исправительное учреждение стать не смогло. Основной причиной стала серия пожаров 1904, 1906, 1913 гг. (Михеньков, 2012: 61; Отчет, 1912: 3; Чавыкин, 1911: 144), каждый из которых почти полностью уничтожал его имущество, приводил к смене педагогического состава и приостановке деятельности учреждения, на время

которой воспитанники возвращались в свои семьи или передавались судебным органам. Восстановление работы колонии приводило к значительным временным и материальным затратам, отвлекавшим от основной деятельности. Но главной потерей Общества стало сокращение числа благотворителей, причины которого видятся в отсутствии видимых результатов исправительной работы и утрате «чувства новизны» дела, особенно проявлявшейся у городского обывателя, составлявшего основную массу действительных членов и членов-соревнователей.

5. Заключение

Значительную роль в организации Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников и «морально-испорченных» подростков в г. Томске имела инициатива «сверху», что нашло отражение в полубюрократическом составе его членов и значительной финансовой помощи из государственной казны. Личный авторитет и высокая пропагандистская активность помогли учредителям исправительного заведения нового типа заручиться доверием общественности и наладить сотрудничество с властями. Несмотря на отсутствие проблем с финансированием, период между созданием Общества и открытием колонии в г. Томске занял 8 лет. Оценивая вклад Общества в профилактику правонарушений несовершеннолетних в целом как необходимый и положительный, отметим, что реализовать свои амбициозные планы – открыть сеть исправительно-воспитательных заведений – ему не удалось. Содержание многокомплектных заведений оказалось для Общества слишком обременительным, поэтому среднесписочный состав воспитанников колонии варьировался от 15 до 30 человек (но ни разу даже не приблизился к заявленным 100). По этой же причине не удалось организовать одновременное пребывание в колонии несовершеннолетних мужского и женского пола, как и обеспечить надлежащее постинтернатное сопровождение выпускников. Забота о малолетних преступниках быстро утратила живой отклик в среде городского обывателя, что в итоге привело к сокращению денежных поступлений от пожертвований и негативно сказалось на деятельности благотворительной организации.

Литература

- Беляева, 1995** – Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995. 100 с.
- Беляева, 2012** – Беляева Л.И. Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 17. С. 69–81.
- Беляева, 2015** – Беляева Л.И. Отечественный опыт предупреждения правонарушений несовершеннолетних (середина XIX – начало XX вв.) // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правопримирения и перспективы совершенствования / Материалы Всероссийского круглого стола. Вып. 6. Иркутск, 2015. С. 173–177.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Д., 1897** – Д. Д. Томское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов // *Журнал Министерства юстиции*. 1897. № 6. С. 231–233.
- Дриль 1905** – Дриль А.Д. Постановка исправительного воспитания в России // *Тюремный вестник*. 1905. № 5. С. 350–358.
- Ковтуненко, 2014** – Ковтуненко Л.В. История становления и развития воспитательных учреждений для несовершеннолетних в России // *Инновационный вестник регион*. 2014. № 4. С. 83–88.
- Лаврентьев, 2010** – Лаврентьев М.В. Саратовский исправительный приют имени М.Н. Галкина-Враского (1873–1917 гг.) // *История государства и права*. 2010. № 12. С. 35–38.
- Михиенков, 2012** – Михиенков Е.Г. Помощь общественных объединений Томской губернии осужденным, освобожденным из мест лишения свободы в период с 1905 по 1917 гг. // *Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах*. Рязань, 2012. Вып. 6. С. 59–65.
- Отчет, 1902** – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1901 г. Томск, 1902. 22 с.
- Отчет, 1904** – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1902 г. Томск, 1904. 20 с.
- Отчет, 1912** – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1909 г. Томск, 1912. 28 с.
- Отчет, 1915** – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [за 1914 г.]. Томск, 1915. 36 с.
- ПСЗ, 1912** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. СПб., 1912. № 31727. С. 261–266.
- Путеводитель, 1898** – Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год третий / [сост.] В.А. Долгоурков. Томск, 1898. 569 с.
- Синова, 2014** – Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014. 287 с.

Тебиев, Коркищенко, 2005 – Тебиев Б.К., Коркищенко О.А. Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII – начала XX века. Москва: МПА-Пресс, 2005. 139 с.

Технологии 2009 – Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: Учебное пособие. М., 2009. 379 с.

Устав, 1896 – Устав Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Томск, 1896. 22 с.

Чавыкин, 1911 – Чавыкин Г.В. Весь Томск на 1911–1912 гг.: адресно-справочная книжка. Томск, 1911. 369 с.

Чирков, 1905 – Чирков Н.С. Путеводитель по г. Томску и его окрестностям. Томск, 1905. 156 с.

Kattsina, 2017 – Kattsina, T.A. Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations. // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. pp. 533-541.

Kattsina et al., 2017 – Kattsina, T.A., Vysotskaya, N.V., Cherkashina, E.Y., Potapova, E.V. Educational Correctional Institutions for Minors in Provinces of Eastern Siberia of the end of XIX – the beginnings of the XXth centuries: Plan and Result. // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 995-1002.

Mill, 2010 – Mill T. Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main: Victorio Klostermann, 2010. XI, 395 p.

References

Belyaeva, 1995 – Belyaeva L.I. (1995). Stanovlenie i razvitie ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossii (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The formation and development of correctional institutions for minor offenders in Russia (the middle of XIX – early XX centuries)]. М. 100 p. [in Russian].

Belyaeva, 2012 – Belyaeva L.I. (2012). Mezhdunarodnye penitentsiarnye kongressy i razvitie ucheniya o vospitanii nesovershennoletnikh pravonarushitelei [International penitentiary congresses and the development of the doctrine of the education of juvenile offenders]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. № 17. pp. 69-81 [in Russian].

Belyaeva, 2015 – Belyaeva L.I. (2015). Otechestvennyy opyt preduprezhdeniya pravonarusheniy nesovershennoletnikh (seredina XIX – nachalo XX vv.) [Domestic experience of the prevention of offenses of minors (the middle of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. *Ugolovnyy zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimireniya i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy userossiyskogo kruglogo stola*. Vyp. 6. Irkutsk. pp. 173-177 [in Russian].

Chavykin, 1911 – Chavykin G.V. (1911). Ves' Tomsk na 1911-1912 gg. [The all Tomsk for 1911–1912] : adresno-spravochnaja knizhka. Tomsk. 369 p. [in Russian].

Chirkov, 1905 – Chirkov N.S. (1905). Putevoditel' po g. Tomsku i ego okrestnostjam [Guide to Tomsk and its environs]. Tomsk. 156 p. [in Russian].

D., 1897 – D.D. (1897). Tomskoe obshchestvo zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [Tomsk Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters]. *Magazine of the Ministry of Justice*. № 6. pp. 231-233 [in Russian].

Dril', 1905 – Dril' A.D. (1905). Postanovka ispravitel'nogo vospitaniya v Rossii [Statement of correctional education in Russia]. *Prison vestnik*. № 5. pp. 350-358 [in Russian].

GAKK – State archive of Krasnoyarsk Krai.

Kattsina, 2017 – Kattsina T.A. (2017). Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations. *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. pp. 533-541.

Kattsina et al., 2017 – Kattsina T.A., Vysotskaya N.V., Cherkashina E.Y., Potapova E.V. (2017). Educational Correctional Institutions for Minors in Provinces of Eastern Siberia of the end of XIX – the beginnings of the XXth centuries: Plan and Result. *Bylye Gody*. Vol. 45 Is. 3. pp. 995-1002.

Kovtunen, 2014 – Kovtunen L.V. Istoriya stanovleniya i razvitiya vospitatel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v Rossii [History of formation and development of educational institutions for minors in Russia]. *Innovative messenger region*. 2014. № 4. pp. 83-88 [In Russian].

Lavrent'ev, 2010 – Lavrent'ev M.V. (2010). Saratovskiy ispravitel'nyy priyut imeni M.N. Galkina-Vraskogo (1873–1917 gg.) [The Saratov corrective shelter of M. N. Galkin-Vrasky (1873–1917)]. *History of State and Law*. № 12. pp. 35-38 [in Russian].

Mikhienkov, 2012 – Mikhienkov E.G. (2012). Pomoshch' obshchestvennykh ob"edinenii Tomskoi gubernii osuzhdennym, osvobodzhdennym iz mest lisheniya svobody v period s 1905 po 1917 gg. [Assistance of public associations in the province of Tomsk convicted persons, released from places of deprivation of liberty in the period from 1905 to 1917]. *Humanities-penitentiary vestnik: scientific and journalistic almanac. Ryazan'*. Vyp. 6. pp. 59-65 [in Russian].

Mill, 2010 – Mill T. (2010). Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main: Victorio Klostermann. XI, 395 p.

Otchet, 1902 – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1901 g. [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1901] Tomsk, 1902. 22 p. [in Russian].

Otchet, 1904 – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1902 g. [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1902] Tomsk, 1904. 20 p. [in Russian].

Otchet, 1912 – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1909 g. [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1909] Tomsk, 1912. 28 p. [in Russian].

Otchet, 1915 – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [za 1914 g.] [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1914]. Tomsk, 1915. 36 p. [in Russian]

PSZ, 1912 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. XXIX. SPb., 1912. № 31727. pp. 261-266 [in Russian].

Putevoditel', 1898 – Putevoditel' po vsey Sibiri i Sredne-Aziatskim vladeniya Rossii [All Siberia guide and Average and Asian possession of Russia]. God tretiy / [sost.] V. A. Dolgorukov. Tomsk, 1898. 569 p. [in Russian].

Sinova, 2014 – *Sinova I.V.* (2014). *Deti v gorodskom rossiiskom sotsiуме vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: problema sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya* [Children in urban russian socium in the second half of XIX – early XX centuries: the problem of socialization, deviance and abuse]. SPb. 287 p. [in Russian].

Tebiev, Korkishchenko, 2005 – *Tebiev B.K., Korkishchenko O.A.* (2005). *Gosudarstvo, obshchestvo i «trudnye deti» v dosovetskoy Rossii: gosudarstvenno-pravovaya mysl', sotsial'naya politika i obshchestvenno-blagotvoritel'naya deyatel'nost' po preduprezhdeniyu prestupnosti i beznadzornosti nesovershennoletnikh v Rossii XVIII – nachala XX veka* [The state, society and "difficult children" in pre-Soviet Russia: a state and legal thought, social policy and public charity on crime prevention and neglect of minors in Russia XVIII – the beginnings of the XX century]. M. 139 p. [in Russian].

Tehnologii 2009 – *Tehnologii social'noy raboty v razlichnykh sferah zhiznedeyatel'nosti* [Technologies of social work in various spheres of life]: uchebnoe posobie. M., 2009. 379 p. [in Russian].

Ustav, 1896 – Ustav Tomskogo Obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [Charter of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters]. Tomsk, 1896. 22 p. [in Russian].

Исторический опыт организации и деятельности Томской земледельческой колонии для несовершеннолетних

Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, b*}, Наталья Васильевна Пашина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, Российская Федерация

Аннотация. Специальному рассмотрению подвергнута история становления и деятельности Томской земледельческой колонии для несовершеннолетних в поздний период Российской империи. Определены и проанализированы источники финансирования, численный состав Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Томской губернии, которое выступило учредителем колонии. Отмечены новаторские идеи и факторы, значительно повышающие эффективность деятельности благотворительной организации. Анализ научной и публицистической литературы, архивных документов позволил заключить, что при весомой роли финансовой составляющей успех работы приюта во многом зависел от личных связей учредителей, умений и навыков персонала, понимания им задач исправительного воспитания, правильной организации педагогического процесса. Полученные данные вносят вклад в целостное представление об уровне развития пенитенциарных учреждений дореволюционного российского общества в целом и сибирского региона в частности.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, исправительное воспитание, земледельческие колонии, ремесленные приюты.

* Корреспондирующий автор

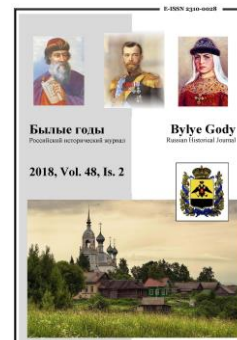
Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), che-tasha@yandex.ru (Н.В. Пашина)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 776-785. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.776
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX – early XX centuries (on the example of Printed Publications)

Gulnar K. Mukanova^{a, *}

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

In this work, the author, based on materials of periodicals, attempts to restore the process of rapprochement between two civilizations, Russian and Chinese, at the turn of the 19th and 20th centuries. The author studied the pages of the history of the Chinese print media, which were poorly represented in historiography, at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. For a more complete understanding of China, in the imperial Russia since the 18th century, serious actions have been taken to create new institutions for its time (Beijing Spiritual Mission). The Mission staff collected and summarized information on the languages, writing, traditions of China, and its past. Thematic materials were published after the "discovery" of China by the Western powers and became the intellectual basis for the process of rapprochement of civilizations, when the events of the First World War and the abdication of the tsar in 1917 gave the process a completely different course. The author analyzes synological publications and factual data from the history of Chinese periodicals of the early 20th century, which made it possible to identify the commonality in the evolution of publishing in both the Russian and the Qing empires of the period under study. The works of Russian sinologists spoke directly about the need to study China's culture and the positive prospects for joint development of natural resources, for the benefit of the peoples of Russia and the China.

Keywords: Russia, China, Far East, Beijing Spiritual Mission, Eastern Institute, newspaper, Young Chinese.

1. Введение

На дальневосточных рубежах Российской империи в последние десятилетия XIX века и первом десятилетии XX века силами ученых велась большая исследовательская работа. Цель ее заключалась в изучении и обобщении истории и современных трендов развития смежных государств и обществ. В фокусе научных разработок востоковедов России – они концентрировались в Восточном институте (г. Владивосток) – был Китай, до 1911 года управлявшийся маньчжурской династией Цин. Фундаментом для исследований служили труды сотрудников Пекинской духовной миссии, основанной в XVIII веке российским правительством. Рекомендации ученых доводились до правительственных ведомств, однако события в России февраля, марта, октября 1917 года прервали системную работу по поиску путей меж-цивилизационного альянса. Между тем то был бесценный практический опыт «узнавания» восточного соседа; многие выводы российских ориенталистов подтвердили свою актуальность в XXI веке.

Следует отметить и тот факт, что многие востоковеды-китаисты попали под политические репрессии 30-х годов прошлого века. Таким образом, изучение и реанимация их взглядов необходимы, и наше исследование составит скромную часть большой работы по возрождению весьма серьезного раздела российской и всемирной синологии.

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova)

2. Материалы и методы

Поскольку целью исследования мы обозначили следующее: систематизировать и выявить основные направления российских синологических изданий в указанный период; определить их жанровое разнообразие: научно-познавательные, информативные, иллюстративные и т.д.; по возможности, выявить эволюцию контента изданий под влиянием внешнеполитических факторов; степень аргументированности; стилевые особенности и т.д. – то, собственно, в объекте и предмете исследования заключается научная новизна работы. Материалами исследования являются дореволюционные труды российских сиологов и современные им китайские средства массовой информации.

Эмпирической базой для анализа стали материалы китайских региональных и выходивших в Японии, Гонконге, Париже газет на китайском языке в пределах указанного хронологического диапазона: “Pekingpao” (официальная газета, Пекин), “Chepao” (разножанровая, Шанхай), “Tschongvaijepao” («Всеобщая газета»), с 1908 года львиная доля ее акций приобретена была китайским военным лидером и политическим деятелем Юань Шикаем (1859–1916), “Nanfanpao” (независимое издание, публиковавшее критические антиправительственные материалы), “Imparial” (издавалась младо-китайцами, получившими образование в Японии, Шанхай); равно как “Fonguarao” (спонсировалась японцами, место издания – Пекин), “Fengtien-Koanpao” (Мукден); “Tchoung-Kouokpao” (газета студентов-революционеров, место издания – Гонконг), “Scenourpao” (Гонконг), “Sin-Che-Kiai-Ki” (китайская диаспора, Париж), “Theng-Foarpao” (перевод названия: «Китайский слуга», издавалась в Японии), “The China Review” и др.

Китайские периодические издания, как видим, различались по месту издания (основные центры – крупные города: Пекин, Шанхай, Кантон, не считая заграничные), по контенту и форме собственности. Активизация патриотических настроений, вызванных подписанием Тяньцзинского договора и войной с Японией, пробудила выплеск эмоций и социальных настроений. При этом западные веяния породили гендерные аспекты СМИ: так, в столице Китая выходила “Nupao” («Женская газета») под патронажем сестры принца, Су, пропагандировавшая европейские ценности и задачи народного просвещения. Такие издания, как: “Quouokojepao”, “Yangsingpao” (обе газеты выходили в Кантоне), печатали на своих страницах отрывки из романов французских и английских авторов в оригинале. Существовали как дань времени и рынку чисто коммерческие газеты, размещавшие рекламные объявления (“Sinpao”, “Tsitoi en han sangpao”).

Бытующее мнение, что монархия не жаловала прессу и что газеты в Китае не были рупором общественного мнения, при внимательном рассмотрении уступает место другой позиции, а именно: ситуация с китайскими СМИ складывалась не простая. Внутреннее «пробуждение» Китая имело место в известной степени благодаря национальным СМИ. Имело значение, кто их спонсировал, был их владельцем и в каких отношениях редакции находились с двором. Нередко правители провинций скупали акции регионального СМИ и тем самым пытались удержать контроль над населением.

Отсюда методами, используемыми в ходе исследования, явились анализ и синтез, сопоставительный анализ, метод верификации источников, выдерживается принцип историзма. При изучении текстов востоковедов принимались во внимание и внешнеполитическая ситуация, и цензурные ограничения, и академический статус авторов, и степень владения информацией в условиях работы Пекинской духовной миссии, и другие исторические составляющие исследовательской работы указанного периода.

3. Обсуждение

Со второй половины XIX века прежде закрытая страна, Поднебесная, становится объектом для иностранного капитала, когда зарубежные инвесторы добились ее «открытия». После подписания Тяньцзинского договора с державами для Китая наступила в известной мере эра гласности и активного международного интереса. Вероятно, можно условно обозначить тот период как предтечу современной глобализации. Своего рода всплеск свободы слова в Китае, выразившийся в появлении новых национальных СМИ, фиксировался тогда же в издании Брокгауза и Ефрона (*Жан Род, 1912*).

В историографии вопроса мы сознательно игнорируем тот ее раздел (советский), который навеян был приоритетами «холодной войны», и выделим ряд зарубежных книг, представляющий относительно новый взгляд на историю русско-китайских отношений, в частности на Дальнем Востоке. Из российских китаеведов это труд А. Лукина на английском языке, данный автор известен специалистам; его книга, изложенная с уместной иронией, позволяет отследить меняющуюся динамику русско-китайских отношений и собственно восприятия России в Китае с XVIII века как отражение самовосприятия России (*Lukin, 2013: 201*). Однако Лукин не исследовал обратную сторону процесса, т.е. узнавания Китая россиянами. Интересны изыскания зарубежных коллег в области культурной антропологии дальневосточных держав (Россия, Китай, Япония); из последних книга (*Bestor, Bestor, 2018*) опирается на этнографические исследования с целью противостоять стойким стереотипам об однородности жизни восточных обществ. Оригинальная монография Х. Линтерис (*Lynteris, 2016*) раскрывает этиологию реакции жителей региона на сближение цивилизации (эндемии). Вместе с тем, как нам показалось, книга Линтерис несет на себе негативный оттенок установок «холодной войны». Тот же подход, к сожалению, присутствует в серии монографий

кембриджского проф. Sarah Paine “Imperial Rivals” is a diplomatic history of the contentious relationship between China and Russia that began in the mid-1800s over their long, shared border» (Paine, 1996: 7). Монография Paine вышла в 90-е годы, и в ней присутствуют оценочные суждения, к примеру об «экспансии России в азиатское сердце в течение десятилетий китайского упадка» (Paine, 1996: 447). Другая книга этого автора также не вносит новых нюансов в историю междивизиационных контактов, основных политических акторов на Дальнем Востоке (Paine, 2005).

Более взвешенными суждениями и гораздо меньшей категоричностью отличается работа Theda Skocpol, о которой критики писали: “With clarity and caution, Skocpol laid out a complex comparison of the three great revolutions» (Skocpol, 1979: 425). В своей монографии Т. Стокпол главной причиной социальной революции в Китае 1911 г. указывает не внешнее давление, не марксизм даже, а само Китайское государство, основанное на насилии (Skocpol, 1979: 402). Книги такого рода оставляют читателям шанс самим разобраться в страновых особенностях и гражданских ценностях.

Необходимо шире показывать «человеческое лицо» междивизиационных контактов на базе современных тому периоду источников, т.к. в изданиях, абсолютно новых (Ziegler, 2016), рефреном проскальзывает образ агрессии на Амуре: «The modern history of the river is the story of Russia's push across the Eurasian landmass to China. For China, the Amur is a symbol of national humiliation and Western imperial land seizure; to Russia it is a symbol of national regeneration, its New World dreams and eastern prospects» (Ziegler, 2016: 302). «Оправдать» автора, который явно незнаком с трудами российских ученых XVIII – начала XX вв., дружелюбно обращавшихся к теме Китая, может лишь молодость и то, что он по базовой специальности – журналист, пишущий на экономические темы в редакциях китайских СМИ. Однозначное стремление некоторых авторов XXI века расставить акценты по жестче, наотмашь, не может не удивлять – состоялся ли действительно отказ от классовых подходов, свободны ли исследователи от эмоций и целевых установок?

На фоне приведенных выше трендов историографии безобидными покажутся книги из серии «Морские баталии»: авторы разбирают техническую сторону войн на Дальнем Востоке (Olender, 2009: 5; Forczyk, 2009). “Dr. Robert A. Forczyk has a PhD in International Relations and National Security from the University of Maryland and a strong background in European and Asian military history” (Forczyk, 2009: 4). Польский исследователь, Р. Олендер так представляет другую свою книгу: «This new book covers the Sino-Japan Naval War 1894–1895, a little-known part of late 19th naval history» (Olender, 2014: 5).

Наконец, недавняя книга Elizabeth McGuire (McGuire, 2017) пленяет новизной подхода к теме российско-китайских отношений; автор жила и в России, и в Китае, отсюда – аккуратное обращение с информацией. Как указано в предисловии, “Elizabeth McGuire is Assistant Professor of History at California State University” (McGuire, 2017: 5), автор пишет, что «...историки китайско-советского блока, как правило, сосредоточены на лидерах, политике и идеологии» (McGuire, 2017: 7), тогда как следует обращать внимание на межчеловеческие связи. Такой гуманистический подход вполне в духе служения российских синологов прошлого, что брали за основу максимум: «человек встретит человека» (Гребенщиков, 1912: 63). В отдельный блок можно выделить работы японских и французских ученых, пишущих в том числе о российской миссии в Азии (Poujol et al., 2006; Uyama, 2011).

4. Результаты

Провинции Китая в силу отдаленности друг от друга, в условиях отсутствия сети шоссейных дорог и железнодорожного полотна не были соединены в единую коммуникационную систему. Собственно по этой причине и вследствие различия диалектов печатные издания одних провинций могли не достигать других частей Китая. О диалектах как препонах единения нации писал Болобан: «Острота внутриклассовой расщепленности обостряется еще тем фактом, что средний, южный и северный Китай, исторически заполнявшиеся различными народными волнами, смотрят друг на друга вообще подозрительно и не имеют общего разговорного национального языка. Для объяснений интеллигентным китайцам севера и юга приходится прибегать к одинаковой везде иероглифической грамоте и даже... к английскому языку» (Болобан, 1909: 140).

В таком случае периодическую печать в разных концах Поднебесной начала XX века следует рассматривать как практически единственный источник о внутренней жизни китайского населения. Что до российских ориенталистов, то именно тогда их знания языка, культуры, истории Китая оказались полезны, Поднебесная должна была стать стратегическим партнером России. Дальнейшие исследования российских востоковедов зафиксировали новые тенденции в социально-политической атмосфере Китая: появление политических партий, их лидеров, активизация прессы и т.п.

Полевые наблюдения и своевременная публикация выводов (книги, брошюры) предоставляли пищу для размышлений и принятия государственных решений, рекомендаций. В пользу роста двусторонних сношений склонялись большинство синологов: Китай, по их мнению, невзирая на кажущуюся отсталость, имел шанс стать полигоном для крупных инвестиций (Васильев, 1900: 10). Российский капитал, к примеру, мог быть инвестирован в логистику наземных коммуникаций, выражаясь современной терминологией. О значимости обоюдного с Китаем освоения пространств Дальнего Востока, Западной Сибири и Центральной Азии прямо писали российские ученые.

К примеру, академик В.П. Васильев в начале XX века заметил: «...Нужно, чтобы не одно русское, но и китайское правительство прониклось мыслью необходимости проложения железного пути из России в Китай. Мы твердо убеждены, что рано или поздно путь через киргизские* (*казахские. – Г.М.) степи и Цзюнгарию (*Джунгарию, ныне – северная часть китайской провинции Синьцзян, граничащей с Казахстаном. – Г.М.), – путь, по которому двигались некоторые орды и полчища /варваров/, проходивших с Востока на отдаленный Запад, превратится некогда в великий путь международных сношений» (Васильев, 1900: 30).

Активизация японского военного вектора в Южной Маньчжурии, русско-японская война и последующие события Первой мировой войны еще более всколыхнули интерес в России к Китаю. Царское правительство стимулирует выпуск книг и брошюр, в основу которых взяты реальные сведения, собранные с самого начала деятельности Пекинской духовной миссии, а также современные труды, инициированные профессорами и студентами Восточного института. Тематика изданий разнообразна: конфуцианство (См. Крымский, 1906: 7; Попов, 1910: 6); язык; нравственность; право и т.д. Различаются места издания академической и популярной литературы о Китае: диапазон от г. Санкт-Петербург, Москва до городов Благовещенск (Кондратьев, 1908), Владивосток (Тищенко, 1905: 3; Полевой, 1913: 8); (Гребенщиков, 1912: 3), Порт-Артур (Русский Китай, 1902: 3), Харбин (Авенариус, 1914: 5; Новое уложение, 1915: 3; Болобан, 1909: 3) и др. Ряд изданий русских востоковедов увидел свет в Пекине (Крымский, 1906: 7).

Издания указанного периода имели цель – пробудить интерес русских читателей к Поднебесной. Так, к книге сотрудника Восточного института С.А. Полевого «Периодическая печать в Китае» приложены были иллюстрации: виды китайских карикатур (Полевой, 1913: 20).

Февральские, мартовские и в особенности октябрьские события 1917 года в центральных городах России повернули вспять колесо истории. Монархия пала, а результаты научных разработок, ценнейший полевой материал наблюдений и погружения в сущность китайской цивилизации, в том числе Восточного института, оказались на время не востребованы. Собственно, ими пользовались, но уже представители иной власти, в целях пресловутой «мировой» революции. И на лозунг этот откликнулись «младокитайцы», те самые, что инициировали национальные печатные медиа, вынашивая надежду примирить императрицу Цыси и ее двор с мыслью о необходимости принять Конституцию и другие инновации.

Исследование обозначенных вопросов выявило общие и особенные черты в истории становления независимой от казны (частной) китайской прессы, которая публиковала мнения оппозиционно настроенной части общества. В действительности аналогичные процессы имели место и в России, в отдаленных ее регионах: к примеру, в Зауралье и Западной Сибири владельцы СМИ нередко подвергались административным наказаниям (штраф или арест) за острые публикации. Цензурный гнет испытали и многие российские периодические издания. Другой интересный аспект темы – баланс локального и глобального в контенте СМИ. Этот момент тем любопытен, что в обозначенный исторический период и Россия, и Китай стояли перед выбором политических (читай – внешнеэкономических) партнеров и стратегию развития. Китайские СМИ, инициированные так называемыми «младокитайцами» (Сунь Ятсен), сыграли, на наш взгляд, существенную роль в сближении с российскими революционно настроенными социал-демократами (большевиками), хотя образование «младокитайцы» получали в основном в Японии и Англии, отсюда их заинтересованность в создании англоязычных газет для китайской аудитории. Парадокс истории: каким образом большевики сумели переубедить китайского лидера Сунь Ятсена и его сподвижников пойти за ними, оставшаяся на откуп политологам. Нас заинтересовали процессы роста национального самосознания и их ненасилиственная реализация, в данном случае – через прессу. Цивилизации, российскую и китайскую, во всяком случае характеризуют весомость Слова, письменности и упование на лидеров: медиа визуализация национальных интересов через СМИ, портреты «вождей», емкие лозунги (ср.: «Долой...!» в России и практику китайских листовок-дацзыбао) однозначно мотивировали обычных граждан, возможно и не овладевших грамотой, но запоминавших лики и звуковой ряд, их сопровождавший. Это, безусловно, необъятная тема – идеологизация и манипуляция массовым сознанием через артефакты, оставим ее психологам и социологам.

Источники по истории двусторонних сношений отражают напряженную атмосферу переговоров, в которой оказывались российские дипломаты в середине XIX века: они практически не могли ступить на территорию Поднебесной. Получение ими какой-либо информации о позиции правительства Китая состояло лишь в знакомстве с официальной прессой. Так, к примеру, «...невозможность поддерживать сношения с иностранными представителями и нашими судами, плавающими у берегов Китая, отсутствие всякого способа получать какие-либо сведения и известия, кроме печатавшихся в «Пекинской газете», наконец формальный отказ китайцев вступить в переговоры о разграничении делало политическое положение Русской миссии в Пекине очень тяжелым» (Русский Китай..., 1902: 15). Из этого фрагмента ясно одно, что официальный Пекин издавал средство массовой информации. О тираже издания сведений не сохранилось, способы ее распространения и тираж также не указаны. Данных о других источниках информации (СМИ) в огромной по численности населения и территории стране россияне на тот момент не имели, что сказывалось на эффективности работы дипломатов. Об этом прямо сообщали сотрудники Пекинской

миссии (Игнатъев): «При всем своем природном корыстолюбии, китайцы отказываются даже продавать в лавках русским покупателям, и мы принуждены делать все покупки через китайских слуг. Ни агентов, ни шпионов мы не имеем и знаем только то, что известно всей публике из газет» (*Русский Китай...*, 1902: 16). Этот отрывок говорит о наличии в Китае читающей публики, косвенно о тираже газет.

По замыслу основателей первых газет пресса должна была отражать состояние общественного мнения. Со временем стало очевидным влияние прессы на формирование сознания читательской аудитории. Оставив в стороне модную ныне тему манипуляции социумом посредством масс-медиа, обратимся к историческому опыту России в части изучения прессы восточных государств в эру инноваций (телеграф, телефон, паровоз, авиация, фото- и кинематограф и др.). Российский печатный станок, если выразиться образно, был задействован на полную мощь: с одной стороны, массовым тиражом выходили официальные издания, обязанные доводить до обывателей позицию двора. С другой стороны, демократизация общества оказывала свое влияние на ослабление хватки цензуры как неотъемлемого социального института монархической формы правления.

Отслеживая тенденции общей демократизации атмосферы в мире, а также в целях выявления внешнеполитических векторов для российского правительства вести мониторинг прессы соседних стран было разумным способом получать ценную информацию о социальных настроениях, в том же Китае. Духовная миссия в Пекине занимала лояльную позицию и довольствовалась официальной прессой (“Pekingpaо”). Но в начале XX века китайская молодежь, получившая образование за рубежом («младокитайцы»), возвращаясь на родину, стала выдвигать проекты социального устройства (конституцию).

Для поиска достоверной информации о ситуации на Дальнем Востоке были задействованы разные каналы. К началу первого десятилетия XX века крупные российские издательства нашли выход в переводных книгах. Так, в 1912 году издательство «Брокгауз–Ефрон» выпустило книгу французского автора Жана Рода «Современный Китай» (Род, 1912). Как гласит одна из аннотаций тех лет, «в настоящей книге, написанной Жаном Родом по поручению Географического общества Франции, отражено политическое устройство Китая начала XX в. и его умственная эволюция со времен окончания Русско-японской войны 1904–1905 годов». Автор сравнивает характер европейской и китайской цивилизаций, анализирует специфику китайского народного сознания, его отношение к своему и чужому». Любопытно, что переводчиком книги был М.А. Брагинский (род. 1863) – публицист, народоволец, в совершенстве владевший французским языком (участник якутских событий 1889 года, жил во Франции в эмиграции, 1907–1911). По-видимому, будучи в эмиграции во Франции, он имел доступ к библиотекам, периодике, на основе бесед с французами, посещавшими Китай по службе, смог перевести труд Жана Рода, насыщенный сведениями о Поднебесной (Род, 1912: 34). Книга получилась интересной, рассчитанной на разновозрастные вкусы тех, кто интересовался загадочной страной. Своего рода справочник по современному Китаю, издание «Современный Китай» является ныне раритетом.

Современные западные исследования темы в обозначенных хронологических рамках крайне редки; имеющиеся публикации сводятся, как мы отметили выше, к констатации причин советско-китайского альянса в XX веке и охлаждения отношений двух государств периода «холодной» войны, игнорируя не менее интересный опыт отношений раннего периода. К примеру, в своей монографии Джерсильд (Jersild, 2016) пишет, что альянс СССР и КНР и, наконец, их раскол влияли на международные отношения в прошлом веке.

В редких ныне российских изданиях синологов рубежа XIX–XX веков, прессе Китая нам также не встретилось системных научных публикаций. Из тех кратких информационных, что публикуют на своем сайте специалисты Государственного музея Востока, к теме СМИ Китая начала XX века можно отнести биографическую справку о публицисте Су Маньшу: «Су Маньшу (蘇曼殊, упр. 苏曼殊, Sū Mànshū, – псевдоним и монашеское имя; имя при рождении – Су Цзянь, второе имя – Су Сюаньин), 1884 г. Иокогама, Япония – 1918 г., Шанхай, Китайская Республика. Китайский писатель и переводчик. На родной язык переводил европейских авторов, преимущественно романтиков, Гюго, Байрона и других. С китайского же переводил на английский традиционную поэзию. Публиковал статьи в оппозиционных газетах, был кумиром революционно настроенной китайской молодежи начала XX века» (Стручалина, 2011).

Китайская цивилизация, как и другие восточные, познавалась россиянами благодаря новым книгам и исследованиям. Большинство изданий изучаемого периода создано по результатам наблюдений в непосредственной близости, в городах Владивостоке и Харбине. Русские сотрудники и студенты Восточного института подготовили и выпустили ряд книг о современном им Китае. Эти труды погружали россиян в малоизвестный мир восточных традиций, знакомили с особенностями иероглифического письма, социальной иерархии, национальной одежды и т.п. Сотканные из повседневных наблюдений зарисовки россиян передавали в целом доброжелательный взгляд на соседнее государство. В контексте книг и статей исследуемой категории печатной продукции нами обнаружены упоминания современной авторам прессы Китая.

Анализ контента китайских СМИ рубежа XIX–XX веков показывает, что, помимо официальной «Пекинской газеты», в Поднебесной в первом десятилетии XX столетия возникли десятки новых газет. Их издатели в основном были молодыми китайцами, получившими образование за рубежом. Газеты нового поколения в Китае частично выходили на английском языке, поскольку были предназначены для правительственных чиновников, из числа тех, кто вернулся из-за рубежа.

Выходные данные книг и брошюр российских авторов о Китае, в указанных временных рамках, имеют характерные отличия. Если часть из них имеет допуск цензуры и издана в Санкт-Петербурге и Москве, то другие изданы кустарным способом в российских городах Дальнего Востока. Зачастую это были академические издания (на базе Восточного института во Владивостоке), переплет и формат их отличается от обычного книжного стандарта по размерам и шрифту. Развитие частного предпринимательства в издательском деле России к концу XIX – началу XX вв. расширилось до Восточной Сибири и дальневосточных ее пределов.

Жанровое разнообразие русских книг о Китае широко представлено как официальными изданиями двусторонних договоров, биографиями (*Вдовствующая императрица, 1909*), историческими сюжетами (История Пекинской духовной миссии), этнографией (формы брака в Китае. – См. *Кульчицкий, 1908: 16*), очерками философии (конфуцианство), права (*Новое уложение, 1915: 27*), так и альбомами живописи, в которых красочно изображены китайские печати, цеховые эмблемы, рекламные вывески; путевыми заметками, где также есть рисунки представителей разных народностей Китая; научными сборниками (академические труды профессора Васильева); аналитическими материалами (например, «Китайская благотворительность») и проч. Судя по изложенному выше перечню, интерес к Китаю в России был.

С заключением Тяньцзинского договора с державами состоялось «открытие» Китая после длительной самоизоляции. Всплеск печатных изданий в России о Китае объясним этой политической ситуацией. Развитие двусторонних экономических отношений, базой которых были дальневосточные владения России, способствовало контактам ученых, предпринимателей. Китай посещали россияне, люди искусства, делавшие зарисовки о быте и характерных типах жителей, товарах и т.д.

Открытие Китая и китайцев для россиян состоялось много раньше благодаря трудам сотрудников Пекинской духовной миссии. Вынужденный перерыв сношений, ввиду изоляции Поднебесной, обернулся новым витком коммерческого и интеллектуального интереса. В этот раз китайские медиа были гораздо насыщеннее по контенту. Региональная сетка прессы Китая расширилась, не ограничиваясь, как прежде, Пекином. Это означало, что сложились условия развития СМИ: частный капитал; материальная база издательств; передовая интеллигенция; более свободным стало изъяснение мнения общества: газеты стали рупором социума. Цензура, безусловно, продолжала существовать, однако категоричной, как прежде, она не была. Двор императрицы не справлялся с потоком хлынувшей с «открытием» страны информацией. Сам факт издания газет на английском языке в Китае в указанный период косвенно говорит о внешнем влиянии.

Передовые россияне указывали на перспективы двусторонних русско-китайских отношений. Они видели большие возможности для всей Евразии в техническом прогрессе, изучении природных недр Азии и т.д. Также они обращали внимание на культурные достижения китайской цивилизации (книгопечатание, порох) (*Васильев, 1900: 4*) и призывали больше изучать их. Известный востоковед А.В. Гребенщиков, завершая лекцию в Восточном институте по маньчжурскому языку и письменности в январе 1912 года, произнес: «...Я позволяю себе привести слова шведского лингвиста И. Лунделя, что «научась понимать язык народа, его предания, поговорки, загадки, его ежедневные занятия во время труда и во время покоя, – мы приблизимся к нему и научимся его любить – человек встретит человека» (*Гребенщиков, 1912: 63*). Маньчжуры в тот период, как известно, были правящей элитой Поднебесной, на необходимость исследования их нравов и традиций обращал внимание лектор.

Другой российский ориенталист, академик В.П. Васильев одну из глав книги назвал «Китайский прогресс» (*Васильев, 1900: 139*). Ученый был специалистом в области китайского, санскритского, монгольского, тибетского языков и буддизма. Ему довелось работать в составе Пекинской духовной миссии. В.П. Васильев был хорошо осведомлен о российско-китайской торговле через Кяхту, Капал, Туркестан в целом. Он обращает внимание на то, что китайские власти препятствуют мусульманам из Восточного Туркестана (Кашгарии) исполнить один из пяти канонов ислама, а именно: посетить Мекку. Подданные Поднебесной вследствие изоляции страны от других цивилизаций лишены были возможности покинуть страну, даже на время хаджа (*Васильев, 1900: 5*). Именно академик Васильев указывает на факт свободы обращения к императору через газету: так, один китайский студент составил проект по улучшению социального устройства. Эта заметка была им направлена императору, с повеления Богдыхана проект даже был напечатан в «Пекинской газете»! (*Васильев, 1900: 153*). О том, что печатное слово издавна используется правителями Китая для обращения к подданным, Васильев указывает с первых же страниц издания (*Васильев, 1900: 9*).

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков российский печатный станок издавал небывалое ранее количество книг о Китае. География, специфика бытоустройства, этнокультурное разнообразие страны, национальная литература, театр, изобразительное искусство, вооруженные силы, политические партии и многое другое будоражило воображение, вызывало интерес.

При необходимости из этих раритетных российских изданий можно почерпнуть сведения о Китае, в частности о наличии аналогично имевших место в России и Европе социальных процессах реформирования. Впрочем, редакторы даже позволяли себе некоторую иронию: так, в заметке с характерным заголовком «Младокитайцы» газета «Русское слово» от 17(4) декабря 1910 года писала: «На Дальнем Востоке (по телеграфу от наших корреспондентов). Лондон, 3(16) декабря. Из Тиенцзина (Тяньцзиня. – Г.М.) сообщают, что провинциальное собрание вотировало огромным большинством голосов текст петиции престолу в пользу отмены обычая заплетать волосы в косы. Английские наблюдатели усматривают в этом огромный прогресс младокитайского движения и победу либералов» (*Русское слово*, 1910: 3). На внешний фактор влияния (Англия) обращали внимание, в частности, Дурденевский и Лундшвейт, делавшие вывод о «балканизации» Китая, – речь шла об использовании латиницы (английского языка) в прессе Китайской республики в первые годы ее существования (*Дурденевский, Лундшвейт*, 1926: 140). Пресса Китая с разной степенью объективности отражала упомянутые процессы, особенно после завоевания Японией маньчжурской территории и событий 1911 года.

5. Заключение

Альянс цивилизаций, сближение культур происходит не сразу, а постепенно, через осознание важности уважительного отношения к иным ценностям, поиск и обнаружение сходных черт и т.п. Медиареальность, формируемая российскими печатными изданиями рубежа XIX–XX веков о Китае, безусловно, способствовала патриотизму россиян, росту общенациональной гордости за успехи в познании восточной цивилизации.

Китайские новые СМИ начала XX века, со своей стороны, раскрывали для соотечественников самим фактом своего существования многообразие мира, отрицая миф о изоляции как единственной форме сохранения национально-культурной идентичности. Процессы взаимовлияния культур имели место и отчетливо проявились в единовременном бытовании печатных изданий на всем протяжении Евразии, визуализации артефактов посредством медиа.

При изучении российских и китайских изданий конца XIX – начала XX веков небезынтересен процесс формирования медиареальности в контексте глокализации (соединения глобального и локального, всемирного и местного, адаптации внешних процессов к местным особенностям). Специфика ландшафта, климата и этнокультурного многообразия Дальнего Востока, приоритетность конфуцианских идеологем оставались негласным фоном региональных СМИ. Поднебесная, т.е. страна, освященная Небом, выдерживала особый ритм жизнедеятельности. В трудах российских синологов прямо говорилось о необходимости изучения культуры Китая и позитивных перспективах совместного освоения природных ресурсов во благо народов России и Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока.

Периодическую печать в разных концах Поднебесной начала XX века следует рассматривать как практически единственный источник о внутренней жизни китайского населения, ведь многие СМИ того этапа отражали проправительственные реформы и мнения передовой национальной интеллигенции. Оба аспекта масс-медиа Китая представляли несомненный интерес для императорской России, т.к. судьбы дальневосточных ее владений и границ прямо зависели от степени устойчивости военно-политической обстановки в Китае, Японии, равно как позиции держав в этой части Азии.

В исследуемый исторический период мультикультурный конгломерат, сплав языков и традиций характерен для Китая, как, впрочем, и сегодня. Разумеется, государствообразующий этнос – хань – априори превалировал в контенте масс-медиа, особенно государственных, имеющих дотации.

Литература

- Авенариус*, 1914 – *Авенариус Г.Г.* Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция. Харбин, 1914.
- Богданович*, 1901 – *Богданович Т.* Современный Китай. С-Петербург, 1901.
- Болобан*, 1909 – *Болобан А.Л.* Цицикар. Харбин, 1909.
- Буксгевден*, 1902 – *Буксгевден А.* Русский Китай. Порт-Артур, 1902. Т.1.
- Васильев*, 1900 – *Васильев В.П.* Открытие Китая. Санкт-Петербург: Издание журнала «Вестник Всемирной Истории», 1900.
- Вдовствующая императрица*, 1909 – *Вдовствующая императрица.* Харбин, 1909.
- Георгиевский* – *Георгиевский С.* Важность изучения Китая. С-Петербург, б.г.
- Гребенщиков*, 1912 – *Гребенщиков А.В.* Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток, 1912.
- Дурденевский, Лундшвейт*, 1926 – *Дурденевский В.Н., Лундшвейт Е.Ф.* Конституции Востока. Ленинград: ГосИздат, 1926.
- Китай и китайцы*, 1901 – *Китай и китайцы.* Москва, 1901.
- Кондратьев*, 1908 – *Кондратьев В.Н.* Современный Китай. Благовещенск, 1908.
- Кравченко*, 1904 – *Кравченко Н. В.* Китай. Санкт-Петербург, 1904.
- Краткая история..*, 1916 – *Краткая история русской православной миссии в Китае.* Пекин, 1916.

- Крымский, 1906 – *Крымский К.* Изложение сущности конфуцианского учения. Пекин, 1906.
 Кульчицкий, 1908 – *Кульчицкий А.* Брак у китайцев. Пекин, 1908.
 Новое уложение, 1915 – Новое временное уложение о наказаниях Китайской республики. Харбин, 1915.
 Полевой, 1913 – *Полевой С.А.* Периодическая печать в Китае. Владивосток. Издание Восточного института, 1913 г. 192 с.
 Попов, 1910 – *Попов П.С.* Изречения Конфуция. Санкт-Петербург, 1910.
 Род, 1912 – *Род, Жан.* Современный Китай. Издание Брокгауз-Ефрон (Перевод с франц.) Санкт-Петербург, 1912.
 Русский Китай, 1902 – *Русский Китай.* Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Порт-Артур: Издание книжного склада «Новый Край», 1902.
 Русское слово, 1910 – Младокитайцы // *Русское слово*, 1910. 17(4). С.7.
 Столповский, 1891 – *Столповский А.* Очерк истории культуры китайского народа. Москва, 1891.
 Стручалина, 2011 – *Стручалина Г.* Китайские литераторы начала XX века // SADPANDA. 26.09.2011. Государственный музей Востока // <http://sadpanda.cn/archives/11030>
 Тищенко, 1905 – *Тищенко П.С.* Китайская благотворительность. Владивосток, 1905.
 Ухтомский, 1901 – *Ухтомский Э.* Из Китайских писем. Санкт-Петербург, 1901.
 Bestor, Bestor, 2018 – *Bestor T.C., Bestor V.* Anthropologies of Japan: Culture, Society, and Nation on a Global Stage. Routledge, 2018. 208 p.
 Forczyk et al., 2009 – *Forczyk R., Gerrard H.* Russian Battleship vs Japanese Battleship: Yellow Sea 1904–1905, Osprey Publishing. 2009. 80 p.
 Jersild, 2016 – *Jersild A.* The Sino-Soviet Alliance: An International History (The New Cold War History), Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2016. 352 p.
 Lynteris, 2016 – *Lynteris C.* Ethnographic Plague: Configuring Disease on the Chinese-Russian Frontier Palgrave Macmillan. 2016. 199 p.
 Lukin, 2003 – *Lukin A.* The Bear Watches the Dragon: Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations Since the Eighteenth Century. Routledge, 2003, 440 p.
 McGuire, 2017 – *McGuire E.* Red at Heart: How Chinese Communists Fell in Love with the Russian Revolution. Oxford University Press, 2017. 480 p.
 Olender, 2009 – *Olender P.* Russo-Japanese Naval War 1905, Vol. 1. (Maritime Series) MMPBooks. 2009. 140 p.
 Olender, 2014 – *Olender P.* Sino-Japanese Naval War 1894-1895 (Maritime Series). MMPBooks. 2014. 180 p.
 Paine, 1996 – *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier. New York: Routledge. 1996. 448 p.
 Paine, 2005 – *Paine S.C.M.* The Sino-Japanese War of 1894-1895: Perceptions, Power, and Primacy. New York: Cambridge University Press. 2005. 428 p.
 Poujol et al., 2006 – *Poujol C., Uyama T., Suda M.* Kazafusutan (Japanese), Toi"kyoì": Hakusuisha, 2006. 187 p.
 Skocpol, 1979 – *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. New York: Cambridge University Press, 1979. 426 p.
 Uyama, 2011 – *Uyama T.* Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. NY: Routledge; 2011. 320 p.
 Ziegler, 2016 – *Ziegler D.* Black Dragon River: A Journey Down the Amur River Between Russia and China Paperback – Penguin Books, 2016. 368 p.

References

- Avenarius, 1914 – *Avenarius G.G.* (1914). Kratkij ocherk istorii Kitaja v svjazi s ucheniem Konfutsija. [A short sketch of the history of China in connection with the teachings of Confucius]. Harbin. [in Russian].
 Bogdanovich, 1901 – *Bogdanovich T.* (1901). Sovremennij Kitai. [Modern China]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
 Boloban, 1909 – *Boloban A.L.* (1909). Tsitsikar. Harbin. [in Russian].
 Buksgevdn, 1902 – *Buksgevdn A.* (1902). Russkij Kitai. [Russian China]. Port-Artur. T. 1. [in Russian].
 Vasiljev, 1900 – *Vasiljev V.P.* (1900). Otkritie Kitaja. [The opening of China]. Sankt-Peterburg: Izdaniye zhurnala "Vectnik Vsemirnoi istorii". [in Russian].
 Vdovstvujushaja imperatritsa, 1909 – *Vdovstvujushaja imperatritsa.* [Dowager Empress]. Harbin, 1909. [in Russian].
 Georgievskij – *Georgievskij S.* Vazhost izuchenija Kitaja. [Importance of studying China]. Sankt-Peterburg, b.g. [in Russian].
 Grebenshikov, 1912 – *Grebenshikov A.V.* (1912). Manchzuri, ih jazik I pismennost. [Manchus, their language and script]. Vladivostok. [in Russian].

- [Durdenevskij, Lundchuveit, 1926](#) – *Durdenevskij V.N., Lundchuveit E.F.* (1926). Konstitucii Vostoka. [Constitution of the East]. Leningrad: GosIzdat. [in Russian].
- [Kitaj I kitaitsi, 1901](#) – *Kitaj I kitaitsi.* [China and the Chinese]. Moskva, 1901. [in Russian].
- [Kondratjev, 1908](#) – *Kondratjev V.N.* (1908). Sovremennij Kitai. [Modern China]. Blagoveshensk. [in Russian].
- [Kravchenko, 1904](#) – *Kravchenko N.V.* (1904). V Kitai. [To China!]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Kratkaja istorija..., 1916](#) – *Kratkaja istorija ruskoj pravoslavnoi missii v Kitae.* [A Brief History of the Russian Orthodox Mission in China]. Pekin, 1916. [in Russian].
- [Krimskij, 1906](#) – *Krimskij K.* (1906). Izlozhenie suchnosti konfutsianskogo uchenija. [Statement of the essence of the Confucian doctrine]. Pekin. [in Russian].
- [Kulchitskij, 1908](#) – *Kulchitskij A.* (1908). Brak u kitaitcev. [Marriage to the Chinese]. Pekin. [in Russian].
- [Novoe ulozhenie..., 1915](#) – *Novoe vremennoe ulozhenie o nakazanijah Kitaiskoj respubliki.* [New provisional punishment code in the Republic of China]. Harbin, 1915. [in Russian].
- [Polevoi, 1913](#) – *Polevoi S.A.* (1913). Periodicheskaja pechat v Kitae. [Periodic printing in China]. Vladivostok. Izdanie Vostochnogo instituta. 192 p. [in Russian].
- [Popov, 1910](#) – *Popov P.S.* (1910). Izrechenia Konfutsija. [Sayings of Confucius]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Rod, 1912](#) – *Rod, J.* (1912). Sovremennij Kitai. [Modern China]. Izdanie Brokgauz-Efron (Perevod s Franc.) Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Russkij Kitai, 1902](#) – *Russkij Kitai. Oчерki diplomaticheskikh snoshenij Rossii s Kitaem.* [Russian China. Essays on diplomatic relations between Russia and China]. Port-Artur: Izdanie knizhogo sklada "Novii kraj", 1902. [in Russian].
- [Russkoe slovo, 1910](#) – *Mladokitaitsi [Young Chinese]. Russkoe slovo.* 1910. 17(4). p. 7. [in Russian].
- [Stolpovskij, 1891](#) – *Stolpovskij A.* (1891). Oчерk istorii kulturni kitaiskogo naroda. [Essay on the history of Chinese people's culture]. Moskva. [in Russian].
- [Struchalina, 2011](#) – *Struchalina G.* (2011). Kitaiskije literatori nachala XX veka [Chinese writers of the early twentieth century]. *SADPANDA.* 26.09.2011.// <http://sadpanda.cn/archives/11030><http://sadpanda.cn/archives/11030> [in Russian].
- [Tichenko, 1905](#) – *Tichenko P.S.* (1905). Kitajskaja blagotvoritelnost. [Chinese charity]. Vladivostok. [in Russian].
- [Uhtomskij, 1901](#) – *Uhtomskij E.* (1901). Iz Kitaiskih pisem. [From Chinese letters]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Bestor, Bestor, 2018](#) – *Bestor T.C., Bestor V.* (2018). Anthropologies of Japan: Culture, Society, and Nation on a Global Stage. Routledge. 208 p.
- [Forczyk et al., 2009](#) – *Forczyk R., Gerrard H.* (2009). Russian Battleship vs Japanese Battleship: Yellow Sea 1904–1905, Osprey Publishing. 80 p.
- [Jersild, 2016](#) – *Jersild A.* (2016). The Sino-Soviet Alliance: An International History (The New Cold War History), Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 352 p.
- [Lynteris, 2016](#) – *Lynteris C.* (2016). Ethnographic Plague: Configuring Disease on the Chinese-Russian Frontier Palgrave Macmillan. 199 p.
- [Lukin, 2003](#) – *Lukin A.* (2003). The Bear Watches the Dragon: Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations Since the Eighteenth Century. Routledge, 440 p.
- [McGuire, 2017](#) – *McGuire E.* (2017). Red at Heart: How Chinese Communists Fell in Love with the Russian Revolution. Oxford University Press. 480 p.
- [Olender, 2009](#) – *Olender P.* (2009). Russo-Japanese Naval War 1905, Vol. 1. (Maritime Series) MMPBooks. 140 p.
- [Olender, 2014](#) – *Olender P.* (2014). Sino-Japanese Naval War 1894-1895 (Maritime Series). MMPBooks. 180 p.
- [Paine, 1996](#) – *Paine S.C.M.* (1996). Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier. New York: Routledge. 448 p.
- [Paine, 2005](#) – *Paine S.C.M.* (2005). The Sino-Japanese War of 1894-1895: Perceptions, Power, and Primacy. New York: Cambridge University Press. 428 p.
- [Poujol et al., 2006](#) – *Poujol C., Uyama T., Suda M.* (2006). Kazafusutan (Japanese), Toi"kyoI": Hakusuisha. 187 p.
- [Skocpol, 1979](#) – *Skocpol T.* (1979). States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. New York: Cambridge University Press. 426 p.
- [Uyama, 2011](#) – *Uyama T.* (2011). Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. NY: Routledge. 320 p.
- [Ziegler, 2016](#) – *Ziegler D.* (2016). Black Dragon River: A Journey Down the Amur River Between Russia and China Paperback – Penguin Books. 368 p.

**Россия и Китай на пути к альянсу цивилизаций,
конец XIX – начало XX вв. (на примере материалов периодических изданий)**

Гюльнар Кайроллиновна Муканова^{а, *}

^а Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. В данной работе автор на основе материалов периодической печати делает попытку восстановить процесс сближения двух цивилизаций, российской и китайской, на рубеже XIX и XX столетий. Автором исследованы слабо представленные в историографии страницы истории китайских печатных СМИ конца XIX – начала XX веков. Для более полного представления о Китае в императорской России с XVIII века предпринимались серьезные действия по созданию новых для своего времени институтов (Пекинская духовная миссия). Сотрудники Миссии собирали и обобщали сведения о языках, письменности, традициях Китая, его прошлом. Тематические материалы издавались и после «открытия» Китая западными державами и стали интеллектуальной основой процесса сближения цивилизаций, когда события Первой мировой войны и отречение царя, 1917 год придали процессу совершенно иной ход. Автором проведен анализ синологических изданий и фактических данных из китайских периодических изданий начала XX века, что позволило выявить общность в эволюции издательского дела как в Российской, так и Цинской империях изучаемого периода. В трудах российских сиологов прямо говорилось о необходимости изучения культуры Китая и позитивных перспективах совместного освоения природных ресурсов во благо народов России и Китая.

Ключевые слова: Россия, Китай, Дальний Восток, Пекинская духовная миссия, Восточный институт, газета, младокитайцы.

* Корреспондирующий автор

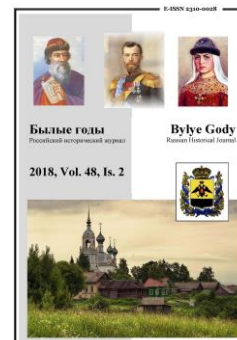
Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 786-793. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.786
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Opinion of M.N. Muravyov and V.N. Lamzdorf on the Cultural and Historical Tasks of Russia in the Far East

Valeriy V. Suvorov^{a, *}

^a Saratov State Medical University, Russian Federation

Abstract

The movement of Russia to the Far East and the change in its influence in this region since the mid-1890s. before the defeat in the Russo-Japanese War were the subject of discussion both of statesmen and high-ranking officials, and of the general public in Russia. The foreign policy course in the Far East at the turn of the 19th and 20th centuries was determined by the work of several departments, among which the decisive role belonged to the Ministry of Foreign Affairs along with the Ministry of Finance, headed by S.Yu. Witte. At that time, the leadership of this ministry was carried out by M.N. Muravyov and V.N. Lamzdorf, therefore their views are of considerable interest in studying the problem of choosing the vector of foreign policy of the Russian Empire in the Far East. Views of the foreign ministers, their understanding of the historical tasks facing the Russian state in the East is of great importance along with the general geopolitical and foreign policy views. Understanding of Russia's special tasks in Asia, conditioned by its predominantly "friendly" attitude toward the eastern states, can be traced in the notes submitted to the emperor and the correspondence of ministers. In the arguments of the foreign ministers, there is a motive for the exceptional role of Russia in the Far East, the fundamental difference in its policy in this region from the policies of other European countries and the "charm of its name in the East." Nevertheless, when explaining specific historical problems, pragmatic arguments predominate, connected with the need to maintain a balance of power in the East. Although the understanding of the need for a peaceful policy in the East prevails, there are ideas of territorial expansion and the use of force. According to the ministers, Russia's main historical task is to become powerful and great on the shores of the Pacific Ocean. Not speaking in general for the accession of new territories, the ministers did not set civilizational tasks of Russia towards the Eastern peoples.

Keywords: M.N. Muravyov, V.N. Lamzdorf, Ministry of Foreign Affairs, Russian Empire, East, cultural and historical tasks

1. Введение

Территориальные изменения Российской империи на Дальнем Востоке, рост ее влияния в данном регионе с середины 1890-х гг. до поражения в Русско-японской войне являлись предметом обсуждения как государственных деятелей и высокопоставленных чиновников, так и широкой общественности в России. Выработка дальневосточного внешнеполитического курса на рубеже XIX – XX вв. определялась работой нескольких ведомств, среди которых ведущая роль, наряду с Министерством финансов, возглавляемым С.Ю. Витте, принадлежала Министерству иностранных дел. Руководство данным Министерством в это время осуществляли М.Н. Муравьев и В.Н. Ламздорф, поэтому их взгляды представляют заметный интерес при изучении проблемы выбора вектора внешней политики России на Дальнем Востоке и определения исторических задач в этом регионе.

В период недолгого руководства Министерством иностранных дел Михаилом Николаевичем Муравьевым (1897–1900) начала проводиться активная внешняя политика на Дальнем Востоке,

* Corresponding author

E-mail addresses: valeriy_s@inbox.ru (V.V. Suvorov)

одним из ключевых событий которой стало подписание Россией соглашения с Китаем об аренде Порт-Артура. Владимир Николаевич Ламздорф в 1897–1900 гг. занимал должность товарища министра иностранных дел, после скорострительной смерти М.Н. Муравьева стал управляющим Министерством, а затем министром иностранных дел (1900–1906). Более продолжительный период деятельности В.Н. Ламздорфа во главе Министерства оказался насыщенным различными событиями на Дальнем Востоке, завершившимися неудачной для России войной с Японией.

Наряду с общими геополитическими представлениями и пониманием министрами иностранных дел отдельных вопросов, большое значение имеют их представления о культурно-исторических задачах, стоявших перед российским государством на Востоке.

2. Материалы и методы

В качестве основных источников выступают записки, подаваемые императору министрами иностранных дел, в которых они обстоятельно высказывали свое мнение о положении дел в Азии и представления о задачах, стоявших перед государством на Дальнем Востоке. Достаточно подробно данные вопросы излагались в официальной переписке между руководителями Министерств, дипломатами. Важную роль также играют материалы личного происхождения: дневник В.Н. Ламздорфа, воспоминания дипломатов.

Изучение вопросов о системе взглядов министров иностранных дел, их понимания культурно-исторических задач России возможно при использовании антропологического метода, позволяющего рассмотреть их взгляды в контексте субъективных интересов, менталитета, профессионального опыта. Данный подход позволяет проследить взаимосвязь мнений министров с общими представлениями о данной проблеме в российской общественности. Непосредственная работа с источниками предполагает использование приемов герменевтики для интерпретации, понимания смысла текста источников и их сопоставления.

3. Обсуждение

Деятельность Министерства иностранных дел всегда находилась в сфере внимания исследователей, изучавших внешнюю политику России и международные отношения. Особое внимание уделялось периоду рубежа XIX–XX вв., времени активной дальневосточной политики, которая завершилась поражением России в Русско-японской войне. Работы подобного рода представлены исследованиями по истории дипломатии (Российская, 1992; Очерки, 2002 и др.) и исследованиями, посвященными политике России в Азии (Романов, 1928; Схиммельпеннинк, 2009; Казанцев, Салогуб, 2011; Рыбаченок, 2012 и др.). Особого внимания заслуживает монография И.В. Лукоянова (Лукоянов, 2008), в которой детально исследованы политические шаги и принятие решений со стороны Министерства иностранных дел.

Специальных исследований, посвященных биографии и деятельности М.Н. Муравьева, практически нет. Как правило, его деятельность рассматривается в работах по истории российской дипломатии. Так, биографический очерк представлен в «Очерках истории Министерства иностранных дел России» (Очерки, 2002: 193–205). Фигуре Ламздорфа уделялось заметно больше внимания со стороны исследователей (Лиманская, 2001; Каулин, 2013; Лошаков, 2015). Среди работ, посвященных Ламздорфу, следует отметить диссертацию А.Ю. Лошакова (Лошаков, 2016), в которой обстоятельно изложены основные вехи жизни и деятельности министра иностранных дел. Однако в разделе диссертации, посвященный роли Ламздорфа в формировании дальневосточной политики в научном аппарате преобладают ссылки на другие исследования, главным образом статьи и монографии И.В. Лукоянова.

В связи с этим взгляды и идеи М.Н. Муравьева и В.Н. Ламздорфа, понимание ими культурно-исторических задач России на Востоке нуждаются в дальнейшем исследовании.

4. Результаты

Прежде чем обратиться к рассмотрению взглядов министров иностранных дел на культурно-исторические задачи России на Востоке, следует отметить, что в отзывах современников и работах многих исследователей отмечается несамостоятельность Муравьева и Ламздорфа в принятии решений (Очерки, 2002: 193). Дипломат Ю.А. Соловьев называл Министерство иностранных дел при Ламздорфе своего рода «собственной его величества канцелярией по иностранным делам», а ежедневное представление императору почти всех заграничных донесений лишало Министерство инициативы (Соловьев, 1959: 173–174). При этом современники отмечали влияние С.Ю. Витте на Ламздорфа (Извольский, 1989: 92–94; Rosen, 1922: 175). В.Н. Коковцов, возглавлявший Министерство финансов после Витте, отмечал особую роль данного ведомства в формировании политики на Дальнем Востоке. По его словам, все финансовые, экономические и промышленные вопросы по Китаю, Японии и Персии сосредотачивались в Министерстве финансов, а потому было трудно определить, «какое ведомство имело наибольшее влияние на дела этих трех стран: дипломатическое или финансовое» (Коковцов, 1933: 75–76). Коковцов сообщал, что Ламздорф, имевший близкие отношения с прежним министром финансов, перенес часть этой близости на него как на преемника

Витте. (Коковцов, 1933: 75-76). И Муравьев, и Ламздорф были сторонниками самодержавия, а потому ориентировались на взгляды и настроения императора.

В середине 1890-х гг., когда вектор внешней политики был переориентирован на Дальний Восток, позиция Ламздорфа оставалась негативной в отношении экспансионистских проектов. В своем дневнике Ламздорф высказывал отрицательное отношение к идее присоединения части территории Китая ввиду недостаточности ресурсов для осуществления подобных замыслов (Ламздорф, 1991: 139). Однако позднее он встретил с воодушевлением проект проведения железной дороги через Манчжурию и 15 ноября 1895 г. в своем дневнике с радостью отмечал, что Россия наконец-то попытается получить реальную выгоду из «блестящих дипломатических успехов» в дальневосточном регионе (Ламздорф, 1991: 316).

М.Н. Муравьев при обсуждении вопроса о занятии Германией бухты Киао-Чао в 1897 г., подчеркивал необходимость отправки в бухту судов Тихоокеанской эскадры. В секретной телеграмме от 27 октября поверенному в делах в Пекине Павлову он сообщал о необходимости исключить военные действия Российского флота против Китая, что позволило бы избежать участия российских судов «во враждебных действиях против Китая», ограничившись наблюдением за тем, что происходило в порту (Секретная, 1938: 39).

Участвуя в дискуссиях о целесообразности занятия Россией части территории Китая после экспансии Германии, М.Н. Муравьев в записке 11 (23) ноября 1897 г. сообщал, что ситуация на Дальнем Востоке, сложившаяся в результате китайско-японского столкновения и вмешательства России на стороне Китая, не только не изменилась, но и стала принимать характер, который указывал на необходимость для России быть готовой «ко всяким неблагоприятным случайностям» (Всепопданнейшая, 1932: 105). Для выполнения данной задачи России необходимо было, по его мнению, содержать в тихоокеанском регионе значительный флот и иметь в полном распоряжении оборудованный и снабжаемый порт, удобный для зимних стоянок (Всепопданнейшая, 1932: 105). При этом Муравьев писал, что Сибирский железнодорожный путь должен был бы в будущем служить «главным операционным базисом» России на Крайнем Востоке (Всепопданнейшая, 1932: 105). Отмечая стратегические преимущества китайского порта над корейскими и, видимо ориентируясь на настроение императора (Очерки, 2002: 196), министр писал, что если суда эскадры представляют из себя реальную силу, достаточную для достижения цели и предотвращения возможных осложнений, то им, «не теряя времени», следовало бы занять порт в заливе Даляньвань, имевший «несомненные видимые преимущества», или иной порт по решению морского ведомства (Всепопданнейшая, 1932: 106-107).

По мнению М.Н. Муравьева, сложившиеся благоприятные для России обстоятельства должны были быть гарантией «успешного исхода этого предприятия» (Всепопданнейшая, 1932: 107). При этом он придерживался достаточно скептических взглядов в отношении восточных народов. Согласно взглядам Муравьева, история учит, что народы Востока уважают в большей степени силу и могущество, и никакие представления и советы, даваемые властителям этих народов, не достигали цели, что и подтверждалось предшествующим поведением правительства Китая (Всепопданнейшая, 1932: 107). По мнению исследователя И.В. Лукоянова, действия Муравьева были обусловлены его пониманием неэффективности «мирной экономической экспансии» С.Ю. Витте и необходимостью использования в отношениях с Китаем силовых рычагов (Лукоянов, 2008: 300), при этом речь поначалу шла только о том, чтобы занять, а не захватывать часть китайской территории.

В записке министра иностранных дел, поданной императору в январе 1900 г., содержалось описание главных задач, которые стояли перед Россией в связи с англо-бурской войной, был обозначен широкий спектр проблем в международных отношениях, в том числе определены и задачи, стоявшие перед империей на Дальнем Востоке (Копия, 1926: 4). Обращаясь к прошлому, Муравьев отмечал особую позицию российского государства, которое, хотя неоднократно и поднимало меч «в защиту угнетенных единоверных народов», никогда не руководствовалось «теориями «оппортунизма»» и не использовало оружие в целях материальной выгоды, если она не была вызвана насущными потребностями (Копия, 1926: 5-6). По словам министра иностранных дел, Россия всегда и везде смело встречала своих врагов или соперников в тех случаях, когда это предполагали ее государственные интересы или когда приходилось «победоносно отражать воздвигаемые против нее козни» (Копия, 1926: 5-6). На новых территориях России предстояли сложные задачи, связанные с укреплением военного порта, углублением и расширением бухты, усилением новыми судами тихоокеанской эскадры (Копия, 1926: 16), при этом их осуществление было возможно только в условиях мирного течения событий и полного воздержания со стороны России от решительных действий, которые могли бы привести к политическим осложнениям на Дальнем Востоке (Копия, 1926: 16). Поэтому автор записки считал, что любые новые территориальные приобретения следовало исключить из российской военно-политической программы (Копия, 1926: 16). Развивая эту мысль, он отмечал свое полное осознание того, что положение России в дальневосточном регионе еще не было обеспечено и она легко могла бы потерять все «плоды понесенных уже нами жертв и усилий», добиваясь укрепления своего положения (Копия, 1926: 16). В результате любые военные конфликты в Корею на влияние над которой также претендовала Япония, были бы для России тяжелой, дорогостоящей и неплотворной задачей (Копия, 1926: 16).

Подводя итог, М.Н. Муравьев отмечал, что, лишь прочно укрепившись в Порт-Артуре и соединив его с другими регионами железнодорожным сообщением, Россия смогла бы «твердо ставить свою волю в делах Дальнего Востока и, если потребуется, поддержать ее силою» (Копия, 1926: 16). Император был согласен с такими суждениями, о чем свидетельствует его помета на полях записки «Высочайше одобрено» (Копия, 1926: 4).

При обсуждении вопроса участия России в подавлении движения ихэтуаней в Китае М.Н. Муравьев настаивал на том, чтобы она не осуществляла командование общими силами держав. Во всеподданнейшей записке 4(17) июня 1900 г. Муравьев, обращая внимание на особые русско-китайские отношения, отмечал особое положение России относительно Китая, отличающееся от положения других государств. В качестве основных факторов, определяющих такое положение, Муравьев выделял общую российско-китайскую границу длиной более 8 тыс. верст, сооружаемую железную дорогу в Манчжурии, для строительства которой было привлечено более 60 тыс. китайцев, а также поддерживаемые в течение двух веков дружественные мирные отношения с Китаем. Поэтому Россия не должна была брать руководство враждебными действиями в отношении Китая, чтобы по окончании конфликта «обеспечить себе скорейшее восстановление добрых соседственных отношений с Поднебесною империей» (Всеподданнейшая, 1926: 15). Представленные взгляды совпадали с мнением императора, написавшего на полях: «Вполне разделяю ваши мысли». Николай II отметил, что в данных строках было высказано его глубокое убеждение в том, что задачи России на Востоке совершенно расходятся с политикой европейских держав (Всеподданнейшая, 1926: 14).

Подобных взглядов придерживался и Ламздорф, возглавивший Министерство после смерти М.Н. Муравьева. В разгар восстания ихэтуаней в секретной телеграмме к вице-адмиралу Е.И. Алексееву от 15 июня 1900 г. он писал, что такие меры, как срытие Пекина и Тяньцзина, а также любые попытки насильственного установления в Китае новых порядков в тех обстоятельствах были не только практически не выполнимы, но и привели бы к еще большим осложнениям, поэтому России следовало бы «воздерживаться от участия в указанных мероприятиях» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 129. Л. 56). Одной из задач главы Министерства видел восстановление в Пекине законного правительства, с которым можно было бы поддерживать дружеские отношения, необходимые в интересах обеих соседних империй (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 129. Л. 56 об.). Определяя в целом задачи Российской империи, Ламздорф считал, что ей не следовало бы отделяться от других государств, чтобы зорко следить за их действиями и иметь возможность в любое время предъявить свои требования, но при этом было важно избегать всего, что могло бы «хоть сколько-нибудь связать нашу полную свободу действий или явиться в глазах китайцев доказательством враждебных намерений России» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 129. Л. 56 об.).

После оккупации в октябре 1900 г. русскими войсками Маньчжурии Ламздорф настаивал на необходимости скорейшего вывода иностранных войск из столицы Китая, что позволило бы устранить влияние других государств на китайское правительство.

30 марта 1901 г. Ламздорф, характеризуя в письме к военному министру А.Н. Куропаткину положение на Крайнем Востоке как «малоустойчивое» в условиях возможности появления каких-либо осложнений, высказывал мнение, что данные обстоятельства обязывают Россию к соблюдению осторожности. Так, не прибегая к преждевременным решительным действиям, которые могли бы дать повод к неверным предположениям о воинственных замыслах правительства России, оно должно было зорко следить за происходящими событиями, чтобы не упустить из вида «всегда существующую возможность всяческих случайностей» (РГВИА. Ф. 165 Оп. 1. Д. 673. Л. 6).

Рассуждая об уплате Китаем контрибуции европейским державам, Ламздорф в письме к министру финансов С.Ю. Витте 23 мая 1901 г. сообщал, что не видел оснований к тому, чтобы Россия только из-за материальных соображений проявляла в этом деле особенную настойчивость и таким образом «уклонялась бы от принятой ею на себя политической роли» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 129. Л. 87 об.). В доверительном письме министру финансов от 25 мая 1901 г. Ламздорф пояснил: «Не думаю, чтобы можно было меня упрекнуть в чрезмерном пристрастии к «друзьям-китайцам, которых и в данную минуту я не особо жалею» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 129. Л. 93). Далее министр иностранных дел писал, что до принятия решительных мер необходимо тщательно изучить средства воздействия, которыми можно располагать, и взвесить все их последствия, чтобы «не быть в конце концов вынужденными идти на уступки, несогласные с достоинством России» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 129. Л. 94 об.).

Позднее при решении вопроса о судьбе Маньчжурии Ламздорф в письме управляющему Военным министерством от 18 июня 1901 г. писал, что после окончания выступления ихэтуаней было бы гораздо целесообразнее за счет сделок с восстановленной центральной властью и правительственными лицами Китая добиться льгот и преимуществ, обусловленных стратегическими и политико-экономическими интересами России в Манчжурии (Опуск, 1934: 30). Далее министр иностранных дел сообщал, что расчеты пришлось бы основывать «исключительно на силе, могуществе России и обаянии ее имени на Востоке» (Опуск, 1934: 30). По мнению Ламздорфа, ни чувство «благодарности» китайцев, не имевшее значения в международных сношениях, ни традиционная двухсотлетняя дружба с Китаем, упоминание которой являлось не более, чем удобным дипломатическим аргументом, не играли никакой роли (Опуск, 1934: 30). Ламздорф, как и Муравьев,

с недоверием относился к китайцам, отмечая «маловажность значения письменного документа» в их глазах. Министр считал, что они всегда были склонны при удобном случае нарушать взятые на себя обязательства, которые к тому же, в текущей ситуации не подкреплены центральным правительством (Опуск, 1934: 30).

Лучшим выходом из сложившейся ситуации, по мнению Ламздорфа, должна была бы быть полная эвакуация Манчжурии, так как для достоинства России было крайне важно, чтобы она вывела при первой возможности войска с территории Китая исключительно по инициативе императорского правительства, а не в результате международных осложнений или напоминаний от других государств о неоднократно данных Россией торжественных обещаниях (Опуск, 1934: 30).

Рассуждая о возможности присоединения обширной китайской территории, Ламздорф отмечал определенные политические выгоды. По его мнению, это способствовало бы подъему «обаяния России среди азиатских народностей» и значительно облегчило бы строительство железной дороги, которая должна была соединить великий сибирский путь с уже находящимся у России незамерзающим портом на Тихом океане, а в результате обеспечило бы «неукоснительное осуществление исторической задачи России на Крайнем Востоке» (Секретное, 1934: 33). Несмотря на заманчивость присоединения китайской территории, Ламздорф задавался вопросами, сможет ли Российская империя при имевшемся состоянии боевых сил принять вызов Японии без риска для себя и могло ли принести присоединение Манчжурии «столь существенные военные, стратегические и финансовые выгоды, чтобы ради этого захвата стоило идти навстречу опасным осложнениям» (Секретное, 1934: 34-35). В целом, взгляды Ламздорфа на Манчжурию, его принципиальное негативное отношение к присоединению данной территории к России в текущих условиях, совпадали с взглядами Витте (Suvorov, 2017: 1038). В телеграмме к посланнику в Токио от 23 июня 1901 г., говоря о нейтрализации Кореи, Ламздорф сообщал: «Нисколько не осуждая той поспешности, с которой Вы в начале приняли за дело, я никогда не считал этот способ решения корейского вопроса единственным или особенно желательным» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 176. Л. 15).

Комментируя записку генерал-майора К.И. Вогака «Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии», министр иностранных дел отмечал важность спокойного и последовательного разрешения исторических задач России. Называя время ее единственным и верным союзником, Ламздорф подчеркивал важность проявления терпения и верности своим принципам и своему слову. По его мнению, любые неосторожное и несвоевременное стремление ускорить осуществление какой-либо задачи привело бы к тому, что Россия либо была бы вынуждена отступить перед угрозой, либо была бы втянута в столкновение соперниками, стремившимися «надолго задержать осуществление исторической задачи, предначертанной могущественной и великой России на берегах Тихого океана» (РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 682. Л. 12).

Характеризуя ситуацию на Дальнем Востоке уже после начала войны с Японией, Ламздорф 28 декабря 1904 г. в Заключении по поводу представлений наместника на Дальнем Востоке об устройстве управления наместничеством сообщал, что дальневосточный регион уже не был обособленным и самодовлеющим, а был неразрывно связан с остальным миром как политически, так и экономически. Поэтому политика России на Дальнем Востоке не могла рассматриваться как нечто самостоятельное, а должна была «по необходимости сообразоваться со всем тем, что происходит в других частях света» (ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 204. Л. 4).

5. Заключение

Таким образом, характерной чертой взглядов и М.Н. Муравьева, и В.Н. Ламздорфа было стремление представить особое отношение России к Китаю и Корее, принципиально отличавшееся от отношения других европейских держав. Хотя на культурно-исторических задачах России в своих рассуждениях министры иностранных дел, как правило, подробно не останавливались, в их оценках присутствует мотив исключительности роли России на Дальнем Востоке, обусловленный особыми «дружескими» отношениями России к восточным государствам и народам. Тем не менее при объяснении особых исторических задач преобладают прагматичные доводы, связанные с необходимостью соблюдения баланса сил на Востоке. По мнению министров, главная историческая задача России – стать могущественной и великой на берегах Тихого океана. Не выступая в целом за присоединение новых территорий, министры не определяли цивилизационных задач России в отношении восточных народов. Несмотря на то, что присутствует понимание необходимости проведения мирной политики на Дальнем Востоке, во взглядах министров иностранных дел встречаются идеи территориальной экспансии, подчеркивается сила, могущество России, обаяние ее имени на Востоке. М.Н. Муравьев отмечал возможность применения силы против Китая, так как, по его мнению, дружелюбная политика не давала желаемых результатов. В.Н. Ламздорф в отличие от своего предшественника занимал более осторожную позицию в отношении политики на Дальнем Востоке, не желая портить отношений с Китаем и опасаясь военного столкновения с Японией, однако при иных обстоятельствах тоже допускал военные действия.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (Конкурс – МК-2017) № МК-2889.2017.6.

Литература

- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
Всепопданнейшая, 1926 – Всепопданнейшая записка министра ин. дел // *Красный архив*. 1926. № 1 (14). С. 14-15.
Всепопданнейшая, 1932 – Всепопданнейшая записка министра ин. дел (23) 11 ноября 1897 г. // *Красный архив*, № 3 (52). 1932. С. 103-108.
Извольский, 1989 – *Извольский А.П.* Воспоминания. М.: Междунар. отношения, 1989. 190, [1] с.
Казанцев, Салогуб, 2011 – *Казанцев В.П., Салогуб Я.Л.* Занятие Порт-Артура и первые мероприятия российской власти на Квантунском полуострове 1898–1899 гг. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2011. № 132. С. 39-49.
Каулин, 2013 – *Каулин К.* Граф В.Н. Ламздорф и крейсерская война против Японии // *Российская история*. 2013. № 1. С. 137-146.
Коковцов, 1933 – *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж: Журн. Иллюстр. Россия, 1933. Т. 1. 505, [7] с.
Копия, 1926 – Копия Всепопданнейшей записки министра иностранных дел // *Красный архив*. 1926. № 18. С. 4-18.
Ламздорф, 1991 – Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. 453, [2] с.
Лиманская, 2001 – *Лиманская Т.О.* В.Н. Ламздорф (министр иностранных дел России) // *Дипломатический вестник*. 2001, № 9. С. 32-44.
Лошаков, 2015 – *Лошаков А.Ю.* В.Н. Ламздорф и острые вопросы российско-американских отношений в 1890–1900-е годы // *Новая и новейшая история*. 2015. № 2. С. 154-162.
Лошаков, 2016 – Лошаков А.Ю. Граф В.Н. Ламздорф – государственный деятель и дипломат. Дисс... канд. ист. наук. М., 2016. 323 с.
Лукоянов, 2008 – *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
Опуск, 1934 – Отпуск доверительного письма министра иностранных дел управляющему Военным министерством от 18 июня 1901 г. // *Красный архив*, № 2 (63). 1934. С. 29-31.
Очерки, 2002 – *Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 3: Биографии министров иностранных дел, 1802–2002 гг.* 2002. 419, [1] с.
Романов, 1928 – *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Изд. Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе, 1928. 605 с.
Российская, 1992 – *Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченко, Г.А. Санина.* М.: Международные отношения, 1992. 383, [8] с.
Рыбаченко, 2012 – *Рыбаченко И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с.
Секретная, 1938 – Секретная телеграмма министра иностранных дел г. Муравьева поверенному в делах в Пекине Павлову, (27 октября) 8 ноября 1897 г. // *Красный архив*. № 2 (87). 1938. С. 39.
Секретное, 1934 – Секретное письмо министра иностранных дел Ламздорфа министрам военному и финансов от 19 июля 1901 г. № № 723 и 724 // *Красный архив*. № 2 (63). 1934. С. 32-35.
Соловьев, 1959 – *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 414 с.
Схиммельпеннинк, 2009 – *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
Rosen, 1922 – *Rosen R.* Forty Years of Diplomacy. London – New-York: G. Allen and Unwin, 1922. 2 vols, V. 1. 317 p.
Suvorov, 2017 – *Suvorov V.V.* Views of S.Yu. Witte on the cultural and historical tasks of Russia in the East // *Bylye Gody*. 2017. № 45 (3). pp. 1036–1043.

References

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii [State Archives of the Russian Federation]
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]
RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]
Vsepoddanneishaya, 1926 – Vsepoddanneishaya zapiska ministra in. del [The Most Beloved Note by the Minister of Foreign Affairs]. *Krasnyi arkhiv*. 1926. № 1 (14), pp. 14–15. [in Russian]

- Vsepoddanneishaya, 1932** – Vsepoddanneishaya zapiska ministra in. del (23) 11 noyabrya 1897 g. [The Most Beloved Note of the Minister of In. Affairs (23) November 11, 1897]. *Krasnyi arkhiv*. № 3 (52). 1932, pp. 103–108. [in Russian]
- Izvol'skii, 1989** – *Izvol'skii A.P.* (1989). Vospominaniya [Memories]. M.: Mezhdunar. otnosheniya. 190, [1] p. [in Russian]
- Kazantsev, Salogub, 2011** – *Kazantsev V.P., Salogub Ya.L.* (2011). Zanyatie Port-Artura i pervye meropriyatiya rossiiskoi vlasti na Kvantunskom poluostrove 1898–1899 gg. [The occupation of Port Arthur and the first activities of the Russian government on the Kwantung Peninsula in 1898–1899]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. № 132, pp. 39–49. [in Russian]
- Kaulin, 2013** – *Kaulin K.* (2013). Graf V. N. Lamzdorf i kreiskaya voyna protiv Yaponii [Graf VN Lamzdorf and the cruising war against Japan] *Rossiiskaya istoriya*. № 1, pp. 137–146. [in Russian]
- Kokovtsov, 1933** – *Kokovtsov V.N.* (1933). Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903 – 1919 [From my past. Reminiscences of 1903-1919]. Parizh: Zhurn. Illyustr. Rossiya. T.1. 505. [7] p. [in Russian]
- Kopiya, 1926** – Kopya vsepoddanneishei zapiski ministra inostrannykh del [Copy of the most recent note by the Minister of Foreign Affairs]. *Krasnyi arkhiv*. 1926. № 18, pp. 4–18. [in Russian]
- Lamzdorf, 1991** – *Lamzdorf V.N.* (1991). Dnevnik 1894–1896 [Diary of 1894 – 1896]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 453, [2] p. [in Russian]
- Limanskaya, 2001** – *Limanskaya T.O.* (2001). V.N. Lamzdorf (ministr inostrannykh del Rossii) [Lamsdorf (Minister of Foreign Affairs of Russia)]. *Diplomaticheskii vestnik*, № 9, pp. 32–44. [in Russian]
- Loshakov, 2015** – *Loshakov A.Yu.* (2015). V.N. Lamzdorf i ostrye voprosy rossiisko-amerikanskikh otnoshenii v 1890 – 1900-e gody [Lamzdorf and acute issues of Russian-American relations in the 1890s and the 1900s]. *Novaya i noveishaya istoriya*. № 2, pp. 154–162. [in Russian]
- Loshakov, 2016** – *Loshakov A.Yu.* (2016). Graf V.N. Lamzdorf – gosudarstvennyi deyatel' i diplomat [Lamzdorf is a statesman and diplomat]. Diss.... kand. ist. nauk. M. 323 p. [in Russian]
- Lukoyanov, 2008** – *Lukoyanov I.V.* (2008). «Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v. [“Do not lag behind the powers...” Russia in the Far East in the late XIX – early XX century]. SPb.: Nestor-Istoriya. 668 p. [in Russian]
- Opusk, 1934** – Otpusk doveritel'nogo pis'ma ministra inostrannykh del upravlyayushchemu voennym ministerstvom ot 18 iyunya 1901 g. [Release of a confidential letter of the Minister of Foreign Affairs to the Chief of the War Ministry of June 18, 1901]. *Krasnyi arkhiv*. №2 (63). 1934, pp. 29–31. [in Russian]
- Ocherki, 2002** – Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]: In 3 vol. M.: OLMA-Press, 2002. V. 3: Biografii ministrov inostrannykh del, 1802–2002 gg. 2002. 419, [1] p. [in Russian]
- Romanov, 1928** – *Romanov B.A.* (1928). Rossiya v Man'chzhurii (1892–1906): Ocherki po istorii vneshnei politiki samoderzhaviya v epokhu imperializma [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the History of the Foreign Policy of the Autocracy in the Era of Imperialism]. L.: Izd. Leningradskogo Vostochnogo instituta im. A. S. Enukidze. 605 p. [in Russian]
- Rossiiskaya, 1992** – Rossiiskaya diplomatiya v portretakh [Russian diplomacy in portraits] / pod red. A.V. Ignat'eva, I.S. Rybachenok, G.A. Sanina. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992. 383 p., [8]. [in Russian]
- Rybachenok, 2012** – *Rybachenok I.S.* (2012). Zakat velikoi derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX-XX vv.: tseli, zadachi, metody [Sunset great power. Foreign policy of Russia at the turn of the XIX-XX centuries: goals, tasks, methods]. M.: ROSSPEN. 582 p. [in Russian]
- Sekretnaya, 1938** – Sekretnaya telegramma ministra inostrannykh del g. Murav'eva poverennomu v delakh v Pekine Pavlovu, (27 oktyabrya) 8 noyabrya 1897 g. [Secret telegram of the Minister of Foreign Affairs of Muravyov to the attorney in affairs in Beijing Pavlov, (October 27) November 8, 1897]. *Krasnyi arkhiv*. № 2 (87). 1938. P. 39. [in Russian]
- Sekretnoe, 1934** – Sekretnoe pis'mo ministra inostrannykh del Lamzdorfa ministram voennomu i finansov ot 19 iyulya 1901 g. № № 723 i 724 [Secret letter of the Minister for Foreign Affairs of Lamzdorf to the Ministers of Military and Finance of July 19, 1901, No. 723 and 724]. *Krasnyi arkhiv*. №2 (63). 1934, pp. 32–35. [in Russian]
- Solov'ev, 1959** – *Solov'ev Yu.Ya.* (1959). Vospominaniya diplomata [Memoirs of the diplomat]. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury. 414 p. [in Russian]
- Skhimmel'pennink, 2009** – *Skhimmel'pennink van der Oie D.* (2009). Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu. Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voine s Yaponiei [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 421 p. [in Russian]
- Rosen, 1922** – *Rosen R.* (1922). Forty Years of Diplomacy. London – New-York: G. Allen and Unwin. 2 vols, V. 1. 317 p.
- Suvorov, 2017** – *Suvorov V.V.* (2017). Views of S.Yu. Witte on the cultural and historical tasks of Russia in the East. *Bylye Gody*. № 45 (3), pp. 1036–1043.

М.Н. Муравьев и В.Н. Ламздорф о культурно-исторических задачах России на Дальнем ВостокеВалерий Владимирович Суворов^{а, *}^а Саратовский государственный медицинский университет. Российская Федерация

Аннотация. Движение России на Дальний Восток и изменение ее влияния в данном регионе с середины 1890-х гг. до поражения в Русско-японской войне являлись предметом обсуждения как государственных деятелей и высокопоставленных чиновников, так и широкой общественности в России. Внешнеполитический курс на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. определялся работой нескольких ведомств, среди которых определяющая роль, наряду с Министерством финансов, возглавляемым С.Ю. Витте, принадлежала Министерству иностранных дел. Руководство данным Министерством в это время осуществляли М.Н. Муравьев и В.Н. Ламздорф, поэтому их взгляды представляют заметный интерес при изучении проблемы выбора вектора внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке. Наряду с общими геополитическими и внешнеполитическими представлениями министров иностранных дел, большое значение имеет их представление об исторических задачах, стоящих перед российским государством на Востоке. В записках, подаваемых императору, и переписке министров прослеживается понимание особых задач России в Азии, обусловленных ее преимущественно «дружеским» отношением к восточным государствам. В рассуждениях министров иностранных дел присутствует мотив исключительности роли России на Дальнем Востоке, принципиальном отличии ее политики в этом регионе от политики других европейских государств и «обаянии ее имени на Востоке». Тем не менее при объяснении особых исторических задач преобладают прагматичные доводы, связанные с необходимостью соблюдения баланса сил на Востоке. Хотя преобладает понимание необходимости проведения мирной политики на Востоке, встречаются идеи территориальной экспансии и применения силы. По мнению министров, главная историческая задача России – стать могущественной и великой на берегах Тихого океана. Не выступая в целом за присоединение новых территорий, министры не ставили цивилизационных задач России в отношении восточных народов.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, В.Н. Ламздорф, Министерство иностранных дел, Российская империя, Восток, культурно-исторические задачи.

* Корреспондирующий автор

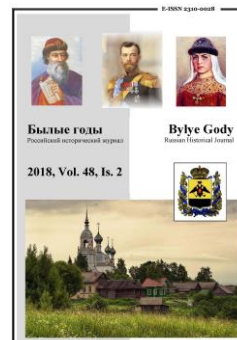
Адреса электронной почты: valeriy_s@inbox.ru (В.В. Суворов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 794-803. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.794
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Opinions about the First 1897 General Population Census in the Russian Empire Expressed in Regional Periodicals and Records Management Documents

Elena A. Brukhanova ^{a, *}, Natalya V. Nezhentseva ^a

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

The First 1897 General Population Census in the Russian Empire was the largest statistical and social event aimed at collecting social and demographical population data at the turn of the 20th century. Such a significant state event affecting everyone in the country was recorded in the reviews of census commission members, census takers and external observers. However, this interesting source is rarely accounted for by historians. The article carries out a complex analysis of opinions on the preparation and operation of the First 1897 General Population Census in the Russian Empire expressed in regional periodicals and records management documents. The analysis aim is to search for the main criticism related to the census preparation and operation in comparison with regulatory documents as well as the general evaluation of the 1897 census campaign.

The main sources are the data of central and regional periodicals, official correspondence, regulatory documents as well as census papers.

The source analysis demonstrated that the reviews of the 1897 census participants touch upon the main activity of census commissions. These are the development and circulation of instructions, the organization of counting stations and the census procedure, the formation of positive opinion, the selection and training of census takers, the development and the completion of census papers.

The study concludes about the ambiguous evaluation of the 1897 census campaign while positive opinions prevailed. The authors think that a great number of reviews in periodicals and official correspondence prove the great public interest to the census as well as the development of civil liability and self-consciousness of the Russian Empire population.

Keywords: 1897 census, correspondence, periodicals, public opinion, census taker, census papers, archive, the Russian Empire.

1. Введение

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. была самым масштабным статистическим и общественным мероприятием по сбору социально-демографических данных о населении на рубеже XIX–XX вв. От осознания необходимости всеобщего учета населения до начала реализации проекта всероссийской переписи прошло почти 20 лет: с момента разработки и обсуждения первого проекта Положения о всеобщей народной переписи в 1876 году до принятия Положения о Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1895 году. За это время специалистами статистических служб и ведомств была проведена большая работа по изучению как отечественной практики статистического учета населения, так и зарубежного опыта проведения переписей населения. Но на организационную подготовку переписи было отведено всего полтора года (с 5 июня 1895 года до 28 января 1897 года), что для огромной и отличающейся этническим, социальным и географическим разнообразием территории Российской империи представляется весьма скромным периодом. Неудивительно, что некоторые очевидцы и участники переписной

* Corresponding author

E-mail addresses: elena@hist.asu.ru (E.A. Brukhanova), neshenzewan@mail.ru (N.V. Nezhentseva)

кампании выражали сомнения в ее успешности. Так, А.Н. Котельников еще в 1895 году в одном из петербургских журналов писал: «...Несмотря на всю жгучую потребность государства и общества в точных цифрах численности и составе населения России, весьма рискованно приступать к ней в настоящее время, когда ни население наше, ни наши статистические органы решительно не подготовлены к этой важной и сложной операции..., и мы не знаем, с какими трудностями и препятствиями столкнется производство переписи» (Котельников, 1909: 12-13). Тем не менее в короткие сроки Главная переписная комиссия предприняла усилия, чтобы подготовить к переписи и местные статистические органы, и население. Во-первых, во многие регионы, особенно те, которые имели «особенности в бытовых условиях населения» (ГАТ. Ф. И417. Оп. 1. Д. 453. Л. 1), были разосланы пробные переписные листы с требованием их заполнить и прислать отзывы о самих переписных листах и инструктивных материалах к ним; таким образом региональные комиссии получали предварительный опыт и изучали инструкции. Во-вторых, особое внимание уделялось распространению информации о предстоящей переписи среди населения и формированию благоприятного мнения о данном мероприятии, о чем свидетельствуют отдельные циркуляры и материалы переписки переписных комиссий. Как было указано в объявлении Министра внутренних дел, «...чем толковее, полнее и добросовестнее будет отвечать каждый из жителей на вопросы переписных листов, тем вернее будет счет населения, а значит, тем пригоднее он будет, когда правительству придется позаботиться о той или другой нужде населения...» (ГАКК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 25. Л. 32).

Главной переписной комиссией уделялось отдельное внимание общественному мнению. С 1890 по 1909 гг. в центральной и региональной периодической печати появилась масса публикаций, посвященных переписи. По сообщениям местных газет «Русь» и «Новости», все редакции были завалены различными заметками и статьями о проведении переписи (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 9). Такие сообщения отслеживались Центральным статистическим комитетом (ЦСК), а часть из них составила коллекцию вырезок из центральных и региональных изданий, отложившуюся в фонде ЦСК (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50). Можно также заметить, что Главная переписная комиссия сама инициировала сбор отзывов участников переписи, которые нашли отражение в делопроизводственной документации региональных переписных комиссий.

Такие материалы отражают особенности подготовки и проведения одной из самых масштабных статистических кампаний рубежа XIX–XX веков. Тем не менее столь интересный источник привлекается исследователями редко, чаще всего для иллюстрации отдельных аспектов проведения переписи. В статье представлен опыт комплексного анализа отзывов о подготовке и проведении Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., отраженных в материалах региональной периодической печати и делопроизводственной документации. Целью анализа было выявление основных направлений критики подготовки и проведения переписи в сравнении с нормативными документами, а также общая оценка переписной кампании 1897 года.

2. Материалы и методы

Одним из основных источников данного исследования являются публикации о переписи 1897 года в региональной периодической печати. Материалы периодической печати позволяют:

- 1) проследить механизм проведения переписи на местах, который не всегда очевиден из нормативных документов;
- 2) выявить проблемы, с которыми столкнулись непосредственные участники переписи.

В данном контексте периодическая печать является уникальным источником, отражающим общественное мнение вне зависимости от должностей и званий.

Вторым ключевым источником данного исследования является официальная переписка, которая логически дополняет материалы периодической печати. Из официальной переписки наибольший интерес представляли документы с предложениями об улучшении процедуры переписи или переписных листов; отражающие технические вопросы (например, доставка нормативных документов и переписных листов); а также отзывы переписчиков и членов переписных комиссий по разным аспектам подготовки и проведения переписи. Такие документы отложились в фондах статистических комитетов и переписных комиссий (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10; ГАТ. Ф. И417. Оп. 1; ГАТО. Ф. И232. Оп. 1).

Безусловно, важным источником, без которого невозможно представить исследование вопросов подготовки и проведения переписи, является нормативная документация. Для данного исследования особый интерес представляли следующие правовые акты: положение, инструкции, циркуляры и циркулярные письма о технологии проведения переписи, формировании общественного мнения, особенностях переписной кампании в некоторых регионах.

Достаточно интересную группу источников для данного исследования представляют собственно переписные листы 1895 и 1897 гг. В контексте данного исследования использовались не только утвержденные формы, но и пробные переписные листы, которые рассылались в регионы в 1895–1896 гг. Характер заполнения переписных листов и вносимых в них правок позволяют получить представление о проблемах, с которыми сталкивались переписчики при заполнении данных документов. Кроме того, переписные листы отражали региональные особенности проведения

переписи. Использовались переписные листы, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве, государственных архивах Красноярского края и в г. Тобольске.

При подготовке статьи прежде всего были применены методы документного и источниковедческого анализа. Первый из них основан на характеристике документов, особенностях их образования и функционирования в оперативной среде и проведении формулярного анализа. Второй позволил провести критику источников и дать оценку их репрезентативности. Также при изучении отзывов о переписи населения применялся метод контент-анализа.

3. Обсуждение

Главным образом отзывы участников переписной кампании рассматривались в контексте общего изучения подготовки и порядка организации переписи.

Так, еще в период подготовки к всеобщей переписи населения были затронуты проблемы ее организации и проведения (Ходский, 1896; Вруцевич, 1896). Помимо анализа проблем организации переписи 1897 г., приводились комментарии и разъяснения относительно лиц и учреждений, участвующих в опросе населения.

Спустя год после проведения всеобщей переписи вышла книга В.В. Пландовского, освещающая историю организации и проведения переписей населения в России и за рубежом (Пландовский, 1898). В работе детально представлена подготовка к переписи 1897 г., проанализирован разработанный инструктивный материал, а также указаны слабые с точки зрения организации и проведения стороны переписи (неточные формулировки вопросов, работа счетчиков).

В начале XX в. А.Н. Котельников издал работу, которая в том числе включала ряд переработанных статей автора, опубликованных в периодической печати в период подготовки и проведения переписи (Котельников, 1909).

В труде Б.П. Кадомцева, посвященного особенностям учета профессионального состава населения, отдельное внимание было уделено критическим соображениям по организации переписи в целом (Кадомцев, 1909).

К специальным исследованиям, в которых объектом изучения стали отзывы о подготовке, проведении и обработке материалов переписи 1897 г., можно отнести работы Я.А. Плющевского-Плющика и А.А. Сафронова.

В отчете участника переписи Я.А. Плющевского-Плющика собран достаточно подробный материал об отношении народных масс к всеобщей переписи населения (Плющевский-Плющик, 1898). Особенностью данного исследования было то, что сведения основывались не только на личных наблюдениях, но и содержали отзывы заведующих переписными участками, счетчиков и отдельных категорий населения.

В основу работы А.А. Сафронова был положен параллельный анализ отзывов о переписной кампании, содержащихся в различных источниках, таких, как периодическая печать, отчеты переписчиков, официальные публикации статистического комитета (Сафронов, 2002).

Кроме того, вопросы подготовки переписи, проблемы сбора и обработки статистических данных, в том числе с привлечением материалов периодической печати и делопроизводственной документации (Борщик, 2017: 45-53), часто рассматриваются в работах по истории переписи 1897 года в целом (Сафронов, 2001: 211-231), а также по истории отдельных аспектов переписной кампании, например, формирования и деятельности переписных комиссий на местах (Борщик, 2003: 9-10; Воропаева, 2013: 25-30; Разживина, 2013: 135-143).

4. Результаты

На основе анализа источников можно выделить несколько аспектов в подготовке и проведении переписи 1897 года, которые наиболее часто становились объектами внимания членов переписных комиссий, переписчиков и внешних наблюдателей, представивших свои отзывы в периодической печати и официальной переписке.

1. Разработка и рассылка нормативных и инструктивных материалов.

Прежде всего были разработаны и разосланы на места Указ о проведении и Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1895 г., которое являлось главным правовым документом, регламентирующим весь ход проведения и обработки переписи (Положение, 1895). Положение, сосредоточившее в себе основные нормы и правила организации и проведения переписи населения, не содержало подробных инструкций и рекомендаций для отдельных государственных органов и должностных лиц. Для этого был разработан особый комплекс документов, включавший более 90 различных циркуляров, инструкций, положений и т.д. (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 95. Л. 1-8) Для применения региональными переписными комиссиями и переписчиками на местах предназначались следующие: инструкции губернаторам; инструкции уездным и городским комиссиям; инструкции заведующим переписными участками; наставления счетчикам; инструкция для производства переписи в зданиях Императорского Двора, учреждениях и заведениях; правила для заполнения переписных листов (ГАТО. Ф. И 232. Оп. 1. Д. 1. Л. 7-54; ГАТ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2). Их рассылали заранее, и с ними должен был быть ознакомлен каждый член переписной комиссии.

В отзывах участников переписи указывалось, что не все переписные комиссии строго соблюдали инструкции и знакомили переписчиков с нормативными документами. Например, по свидетельствам газет «Ведомости» и «Биржевые ведомости» в Курской губернской комиссии все работы были сложены на секретаря правления, а он по объективным причинам не справлялся со своими обязанностями; счетчики были плохо знакомы с инструкциями и правилами проведения переписи; допускали много ошибок и записывали в переписной лист не только все живущее население, но и все присутствующее, что давало значительно большее количество населения. В результате корреспондент делал вывод, что данным переписи Курской губернии верить нельзя, так как при ее проведении допускалось слишком много ошибок (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 8).

В газете «Сибирь» корреспондент, признавая всю масштабность и значение мероприятия, отмечал слишком бюрократический строй всей организации дела, с большим преобладанием в руководящих комиссиях лиц, которые были привлечены «ex officio», с сожалением отмечал, что не были привлечены (или их количество в масштабах страны было не велико) к организации переписи научные силы, особенно на местах (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 6).

2. Организация счетных участков и процедура проведения опроса.

Все-таки большинство переписных комиссии не только ответственно изучили нормативные документы, но и пытались предложить собственные методы работы, направленные на усовершенствование разработанных Центральным статистическим комитетом норм. Так, в газете «Черниговские ведомости» была опубликована информация о заседаниях Черниговской уездной переписной комиссии и последующих ее указаниях (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 1). В заметке в очередной раз напоминалась главная цель переписи – установление наличного состава населения и сбор социально-демографических сведений о нем, а также предписывалось проверять все списки населенных мест, предварительно сверив их с книгой обложения городской управы, со списком воинского начальника и податной книгой для устранения неточностей. В формировавшиеся списки населенных мест рекомендовалось включать молитвенные дома. Весь этот справочный материал должен был впоследствии упростить проведение переписи населения.

Согласно Положению 1895 г. был определен общий порядок формирования счетных участков. Города и уезды разделялись на переписные участки исходя из местных условий. В местностях, где введено положение о земских участковых начальниках, рекомендовалось определять переписные участки в соответствии с участками земских начальников. В газете «Новости» отмечалось недостаточное количество счетчиков для качественной организации переписи и произвольное деление переписных участков, например, «по инструкции каждому счетчику поручается 400 хозяйств, которые должны быть переписаны в течение четырех дней (то есть шесть минут на описание одного хозяйства). Для города, где население в основном грамотное, это норма. Но в деревнях это сделать проблематично, к тому же нужно брать во внимание дороги»; «уездные комиссии ничем не мотивировали составленное ими распределение уездов, отделов на переписные участки – все в произвольном делении. Областные комиссии запросили уездные, чем они руководствовались, но ответа нет»; «городская переписная комиссия г. Вильна разделена на 9, а не как ранее 15 участков. В комиссии преобладает мнение, что участки не должны быть большими (легче наблюдать и управлять). Из этого следует, что в каждом участке количество населения составляет 15–30 тыс. человек» (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 3-4).

Переписчики предлагали усовершенствовать процедуру проведения переписи, т.к. установленные Главной переписной комиссией правила не гарантировали точности результатов. Инструкция требовала, чтобы счетчик лично обходил все хозяйства, но опыт подворных переписей показывал недостаточность этого приема. В связи с этим, по сообщению газеты «Новости» за 01.11.1896 г. № 302, переписчики предлагали составлять на сельских сходах листы всех домохозяйств. Этот прием требовал значительно меньше времени, к тому же давал более точные данные. В составе схода были грамотные люди, которые могли разъяснить массе все недоразумения. Также при составлении листов на сходе, как показывал опыт, достигалась бы большая точность в показаниях.

В отдельных местностях, с пестрым конфессиональным или национальным составом населения, переписчики предлагали, чтобы в момент опроса населения и заполнения переписных листов их сопровождали представители указанных категорий населения или «уважаемые» для данной местности люди.

3. Формирование положительного общественного мнения и порядок разъяснения вопросов о переписи населения.

Как уже отмечалось, своевременному ознакомлению населения с целями и задачами предстоящей переписи, распространению благоприятного представления о переписи, а также предупреждению случаев, которые «могли бы послужить поводом к уклонению от переписи или недоброжелательного к ней отношения» (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 95. Л. 1), Центральным статистическим комитетом и Главной переписной комиссией уделялось отдельное внимание.

Для этих целей в 1895–1896 гг. были разработаны и разосланы на места специальные циркулярные письма: «О распределении среди населения правильного представления о предстоящей переписи и предупреждении всех случаев, могущих служить поводом к уклонению населения от переписи населения или недружелюбного к ней отношения, с препровождением нескольких

экземпляров Положения о переписи и брошюр о ней» (от 07.08. 1895 № 962); «О препровождении экземпляров «Положения о переписи» и две брошюры – «Предстоящая Первая всеобщая перепись населения» и «Первая всеобщая перепись населения «для бесплатной раздачи их по ближайшему соображению начальников губерний и областей различным учреждениям и лицам, заявляющим на них требования» (от 17.01. 1896 № 74) (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 95. Л. 1-8).

В отзывах встречается информация о том, что такие материалы доставлялись своевременно, более того, некоторые переписные комиссии запрашивали дополнительные объемы «рекламных» материалов. В случае необходимости можно было получить дополнительное количество экземпляров инструктивных и справочных документов, все прошения положительно удовлетворялись в кратчайшие сроки (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 46. Л. 2-10).

Интересно, что современники мероприятия особое значение придавали и форме объявления о проведении переписи. Так, по мнению Я.А. Плющевского-Плющика, сам именной указ в какой-то мере влиял на формирование благоприятного мнения о переписи, так как население считало проведение переписи государственным делом (Плющевский-Плющик, 1898: 27-36). Другой участник переписи, В.В. Пландовский, считал более предпочтительной форму манифеста: «Наш народ относится с большим доверием к манифестам, которые объявляли ему в последнее время, главным образом о разных «милостях»; указание на отсутствие фискальных целей у переписи, объяснение ее истинного значения и важности для блага народного, сделанное в торжественной форме манифеста, было бы в значительной степени воспринято нашим темным крестьянством и могло бы оказать переписи большую услугу» (Сафронов, 2001: 220).

Итак, к технологиям формирования общественного мнения о переписи населения можно отнести:

1. Издание и распространение по всем губерниям именованного указа о предстоящей переписи и циркулярных писем, целью которых было формирование благоприятного мнения о переписи.

2. Публикацию и распространение по всем губерниям объявлений о предстоящей переписи от имени министра внутренних дел И.Л. Горемыкина (ГАКК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 25. Л. 32). Основными целями объявления было, с одной стороны, максимальное распространение информации о проведении переписи населения и разъяснение ее целей («о предстоящей переписи будут много расспрашивать и толковать в народе, поэтому я считаю необходимым объяснить населению ее значение»), а с другой, – пресечение слухов о возможных ревизиях и увеличении налогов.

Особую роль в разъяснении всех вопросов, касающихся переписи населения, имела переписка между членами Главной переписной комиссии и местными статическими учреждениями, целью которой была конкретизация отдельных положений правовых актов, инструктирование по отдельным видам работ переписи, в том числе по вопросам заполнения переписных форм. Переписка стала своего рода платформой обсуждения наиболее дискуссионных вопросов, что позволило внести коррективы в уже существующие нормативные документы или создать новые предписания по вопросам организации переписи.

3. Подбор и подготовку переписчиков в региональных переписных комиссиях.

Вопрос подбора и подготовки переписчиков детально прорабатывался. В Положении о переписи прописывались общие требования, предъявляемые к участникам переписных комиссий и переписчиков. В инструкции заведующим переписными участками прописывалось, чтобы они отвечали за подготовку переписчиков к переписи: знакомили с наставлениями счетчикам, с требованиями к заполнению бланков, порядком обхода домов и другими частными вопросами по организации статистического мероприятия. Основные обязанности и порядок проведения переписи излагался в наставлениях сельским и городским счетчикам (Наставление, 1896).

Вопрос формирования штата переписных участков, отбора и обучения переписчиков весьма активно обсуждался на страницах местных периодических изданий. В газете «Новое время» было опубликовано несколько заметок из разных регионов Российской империи по отбору и обучению переписчиков (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 4). Так, попечитель кавказского учебного округа и директор народных училищ Кубанской области распорядился привлекать к участию в переписи лиц учебного ведомства (в том числе и женщин), а также учеников старших классов городских училищ; Ставропольская контрольная палата разрешила привлекать сотрудников уездного казначейства; Ставропольский архиерей разрешил духовенству Кубанской области принять участие в переписи; в г. Вильне к переписи «привлечены интеллектуальные люди» (офицеры, доктора, присяжные поверенные, бывшие студенты). Вместе с тем в газете «Черниговские ведомости» отмечалось, что «женщин и волостных писарей в число счетчиков нежелательно включать, так как к первым – не привыкло население, а для вторых – эти работы слишком обременительны. А вот евреи могут допускаться в случае поручительства за них заведующих участками» (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 1). Из отзывов следует, что переписные комиссии на местах имели возможность сами формировать штат переписчиков в зависимости от региональных особенностей. Но даже такой подход не позволил избежать затруднений. В большинстве отзывов отмечалось, что в уездах и отдаленных селениях подбор и обучение переписчиков по объективным причинам происходило достаточно сложно.

4. Разработку и заполнение форм переписных листов.

Этот вопрос был одним из наиболее дискуссионных и «живо» обсуждаемых в периодической печати. С 80–90-х гг. XIX в. активизировалась разработка документации, сопровождающей переписную кампанию. Прежде всего внимание разработчиков переписи было акцентировано на выработке форм переписных листов, о чем свидетельствует весьма большое их разнообразие. Стоит отметить, что еще на начальном этапе разработка формы и содержания переписных листов вызывала споры и многочисленные обсуждения на заседаниях Главной переписной комиссии (Неженцева, 2015: 125-126). Наиболее проблемными вопросами оказались занятие, вероисповедание и национальность. Например, из переписки управляющего делами Главной переписной комиссии Н.А. Тройницкого и одного из ее членов Д. Тимирязева следует, что весьма актуально стоял вопрос как разработки форм переписных листов, так и формулировки отдельных их граф (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 12. Л. 4-6). Особенно активно обсуждался в официальной переписке вопрос об учете и характере фиксации главных и побочных занятий населения (Неженцева, 2012: 248-251). Несмотря на тщательное обсуждение, утвержденные формы переписных листов вызывали критику со стороны участников и исследователей переписи, таких, как В.В. Пландовский, А.Н. Котельников, Б.П. Кадомцев (Брюханова, 2011: 113).

Для переписи инородческого и коренного населения предполагалось разработать особые формы: форму Г и форму А/Б с переводом на некоторые языки. Но в выявленных публикациях и архивных переписных листах для переписи инородческого населения применялись стандартные переписные листы формы А, Б, В, в том числе без перевода на родные или близкие языки. Так, для переписи юрт кочевых киргизов в Тобольской губернии применялась форма Б (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 2519. Л. 2-21), для переписи учащихся медресе г. Бухары была использована форма В (РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 100). Примечательно, что в пробных переписных листах встречается форма Г «Для инородческого бродячего населения», но также без перевода на другие языки (ГАКК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 60).

Использование стандартных переписных листов вызвало ряд сложностей, поэтому нормативными документами предусматривалась возможность отступления от общего порядка при переписи инородческого и бродячего населения. Например, при переписи инородцев и бродячего населения количество вопросов могло сокращаться, но при этом оговаривались обязательные для сбора сведения (фамилия, имя, отчество; физические недостатки; семейное положение; вероисповедание; родной язык; умеет ли читать на русском языке; главное занятие) (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 46. Л. 51-54). В переписи отдельных категорий кочевого населения Степного генерал-губернаторства (Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области) наблюдались следующие отступления от общего порядка: предъявлялись особые требования к составу переписчиков (счетчиками были аульные старшины, в помощь к которым назначались волостные выборные; привлекалось коренное население для переписи); сроки переписи могли сдвигаться на ноябрь–декабрь 1896 г.

Отдельной категорией населения являлись ссыльные, при этом особенности их положения не всегда учитывались переписчиками. Весьма интересная по этому поводу публикация содержалась в газете «Сибирь» (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 6). Указывалось, что ни в наставлениях для городских и сельских счетчиков, ни в ведомостях, относящихся к производству переписи в Западной Сибири – нигде не требовалось определять особое состояние ссыльных. Известно, что все ссыльные в Сибири записывались как мещане или крестьяне из ссыльных. А сосланные в Восточную Сибирь приписывались к этому званию лишь по истечении 10 лет, а до тех пор считались «ссыльные поселенцы». Ввиду весьма непростых условий жизни в Сибири большая доля населения, по понятным причинам, именовала себя мещанами или крестьянами, умалчивая о прибавке «ссыльные». Поэтому при переписи, если счетчикам не было указано обратить на это внимание, эта категория населения могла ускользнуть, вследствие чего возникал непоправимый пропуск данных. А перепись могла дать в этом отношении весьма ценный материал и пролить свет на коренное население Сибири и ссыльных.

В отзывах часто встречаются сведения о том, что заполнение переписных листов как со стороны переписчиков, так и со стороны опрашиваемого населения вызывало определенные сложности. Достаточно подробно о проблемах, возникающих у населения при ответах на все вопросы переписного листа, изложено в отчете уполномоченного по высочайшему повелению, для объединения действия местных учреждений всеобщей переписи населения в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях Я.А. Плющевского-Плющика (Плющевский-Плющик, 1898: 136-164). Например, не все крестьяне понимали вопрос об отношении к воинской повинности, поэтому не могли дать точный ответ. Что касается ответов на вопросы о главных и побочных занятиях, то они также вводили население в заблуждение. Например, по данным счетчиков и заведующих переписными участками большинства уездов Костромской, Тверской и Ярославских губерний, «зажиточные крестьяне, получавшие главные средства от отхожих промыслов, ремесленники и даже торговцы давали крайне уклончивые и неверные ответы, выставляя каждый раз своим главным занятием земледелие, тогда как они гораздо больше средств получали от отхожих промыслов...»; «многие крестьяне ничего не показывали, кроме земледелия»; «лица, имеющие несколько занятий,

затруднялись ответить, какое из них главное, а какое – побочное»; «крестьяне часто скрывали свой промысел, давая обобщенное название занятию – ремесленник, земледелец, работник и прочее» (Плюшевский-Плющик, 1898: 147-146). Нередко вызывало затруднение у переписчиков внесение данных о статусе, сословии, воинской повинности, а также особенности заполнения персональных данных опрашиваемого населения (прежде всего инородцев). К тому же некоторые вопросы вызывали у населения смятение, например, информация о сожительстве, о незаконнорожденных детях.

В некоторых местностях, несмотря на просветительскую работу, проведение переписи столкнулось с противодействием населения. Так, исследователь И.К. Загидуллин привел пример сельского общества д. Кутлушкино (Калеево, Малая Бахта) Красноярской волости Казанской губернии, в которой проведение переписи стало возможным только после «прибытия двух рот солдат, командированных в уезд для содействия властям» (Загидуллин, 2001: 228-234).

5. Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. стала не только статистическим, но и общественным мероприятием, вызвав массу отзывов, мнений, откликов участников переписной кампании, специалистов-статистиков и рядовых обывателей. Основываясь на том, что многие отзывы содержат критические замечания и указывают на большое количество ошибок в подготовке и проведении переписи, у некоторых очевидцев (Котельников, 1909) и современных исследователей (Сафронов, 2001: 229) складывалось мнение о недостоверности полученных в ходе переписи социально-демографических данных. Тем не менее в целом подготовка и проведение Первой всероссийской переписи населения получили высокую оценку как отечественных, так и зарубежных специалистов. По замечанию члена французского института статистики, профессора Э. Левассера на VI сессии Международного статистического института (Санкт-Петербург, 1897 г.), «по своим размерам эта перепись может считаться первой в мире» (Елисеева, Попова, 2013: 85). Кроме того, сравнение оригинальных архивных материалов с опубликованными агрегированными данными, предпринятое К.Б. Литваком (Литвак, 1990), показало высокую достоверность и хорошее качество собранных переписью данных о населении Российской империи.

Значительное количество отзывов, нашедших отражение в периодической печати и официальной переписке, свидетельствует, на наш взгляд, о большом общественном резонансе, вызванном Первой всеобщей переписью 1897 года. Проведение столь масштабного государственного мероприятия, затронувшего каждого жителя страны, способствовало не только развитию интереса к статистике, изучению населения, но и формированию гражданского самосознания и ответственности – в этом и состоит главное значение переписи 1897 года как общественного события.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-78-10156.

Литература

- Борщик, 2003 – Борщик Н.Д. Проведение Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. в городах Курской губернии // *Курский край*. 2003. № 1/2 (33/34). С. 9-10.
- Борщик, 2017 – Борщик Н.Д. Первая всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // *Вестник РГГУ. Серия «Делопроизводство и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность»*. 2017. № 3 (9). С. 45-53.
- Брюханова, 2011 – Брюханова Е.А. Агрегированные данные переписи 1897 г. и модели профессиональной структуры населения // *Социальная история российской провинции: Материалы Всероссийской научной конференции*. Ярославль, 2011. С. 111-116.
- Воропаева, 2013 – Воропаева С.С. Формирование и состав переписных комиссий Тобольской губернии при подготовке к Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 6. С. 25-30.
- Вруцевич, 1896 – Вруцевич М.С. Теория и практика переписей населения: к вопросу о всенародной переписи в России. Вильна, 1896.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.
- ГАТО – Государственный архив Тюменской области.
- Елисеева, Попова, 2013 – Елисеева И.И., Попова И.Н. Начало международного признания российской государственной статистики // *Вопросы статистики*. 2013. № 8. С. 80-85.
- Загидуллин, 2001 – Загидуллин И.К. Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года о семье Гаяза Исхаки. // *Эхо веков (Гасырлар авазы)*. 2001. № 1-2. С. 228-234.
- Кадомцев, 1909 – Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909.

- Котельников, 1909** – Котельников А.Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909.
- Литвак, 1990** – Литвак К.Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // *История СССР*. 1990. № 1. С. 114-115.
- Наставление, 1896** – Наставление городским счетчикам: 5 июня 1895 года. СПб., 1896.
- Неженцева, 2012** – Неженцева Н.В. Некоторые аспекты разработки переписных листов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (на примере графы о занятиях населения) // *Документ. Архив. История. Современность*. Екатеринбург, 2012. С. 248-251.
- Неженцева, 2015** – Неженцева Н.В. Формирование источников статистического учета занятий населения во второй половине XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 399. С. 123-128.
- Пландовский, 1898** – Пландовский В. Народная перепись. СПб., 1898.
- Плющевский-Плющик, 1898** – Плющевский-Плющик Я.А. Отчет уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях // *Временник Центрального статистического комитета МВД*. № 45. СПб., 1898.
- Положение, 1899** – Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи, утвержденное 5 июня 1895 года // *Полное собрание законов Российской империи*. 3-е собр. Т. 15. СПб., 1899. С. 397-403.
- Разживина, 2013** – Разживина Д.А. Заведующие переписными участками всеобщей переписи 1897 г.: обязанности, полномочия, объем работы // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2013. № 2. Т. 4. С. 135-143.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сафронов, 2001** – Сафронов А.А. Из истории подготовки Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 1. Екатеринбург, 2001. С. 211-231.
- Сафронов, 2002** – Сафронов А.А. Отношение населения к проведению Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г.: слухи, толки, волнения // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 248-266.
- Ходский, 1896** – Ходский Л.В. Основания теории и техники статистики. СПб., 1896.

References

- Borshchik, 2003** – Borshchik N.D. (2003). Provedenie Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossii 1897 g. v gorodakh Kurskoi gubernii [The First 1897 General Russian Population Census in the cities of Kursk Province]. *Kurskii krai*, N 1/2 (33/34), pp. 9-10 [in Russian]
- Borshchik, 2017** – Borshchik N.D. (2017). Pervaya vserossiiskaya perepis' naseleniya 1897 g.: deloproizvodstvo i dokumentooborot [The First General Population Census of 1897: records management and documents circulation]. *Vestnik RGGU. Seriya «Deloproizvodstvo i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'»* N 3 (9), pp. 45-53 [in Russian]
- Bryukhanova, 2001** – Bryukhanova E.A. (2001). Agregirovannye dannye perepisi 1897 g. i modeli professional'noi struktury naseleniya [The aggregated data of the 1897 census and the models of occupational structure] *Sotsial'naya istoriya rossiiskoi provintsii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [The social history of the Russian province: materials of the All-Russian Science Conference]. Yaroslavl, pp. 111-116 [in Russian]
- Voropaeva, 2013** – Voropaeva S.S. (2013). Formirovanie i sostav perepisnykh komissii Tobol'skoi gubernii pri podgotovke k Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [The organization and the composition the census commission in Tobolsk Province when preparing the First General Population Census of the Russian Imperia in 1897] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, N 6, pp. 25-30 [in Russian]
- Vrutsevich, 1896** – Vrutsevich M.S. (1896). Teoriya i praktika perepisei naseleniya: k voprosu o vsenarodnoi perepisi v Rossii [The theory and practice of population censuses: the issue of the national census in Russia]. Vilnius [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk Krai]
- ГАТ** – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State archive in Tobolsk city]
- ГАТО** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [State archive of the Tyumen Region]
- Eliseeva, Popova, 2013** – Eliseeva I.I., Popova I.N. (2013). Nachalo mezhdunarodnogo priznaniya rossiiskoi gosudarstvennoi statistiki [The beginning of Russian state statistics' international recognition] *Voprosy statistiki*, N 8, pp. 80-85 [in Russian]
- Zagidullin, 2001** – Zagidullin I.K. (2001). Materialy pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda o sem'e Gayaza Iskhaki [The materials of the First 1897 General Population Census of Russian Imperia about the family of Gayaz Iskhaki] *Ekho vekov (Gasyrlar avazy)*, N 1-2, pp. 228-234 [in Russian]

Kadomtsev, 1909 – *Kadomtsev B.P.* (1909). Professional'nyi i sotsial'nyi sostav naseleniya Evropeiskoi Rossii po dannym perepisi 1897 g. [The occupational and social structure of the European Russia population according to the 1897 census data]. SPb. [in Russian]

Litvak, 1990 – *Litvak K.B.* (1990). Perepis' naseleniya 1897 goda o krest'yanstve Rossii (istochnikovedcheskii aspekt) [The 1897 Census about the peasantry of Russia (source studies aspect)] *Istoriya SSSR*, N 1, pp. 114-115 [in Russian]

Nastavlenie, 1896 – *Nastavlenie gorodskim schetchikam ot 5 iyunya 1895 goda* [The manual for the city head counters of June 5, 1895]. SPb., 1896 [in Russian]

Nezhentseva, 2012 – *Nezhentseva N.V.* (2012). Nekotorye aspekty razrabotki perepisnykh listov Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 g. (na primere grafy o zanyatiyakh naseleniya) [Some aspects of the development of the First General Population 1897 Census papers (the example of the occupation question)] *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Yekaterinburg, pp. 248-251 [in Russian]

Nezhentseva, 2015 – *Nezhentseva N.V.* (2015). Formirovanie istochnikov statisticheskogo ucheta zanyatiy naseleniya vo vtoroi polovine XIX v. [The development of statistical population employment sources in the second half of the 19th century] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, N 399, pp. 123-128 [in Russian]

Plandovskii, 1898 – *Plandovskii V.V.* (1898). Narodnaya perepis' [The national census]. SPb. [in Russian]

Plyushchevskii-Plyushchik, 1898 – *Plyushchevskii-Plyushchik Ya.A.* (1898). Otchet upolnomochennogo dlya ob"edineniya deistviy mestnykh uchrezhdeniy po Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 28 yanvarya 1897 g. v Tverskoi, Yaroslavskoi i Kostromskoi guberniyakh [The report of the commissioner for combining the local institutions' activities related to the First General Population Census held on January 28, 1897 in the Tver, Yaroslavl and Kostroma Provinces] *Vremennik Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD* [The annals of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs], N 45. SPb. [in Russian]

Polozhenie, 1899 – *Polozhenie o Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii, utverzhdennoe 5 iyunya 1895 goda* [The First General Census of the Russian Empire Regulations, approved on June 5, 1895] *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], Vol. 15, SPb, 1899, pp. 397-403 [in Russian]

Razzhivina, 2013 – *Razzhivina D.A.* (2013). Zaveduyushchie perepisnymi uchastkami vseobshchei perepisi 1897 g.: obyazannosti, polnomochiya, ob"em raboty [The heads of the 1897 census area: functions, official powers, scope of work] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, N 2, vol. 4, pp. 135-143 [in Russian]

RGIA – Rossiiskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv [the Russian State Historical Archive]

Safronov, 2001 – *Safronov A.A.* (2001). Iz istorii podgotovki Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [Some issues of the First General Population Census of the Russian Empire development] *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. [Document. Archive. History. Modernity]. Vol. 1. Yekaterinburg, pp. 211-231 [in Russian]

Safronov, 2001 – *Safronov A.A.* (2001). Otnoshenie naseleniya k provedeniyu Pervoi vseobshchei perepisi Rossiiskoi imperii 1897 g.: slukhi, tolki, volneniya [The attitudes of the population to the First General Census of the Russian Empire: rumors, comments, excitement] *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. [Document. Archive. History. Modernity]. Vol. 2. Yekaterinburg, pp. 248-266 [in Russian].

Khodskii, 1896 – *Khodskii L.V.* (1896). Osnovaniya teorii i tekhniki statistiki [The foundations of the theory and technique of statistics]. SPb. [in Russian]

Отзывы о Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в материалах региональной периодической печати и делопроизводственной документации

Елена Александровна Брюханова ^{a, *}, Наталья Владимировна Неженцева ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. была самым масштабным статистическим и общественным мероприятием по сбору социально-демографических данных о населении на рубеже XIX–XX вв. Столь значительное государственное мероприятие, затронувшее каждого жителя страны, нашло отражение в отзывах членов переписных комиссий, переписчиков и внешних наблюдателей. Тем не менее исследователями столь интересный источник

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elena@hist.asu.ru (Е.А. Брюханова), neshenzewan@mail.ru (Н.В. Неженцева)

привлекается редко. В статье представлен опыт комплексного анализа отзывов о подготовке и проведении Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., отраженных в материалах региональной периодической печати и делопроизводственной документации. Целью анализа было выявление основных направлений критики подготовки и проведения переписи в сравнении с нормативными документами, а также общая оценка переписной кампании 1897 года.

Основными источниками исследования стали материалы центральной и региональной периодической печати, служебной переписки, нормативных документов, а также заполненных форм переписных листов.

Анализ выявленных источников показал, что в отзывах участников переписи 1897 года затрагиваются основные направления деятельности переписных комиссий, а именно, разработка и рассылка инструктивных материалов, организация счетных участков и процедура проведения опроса, формирование положительного общественного мнения, подбор и подготовка переписчиков, разработка и заполнение форм переписных листов.

В результате исследования делается вывод о неоднозначной оценке переписной кампании 1897 года при доминировании положительных отзывов. По мнению авторов, наличие значительного количества отзывов, нашедших отражение в периодической печати и официальной переписке, может свидетельствовать о большом общественном резонансе, вызванном переписью, а также отражает развитие гражданской ответственности и самосознания населения Российской империи.

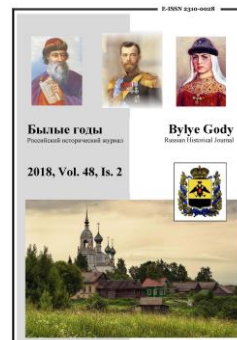
Ключевые слова: перепись 1897, переписка, периодическая печать, общественное мнение, переписчик, переписные листы, архив, Российская империя.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 804-816. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.804
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University

Sergey F. Fominykh ^{a, *}, Aleksey O. Stepnov ^a

^a National Research Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

In the article on the materials of official correspondence, periodicals, sources of personal origin the conflict that arose in 1902–1903 at the Imperial Tomsk University in connection with the activities of Professor M.A. Reisner is examined. The conceptual basis of the article is built around the specifics of academic scandals in the provincial environment.

It is emphasized that the basic prerequisite for the emergence of a conflict situation was the ideological transformation of M.A. Reisner, in the future one of the authors of the first Soviet Constitution of 1918. Memories of students and colleagues of the Professor, archival documents, direct speech by Reisner shed light on the trajectory of this transformation.

Two scandalous lectures, read by the Reisner in the fall of 1902 and published in the local newspaper, were the beginning of the conflict. Its development has been organized by the corporate proceedings, headed by the rector A.I. Sudakov. There was a newspaper controversy between M.A. Reisner and law student S. Chadov, accused of lying in connection with the publication in the local newspaper of a report on the Professor's lecture dedicated to the memory of Professor P.S. Klimentov. The controversial position of Reisner himself, who did not want to go into direct confrontation with the University administration and officials, led to a number of reprimands and, ultimately, the proposal to file a petition for dismissal.

It is concluded that the conflict under study clarifies the issue of the provincial aspect of academic scandals. Development of the conflicts in the context of the "big village" does not result in their sealing within the University discourse, but, on the contrary, expands the latter to a broad communitarian scale. Therefore, everyone becomes a participant of the academic conflict in the province: students and professors, officials and local townspeople.

Keywords: Tomsk, university, conflict, M.A. Reisner, a province.

1. Введение

9 марта 1903 г. исправляющий должность профессора по кафедре государственного права Императорского Томского университета Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928), не испросив дозволения у своего начальства и даже не получив в университете свой паспорт и прочие личные документы, покинул город, отправившись в Санкт-Петербург. В столице профессор остановился в доме по ул. Большой Конюшенной. Здесь, по всей видимости, он немало времени провел в раздумьях, осознав всю сложность сложившегося для него положения.

За этот неожиданный и экстравагантный шаг, все еще оставаясь профессором, он получил очередной, третий по счету, выговор от управляющего Министерством народного просвещения С.М. Лукьянова. Ранее в связи с разгоревшимся в стенах старейшего сибирского вуза осенью–зимой 1902–1903 гг. конфликтом, в котором М.А. Рейснер оказался главным действующим лицом, вскрылись новые факты. 21 февраля того же года С.М. Лукьянов, сославшись на то, что «профессор

* Corresponding author

E-mail addresses: sergei.fominykh1940@mail.ru (S.F. Fominykh),
ASAOM@yandex.ru (A.O. Stepnov)

Рейснер окончательно не оправдал доверия, оказанного ему Правительством при назначении на кафедру», ультимативно предложил ему подать «прошение об увольнении от занимаемой им ныне должности». «В случае же неисполнения им сего предложения, – добавил управляющий в письме ректору Императорского Томского университета А.И. Судакову, – в течение трех дней он будет уволен без прошения» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 66). 6 марта это предложение дошло до сведения Рейснера, запустив отсчет его последних дней в Томском университете.

Экстраординарным профессором по кафедре политической экономии на юридическом факультете этого вуза М.А. Рейснер был избран еще 1 сентября 1898 г., в год открытия факультета. К тому времени за плечами молодого ученого была учеба в Императорском Варшавском университете, где его учителем стал социолог-позитивист, правовед А.Л. Блок (отец поэта). Он окончил его в 1892 г. с правом на степень кандидата. Затем последовали преподавание в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства, защита диссертации на степень магистра права в Киевском университете на кафедре, возглавляемой тогда Е.Н. Трубецким, поездка в Гейдельберг для изучения проблемы отношений государства и церкви.

В Томск М.А. Рейснер приехал с женой Екатериной Александровной (в девичестве Хитрово) и трехлетней дочерью Ларисой, будущей известной революционеркой и писательницей. В этом сибирском городе у супругов родился сын Игорь, в дальнейшем ученый-востоковед, один из основоположников советской индологии и афганистики (Фоминых, 1996: 205).

Конфликт, возникший в связи с двумя лекциями, прочитанными М.А. Рейснером осенью 1902 г., стал результатом становления и в некотором роде излома его мировоззрения, в частности и научного, и со всем тем отправной точкой для дальнейшего его развития как ученого и гражданина. Подобные казусы развивались автономно от академической жизни, что со стороны отдельных представителей университетского сообщества служило веским аргументом в пользу их неприемлемости. В то же время порой бывает трудно понять, где кончается жизненный мир человека, избравшего путь ученого, и начинается его «герметичное» бытие в научном сообществе. Да и применимо ли вообще понятие «герметичность» по отношению к научной деятельности? Проблема конфликтов как внешне научных (экстерналистских) факторов академического бытия, таким образом, выходит в центр данного исследования. Углубляется она и провинциальным антуражем, который окружает изучаемый предмет.

В рамках предложенной тематики перед нами встает ряд вопросов, таких, как роль и место конфликтов в жизни научного сообщества, их классификация и соотношение их отдельных видов с официальным дискурсом этих сообществ, неявные истоки академических противостояний. Все эти проблемы, вне всякого сомнения, требуют разрешения и нового тематического наполнения, что во многих отношениях и определяет исследовательский интерес к истории конфликтов в высшей школе дореволюционной России. Отметим и то, что актуальность статьи определяется по сей день сохраняющимся интересом к фигуре и научному наследию главного героя нашего исследования – известного юриста, одного из авторов первой советской конституции – «Конституции РСФСР» (1918).

2. Материалы и методы

2.1. В статье вехи обозначенного выше конфликта реконструируются на материалах архивной официально-деловой документации, в том числе служебной переписки, периодической печати и источников личного происхождения. Омский историк А.В. Свешников в статье, посвященной проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в., писал о дефицитности источников, освещающих конфликты в среде ученых. По его словам, ни в отчетах, ни в обзорах, ни даже в протоколах заседаний советов факультетов, где нередко и «разворачивались бурные конфликты», трудно найти даже упоминание о них. Им фиксируется тенденция замалчивания информации о конфликтах и в мемуарах, где они подчас рассматриваются «как забавное или досадное недоразумение». «Реконструировать и интерпретировать конфликт приходится буквально по отдельным фразам и высказываниям», – резюмирует А.В. Свешников (Свешников, 2005: 236-238).

Здесь необходимо отметить, что история Императорского Томского университета в некоторой степени опровергает данные выводы. И связано это, следует полагать, с особенностями провинциального бытия, а также с попыткой сообщества и отдельных его представителей вывести конфликт в зону публичности, заручившись свидетелями в образе почтенной широкой публики. Так случилось, например, в 1911 г., когда конфликт между профессорами юридического факультета Н.Я. Новомбергским и П.М. Богаевским получил освещение на страницах местных газет. Быть может, сказывалось здесь и пристрастие юристов превращать любое внутриуниверситетское, в т.ч. личностное, противостояние в подобие открытого судебного процесса.

Так или иначе, в достаточно широкой детализации воссоздать истоки и течение конфликта 1902–1903 гг. вокруг профессора Рейснера нам позволяют материалы местной и столичной прессы. Это тексты и обзоры лекций профессора, напечатанные в томской газете «Сибирская жизнь», а также в петербургской юридической газете «Право» за 1902 г., публичная переписка его с другим участником конфликта – студентом юридического факультета С.Д. Чадовым, опубликованная в той же «Сибирской жизни» и в «Сибирском вестнике», публицистические заметки о конфликте М.И. Боголепова и т.д.

В Государственном архиве Томской области хранится служебная переписка ректора Томского университета А.И. Судакова, исполняющего обязанности ректора М.Ф. Попова, попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева и уже упомянутого управляющего Министерством народного просвещения С.М. Лукьянова, письма и обращения, а также ходатайства, отчеты, предложения, заключения совета юридического факультета, касающиеся участников конфликта. В журналах заседаний совета Императорского Томского университета опубликован протокол дисциплинарного суда над студентами в связи с их участием в разворачивавшихся событиях. Отдельные документы (конспекты лекций, ставших предметом конфликта, письма) отложились в личных делах профессора Рейснера и студента Чадова.

Личностным качествам, а также отдельным эпизодам томского периода жизни и творчества профессора М.А. Рейснера посвящены опубликованные воспоминания профессора И.А. Малиновского, бывших студентов К.М. Гречищева и А.Н. Морачевского (псевдоним – Н. Зарницын). Без этих мемуаров картина рассматриваемого конфликта, пожалуй, была бы неполной.

2.2. Концептуальной платформой статьи является экстерналистский подход к истории науки и образования. Одной из краеугольных форм концептуализации работы служит понятие «научное сообщество», в рамках которого подобные конфликты делаются возможными. Именно сообщество определило его абрис, что в свою очередь актуализирует принцип историзма (ведь известно, что сообщество не существует вне эксплицируемого исторического контекста) и влияет на используемые исследовательские технологии. Кроме классических методов исторического исследования, таких, как анализ и синтез, сравнительно-исторический метод и типологизация, важное место в исследовании отведено просопографии. Последний инструментарий, кроме всего прочего, помогает нам увидеть в лицах, причастных к конфликту, не столько совокупность статистов, сколько биографический материал для группового портрета русского дореволюционного профессора – портрета достаточно многопланового и не лишённого противоречий.

3. Обсуждения

История конфликтов в дореволюционной высшей школе России относительно недавно выделилась в специальное направление исследований в области истории науки, техники и образования. Упомянутый уже А.В. Свешников в ряде своих статей на примере сообщества русских историков Московского и Санкт-Петербургского университетов рассматривает конфликты как специфическое явление университетской культуры. Автор в своих работах систематизировал социологические подходы к конфликтам в научных сообществах (Кун, Бурдье, Козер), сделал ряд выводов о значении фигуры инициаторов конфликта, роли слухов и сплетен в их развитии, их закулисной природе (Свешников, 2005). Сквозь призму принципа «плотного описания» К. Гирца Свешников исследует конфликт И.М. Гревса и его ученика Л.П. Карсавина, уделяя внимание его социально-психологическим истокам (Свешников, 2009). Вместе с тем необходимо отметить, что спорным представляется неоднократно повторяемый автором вывод о том, что «конфликты и скандалы в среде интеллектуалов традиционно вытеснялись из поля рефлексии научного сообщества» (Свешников, 2009).

В статье «О причинах научных конфликтов» на материале научных сообществ математиков сделана попытка классификации конфликтов в научном мире, выделяя концептуальные, статусные, личностные конфликты. При этом со ссылкой на исследования Р. Коллинза в той же статье отмечается, что нередко научные конфликты могут быть редуцированы до борьбы за статусы, наживу, вознаграждение (Баранец и др., 2012: 117).

Различные аспекты междисциплинарной конфликтологии научных сообществ (эпистемические и доктринальные конфликты, идеологические факторы в их решении, проблемы классификации и т.д.) с историческими отсылками, в т.ч. к материалам дореволюционной высшей школы России, нашли освещение в коллективной монографии «Конфликты в науке и философии» (Конфликты, 2013). В ряде работ исследованы особенности конфликтов в русских дореволюционных университетах в связи с Университетским уставом 1863 г., в частности роль попечителей и ректоров в их предотвращении, культурные предпосылки возникновения конфликтных ситуаций (Антощенко, 2012; Новиков, 2013). Вопросу взаимоотношений одного из героев данной статьи – попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева и коллектива Томского университета – посвящена статья И.В. Черказьяновой (Черказьянова, 2005).

Проблема конфликтов на фоне трудностей во взаимоотношениях профессорской корпорации и власти в связи с кадровой политикой министра народного просвещения Л.А. Кассо на примере Петербургского университета в период ректорства Э.Д. Гримма рассмотрена О.М. Беляевой (Беляева, 2011). Отдельные конфликтные ситуации в сообществе Петербургского университета второй половины XIX – начала XX вв. нашли отражение в монографии Е.А. Ростовцева (Ростовцев, 2017).

Своеобразная активизация конфликтного поля в сообществе Томского университета наблюдалась в период революционных событий 1917 г., что особенно рельефно проявилось в конфликте профессоров юридического факультета (Степнов и др., 2018).

Необходимо отметить, что конфликт в Императорском Томском университете вокруг фигуры профессора Рейснера нашел краткое освещение в диссертации О.А. Скибиной «Государственно-правовые взгляды М.А. Рейснера» на соискание ученой степени кандидата юридических наук (Скибина 2015: 44-49).

Подчеркнем, что достаточно обширная историография по конфликтной тематике в дореволюционной высшей школе предлагает нам как идиографическое, так и концептуальное разнообразие. Со всем тем некоторые аспекты, связанные с региональным преломлением университетских конфликтов, влиянием духа провинции на их развитие, а также скрытыми механизмами конфликтных ситуаций, актуализируют историко-тематическое расширение проблемы и ее концептуальное углубление.

4. Результаты

26 сентября 1902 г., на неделю задержавшись в Варшаве в связи с возникшей у него инфлюэнцей, из заграничной поездки в Томск вернулся профессор М.А. Рейснер. Немногим более года, с мая 1901 г., он провел в европейских странах «с научной целью». Считается, что своеобразная строптивость Рейснера мотивировала решение о его командировке со стороны начальства, желавшего «избавиться от беспокойного профессора и ослабить его влияние на студенчество» (Фоминых, 1996: 205).

Профессор М.А. Рейснер, действительно, еще до отъезда своего успел заслужить репутацию местного инсургента. В атмосфере «дремучего» провинциализма и заметной консервативности томской профессуры он выделялся своей временами эпатажной протестностью. Так, в феврале 1901 г. после покушения на министра народного просвещения Н.П. Боголепова единственным из всех профессоров Рейснер отказался подписать составленную в связи со случившимся «приветственную» телеграмму (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 33 об.-34). Более того, вслед за последовавшей кончиной министра Михаил Андреевич, как вспоминал К.М. Гречищев, на одном из благотворительных вечеров «призвал готовиться к грядущей большой общественной работе», произнес при этом такие слова: «Господа студенты, атмосфера сгущается, стало погромыхивать...» (Гречищев, 2014: 406). Годом ранее, в 1900-м, М.А. Рейснер в течение нескольких лекций обсуждал со студентами «чрезвычайно несимпатичные» для них «Временные правила», введенные в связи со студенческими забастовками 1899 г. (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 33 об.).

А.Н. Морачевский (Н. Зарницын), один из первых студентов юридического факультета, вспоминал М.А. Рейснера как «мощного оратора и прекрасного теоретика», на лекции которого собиралась «половина университета». «Он вышел из аудитории, – писал Зарницын, – а мы еще долго оставались под гипнозом его слов и делились друг с другом впечатлениями» (Зарницын, 2014: 423).

Среди студентов, таким образом, профессор пользовался чрезвычайной популярностью. По воспоминаниям И.А. Малиновского, в те времена большой торжественностью отличались студенческие вечера, сопровождавшиеся концертами и благотворительной торговлей. После концерта в специально отведенное помещение в главном корпусе университета «студенческая депутация приглашала популярных профессоров». Здесь, пишет Малиновский, «пиво лилось рекой», и «профессорам давали бокал пива в руки, просили стать на табуретку, чтобы всем было видно, и сказать несколько слов» (Малиновский, 2014: 332-333). Профессор Рейснер был желанным гостем на таком мероприятии, как и на благотворительных вечерах, устраиваемых в общественном собрании, в Обществе попечения о начальном образовании, Обществе вспомоществования учащимся, где он «всегда окружался студенчеством, становился душой его и говорил зажигательные речи» (Гречищев, 2014: 406).

Возвращение любимца университетской молодежи закономерно вызвало ажиотаж в городе: его первая по приезде лекция по государственному праву, назначенная на 7 октября 1902 г., была неоднократно анонсирована в местной прессе. В одном из таких анонсов отмечалось: «Интересующихся этой лекцией много» (Местная хроника, 1902). По академической традиции предполагалось, что лектор поделится на ней своими впечатлениями о заграничной поездке. Сделали свое дело и привычные для провинции слухи и принцип «сарафанного» радио: 7 октября 5 аудитория, назначенная по расписанию для лекции Рейснера (изначально для студентов-юристов 2 и 3 курсов), не вместила всех собравшихся, из-за чего студенты тотчас перешли в 1-ую, самую просторную в университете, аудиторию. Как отмечал позднее инспектор студентов В.П. Григоровский, «обширная аудитория была переполнена слушателями; не оставалось свободного места даже в коридорах у окон и дверей этой аудитории» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 14 об.).

Из-за того, что студенты массово собрались на лекцию по государственному праву, в тот день не состоялись лекции профессоров В.А. Уляницкого (международное право), В.М. Мыша (хирургическая патология), протоиерея Д.Н. Беликова (богословие), а лекции профессоров Е.В. Вернера (органическая химия), С.М. Тимашева (детские болезни), Е.С. Образцова (кожные и венерологические болезни) «прошли при незначительном числе слушателей».

Желание послушать профессора в тот день изъявили не только университетские студенты-медики, но и 22 учащихся Томского технологического института, а также член окружного суда Д.Г. Безсонов, служащий железной дороги С.П. Горшанов, присяжный поверенный Р.Л. Вейсман, председатель окружного суда А.В. Витте. Однако всем вышеперечисленным, несмотря на личные

просьбы Рейснера, «как лицам посторонним» в доступе на лекцию было отказано (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 13-13 об.).

Впрочем, всех тех, кто хотел, но так и не попал на лекцию, ждало утешение: вскоре ее текст был напечатан на страницах «Сибирской жизни». И для своего времени текст этот был в известной мере шокирующим. «Почему же западная родина так резко отличается от русского отечества и притом далеко не в пользу этого последнего?» – вопрошал со страниц газеты профессор Рейснер. «Если мы не менее немцев и французов, – продолжал он, – способны в культуре и так умеем понимать и ценить ее, то где причина нашего неустройства и бедности, слабости развития наших культурных задатков? С государственной точки зрения основной причиной такого явления должно быть признано различное положение общества и государства». Далее следовала впечатляющая картина современной «новой» Европы, где находит «особую почву для своего развития область личной деятельности», где развивается местное самоуправление и общественная самодеятельность, где «государство по существу есть само общество». «Совершенно понятно, – резюмировал профессор, – что там, где администрация действует вне союза с обществом и вне его контроля, она ради самих благих целей склонна расширять по возможности рамки своей деятельности и суживать рамки права» (Рейснер, 1902а).

Не нужно большой проницательности, чтобы понять, какую реакцию со стороны руководства университета могли вызвать и события, сопровождавшие первую лекцию, и сам ее текст, напечатанный в газете и, хотя и опосредованно, критиковавший самодержавие. О произошедшем вскоре стало известно товарищу министра народного просвещения С.М. Лукьянову, который в своем отношении от 28 октября того же года «покорнейше просил» ректора университета «произвести безотлагательное расследование о том, признает ли Рейснер текст его лекции, напечатанной в газетах, соответствующим им сказанному».

Однако в ответ на запрос ректора 22 ноября М.А. Рейснер сообщил, что «означенной репортерской заметки» он «относительно текстом своей лекции признать» не может и не имеет «для такого признания никаких оснований». «Не могу вместе с тем не выразить моего крайнего удивления, – отмечал далее профессор, – что научные лекции в университете, будучи предметом моей должностной деятельности, становятся предметом репортерских отчетов в местной прессе, которые в свою очередь по общему правилу являются полным искажением истины» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 21).

Выходит, сенсация была раздута на ровном месте и стала результатом не то слухов, не то недобросовестности редактора «Сибирской жизни» П.И. Макушина? Но именно слухи и молва о том, «что репортерский отчет был, по-видимому, подвергнут предварительной редакции самого Рейснера», не позволили А.И. Судакову остановить свое расследование на личном заверении профессора. Он запросил у Рейснера конспект его «действительной» лекции. И здесь, пожалуй, хотелось бы кратко уделить внимание фигуре Его Превосходительства профессора А.И. Судакова, занимавшего должность ректора Императорского Томского университета с сентября 1895 по сентябрь 1903 г.

Хозяин университета, как вспоминали студенты тех лет, то и дело мелькал по коридорам главного корпуса в образе «приземистого человека в форменном учительском сюртуке», имел привычку разговаривать с самим собой и был предметом анекдотов (Зарницын, 2014: 422-423), в частности за свои «провалы в памяти относительно имен и дат» (Гречищев, 2014: 403). Вместе с тем это был жесткий, принципиальный и весьма консервативный человек, что отчетливо проявлялось во время студенческих забастовок. Так, после забастовки 1896 г., организованной в связи с оскорбительным для студентов поведением упомянутого уже профессора Е.В. Вернера, вслед за тем, как ректору удалось убедить учащихся вернуться к занятиям, не опасаясь последствий (аргумент из уст ректора: «Разве я не отец родной вам?» – стал тогда для бастующих решающим), тот же А.И. Судаков добился того, чтобы одни студенты были лишены освобождения от оплаты за учебу, а другие – стипендии. Когда же делегация студентов явилась к нему домой напомнить об обещанном, то, по словам того же Гречищева, «отец родной» тяжело вздохнул и, сказав, что ему пора идти на лекцию, повернулся и ушел» (Гречищев, 2014: 382-385). После студенческой забастовки 1899 г. А.И. Судаков добился исключения из университета 36, а затем еще 30 студентов – участников событий (Фоминих, 1996: 247).

К тому времени как Судаков получил письмо от Рейснера, появился новый повод для разбирательства. И связан он был с очередной лекцией того же М.А. Рейснера, прочитанной 18 ноября. На следующий после нее день в «Сибирской жизни» о лекции появился краткий отчет Сергея Чадова. Последний являлся бывшим студентом историко-филологического факультета Московского университета, откуда в марте 1899 г. он был исключен «за участие в беспорядках». Успел он поучиться и на медицинском факультете того же вуза (ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 2787. Л. 5), вскоре после чего, в 1902 г., был зачислен студентом 1-го курса на юридический факультет Томского университета. Учебу он совмещал с работой репортера в упомянутой газете. Представленная им в отчете лекция была посвящена памяти профессора П.С. Климентова, безвременно почившего 11 ноября 1902 г. на 29-м году жизни. В указанной, достаточно беспристрастной, заметке студента подчеркивалось, что «судьба, оказывается, не была милостива к П.С. Климентову». Как следовало со слов профессора Рейснера, переданных Чадовым, Климентову пришлось пройти через «тяжелую

жизнь необеспеченного студента», бегая по грошовым урокам и делая переводы «даже медицинских книг»; через ошибки администрации Московского университета, выдавшей ему по окончании юридического факультета диплом по II разряду вместо положенного I; через несправедливое отношение во время магистерского экзамена в том же университете, где он сдавался «всегда более или менее формально или упрощенным способом» и где заранее сообщалось, из какой области наук будут вопросы, а Климентову же из-за «неблагоприятствующего ему профессора» пришлось сдавать его по всем областям (Чадов, 1902). И очевидна во всем пересказанном боль русского интеллигента, теряющего своего товарища, в том числе из-за того, что течение жизни в стране подчиняется не закону, а «административному усмотрению».

Все же негодование администрации от сказанного и в этой ситуации вышло на первый план. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев просил ректора «предложить юридическому факультету обсудить, насколько соответствуют действительности сообщенные профессором Рейснером на лекции сведения о том, что в Московском университете по установившемуся обычаю магистерский экзамен сдается более или менее формально». Что любопытно, совет факультета отказался обсуждать лекции профессора, содержание которых известно по газетным публикациям и которые «не могут иметь никакой документальной силы». Декан И.А. Базанов в своем ответе ректору также отметил, что и имеющие общий характер вступления в курс, и посвященные памяти скончавшегося товарища лекции «допустимы и ходу преподавания не препятствуют» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 19, 30). Комментариев относительно процедуры магистерского экзамена в Московском университете предоставлено не было.

Аргумент об отсутствии «документальной силы» заслуживает внимания, поскольку М.А. Рейснер в письме в редакцию, опубликованном уже в следующем после отчета Чадова номере «Сибирской жизни», заявил: «Означенный отчет не имеет ничего общего с тем, что мною было действительно сказано» (Рейснер, 1902b). В том же номере его поддержали своим письмом и студенты 2 и 3-го курсов, обратив внимание на ряд неточностей в заметке Чадова.

Среди студентов тем временем, как выразился попечитель Лаврентьев, появилась «наклонность к брожению». Все чаще после лекций стали устраиваться совещания. На одном из них и было составлено вышеуказанное заявление в связи с заметкой Чадова.

С 27 ноября Рейснер из-за болезни на время прекратил чтение своих лекций. Вслед за этим, как отмечал сам Чадов, была пущена сплетня, что «студент написал донос на профессора в своем газетном отчете о его лекции». Намек на политическую подоплеку заметок репортера Чадова был дан на страницах газеты «Сибирский вестник», сотрудником которой до определенного времени был сам Рейснер, который 5 января 1903 г. официальным письмом известил главного редактора, что отныне «никакого отношения к этой газете не имеет» (Рейснер, 1903a).

Как следует со слов Чадова, во время личной встречи с ним профессор не признал в его отчете «никакого доноса» и в целом одобрил отчеты о лекциях в местных газетах, видя в них «средство культурного воздействия на темную сибирскую среду» (Чадов, 1903a). Однако требование публично «нравственно реабилитировать честь» Чадова профессор отверг. Отметим, что позднее два свидетеля этой беседы, которых в подтверждение своих слов привел Чадов, опровергли его версию разговора с профессором, что, впрочем, самим Чадовым тут же было объявлено ложью (Чадов, 1903b). Известно, что во время конфликтов трудно бывает определить, где правда, а где ложь.

Вскоре развернулась газетная полемика, которая по своим качествам имеет мало аналогов в других университетских городах России и мира тех лет – между студентом и профессором из-за вопросов этики. Рейснер обнародовал на страницах «Сибирского вестника» письмо «шантажного характера» редактора П. Макушина, в котором тот якобы в ультимативной форме потребовал у профессора за своей подписью опубликовать в следующем номере «Сибирской жизни» покаянное письмо, написанное собственно Чадовым. Между прочим Михаил Андреевич посоветовал и на то, что Макушин «не постыдился» обнародовать оскорбительные для чести и достоинства письма Чадова (Рейснер, 1903b). В ответ на это Макушин в номере газеты от 10 января позволил себе опубликовать очередное письмо Чадова. В нем студент, явно заявляя о двуличности М.А. Рейснера, посоветовал «на странное, если не сказать большего», поведение профессора, на необоснованность обвинений себя во лжи (официальных опровержений, действительно, не последовало), на нарушение нравственных и литературно-этических норм, а затем потребовал третейского суда, который так, впрочем, и не состоялся. «Я считаю, – писал Чадов, – грубо противоречащим примитивным требованиям литературной этики и вообще морали то, что г. Рейснер не постеснялся опубликовать моей полной фамилии, тогда как всюду: и в отчете, и в предназначавшемся к печати письме – стояли только мои инициалы». Последнее обстоятельство вызвало саркастическую усмешку у М.И. Боголепова – студента, постоянного сотрудника «Сибирского вестника» и будущего профессора Томского университета. «Чадов, – писал он в своей публицистической заметке, – поддерживаемый Макушиным Петром, потребовал от профессора Рейснера как сотрудника “Сибирского вестника”, реабилитации его “честного литературного имени”. Что это за имя? Это две буквы из русского алфавита: С. и Ч.». И далее: «Жаль, очень жаль, что в нашей общественной жизни двубуквенные сотрудники “политических” органов могут очень развязно чадить, чудить и вопить о реабилитации своих букв из алфавита» (Боголепов, 1903). Подчеркнем, что и со стороны попечителя вызвал

нарекания тот факт, что студент Чадов «позволил себе трактовать деятельность профессора Рейснера в резких выражениях и без должного со стороны студента к профессору уважения» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 11. Л. 1). С критикой студента Чадова на страницах «Сибирского вестника» на протяжении конфликта выступали и анонимные «читатели» (см.: [Логика, 1903](#)).

П. Макушин, который еще в начале декабря 1902 г. отказался предоставить ректору А.И. Судакову оригинальный текст заметки с первой лекцией М.А. Рейснера, подчеркнув, «что во всех подобных случаях, по литературным обычаям, редакции сведений не дают» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 37). В начале 1903 г., оказавшись в курьезной ситуации (Рейснер объявил о лживости текста своей лекции из «Сибирской жизни», а затем отказался принести официальные извинения перед Чадовым за обвинения во лжи), обратился к Судакову с вопросом: «Действительно ли профессор Рейснер в официальном письме на мое имя заявил, что помещенный в № 220 газеты «Сибирская жизнь» отчет представляет искажение его вступительной лекции?» По всей видимости, удивлению Макушина не было предела, когда Судаков показал ему вышеупомянутое письмо Рейснера. На следующий день, 12 января, профессор А.И. Судаков, посетив Макушина, вопреки литературным обычаям, имел честь ознакомиться с рукописью первой лекции Рейснера. «Я был поистине изумлен увиденным, – подчеркивал он в письме С.М. Лукьянову, – рукописный отчет, сличенный мною с напечатанным в № 220 газеты, оказался дословно написанным самим профессором Рейснером, причем все поправки в отчете сделаны были также его рукою, только последняя прибавка к отчету (две строчки) об аплодисментах после лекции были написаны красными чернилами другою рукою» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 41-41 об.).

К тому времени Судаков уже получил запрашиваемый у Рейснера конспект его якобы «реальной» первой лекции и теперь имел возможность сравнить их. «Из сопоставления содержания этих писем профессора Рейснера, – отмечал Судаков в том же ответе Лукьянову, – с отчета о своей воспитательной лекции, Ваше Превосходительство, извольте убедиться, какая беззастенчивость в искажении истины и, можно сказать, издевательство были допущены г. профессором Рейснером в официальной переписке со своим начальством» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 41 об.). Отправленный конспект Рейснера, имея в основе тот же предмет, действительно, был несравненно более сдержан по тону в сравнении с газетным вариантом.

Трудно не обратить внимание на то, что Судаков в своей служебной переписке называл «неправдивостью и особого рода изворотливостью» М.А. Рейснера. Что подвигло профессора на выбор подобной модели поведения? Двуличие? Безумие? В рамках нашего исследования это принципиальный вопрос. Для ответа на него вспомним о том, что еще в период подготовки к экзаменам на магистерскую степень Рейснер разделял идеи славянофильства ([Фоминных, 1996: 205](#)). К.М. Гречищев вспоминал, что в начальный период работы в Томском университете Михаил Андреевич, уже тогда «отличавшийся своим красноречием», строил лекции на базе своих работ по вопросам «религиозного исповедования, праве морали и религии». Тот Рейснер «производил на студентов «странное впечатление» и, ко всему прочему, «расшаркивался перед попечителем и профессором богословия», что наводило на него флер «махрового монархиста», «заинтересованного в том, чтобы скорее уйти от скромного звания – исправляющего должность экстраординарного профессора» ([Гречищев, 2014: 405-406](#)).

То же подтверждают и официальные справки о профессоре. В них отмечается, что в то время Рейснер показал себя «сторонником порядка и законности и профессором, мало интересующимся студенческими симпатиями». Во время студенческих беспорядков 1899 г. он «никаких заметных чувств симпатии к волновавшимся студентам не проявлял и от студенческих волнений держался в стороне» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 33). Однако вскоре вслед за этим наступили перемены, резкости и контрастности, которым нельзя не удивиться. Трудно сказать, что стало индикатором этого поворота. М.А. Рейснер не был героем, готовым открыто бросить вызов официозному окружению. Но, по всей видимости, именно в Томске для него настал период перелома. И если Л.П. Карсавин бросил вызов своим учителям, как отмечал А.В. Свешников, «в поисках собственной поколенческой научной идентификации» и в сознательном приближении к конфликту с «поколением “старых” профессоров» ([Свешников, 2009](#)), то М.А. Рейснер пошел на скрытую конфронтацию с политическим, идейным миром, ощущаемым им как «старый» и проходящий. Это был символический отказ от мира и бескомпромиссный, хотя и, если можно так выразиться, осторожный поворот от универсума, печать которого лежала на лицах попечителя Западно-Сибирского учебного округа, ректора Императорского Томского университета, министра народного просвещения и иже с ними, а также на лицах его коллег, подпиравших основы отживающего порядка. Косвенным подтверждением тому служат и воспоминания И.А. Малиновского, который признавался, что, несмотря на изначально «хорошие его отношения» с Михаилом Андреевичем, потом они безнадежно «испортились» ([Малиновский, 2014: 294](#)).

Быть может, свою роль здесь сыграли и зарубежные поездки, и осмысления зримо увиденной разницы между Россией и Европой. Отметим, что одним из результатов поездки профессора Рейснера за границу в 1901–1902 гг. стало его исследование «Самодержавие и общее благо», в котором ученый подверг критике основы абсолютизма как на Западе, так и в России ([Фоминных, 1996: 205](#)). Вернувшись в Сибирь, особенно ярко в своей провинциальной ауре воплотившей в себе «исконно

русское», он, вполне вероятно, и решил бросить вызов тому, чему нет места в свободном течении современности. В 1917 г. (еще до наступления революции) профессор прямо подтвердил эту трансформацию, отвечая со страниц газеты «Утро Сибири» известному сибирскому эсеру, историку революционного движения Е. Колосову, до того в своей статье «бросившего несколько едких замечаний» по его адресу, написав: «До Томского университета я стоял на точке зрения славянофильства в духе Киреевских и Хомякова. В Томском университете я стал под влиянием русской действительности только либералом» (Рейснер, 1917).

К тому времени, как Судаков выяснил неожиданные подробности конфликта, был опубликован на страницах петербургской юридической газеты «Право» и текст «Профессор-идеалист (Из лекции, сказанной на память П.С. Климентова 18 ноября 1902 г.)» за подписью М.А. Рейснера. И в данном, на этот раз без сомнений аутентичном, тексте вновь прозвучали мотивы отчуждения от действительности, которая в интерьерах Сибири, «темная и холодная», «одержала победу» над «светлой мыслью» и «горячим сердцем» П.С. Климентова. О настроении автора красноречиво свидетельствуют такие фразы, как «чистый дух пал жертвой русской действительности и сибирской природы» или «Климентов был выдающейся общественной силой, и много надежд, возлагавшихся на него, похоронено вместе с ним в холодной могиле..., надежд... в общем ходе обновления Руси и с далекой окраины». «Жизнь молодого ученого, – отмечалось в тексте лекции, – несомненно, не прекратилась бы так скоро, если бы не ужасные климатические условия Сибири, если бы не невозможность хоть на год уехать за границу, там поработать и полечиться...» (Рейснер, 1902с).

С. Чадов не поленился сравнить свой отчет и текст этой лекции из «Права», но не нашел значительных отличий, за исключением вопроса о магистерских экзаменах в Московском университете (в «своем» варианте Рейснер значительно смягчил вопрос об их «формальности»), и отметил для себя «эту неожиданную разницу» (Чадов, 1903с).

Между тем В.П. Григоровский докладывал об участвовавших в собраниях студентов юридического факультета, на которых «предметом обсуждения было дело профессора Рейснера со студентом Чадовым» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 43). Сходки состоялись 21 и 22 января 1903 г., из-за чего сорвались лекции профессоров И.А. Малиновского и С.П. Мокринского. 23 и 24 января в сходках совокупно приняло участие 160 человек. В связи с этим было одобрено ранее поступившее предложение профессора М.Ф. Попова, исполняющего обязанности ректора, о передаче дела в дисциплинарный суд (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 54 об.). Состоявшийся в апреле в составе профессоров М.Г. Курлова, И.А. Малиновского (секретаря), И.Г. Табашникова, В.А. Уляницкого (судьи) и Е.С. Образцова (кандидата в судьи) суд принял решение «дело производством прекратить» (Приложение, 1903). В замешательстве тогда, по всей видимости, находились и сами студенты, которым приходилось выбирать между верностью своему любимцу и все более очевидной невинностью Чадова. Так, Григоровский в одном из своих донесений отмечал, что на очередной сходке 22 января по этому поводу студенты разделились: одни из них оправдывали профессора, а другие – Чадова, а потом и вовсе «постановили оставить их обоих в покое и впредь этого дела не возбуждать и для обсуждения его сходок не собирать» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 48).

Вокруг профессора М.А. Рейснера все более сужался круг противоречий. 29 января от имени управляющего Министерством народного просвещения С.М. Лукьянова ему был сделан выговор «за пропуск лекций без уважительных причин, позднее начало их чтения (7 октября)», за «изложение с кафедры не имеющего отношения к курсу и вообще неуместного, т.е. за образ действий, обличающий небрежное отношение к профессорским обязанностям, склонность по неподготовленности к лекциям уклоняться от чтения или говорить на них о посторонних предметах» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 58). Руководство Томского университета установило, что за период конфликта, т.е. в первом полугодии 1902–1903 учебного года, из 72 положенных лекций профессор Рейснер прочитал лишь 33. Подливали масла в огонь и отзывы упомянутого уже профессора по кафедре римского права И.Г. Табашникова о качестве подготовки студентов Рейснера по государственному праву. Табашников подчеркивал, что, «присутствуя на экзаменах после первого года чтения этой науки», он поразился «убогости» и «урезанности» этой трудной дисциплины в устах студентов, «изумительной невежественности и нелепости их ответов» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 35-35 об.).

В январе томский губернатор С.А. Вяземский вследствие поступившего ему из Министерства внутренних дел запроса заинтересовался «деятельностью в направлении профессора Томского университета М.А. Рейснера» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 51).

В следующем месяце последовал новый выговор за «столь же предосудительные в нравственном отношении, сколь несовместимые со служебным долгом» ложные заявления относительно текста своей первой лекции, напечатанной в «Сибирской жизни». 6 марта член Совета министров народного просвещения, тайный советник Н.И. Тавилдаров, находившийся в то время в Томске, «свидетельствуя свое совершенное почтение Михаилу Андреевичу», попросил последнего «пожаловать в четверг, 6 марта, в 2 часа дня в помещение канцелярии попечителя учебного округа по делам службы» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 74). Однако Рейснер на встречу не явился.

Наконец наступило 9 марта, с которого и началась наша история. В тот день к 2-м часам дня на станции «Межениновка» собралось всего 27 студентов. Это не было следствием снизившейся популярности профессора: просто в тот же день на здании 1-го общежития вывесили объявление о

том, что профессор уже уехал ночью. По всей видимости, кто-то хотел избежать шумихи вокруг отъезда опального ученого. Профессор простился со студентами, сказав им последнюю прощальную речь (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 77).

На причины столь неожиданного отъезда проливает свет его автобиография, в которой он признался, что спешил к С.М. Лукьянову для представления ему докладной записки, оправдывающей его (цит. по: Скибина 2015: 49). Несколько позднее на страницах журнала «Освобождение», издававшегося в Штутгарте (Германия), была опубликована анонимная заметка (вполне возможно, составленная не без участия М.А. Рейснера), посвященная конфликту. В ней профессор был представлен жертвой «весьма сгущенной атмосферы» Томского университета, где ректор Судаков – «доносчик и провокатор», а студенты, «опекаемые всемогущей инспекцией», находятся в «совершенно невозможном положении». Все обвинения в адрес Рейснера представлены ложью и доношением. Кстати, из того же материала следует, что в Петербурге Рейснер обратился к директору департамента полиции А.А. Лопухину, «объяснение с которым получило характер дебатов о свободе науки, причем каждый из собеседников остался при своем мнении». Отмечалось и то, что «краткая, но весьма выразительная аудиенция у Лукьянова прошла весьма скандально» (События, 1903: 401, 403). Одним словом, поездка не принесла желаемых результатов.

28 апреля 1903 г. А.И. Судаков подал на имя попечителя Западно-Сибирского учебного округа мотивированное ходатайство об увольнении профессора Рейснера от занимаемой им должности, в котором нашлось немало причин для этого. Не последнее место среди них занимали «неуважение и вражда со стороны Рейснера к установленному в России законному порядку вещей».

Судаков, в частности, подчеркнул: «С нравственной точки зрения деятельность профессора Рейснера по некоторым ее проявлениям должна быть признана несовместимой со служебным долгом и не согласной с достоинством члена университетской корпорации». Пройдет всего 15 лет, и эта корпорация объявит о своем приветствии и признании Февральской революции. Но пока в защиту «старого порядка», о котором не самым лицеприятным образом посмел отозваться М.А. Рейснер в своих лекциях, бросались и нравственность, и закон, и литературная этика, и провинциальное негодование.

Мировоззренческая эволюция М.А. Рейснера подтолкнула его к «правильному» выбору. Пробыв недолго в Петербурге и, в конце концов подав заявление об увольнении, он уехал в Германию, откуда получил предложение от Н.К. Михайловского сотрудничать в журнале «Русское богатство». Здесь он обращается к изучению марксизма, сближается с руководителями германской социал-демократии А. Бебелем и К. Либкнехтом, вступает в переписку с В.И. Лениным. В конце 1905 г. он вновь возвращается в Россию, где в Нарве организует группу социал-демократов большевиков, затем вступает в РСДРП(б).

Корни этого «правильного» выбора уходят в томский период жизни и творчества профессора М.А. Рейснера. Тот мировоззренческий излом, который отметил его жизнь в этом отдаленном провинциальном университетском центре, стал одной из предпосылок конфликта, чьими соучастниками стали без преувеличений почти все жители «сибирских Афин».

В годы Первой мировой войны профессор, последовательно следуя своим политическим воззрениям, вместе с дочерью издавал журнал «Рудин», в котором пропагандировались антивоенные и социал-демократические взгляды. В январе 1914 г. и декабре 1916 г. он совершил поездки с лекциями по Сибири.

В некотором смысле рассмотренный конфликт как экстерналистский акт эхом отозвался на научной деятельности профессора. После 1917 г. он продолжил заниматься научным творчеством, развивая идеи пролетарского интуитивного права в виде «революционного правосознания», выступил одним из основателей Социалистической академии общественных наук. Октябрьская революция оправдала «символический отказ» Рейснера, который в 1902–1903 гг. стал истоком скандала в Императорском Томском университете.

5. Заключение

Исследованный конфликт, затронувший консервативное бытие старейшего сибирского университета, показывает, как психологическая трансформация отдельного члена корпоративного сообщества может пробудить десятки и сотни людей. Действия этого конфликта разворачивались в декорациях провинции, которая определила траектории его развития не меньше, чем одушевленные участники. На протяжении скандала вокруг фигуры профессора М.А. Рейснера, как мы убедились в ходе исследования, слухи и сплетни являлись сильными триггерами, определявшими его пути. Томск 1902–1903 гг. воплощал в себе модель «большой деревни», где ничего не скрыто и где каждый шаг сканируется в сознании обывателя. Отсюда вытекают и особенности исследованного противостояния, в котором никто не остался посторонним: студенты, профессорско-преподавательский состав местных вузов, попечитель, губернатор, министры, наконец, местные городские обыватели. Такова особенность провинциального города, ставшего пристанищем университетской культуры: в академическое конфликтное поле здесь включены все.

Любопытны в связи с этим размышления одного из его участников – М.И. Боголепова. В разгар «Рейснериады», как назвал все происходящее С. Чадов, он писал в местной газете: «Томская жизнь,

вероятно под влиянием морозов, притихла, сжалась. Одна только Дума, неинтересная и бедная, собирается и расходится, не задевая интересы обывателя. На таком сером фоне разыгрался конфликт, о котором так много говорят и будут еще долго говорить... Один студент из чужого университета говорил мне, что такие случаи немыслимы в других университетских городах» (Боголепов, 1903).

В заключение хотелось бы вспомнить о том, что в сентябре 1917 г. М.А. Рейснер, уволенный из Петроградского психо-неврологического института, обратился в Совет Томского университета с ходатайством об избрании его и.д. ординарного профессора. После обсуждения в совете юридического факультета, а затем на заседании совета университета его ходатайство было одобрено. В январе 1918 г. решение об избрании Рейснера было подтверждено отделом высших учебных заведений Наркомпроса РСФСР (ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 468. Л. 158, 160, 162, 169). Все же возвращение в университет в связи с политическими событиями в стране так и не состоялось. Отметим, что, памятуя о прошлом профессора в Томске, о его политической позиции, профессора медицинского факультета, традиционно в большинстве своем настроенные консервативно, высказались против его избрания. При Временном Сибирском правительстве было принято решение уволить профессора Рейснера как «не явившегося к месту служения в положенный законом срок» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 468. Л. 174).

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

Литература

Антощенко, 2012 – Антощенко А.В. Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде // Культура и интеллигенция России. Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций. Материалы VIII Всерос. науч. конф. с международным участием в рамках программы подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории (Омск, 16–18 октября 2012 г.). С. 31–33.

Баранец и др., 2012 – Баранец Н.Г., Вережкин А.Б., Л.Г. Савинова. О причинах научных конфликтов // Власть. 2012. № 4. С. 115–117.

Беляева, 2011 – Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 215–235.

Боголепов, 1903 – Боголепов М.И. Мелочи недели // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (далее – Сибирский вестник). Томск. 1903. 12 янв. № 9.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Гречищев, 2014 – Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.

Зарницын, 2014 – Зарницын Н. Дни юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 421–427.

Конфликты, 2013 – Конфликты в науке и философии / Под редакцией Н.Г. Баранец и Е.В. Кудряшовой. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2013. 254 с.

Логика, 1903 – Логика С. Чадова из «Сибирской жизни» // Сибирский вестник. 1903. 17 янв. № 13.

Малиновский, 2014 – Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.

Местная хроника, 1902 – Местная хроника // Сибирский вестник. 1902. 5 окт. № 214.

Новиков, 2013 – Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 18–31.

Приложение, 1903 – Приложение к журналу совета Императорского Томского университета 18 апреля 1903 г. за № 7 ст. 4 п.а. / Журналы заседаний совета Императорского Томского университета за 1903 г. // Известия Императорского Томского университета. 1909. Кн. 35. Томск, 1909. [12-ая пагин. С. 1–297].

Рейснер, 1902a – Первая лекция профессора М.А. Рейснера // Сибирский вестник. 1902. 10 окт. № 218.

Рейснер, 1902b – Рейснер М.А. Письмо в редакцию // Сибирская жизнь. Томск. 1902. 20 нояб. № 53.

Рейснер, 1902c – Рейснер М. Профессор-идеалист (Из лекции, сказанной на память П.С. Климентова 18 ноября 1902 г.) // Право. Еженедельная юридическая газета. СПб. 1902. 22 дек. № 52.

Рейснер, 1903a – Рейснер М.А. Письмо в редакцию // Сибирский вестник. 1903. 5 янв. № 4.

Рейснер, 1903b – Рейснер М. Письмо в редакцию // Сибирский вестник. 1903. 8 янв. № 5.

- Рейснер, 1917** – Рейснер М. Профессор Рейснер и Е. Колосов // *Утро Сибири*. Томск. 1917. 4 янв. № 3.
- Ростовцев, 2017** – Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
- Свешников, 2005** – Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // *Мир историка: историографический сборник* / Под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 228-258.
- Свешников, 2009** – Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*. № 96. 2009. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html> (дата обращения 17.04.2018).
- Скибина 2015** – Скибина О.А. Государственно-правовые взгляды М.А. Рейснера: дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2015. 222 л.
- События, 1903** – Томские университетские события // *Освобождение. Штутгарт*. 1903. № 22. С. 401-403.
- Степнов и др., 2018** – Степнов А.О., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Этика взаимоотношений в университетской корпорации г. Томска на примере конфликта на юридическом факультете Томского университета весной–летом 1917 г. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 180-191.
- Фоминых, 1996** – Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I. 1888–1917. Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1996. 288 с.
- Чадов, 1902** – Ч.С. Памяти проф. П.С. Климентова // *Сибирская жизнь*. 1902. 19 нояб. № 252.
- Чадов, 1903а** – Ч.С. Письмо в редакцию // *Сибирский вестник*. 1903. 8 янв. № 5.
- Чадов, 1903б** – Чадов С. Письмо в редакцию // *Сибирская жизнь*. 1903. 14 янв. № 16.
- Чадов, 1903с** – Чадов С. Где же правда? // *Сибирская жизнь*. 1903. 16 янв. № 12.
- Черказьянова, 2005** – Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет: сотрудничество и конфликты // *Вестник Томского государственного университета*. 2005. № 289 (декабрь): Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». С. 177-187.

References

- Antoshchenko, 2012** – Antoshchenko A.V. (2012). Universitetskij ustav 1863 g. i konflikty v professorskoj srede [University articles of association in 1863 and conflicts in the professorial environment] / *Kul'tura i intelligenciya Rossii. Lichnosti. Tvorchestvo. Intellektual'nye dialogi v ehpori politicheskikh modernizacij. Materialy VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii mezhdunarodnym uchastiemv ramkah programmy podgotovki k 300-letiyu Omskai prazdnovaniya yubilejnyh sobytij rossijskoj istorii* (Omsk, 16–18 oktyabrya 2012 g.). pp. 31–33. [in Russian]
- Baranec i dr., 2012** – Baranec N.G., Verevkin A.B., Savinova L.G. (2012). O prichinah nauchnyh konfliktov [On the causes of scientific conflicts]. *Vlast'*. № 4. pp. 115–117. [in Russian]
- Belyaeva, 2011** – Belyaeva O.M. (2011). Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grimm: konflikty v professorskoj srede [Academic community of St. Petersburg University during the period of rector E.D. Grimm: Conflicts in the Professorial Environment]. *Dialog so vremenem*. Vyp. 34. pp. 215–235. [in Russian]
- Bogolepov, 1903** – Bogolepov M.I. (1903). Melochi nedeli [Little things of the week]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. Tomsk. № 9. 12 yanv. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State Archives of the Tomsk Region]
- Grechishchev, 2014** – Grechishchev K.M. (2014). Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of students at Tomsk University (before 1900)] / *Imperatorskij Tomskij universitet v vospominaniyah sovremennikov*. Sost. S.F. Fominyh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskij i dr. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. pp. 368–406. [in Russian]
- Zarnicyn, 2014** – Zarnicyn N. (2014). Dni yunosti [Days of Youth] // *Imperatorskij Tomskij universitet v vospominaniyah sovremennikov* / sost. S.F. Fominyh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskij i dr. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta. pp. 421–427. [in Russian]
- Konflikty, 2013** – Konflikty v nauke i filosofii [Conflicts in science and philosophy] / Pod redakciej N.G. Baranec i E.V. Kudryashovoj. Ul'yanovsk: Izdatel' Kachalin Aleksandr Vasil'evich, 2013. 254 p. [in Russian]
- Logika, 1903** – Logika S. (1903). Chadova iz «Sibirskoj zhizni» [The logic of S. Chadov from the „Siberian Life”]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 17 yanv. № 13. [in Russian]
- Malinovskij, 2014** – Malinovskij I.A. (2014). Marusya i deti. Vospominaniya [Marusya and the children. Memories] / *Imperatorskij Tomskij universitet v vospominaniyah sovremennikov* / sost. S.F. Fominyh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskij i dr. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014. pp. 286–340. [in Russian]
- Mestnaya hronika, 1902** – Mestnaya hronika [Local Chronicle]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 1902. 5 okt. № 214. [in Russian]

- Novikov, 2013** – Novikov M.V., Perfilova T.B. (2013). Universitetskij ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya [University articles of association of 1863: limits of academic self-government]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. № 4. T. 1 (Gumanitarnye nauki). pp. 18–31. [in Russian]
- Prilozhenie, 1903** – Prilozhenie k zhurnalu Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta 18 aprelya 1903 g. za № 7 st. 4 p.a. [The supplement to the journal of the Council of the Imperial Tomsk University on April 18, 1903, under No. 7 Art. 4 p.a.] / Zhurnaly zasedanij soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1903 g. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 1909. Kn. 35. Tomsk, 1909. [12-aya pagin. pp. 1-297]. [in Russian]
- Reisner, 1902a** – Pervaya lekciya professora M.A. Reisnera [The first lecture of Professor M.A. Reisner]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 1902. 10 okt. № 218. [in Russian]
- Reisner, 1902b** – Reisner M.A. (1920). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 1902. 20 noyab. № 253. [in Russian]
- Reisner, 1902c** – Reisner M. (1902). Professor-idealist (Iz lekci, skazannoj na pamyat' P.S. Klimentova 18 noyabrya 1902 g.) [Professor-idealist (From a lecture, said on the memory of P.S. Klimentov November 18, 1902)]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. S. Petersburg. 22 dek. № 52. [in Russian]
- Reisner, 1903a** – Reisner M.A. (1903). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 5 yanv. № 4. [in Russian]
- Reisner, 1903b** – Reisner M. (1903). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 8 yanv. № 5. [in Russian]
- Reisner, 1917** – Reisner M. (1917). Professor Reisner i E. Kolosov [Professor Reisner and E. Kolosov]. *Utro Sibiri*. Tomsk. 4 yanv. № 3. [in Russian]
- Rostovcev, 2017** – Rostovcev E.A. (2017). Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Metropolitan University of the Russian Empire: the academic estate, society and power (second half of the XIX – early XX century)]. M.: ROSSPEHN. 903 p. [in Russian]
- Sveshnikov, 2005** – Sveshnikov A.V. (2005). «Vot vam istoriya nashej istorii». K probleme tipologii nauchnyh skandalov vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. ["Here is the history of our history". To the problem of the typology of scientific scandals of the second half of the XIX – early XX century] / Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / pod red. V.P. Korzun, G.K. Sadretdinova. Vyp. 1. Omsk: Izd-vo OmGU. pp. 228–258. [in Russian]
- Sveshnikov, 2009** – Sveshnikov A.V. (2009). Kak possorilsya Lev Platonovich s Ivanom Mihajlovichem (istoriya odnogo professorskogo konflikta) [How did Lev Platonovich quarrel with Ivan Mikhailovich (the history of a professor's conflict)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 96. 2009. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html> (data obrashcheniya 17.04.2018). [In Russian]
- Skibina, 2015** – Skibina O.A. (2015). Gosudarstvenno-pravovye vzglyady M.A. Rejsnera [State-legal views of M.A. Reisner]: dis. ... kand. jur. nauk. Belgorod. 222 p. [in Russian]
- Sobytiya, 1903** – Tomskie universitetskie sobytiya [Tomsk University Events]. *Osvobozhdenie*. 1903. № 22. pp. 401–403. [in Russian]
- Stepnov i dr., 2018** – Stepnov A.O., Nekrylov S.A., Fominyh S.F. (2018). Etika vzaimootnoshenij v universitetskoj korporacii g. Tomsk na primere konflikta na yuridicheskom fakul'tete Tomskogo universiteta vesnoj–letom 1917 g. [The ethic Of relationships in the University corporation of Tomsk: A case study of the conflict at the Faculty of Law of Tomsk University during the spring and summer of 1917]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 426. pp. 180–191. [in Russian]
- Fominyh, 1996** – Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskij slovar' [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vyp. I. 1888–1917. Otv. red. S.F. Fominyh. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta. 1996. 288 p. [in Russian]
- Chadov, 1902** – Chadov S. (1902). Pamyati prof. P.S. Klimentova [On the memory of P.S. Klimentov]. *Sibirskaya zhizn'*. 19 noyab. № 252. [in Russian]
- Chadov, 1903a** – Chadov S. (1903). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskij vestnik*. 8 yanv. № 5. [in Russian]
- Chadov, 1903b** – Chadov S. (1903). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskaya zhizn'*. 14 yanv. № 16. [in Russian]
- Chadov, 1903c** – Chadov S. (1903). Gde zhe pravda? [Where is the truth?]. *Sibirskaya zhizn'*. 16 yanv. № 12. [in Russian]
- Cherkaz'yanova, 2005** – Cherkaz'yanova I.V. (2005). Popechitel' uchebnogo okruga L.I. Lavrent'ev i Tomskij universitet: sotrudnichestvo i konflikty. [Trustee of the Educational District L.I. Lavrentiev and Tomsk University: Cooperation and Conflicts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 289 (dekabr'): Seriya «Istoriya. Kraevedenie. Etnologiya. Arheologiya». pp. 177–187. [in Russian]

**М.А. Рейснер и провинциальный аспект академических конфликтов
в сообществе Императорского Томского университета**

Сергей Федорович Фоминых ^{а, *}, Алексей Олегович Степнов ^а

^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах служебной переписки, периодической печати, источников личного происхождения исследуется конфликт, возникший в 1902–1903 гг. в Императорском Томском университете в связи с деятельностью профессора М.А. Рейснера. Концептуальная основа статьи выстроена вокруг специфики академических скандалов в провинциальной среде.

Подчеркивается, что базовой предпосылкой для возникновения конфликтной ситуации стала мировоззренческая трансформация М.А. Рейснера, в будущем одного из авторов первой советской конституции 1918 года. Воспоминания студентов и коллег профессора, архивные документы, речь Рейснера проливают свет на траекторию этой трансформации.

Две скандальные лекции, прочитанные Рейснером осенью 1902 г. и обнародованные в местной газете, стали началом конфликта. В его развитие было организовано корпоративное разбирательство, которое возглавил ректор А.И. Судаков. Развернулась газетная полемика между М.А. Рейснером и студентом-юристом С. Чадовым, обвиненным во лжи в связи с публикацией в местной газете отчета о лекции профессора, посвященной памяти профессора П.С. Климентова. Противоречивая позиция самого Рейснера, не желавшего идти на прямую конфронтацию с руководством университета и чиновниками, привела к ряду выговоров и в конечном итоге – предложению подать прошение об увольнении.

Делается вывод, что исследуемый конфликт проясняет вопрос о провинциальном аспекте академических скандалов. Развитие конфликтов в контексте «большой деревни» не приводит к их герметизации в пределах университетского дискурса, а, напротив, расширяет последний до широких коммунитарных масштабов, и потому участниками академического конфликта в провинции становятся все: студенты и профессора, чиновники и местные городские обыватели.

Ключевые слова: Томск, университет, конфликт, М.А. Рейснер, провинция.

* Корреспондирующий автор

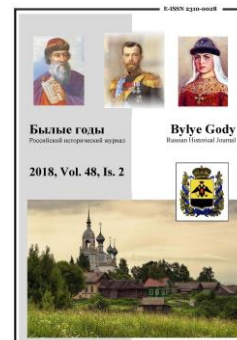
Адреса электронной почты: sergei.fominyh1940@mail.ru (С.Ф. Фоминых),
ASAOM@yandex.ru (А.О. Степнов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 817-827. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.817
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Settlers from Belarus early in the Yenisei Province: the Imperial Strategy and the Siberian Reality of the twentieth century

Anna P. Dvoretzkaya ^{a,*}, Mikhail D. Severyanov ^a, Lyudmila N. Slavina ^b, Svetlana V. Kukhta ^c

^a Siberian federal university, Institute for the Humanities, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Russian Federation

^c State archives of the Krasnoyarsk territory, Russian Federation

Abstract

The article is based on archival and published sources on a specific example of settlers of the early twentieth century. People from Belorussia are considering the mechanisms of formation of the permanent population of Siberia in the late imperial period. Migration was the basis of its voluntary, mainly peasant population, organized and encouraged by the state. It acquired a particularly mass character during the period of the Stolypin agrarian reform.

The forms inherent in migration, their characteristics, dynamics and geography of migrations are studied. The emphasis is on the social practices of settlers, their adaptation to new historical conditions. Models of relationships with old-timers are explored. Elements of adaptation to the landscape environment of the region. The structure of the economy of the settlers, its changes in comparison with Belarus is analyzed. These markers mark the preservation of ethnic identity as a language, elements of material culture.

The authors come to the following conclusions. The Russian empire was interested in moving significant Slavic contingents to the east of the country, since in that case it was possible not only to expand the internal borders of the empire, but also to maintain the stability of the state against the background of the unfolding social catastrophe. The "imperial situation" in Siberia was characterized by the inclusion of an ethnic component on the rights of self-government. At the same time, the empire did not aspire to universality at this stage of its existence: the Belarusians in the Yenisei province were included in the hierarchy of local ethnic groups with their own values and culture. It is also noted that in compact settlements of immigrants from Belarus consolidation and establishment of strong ties at the organizational level takes place, that is, an expat community is being formed.

Keywords: Siberia, Yenisei province, migrations of the beginning of the 20th century, immigrants from Belarus, adaptation.

1. Введение

Освоение восточных окраин России за счет переселения туда значительных групп населения, наделения их землей и помощи в адаптации на новом месте является одним из приоритетных направлений государственной политики России в настоящее время. Для успеха современных переселений необходим учет опыта реализации государственной стратегии формирования постоянного населения на востоке страны в конце XIX – начале XX вв.

Массовое переселение крестьян в Сибирь в тот период, по мнению большинства ученых, стало самым успешным мероприятием в многосложном процессе модернизации аграрной сферы страны, средством решения проблемы перенаселенности и крестьянского малоземелья в европейской части России. Если же переселенческое движение рассматривается в общеимперском контексте, оно оценивается и как альтернативный революции путь выхода страны из кризиса, инструмент борьбы с

* Corresponding author

E-mail addresses: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya)

социальной напряженностью и аграрными беспорядками в центре России, а также как единственная возможность практической реализации стремления государства к увеличению численности славянского населения на восточных окраинах.

2. Материалы и методы

Основным историческим материалом для исследования поставленных в данной работе проблем стали хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края делопроизводственные документы, итоги Всеобщей переписи населения 1897 г. и материалы дореволюционной статистики по переселению, описания переселенческих участков и населенных пунктов, периодика, воспоминания, опубликованные в краеведческой литературе.

В статье рассматривается имперская стратегия переселения в Сибирь выходцев из западных областей Российской империи, в частности из Белоруссии, а также процесс их приспособления к новым условиям жизни. Акцент делается на изучении практик, свойственных неевропейским регионам. Вслед за А. Рибером и А. Станциани прослеживаются такие особенности миграций в России, как активное участие государства в управлении ими; преимущественно крестьянский состав переселенцев при всем их многообразии; отсутствие границ между «собственно Россией» и ее имперскими окраинами, что затушевывало колониальную суть процесса переселения (Rieber, 2007: 265, 269, 272; Станциани, 2011: 35, 36).

В данной работе тезисы о «внутренней колонизации» и имперской парадигме развиваются на основе конкретно-исторического подхода, позволяющего рассмотреть принимающую модель местного сообщества в контексте социальной истории XX в. Теория и практика идеально-типологического моделирования в рамках историко-антропологического подхода дает возможность преодолеть традиционное фокусирование внимания на переселенческой политике правительства и перейти к изучению антропологических проблем переселения в регион, т. е. способов коллективных действий новоселов в ходе хозяйственного обустройства, форм их социокультурной адаптации, особенностей демографического состава и специфики хозяйствования, экономических показателей развития домохозяйств. Во главу угла ставится матрица установок в поведении людей, формирующаяся в контексте исторического опыта поколений и разных социальных слоев (Могильницкий, 2009: 18, 19, 21).

3. Обсуждение

Уже в начале XX в. обозначились две точки зрения на причины массового крестьянского переселения на Восток. Одни рассматривали его как часть колониационной политики империи, другие – как стремление уйти от малоземелья. Эти ученые (В. Розенберг, Н.Г. Простнев, А.А. Кауфман), относившиеся к либеральному направлению, были критично настроены к переселениям и видели их причины не в тяжелом экономическом положении крестьянства, а в архаичных способах ведения хозяйства и в естественном приросте населения (Крючек, 2016: 10).

Советская историография темы тоже давала переселениям чаще всего негативные оценки. В ряду этих работ нужно выделить те, в которых в рамках теории колонизации достаточно объективно оценивалось значение добровольных переселений для формирования постоянного населения Сибири (Покшишевский, 1951; Степнин, 1962).

Проблемы переселения широко представлены в современной историографии. Так, вопросы интеграции Сибири в Российскую империю и инкорпорации живших там и пришлых народов в единую систему рассматривают И.Л. и Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова. Они подчеркивают, что для достижения своей устойчивости империя стремилась изжить национальный сепаратизм и проводила «русификацию» окраинных территорий (Ремнев, Суворова, 2013; Дамешек, 2014).

Исследователи под руководством В.И. Дятлова проследили влияние этномиграционных процессов на формирование локальных сообществ в Сибири и на Дальнем Востоке, оценили воздействие миграций на эти сообщества, прежде всего на городские. Ими проанализированы процессы трансформации локального социального пространства за счет переселения и адаптации различных этносов, сделаны попытки сравнить ситуации на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков (Переселенческое общество, 2013).

Рассмотрены особенности демографического развития Западной Сибири, показано влияние на ее население социально-политических и экономических катаклизмов XX столетия (Демографическая история, 2017).

Особый вектор в исследованиях составляет анализ последствий столыпинских реформ для Сибири в части аграрного переселения. П.Ф. Никулин обратил внимание на учет реформаторами крестьянских интересов и ускорение экономического и социального развития российской деревни в предвоенный период (Никулин, 2012: 9). С.А. Сафронов (Сафронов, 2006) изучил различные аспекты столыпинской аграрной реформы в Восточной Сибири: переселение, землеустройство, развитие кооперативного движения, кредитно-финансовую систему, агрономическую помощь, влияние реформы на сельскохозяйственное производство.

Продолжают вызывать исследовательский интерес процессы адаптации переселенцев в Сибири, влияние природно-климатического фактора на их обустройство, отношения новоселов со

старожилами (Массовые переселения, 2010; Разгон и др., 2013; Фурсова, 2015). При этом остается актуальным изучение вклада в развитие восточных районов страны разных народов. Так, роль выходцев из Белоруссии в освоении Сибири, в основном Западной, становление специфических черт их культуры на новом месте отражены в трудах новосибирских и омских авторов (Очерки истории, 2001; Бережнова, 2009; Белорусы в Сибири, 2011). В Минске издана работа «Традиционная культура белорусов в Сибири» (Минск, 2013), где освещены исторические аспекты белорусско-сибирского взаимодействия. Но в ней тоже рассматривается Западная Сибирь, и почти нет данных о выходцах из Белоруссии в Енисейской губернии. Их жизнь на этой территории в XIX–XX вв. освещена в самом общем виде лишь в «Этноатласе Красноярского края» (Красноярск, 2008).

В целом, ученые признают переселенческое направление реформы верным, подтверждают его геополитическое и экономическое значение. Но считают большой ошибкой формирование аграрных поселений в северных районах Восточной Сибири, мало пригодных для сельскохозяйственной колонизации; как и использование части земель сибирских старожилов для образования столыпинского переселенческого фонда, что привело к ухудшению их жизни. Подчеркивается также, что механическая перекачка населения в Сибирь не смогла полностью разрешить аграрного кризиса в Европейской России.

Многие вопросы переселений в Сибирь до сих пор остаются нерешенными или дискуссионными. Среди них – включение иноэтнического фактора в общеимперское пространство в начале XX в. Признано, что государство стимулировало переселение с запада на восток для инкорпорирования Сибири в «имперское ядро» и стремилось сформировать здесь новый славянский суперэтнос из представителей русской, белорусской и украинской наций. Но многие стороны этого процесса, в том числе его механизм, еще не изучены.

4. Результаты

Население Приенисейской Сибири формировалось в ходе непрекращавшихся разновременных и разнонаправленных миграций. Крестьянская колонизация (освоение) Сибири выходцами из европейской России в последней трети XIX в. приняла массовый характер. Она определялась двумя категориями переселенцев: 1) земледельческим населением, переселяемым в Сибирь при помощи государственной власти (плановое переселение); 2) земледельческим населением, двигавшимся за Урал самостоятельно, без содействия государства (самовольное переселение). До начала XX в. «самовольцев» всегда было больше, чем плановых переселенцев, а переселенческие мероприятия государства никогда не успевали за движением масс. Картина изменилась в рассматриваемый период: доля «самовольцев» в 1896–1909 гг. снизилась до 47,5 %, а в 1910–1914 гг. – до 39,6 %. Значительным событием для новоселов стали ассигнования государства на переселение и направление его в нужное имперское русло (Северьянов, 2010: 121, 123).

В начале XX в. в результате строительства Транссиба и столыпинской аграрной реформы усилился миграционный поток из европейской части страны в Азиатскую Россию и в Енисейскую губернию в том числе. Ее доля в приеме новоселов поднялась с 1,4 % в 1891 г. до 16,3 % в 1903 г. В годы столыпинской реформы в Енисейскую губернию переселились еще 268 884 чел. По числу прибывших из Европейской России она вышла на второе место (после Томской губ.) среди районов приема переселенцев за Уралом и на первое – в Восточной Сибири. В основном благодаря мигрантам население губернии выросло с 570,2 тыс. чел. в 1897 г. до 1119,2 тыс. в 1914 г.

Если в пореформенное время немногочисленные переселенцы ассимилировались с местным населением, усваивали хозяйственно-бытовой уклад и культуру старожилов, то в период столыпинских реформ колонисты, во многом благодаря резко возросшей их численности, стали менее зависимыми от местного населения, дольше сохраняли привезенные с родины традиции и обычаи. Усилилось влияние новоселов и старожилов друг на друга (Шнейдер, 1928: 10; Сафронов, 2006: 189). К 1917 г. объем миграций еще вырос. Переселенцами были уже 64,8 % жителей Енисейской губ., притом, что в соседних регионах их было намного меньше. Общая же численность населения губернии достигла 1146 тыс. чел. (Красноярск, 1996: 181).

Кардинально изменились места выхода переселенцев. Согласно подсчетам В.В. Покшишевского, сделанным по итогам Всеобщей переписи населения 1897 г., 4/5 всех переселенцев в Сибирь дали четыре группы губерний. Из центрально-черноземной группы (Воронежской, Орловской, Тамбовской, Курской, Пензенской, Тульской, Рязанской губ.) прибыли 24 % переселенцев, из малороссийских губерний (Черниговской, Полтавской, Подольской, Волынской, Киевской) – столько же. 16 % являлись выходцами из западных, белорусских губерний (Могилевской, Минской, Витебской, Гродненской, Смоленской, Псковской), 14 % – из Новороссии. География переселений в Енисейскую губернию была несколько иной: из центрально-черноземных губерний прибыли 32,2 %, из малороссийских – 19,3 %, из новороссийских – 7,3 %, из западных – лишь 4,3 % (Покшишевский, 1951: 173, 174, 176).

В начале XX в. состав населения Енисейской губернии отличался широким национальным представительством (свыше 20 этносов) при преобладании русских. Количество выходцев из западных белорусских губерний составляло, по переписи 1897 г., 4479 чел. Их этнический состав был

тоже пестрым, лишь 10,2 % назвали родным белорусский язык. Наибольшее число переселенцев, как свидетельствует [таблица 1](#), прибыли из Витебской и Виленской губерний.

Таблица 1. Распределение переселенцев из Белоруссии в Енисейской губернии по полу и местам выхода, по переписи 1897 г. ([Первая всеобщая, 1904: 24, 25, 52](#)).

Число прибывших, чел.	Губернии выхода					
	Могилевская	Минская	Витебская	Виленская	Гродненская	Итого
Мужчины	531	536	919	746	479	3211
Женщины	238	208	446	249	127	1268
Оба пола	769	744	1365	995	606	4479

В начале XX в. число выходцев из западных губерний в составе населения Енисейской губернии резко возросло, что подтверждается данными [таблицы 2](#). При этом почти не изменилась география их выхода. Лишь Гродненская губерния практически перестала поставлять переселенцев.

Таблица 2. Распределение переселенческих хозяйств, прибывших из Белоруссии в Енисейскую губернию, по месту и времени выхода ([Памятная книжка, 1901: 138-145. Памятная книжка, 1905: 200-207; Памятная книжка, 1909: табл. 1-4](#))

Число хозяйств, прибывших	Губернии выхода					
	Могилевская	Минская	Витебская	Виленская	Гродненская	Итого
до 1901	439	271	323	91	203	1237
до 1903	468	223	359	84	65	1199
до 1907	1944	393	660	238	29	3264

В годы столыпинской реформы число мигрантов из западных губерний еще увеличилось. По итогам выборочного обследования ряда волостей Канского, Ачинского и Красноярского уездов в 1912 г. пять западных губерний в 1903 г. дали 37,2 % хозяйств переселенцев, а в 1906–1911 гг. – уже 48,7 %. Основная часть прибыла из трех губерний: Могилевской, Минской, Витебской ([Воробьев, 1975: 212; Степынин, 1962: 310](#)).

В предвоенный период преимущественными районами водворения новоселов были таежные Устьянская, Тинская, Агинская волости Канского уезда; Больше-Улуйская, Покровская волости Ачинского уезда; Вознесенская и Шалинская – Красноярского. Переселенцы приписывались к старожильческим селениям, к уже заселенным белорусами участкам или к вновь созданным ([Переселенческое движение, 1908: 30-33](#)). Прежде чем устроить свои хозяйства на таких таежных участках, они должны были уничтожить лесные заросли, осушать почву, на что отводились значительные денежные средства в виде правительственных ссуд. Так, в 1907 г. прибывшим в Енисейскую губернию переселенцам было выделено 16873 руб. путевых, 337734 руб. на домоустройство, 2123 руб. на общепольные надобности. Переселенцы, пробывшие в регионе более 3 лет, в 1907 г. получили денежную ссуду в размере 16612 руб. 30 коп. на продовольствие и посевы. В 1909 г. той же категории переселенцев было выдано в ссуду на подобные нужды 5350 четвертей хлеба ([Памятная книжка, 1909: 13, 97, 98](#)).

Результативность хозяйствования новоселов, их благосостояние, здоровье и в целом воспроизводство жизни на новом месте во многом зависели от быстроты их «вхождения» в новую социокультурную среду, установления профессионально-производственных связей в местном сообществе.

Царское правительство не поддерживало жизнедеятельности национальной общины, видя в ней причину дополнительного обособления на основании собственной этнолокальной идентичности (путем сохранения отдельных элементов культуры, образа жизни, специфики духовной сферы). Но оно было вынуждено признать ее роль в качестве интегратора определенной социальной общности (населения, диаспор, землячества) как фактора бесконфликтного существования на новой родине. Для этого, по мнению чиновников, требовалось, чтобы «переселенцы, устроившись на новых местах, жили вообще в несколько-нибудь удовлетворительной обстановке, имели возможность получать близкую и хорошую медицинскую помощь, учить по возможности всех детей в хороших школах,

удовлетворять свои религиозные нужды в полной мере потребностей. Нужно, чтобы губерния сделалась для них заботливой и доброй матерью» (ГАКК. Ф. 262. Оп. 2. Д. 38. Л. 4).

По мнению иркутских ученых, на окраинах Российской империи заинтересованность чиновников в устойчивом функционировании крестьянского общества резко возрастала. Экономические/фискальные интересы казны, собственно административные планы (компенсации вакуума власти на местах или административное присвоение нового пространства) и более обширные политические/имперские претензии выдвигали крестьянское общественное устройство в центр правительственных проектов (Переселенческое общество, 2013: 301). Поэтому можно согласиться с основанном на украинском материале выводом красноярского исследователя Л.А. Кутиловой о важности для государства развития самоуправления в таком отдаленном регионе, как Сибирь, большие пространства которой диктовали необходимость предоставления переселенцам некоторой хозяйственной, культурной и ментальной самостоятельности (Кутилова, 2016: 90).

Массовые миграции конца XIX – начала XX вв., изменившие этнический облик Сибири и приведшие к появлению крупных групп белорусского населения в Приенисейском регионе, завершались адаптационными процессами, имевшими разные результаты. Можно смоделировать три ситуации адаптации выходцев из западных областей, характерные для нескольких типов расселения. Первая – вытеснение старожильческой культурной традиции разнородной переселенческой культурой в селах, где новоселы многократно преобладали над старожилками. Такая ситуация могла приводить к переселению старожилков в другие районы, как было в селе Рубино Мариинского уезда Томской губернии (ныне – Тухтетский район Красноярского края). Там местные старожилы-староверы встретили многочисленных новоселов крайне недружелюбно, избегали общения с ними и в итоге продали дома и покинули этот населенный пункт (Аржаных, 2008: 16, 17).

Вторая ситуация – вытеснение враждебно настроенными старожилками новоселов на другие, более отдаленные территории. Это было в Ирбейской волости Канского уезда Енисейской губернии, где так появились переселенческие поселки Романовка, Рождественка, Букша (Из святого, 2001: 29).

Третья ситуация возникла, когда основу населения деревни составляли переселенцы – представители одного этноса. Благодаря этому возникала стабильность и создавались условия для сохранения и развития на новом месте культурных традиций региона выхода переселенцев (Белорусы в Сибири, 2011: 350, 351). Примером стремления создавать поселения из представителей одного этноса служит деревня Малиновка, образованная на переселенческом участке Стайный в Канском уезде Енисейской губернии. Первопоселенцы прибыли туда в 1899 г. Это были белорусы, выехавшие из разных деревень Бобруйского уезда Минской губернии, и выходцы из Лифляндской губернии. В последующие годы туда продолжали прибывать переселенцы из этих же губерний; но представители Лифляндской губернии стали переезжать со Стайного на переселенческий участок Болотный. В 1909 г. там образовалось сельское общество под названием Эстонское, затем деревня Эстония. Так, в Малиновке стало преобладать белорусское население, а в Эстонии – эстонское (Луговой, 2003: 232–238).

Подобная самоизоляция обуславливалась не только стремлением к этнической консолидации в условиях разрыва с исконным регионом проживания, но и настороженным отношением местных жителей к прибывшим. Необходимость адаптации к сложным природно-климатическим условиям и вхождения в новую социально-экономическую среду способствовала территориальному и социокультурному сплочению новоселов. На практике это выражалось в преимущественном заключении браков между жителями одной или соседних белорусских деревень, а нередко и между представителями одного рода, в совместных праздниках и торговле (Луговой, 2009: 13). В таких этнически однородных поселениях в течение жизни первого поколения переселенцев разговорным языком оставался белорусский, постепенно, однако, превратившийся в специфический русско-белорусский диалект.

Обособленность была характерна даже для переселенцев из разных губерний Белоруссии, являвшихся носителями отличных культурных традиций. Это проявлялось в расселении если не в разных поселках, то в противоположных частях их. Так, четко прослеживалось разделение на «могилевщину» и «витебщину», обусловленное, в том числе, и диалектными различиями (Фурсова, 2008: 237–240; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1210. Л. 14–15).

Важной составляющей процесса адаптации переселенцев стало приспособление к ландшафтной среде региона вселения. Выходцы из западных областей Российской империи вселялись чаще всего на участки лесостепные (преимущественно в Канском, Ачинском, Минусинском уездах) и лесные (преимущественно в Красноярском уезде), максимально приближавшиеся по природным условиям к ландшафту покинутого ими края. Они заселяли участки, преимущественно трудные и средне-трудные для разработки, но, как правило, обеспеченные дорогами и источниками воды (Список переселенческих, 1912).

Адаптация новоселов к новым природно-климатическим условиям включала в себя также познание географического пространства, освоение топонимической системы района вселения. По мнению В.Н. Курилова, в начале XX в. для переселенцев были возможны три стратегии поведения: во-первых, полное принятие топонимической системы региона освоения; во-вторых, создание новой топонимической системы с использованием средств языка мигрантов; в-третьих,

перенесение топонимии района выхода в район-реципиент (Курилов, 2002: 86). Ярким примером перенесенной топонимии можно считать название деревень Мишушка, Могилевка в Ирбейской волости, Минск в Еловской волости, Виленка в Балахтинской волости, Белорусская в Вознесенской волости, Витебка в Новоселовской волости, Малиновка (топоним возник сразу в нескольких волостях губернии) (Список переселенческих, 2012).

Сложившаяся система расселения прибывших из западных губерний, основанная на этнической компактности и изоляции от старожильского населения и от выходцев из великорусских и украинских губерний, во многом способствовала воспроизведению культурной среды, сохранению и трансляции отдельных элементов традиционной культуры той местности, из которой они прибывали. Это проявлялось в специфике домостроения, питания, орнаментации рукоделий, погребального и свадебного обрядов, праздничных циклов. Например, выделяются несколько основных черт белорусских поселений в Сибири: во-первых, их большая площадь по сравнению со старожильскими деревнями, во-вторых, специфическая планировка усадьбы.

Важным маркером сохранения этнического самосознания в инокультурных условиях являлась также система питания. Сибирские белорусы в целом сохранили привычный рацион, способы приготовления и названия блюд, что, однако, не исключило некоторых заимствований из пищевой культуры местных жителей. Основой питания белорусского населения в Сибири оставался картофель, что подтверждается увеличением площадей посадок этой культуры на переселенческих участках в Енисейской губернии, заселенных новоселами (ГАКК. Ф. 262. Оп. 2. Д. 7. Л. 5). Важное место в питании занимали также изделия из муки и круп. При этом овощная пища доминировала над мясной. Система питания, сложившаяся в местах выхода, вынуждала белорусских переселенцев выращивать несвойственные сибирскому региону культуры, например, фасоль, которая являлась практически повсеместно неотъемлемой частью их рациона (Луговой, 2009: 13).

Отличные от русского населения черты сохранялись и в одежде переселенцев. Так, в женском костюме отсутствовал сарафан, вместо него носили юбку из ткани в мелкую клетку и кофту. В мужском костюме была распространена длинная рубаха, носившаяся под пояс, в верхней одежде – куртушки. В орнаментации одежды и других изделий обнаруживались как специфические белорусские мотивы, так и мотивы, сходные с русскими, украинскими и местными сибирскими композициями. Нередко заимствовалась местная техника вышивания. В свадебно-семейном и погребальном обрядах сохранялись белорусские черты, но при сильном местном влиянии (Белорусы в Сибири, 2011: 50–66, 339; Аржаных, 2008: 19–22, 34).

Несмотря на трудности, большая часть белорусских крестьян успешно адаптировалась к новым условиям. Так, крестьянский начальник 1-го участка Ачинского уезда М.Д. Росновский в 1898 г. писал о белорусских переселенцах: «Особенную энергию в смысле своего устройства проявили шарловцы, которых я водворил в таежном участке и [...] не был уверен, что они не сбегут скоро отсюда. ... прибыв спустя месяц в этот же участок, нашел там более десяти почти совсем оконченных домов, загороженные и вспаханные огороды, две гатированные просеки к реке, лошадей, телеги своего производства (кроме колес) и др. [...]» (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1210. Л. 19).

Источники показывают, что адаптация вызвала изменения в структуре хозяйствования белорусских переселенцев. Они проявились в росте занятости охотой и собирательством, в увеличении посевов морозоустойчивых культур, в отказе от выпаса скота, выращивании кормовых трав. Но сохранился такой неотъемлемый элемент исходной модели их хозяйствования, как домашнее производство, а именно, ткачество и изготовление утвари из лыка и глины, бондарное дело (Бережнова, 2009: 36; Курильчик, 2008: 15).

Особое место в структуре сельскохозяйственной деятельности белорусов в Енисейской губернии занимало льноводство, являвшееся в тот период одной из важнейших отраслей экспорта из белорусского льноводческого района (Витебской и северной части Могилевской губернии). В условиях освоения переселенцами большого количества лесных массивов лен был достаточно эффективной культурой. Он подготавливал распаханый пласт к посеву озимых и приносил доход в первые же годы хозяйствования на новом месте.

В Енисейской губернии наибольший посев льна производился в Ачинском уезде на участках Избушечном, Троицком, Чемурде, в селе Новоселове Ново-Новоселовской волости Ачинского уезда, заселенной выходцами из Витебской, Виленской, Лифляндской и Курляндской губерний; на участках Ганина-Гарь, Междуреченском в Перовской волости; Колтояке в Больше-Улуйской волости; в Зачулымье – на участках Богатом, Окунево, Ладого, Митькине, Грязном; в Канском уезде – в селах Рыбинском и Уяре. При этом производство льна осуществлялось в промышленных масштабах. Как отмечал старший специалист по льноводству и льнообработке П. Соболев, «на хуторах, по преимуществу с промышленной целью, сосредотачиваются посеvy льна и в довольно значительных размерах, доходящих местами у отдельных домохозяев до 6–9 десятин» (Соболев, 1917: 3). Единых норм высева льна на десятину не было. К примеру, в белорусском селе Больше-Ильбинское Агинской волости Канского уезда высевалось по 1–2 пуда (ГАКК. Ф. 262. Оп. 2. Д. 7. Л. 5).

Определенную поддержку льноводческим хозяйствам оказывали агрономические станции. В 1913 г. в Енисейской губернии работал 361 опытный льноводческий участок. В целом же в начале XX в. белорусские переселенцы участвовали в создании крупных льноводческих районов в Канском, Ачинском

уездах Енисейской губернии (*Очерки истории, 2001: 84-99*). Нередко очаги льноводства возникали в основанных ими хуторских поселениях. По подсчетам В.А. Степынина, 220 из 300 хуторов Енисейской губернии были заселены в 1903–1911 гг. выходцами из белорусских губерний. 94,5 % из них прибыли из льноводческого центра – Витебской губернии (*Степынин, 1962: 358*).

Все обследованные в 1911 г. хуторские поселения Ачинского уезда были основаны переселенцами из Витебской и Лифляндской губерний (*Сборник статистических, 1913: таб. 1*). В этом прослеживалась прямая связь с преобладанием хуторских хозяйств в местах их выхода, в частности в Витебской губернии, в латышско-белорусских и литовско-белорусских этноконтактных зонах (*Шарухо, 2007: 119*).

5. Заключение

Итак, переселенческое движение с Запада на Восток России имело как геополитическое, так и экономическое значение для развития территории Сибири и включения ее в «имперское ядро». Вызванный преимущественно миграцией быстрый рост населения Сибири стал важнейшим экономическим и стратегическим фактором в ее дальнейшем развитии. Расширение имперского ядра происходило за счет включения переселенческого населения в единое управленческое пространство по образу и подобию общественного управления крестьян внутренних губерний.

Миграции из Белоруссии имели свои особенности. Традиционно считалось, что славянские народы, в том числе белорусы, перебираясь на новое место жительства в Сибирь, достаточно быстро теряли свою национальную идентичность и ассимилировались с русскими, и это отвечало одной из целей государства – создания единого славянского суперэтноса. Однако, как показывает проведенное исследование, стремление к компактному проживанию позволяло стабилизировать черты «инаковости», сохранять и транслировать в практически неизменном виде элементы традиционной культуры в земледелии, домостроении, питании, декоративно-прикладном искусстве, фольклоре. Во многом такая модель адаптации способствовала наиболее быстрому приспособлению к новым экономическим условиям и относительно безболезненному вхождению в сибирское общество.

При этом государство опиралось на органы местного крестьянского самоуправления для включения вновь прибывших в единое имперское пространство и позволяло новоселам консолидироваться вокруг национальной общины для прочного устройства и более быстрой адаптации на новом месте. Одним из самых важных условий адаптации стала добровольность переселений, а также помощь государства и местного самоуправления в обустройстве прибывших на новом месте.

В целом хозяйственно-культурная адаптация переселенцев определялась рядом факторов и проходила в непростых условиях, связанных с трудностями устройства на новом месте, недостатком материальных и финансовых средств, зачастую напряженными отношениями со старожилами. Препятствием для быстрой ассимиляции также стали различия в принципах хозяйствования. Многие хозяйственные приемы были перенесены на новую родину.

Литература

- Аржаных, 2008* – Аржаных О.П. Выплачусь памятью о родной земле. Красноярск: [б. и.], 2008. 194 с.
- Белорусы в Сибири, 2011* – Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. 423 с.
- Бережнова, 2009* – Бережнова М.Л. Первые шаги на новой родине: новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // *Известия АГУ*. 2009 № 4–3(64). С. 32–36.
- Воробьев, 1975* – Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1975. 258 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Дамешек, 2014* – Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2014. № 4 (16). С. 201–210.
- Демографическая история, 2017* – Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Новосибирск: [б.и.], 2017. 238 с.
- Из святого, 2001* – Из святого колодца памяти. Очерки истории Ирбейского района. Зеленогорск: Зеленогорская типография, 2001. 344 с.
- Красноярск, 1996* – Красноярск в дореволюционном прошлом. Красноярск: Рио-Пресс, 1996. 215 с.
- Крючек, 2016* – Крючек П.С. Переселенческие процессы из Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: историография проблемы // *Труды БГТУ*. 2016. № 5. С. 9–13.
- Курилов, 2002* – Курилов В.Н. Идеальное освоение пространства в процессе формирования русских старожилов Сибири (перенесенная топонимия) // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 82–105.

- Курильчик, 2008** – *Курильчик В.И.* Истоки Родины моей. Красноярск: Литера-Принт, 2008. 193 с.
- Кутилова, 2016** – *Кутилова Л.А.* Проблемы украинских переселений и этнокультурных трансформаций в украинской среде в Приенисейской Сибири в исследованиях красноярских историков во второй половине XX – начале XXI в. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2016. № 1 (39). С. 89-96.
- Луговой, 2003** – *Луговой Г.* Свет мой – Малиновка. Красноярск: Кларетианум, 2003. 238 с.
- Луговой, 2009** – *Луговой Г.* Свадьба в Малиновке // *Кредо.* 2009. 13–19 июля. С. 13.
- Массовые переселения, 2010** – Массовые аграрные переселения на Восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2010. 204, [1] с.
- Могильницкий, 2009** – *Могильницкий Б.Г.* Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // *Вестник ТГУ. История.* 2009. № 2 (6). С. 14-21.
- Никулин, 2012** – *Никулин П.Ф.* Основные направления и итоги Столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2012. № 1. С. 5-10.
- Очерки истории, 2001** – Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX веках. Новосибирск: НГУ, 2001. 240 с.
- Памятная книжка, 1901** – *Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1901 г.* Красноярск: Енис. губ. тип., 1901. 307 с.
- Памятная книжка, 1905** – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г.* Красноярск: Енис. губ. тип., 1905. 281 с.
- Памятная книжка, 1909** – *Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1909 г.* Красноярск: Енис. губ. тип., 1909. [2], XIII, [1], 116, 97, [1], 98, [20], 52, 58, [2] с.
- Первая всеобщая, 1904** – *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* [Вып.] 83: Енисейская губерния. СПб.: тип. кн. В.П. Мещерского, 1904. [4], X, 184 с.
- Переселенческое движение, 1908** – *Переселенческое движение в 1907 году* // *Вопросы колонизации.* 1908. № 3. С. 30-33.
- Переселенческое общество, 2013** – *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества.* Иркутск: «Оттиск», 2013. 624 с.
- Покшишевский, 1951** – *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск; Иркутск. обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.
- Разгон и др., 2013** – *Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А.* Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 348 с.
- Ремнев, Суворова, 2013** – *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
- Сафронов, 2006** – *Сафронов С.А.* Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906–1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний). Красноярск: КрасГУ, 2006. 751 с.
- Северьянов, 2010** – *Северьянов М.Д.* Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930). Кызыл: Тыв. гос. ун-т, 2010. 246 с.
- Сборник статистических, 1913** – *Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев Сибири.* Вып. 3. СПб.: [б. и.], 1913. 177 с.
- Соболев, 1917** – *Соболев П.* Льноводство в Енисейской губернии // *Сибирская деревня.* 1917. № 15. С. 2-6.
- Список переселенческих, 1912** – *Список переселенческих участков со свободными долями на 1912 г.* Красноярск: Енисейская губернская типография № 958, 1912. 211 с.
- Станциани, 2011** – *Станциани А.* Взаимное сравнение и история. Некоторые предложения, подсказанные изучением российского материала // *Ab impenio.* 2011. № 4. С. 35-56.
- Степынин, 1962** – *Степынин В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с.
- Фурсова, 2008** – *Фурсова Е.Ф.* Ценностные ориентации и ментальность белорусских переселенцев Сибири в рассказах очевидцев // *Пишем времена и случаи.* Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 237-240.
- Фурсова, 2015** – *Фурсова Е.Ф.* Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Западной Сибири: мультидисциплинарный подход // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2015. Т. 22. № 2. С. 100-104
- Шарухо, 2007** – *Шарухо И.Н.* Исторические типы расселения Беларуси: культурно-географические особенности // *Псковский регионологический журнал.* 2007. № 5. С. 115-132.
- Шнейдер, 1928** – *Шнейдер А.* Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. 22 с.
- Rieber, 2007** – *Rieber A.* Colonizing Eurasia / Peopling the Russian periphery: Borderland colonization in Eurasian history / Ed. by Breyfogle N., Schrader A., Sunderland W. N.Y.: Routledge, 2007. XVI, 288 p.

References

- Arzhanykh, 2008** – *Arzhanykh O.P.* (2008). Vyplachus' pamyat'yu o rodnoi zemle . [I will pay my memory for my native land]. Krasnoyarsk: [b. i.]. 194 p. [in Russian].
- Belorusy v Sibiri, 2011** – *Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsiya etnicheskoi kul'tury* [Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, 2011, 423 p. [in Russian].
- Berezhnova, 2009** – *Berezhnova M.L.* (2009). Pervye shagi na novoi rodine: novye modeli prirodopol'zovaniya belorusskikh pereselentsev v urmane [First Steps in the New Homeland: New Models of Nature Use of Belarusian Migrants in Urman]. *Proceedings of the ASU*. № 4–3 (64), pp. 32–36. [in Russian].
- Vorob'ev, 1975** – *Vorob'ev V.V.* (1975). Formirovanie naseleniya Vostochnoi Sibiri [Formation of the population of Eastern Siberia] Novosibirsk: Science, Siberian Branch. 258 p. [in Russian].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of the Krasnoyarsk Territory].
- Dameshek, 2014** – *Dameshek I.L., Dameshek L.M.* (2014). Aziatskaya Rossiya v imperskikh ustremleniyakh osobykh komitetov imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Asian Russia in the imperial aspirations of special committees of the empire in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. №. 4 (16), pp. 201–210 [in Russian].
- Demograficheskaya istoriya, 2017** – *Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX vv.)* [Demographic history of Western Siberia (late XIX–XX centuries)]. Novosibirsk: [b.i.], 2017, 238 p. [in Russian].
- Iz svyatogo, 2001** – *Iz svyatogo kolodtsa pamyati. Ocherki istorii Irbeiskogo raiona.* [From the holy well of memory. Essays on the history of the Irbeysky district]. Zelenogorsk: Zelenogorsk printing house, 2001, 344 p. [in Russian].
- Krasnoyarsk, 1996** – *Krasnoyarsk v dorevolutsionnom proshlom* [Krasnoyarsk in the pre-revolutionary past]. Krasnoyarsk: Rio Press, 1996, 215 p. [in Russian].
- Kryuchek, 2016** – *Kryuchek P.S.* (2016). Pereselencheskie protsessy iz Belarusi vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: istoriografiya problemy [Resettlement processes from Belarus in the second half of the XIX – early XX century: the historiography of the problem]. *Proceedings of BSTU*, № 5, pp. 9–13.
- Kurilov, 2002** – *Kurilov V.N.* (2002). Ideal'noe osvoenie prostranstva v protsesse formirovaniya russkikh starozhilov Sibiri (perenesennaya toponimiya) [Ideal development of space in the process of formation of Russian old-timers of Siberia (transferred toponymy)] // *Russian old residents and immigrants of Siberia in historical and ethnographic studie*, Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS, pp. 82–105 [in Russian].
- Kuril'chik, 2008** – *Kuril'chik V.I.* (2008). Istoki Rodiny moei [The origins of my homeland]. Krasnoyarsk: Liter-Print. 193 p. [in Russian].
- Kutilova, 2016** – *Kutilova L.A.* (2016). Problemy ukrainskikh pereselenii i etnokul'turnykh transformatsii v ukrainskoi srede v Prieniseiskoi Sibiri v issledovaniyakh krasnoyarskikh istorikov vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. [The problems of Ukrainian resettlement and ethno-cultural transformations in the Ukrainian environment in Prieniseyskaya Siberia in the studies of Krasnoyarsk historians in the second half of the XX – beginning of the XXI century]. *Bulletin of Tomsk State University. History*, № 1 (39), pp. 89–96 [in Russian].
- Lugovoi, 2003** – *Lugovoi G.* (2003). Svet moi – Malinovka [My Light – Malinovka]. Krasnoyarsk: Claretianum. 238 p. [in Russian].
- Lugovoi, 2009** – *Lugovoi G.* (2009). Svad'ba v Malinovke [Wedding in Malinovka]. *Credo*. July 13–19, p. 13. [in Russian].
- Massovye pereseleniya, 2010** – *Massovye agarnye pereseleniya na Vostok Rossii (konets XIX – seredina XX v.)*. Mass agrarian migrations to the East of Russia (late XIX – mid-20th century). Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2010, 204, [1] p. [in Russian].
- Mogil'nitskii, 2009** – *Mogil'nitskii B.G.* (2009). Makro- i mikropodkhody v istoricheskom issledovanii (istoriograficheskii rakurs) [Macro- and micro approaches in historical research (historiographic perspective)]. *Bulletin of TSU. History*. № 2 (6), pp. 14–21 [in Russian].
- Nikulin, 2012** – *Nikulin P.F.* (2012). Osnovnye napravleniya i itogi Stolypinskoi agrarnoi reformy (1906–1916 gg.) The main directions and results of Stolypin agrarian reform (1906–1916). *Bulletin of Tomsk State University. History*. № 1, pp. 5–10 [in Russian].
- Ocherki istorii, 2001** – *Ocherki istorii belorusov v Sibiri v XIX – XX vekakh* [Essays on the history of Byelorussians in Siberia in the XIX – XX centuries]. Novosibirsk: NSU, 2001, 240 p. [in Russian].
- Pamyatnaya knizhka, 1901** – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii s adres-kalendarem na 1901 g.* [Memorial book of the Yenisei province with address-calendar for 1901]. Krasnoyarsk: Enis. lips. type, 1901, 307 p. [in Russian].
- Pamyatnaya knizhka, 1905** – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1905 g.* [Memorial book of the Yenisei province for 1905]. Krasnoyarsk: Enis. lips. type, 1905, 281 p. [in Russian].

Pamyatnaya knizhka, 1909 – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii s adres-kalendarem na 1909 g. [Memorial book of the Yenisei province with a calendar address for 1909]. Krasnoyarsk: Enis. lips. type, 1909, [2], XIII, [1], 116, 97, [1], 98, [20], 52, 58, [2] p. [in Russian].

Pervaya vseobshchaya, 1904 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. [The first general census of the Russian Empire, 1897], [Iss.] 83: The Yenisei province. [St. Petersburg: type. book. VP Meshchersky], 1904. [4], X, 184 p. [in Russian].

Pereselencheskoe dvizhenie, 1908 – Pereselencheskoe dvizhenie v 1907 godu [The resettlement movement in 1907] // *Questions of colonization*, 1908, № 3, pp. 30–33 [in Russian].

Pereselencheskoe obshchestvo, 2013 – Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva [The Resettlement Society of Asian Russia: migration, space, society]. Irkutsk: "The print", 2013, 624 p. [in Russian].

Pokshishevskii, 1951 – *Pokshishevskii V.V.* (1951). Zaselenie Sibiri (Istoriko-geograficheskie ocherki) [Settlement of Siberia (Historical and geographical essays)]. Irkutsk; Irkutsk. reg. state. izd-vo. 208 p. [in Russian].

Razgon i dr., 2013 – *Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A.* (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation. Barnaul: The ABC, 348 p. [in Russian].

Remnev, Suvorova, 2013 – *Remnev A.V., Suvorova N.G.* (2013). Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsensarii vtoroi poloviny XIX [Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the XIX – early XX century]. Omsk: Publishing House "Nauka". 248 p. [in Russian].

Safronov, 2006 – *Safronov S.A.* (2006). Stolypinskaya agrarnaya reforma i ee vliyanie na khozyaistvennoe razvitie Vostochnoi Sibiri v 1906–1917 gg. (na materialakh Eniseiskoi i Irkutskoi gubernii) [Stolypin's agrarian reform and its influence on the economic development of Eastern Siberia in 1906–1917. (on the materials of the Yenisei and Irkutsk provinces)]. Krasnoyarsk: KrasGU. 751 p. [in Russian].

Sever'yanov, 2010 – *Sever'yanov M.D.* (2010). Sibirskaya dokolkhoznaya derevnya: zemlepol'zovanie, zemleustroistvo i pereselenie (1861–1930) [Siberian pre-kolkhoz village: land use, land management and resettlement (1861–1930)]. Kyzyl: Tyv. state. Univ. 246 p. [in Russian].

Sbornik statisticheskikh, 1913 – Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev Sibiri [Collection of statistical information on the economic situation of immigrants in Siberia]. Rel. 3. St. Petersburg: [b. and.], 1913, 177 p. [in Russian].

Sobolev, 1917 – *Sobolev P.* (1917). L'novodstvo v Eniseiskoi gubernii [Flax breeding in the Yenisei province]. *Siberian village*. № 15, pp. 2–6. [in Russian].

Spisok pereselencheskikh, 1912 – Spisok pereselencheskikh uchastkov so svobodnymi dolyami na 1912 g. [List of resettlement plots with free shares for 1912]. Krasnoyarsk: Yenisei province printing house №. 958, 1912, 211 p. [in Russian].

Stantsiani, 2011 – *Stantsiani A.* (2011). Vzaimnoe sravnenie i istoriya. Nekotorye predlozheniya, podskazannye izucheniem rossiiskogo materiala [Mutual comparison and history. Some suggestions suggested by the study of the Russian material]. *Ab imperio*. № 4, pp. 35–56. [in Russian].

Stepynin, 1962 – *Stepynin V.A.* (1962). Kolonizatsiya Eniseiskoi gubernii v epokhu kapitalizma [Colonization of the Yenisei province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk. 561 p. [in Russian].

Fursova, 2008 – *Fursova E.F.* (2008). Tsennostnye orientatsii i mental'nost' belorusskikh pereselentsev Sibiri v rasskazakh ochevidtsev [Value orientations and mentality of the Belarusian immigrants of Siberia in the stories of eyewitnesses] / *We write times and cases*. pp. 237–240 [in Russian].

Fursova, 2015 – *Fursova E.F.* (2015). Problemy tipologii etnograficheskikh, konfessioanl'nykh, lokal'nykh grupp slavyanskikh pereselentsev Zapadnoi Sibiri: mul'tidistsiplinarnyi podkhod [The problems of the typology of ethnographic, confessional, local groups of Slavic settlers in Western Siberia: a multidisciplinary approach]. *Humanities in Siberia*. vol. 22, pp. 100–104 [in Russian].

Sharukho, 2007 – *Sharukho I.N.* (2007). Istoricheskie tipy rasseleniya Belarusi: kul'turno-geograficheskie osobennosti [Historical types of settlement of Belarus: cultural-geographical features]. *Pskov regionological magazine*. № 5, pp. 115–132 [in Russian].

Shneider, 1928 – *Shneider A.* (1928). Naselenie Prieniseiskogo kraja [Population of the Prieniseysky krai]. Krasnoyarsk. 22 p. [in Russian].

Rieber, 2007 – *Rieber A.* (2007). Colonizing Eurasia. Peopling the Russian periphery: Borderland colonization in Eurasian history. N.Y.: Routledge. XVI, 288 p.

**Переселенцы из Белоруссии в Енисейской губернии:
имперская стратегия и сибирская реальность начала XX в.**

Анна Павловна Дворецкая ^{a, *}, Михаил Дмитриевич Северьянов ^a, Людмила Николаевна Славина ^b,
Светлана Васильевна Кухта ^c

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация

^c Государственный архив Красноярского края, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных источников на конкретном примере переселенцев начала XX в. – выходцев из Белоруссии – рассматриваются процессы формирования постоянного населения Сибири в позднеимперский период. Миграция, преимущественно крестьянского населения, являясь в основе своей добровольной, была организованной и поощряемой государством. Она приобрела массовый характер в период проведения Столыпинской аграрной реформы.

Изучаются формы, присущие переселению, их характеристики, динамика и география миграций. Акцент делается на социальных практиках переселенцев, их адаптации к новым историческим условиям. Исследуются модели взаимоотношений со старожилами, элементы приспособления к природной среде региона. Анализируется структура хозяйства переселенцев, ее изменение по сравнению с Белоруссией. Выделяются такие маркеры сохранения этнического самосознания, как язык, элементы материальной культуры.

Авторы приходят к следующим выводам: Российская империя была заинтересована в перемещении значительных славянских контингентов на восток страны, так как в таком случае было можно не только расширить внутренние границы империи, но и сохранить устойчивость государства на фоне нарастающей социальной катастрофы. «Имперская ситуация» в Сибири характеризовалась включением иноэтнического компонента на правах самоуправления. При этом империя на данном этапе существования не стремилась к универсальности: белорусы в Енисейской губернии включались в иерархию местных этносов со своей системой ценностей и культурой. Также обращается внимание, что в компактных поселениях выходцев из Белоруссии шла консолидация, устанавливались прочные связи на организационном уровне, то есть происходило формирование диаспорального сообщества.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, миграции начала XX в., переселенцы из Белоруссии, адаптация.

* Корреспондирующий автор

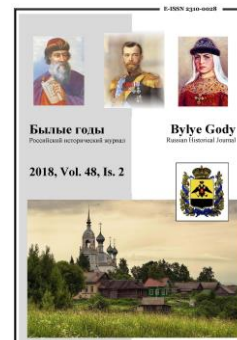
Адреса электронной почты: advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 828-838. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.828
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province)

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai Novosel'tsev ^a, Oleg I. Savin ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of vocational rehabilitation of the First World War invalids. The research subject is the action of the Russian Orthodox Church representatives, involved in the process of employment of disabled people who returned from the front for permanent residence in the Tomsk province. In 1915-1916 the church courses of psalmists for disabled people were opened. Using unpublished documents from the state archives of the Altai and the Tomsk regions, the attempts of local priests to involve the war disabled Siberians in labour activity as church employees were analyzed. The status of war invalids in society was viewed through the lens of capacity to work, however, not all disabled people were ready to take the opportunity to return to work. Based on the anthropological approach to historical research, the authors examine the biographies of disabled residents of Tomsk villages aged between 25 and 40 years old and identifies among the disabled people, who were offered the opportunity of training in psalm-studying courses and further employment, several groups depending on the desire and need for rehabilitation, level of education, degree of disability, age and other characteristics. Based on the results of the analysis, the authors conclude: by involving the church as a partner in the field of policy regarding the disabled population, the state attempted to lift invalids from the state of permanent disability, to turn a disabled veteran into an active member of society. However, many disabled people preferred dependent attitude.

Keywords: war invalids, psalmists' courses, disability, professional education, Russian Orthodox Church, vocational rehabilitation.

1. Введение

Долгое время в отношении как нетрудоспособного населения в целом, так и инвалидов войны в частности, в российском обществе господствовала христианско-филантропическая модель социальной помощи. В ее основе было стремление обеспечить инвалидам войны светское призвание, организационной формой которого выступали приюты, богадельни и прочие учреждения, в стенах которых лишившимся трудоспособности лицам оказывали элементарную помощь, которая состояла в своевременном предоставлении жилища и пропитания не способным к самообслуживанию инвалидам.

Подобное патерналистское отношение к «убогим» согражданам было возможно до тех пор, пока в пореформенной России с началом становления капиталистических отношений не стали формироваться новые стандарты профессиональной пригодности. Трудовая карьера человека рассматривалась как пожизненная и заканчивалась только с наступлением нетрудоспособности, прекратив работу по причине инвалидности, человек становился «бесполезным» для зарождающегося индустриального общества. Если прежде обмен функциями между поколениями в рамках семьи составлял важнейшие условия выживания инвалидов в обществе, то с началом

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin)

индустриального развития и миграции из деревни в города происходит распад «семейной» модели социальной помощи.

Кроме того, помощь инвалидам в богадельне была возможна, поскольку они воспринимались как относительное меньшинство, «доживающее» свой век, и численность инвалидов была относительно низкой. Однако одним из последствий глобального вооруженного конфликта в 1914–1918 гг. стало резкое увеличение численности нетрудоспособного населения, основную массу которого составляли мужчины. Вчерашние кормильцы, которые были способны обеспечить свою семью, теперь превращались в огромную армию иждивенцев, в связи с чем перед обществом и государством возникла проблема профессионально-трудовой реабилитации инвалидов и возвращения к повседневной трудовой деятельности.

Термин «реабилитация» означает процесс, который направлен на то, чтобы помочь инвалиду достигнуть оптимального уровня в своей повседневной деятельности и поддерживать его, чтобы расширить рамки самостоятельной, независимой жизни. В связи с этим особо пристальное внимание следует уделять вопросам, связанным с восстановлением трудоспособности, обеспечением надлежащего профессионального обучения и трудоустройства, поскольку чаще всего физические ограничения, появляющиеся у человека с инвалидностью, являются причиной того, что он исключается из общества.

Реабилитационные мероприятия должны учитывать возможности инвалидов, быть целесообразными и достаточными для того, чтобы инвалид мог перейти или вернуться к привычному для большинства граждан образу жизни, позволяющему ему оставаться самостоятельной, экономически независимой единицей.

Профессионально-трудовая реабилитация должна быть противопоставлена традиционному подходу, ориентированному на оказание долгосрочной материальной поддержки лиц с инвалидностью. С точки зрения экономической целесообразности финансовая поддержка должна оказываться только до тех пор, пока инвалид стремится найти работу, после чего денежные выплаты следует прекратить и снять инвалида, способного к труду, «с шеи» государства. Но и с социальной точки зрения постоянная материальная помощь инвалиду ставит его в постоянно зависимое положение от государства, вынужденно формирует у него иждивенческую позицию, со временем трансформирующуюся в претенциозное убеждение, что общество и государство «должно» инвалиду.

Подробный анализ имеющейся научной литературы, а также архивных материалов, часть которых будет представлена в этой статье, позволяет утверждать, что в годы Первой мировой войны российское государство предпринимало первые попытки сформировать на региональном уровне некую реабилитационную модель социальной помощи инвалидам войны, в рамках которой активно действовали как государственные, так и общественные организации, в том числе Русская православная церковь, готовые оказать посильную помощь в сохранении трудовой активности.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе документов государственных архивов Алтайского края и Томской области. Методологическую основу исследования составили принципы антропологически ориентированного подхода к истории, который позволил подойти ближе к пониманию социального поведения инвалидов войны. Для него характерным является перенос акцента в исследовании на изучение, описание значимых жизненных событий и стратегий поведения индивидов. Также анализируются материальное благополучие, физическое и психическое здоровье инвалидов войны, их личные характеристики, стереотипы мышления, социальные контакты и взаимоотношения, повседневные занятия на основе отдельных случаев и конкретных жизненных обстоятельств ([Dulmen, 1993](#)).

Кроме того, в исследовании были использованы историко-сравнительный, историко-генетический, проблемно-хронологический методы, позволившие проанализировать реабилитационные меры в отношении инвалидов Первой мировой войны в определенных культурно-исторических условиях в их взаимосвязи и взаимообусловленности на фоне социально-экономических процессов, происходивших в стране, выявить соотношение объективных и субъективных, личностных факторов в этом процессе, а также определить общегосударственные и региональные черты социальной помощи в трудовой реабилитации.

3. Обсуждение

В российской исторической науке тема восстановления трудовых способностей лиц с инвалидностью в последнее время стала одной из самых популярных. Так, особенности благотворительной помощи в области призрения военных инвалидов отражены в исследовании П.П. Щербинина ([Щербинин, 2005](#)). А. Зумпф рассматривает перспективы трудоустройства в контексте экспертизы в России во время Первой мировой войны ([Зумпф, 2014](#)). Е.В. Степочкина анализирует организацию медицинской помощи инвалидам во время Первой мировой войны с точки зрения социальной реабилитации ([Степочкина, 2014](#)).

В сибирской историографии проблемы военной повседневности сибирского тыла, в которую все более глубоко вращались инвалиды войны, представлены в монографии М.В. Шиловского «Первая

мировая война 1914–1918 годов и Сибирь» (Шиловский, 2015). Т.А. Катциной проведен общий обзор основных тенденций и специфики социальной помощи инвалидам войны в 1914–1921 гг. в Сибири (Катцина, 2017). И.А. Еремин анализирует деятельность министерств путей сообщения, народного просвещения, торговли и промышленности, в учреждениях которых можно было найти возможности в деле трудоустройства и реабилитации инвалидов Первой мировой войны (Еремин, 2016). Он также упоминает, что православное духовенство не осталось в стороне от оказания помощи раненым и больным воинам, но ограничивается вопросами организации медицинского ухода за солдатами в домах инвалидов.

Фрагментарно отдельные направления профессиональной реабилитации инвалидов войны в Сибири в дореволюционный период были затронуты А.С. Ковалевым, однако они рассматриваются в большей степени как предпосылки становления советской практики социальной помощи инвалидам (Ковалев, 2011).

В зарубежной историографии проблема профессионально-трудовой реабилитации лиц с инвалидностью и роль Русской православной церкви также освещается крайне скудно. Тем не менее можно выделить работу Дж. В. Браун (Brown, 1989), которая рассматривает общественную помощь в Императорской России лицам с ментальной инвалидностью и делает заключение о том, что Русская православная церковь была единственным субъектом организованной помощи, хотя в большинстве случаев механизмы этой помощи носят неофициальный характер. При этом американский историк утверждает, что эта помощь ограничивалась только предоставлением убежища (помещением в богадельне), на основании чего делает вывод о том, что дореволюционная Россия в этом отношении ничем не отличается от западных стран. Но в то же время Дж. Браун отмечает, что в начале XX в. в Российской империи явно прослеживается стремление общества и государства отказаться от мер изоляции в пользу новых форм помощи. Д.Х. Кайзер (Kaiser, 1998) в своей работе, посвященной предпосылкам становления общественного призрения в России, сформировавшимся в XVIII в., отмечает, что инвалиды не были частью неимущего населения, поскольку проживали в семьях, поддерживаемых местными церковными общинами. В статье С.Д. Филлипс (Phillips, 2009), кратко описывается состояние проблемы инвалидности и образа жизни нетрудоспособных в досоветское время. Показывая догосударственный опыт социальной помощи инвалидам, она обращает внимание на то, что до революции инвалиды добивались благотворительности в православных церквях и монастырях и вокруг них, а также были интегрированы в свои общины.

В целом работы, посвященные проблеме профессионально-трудовой реабилитации, отражают деятельность государственных ведомств. Авторы справедливо пишут о том, что в годы войны произошло осознание того, что дело помощи увечным воинам не должно носить характер факультативной благотворительности, а быть задачей государственной, требующей для своего осуществления ответственного органа на местах, «для которого призрение увечных воинов являлось бы не правом, а обязанностью» (Катцина, 2017: 111).

Союзником государственных органов должны были стать общественные организации, однако сами благотворители отмечали, что за время войны ими было сделано слишком мало. В то же время роль Русской православной церкви в процессе восстановления трудоспособности инвалидов Первой мировой войны в исторической литературе и вовсе осталась не освещенной. Настоящая статья направлена на то, чтобы восполнить этот пробел отечественной историографии благотворительности.

4. Результаты

Первая мировая война в социальном отношении стала настоящим испытанием для российского общества. Масштабные военные действия и миллионы вовлеченных в глобальный вооруженный конфликт граждан привели к тому, что частью повседневности военного времени стало появление большого числа раненых солдат, становившихся инвалидами. Именно в годы Первой мировой войны само обозначение «инвалид» прочно входит в лексику русского общества. Именно тогда на патриотической волне в особую категорию попадают те, кто получил увечье на фронте («военные инвалиды»). Из примерно 1 млн призванных в армию сибиряков было уволено со службы по инвалидности 349 тыс. чел. По статистическим данным, в сентябре 1915 г. только тех, кто лишился конечностей, насчитывалось около 25 000 (Шиловский, 2015: 153).

Социальный статус инвалидов войны виделся сквозь призму работоспособности. Им платили пенсию (пособие) в соответствии со степенью утраты трудоспособности, но рассматривали для них возможность трудиться. Именно здесь зарождается «особое» отношение к инвалидам, когда государство начинает рассматривать увечного человека с позиции его «полезности» для общества, возможности «выжать» из него остатки работоспособности. В то же время это были первые попытки создать механизмы профессионально-трудовой реабилитации инвалидов.

Е.В. Степочкина приводит классификацию инвалидов войны по степени увечности, позволявшей им заниматься тем или иным видом деятельности, принятую на одном из заседаний Съезда по организации помощи инвалидам в 1916 г. Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам:

– для обучения столярным и слесарным работам требовалось наличие обеих рук, одной ноги и одного глаза, допускалось отсутствие не более двух пальцев на левой руке;

– для ремонта сельскохозяйственных машин, часового и жестяницкого дела необходимо было наличие обеих рук и ног, допускалось отсутствие одного глаза и двух пальцев (мизинца и безымянного) на обеих руках;

– для кузнечного дела требовались обе руки, одна нога и один глаз, могло не хватать одного пальца на левой руке;

– до малярного ремесла допускали инвалидов с одной рукой и одним глазом при наличии обеих ног, с отсутствием слуха;

– для зубной техники достаточно было одной руки и одного глаза, при отсутствии ног и слуха;

– для переплетных работ необходимо иметь обе руки со всеми пальцами и один глаз (Степочкина, 2014: 287).

Первые меры, направленные на профессионально-трудовую реабилитацию инвалидов войны, относятся к 1915 г., когда Военное министерство выступило с предложением предоставить уволенным со службы «за ранами, увечьями, болезнями» нижним воинским чинам возможность добывать себе «средства к свободному существованию собственным трудом». Так, в учреждениях самого военного ведомства все низшие должности, «замещаемые обычно по вольному найму, предоставлялись впредь исключительно лицам указанной категории» (Ковалев, 2011: 282).

Следующей мерой стало открытие для раненых военнослужащих краткосрочных курсов по различным отраслям прикладных знаний, дабы «открыть для инвалидов доступ к замещению более ответственных должностей, требующих физического труда частично». Это были курсы по подготовке волостных писарей, счетоводов, железнодорожных техников, чертежников, дезинфекторов, специалистов по плодоводству, инструкторов по кустарной промышленности. Местным сословно-представительским органам также предписывалось выяснить, какие школы, курсы и мастерские и в каком числе необходимо организовать в той или иной местности, «чтобы предоставить увечным воинам возможность использовать остаток своих сил с наибольшей пользой для страны» (Ковалев, 2011: 283).

Особая роль в переобучении инвалидов принадлежала Министерству земледелия. Оно также наметило организацию курсов по разным отраслям сельского хозяйства: счетоводов, конторщиков, скотников, маслоделов, садовников, огородников, монтеров, машинистов и т.п. При этом для каждого вида курсов Министерством земледелия были разработаны соответствующие учебные планы. Всего в стране в 1916 г. было учреждено около 300 подобных курсов (примерно по 5 курсов на губернию), рассчитанных на 15 750 слушателей (Ковалев, 2011: 284-285).

На местах процессы профессионального обучения и переобучения с дальнейшим трудоустройством, конечно же, шли более медленно. Тем не менее в крупных губернских городах и государственные, и общественные деятели осознавали свою ответственность за возвращавшихся с фронта инвалидов войны. Так, I съезд представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям, проходивший в Красноярске 15–17 июня 1915 года в специальной резолюции признал необходимым подыскивать инвалидам войны вакансии низших служащих, внушать способным к какому-либо труду, чтобы они не уклонялись от него. Красноярский комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам в марте 1916 года открыл приют, где инвалиды имели возможность обучиться сапожному ремеслу, планировалось проводить занятия по земледелию, пчеловодству и огородничеству, устраивать краткосрочные курсы по кооперации и другим отраслям знаний, доступным для инвалидов. 13 инвалидов из разных мест Енисейской губернии, окончив курсы по кооперации и счетоводству, смогли вскоре трудоустроиться с заработком от 40 до 125 руб. в месяц (Катцина, 2017: 112).

Признав, что справиться с задачами обучения, переобучения и трудоустройства инвалидов в одиночку оно не сможет, Военное министерство постаралось привлечь прочие ведомства. Так, «самым благотворным образом», по мнению военного министра Д.С. Шуваева, должно было сказаться участие в программе реабилитации инвалидов войны Русской православной церкви. В связи с этим Д.С. Шуваев направил Св. Синоду письмо, в котором предлагал духовным органам, во-первых, организовать специальный церковный сбор в пользу оказания помощи увечным в течение Святой недели «с разъяснением пастырями прихожанам глубокого смысла и значения жертвы на это дело», а также самим принять посильное участие в деле помощи пострадавшим на войне нижним чинам.

Св. Синод с предложениями Военного министра согласился и предписал, «чтобы все учреждения духовного ведомства немедленно приступили к работе по скорейшей организации... (и) предоставлению увечным воинам соответствующих мест службы». Для этого «всему православному духовенству» надлежало не только организовать церковные сборы, но также:

– «предварить пастырским призывом к прихожанам, выясняя весь глубокий смысл и значение образования увечных воинов на пользу Царя и Родины»;

– пригласить приходские попечительские советы принять участие в производстве учета инвалидов войны и «в разъяснение сим воинам, какие места они могли бы занять, и к какому начальству следует им направлять свои просьбы о предоставлении места, содействовать выяснению, какие именно школы, курсы, мастерские следовало бы организовать в той или иной местности»;

– поручить местным епископам войти в сношение с местной гражданской властью по вопросу о мероприятиях по организации для увечных воинов школ;

– предписать учреждениям духовного ведомства в деле замещения низших служительских должностей руководствоваться «Правилами о порядке определения на должности в гражданских ведомствах нижних чинов, уволенных в первобытное состояние вследствие полученных на войне ран, увечий и болезней» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 3-3об.).

К тому времени в регионах уже имели место стихийные попытки отдельных священников оказать посильную помощь травмированным фронтовикам, вернувшимся домой. Например, в 1915 г. Алтайская духовная миссия создала Комитет помощи раненым на войне учителям и их семьям («Учительский комитет»). Его участниками стали действующие учителя, которые отчисляли в фонд Комитета 1% своего жалования, а Комитет распределял их между пострадавшими на войне учителями. Интересно, что поддержкой комитета пользовались все учителя, даже те, кто после ранения мог продолжать свою профессиональную деятельность. В деятельность Комитета вовлекались даже те учителя, которые трудились в приходских школах, но «не имеющие свидетельства на звание учителя». Если они получали жалование из средств Миссии, то также должны были отчислять 1% своего жалования на нужды увечным учителям. Размер выплачиваемого пособия составлял около 10 руб. в месяц (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 153. Л. 3, 21об, 48об).

Но после привлечения к программе обучения и трудоустройства инвалидов со стороны Военного министерства церковь стала полноправным участником формировавшейся системы профессионально-трудовой реабилитации инвалидов Первой мировой войны.

Святейший Правительствующий Синод разослал на места резолюцию об открытии при мужских обителях приютов для «увечных воинов». В нем в приторно-патриотическом стиле говорилось о том, что «Отечественная война побуждает всех верных чад родины с неослабимым усердием вести свои силы и средства на помощь доблестному нашему воинству, защищающему честь и целостность русской земли на поле брани». Поэтому Синод призывал всех россиян нести «свои средства и труд на пользу раненым и больным воинам и на призрение их семейств, надеясь, что «настоящий призыв встретит как среди иночествующей братии, так и среди боголюбивых мирян самое живое содействие к его осуществлению, и что в нашем народе таятся неисчерпаемые силы любви к родине и готовности послужить в святом деле всяческой помощи защитникам отечества, проливающим свою кровь на поле брани» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 1).

Помощь инвалидам войны, которые «вследствие полученных на войне увечий оказываются лишенными возможности вернуться в обстановку прежней жизни для добывания средств пропитания себе и своим родным собственным трудом» называлась «новым способом служения родине» со стороны тех людей, которые «не несут тяготы на поле брани и остаются в условиях обычной своей жизни». Однако смысл этой помощи заключался, по мнению церковного начальства, не только в том, чтобы дать призрение, но и «приучить их к новому для них труду, коим, в соответствии с состоянием своих сил и неутраченных способностей к труду, они могли бы поддерживать сами свое существование» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 2). Для реализации этой цели Синод предлагал использовать многочисленные, с точки зрения его руководства, свободные помещения, которые можно обнаружить в любом монастыре, и в которых следовало организовать обучение столярным, слесарным, точильным, плетеночным, сапожным, швейным и другим работам.

Синодальным конторам на местах в кратчайшие сроки надлежало выяснить и донести Синоду, на сколько человек в каждой мужской обители имеется свободных помещений, какие приспособления могут быть теперь же сделаны в помещениях, пригодных для указанной цели, какие средства (при скудности наличных местных средств) на содержание призреваемых воинов могут быть изысканы из разных источников, обучение каким работам в приютах может быть осуществлено при внимательном отношении к делу в непродолжительном времени в соответствии с местными потребностями и возможностями. В результате на запрос Синода с мест были даны ответы о том, что в мужских обителях могут быть отведены для призрения инвалидов войны 2 000 мест, причем содержание 1,5 тыс. чел. могли принять на себя местные епархии (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 2-3об.).

Духовные консистории на местах предписали благочиниям срочно собрать сведения о том, «какое число инвалидов настоящей войны из окончивших курсы церковно-приходских и народных школ и других училищ, проживает во вверенном благочинии». Кроме того, благочинным надлежало выяснить, какие средства к существованию имеют эти инвалиды, как предполагают устроиться и обеспечить свое существование неимущие, имеются ли из числа инвалидов желающие обучаться ремеслам. Дополнительным был вопрос о том, есть ли желающие обучаться на псаломщицких курсах, т.к. Синодом была поставлена особая задача – подготовить квалифицированных псаломщиков из числа инвалидов, способных «подготовиться к занятию псаломщицких должностей», поскольку епархии постоянно нуждаются в них.

Так, Епископ Томский и Алтайский Анатолий жаловался, что «учебного заведения, которое поставило бы кандидатов на псаломщицкие места, епархия не имеет. Места заполняются случайными искателями мест, умеющими читать и петь и выдерживающими экзамен по программе на звание псаломщика». Конечно, можно усомниться в том, что псаломщики из инвалидов

качественно отличались от «случайных искателей», поскольку требования к ним были не менее серьезными: «обладать некоторой грамотностью и голосовыми средствами настолько, чтобы научиться чтению и церковному пению, а равно и письмоводству в такой степени, чтобы нести обязанности псаломщика при сельской церкви» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 29-30). Но это еще раз свидетельствует о том, что основным мотивом церковных властей действительно было содействие инвалидам.

Реализуя предписания Синода, благочинные встретились с многочисленными трудностями. Большинство настоятелей отвечали, что их монастыри не имеют возможности организовать дополнительное призрение инвалидов войны, поскольку не имеют ни помещений, ни финансовых средств для организации курсов. Поэтому в архивах сохранились сведения только об отдельных случаях положительного решения этих вопросов. Например, наместник Томского Богородице-Алексеевского мужского общежительного монастыря иеромонах Тихон в своем рапорте сообщал, что монастырь может «принять... 7 человек увечных воинов на полное содержание с довольствованием пищей, обувью, одеждой и помещением... Монастырь... имеет возможность открыть обучение сапожному делу и швейному мастерству. Для обучения же другим ремеслам нужно нанимать руководителей. Монастырь мог бы это сделать, если бы из числа принятых в него нашлись бы способные к этому» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 5).

Но как раз с желающими пройти переобучение было хуже всего. Благочинные прислали ответы, что инвалидов в их местности нет, а если и есть, то стремления обучаться на курсах не выражают, «хотя в приходе есть несколько лиц, получивших ранения на войне и навсегда уволенных из рядов войск, они вполне трудоспособны и в посторонней помощи не нуждаются». Однако причины своего нежелания овладеть новым ремеслом каждый из инвалидов называл различные. Одни заявляли, что «есть самостоятельное хозяйство, (из которого имеется) все необходимое для существования», а потому инвалиды «надеются прожить своим хозяйством». Про других прихожан благочинные доносили, что хотят учиться, но не хотят идти на церковную службу. Кто-то сам, не надеясь на помощь от государства, отправился из села в город, «чтобы приискать себе какую-нибудь работу, к которой способен» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 410б).

Всех инвалидов войны Томской губернии, попавших в поле зрения священников, и о которых сохранились хотя бы фрагментарные архивные сведения, можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют те, кто занимал откровенно иждивенческую позицию. Чаще всего они имели начальное или домашнее образование, и травмы были такими, что вполне позволяли инвалиду стать псаломщиком, но они заявляли: «...заняться, не знаю, чем, учиться не желаю».

Некоторые из них предпочитали «сидеть на шее» у родителей. К примеру, С.Н. Кульдиба из Томска, 25 лет, окончивший министерское одноклассное училище и лишившийся на войне правой руки, заявлял, что «к физическому труду не способен, может быть только сторожем, учиться не желает и вообще не способен к обучению». Он переехал жить к родителям и выразил надежду, что они «будут жить долго и не оставят его» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 81-82). У его сверстника В.И. Малянова из Барнаула, который проживал после демобилизации в родительском доме, отец имел крупное пимокатное дело. Инвалид был вполне обеспечен, поэтому к учению не стремился (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 66-67).

Во вторую группу входили те, кто объяснял отказ пойти учиться тем, что «они в настоящее время получают пособие из казны» и «острой нужды не чувствуется». Подобное убеждение может проиллюстрировать заметка томского благочинного об инвалиде Л.И. Филатьеве, отказавшемся от обучения на курсах, который «ходит на костылях, живет в доме своих родителей, может немного работать, получает 105 р. пенсии в год».

Сюда же можно отнести инвалидов, объединенных в общность под условным названием «ожидающие пенсию». По интересному стечению обстоятельств это были те, кто имел образование не ниже начального, имеющие ранение руки, жаловавшиеся на то, что «средств к существованию нет, надеюсь на пенсию». Все они не работали, жили ожиданием того, что в скором времени будут получать от государства определенную сумму, которой им хватит на жизнь, в крайнем случае были готовы пойти обучаться сапожному мастерству, и только, если бы у них не было пенсии и в сапожники их не взяли, они могли бы рассмотреть возможность пойти на псаломщические курсы (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 76-77).

Впрочем, можно смело утверждать, что не «большое пособие», а повальная неграмотность крестьянского и мещанского населения была основной причиной, вынуждавшей инвалидов отказываться от предлагаемой им услуги. Безусловно, если учесть, что в обязанности псаломщика, помимо клиросного чтения и пения, входило все письмоводство по приходу, в ходе которого он вел метрические книги, книги для записи браков, исповедные росписи, ведомости с подробным обозначением средств содержания причта и т.п., становится ясно, что без надлежащего образования эту должность было просто невозможно занять.

О тех, кому по неграмотности не удалось стать псаломщиками, благочинные писали, что такие инвалиды проживают в домах своих родителей или ближайших родственников, помогая последним заниматься сельским хозяйством, «хотел бы пойти учиться, но к учению не способен, неграмотный» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 620б.).

Третью группу составили те, кто уже трудился, получал какой-никакой доход и переменить гражданскую службу на церковную не торопился. Среди них были служившие кондукторами на железной дороге, трудившиеся официантами или состоявшими кучером и получавшие от 30 до 50 руб. (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 62, 67, 76).

Еще одну группу инвалидов войны составили те, кто хотел бы обучиться, но по объективным причинам не мог записаться на курсы, желая при этом трудоустроиться и приносить пользу и себе, и обществу. Например, крестьянин В.П. Батухтин был грамотным, мечтал стать церковным служителем, но на войне полностью потерял зубы и говорить свободно и понятно не мог, а значит, не мог и занять должность псаломщика. К чести инвалида следует заметить, что он не пал духом и, получив отказ, стал заниматься плотницкими работами.

Другой инвалид, М.Н. Новаш, писал: «Псаломщицкие курсы нахожу для меня бесполезными, т.к. я лишен правой ноги, и они меня к дальнейшему ни к чему не приведут. А желал бы я на учительские курсы одноклассной церковно-приходской школы, которые, я думаю, облегчили бы мою участь. Хотя я не тягочусь и церковной службы, устав церковный меня не затрудняет, и я с ревностью служил бы Господу Богу, но затрудняют меня Крестные ходы. Средств к существованию... я не имею... в 1911 г. я вышел из государственной военной службы и поступил на службы церковную, где имел счастье прослужить только 2,5 года, а в 1914 г. я пошел на защиту Веры, Царя и Отечества» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 55).

Как видно из прошения, Новаш уже имел опыт церковной службы, был человеком деятельным, и ставшая привычной для многих инвалидов жизнь за счет других была для него неприемлемой. Он отдавал себе отчет в том, что быть псаломщиком он не может, поскольку служил в этой должности до войны и знал, с какими тяготами для организма это связано, но при этом понимал, что есть другая возможность сохранить социальную активность.

Еще один крестьянин-инвалид Т.Т. Такин был готов занять место псаломщика, однако в конечном счете получить его не смог, т.к. выяснилось, что в свое время он ушел из церковно-приходской школы и не получил свидетельства об ее окончании, без которого невозможно было поступить и на курсы псаломщиков (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 40).

Неграмотный крестьянин Ф.Г. Глубинский, понимая, что псаломщицкие или сельскохозяйственные курсы для него недоступны, изъявил желание обучаться сапожному ремеслу, зато его грамотный сосед, двадцатилетний инвалид И.Г. Тарасенко, даже захотел «учиться ездить на автомобиле, чтобы поступить на должность шофера» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 4006).

Наконец, в последней группе оказались те, кто воспользовался предоставленной возможностью, причем важно отметить то обстоятельство, что для этих людей потребность трудиться и зарабатывать на жизнь самостоятельно не была ограничена ни их необразованностью, ни даже их увечьями, о чем говорят их жизненные истории.

П.В. Ерофеевский, 25 лет, окончил курс церковно-приходской школы, когда-то служил «в торгово-промышленном предприятии», был призван в армию, ранен и после ранения оказался не способен ни к какому физическому труду, поскольку «вынуты 3 ребра и не владеет рука и нога». Оставшись без работы и не имея никаких средств к существованию, за исключением маленькой пенсии, поступил учиться на псаломщицкие курсы (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 34).

34-летний крестьянин Ф.И. Паршиков вернулся с войны без руки, зато с медалями и двумя Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени, благодаря которым жил на особую пенсию. Этой пенсией он был вполне доволен, но тоже решил просить «допустить... как инвалида устроиться на псаломщицкие курсы, дабы я мог потом получить должность...» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 36).

Пошел на псаломщицкие курсы и томич И.Е. Косинов, образованный молодой человек, который жил вместе с хорошо обеспеченными сельским хозяйством родителями. Его пример подтверждает, что наличие стабильного дохода или богатых родственников не может считаться причиной иждивенческой позиции, характерной для инвалидов, имевших сходное социальное положение (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 81-82).

Чаще всего на псаломщицкие курсы записывались инвалиды от 33 до 45 лет, имевшие за плечами церковно-приходскую школу и получившие на фронте «несерьезные телесные повреждения», но понимавшие, что заниматься хлебопашеством им будет уже не под силу.

О том, сколько человек выучились на различного рода курсах и сколько было трудоустроено, сведений, к сожалению, нет. Мало известно и о судьбе самих курсов, но, скорее всего, они были ликвидированы сразу после прихода к власти большевиков.

5. Заключение

Подводя итоги, следует в первую очередь обратить внимание на то, что в условиях такого сурового испытания, каким стала Первая мировая война, на дело социальной помощи пострадавшим солдатам, возвращавшимся домой инвалидами, были мобилизованы все общественные силы. Естественно, государство не могло справиться в одиночку с целым комплексом проблем, которые появились после начала войны, в том числе в области общественного призрения нуждавшегося нетрудоспособного населения. Тем удивительнее выглядит попытка создать в тылу систему эффективной реабилитации через профессиональное обучение и переобучение.

Эта идея во многом опередила свое время и предвосхитила появление подобных современных способов вовлечения лиц с инвалидностью в трудовую деятельность. Если в западных странах, также пострадавших от войны, основной упор в это время был сделан на открытие дополнительного числа специализированных заведений для инвалидов боевых действий, в которых основная работа была сфокусирована на оказании экстренной психологической помощи, то в Российской империи государство и общество впервые обратили внимание на то, что инвалид войны способен к продолжению трудовой деятельности, пусть даже в новых для него условиях.

С одной стороны, это был чисто рационалистический подход – попытка снять инвалидов войны «с шеи» государства, которое, в свою очередь, прекрасно отдавало себе отчет, что отчасти оно было само виновато в увеличении численности инвалидов войны, поэтому всячески старалось устроить их в мирной жизни. Это во многом связано с тем, что прежде проблема призрения военных инвалидов в таких масштабах не стояла: они числились по военному ведомству и получали соответствующее материальное вознаграждение в виде пенсии или пособия. Теперь же, когда война резко увеличила численность инвалидов в обществе, прежняя модель общественного призрения перестала работать, поскольку основную массу инвалидов составляли обыкновенные граждане, по призыву или добровольно ушедшие на фронт и ставшие в результате калеками. Теперь они возвращались в общество, где работающее население было не готово принять их обратно в свои ряды. Требовалось создавать для них новые рабочие места либо способствовать их переквалификации и дальнейшему трудоустройству.

Государство, привлекая разные институты, в том числе церковь, предоставило инвалидам войны возможность устроиться на посильную работу, чтобы они занимались общественно-полезным трудом, получали вознаграждение, не становились социальными изгоями, в том числе через открытие курсов псаломщиков в благочинных округах. Однако реализация этой практики, как показывает опыт Томской губернии, сопровождалась многочисленными трудностями, главными из которых стали повальная неграмотность инвалидизированного населения, а также ярко выраженная иждивенческая позиция последнего.

К сожалению, этот уникальный исторический опыт профессионально-трудовой реабилитации в скором времени был забыт, поскольку в условиях нового государства, активно боровшегося с религией и религиозными организациями и учреждениями, не могли существовать даже те положительные и значимые начинания, которые имели место в благотворительной деятельности Русской православной церкви. В то же время идеологический принцип «утилизации труда» инвалидов, сформулированный советской властью в начале 1920-х гг., во многом базировался на дореволюционной практике содействия инвалидам войны в возвращении к трудовой жизни с привлечением институтов Русской православной церкви, которая была одним из важнейших элементов социальной помощи нетрудоспособному населению страны.

Литература

ГААК – Государственный архив Алтайского края.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Еремин, 2016 – Еремин И.А. Трудоустройство инвалидов Первой мировой войны в Западной Сибири // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2016. № 1 (6). С. 40-43.

Зумпф, 2014 – Зумпф А. Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России; пер. В. Гавриленко // *Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сборник статей / Ред. К. Бруиш, Н. Катцер*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 12-17.

Катцина, 2017 – Катцина Т.А. Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914–1921): региональный аспект // *Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири*. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 25–26 октября 2017 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2017. С. 111-115.

Ковалев, 2011 – Ковалев А.С. Профессиональная реабилитация инвалидов в Сибири в первой четверти XX в. // *Социальная реабилитация: социокультурные и психолого-педагогические ресурсы и практики: Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Красноярск, КГПУ, 2011. С. 281-293.

Степочкина, 2014 – Степочкина Е.В. Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время первой мировой войны // *XX век и Россия: общество, реформы, революции*. Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. С. 285-289.

Шиловский, 2015 – Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Щербинин, 2005 – Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. // *Вестник ВГУ Серия Гуманитарные науки*. 2005. № 2. С. 222-233.

Dulmen, 1993 – Dulmen van R. Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichtsschreibung // *THESIS*. 1993. №3. С. 208-226.

Brown, 1989 – *Brown, Julie V.* Societal Responses to Mental Disorders in Prerevolutionary Russia // People with Disabilities in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice. William O. McCagg and Lewis Siegelbaum, eds. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 1989. pp. 13-37.

Kaiser, 1998 – *Kaiser D.H.* The poor and disabled in early eighteenth-century Russian towns // *Journal of social history*. 1998. Vol. 32, №.1. pp. 125-155.

Phillips, 2009 – *Phillips, Sarah D.* "There Are No Invalids in the USSR!": A Missing Soviet Chapter in the New Disability History, *Disability Studies Quarterly*, 2009. vol. 29, March available from URL: <http://dsq-sds.org/article/view/936/1111> (accessed 23.01.2018)

References

GAAK – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of Altay region].

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of Tomsk region].

Eremin, 2016 – *Eremin I.A.* (2016). Trudoustroistvo invalidov Pervoi mirovoi voyny v Zapadnoi Sibiri [The employment of disabled people of the First world war in Western Siberia]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, Nr 1 (6), pp. 40-43 [in Russian]

Kattsina, 2017 – *Kattsina T.A.* (2017). Sotsial'naya pomoshch' invalidam voyny v go-dy «velikikh potryasenii» (1914-1921): regional'nyi aspekt [The Social aid for the disabled soldiers during the "great upheaval" (1914-1921): regional aspect] In: *Revolutsiya 1917 goda: 100 let spustya. Vzgl'yad iz Sibiri. Materialy Sibirsko-go istoricheskogo foruma.* (Revolution of 1917: 100 years later. The view from Siberia. Materials of the Siberian historical forum). Krasnoyarsk: OOO «Laboratoriya razvitiya», pp. 111-115 [in Russian]

Kovalev, 2011 – *Kovalev A.S.* (2011). Professional'naya reabilitatsiya invalidov v Sibiri v pervoi chetverti XX v. [Professional rehabilitation of disabled people in Siberia in the first quarter of the twentieth century]. In: *Sotsial'naya reabilitatsiya: sotsiokul'turnye i psikhologo-pedagogicheskie resursy i praktiki: materialy Tret'ei Vserossii-skoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Social rehabilitation: socio-cultural and psychological and pedagogical resources and practices: materials of the Third all-Russian scientific and practical conference with international participation]. Krasnoyarsk, pp. 281-293 [in Russian]

Stepochkina, 2014 – *Stepochkina E.V.* (2014). Organizatsiya meditsinskoj pomoshchi i sotsial'naya reabilitatsiya invalidov v Samarskoj gubernii vo vremya pervoi mirovoi voyny [Organization of medical care and social rehabilitation for disabled people in Samara province during the first world war] In: *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii. Elektronnyi sbornik. Vyp. 2.* [XX century and Russia: society, reforms, revolutions. The electronic collection. Vol. 2] Samara, pp. 285-289 [in Russian]

Shilovskii, 2015 – *Shilovskii M.V.* (2015). Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir' [The First world war of 1914-1918 and Siberia]. Novosibirsk [in Russian]

Shcherbinin, 2005 – *Shcherbinin P.P.* (2005). Osobennosti prizreniya voennykh invalidov i chlenov ikh semei v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Features of charity for disabled veterans and members of their families in Russia in the XVIII – early XX century]. *Vestnik VGU Seriya Gumanitarnye nauki*, Nr. 2, pp. 222-233 [in Russian]

Zumpf, 2014 – *Zumpf A.* (2014). Invalidnost' i ekspertiza vo vremya Pervoi mirovoi voyny v Rossii; per. V. Gavrilenko [Disability and expertise during the First world war in Russia]. In: *Bol'shaya voina Rossii: sotsial'nyi poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoj i sovetskoi epokh: Sb. statei / red. K. Bruish, N. Kattser* [The Great war of Russia: social order, public communication and violence at the turn of the tsarist and Soviet eras]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 12-17 [in Russian]

Brown, 1989 – *Brown, Julie V.* (1989). Societal Responses to Mental Disorders in Prerevolutionary Russia. In: *People with Disabilities in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice.* William O. McCagg and Lewis Siegelbaum, eds. pp. 13-37. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Dulmen, 1993 – *Dulmen van R.* (1993). Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichtsschreibung (Historical anthropology in the German social historiography). *THESIS*, Nr.3, pp. 208-226 (in German).

Kaiser, 1998 – *Kaiser D.H.* (1998). The poor and disabled in early eighteenth-century Russian towns. *Journal of social history*, vol. 32, Nr. 1, pp. 125-155.

Phillips, 2009 – *Phillips, Sarah D.* (2009). "There Are No Invalids in the USSR!": A Missing Soviet Chapter in the New Disability History, *Disability Studies Quarterly*, vol. 29, March available from URL: <http://dsq-sds.org/article/view/936/1111> (accessed 23.01.2018)

Роль Русской православной церкви в профессионально-трудовой реабилитации инвалидов в годы Первой мировой войны (на примере Томской губернии)

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^a, Олег Игоревич Савин ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме профессионально-трудовой реабилитации инвалидов Первой мировой войны. Предметом изучения является деятельность представителей Русской православной церкви, привлеченной к процессу трудоустройства нетрудоспособных лиц, вернувшихся с фронта на постоянное проживание в Томскую губернию через открытие курсов псаломщиков в 1915–1916 гг. С привлечением неопубликованных ранее документов из государственных архивов Алтайского края и Томской области анализируются попытки местных священников вовлечь в трудовую деятельность сибиряков, получивших на войне инвалидность, позволявшую получить рабочее место церковного служащего. Статус инвалидов войны в обществе виделся сквозь призму работоспособности, однако возможностью возвращения к трудовой деятельности были готовы воспользоваться не все инвалиды. Опираясь на антропологический подход к историческому исследованию, авторы рассматривают биографии нетрудоспособных жителей томских деревень в возрасте от 25 до 40 лет и выявляют среди инвалидов, которым была предложена перспектива обучения на псаломщических курсах и дальнейшего трудоустройства, несколько групп в зависимости от желания и потребности в реабилитации, уровня образования, степени инвалидности, возраста и прочих характеристик. По результатам анализа авторы делают вывод о том, что, привлекая церковь в качестве партнера в области политики в отношении нетрудоспособного населения, государство пыталось вывести инвалидов из состояния перманентной нетрудоспособности, сделать из инвалида войны социально-активного и полезного человека, но самим нетрудоспособным оказалась более близкой иждивенческая позиция.

Ключевые слова: инвалиды войны, курсы псаломщиков, нетрудоспособность, профессиональное обучение, Русская православная церковь, трудовая реабилитация.

* Корреспондирующий автор

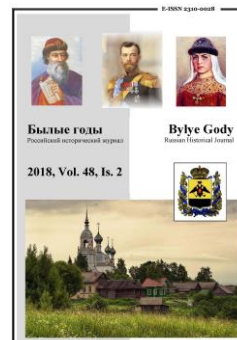
Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 838-849. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.838
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Black Sea Province in the First World War: A Historiographical Review

Lyubov' G. Polyakova ^{a, b, *}, Leonid L. Balanyuk ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with historiography on the socio-economic development of the Black sea province during the First world war. The attention is paid to the publications that were published during the First world war and up to the present time.

The scientific researches of russian and foreign authors were used as materials in historiographical work. The methodological basis of the research is based on the principles of historicism, scientific objectivity and systematicity, which are traditional for russian historiography. For the construction of theoretical conclusions related to the processing of results based on historiographic data, a set of private analytical methods of study, including analysis and synthesis of results, abstraction, and the methodology of assumption, was used. As a result of application of analytical techniques it was succeeded to systematize the received information and to use it more effectively for theoretical constructions.

In conclusion, the authors state that there are still significant gaps on the territory of the Black Sea province in the historiography of the history of the First world war, and this topic has not been the subject of a comprehensive study. So far, the issues of hospital bases have not reflected on the territory of the Black sea province, and administrative measures aimed at combating alcoholism during the war, as well as the activities of charitable societies, have not been sufficiently studied.

Keywords: First World War, Black sea province, historiographical review.

1. Введение

В 2018 г. отмечается юбилей окончания одной из самых кровопролитных и разрушительных войн в истории человечества – Первой мировой. Войны, которая принесла не только колоссальные людские и материальные потери, но и очень сильно изменила геополитическую ситуацию в мире и самым непосредственным образом сказалась на трансформации общественного сознания. В современной исторической науке интерес к Первой мировой войне не ослабевает, связано это в первую очередь с тем, что активно начала изучаться региональная история периода войн и локальных конфликтов. Одной из таких тем и считается социально-экономическое развитие Черноморской губернии в период Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

В качестве материалов в историографической работе были использованы научные исследования российских и зарубежных авторов.

Методологическую основу исследования составили традиционные для отечественной историографии принципы историзма, научной объективности и системности. Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой результатов, основанных на историографических

* Corresponding author

E-mail addresses: polyakoval84@mail.ru (L.G. Polyakova)

данных, применялась совокупность частных аналитических методов изучения, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, методика допущения. В результате применения аналитических методик удалось систематизировать полученную информацию и более эффективно использовать ее для теоретических построений.

3. Обсуждение и результаты

В настоящее время исследователями обосновано несколько подходов к периодизации историографии Первой мировой войны. Так, российский ученый Б.Д. Козенко в своей работе «Отечественная историография Первой мировой войны» выделял следующие этапы:

1. 1918–1941 гг. – процесс становления отечественной историографии.
2. 1940–1960 гг. – «сложный и трудный период для науки».
3. 1970–1980 гг. – этап, проходивший в условиях «усиления политизации и идеологизации науки в рамках "холодной войны"» (Козенко, 2001: 3-27).
4. С конца 1980-х гг. до начала 1990-х гг. – этап «острой критики прошлого и попыток создания новой историографии истории войны 1914–1918 гг.».
5. С начала 1990-х до настоящего времени – этап «более взвешенных оценок» событий Первой мировой войны.

Позднее белорусский автор С.Ф. Свилас модернизировал данную периодизацию и выделил пять основных этапов:

1. 1918–1920-е гг. – процесс становления историографии проблемы.
2. 1930–1945 г. – время особенно сильного влияния на нее культа личности Сталина.
3. 1945–1960-е гг.
4. 1970–1980-е гг.
5. С конца 1980-х гг. по настоящее время (Свилас, 2004: 68-72).

Сегодня с такой периодизацией соглашаются многие авторы. Нельзя не отметить докторскую диссертацию Н.А. Шубина, посвященную историографии Первой мировой войны, в которой автор также характеризует основные этапы в изучении этого периода (Шубин, 2001).

В 2014 г. российские исследователи истории Первой мировой войны Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина обратили свое внимание на то, что в критериях периодизации нередко выступают внешние для науки обстоятельства. По их мнению, критериями перехода от одного этапа к другому необходимо считать методологические и институциональные аспекты, помимо этого, сам круг изучаемых проблем и сюжетов, а также способы решения исследовательских задач – все эти факторы, по мнению авторов, можно объединить понятием исследовательских практик как совокупности форм и методов изучения Первой мировой войны в отечественной историографии (Krinko, Khlynina, 2014).

По нашему мнению, наиболее аргументированным и оптимальным является традиционное разделение отечественной историографии на три основных периода: дореволюционный, советский и современный.

Первые работы, посвященные участию России в Первой мировой войне, начали появляться вскоре после ее начала, и в своем большинстве носили не столько научный, сколько публицистический характер, с четко выраженным патриотическим уклоном. Журнальные и газетные статьи, а также брошюры были направлены на прославление героического подвига русских солдат и офицеров. В то же время начали появляться работы, в которых разоблачались военные преступления германо-австрийских войск. Количество данных публикаций существенно возросло после того, как 9 апреля 1915 г. была Высочайше учреждена Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками (Черная книга, 1914).

Среди дореволюционных научных работ по истории Первой мировой войны особо выделяется документальный «Сборник Комитета по устройству этапного лазарета имени высших учебных заведений Петрограда», который был издан под редакцией известного профессора М.И. Туган-Барановского (Вопросы мировой войны, 1915). Различные аспекты жизнедеятельности тыла в годы Первой мировой войны рассматривались и в научной периодической печати, например, в журналах «Летопись» (Войтинский, 1916), «Морской сборник», «Военный сборник» и т.д. (Новицкий, 1916)

Особое внимание уделялось вопросам, касающимся стратегии и тактики ведения боевых действий, подготовки войск, совершенствования вооружений (Буяковский, 1916). В то самое время немалое внимание уделялось и анализу работы тыла, проблемам развития экономики. Современники событий также проводили специальное изучение проблемы продовольственного снабжения тыла (Борьба с дороговизной, 1916; Громан, 1915; Движение цен, 1916; Макаров, 1916).

В течение первых десяти лет после окончания Первой мировой войны в стране было написано большое количество литературы, касающейся ее отдельных аспектов.

Начиная с конца 1920-х гг., в советской историографии изучение проблематики Первой мировой войны заметно уменьшается, а сама эта война стала рассматриваться не столько как самостоятельное важнейшее историческое событие, а как империалистическая война, обнажившая все пороки и проблемы империализма, ускорившая нарастание революционного процесса и

закономерно приведшая к революции 1917 г. Тема войны несколько потеряла свою актуальность, подчеркивалось ее второстепенное и подчиненное значение в сравнении с событиями революционного Октября. Революция обратила прошлое в «предысторию» великих событий (Биншток, 1929; Букшпан, 1929).

В середине 1930-х – середине 1950-х г. основные догматы «Краткого курса истории ВКП(б)» стали единственным подходом к интерпретации событий на рубеже XIX–XX веков. Поражение русской армии в войне определило в дальнейшем отрицательное отношение к ней в советской историографии. Шаблонная оценка, схематически-иллюстративный подход к изложению создали ситуацию, когда они стали характеризующей чертой для многих работ по данной проблематике.

Ситуация стала несколько меняться в положительную сторону только во второй половине 1950–1960-х гг. В это время в отечественной историографии начали исследоваться вопросы влияния войны на российское общество и экономику страны в контексте учения о социально-экономических предпосылках социалистической революции. В данный период подробный анализ экономической жизни страны дается в монографиях Г.И. Шигалина, И.В. Маевского, К.Н. Тарновского, А.Л. Сидорова, В.Я. Лаврычева и Т.И. Китаниной, достаточно обстоятельно анализируются проблемы и противоречия социально-экономического развития страны, их осложнение под непосредственным влиянием военного фактора (Шигалин, 1954; Маевский, 1957; Тарновский, 1958). Также эти темы были представлены в соответствующих разделах трудов П.А. Хромова, Е.Д. Черменского, П.И. Лященко. Рассматривая историю развития разных отраслей промышленности, характеристику транспортной и финансовой систем в годы войны, функционирование предпринимательских союзов, государственных органов управления экономикой, появившихся в ходе войны, исследователи сосредотачивали свое внимание на проблемах снабжении армии. Акцент в работах делался на складывании в стране под воздействием мировой войны государственно-монополистического капитализма в качестве базы для национализации промышленности и формирования плановой социалистической экономики. Воздействие войны на состояние сельского хозяйства страны всесторонне раскрыто в монографии А.М. Анфимова (Анфимов, 1962). В этих трудах рассматривались проблемы в экономической жизни России, выявлялись и характеризовались основные диспропорции, возникшие в ней в период Первой мировой войны. При этом в исследованиях отсутствует региональная детализация, что, безусловно, имеет немаловажное значение для истории России, страны, имевшей свои существенные региональные различия. Сосредотачиваясь на раскрытии общеэкономических тенденций, исследования этого периода не затрагивают воздействия Первой мировой войны на состояние потребительского рынка, а также не отражают изменение хозяйственной обстановки с развитием экономического кризиса.

В работах периода 1970 – первой половины 1980-х гг. большое внимание было уделено характеристике политической системы России накануне революции (Сидоров, 1973). Существенное количество научных трудов этого времени посвящено анализу состояния и взглядов представителей разных сословий, при этом основное внимание всегда уделялось позиции промышленного пролетариата. Общей чертой этих работ является сосредоточенность авторов на исследовании процессов, происходивших в общественных кругах обеих столиц империи. Данное обстоятельство оставляет де-факто неосвещенным политический пейзаж обширной российской провинции.

Итог советского этапа исследования и оценки истории Первой мировой войны представлен в академических монографических исследованиях, посвященных Октябрьской революции (Лаврычев, 1988; Китанина, 1985; Бовыкин, 1988).

Говоря об относительной изученности политической истории России кануна и периода Первой мировой войны, необходимо отметить явно недостаточное освещение социальной активности, идеологических вопросов, проблем духовной жизни, менталитета, быта. Именно в этом ключе (поиска предпосылок социалистической революции) рассматривалась и история Черноморской губернии периода Первой мировой войны. Таким образом, в советский период социально-экономическое и общественно-политическое развитие Черноморской губернии в период Первой мировой войны не стало объектом самостоятельного научного исследования.

В середине 1980-х – начале 1990-х гг. сначала перед советскими, а затем российскими историками открылись новые перспективы, что привело к отказу от прежних концептуальных догматических исторических схем и подходов. Сделанные предыдущими исследователями оценки предыстории событий 1917 г. переосмысливаются, отталкиваясь от новой методологической парадигмы. Интерес вызывают региональные особенности истории периода военного времени, а также трансформации в духовной сфере жизни обществе.

Наиболее значимым исследованием по истории участия России в Первой мировой войне, изданным в последнее время, стала коллективная работа «Мировые войны XX века» (в первом томе которого опубликован исторический очерк о Великой войне) (Мировые войны, 2002). При этом важное значение в работе уделялось таким вопросам, как развитие государственной идеологии, изменение общественного сознания, также психологии непосредственных участников боевых действий. Авторы делают вывод о преобладании в правительственной политике компонентов консервативного традиционализма, которые мешали организации действенного сотрудничества

власти и общества. Согласно точке зрения авторов, поддержавшее во многом войну российское общество имело право надеяться как минимум на некоторую либерализацию курса правительства: уменьшение цензуры и преследований периодической печати оппозиции, более благосклонное отношение к деятельности общественных организаций, предоставление официального статуса профессиональным союзам. Отметим, что региональная детализация общественной ситуации, сформировавшейся в 1914–1917 гг., порождает сомнения в эффективности такого шага.

В данной работе была затронута и очень значимая проблема трансформации общественных отношений в период Первой мировой войны, динамики изменений общественного сознания тех или иных общественных групп и представителей различных социальных слоев населения страны в этот период (Базанов, 2006; Иванов, 1993; Голубин, 2002; Авдеев, 1994; Баженов, 1994; Миронов, 2017). Особую актуальность в этой связи, по нашему мнению, представляет исследование данных процессов и явлений на региональном уровне, в частности в Черноморской губернии. В ряде работ исследуются новые аспекты духовной жизни россиян в период войны, а также не рассматриваемая в советский период тема беженцев и благотворительности (Курцев, 1999; Гатрелл, 2001; Поршнева, 2000; Лаврентьев, Хасин, 1997). Только несколько работ комплексно исследуют истории отдельных тыловых губерний в период Великой войны (Белова, 2011; Борщук, 2012; Крайкин, 2009; Касарова, 1999; Шишкина, 2000; Апкаримова, 2001; Ованесов, 2001; Алехин, 2003; Зигель, 2004; Еремин, 2005; Терешина, 2005; Посадский, 2001; Лепкова, 2014; Кайдышева, 2014).

На современном этапе изучается и тема антиалкогольной политики самодержавия в период Первой мировой войны, которой было уделено внимание П.П. Щербининым (Щербинин, 2003: 62-72).

В последние годы исследователи достаточно активно рассматривали тему падения реального уровня жизни населения в годы войны, рост цен и инфляционные процессы, а также попытки борьбы центральных и региональных властных структур с этими негативными явлениями в разных регионах Российской империи (Кирьянов, 1993; Маццато, 1997; Engel, 1997; Lohr, 2003).

Позитивным является отражение в ряде современных исследований проблематики деятельности земских союзов и различных комитетов помощи жертвам войны (Захаров, 1998; Шевырин, 2000; Горская, 2000; Сергеева, 1996; Асташов, 1992; Pevzner, 2006: 114-142). К сожалению, вопросы работы данных организаций в регионах весьма слабо изучены в историографии.

Значительный интерес представляет монография Т.А. Белогуровой, посвященная исследованию ряда важных вопросов отражения в русской периодической печати проблем внутренней общественно-политической жизни России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) (Белогурова, 2006).

В то же время тема Первой мировой войны на территории Черноморской губернии практически не рассматривалась. В настоящее время отдельные аспекты данного вопроса затрагиваются только в некоторых работах местных краеведов. Так, в работе Б. Герасименко «Очерки истории Новороссийска» исследуется сюжет, связанный с историей Новороссийска в период Первой мировой войны. Уделено внимание обстрелу порта германо-турецким крейсером «Бреслау» (Герасименко, 2001). Эту же тему затрагивает Н.В. Новиков в работе «Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 годах» (Новиков, 1996: 118-123) и Д.Ю. Козлов в исследовании ««Странная война» в Черном море (август – октябрь 1914 г.)» (Козлов, 2009).

Некоторые аспекты жизни в городе Сочи в период Первой мировой войны отражены в монографии А.А. Черкасова «Центр и окраины: Сочи в период царствования императора Николая II (1896–1917 гг.)». Автор обратил внимание на поведение национальных меньшинств и первый опыт создания госпитальной базы в Сочи (Черкасов, 2009). Проблеме с так называемым «немецким засильем» раскрыл в своем исследовании И.А. Тверитинов (Тверитинов, 2014: 180-185). На административный процесс борьбы с дороговизной в посаде Сочи в период Первой мировой войны обратила внимание И.Ю. Черкасова (Черкасова, 2010: 99-102).

Эпизодичные упоминания о Черноморской губернии в годы Первой мировой войны есть в трудах краснодарских и ростовских историков. Так, необходимо отметить коллективный труд под редакцией профессора В.Н. Ратушняка «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.» (Очерки истории Кубани, 1997).

С.М. Сивков посвятил свою работу изучению беженцев на территории Кубанской области и Черноморской губернии в годы Первой мировой войны (Сивков, 2014: 207-210).

В.П. Трут в своих исследованиях рассматривает вопросы участия казачьих войск в Первой мировой войне (Trut, 2014; Трут, 1998). Известно, что Кубанское казачье войско в этот период пополнялось и за счет казачьих станиц Черноморской губернии. Роль национальных меньшинств в событиях Великой войны была рассмотрена Н.В. Подпрятковым (Подпрятков, 1997: 54-59) и М.Д. Савваитовой (Савваитова, 1994: 113-126).

Проблематике отражения периодической печатью важных вопросов внутренней жизни российского общества в период Первой мировой войны посвящены и некоторые современные диссертационные исследования. Так, важные вопросы роли периодической печати в годы Первой мировой войны, ее проблематики, в частности отражение на ее страницах общественных настроений, рассмотрены в диссертации Т.А. Белогуровой (Белогурова, 2006).

Российскую военную периодическую печать периода Первой мировой войны в своей диссертации исследовал Д.Г. Гужва ([Гужва, 2008](#)).

Интересный аспект отражения «образа врага» и перспектив войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг. на примере столичной прессы рассмотрел Д.В. Эйдук ([Эйдук, 2008](#)).

Многие актуальные проблемы социокультурной и общественно-политической жизни российского общества в годы Первой мировой войны были подняты в докладах участников состоявшейся в Ставрополе в 2015 г. Международной научной конференции «Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории» ([Культурное измерение, 2015](#)).

Нельзя также не отметить труды Л.Г. Поляковой, которые посвящены разным аспектам развития Черноморской губернии в период Первой мировой войны. Так, автор рассматривает вопросы создания в посаде Сочи периодической печати ([Полякова, 2009](#)), социально-экономическую ситуацию на территории Черноморской губернии накануне Первой мировой войны ([Полякова, 2010](#)), особенности российского военного законодательства на материалах периодической печати ([Полякова, 2011](#)) как средства для изучения деятельности тыла в данные годы ([Полякова, 2012](#)), а также эволюцию общественных взглядов населения Черноморской губернии во время войны ([Polyakova et al., 2015](#)).

4. Заключение

Подводя итоги обзора, необходимо констатировать, что в историографии истории Первой мировой войны на территории Черноморской губернии и сегодня имеются значительные пробелы, при этом данная тема не стала предметом комплексного изучения. До сих пор не нашли своего отражения вопросы госпитальной базы на территории Черноморской губернии, во многом недостаточно изучены административные меры, направленные на борьбу с алкоголизмом в период войны, а также деятельность благотворительных обществ.

Литература

[Авдеев, 1994](#) – Авдеев В.А. Пролог исторической трагедии: Русская мобилизация в июле 1914 г. // *Военно-исторический журнал*. 1994. № 7. С. 39-46.

[Алехин, 2003](#) – Алехин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук; Исторические науки: 07.00.02 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2003. 26 с.

[Анфимов, 1962](#) – Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1962. 383 с.

[Апкаримова, 2001](#) – Апкаримова Е.Ю. Повседневная жизнь уральского города в годы первой мировой войны // *Уральский город XVIII – начала XX в.* Екатеринбург, 2001. С. 121-132.

[Асташов, 1992](#) – Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // *Отечественная история*. М., 1992. № 6. С. 169-172.

[Баженов, 1994](#) – Баженов С.В. Солдаты забытой войны // *Новый часовой*. СПб., 1994. № 2. С. 82-91.

[Базанов, 2006](#) – Базанов С.Н. Патриотический подъем в российском обществе в начале Первой мировой войны // *Патриотизм – духовный стержень народов России*. М., 2006. С. 154-165.

[Белова, 2011](#) – Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция: август 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.

[Белогурова, 2006](#) – Белогурова Т.А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Смоленск, 2006. 130 с.

[Белогурова, 2006](#) – Белогурова Т.А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февр. 1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 50 с.

[Биншток, Каминский, 1929](#) – Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие. М., Л., 1929. 126 с.

[Бовыкин, 1988](#) – Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. 151 с.

[Борщуклова, 2012](#) – Борщуклова Е.Д. Общественное мнение населения Российской империи о Первой мировой войне и защите Отечества (1914–1917). СПб., 2012.

[Борьба с дороговизной, 1916](#) – Борьба с дороговизной и городское управление. М., 1916. 182 с.

[Букшпан, 1929](#) – Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М., Л., 1929. 541 с.

[Буныковский, 1916](#) – Буныковский В.В. Из опыта текущей войны. I: Служба войск в поле и бой. II: Новейшие технические средства борьбы. III: Обучение и воспитание войск. Пг.: Издатель В. Березовский, 1916. 77 с.

[Войтинский, 1916](#) – Войтинский В. Беженцы и сибирская деревня // *Летопись*. 1916. № 12. С. 297-307.

[Вопросы мировой войны, 1915](#) – Вопросы мировой войны / Сборник Комитета по устройству этапного лазарета имени высших учебных заведений Петрограда под ред. проф. М.И. Барановского. Петроград, 1915. 675 с.

- Гатрелл, 2001** – *Гатрелл П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // *Исторические записки.* М., 2001. № 4 (122). С. 46-72.
- Герасименко, 2001** – *Герасименко Б.* Очерки истории Новороссийска. Новороссийск, 2001. 180 с.
- Голубин, 2002** – *Голубин Р.В.* Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // *Вестник Нижегородского университета. Сер.: История.* 2002. Вып. 1. С. 92-96.
- Горская, 2000** – *Горская Н.И.* Местное земство и война: (Из истории Смоленского земства в 1914–1917 гг.) // *Политические партии и общество в России: 1914–1917 гг.* М., 2000. С. 141-161.
- Громан, 1915** – *Громан В.Г.* Дороговизна хлебных продуктов. М., 1915. 16 с.
- Гужва, 2008** – *Гужва Д.Г.* Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914–1918. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 25 с.
- Движение цен, 1916** – *Движение цен за два года войны.* Петроград, 1916. 75 с.
- Еремин, 2005** – *Еремин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. 277 с.
- Захаров, 1998** – *Захаров А.А.* Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета в годы первой мировой войны (1915–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук; *Исторические науки: 07.00.02 / Орлов. гос. ун-т. Орел,* 1998. 19 с.
- Зигель, 2004** – *Зигель И.А.* Деятельность административно-полицейской власти Новгородской губернии в годы Первой мировой войны // *Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России.* СПб., 2004. С. 137-151.
- Иванов, 1993** – *Иванов А.* Студенты в окопах // *Родина.* 1993. № 8/9. С. 150-152.
- Кайдышева, 2014** – *Кайдышева Н.Н.* Роль общественности Пермской губернии в деле помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История.* 2014. № 5 (29). С. 91-103.
- Касарова, 1999** – *Касарова В.Г.* Рабочие Владимирской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914–февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук; *Исторические науки: 07.00.02 / Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова.* М., 1999. 31 с.
- Кирьянов, 1993** – *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // *Отечественная история.* М., 1993. № 3. С. 3-18.
- Китанина, 1985** – *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России 1914 – окт. 1917 гг.). Л., 1985. 485 с.
- Козенко, 2001** – *Козенко Б.Д.* Отечественная историография Первой мировой войны // *Новая и новейшая история.* 2001. № 3. С. 3-27.
- Козлов, 2009** – *Козлов Д.Ю.* «Странная война» в Черном море (август – октябрь 1914 года). М., 2009. 223 с.
- Крайкин, 2009** – *Крайкин В.В.* Первая мировая война в сознании провинциальных обывателей (июль 1914 – сентябрь 1915 гг., по материалам Орловской губернии) // *Вестник Самарского государственного университета.* 2009. № 69. С. 73-78.
- Культурное измерение, 2015** – «Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории». Материалы Междунар. науч. конф. Ставрополь, 2015. 188 с.
- Курцев, 1999** – *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // *Вопросы истории.* 1999. № 8. С. 98-113.
- Лаверычев, 1988** – *Лаверычев В.Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. 335 с.
- Лаврентьев, Хасин, 1997** – *Лаврентьев В.М., Хасин В.В.* Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // *Военно-исторические исследования в Поволжье.* Саратов, 1997. Вып. 2. С. 139-150.
- Лепкова, 2014** – *Лепкова Е.А.* Медицинская помощь военнослужащим русской армии в период Первой мировой войны (по материалам г. Царицына) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История.* 2014. № 5 (29). С. 104-112.
- Маевский, 1957** – *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. 391 с.
- Макаров, 1916** – *Макаров Н.П.* Предварительные сведения о положении мукомольной промышленности в Центрально-земледельческих губерниях. М., 1916. 23 с.
- Мацузато, 1997** – *Мацузато К.* «Общественная ссыпка» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны // *Acta slavica japonica.* Sapporo, 1997. Т. 15. С. 17-51.
- Мировые войны, 2002** – *Мировые войны XX века.* Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. 685 с.
- Миронов, 2017** – *Миронов Б.Н.* Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-петербургского университета. История.* 2017. 62(3). С. 463-480.

- Новиков, 1996** – Новиков Н.В. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 годах // *Гангут*. СПб., 1996. Вып. 10. С. 118-123.
- Новицкий, 1916** – Новицкий В. Очерки мировой войны на море // *Морской сборник*. 1916. № 12. С. 187-210.
- Ованесов, 2001** – Ованесов Б.Т. Отношения армянских общин Ставропольской губернии к Первой мировой войне (1914–1917 гг.) // *Лрабер асаракакан гидутюннери = Вестн. обществ. наук*. Ереван, 2001. № 2. С. 121-128.
- Очерки истории Кубани, 1997** – Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. Ратушняка. Документы и материалы. Краснодар, 1997.
- Подпрятков, 1997** – Подпрятков Н.В. Национальные меньшинства в борьбе за «честь, достоинство, целостность России...» // *Военно-исторический журнал*. 1997. № 1. С. 54-59.
- Полякова, 2009** – Полякова Л.Г. Дореволюционные периодические издания посада Сочи в начале XX века // *Былые годы*. 2009. № 1 (11). С. 10-14.
- Полякова, 2010** – Полякова Л.Г. Черноморская губерния накануне Первой мировой войны: экономический аспект // *Былые годы*. 2010. № 3 (17). С. 14-18.
- Полякова, 2011** – Полякова Л.Г. Особенности российского военного законодательства в 1915 г. (по материалам отечественной периодической печати) // *Былые годы*. 2011. № 3 (21). С. 34-39.
- Полякова, 2012** – Полякова Л.Г. Периодическая печать как средство изучения деятельности тыла в годы Первой мировой войны (на примере Черноморской губернии) // *Былые годы*. 2012. № 3 (25). С. 42-51.
- Поршнева, 2000** – Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. 415 с.
- Посадский, 2001** – Посадский А.В. Большинство населения было готово на жертвы // *Военно-исторический журнал*. М., 2001. № 9. С. 65-67.
- Савваитова, 1994** – Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война: Дискус. пробл. истории*. М., 1994. С. 113-126.
- Свилас, 2004** – Свилас С.Ф. Российская историография Первой мировой войны // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 2004. № 4. С. 68-72.
- Сергеева, 1996** – Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны / Под ред. Касарова Г.Г.; Моск. гос. авт.-дор. ин-т (техн. ун-т), Ин-т гуманитар. исслед. М., 1996. 141 с.
- Сивков, 2014** – Сивков С.М. К вопросу о беженцах на Кубани и в Черноморской губернии в годы Первой мировой войны // *Социально-экономический ежегодник–2014*. Краснодар, 2014. С. 207-210.
- Сидоров, 1973** – Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 655 с.
- Тарновский, 1958** – Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958. 263 с.
- Тверитинов, 2014** – Тверитинов И.А. Кампания по борьбе с «немецким засильем» в Черноморской губернии в период Первой мировой войны // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2014. № 3-4. С. 180-185.
- Терешина, 2005** – Терешина Е.П. Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне: (По материалам период. печати 1914–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук; Исторические науки: 07.00.02 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 2005. 38 с.
- Трут, 1998** – Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов н/Д.: Гефест, 1998. 79 с.
- Черкасов, 2009** – Черкасов А.А. Центр и окраины: Сочи в период царствования императора Николая II (1896–1917 гг.). Сочи, 2009. 247 с.
- Черкасова, 2010** – Черкасова И.Ю. Сочинский округ в годы Первой мировой войны: борьба с дороговизной // *В мире научных открытий*. 2010. № 2-1. С. 99-102.
- Черная книга, 1914** – Черная книга германских зверств. СПб.: Тип. «Орбита», 1914. 56 с.
- Шевырин, 2000** – Шевырин В.М. Земский и Городской союзы (1914–1917) / РАН. ИНИОН. Центр. социал. науч.-информ. исслед. М., 2000. 63 с.
- Шигалин, 1954** – Шигалин Г.И. Основы экономического обеспечения Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Калинин, 1954. 451 с.
- Шишкина, 2000** – Шишкина С.Ю. Война и общественные настроения: 1914-й г.: (На материалах Тобольской губернии) // *Тюменский исторический сборник*. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 53-61.
- Шубин, 2001** – Шубин Н.А. Россия в Первой мировой войне: историография проблемы: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 345 с.
- Щербинин, 2003** – Щербинин П.П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // *Вестник Челябинского университета. Сер. 1, История*. Челябинск, 2003. № 2. С. 62-72.
- Эйдук, 2008** – Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: на примере газеты «Утро России». Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 25 с.

- Engel, 1997 – Engel B.A. Not by bread alone: subsistence riots in Russia during World War I // *J. of mod. history*. Chicago, 1997. Vol. 69, № 4. pp. 697-721.
- Gatrell, 2017 – Gatrell P. Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War. // *Вестник Санкт-петербургского университета. История*, 2017, vol. 62, is. 3, pp. 497–521.
- Lohr, 2003 – Lohr E. Russian economic nationalism during the First World War: Moscow merchants and commercial diasporas // *Nationalities papers*. N.Y., 2003. Vol. 31, № 4. pp. 471-484.
- Krinko, Khlynina, 2014 – Krinko E.F., Khlynina T.P. Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World // *Bylye Gody*. 2014. № 33 (3). pp. 296-305.
- Pevzner, 2006 – Pevzner Y. Jewish committee for the relief of war victims (1914–1921) // *Pinkas*. Vilnius, 2006. Vol. 1. pp. 114-142.
- Polyakova, 2015 – Polyakova L.G. (2015). Black Sea Governorate during World War I: A Historiographical Survey. *Bylye Gody*. (2), 36: 366-372.
- Polyakova et al., 2015 – Polyakova L.G., Ageeva V.A., Balaniuk L.L. The evolution of public views of the black sea province during the first world war // *Bylye Gody*. 2015. № 38 (4). pp. 1093-1104.
- Trut, 2014 – Trut V.P. Some Aspects of the Russian Cossacks' Participation in the First World War // *Bylye Gody*. 2014. No 33 (3). pp. 335-340.

References

- Avdeev, 1994 – Avdeev V.A. (1994). Prolog istoricheskoy tragedii: Rus. mobilizatsiya v iyule 1914 g. [Prologue of the historical tragedy: Rus. mobilization in July 1914]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. № 7. pp. 39-46.
- Alekhin, 2003 – Alekhin D.V. (2003). Gorodskoe naselenie Tambovskoj gubernii i Pervaya mirovaya vojna (iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.) [The urban population of Tambov province and the First World War (July 1914 - February 1917)]: Avtoref. dis. ... kand. nauk; Istoricheskie nauki: 07.00.02 / Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina. Tambov. 26 p.
- Anfimov, 1962 – Anfimov A.M. (1962). Rossijskaya derevnya v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917) [The Russian village during the First World War (1914 – February 1917)]. M. 383 p.
- Apkarimova, 2001 – Apkarimova E.Yu. (2001). Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v gody pervoj mirovoj vojny [The everyday life of the Urals city during the First world War]. *Ural'skij gorod XVIII – nachala XX v. Ekaterinburg*, pp. 121-132.
- Astashov, 1992 – Astashov A.B. (1992). Soyuzy zemstv i gorodov i pomoshh' ranenym v pervuyu mirovuyu vojnu [Unions of zemstvos and cities and assistance to the wounded in the First world war]. *Otechestvennaya istoriya*. № 6. pp. 169-172.
- Bazhenov, 1994 – Bazhenov S.V. (1994). Soldaty zabytoj vojny [Soldiers of the forgotten war]. *Novyj chasovoj*. № 2. pp. 82-91.
- Bazanov, 2006 – Bazanov S.N. (2006). Patrioticheskij pod'em v rossijskom obshhestve v nachale Pervoj mirovoj vojny [Patriotic rise in russian society at the beginning of the First world war]. *Patriotizm – dukhovnyj sterzhen' narodov Rossii*. M. pp. 154-165.
- Belova, 2011 – Belova I.B. (2011). Pervaya mirovaya vojna i rossijskaya provintsija: avgust 1914 – fevral' 1917 g. [The First world war and the russian province: august 1914 – february 1917]. M.
- Belogurova, 2006 – Belogurova T.A. (2006). Russkaya periodicheskaya pechat' i problemy vnutrennej zhizni v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gg.) [Russian periodicals and problems of inner life during the first world war (1914-1917)]. Smolensk. 130 p.
- Belogurova, 2006 – Belogurova T.A. (2006). Otrazhenie obshhestvennykh nastroyenij v rossijskoj periodicheskoy pechati 1914 – fevral' 1917 gg. [The reflection of public sentiment in the russian periodical press 1914 – february 1917]. Avtoref. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk. Bryansk. 50 p.
- Binshtok, Kaminskij, 1929 – Binshtok V.I., Kaminskij L.S. (1929). Narodnoe pitanie i narodnoe zdravie [Folk food and people's health]. M., L., 126 p.
- Bovykin, 1988 – Bovykin V.I. (1988). Rossiya nakanune velikikh svershenij [Russia on the eve of great achievements.]. M., 151 p.
- Borshhukova, 2012 – Borshhukova E.D. (2012). Obshhestvennoe mnenie naseleniya Rossijskoj imperii o pervoj mirovoj vojne i zashhite otechestva (1914–1917) [Public opinion of the population of the Russian Empire on the First world war and the defense of the fatherland (1914-1917)]. SPb.
- Bor'ba s dorogoviznoj, 1916 – Bor'ba s dorogoviznoj i gorodskoe upravlenie [Fight against high prices and urban management]. M., 1916. 182 p.
- Bukshpan, 1929 – Bukshpan Ya.M. (1929). Voенно-khozyajstvennaya politika. Formy i organy regulirovaniya narodnogo khozyajstva za vremya mirovoj vojny 1914–1918 gg. [Military-economic policy. Forms and regulatory agencies of the national economy during the world war of 1914-1918]. M., L., 541 p.
- Bunyakovskij, 1916 – Bunyakovskij V.V. (1916). Iz opyta tekushhej vojny. I: Sluzhba vojsk v pole i boj. II: Novejshie tekhnicheskie sredstva bor'by. III: Obuchenie i vospitanie vojsk [From the experience of the current war. I: The service of troops in the field and the battle. II: The newest technical means of struggle. III: Training and education of troops]. Pg.: Izdatel' V. Berezovskij, 77 p.

- Vojtinskij, 1916** – *Vojtinskij V.* (1916). Bezhtentsy i sibirskaya derevnya [Refugees and the Siberian village]. *Letopis'*. № 12. pp. 297-307.
- Voprosy mirovoj vojny, 1915** – Voprosy mirovoj vojny [Issues of World war]. Sbornik Komiteta po ustrojstvu ehtapnogo lazareta imeni vysshikh uchebnykh zavedenij Petrograda pod red. prof. M.I. Baranovskogo. Petrograd, 1915. 675 p.
- Gatrell, 2001** – *Gatrell P.* (2001). Bezhtentsy v Rossii v gody pervoj mirovoj vojny [Refugees in Russia during the First world war]. *Istoricheskie zapiski*. M., 4(122). pp. 46-72.
- Gerasimenko, 2001** – *Gerasimenko B.* (2001). Ocherki istorii Novorossijska [Essays on the history of Novorossiysk]. Novorossiysk, 180 p.
- Golubin, 2002** – *Golubin R.V.* (2002). Transformatsiya obshhestvennykh nastroenij v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [Transformation of public sentiment in Russia during the First world war]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*. Ser.: Istoriya. Vyp. 1. pp. 92-96.
- Gorskaya, 2000** – *Gorskaya N.I.* (2000). Mestnoe zemstvo i vojna: (iz istorii Smolenskogo zemstva v 1914-1917 gg.) [Local zemstvo and war: (from the history of the Smolensk zemstvo in 1914-1917)]. *Politicheskie partii i obshchestvo v Rossii: 1914-1917 gg.* M., pp. 141-161.
- Groman, 1915** – *Groman V.G.* (1915). Dorogovizna khlebnnykh produktov [Expensive bread products]. M., 16 p.
- Guzhva, 2008** – *Guzhva D.G.* (2008). Rossijskaya voennaya periodicheskaya pechat' v gody Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 [Russian military periodical press during the First world war of 1914-1918]. Avtoref. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk. M., 25 p.
- Dvizhenie tsen, 1916** – Dvizhenie tsen za dva goda vojny [Price movement for two years of war]. Petrograd, 1916. 75 p.
- Eremin, 2005** – *Eremin I.A.* (2005). Tomskaya guberniya kak tylovoj rajon Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.) [Tomsk province as the rear area of Russia during the First world war (1914-1918)]. Barnaul, 277 p.
- Zakharov, 1998** – *Zakharov A.A.* (1998). Deyatel'nost' Moskovskogo oblastnogo voenno-promyshlennogo komiteta v gody pervoj mirovoj vojny (1915–1917 gg.) [The activities of the Moscow regional military-industrial committee during the First world war (1915-1917)]: Avtoref. dis. ... kandidata nauk; Istoricheskie nauki: 07.00.02 / Orlov. gos. un-t. Orel, 19 p.
- Zigel', 2004** – *Zigel' I.A.* (2004). Deyatel'nost' administrativno-politsejskoj vlasti Novgorodskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Activity of the administrative and police authority of the Novgorod province in the years of the First world war]. *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvennost' v istorii tsentral'nogo i mestnogo upravleniya Rossii*. SPb., pp. 137-151.
- Ivanov, 1993** – *Ivanov A.* (1993). Studenty v okopakh [Students in the trenches]. *Rodina*. № 8/9. pp. 150-152.
- Kajdysheva, 2014** – *Kajdysheva N.N.* (2014). Rol' obshchestvennosti Permskoj gubernii v dele pomoshchi bol'nym i ranenym voenam v gody Pervoj mirovoj vojny [The public role of perm province in assisting the sick and wounded soldiers during the first world war]. *Volgogradskii gosudarstvennyi universitet-vestnik-seriya 4-istoriya regionovedenie mezhdunarodnye otnosheniya*. № 5 (29). pp. 91-103.
- Kasarova, 1999** – *Kasarova V.G.* (1999). Rabochie Vladimirskoj gubernii v gody pervoj mirovoj vojny (iyul' 1914–fevr. 1917 gg.) [Workers of the Vladimir province during the First world war (july 1914 – february 1917)]: Avtoref. dis. ... kandidata nauk; Istoricheskie nauki: 07.00.02. Ros. ehkon. akad. im. G.V. Plekhanova. M., 31 p.
- Kir'yanov, 1993** – *Kir'yanov Yu.I.* (1993). Massovyie vystupleniya na pochve dorogovizny v Rossii (1914 – fevral' 1917 g.) [Mass actions on the basis of high prices in Russia (1914 – february 1917)]. *Otechestvennaya istoriya*. M., № 3. pp. 3-18.
- Kitanina, 1985** – *Kitanina T.M.* (1985). Vojna, khleb i revolyutsiya (prodovol'stvennyj vopros v Rossii 1914 – oktyabr' 1917 gg.) [War, bread and revolution (the food issue in Russia in 1914 – october 1917)]. L., 485 p.
- Kozenko, 2001** – *Kozenko B.D.* (2001). Otechestvennaya istoriografiya Pervoj mirovoj vojny [National historiography of the First world war]. *Novaya i novejschaya istoriya*. № 3. pp. 3–27.
- Kozlov, 2009** – *Kozlov D.Yu.* (2009). «Strannaya vojna» v Chernom more (avgust – oktyabr' 1914 goda) [“Strange War” in the Black sea (august – october 1914)]. M., 223 p.
- Krajkin, 2009** – *Krajkin V.V.* (2009). Pervaya mirovaya vojna v soznanii provintsial'nykh obyvatelej (iyul' 1914 – sentyabr' 1915 gg., po materialam Orlovskoj gubernii) [The First World War in the minds of provincial townsfolk (july 1914 – september 1915, according to the materials of Orel province)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 69. pp. 73-78.
- Kul'turnoe izmerenie, 2015** – «Kul'turnoe izmerenie vojny: Pervaya mirovaya vojna v obrazakh, v pamyati i istorii» [“The cultural dimension of war: World war I in images, in memory and history”]. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Stavropol', 2015. 188 p.
- Kurtsev, 1999** – *Kurtsev A.N.* (1999). Bezhtentsy pervoj mirovoj vojny v Rossii (1914-1917) [Refugees of the First world war in Russia (1914-1917)]. *Voprosy istorii*. № 8. pp. 98-113.
- Laverychev, 1988** – *Laverychev V.Ya.* (1988). Voennyj gosudarstvenno-monopolisticheskij kapitalizm v Rossii [Military state-monopoly capitalism in Russia]. M., 335 p.

Lavrent'ev, Khasin, 1997 – Lavrent'ev V.M., Khasin V.V. (1997). Migratsionnye protsessy v Rossii v pervuyu mirovuyu vojnu [Migration processes in Russia in the First world war]. *Voенно-istoricheskie issledovaniya v Povolzh'e*. Saratov, Vyp. 2. pp. 139-150.

Lepkova, 2014 – Lepkova E.A. (2014). Medicinskaya pomoshch' voennosluzhashchim russkoj armii v period Pervoj mirovoj vojny (po materialam g. Caricyna) [Medical aid for russian soldiers during the first world war (on the materials of Tsaritsyn)]. *Volgogradskii gosudarstvennyi universitet-vestnik-seriya 4-istoriya regionovedenie mezhdunarodnye otnosheniya*. № 5 (29). pp. 104-112.

Maevskij, 1957 – Maevskij I.V. (1957). Ehkonomika russkoj promyshlennosti v usloviyakh Pervoj mirovoj vojny [Economics of russian industry in terms of the First world war]. M., 391 p.

Makarov, 1916 – Makarov N.P. (1916). Predvaritel'nye svedeniya o polozhenii mukomol'noj promyshlennosti v Tsentral'no-zemledel'cheskikh guberniyakh [Preliminary information on the situation of the milling industry in the Central Agricultural Gubernias]. M., 23 p.

Matsuzato, 1997 – Matsuzato K. (1997). "Obshhestvennaya ssypka" i voенно-prodovol'stvennaya sistema Rossii v gody pervoj mirovoj vojny ["Public exile" and the russian military food system during the First world war]. *Acta slavica iaponica. Sapporo*, T. 15. pp. 17-51.

Mironov, 2017 – Mironov B.N. (2017). Achievements and failures of the russian economy during the First world war. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 62(3). pp. 463-480.

Mirovyje vojny, 2002 – Mirovyje vojny XX veka. Kn. 1. Pervaya mirovaya vojna. Istoricheskij ocherk [World wars of the XX century. Book 1. The First world war. Historical essay]. M., 2002. 685 p.

Novikov, 1996 – Novikov N.V. (1996). Operatsii flota protiv berega na Chernom more v 1914–1917 godakh [Operations of the fleet against the shore on the Black sea in 1914-1917]. *Gangut*. Vyp. 10. pp. 118-123.

Novitskij, 1916 – Novitskij V. (1916). Ocherki mirovoj vojny na more [Essays on the world war at sea]. *Morskoy sbornik*. № 12. pp. 187-210.

Ovanesov, 2001 – Ovanesov B.T. (2001). Otnosheniya armyanskikh obshhin Stavropol'skoj gubernii k pervoj mirovoj vojne (1914–1917 gg.) [Relations of the armenian communities of the Stavropol province to the First world war (1914-1917)]. *Lraber asarakakan gidutyunneri = Vestn. obshhestv. nauk*. Erevan, № 2. pp. 121-128.

Ocherki istorii Kubani, 1997 – Ocherki istorii Kubani s drevnejshikh vremen po 1920 g. [Essays on the history of the Kuban from the ancient times to 1920]. Pod red. Ratushnyaka. Dokumenty i materialy. Krasnodar, 1997.

Podpryatov, 1997 – Podpryatov N.V. (1997). Natsional'nye men'shinstva v bor'be za "chest', dostoinstvo, tselost' Rossii..." [National minorities in the struggle for "the honor, dignity, integrity of Russia..."]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. № 1. pp. 54-59.

Polyakova, 2009 – Polyakova L.G. (2009). Dorevolyutsionnye periodicheskie izdaniya posada Sochi v nachale XX veka [Pre-Revolutionary Periodicals of Posad Sochi at the beginning of the 20th century]. *Bylye Gody*. № 1 (11). pp. 10-14.

Polyakova, 2010 – Polyakova L.G. (2010). Chernomorskaya guberniya nakanune Pervoj mirovoj vojny: ehkonomicheskij aspekt [Black sea province on the eve of the First world war: the economic aspect]. *Bylye Gody*. № 3 (17). pp. 14-18.

Polyakova, 2011 – Polyakova L.G. (2011). Osobennosti rossijskogo voennogo zakonodatel'stva v 1915 g. (po materialam otechestvennoj periodicheskoj pechati) [Features of the russian military legislation in 1915 (based on the materials of the national periodical press)]. *Bylye Gody*. № 3 (21). pp. 34-39.

Polyakova, 2012 – Polyakova L.G. (2012). Periodicheskaya pechat' kak sredstvo izucheniya deyatel'nosti tyla v gody Pervoj mirovoj vojny (na primere Chernomorskoj gubernii) [Periodical press as a means of studying the activities of the rear during the First World War (on the example of the Black sea province)]. *Bylye Gody*. № 3 (25). pp. 42-51.

Porshneva, 2000 – Porshneva O.S. (2000). Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny: (1914 – mart 1918 g.) [Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First world war: (1914 – march 1918)]. Ekaterinburg, 415 p.

Posadskij, 2001 – Posadskij A.V. (2001). Bol'shinstvo naseleniya bylo gotovo na zhertvy [The majority of the population was ready to sacrifice]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. M., № 9. pp. 65-67.

Savvaitova, 1994 – Savvaitova M.D. (1994). Cheshskij vopros v ofitsial'nykh krugakh Rossii v gody pervoj mirovoj vojny [The Czech issue in official circles of Russia during the First world war]. Pervaya mirovaya vojna: Diskus. probl. istorii. M., pp. 113-126.

Svilas, 2004 – Svilas S.F. (2004). Rossijskaya istoriografiya Pervoj mirovoj vojny [Russian historiography of the First world war]. *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenij*. № 4. pp. 68–72.

Sergeeva, 1996 – Sergeeva S.L. (1996). Voенно-promyshlennye komitety v gody pervoj mirovoj vojny [Military-industrial committees during the First world war]. Pod red. Kasarova G.G.; Mosk. gos. avt.-dor. in-t (tekhn. un-t), In-t gumanit. issled. M., 141 p.

Sivkov, 2014 – Sivkov S.M. (2014). K voprosu o bezhentsakh na Kubani i v Chernomorskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [On the issue of refugees in the Kuban and in the Black Sea province in the years of the First world war]. *Sotsial'no-ehkonomicheskij ezhegodnik-2014*. Krasnodar, pp. 207-210.

- Sidorov, 1973** – Sidorov A.L. (1973). Ehkonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [The economic situation in Russia during the First world war]. M., 655 p.
- Tarnovskij, 1958** – *Tarnovskij K.N.* (1958). Formirovanie gosudarstvenno-monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [The formation of state-monopoly capitalism in Russia during the First world war]. M., 263 p.
- Tveritinov, 2014** – *Tveritinov I.A.* (2014). Kampaniya po bor'be s «nemetskim zasil'em» v Chernomorskoj gubernii v period Pervoj mirovoj vojny [Campaign to combat "German dominance" on the Black sea province during the First world war]. *Golos minuvshego. Kubanskij istoricheskij zhurnal*. № 3-4. pp. 180-185.
- Tereshina, 2005** – *Tereshina E.P.* (2005). Otnoshenie naseleniya Povolzh'ya k pervoj mirovoj vojne: (po materialam period. pechati 1914–1917 gg.) [The attitude of the population of the Volga region to the First world war: (on the materials of the period of the press in 1914-1917)]: Avtoref. dis. ... kand. nauk; Istoricheskie nauki: 07.00.02 / Kazan. gos. un-t im. V.I. Ul'yanova-Lenina. Kazan', 38 p.
- Trut, 1998** – *Trut V.P.* (1998). Kazachestvo Rossii v period Pervoj mirovoj vojny [Cossacks of Russia during the First world war]. Rostov n/D.: Gefest, 79 p.
- Cherkasov, 2009** – *Cherkasov A.A.* (2009). Tsentr i okrainy: Sochi v period tsarstvovaniya imperatora Nikolaya II (1896–1917 gg.) [Center and suburbs: Sochi during the reign of Emperor Nicholas II (1896-1917)]. Sochi, 247 p.
- Cherkasova, 2010** – *Cherkasova I.Yu.* (2010). Sochinskij okrug v gody Pervoj mirovoj vojny: bor'ba s dorogoviznoj [Sochi district during the First world war: the fight against high prices]. *V mire nauchnykh otkrytij*. № 2-1. pp. 99-102.
- Chernaya kniga, 1914** – Chernaya kniga germanskikh zverstv [The Black book of german atrocities]. SPb.: Tip. «Orbita», 1914. 56 p.
- Shevyrin, 2000** – *Shevyrin V.M.* (2000). Zemskij i Gorodskoj soyuzy (1914–1917) [Zemsky and City unions (1914-1917)]. RAN. INION. Tsentr. sotsial. nauch.-inform. issled. M., 63 p.
- Shigalin, 1954** – *Shigalin G.I.* (1954). Osnovy ehkonomicheskogo obespecheniya Pervoj mirovoj, grazhdanskoj i Velikoj Otechestvennoj vojny [The fundamentals of economic support for the First world war, civil and Great Patriotic War]. Kalinin, 451 p.
- Shishkina, 2000** – *Shishkina S.Yu.* (2000). Vojna i obshhestvennye nastroeniya: 1914-j g.: (na materialakh Tobol'skoj gubernii) [War and public mood: 1914-th. years: (on the materials of the Tobolsk province)]. Tyumenskij istoricheskij sbornik. Tyumen', Vyp. 4. pp. 53-61.
- Shubin, 2001** – *Shubin N.A.* (2001). Rossiya v Pervoj mirovoj vojne: istoriografiya problem [Russia in the First world war: the historiography of the problem]: Dis. ... d-ra ist. nauk. M., 345 p.
- Shherbinin, 2003** – *Shherbinin P.P.* (2003). Alkohol' v povsednevnoj zhizni rossijskoj provintsii v period pervoj mirovoj vojny 1914–1918 godov [Alcohol in the daily life of the russian province during the First world war of 1914-1918]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Ser. 1, Istoriya*. Chelyabinsk. № 2. pp. 62-72.
- Gatrell, 2017** – *Gatrell P.* (2017). Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*, 62(3), pp. 497–521.
- Ehjuduk, 2008** – *Ehjuduk D.V.* (2008). «Obraz vraga» i perspektivy vojny v russkoj periodicheskoj pechati v 1914–1915 gg.: na primere gazety «Utro Rossii» [“The image of the enemy” and the prospects for war in the russian periodical press in 1914-1915: the example of the newspaper “Utro Rossii”]. Avtoref. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk. SPb. 25 p.
- Engel, 1997** – *Engel B.A.* (1997). Not by bread alone: subsistence riots in Russia during World War I. *J. of mod. history*. Chicago. Vol. 69, № 4. pp. 697-721.
- Lohr, 2003** – *Lohr E.* (2003). Russian economic nationalism during the First World War: Moscow merchants and commercial diasporas. *Nationalities papers*. N.Y. Vol. 31, № 4. pp. 471-484.
- Krinko, Khlynina, 2014** – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* (2014). Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World. *Bylye Gody*. 2014. № 33 (3). pp. 296-305.
- Pevzner, 2006** – *Pevzner Y.* (2006). Jewish committee for the relief of war victims (1914–1921). *Pinkas*. Vilnius. Vol. 1. pp. 114-142.
- Polyakova, 2015** – *Polyakova L.G.* (2015). Black Sea Governorate during World War I: A Historiographical Survey. *Bylye Gody*. (2), 36: 366-372.
- Polyakova et al., 2015** – *Polyakova L.G., Ageeva V.A., Balaniuk L.L.* (2015). The evolution of public views of the black sea province during the first world war. *Bylye Gody*. № 38 (4). pp. 1093-1104.
- Trut, 2014** – *Trut V.P.* (2014). Some Aspects of the Russian Cossacks' Participation in the First World War. *Bylye Gody*. No 33 (3). pp. 335-340.

Черноморская губерния в Первой мировой войне: историографический обзор

Любовь Георгиевна Полякова ^{a, b, *}, Леонид Леонидович Баланюк ^c

^a Международным сетевым центром фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается историография социально-экономического развития Черноморской губернии в период Первой мировой войны. Уделено внимание работам, которые были опубликованы в период Первой мировой войны и до настоящего времени.

В качестве материалов в историографической работе были использованы научные исследования российских и зарубежных авторов. Методологическую основу исследования составили традиционные для отечественной историографии принципы историзма, научной объективности и системности. Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой результатов, основанных на историографических данных, применялась совокупность частных аналитических методов изучения, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, методику допущения. В результате применения аналитических методик удалось систематизировать полученную информацию и более эффективно использовать ее для теоретических построений.

В заключении авторы отмечают, что в историографии истории Первой мировой войны на территории Черноморской губернии и сегодня имеются значительные пробелы, при этом данная тема не стала предметом комплексного изучения. До сих пор не нашли своего отражения вопросы госпитальной базы на территории Черноморской губернии, во многом недостаточно изучены административные меры, направленные на борьбу с алкоголизмом в период войны, а также деятельность благотворительных обществ.

Ключевые слова: Первая мировая война, Черноморская губерния, историографический обзор.

* Корреспондирующий автор

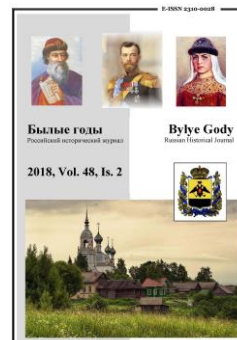
Адреса электронной почты: polyakoval84@mail.ru (Л.Г. Полякова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 48. Is. 2. pp. 850-860. 2018
 DOI: 10.13187/bg.2018.2.850
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Don Branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna

Natalia Rylova ^{a, *}, Victoria Lobova ^a

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

In Russia by the beginning of XX century there was an extensive but complex system of public charity. Institutions under the protection of the Royal family provided extensive assistance to those in need. The authors of this article analyzed the charitable activities of the regional branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, established on don at the beginning of the first world war. Materials for the study were the documents of the state archive of the Rostov region, information periodicals of the pre-revolutionary period. Methodological approaches combining principles and methods of classical historiography were applied in the work. The don branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna was formed at the very beginning of the first world war for the organization and the General management of assistance to victims of war in the territory of area. As the activities unfold, a network of institutions that were part of the don branch of the Elizabethan Committee is being formed. As a result, by the end of 1914 – the beginning of 1915 commissions, guardianship agencies, committees of different levels located in the cities and the Central villages of the region of the don army were created. All these organizations, coordinated by the don branch of the Elizabethan Committee, did everything possible to collect donations, to create shelters not only for children but also for women and disabled soldiers, to provide agronomic, labor and pedagogical assistance. The don branch also maintained relations with other organizations that carried out various types of charitable assistance, giving them cash benefits. The patronage of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and her personal contribution to the cause of mercy played an important role in the successful implementation of the tasks of the don branch.

Keywords: charity, charitable society, the first world war, the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, the area of the don army.

1. Введение

В России уже к началу XX в. существовала разветвленная, но сложная система общественного призрения. Благотворительные учреждения находились в ведении многих центральных органов управления, что не способствовало отлаженному функционированию всей системы. Широкую помощь нуждавшимся оказывали учреждения, находившиеся под покровительством царской семьи. Начало Первой мировой войны обозначило необходимость упорядочения всего процесса оказания помощи пострадавшим. С этой целью учреждается Верховный Совет, возглавивший деятельность по организации помощи пострадавшим от военных событий. Одновременно для координации доставки благотворительной поддержки разным категориям пострадавших во время войны образуются Комитеты под покровительством членов императорской фамилии. Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны возглавил осуществление помощи семьям призванных, раненых и погибших воинов. Созданная на территории Области войска Донского структура местного отделения Комитета Елизаветы Федоровны, состояла из разнообразных заведений, осуществлявших благотворительную помощь нуждавшимся из семей призванных, раненых и убитых воинов. Важнейшими направлениями деятельности являлись организация призрения детей, оказание

* Corresponding author

E-mail addresses: rlesya55@mail.ru (N. Rylova), 0101023@list.ru (V. Lobova)

продовольственной, педагогической, трудовой, агрономической, а также помощи в решении многих бытовых проблем этих семей. С момента создания Донское отделение осуществляло координацию деятельности всей системы оказания помощи пострадавшим от войны на территории области. В данной статье авторы проанализировали благотворительную деятельность областного отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, созданного на Дону в период Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

Материалами для исследования стали документы Государственного архива Ростовской области, сведения периодической печати дореволюционного периода, в которых отражена благотворительная практика и роль Донского областного отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны в организации и непосредственно в оказании помощи раненым, больным воинам и их семьям в условиях Первой мировой войны.

В работе применялись методологические подходы, сочетающие принципы и методы классической историографии. В частности, авторы, решая поставленные задачи, обратились к использованию характерных для традиционной классической историографии принципов объективности, историзма, системности, исходящих из единства исторического и логического. Это позволило изучать события в конкретных исторических условиях и связях. В работе применялись и традиционные для классической историографии историко-генетический и историко-сравнительный методы, в основе которых – логически-смысловое исследование. Историко-генетический метод использовался при поэтапном воспроизведении истории благотворительной практики Донского отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, что позволило проследить динамику ее развития на региональном уровне. Для определения тождества и различия западной и российской модели благотворительности, а также выяснения особенностей осуществления благотворительной практики на региональном уровне применялся историко-сравнительный метод. Используемые в исследовании методологические подходы позволили авторам проанализировать благотворительную практику, выявить роль Донского областного отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны в организации и оказании помощи семьям призванных, раненых и погибших воинов в условиях Первой мировой войны.

3. Обсуждение

В рамках существующего на сегодняшний день научного интереса к истории благотворительности период Первой мировой войны занимает важное место. Написано немало работ общего характера разного уровня как по истории непосредственно военных событий, так и о развитии политических и социально-экономических процессов в России. Между тем только в 1992 г. была издана статья, в которой впервые на современном этапе представлен взгляд на вопрос об оказании помощи раненым в Первую мировую войну. Автор рассмотрел практический вклад земств и городов в осуществление этого процесса (Асташов, 1992: 169-172).

Важное место в исследовании проблемы занимают работы крупного специалиста в области изучения истории благотворительности Г.Н. Ульяновой, ведущего научного сотрудника Института российской истории, доктора исторических наук. Автором представлена детально проработанная современная историография по интересующей нас теме, рассмотрены основные дискуссионные вопросы, одним из которых, по мнению историка, продолжает оставаться выяснение соотношения вклада общества и государства в дело оказания помощи жертвам войны. Г.Н. Ульянова также выявила формы помощи и различные виды благотворительных акций, получивших распространение в период Первой мировой войны (Ульянова, 2014a: 230-237; Ульянова, 2014b: 446-468; Ульянова, 2015: 178-194).

В современных исследованиях авторы продолжают изучение таких аспектов проблемы, как эволюция отечественной благотворительности в конце XIX – начале XX вв., роль и значение благотворительной помощи пострадавшим в период Первой мировой войны, участие в этом процессе представителей царской семьи, обычных россиян, деятельность конкретных учреждений и заведений благотворительного характера (Горбунова, 1996; Соколов, Зимин, 2015).

Вклад в разработку проблемы внесли и зарубежные авторы. Это, прежде всего, американские историки, среди которых Джозеф Брэдли, Девид Л. Рэнсел, Адель Линденмайер и другие, работы которых, по сути, положили начало современному научному изучению российской благотворительности (Bradley, 1982: 427-444; Ransel, 1988; Lindenmeyr, 1986: 1-22; Lindenmeyr, 1990a; Lindenmeyr, 1990b: 679-694). Главное внимание этих авторов сконцентрировано на изучении институтов благотворительности, их функционировании, показана роль царского правительства в общем процессе развития государства и благотворительности в России. Более подробно американская историография российской благотворительности проанализирована в статье Г.Н. Ульяновой (Ульянова, 1995: 108-118). Интерес представляет монография английского историка Питера Гранта, в которой автор рассуждает о том, что темпы развития, интенсивность осуществления благотворительных акций в годы войны отличается от периода жизни общества в условиях мирного времени. Британский ученый поэтому пишет о «мобилизационной» благотворительности, для

которой характерны ускоренные темпы развития в связи с экстремальной ситуацией военного периода (Grant, 2014).

В стадии разработки пока находится региональный аспект изучения развития благотворительности периода Первой мировой войны. Между тем, например, на территории Донского края к началу войны благотворительность получила широкое развитие, она была представлена разными формами и направлениями. В работах донских авторов М.Ю. Соколовой, О.П. Окопной и В.В. Немовой исследуется ряд общих аспектов развития благотворительности, деятельность некоторых благотворительных организаций Области войска Донского в рамках периода Первой мировой войны, участие предпринимателей в организации и оказании материальной помощи пострадавшим в период военных событий (Соколова, 1997: 35-41; Окопная, 2010: 138-141; Немова, 2015: 106-109). В то же время изучение этой проблемы и в общероссийском, и в региональном масштабе далеко от своего завершения.

Проблема, к которой мы обратились, – изучение и осмысление бесценного опыта оказания благотворительной помощи разным категориям населения, пострадавшим от войны, – представляется весьма актуальной на сегодняшний день, в условиях, когда Россия и ее жители постоянно сталкиваются с различными сложными, порой трагическими ситуациями, для решения которых необходима реальная помощь и государства, и представителей общества. В связи с этим роль благотворительности не только не угасает, наоборот, ее необходимость на современном этапе только возрастает. Более того, как справедливо замечает современная американская исследовательница российской благотворительности Адель Линденмайер, «знакомство с опытом прошлого может оказаться полезным для тех, кто призван иметь дело с современными социальными проблемами, будь эти люди государственными деятелями, политиками или обычными гражданами, к которым бедняки обращаются за помощью на улицах Москвы или Филадельфии» (Линденмайер, 2008).

4. Результаты

Первая мировая война принесла величайшие испытания российскому народу. Радикально изменилось внутреннее положение в стране. Война оказала значительное воздействие на развитие социально-политических процессов, потребовала от российского общества концентрации всех возможных сил.

Следует заметить, что в первые месяцы военного времени в стране буквально царил всеобщий патриотический подъем, и это повлияло на развитие благотворительной деятельности, которая в ту пору переживала явное оживление. Усилия многих, пожелавших быть полезными обществу и конкретным людям, концентрировались, прежде всего, на оказании помощи пострадавшим в связи с военными событиями и их последствиями. Более того, можно говорить о том, что это был завершающий этап эволюции дореволюционной благотворительности, и он совпал с трагическими событиями Первой мировой войны, из которых Россия вышла уже совершенно другой.

В условиях же начавшейся Первой мировой войны в России продолжали плодотворно функционировать различные благотворительные ведомства, частные и общественные заведения и общества, учрежденные еще в предшествующий период. К таковым относились Императорское человеколюбивое общество, Императорское женское патриотическое общество, Александровский комитет о раненых, Воинское благотворительное общество Белого креста, Романовский комитет, Морское благотворительное общество, Скобелевский комитет для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам и др. В период Первой мировой войны развивается деятельность Алексеевского главного комитета. Огромным опытом благотворительной деятельности располагало Ведомство учреждений Императрицы Марии. В составе его структуры с 1914 по 1917 гг. были открыты лазареты для раненых воинов.

Ощутимый вклад в дело оказания помощи семьям лиц, призванных в войска, был внесен Ведомством православного вероисповедания и, прежде всего, приходскими попечительными Советами. Уже к февралю 1915 г. в России было учреждено и действовало 26784 приходских попечительных Совета, стараниями которых 1211194 семьи в этот же период получили денежные пособия. На эти цели приходские попечительные Советы смогли собрать пожертвований на сумму 1764844 руб. Кроме того из церковных средств было отпущено 124114 руб. Помимо выдачи денежных пособий, приходскими Советами оказывалась помощь вышеназванной категории семей в решении проблем трудоустройства, а также в обеспечении продуктами, бесплатными обедами, различными хозяйственными предметами, одеждой. Советы содержали в госпиталях кровати для раненых воинов, собирали пожертвования на военные нужды, заготавливали одежду, обувь и т.д. (Известия..., вып. 7, 1914: 252-255).

Широкую работу на фронте и в тылу по оказанию помощи воинам и их семьям осуществляло Российское общество Красного Креста, официальная история которого началась задолго до Первой мировой. К середине июня 1915 г. сумма пожертвований, поступивших в Красный Крест, составила 48275437 руб. В заведениях этого ведомства работали 1500 врачей, 8268 сестер милосердия, около 200 фельдшеров, 750 студентов и свыше 16000 санитаров. Постоянно расширяя сеть специализированных учреждений, совершенствуя организацию оказания помощи больным и раненым воинам, Красный Крест к началу осени 1915 года открыл на всех фронтах 71 госпиталь на

44400 кроватей, 65 этапных и 55 подвижных лазаретов и снарядил 9 санитарных поездов, а также 1329 эвакуационных лазаретов на 61247 кроватей (Беннигсен, 1915: 3247-3248).

В оказании конкретной помощи армии и населению большую роль сыграла деятельность Всероссийских союзов, земского и городского, которые, приступив к работе, должны были, прежде всего, направить свои силы на открытие и оборудование госпиталей в тылу. Так, для снабжения этих госпиталей и лазаретов бельем, медикаментами, перевязочными средствами, хирургическими инструментами и необходимым инвентарем в Москве был устроен центральный склад Всероссийского земского союза. При центральном складе был образован особый заготовительный отдел, который производил как закупку требуемых вещей, так и техническую их оценку. Стараясь по возможности обойтись без посредников, заготовительный отдел взаимодействовал непосредственно с производителями, широко используя при этом содействие земских учреждений. К январю 1915 г. деятельность заготовительного отдела выразилась в закупке разного рода материалов на 18078247 руб. Все заготовленные вещи направлялись на склады, которые снабжали лечебные заведения во всех частях России. Всего в начале 1915 г. на склады поступило постельного белья на 1853675 руб., нижнего белья – на 5269294 руб., теплых вещей и обуви – на 6812125 руб., предметов ухода за ранеными – на 2301303 руб., хозяйственных предметов для госпиталей – на 601833 руб. и всяких мануфактурных товаров – на 7131278 руб. Помимо того земский союз устанавливал контакты с иностранными фирмами по выписке из-за границы отсутствовавших в России лекарств, которые, в частности, закупались в Америке, Франции, Японии и Швейцарии. Всего к 1 января 1915 г. союзом было закуплено медикаментов в России на 295347 руб. и на 987438 руб. за границей. К тому же времени союзом было оборудовано 164442 кровати для раненых воинов (Отчет..., 1915: 933-936).

Вместе с тем, несмотря на функционирование многих благотворительных учреждений разного уровня, оказывавших помощь пострадавшим от военных бедствий, отсутствие согласованности в их деятельности не могло оказать положительное воздействие на общее состояние организации призрения пострадавших. Осознание этого в правительственных кругах и обществе привело к изданию 11 августа 1914 г. именного высочайшего указа об образовании Верховного Совета под председательством императрицы Александры Федоровны и вице-председателей в лице великой княгини Елизаветы Федоровны и великой княжны Ольги Николаевны (Собрание..., 1914: 3259).

Верховный Совет – высший государственный орган в сфере призрения пострадавших от военных событий – был учрежден именно с целью объединения и координации действий государственных структур, общественных образований и частных лиц по организации помощи семьям лиц, призванных на войну, а также семьям раненых и павших воинов. К предметам ведения Совета закон относил: главное руководство делом призрения; изыскание мер к усилению способов и средств призрения упомянутых семей; прием пожертвований; распределение между учреждениями средств, ассигнованных из государственного казначейства, а также пожертвований, не имеющих определенного назначения и др. Этим же указом «для устройства и объединения на местах благотворительной помощи семьям лиц, призванных на военную службу... учредили в Москве под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Комитет Елизаветы Федоровны на основании особого о нем положения» (Собрание..., 1914: 3259-3260).

Согласно положению во всех губерниях и градоначальствах постепенно создавались отделения Комитета Елизаветы Федоровны. Местные отделения должны были оказывать необходимую помощь семьям лиц, призванных на войну из запаса и из ополчения в пределах губернии, области или градоначальства, заниматься открытием и содержанием приютов, яслей, выдачей продуктов питания, вещей, топлива, других необходимых предметов, решением проблем трудоустройства, приисканием дешевых квартир и т.п. Следует отметить, что, находясь под общим руководством Комитета Елизаветы Федоровны, в своих действиях его местные отделения получали самостоятельность (Известия..., вып. 1, 1914: 9).

Таким образом, вышеназванное положение регулировало деятельность Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, а также всех учреждений, открытых в российских губерниях и входивших в систему Комитета. Уже к началу декабря 1914 г. в разных областях Российской империи было основано 80 местных отделений Комитета ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны (Известия..., вып. 4, 1915: 112-113), а к июлю 1915 г. – 86. Средства, которыми располагали все эти отделения, составили 4033254 руб., а израсходовано было к тому же времени по всем отделениям 1814713 руб. (Известия..., вып. 7, 1915: 230-249).

В годы Первой мировой войны на Дону, как и в других регионах России, наряду с уже существовавшими к тому времени, создаются специальные благотворительные учреждения для оказания помощи разным категориям населения, пострадавшим от военных невзгод.

С началом военных действий организацию необходимой помощи семьям мобилизованных казаков и запасных чинов в Донском регионе возглавил сам наказной атаман Области войска Донского генерал от кавалерии В.И. Покотило. Еще 28 июля 1914 г., по его инициативе в Новочеркасске был открыт Областной комитет для сбора пожертвований и оказания немедленной помощи семьям казаков и запасных, призванных в армию. Кроме войскового наказного атамана, который возглавил комитет в качестве председателя, в его состав также вошли архиепископ Донской

Владимир, областной предводитель дворянства, представители благотворительных заведений и обществ г. Новочеркаска (*Известия...*, вып. 4, 1915: 126).

Деятельность Областного комитета, помимо сбора пожертвований, выражалась в уплате за квартиры нуждающихся семей, снабжении их продуктами и топливом, решении проблем трудоустройства и т.п. За время функционирования комитета, т.е. с 28 июля по 22 сентября 1914 г., в его распоряжение поступило пожертвований на сумму 34429 руб. 37 коп., а израсходовано за это же время на помощь семьям запасных – 13220 руб. Поскольку Областной комитет выполнял те же задачи, которые были возложены на местные отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, 22 сентября 1914 г. свои действия открыло Донское областное отделение Комитета Елизаветы Федоровны, основой для организации которого явился упоминавшийся выше Областной комитет (*ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 65. Л. 21*).

Вскоре начинается работа по организации помощи пострадавшим от военных действий по всей Донской области, и уже к концу осени 1914 г. по вопросу обеспечения на местах нуждающихся семей мобилизованных на войну были достигнуты важные результаты. После открытия Донского областного отделения Елизаветинского комитета на основании распоряжения войскового наказного атамана от 22 ноября 1914 г. в округах области приступили к созданию учреждений разного уровня: окружных, участковых комиссий, попечительств, комитетов в волостях, станицах, хуторах и слободах. Все эти местные организации благотворительного характера, являясь самостоятельными, входили в структуру учреждений Донского областного отделения Комитета Елизаветы Федоровны.

Так, в городах и станицах Черкасского, первого Донского, Таганрогского, второго Донского, Донецкого, Усть-Медведицкого, Хоперского, Сальского, Ростовского округов были открыты местные комитеты по сбору пожертвований. Денежные средства собирались по подписным листам и через организацию кружечных сборов в церквях. Нуждавшимся выдавали пособия от 3 до 15 руб. на семью. В городе Александровск-Грушевском был открыт магазин для выдачи пищевых продуктов вместо денег. В ряде населенных мест организовали столовые, где раздавали бесплатные обеды. Местные окружные, участковые комиссии, попечительства, комитеты прикладывали усилия к открытию приютов для воинов, детей и женщин. Кроме того, началась выдача пособий женам и семьям нижних чинов, то есть гражданским женам и их детям, которые не пользовались казенными пайками и пособиями (*Известия...*, вып. 4, 1915: 127).

В оказании помощи женщинам и детям из семей лиц, призванных на войну, принимало участие Российское Общество защиты женщин, в распоряжение которого, согласно постановлению Верховного Совета от 8 января 1915 г., было отпущено 25000 рублей. Из этой суммы пособие в 2000 руб. по 250 руб. в течение 8 месяцев отпускалось Донскому отделению Комитета Елизаветы Федоровны для выплаты названным категориям нуждавшихся (*Известия...*, вып. 13, 1916: 271, 275).

Пожертвования для Донского областного отделения Елизаветинского комитета стали поступать довольно скоро после его образования. Желая оказать помощь семьям казаков, убитых и умерших от ран, почетный опекун Опекунского Совета учреждений императрицы Марии генерал-лейтенант А.В. Родионов, сам донской казак, в сентябре 1914 г. перевел через Волжско-Камский банк на имя войскового наказного атамана довольно значительную сумму в размере 3000 руб. (*ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 3. Л. 5*). Как видно из письма А.В. Родионова, из пожертвованных им денег одна треть суммы была предназначена осиротевшим семьям казаков Михайловской станицы, к которой принадлежал казачий род самого дарителя, другая треть – семьям погибших казаков из двух полков в составе второй казачьей сводной дивизии, которой командовал в свое время генерал-лейтенант А.В. Родионов. Третья часть суммы по воле дарителя была оставлена в распоряжении наказного войскового атамана для выдачи по его усмотрению пособий другим осиротевшим семьям (*ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 3. Л. 12*).

Судя по сохранившимся материалам Государственного архива Ростовской области, в распоряжение Донского областного отделения Елизаветинского комитета и других учреждений его структуры в округах поступали самые разные виды пожертвований. В частности, ведомости пожертвований содержат сведения о поступлении в Донское отделение теплых вещей, белья, обуви, разнообразных пищевых продуктов, угля, а также медицинских принадлежностей. Пожертвования направлялись и на нужды больных, раненых воинов, оказание агрономической помощи, уплату процентов за заложенные дома и ремонт жилых помещений семейств воинов, призванных на войну (*ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-5, 7; Д. 9. Л. 1, 150б.-35; Д. 36. Л. 11*).

В целях увеличения денежных средств местных отделений Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны ежегодно издавал красочный отрывной календарь. Подобный календарь подготовили и на 1917 г., и один из рисунков в нем был выполнен великой княгиней Елизаветой Федоровной (*ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 27. Л. 16*). Имели место и другие способы сбора пожертвований. К таковым относились упоминавшиеся выше кружечные сборы в церквях, проведение благотворительных лотерей. Так, одна из первых началась 18 декабря 1914 г. с продажи 4 млн лотерейных билетов (*Известия...*, вып. 4, 1915: 44-45).

В октябре 1915 г. Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны получил пожертвования из США. «Подарки для детей павших русских воинов» состояли из теплой одежды, платья, фуфаек, шарфов, белья, обуви, а также муки, крупы, консервов и прочего. Наряду с другими местными

отделениями, небольшая часть из этих пожертвований была направлена и в Донское отделение Комитета (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 14. Л. 17-17 об).

Благотворительная помощь поступала и из учебных заведений. Неоднократные пожертвования одеждой и бельем для раздачи беднейшим семьям воинов, призванных на войну, поступали в Донское отделение Елизаветинского Комитета из частной женской гимназии в Новочеркасске, возглавляемой А.Д. Дувакиной. Все предметы одежды, передаваемые в отделение Комитета, ученицы гимназии изготавливали сами на собственные средства. Различные предметы быта, а также рабочие инструменты были пожертвованы ремесленными отделениями 2-х классов училищ из Таганрога, Ростова-на-Дону, Кагальницкой, Старочеркасской станиц и др. (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 4. Л. 3-5 об., 12, 14-15).

Еще в октябре 1914 г. на одном из заседаний Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов было принято решение о необходимости выработки порядка сбора сведений о нуждающихся в благотворительной помощи по особой карточной системе. Именно через четкую регистрацию лиц, нуждавшихся в призрении, было возможно правильно организовать благотворительную помощь. Исходя из этого, распорядительной комиссией Верховного Совета и были выработаны правила для сбора сведений о нуждающихся в призрении (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

Некоторые из этих правил обращают на себя особое внимание. Прежде всего оказанию всех видов благотворительной помощи категориям лиц, упомянутых выше, должно было предшествовать обследование на месте их семейного и имущественного положения. Причем обследование должно производиться как в отношении лиц, которые непосредственно обратились с просьбой о помощи, так и в отношении тех лиц, которые, по имеющимся о них сведениям, могут нуждаться в такой помощи. Осуществление регистрации было возложено на уездные комиссии Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, а также на местные отделения того же Комитета, созданные в градоначальствах (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

Таким образом, данные правила содержали основные принципы, которые уже прочно вошли в русскую благотворительность, воспринятые в предшествующий период из рациональной западной филантропии. Были представлены и такие, несомненно, полезные принципы, о которых ранее известно не было. Речь идет об изучении положения тех категорий, которые потенциально могли стать призреваемыми.

Вышеизложенные правила для сбора сведений легли в основу деятельности учреждений, входивших в структуру Донского областного отделения Комитета Елизаветы Федоровны. Сохранились сведения о том, что в главном городе Области войска Донского Новочеркасске изучением положения семей воинов и в дальнейшем осуществлением помощи им занимались 19 участковых попечительств (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 73. Л. 3, 5-7; Д. 65. Л. 21). С той же целью 103 попечительства были открыты в Таганрогском округе (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 2. Л. 24). В целом, к маю 1915 г. в девяти округах области попечительствами и другими учреждениями Донского отделения Комитета Елизаветы Федоровны призревались 17850 семейств (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 2. Л. 31). Помимо того, на территории Донского края было открыто 648 приходских попечительных Советов о семействах лиц, призванных в войска. Трудями этих Советов к концу апреля 1915 г. было собрано 15375 руб., из которых выдано пособий 2700 семействам на сумму 10942 руб. 67 коп., собрано и роздано 875 пудов хлеба, а также 1375 пудов антрацита (Известия..., вып. 7, 1915: 262).

На протяжении всего периода существования Донского областного отделения Комитета Елизаветы Федоровны важное место в его благотворительной практике отводилось оказанию помощи детям из семей призванных на войну, а также раненых и погибших воинов.

При Донском отделении постепенно были обустроены три стационарных приюта на 70 детей. Кроме того, денежные пособия от отделения получали приют Общества «Утоли моя печали» на 30 детей, приют Трудолюбия на 160 девочек, Общество «Капля молока» на призрение 3297 детей, а также приют-ясли Общества содействия народному образованию на 75 детей (Известия..., вып. 13, 1916: 215). Этот приют открыл свои действия 5 сентября 1914 г. и предназначался для призрения детей мобилизованных нижних чинов. Сюда принимались дети в возрасте от 2 до 12 лет (Известия..., вып. 6, 1915: 228). По необходимости Донское отделение устраивало детей из семей мобилизованных на войну в приют Донского общества попечения о детях, приют глухонемых детей в Новочеркасске, а также Татьянинский приют Донского областного отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий и принимало на свой счет расходы по воспитанию, обучению и снабжению этих воспитанников необходимой одеждой и обувью (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 40. Л. 8-10, 12, 14-15, 20).

В среднем расход Донского отделения на призрение сирот выражался в сумме более 3650 руб. в год. Участие в организации дела призрения детей в Донской области также приняли монастыри. В августе 1915 г. великая княгиня Елизавета Федоровна выразила пожелание, чтобы к делу призрения детей воинов были привлечены православные учреждения и, прежде всего, женские монастыри, в которых возможно было устроить ясли для младших детей, а для более взрослых – ремесленные школы. В итоге православные учреждения Донской Духовной Консистории смогли ежегодно отпускать 218 руб. на устройство приютов для детей воинов, призванных на войну. Исключение составлял Усть-Медведицкий

женский монастырь, в стенах которого уже размещался сиротский приют для детей воинов на 12 человек с полным содержанием и оборудованием из средств монастыря. Младшие дети находились здесь под присмотром монахинь, а дети школьного возраста были определены в церковно-приходскую школу при монастыре (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 11-12 об.).

В структуре учреждений Донского отделения Елизаветинского комитета помощь детям из семей воинов оказывала Комиссия народных чтений в Новочеркасске, содержащая дневные приюты. Здесь размещались более ста детей в возрасте от 2-х лет. Старшие дети приютов обучались чтению, а также письму и элементам математики. Среди благотворителей, участвовавших в судьбе детей приютов Комиссии народных чтений, были хозяева кондитерских Е.Ф. Присягин, Бергер и Селен, снабжавшие эти детские заведения хлебом, а к Пасхе и другим праздникам – куличами и сладостями. Владельцы магазинов И.П. Белоусов и В.С. Ахчиев пожертвовали ткань для белья и обувь. Много разнообразной детской одежды и обуви для этих приютов было заготовлено в Новочеркасском городском дамском кружке, а также учащимися гимназии О.И. Поповой. Кроме того, в Комиссию народных чтений на приюты поступало пособие в 500 руб. от Донского областного отделения Комитета Елизаветы Федоровны (Известия..., вып.7, 1915: 411, 425).

Определенно положительную роль в деле решения проблем детей, прежде всего из семей лиц, призванных на войну, сыграли педагогические комиссии. В конце августа 1914 г. Министерством народного просвещения была утверждена созданная по инициативе О. Литвинова Комиссия по оказанию педагогической помощи детям участников войны. Ее целью являлось бесплатное оказание помощи детям воинов через организацию репетиторской подготовки в учебные заведения и приискание вакантных мест в училищах, школах и гимназиях. Первые три месяца работы комиссии показали насущную необходимость ее существования и деятельности. Тогда в столичную педагогическую комиссию поступило около 150 прошений о предоставлении бесплатных мест в средние учебные заведения, о подготовке детей в школы провинции и Петрограда, о внесении платы за обучение в казенных учебных заведениях. Судя по обзору деятельности Петроградской педагогической комиссии, все прошения в отношении проживавших в Петрограде большей частью были успешно удовлетворены. Что касается детей из провинции, то в отношении их педагогическая комиссия обращалась к директорам местных школ, рассчитывая также на отзывчивость представителей местной интеллигенции. В целом, по мнению председателя Петроградской педагогической комиссии О. Литвинова, любая помощь была крайне нужна, но работников катастрофически не хватало (Известия..., вып. 3, 1915: 264-265).

Циркулярами Министерства народного просвещения от 17 мая и 20 июня 1915 г. учебно-окружным начальствам было предложено образовать особые педагогические комиссии для оказания учебной помощи детям лиц, призванных на войну. Между тем только в 1916 г. начинается повсеместное создание педагогических комиссий. 8 июля были утверждены Правила об организации и деятельности означенных комиссий для оказания педагогической помощи детям лиц, участвовавших в Первой мировой войне. Функции педагогической комиссии приняло на себя и Донское отделение Комитета Елизаветы Федоровны до той поры, пока не произошло образование специальной педагогической комиссии в Новочеркасске (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 16. Л. 14; Д. 42. Л. 1-3, 13-14). Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, дети из семей призванных, раненых и убитых воинов, помощь которым за время своего существования оказало Донское отделение Елизаветинского комитета, обучались в самых разных учебных заведениях и не только на территории Донской области. В частности, документы упоминают Высшее начальное училище Варшавского учебного округа, армавирскую мужскую гимназию Кавказского учебного округа, ейское реальное училище Кубанской области, сельскохозяйственную школу Доно-Кубано-Терского общества, а также многие учебные заведения Донского края. Помощь выражалась, прежде всего, во внесении платы за право обучения (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 17. Л. 6-15, 17, 19, 21, 29-43, 66; Д. 41. Л. 8-9, 11-12 об., 14-15, 18, 21, 25).

Работая в разных направлениях по оказанию помощи семьям призванных, раненых и увечных воинов, Елизаветинский комитет обращал самое серьезное внимание на организацию трудового призрения для означенной категории нуждавшихся. Уже осенью 1914 г. начинает свою деятельность в Ростове-на-Дону бюро труда по приисканию занятий. Это бюро было организовано городским общественным комитетом по оказанию помощи семьям запасных, призванных на действительную службу. Бюро входило в структуру Донского отделения Комитета Елизаветы Федоровны. Главной задачей этого учреждения являлись поиск вакантных рабочих мест и выдача соответствующих рекомендаций после необходимого обследования претендентов через своих попечителей (Известия..., вып. 2, 1914: 250).

Постепенно начинается создание ремесленных школ, а также различных курсов по профессиональной подготовке раненых и воинов-инвалидов. На необходимость этого было обращено внимание на одном из заседаний Государственной Думы в 1916 г. 21 мая того же года пенсионный отдел Главного Штаба сообщил Верховному Совету выписку из принятого Государственной Думой пожелания о необходимости установления «особых пособий для общественных и благотворительных учреждений на устройство ремесленных школ для раненых». Соответственно, в циркуляре Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны местным учреждениям от 19 июля 1916 г. подчеркивалось, что «дело такого рода призрения увечных воинов должно вылиться в силу потребностей настоящего момента» самым широким развитием (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 27. Л. 3).

Среди наиболее востребованных в это время направлений обучения можно назвать такие, как пчеловодство, садоводство, огородничество, кровельное дело, плетение корзин, землеустройство (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 об., 4; Д. 45. Л. 4, 7, 10, 21, 33-34, 37, 52, 111; Д. 46. Л. 17-17 об., 23-27).

То, что Донское областное отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны являлось связующим и координирующим звеном по организации и оказанию помощи всем пострадавшим от войны, подтверждают события, связанные с открытием и деятельностью Донских областных отделений Комитетов великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий и Ксениевского о попечении об увечных воинах. По сохранившимся данным, Татьянинский комитет организуется в Новочеркасске в январе 1915 г. (ГАРО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 34. Л. 3-4) при непосредственном участии Донского отделения комитета Елизаветы Федоровны. Интересно, что первоначально по составу представителей областные отделения Елизаветинского и Татьянинского комитетов вообще не отличались, их объединяло также общее делопроизводство. Но со временем ситуация постепенно меняется, что было связано с развитием структуры каждого комитета и специализацией выполняемых функций (ГАРО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3. Л. 4; Д. 10. Л. 6, 9; Д. 54. Л. 9).

Координирующая роль Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны и всей его структуры получила дальнейшее совершенствование. Согласно постановлению Верховного Совета от 18 июля 1915 г. в целях объединения на местах деятельности учреждений, осуществлявших призрение семей лиц, призванных на войну, было принято решение об усилении деятельности Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, его местных отделений и уездных комиссий через приглашение в их состав целого ряда лиц с совещательным голосом, а также путем расширения компетенции председателей уездных комиссий.

Принимая такое постановление, Верховный Совет исходил из того, что наиболее целесообразным способом решения этой задачи являлась бы такая постановка взаимоотношений подведомственных Комитету великой княгини Елизаветы Федоровны отделений, а также уездных, волостных, приходских и участковых учреждений, при которой связующим между ними звеном являлся бы в каждом уезде председатель уездной комиссии. При этом председателю уездной комиссии надлежало предоставить возможность ознакомиться с осуществлением в уезде различных видов призрения семей и лиц, попечение о которых входит в круг задач Верховного Совета, а также лично содействовать местным отделениям Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 7. Л. 4-4 об.).

Важную роль с точки зрения объединения усилий благотворительных учреждений сыграло также совещание, на которое съехались представители местных отделений Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны. Проходило совещание с 6 по 9 ноября 1916 г. в Москве. Программа этого мероприятия включала вопросы, имевшие отношение ко всем важнейшим направлениям деятельности учреждений Комитета. Это система призрения детей, организация трудовой помощи, виды помощи инвалидам и людям с психическими отклонениями, проблема источников средств на расходы по призрению, план агрономической помощи на весну и лето 1917 г. Представителем на московском совещании от Донского отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны был избран преосвященный Гермоген, епископ Аксайский (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 27. Л. 20-22, 25).

После Февральской революции в России произошло изменение политического устройства, что привело к реорганизации всей системы благотворительности и общественного призрения. В марте 1917 г. были осуществлены мероприятия по преобразованию Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны в Московский комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 30. Л. 48, 53; Д. 27. Л. 43 об.). Несмотря на переименование Комитета, его цель и миссия должны были остаться без изменений, а местным отделениям необходимо было провести выборы новых председателей и представить результаты на утверждение. Обо всем этом говорилось в циркуляре Московского комитета от 16 марта 1917 г.

Следуя вышеизложенным указаниям, Донское областное отделение Московского комитета на своем заседании 27 марта 1917 г. единогласно избрало председателем временно исполняющего дела войскового наказного атамана войскового старшину Евгения Андреевича Волошинова. Чуть позже, в апреле, его кандидатура была утверждена (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 27. Л. 43-44).

В мае 1917 г. было образовано Министерство государственного призрения, в ведение которого перешли все благотворительные общества и заведения. По предложению министра Государственного Призрения от 1-го июня Московский комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, уведомил свои местные отделения и уездные комиссии, что, согласно постановлению Временного правительства, Верховный Совет и все его организации, входящие в его состав, перешли в ведение Министерства государственного призрения и что все эти учреждения должны продолжать работу в области призрения семей призванных на войну, а также семей убитых и раненых воинов (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 27. Л. 54).

С установлением советской власти реорганизация области призрения продолжилась. Министерство государственного призрения преобразовали в Наркомат государственного призрения, а затем – в Наркомат социального обеспечения. Что касается областного отделения Московского комитета, то оно просуществовало до создания Донской советской республики в 1918 г.

Весной 1918 г., когда появилось новое государственное образование, Всевеликое войско Донское, возникла система учреждений «для оказания помощи пострадавшим от гражданской войны». Отчасти ее можно рассматривать преемницей елизаветинской благотворительной организации (ГАРО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 65. Л. 23-23 об.), которая в свою очередь создавалась, опираясь на традиции предшествующей эпохи развития системы благотворительности и общественного призрения на Дону, да и в России в целом.

5. Заключение

Таким образом, Донское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны было образовано в период Первой мировой войны для устройства и объединения благотворительной помощи семьям лиц, призванных, раненых и погибших воинов. По мере развертывания деятельности формируется сеть учреждений, входивших в структуру Донского отделения Елизаветинского Комитета. В итоге к концу 1914 – началу 1915 гг. были созданы комиссии, попечительства, комитеты разного уровня, располагавшиеся в городах и центральных станицах Области войска Донского. Все эти организации, координируемые Донским отделением Елизаветинского Комитета, делали все возможное для сбора пожертвований, создания приютов не только для детей, но и для женщин, воинов-инвалидов, оказания агрономической, трудовой, а также педагогической помощи. Донское отделение поддерживало отношения и с другими организациями, осуществлявшими различные виды благотворительной помощи, выдавая им денежные пособия. Не последнюю роль в успешном осуществлении задач Донского отделения сыграло покровительство великой княгини Елизаветы Федоровны, ее личный вклад в дело милосердия.

Литература

- Асташов, 1992** – Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // *Отечественная история*. М., 1992. № 6. С. 169-172.
- Беннигсен, 1915** – Доклад графа Э.Н. Беннигсена // *Вестник Красного креста*. 1915. № 7. С. 3247-3248;
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области
- Горбунова, 1996** – Горбунова Е.Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX – нач. XX в. М., 1996.
- Известия..., 1914** – Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Петроград, 1914: Выпуск 1. С. 9; Выпуск 2. С. 250; Выпуск 7. С. 252-255.
- Известия..., 1915** – Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Петроград, 1915: Выпуск 3. С. 264-265; Выпуск 4. С. 44-45, 112-113, 126-127; Выпуск 6. С. 228; Выпуск 7. С. 230-249, 262, 411, 425.
- Известия..., 1916** – Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Петроград, 1916: Выпуск 13. С. 215, 271, 275.
- Линденмайер, 2008** – Линденмайер Адель. Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // *Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования*. СПб., 2008.
- Немова, 2015** – Немова В.В. Организация благотворительной помощи на Дону солдатам в годы Первой мировой войны // *Вопросы исторической науки: материалы III Международной научной конференции* (г. Москва, январь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 106-109.
- Окопная, 2010** – Окопная О.П. Благотворительная деятельность предпринимателей Парамоновых на Дону. 1914–1915 гг. // *Вопросы истории*. 2010. № 2. С. 138-141.
- Отчет..., 1915** – Отчетный документ о деятельности Всероссийского земского союза в 1914 году // *Вестник Красного Креста*. 1915. № 3. С. 933-936.
- Собрание, 1914** – Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. Отдел первый. Второе полугодие. СПб., 1914. Ст. 2239.
- Соколов, Зимин, 2015** – Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2015.
- Соколова, 1997** – Соколова М.Ю. Благотворительные организации периода Первой мировой войны в ОВД (на примере деятельности Комитета великой княжны Татьяны Николаевны и отделения Всероссийского Союза городов) // *Известия Ростовского Областного музея краеведения*. Ростов-на-Дону, 1997. С. 35-41.
- Ульянова, 2014а** – Ульянова Г.Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг.: дискуссионные вопросы и содержание проблемы // *Россия в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции* (Москва, 30 сентября – 3 ноября 2014 г.). М., 2014. С. 230-237.
- Ульянова, 1995** – Ульянова Г.Н. Новейшая американская историография российской благотворительности // *Отечественная история*. 1995. № 1. С. 108-118.

Ульянова, 2015 – Ульянова Г.Н. Общественное призрение и благотворительность в деятельности земства. 1864–1917 // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. М., СПб., ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 178-194.

Ульянова, 2014b – Ульянова Г.Н. Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 446-468.

Bradley, 1982 – Bradley Joseph. The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia // *Russian Review*. Vol. 41. 1982. № 4. pp. 427-444.

Grant, 2014 – Grant P. Philanthropy and Voluntary Action in the First World War: Mobilizing Charity. New York; London: Routledge, 2014.

Lindenmeyr, 1986 – Lindenmeyr Adele. Charity and the Problem of Unemployment: Industrial Homes in Late Imperial Russia // *Russian Review*. Vol. 45. 1986. pp. 1-22.

Lindenmeyr, 1990a – Lindenmeyr Adele. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh: University of Pittsburgh Center for Russian and East European Studies, 1990.

Lindenmeyr, 1990b – Lindenmeyr Adele. The Ethos of Charity in Imperial Russia // *Journal of Social History*. Vol. 23. 1990. № 4. pp. 679-694.

Ransel, 1988 – Ransel David L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988.

References

Astashov, 1992 – Astashov A.B. (1992). Soyuzy zemstv i gorodov i pomoshch' ranenym v pervuyu mirovuyu voinu [Union of zemstvos and cities and assistance to the wounded in the First World War]. *Otechestvennaya istoriya*. M. № 6. pp. 169–172. [in Russian].

Bennigsen, 1915 – Doklad grafa E.N. Bennigsen (1915) [Report of Count E.N. Bennigsen]. *Vestnik Krasnogo kresta*. № 7. pp. 3247–3248. [in Russian].

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archives of the Rostov Region]

Gorbunova, 1996 – Gorbunova E.Yu. (1996). Blagotvoritel'nost' v Rossii i ee rol' v obshchestvenno-kul'turnoi zhizni na rubezhe XIX-nach. – XX v. [Charity in Russia and its role in social and cultural life at the turn of the XIX-beg. – XX century]. M. [in Russian].

Izvestiya..., 1914 – Izvestiya Verkhovnogo Soveta po prizreniyu semei lits, prizvannykh na voinu, a takzhe semei ranenyykh i pavshikh voynov (1914) [News of the Supreme Council on the charity of families of persons called to war, as well as families of wounded and fallen soldiers]. Petrograd, 1914: Vypusk 1. p. 9; Vypusk 2. p. 250; Vypusk 7. pp. 252-255. [in Russian]

Izvestiya..., 1915 – Izvestiya Verkhovnogo Soveta po prizreniyu semei lits, prizvannykh na voinu, a takzhe semei ranenyykh i pavshikh voynov (1915) [News of the Supreme Council on the charity of families of persons called to war, as well as families of wounded and fallen soldiers]. Petrograd, 1915: Vypusk 3. pp. 264 – 265; Vypusk 4. pp. 44-45, 112-113, 126-127; Vypusk 6. p. 228; Vypusk 7. pp. 230-249, 262, 411, 425. [in Russian].

Izvestiya..., 1916 – Izvestiya Verkhovnogo Soveta po prizreniyu semei lits, prizvannykh na voinu, a takzhe semei ranenyykh i pavshikh voynov (1916) [News of the Supreme Council on the charity of families of persons called to war, as well as families of wounded and fallen soldiers]. Petrograd, 1916: Vypusk 13. pp. 215, 271, 275. [in Russian].

Lindenmaier, 2008 – Lindenmaier Adele (2008). Otkryvaya Atlantidu: tendentsii i perspektivy izucheniya istorii rossiiskoi blagotvoritel'nosti [Discovering Atlantis: Trends and Perspectives of Studying the History of Russian Charity] / Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: Novye dokumenty i issledovaniya. SPb. [in Russian].

Nemova, 2015 – Nemova V.V. (2015). Organizatsiya blagotvoritel'noi pomoshchi na Donu soldatam v gody Pervoi mirovoi voiny [The organization of charitable aid on the Don to soldiers during the First World War] // Voprosy istoricheskoi nauki: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, yanvar' 2015 g.). M.: Buki-Vedi. pp. 106–109. [in Russian].

Okopnaya, 2010 – Okopnaya O.P. (2010). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' predprinimatelei Paramonovykh na Donu. 1914–1915 gg. [Charitable activity of paramonovs on the Don. 1914–1915 years]. *Voprosy istorii*. № 2. pp. 138–141. [in Russian].

Otchet..., 1915 – Otchetnyi dokument o deyatel'nosti Vserossiiskogo zemskogo soyuza v 1914 godu (1915) [Report on the activities of the All-Russian Zemsky Union in 1914]. *Vestnik Krasnogo Kresta*. 1915. № 3. pp. 933–936. [in Russian].

Sobranie, 1914 – Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva (1914) [Collection of laws and orders of the government]. Otdel pervyi. Vtoroe polugodie. SPb., 1914. St. 2239. [in Russian].

Sokolov, Zimin, 2015 – Sokolov A.R., Zimin I.V. (2015). Blagotvoritel'nost' sem'i Romanovykh. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' Rossiiskogo imperatorskogo dvora [Charity of the Romanov family. XIX – early XX century. The daily life of the Russian Imperial Court]. M. [in Russian].

Sokolova, 1997 – Sokolova M.Yu. (1997). Blagotvoritel'nye organizatsii perioda Pervoi mirovoi voiny v OVD (na primere deyatel'nosti Komiteta Velikoi knyazhny Tat'yany Nikolaevny i otdeleniya Vserossiiskogo Soyuznogo gorodov) [Charitable organizations of the period of the First World War in the Internal Affairs Directorate (on the example of the activities of the Committee of the Grand Duchess Tatiana Nikolaevna and

the branch of the All-Russian Union of Cities)]/ *Izvestiya Rostovskogo Oblastnogo muzeya kraevedeniya*. Rostov-na-Donu. pp. 35-41. [in Russian].

Ul'yanova, 2014a – Ul'yanova G.N. (2014). Blagotvoritel'naya pomoshch' obshchestva zhertvam voyny v 1914 – 1918 gg.: diskussionnye voprosy i sodержanie problemy [Charitable help to the society for the victims of the war in 1914-1918: discussion questions and the content of the problem] // *Rossiia v gody Pervoi mirovoi voyny. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moskva, 30 sentyabrya – 3 noyabrya 2014 g.). M., 2014. pp. 230–237. [in Russian].

Ul'yanova, 2014b – Ul'yanova G.N. (2014). Filantropicheskaya aktivnost' obshchestva [Philanthropic activity of society] / *Rossiia v gody Pervoi mirovoi voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis*. M. pp. 446–468. [in Russian].

Ul'yanova, 1995 – Ul'yanova G.N. (1995). Noveishaya amerikanskaya istoriografiya rossiiskoi blagotvoritel'nosti [The newest American historiography of Russian philanthropy]. *Otechestvennaya istoriya*. 1995. № 1. pp. 108–118. [in Russian].

Ul'yanova, 2015 – Ul'yanova G.N. (2015). Obshchestvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost' v deyatel'nosti zemstva. 1864–1917 [Public charity and charity in the zemstvo. 1864–1917] // *Zemskoe samoupravlenie v istorii Rossii: K 150-letiyu zemskoi reformy*. M., SPb., IRI RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 178–194. [in Russian].

Bradley, 1982 – Bradley Joseph. (1982). The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia. *Russian Review*. Vol. 41. № 4. pp. 427–444.

Grant, 2014 – Grant P. (2014). Philanthropy and Voluntary Action in the First World War: Mobilizing Charity. New York; London: Routledge.

Lindenmeyr, 1986 – Lindenmeyr Adele (1986). Charity and the Problem of Unemployment: Industrial Homes in Late Imperial Russia. *Russian Review*. Vol. 45. pp. 1-22.

Lindenmeyr, 1990a – Lindenmeyr Adele (1990). Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh: University of Pittsburgh Center for Russian and East European Studies.

Lindenmeyr, 1990b – Lindenmeyr Adele (1990). The Ethos of Charity in Imperial Russia. *Journal of Social History*. Vol. 23. № 4. pp. 679-694.

Ransel, 1988 – Ransel David L. (1988). Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Prinseton: Prinseton University Press.

Донское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны

Наталья Евгеньевна Рылова ^{a, *}, Виктория Владимировна Лобова ^a

^a Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В России уже к началу XX в. существовала разветвленная, но сложная система общественного призрения. Широкую помощь нуждавшимся оказывали учреждения, находившиеся под покровительством царской семьи. Авторы данной статьи проанализировали благотворительную деятельность областного отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, созданного на Дону в самом начале Первой мировой войны.

Материалами для исследования послужили документы Государственного архива Ростовской области, сведения периодической печати дореволюционного периода. В работе применялись методологические подходы, сочетающие принципы и методы классической историографии.

Донское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны было образовано в самом начале Первой мировой войны для организации и общего руководства оказанием помощи пострадавшим от войны на территории области. По мере развертывания деятельности формируется сеть учреждений, входивших в структуру Донского отделения Елизаветинского Комитета. В итоге к концу 1914 – началу 1915 гг. были созданы комиссии, попечительства, комитеты разного уровня, располагавшиеся в городах и центральных станицах Области войска Донского. Все эти организации, координируемые Донским отделением Елизаветинского Комитета, делали все возможное для сбора пожертвований, создания приютов не только для детей, но и для женщин, воинов-инвалидов, оказания агрономической, трудовой, а также педагогической помощи. Донское отделение поддерживало отношение и с другими организациями, осуществлявшими различные виды благотворительной помощи, выдавая им денежные пособия. Не последнюю роль в успешном осуществлении задач Донского отделения сыграло покровительство великой княгини Елизаветы Федоровны, ее личный вклад в дело милосердия.

Ключевые слова: благотворительность, благотворительное общество, Первая мировая война, Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны, Область войска Донского.

* Корреспондирующий автор

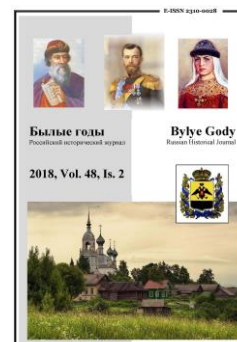
Адреса электронной почты: rlesya55@mail.ru (Н.Е. Рылова), 0101023@list.ru (В.В. Лобова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 861-871. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.861
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Merchant Tyumen during the First World War: based on the Materials of the Time Edition "Siberian Trade Newspaper"

Irina V. Stavetskaya^{a,*}

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The author of the article refers to the consideration of a little-studied topic on the appearance of merchant Tyumen in the pages of the time-based edition "Siberian Trade Newspaper" during the First World War. The article analyzes the content of newspaper headings and the change of topical priorities dictated by wartime conditions, the peculiarity of editorial policy and numbering in the context of military censorship and "paper starvation."

Based on the material studied, the author comes to the following conclusions. Providing the readers with a wide information panorama of front-line news and international events, *Sibirskaya Torgovaya Gazeta* has accumulated in its pages the main directions of life in the rear Siberian city: problems with the deployment of thousands of prisoners of war, raising prices for essential products, charitable activities in favor of families of lower ranks, behavior of Tyumentians with the onset of hunger and increasing crime.

Of the three newspaper publications in Tyumen that met the First World War – "Bulletin of Western Siberia", "Ermak" and "Siberian Trade Newspaper" – only the latter managed to adapt to the conditions of the economic crisis and revolutionary upheavals, releasing numbers before the beginning of 1918, when the Bolsheviks closed all the time-based editions of pre-revolutionary Russia.

Keywords: newspaper market, World War I, merchant Tyumen, Siberian trade newspaper, revolutionary upheavals.

1. Введение

В 2018 году исполняется 100 лет со дня окончания Первой мировой войны, названной историками забытой трагедией (Уткин, 2002). Первая мировая война внесла свои жесткие коррективы в социально-экономическое управление Тобольской губернией.

Тюмень, управляемая первогильдейскими купцами, жила размеренной трудовой жизнью, хроники которой воссоздают страницы «Сибирской торговой газеты». Данное периодическое издание донесло до нас события столетней давности, воссоздавая патриархальный уклад жизни сибирской глубинки, разрушенный Первой мировой войной.

2. Материалы и методы

В ходе исследования были использованы документальные материалы Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева, составившие основную группу источников.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективизма. В качестве метода исследования использован контент-анализ выпусков «Сибирской торговой газеты», позволивший подсчитать общий объем номеров издания за 1914–1917 годы, проанализировать основные тематические рубрики, выявить фамилии персоналий, наиболее часто

* Corresponding author

E-mail addresses: irina.vita22@yandex.ru (I.V. Stavetskaya)

упоминающихся на страницах газеты, изучить особенность редакторской политики в верстке номеров.

3. Обсуждение

Анализируя степень изученности выбранной темы, целесообразно в первую очередь обратиться к исследованиям кардинальной трансформации всей системы российской периодики в годы Первой мировой войны.

С.Я. Махонина акцентирует внимание на том, что в переломные моменты истории на первый план выходит информационная роль журналистики, в то же время право по цензурированию прессы было передано департаменту полиции, редакторам «приходилось довольствоваться только официальными сведениями, корреспонденты в армию не были допущены» (Махонина, 2002: 10). Г. Ласвелл поднимает вопрос о том, что с 1914 года широкое распространение получила пропаганда, требующая исключительного внимания в военное время (Ласвелл, 1924: 27). В данном контексте Г.В. Жирков подчеркивает, что важнейшим звеном пропаганды и контрпропаганды было Петроградское телеграфное агентство. Собственной информацией данное агентство по поручению Главного управления Генерального штаба обеспечивало всю российскую прессу и большинство телеграфных агентств мира (Жирков, 2015: 87).

В ряде работ Первая мировая война изучается в региональном аспекте, описываются процессы, происходящие в сибирских губерниях, перестроивших свою привычную жизнь по законам военного времени. А.А. Кононенко обращает внимание на общее ухудшение общественно-политического и экономического климата в жизни тюменцев в годы войны (Кононенко, 2009). Е.А. Бушаров рассматривает проблемы пребывания военнопленных в Тюмени: размещение, медицинское обслуживание, трудовую занятость (Бушаров, 1999). М.В. Шиловский сосредоточивает научное внимание на изучении вклада сибирских губерний и областей в военные действия, связи фронта и тыла, указывает на то, что в историографии проблемы до сих пор имеются существенные лакуны и недостаточно изученные сюжеты, выделяя важность такого источника фактического материала, как сибирская периодическая печать (Шиловский, 2015).

А.А. Андреева и О.А. Петрова выявляют своеобразные черты сибирской провинциальной прессы: короткий век ее изданий, невозможность прямо высказать свои общественные и политические взгляды, отсутствие ярких публицистов. Вместе с тем исследователи выражают убеждение в том, что в годы социальных потрясений заложенные в региональном локусе тенденции и культурные традиции, образующие «память места», только актуализируются (Андреева, Петрова: 2013).

Следует констатировать, что на сегодняшний день не представлено исследований, посвященных анализу публикаций «Сибирской торговой газеты» в период Первой мировой войны. Таким образом, в данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

4. Результаты

К началу XX века Тюмень зарекомендовала себя как самый богатый и населенный город Тобольской губернии, крупнейший транспортный и торговый центр Западной Сибири.

Предпринимателям Тюмени была свойственна природная даровитость, бережливость, уважение к собственности (Беспалова, 2002: 57). Известный публицист Н.М. Ядринцев писал: «Тюмень – это красивый город с деловым, торговым и промышленным населением, с каменными рядами лавок, заваленных товарами...». А. Стефашов подчеркивает, что Тюмень представляла собой своеобразный мост, соединявший Сибирь с европейской Россией (Стефашов, 2004: 99).

В то же время необходимо отметить, что развитие тюменского газетного рынка изрядно отставало от тенденций европейской России, отличавшейся созданием в предвоенные годы крупнейших издательских акционерно-паевых предприятий. Частнопредпринимательская деятельность в области журналистики, по оценке Б. Есина, расширялась и крепла (Есин, 2009: 68). В начале 1914 года в Петербурге и Москве издавалось более 60 ежедневных газет, на 14 столичных газет приходилось более трети всего общероссийского тиража (Боханов, 1984: 37).

Московские газеты «Утро России» и «Коммерсант» главную причину войны видели в русско-германском экономическом соперничестве. Не случайным оказалось обращение газеты «Коммерсант» к русскому купечеству: «Война с Германией – священная война, и вам, представители русского купечества, более чем кому-либо, должно быть известно, почему Германия объявила нам войну» (Дякин, 1967: 46).

Оценивая тюменский газетный рынок в предвоенные годы, следует отметить, что печать в Тобольской губернии отставала от центральной России по всем показателям: по капиталообороту, по количеству изданий и их разнообразию (Андреева, Петрова, 2013: 137). Издатель А.А. Крылов, открыв «Сибирскую торговую газету» в 1897 году, сумел завоевать рекламный рынок и прочно удерживал всех солидных рекламодателей Тюмени. В 1912 году издатель А.М. Афромеев сделал попытку составить конкуренцию Крылову и стал выпускать в Тюмени газету «Сибирский торговый посредник», но очень быстро был вынужден поменять концепцию своей газеты под новым названием «Ермак» (Мандрика, 2002: 2).

Лето 1914 года отличалось обилием приглашений в электротeatры, на большие гуляния в саду Клуба приказчиков с фейерверками и оркестрами. От пристани отходили пароходы Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли. В объявлениях обязательно указывалось, что это пароходы американского типа с электричеством и вентиляцией, буфетами и обученной прислугой. Богатейшие торговые дома Тюмени Агафуровых, Ефимова, Аверкиева, Брюхановой зывали покупателей осетровым балыком и паюсной икрой, новомодными галошами фабрики «Проводник», заграничными граммофонами с большим выбором пластинок (СТГ, 1914: 142).

1 июня 1914 года «Сибирская торговая газета» сообщила о покушении на Распутина: «Вчера вечером в селе Покровское в 3 часа дня сызранская мещанка Хиония Гусева, 28 лет, прося милостыню, ударом тесака ранила в живот Григория Распутина. В ночь на понедельник в Покровское экстренно выехали из Тюмени хирург Владимир и местный исправник, из Тобольска выехали судебные власти» (СТГ, 1914: 142).

В начале июля 1914 года все первополосные материалы газеты были отданы новостям о «старце», прибытии Распутина в Тюмень на лечение. Известия газет о нарастающей многотысячной забастовке петербургских рабочих вряд ли вызывали такой живой интерес у тюменцев, как диета и температура Распутина. Весьма показателен текст заметки о состоянии здоровья «старца»: «Самочувствие у «старца» удовлетворительное, но полученная им из Петербурга телеграмма об австрийско-сербском конфликте произвела на Григория Ефимовича настолько тягостное впечатление, что он отказался принимать посетителей. На имя Распутина ежедневно получается масса писем и телеграмм с выражением соболезнования» (СТГ, 1914: 148).

Объявление войны Австрией Сербии, Манифест Государя Императора о мобилизации в европейской России не вызвало бурной реакции у тюменцев. Первая волна патриотических настроений охватила город после публикации Манифеста об объявлении войны России с Германией (СТГ, 1914: 160). При большом стечении народа на тюменском вокзале состоялось молебствие о даровании русской армии победы над врагом, прошли многолюдные патриотические манифестации, толпа двигалась по Царской улице, «везде на улицах оживленно и страстно обсуждали текущие события» (СТГ, 1914: 162). В то же время на чрезвычайном заседании городская Дума уже решала самый насущный вопрос об ассигновании городом пособия в 3000 рублей на призрение нижних чинов запаса армии. Городским головой П.И. Никольским был поставлен вопрос об организации исполнительной комиссии, на которой бы лежали обязанности выяснять материальное положение подавших прошение о пособии. В городской управе «наблюдается большой наплыв жен запасных нижних чинов, просящих о выдаче пособий» (СТГ, 1914: 163).

Высочайшие Манифесты следовали один за другим: «Божьей милостью Мы Николай Второй Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая и прочая... Ныне Австро-Венгрия, зачинщица мировой смуты..., сбросила с себя личину и объявила войну против России» (СТГ, 1914: 165). Под оркестры и восторженные крики толпы Тюмень провожала эшелоны запасных, на переполненном вокзале собиралось много публики, всюду – разговоры о войне.

В первый месяц войны в Тюмени повышаются цены на мясо, сахар и чай. Городская Дума утверждает твердые цены на продукты первой необходимости. К середине августа 1914 года Дума оказывает материальную помощь оставшимся без кормильцев 400 семьям запасных (СТГ, 1914: 176). Известные купцы-меценаты Текутьев, Колокольников, Колмогоров неустанно жертвуют горожанам деньги и продовольствие, не забывая о покровительстве над учебными заведениями города.

Несмотря на то, что интерес к Распутину пошел на спад, «Сибирская торговая газета» регулярно информировала тюменцев о том, что «молодая композиторша написала гимн для смешанного хора с оркестром, посвященный Распутину, текст написал сам Григорий Ефимович» (СТГ, 1914: 178), Распутин уже вышел из больницы и живет у своего друга Стряпчева, изредка совершает прогулки в сопровождении поклонниц по городу (СТГ, 1914: 179), 17 августа «покровский старец» с утренним поездом уехал в Петербург (СТГ, 1914: 180).

Тюмень перестраивалась на суровые будни военного времени. Сначала последовало распоряжение о закрытии вокзальных платформ для времяпрепровождения праздной публики, объявили о закрытии винных лавок по случаю мобилизации, затем довели до всеобщего сведения, что ввиду объявления Омской железной дороги на военном положении все большие мосты будут охраняться войсками (СТГ, 1914: 180).

Тобольская губерния Высочайшим указом от 24 июня 1914 года объявлена в состоянии чрезвычайной охраны, с предоставлением губернатору статуса главноначальствующего и правом издавать постановления по предупреждению нарушения общественного порядка (СТГ, 1914: 171). Отныне губернатор имел право приостанавливать периодические издания на все время объявленного чрезвычайного положения.

По сути, с самого начала войны сибирские издания, вместе со всей российской прессой, были лишены права на самостоятельные суждения об отношении к войне, осведомленности о реальном положении на фронтах, а значит и «морального авторитета» (Махонина, 2002: 11). Российские газеты оказались подконтрольны официальной пропаганде, все усилия которой были направлены на «повышение приверженности людей к своему государству и внушение ненависти к врагу» (Ласвелл,

1929: 19). Важнейшим звеном пропаганды в годы войны стало Петроградское телеграфное агентство, которое под руководством Главного управления Генштаба обеспечивало собственной информацией всю российскую печать (Жирков, 2015: 78).

Издатель А.А. Крылов был обязан публиковать увеличившееся количество телеграмм, ежедневно поступающих из Петроградского телеграфного агентства. Вести с фронтов ждал тюменский читатель. Вместе с тем нельзя было терять рекламодателей, в виду того, что «главным источником и мерилом доходов для газетчиков служило не число подписчиков, а количество платных объявлений» (Боханов, 1984: 43).

В сложившейся ситуации А.А. Крылов обратился к проверенному приему газетчиков: из шести текстовых колонок две верстали обычным шрифтом, остальные четыре набирали самым мелким, под названием «нонпарель». С наступлением военных действий на российском газетном рынке разразился «бумажный голод», который тяжело отразился и на положении сибирской прессы. В одном из номеров газеты издатель объяснял читателям: «С объявлением войны, когда движение частных грузов было приостановлено, а требование на газеты значительно выросло, запасы бумаги быстро истощились, благодаря чему бумажный голод вступил в свои права» (СТГ, 1914: 200). Вопреки «бумажному голоду» А.А. Крылову удавалось в первые месяцы войны сохранять объемы публикаций (Табл. 1).

Таблица 1. Общий объем выпусков «Сибирской торговой газеты» и общее количество публикаций за июль–сентябрь 1914 года

Июль (№ 142–166)		Август (№167–190)		Сентябрь (№191–212)	
Общее количество выпусков	Количество публикаций	Общее количество выпусков	Количество публикаций	Общее количество выпусков	Количество публикаций
24	2 133	23	2 471	21	1 900
Всего: выпусков газеты – 68 из общего количества за год – 282 Количество публикаций за три месяца – 6504					

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что в сентябре, самом трудном для газеты месяце в 1914 году, при вынужденном выпуске «половинчатых», 2-х страничных номеров, и пропусков календарных выходов издания, объем публикаций значительно снизился. Пытаясь исправить ситуацию, редактор-издатель А.А. Крылов использует при наборе текста мелкокегельные шрифты, максимально увеличивая тем самым полезную площадь газеты (СТГ, 1914: 214), что нашло отражение в Табл. 2.

Таблица 2. Основные тематические рубрики и количество публикаций в «Сибирской торговой газете» за июль–сентябрь 1914 года

№	Основные тематические рубрики «СТГ»	Июль. Количество публикаций	Август. Количество публикаций	Сентябрь. Количество публикаций
1.	«Коммерческие объявления»: магазины, лавки, афиши электротeatров, частные объявления.	955	1 089	767
2.	«Телеграммы»: заседания Государственной Думы, новости царского двора, театр военных действий	775	985	797
3.	«Хроника»: распоряжения губернатора, заседания городской Думы, события.	225	266	228
4.	«Русская жизнь»: новости российских губерний.	102	118	104
5.	«Смесь»: маленький фельетон, анекдоты, стихотворения.	36	3	4

Результаты проведенного автором анализа выпусков «Сибирской торговой газеты» позволили выявить общие тенденции, расставить доминирующие приоритеты при верстке номеров газеты. Издатель Крылов, увеличивая количество публикаций в рубрике «Телеграммы: на театре военных действий», старался не снижать объемы рекламного портфеля – основного источника дохода газеты. В данном контексте важно отметить, что издатель во всех выпусках 1914 года, а затем и на протяжении 1915, отдавал по-прежнему первую полосу газеты рекламным объявлениям, размещая рубрику «Телеграммы» на второй и третьей полосе. Вместе с тем уже к ноябрю 1914 года при верстке газеты были сформированы основные информационные блоки рубрики «Телеграммы», выходявшие с подзаголовками: «От штаба Верховного Главнокомандующего», «В действующей армии»,

«На передовых позициях», «В союзных армиях», «За границей». Такой подход к верстке информации о войне сохранялся в газете до 1917 года. В сентябре 1914 года количество телеграмм с театра военных действий впервые превысило число рекламных объявлений, этого требовал возрастающий интерес читателей к фронтовым событиям.

Первая партия военнопленных прибыла в Тюмень 9 сентября 1914 года на пароходе из Омска – 57 офицеров и 726 солдат (Бушаров, 1999: 61). Далее количество пленных постоянно менялось. В начале ноября 1914 года по сведениям «Сибирской торговой газеты» в Тюмени было расквартировано 5595 человек и 40 офицеров (СТГ, 1914: 241).

В то время как в Тюмени объявлялись одна за другой мобилизации ратников и семьи провожали на войну кормильцев, в город все прибывали и прибывали военнопленные. К декабрю 1914 года, с наступлением холодов, среди военнопленных начались заболевания оспой и брюшным тифом. Тюменские врачи применяли все возможные средства, чтобы предотвратить эпидемию. На экстренном собрании городской Думы был рассмотрен циркуляр губернатора о следовании в Тобольскую губернию 18 тысяч пленных с вопросом, сколько еще может принять Тюмень. Защищая свой город, управа заняла жесткую позицию: «6 000 пленных уже есть, а 5 000 Тюмень может принять с условием размещения по деревням» (СТГ, 1914: 253).

В марте 1915 года ситуация повторилась. В Тюмень поступило распоряжение губернатора принять до 12 тысяч военнопленных и разместить их, а также дать помещение и для формируемого из ополченцев запасного батальона в числе 3 000 человек. Ответ Управы был по-прежнему категоричен: «Для пленных приготовлено помещений на 11 000 человек, 8 000 уже есть. Более город принять не может» (СТГ, 1915: 65).

Позиция городских гласных была непреклонна, и военное ведомство решило поменять тактику. Через неделю Дума рассматривала предложение военного ведомства о постройке в Тюмени концентрационного лагеря для пленных. Военные предложили 250 тыс. рублей для того, чтобы город выстроил бараки на 10 тыс. человек вместе с банями, лазаретом, прачечными и т.п. Гласные нашли возможным взять постройку барачных под наблюдение города (СТГ, 1915: 68).

В Тюмень одно за другим приходили известия о гибели земляков. «Сибирская торговая газета» в номере за 10 июля 1915 года сообщила об отпевании в Знаменском соборе праха капитана Н.К. Павлова, который дважды был ранен на фронте и пал жертвой удушливого газа. Капитану удалось вернуться в родную Тюмень, к своим старикам родителям, где он скончался от ран. Проводить умершего собралась толпа народа, в которой находились местные офицеры и две роты нижних чинов (СТГ, 1915:29). Через десять дней пришло новое сообщение: «Из действующей армии прибыл с вещами денщик прапорщика Н.И. Скатова, сообщивший отцу, что сын его пал в бою геройской смертью. Вчера вечером в Знаменском соборе была отслужена панихида» (СТГ, 1915: 157).

Вполне объяснимо, что отношение к пленным в Тюмени стало меняться. В начале появления в Тюмени о них писали как об «австрийских подданных», затем как о «военнопленных» и на второй год войны именовали «австрияками».

Общий объем выпусков «Сибирской торговой газеты» и публикаций в ней за период февраль–апрель 1915 года отражен в Табл. 3.

Таблица 3. Общий объем выпусков «Сибирской торговой газы» и общее количество публикаций за февраль–апрель 1915 года

Февраль (№ 25 -47)		Март (№48 -69)		Апрель (№70 -94)	
Общее количество выпусков	Количество публикаций	Общее количество выпусков	Количество публикаций	Общее количество выпусков	Количество публикаций
22	1.499	21	1.866	24	2.592
Всего: выпусков газеты – 67 из общего количества за год – 278 Количество публикаций за три месяца – 5 957					

Результаты контент-анализа, проведенного автором, показывают, что в феврале 1915 года, когда еженедельно выходили сокращенные номера газеты, количество публикаций резко снизилось, несмотря на переход к мелкокегельным текстовым шрифтам. В марте А.А. Крылову удалось наладить поставки бумаги, издание стало возвращаться к прежним довоенным объемам.

Основные тематические рубрики газеты в указанном периоде касались в большей степени вопросов управления городом, ситуации на фронте (Табл. 4):

Таблица 4. Основные тематические рубрики и количество публикаций в «Сибирской торговой газете» за февраль–апрель 1915 года

№	Основные тематические рубрики «СТГ»	Февраль Количество публикаций	Март Количество публикаций	Апрель Количество публикаций
1.	«Коммерческие объявления»: магазины, лавки, афиши электротeatров, частные объявления.	472	590	923
2.	«Телеграммы»: заседания Государственной Думы, новости царского двора, театр военных действий	745	952	1 286
3.	«Хроника»: распоряжения губернатора, заседания городской Думы, события.	186	238	272
4.	«Русская жизнь»: новости российских губерний.	93	73	88
5.	«Смесь»: маленький фельетон, анекдоты, стихотворения.	3	13	23

Ранжирование тем основных рубрик газеты в рамках указанного периода складывается таким образом, что на первое место выходит по количеству публикаций рубрика «Телеграммы: на театре военных действий». Количество коммерческих объявлений в феврале – марте 1915 года уменьшилось вдвое по сравнению с 1914 годом. Газета в этот период потерпела значительные финансовые потери.

В то время как «Сибирской торговой газете» удавалось проходить жесткую цензуру, от газетных изданий Урала и Сибири поступали неутешительные сведения. В марте 1915 года главноначальствующий Пермской губернии наложил на редактора газеты «Уральская жизнь» крупный штраф за «ложную публикацию» (СТГ, 1915: 50). Затем пришло сообщение о том, что по «обстоятельствам финансового свойства» прекращается издание тюменской газеты «Вестник Западной Сибири» (СТГ, 1915: 67), по официальному распоряжению была приостановлена «на все время исключительных положений» челябинская газета «Жизнь Приуралья» (СТГ, 1915: 89).

Весной – в начале осени 1915 г. на западном фронте для России сложилась тяжелая ситуация, которая была связана с наличием снарядного голода, а в связи с этим – отступлением русской армии в глубь страны (Уткин, 2002: 122). Применительно к Сибири, к 1917 году в армии оказалось не менее 1 млн сибиряков (на 10,1 млн жителей), в частности, призвали 51,8% трудоспособных мужчин в Тобольской губернии (Шиловский, 2015: 8).

«Сибирская торговая газета» в каждом номере публиковала сведения о том, как тюменцы вносили свою лепту в постоянные сборы пожертвований на обустройство лазаретов, помощь пострадавшим солдатам, неустанно помогали учебным заведениям, поддерживали Владимирский приют, где увеличилась смертность маленьких подкидышей (СТГ, 1916: 136). Вплоть до конца 1916 года не ослабевал энтузиазм общественности в организации благотворительных концертов, спектаклей и лотерей на нужды армии (Меньщиков, 2004: 36).

На февральском заседании городской Думы гласные подсчитывали, какие чрезвычайные расходы пришлось понести Тюмени за полтора года войны. Итог был однозначен: в 1916 году положение ухудшилось (СТГ, 1916: 29). Индикатором состояния торгового дела в Сибири на протяжении многих лет являлась знаменитая Ирбитская ярмарка. В феврале 1916 года ярмарочный комитет сообщал о том, что общее поступление товаров едва ли превысит треть привоза прошлого года и что даже крупнейшая фирма «Тороговый Дом братьев Агафуровых» из Тюмени на эту ярмарку не прибыла (СТГ, 1916: 29). Тюменские промышленники и торговцы трудились над разрешением проблем с железнодорожными перевозками, недостатком сырья, постоянной нехваткой рабочих рук (Шишкина, 2000: 61).

В таких условиях дефицита военного времени Тюменский объединенный комитет по организации сбора подарков для армии заготовил 1,5 тысячи пасхальных праздничных наборов, которые отправились 1 апреля 1916 года в армию под присмотром господина Дворникова. Для присмотра нашлись доводы: «Военнопленным в Германии и Австрии вместо подарков Комитет отправит деньги, ибо подарки, особенно съестное, редко доходят до наших пленных, а съедается самими немцами» (СТГ, 1916: 72).

Лето 1916 года было ознаменовано торжествами в Тобольске по случаю Всероссийского церковного прославления Святителя Иоанна Митрополита Тобольского и всея Сибири. Городская управа распорядилась построить у пристаней вместительный навес для торговли хлебом, организовать врачебную помощь и приемный покой для богомольцев, отправляющихся баржами и пароходами на праздник. «Сибирская торговая газета» сообщала: «Число паломников, прибывших со всей России на торжества, достигло 26 000 человек, праздники прошли при полном порядке» (СТГ, 1916: 125). К осени ситуация с выпусками газеты начала меняться (Табл. 5).

Таблица 5. Общее количество выпусков «Сибирской торговой газеты» и количество публикаций за октябрь–декабрь 1916 года

Октябрь (№ 207-228)		Ноябрь (№229-252)		Декабрь (№253-275)	
Общее количество выпусков	Количество публикаций	Общее количество выпусков	Количество публикаций	Общее количество выпусков	Количество публикаций
21	1391	23	1341	22	1301
Всего: выпусков газеты – 66 из общего количества за год – 275 Количество публикаций за три месяца – 4033					

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о тенденции резкого снижения количества публикаций газеты по всем тематическим рубрикам: за три месяца 1914 года – 6504 публикации, за такой же период 1915 года – 5957, за три месяца 1916 года – 4033. В 1916 году более половины номеров «Сибирской торговой газеты» печаталось в сокращенном, 2-х страничном объеме, рубрика «Телеграммы» вышла на первую полосу газеты.

Таблица 6. Основные тематические рубрики и количество публикаций в «Сибирской торговой газете» за октябрь–декабрь 1916 года

№	Основные тематические рубрики «СТГ»	Октябрь Количество публикаций	Ноябрь Количество публикаций	Декабрь Количество публикаций
1.	«Коммерческие объявления»: магазины, лавки, афиши электротeatров, частные объявления.	573	525	533
2.	«Телеграммы»: заседания Государственной Думы, новости царского двора, театр военных действий	594	596	622
3.	«Хроника»: распоряжения губернатора, заседания городской Думы, события.	172	170	130
4.	«Русская жизнь»: новости российских губерний.	49	46	16
5.	«Смесь»: маленький фельетон, анекдоты, стихотворения.	3	-	-

Ранжирование тематических рубрик газеты в рамках указанного периода складывается следующим образом: первенство удерживает рубрика «Телеграммы: на театре военных действий», немного уступает ей по объемам рубрика «Реклама», публикации в рубрике «Хроника» по-прежнему освещают события ежедневной жизни тылового города, в то же время рубрика «Русская жизнь» с краткими заметками о жизни российских регионов содержит наименьшее количество публикаций, а развлекательная рубрика «Смесь» прекращает свое существование.

1917 год Тюмень встречала предчувствием новых потрясений. Не успели обсудить обращение Государя Императора, признающего «временные неудачи» России на войне (СТГ, 1916: 265), как Петроградское телеграфное агентство сообщило об убийстве Распутина (СТГ, 1916: 269). К тому же вместо привычных крещенских морозов в январе начался проливной дождь, что изумило даже глубоких старцев.

12 марта 1917 года «Сибирская торговая газета» опубликовала Обращение тюменского временного исполнительного комитета: «Граждане! Николай II отказался от престола, теперь свободный народ должен сам установить образ правления через Учредительное собрание» (СТГ, 1917: 57). Тюмень с восторгом приняла известие о смене власти: «Собрание тюменских граждан присоединяется к обильному потоку радостных приветствий новому правительству» (СТГ, 1917: 59).

Временное правительство упразднило Главное управление по делам печати. Закон о печати, принятый 27 апреля 1917 года, провозгласил беспрепятственный выпуск, распространение и торговлю печатными изданиями любых политических направлений. В Тюмени партийные организации приступили к выпуску своих периодических изданий (Андреева, Петрова, 2013: 145). «Сибирская торговая газета» избегала по этому поводу комментариев, но обращала внимание читающей публики на то, что из шести типографий, имеющих в Тюмени, владельцы четырех готовы их продать (СТГ, 1917: 87), газета «Ермак» куплена местной партией «Народная свобода», во главе которой стоят господа Беседных и Копытов (СТГ, 1917: 88).

В Тюмени резко ухудшилась ситуация с продовольствием, продукты первой необходимости распределялись по карточкам, стали привычными длинные очереди к прилавкам. Нарастающее

недовольство вышеснулось в дикую выходку толпы. «Сибирская торговая газета» напечатала несколько сообщений о состоявшемся обыске, учиненном проверочной комиссией в доме купца Колмакова по доносу уволенной прислуги. В доме и во дворе был устроен погром, разобрали дрова, вскрыли мостовую, разрыли выгребные ямы в поисках сахара и махорки. Погром продолжался три дня, во дворе и на улице стояли солдаты с ружьями и толпа любопытных (СТГ, 1917: 80).

Обыск у Колмаковых стал предвестником грядущих бесчинств. Этот случай тревожно сигнализировал о том, что все былые устои по уважению к частной собственности разрушены, их больше не существует. По этому случаю городская Дума собрала заседание, выразила протест и постановила потребовать от Исполнительного комитета военных депутатов немедленно принять меры к устранению насилия, проявленного толпой (СТГ, 1917: 81).

Начиная с июля 1917 года, в каждом номере «Сибирской торговой газеты» печатаются заметки о преступлениях с участием солдат. Голодные и раздетые солдаты местного гарнизона, сотни дезертиров превратились в криминальные банды. В Тюмень с железнодорожными составами ежедневно приезжали толпы мешочников-спекулянтов со всей России, скупающие все, что можно было унести.

Предприниматели Тюмени спешно распродавали свое торговое дело, как это сделали Колокольниковы (СТГ, 1917: 194), мало кого занимали новости о ссылке семьи Романовых в Тобольск, Святейший Синод постановил совершить всенародное моление о спасении Державы Российской 1 октября 1917 года «ввиду переживаемых нашим отечеством грозных событий» (СТГ, 1917: 213).

2 ноября 1917 года «Сибирская торговая газета» опубликовала Воззвание Военно-революционного комитета Петрограда, объявившего России, что Временное правительство низложено (СТГ, 1917: 23). Городская Дума постановила «при посягательстве на права Учредительного собрания выступить на его защиту» (СТГ, 1917: 259). Вместе с тем массовые погромы, преступность, голод уже распространились по всем регионам России, захватившие власть большевики прокладывали себе путь расстрелами и террором.

Все это неизбежно сказывалось на выпуске «Сибирской торговой газеты» (Табл. 7).

Таблица 7. Общее количество выпусков «Сибирской торговой газеты» и общее количество публикаций за март–май 1917 года

Март (№ 48-73)		Апрель (№ 74-94)		Май (№ 95-117)	
Общее количество выпусков	Количество публикаций	Общее количество выпусков	Количество публикаций	Общее количество выпусков	Количество публикаций
25	1 239	20	1 296	22	1 473
Всего: выпусков газеты – 67 из общего количества за год – 280 Количество публикаций за три месяца – 4 008					

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о тенденции значительного снижения количества публикаций «Сибирской торговой газеты» в период Первой мировой войны: от 6 504 в 1914 году до 4 008 в 1917 году.

Во второй половине 1917 года издание оставалось в одиночестве на газетном рынке Тюмени. А.А. Крылов, спасая положение, решился на максимальное увеличение числа текстовых колонок с помощью мелкокегельных шрифтов, что делало газету не читаемой без лупы. Для газетных выпусков 1917 года характерны плохое качество бумаги, некорректный типографский набор, постоянная смена количества текстовых колонок и формата страниц.

Основные тематические рубрики газеты и частота публикаций в период март – май 1917 года отражена в Табл. 8.

Таблица 8. Основные тематические рубрики и количество публикаций «Сибирской торговой газеты» за март–май 1917 года

№	Основные тематические рубрики «СТГ»	Март Количество публикаций	Апрель Количество публикаций	Май Количество публикаций
1.	«Коммерческие и частные объявления»	366	445	375
2.	«Телеграммы»: петроградские события, заключение мира на фронтах.	678	653	918
3.	«Хроника»: Советы рабочих,			

	солдатских и крестьянских депутатов.	189	198	178
4.	«Русская жизнь»: новости российских губерний.	6	-	2

Результаты проведенного анализа тематических рубрик «Сибирской торговой газеты» позволил определить доминирующие приоритеты при верстке газетных номеров. На первом месте рубрика «Телеграммы» с новостями из революционного Петрограда, на втором – коммерческие и частные объявления, число которых стремительно уменьшалось вместе с уходом с рынка или разорением крупнейших торговых фирм Тюмени.

К концу 1917 года «Сибирская торговая газета» выпускала свои последние номера перед закрытием, состоявшемся в феврале 1918 года. На смену частным коммерческим изданиям надвигалась идеологическая, политизированная пресса власти большевиков, захватившая все печатное пространство регионов России (*Печатные СМИ Тюменской области, 2013: 33*). Политика большевиков по отношению к прессе была предельно очевидна: осуществить полную монополию на средства массовой информации.

4. Заключение

Таким образом, результаты изучения публикаций «Сибирской торговой газеты» за 1914–1917 годы в период Первой мировой войны (общее количество – 268 выпусков и 20 472 публикации) позволили автору сделать следующие выводы:

- сложилась тенденция значительного уменьшения количества публикаций от 6 504 в 1914 году до 4 008 в 1917 году в связи с изменением политической ситуации в стране, вступлением России в войну, переходом мирной экономики на военное положение;
- сменились темы-лидеры публикаций: состоялся переход от коммерческих объявлений, доминирующих в довоенное время, к рубрике «Телеграммы: на театре военных действий»;
- рубрика «Хроника» являлась единственным поставщиком информации о буднях тылового города;
- темами-аутсайдерами стали рубрики «Русская жизнь: события российских губерний» и «Смесь».

В ходе исследования автором раскрыт особенный редакторский подход Крылова А.А. к верстке номеров, наполняемости основных тематических рубрик, приемам увеличения полезной площади издания, а также обоснован значительный вклад «Сибирской торговой газеты», ставшей единственным газетным долгожителем дореволюционной Тюмени, в ежедневное освещение жизни сибирской глубинки периода Первой мировой войны.

Литература

- Андреева, Петрова, 2013* – Андреева А.А., Петрова О.А. История журналистики Тюменского региона (1789–1929). Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2013. 488 с.
- Беспалова, 2002* – Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв.: имена, биографии, судьбы: Монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. 156 с.
- Боханов, 1984* – Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 год. М.: Наука, 1984. 148 с.
- Бушаров, 1999* – Бушаров Е.А. Военнопленные Первой мировой войны в Тюмени (1914–1920 гг.) // *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Слоцова*. Тюмень. 1999. С. 61-72.
- Дякин, 1967* – Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л.: Наука, 1967. 362 с.
- Есин, 2009* – Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917). М.: Флинта: Наука, 2009. 464 с.
- Жирков, 2015* – Жирков Г.В. Первая мировая война и трансформация парадигмы журналистики // Век информации. Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны: Материалы 53-й международной научной конференции. Петербургские чтения. СПб.: С-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций», 2015. 247 с.
- Конonenko, 2009* – Кононенко А.А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень. ТюмГНГУ, 2009. 220 с.
- Ласвелл, 1929* – Ласвелл Г. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. Н.М. Потапова. М.: Ленинград: Гос. изд-во, 1929. 199 с.
- Мандрика, 2002* – Мандрика Ю. Пять лет жизни города в газетных подшивках // *Лукич*. 2002. № 2. С. 3-9.
- Махонина, 2002* – Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект. М.: Флинта, 2002. 238 с.

Меньщиков, 2004 – *Меньщиков В.Н.* Сбор пожертвований для армии как одна из форм патриотического движения в годы Первой мировой войны (на материалах Тобольской губернии) // *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Слоцова*. Тюмень, 2004. С. 35-37.

Печатные СМИ Тюменской области, 2013 – Печатные СМИ Тюменской области: век XIX – век XXI. 1 том. Тюмень: ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. 560 с.

Стефашов, 2004 – *Стефашов А.Е.* Тюмень – очаг предпринимательской культуры XIX – начала XX веков // *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Слоцова*. Тюмень. 2004. С.98-100.

СТГ, 1914 – Сибирская торговая газета. 1914.

СТГ, 1915 – Сибирская торговая газета. 1915.

СТГ, 1916 – Сибирская торговая газета. 1916.

СТГ, 1917 – Сибирская торговая газета. 1917.

Уткин, 2000 – *Уткин А.И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. 640 с.

Шишкина, 2000 – *Шишкина С.Ю.* Промышленное развитие Тобольской губернии в годы Первой мировой войны // *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Слоцова*. 2000. С. 60-71.

Шиловский, 2015 – *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, Новосибирск, 2015. 330 с.

References

Andreeva, Petrova, 2013 – *Andreeva A.A., Petrova O.A.* (2013). *Istoriya zhurnalistiki Tyumenskogo regiona (1789–1929)* [The history of journalism in the Tyumen region (1789-1929)]. Tyumen': Izd-vo TyumGU. 488 p.

Bespalova, 2002 – *Bespalova Yu.M.* (2002). *Zapadnosibirskie predprinimateli vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: imena, biografii, sud'by: Monografiya.* [West Siberian businessmen of the second half of the XIX - early XX centuries: names, biographies, destinies. Monograph.]. Tyumen': Izd-vo TyumGU. 156 p.

Bokhanov, 1984 – *Bokhanov A.N.* (1984). *Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyi kapital. Konets XIX v. – 1914 god.* [Bourgeois press of Russia and large capital. The end of the XIX century - 1914.]. M.: Nauka. 148 p.

Busharov, 1999 – *Busharov E.A.* (1999). *Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Tyumeni (1914–1920 gg.)* [POWs of the First World War in Tyumen (1914-1920)]. *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I.Ya. Slotsova*. Tyumen'. pp. 61–72.

Dyakin, 1967 – *Dyakin V.S.* (1967). *Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917).* [The Russian bourgeoisie and tsarism during the First World War (1914-1917)]. L.: Nauka. 362 p.

Esin, 2009 – *Esin B.I.* (2009). *Istoriya russkoi zhurnalistiki (1703–1917).* [The history of Russian journalism (1703-1917)]. M.: Flinta: Nauka. 464 p.

Zhirkov, 2015 – *Zhirkov G.V.* (2015). *Pervaya mirovaya voina i transformatsiya paradigmy zhurnalistiki.* [The First World War and the Transformation of the Paradigm of Journalism]. / *Vek informatsii. Zhurnalistika i voiny: k 100-letiyu Pervoi mirovoi voiny: materialy 53-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Peterburgskie chteniya.* SPb.: S-Peterb. gos. un-t, In-t «Vyssei shkoly zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii». 247 p.

Kononenko, 2009 – *Kononenko A.A.* (2009). *Tyumen' na pereput'e: vlast' i obshchestvo v 1917–1921 gg.* [Tyumen at the crossroads: power and society in 1917-1921]. Tyumen'. TyumGNGU. 220 p.

Lasvell, 1929 – *Lasvell G.* (1929). *Tekhnika propagandy v mirovoi voine / per. s angl. N.M. Potapova.* [Technique of propaganda in the world war / translation from English N.M. Potapova]. M.: Leningrad: Gos. izd-vo. 199 p.

Mandrika, 2002 – *Mandrika Yu.* (2002). *Pyat' let zhizni goroda v gazetnykh podshivkakh.* [Five years of city life in newspaper files]. *Lukich.* №2. pp. 3-9.

Makhonina, 2002 – *Makhonina S.Ya.* (2002). *Istoriya russkoi zhurnalistiki nachala XX veka. Uchebno-metodicheskii komplekt.* [The history of Russian journalism of the early XX century. Educational-methodical kit.]. M.: Flinta. 238 p.

Men'shchikov, 2004 – *Men'shchikov V.N.* (2004). *Sbor pozhertvovaniy dlya armii kak odna iz form patrioticheskogo dvizheniya v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Tobol'skoi gubernii).* [Collecting donations for the army as one of the forms of the patriotic movement during the First World War (based on the materials of the Tobolsk province)]. *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I.Ya. Slotsova*. Tyumen'. pp. 35–37.

Printed media of Tyumen region, 2013 – Печатные СМИ Тюменской области: век XIX – век XXI. (2013). [Printed media of Tyumen region: XIX - XXI centuries. 1 volume.]. Tyumen': ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. 560 p.

Stefashov, 2004 – *Stefashov A.E.* (2004). *Tyumen' – ochag predprinimatel'skoi kul'tury XIX – nachalo XX vekov* [Tyumen - a hotbed of entrepreneurial culture of the XIX – early XX centuries]. *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I.Ya. Slotsova*. Tyumen'. pp. 98–100.

STG, 1914 – Sibirskaya trgovaya gazeta. 1914.

STG, 1915 – Sibirskaya trgovaya gazeta. 1915.

STG, 1916 – Sibirskaya trgovaya gazeta. 1916.

STG, 1917 – Sibirskaya trgovaya gazeta. 1917.

Utkin, 2000 – *Utkin A.I.* (2000). *Zabytaya tragediya Rossii v pervoi mirovoi voine*. [The forgotten tragedy of Russia in the First World War]. Smolensk: Rusich. 640 p.

Shishkina, 2000 – *Shishkina S.Yu.* (2000). *Promyshlennoe razvitiye Tobol'skoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Industrial development of Tobolsk province in the years of the First World War]. *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I.Ya. Slovtsova*. pp. 60–71.

Shilovskii, 2015 – *Shilovskii M.V.* (2015). *Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir'*. [The First World War of 1914-1918 and Siberia]. Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, in-t istorii, Novosibirsk. 330 p.

Купеческая Тюмень в годы Первой мировой войны: по материалам издания «Сибирская торговая газета»

Ирина Витальевна Ставецкая ^{а, *}

^а Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Автор статьи обращается к рассмотрению малоизученной темы, посвященной облику купеческой Тюмени на страницах повременного издания «Сибирская торговая газета» в годы Первой мировой войны. В статье анализируется содержание газетных рубрик и смена тематических приоритетов, продиктованных условиями военного времени, особенность редакторской политики и верстки номеров в контексте военной цензуры и «бумажного голода».

На основании изученного материала автор приходит к следующим выводам: предоставляя читателям широкую информационную панораму фронтовых новостей и международных событий, «Сибирская торговая газета» аккумулировала на своих страницах главные направления жизни тылового сибирского города – проблемы с размещением тысяч военнопленных, повышение цен на продукты первой необходимости, благотворительная деятельность в пользу семей нижних чинов, смена социального поведения тюменцев с наступлением голода и нарастающей преступности.

Из трех газет Тюмени, встретивших Первую мировую войну, – «Вестник Западной Сибири», «Ермак» и «Сибирская торговая газета» – лишь последняя сумела адаптироваться к условиям экономического кризиса и революционных потрясений, выпуская номера до начала 1918 года, когда большевики закрыли все повременные издания дореволюционной России.

Ключевые слова: газетный рынок, Первая мировая война, купеческая Тюмень, «Сибирская торговая газета», революционные потрясения.

* Корреспондирующий автор

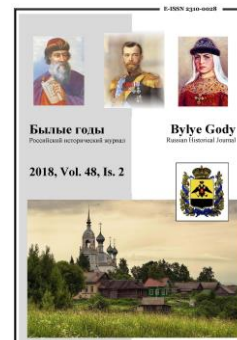
Адреса электронной почты: irina.vita22@yandex.ru (И.В. Ставецкая)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 872-879. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.872
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Bessarabian Question in 1917–1918: the Relations of Romania, Bessarabia and Ukraine

Sergey I. Degtyarev ^{a, *}, Vladyslava M. Zavhorodnia ^a

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

The article investigates the relations in 1917-1918 between the newly formed states – Romania, the Ukrainian State, and seeking its own statehood Bessarabia. Both Romania and Ukraine claimed the Bessarabian territories, which had given rise to a diplomatic conflict between them, exacerbated by different vectors of foreign policy of States. The Entente states, which won the First World War, supported Romania claims to Bessarabia. Ukraine was military and politically dependent on Germany and relied on its help. The Bessarabian political elites had actively attempted to "give life" to the Moldavian Republic, hoping for the help of the Entente and Ukraine.

Finely, politically weak Bessarabia became a bargaining chip for the states, which were victorious in the First World War. It lost the independence and the opportunity to become a full participant in international relations for a long time. Ukraine had suffered the same fate. Romania had managed to preserve its independence and to expand its borders significantly at the expense of a number of neighboring states, including Bessarabia.

Due to a number of internal and external political reasons Bessarabia did not have a full-fledged opportunity to defend its interests in 1917-1918. Ukraine and Romania needed mutual support, but failed to establish effective interaction precisely because of the unresolved 'Bessarabian question'.

Keywords: Bessarabia, Sfatul Tarii, Ukrainian State (Ukrainska Derzhava), Romania, international relations.

1. Введение

Решение территориальных споров было и остается одной из наиболее сложных проблем в отношениях между государствами. Случаи разрешения таких споров мирным путем и методами, которые оптимально удовлетворяют интересы сторон, – скорее, исключение в истории международных отношений, чем общераспространенная практика. Современное международное право, в первую очередь Устав ООН ([UN Charter, 1945](#)), Заключительный акт Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе ([Helsinki Final Act, 1975](#)), Принципы урегулирования споров и положения процедуры ОБСЕ по мирному урегулированию споров ([Принципы урегулирования споров, 1991](#)), дает широкий инструментарий для решения споров, в том числе и территориальных, мирным путем. Но даже при наличии нормативной базы, которая регламентирует процедуры переговоров, примирения, посредничества, арбитража, судебного рассмотрения иных способов урегулирования, территориальные вопросы и определение границ являются одними из наиболее болезненных в отношениях между государствами.

Учитывая вышеобозначенное, актуальным является изучение как позитивного, так и негативного опыта попыток решения территориальных конфликтов между различными государствами в историческом разрезе. Значительный интерес в этом контексте представляют

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev),
v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (V.M. Zavhorodnia)

отношения между Украиной периода Гетманата Павла Скоропадского и Румынией на фоне возникшей между этими государствами так называемой бессарабской проблемы.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой данного исследования стала мемуарная литература, нормативные акты и материалы периодической печати, которая довольно широко и оперативно (хотя и не всегда точно и объективно) освещала все аспекты бессарабского вопроса в 1918 г. и отношений между различными политическими силами, которые использовали эту проблему в своих интересах (Румыния, Украина, блоки Антанты и Центральных держав, сторонники идеи возрождения единой России).

Работа базируется на ряде общенаучных принципов познания, среди которых принципы историзма, системности, объективности. Принципы историзма и объективности позволили правильно оценить суть исследуемой проблемы, учитывая различные точки зрения как ученых, так и современников описываемых событий. Принцип системности создал условия для определения особенностей положения Бессарабии в 1917–1918 гг., а также отношений между правительствами Румынии и Украинской државы, «камнем преткновения» в которых была именно бессарабская проблема. В работе также использованы такие исследовательские методы, как историко-сравнительный, проблемно-хронологический, формально-юридический, которые позволили реконструировать историю бессарабско-румынско-украинских отношений в указанный период, а также дать им историко-правовую оценку.

3. Обсуждение

Непосредственно бессарабский вопрос получил довольно широкое освещение в историографии. О нем писали в своих научных исследованиях, воспоминаниях и публицистических работах многие ученые и политические деятели. Причем предметом изучения эта проблема стала сразу вскоре после ее возникновения, и интерес к ней не утихает до сих пор. Сама Бессарабия в исследуемый период находилась в сфере политических интересов Румынии, Украины, России, а ее политическая элита и большая часть населения стремилась к созданию собственной государственности. Логично, что по этой причине наиболее богатыми по указанному вопросу являются именно молдавская, румынская, российская и украинская историографии, хотя имеют место и единичные исследования западных ученых. Существуют даже отдельные научные работы, посвященные историографии обозначенной проблемы. Остановимся лишь на некоторых трудах, прямо или опосредованно касающихся бессарабского вопроса в 1917–1918 гг. Прежде всего это исследования молдавских ученых С. Назарии, П. Шорникова, П. Бойко, И. Левита, И. Цуркана, П. Серноводену и др. (Назария, 2013а; Назария, 2013б; Бойко, 2014; Шорников, 2007; Левит, 2000; Cernovodeanu, 1993; Țurcanu, 1998). Касались этой проблематики и другие ученые (Baar, Jakubek, 2017; Clark, 1927a; Clark, 1927b и др.).

При этом учеными довольно мало внимания уделено вопросам экономических, дипломатических отношений между сторонами, заинтересованными в том или ином варианте решения бессарабского вопроса, – Румынией, Украиной и непосредственно самой Бессарабией, хотя в этом отношении выделяются работы украинских историков П. Гай-Нижника, М. Гедина (Гай-Нижник, 1997; Гедін, 2012).

Естественно, представители различных национальных историографий имели разное видение тех или иных аспектов бессарабского вопроса периода 1917–1918 гг. Так, украинский историк и государственный деятель Д. Дорошенко считал, что аннексия Румынией Бессарабии произошла с молчаливого согласия германского командования. Бухарестский мирный договор от 5 марта 1918 г. вообще не оговаривал вопрос о восточных границах Румынии, а немецкий дипломат Кюльман заявил, что «вопрос о Бессарабии – это дело румынско-украинского взаимопонимания» (Дорошенко, 2007: 294–295). Известный российский политический деятель Х. Раковский, изучая румынско-бессарабские отношения этого периода, отмечал (и, вероятно, следует согласиться с этой мыслью), что «так называемый этнографический принцип [на который румынское правительство постоянно опиралось, предъявляя претензии на бессарабские земли – авт.] отнюдь не влечет за собой реального права...». Он считал, что в данной ситуации «нужно доказать, не каково процентное отношение того или иного этнического элемента, а какова его воля» [подчеркивание наше – авт.] (Раковский, 1925: 16). Американский исследователь Ч.А. Кларк, изучая бессарабский вопрос 1918 г., одинаково оценивал политику в отношении этого региона, как со стороны Румынии, так и со стороны Украины (а конкретно – правительства Центральной Рады), позиционируя ее как захватническую (Clark, 1927a; Clark, 1927b).

4. Результаты

Фактически при изучении украинско-румынских отношений периода Украинской Народной Республики (УНР) и Украинской државы почти всегда Бессарабия рассматривалась как объект чьих-либо интересов. При этом игнорируется притязание последней на роль субъекта международных отношений, что, на наш взгляд, не является правильным. Так, бессарабская/молдавская делегация должна была даже участвовать в мирной конференции в Брест-Литовске. Для нее были подготовлены

специальные инструкции. Делегаты должны были настаивать на признании их официальными представителями Молдавской Республики (основанной 15 декабря 1917 г.) и полноправными субъектами конференции; на включении в проект мирного договора пункта, гарантирующего полную автономию Молдавской Республики в границах бывшей Бессарабии, дальнейшую судьбу которой должно было решить Народное Собрание; на неделимости территории Молдавии и невозможности ее отчуждения в пользу правительств других государств и т.п. (Clark, 1927b). Еще [21 ноября 1917 г.](#) был организован краевой национальный парламент Бессарабии [Сфатул Цэрий](#).

Однако с самого начала 1918 г. Румыния претендовала на земли Бессарабии, доказывая свое право на них фактом проживания там многочисленного румынского населения (фактически утверждая, что молдованско-румынское население составляет подавляющее большинство). Заявляло румынское правительство и о так называемых исторических правах на эти территории. Румынское правительство рассматривало Бессарабию исключительно как неотъемлемую часть Румынии, интерпретируя для этого факты румынской и молдавской истории в свою пользу, пытаясь повлиять на Сфатул Цэрий и, наконец, введя румынские вооруженные силы на территорию Бессарабии под предлогом защиты тамошних румынов и их собственности, что завершилось аннексией этих земель и фактически полной ликвидацией любых прав Бессарабии на самоуправление.

Права Украины на Бессарабию румынская власть отрицала, опираясь на то, что во время подписания Брест-Литовского мирного договора украинская сторона «не предъявляла претензий на территорию Бессарабии и считала ее отдельным государством» (Гедін, 2012: 108).

Украинская сторона также претендовала на территорию Бессарабии, хотя позиция украинских правительств несколько отличалась от румынской. Правительство Центральной Рады при этом опиралось на решение земских собраний пяти из восьми уездов Бессарабии (Аккерманского, Бендерского, Измаильского, Сорокского и Хотинского) об их присоединении к Украине. Во времена Украинской державы более популярной была идея вхождения в состав Украины всей Бессарабии, но на правах автономии. В частности, министр иностранных дел Д. Дорошенко считал, что следует «настаивать на принадлежности политически-автономной Бессарабии к Украинской державе, на что она, Украина, имеет все права и чего желает огромное большинство Бессарабии». А в одном из официальных документов, подписанном главой Совета Министров Ф. Лизогубом и тем же министром Д. Дорошенко, конкретно указывалось, что «Правительство Украинской державы, однако, не думает предпринимать актов какого бы то ни было насилия в отношении к правам Бессарабии на справедливое и целесообразное национальное самоопределение» (Дорошенко, 2002: 142).

По мнению Д. Дорошенко, бессарабская проблема для Украины усложнялась еще и тем, что сосредотачивалась не на всем регионе Бессарабии, а лишь на отдельных ее частях – тех, где преобладало украинское население (Дорошенко, 2007: 295). Именно на эти территории в большей степени претендовали правительства как УНР, так и Украинской державы, хотя и признавали право Бессарабии на национальное самоопределение, отказываясь от любых насильственных действий в отношении этих земель и их населения.

Ситуация усложнялась попытками Сфатул Цэрий сначала задекларировать собственную субъектность Молдавской Демократической Республики как автономного образования в составе будущей федеративной России, потом – суверенитет как независимого государства (24 января 1918 г.), а позднее – провозглашением объединения с Румынией (27 марта 1918 г.). Следует иметь в виду, что легитимность Сфатул Цэрий как представительного органа подвергалась большим сомнениям как в связи с формированием его в чрезвычайных условиях вне процедуры демократических выборов, так и из-за несправедливого распределения мест для национального и социального представительства. Указанные факторы обусловили значительное преимущество в Сфатул Цэрий политических сил прорумынской ориентации, что не соответствовало реальным настроениям большинства населения Бессарабии (Назария, 2013а: 140).

Перед тем, как Сфатул Цэрий должен был определиться с дальнейшей судьбой Бессарабии, представитель Румынии поставил этот орган перед выбором – выбирать между присоединением или аннексией. Таким образом, Бессарабия была фактически лишена возможности самоопределения. В связи с этим украинское правительство в своей ноте заявило, что не признает притязания Румынии на эту область и выступает за предоставление Бессарабии права самостоятельно решать свою судьбу. В случае же изъявления населением этого региона желания присоединиться к Украинской державе правительство давало обещание «предоставить населению политическую автономию, обеспечивая права общественно-политического строительства». При этом украинские правительственные круги надеялись, что данное «недоразумение» может быть решено путем «обычных культурных способов улаживания международных конфликтов». Данная нота была одобрена на заседании Совета Министров 1 июня 1918 г. (Нота, 1918: 2; Українська держава, 2015: 51).

Но, даже несмотря на ультиматум со стороны румынских властей, на решение Сфатул Цэрий, по мнению Д. Дорошенко, мог повлиять еще один важный фактор. В это время Украина была ареной борьбы между большевиками и левыми социалистами УНР. Поэтому она считалась «далеко менее надежной опорой порядка и устройства», чем Румыния (тем более, что Молдавская Республика совсем недавно еще сама пребывала под властью большевиков и именно румынские войска вытеснили последних). К тому же еще в III Универсале Центральной Рады провозглашалось право

национальных регионов на самоопределение, что и было истолковано правительством Румынии как отречение Украины от прав на Бессарабию (Дорошенко, 2007: 295).

Оккупационные власти сразу же начали на бессарабских землях политику румынизации. В октябре был принят декрет об организации юстиции в Бессарабии. Официальным языком судопроизводства становился румынский. Провозглашался постепенный переход суда на румынское законодательство. Судьи теперь назначались королем, которому должны были дать присягу (Организация суда, 1918: 2). Этот декрет вызвал бурную реакцию в среде адвокатов. На общем собрании адвокатуры Бессарабии была принята даже соответствующая резолюция, в которой адвокаты высказались против принятия румынской присяги, так как «присяжные юристы не могут быть клятвопреступниками, а декрет не исходит из принципа самоопределения народов и противоречит международному праву» [судьба Бессарабии на этот момент еще не была решена государствами Антанты окончательно] (Протест адвокатов, 1918: 2). Против политики румынизации выступали и широкие массы крестьянства, и многие представители правительственных учреждений Бессарабии, в том числе и Сфатул Цэрий.

Некоторые служащие ведомства юстиции на аннексированных молдавских землях отказывались давать присягу румынскому королю. Это делало их если не политическими преступниками, то политически неблагонадежными элементами в глазах румынских властей. Соответственно некоторые судебные учреждения на этих землях не могли дальше функционировать. В частности, в своем докладе перед правительством 20 августа министр юстиции указывал о невозможности дальнейшей работы и вообще нахождения в Бессарабии Кишиневского окружного суда. Было решено создать окружной суд на территории Украинской державы «в таком месте, которое особенно нуждается в учреждении суда», и перевести туда весь личный состав Кишиневского суда (Українська держава, 2015: 233-234). В результате, выступая против румынизации органов юстиции, Кишиневский окружной суд, а также Бендерский съезд мировых судей в полном составе покинули территорию Бессарабии и переместились в Украину. Кроме того, министр юстиции Украинской державы предложил должности мировых судей ряду представителей Кишиневской и Бендерской магистратур (Протест судей, 1918: 3).

Параллельно с процессом румынизации правительство Румынии активно стимулировало кредитование различных государственных и муниципальных учреждений в Бессарабии. Так, в конце октября румынские банкиры приняли решение открыть кредит на 25 млн лей городскому самоуправлению Кишинева (на решение продовольственных проблем). Директориату торговли и промышленности Бессарабии Национальным банком был выделен кредит в 2 млн лей (Открытие кредитов, 1918: 2).

Процесс румынизации на бессарабских землях, вероятно, протекал довольно активно, особенно осенью 1918 г. Некоторые украинские средства массовой информации того времени эмоционально отмечали, что «бывшие русские чиновники увольняются и на место их ставятся беглецы из Семиградья и дезертиры..., эти элементы, годами жаловавшиеся на притеснения со стороны правительства, сами теперь стали во главе подавления национальных стремлений других народностей» (Румынизация, 1918: 3). После ввода румынских войск в Бессарабию бывшим офицерам русской армии, находившимся там, было приказано выехать, иначе их могли выслать насильно. Было также запрещено издание некоторых русскоязычных газет. Так, в Кишиневе запретили издание газеты «Бессарабский край» за якобы враждебное отношение к Румынии (Запрещение издания, 1918: 3).

Румынское правительство чувствовало себя достаточно уверенно в «бессарабском вопросе». Были спланированы и начались работы по строительству коммуникаций, соединявших Румынию с Бессарабией (а такие проекты были довольно дорогостоящими). В частности, через Липканы должна была проходить новая железнодорожная ветка, целью которой было «торговое сближение между Румынией и Бессарабией и усиление грузооборота» (Румыния и Бессарабия, 1918: 3).

Чтобы противостоять румынизации оккупированных областей Бессарабии, власти Украины до сентября-октября продолжали содержать там за свой счет некоторые государственные учреждения почтово-телеграфного ведомства, юстиции, образования, фискальные органы и даже органы местного самоуправления. Финансирование происходило с частыми перебоями. 12 сентября в Совете Министров даже рассматривался проект правил о порядке удовлетворения недополученным содержанием и одноразовыми пособиями служащих Бессарабии (Українська держава, 2015: 619, 734-735).

Согласно этому проекту предполагалось служащим, «которые, оставаясь в пределах Бессарабии, сохранили бы верность Украинской державе», жалование выплачивать в полном объеме. Покинувшие же территорию Бессарабии и вернувшиеся в Украину могли претендовать лишь на единовременные пособия (Українська держава, 2015: 620-621). Но все же украинские власти рассудили, что такой подход в сложившейся к осени 1918 г. ситуации имел ряд недостатков. До этого времени румынское правительство обращало мало внимания на украинские учреждения и их чиновников в Бессарабии и не мешало им работать, в частности «не предъявляло требований о принесении этими служащими присяги». Теперь же власти Румынии допускали «функционирование только тех учреждений, деятельность коих» была им полезна, например, фискальных органов.

В связи с этим поддерживать материально такие учреждения и их служащих значило бы действовать вопреки интересам самой Украины ([Українська держава, 2015: 621](#)).

Содержание служащих украинских государственных учреждений в Бессарабии преследовало цель поддержать в населении стремление к объединению с Украинской державой. В сентябре украинское правительство фактически отказалось от такого метода достижения указанной цели, надеясь, что она «может быть с большим успехом достигнута иными мерами, для коих насильственными действиями румынских властей и без того создана благодатная почва» ([Українська держава, 2015: 622](#)).

Украинским служащим различных ведомств, даже в условиях аннексии Румынией территорий Бессарабии или отдельных украинских регионов, правительство разрешало и дальше выполнять свои обязанности при условии, что «румыны не будут чинить над ними насилия». Такое решение, например, было принято в отношении железнодорожных служащих 11 ноября 1918 г. ([Українська держава, 2015: 361](#)).

Многие члены правительства, в частности члены Малого Совета при Совете Министров, вообще выступали против того, чтобы государственные служащие украинских учреждений покидали оккупированные Румынией территории. По их словам, «... в интересах Украины не следовало бы допускать ухода всех интеллигентных сил из той части страны, которая насильственно оккупирована Румынией». Такого же принципа придерживалось и руководство ведомств юстиции, народного образования, почтово-телеграфного и ряда других ([Українська держава, 2015: 479](#)).

Политика Румынии в отношении Бессарабии негативно воспринималась в среде как широких масс бессарабского населения, так и представителей местных политических и бюрократических кругов (даже среди тех, кто еще недавно поддерживал идею присоединения к Румынии). По состоянию на конец сентября – начало октября 1918 г. в конституционной комиссии Сфатул Цэрий преобладали «русско-украинское течение, а также пропаганда идей бессарабской республики». Как сообщает провинциальная украинская газета «Луч», именно это даже стало причиной выхода из комиссии ее члена, бывшего министра финансов Молдавской республики Ионко ([Письмо Ионко, 1918: 3](#)).

Опираясь на поддержку Антанты, румынское правительство позволяло себе придерживаться такой политики и продолжать инкорпорацию бессарабских территорий (как и ряда других, например Семиградья, Добруджи, земель Буковины и т.д.) с целью создания единого Румынского государства. В то же время, до момента окончательной аннексии Румынией Бессарабии, среди населения жила надежда на то, что с помощью той же Антанты удастся добиться права на национальное самоопределение Бессарабии. С этой целью даже создавались политические объединения, как правило, из членов Сфатул Цэрий, которые выдвигали соответствующие требования и пытались контактировать с представителями государств Согласия.

В дипломатических же кругах Антанты не было единого видения дальнейшей судьбы Бессарабии (отсюда и разность надежд, возлагаемых на Антанту в этом вопросе). Дипломаты Франции выступали за включение Бессарабии в состав Румынии, так как Франция была заинтересована в создании крупного союзного буферного государства на юге Европы. Английские же дипломаты высказывались за проведение референдума среди населения Бессарабии, предварительно выведя оттуда абсолютно все румынские войска для полноценного народного волеизъявления ([В Бессарабии, 1918: 3](#)). Население Бессарабии надеялось также на поддержку со стороны США. В начале ноября в Кишинев прибыл американский посланник, который принял участие в торжествах по поводу «годовщины автономии Бессарабии». Его речь фактически оказалась ударом по надеждам на возможность получения этим регионом права на самоопределение. Посланник сказал: «Да здравствует великая, прекрасная Румыния вместе с Трансильванией, Буковиной и Бессарабией. Мы будем бороться всеми средствами во имя торжества румынского идеала» ([Положение в Бессарабии, 1918: 3](#)). В конечном результате позиция французов победила.

Переориентация Румынии на государства Антанты явилась результатом переговоров, в ходе которых этими государствами Румынии были обещаны Трансильвания, Буковина, Бессарабия. Румынский кабинет Маргилломана (поддерживавший союз с Центральными государствами) был отправлен в отставку. Новым премьером был назначен генерал Коандро, бывший до этого представителем румынских военных сил при французской армии. Министром внутренних дел в этом кабинете стал бывший комиссар Румынии в Бессарабии, «отличившийся жестокими репрессиями и грубой румынизацией края и разгоном, вопреки гарантиям королевского декрета, Бессарабского губернского земства» ([Новый румынский кабинет, 1918: 3](#)).

5. Заключение

Таким образом, на то время цивилизованного решения бессарабской проблемы найти не удалось. И Украина, и Бессарабия оказались слишком слабыми, чтобы отстоять свои интересы. В конечном результате они стали разменными монетами для государств, которые победили в Первой мировой войне, на долгие годы утратив свою независимость. Румыния же, наоборот, смогла остаться независимым государством, значительно расширив свои границы, заняв выгодное положение в юго-

восточной Европе и взяв на себя роль буферной зоны между рядом европейских государств и территориями с нестабильной военно-политической ситуацией.

Литература

- Бойко, 2014** – Бойко П. Бессарабский вопрос по итогам Первой мировой войны // *Русин*. 2014. № 4 (38). С. 47-60.
- В Бессарабии, 1918** – В Бессарабии // *Луч*. 1918. № 120. 8 ноября.
- Гай-Нижник, 1997** – Гай-Нижник П. Торгівельно-промислового політика уряду Української Держави Гетьмана Павла Скоропадського 1918 р. // *Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів*. Т. 2. К.: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 1997. С. 353-396.
- Гедін, 2012** – Гедін М. Українсько-румунські відносини напередодні та в період гетьманування Павла Скоропадського // *Вісник КНЛУ*. Серія: Історія, економіка, філософія. Вип. 17. 2012. С. 107-115.
- Дорошенко, 2002** – Дорошенко Д.І. Історія України, 1917–1923. В 2-х тт.: Документально-наукове видання. Т. II. Українська Гетьманська Держава 1918 року. К.: Темпора, 2002. 352 с.
- Дорошенко, 2007** – Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки): Науково-популярне видання. К.: Темпора, 2007. 632 с.
- Запрещение издания, 1918** – Запрещение издания «Бессарабского края» // *Луч*. 1918. № 78. 15 сентября.
- Левит, 2000** – Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинёв: Центральная типография, 2000. 498 с.
- Назария, 2013a** – Назария С.М. Сфатул Цэрий, «объединение» с Румынией и отношение к нему молдаван и нацменьшинств Бессарабии (1917–1918 гг.) // *Русин*. 2013. № 3 (33). С. 138-154.
- Назария, 2013b** – Назария С.М. Аннексия Бессарабии Румынией с позиций международного права и отношение к этому жителей края // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. № 2, 2013. С. 45-48.
- Новый румынский кабинет, 1918** – Новый румынский кабинет // *Луч*. 1918. № 123. 12 ноября.
- Нота, 1918** – Нота украинского правительства по вопросу о Бессарабии // *Луч*. 1918. № 23. 20 июля.
- Организация суда, 1918** – Организация суда // *Луч*. 1918. № 111. 29 октября.
- Открытие кредитов, 1918** – Открытие кредитов // *Луч*. 1918. № 111. 29 октября.
- Письмо Ионко, 1918** – Письмо Ионко // *Луч*. 1918. № 95. 8 октября.
- Положение в Бессарабии, 1918** – Положение в Бессарабии // *Луч*. 1918. № 122. 10 ноября.
- Принципы урегулирования споров, 1991** – Принципы урегулирования споров и положения процедуры ОБСЕ по мирному урегулированию споров 1991 года (Итоговый документ Сопредседания стран ОБСЕ, Валетта, 1991). URL: <https://www.osce.org/ru/secretariat/30119?download=true>
- Протест адвокатов, 1918** – Протест адвокатов // *Луч*. 1918. № 114. 1 ноября.
- Протест судей, 1918** – Протест судей против румынизации // *Луч*. 1918. № 116. 3 ноября.
- Раковский, 1925** – Раковский Х. Румыния и Бессарабия. К семилетию аннексии Бессарабии. М.: Издание Литиздата Н.К.И.Д., 1925. 56 с.
- Румынизация, 1918** – Румынизация Бессарабии // *Луч*. 1918. № 102. 17 октября.
- Румыния и Бессарабия, 1918** – Румыния и Бессарабия // *Луч*. 1918. № 91. 3 октября.
- Українська держава, 2015** – Українська держава (квітень-грудень 1918 року). Документи і матеріали. У двох томах, трьох частинах. Т.1. К.: Темпора, 2015. XVIII+790 с.
- Шорников, 2007** – Шорников П. Молдавская государственность и молдавская национальная идентичность в XX – начале XXI в. // *Русин*. 2007. № 4 (10). С.70-79.
- Vaar, Jakubek, 2017** – Vaar V., Jakubek D. Divided National Identity in Moldova // *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*. 2017. Vol. 11, Is. 1. Pp. 58-92.
- Cernovodeanu, 1993** – Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806-1920). Buc., 1993.
- Clark, 1927a** – Clark Charles Upson. The Ukraine Encroaches // Bessarabia: Russia and Roumania on the Black Sea. New York, 1927. – URL: http://depts.washington.edu/cartah/text_archive/clark/bc_16.shtml
- Clark, 1927b** – Clark Charles Upson. Anarchy In Bessarabia // Bessarabia: Russia and Roumania on the Black Sea. New York, 1927. – URL: http://depts.washington.edu/cartah/text_archive/clark/bc_19.shtml#bc_19
- Helsinki Final Act, 1975** – Conference on Security and Co-Operation in Europe Final Act, Helsinki, 1975. URL: <https://www.osce.org/helsinki-final-act>
- Țurcanu, 1998** – Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. Chișinău: Tipografia Centrală, 1998. 260 p.
- UN Charter, 1945** – Charter of the United Nations, San Francisco, Jun 26, 1945. URL: <http://www.un.org/en/charter-united-nations/>

References

- Boiko, 2014** – Boiko P. (2014). Bessarabskii vopros po itogam Pervoi mirovoi voiny [Bessarabian question in the outcome of the WWI]. *Rusin*. №4(38). [in Russian]

- V Bessarabii, 1918** – V Bessarabii [In Bessarabia]. *Luch.* 1918. №120. 8 noyabrya. [in Russian]
- Gai-Nizhnik, 1997** – *Gai-Nizhnik P.* (1997). Torgivel'no-promislova politika uryadu Ukrain's'koï Derzhavi Get'mana Pavla Skoropads'kogo 1918 r. [The commercial and industrial policy of the Government of the Ukrainian State Hetman Pavlo Skoropadskyi in 1918]. *Naukovi zapiski. Zbirnik prats' molodikh vchenikh ta aspirantiv.* T.2. K.: Institut ukrains'koï arkheografii ta dzhereloznavstva im. M.S. Grushevs'kogo NAN Ukraini. [in Ukrainian]
- Gedin, 2012** – *Gedin M.* (2012). Ukrain's'ko-rumuns'ki vidnosini naperedodni ta v period get'manuvannya Pavla Skoropads'kogo [Ukrainian-Romanian relations on the eve of and during hetmanization of Pavlo Skoropadsky]. *Visnik KNLU.* Seriya: Istoriya, ekonomika, filozofiya. Vip.17. [in Ukrainian]
- Doroshenko, 2002** – *Doroshenko D.I.* (2002). Istoriya Ukraini, 1917-1923. V 2-kh tt.: Dokumental'no-naukove vidannya. T. II. Ukrain's'ka Get'mans'ka Derzhava 1918 roku [History of Ukraine, 1917-1923. In 2 tt.: Documentary-scientific edition. T. II Ukrainian Hetman State 1918]. Kyiv: Tempora. [in Ukrainian]
- Doroshenko, 2007** – *Doroshenko D.* (2007). Moi spomini pro nedavne minule (1914-1920 roki): Naukovo-populyarne vidannya [My memories of the recent past (1914-1920): A popular science publication]. Kyiv: Tempora. [in Ukrainian]
- Zapreshchenie izdaniya, 1918** – Zapreshchenie izdaniya «Bessarabskogo Kraya» [Prohibition of publication "Bessarabian Edges"]. *Luch.* 1918. №78. 15 sentyabrya. [in Russian]
- Levit, 2000** – *Levit I.E.* (2000). Moldavskaya respublika (noyabr' 1917 – noyabr' 1918) [The Moldavian Republic (November 1917 – November 1918)]. Kishinev: Tsentral'naya tipografiya. [in Russian]
- Nazariya, 2013a** – *Nazariya S.M.* (2013). Sfatul Tserii, «ob"edinenie» s Rumyniei i otnoshenie k nemu moldavan i natsmen'shinstv Bessarabii (1917-1918 gg.) [Sfatul Tarii, unification with Romania and attitude towards him Moldovans and Minorities Bessarabia (1917-1918)]. *Rusin.* № 3 (33). [in Russian]
- Nazariya, 2013b** – *Nazariya S.M.* (2013). Anneksiya Bessarabii Rumyniei s pozitsii mezhdunarodnogo prava i otnoshenie k etomu zhitelei kraya [The annexation of Bessarabia by Romania from the perspective of international law and the attitude to the residents of the province]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova.* № 2. [in Russian]
- Novyi rumynskii kabinet, 1918** – Novyi rumynskii kabinet [New Romanian Cabinet]. *Luch.* 1918. №123. 12 noyabrya. [in Russian]
- Nota, 1918** – Nota ukrainskogo pravitel'stva po voprosu o Bessarabii [The note of the Ukrainian government on the issue of Bessarabia]. *Luch.* 1918. №23. 20 iyulya. [in Russian]
- Organizatsiya suda, 1918** – Organizatsiya suda [Organization of the court]. *Luch.* 1918. №111. 29 oktyabrya. [in Russian]
- Otkrytie kreditov, 1918** – Otkrytie kreditov [Opening of loans]. *Luch.* 1918. №111. 29 oktyabrya. [in Russian]
- Pis'mo Ionko, 1918** – Pis'mo Ionko [Ionko's letter]. *Luch.* 1918. №95. 8 oktyabrya. [in Russian]
- Polozhenie v Bessarabii, 1918** – Polozhenie v Bessarabii [The situation in Bessarabia]. *Luch.* 1918. №122. 10 noyabrya. [in Russian]
- Printsipy uregulirovaniya sporov, 1991** – Printsipy uregulirovaniya sporov i polozheniya protsedury OBSE po mirnomu uregulirovaniyu sporov 1991 goda (Itogovi dokument Soveshchaniya stran OBSE, Valetta, 1991) [Principles for the settlement of disputes and the provisions of the OSCE's 1991 procedure for the peaceful settlement of disputes (OSCE Concluding Document, Valletta, 1991)]. URL: <https://www.osce.org/ru/secretariat/30119?download=true> [in Russian]
- Protest advokatom, 1918** – Protest advokatom [Protest of lawyers]. *Luch.* 1918. №114. 1 noyabrya. [in Russian]
- Protest sudei, 1918** – Protest sudei protiv rumynizatsii [The judges' protest against the Romanization]. *Luch.* 1918. №116. 3 noyabrya. [in Russian]
- Rakovskii, 1925** – *Rakovskii Kh.* (1925). Rumyniya i Bessarabiya. K semiletiyu anneksii Bessarabii [Romania and Bessarabia. By the Seventh Anniversary of the annexation of Bessarabia]. M.: Izdanie Litizdata N.K.I.D. [in Russian]
- Rumynizatsiya, 1918** – Rumynizatsiya Bessarabii [Romanization of Bessarabia]. *Luch.* 1918. №102. 17 oktyabrya. [in Russian]
- Rumyniya i Bessaraiya, 1918** – Rumyniya i Bessarabiya [Romania and Bessarabia]. *Luch.* 1918. №91. 3 oktyabrya. [in Russian]
- Ukrains'ka derzhava, 2015** – Ukrain's'ka derzhava (kviten'-gruden' 1918 roku). Dokumenti i materiali [Ukrainian state (April-December 1918). Documents and materials]. U dvokh tomakh, tr'okh chastinakh. T.1. K.: Tempora, 2015. XVIII+790 s. [in Ukrainian]
- Shornikov, 2007** – *Shornikov P.* (2007). Moldavskaya gosudarstvennost' i moldavskaya natsional'naya identichnost' v XX – nachale XXI v. [Moldovan statehood and Moldovan national identity in the XX – beginning of the XXI century]. *Rusin.* №4(10). [in Russian]
- Baar, Jakubek, 2017** – *Baar V., Jakubek D.* (2017). Divided National Identity in Moldova // *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics.* Vol. 11, Is. 1. pp. 58-92.

[Cernovodeanu, 1993](#) – *Cernovodeanu P.* (1993). Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806-1920) [Bessarabia. The Drama of a Romanian Historical Province in an International Political Context (1806-1920)]. Buc. [in Romanian]

[Clark, 1927a](#) – *Clark Charles Upson.* (1927). The Ukraine Encroaches // Bessarabia: Russia and Roumania on the Black Sea. New York. – URL: http://depts.washington.edu/cartah/text_archive/clark/bc_16.shtml

[Clark, 1927b](#) – *Clark Charles Upson.* (1927). Anarchy In Bessarabia // Bessarabia: Russia and Roumania on the Black Sea. New York. – URL: http://depts.washington.edu/cartah/text_archive/clark/bc_19.shtml#bc_19

[Helsinki Final Act, 1975](#) – Conference on Security and Co-Operation in Europe Final Act, Helsinki, 1975. URL: <https://www.osce.org/helsinki-final-act>

[Țurcanu, 1998](#) – *Țurcanu I.* (1998). Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări [Unification of Bessarabia with Romania. Preludes, premises, achievements]. 1918. Chișinău: Tipografia Centrală. [in Moldavian]

[UN Charter, 1945](#) – Charter of the United Nations, San Francisco, Jun 26, 1945. URL: <http://www.un.org/en/charter-united-nations/>

Бессарабский вопрос в 1917–1918 гг.: отношения Румынии, Бессарабии и Украины

Сергей Дегтярев ^{a, *}, Владислава Завгородняя ^a

^a Сумский государственный университет, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются отношения в 1917–1918 гг. между новообразовавшимися государствами – Румынией, Украинской державой и предпринимавшей попытки создать свою государственность Бессарабией. И Румыния, и Украина претендовали на бессарабские территории, что порождало дипломатический конфликт между ними, усугубляемый разными векторами внешней политики этих государств. Румыния ориентировалась на победившие в Первой мировой войне государства Антанты, которые поддерживали ее притязания на Бессарабию. Украина же в первую очередь делала ставку на помощь Германии, от которой находилась в значительной военно-политической зависимости. Бессарабские политические элиты предпринимали активные попытки «дать жизнь» Молдавской Республике, надеясь на помощь со стороны государств Антанты и Украины. Но в конечном результате политически слабая Бессарабия стала разменной монетой для государств-победителей в Первой мировой войне, утратив на долгое время независимость и возможность стать полноправным участником международных отношений. Такая же судьба постигла и Украину. Румыния же смогла остаться независимым государством, значительно расширив свои границы за счет ряда соседних государств, в том числе и Бессарабии.

В целом, в отношениях между Румынией, Украинской державой и Бессарабией в 1917–1918 гг. последняя, в силу ряда внутренних и внешних политических причин, не имела полноценной возможности отстаивать свои интересы. А Украина и Румыния, в принципе нуждаясь в поддержке друг друга, так и не смогли наладить эффективного взаимодействия между собой именно из-за нерешенности так называемого бессарабского вопроса.

Ключевые слова: Бессарабия, Сфатул Цэрий, Украинская держава, Румыния, международные отношения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С. Дегтярев),
v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (В. Завгородняя)